SIGILLVM ACADEMIAE HARVARDIANAE IN NOV · ANG ·
CHRISTO ET ECCLESIAE
VE RI TAS

R + W

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

СОРОКЪ-ВТОРОЙ ГОДЪ. — ТОМЪ II.

ГОДЪ LXXII. — ТОМЪ CDXVIII. — 1/14 МАРТА 1907.

ВѢСТНИКЪ
ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ — ПОЛИТИКИ — ЛИТЕРАТУРЫ

ДВѢСТИ-СОРОКЪ ЧЕТВЕРТЫЙ ТОМЪ

СОРОКЪ-ВТОРОЙ ГОДЪ

ТОМЪ II

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала: Васильевскій Островъ, 5-я линія, № 28.

Экспедиція журнала: Вас. Остр., Академич. переулокъ, № 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1907

3609

ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., 28.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО.

КНИГА 3-я. — МАРТЪ 1907.

стр.

„ДНЕВНИКЪ"

ГРАФА П. А. ВАЛУЕВА

1880-ый годъ.

Октябрь *).

3 октября. — Коммиссія прошеній. Вечеромъ, по желанію графа Лорисъ-Меликова—у него, съ 9-ти до ³/₄ 10-го часа. Онъ завтра ѣдетъ въ Ливадію съ Цесаревичемъ. Три или четыре недѣли онъ безъ всякой надобности лицемѣрилъ: разрѣшеніе ѣхать уже тогда было испрошено и получено черезъ Цесаревича, а еще въ прошлый вторникъ онъ меня увѣрялъ,—хотя, конечно, не увѣрилъ,—что онъ не ѣдетъ.

Впечатлѣнія сегодня не только прискорбныя, но жалкія. И побѣдитель Карса выходитъ въ Хлестаковы. Невообразимъ сумбуръ въ рѣчахъ и понятіяхъ, и все переплетено придворною стрункою. На столѣ разбросаны телеграммы отъ Высочайшихъ особъ; онъ ихъ прочитываетъ, вамъ на нихъ указываетъ; забалтывается до того, что говоритъ: „вотъ, я сейчасъ при васъ получу; онѣ обыкновенно въ этотъ часъ приходятъ" (textuel), ... ч. Отъ одного предмета—безпрерывные и безпорядочные ... къ другому. Все время видно, что онъ играетъ роль, ри-..., принаряжается маскараднымъ нарядомъ. И это побѣди-... Карса! Человѣкъ съ дѣйствительными качествами и достоин-

*) См. выше: февраль, стр. 449.

ствами! Человѣкъ, бывшій военнымъ и сохраняющій военныя чувства! Что изъ него сдѣлалъ дворцовый воздухъ! Не выдержалъ придворныхъ любезностей и ѳиміама пошлыхъ льстецовъ или эксплуататоровъ его вліянія!

Я не могу забыть зрѣлища, которымъ онъ меня подарилъ. Въ теченіе 3/4 часа рѣчь о всемъ возможномъ,—и ни одного толковаго, и ни одного *правдиваго* слова. Онъ все время колобродилъ и лгалъ. Печать, финансы, голодъ, желѣзныя дороги, солевозный трактъ, Ливадія, Государь, княгиня Юрьевская, Цесаревичъ, освященіе Петровскаго училища и какого-то фундамента при Георгіевской общинѣ, рѣчь священника, дождь, простуда, какое-то болѣніе,—не мѣшающее выѣзду, — принужденіе выѣхать, Кахановъ, Абаза, Грейгъ, Побѣдоносцевъ, Букеевская орда, пухнущіе отъ голода киргизы, ошибка саратовскаго губернатора по отпуску денегъ земству, головомойка ему, безотвѣтность Посьета, управляющій царскосельскою желѣзною дорогою Іолшинъ, какое-то происшествіе на пути съ вспыхнувшимъ на рельсахъ огнемъ подъ товарнымъ поѣздомъ, неудавшійся прежній подкопъ на Александровской станціи, разномысліе съ Бунге по желѣзнодорожному фонду, и проч., и проч. И все это въ 3/4 часа, при прочитываніи августѣйшихъ телеграммъ! Словно передо мною танцовалъ ученый медвѣженокъ пѣстунъ, или танцовала ученая птица! При всемъ томъ—лукавства много, но прозорливость посредственная. Замѣчанія изъ Ливадіи насчетъ печати щекотятъ и тревожатъ. Отправляясь въ путь туда, сочтено не лишнимъ взять съ собою на дорогу предостереженіе какой-нибудь газетѣ, и оно дано „Новому Времени“ за неприличную статью о министрѣ финансовъ. Главное управленіе по дѣламъ печати во всякомъ случаѣ родило доношеннаго ребенка; оно съ нимъ носилось 9 ть мѣсяцевъ. По этому поводу мнѣ пришлось выслушать повтореніе всего, что я уже слышалъ во вторникъ, и еще разъ убѣдиться, что свистъ армянскаго сокола не природный, а насвистанный лисою-Абазою свистъ, и что свистъ самого Абазы— не что иное, какъ сконцентрированный свистъ Краевскаго, Бильбасова, Суворина и tutti quanti.

Меня графъ Лор.-Меликовъ просилъ къ себѣ собственно для того, чтобы добыть затерянный или заложенный имъ текстъ Высочайшаго повелѣнія о томъ особомъ совѣщаніи по дѣламъ печати, въ которомъ я имѣю предсѣдательствовать. Теперь обнаруживаются по этой части особая заботливость и торопливость. Все по случаю разныхъ „изъ Ливадіи“ и „въ Ливадію“.

Я сказалъ, что прозорливость не по плечу лукавству. Явно,

что меня не жалуютъ, даже нѣсколько остерегаются или опасаются; но явно и то, что, не давая себѣ точнаго отчета о себѣ самомъ, не догадываются вполнѣ и о томъ, гдѣ и что̀ я вижу, и какую думу думаю.

8 октября.—Вчера—комитетъ министровъ. Пустое засѣданіе. Кахановъ уже занималъ мѣсто уѣхавшаго графа Лор.-Меликова. Фокусъ его отбытія разыгранъ, и при этомъ еще сочиненъ и исполненъ фокусъ особаго телеграфическаго донесенія Государю о предостереженіи, данномъ „Новому Времени“. Какое событіе! Самодержцу всероссійскому такъ необходимо было о немъ извѣститься по телеграфу! Dans tous ces manèges—немало пересола.

Сегодня кончилъ „Лорина“. Благодаря Бога довелъ до конца прерывавшуюся два раза трудную работу.

Плоды лживой и вредной системы нашихъ умиротворителей начинаютъ созрѣвать. Въ здѣшнемъ университетѣ начинаются новыя волненія между студентами.

10 октября.—Коммиссія прошеній. Третій день санный путь. Рано.

Ко мнѣ пріѣзжалъ князь Волконскій, попечитель учебнаго округа, явно для разсказа—въ видахъ личнаго огражденія на случай—того, что̀ происходитъ въ университетѣ. Оказывается, что новый министръ три дня уже торгуется со студентами. Разрѣшили открыть читальню; обѣщали столовую. Правила, изданныя въ прошломъ году, отчасти по *настоянію* графа Лор.-Меликова въ роли харьковскаго генералъ-губернатора, нынѣ пересматриваются, но не исполняются. Мы теперь далеко можемъ уйти по этому пути.

Былъ у меня возвратившійся министръ финансовъ. Именинникъ! Il est des gens qu'il est bien difficile d'épauler, ou de mettre en garde.

11 октября.—Выѣзжалъ утромъ. Былъ въ прежнемъ III-мъ отдѣленіи, у барона Веліо. Засталъ тамъ князя Волконскаго. Не подалъ вида, что онъ вчера былъ у меня.

13 октября.—Не былъ въ государственномъ совѣтѣ. Глупо бывать.

Слышалъ, что засѣданіе продолжалось приблизительно десять минутъ.

Говорятъ, что графъ Лорисъ-Меликовъ возвращается на будущей недѣлѣ. Если, что̀ вѣроятно, ему данъ consilium возвращенія, то—хорошій признакъ.

Здѣсь—прежняя неурядица въ верхнемъ этажѣ. Les locataires s'entendent peu dans les deux sens.

14 октября. — Комитетъ министровъ. Обѣдалъ у принца Ольденбургскаго.

Маковъ взволнованъ дошедшими до него разсказами о томъ, что будто бы извѣстная клика работаетъ надъ вопросомъ о возсоединеніи съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ министерства почтъ, и проч., и о замѣнѣ меня, въ комитетѣ министровъ, графомъ Лорисъ-Меликовымъ, съ соединеніемъ предсѣдательства со званіемъ министра внутреннихъ дѣлъ. Макову также сообщено, что замѣна Грейга Абазою—дѣло рѣшенное. Все это возможно и даже вѣроятно; но я не думаю, que toutes les poires soient mûres. Сабуровъ отправился въ Ливадію. Вѣроятно, для себяобѣленія.

17 октября. — Вчера Маковъ былъ у меня, для сообщенія телеграммъ, изъ которыхъ видно, что въ Ливадіи что-то готовится. Абаза телеграфировалъ Государю о полученіи какихъ-то бумагъ и о готовности выѣхать чрезъ три дня, а графу Лорисъ-Меликову (онъ теперь на пути сюда)—что полагаетъ съ нимъ видѣться до отъѣзда. По всей вѣроятности, дни Грейга сочтены. Въ „Новомъ Времени" напечатана загадочная замѣтка о какихъ-то въ Ливадіи утвержденныхъ шести докладахъ гр. Лорисъ-Меликова. Все это характеристично и напоминаетъ о Царьградѣ.

18 октября.—Судя по толкамъ изъ лагеря господствующей клики, судьба Грейга рѣшена. Даже Бунге, говорятъ, слетаетъ, чтобы на его мѣсто прыгнулъ famulus Домонтовичъ. Сегодня утромъ Michel I долженъ возвратиться. Вѣроятно, сегодня же что-нибудь опредѣлительно выяснится. До мая еще далеко; но мои предвидѣнія, кажется, оправдываются.

19 октября.—Графъ Лорисъ-Меликовъ прибылъ вчера. Юзефовичъ говорилъ князю Голицыну, что въ 1 ч. дня должно было состояться окончательное объясненіе между графомъ Лорисъ-Меликовымъ и Абазою. Грейгъ, котораго я вновь предупредилъ, былъ у меня въ 3 ч., и не вѣритъ еще, но встрево-

женъ. Въ сущности, онъ невозможенъ по неподатливости ума и самоувѣренности, болѣе или менѣе наивной; но процедура перемѣны, со стороны Michel I et son souffleur, непригожа. Получилъ отвѣтъ отъ Гирса. Несмотря на обычную сдержанность и мягкость, — въ письмѣ онъ говоритъ, qu'il a étudié l'homme, qu'il n'est pas un homme ordinaire, qu'il pourra même avoir été utile, mais qu'il faut éspérer que le météore ne sera pas de longue durée.

20 октября.—Вчера графъ Лорисъ-Меликовъ былъ у меня. Смѣсь „амбарраса“ и развязности. Передалъ отъ Государя порученіе спѣшить вопросомъ о печати и назначить Побѣдоносцева членомъ комитета министровъ. Говорилъ о разныхъ предметахъ, между прочимъ о злополучной, повидимому, яхтѣ „Ливадія“, которая, по его мнѣнію, можетъ обратиться въ быть или не быть для великаго князя генералъ-адмирала. Наконецъ, вставши, онъ проронилъ два слова о томъ, что Абаза въ тотъ же вечеръ уѣзжаетъ. — Куда? — спросилъ я добродушно. — „Въ Ливадію; Государь пожелалъ съ нимъ видѣться“.—Слѣдовательно, онъ принимаетъ? — „Это рѣшится въ Ливадіи“. Рѣшено здѣсь, подумалъ я, потому что поѣздка во всякомъ случаѣ рѣшаетъ судьбу нынѣшняго министра; но такъ какъ при сообщеніи мнѣ этого извѣстія не было никакихъ признаковъ откровенности, а только фразеологія о томъ, что моему сіятельству и проч. — такъ конфиденціально говорится,— то я продолжалъ разговоръ не тѣмъ, что̀ думалъ, а тѣмъ, что̀ по удобству приходилось. Наконецъ, графъ уѣхалъ, — и безъ казаковъ на этотъ разъ. Онъ, между прочимъ, сказалъ, въ отвѣтъ на мой вопросъ, когда объ этомъ сообщено Грейгу,—что у него былъ Абаза третьяго дня, а потомъ онъ самъ былъ у графа Лорисъ-Меликова.

Итакъ, свершилось. Бѣднаго Грейга жаль, въ виду формы паденія. Повторяю, что онъ былъ невозможнымъ министромъ финансовъ; но кто же его выбралъ и держалъ? И къ чему такая торопливость? Почему его не предупредили и не дали возможности, радѝ приличія, самому отпроситься? Въ особенности для него чувствительно то, что Государь, бывши такъ ласковъ къ нему лѣтомъ, его теперь такъ спустилъ чужими руками изъ Ливадіи, и что его cher ami Абаза, тихонько условившійся занять его мѣсто, заявилъ ему объ этомъ не ранѣе какъ наканунѣ отъѣзда въ Ливадію. Повторяю и то, что всѣ такіе пріемы—„константинопольскаго“ свойства.

21 октября.—Вчера—въ государственномъ совѣтѣ. Отъѣздъ Абазы произвелъ впечатлѣніе; но менѣе, нежели можно было предположить. Между канцелярскими головами преимущественно толки о доказываемой этимъ силѣ графа Лорисъ-Меликова. Заѣзжалъ къ нему для отданія визита. Въ его кабинетѣ впечатлѣніе вродѣ тогдашнихъ вечернихъ. У меня вечеромъ былъ Грейгъ. Весьма приличенъ, простъ, сердеченъ и добродушенъ, хотя у него вырвалось слово: „trahison". Изъ его словъ видно, что съ нимъ разыграна подобающая комедія. Абаза „avait l'air abîmé". Графъ Лорисъ-Меликовъ говорилъ ему, будто главнымъ дѣятелемъ въ призывѣ Абазы и т. д. былъ Цесаревичъ (?). Послѣ Грейга была Нелидова. Она говорила о pauvre ami на дорогѣ въ Ливадію и о возможности отклоненія имъ тяжкой ноши. Узкость горизонта Грейга и его неумѣнье давать себѣ точный отчетъ въ своемъ положеніи и себя самого правильно оцѣнивать—все-таки бросаются въ глаза.

22 октября.—Вчера—комитетъ министровъ. Грейгъ присутствовалъ и былъ—по attitude—великолѣпенъ, по высказаннымъ сужденіямъ о продовольственномъ кризисѣ—на обычномъ, упрямо низкомъ уровнѣ. Жалѣть о его уходѣ невозможно. Графъ Лорисъ-Меликовъ, по тому же вопросу, разсудителенъ, но опять явно неумѣлъ. Около него роятся нѣкоторые члены съ такимъ усердіемъ, что роль временщика ему усвоивается ими болѣе, нежели имъ самимъ.

Мои ощущенія постоянно соотвѣтствуютъ словамъ: gliding down, раствореніе, разложеніе, приниженіе, effondrement.

О яхтѣ „Ливадія" дурныя вѣсти. Плохо приходится великому князю генералъ-адмиралу.

Былъ у Макова. Онъ боленъ флюсомъ, физически, и своею déchéance—нравственно.

24 октября.—Вчера, у меня,—предварительное совѣщаніе по дѣлу о печати. Графъ Лорисъ-Меликовъ, Н. Абаза и, подъ конецъ, Кахановъ. Трудно вообразить апломбъ и себялюбіе графа Лорисъ-Меликова, рядомъ съ полунаивною неумѣлостью. Ему во что бы то ни стало хочется избавиться отъ дѣла съ печатью: подъ фирмою законности онъ желаетъ все передать министерству юстиціи и подчинить судебному вѣдомству, причемъ даже и въ отношеніи къ формамъ суда нѣтъ ни одной правильно установившейся мысли и даже ни одного яснаго понятія. Онъ, очевидно, насвистанъ Абазою и воображаетъ, что самъ—авторъ мелодіи и поетъ ее какъ хитрый артистъ.

О яхтѣ „Ливадія“ получены самыя неблагопріятныя вѣсти частнымъ путемъ. Великій князь генералъ-адмиралъ—въ большомъ затрудненіи. Сидѣть тамъ, въ Ферролѣ, и каботажно идти далѣе при хорошей погодѣ, или ѣхать обратно съ повинною. Finis Popovianae! Конецъ, вѣроятно, и самого „Кости“, по части государственнаго значенія и вреда.

25 октября.—Вчера былъ у меня Н. Абаза. Pfifficus низкаго покроя. Выдерживаю со всей кликой мою трудную роль. Написалъ Каханову конфиденціальную записку, которой копію у себя оставилъ. Былъ въ коммиссіи прошеній.

Признаюсь, что беззастѣнчивое самъ себѣ на умѣ и о себѣ одномъ забота со стороны Michel I превосходитъ мои ожиданія.

26 октября.—Вчера цѣлый день дома. У меня былъ Адикаевскій, изъ управленія печати. Странно, что при всей очевидной недобросовѣстности и недоброжелательности, чтобы не сказать болѣе, его патроновъ ко мнѣ, они очень осторожны и въ конечномъ результатѣ мало увѣрены. Продолжаютъ распространять на всѣ лады слухи о моемъ уходѣ; но, кажется, сами тому не вѣрятъ. Между тѣмъ, уже поторопились напечатать въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ о началѣ нашихъ совѣщаній. Все та же система барабанной рекламы.

27 октября.—Вчера—у обѣдни. Позже не выѣзжалъ. Пытаюсь приняться за новую работу.

У меня были Тимашевъ, вернувшійся изъ отпуска, и Кахановъ, вслѣдствіе моей записки. Замѣчательно мало заботы собственно о дѣлѣ печати, и замѣчательно много—объ отношеніи министерства внутреннихъ дѣлъ къ этому дѣлу.

Въ субботу начался большой политическаго свойства процессъ о разныхъ покушеніяхъ на жизнь Государя (2-го апрѣля, 19-го ноября, 5-го февраля) и другихъ крамолахъ.

28 октября. — Вчера выѣзжалъ утромъ. Былъ у принца Ольденбургскаго, чтобы избавиться отъ званія соучредителя въ его „Обществѣ международнаго права“. Ко мнѣ пріѣзжалъ графъ Лорисъ-Меликовъ. Не совсѣмъ понимаю причину визита и разные épanchements дружелюбнаго свойства. Все бранитъ печать, но не дѣйствуетъ. Говорилъ о политическомъ процессѣ. Считаетъ нѣкоторыя казни необходимыми; но баронъ Веліо—другого мнѣнія, по его словамъ. Онъ будто находитъ, что преступленія

принадлежатъ къ другому времени, т.-е., вѣроятно, до avénement режима замиренія. Графъ Лорисъ-Меликовъ ничего не сказалъ объ Абазѣ, а между тѣмъ я знаю, черезъ Макова, что онъ получилъ отъ него телеграмму, и что указъ объ Абазѣ подписанъ. Вечеромъ былъ Грейгъ, который ничего не знаетъ и къ Государю ничего о себѣ не писалъ. Графъ Лорисъ-Меликовъ настоялъ, чтобы я телеграфировалъ Государю отъ себя о назначеніи Каханова и оставленіи Макова членами совѣщанія по дѣламъ печати.

Яхта „Ливадія“ окончательно оставляется въ Ферролѣ до „греческихъ календъ“. Великій князь генералъ-адмиралъ возвращается сушью. На этотъ разъ, кажется, конецъ Константиновскому режиму.

29 октября.—Вчера—комитетъ министровъ. Указъ о назначеніи Абазы подписанъ, какъ видно изъ сообщенной мнѣ графомъ Лорисъ-Меликовымъ Высочайшей телеграммы, 27-го числа. Грейгу оффиціальнаго увѣдомленія не было; но по его лицу мнѣ вчера показалось, что онъ получилъ извѣщеніе отъ Абазы. Во всякомъ случаѣ странный пріемъ. Видѣлъ вернувшагося изъ Ливадіи Сабурова. По лицу не угадаешь, что̀ тамъ съ нимъ было. Пріѣзжалъ князь Ливенъ. Nerveux.

30 октября.—Вчера первое засѣданіе совѣщанія по дѣламъ печати. Записка Н. Абазы до наглости извращаетъ положеніе дѣла. Но все предрѣшено въ понятіяхъ графа Лорисъ-Меликова. Насколько онъ искрененъ, не разгадываю. Тезисъ судебнаго преслѣдованія и отслоненія министерства внутреннихъ дѣлъ отъ непріятной обязанности сдерживать печать поставленъ такъ, что онъ непремѣнно долженъ одержать верхъ. Впрочемъ, дѣйствующій законъ отмѣненъ уже de facto, ибо министерство внутреннихъ дѣлъ его не примѣняетъ. Слѣдовательно, не будетъ бѣды въ его отмѣнѣ de jure. Я воздержался, на первый разъ, отъ всякой аргументаціи, и только изложилъ, въ вступительной рѣчи, очеркъ хода дѣлъ печати съ 1861 года. Князь Урусовъ и Побѣдоносцевъ видятъ, въ чемъ дѣло, и ужасаются, но противиться не могутъ или не рѣшаются. Маковъ связанъ, отчасти, своимъ собственнымъ неудачнымъ прошедшимъ и щекотливостью нынѣшняго положенія. Фришъ не можетъ не говорить за юстицію. Кахановъ и Сабуровъ вторятъ министру внутреннихъ дѣлъ. Когда подъѣдетъ Абаза, то и онъ будетъ рѣшительно тянуть въ ту же сторону. Alea jacta. Но не надолго, вообще, нынѣшній правительственный строй! Остается—cura pro domo sua.

31 октября.—Ночью состоялся приговоръ по политическому процессу. Вчера по этому поводу пріѣзжалъ графъ Лорисъ-Меликовъ. Вопросъ о смертныхъ казняхъ его тревожитъ. Генералъ Костанда, конфирмующій приговоръ, и баронъ Веліо, присутствовавшій при всѣхъ засѣданіяхъ—противъ казней. Самому графу Лорисъ-Меликову также ихъ не хочется; но онъ опасается истолкованія ихъ отмѣны, особенно въ Ливадіи. Сильное колебаніе видно изъ вторичнаго по этому поводу визита. На мой взглядъ, ему высказанный, одинъ Прѣсняковъ составляетъ затрудненіе. Государю можно миловать за себя; но удобно ли миловать убійцъ его слугъ? Прѣсняковъ убилъ человѣка при арестѣ.

Не выѣзжалъ вчера, кромѣ вечера. Читалъ у Сольскихъ конецъ „Лорина“.

Ноябрь.

1 ноября.—Вчера—коммиссія прошеній. Былъ въ Николаевскомъ институтѣ. Вечеромъ заѣзжалъ Грейгъ. Онъ все еще безъ оффиціальной вѣсти о своемъ увольненіи, хотя Абаза телеграфировалъ ему о томъ въ условныхъ выраженіяхъ, а товарищу министра, Бунге, оффиціально. Князь Лобановъ спрашиваетъ меня, изъ Лондона, правда ли, что я назначаюсь на его мѣсто?! Вотъ до чего мы дошли. Вѣримъ всему и ничему не вѣримъ.

3 ноября. — Выѣзжалъ вчера для разныхъ визитовъ. Указы объ увольненіи Грейга и назначеніи Абазы вчера напечатаны въ „Правительственномъ Вѣстникѣ". Грейгъ заѣзжалъ утромъ. Продолжаетъ держать себя съ большимъ достоинствомъ. Абаза пріѣхалъ. По словамъ Макова, въ числѣ поставленныхъ имъ „условій", будто бы, значилось какое-то подчиненіе ему государственныхъ имуществъ и путей сообщенія.

4 ноября.—Вчера былъ въ государственномъ совѣтѣ. Графъ Лорисъ-Меликовъ сообщилъ, что помилованія (т.-е. коммутаціи), относительно двухъ осужденныхъ, Квятковскаго и Прѣснякова, не послѣдовало. Первый изъ нихъ признанъ соучастникомъ взрыва 5-го февраля, и потому подходящимъ подъ мотивъ, мною обозначенный для второго. Графу Лорисъ-Меликову этого очевидно не хотѣлось, и онъ, въ своей телеграммѣ въ двѣ тысячи словъ, положился, какъ мнѣ сказалъ, на „мудрость" Государя.

5 ноября. — Приговоръ исполненъ, въ крѣпости, вчера, въ 8 ч. утра.

Былъ въ комитетѣ министровъ. Видѣлъ новаго министра финансовъ. Странно, но онъ, очевидно, тѣшится тѣмъ, что онъ—министръ. При этомъ мнѣ показалось, что твердыхъ идей, по финансовой части, нѣтъ, и, слѣдовательно, внутреннее настроеніе—„амбаррасъ"; но внѣшняя вывѣска—сознаніе трудности принятой на себя *съ самоотверженіемъ* задачи.

Оказывается, что между двумя конфедератами улетучилась на время идея о рескриптѣ или какомъ-нибудь другомъ знакѣ вниманія Грейгу. Графъ Лорисъ-Меликовъ поручилъ Абазѣ о томъ сказать въ Ливадіи; но Абаза думалъ, что графъ Лорисъ-Меликовъ напишетъ къ Государю. Ни того, ни другого, при исключительно личныхъ преоккупаціяхъ не случилось. Вчера графъ Лорисъ-Меликовъ разсудилъ мнѣ о томъ сообщить, и даже снизошелъ посовѣтоваться, какъ поправить, по телеграфу ли, или дождавшись своей предстоящей новой поѣздки въ Ливадію. Онъ хотѣлъ просить Абазу спросить Грейга, что онъ предпочитаетъ?!

6 ноября. — Вчера не выѣзжалъ. Происходило, въ моей библіотекѣ, засѣданіе особаго совѣщанія по дѣламъ печати, съ приглашеніемъ, для выслушанія gravamina et desiderata, семи представителей журналистики, гг. Стасюлевича, Краевскаго, Салтыкова, Гилярова-Платонова, Суворина, Полетики и Комарова. Обошлось чинно. Длинную, но блѣдную рѣчь изъ общихъ мѣстъ сказалъ Стасюлевичъ. Замѣчательно, для опредѣленія уровня оцѣнокъ, что члены совѣщанія ею были довольны. Претензіи высказаны — извѣстныя. Послѣ ухода приглашенныхъ „публицистовъ“ — пространный обмѣнъ мнѣній между членами совѣщанія, кромѣ меня. Я воспользовался позднимъ часомъ, чтобы резервировать изложеніе оттѣнковъ моего взгляда, и предстоящимъ отъѣздомъ графа Лорисъ-Меликова въ Ливадію, чтобы отодвинуть движеніе дѣла по существу до возвращенія Государя, предложивъ между тѣмъ возложить на меня, при содѣйствіи князя Урусова, Фриша и Н. Абазы, составленіе перваго наброска желаемыхъ новыхъ общихъ началъ. Хотя и учрежденіе совѣщанія, и приглашеніе представителей печати состоялись по моей инициативѣ, — я веду дѣло совсѣмъ иначе, чѣмъ предполагалъ его вести въ іюлѣ. Оказалось, что при данныхъ условіяхъ полная свобода печати предрѣшена. Остается изыскивать способы и средства сдѣлать ее по возможности менѣе вредною. Еще вчера министръ внутреннихъ дѣлъ говорилъ фразы вродѣ того, что „печать необходима какъ воздухъ“, и что при новыхъ законахъ и помощи суда журналисты будутъ сидѣть въ „кутузкахъ“ и ходить въ „сибиркахъ“. Новый министръ финансовъ говорилъ объ „обществѣ“ и „законности“ какъ журналистъ. Начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати — за-одно съ публицистами. Кахановъ — адъютантъ графа Лорисъ-Меликова, но смышленый и осторожный. Сабуровъ тянетъ въ ту же сторону. Побѣдоносцевъ — русскій китаецъ. Князь Урусовъ еще вѣритъ въ пользу „внушеній“, но

оппонировать не можетъ. Остаются Маковъ, Фришъ и я, съ дифференціалами. Только въ дифференціалахъ теперь и можетъ быть дѣло.

8 ноября.—Третьяго дня заѣзжалъ къ графу Лорисъ-Меликову по случаю годовщины Карса. Былъ свидѣтелемъ трогательной семейной сцены. Младшая дочь, три мѣсяца не владѣвшая ногами, вдругъ встала съ постели, и мать вошла въ кабинетъ отца, чтобы ему сказать: „Соня ходитъ!"

Узналъ отъ графа Лорисъ-Меликова, что вскорѣ появится указъ объ отмѣнѣ соляного акциза. Das war der Kern des Abazaschen Pudels. Совершенно въ духѣ системы. Желаю успѣха.

Вчера—коммиссія прошеній. Въ честь годовщины 1824 года вода поднялась выше колецъ, но потомъ быстро спала.

На дняхъ принялся за переписку моего „Дневника" съ 1869 года.

10 ноября. — Ни въ субботу, ни въ воскресенье не выѣзжалъ; только былъ вчера у обѣдни. Нездоровится. Мысль о внезапной кончинѣ меня тревожитъ. Привожу бумаги въ порядокъ, чтобы въ такомъ случаѣ домашніе могли ими безъ затрудненія распорядиться.

Общій ходъ дѣлъ до того подъ гору, что надобности во мнѣ, насколько могу судить, не предвидится. Слѣдовательно, Богу можетъ быть угоднымъ сохранить меня только для домашнихъ.

По продовольственной части, распоряженія графа Л.-Меликова—на уровнѣ чина поручика, если не корнета. Онъ говорилъ здѣшнимъ главнымъ хлѣботорговцамъ въ тонѣ паши, угрожалъ высылкою, упоминалъ, какъ сказываютъ, о Мурманскомъ берегѣ,—и все это при современномъ разнузданіи прессы и толкахъ о законности, объ успокоеніи, умиротвореніи, и проч.

Вчера онъ былъ у меня, послѣ визита пріѣхавшему великому князю генералъ-адмиралу, который говоритъ о всемъ возможномъ, кромѣ яхты „Ливадія".

Сегодня должны прибыть Цесаревичъ и Цесаревна. Завтра Michel I выѣзжаетъ въ Ливадію, для сопровожденія Государя, который ожидается 21-го, чтобы быть на панихидѣ 22-го числа.

11 ноября.—Не выѣзжалъ вчера. Были Маковъ, кн. Ливенъ, Набоковъ и Н. Абаза. Набоковъ поспѣшилъ возвращеніемъ при извѣстіи о Грейгѣ. Ему невольно думается, что онъ на очереди. Н. Абаза чуть-чуть не вывелъ меня изъ терпѣнія своими почти наглыми разглагольствованіями.

Привелъ нѣкоторыя дѣла въ порядокъ и написалъ, на случай внезапнаго конца, нѣкоторыя указанія и просьбы.

12 ноября.—Вчера—комитеты министровъ и кавказскій. Министръ внутреннихъ дѣлъ продолжаетъ весьма неумѣло заниматься продовольственнымъ вопросомъ. Самарское земство просило 5 милл. рублей ссуды. Министерство испрашивало 1 милліонъ. Я спросилъ: указано ли было земствомъ, гдѣ оно собиралось купить хлѣба на 5 милліоновъ?—Министру внутреннихъ дѣлъ этотъ вопросъ не приходилъ на умъ.

Заѣзжалъ къ гр. Л.-Меликову, который вчера же уѣхалъ въ Ливадію. Часто приходитъ на мысль: Quos Deus perdere vult—dementat.

Снова появились листки подпольной печати разныхъ видовъ. Гг. Суворинъ и Краевскій не умиротворили.

15 ноября. — Вчера, по случаю дня рожденія Цесаревны, утромъ—въ Аничковомъ дворцѣ. Людно. Цесаревичъ имѣлъ любезное выраженіе лица. Абаза и Кахановъ имѣли видъ „людей въ случаѣ“, Побѣдоносцевъ—видъ себя считающаго домашнимъ.

Обѣдалъ съ женою у великой княгини Екатерины Михаиловны. Передъ обѣдомъ заходилъ къ Грейгу. Видѣлъ все семейство. Грейгъ теперь уже знаетъ о томъ, чтò онъ называетъ продолженіемъ feu d'artifice, т.-е. о предстоящемъ, будто бы на 23-е число, указѣ объ отмѣнѣ акциза на соль. 23-е число само по себѣ, если Александръ Абаза именинникъ, вродѣ ракеты.

18 ноября. — Вчера—въ государственномъ совѣтѣ. Видѣлъ встрѣчу гр. Толстого съ Абазою. Просились въ „Kladderadatsch“ или „Charivaris“. *Т.*: „Il n'y a pas de quoi vous féliciter“ (sourire jaune). — *А.*: „Je le crois bien. Par ce temps votre collet est plus agréable que le mien“ (joie gonflante, sortant par tous les pores). Урусовъ сказалъ мнѣ: „Il me semble que nous autres nous faisons l'effet de ministres de Napoléon III, devenus suspects sous la république“. Я замѣтилъ, que nous avions même sauté pardessus m. Ollivier.

20 ноября. — Третьяго дня — комитеты министровъ и кавказскій.

Вчера—цѣлый день дома. Почти въ одно время писалъ три разныхъ писанія: записку принцу Ольденбургскому о бар. Корфѣ, статью для „Отголосковъ“ и мою новую повѣсть: „У Покрова

въ Лёвшинѣ". Вечеромъ началъ чтеніе моего романа „Лоринъ" для графини Клейнмихель, Дурновыхъ и двухъ или трехъ другихъ слушателей.

22 ноября. — Вчера былъ только у обѣдни; потомъ не выходилъ и не выѣзжалъ. Государь возвратился въ 10 час. утра. Обычный конвой кавалерійскихъ офицеровъ былъ заказанъ. Въ городѣ много толковъ о томъ, ка̀къ и что̀ соблюдать, въ société, относительно княгини Юрьевской.

24 ноября. — Вчера напечатанъ въ „Правительственномъ Вѣстникѣ" указъ сенату объ отмѣнѣ акциза съ соли. Указъ — въ тонѣ манифеста, съ печатью безграмотности, въ фразѣ о призываніи благословенія „на возлагаемые труды", и съ странною помѣсью упоминовенія о Богѣ, о бѣднѣйшихъ классахъ и о скотоводствѣ! Все это учинено безъ всякаго соблюденія обычнаго порядка обсужденія такихъ мѣръ и какъ-то пріурочено ко дню св. Александра Невскаго. Дебютъ новаго министра финансовъ не блистателенъ. Жалко.

Былъ вчера у обѣдни во дворцѣ, чтобы заурянымъ способомъ видѣть Государя. Онъ былъ чрезвычайно ласковъ и привѣтливъ, и послѣ завтрака призвалъ въ свой кабинетъ. Сначала была рѣчь о дѣлахъ, о соли, печати, о соціалистическихъ движеніяхъ; но это, очевидно, было предисловіемъ. Потомъ Государь заявилъ о своемъ бракѣ и при этомъ сказалъ, что княгиня Юрьевская питаетъ особыя чувства симпатіи и уваженія ко мнѣ, что эти чувства основаны на томъ, что̀ о мнѣ ей говорилъ Государь, и что она нѣсколько разъ освѣдомлялась, объяснялся ли Государь со мною о ней, потому что желала, чтобы мнѣ было поручено попечительство или попеченіе о ея дѣтяхъ.

Въ теченіе дня у меня были Грейгъ и Гирсъ. Объясненіе Государя съ первымъ было довольно безцвѣтно, хотя очень дружелюбно. Государь, очевидно, не сознаетъ значенія деталей того, что̀ произошло съ Грейгомъ. Гирсъ, при всей своей сдержанности, самымъ недружелюбнымъ образомъ отзывается о вліяніи и продѣлкахъ гр. Л.-Меликова. Ma position personnelle se complique.

Примѣчаніе № 29. — Разговоръ о дѣтяхъ княгини Юрьевской, къ счастію, никогда не возобновлялся. Думаю, что гр. Л.-Меликовъ, который, по возвращеніи Государя, проводилъ у княгини почти ежедневно по нѣскольку часовъ, не отнесся доброжелательно къ мысли объ установленіи какихъ-либо близкихъ между

морганатическою четою и мною отношеній. Онъ, конечно, не предусматривалъ 1-е марта. Между тѣмъ, для меня какія бы то ни были отношенія къ княгинѣ Юрьевской были бы, послѣ 1-го марта, крайне неудобными. *(С.-Пбгъ 30 декабря 1881 г.)*

26 ноября.—Третьяго дня—нѣсколько екатерининскихъ поѣздокъ. Потомъ заѣзжалъ къ Рылѣеву, по случаю того, что Государь мнѣ сказалъ объ опасной болѣзни дочери. До странности откровенный съ нимъ разговоръ. Онъ боится оглашенія брака, говоритъ, что другіе на томъ настаиваютъ, что княгиня никогда не имѣла и не имѣетъ желанія se mettre en évidence, но что другіе подбиваютъ, что, между прочимъ, ея честолюбивая сестра, княгиня Мещерская, дѣятельна въ этомъ смыслѣ, будто бы по наущенію гр. Шувалова и г-жи Бобринской, и т. п.

Вчера—комитетъ министровъ. Блѣдный Абаза уже не смотритъ именинникомъ, но pompeux и говоритъ попрежнему ore rotundo.

28 ноября.—Третьяго дня—георгіевскій выходъ. Былъ во дворцѣ на этотъ разъ. Болѣе и болѣе unreal.

Вчера обѣдалъ у принца Ольденбургскаго, въ честь великаго герцога Ольденбургскаго, прибывшаго сюда къ юбилею принца. Видѣлъ военнаго министра, который заѣзжалъ ко мнѣ утромъ. Air malcontent, и въ особенности по отношенію къ морганатическому событію. Графъ Адлербергъ, при всей своей сдержанности, въ разговорѣ у принца,—конечно, со мною однимъ,—назвалъ это событіе: capo d'opera. Во дворцѣ—разговоръ съ генераломъ Вердеромъ. Тѣ же впечатлѣнія. „Der Kaiser hat mir manchmal unendlich Leid gethan“, и т. п. Онъ сказалъ про г.-ад. Рылѣева: „der kleinlichste Mensch den ich je gesehen“.

30 ноября.—Третьяго дня—коммиссія прошеній. Заѣзжалъ къ Michel I. Чрезвычайно привѣтливъ. Видѣлъ тамъ гр. Воронцова, Каханова, Черевина. Что-то unheimlich.

Вчера обѣдалъ у герцога и герцогини Лейхтенбергскихъ. Все въ честь великаго герцога Ольденбургскаго. Все отлично,—подворцовски. Въ первый разъ встрѣтился съ m me Weiss. Вспомнилъ о Баденѣ.

Передъ обѣдомъ заѣзжалъ ко мнѣ принцъ Петръ Георгіевичъ. Г-жа Шостакъ перепортила бѣдному кн. Голицыну все дѣло (о поступленіи на мѣсто бар. Корфа). Что̀ сдѣлаю самъ, еще не рѣшилъ.

Декабрь.

2 декабря. — Вчера—юбилей принца Ольденбургскаго. Описаніе въ газетахъ.

Дѣло кн. Голицына приводитъ къ прекращенію моихъ отношеній къ Николаевскому институту. Невообразимо, сколько и при этомъ случаѣ обнаружилось разной лжи и кривотолковъ.

3 декабря. — Вчера—комитетъ министровъ. Пятнадцати-минутное засѣданіе. Заѣхалъ къ гр. Л.-Меликову по его желанію. Кн. Голицынъ его поднялъ и вообразилъ, что по дѣламъ института я стану подъ защиту Michel I. Конечно, отклонилъ приличнымъ образомъ. Вечеромъ—на музыкальномъ вечерѣ у принца Ольденбургскаго. Около 30° тепла и стольких же—скуки. Добрѣйшій принцъ! Какъ у насъ все какъ-то выходитъ неудачно! Его главное дѣло—училище правовѣдѣнія. Считали, что изъ него вышли 53 сенатора (кажется, наличныхъ). Но что за сенаторы! Подъ добрымъ крыломъ принца угнѣздился затхлый духъ между правовѣдами и лицеистами. Наше правительство выкроило себѣ армію воспитанныхъ по мелкому шаблону чиновниковъ. Напрасно. Оно ими думало отдѣлаться отъ сословій, массъ и отъ самобытно развивавшихся отдѣльныхъ силъ. Противъ него же обратилось и большинство его шаблонныхъ созданій.

Вчера еще нѣсколько разъ подмѣчалъ, какъ люди лгутъ, и даже безъ надобности.

5 декабря. — Третьяго дня обѣдалъ у Государя. Княгиня Юрьевская и двое дѣтей были къ столу. Государь представилъ княгинѣ меня и бывшаго со мной кн. Урусова. Третій гость, гр. Н. Адлербергъ, уже былъ прежде представленъ. Впечатлѣніе — печальное. Не по одной ассоціаціи идей и воспоминаній, но и — per se. Видны, съ одной стороны, послѣдствія долгаго полузатворничества и полуотчужденія отъ свѣта, съ другой—слѣды привычки, притупляющей впечатлительность, и по-

слѣдствія рѣшимости не давать себѣ яснаго отчета въ свойствѣ созданнаго положенія. Прискорбно на обѣ стороны.

Вечеромъ на нѣсколько минутъ—на раутѣ у пр. Ольденбургскаго. Потомъ—дальнѣйшее чтеніе „Лорина“ у насъ. Новые слушатели,—кн. Святополкъ-Мирскій и кн. И. М. Голицынъ.

Вчера—совѣщаніе у Цесаревича по вопросу объ указахъ сенату о бракѣ Государя и узаконеніи дѣтей. Государь, за обѣдомъ, меня о томъ предупредилъ. Участвовали: гр. Адлербергъ, гр. Лорисъ-Меликовъ, кн. Урусовъ, Набоковъ и я. Обычная мелочность и нерѣшительность. При совершенно неправильныхъ данныхъ правильныя формы невозможны, и стараніе пріискивать прецеденты и статьи законовъ для случая безъ прецедентовъ и внѣ всякаго законнаго порядка—совершенно праздное занятіе. Пришли, пока, къ заключенію не измѣнять проектовъ указовъ, самимъ Государемъ первоначально начертанныхъ. Вечеромъ фельдъегерь меня извѣстилъ, что на завтра мы призываемся къ Государю. Тогда вопросъ рѣшится окончательно.

6 декабря.—Онъ и рѣшился. Государь одобрилъ наши заключенія, прочиталъ всѣмъ намъ, въ видѣ объясненія своихъ мотивовъ, письмо къ королевѣ Ольгѣ, въ которомъ онъ извѣщалъ ее о своемъ бракѣ, и пояснилъ пребываніе княгини Юрьевской во дворцѣ, въ Ливадіи, полученными ею угрожающими письмами. Затѣмъ Государь, въ нашемъ присутствіи, перекрестясь, подписалъ два указа сенату, одинъ о своемъ бракѣ и возведеніи супруги и всѣхъ дѣтей,—глухо,—въ княжеское достоинство съ титуломъ свѣтлости, а другой,—съ поименованіемъ наличныхъ дѣтей,—о ихъ узаконеніи. Оба указа будутъ заслушаны въ сенатѣ, но далѣе не оглашены, первый—до усмотрѣнія, второй—никогда. Замѣчательно довѣрчиво и тепло отношеніе Государя къ Цесаревичу.

7 декабря.—Вчера выѣзжалъ днемъ, для отданія визитовъ. Странную кашу варитъ князь Ливенъ въ министерствѣ государственныхъ имуществъ.

Забылъ отмѣтить, что третьяго дня князь Урусовъ и я сдѣлали визитъ княгинѣ Юрьевской, но не видали ее, потому что у нея былъ окулистъ графъ Магавли. La maison privée a l'air bien montée et tenue, mais sans aucun faste.

Въ Москвѣ—студенческіе безпорядки. Ихъ слѣдовало ожидать. Сомнѣваюсь, однако, чтобы отрезвленіе отъ армянскаго михаелизма могло уже начаться.

Вчера у меня совѣщаніе по дѣламъ печати; князь Урусовъ, Абаза и Фришъ.

9 декабря.—Въ воскресенье былъ (въ первый разъ) въ думѣ ордена св. Владиміра. Отжившее учрежденіе. Видно, что когда-то оно могло быть почтеннымъ и почитаемымъ. Теперь ни къ чему почтенія нѣтъ,—развѣ къ ѳиміамщикамъ.

Вчера—государственный совѣтъ. Обѣдалъ у Государя. Князь Урусовъ, Набоковъ, Тимашевъ (дежурный генералъ-адъютантъ), графиня Мойра и я. Обѣдалъ и цѣлое après-diner сидѣлъ подлѣ княгини Юрьевской. Тѣ же впечатлѣнія, что и въ первый разъ. Она сама подтвердила мнѣ сказанное Государемъ о ея давнишнемъ расположеніи ко мнѣ, наивно прибавивъ, что она съ перваго взгляда дѣлаетъ себѣ о людяхъ вѣрное понятіе.

У меня былъ Маковъ. Michel I не безъ ехидности жалуется на передачу по телеграфу неудобныхъ депешъ (но молчитъ о гораздо болѣе неудобной прессѣ!), т.-е., онъ, видно, о томъ пожаловался Государю. Маковъ задѣтъ за живое. Вообще,—imbroglio perfetto. Въ московскомъ университетѣ прекратили чтеніе лекцій. Коротвоумый Сабуровъ-Сумбуровъ тѣмъ не менѣе расхаживаетъ именинникомъ, а графъ Лорисъ-Меликовъ называетъ московскія смуты „домашними дрязгами".

13 декабря.—Событій не было. Развѣ поѣздка Государя въ Лисино, гдѣ на охотѣ опять подстрѣлили человѣка, и базаръ у великой княгини Екатерины Михаиловны. Общее положеніе жалкое.

Вчера былъ въ коммиссіи прошеній и въ опекунскомъ совѣтѣ. Передъ тѣмъ ко мнѣ заѣзжалъ графъ Лорисъ-Меликовъ.—Эолова арфа, Фингалова пещера!

14 декабря.—Вчера вечеромъ—въ Николаевскомъ институтѣ. Представленіе „Esther" во французскомъ классѣ. Вѣроятно, мой предпослѣдній визитъ институту.

Къ характеристикамъ нынѣшняго положенія дѣлъ принадлежитъ слѣдующая черта. Графъ Лорисъ-Меликовъ, какъ министръ внутреннихъ дѣлъ, менѣе виденъ, нежели былъ на виду генералъ-адъютантъ Тимашевъ. Этого довольно. Его роль—исключительно роль „ближняго боярина"; но и въ этой роли болѣе костюма, чѣмъ текста.

17 декабря.—Былъ, 14-го числа, въ владимірской орденской думѣ, потомъ на базарѣ у великой княгини Екатерины Михаиловны.

Въ понедѣльникъ, 15-го, государственный совѣтъ и особое присутствіе по воинской повинности. Въ совѣтѣ прошли, безъ одного слова со стороны министра финансовъ, его предложенія о возвышеніи таможенныхъ пошлинъ. Не критикую. Значитъ, онъ не хотѣлъ позировать,—чтò всегда похвально. Въ воинскомъ присутствіи графъ Шуваловъ опять обнаружилъ, до какой степени онъ измельчалъ умственно. Говорилъ безъ надобности, долго, привязчиво къ мелочамъ и притомъ почти безтолково.

Вчера—комитеты министровъ, кавказскій и польскій. Въ первомъ—министръ финансовъ былъ дѣйствительно министромъ, чтò я съ удовольствіемъ отмѣчаю. Въ послѣднемъ,—по обыкновенію, почти всѣ члены были жалки. Замѣчательна грубость интонаціи и всѣхъ соображеній Макова. Клиномъ сходится міръ на нашей оффиціальной почвѣ. Я постоянно ощущаю, что я въ полной мѣрѣ чужой.

19 декабря.—Третьяго дня Цесаревна была въ Николаевскомъ и Александринскомъ институтахъ. Въ числѣ прочихъ honoratiores, съ принцемъ Ольденбургскимъ во главѣ, я имѣлъ честь принять ея высочество, а затѣмъ, вчера, я отправилъ по принадлежности просьбу объ увольненіи отъ завѣдыванія институтами и объяснительное письмо къ секретарю Цесаревны Оому.

Вчера же засѣданіе особаго совѣщанія по дѣлу о вѣнскомъ arrangement préliminaire съ кардиналомъ Якобини и о его послѣдствіяхъ: Убри, Гирсъ, бар. Жомини, кн. Урусовъ, гр. Лорисъ-Меликовъ, Набоковъ, Маковъ, Альбединскій, Побѣдоносцевъ и я (гр. Милютинъ, по болѣзни, не былъ). Tenaient la plume: Мосоловъ и Бутеневъ. Говорятъ, что я отлично отпредсѣдательствовалъ. Все прошло,—по весьма хорошо составленнымъ предположеніямъ Макова-Мосолова. Но какое представленіе съ государственной, психологической и юмористической точки зрѣнія! Какая робкая мелочность со стороны кн. Урусова! Какая китайско-приказная дикость со стороны Побѣдоносцева! Кн. Урусовъ насъ задержалъ на пять минутъ вопросомъ: не слишкомъ ли большая уступка въ употребленіи слова „négociations“ вмѣсто „pourparlers“? Побѣдоносцевъ находилъ, что семнадцатилѣтнее заточеніе католическихъ епископовъ ничего не значитъ въ сравненіи съ ихъ провинностями, и сказалъ: „Богъ съ ней, съ Европой“! Voilà le cri de son cœur! Гр. Лорисъ-Меликовъ былъ весьма приличенъ. Маковъ, къ сожалѣнію, по обычаю—грубоватъ въ соображеніяхъ, и если не грубъ въ выраженіяхъ, то по невозможной, извозчичьей грубости интонаціи и

несдержанности прерывающагося при всякомъ аффектѣ голоса— былъ постояннымъ обличителемъ своей министерской необразованности. Набоковъ, какъ всегда, немного pomposus. Замѣчательно, — за исключеніемъ Альбединскаго, — полнѣйшее равнодушіе къ религіозной сторонѣ дѣла и отсутствіе всякаго сознанія правительственнаго достоинства. И эти люди направляютъ судьбы имперіи, которую создалъ Петръ Великій и вокругъ которой —

„Семь морей немолчно плещутъ"!

Вечеромъ—у французскаго посла. Анализировалъ мысленно двухъ дамъ: lady Dufferin и m-me Van der Hoven (рожд. Мартынову). Обѣ—разряда опасныхъ. Еслибы кто-нибудь умиралъ за нихъ, то первая была бы способна равнодушно присутствовать, а вторая—дразнить умирающаго.

23 декабря.—Въ прошлую пятницу, 19-го, былъ въ коммиссіи прошеній, а оттуда заѣзжалъ къ военному министру. Онъ полунездоровъ и въ флегматичномъ настроеніи.

Въ субботу—большой обѣдъ у кн. Юсупова.

Въ воскресенье нигдѣ не былъ, кромѣ церкви.

Вчера не былъ въ государственномъ совѣтѣ, но былъ у Цесаревны, по ея призыву. Объясненія, съ ея стороны, весьма любезныя. Голицынскій incident est clos. Принужденъ былъ, ради бар. Гинцбурга, заѣхать на базаръ въ пользу нигилистокъ, т.-е. женскихъ курсовъ.

24 декабря.—Вчера комитетъ министровъ. При докладѣ записки четырехъ министровъ по вопросу, или, точнѣе, по дѣлу объ общественныхъ работахъ для населенія, нуждающагося въ продовольствіи, министръ финансовъ заявилъ, что онъ намѣренъ строить или допустить постройку двухъ новыхъ желѣзныхъ дорогъ казеннымъ способомъ, и по этому поводу высказалъ нѣсколько общихъ фразъ,—вѣрнѣе, мѣстъ,—о нашемъ финансовомъ положеніи. Онъ говоритъ вообще складно, тихо, ore rotundo. Во время его сказыванія всѣ слушали; послѣ засѣданія всѣ говорили—que c'était très intéressant, а Мансуровъ даже сказалъ мнѣ—que c'était un nouveau programme! Эти господа еще вѣрятъ въ программы и принимаютъ подобныя разглагольствованія au sérieux. Крѣпка вѣра; но на этомъ поприщѣ она не производитъ чудесъ. Жалокъ кн. Ливенъ. Жалокъ и Маковъ, но по другимъ уваженіямъ.

Сегодня всталъ, по ошибкѣ, часомъ раньше. Еще ночь.

Мрачно на дворѣ. И у меня на душѣ не свѣтло. Всегда или почти всегда такъ наканунѣ праздника. Собственно—это малодушіе и грѣшное отношеніе къ праздникамъ церкви.

28 декабря.—Нѣсколько дней не было повода къ отмѣткамъ.

Вчера комитетъ финансовъ у великаго князя генералъ-адмирала. Программатическія предложенія министра финансовъ. Разсчитаться казнѣ съ банкомъ; болѣе не выпускать кредитныхъ билетовъ, но и не уничтожать ихъ обязательно; наконецъ, разсчетъ на 400 милл. руб. произвести въ 8 лѣтъ, по 50 милл. въ годъ. Ergo—не теоретическое изъятіе билетовъ изъ обращенія, а ограниченіе, конечно косвенное и не замѣченное, прàва самодержавно повелѣвать расходы. При этомъ: разсудительное, спокойное, но не весьма симпатизирующее участіе и согласіе Рейтерна; обычная книжная запутанность понятій Заблоцкаго; канцелярски-бумажная цѣпкость Сольскаго; неприличная некомпетентность предсѣдателя; наконецъ, отсутствіе Грейга,—кажется, перваго министра финансовъ, въ составѣ комитета не оставленнаго.

In toto—mesure à effet, но не безъ логики и умѣнья. Нѣкоторая раздражительность со стороны Абазы, которая мнѣ была пріятна, потому что согласіе съ книжниками и канцелярскими величинами гораздо вреднѣе, чѣмъ разладъ съ ними.

30 декабря.—Вчера утромъ—докладъ у Государя по отчетамъ и наградамъ комитета министровъ и кавказскаго комитета. Его величество былъ любезенъ, но préoccupé. Послѣ меня долженъ былъ войти Сабуровъ и кромѣ того ждалъ Абаза, за которымъ было послано. Днемъ былъ въ государственномъ совѣтѣ. Краткое и пустое засѣданіе.

Хмуро. Правительство—in abeyance. „Восточный человѣкъ“, какъ теперь называютъ гр. Лорисъ-Меликова, est passablement au bout de son latin.

Дома—эпизодъ частный. Мягкія, но грустныя впечатлѣнія. Kyrie eleison!

31 декабря.—Вчера—комитетъ министровъ. Пустое засѣданіе. Сильный морозъ.

Нѣтъ никакихъ признаковъ сознанія нынѣшняго, почти безпримѣрнаго положенія! Исторія напишетъ странную главу о министерствѣ гр. Лорисъ-Меликова. Не желалось бы ощущать то, чтò онъ долженъ ощущать уже теперь, а въ особенности ощутить то, чтò онъ неизбѣжно ощутитъ позже, когда увидитъ послѣдствія!

ЗОЛОТОЕ ДНО

ПОВѢСТЬ.

IX *).

Характеръ Валеріана внезапно перемѣнился. Злыя, подчасъ грубыя, выходки исчезли, въ отношеніи къ домашнимъ онъ сталъ проявлять снисходительную мягкость. Глаза его таинственно сіяли, точно благодать, которую онъ носилъ въ душѣ, черезъ нихъ пыталась обогрѣть міръ Божій. Часто онъ бродилъ по аллеямъ парка, до того поглощенный своими мыслями, что спотыкался о корни деревьевъ, которыя съ дѣтства были ему знакомы.

Василиса смѣялась ему вслѣдъ.

— Какъ неживой ходитъ, — говорила она: — ножки по дорожкѣ, а самъ стороною.

Иногда онъ останавливался, оглядываясь, вынималъ тетрадку, что-то писалъ въ ней, что-то перечеркивалъ.

Мароа, уже медичка второго курса, часто заставала его за такимъ занятіемъ. Онъ смущался, неловко засовывалъ книжечку въ карманъ.

— Прямо какой-то таинственный незнакомецъ! — сказала она однажды шутливо.

Валя вспыхнулъ, потупился, затѣмъ, отвернувъ лицо въ сторону, прошепталъ:

— Тебѣ я могу сказать... Это потому... потому, что я началъ... писать...

Послѣднее слово онъ проговорилъ еле слышно.

— Что̀? что̀ ты началъ?—повторила Мароа съ удивленіемъ; но не получила отвѣта.

---

*) См. выше: февраль, стр. 591.

Валя стоялъ, сжавъ губы, нахмуривъ брови. Въ его глазахъ дрожало плохо сдерживаемое желаніе излить свои чувства: онъ опасался, какъ бы Мароа не встрѣтила это насмѣшкой; но она вдругъ поняла сердцемъ то, чего не дослышала.

— Ты началъ писать? — спросила она серьезно, серьезнѣе, чѣмъ хотѣла.

Съ лица Вали сбѣжала туча; сжимая руку сестры въ своихъ, онъ сказалъ съ пылкой благодарностью:

— Ахъ, спасибо тебѣ, спасибо! Я никому не хотѣлъ признаваться: вѣдь засмѣютъ! Я, Марочка-голубчикъ, пишу трагедію... знаешь, будто изъ римской жизни...

Въ это время мимо прошла Василиса; но увлеченный поэтъ не замѣтилъ ни ея появленія, ни насмѣшки, съ которой она встрѣтила подслушанное признаніе.

— Знаешь, — продолжалъ онъ, прерывающимся голосомъ: — философъ хоронитъ своего сына; а грубая чернь бросаетъ въ него каменья... Можешь понять, чтò въ это время чувствуетъ необыкновенный человѣкъ... Затѣмъ, психологія любопытной толпы, которая остановилась поглядѣть... И знаешь, Марочка, это стихами.

Онъ взглянулъ на нее съ виноватой улыбкой.

— Милый! стихами? — нѣсколько опасливо замѣтила сестра.

— Не бойся, право, это ничего... Стихи бѣлые.

Онъ усадилъ Мароу на скамейку и, придвинувшись къ ней подъ бочокъ, какъ дѣлалъ это въ дѣтствѣ, началъ разсказывать, какое счастье испытываетъ онъ во время „творчества", какую любовь къ людямъ, жажду подвига, всепрощенія.

— Въ это время я все прощу! — говорилъ онъ пылко: — самое тяжелое оскорбленіе забуду... Обниму жестокаго своего врага.

— Надо учиться, Валикъ, надо много учиться, — замѣтила осторожно Мароа.

— Развѣ я не знаю? — восторженно подхватилъ Валя, жестоко ероша свои волосы: — всю жизнь, до самой смерти учиться, и то будетъ мало! И другихъ учить, и всѣхъ любить, и прощать... О, когда у человѣка есть цѣль... понимаешь, цѣль...

И онъ началъ говорить, что сознаніе высокой цѣли сдѣлало его жизнерадостнымъ, упорнымъ въ трудѣ...

Сознаніе обновленной жизни не оставляло его даже во снѣ. Иногда, среди ночи, онъ просыпался, точно разбуженный кѣмъ-то, вскакивалъ, испытывая невыразимое, необъяснимое чувство счастья. Грядущее представлялось ему непрерывнымъ стремленіемъ къ лучезарному, къ обѣтованному... Онъ падалъ на колѣни, прости-

ралъ руки вверхъ, къ невѣдомому и клялся кому-то въ чемъ-то, и готовился къ великому служенію. Сердце его ширилось, онъ глядѣлъ восторженными глазами во тьму ночи, точно тамъ надѣялся увидѣть реализацію своихъ мечтаній. И онъ съ увлеченіемъ писалъ ужаснѣйшими виршами свою „трагедію".

Теперь его любовь къ Аннѣ, уже давно уѣхавшей, была нераздѣльна съ благоговѣйнымъ поклоненіемъ неизвѣстному, въ великую душу котораго онъ такъ неожиданно и такъ безповоротно повѣрилъ. Два эти образа, одинъ—олицетворявшій въ себѣ мудрость, благородство, величіе, другой—исполненный чарующей женской прелести, безпомощности,—слились въ душѣ его въ одно цѣлое, какъ въ двустворчатый алтарь, посвященный Богу всего великаго. Онъ любилъ Нанни теперь еще больше за то, что она исцѣлила его разсказомъ объ „учителѣ"; а учителя полюбилъ за то, что именно Нанни разсказала ему о немъ. Онъ не могъ бы отдѣлить его чувства къ ней отъ мистическаго поклоненія неизвѣстному.

Но вскорѣ восторженное состояніе его души было грубо разрушено.

Однажды, когда всѣ сидѣли за обѣдомъ и Валя съ самоотверженной готовностью предупреждалъ желанія сосѣдей насчетъ соли, горчицы, хлѣба, заранѣе улыбаясь ежедневнымъ остротамъ Василисы,— дѣдъ, наблюдавшій его съ непріязненной ироніей, замѣтилъ:

— И что̀ за благоволеніе вдругъ начало сквозить изъ всѣхъ поръ этого молодого человѣка?

Валя плутовски посмотрѣлъ на Мароу, какъ на сообщницу, и засмѣялся.

— А я что-то знаю!—сказала Василиса.

— Что̀ же вы можете знать?—все еще благосклонно спросилъ Валя.

— А вотъ знаю!..—и какъ всегда, когда она желала быть остроумной, прибавила, подчеркивая:—та винъ пыше трагэдію.

Дѣдъ съ Антономъ сперва расхохотались; но тотчасъ же умолкли, замѣтивъ, какъ поблѣднѣло лицо Вали.

Онъ вышелъ, съ шумомъ отшвырнувъ стулъ, и бросилъ Мароѣ укоризненный взглядъ.

— Честное слово, Валикъ!—крикнула та, выскакивая вслѣдъ за братомъ.

— Та я-жъ сама слыхала,—сказала имъ вслѣдъ Вася, находившаяся еще подъ впечатлѣніемъ успѣха.

— Ну, и держали бы языкъ за зубами,—недовольно буркнулъ Антонъ.

Съ тѣхъ поръ непризнанный поэтъ принужденъ былъ искупать свое высокое призваніе насмѣшками непросвѣщенной черни.

Дѣдъ, подъ сердитую руку, пускалъ грубыя шуточки насчетъ „писателя“; Василиса, прикрываясь его авторитетомъ, повторяла ихъ при гостяхъ; иногда даже Антонъ, въ пылу полемики, употреблялъ это же оружіе. Наконецъ, о творчествѣ Вали провѣдалъ Дулѣбовъ, и тогда насмѣшкамъ не предвидѣлось конца... „Амурчикъ“ прозвалъ его „омъ-де-летръ“—причемъ произносилъ это скороговоркой, такъ что выходило „омлетъ“—и всѣ помирали со смѣху...

Однажды на скамейкѣ у переправы нашли двустишіе, написанное карандашомъ:

„Къ рѣкѣ: О, могучая стихія!
Все тебѣ пишу стихи я...“

Всѣ рѣшили, что это—первая проба пера будущей знаменитости, и теперь не иначе обращались къ поэту, какъ величая его „могучей стихіей“...

Валя крѣпился, рѣшивъ не обижаться, а шутить вмѣстѣ со всѣми. Онъ клятвенно отвергалъ двустишіе, утверждая, что это—ковы его завистниковъ. Надѣясь смягчить сердца, онъ цитировалъ „Пророка“:

„Глядите, какъ онъ худъ и блѣденъ,
Какъ презираютъ всѣ его...“

Но эта покорность не обезоруживала остряковъ, которые втайнѣ доставляли ему много горькихъ минутъ. Онъ началъ сомнѣваться въ достоинствѣ своей трагедіи... Онъ чувствовалъ себя ничтожнымъ и боялся, какъ бы, дѣйствительно, его ближніе не остановились на презрѣніи...

Кончилось тѣмъ, что Валя забросилъ „трагедію“, и снова ясная глубина его души замутилась. Онъ уже не дѣлалъ родныхъ жертвами своихъ треволненій, онъ просто отодвинулся отъ нихъ.

Мароа уѣхала на курсы, Антонъ собирался въ Петровское училище; но Валя не скучалъ отъ этого, какъ раньше.

Полная противоположность Валѣ, Антонъ былъ вѣрнопреданный членъ своего семейства; простая цѣльная душа его не допускала здѣсь ни критики, ни сомнѣнія. Въ семьѣ всѣ должны любить другъ друга, закрывать глаза на слабости, дружной стѣной противостоять нападенію внѣшняго міра, который начинался сейчасъ же за чертой Локустовки.

Съ Мароой Антонъ не былъ никогда близокъ; но „любилъ ее, какъ слѣдуетъ любить сестру“, и этимъ успокоивалъ относительно нея всѣ свои сомнѣнія. Но Вальку онъ, дѣйствительно,

любилъ. Какъ старшій братъ, добродѣтели котораго стояли незыблемо и прославлялись всѣми, онъ протягивалъ снисходительную руку помощи младшему неудачнику. Сколько разъ онъ защищалъ его передъ всемогущимъ дѣдомъ! Сколько тысячъ разъ утиралъ своимъ рукавомъ его глаза, которые постоянно были на мокромъ мѣстѣ!

Но когда разладъ поселился въ душѣ Вали, онъ не могъ понять, не могъ помочь и только огорчался.

Наканунѣ отъѣзда, сидя въ „гротикѣ", Антонъ сказалъ брату:

— Чтò съ тобою? Ты раньше любилъ и меня, и бабу Еву... а теперь даже отъ нея отшатнулся.

Застигнутый врасплохъ, Валя смутился.

— Да, передъ нею я виноватъ, — пробормоталъ онъ,—но чтò же дѣлать...

Онъ не договорилъ: то, чтò онъ собирался сказать, казалось ему святотатствомъ. Но почему же, почему,—думалъ онъ,— баба Ева, такая кроткая, такая пугливая, что падаетъ въ обморокъ при видѣ раненаго въ дракѣ Барбоса, не замѣчаетъ, сколько дѣлается жестокостей у нихъ въ домѣ?

Братья лежали въ тѣни нависшаго свода „гротика" и дрожащей листвы деревьевъ, едва державшихся полуобнаженными корнями. Вдали маячили кресты городскихъ церквей, — ближе блестѣла рѣка, и по ней, оставляя за собою ровные, отливающіе сталью полукруги, плавно двигался паромъ; еще ближе—виденъ былъ домъ съ бѣлымъ „перистилемъ" и уголъ „задняго парада", у котораго стояло нѣсколько неподвижныхъ фигуръ безъ шапокъ.

— Вотъ...—Валя указалъ на фигуры.—Ты видѣлъ ихъ?

— Кого?

— Ну, вотъ ихъ... мужиковъ...

— Нѣтъ, не обратилъ вниманія.

— А я ихъ увидѣлъ въ шесть часовъ утра, когда шелъ сюда...

— Ну, такъ что-жъ! Поденщики пришли наниматься, а дѣдъ въ городъ уѣхалъ.

— Когда уѣхалъ?

— Когда? Послѣ чаю, конечно.

Валя молчалъ.

— Онъ долженъ былъ уѣхать! — раздраженно прибавилъ Антонъ:—ему некогда... Придутъ завтра.

— Это за восемь верстъ?... Вотъ, ты на нихъ вниманія не обратилъ, а у меня они все время точно за спиною стоятъ...

И вообще... Впрочемъ, лучше молчать,—вѣдь измѣнить я ничего не могу. Мальчишничать, какъ я мальчишничалъ раньше, я, конечно, не стану...

— Но обвинять будешь... И даже меня...

— Не обвиняю, Тоникъ, пойми меня! — горячо заговорилъ Валя, хватая брата за руку. — Ну, ты, конечно, примѣрный, тобой гордятся... Но, сознайся, ты ничего своего не вносишь, дѣлаешь все по рутинѣ, какъ Дормидонтычъ, что-ли... У тебя нѣтъ критики, ты подчиняешься этой пріобрѣтательской горячкѣ, не думая о томъ, какъ она отзывается на другихъ.

— Я дѣлаю то, чего требуетъ дѣдъ, и что дѣлаютъ всѣ,— возразилъ Антонъ, нахмурясь. Критиковать поступки дѣда ему казалось святотатствомъ.

Валя замолчалъ, онъ не хотѣлъ оскорблять его. Братья разстались на всю зиму, не разрѣшивъ жгучихъ недоразумѣній.

Внѣшняя жизнь пошла заведеннымъ порядкомъ; но внутреннее раздвоеніе въ душѣ Вали продолжало свою работу.

Какъ могутъ жить вокругъ такой жизнью? Какъ можно прославлять „раціональное“ хозяйство дѣда, когда оно все представляется Валѣ въ видѣ непрерывной дикой, некультурной борьбы? Дѣдъ, какъ сила, дѣйствуетъ открыто грубостями, крикомъ; рабочіе, какъ слабые, отбояриваются тихими проклятіями, хитростью.

Валя удивлялся, какъ могутъ выносить обѣ стороны эти повальные обыски возвращающихся изъ города рабочихъ, которые практиковались въ Локустовкѣ?

Дормидонтычъ сторожилъ рабочихъ у парома и пропускалъ ихъ наверхъ только послѣ тщательнаго освидѣтельствованія сумокъ, армяковъ, голенищъ... Водка находилась очень рѣдко, такъ какъ виновные подвергались солидному штрафу; но пьяные бывали всякій день.

По вечерамъ, въ жуткой темнотѣ, вокругъ ограды парка раздавались дикіе крики и звуки гармоніи. Изъ-за воротъ появлялась длинная фигура Дормидонтыча съ традиціонной дубиной въ рукахъ.

— Безсовѣстные! Непорядливые! — ворчалъ старикъ, съ тѣмъ же любвеобильнымъ добродушіемъ, съ какимъ выговаривалъ птицамъ:—чего вы на барскомъ дворѣ скандалите? Кто позволилъ?

Тѣни, пьянствовавшія подъ заборомъ, прыская со смѣха, пропадали въ ночной тьмѣ.

Иногда злонамѣренность заходила такъ далеко, что требова-

лось вмѣшательство не только Василисы, но даже самого Степана Михайловича. Грубіяновъ ловили и штрафовали... Но въ праздникъ даже самъ хозяинъ скрывался въ домѣ, стараясь ничего не замѣчать. Онъ нашелъ эту политику самой удобной послѣ того, какъ, однажды, обиженная Василиса, посылавшая укоры въ темное пространство, получила въ отвѣтъ увѣсистый камень. Камень, къ счастью, пролетѣлъ мимо, разбивъ стекла въ столовой; но съ тѣхъ поръ ставни въ домѣ стали плотно закрываться.

И вообще, въ Локустовкѣ замѣчалось еще скрытое броженіе. Крестьяне перестали ломать шапку при встрѣчахъ съ господами, рабочіе „манкировали", „отвѣчали", при разсчетѣ упорно отстаивали каждую копѣйку...

У сосѣдей бывало и похуже: стрѣляли въ батенковскаго управляющаго; въ экономію Полуэхтова поставили казаковъ. Разговоры гостей были полны разсказами о неурядицахъ. Дѣдъ слушалъ, улыбался, скрывая злорадство; но голосъ его попрежнему звучалъ властью, ругательства попрежнему оставались въ силѣ, какъ педагогическое воздѣйствіе.

— „Имъ" только покажи, что боишься,—говорилъ онъ Дулѣбову,—и понесутъ! А такъ, авось, я сумѣю удержать возжи...

Конечно, въ качествѣ „культурнаго прогрессиста", онъ одобрялъ вторженіе новаго въ жизнь; но только постепенно, безъ скачковъ... „и только не у меня,—прибавлялъ онъ тихонько,— а у того, кто не сумѣетъ себя отстоять".

И всѣ находили такое отношеніе естественнымъ; но Валя, который старался не замѣчать, имѣлъ несчастіе все видѣть, и все больше отчуждался. Даже формальная атмосфера гимназіи, уроковъ, репетицій казалась ему теперь пріятнымъ разнообразіемъ. Однако, и тутъ ему не повезло.

Однажды онъ вернулся домой позже обыкновеннаго, когда уже всѣ домашніе сидѣли за столомъ.

Дѣдъ, не терпѣвшій нарушенія порядка, замѣтилъ его разстроенный видъ и сухо сказалъ:

— Неужели шестиклассниковъ сажаютъ еще въ карцеръ?..

— Нѣтъ, — съ героизмомъ отчаянія выпалилъ Валя, — имъ просто предлагаютъ взять бумаги.

Онъ поспѣшилъ сказать это, желая поскорѣе перешагнуть потокъ упрековъ, сожалѣній, восклицаній, который послѣдуетъ за признаніемъ.

Вася, дѣйствительно, заохала, Ева Михайловна уже сидѣла со слезами на глазахъ, но дѣдъ принялъ извѣстіе равнодушно, какъ бы подчеркивая, что онъ уже давно пересталъ удивляться.

Валя вздохнулъ спокойнѣе, сердце его наполнилось благодарностью.

— Ты не безпокойся, дѣдушка,—сказалъ онъ задушевно,— я выдержу сразу...

Дѣдъ и это постарался принять равнодушно. Онъ положилъ себѣ на тарелку, какъ всегда, лучшій кусокъ жаркого, отодвинулъ блюдо на середину стола и тогда уже сказалъ:

— Чего мнѣ безпокоиться?.. Не выдержишь—поступишь въ свинопасы...

— И не буду отъ этого несчастнѣе,—отпарировалъ юноша.

Дѣдъ перчатки не поднялъ, и обѣдъ окончился среди гробового молчанія.

— Пойдемъ со мной, Валикъ, — сказала баба Ева, когда Степанъ Михайловичъ удалился въ кабинетъ.

Она имѣла обыкновеніе гулять послѣ обѣда, и хотѣла воспользоваться этимъ, чтобы пожурить своего любимца. Но въ паркѣ было такъ хорошо, и старушкѣ такъ не хотѣлось доставлять кому-нибудь непріятность!

Великій постъ подходилъ къ концу.

Сквозь ледяную кору зимы уже робко пробивалось теплое весеннее дыханіе. Рѣка чернѣла полыньями; деревья очистились отъ снѣга, и ихъ оттаявшія вѣтви эластично гнулись подъ порывами вѣтра, бросая на землю дрожащую сѣтку тѣни. Линія перекрещивающихся дорожекъ уже чернѣла отъ грязи; а на рыхломъ снѣгу, который лежалъ между ними, точно полотно въ темной рамѣ, черными пятнами разсыпались каркающія вороны. Воздухъ бороздили теплыя теченія; лучи солнца отогрѣли дерзкихъ воробьевъ, которые неумолкаемымъ щебетаньемъ славословили его.

— Что же, милый, съ тобой случилось? — наконецъ, спросила Ева Михайловна, не отводя глазъ отъ пернатой парочки, которая начала драться, купаясь въ солнечныхъ лучахъ.

— Да все нашъ русскій, — бормоталъ Валя, чувствуя себя мальчишкой,—изъ-за сочиненія... Разбираетъ, тамъ, одно... другое... и вдругъ: „А статья господина Локустова слишкомъ глубокомысленна, чтобы я могъ о ней сужденіе имѣть“... А я разсердился и отвѣтилъ: „Развѣ вамъ не по плечу глубокомысліе гимназиста шестого класса?..“ Ну, съ этого и пошло!.. А финалъ—извиниться или прочь...

— Но почему же не извиниться, Валикъ?

— Да я бы извинился,—но къ чему же здѣсь помпа? Передъ цѣлымъ классомъ, гласный выговоръ и прочее... Противно

стало, бабочка! А потомъ, зачѣмъ онъ меня задираетъ? Онъ давно обижался, что я отвѣчаю ему не по учебнику...

Воробьи кончили драку. Побѣдитель и побѣжденный сѣли на вѣтку березы, оглушительно чирикая; а военные трофеи, въ видѣ нѣжнаго бѣлаго пушка, медленно кружась, опускались внизъ, точно не рѣшаясь упасть на холодную землю. Нѣжный пушокъ такъ очаровательно алѣлъ въ золотомъ лучѣ, кружевныя тѣни деревьевъ такъ изящно ложились на посинѣвшій снѣгъ и звуки вечерняго благовѣста такъ ободряюще стучались въ сердце, что Валя не могъ долѣе предаваться печали.

Онъ схватилъ обѣ тоненькія ручки бабы Евы въ свои и, грѣя ихъ, весело сказалъ:

— Э, не бойся, бабочка! Даю тебѣ слово, что черезъ годъ я буду въ университетѣ.

И онъ сдержалъ это слово.

X.

Въ концѣ мая вернулась домой Мароа, которой оставалось только выдержать послѣдніе экзамены на врача; за ней пріѣхалъ Антонъ, къ великому восторгу дѣда, уже окончившій курсъ Петровской академіи и ставшій его настоящимъ помощникомъ. Наконецъ, Панцыревы получили извѣстіе, что пріѣдетъ къ нимъ погостить Анна.

Когда Валя узналъ это, имъ овладѣло лихорадочное ожиданіе.

Цѣлые дни проводилъ онъ въ „гротикѣ“, мечтая, представляя себѣ будущую встрѣчу. Никогда еще его истерзанная одиночествомъ и сомнѣніями душа не окружала такимъ радужнымъ ореоломъ женщину, которую онъ зналъ чуть-ли не отъ рожденія. Онъ отдыхалъ, мечтая о Нанни; онъ въ ней, какъ въ фокусѣ, собиралъ лучи любви и уваженія, которые отнималъ мало-помалу у своихъ.

И когда, наконецъ, этотъ вожделѣнный день наступилъ, Валѣ казалось, что онъ никогда еще не испытывалъ въ такой мѣрѣ радость отъ присутствія Анны. Онъ опьянѣлъ, онъ точно купался въ воздухѣ, пропитанномъ ею, онъ впивалъ въ себя ея взглядъ, ея улыбку... Онъ трепеталъ отъ звука ея голоса, ожидалъ каждаго ея слова, желалъ быть остроумнымъ, ловкимъ, вызвать ея удивленіе...

А пока что—молчалъ, стараясь дышать ровно, чтобы скрыть

свое волненіе, и еще... боялся! Его сердце, отравленное сомнѣніемъ, и тутъ неожиданно устало отъ любви: онъ вдругъ усумнился и въ своей Нанни. Онъ боялся—вдругъ она не оправдаетъ его ожиданій, вдругъ и она уже опошлилась и разочаруетъ его какой-нибудь обыденщиной, вульгарнымъ жестомъ... Что же тогда? Ему придется расколоть чудесный двуединый образъ, обѣднѣть на половину, отказавшись отъ нея, остаться только при „немъ", при „учителѣ", таинственно неизвѣстномъ.

Но этого не случилось. Анна осталась его прежней Нанни, такой же избранной, безпомощной, ученой и прелестной. По старому, всякій ея жестъ, всякое слово, заставляли его тайно трепетать отъ восторга.

Но въ то же время чуткое сердце Вали подмѣтило что-то новое въ Нанни, новое, которое прорывалось и сквозь оживленную радость свиданія, и сквозь ея разсказы о мужѣ, который долженъ былъ пріѣхать позже. Выдавалъ эту перемѣну и потускнѣвшій взоръ глазъ, горѣвшихъ нѣкогда „брильянтовымъ" огнемъ, и какая-то усталая, насмѣшливая улыбка, не имѣвшая ничего общаго съ ея обычной физической слабостью.

Любящее сердце Вали сразу увидало, что Нанни—не та, и это было вѣрно.

Анна начинала тосковать, ея личная жизнь казалась ей безцѣльной, проигранной... Зачѣмъ она столько училась? Куда дѣвались ея мечты? Ея знанія, такія необходимыя въ безправной деревнѣ, гдѣ она мечтала работать, оказались непримѣнимыми для россійскаго обихода. Ея вмѣшательство отягчало участь тѣхъ, кого она стремилась облегчить. Ея тяжба съ Полуэхтовымъ кончилась тѣмъ, что „бунтовщики" были высѣчены...

Развѣ она смѣла послѣ этого еще примѣнять свои знанія? Она притащила драгоцѣнную ношу къ порогу, она хотѣла подѣлиться ею съ неимущими; но двери къ нимъ были заперты враждебной рукою, и другіе страдали тогда, когда она въ нихъ стучалась...

Грязная дѣйствительность обывательской русской жизни отравила ее испареніями подвала; а воспоминанія о годахъ ученія въ Парижѣ представлялись ей сказочнымъ счастьемъ... Сколько вѣры, энергіи было въ ней самой, сколько веселья, воздуха, музыки и пѣнья было вокругъ нея... Эти поэтическіе кануны праздниковъ! Рождество, messe de minuit, въ домахъ радостное „réveillon"... И первая встрѣча съ нимъ, съ мужемъ, во время шумнаго mi-carême, посреди сплошной толпы, заполнявшей бульвары, на четверть покрытые confetti.

И во что̀ обратилась она, энергичная дѣвушка, мечтавшая самостоятельно работать рядомъ съ мужемъ? Теперь онъ работаетъ; а она ждетъ его, сложивши руки... Потомъ онъ пріѣдетъ и снова станетъ работать, а она? Она будетъ довольствоваться своей любовью!

И Анна стала увядать, какъ бабочка, съ крыльевъ которой грубая рука стерла радужные переливы красокъ. Ясная лучезарность ея лица исчезла, движенія ея стали вялы. Она больше не возилась съ деревенскими ребятами, не шутила надъ своимъ званіемъ „адвоката", а цѣлыми днями висѣла съ книгой въ гамакѣ, апатично поглощая страницу за страницей.

Но кромѣ личной неудовлетворенности, Анну снѣдало безпокойство, которое подкашивало ея силы. Какая-то тайна носилась въ воздухѣ, Валя готовъ былъ поклясться въ этомъ! И потому, какъ она вздрагивала, прислушиваясь къ отдаленному шуму, по тому, какъ она вперяла встревоженный взоръ въ пространство, и по тому, какъ она часто таинственно говорила съ Мареой — Валя догадывался, что въ ея жизни происходитъ нѣчто важное; но ему и въ голову не приходило постараться узнать что-нибудь помимо ея желанія.

Однажды вечеромъ Валя сидѣлъ съ Анной въ Эоловой арѣ.

Сухой жаръ, дышавшій весь день надъ Локустовкой точно изъ раскаленнаго горна, неохотно отступалъ передъ прохладой короткой іюньской ночи. Колонны, къ которымъ былъ привязанъ гамакъ, и тарелка, стоявшая на каменной балюстрадѣ, еще не успѣли остыть; но изъ сада уже тянуло холодкомъ; трава, покрытая обильной росой, благоухала.

Изъ бесѣдки былъ виденъ уголъ освѣщеннаго балкона, искрящагося розетками разноцвѣтныхъ стеколъ, по которымъ изрѣдка проносилась изломанная тѣнь Вѣры.

Вѣра суетилась, ухаживая за Георгіемъ Павловичемъ, который сидѣлъ у стола со вспухшей рукою: онъ очень любилъ водить пчелъ и хвасталъ, что эти золотистыя труженицы признаютъ его, даже встрѣчаютъ радостнымъ жужжаніемъ. Доказательства противнаго, однако, бывали нерѣдко; но тогда старикъ настойчиво утверждалъ, что пчелки его не узнали...

Такъ было и сегодня.

Теперь Вѣра прикладывала къ рукѣ Георгія Павловича какое-то тѣсто, замѣшанное на меду; а Владиміръ читалъ вслухъ новую брошюру. Но когда Вѣра, взглядывая на вспухшую кожу, прерывала мужа сочувственными восклицаніями, свекоръ тихонько грозилъ ей здоровой рукой.

— Пустяки,—шепталъ онъ,—обидно только, что онѣ меня не признали...

И тихонько смѣялся.

Анна изрѣдка поглядывала изъ бесѣдки на освѣщенный уголокъ, живописно сіявшій разноцвѣтной розеткой среди темнаго кружева кленовъ; но мысли ея — это видѣлъ Валя — были далеко.

Она сидѣла поперекъ гамака, чуть-ли не перегнувшись вдвое посреди широкой сѣтки. Руки ея были раскинуты, ноги висѣли, не доставая до каменныхъ плитъ, и на ихъ ажурныхъ чулкахъ едва держались тоненькія туфли. Ея ротъ былъ открытъ шире обыкновеннаго, подъ потускнѣвшими глазами вспухли синія подушки. Возлѣ, на табуреткѣ, лежалъ пузырь со льдомъ, который она изрѣдка прикладывала къ сердцу.

Мареа уже нѣсколько разъ приходила къ ней, принося какія-то капли. Валя, какъ всегда во время недомоганій Нанни, чувствовалъ себя ненужнымъ, виноватымъ...

Онъ пытался развлечь ее и въ то же время боялся взволновать. Оттого онъ то начиналъ говорить, то умолкалъ, и все время на себя сердился.

И вотъ, въ одну изъ такихъ минутъ, когда взоръ его безцѣльно блуждалъ по горизонту, онъ замѣтилъ зарево на востокѣ.

— Чего ты, Валикъ? — спросила Анна, отъ которой не укрылось его испуганное движеніе.

Валя медлилъ съ отвѣтомъ; но Анна, быстро обернувшись, увидѣла ярко окрашенное небо и съ легкимъ стономъ откинулась обратно на сѣтку.

— Кажется, это въ Эсауловкѣ, у „милаго Тимоши“,—тихо сказалъ Валя.

Затрезвонилъ колоколъ пожарнаго депо у ограды парка, а по песку около бесѣдки заскрипѣли тяжелые шаги нянечки. Она несла фонарикъ со свѣчою.

— Скажи, что я сплю,—прошептала Анна.

Валя тихонько сошелъ со ступенекъ передать приказаніе, и нянечка, вручивъ ему свѣчу, удалилась.

Фонарикъ освѣтилъ помертвѣвшее лицо Анны, которая, лежа съ пузыремъ на сердцѣ, мерцающими глазами вглядывалась въ жуткую темноту ночи; но по мѣрѣ того, какъ разгоралось на горизонтѣ кровавое зарево, Валя сталъ замѣчать въ ея взорѣ нѣчто большее, чѣмъ обыкновенный испугъ передъ пожаромъ.

— Тебѣ нехорошо, Нанни?—спросилъ онъ, дотрогиваясь до ея руки, покрытой холоднымъ потомъ.

— Нехорошо, милый,—отвѣтила она и закрыла глаза.

На дорожкѣ послышались твердые, торопливые шаги Мареы, которая заговорила, еще не доходя до ступенекъ:

— Крестьяне не даютъ лошадей...

— Это въ Эсауловкѣ? — спросила Анна.

— Да... пятнадцать верстъ... Наши уже выкатили обозъ и ждутъ лошадей... не дождутся! А экономическихъ, однако, не запрягаютъ.

И она слегка улыбнулась. Затѣмъ сказала, доставая изъ кармана пузырекъ:

— Надо еще попробовать вотъ это... Только съ молокомъ... Валя, пойди, принеси молока.

Валя съ радостной готовностью побѣжалъ на кухню. Когда онъ черезъ нѣсколько минутъ вернулся обратно, Мареа горячо говорила:

— Чтò же дѣлать, если осталось только это единственное средство борьбы? Вѣдь ты же испробовала здѣсь всѣ легальныя средства, а развѣ разбой не остался прежній? Ты отказалась бороться,—значитъ, на разбой надо отвѣчать разбоемъ.

— И тогда погибнетъ культура.

— Чтò же дѣлать? Пусть погибаетъ культура, которая держится на разбоѣ. Вѣдь ты же знаешь, что требованія эсауловцевъ законны, что ихъ выпороли, когда они настаивали на своихъ законныхъ требованіяхъ... Значитъ, разбой дѣлаютъ не они, а этотъ опричникъ Тимошка!

Валя подалъ молоко, куда Мареа влила ложечку лекарства. Анна отпила немного; рука ея дрожала, зубы ударялись о края стакана.

— Ты видѣла... сегодня?—спросила она тихо.

Мареа отрицательно покачала головой.

Валя хотѣлъ сойти внизъ со ступенекъ.

— Валикъ, ты можешь насъ слушать,—съ ласковой улыбкой сказала Анна, — я не хочу имѣть отъ тебя секреты. Правда, Мара, онъ уже достаточно выросъ?.. Валикъ, въ Эсауловкѣ аграрный поджогъ, и тамъ теперь Кирилка.

Она схватила шаль, валявшуюся на краю гамака, и закутала ею свои покатыя узенькія плечи.

— Я могу понять цѣлесообразность такихъ поджоговъ; но душа моя не въ силахъ на нихъ откликнуться!—вздохнула она:— вѣдь гибнетъ чей-то трудъ, чья-то радость... Кто-то любилъ, созидалъ...

— Любили—одни, созидали — другіе! И все, чтò стоитъ на

такомъ противорѣчіи, не вправѣ защищать себя отъ разрушенія: тѣ, кто созидали, могутъ и уничтожить,—рѣзко возразила Марѳа.

— Уничтожайте несправедливость, а не объекты, которые не вліяютъ на ходъ событій...

— Ошибаешься! Эти объекты весьма вліяютъ на психологію субъектовъ... Такой пожаръ весьма измѣнитъ міросозерцаніе разбойничьей семьи Полуэхтовыхъ.

— Но развѣ у него все не застраховано?

— Увы, не успѣлъ... Горитъ весь урожай...

Валя слушалъ, и у него кружилась голова. Онъ читалъ кое-какія книжки по соціальнымъ вопросамъ, поглощалъ газетныя статьи, велъ юношески-незрѣлыя бесѣды съ товарищами; но никогда еще не встрѣчался лицомъ къ лицу съ реальными проявленіями борьбы. Марѳа строго держалась теоріи невмѣшательства и не посвящала его въ тайны своей политической агитаціи. И вдругъ, неожиданно, ему пришлось очутиться въ самомъ ея центрѣ. Такъ вотъ какими путями разрѣшаютъ люди противорѣчія жизни, какъ утоляютъ они свою жажду добра, возстановляютъ поруганную справедливость... Сколько же должны были они раньше перестрадать, передумать, чтобы наконецъ, поднявъ пламенный мечъ, идти завоевывать себѣ счастье!

И представивъ себѣ всю эту картину всесвѣтнаго безпомощнаго горя человѣческаго, Валя точно задохнулся отъ ея невыносимаго величія. Бездна мыслей, масса вопросовъ охватила его; но изъ стыдливой деликатности онъ не рѣшился занимать собою этихъ женщинъ въ такую роковую минуту.

А пламя на небѣ охватывало все бóльшій полукругъ. Подобно сполоху, оно то разгоралось, то меркло; иногда выскакивали оттуда цѣлые снопы огня и, какъ ракеты, потухали въ глубокой синевѣ лѣтняго неба. А съ двухъ сторонъ—съ востока и юга—доносились къ нимъ отдаленные звуки набата.

— Надо домой,—сказала, наконецъ, Марѳа,—я еще приду... Интересно знать, побѣдила ли у насъ классовая солидарность или хозяйственная скаредность... Я думаю, что пожарные все еще у сарая ждутъ мужицкихъ лошадей... Ну, до свиданья! Ты, Валикъ, сиди здѣсь.

Марѳа ушла. Анна, которой послѣ лекарства стало лучше, устремила свой лихорадочно-мерцающій взоръ на Валю. Она употребляла массу усилій, чтобы преодолѣть волненіе.

— Милый,—сказала она,—ты сейчасъ услышалъ много... и новаго, и важнаго. Мы не хотѣли рано посвящать тебя во все это: душа твоя—слишкомъ горючій матеріалъ, ее страшно по-

тревожить. Мой тебѣ совѣтъ: не суди сейчасъ ни о чемъ, не склоняйся, пока, ни на какую сторону,—для тебя еще слишкомъ рано. Я лично съ этимъ не могу примириться, несмотря на блистательныя доказательства Мары... Знать, что сейчасъ тамъ ужасъ... что происходитъ разрушеніе нашей жалкой культуры... Ахъ, какія чудныя розы у этого негоднаго Тимоши!.. Не говори, потому что я знаю, чтò ты можешь сказать о розахъ... Не говори! А только много думай,—прибавила она поспѣшно,—сядь здѣсь.

Валя умостился возлѣ сѣтки, на мягкихъ складкахъ ея шелковистаго капота.

Положивъ ему руку на голову, Анна заговорила о томъ, какъ ее мучаетъ эта новая полоса въ дѣятельности мужа. События озлобили его, возмутили спокойную работу, толкнули на путь анархической расправы. Она мучается теперь, допытываясь у себя самой, вправѣ ли она не сочувствовать? Вѣдь все зло — и уже сдѣланное имъ, и то, чтò будетъ еще сдѣлано—останется каплей въ морѣ несправедливости, которую никогда ничѣмъ не возмѣстить! А съ другой стороны,—слѣдуетъ ли возмѣщать? И существуютъ ли такіе вѣсы, которые въ состояніи отвѣсить каждому по дѣламъ его?

Анна говорила долго, смачивая пересохшія губы молокомъ съ лекарствомъ, и Валя чувствовалъ, какъ эти слова магическими нитями привязываютъ къ ней его сердце... И не было для него на свѣтѣ человѣка дороже его Нанни!

— Вотъ, Мара счастливая,—кончила Анна,—она не сомнѣвается, что ея путь—самый лучшій, самый краткій... А я все выдумываю такую дорогу, которая была бы не очень полита кровью...

Анна замолчала.

Ей очень хотѣлось поговорить еще о томъ, какъ безпокоятъ ее опасности, которымъ подвергается мужъ; какъ она не спитъ по ночамъ, потому что больное сердце толкаетъ ея грудь и заставляетъ ее просыпаться въ ужасѣ отъ мрачныхъ видѣній. Но ничего этого не сказала Нанни, чувствуя, какъ угнетающе подѣйствуетъ на Валю подобная жалоба.

Такъ просидѣли они долго и молча.

Свѣча догорала въ своемъ стеклянномъ колпачкѣ; на балконѣ флигеля уже потухла разноцвѣтная розетка; только полукруглое зарево виднѣлось вдали, поглощая ясный свѣтъ звѣздъ своимъ кровавымъ сіяньемъ.

Вдругъ по песку дороги, пролегавшей мимо ихъ деревяннаго забора, мягко зашуршали колеса телѣги.

Анна откинулась назадъ и, уцѣпившись руками за веревочныя петли гамака, вперила расширившіеся зрачки на дорожку. Валя вскочилъ, зараженный ея волненіемъ.

Телѣга остановилась, калитка скрипнула, въ полосѣ свѣта показалась на мгновеніе фигура, одѣтая по-крестьянски, и пропала во тьмѣ сада; послышался голосъ Мареы.

— Мара!—громко крикнула Анна:—скажи скорѣе, случилось что-нибудь?

— Все благополучно; онъ пошелъ переодѣться,—отвѣтила Мареа, появляясь на ступенькахъ.—Сгорѣло все! Скирды, амбары, рига! Дворъ оцѣпили, не подпускали пожарныхъ... Тимоша пытался стрѣлять, ему скрутили руки. И кричали „ура" при этомъ... Телефонную проволоку перерѣзали прежде всего, и казаки папеньки Полуэхтова подоспѣли поздно: всѣ разбѣжались, огонь догоралъ... Имъ оставалось только раскурить у угольковъ цыгарки...

— Мара!—съ упрекомъ прошептала Анна.

Мареа посмотрѣла на Валю. Такой онъ еще никогда не видалъ сестру... Обыкновенно ея некрасивое лицо было холодно, точно отчуждено отъ жизни, сейчасъ—оно дышало энергіей, жаждой борьбы, вызывающей, непримиримой ненавистью.

— Чтò-жъ!—отвѣчала она, какъ бы подчеркивая возраженіе Анны:—ты за него меня упрекаешь?

Кивнувъ головой по направленію къ Валѣ, она прибавила:

— Пусть учится... Я щадила его, пока могла, а теперь—пусть выбираетъ! Безъ иллюзій, съ открытыми глазами.

По песку заскрипѣли твердые, эластическіе шаги Скобельцына. Скоро онъ появился на балконѣ, по обыкновенію спокойный, самоувѣренный, съ откинутой назадъ головой и высоко поднятыми плечами.

Его глубоко сидящіе глаза пытались разглядѣть лицо Анны въ полусвѣтѣ мигающей свѣчи. Она отвѣтила на это невыразимо-прелестнымъ взглядомъ, полнымъ любви, сомнѣнія, страха, замаскированнаго, извиняющагося упрека.

Нанни хотѣла привстать, протянула ему руку; но измученное тѣло не повиновалось ей... Вѣдь она не видала его двѣ недѣли, цѣлыхъ тяжкихъ четырнадцать дней и ночей, наполненныхъ фантасмагоріями страха. Онъ былъ такъ близко и отъ нея, и отъ бѣды, и такія скудныя свѣдѣнія получала она за это время! И она не жаловалась, она не спорила съ нимъ, не просила... Она знала непреклонность мужа: то, чтò онъ рѣшилъ, считалось наполовину сдѣланнымъ.

И выдержавъ храбро всѣ эти истязанія, Анна теперь обезсилѣла. Увидѣть мужа невредимымъ оказалось для нея слишкомъ большимъ, непосильнымъ счастьемъ.

Скобельцынъ нагнулся къ ней, но она была не въ силахъ отвѣтить ему даже улыбкой: красота этого вечера, его ясная тишина и тотъ великій трагизмъ, который совершился въ Эсауловкѣ, безысходность ея сомнѣній, беззавѣтная рѣшительность мужа—все это разомъ столкнулось въ душѣ Анны. Она точно захлебнулась отъ нахлынувшихъ мыслей о безбрежности жизни; но тотчасъ же, какъ бы разрѣшая всѣ противорѣчія, ее осѣпила своимъ чернымъ крыломъ идея смерти... смерти неумолимой, неминуемой, всѣхъ согласныхъ и несогласныхъ,—далекой ли, близкой, все равно!

Но, какъ всегда, Анна скрыла это чувство, и тихонько сказала, пытаясь улыбнуться:

— Ты пахнешь дымомъ.

Вдругъ улыбка сбѣжала съ ея лица, судорога страданія исказила его, и она, привычная покоряться боли, съ тихимъ стономъ откинулась на сѣтку.

XI.

Въ округѣ только и говорили, что о пожарѣ. Здѣсь это была первая рѣшительная битва, данная крестьянствомъ умирающему режиму.

Помѣщики усиленно ѣздили въ губернскій городъ страховать урожай, закладывать землю. Чудовищные слухи о предстоящихъ поджогахъ перелетали изъ усадьбы въ усадьбу, мѣшая спать перепуганнымъ обитателямъ.

Но прошло немного времени, и всѣ стали успокаиваться: въ Эсауловку привели казаковъ, и уже до суда крестьяне были такъ наказаны, что даже самые недовѣрчивые изъ дворянъ повѣрили въ силу правительства.

Тогда случилось обратное: замерла жизнь въ деревнѣ; а въ усадьбахъ домашній обиходъ началъ вступать въ свои права.

Локустовка стояла на пути къ губернскому городу, и всѣ окрестные помѣщики заѣзжали сюда закусить, дать передышку лошадямъ, побесѣдовать.

Степанъ Михайловичъ выслушивалъ жалобы, сочувствовалъ, кормилъ на славу и, провожая дорогихъ гостей, кланялся на „заднемъ парадѣ“; но лицо его при этомъ оставалось холоднымъ: онъ презиралъ этихъ ноющихъ, трусливыхъ дворянъ. Онъ

былъ увѣренъ,—у него ничего подобнаго не случится; отъ Панцыревыхъ остались такіе каменные амбары, которые могутъ выдержать натискъ военной силы. Конечно, и въ Ловустовкѣ крестьяне стали грубѣе, среди рабочихъ дисциплина ослабѣла; но онъ былъ увѣренъ, что съ этимъ справится. Да и „доклады" Дормидонтыча, отлично освѣдомленнаго насчетъ психологіи окружающей меньшей братіи, не вызывали никакой тревоги: самый буйный элементъ деревни началъ переселяться давно, еще со времени трагической кончины сына... Ужасъ случившагося создалъ это невысказанное, негласное соглашеніе, и кровь его точно примирила деревню съ усадьбой.

Конечно, теперь народилось новое поколѣніе; но даже и его старикъ не боялся. Пусть попытаются придти къ нему—онъ выпуститъ всѣ пули изъ ружей и револьверовъ, защищая свое добро, а еще больше—свой авторитетъ.

И по контрасту съ этими жалкими, испуганными сосѣдями, Степанъ Михайловичъ чувствовалъ себя сильнѣе; ихъ страхи дѣлали его увѣреннѣе въ незыблемости собственнаго благополучія.

Давно уже старикъ не былъ такъ хорошо настроенъ, какъ за послѣднее время: Валя, выдержавши сразу экзаменъ, поступилъ въ университетъ; Марѳа, что ни говори, отвоевала себѣ почетное положеніе въ жизни; Антонъ, окончившій курсъ Петровской академіи, становился настоящимъ помощникомъ.

И дѣдъ не могъ надышаться на Антона, говорилъ только съ нимъ и часто, за столомъ, поговаривалъ о женитьбѣ.

— Не добро быть мужику едину, — замѣчалъ онъ иногда особеннымъ, радостнымъ голосомъ, — при землѣ должна быть и хозяйка.

Антонъ улыбался; но что-то принужденное замѣчалось въ этой улыбкѣ.

Возмужавшій, ширококостый крѣпышъ, Антонъ тщательно старался скрыть отъ дѣда какую-то перемѣну въ своей душѣ. И глаза его смотрѣли теперь иначе, и на безхитростныя черты легло особое выраженіе. Что-то новое стучалось въ его сердце; но онъ пугался, не хотѣлъ, отгонялъ... Онъ старался смотрѣть на событія, происходящія вокругъ, глазами дѣда, боролся противъ сомнѣній, анализа жизни... Онъ хотѣлъ прожить свою жизнь спокойно. Онъ предавался труду съ прежнимъ радостнымъ рвеніемъ,—но эта еще едва замѣтная трещина уже слегка вліяла на непосредственность его поступковъ. Теперь Антонъ еще сильнѣе чувствовалъ свою отчужденность отъ Марѳы и

Вали. Эти всегда были вмѣстѣ; они вели долгія бесѣды между собою, которыя обрывались, когда подходилъ Антонъ...

Марѳа вовсе не старалась „распропагандировывать“ Валю; напротивъ, она сомнѣвалась, чтобы его созерцательная и слишкомъ требовательная натура была способна къ активной борьбѣ. Поэтому Марѳа съ нѣжной заботливостью старалась указать брату всѣ трудности такой борьбы, оставляя въ тѣни ея эффектныя, захватывающія стороны.

Валя также находился на распутьи: онъ привыкъ вѣрить Марѳѣ; но въ то же время исповѣдь его милой Нанни запечатлѣлась у него на сердцѣ; и эти два міросозерцанія вели тамъ непрерывную борьбу. Онъ иногда утомлялся, роподалъ.

— Я былъ счастливѣе раньше, когда ни о чемъ не думалъ, — вырвалось у него однажды, — а теперь... Не сталъ я теперь сильнѣе! Антону гораздо лучше...

— Еще лучше Дормидонтычу, — отвѣтила ему въ тонъ Марѳа, — а всѣхъ лучше, навѣрно, Барбосу.

Они сидѣли внизу, на пристани.

Паромъ только-что отчалилъ, вызванный толпой рабочихъ, пестрая толпа которыхъ виднѣлась на томъ берегу разноцвѣтными пятнами.

Послѣ нестерпимыхъ жаровъ пошли дожди; рѣка вздулась, едва сдерживаемая плоскими берегами. Мутная вода покрывала доски пристани, и Валя съ Марѳой примостились на ея широкихъ перилахъ, упираясь ногами въ скамейку.

Вѣтеръ дулъ на берегъ, колыхая мостки; привязанная къ столбу лодка ежеминутно вздрагивала, сердито дергала цѣпь, сотрясала перила. Изрѣдка солнечный лучъ прорѣзывалъ черныя тучи, и тогда на стальныхъ волнахъ широкими столбами ложились золотые блики.

Валя сидѣлъ, крѣпко прижавшись къ сестрѣ, которая обнимала его своей широкой веснущатой рукою. Дормидонтычъ бродилъ гдѣ-то близко въ камышахъ, разыскивая утокъ.

— Это вѣчный и неразрѣшимый споръ между сознательнымъ и безсознательнымъ въ человѣкѣ, — прибавила Марѳа, — и ненужный... потому что ничто не можетъ закрыть глаза, разъ они открылись...

Валя молчалъ, наблюдая, какъ вода съ сердитымъ хлюпаньемъ атаковывала доски. Послѣ яростныхъ ударовъ, она, точно усталая, растекалась плавно зигзагообразными полукругами, со змѣившейся коемкой ряби по краямъ. Или, вдругъ, начинала сотрясать мостки снизу, и тогда изъ щелей выбивалась наверхъ жел-

тая пѣна. Она металась, точно одушевленная сознаніемъ, точно ищущая выхода, простора... Клочки ея собирались вмѣстѣ и вдругъ, соединенными силами, подбирались къ щелкѣ, чтобы ускользнуть внизъ, въ родную, темную бездну; но оттуда неожиданно выхлестывала враждебная волна, и ноздреватый желтый комочекъ откидывался ею еще дальше.

— Вотъ такъ и я!—задумчиво сказалъ Валя.—Посмотри на эту пѣну... Я выбился также изъ жизни—зачѣмъ? Неизвѣстно! И также тянетъ меня снова въ ея глубины; но какая-то сила заставляетъ все метаться...

— Лишь бы только не безцѣльно, Валикъ,—ласково замѣтила Мароа.

— Цѣль... цѣль,—прошепталъ юноша:—вездѣ такъ много цѣлей... А какъ угадать истинную цѣль?

— Этой схоластики я въ себѣ никогда не допускала,—возразила Мароа:—я выбирала цѣль по всей силѣ моего разумѣнія, я боролась за нее и довольствовалась малыми результатами... Я знаю, что великое за меня сдѣлаетъ судьба...

Валя помолчалъ.

— Я, собственно, нелѣпый... — сказалъ онъ затѣмъ дрожащимъ голосомъ: — я бы хотѣлъ увидѣть результаты своихъ усилій... иначе скучно работать...

— По-моему, это самое вредное упрямство требовать осуществленія воочію своего идеала... Надо только изо всѣхъ силъ работать для этого...

Неожиданно вѣтеръ рванулъ съ удвоенной силой, мостки закачало, Валя съ Мароой чуть не упали въ воду; а тростники прибрежные, вдругъ содрогнувшись, отвѣтили вѣтру плавнымъ полукруглымъ поклономъ.

Гдѣ-то совсѣмъ близко раздался голосъ Дормидонтыча, по обыкновенію, корившаго свою пернатую паству: утки, забывъ всякій стыдъ, хозяйничали на огородѣ!

— Даже курица этого не могитъ! — усовѣщивалъ старикъ, подкрѣпляя аргументацію весьма развѣтвленной хворостиной.— А курица больше правъ имѣетъ: курицѣ вода заказана! Кша! Кша! Не нравится? Собаки безсовѣстныя! Рвань непорядочная!..

Наступила пауза, прерываемая щелканьемъ лозы, и затѣмъ раздалось уже тягчайшее оскорбленіе:

— Некомпетентныя!

— Некомпетентныя! — повторилъ Валя, желая скрыть свое волненіе подъ искусственной веселостью.—Какой смѣшной!... И что онъ этимъ хочетъ сказать?

Онъ прижалъ свое лицо къ щекѣ Марѳы, смѣясь и повторяя:

— Некомпетентныя!

Смѣхъ его замиралъ, становясь все искусственнѣе; наконецъ, и совсѣмъ затихъ... Послѣ маленькой паузы Марѳа вдругъ почувствовала у себя на щекѣ нѣсколько его горячихъ слезинокъ.

Валя хотѣлъ поднять голову, но сестра удержала ее подлѣ себя своей сильной рукою.

Надвигались сумерки, вѣтеръ стихалъ. Валя чувствовалъ себя теперь гораздо спокойнѣе; ему было пріятно отдыхать на плечѣ Марѳы. Онъ глубоко вздохнулъ, закрылъ глаза, еще мокрые отъ слезъ, и прошепталъ:

— Стыдно мнѣ ныть... Развѣ не счастье имѣть тебя своимъ другомъ?

— Я тебя понимаю! — отвѣтила Марѳа низкимъ груднымъ голосомъ.—Я сама все это переживала... но я—чернорабочая и въ трудѣ забывала...

Легкая краска покрыла лицо дѣвушки. Она вспомнила еще кое-что изъ дней своей молодости, которую она считала давно прошедшей... Она вспомнила про свои увлеченія, которыя такъ тщательно скрывала, что никому и въ голову не приходило заподозрить въ этой суровой дѣвушкѣ нѣжное сердце. А между тѣмъ она втайнѣ влюблялась и въ учителей, и въ профессоровъ, безъ всякой надежды на взаимность, презирая себя за это. Она мечтала и о Владимірѣ Панцыревѣ, но скорѣе дала бы себя убить, чѣмъ какимъ-нибудь намекомъ проявить свое чувство. Теперь ея горячее сердце уже остыло, и она, краснѣя, вспоминала о непростительной слабости юныхъ дней.

— Угу! Угу!—вдругъ совсѣмъ близко закричалъ Дормидонтычъ, и его высокій силуэтъ появился у перевоза.

Онъ гналъ впереди себя стаю крякающихъ, мятущихся утокъ, которыя вдругъ слетѣли съ берега и красиво разсыпались бѣлыми матовыми пятнами по блестящей стали потемнѣвшей воды.

Старикъ подошелъ къ „баричамъ“ и сѣлъ на скамейку, опустивъ свои тяжелые сапоги прямо въ воду.

— Простудишься, дѣдъ,—сказала Марѳа.

— Отъ-то! развѣ мы господа?—равнодушно возразилъ онъ, и, потянувшись, прибавилъ:—Охо-хо-хо, спинушка ломитъ, грѣшная.

Дормидонтычъ вздохнулъ; отъ него такъ и понесло сивухой: онъ былъ навеселѣ.

— Старость пришла, дѣдъ?—сказала Мареа, стараясь по казать, что она не замѣчаетъ этого; но Валя брезгливо отодвинулся: съ тѣхъ поръ какъ онъ узналъ, что его старый пріятель занимается доносами, его былая дружба къ нему исчезла.

— И не отъ старости это вовсе, матушка моя маленькая,— задорно возразилъ дѣдъ,—это еще съ тѣхъ поръ, какъ молодого барина подъ вѣдмедя подвели...

— Какого барина?—спросилъ Валя, чувствуя, какъ вздрогнула рука Мареы, обнимавшая его плечо.

— Да нашего... упокойника Лексѣя Степановича,—равнодушно отвѣтилъ дѣдъ.

Мареа сдѣлала движеніе, желая встать; но Валя стиснулъ ей руку.

— Значитъ, моего отца нарочно подвели подъ медвѣдя?— спросилъ онъ спокойно, хотя голосъ его пріобрѣлъ особенный металлическій оттѣнокъ.

— Зачѣмъ...—начала-было Мареа; но Валя перебилъ ее.

— Оставь! — сказалъ онъ повелительно. — Вѣдь рано или поздно я долженъ узнать...

Онъ отодвинулся отъ сестры и закрылъ лицо похолодѣвшими руками, стараясь справиться съ охватившимъ его волненіемъ. Онъ хотѣлъ мужественно, лицомъ къ лицу, встрѣтиться съ этой семейной тайной, которую отъ него скрывали. Обыкновенно, на свои вопросы о родителяхъ, онъ получалъ уклончивые отвѣты; онъ только и зналъ, что по роковой случайности они оба умерли въ тотъ день, когда онъ родился. И такъ какъ въ дѣтствѣ невѣроятное принимается такъ же просто, какъ и обыденное, то онъ привыкъ относиться къ этому, какъ къ факту, который надо принимать безъ всякой критики. Но чтобы этотъ фактъ прикрывалъ собою такой безграничный, такой безпросвѣтный ужасъ,—чтобы этотъ фактъ усугубилъ его душевныя страданія, сдѣлалъ ихъ неутолимыми... Эта тяжесть казалась ему не по силамъ.

— Пойдемъ, Валикъ,—умоляюще прошептала Мареа.

— Нѣтъ!—рѣзко сказалъ онъ:—наконецъ, имѣю же я право знать?

Онъ отнялъ руки отъ лица, выпрямился, точно собирая свои силы для предстоящей битвы, и спросилъ еще разъ:

— Значитъ, отца нарочно подвели подъ медвѣдя?

— А кто ихъ знаетъ, нашихъ мужиковъ?—отвѣчалъ Дормидонтычъ.—Какъ это вышелъ Мишка изъ берлоги, да пошелъ на Лексѣя Степановича, — они всѣ глянули другъ на дружку,

да и попятились къ болоту. А Лексѣй Степановичъ позираетъ на насъ, да на Мишку, да какъ заголоси-итъ: „Братцы, что же вы это!“

Дормидонтычъ вздохнулъ.

— Ну, и что же?.. Что же? — истерически торопилъ его Валя.

— Я, было, кинулся впередъ; а Васька—что-бъ ему!—бухъ мнѣ въ ноги... Я—прямо въ яму носомъ! Дальше и не помню... Спина-то съ эстихъ поръ и повредилась.

— А дальше что же?

— Говорю, дальше не помню! Очувствовался я—не могу вылѣзть! Яма скользкая — ухвачусь за землю, а она отваливается... Ну! бѣды! За мной только къ вечеру навѣдались... Слышу: барина вѣдмедемъ задавило.

— Но за что же? За что такой судъ?

— Суда и не было,—отвѣчалъ старикъ, присматриваясь къ бѣлымъ точкамъ, которыя мелькали въ камышахъ, по направленію къ огороду:—Гляди-ко, гляди! Утки... Опять грабить салату идутъ...

Онъ вскочилъ, зашагалъ по хлюпающимъ доскамъ; но потомъ снова сѣлъ.

— Хитрятъ!—старикъ ласково подмигнулъ.—Вы хитры, да и я не простъ... Тамъ видно будетъ, кто кого...

Онъ зѣвнулъ, перекрестилъ ротъ и прибавилъ:

— Суда не было... Какой судъ? Надъ вѣдмедемъ, что-ли?

И вдругъ неожиданно сорвался съ мѣста: бѣлыя пятна исчезли, а издали доносилось побѣдоносное кряканье.

— Неестественныя!—крикнулъ дѣдъ, и скрылся въ прибрежной лозѣ.

Стало совсѣмъ тихо. Закатывалось багровое солнце. Отъ грузной черной тучи, нависшей надъ западомъ, постепенно отрывались разорванные клочки; огненно-зловѣщіе, они медленно плыли на темномъ фонѣ клубящагося тумана и, описавъ полукругъ, опускались въ груду тучъ на востокѣ. Снѣжно-бѣлыя, фіолетовыя, розовато-лиловыя—эти яркія лохмотья громоздились тамъ другъ на другѣ, перемѣшавши между собой всѣ краски, и медленно гаснули на радужномъ фонѣ, оставляя коричневыя тѣни. Поромъ, подходившій съ того берега, едва шевелилъ на стихшей рѣкѣ зловѣщія отраженія этихъ пестрыхъ пятенъ

— И какъ просто... какъ равнодушно разсказалъ онъ мнѣ все это!—воскликнулъ Валя!—Утки занимали его больше!

— Но вѣдь прошло уже двадцать лѣтъ,—возразила Марѳа.

— И ты знала? Ты знала?—допытывался Валя.

— Знала...—отвѣчала сестра.

— Но за что? За что?—онъ соскочилъ на доски и прямо по водѣ пошелъ къ парку, повторяя:

— За что же, за что, Мара?

Маряа шла за нимъ, не отвѣчая.

XII.

Судьба точно заранѣе готовила Валю къ удару, который, наконецъ, былъ ему нанесенъ. Она рано разбудила его душу, напоила ее горечью рефлективныхъ страданій и тогда только дружеской рукой Дормидонтыча бросила на его плечи тяжелую ношу.

Валя принялъ этотъ ударъ гораздо спокойнѣе, чѣмъ ожидала Маряа. Его безпредметныя терзанія, наконецъ, воплотились, и онъ почувствовалъ даже облегченіе, точно послѣ перелома болѣзни. Онъ созналъ себя возмужавшимъ, закаленнымъ, съ опредѣленной цѣлью въ жизни. Это уже были не ребяческія мечты о завоеваніи дѣдовскаго сердца, того идеальнаго сердца, которымъ онъ грезилъ когда-то во снѣ... И это не были тщеславные потуги юноши, создававшаго поэму о великомъ мудрецѣ, оскорбляемомъ толпою. Предъ Валей встала реальная и, какъ ему казалось, осуществимая задача — заставить всѣхъ отречься отъ земли, обагренной кровью. Онъ вдругъ увидѣлъ смыслъ своей жизни, ея красоту, обѣтованье, и благодаря этому выбился изъ трясины сомнѣній. И въ первый разъ онъ бодро посмотрѣлъ впередъ, предчувствуя въ грядущемъ новую, неизвѣданную радость, купленную отреченіемъ.

Насчетъ причинъ ужасной расправы, Маряа могла сообщить только догадки, такъ какъ въ семьѣ никогда не говорили объ этомъ. Вѣроятно, за землю. Отецъ былъ строгій исполнитель всѣхъ предначертаній дѣда и неумолимо проводилъ ихъ въ жизнь; а жизнь, въ свою очередь, отвѣтила ему съ такой же неумолимостью.

— Я мало помню отца, — говорила Маряа, — но тотъ моментъ, когда внесли его трупъ на носилкахъ изъ еловыхъ вѣтокъ... О, этого я никогда не забуду! И крика мамы тоже... Я никогда бы сама не разсказала тебѣ... Я была бы такъ счастлива, еслибы ты не зналъ...

— Напрасно,—возразилъ онъ, и въ глазахъ его появилось глубокое, мистическое выраженіе:—я родился какъ разъ въ

такую минуту... Значитъ, для того, чтобы искупить... Подумай только, какъ должны были быть озлоблены тѣ, которые стояли и смотрѣли... Чтò должны были они чувствовать потомъ, когда сами же несли его къ дому?

Валя глядѣлъ вдаль; глаза его становились вдохновенными. Онъ спрашивалъ:

— Они живы еще? Они здѣсь, въ деревнѣ?

— О, нѣтъ, они переселились... Дѣдъ, какъ человѣкъ благоразумный, сдѣлалъ видъ, что повѣрилъ... но они, все-таки, боялись.

— Я бы хотѣлъ ихъ видѣть... Я бы сказалъ имъ, что прощаю, я бы у нихъ просилъ прощенія... Я бы сказалъ, что теперь вся моя жизнь, вся жизнь... будетъ искупленіемъ...

Ему хотѣлось знать подробности великой драмы, но Мароа ничего не могла больше разсказать ему; а спрашивать кого-нибудь другого у него не хватало духу... Развѣ—панцыревскую старушку? Да, нянечка, умная, доброжелательная, со своимъ крестьянскимъ здравымъ смысломъ, не станетъ уменьшать размѣры бѣдствія и разскажетъ все, какъ было.

Въ одно изъ воскресеній Валя отправился въ церковь. Онъ зналъ, что тамъ захватитъ старушку, которая никогда не пропускала обѣдни. Стоя на обычномъ мѣстѣ, у собственнаго стула, на собственномъ коврикѣ, нянечка пламенно молилась о благополучіи ея дорогого, ея любимаго семейства. Она молила Бога простить имъ кажущееся невѣріе, она клялась собственнымъ спасеніемъ, что всѣ въ домѣ — наилучшіе христіане... и нянечка земно кланялась строгой Божіей Матери Одигитріи, которую она больше всего любила за темное старинное письмо, и крестилась двуперстнымъ знаменіемъ.

Окончивъ молиться, нянечка выходила на паперть, гдѣ ее встрѣчала ветхая нищенка.

Обѣ старушки степенно отвѣшивали другъ другу по три земныхъ поклона. Нищенка, полугорбатая, худая, быстро сгибалась привычнымъ униженнымъ жестомъ; нянечка неторопливо качала полное тѣло, и кончики канаусоваго платка на головѣ ея дрожали.

Затѣмъ нянечка вынимала изъ узелка мѣдную монету и, крестясь, подавала ее нищенкѣ. Послѣдняя также крестилась, вздыхала, утирала кулакомъ глаза, которые, впрочемъ, всегда были сухи, и громко поминала всѣхъ присныхъ подательницы.

Нянечка, съ глубокимъ убѣжденіемъ въ полезности этихъ

поминовеній, чутко прислушивалась къ перечисленію именъ, какъ бы не довѣряя ея добросовѣстности.

На этотъ разъ нянечка сократила обрядъ, такъ какъ замѣтила Валю, сидѣвшаго на кладбищѣ у чугуннаго памятника.

— Здравствуй, касатикъ!—сказала она, шурша крахмаленными юбками и шолковой трещащей шалью. — Гулялъ, видно? Притомился?

— Да, гулялъ,—отвѣтилъ Валя; — теперь вмѣстѣ пойдемъ къ порому.

Они прошли городскія улицы и по тропинкѣ, среди разбросанныхъ лачужекъ предмѣстья, спустились къ пристани. Порома не было.

— Обѣдаютъ сейчасъ, надо подождать, — сказала нянечка и сѣла на скамейку.

Отъ влажныхъ мостковъ шелъ паръ, непрерывно сдуваемый въ воду порывами вѣтра. Отливая радугой, онъ клубился на ея блестящей поверхности и затѣмъ таялъ въ лучахъ солнца. У перевоза стоялъ гранитный столбъ, и, точно защищая его, старая береза склонила надъ нимъ свои засохшія вѣтви, среди которыхъ трепетала еще зеленая корона листьевъ, вспоенная ея умирающими соками.

На противоположномъ берегу красовался бѣлый домъ Локустова; надъ домомъ—неправильный квадратъ деревни Панцыревки, разрѣзанный единственной широкой улицей съ растрепанными соломенными крышами; выше—опять чудесный садъ Панцырева, въ которомъ прятался его флигелекъ, сверкая галлереей изъ разноцвѣтныхъ стеколъ; а на самомъ шпицѣ горы—Эолова арѳа, въ которой, по преданію, любилъ работать другъ семьи—Грановскій.

Валя смотрѣлъ на этотъ чудесный видъ со смѣшаннымъ чувствомъ наслажденія и печали.

— Нянечка,—сказалъ онъ, наконецъ, съ усиліемъ, —здѣсь очень не любили моего отца?

Старушка нисколько не удивилась неожиданному вопросу.

— За что̀ любить было, Валичка?—отвѣчала она, вздохнувъ.—Сколько изъ-за васъ народу обѣдняло, переселилось! А народъ все вольный, балованный—наши его какъ распустили!.. Гдѣ наше, гдѣ ихнее—никто не разбиралъ. Потомъ, какъ дѣдинькѣ досталось... хоть остаточки, хоть дребезги—а все лестно! Сперва бѣдные вы были, а тутъ—точно съ неба свалилось—помѣщики! Вотъ, дѣдинька и возгордѣлъ! „Я—говоритъ—ихъ чересполосицей дойму!“ И донялъ, что̀ говорить!

Нянечка нагнулась къ Валѣ.

— Дорогу заперъ,—прошептала она,—на поле распахалъ, къ рѣкѣ не стало проходу! Стали мужики рыть колодецъ на клаптикѣ маленькомъ для водопою,—а твой отецъ не дозволяетъ: и это, молъ, нашъ клаптикъ... Вотъ мужикамъ и не стало мочи... Богъ ихъ всѣхъ разсудитъ на страшномъ судилищѣ...

Она помолчала, улыбнулась и прибавила, ласково похлопавъ по плечу Валю:

— Вѣдь я повитухой у маменьки была, голубокъ, тебя принимала... Только, помню, сѣла обѣдать, зовутъ къ вамъ... Что̀ за сказъ? Бѣгу... Папенька-то уже на столѣ, покровомъ покрытый... а мамаша твоя бѣдная... даже за акушеркой не успѣли съѣздить... Что̀ же, я приняла, какъ Богъ помогъ...

Нянечка замолчала, наслаждаясь тепломъ и покоемъ. Валя тоже молчалъ, глядя, какъ у ногъ его крутился сухой листочекъ и, шурша, проводилъ по пыльной землѣ полукруглую бороздку.

— А какъ же потомъ? Всѣ все забыли... Все пошло по старому?—проговорилъ онъ, наконецъ, съ усиліемъ.

— Что-жъ, дѣдушка все богатѣлъ,—такое ужъ ему счастье. Дормидонтычъ въ Іерусалимъ ходилъ, за міръ Богу молиться. Земного суда, вишь, не было, такъ чтобы и небесный простилъ. Намъ четки привезъ кипарисовыя.

— А дѣдъ богатѣлъ?..

— Дѣдинька, милый ты мой, и посейчасъ богатѣетъ... Ахъ, никакъ Дормидонтычъ на берегу,—покличь, милый!—перебила себя нянечка, замѣтивъ зоркими старческими глазами знакомую фигуру.

Валя покричалъ, и скоро имъ навстрѣчу двинулся поромъ, сотрясая веревку.

— Дормидонтычъ тогда очень, было, заскучалъ,—продолжала нянечка:—уже подъ вечеръ, вижу, бѣжитъ онъ черезъ дворъ, въ листьяхъ, въ землѣ весь, на палочку опирается, бѣжитъ прямо въ горницы и дѣдинькѣ—бухъ въ ноги! „Прости, молъ, не доглядѣлъ, не уберегъ, молъ, сына твоего любимаго!“ Степанъ-то Михайловичъ этакъ его ногой и кричитъ: „Вонъ!“... Ну, потомъ простилъ...

Поромъ подъѣхалъ.

Скоро спутники были на своемъ берегу. Нянечка распрощалась, торопясь наверхъ; Валя сейчасъ не хотѣлъ никого видѣть. Онъ поднялся, не заходя домой, въ гротъ и тамъ, лежа на соломѣ возлѣ своего вѣрнаго друга, березы, мучительно переживалъ разсказанное старушкой.

И дѣдъ могъ послѣ этого изобрѣтать, присовокуплять?!

Эта мысль пугала Валю, подрывала въ немъ довѣріе къ своимъ силамъ. Какъ же можно подѣйствовать на старика теперь, когда такое прошлое не могло измѣнить его характера?..

И развѣ можно это искупить? Одной жизни тутъ не хватитъ... Но прежде всего надо отказаться! Сдѣлать то, что̀ уже сдѣлала Марѳа. Оставить все, уйти, и трудиться, и работать, чтобы отдать тотъ чужой, тотъ отравленный хлѣбъ, которымъ его вскормили. Это—во всякомъ случаѣ—въ его власти.

XIII.

Былъ жаркій безоблачный день середины августа.

Валя, по обыкновенію, лежалъ у себя въ гротикѣ, когда къ нему заглянулъ Антонъ, предлагая ѣхать на тотъ берегъ купаться.

— Буря опять будетъ,—неохотно отвѣчалъ Валя.

— Пустяки!—возразилъ братъ.

Антонъ страстно любилъ лодочный спортъ, купанье, гимнастику; а Валя предпочиталъ сидѣть раздѣтымъ въ горячемъ пескѣ и смотрѣть на тростникъ, который кланяется синимъ волнамъ, на облака, на ихъ тѣни, скользящія по горамъ; но такъ какъ это можно было дѣлать только на томъ берегу, гдѣ былъ чудесный песокъ, поросшій ивнякомъ, то Валя часто ѣздилъ туда съ братомъ.

Однако, сегодня ему почему-то не хотѣлось: вотъ уже нѣсколько дней, какъ въ природѣ чувствовалось какое-то недомоганье, точно пароксизмы лихорадки. Вдалекѣ гремѣло, сверкала зарница; пріѣзжавшіе „сверху“ разсказывали о чудовищныхъ ливняхъ, ломавшихъ плетни, затоплявшихъ луга, уносившихъ скотину. Дѣйствительно, хотя въ Локустовкѣ стояла засуха, но рѣка вздулась, шумѣла, неся на мутныхъ волнахъ своихъ щепки, бревна, солому. Около полудня начинался низовый вѣтеръ; сперва легкій, едва уловимый, онъ затѣмъ крѣпчалъ до урагана, приносилъ въ прохладныя глубины зеленаго парка жаркую сушь и песокъ степей, поднималъ вихри на дорогахъ, сучилъ тамъ пыль длинными воронками и къ вечеру стихалъ, оставляя послѣ себя массу высушенныхъ листьевъ, растрепанныя полосы хлѣба и пожелтѣвшую траву.

— Но сегодня ничего не будетъ,—убѣждалъ Валю Антонъ,—вчера въ это время вѣдь уже гудѣло.

Дѣйствительно, было тихо, хотя безоблачное небо имѣло мутную окраску и сливалось на горизонтѣ съ землею стѣною тумана.

Однако поѣхали, прихвативъ съ собою поварова сына, двѣнадцатилѣтняго Кондрашку.

Валя купался недолго, ему всегда бывало холодно въ водѣ; зато Антонъ съ Кондрашкой были неутомимы. Валя успѣлъ уже нѣсколько разъ вываляться въ пескѣ и просохнуть, изжарить до красна спину, благодаря горячему солнцу, смотрѣвшему съ неба все болѣе воспаленнымъ глазомъ, а его товарищи все еще ныряли, все боролись и валили другъ друга въ воду, посылая вверхъ тысячи брильянтовыхъ брызговъ. Громкій хохотъ и непрерывный плескъ воды наполняли воздухъ.

— Одѣвайтесь, вы, тритоны этакіе!—кричалъ имъ Валя:—становится неспокойно.

— Глупости!—отвѣчалъ Антонъ, пытаясь опрокинуть Кондрашку внизъ головою.

Валя окунался и снова ложился на песокъ, закрывая набухшую спину рубахой.

А между тѣмъ въ природѣ начиналась какая-то неуловимая тревога. Было какъ будто тихо, однако прибрежный тростникъ вздрагивалъ, кланялся и опять выпрямлялся, чтобы вскорѣ снова поклониться. И по колючкамъ иногда пробѣгала волна надземнаго вѣтра; онѣ вдругъ начинали неловко поворачиваться, вертѣлись колесомъ, сцѣплялись вмѣстѣ и летѣли по песку до какой-нибудь преграды. Мелкія струйки, похожія на клинки широкихъ ножей, захлестывали берегъ, а причаленная лодка начинала безпокойно биться, точно предчувствуя что-то.

У Вали тоже начинало трепетать въ груди.

— Ѣдемъ!—крикнулъ онъ рѣшительно.—Будетъ буря, увидите...

— Мы поспоримъ!—отвѣчалъ Антонъ; но все-таки выскочилъ изъ воды и принялся поспѣшно одѣваться.

— Скорѣй!—торопилъ его Валя:—вонъ появились чайки.

Сѣли на весла, когда уже началъ потягивать порядочный вѣтеръ; а черезъ нѣсколько минутъ онъ сталъ замѣтно вліять на ходъ лодки.

— Противъ вѣтра и противъ теченія,—пробормоталъ Валя, который начиналъ сильнѣе чувствовать внутреннее безпокойство.

— Кондрашка, ставь парусъ!—приказалъ Антонъ.—Ого, сейчасъ полетимъ!

Валя только пожалъ плечами.

Черезъ секунду, визжа веревкой по кольцу, взвился ихъ вѣрный другъ, старый косой парусъ, сѣрый, испещренный пестрыми заплатами. Однако, лодка и съ помощью паруса плохо подвигалась.

— Кондрашка, дуралей, что̀ ты тамъ съ рулемъ дѣлаешь?— кричалъ Антонъ, натягивая бичеву.

— Лучше на весла, это предательскій вѣтеръ,—замѣтилъ Валя, стараясь казаться спокойнымъ.

— Да не кукси ты, Господи!—смѣясь, отвѣчалъ братъ.— Вотъ ужъ, дѣйствительно: „Глядите, какъ онъ худъ и блѣденъ, какъ презираютъ всѣ его“... Чего ты боишься? Не потонемъ... знаешь, почему?

— О, знаю, знаю...—возразилъ презрительно Валя.—Хоть бы ты придумалъ что-нибудь новое.

— Стоитъ безпокоиться, когда мудрость вѣковъ за насъ придумала,—равнодушно бросилъ Антонъ, употребляя все свое искусство морехода, чтобы заставить лавировать лодку.

Валя уже не спорилъ, но, какъ всегда, подумалъ, что Антонъ весьма неумный малый. Говоритъ онъ чужими словами, и для него этого вполнѣ достаточно, такъ какъ чувства его такъ ординарны, что какъ разъ соотвѣтствуютъ этимъ словамъ... Подъ внѣшнимъ дружелюбіемъ Валя скрывалъ отчужденіе къ брату и даже находилъ въ этомъ нѣкоторую высокомѣрную отраду. Онъ тщательно скрывалъ отъ него переживаемыя волненія, горделиво надѣясь справиться съ ними самому, безъ его помощи.

Парусъ визжалъ и бился на своей ржавой петлѣ; стая чаекъ съ криками летѣла за лодкой, купая грудь свою въ водѣ; Валя закрылъ глаза, чтобы не видѣть кровавыхъ бликовъ солнца, отъ которыхъ его тошнило. Наконецъ, онъ поднялъ голову и взглянулъ вдаль.

— Это что̀ тамъ такое?—спросилъ онъ вдругъ, увидѣвъ далеко на горизонтѣ узенькую полосочку песочнаго цвѣта.

Антонъ, встряхнувъ прилипшими ко лбу волосами, нетерпѣливо оглянулся.

— Ничего не вижу,—отвѣтилъ онъ снисходительно.—А ты ужъ испугался, „о, могучая стихія“?

— А ты видишь, Кондрашка?—обратился Валя къ мальчику, отвѣчая презрительнымъ равнодушіемъ на насмѣшку.

— Вижу,—пробормоталъ Кондрашка.

— Что̀ же это?

— Полоса...—отвѣчалъ мальчикъ, и въ голосѣ его послышался покорный ужасъ.

— Дуракъ!—бросилъ ему сердито Антонъ.

Антонъ имѣлъ право разсердиться: о „полосѣ“ принято не упоминать среди опытныхъ мореплавателей; „полосы“ избѣгаютъ самые закаленные рыбаки; о „полосѣ“ разсказываютъ всякіе страхи зимою, сидя въ безопасности у горячей печи... Антонъ сразу понялъ, что̀ такое эта узенькая сѣрая ленточка на горизонтѣ, но не хотѣлъ волновать свою трусливую команду.

Между тѣмъ узенькая ленточка быстро разворачивалась въ широкій свитокъ. Она затуманила уже даль рѣки, мутнымъ пологомъ нависла на небѣ и, темнѣя все больше, неслась навстрѣчу лодкѣ. Вотъ уже стало видно, какъ закрутилась пыль на прибрежной дорогѣ, какъ пригнулись деревья, какъ захлестали ихъ спутавшіяся вѣтви.

А на рѣкѣ еще только дуетъ ровный вѣтеръ, небо голубое, солнце свѣтитъ, разсыпаясь по безпокойной ряби сотнями кровавыхъ бликовъ, и лодка упрямо лавируетъ, отказывая въ повиновеніи.

— Спусти парусъ... Спусти парусъ... Сейчасъ ударитъ!— шепталъ Валя, который кромѣ страха испытывалъ еще невыносимое нервное безпокойство.

Но братъ, закусивъ губы, молча боролся съ невидимымъ врагомъ. Ему казалось, что кто-то заколдовалъ рѣку.

— Вотъ бы добраться намъ до стержня,—говорилъ Антонъ.

Онъ не только не испытывалъ страха, но былъ упоенъ борьбой и гордился передъ свидѣтелями своимъ мужествомъ.

Но имъ не удалось добраться до стержня. Сѣрый пологъ надвигался все быстрѣе. Стало слышно завываніе вихря; рѣка потемнѣла, небо становилось пепельно-грязнымъ; наконецъ затмилось солнце, и съ острыхъ гребешковъ волны исчезли его кровавые блики.

И вдругъ это грозное, это мучительно ожидаемое прилетѣло... Съ воемъ, съ визгомъ накинулось оно на лодку, ударило въ парусъ съ необычайной силой. Мачта накренилась, бортъ сильно зачерпнулъ воду.

— Парусъ!.. — прошепталъ Валя, но Антонъ его не слышалъ.

Онъ хотѣлъ кричать, звать на помощь, но вокругъ никого не было, а носъ и ротъ его были набиты пескомъ...

— Теперь-то ужъ мигомъ домчимся! — донеслись до Вали точно издалека слова Антона; но всѣ его усилія ни къ чему не приводили.

Съ его багроваго лица потъ струился грязнымъ потокомъ,

вѣтеръ сзади надувалъ и рвалъ его рубаху, обращая ее въ подобіе какого-то громаднаго шара. Фуражка давно слетѣла съ его головы въ воду, волоса дыбились то вправо, то влѣво; но зато маленькіе сѣрые глаза горѣли вызовомъ, энергіей.

— О, вы меня еще не знаете... еще не знаете!—бормоталъ онъ, изо всѣхъ силъ удерживая веревку.

Но вдругъ старая парусина начала трещать и рваться.

— Чтò же ты дѣлаешь?—наконецъ изо всей силы крикнулъ Валя, заглушая на мгновеніе этимъ отчаяннымъ крикомъ безумный ревъ урагана.

Антонъ пробормоталъ ругательство и сталъ при этомъ очень похожъ на дѣда. Затѣмъ онъ отпустилъ петлю, и парусъ слетѣлъ на дно лодки, покрывъ собой Валю и помертвѣвшаго отъ страха, но безмолвнаго Кондрашку.

— Держи противъ вѣтра!—кричалъ чтò есть мочи Антонъ, хватая весла и съ могучимъ взмахомъ откидываясь назадъ. Валя изо всѣхъ силъ старался помогать ему; но весла ничему не могли помочь.

— Работай же, дуракъ! Работай! — поощрялъ Антонъ; наконецъ, увидалъ тщету всѣхъ усилій.

— Ну, тогда надо править обратно, иначе—капутъ!—проговорилъ онъ, внезапно успокоиваясь.—Кондрашка, поворачивай назадъ... влѣво, руль, влѣво, живѣе!

Кондрашка изъ кожи лѣзъ, но Антонъ требовалъ невозможнаго. Лодка металась, захлестываемая волнами, ее перебрасывало съ одного пѣнистаго гребня на другой, какъ мячикъ, руль поднимался надъ водой.

— Брось руль, бери весло! — скомандовалъ Антонъ. — Всѣ сразу веслами влѣво... скорѣе, ну же! Ну, еще разокъ! Еще! Живо, по командѣ!

Съ минуту длилась борьба. Жадная стихія не хотѣла уступить своей добычи, но энергія Антона отвоевала ее. Сначала лодка стала поперекъ, черпая бортомъ; а затѣмъ, громадными усиліями ее удалось поставить кормой подъ вѣтеръ, и она, какъ обезумѣвшая птица, понеслась обратно. Она летѣла такъ до тѣхъ поръ, пока не врѣзалась въ бѣлый хрустящій песокъ и тамъ замерла...

А Валя все сидѣлъ, боясь пошевелиться.

— Выходи же!—сказалъ Антонъ.—Надо ее вытащить больше, не то—вѣтеръ сорветъ.

Кое-какъ вылѣзъ Валя, и тутъ же упалъ на песокъ, пока Антонъ съ Кондрашкой суетились подлѣ лодки.

„Полоса“ со своимъ пескомъ и душнымъ смрадомъ улетѣла дальше; но ей навстрѣчу ползла тяжелая одноцвѣтная туча, ползла медленно, глухо ворча, противъ вѣтра, все покрывая одноцвѣтной сѣрой шапкой. И побѣжденный вихрь вдругъ утихъ, пески поспѣшно ложились на мѣсто; свинцовыя волны судорожно старались успокоиться въ зеленыхъ берегахъ... Тогда изъ спокойной тучи раздались настоящія угрозы грома, и первыя тяжелыя капли дождя упали на разбушевавшуюся землю.

— Тащи парусъ къ кустамъ!—сказалъ Антонъ Кондрашкѣ, когда лодка была вытащена на безопасное мѣсто.

Соединенными усиліями они накинули парусъ на ивовые кусты и, привязавъ его концы къ корнямъ, устроили палатку.

— Иди ты, „могучая стихія“,—крикнулъ Антонъ,—укрой свою поэтическую главу!

Покорно притащился Валя подъ шатеръ и снова упалъ на землю.

Антонъ съ Кондрашкой помѣстились возлѣ и сейчасъ же захрапѣли.

Валя, при всемъ желаніи, не могъ послѣдовать ихъ примѣру. Онъ прислушивался къ раскатамъ грома, вздрагивалъ отъ молніи, мелькавшей въ кустахъ, подобно гигантскому опахалу, слушалъ, какъ стекала съ паруса вода непрерывными ручьями, и все время думалъ объ Антонѣ. Вотъ, онъ сторонился брата, презиралъ его за неразвитость, за отсутствіе тонкости чувства; а между тѣмъ въ опасную минуту Антонъ оказался мужчиной, тогда какъ онъ, Валя,—малодушнымъ трусомъ.

Валя не только началъ уважать брата, онъ даже радовался полученному уроку, который посбилъ съ него спѣси. То высокомѣрное отчужденіе, которое онъ чувствовалъ къ нему раньше, теперь совершенно исчезло. Онъ сознавалъ себя виноватымъ, несправедливымъ, онъ былъ растроганъ до слезъ своимъ раскаяніемъ, ему хотѣлось сейчасъ же, немедленно оправдаться.

И Валя кинулся къ брату, прильнувъ къ его груди.

Антонъ вздрогнулъ, поглядѣлъ на него сонными, ничего не понимающими глазами; Валя, не дожидаясь вопроса, началъ говорить, горячо, пылко... Онъ каялся, бранилъ себя, клялся измѣниться... Теперь онъ убѣдился, что Антонъ гораздо лучше его, что онъ былъ просто круглый дуракъ, когда чванился передъ нимъ.

Антонъ слушалъ сначала съ недоумѣніемъ, а потомъ радостно пожималъ Валѣ руки. Послѣдній все говорилъ и не могъ наговориться! Онъ отдавалъ теперь брату всю свою душу. Онъ

разсказалъ даже о поэмѣ про „великаго отца“, въ котораго толпа бросаетъ каменья; про Анну, свою больную, прелестную Нанни, которая занимаетъ такъ много мѣста въ его сердцѣ. Объяснялъ, почему былъ грубъ съ домашними, и жаловался, какъ ему бывало больно въ это время. И, наконецъ, коснулся главнаго—того духовнаго перелома, который наступилъ теперь, когда тайна смерти отцовской была ему открыта.

Здѣсь впервые лицо Антона, слушавшаго брата съ большой симпатіей, какъ бы омрачилось.

— Варвары...—прошепталъ онъ.

— Варвары...—повторилъ Валя, и весь его пылъ какъ-то сразу исчезъ.—Ты счастливый, Тонька: сказалъ „варвары“—и думаешь, что этимъ все разрѣшилъ... Но за что̀? Развѣ ничтожная причина можетъ вызвать это?

— Мама была на сносяхъ, а они...—упрямо продолжалъ Антонъ.

— Но вѣдь не предполагаешь же ты въ панцыревскихъ крестьянахъ какихъ-нибудь особенно варварскихъ инстинктовъ?

— А кто ихъ знаетъ? Они всѣ были такъ распущены...

— Ахъ, слова изъ кодекса семейныхъ приличій, идеи Васьки и Амурчика... Но ты поймешь, если не сейчасъ, то потомъ, ты поймешь! Вѣдь это перевернуло мою жизнь... Теперь у меня только одна мысль... искупить...

— Искупить?—повторилъ Антонъ, и недоумѣніе отразилось въ его взорѣ:—ты, ты собираешься искупать ихъ вину?

— Я долженъ искупить нашу вину! Нашу!—воскликнулъ Валя:—до насъ, до Локустовыхъ, здѣсь всѣ жили мирно, никто не думалъ объ убійствѣ... Я точно предчувствовалъ... Не даромъ часто мнѣ бывало такъ тяжело, такъ узко... Эта тайна меня мучила, отравляла воздухъ, которымъ я дышалъ. Я чувствовалъ, но не понималъ... А теперь мнѣ легче... Предшествующее было искусомъ, послушаніемъ; а теперь начнется настоящее, начало работы цѣлой жизни. Я готовъ!

И Валя вдругъ заплакалъ.

Еще вчера онъ счелъ бы это невозможнымъ при Антонѣ; но сегодня ему было такъ сладко облегчить передъ нимъ свою душу.

Антонъ смотрѣлъ на него съ глубокимъ изумленіемъ: этотъ чудакъ, этотъ „пророкъ“, который худъ и блѣденъ, эта „могучая стихія“, этотъ „омлетъ“, надъ которымъ всѣ насмѣхаются... неужели это онъ говоритъ нѣчто важное, значительное, говоритъ такъ, что обычный тонъ легкомысленной насмѣшки выходитъ здѣсь неумѣстнымъ?

— И не это еще главное,—продолжалъ Валя:—самое ужасное—то, что смерть отца ни на что не повліяла, и послѣ этого къ нашему хутору прибавилось еще немало десятинъ.

— Молчи!—воскликнулъ Антонъ.

— Да, да, семейный патріотизмъ...

— Онъ самый! Надо же чего-нибудь держаться на свѣтѣ, иначе скучно... вертѣться безъ ничего, точно вымолоченный колосъ.

— У меня нѣтъ патріотизма и домашнихъ святыхъ я не признаю; для меня свято то, чтò освящено моимъ сознаніемъ.

— Но какъ же, Валикъ, жить среди своихъ, пользоваться ихъ трудами, а въ душѣ...

— Въ этомъ ты правъ! И оттого Марѳа училась на свои деньги... Когда я поступлю въ университетъ, я ничего у васъ брать не стану.

— У васъ...—повторилъ Антонъ.

— Нѣтъ, нѣтъ,—поспѣшно поправился Валя,—ты не виноватъ... пока...,—тише прибавилъ онъ.

Братья помолчали.

— Но какъ же ты представляешь себѣ искупленіе?—задумчиво спросилъ Антонъ.

— Не знаю, ничего не знаю,—отвѣчалъ Валя,—но, навѣрно, можно придумать... надо только не закрывать глазъ, не отрекаться... Вѣчно чувствовать эту вину... Тогда мы придумаемъ,—да, Тоня?

Антонъ молчалъ. Сильная внутренняя борьба омрачила его взоръ, вызвала на лицѣ выраженіе суроваго протеста; но теперь это не отталкивало отъ него Валю.

— А дѣдъ?—пробормоталъ, наконецъ, Антонъ:—дѣдъ, который меня на своихъ рукахъ вынянчилъ? Я предамъ своего дѣда? Я втайнѣ стану осуждать его? Нѣтъ! Нѣтъ! Я не хочу больше говорить объ этомъ, довольно!

Валя отъ него отвернулся.

— Ну, ладно,—продолжалъ Антонъ съ повеселѣвшимъ лицомъ:—скажи, неужели было бы честно такъ сразу, безъ всякихъ колебаній, измѣнить дѣду?

Валя пожалъ плечами; ему не хотѣлось сознаться, что въ словахъ Антона онъ чувствуетъ долю истины.

— Нѣ-тъ, говори!—приставалъ тотъ, окончательно повеселѣвшій: онъ радовался, что нашелъ незыблемый якорь, который удержитъ его отъ сомнѣній.

— Не знаю, не знаю... Но только думаю, что на свѣтѣ

есть высшая правда, передъ которой блѣднѣетъ всякая благодарность,—отвѣчалъ Валя.

Но Антонъ, изъ чувства самосохраненія, не захотѣлъ вслушиваться въ эти слова, и старался только поддержать свой протестъ, а съ нимъ и хорошее расположеніе духа.

— Однако, вечерѣетъ, а Кондрашка все дрыхнетъ... Эй, ты, черноземная сила!

И онъ носкомъ сапога толкнулъ Кондрашку. Онъ часто дѣлалъ это; но сейчасъ Валя былъ слишкомъ расположенъ къ брату, чтобы промолчать, какъ прежде.

— Ну, зачѣмъ ты такъ?—сказалъ онъ.

— Что? Толкнулъ? Вотъ дуралей, да я отъ равноправности!—захохоталъ Антонъ.—Не вѣришь? Кондрашка, эй!

Заспанный мальчишка сѣлъ, протирая глаза.

— Эй, ты, полѣзай-ка сюда!

Антонъ присѣлъ, а Кондрашка, еще не успѣвшій придти въ себя, взгромоздился ему на плечи и оттуда, скаля зубы, смотрѣлъ внизъ на Валю.

— Держи-ись!—крикнулъ Антонъ.

Стремглавъ понесся онъ съ сѣдокомъ внизъ къ лодкѣ, споткнулся о корень, и оба полетѣли кубаремъ на мокрый песокъ.

— Видишь?—торжествовалъ Антонъ, вытирая лицо.—Ему со мной весело, а съ тобой скучно... Кто же изъ насъ лучше къ нему относится?.. Однако, приналяжемъ, братцы, ѣсть чертовски хочется.

Черезъ четверть часа они уже подъѣзжали къ своей пристани, гдѣ ихъ ожидали Марѳа съ Евой Михайловной, которая имѣла глаза, опухшіе отъ слезъ. Сейчасъ она хотѣла и плакать, и смѣяться... Ей хотѣлось обнять поскорѣе своего любимца; но она боялась обидѣть Антона... Поэтому старушка стояла на мосткахъ, еще дрожащая отъ пережитого страха, и только повторяла:

— Я смотрѣла въ бинокль... Это было ужасно...

Но дѣдъ, занятый разговоромъ съ Дулѣбовымъ, обратилъ на внуковъ мало вниманія.

— Видишь,—только сказалъ онъ сестрѣ,—я тебѣ говорилъ, что Тонька справится со всякой бурей...

„Амурчикъ", со своими заостренными ушами сатира, со сложенными на животѣ толстыми ручками и розовой лысиной, чувствовалъ себя вполнѣ въ своей тарелкѣ: глаза всѣхъ были обращены къ нему съ жгучимъ любопытствомъ.

— Ну и что-жъ?—торопилъ его дѣдъ, едва давая ему возможность поздороваться съ внуками.

— Да что-жъ, батюшка мой,—съ добродушно-циничнымъ видомъ продолжалъ свой разсказъ „Амурчикъ":—разграбили все до чиста... Кричали „ура!" и артелью ломали замки, чтобы не было виноватыхъ... А потомъ избили управляющаго... Да тотъ не ропщетъ,—спасибо, хоть живымъ оставили.

— Чего же онъ не стрѣлялъ? — флегматично бросилъ Степанъ Михайловичъ.

— Да вѣдь онъ нѣмецъ, и хитрый нѣмецъ... „Я, говоритъ, хотѣлъ быть только свидѣтелемъ".

— Гм...—пробормоталъ Локустовъ и замолчалъ.

— Чего ему-то, нѣмцу, стрѣлять,—протянулъ „Амурчикъ",— когда сами господа помѣщики своего добра не защищаютъ... Теперь намъ только кланяться да хвосты поджимать...

— Ну, это какъ кому,—бросилъ Локустовъ.

— Да, вотъ, Анастасьевы, совсѣмъ отъ своей земли отказались,—чай, слышали?

— Слышалъ... — равнодушно отвѣчалъ Степанъ Михайловичъ:—мужичкамъ изволили пожертвовать.

— Полуэхтовъ прямо собирается ихъ изъ дворянскаго сословія выключать...

— Зачѣмъ? Они и такъ принадлежатъ больше къ международному сословію—дураковъ...

— Да вѣдь всякій дуракъ долженъ призадуматься, рѣшаясь на такой актъ!.. Вѣдь это провокаціей, батюшка, пахнетъ! Теперь мужики отъ всѣхъ насъ такой дарственной передачи потребуютъ... Ну, продай сосѣду,—ну, отдай дешево въ аренду, если не нуждаешься; но такъ подводить—это... это... Знаете, теперь тамъ весь уѣздъ въ безпокойствѣ. Меня уже исправникъ спрашивалъ, хочу ли я въ Дулѣбово казаковъ?

— Чтò же вы?

— Придется поклониться, — лукаво отвѣчалъ Дулѣбовъ и бросилъ косой взглядъ на „крайнюю лѣвую":—пива-то у насъ больно много наварено, какъ расхлебаютъ все незванные гости— съ меня, вѣдь, компанія спроситъ. Душъ двадцать пришлютъ, хе, хе... если, впрочемъ, считать полностью казацкую душу...

„Крайняя лѣвая" приняла вызовъ.

Не докончивъ чай, Валя неожиданно всталъ и, смертельно блѣдный, стискивая рукою спинку стула, взглянулъ въ упоръ на Дулѣбова. Онъ хотѣлъ сказать что-то, но губы его только задрожали.

— Это еще чтò такое? — спросилъ дѣдъ, притворяясь удивленнымъ.

Валя оторвалъ свою руку отъ спинки стула и вышелъ. За него отвѣтила Мареа.

— Я думаю, мы всѣ понимаемъ, что̀ это такое, — сказала она равнодушно.

— Да я, свѣтики мои, не насилую,—фальшиво-ласково проговорилъ „Амурчикъ".—Разговоръ—дѣло добровольное... только бы ужь не до скандалу, а то „мѣры стану принимать", какъ говоритъ нашъ исправникъ...

Дѣдъ насупился; его огромный покраснѣвшій подбородокъ дрожалъ.

— Молодо-зелено,—медоточилъ Дулѣбовъ.—Ни-че-го! Трепали ленъ, трепали; а потомъ изъ него и полотно ткали...

Но разговоръ, все-таки, оборвался.

А Валя лежалъ на соломѣ въ полутьмѣ своего гротика, стараясь справиться съ озлобленіемъ, которое смѣнило въ его душѣ мирную жажду подвига, искупленія... Какъ искупить? Кого искупать? Развѣ дадутъ они возможность искупленія? Пропасть между нимъ и дѣдомъ становится все шире, и въ этой пропасти погибаетъ и довѣріе къ людямъ, и вѣра въ свои силы...

Теперь казаки отъ нихъ близко, Локустовка соединена съ Дулѣбовомъ телефономъ, и дѣдъ не станетъ колебаться. Да, онъ рѣшится! И этотъ лѣсъ, эта роща, даже родимый тѣнистый паркъ можетъ обагриться кровью тѣхъ, чью вину онъ мечталъ возложить на свои плечи... И что̀ тогда будетъ дѣлать онъ, Валя? И кто возьметъ на себя этотъ горчайшій грѣхъ?

Долго лежалъ Валя въ гротѣ, озлобленный, холодный, неподвижный... Уже взошла ущербленная луна, уже потухъ огонь въ фонарикѣ бабы Евы, какъ вдругъ послышались быстрые шаги по тропинкѣ, и въ голубоватой полосѣ луннаго свѣта появилась коренастая фигура Антона.

— Ты тутъ, Валя?—кричалъ онъ, задыхаясь отъ быстраго бѣга.

Валя вскочилъ съ соломы.

— Что̀ тебѣ?—отвѣчалъ онъ съ сердцемъ, переполненнымъ непривычной ненавистью. — Ты наслушался ихъ и теперь пришелъ? Не хочу я съ тобой говорить, не хочу! А имъ скажи, что я ихъ ненавижу, что считаю ихъ... злодѣями! Что если они велятъ солдатамъ стрѣлять, то я стану впереди всѣхъ... подъ ваши пули!

— Богъ съ тобой!—отвѣчалъ Антонъ испуганно.—Чего это ты? Мало ли что̀ говорятъ!.. Я совсѣмъ о другомъ: сейчасъ прибѣгала Панцыревская нянька: Скобельцынъ арестованъ... Мареа осталась ночевать у Анны.

XIV.

Когда Валя подошелъ къ домику Панцыревыхъ, тамъ уже не видно было свѣта въ окнахъ, и ему пришлось вернуться домой; но на слѣдующій день онъ уже съ утра былъ у Анны.

Нанни снова разсталась съ мужемъ послѣ той памятной для нея ночи. Она изрѣдка получала отъ него записки, со дня на день ожидая новой встрѣчи, пока, наконецъ, не получила письма, написаннаго чужою рукою, гдѣ посторонній человѣкъ осторожно извѣщалъ ее объ арестѣ.

Нянечка задержала Валю въ корридорѣ, куда такъ весело свѣтило солнышко черезъ разноцвѣтныя стекла и ложилось цвѣтными узорами на некрашенныя доски пола.

— Стряслась бѣда, Валинька!—говорила старушка, отворачивая отъ него заплаканное лицо. — И въ толкъ не возьму, съ чего это? Видано что-ли, что бы его, какъ бродягу, въ тюрьму бросили? „Тебѣ, говорятъ, не понять"... Семьдесятъ лѣтъ все на свѣтѣ понимала, а ньнче въ дуры записываютъ...

Кромѣ нянечки, которая сильно волновалась, въ домѣ всѣ старались быть какъ всегда; но блѣдныя лица, ихъ неестественное спокойствіе, выдавали горе.

Георгій Павловичъ молчаливо сидѣлъ въ своемъ креслѣ, и четки въ рукахъ его нервно вздрагивали. Вѣра только-что кончила читать ему газету, а Владиміръ, стоя возлѣ Анны, говорилъ ей:

— Неразумно сразу подчиняться фактамъ... они тоже захватятъ, какъ клещами! Надо смотрѣть жизни прямо въ глаза,— пусть видитъ, что ее не боятся... Ты хочешь меня въ бараній рогъ согнуть, анъ, вотъ, и ошиблась! Я выпрямился и опять живу!

Анна, изсиня-блѣдная, съ большими печальными глазами, сочувственно слушала брата: этотъ неудачникъ, видно, и себя утѣшалъ такими же неутѣшительными разсужденіями, и, желая ей добра, отдавалъ ей то единственное, что̀ имѣлъ въ запасѣ противъ козней жизни.

Не такъ отнесся младшій братъ, Борисъ, крѣпенькій студентъ второго курса.

— То-то ты выискивалъ столько точекъ сопротивленія, — сказалъ онъ: — было у тебя и непротивленіе злу, и физическій трудъ, и къ землѣ ты припадалъ, къ матушкѣ... то толковалъ о

свободномъ самоопредѣленіи, а теперь уже о внутреннемъ освобожденіи...

— Что-жъ,— раздражительно отвѣчалъ Владиміръ,—я ищу, волнуюсь, значитъ, живу... И это уже счастье.

— Живу, гм...—Борисъ высокомѣрно улыбнулся.—Мало ли кто чѣмъ живетъ? Тогда и гнѣвъ тоже счастье?

Въ тонѣ Бориса звучала нотка превосходства надъ неудачникомъ, который можетъ удовлетвориться такимъ убогимъ утѣшеніемъ. Владиміръ подмѣтилъ эту нотку, которая часто начала проскальзывать у брата.

— Что-жъ,—отвѣчалъ онъ спокойно:—бываетъ великій гнѣвъ, который также можетъ доставить счастье.

— Ну,—со смѣхомъ возразилъ Борисъ,—это что-то необычайное... не нитчеанство даже, а просто... нищеанство...

— Это ты отъ нищаго?—по лицу Владиміра скользнула насильственная улыбка; затѣмъ онъ, вздохнувъ, прибавилъ:—Что, братъ, подѣлаешь... надо имѣть какую-нибудь нору, куда укрываться, хотя бы это было даже нищеанство.

— Милый Володя...—прошептала Анна.

Старикъ не вмѣшивался въ разговоръ; но четки въ его рукѣ дергались все нервнѣе, и тяжелыя мысли о безсмысленности русской жизни, о тщетѣ единичныхъ усилій въ борьбѣ съ нею сверлили ему душу. Онъ самъ принужденъ былъ сложить оружіе передъ нею, затѣмъ и безцѣльная жизнь Владиміра опредѣлялась также этой безсмысленностью; но неужели та же судьба постигнетъ Анну, его слабую былинку Нанни, которая не въ силахъ выдержать испытаніе?

Тогда останется нетронутымъ только Борисъ, который, кажется, дѣйствительно, сумѣетъ бороться съ жизнью. Онъ одинъ въ семьѣ заботился о своемъ здоровьи, тогда какъ остальные не обращали на это никакого вниманія. Онъ не курилъ, смотрѣлъ съ снисходительнымъ сожалѣніемъ на Владиміра, поглощавшаго за ѣдою по нѣскольку рюмокъ водки, и даже не пилъ чаю къ ночи. Когда домашніе добродушно посмѣивались надъ нимъ, онъ говорилъ съ полнымъ сознаніемъ своей правоты:

— Надо привыкать бороться... иначе, пожалуй, дойдешь до Володина „нищеанства“.

И всѣ должны были соглашаться, что онъ правъ.

Борисъ одинъ рѣшался въ данное время критиковать поступки Скобельцына. Дѣлалъ онъ это въ отсутствіе Анны, съ принципіальной точки зрѣнія. Съ заносчивостью юноши онъ говорилъ о безполезности активной борьбы, о вредѣ пропаганды насилія.

Анна собиралась въ Петербургъ, куда повезли ея мужа; но въ домѣ не оказалось денегъ. Всѣ надежды сосредоточились на мѣщанинѣ Сидоровѣ, который снялъ садъ и обѣщалъ нянечкѣ выплатить сполна аренду.

Прошло нѣсколько томительныхъ дней, пока, наконецъ, нянечка однажды не вернулась съ деньгами.

Валя не покидалъ Анну до минуты отъѣзда. Она старалась казаться спокойной; но ротъ ея былъ открытъ шире обыкновеннаго и вокругъ губъ легли страдальческія складки. Изъ груди ея вырывалось свистящее дыханіе, на мерцавшіе глаза тяжело опустились перламутровыя вѣки, изломъ бровей безсильно опустился ниже. Она кутала тонкое тѣло въ какую-то широкую, мягкую шаль, согрѣвая подъ ней руки съ синими ногтями.

Когда Валя стоялъ на берегу и, глядя на плавно уходящій паромъ, махалъ ей шляпой, онъ вдругъ почувствовалъ, что его Нанни — человѣкъ конченный! Это испытаніе подрѣжетъ ея слабое здоровье, и вернется она уже не прежней очаровательной, нѣжной феей, а потухшей, надорванной, навѣки несчастной...

Эта мысль пронзила его до отчаянія. Онъ убѣжалъ въ гротъ и тамъ рыдалъ отъ состраданія, придумывая способы, чтобы хоть какъ-нибудь помочь ей перенести нагрянувшую бѣду.

И его прозорливое предчувствіе оправдалось: Анна пріѣхала домой, но то была уже не прежняя Нанни! Поѣздка эта ее окончательно сломила. Дѣло мужа было ясно до ужаса. Его видѣли въ нѣсколькихъ деревняхъ переодѣтымъ и жандармы, и полиція, и казаки. Онъ не отрицалъ ничего при допросахъ и рѣзкостью своихъ отвѣтовъ вооружилъ противъ себя прокурора. Аннѣ было отказано въ свиданіи до окончанія судебнаго слѣдствія, и ей пришлось вернуться, не видавши мужа.

Нѣкоторое время послѣ возвращенія она была еще возбуждена, много разсказывала и, къ ужасу нянечки, курила, курила, не переставая курила... Ротъ ея еще усиленнѣе сталъ ловить дыханіе, глаза переливались мучительными брильянтовыми огнями. Потомъ она замолчала и почти перестала сидѣть въ комнатѣ, проводя время то въ саду, около дома, то на горѣ или въ деревнѣ.

Когда деревенскіе ребятишки замѣчали эту согнутую тонкую фигуру, которую, казалось, могъ унести порывъ зимняго вѣтра, въ темной шубкѣ и съ волочащимся всегда платьемъ, — они шли за ней, безмолвно, не спуская глазъ. Анна останавливалась отдышаться — они также останавливались... Когда она роняла что-нибудь, — а это случалось постоянно, — шарфикъ ли, газету, пла-

токъ или муфту,—они, на-перебой, сварливо толкаясь, бросались поднимать упавшую вещь. И никогда Анна не употребляла никакихъ усилій, чтобы пріобрѣсть эту любовь. Она только раньше иногда болтала съ ними, когда ей того хотѣлось, или читала имъ что-нибудь въ саду, за толстыми колоннами Эоловой арфы. А дѣти привыкли къ ея свободной ласкѣ и требовали ея теперь.

Большей частью Анна, погруженная въ безотрадныя мысли, не обращала на дѣтей никакого вниманія, и они, проводивъ ее до воротъ дома, медленно расходились. Но иногда, замѣчая ихъ выжидательные взгляды, она точно вспоминала о нихъ, звала, по старому, въ домъ и пыталась имъ почитать или спѣть пѣсенку подъ аккомпаниментъ стариннаго рояля... И тутъ руки ея безсильно опускались, голосъ обрывался, губы дрожали, беззвучныя. Притихшія дѣти уходили; а она садилась въ кресло курить, изломанная, согнутая.

Юл. Безродная.

ЗАПИСКИ
С. М. СОЛОВЬЕВА

Мои записки для детей моихъ,

а если можно, и для другихъ [1]).

I.

„Въ трудахъ отъ юности моея"...

5-го мая 1820 года, въ одиннадцать часовъ пополудни, наканунѣ Вознесенія, у священника московскаго коммерческаго училища родился сынъ Сергѣй, слабый, хворый недоносокъ, который цѣлую недѣлю не открывалъ глазъ и не кричалъ.—Помню я тѣсную, плохо меблированную квартиру отца моего, въ нижнемъ этажѣ, выходившую на большой дворъ училища, гдѣ въ послѣобѣденное время и вечеромъ гуляли воспитанники. Самыми близкими и любимыми существами для меня въ раннемъ дѣтствѣ были—старая бабушка и нянька. Послѣдняя, думаю, имѣла немалое вліяніе на образованіе моего характера. Эта женщина (т.-е. старая дѣвушка), сколько я помню самъ и какъ мнѣ разсказывали другіе, обладала прекраснымъ, чистымъ характеромъ: она была сильно набожна, но эта набожность не придавала ея характеру ничего суроваго; она сохраняла постоянно общительность,

[1]) Лѣтъ десять тому назадъ, мы получили копію „Записокъ" нашего маститаго историка и профессора московскаго университета, Сергѣя Михайловича Соловьева, отъ его сына, покойнаго Владиміра Сергѣевича, для помѣщенія въ журналѣ въ качествѣ автобіографіи его отца и, вмѣстѣ, исторіи пережитаго имъ времени. При всемъ желаніи Вл. С. тогда же увидѣть эту автобіографію отца въ печати, его желаніе не-

веселость, желаніе занять, повеселить другихъ, большихъ и малыхъ. Нѣсколько разъ, не менѣе трехъ, путешествовала она въ Соловецкій монастырь и столько же разъ въ Кіевъ, и разсказы объ этихъ путешествіяхъ составляли для меня высочайшее наслажденіе; если я и родился съ склонностью къ занятіямъ историческимъ и географическимъ, то постоянные разсказы старой няни о своихъ хожденіяхъ, о любопытныхъ дальнихъ мѣстахъ, о любопытныхъ приключеніяхъ не могли не развить врожденной въ ребенкѣ склонности! Какъ теперь я помню эти вечера въ нашей тѣсной дѣтской: около большого стола садился я на своемъ дѣтскомъ стуликѣ, двѣ сестры, которыя обѣ были старше меня, одна тремя, а другая шестью годами, старая бабушка съ чулкомъ въ рукахъ и нянька-разсказчица, также съ чулкомъ и въ удивительныхъ очкахъ, которые держались на носу только. Небольшая, худощавая старушка, съ очень пріятнымъ выразительнымъ лицомъ (а тогда для меня просто прелестнымъ), съ добродушно-насмѣшливою улыбкою, безъ умолку разсказывала о странствованіяхъ своихъ вдоль по Великой и Малой Россіи. Я упомянулъ о веселомъ характерѣ старушки, о ея добродушно-насмѣшливой улыбкѣ: и въ разсказахъ своихъ она также любила шутливый тонъ, была мастерица разсказывать забавныя приключенія, и даже въ приключеніяхъ вовсе незабавныхъ умѣла подмѣчать забавную сторону. Такъ, напримѣръ, я очень хорошо помню разсказъ ея о бурѣ, которую вытерпѣло судно съ богомольцами въ устьяхъ Сѣверной Двины, приключеніе нисколько не забавное, и несмотря на то, разсказъ этотъ обыкновенно повторялся, когда молодой компаніи хотѣлось посмѣяться, потому-что разсказчица необыкновенно живо и комично представляла отчаяніе одного

могло быть исполнено, такъ какъ оно встрѣтило препятствіе со стороны одного изъ членовъ семьи, несмотря на то, что и самъ Сергѣй Михайловичъ, повидимому, ничего не имѣлъ бы противъ изданія въ свѣтъ его „Записокъ": по крайней мѣрѣ, онъ, какъ мы видимъ, заявилъ, что его „Записки" пишутся имъ не исключительно для его дѣтей, но также и „для другихъ". Такъ какъ то препятствіе къ напечатанію „Записокъ" устранилось нынѣ само собою, то мы и спѣшимъ теперь исполнить завѣтное желаніе покойнаго Владиміра Сергѣевича, поддерживаемое на этотъ разъ и его родными. Пользуемся настоящимъ случаемъ, чтобы напомнить о трудахъ С. М. Соловьева въ нашемъ журналѣ: начиная съ 1866, перваго года его существованія, и до самой смерти, онъ принималъ постоянное участіе въ немъ; въ 1866—67 гг. была помѣщена у насъ одна изъ выдающихся его монографій: „Эпоха конгрессовъ", и нѣсколько позже: „Россія и Франція въ первой половинѣ царствованія Александра I"; затѣмъ послѣдовалъ цѣлый рядъ „Наблюденій надъ исторической жизнью народовъ" (1868—1876 гг.). Въ самый годъ смерти, въ 1879 г., была нами помѣщена послѣдняя его статья: „Поццо-ди-Борго и Франція".—*Ред.*

портного, который метался изъ одного угла судна въ другой, крича: „О, андель-хранитель!“

А между тѣмъ судьба моей разсказчицы вовсе не была весела. Родилась она въ тульской губерніи, въ помѣщичьей деревнѣ. Однажды, когда отецъ и мать ея были въ полѣ, и она, маленькая дѣвочка, оставалась одна въ избѣ,—приходитъ приказчикъ и съ нимъ какіе-то незнакомые люди: то были купцы, которымъ была запродана дѣвочка; несчастную взяли и повезли изъ деревни, не давши проститься ни съ отцомъ, ни съ матерью. Потомъ ее перепродали въ астраханскую губернію, въ Черный-Яръ, къ купцу. Разсказы объ этой дальней сторонѣ, которой природа такъ рѣзко отлична отъ нашей, о Волгѣ, о рыбной ловлѣ, большихъ фруктовыхъ садахъ, о калмыкахъ и киргизахъ, о похищеніи послѣдними русскихъ людей, объ ихъ страданіяхъ въ неволѣ и бѣгствѣ, также сильно меня занимали. Занимали и разсказы о собственной судьбѣ разсказчицы, о сильныхъ гоненіяхъ, которыя она претерпѣвала отъ хозяйскаго сына; я не могъ понимать причины гоненій, потому что на вопросы получалъ одинъ отвѣтъ: *„да такъ!“*—и сынъ черноярскаго купца представлялся мнѣ сказочнымъ злодѣемъ, который дѣлаетъ зло для зла. Я уже послѣ угадалъ причину гоненій, когда угадалъ, за что жена Пентефрія такъ сильно разсердилась на Іосифа.

Но старый купецъ съ женою иначе смотрѣли на свою рабу и, по прошествіи извѣстнаго срока, отпустили ее на волю за усердную службу. Ей захотѣлось возвратиться на родину, но какъ это сдѣлать? У нея была отпускная, но не было денегъ, и вотъ она пошла въ кабалу къ купцамъ, отправившимся съ товарами въ Москву, т.-е. тѣ обязались доставить ее на родину съ тѣмъ, чтобъ она послѣ заслужила у нихъ деньги, сколько стоилъ провозъ. Трогателенъ былъ разсказъ о свиданіи ея съ матерью, съ которою она должна была скоро опять разлучиться и переселиться въ Москву, гдѣ стала наниматься въ услуженіе.

Я упомянулъ объ умственномъ вліяніи разсказовъ моей няньки, но я не могу не признать религіозно-нравственнаго вліянія; бывало, начнетъ она разсказывать о какомъ-нибудь страшномъ приключеніи съ нею на дорогѣ, о бурѣ на морѣ, о встрѣчѣ съ подозрительными людьми, я въ сильномъ волненіи спрашиваю ее: „И ты это не испугалась, Марьюшка?“ и получаю постоянно въ отвѣтъ: „А Богъ-то, батюшка?“ Если я и родился съ религіознымъ чувствомъ, если въ трудныхъ обстоятельствахъ моей жизни меня поддерживаетъ постоянно надежда на высшую силу,

то думаю, что не имѣю права отвергать и вліянія нянькиныхъ словъ: „А Богъ-то!“

Отходивши меня, Марья-нянька—такъ ее называли въ домѣ—жила нѣсколько времени въ Москвѣ, уже не въ услуженіи, а собственнымъ хозяйствомъ, и вдругъ собралась въ дальній путь, въ старый Іерусалимъ. Изъ Одессы мы получили отъ нея письмо, въ которомъ она увѣдомляла, что садится на корабль. Послѣ возвратившіяся богомолки сказывали, что видѣли ее на Аѳонской горѣ,—и то была послѣдняя вѣсть.

Я распространился о старой нянькѣ своей, потому что вліяніе ея на образованіе моего характера считаю довольно сильнымъ, и потому еще, что послѣ я не встрѣчалъ подобной няньки, и не могъ найти для своихъ дѣтей няньки, хотя сколько-нибудь похожей на мою Марьюшку. Теперь перейду къ другимъ вліяніямъ, которыя начали дѣйствовать, когда уже я сталъ выростать. Важное вліяніе на образованіе моего характера оказала тихая, скромная жизнь въ домѣ отцовскомъ, отсутствіе всякихъ дѣтскихъ развлеченій; сестры мои, какъ я уже сказалъ, были гораздо старше меня, ихъ скоро отдали въ пансіонъ, и я по цѣлымъ днямъ оставался совершенно одинъ; вотъ почему, когда я выучился читать, то съ жадностью бросился на книги, которыя и составляли мое главное развлеченіе и наслажденіе. Восьми лѣтъ записали меня въ духовное училище съ правомъ оставаться дома и являться только на экзамены: самъ отецъ училъ меня дома Закону Божію, латинскому и греческому языкамъ, для другихъ же предметовъ я посѣщалъ классы коммерческаго училища. Въ послѣднемъ учили плохо, но зато я получилъ больше средствъ доставать книги и предаваться моей страсти къ чтенію. Я читалъ все безъ разбора, читалъ романы всякаго рода, и Гуака, и Радклифъ, и Нарѣжнаго, и Загоскина, и Вальтеръ-Скотта; раннее чтеніе романовъ было мнѣ вредно: оно сильно распалило мое воображеніе, и, по всѣмъ вѣроятностямъ, много препятствовало укрѣпленію моего организма. Но очень скоро, однако, врожденная склонность взяла верхъ: между книгами отцовскими я нашелъ всеобщую исторію *Бассалаева*, и эта книга стала моею любимицею: я съ нею не разставался, прочелъ ее отъ доски до доски безконечное число разъ; особенно прельстила меня римская исторія. Велико было мое наслажденіе, когда послѣ краткой исторіи Бассалаева я досталъ довольно подробную исторію аббата Милота, нѣсколько разъ перечелъ и эту, и теперь еще помню изъ нея цѣлыя выраженія. Единовременно, кажется, съ Милотомъ попала мнѣ въ руки и исторія Карамзина: до тринадцати лѣтъ, т.-е. до поступленія

моего въ гимназію, я прочелъ ее не менѣе двѣнадцати разъ, разумѣется; безъ примѣчаній, но нѣкоторые томы любилъ я читать особенно, самые любимые томы были: шестой — княженіе Іоанна III, и восьмой—первая половина царствованія Грознаго; здѣсь дѣйствовалъ во мнѣ отроческій патріотизмъ: любилъ я особенно времена счастливыя, славныя для Россіи; взявши, бывало, девятый томъ, я нѣхотя читаю первыя главы и стремлюсь къ любимой страницѣ, гдѣ на поляхъ стоитъ: „Славная осада Пскова". Живо помню, какъ я ненавидѣлъ Баторія; по цѣлымъ днямъ мечталъ я: а что̀ еслибъ вдругъ самъ царь Иванъ принялъ начальство надъ войскомъ, и разбилъ бы Баторія, взялъ бы опять и Полоцкъ, и Ливонію? Представлялось живо, съ какимъ торжествомъ Иванъ въѣзжаетъ въ Москву, везя плѣннаго Баторія. Мечталось мнѣ и то: а что̀ если по какому-нибудь счастливому случаю отыщутъ продолженіе исторіи Карамзина? Двѣнадцатый томъ мнѣ не очень нравился, именно потому, что въ немъ описываются одни бѣдствія Россіи, и какъ нарочно авторъ остановился тамъ, гдѣ долженъ начаться счастливый поворотъ событій. Вмѣстѣ съ книгами историческими любимымъ чтеніемъ моимъ были и путешествія. Нѣсколько разъ прочелъ я многотомную *Исторію о странствованіяхъ вообще*, а также *Всемірнаго Путешествователя*.

II.

Таковы были мои занятія до тринадцати лѣтъ; я уже сказалъ, что въ коммерческомъ училищѣ учили плохо, учителя были допотопные. Дома отецъ мой не имѣлъ времени заниматься со мною постоянно; давши мнѣ въ руки латинскую и греческую грамматику, онъ часто по нѣскольку недѣль не требовалъ отъ меня отчета въ томъ, что̀ я изъ нея выучилъ; но какая же охота была долбить: amo, amas, amat, и τὐπτω, τύπτεις, τὐπτει—мальчику, который постоянно или защищалъ Псковъ отъ Баторія, или вмѣстѣ съ Муціемъ Сцеволою клалъ руку на уголья, или съ Колумбомъ открывалъ Америку? Обыкновенно, каждый день по нѣскольку часовъ я держалъ передъ собою латинскую грамматику, но внутри ея лежала другая книжка поменьше, обыкновенно какой-нибудь романъ. Отъ этого происходило, что когда отецъ вдругъ начнетъ меня спрашивать или задастъ задачу, т.-е. переводъ съ русскаго на латинскій или греческій, то я отвѣчалъ плохо, и въ задачахъ моихъ „аористы" сильно страдали. То же самое случалось и на экзаменахъ въ духовномъ уѣзд-

номъ училищѣ, которое помѣщалось въ Петровскомъ монастырѣ. Поѣздки на эти экзамены были самыми бѣдственными событіями въ моей отроческой жизни, ибо кромѣ того, что на экзаменахъ я большею частію отвѣчалъ неудовлетворительно, что̀ огорчало моего отца, самое училище возбуждало во мнѣ сильное отвращеніе по страшной неопрятности, бѣдному, сальному виду учениковъ и учителей, особенно по грубости, звѣрству послѣднихъ: помню, какое страшное впечатлѣніе на меня, нервнаго, раздражительнаго мальчика, произвелъ поступокъ одного тамошняго учителя: кто-то изъ учениковъ сдѣлалъ какую-то вовсе незначительную шалость; учитель подошелъ, вырвалъ у него цѣлый клокъ волосъ и положилъ ихъ передъ нимъ на столъ. Я чуть-чуть не упалъ въ обморокъ отъ этого ирокезскаго поступка.

Здѣсь я долженъ сказать нѣсколько словъ о состояніи того сословія, изъ котораго я произошелъ. Въ своей исторіи подробно объясню причины печальнаго состоянія русскаго духовенства. Главная причина заключалась въ томъ, что при переворотѣ (Петровскомъ) духовенство не имѣло возможности удержать за собою то положеніе, какимъ пользовалось въ древней Россіи. Прежде священникъ имѣлъ духовное преимущество по грамотности своей, теперь онъ потерялъ это преимущество; правда, онъ пріобрѣлъ школьную ученость, но съ своею одностороннею семинарскою ученостью, съ своею латынью онъ оставался *мужикомъ* предъ своимъ прихожаниномъ, который пріобрѣлъ лоскъ образованія, для котораго сфера всякаго рода интересовъ, духовныхъ и матеріальныхъ, расширилась, тогда какъ для священника она расшириться не могла. Священникъ попрежнему оставался обремененнымъ семействомъ, подавленнымъ мелкими нуждами, во всемъ зависящимъ отъ своихъ прихожанъ, нищимъ, въ извѣстные дни протягивающимъ руку подъ прикрытіемъ креста и требника. Выросшій въ бѣдности, въ чернотѣ, въ избѣ сельскаго дьячка, онъ приходилъ въ семинарію, гдѣ также бѣдность, грубость, чернота, съ латынью и диспутами; выходя изъ семинаріи, онъ женился, *по необходимости*, а жена, воспитанная точно такъ же, какъ онъ, не могла сообщить ему ничего лучшаго; являлся онъ въ порядочный домъ, оставлялъ послѣ себя грязные слѣды, дурной запахъ, бѣдность одежды, даже неряшество, которыя бы легко сносили, даже уважали въ какомъ-нибудь пустынникѣ, одѣтомъ бѣдно и неряшливо изъ презрѣнія къ міру, ко всякой внѣшности; но эти бѣдность и неряшество не хотѣли сносить въ священникѣ, ибо онъ терпѣлъ бѣдность, одѣвался неряшливо вовсе не по нравственнымъ побужденіямъ;

начиналъ онъ говорить—слышали какой-то странный, вычурный, фразистый языкъ, къ которому онъ привыкъ въ семинаріи, и неприличіе котораго въ обществѣ понять не могъ; священника не стали призывать въ гости для бесѣды въ порядочные дома: съ нимъ сидѣть нельзя, отъ него пахнетъ, съ нимъ говорить нельзя, онъ говоритъ по-семинарски. И священникъ одичалъ: сталъ бояться порядочныхъ домовъ, порядочно одѣтыхъ людей; прибѣжитъ съ крестомъ и дожидается въ передней, пока доложатъ; потомъ войдетъ въ первую послѣ передней комнату, пропоетъ, схватитъ деньги и бѣжитъ, а лакеи уже несутъ куреніе, несутъ тряпки: онъ оставилъ дурной запахъ, онъ наслѣдилъ, потому что ходитъ безъ калошъ; лакеи смѣются, барскія дѣти смѣются, а баринъ съ барыней серьезно разсуждаютъ, что какіе-де наши попы, какъ-де они унижаютъ религію!

Бѣдственное состояніе русскаго духовенства увеличивалось еще болѣе раздѣленіемъ его на бѣлое и черное, на черное—господствующее—и на бѣлое—подчиненное, рабствующее. Явленіе, только-что допускаемое въ древней церкви, превратилось въ обыкновеніе, наконецъ—въ законъ, по которому архіереи непремѣнно должны быть изъ чернаго духовенства, монахи. И вотъ сынъ дьячка какого-нибудь хорошо учится въ семинаріи, начальство начинаетъ представлять ему на видъ, что ему выгоднѣе постричься въ монахи и быть архіереемъ, чѣмъ простымъ попомъ, и вотъ онъ *для того, чтобы быть архіереемъ*, а не по внутреннимъ нравственнымъ побужденіямъ, постригается въ монахи, становится архимандритомъ, ректоромъ семинаріи или академіи и наконецъ архіереемъ, т.-е. полицiймейстеромъ, губернаторомъ, генераломъ въ рясѣ монаха. Извѣстно, что̀ такое наши генералы; но генералы въ рясѣ — еще хуже, потому что свѣтскіе генералы все еще имѣютъ болѣе широкое образованіе, все еще боятся какого-то общественнаго мнѣнія, все еще находятъ ограниченіе въ разныхъ связяхъ и отношеніяхъ общественныхъ, тогда какъ архіерей—совершенный деспотъ въ своемъ замкнутомъ кругу, гдѣ для своего произвола не встрѣчаетъ онъ ни малѣйшаго ограниченія, откуда не раздается никакой голосъ, вопіющій о справедливости, о защитѣ—такъ все подавлено и забито неимовѣрнымъ деспотизмомъ. Сынъ какого-нибудь дьячка, получившій самое грубое воспитаніе, не освободившійся отъ этой грубости нисколько въ семинаріи, пошедшій въ монахи безъ нравственнаго побужденія и изъ одного честолюбія ставшій наконецъ повелителемъ изъ раба, архіерей не знаетъ мѣры своей власти: гнететъ, давитъ. Извѣстно, что нѣтъ худшаго тирана,

какъ рабъ, сдѣлавшійся господиномъ; архіерей, какъ сказано, дѣлается господиномъ изъ раба; это объясняется не только вышеизложеннымъ состояніемъ бѣлаго духовенства, но также воспитаніемъ въ семинаріяхъ, гдѣ жестокость и деспотизмъ въ обращеніи учителей и начальниковъ съ учениками доведены до крайности; чтобы быть хорошимъ ученикомъ, мало хорошо учиться и вести себя нравственно,—надобно превратиться въ столпъ одушевленный, котораго одушевленіе выражалось бы постояннымъ поклоненіемъ предъ монахомъ—инспекторомъ и ректоромъ, уже не говорю—предъ архіереемъ. И вотъ юноша, имѣющій особенную склонность къ поклоненію, хотя бы и не такъ хорошо учился и не такъ отлично велъ себя, идетъ впередъ, постригается въ монахи и скоро становится начальникомъ товарищей своихъ, и легко догадаться, какъ онъ начальствуетъ! Мы видѣли, по какимъ побужденіямъ произнесъ онъ обѣты монашескіе: онъ пошелъ въ монахи не для того, чтобы бороться со страстями и подавлять ихъ, а напротивъ, для удовлетворенія одной изъ самыхъ изсушающихъ человѣка страстей—честолюбія; онъ пошелъ въ монахи, чтобы быть архіереемъ. И вотъ нѣкоторые изъ этихъ ученыхъ монаховъ и архіереевъ, не имѣя никакихъ нравственныхъ побужденій для обузданія плотскихъ страстей, предаются имъ и производятъ соблазнъ; но надобно замѣтить, что это еще лучшіе архіереи; зная за собою грѣшки, они мягче относительно другихъ, относительно подчиненныхъ. Гораздо хуже тѣ, которые удерживаютъ себя, надѣваютъ личину святости; страсти плотскія кипятъ не удовлетворенныя, но и не обузданныя христіанскими нравственными началами, христіанскимъ подвижничествомъ; черствая душа не размягчается ни постоянною молитвою, постояннымъ сообщеніемъ съ предметомъ религіозной любви, ни мягкими отношеніями семейными, доступными мірскимъ людямъ: черствая душа невольнаго инока-архіерея ищетъ удовлетворенія другимъ страстямъ, удовлетворенія приличнаго и безнаказаннаго въ мірѣ семъ; отсюда—необузданное честолюбіе, злоба, зависть, мстительность, страшное высокомѣріе, требованіе безполезнаго рабства и униженія отъ подчиненныхъ, ничѣмъ не сдерживаемая запальчивость относительно послѣднихъ. Разумѣется, были исключенія; но я говорю не объ исключеніяхъ; я прибавлю, что представительнѣйшій изъ русскихъ архіереевъ второй половины XVIII вѣка, Платонъ, дрался собственноручно, бралъ подарки отъ подчиненныхъ, обогащалъ племянницъ своихъ; преемникъ его Августинъ, человѣкъ даровитый, знаменитъ былъ извѣстною связью съ Марѳою Кротковою и неприличными остротами; преемникомъ Авгу-

стина былъ Степанъ, въ иночествѣ Серафимъ; посвященіе его въ монахи любопытно. Онъ былъ хорошъ собою и счастливъ съ женщинами; однажды къ Платону дошла сильная жалоба на семинарскаго ловеласа; Платонъ, любившій вербовать всѣми неправдами въ монахи, воспользовался случаемъ и предложилъ молодому преступнику на выборъ: или жестокое наказаніе, лишеніе будущности, или постриженіе и архіерейство. Степанъ избралъ послѣднее и превратился въ Серафима. Послѣ этого событія однажды Платонъ гулялъ съ профессорами академіи по двору Троицкаго монастыря и занимался любимою своею забавою: взглянувши на какой-нибудь предметъ, онъ произносилъ первый стихъ, относящійся къ этому предмету, а спутники должны были подбирать приличный второй стихъ. Взглянувши на старый царскій дворецъ, Платонъ произнесъ:

„Чертоги зрю монаршi"...

Изъ толпы спутниковъ немедленно послышался второй стихъ:

„Погибъ Степанъ отъ секретаршi"!

Этотъ Степанъ, или Серафимъ, оказался человѣкомъ бездарнымъ и, несмотря на то, былъ послѣ митрополитомъ московскимъ, а потомъ петербургскимъ и первенствующимъ членомъ синода, ибо правительство боялось архіереевъ даровитыхъ и любило смиренныя посредственности. Но Серафимъ, не отличаясь ничѣмъ хорошимъ, не отличался, по крайней мѣрѣ, ничѣмъ дурнымъ, былъ добрый, очень сносный архіерей.

III.

Не таковъ былъ знаменитый преемникъ Серафима въ московской митрополіи—Филаретъ. Принадлежа, безспорно, къ числу даровитѣйшихъ людей своего времени, Филаретъ шелъ необыкновенно быстро, поддерживаемый масонскою партіею, къ которой принадлежалъ, особенно другомъ своимъ, княземъ Александромъ Николаевичемъ Голицынымъ. Отъ природы ли получилъ онъ горячую голову и холодное сердце,—или вслѣдствіе положенія его, вслѣдствіе отсутствія сердечныхъ отношеній, внутренняя теплота постоянно отливала у него отъ сердца къ головѣ,—только этотъ человѣкъ для коротко знавшихъ и наблюдавшихъ его представлялъ печальное явленіе. Рожденный быть министромъ, онъ попалъ въ архіереи. Еслибы онъ попалъ въ латинскіе прелаты, то онъ нашелъ бы себѣ дѣятельность, но онъ попалъ въ русскіе архіереи,

между которыми правительство любило умъ и талантъ только въ той степени, въ какой этотъ умъ и талантъ употреблялись исключительно на служеніе ему, правительству. Филаретъ шелъ шибко, когда служилъ правительству, и былъ удаленъ, когда замѣтили въ немъ попытки служить себѣ или своему сословію. Религія требуетъ отъ монаха отреченія отъ міра для Бога; наше правительство требовало отъ монаха-архіерея отреченія отъ міра и отъ Бога для него—правительства. Филаретъ долженъ былъ перестать ѣздить въ Петербургъ для присутствія въ св. синодѣ, гдѣ шпоры оберъ-прокурора, гусарскаго офицера, графа Протасова, зацѣплялись за его рясу. По смерти Серафима, Филарета оставили въ Москвѣ, а въ Петербургъ, т.-е. въ первоприсутствующіе члены синода, взяли съ юга какого-то Антонія, человѣка ничтожнаго, а послѣ Антонія—Никанора изъ Варшавы, такую же ничтожность сравнительно съ Филаретомъ. Сначала было думали, что Филаретъ станетъ явно въ оппозицію; нѣкоторыя проповѣди показывали дѣйствительно въ немъ это направленіе, но это было минутное выраженіе досады оскорбленнаго честолюбія; Филаретъ не могъ свыкнуться съ мыслью жить внѣ благосклонности царской, архіереемъ опальнымъ, ибо опала эта уменьшила бы его значеніе,—и онъ сталъ льстить, поднесъ голубя [1]), который возвратился къ нему съ масличною вѣтвью, знаками благоволенія. Испорченность Филарета можно было замѣтить изъ его разговоровъ: начнетъ о чемъ-нибудь и сведетъ на дворъ, на императора, на свои сношенія съ царскою фамиліею. Я сказалъ уже, что у этого человѣка была горячая голова и холодное сердце, что̀ такъ рѣзко выразилось въ его проповѣдяхъ: искусство необыкновенное, языкъ несравненный, но холодно, нѣтъ ничего, что̀ бы обращалось къ сердцу, говорило ему. Такой характеръ при дарованіяхъ самыхъ блестящихъ представилъ въ Филаретѣ печальное явленіе: онъ явился страшнымъ деспотомъ, обскурантомъ и завистникомъ. Сохрани Боже, если свѣтское лицо скажетъ что-нибудь прекрасное относительно религіи и церкви; сохрани Боже, если кто-нибудь изъ духовныхъ, помимо его, скажетъ что-нибудь прекрасное,—онъ оскорбленъ. Талантъ находилъ въ немъ постояннаго гонителя; выдвигалъ, выводилъ въ люди онъ постоянно людей посредственныхъ, бездарныхъ, которые пресмыкались у его ногъ. Это пресмыканіе любилъ онъ болѣе всего, и ни одинъ архіерей не могъ со-

[1]) При торжествѣ двадцатипятилѣтія царствованія императора Николая I, Филаретъ, отъ имени всего московскаго духовенства (которое ничего объ этомъ не вѣдало), просилъ у государя позволенія соорудить надъ престоломъ Успенскаго собора изображеніе св. Духа въ видѣ голубя.

перничать съ нимъ въ этой любви; ни въ одной русской епархіи раболѣпство низшаго духовенства предъ архіереемъ не было доведено до такой отвратительной степени, какъ въ московской во время управленія Филарета. Этотъ человѣкъ (святой во мнѣніи московскихъ барынь) позабывалъ всякое приличіе, не зналъ мѣры въ выраженіяхъ своего гнѣва на бѣднаго, трепещущаго священника или дьякона при самомъ ничтожномъ проступкѣ, при какомъ-нибудь неосторожномъ, неловкомъ движеніи. Это не была только вспыльчивость,—тутъ была злость, постоянное желаніе обидѣть, уколоть человѣка въ самое чувствительное мѣсто. Объ отношеніяхъ Филарета къ подчиненнымъ всего лучше свидѣтельствуетъ поговорка, что онъ ѣлъ одного пискаря въ день и попомъ закусывалъ. И не должно думать, чтобы здѣсь была излишняя строгость, излишнія требованія отъ подчиненныхъ благочинія и нравственности; Троицкая лавра, подчиненная ему непосредственно, была мѣстомъ разгула; на нравственность духовенства вообще онъ не обращалъ вниманія: Филаретъ требовалъ одного—чтобы всѣ клали поклоны ему, и въ этомъ полагалъ величайшую нравственность.

Въ ужасномъ состояніи, подъ гнетомъ Филарета, находились духовная академія московская и семинарія. Преподаватели даровитые здѣсь были мучениками, какихъ намъ не представляетъ еще исторія человѣческихъ мученій. Филаретъ по каплѣ выжималъ изъ нихъ, изъ ихъ лекцій, изъ ихъ сочиненій, всякую жизнь, всякую живую мысль, пока наконецъ не кастрировалъ человѣка совершенно, не превращалъ его въ мумію. Такую мумію сдѣлалъ онъ изъ Горскаго, одного изъ самыхъ даровитыхъ и ученѣйшихъ между профессорами духовной академіи. Филаретъ являлся для преподавателей хищнымъ животнымъ, которое прислушивается къ малѣйшему шороху, обнаруживающему жизнь, движеніе, живое существо, и бросается, чтобъ задавить это существо. Появится живая мысль у профессора въ преподаваніи, въ сочиненіи,—Филаретъ вырываетъ ее, и чтобъ отнять въ преподавателѣ охоту къ дальнѣйшему выраженію такихъ мыслей, публично позоритъ его на экзаменѣ: „Это что за нелѣпость! дуракъ!“ —кричитъ онъ ему. Несчастный кланяется.—Русская церковь могла съ похвальбою выставить предъ западною Филарета, который могъ превзойти самаго ловкаго іезуита. Онъ и не скрывалъ своего сочувствія къ іезуитамъ, говорилъ въ академіи: „Какъ жаль, что столько талантовъ, учености, трудолюбія, самоотверженія, благонамѣренности употреблено на поддержаніе папскихъ заблужденій!“ —Поданный имъ проектъ учрежденія миссіонерскихъ училищъ былъ совершенно

іезуитскій: такъ же запрещено было ученикамъ ходить вдвоемъ, такъ же развита была система шпіонства и доносовъ; даже императора Николая оскорбилъ этотъ проектъ, и онъ отвергнулъ его. Въ академической библіотекѣ сохранялась книга о раскольникахъ, драгоцѣнная по собственноручнымъ замѣчаніямъ митрополита Платона, слѣдующаго содержанія: споръ съ раскольниками невозможенъ, ибо для успѣшнаго окончанія всякаго спора необходимо, чтобы спорящіе признавали одно начало. Такъ, въ религіозномъ спорѣ необходимо, чтобъ обѣ стороны признавали одинъ авторитетъ—священное писаніе; но невѣжественный раскольникъ одинаковую важность съ Евангеліемъ придаетъ и твореніямъ отцовъ, часто ошибавшимся, и приговорамъ соборовъ, также часто ошибочнымъ, житіямъ святыхъ и разнымъ повѣстямъ нелѣпымъ. Просвѣщенный богословъ опровергать его не можетъ уже и потому, что боится оскорбить и своихъ слабыхъ, благоговѣющихъ предъ всѣми этими авторитетами: и потому молчи, просвѣщенный богословъ, и ври, невѣжественный раскольникъ!—Филарету показали эту книгу; онъ взялъ ее къ себѣ и возвратилъ ее въ другомъ видѣ: строки, написанныя Платономъ, уже были уничтожены: „Зачѣмъ —сказалъ онъ при этомъ—позорить память такого знаменитаго пастыря“. Какой-то невѣжда написалъ книгу противъ раскольниковъ, гдѣ мнѣніе папы Иннокентія III приписалъ Иннокентію II, другу Іоанна Златоустаго, а другой невѣжда поставилъ обоихъ Иннокентіевъ и приписалъ имъ одно и то же мнѣніе. Книга проходила чрезъ академическую цензуру; профессора представили ее Филарету съ указаніемъ явной нелѣпости: „Пропустить,—отвѣчалъ Филаретъ,—это можетъ принести *пользу*“. Однажды Филаретъ выразилъ желаніе, чтобъ кто-нибудь занялся опроверженіемъ Сведенборга, имѣющаго читателей и почитателей. Одинъ ученый занялся дѣломъ и представилъ ректору изложеніе ученія Сведенборга и опроверженіе. Первая часть, изложеніе ученія, ужаснула ректора: „Какъ можно такъ писать! Сведенборгъ выходитъ у васъ очень уменъ“. И давай вычеркивать изъ сочиненія все то, что̀ могло выставить Сведенборга въ сколько-нибудь выгодномъ свѣтѣ; ревность отца-ректора дошла до того, что, встрѣтивъ извѣстіе: въ одной гостинницѣ Сведенборгъ имѣлъ видѣніе, онъ зачеркнулъ: „гостинница“ и написалъ: *кабакъ*. Въ этомъ исправленномъ видѣ сочиненіе было представлено Филарету; но тотъ нашелъ, что и тутъ оно представляетъ Сведенборга въ выгодномъ свѣтѣ, и еще перемаралъ, такъ что когда ректоръ послѣ этого опять началъ читать статью, то съ самодовольнымъ смѣхомъ повторялъ: „Какой этотъ Сведенборгъ былъ дуракъ!“

IV.

Въ такомъ печальномъ состояніи находилось русское духовенство, когда я началъ понимать. Но скоро я могъ уже замѣтить мерцаніе свѣта, обѣщавшее выходъ изъ этого страшнаго положенія, и то направленіе, которымъ *шла* Россія въ продолженіе 150-ти лѣтъ, взяло наконецъ свое: просвѣщеніе, начавшее наконецъ смягчать нравы, распространять лучшія понятія въ русскомъ обществѣ, проникло съ этимъ благодѣтельнымъ вліяніемъ своимъ и въ семинаріи, и въ духовенство. Русскій человѣкъ любитъ читать,—это искони было залогомъ его прогресса; читали и читали усердно семинаристы и попы, оглянулись на самихъ себя при новомъ свѣтѣ, и стало имъ гадко; началось распространяться недовольство своимъ воспитаніемъ, условіями своего быта, и это былъ уже огромный шагъ; начали отряхаться, обчищаться извнѣ, но съ этимъ вмѣстѣ шло, хотя понемногу, и внутреннее очищеніе; особенно большое вліяніе оказали здѣсь, какъ и на все русское общество, журналы; при сравненіи нѣсколькихъ поколѣній священниковъ, старыхъ, среднихъ, новыхъ, легко было увидать разницу въ пользу послѣднихъ. Здѣсь Петербургъ пошелъ впередъ: въ этомъ городѣ изначала было больше внѣшней чистоты, которая всегда имѣетъ вліяніе на внутреннюю, если не употреблена во зло, не доведена до односторонности. Во всей Россіи вообще и въ Петербургѣ въ особенности преобладало стремленіе къ одной форменности; не могло не отразиться это и на духовенствѣ; съ другой стороны, вначалѣ духовенство, особенно въ Петербургѣ, познакомившись ближе съ наукою, ударило въ протестантизмъ, потомъ въ раціонализмъ. Но этому явилось противодѣйствіе: религіозная потребность начала усиливаться: въ XVIII вѣкѣ смотрѣли на религію съ презрѣніемъ и не могли не радоваться унизительному состоянію служителей религіи; въ XIX вѣкѣ направленіе измѣнилось; волею - неволею должны были уступить религіи высокое, высочайшее мѣсто: обнаружилось стремленіе къ самопознанію, начались толки о старинѣ русской, въ которой церковь играла такую важную роль; съ желаніемъ поднять русскую старину, русскую народность необходимо соединилось желаніе поднять русскую церковь, православіе, какъ главную отличительную черту этой народности; люди невѣрующіе во Христа начали толковать о превосходствѣ православія надъ другими исповѣданіями христіанскими; все это необходимо должно было содѣйствовать къ очищенію духовенства, и признаки этого

очищенія, какъ уже сказано, показались въ половинѣ XIX вѣка,— конечно, признаки не очень рѣзкіе, слабое мерцаніе свѣта, который не могъ свѣтить ярко, благодаря тяжести атмосферы повсюду въ Россіи; но все начинается съ небольшого, не вдругъ.

Признавая важное значеніе православія въ русской исторіи, мы не назовемъ, однако, вліянія этого „византійскаго" исповѣданія безусловно благодѣтельнымъ; вмѣстѣ съ этимъ, впрочемъ, вглядываясь внимательно и въ прошедшее, и въ настоящее, мы не можемъ приписывать непріятнаго во многихъ отношеніяхъ хода русской исторіи православію, не можемъ не увидать въ немъ свѣтлыхъ сторонъ относительно и прошедшаго, и настоящаго, и будущаго.

Православіе могущественно содѣйствовало утвержденію единовластія и самодержавія; по характеру своему, это „византійское" исповѣданіе изначала стремилось стать полезнымъ оружіемъ самодержавной власти — и стало. Такимъ образомъ, скажутъ иные, православіе способствовало утвержденію рабства, было оружіемъ порабощенія въ рукахъ деспота; элементы сопротивленія деспотизму не могли находить въ немъ опору. Но мы спросимъ, гдѣ были эти элементы сопротивленія и каковы были они? Безсмысленное боярство — съ одной стороны, и свирѣпое казачество — съ другой! Предположимъ, что вмѣсто православія былъ бы въ Россіи католицизмъ: конечно, историкъ не имѣетъ права толковать о томъ, что̀ бы изъ этого произошло; но онъ имѣетъ право сказать, что могли бы произойти такія явленія, которымъ помѣшало одно только православіе, а именно, только одно православіе помѣшало Владиславу стать царемъ въ 1612 году и ополячить московское государство; но кто же рѣшится сказать, что было бы лучше, еслибъ вся восточная Европа представляла сплошную Польшу? Православіе отняло Малороссію у Польши и дорушило послѣднюю, собравши всю восточную Европу въ одно цѣлое подъ именемъ Россіи: неужели мы будемъ сѣтовать за это на православіе? Относительно настоящаго я спрошу у тѣхъ, которые не признаютъ никакой религіи, но уважаютъ католицизмъ за его великую, будто бы, историческую роль и презираютъ православіе за то, что оно этой роли не играло,—я спрошу у этихъ господъ: „Вы не вѣрите ни во что, громко признаетесь въ этомъ, круглый годъ не заглядываете въ церковь—и кто васъ за это тревожитъ? Знаете ли вы вашего приходскаго священника, и знаетъ ли васъ этотъ священникъ? Вы совершенно свободны и этою свободою обязаны православію, ибо католическій священникъ не позволилъ бы вамъ такъ спокойно вольнодумничать, такъ

спокойно презирать его: въ немъ имѣли бы вы самаго злого врага, доносчика, который или запряталъ бы васъ въ недоброе мѣсто, или бы заставилъ ходить къ себѣ въ церковь и на исповѣдь; если въ православіи правительство имѣетъ орудіе тупое, въ католицизмѣ оно имѣло бы острое. Но самое важное и благодѣтельное значеніе православіе должно, по моему мнѣнію, имѣть для будущности народовъ, его исповѣдающихъ. Мы видимъ, что протестантизмъ многихъ не удовлетворяетъ; достаточно факта всѣмъ извѣстнаго: движеніе отъ протестантизма между англичанами, народомъ самымъ практическимъ, умѣющимъ болѣе другихъ народовъ остановиться на срединѣ, избѣжать крайностей,—всего лучше доказываетъ, что протестантизмъ неудовлетворителенъ. Съ другой стороны, католицизмъ, не говоря уже объ исторической и догматической неправдѣ папизма, становится, какъ видимъ, постоянно на дорогѣ движенія народа впередъ, никакъ не можетъ ужиться съ новыми потребностями народовъ. Что же касается православія, то, во-первыхъ, оно не имѣетъ того характера, безавторитетности, которымъ протестантизмъ именно многихъ не удовлетворяетъ; съ другой стороны, чуждое неправды папизма православіе можетъ быть вездѣ народною формою религіознаго исповѣданія и нисколько нигдѣ не стѣснитъ народныхъ движеній, ибо уживется со всякими правительственными формами. Православіе отражаетъ теперь на себѣ всю черную сторону настоящаго состоянія русскаго общества; оно страдаетъ вмѣстѣ съ нами; при перемѣнѣ къ лучшему, на немъ отразится эта перемѣна, оно не помѣшаетъ ей; теперь оно страдаетъ вмѣстѣ съ нами,—тогда будетъ радоваться и будетъ довольно вмѣстѣ съ нами; это—нашъ вѣрный спутникъ; не будемъ же отнимать отъ него руки нашей.

V.

Какъ я уже сказалъ,—во время моего отрочества, въ нѣкоторыхъ священническихъ семействахъ начало возникать недовольство своимъ положеніемъ, стремленіе выйти изъ него, пообчиститься, поотряхнуться. Къ числу такихъ семействъ принадлежало и наше. Въ немъ начало прогресса представлялось преимущественно матерью. Родня отца моего, священники, дьяконы, дьячки оставались въ селахъ; родные моей матери были, большею частью, свѣтскіе,—отсюда и бо́льшая часть знакомства состояла изъ свѣтскихъ же людей; было и нѣсколько духовныхъ,

которыхъ мать очень не любила и которые своими привычками и поведеніемъ рознились отъ свѣтскихъ знакомыхъ не къ своей выгодѣ. Эта противоположность, которую, разумѣется, мать старалась выставлять при каждомъ удобномъ случаѣ, произвела на меня сильное впечатлѣніе, внушила мнѣ отвращеніе отъ духовнаго званія, желаніе какъ можно скорѣе выйти изъ него, поступить въ свѣтское училище. Сестеръ моихъ отдали въ пансіонъ, что было тогда очень рѣдкимъ явленіемъ между духовными,—страннѣе было бы меня отдать въ семинарію, особенно когда въ устахъ моей матери семинарія была синонимомъ всякой гадости. Отецъ колебался, медлилъ; но скоро медлить стало нельзя по той причинѣ, что, какъ уже сказано выше, я плохо занимался латынью, плохо отвѣчалъ на экзаменахъ въ петровскомъ монастырѣ; отецъ видѣлъ, что я занимаюсь, цѣлый день сижу съ книгами, но знаю не то, что требовалось въ духовныхъ училищахъ, и наконецъ рѣшился выписать меня изъ духовнаго званія и опредѣлить въ гимназію. И здѣсь въ самомъ началѣ произошло сильное препятствіе, вслѣдствіе моего безпорядочнаго воспитанія: я изумилъ учителя исторіи и географіи моими познаніями, но оказался крайне слабъ въ математикѣ, къ которой питалъ сильное отвращеніе въ самомъ началѣ и во все продолженіе моего ученія. Меня едва приняли въ третій классъ.

Здѣсь прежде всего я долженъ заняться описаніемъ гимназіи, какъ она находилась въ то время, какъ я вступилъ въ нее. Ученіе вообще, съ нѣкоторыми исключеніями, было порядочное, напр., гораздо порядочнѣе, чѣмъ въ коммерческомъ училищѣ; кромѣ того, учителя и надзиратели не позволяли себѣ такихъ ирокезскихъ поступковъ, какъ въ духовныхъ училищахъ; но нельзя сказать, чтобы нравственность учениковъ была въ сколько-нибудь удовлетворительномъ состояніи. Въ третьемъ классѣ, куда я поступилъ, было болѣе ста человѣкъ; тишины и благочинія, особенно между уроками, было мало; всего хуже было то, что многіе ученики, получившіе дурное нравственное воспитаніе дома, позволяли себѣ громко и беззазорно площадное сквернословіе. Нѣкоторые учителя, учителя главныхъ предметовъ, пользовались особеннымъ уваженіемъ, и у нихъ въ классѣ было тихо; но зато у другихъ—у несчастнаго нѣмца, у рисовальнаго учителя—ходили вверхъ ногами. Обыкновенно передъ нѣмецкимъ классомъ толпа отчаянныхъ шалуновъ отправлялась изъ классной комнаты въ корридоры, и какъ только нѣмецъ усядется на каѳедрѣ и начнетъ заниматься дѣломъ, двери отворяются, и ушедшіе съ шумомъ входятъ *гусемъ* одинъ за другимъ; обыкновенно шествіе откры-

валъ маленькій шалунъ Чесноковъ [1]), съ необыкновенно бѣлымъ лицомъ и бѣлыми волосами; нѣмецъ вскакивалъ, начиналъ кричать: „Старшій! Хватай, лови! Хватай этого бѣлаго, сѣдого перваго гуся!“—Но старшій былъ самъ изъ учениковъ, самого его гусиное шествіе забавляло также какъ и другихъ. Начнетъ нѣмецъ диктовать; всѣ пишутъ и сидятъ тихо въ ожиданіи, пока онъ скажетъ: „semicolon“; тогда всѣ хоромъ: „зимній Никола!“ Нѣмецъ опять начинаетъ бѣситься—и новое наслажденіе! Преданіе ходило, что прежде, лѣтъ пять назадъ, было еще хуже или еще лучше: разсказывали, какъ въ рисовальный классъ врывалась толпа учениковъ, переряженныхъ, въ вывороченныхъ шубахъ, какъ рисовальный учитель приходилъ съ кнутомъ въ классъ, за что и прозванъ былъ пастухомъ. Это было въ блаженныя времена инспекторства профессора Семена Мартыновича Ивашковскаго, добрѣйшаго и страннѣйшаго человѣка. Бывало, Ивашковскій придетъ въ спальни къ казеннымъ ученикамъ и найдетъ тамъ одного изъ нихъ, по лѣности не пошедшаго въ классъ, *отгуливавшаго*, по гимназическому выраженію. „Ты, *буде*, зачѣмъ здѣсь?—кричитъ грозно инспекторъ.—Солдаты! розогъ!“—Ученикъ не оправдывается, но старается отвлечь вниманіе Ивашковскаго на другіе предметы: „Семенъ Мартынычъ! извольте поглядѣть: вотъ уже третій день, какъ форточка разбилась, а ее все не чинятъ!“—„Да, *буде*, хорошо, что ты мнѣ показалъ“. „Семенъ Мартынычъ! вотъ подъ кроватями никогда не выметаютъ сору“.—„Хорошо, *буде*, хорошо, что ты мнѣ указалъ“. А между тѣмъ солдаты пришли съ розгами и стоятъ въ дверяхъ. „Вы, буде, зачѣмъ пришли?“—„Ваше высокоблагородіе изволили приказать“.—„Врете, буде: я вамъ никогда не приказывалъ; ступайте вонъ!“—Солдаты уходятъ, и Семенъ Мартынычъ идетъ далѣе, забывши объ ученикѣ отгуливавшемъ, о форточкѣ, о сорѣ подъ кроватями и обо всемъ на свѣтѣ. При мнѣ инспекторомъ былъ Михайло Игнатьичъ Бѣляковъ, также прежде профессорствовавшій въ университетѣ. Это былъ человѣкъ неглупый и распорядительный, но желчный и грубый; какой онъ могъ показать примѣръ воспитанникамъ, какъ могъ пріучить ихъ къ лучшимъ, чистѣйшимъ формамъ, видно изъ того, что какъ, бывало, начнетъ кричать на учениковъ, то не обойдется безъ „с... с..!“. Былъ онъ вдовъ и жилъ съ толстой нянькой своего сына, что̀, разумѣется, не могло очистить его отъ дурныхъ привычекъ и что̀ ученики очень хорошо

[1]) Кончившій курсъ въ университетѣ, вступившій въ военную службу и убитый на Кавказѣ.

звали. Еще меньше хорошаго примѣра могъ подать главный начальникъ гимназіи, директоръ Окуловъ. Этотъ человѣкъ былъ извѣстенъ въ Москвѣ разгульною, развратною жизнью, мотовствомъ, искусствомъ разсказывать анекдоты преимущественно непристойные; при этомъ добрѣйшій, пріятнѣйшій человѣкъ въ обществѣ, не дѣлавшій никому зла. Но эти достоинства меньше всего, однако, давали ему право быть директоромъ воспитательнаго заведенія. На гимназію онъ смотрѣлъ какъ на доходное мѣсто, имѣя много пансіонеровъ; привыкши брать всюду деньги безъ отдачи, онъ распоряжался и гимназическимъ казеннымъ сундукомъ, какъ своимъ, что̀ приводило въ отчаяніе инспектора и учителей, на которыхъ должна была пасть вся отвѣтственность; дѣлами вовсе не занимался, предоставляя все инспектору. И такой-то человѣкъ былъ лѣтъ двадцать директоромъ гимназіи и умеръ на этомъ мѣстѣ (въ 1853 году); тщетно графъ Строгановъ, во время своего попечительства, пытался нѣсколько разъ его свергнуть, аттестуя его такъ: „онъ способенъ — только не по учебной части". Окуловъ держался связями, былъ любимъ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ; сестра его была хороша при дворѣ, а самъ онъ былъ пріятелемъ министра Уварова, котораго потѣшалъ своими бесѣдами.

Попечителемъ учебнаго округа былъ знаменитый въ Москвѣ вельможа, князь М. Голицынъ, называвшійся „послѣднимъ московскимъ бариномъ". Это былъ человѣкъ ограниченный, самолюбивый, привыкшій съ ранней молодости играть первенствующую роль по своимъ связямъ и богатству, но вмѣстѣ съ тѣмъ очень добрый, набожный нелицемѣрно, имѣвшій въ себѣ истинно-аристократическія свойства. Давно уже онъ занималъ должность предсѣдателя опекунскаго совѣта, но мало занимался дѣлами и мало былъ способенъ къ занятіямъ; понятно, что еще меньше занимался онъ дѣлами округа и еще меньше былъ способенъ заниматься ими. Кажется, во все время управленія своего онъ былъ только разъ въ университетѣ, и вотъ по какому случаю: жена генералъ-губернатора, княгиня Тат. Вас. Голицына, выдавъ свою воспитанницу за профессора Ш., хотѣла непремѣнно, чтобы попечитель оказалъ вниманіе послѣднему, былъ у него на лекціи. Кн. М. Г. хотѣлъ угодить дамѣ и поѣхалъ въ университетъ, но вмѣсто Ш. попалъ на лекцію къ сопернику его, Надеждину, и остался въ полномъ убѣжденіи, что слушалъ Ш. Въ гимназіи мы видѣли его раза два или три, и этимъ обязаны были тому, что онъ жилъ рядомъ съ гимназіею; говорятъ, что однимъ изъ этихъ посѣщеній мы были обязаны тому, что во

время прогулки Г. необходимо стало какъ можно скорѣе удовлетворить естественной нуждѣ, и онъ, не успѣвши добѣжать до дому, забѣжалъ въ гимназію и изъ извѣстнаго мѣста уже потомъ кстати зашелъ и въ классы.

Гимназія и вообще московскій округъ ждали человѣка для своего преобразованія, очищенія—и дождались: по просьбѣ Голицына, онъ былъ избавленъ отъ попечительства, и на его мѣсто назначенъ былъ графъ Сергѣй Григорьевичъ Строгановъ. Пріѣхалъ новый попечитель—и, какъ по свистку въ театрѣ, декораціи перемѣнились: въ классахъ—порядокъ, благочиніе, тишина; бывало прежде, у нѣкоторыхъ учителей послабѣе, на передней лавкѣ ученики еще слушали кое-что, на среднихъ—разговаривали, а на заднихъ—спали или въ карты играли; теперь кто и не хотѣлъ заниматься, сидѣлъ тихо и не мѣшалъ другимъ. Главное—ученики и учителя пообчистились, отряхнулись, стали съ бо́льшимъ уваженіемъ смотрѣть на себя, на свои занятія. Отчего же это произошло? Оттого, что явился начальникъ, какого никогда еще не бывало, человѣкъ дѣятельный, хотѣвшій сдѣлать въ своемъ вѣдомствѣ все какъ нельзя лучше и имѣвшій къ тому всѣ средства. Духъ добросовѣстнаго начальника сдѣлался присущъ каждому заведенію; Строгановъ поселилъ всюду свой духъ, и этотъ духъ блюлъ за улучшеніемъ нравственнымъ и учебнымъ. Всѣхъ осѣнила благодѣтельная мысль: чтобъ заслужить вниманіе начальника, надобно какъ можно усерднѣе исполнять свою обязанность—и только, не заботясь болѣе ни о чемъ; отъ начальника не скроется нерадѣніе, онъ не пощадитъ; и къ нему нельзя подольститься ничѣмъ другимъ, кромѣ усерднаго исполненія должности, кромѣ личныхъ достоинствъ. Къ Строганову можно было подольститься только тѣмъ, чѣмъ у другихъ начальниковъ подчиненный могъ только навлечь на себя вѣчную опалу. Вотъ случай, который лучше всего опредѣляетъ взглядъ Строганова на отношенія подчиненныхъ къ начальнику. Однажды я былъ у него; пришелъ какой-то другой господинъ и началъ говорить объ одномъ чиновникѣ, служившемъ подъ начальствомъ Строганова. Послѣдній разсыпался въ похвалахъ этому чиновнику и кончилъ панегирикъ такъ: „Что это за человѣкъ! бывало, начну съ нимъ спорить, указывать ему—не дастъ слова выговорить! прекрасный, честный человѣкъ, крѣпкій въ своихъ убѣжденіяхъ!“ Такой взглядъ всего рѣзче выдавался оттого, что въ наше время у генераловъ военныхъ и статскихъ подчиненный могъ выиграть только лестью, поддакиваніемъ, самоуничиженіемъ. Чтобъ испытать твердость убѣжденій преподавателей, Строгановъ

любилъ озадачивать, накидываться; конечно, знавшему эти пріемы и дѣйствительно крѣпкому въ своихъ ученыхъ или какихъ бы то ни было убѣжденіяхъ легко было осадить Строганова и этимъ снискать его уваженіе; но нѣкоторые, неопытные, попадались; напримѣръ, однажды онъ вдругъ спросилъ учителя физики: „А въ какую сторону вертится ручка электрической машины?“—и тотъ не умѣлъ отвѣтить. Но не должно думать, что подобное неумѣнье уже рѣшало судьбу преподавателя, опредѣляло окончательно мнѣніе попечителя о немъ; важное достоинство Строганова заключалось въ томъ еще, что онъ старался долго со всѣхъ сторонъ собирать о человѣкѣ разнородные слухи, и окончательно опредѣлялъ свое мнѣніе на основаніи мнѣнія большинства спеціальныхъ людей въ ученомъ отношеніи и большинства порядочныхъ людей—въ нравственномъ.

Придти къ Строганову съ рекомендательнымъ письмомъ отъ знатной дамы, отъ знатнаго господина, значило навсегда погубить себя въ его мнѣніи, никогда не получить отъ него мѣста. Огромная была заслуга Строганова въ томъ отношеніи, что онъ уничтожилъ занятіе учебныхъ воспитательныхъ мѣстъ по рекомендаціямъ людей, неспособныхъ цѣнить рекомендуемыхъ. Его положеніе въ обществѣ и характеръ дѣлали для него это возможнымъ. Неизвѣстно, какъ и гдѣ Строгановъ напитался смолоду аристократическими понятіями. Потомокъ пермскаго колониста, именитаго человѣка Строганова, явился самымъ сильнымъ поборникомъ аристократическихъ стремленій. Основная его мысль—поднять высшее дворянское сословіе въ Россіи, дать ему средства поддержать свое положеніе, остаться навсегда высшимъ сословіемъ; самымъ сильнымъ для этого средствомъ въ его глазахъ было образованіе, наука; отсюда—мысль, что люди, поставленные по происхожденію и богатству въ верхнемъ слоѣ общественномъ, должны учиться по преимуществу. Самъ онъ получилъ плохое, поверхностное образованіе; но благороднымъ инстинктомъ понялъ, что наука есть могущество; отсюда—глубокое уваженіе къ наукѣ, интересъ ко всѣмъ явленіямъ науки и литературы. Будучи попечителемъ, онъ любилъ выпытывать, высасывать изъ подчиненныхъ ему ученыхъ свѣдѣнія; но понятно, что получаемыя такимъ образомъ свѣдѣнія при недостаткѣ первоначальнаго образовательнаго ученія неправильно громоздились въ его головѣ, вовсе не геніальной, дурно переваривались, часто безобразно и смѣшно скоплялись около нѣкоторыхъ любимыхъ его мыслей. Но дѣло было не въ правильности той или другой мысли попечителя, не въ томъ, что этотъ попечитель перепутывалъ событія, имена, лица по не-

достатку памяти и правильнаго, измлада начатаго накопленія свѣдѣній; дѣло было въ томъ, что попечитель уважалъ мысль вообще, уважалъ науку, ставилъ выше всего честность, прямоту, благородство, талантъ, трудолюбіе, святое исполненіе обязанностей, имѣлъ практическій смыслъ, не увлекался первою мыслью, какъ бы она ни поразила его съ перваго раза своею вѣрностью и пользою въ примѣненіи, не довѣрялъ самому себѣ, какъ безошибочному оцѣнщику, не довѣрялъ и другимъ, но выпытывалъ мнѣнія у многихъ авторитетныхъ людей посредствомъ спора, сравнивалъ эти мнѣнія. Мы часто имѣли случай смѣяться надъ его учеными промахами; нельзя было не смѣяться, какъ однажды при мнѣ онъ вздумалъ въ названіи города Посидонія искать тождества съ русскимъ словомъ *посадъ*, или имя князя Лугвенія на его печати—принялъ за названіе города Лугвеня; но, съ одной стороны, уже самыя эти объясненія-промахи были почтенны въ русскомъ генералѣ, начальникѣ университета, тѣмъ болѣе, что Строгановъ никогда не давалъ значенія своимъ ученымъ мнѣніямъ и догадкамъ, оставляя ихъ при первомъ рѣшительномъ возраженіи и объясненіи спеціалиста; съ другой стороны, несмотря на то, что Строгановъ иногда подавалъ намъ причины внутренно посмѣяться, никто изъ насъ не выходилъ изъ его кабинета безъ уваженія къ человѣку добра, который умѣлъ оцѣнить всегда все хорошее и дать ему ходъ. Понятно, что у такого человѣка, какъ Строгановъ, было множество враговъ въ разныхъ слояхъ общества. Въ высшемъ, въ собственномъ его кругу, его вообще не любили за *гордость*. Дѣйствительно, Строгановъ былъ гордъ съ равными себѣ по общественному значенію, ибо очень немногихъ признавалъ себѣ равными: предъ генералами-фельдфебелями, выходцами-лакеями онъ гордился своимъ происхожденіемъ, чистотою характера, благородствомъ во всѣхъ отношеніяхъ; предъ людьми равными ему по происхожденію онъ гордился своею образованностью, тѣмъ, что сохранялъ въ чистотѣ свое происхожденіе, не пятналъ его раболѣпствомъ, выслуживаніемъ, чѣмъ пятнала себя большая часть равныхъ ему по происхожденію. Дѣйствительно, Строгановъ былъ гордъ, неуживчивъ; сколько онъ былъ уступчивъ съ нами, людьми, которыхъ умственное превосходство онъ признавалъ, столько же былъ неуступчивъ, гордъ, рѣзокъ съ людьми, которыхъ нравственнаго и умственнаго превосходства надъ собою онъ не считалъ себя обязаннымъ признавать, ибо считалъ себя однимъ изъ первыхъ вельможъ въ имперіи—*Божіею милостью*. При этомъ, онъ былъ холоденъ, дикъ, мало доступенъ, скупъ. Послѣднее свойство,—не знаю, крылось ли оно въ его природѣ,

по крайней мѣрѣ, видимо оно проистекало изъ его убѣжденій. Государство сильно только аристократіею, думалъ онъ; но аристократія сильна не однимъ своимъ происхожденіемъ, особенно въ Россіи, гдѣ выходцамъ открыта такая свободная дорога; аристократія поддерживается личными достоинствами членовъ своихъ, ихъ нравственными средствами—отсюда стремленіе усвоить образованіе, науку, преимущественно для высшаго сословія; но аристократія могущественно поддерживается также богатствомъ; отсюда—стремленіе сохранить и увеличить богатство аристократической фамиліи. Происходя самъ изъ бѣдной линіи Строгановыхъ, онъ пріобрѣлъ огромное имѣніе (слишкомъ 60.000 душъ) за женою, единственною наслѣдницею богатой линіи Строгановыхъ; имѣніе было огромно, но обременено долгами; онъ долженъ былъ очищать его; это было новымъ побужденіемъ къ скупости; наконецъ, имѣніе составляло майоратъ; всѣ эти 60.000 слишкомъ душъ переходили къ старшему сыну, младшихъ должно было надѣлить деньгами, деньги должно было скопить—еще побужденіе къ скупости. Но когда нужно было пріобрѣсть картину знаменитаго мастера, рѣдкую древнюю вещь, монету или что̀ бы то ни было, помочь бѣдному ученому издать свое сочиненіе—тамъ Строгановѣ не былъ скупъ; для журнала, который мы собирались издавать въ 53-мъ году, онъ давалъ намъ большую сумму денегъ, но мы не могли воспользоваться его предложеніемъ.

Но гордость, недоступность, скупость вооружали противъ Строганова многихъ изъ лицъ его общества; стараніе очистить подчиненныхъ ему людей вооружило противъ него тѣхъ изъ нихъ, которымъ уже нельзя было очиститься и которымъ было тяжко при немъ. Но для порядочныхъ людей, какъ принадлежащихъ къ ученому вѣдомству, такъ и для всѣхъ тѣхъ, которымъ дорого было просвѣщеніе, управленіе Строганова московскимъ учебнымъ округомъ было золотымъ временемъ. Не могу безъ глубокаго чувства благодарности вспомнить того освѣженія нравственной атмосферы, которое произошло у насъ въ гимназіи, когда пріѣхалъ Строгановъ попечительствовать!

Директоромъ остался тотъ же Окуловъ, но онъ былъ еще въ большемъ отдаленіи отъ дѣлъ, въ явной немилости у попечителя, который презиралъ его, не хотѣлъ входить съ нимъ ни въ какія сношенія. Инспекторъ Бѣляковъ оставилъ свое мѣсто, получивъ высшее мѣсто окружного инспектора; порядочныхъ людей было мало, потому пригодился и Бѣляковъ, по своему здравому смыслу и знаніямъ могшій быть очень полезнымъ для общаго надзора за училищами округа, не приходя въ ближайшее соприкоснове-

ніе съ учениками, слѣдовательно, не вредя имъ своею грубостью. На его мѣсто инспекторомъ въ гимназіи былъ назначенъ Погорѣльскій, изъ тамошнихъ учителей математики и бывшій также адъюнктомъ въ университетѣ, человѣкъ ловкій, дѣятельный, смѣтливый, самолюбивый, умѣвшій понять, чего хотѣлъ Строгановъ, чѣмъ надобно быть, чтобъ пріобрѣсть его расположеніе. Понятно, какъ много добра могъ сдѣлать такой инспекторъ при Строгановѣ. Благодаря ему-то произошла такая быстрая перемѣна, о которой я говорилъ. Смѣнены были учителя или слабые, какъ учитель греческаго языка Пантази, или имѣвшіе голову не въ правильномъ состояніи, какъ, наприм., Оболенскій, сперва учитель русской словесности, потомъ латинскаго языка и адъюнктъ греческаго языка въ университетѣ, или давно уже остановившіеся, не хотѣвшіе знать ничего, кромѣ своего учебника, какъ, наприм., учитель исторіи Добровольскій. Все пошло живѣе и тверже, а главное—распространилось уваженіе къ наукѣ, которая стала высшею, исключительною цѣлью.

VI.

Какъ прежде было сказано, я поступилъ въ третій классъ, благодаря плохому знанію математики. Вслѣдствіе сильнаго отвращенія отъ этой науки, полной неспособности къ ней, невозможности понять, къ чему служитъ эта передвижка цифръ и буквъ, какая благодать отъ того, что $x^2 + px + q = o$, что x, наконецъ, можетъ быть равенъ 23 или 33, что при такихъ-то и такихъ-то случаяхъ треугольники равны, — вслѣдствіе этого я не могъ дѣлать успѣховъ и въ гимназіи, хотя здѣсь принужденъ былъ силою заниматься и математикою, ломать безъ пользы голову по нѣскольку часовъ надъ задачами, что̀, разумѣется, еще болѣе усиливало во мнѣ отвращеніе къ предмету. Въ третьемъ классѣ учителемъ былъ Волковъ—страшный педантъ; это чудовище осмѣлилось однажды поставить меня на колѣни, что̀ случилось со мною въ первый разъ въ жизни; понятно, каково было моему самолюбію—самолюбію ревностнаго сопутника героевъ древней, средней и новой исторіи. Мало того: Волковъ обращался ко мнѣ съ такими милыми привѣтами: „Дуракъ ты, дуракъ ты, Соловьевъ!—уравненія второй степени рѣшить не можешь! Жаль мнѣ твоего отца, отецъ твой хорошій человѣкъ, а ты дуракъ!“—И вотъ прошелъ годъ; я вышелъ изо всѣхъ предметовъ отличнымъ, кромѣ математики; инспекторъ далъ знать объ этомъ отцу; отецъ нанялъ уче-

ника изъ старшаго класса, чтобъ приготовлять меня изъ математики къ экзамену; я приготовился, взялъ, какъ говорится, если не мытьемъ, такъ катаньемъ, выучилъ наизустъ всѣ доказательства; экзаменовалъ учитель старшихъ классовъ, Погорѣльскій, къ которому я долженъ былъ перейти; этотъ человѣкъ любилъ скорые, твердые отвѣты; я отрѣзалъ ему отвѣтъ на диво, и Погорѣльскій восхитился, поцѣловалъ меня, сказалъ: „умница мальчикъ! молодецъ мальчикъ!“—и поставилъ мнѣ 5. Волковъ стоялъ тутъ, и я былъ вполнѣ отомщенъ; тѣмъ болѣе успѣхъ мой былъ блистателенъ, что большая часть учениковъ, пользуясь длинною вакаціею по случаю перестройки гимназіи, очень плохо приготовилась. Я поступилъ въ четвертый классъ изо всѣхъ предметовъ первымъ. Здѣсь я долженъ замѣтить любопытное явленіе; ученики, которыхъ я засталъ въ третьемъ классѣ, перешедшіе сюда изъ второго съ отличными успѣхами, начали уже здѣсь портиться, перешли въ четвертый классъ кое-какъ и не могли дотянуть вовсе до седьмого, послѣдняго; изъ ста человѣкъ, бывшихъ при мнѣ въ третьемъ классѣ, не болѣе пяти вмѣстѣ со мною дотянули до седьмого и вступили въ университетъ; всѣ другіе были вступившіе позднѣе насъ прямо въ 4-й и 5-й классы. Еще любопытный случай, который поразилъ меня въ гимназіи: въ третьемъ классѣ силою и желѣзнымъ здоровьемъ отличались трое учениковъ — Чернохвостовъ, Богачевъ и Шютцъ, а я былъ самый слабый и хилый въ цѣломъ классѣ: означенные богатыри могли меня повалить пальцемъ; и что же? всѣ трое года черезъ два или черезъ три умерли! Причиною смерти Богачева и Шютца было, какъ надобно полагать, раннее и излишнее знакомство съ женщинами; что же касается до Чернохвостова, то этотъ очень умный и развитой малый влюбился въ Наполеона и пришелъ къ мысли, что онъ и въ Россіи, при ея настоящемъ положеніи, можетъ сдѣлаться Наполеономъ; въ 16 или 17 лѣтъ мало ли что воображается, все считается возможнымъ; но, къ несчастію, Чернохвостовъ не хотѣлъ ограничиться однимъ воображеніемъ; у него достало настолько силы духа, чтобъ начать осуществленіе своихъ мечтаній. Ему надобно было прославиться на военномъ поприщѣ; въ мирное время этого достичь нельзя, и особенно ему, сыну мѣщанина,—и вотъ онъ, тайкомъ отъ матери и старшаго брата, пѣшкомъ отправляется на Кавказъ, чтобъ поступить тамъ въ солдаты и выдраться въ офицеры подвигами противъ горцевъ; но уже передъ самымъ достиженіемъ цѣли, сколько помню, въ Пятигорскѣ, онъ зашелъ отдохнуть на татарское кладбище; правовѣрные сочли это оскверненіемъ и попотчивали его камнями, изъ которыхъ одинъ угодилъ

въ сердце; богатырь свалился, заболѣлъ; между тѣмъ, братъ началъ розыски; на Кавказѣ отыскался у нихъ дядя, который принялъ попеченіе о больномъ, и какъ скоро нашъ герой немного оправился, его препроводили назадъ въ Москву. Возвратившись, онъ сталъ-было приготовляться къ университету, и въ то же время занималъ мѣсто корректора въ одной частной типографіи, но богатырская природа не долго могла бороться съ слѣдствіями происшествія на кладбищѣ, и Чернохвостовъ погибъ отъ чахотки.

Съ четвертаго класса преподавателемъ русскаго языка былъ у насъ Поповъ, учитель превосходный, умѣвшій возбудить охоту къ занятіямъ, прекрасно разбиравшій образцовыя сочиненія и сочиненія учениковъ, умѣвшій посредствомъ этихъ разборовъ достигать главной цѣли своего преподаванія—выучивать правильно писать по-русски и развивать таланты, у кого они были. Когда онъ начиналъ объяснять урокъ къ слѣдующему классу, урокъ изъ логики или риторики,—я, заинтересованный предметомъ, начиналъ вслухъ высказывать ему свои мысли. Поповъ не нашелъ этого страннымъ со стороны ученика, пятнадцатилѣтняго мальчика,—напротивъ, находилъ удовольствіе въ этихъ присказываніяхъ, въ этой бесѣдѣ, обмѣнѣ мыслей со мной; должно быть, я говорилъ недурно, благодаря огромному количеству прочтенныхъ книгъ, потому что Поповъ получилъ очень высокое мнѣніе о моихъ способностяхъ и внушилъ это мнѣніе остальнымъ своимъ товарищамъ-учителямъ. Вслѣдствіе этого высокаго мнѣнія о моемъ умственномъ развитіи Поповъ былъ чрезвычайно строгъ къ моимъ сочиненіямъ; хотя онъ и гордился ими, и выставлялъ ихъ напоказъ, но ему все казалось, что я могъ бы еще лучше писать; разобравъ мое сочиненіе, онъ часто приговаривалъ: „Хорошо! но скажи, пожалуйста, Соловьевъ, отчего ты говоришь лучше, чѣмъ пишешь?“ Это, дѣйствительно, могло быть такъ, во-первыхъ, потому, что учитель, взобравъ себѣ въ голову высокое мнѣніе о развитости моихъ способностей по разговору,—причемъ его поражала живость мыслей, относительная ихъ самостоятельность,—не могъ быть такъ доволенъ сочиненіями, гдѣ на первомъ для него планѣ была уже форма; во-вторыхъ, для меня эта форма была тяжка, это были цѣпи, которыя затрудняли естественныя движенія, наводили на меня тоску, необходимо отражавшуюся въ сочиненіи: учитель задастъ описаніе памятника Минину и Пожарскому, а я подумаю: „Ну, что же тутъ я стану описывать!“—и ударюсь въ описаніе впечатлѣній, производимыхъ этимъ памятникомъ, въ разсказъ о событіяхъ, въ которыхъ участвовали изображенные герои,—а учитель съ упрекомъ: „Задано было описаніе памятника, а ты изъ

описанія сдѣлалъ повѣствованіе!“ О, проклятыя хріи и формы риторическія! много онѣ мнѣ надѣлали непріятностей! Несмотря, однако, на это, Поповъ не уменьшалъ своего мнѣнія о моихъ способностяхъ. Однажды собрались учителя у одного изъ своихъ товарищей, Красильникова, преподававшаго латинскій языкъ въ младшихъ классахъ, подпили и разговорились; рѣчь зашла о гимназіи, объ ученикахъ; Поповъ началъ хвалить меня и дошелъ до того, что сказалъ: „Вѣдь вы не знаете, господа! вѣдь Соловьевъ просто геній!“ Тутъ хозяинъ, Красильниковъ, прервалъ его восторженную рѣчь: „Полно, полно, Павелъ Михайлычъ! какъ это можетъ быть! Положимъ, что Соловьевъ мальчикъ умный, съ большими способностями, но можетъ ли это быть, чтобъ у насъ въ гимназіи завелся геній?“ На другой день ученики, жившіе у Красильникова и подслушавшіе этотъ разговоръ, разсказали его для потѣхи цѣлому классу. Правъ ты, добрый старикъ, въ своемъ наивномъ сомнѣніи! Могъ ли въ самомъ дѣлѣ завестись геній въ русской гимназіи въ сороковыхъ годахъ XIX вѣка? И горе было бы ему, еслибъ онъ завелся! Было въ Россіи просторное для генія время въ XVIII и въ первой четверти XIX вѣка; но это золотое время прошло, и когда оно возвратится? (Писано 15 ноября 1854 года.)

Такъ прошли пять лѣтъ въ гимназіи; кромѣ несносныхъ математическихъ классовъ, эти пять лѣтъ прошли для меня чрезвычайно пріятно; начиная съ четвертаго класса, я былъ уже первымъ ученикомъ постоянно, любимцемъ учителей, красою гимназіи; легко и весело было мнѣ съ узломъ книгъ подъ мышкою отправляться въ гимназію, зная, что тамъ встрѣтитъ меня ласковый, почетный пріемъ отъ всѣхъ; пріятно было чувствовать, что имѣешь значеніе; пріятно было, войдя въ классъ, направлять шаги къ первому мѣсту (ученики сидѣли по успѣхамъ и нѣсколько разъ въ году происходили пересадки), остававшемуся постоянно за мною. „Не купи домъ, купи сосѣда“,—говоритъ пословица; и въ этомъ отношеніи я былъ счастливъ: постояннымъ моимъ сосѣдомъ, т.-е. ученикомъ, постоянно занимавшимъ второе мѣсто, былъ Ладыгинъ, вмѣстѣ со мною поступившій въ третій классъ и вмѣстѣ со мною кончившій курсъ въ гимназіи: прекрасное, нравственное, кроткое, женственное существо. Онъ былъ воспитанъ ъ тихомъ, нравственномъ домѣ, среди многочисленной толпы сееръ, и отсюда получилъ, какъ видно, женственный характеръ; ѣъ былъ очень прилеженъ и, въ противоположность мнѣ, имѣлъ юсобность и склонность къ математикѣ, очень часто помогалъ нѣ въ урокахъ и въ приготовленіи къ экзаменамъ своими объ-

ясненіями, но у него не было той развитости и той быстроты въ обращеніи мысли около предмета, какими обладалъ я; главная причина тому—моя ранняя и относительно громадная начитанность, тогда какъ Ладыгинъ началъ читать поздно, и читалъ вообще мало, безъ выбора. Съ самаго начала Ладыгинъ призналъ мои преимущества и уступалъ мнѣ безропотно первое мѣсто; эта уступка, отсутствіе соперничества облегчили наши отношенія, завязали дружбу, причемъ, разумѣется, высшее нравственное значеніе имѣлъ онъ, а не я; онъ былъ болѣе меня христіанинъ, хотя я съ раннихъ лѣтъ былъ пылкій приверженецъ христіанства, и въ гимназіи еще толковалъ, что буду основателемъ философской системы, которая, показавъ ясно божественность христіанства, положитъ конецъ невѣрію. Внутри меня было много религіозности, выражавшейся въ набожности; я ничего не начиналъ безъ молитвы; вѣра была сильная: не готовъ къ отвратительному математическому уроку, не приготовился изъ нѣкоторыхъ частей науки къ экзамену, помолюсь, крѣпко вѣрую, что этого у меня не спросятъ,—и дѣйствительно не спрашивали; другой товарищъ найдется въ подобномъ положеніи, боится, что *срѣжется* (по гимназическому выраженію)—говорю ему: „не бойся, только вѣруй", молюсь за него, вѣрую за него,—и его не спрашиваютъ. Религіозности было много, но христіанства было мало; успѣхи, первенство воздымали духъ, высокое мнѣніе о самомъ себѣ, развивали гордость, эгоизмъ; самую вѣру свою я считалъ привилегіею, особеннымъ знакомъ Божьяго благоволенія, ручательствомъ за будущіе успѣхи. Въ виду были только эти успѣхи, успѣхи внѣшніе, житейскіе,—о нравственномъ преуспѣяніи, о *внутреннемъ* мало думалось; говорю—о *внутреннемъ*, ибо извнѣ-то было все чисто и чинно, я первенствовалъ и относительно поведенія. Правда, находили и тутъ иногда минуты опамятованія, когда я сознавалъ необходимость внутренняго нравственнаго совершенствованія и рѣшался внимательнѣе смотрѣть за собою, строго за своими мыслями и словами, но такая рѣшительность не бывала продолжительна: бури молодости срывали утлый челнъ съ якоря.

Такъ кончилось ученіе въ гимназіи; только-что кончилось и мнѣ 18 лѣтъ (іюнь 1838 г.), я долженъ былъ держать выпускной экзаменъ въ университетъ; въ первый разъ тогда наша гимназія пользовалась правомъ экзаменовать своихъ воспитанниковъ у себя, тогда какъ прежде гимназисты должны были экзаменоваться вмѣстѣ съ другими въ университетѣ. Я былъ выпущенъ первымъ ученикомъ съ обязанностью писать разсужденіе для акта и съ правомъ получить за это серебряную медаль и быть записаннымъ на золотую

доску на вѣчныя времена. Темою заданнаго мнѣ разсужденія было: *О необходимости изученія древнихъ языковъ для успѣшнаго изученія языка отечественнаго.* Я долженъ былъ написать это разсужденіе на вакаціи, важной въ моей жизни не потому только, что это была послѣдняя ученическая вакація, но особенно потому, что въ это время впервые покинулъ я на нѣсколько мѣсяцевъ родительскій домъ и переселился въ чужой. По окончаніи экзаменовъ, инспекторъ Погорѣльскій подозвалъ меня къ себѣ и предложилъ—не хочу ли я ѣхать на вакацію въ подмосковную деревню къ кн. Г., учить его дѣтей. Я согласился. И вотъ я въ чужомъ аристократическомъ домѣ, среди чуждыхъ для меня нравовъ и обычаевъ, среди чуждаго народа, ибо среди чуждаго языка: все, кромѣ прислуги, говоритъ вокругъ меня по-французски, и молодыхъ французиковъ, т.-е. княжатъ, я обязанъ учить чуждому для нихъ, а для меня родному языку—русскому, который они изучаютъ, какъ мертвый языкъ. Тутъ-то я впервые столкнулся съ этою безобразною крайностью въ образованіи русской знати и столкнулся въ самый живой, впечатлительный возрастъ, въ 18 лѣтъ! Понятно, какое сильное впечатлѣніе произвела на меня эта крайность и необходимо увлекла меня надолго, лѣтъ на шесть, въ крайность противоположную, въ славянофилизмъ, или, лучше сказать, руссофилизмъ. Въ селѣ Никольскомъ, Урюпино тожъ, въ 25-ти верстахъ отъ Москвы, по звенигородской дорогѣ, я началъ впервые свою гражданскую жизнь, ибо началъ борьбу съ однимъ изъ безобразныхъ явленій тогдашней русской жизни. Опишу членовъ семейства князя и домочадцевъ изъ разныхъ націй. Главное лицо самъ князь—мужчина лѣтъ подъ 50, очень красивый и съ претензіями на красоту и молодость, красящій волосы. По собственнымъ разсказамъ его, онъ не получилъ никакого образованія въ пышномъ домѣ отца своего, потомка знаменитыхъ Г., игравшихъ такую важную роль при двухъ Петрахъ—І-мъ и ІІ-мъ, получившаго въ наслѣдство болѣе 20.000 душъ и оставившаго сыну, моему знакомцу, не болѣе 3.000 душъ; остальное все было промотано, и, между прочимъ, великолѣпное село Архангельское, вотчина знаменитаго олигарха Г., славнаго своею библіотекою. Архангельское перешло къ князю Юсупову, и Г. долженъ былъ ограничиться низменнымъ Никольскимъ подлѣ него. Сынъ вышелъ не въ отца, не сталъ проматывать послѣднихъ тысячъ душъ, напротивъ, отличался бережливостью, даже скупостью и вмѣстѣ алчностью: „Кабы денегъ, побольше денегъ!“— вотъ слова, которыя слышались очень часто изъ его устъ. Этотъ человѣкъ родился съ замѣчательными способностями; имѣлъ здра-

вый смыслъ, большое остроумiе, большой талантъ разсказывать, обладалъ литературнымъ талантомъ, написалъ нѣсколько повѣстей очень недурныхъ; любилъ читать, уважалъ знанiе, людей знающихъ; иногда, при извѣстныхъ случаяхъ, высказывались въ немъ жалобно не совсѣмъ задушенныя еще благородныя стремленiя: такъ однажды, разбирая въ своей библiотекѣ портреты знаменитыхъ историческихъ лицъ — полководцевъ, министровъ, ученыхъ, художниковъ,—онъ воскликнулъ съ непритворною горестью: „Боже мой! чѣмъ бы не пожертвовалъ, чтобъ только быть въ числѣ ихъ!" Всѣ эти счастливыя наклонности были задавлены дурнымъ воспитанiемъ; онъ самъ говорилъ: „Меня рѣшительно ничему не учили; если я говорю свободно по-французски, то этотъ навыкъ я прiобрѣлъ самъ послѣ, въ дѣтствѣ же меня не учили даже и по-французски". Послѣ этого надобно было удивляться въ этомъ человѣкѣ хорошимъ сторонамъ, а не дурнымъ; въ дѣтствѣ его страсти не сдерживались нравственнымъ воспитанiемъ; религiозное воспитанiе состояло въ томъ, что его заставляли ходить въ церковь по извѣстнымъ днямъ: понятно, что французскiя книжки XVIII-го вѣка легко заставили его смотрѣть на христiанство, какъ на хорошую выдумку для мужиковъ. Чтò же могло сдерживать этого барина? общественное мнѣнiе? общественное устройство, законы?—но я сейчасъ приведу примѣръ тому, какъ страсти русскихъ помѣщиковъ сдерживались общественнымъ устройствомъ, законами. Однажды вечеромъ, когда я сидѣлъ въ своей комнатѣ за книгами, гувернеръ, швейцарецъ Фаронъ, уложивши дѣтей, вышелъ погулять, но скоро возвратился и пришелъ ко мнѣ съ слѣдующимъ разсказомъ: „Только-что я вышелъ въ поле, какъ подходитъ ко мнѣ мужикъ и предлагаетъ мнѣ свою дочь; я сначала остолбенѣлъ, потомъ сталъ упрекать его за такую страшную безнравственность; мужикъ отвѣчалъ:—Эхъ, батюшка! что-жъ намъ дѣлать-то? вѣдь князь ужъ почалъ!—и тутъ разсказалъ мнѣ обычай, что какъ скоро дѣвушка въ деревнѣ достигаетъ 15-ти лѣтъ, ее ведутъ къ князю на растлѣнiе, послѣ чего она получаетъ 50 рублей ассигнацiями"... Съ женою своею, урожденною княжною В., князь жилъ дурно, въ чемъ трудно было его обвинить, ибо это была женщина нестерпимая, ограниченная, капризная, сварливая, скупая; но чтò было непростительно для князя, это то, что онъ, по страшной лѣни, отдалъ дражайшей своей половинѣ воспитанiе дѣтей, выборъ учителей, гувернеровъ и гувернантокъ въ полное распоряженiе. Съ этою госпожею и я, несчастный, долженъ былъ имѣть дѣло, выслушивать ея замѣчанiя относительно преподаванiя, дѣлать экзамены въ ея при-

сутствіи. Я долженъ былъ учить двоихъ княжатъ и княжну съ воспитанницею; старшій (Дмитрій) былъ мальчикъ лѣтъ тринадцати, до безобразія толстый, вялый физически и умственно: тринадцати лѣтъ онъ съ трудомъ читалъ по-русски; гувернеры жаловались, что успѣхи его во французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ были не блистательнѣе. Къ несчастію, это былъ любимецъ матери, которая неуспѣхи сына приписывала не его неспособности и лѣни, но неумѣнью учителей, которые, будто бы, не хотѣли приноровиться къ природѣ ученика. Онъ пошелъ въ военную службу, вышелъ рано въ отставку; послѣ я съ нимъ встрѣчался: изъ него вышелъ красивый, очень приличный, скромный господинъ; младшій былъ живѣе, его менѣе баловала мать, и потому онъ шелъ относительно успѣшнѣе. Но было еще двое старшихъ сыновей: одного, воспитывавшагося въ пажескомъ корпусѣ, я не зналъ; слышалъ только, что онъ дурно учился, выпущенъ былъ не въ гвардію и скоро умеръ; самый старшій, Николай, воспитывался въ царскосельскомъ лицеѣ и вышелъ въ 1-мъ разрядѣ, т.-е. съ правомъ IX-го класса, равняющимся праву университетскаго магистра, а между тѣмъ познаніями своими былъ ниже посредственнаго ученика седьмого класса гимназіи—доказательство, какъ вредно было это дворянское училище, которое дѣтямъ знатныхъ и богатыхъ отцовъ давало право быть невѣждами въ сравненіи съ молодыми людьми низкаго происхожденія. Молодой лицеистъ былъ ограниченъ, лѣнивъ, эгоистъ, спускался гораздо ниже отца, который сильно жаловался на это пониженіе, хотя вообще молодой былъ еще довольно сносенъ. Таково было сіятельное семейство; къ нему по языку примыкали французы и француженки, гувернеры и гувернантки, ибо члены семейства княжескаго не иначе говорили между собою, какъ по-французски; я былъ въ домѣ единственный русскій не лакей, говорившій не иначе, какъ по-русски, и потому гувернантка-француженка, разливавшая чай, не иначе обращалась ко мнѣ, какъ: „m-r Russe“! Князья безсмысленно смѣялись надъ этимъ, а я съ гордостью 18-лѣтняго мальчика провозглашалъ, что я вполнѣ доволенъ этимъ названіемъ, что оно для меня драгоцѣнно, что для меня чрезвычайно лестно, если я одинъ русскій въ домѣ, или, по крайней мѣрѣ, русскій по преимуществу.

Меня пригласили давать уроки и послѣ вакаціи, въ Москвѣ. Княгиня настаивала, чтобъ я жилъ у нихъ въ домѣ, или, по крайней мѣрѣ, оставался съ ея дѣтьми какъ можно долѣе; ей хотѣлось сдѣлать нѣчто вродѣ переливанія крови изъ здороваго тѣла въ больное; но я рѣшительно отъ этого отказался:

жизнь въ чужомъ домѣ и еще въ домѣ иностранномъ, французскомъ, была бы для меня невыносима; притомъ какую тяжелую обязанность наложитъ на меня почтенная маменька, если я поселюсь подлѣ ея дѣтей; я всегда чувствовалъ страшное отвращеніе къ должности гувернера и съ хорошими дѣтьми, не только что съ кн. Г.; я никогда самъ не былъ ребенкомъ, и понятно, какъ тяжело, невозможно было для меня дѣлаться ребенкомъ съ дѣтьми; я видѣлъ, что такое гувернерство отвлечетъ меня отъ студенческихъ занятій. Вотъ почему черезъ два года княгиня нашла, что ея дѣти мало успѣваютъ со мною именно потому, что я ограничиваюсь одними урочными часами и не бываю чаще вмѣстѣ съ ними, и вотъ за мною уже не прислали больше осенью, по возвращеніи съ дачи.

Я имѣлъ еще другіе уроки, и въ послѣдній годъ студенчества очень много, но домà, въ которыхъ я училъ, не представляли ничего особенно замѣчательнаго, и потому обращаюсь къ университетскимъ впечатлѣніямъ.

ОБРАЩЕНІЕ БЛ. АВГУСТИНА

ОЧЕРКЪ.

Окончаніе *).

V.

Разрывъ съ манихействомъ оставилъ, однако, въ душѣ Августина мучившую его пустоту. Онъ „отчаявался найти въ церкви истину“, а равнодушіе скептицизма не могло удовлетворить его горячаго стремленія къ истинѣ. Это характерно выразилось въ томъ, что онъ самому скептицизму академиковъ сталъ приписывать положительное содержаніе. Онъ полагалъ, что ихъ сомнѣніе— лишь покровъ, за которымъ скрывается истинный платонизмъ отъ лицъ, еще не подготовленныхъ воспринять его, но прозрачный для прозрѣвающихъ [1]). Онъ держался этого взгляда еще и въ „Исповѣди“, и десять лѣтъ позднѣе, какъ видно изъ одного письма его, и только къ концу своей жизни возвратился къ первоначальному мнѣнію о скептическомъ направленіи академиковъ.

Въ эту критическую минуту своей жизни Августинъ нашелъ спасеніе въ платонизмѣ. Философія Платона и исходившихъ отъ него неоплатониковъ не только внушила Августину твердую увѣ-

*) См. выше: февраль, стр. 641.

[1]) C. Akad. II. 10, 24. III. 17, 18.—См. Wörter, Die Geistesentwickelung d. h. Augustinus. Paderborn, 1892, p. 76.

ренность въ возможности дойти до истины и сильное одушевленіе посвятить ей всю жизнь свою, но указала ему также и самый путь къ ней. Однако, насколько Августинъ былъ обязанъ платонизму, объ этомъ нельзя судить по „Исповѣди". Здѣсь, гдѣ онъ каялся предъ Богомъ, спасшимъ его въ своемъ милосердіи отъ всѣхъ его заблужденій, было не мѣсто прославлять заслуги языческой философіи. Поэтому Августинъ въ „Исповѣди", упоминая о тѣхъ религіозныхъ истинахъ, которыя онъ нашелъ у платониковъ, подчеркиваетъ тутъ же то, чего онъ у нихъ *не* нашелъ и что̀ дала ему лишь церковь. Одни отрывочныя выраженія въ „Исповѣди", какъ бы невольныя воспоминанія о прежнемъ настроеніи, служатъ намеками на значеніе Платоновской философіи въ „обращеніи" Августина. Но мы располагаемъ цѣлымъ рядомъ философскихъ сочиненій Августина, написанныхъ до его крещенія, которыя внушены ему платонизмомъ и свидѣтельствуютъ о томъ, какъ глубоко онъ въ него погрузился. Насколько Августинъ былъ непосредственно знакомъ съ діалогами Платона, можно судить только по догадкамъ; но что Августинъ широко черпалъ изъ Плотина и многимъ ему былъ обязанъ, это явствуетъ изъ сочиненій Августина и его собственныхъ признаній. Посредникомъ между Августиномъ и Плотиномъ былъ римскій риторъ Викторинъ—переводчикъ Плотина—высокоученый старецъ, большой знатокъ всѣхъ благородныхъ наукъ, прочитавшій и разобравшій множество философскихъ сочиненій, учитель многихъ знатныхъ сенаторовъ, по заслугамъ удостоившійся за свою замѣчательную профессорскую дѣятельность постановки его статуи на римскомъ форумѣ,—„что̀ граждане міра сего считаютъ величайшимъ почетомъ"! Викторинъ былъ до старости поклонникомъ и защитникомъ языческихъ боговъ, столь популярныхъ среди римской аристократіи того времени,—но затѣмъ принялъ христіанство и сталъ предшественникомъ Августина въ примѣненіи философскихъ комбинацій Плотина къ христіанскому богословію и даже въ полемикѣ съ манихеянами. Августинъ въ Миланѣ близко сошелся съ старцемъ Симплиціаномъ, который въ свою бытность въ Римѣ отлично зналъ Викторина, и отъ Симплиціана Августинъ, повидимому, и узналъ о Викторинѣ и его сочиненіяхъ [1]).

Вліяніе платонизма на Августина было двоякое: непосредственно платонизмъ повліялъ на его философскія, а косвенно

---

[1]) О Викторинѣ и его вліяніи на Августина см. у Гарнака. (Lehrb. d. Dogmeng., III[3], 32), который придаетъ этому вліянію большое значеніе. Тамъ и указанія на монографіи объ этомъ предметѣ.

на его религіозныя убѣжденія, послуживъ переходною ступенью къ христіанству. Въ первомъ случаѣ главную роль играло ученіе Платона, во второмъ—Плотина и другихъ неоплатониковъ. Платонизмъ сдѣлалъ Августина способнымъ къ отвлеченному мышленію, которое, по его признанію, ему долго не давалось. Онъ долго не могъ представлять себѣ „сущее" иначе, какъ матеріально: т.-е.—ограниченнымъ въ пространствѣ и осязаемымъ. Платонизмъ ввелъ его въ міръ „идей" и вѣчной мудрости, постигаемой разумомъ. Но вліяніе платонизма было настолько же *этическое*, насколько и теоретическое. Если „Гортензій" Цицерона воспламенилъ девятнадцатилѣтняго юношу любовью къ изученію *философіи*,—что̀ значитъ *любовь мудрости*,—то платонизмъ доставилъ ему *блаженство созерцать самую мудрость*.

Но достиженіе этой цѣли платонизмъ обусловливалъ исключительнымъ *служеніемъ* мудрости, съ отрѣшеніемъ отъ всего, что̀ могло быть для этого препятствіемъ. Духовный переворотъ, совершенный платонизмомъ въ Августинѣ, привелъ его къ христіанству. Исторію этой знаменательной и типической для той эпохи эволюціи Августинъ самъ разсказалъ въ своей „Исповѣди". Но, какъ мы указали, разсказалъ тогда, когда его душа уже не испытывала *священнаго трепета* прежнихъ дней при созерцаніи Платоновской мудрости, и *откровеніе* разума замолкло предъ высшимъ авторитетомъ божественнаго откровенія въ священномъ Писаніи.

Прослѣдимъ теперь ходъ этой эволюціи, какъ Августинъ ее себѣ представлялъ подъ вліяніемъ своего позднѣйшаго настроенія. Основнымъ фактомъ духовной эволюціи Августина было его новое представленіе о Богѣ. Мы знаемъ отъ него самого, что понятіе о Богѣ было ему съ малолѣтства внушено, и онъ часто обращался къ Нему съ своими дѣтскими желаніями и страхами. Но онъ не соединялъ съ этимъ никакого опредѣленнаго представленія: впослѣдствіи онъ считалъ неразумнымъ представлять себѣ Бога въ человѣческомъ образѣ, но онъ могъ себѣ представлять Его только въ видѣ физическаго тѣла,—„въ чемъ и заключалось—замѣчаетъ онъ,—великая и почти единственная причина моихъ неизбѣжныхъ заблужденій", т.-е. его манихейства. Согласно съ этимъ, онъ приноситъ покаяніе въ томъ, что искалъ Бога не разумѣніемъ духа, а ощущеніемъ плоти.

„Ты же, Господь, былъ во мнѣ, въ самой глубинѣ души моей и надо мною, выше всего, что̀ я могъ постигнуть". Въ другомъ мѣстѣ Августинъ говоритъ, что съ тѣхъ поръ, какъ

онъ нѣсколько умудрился, онъ всею душою признавалъ Бога вѣчнымъ и неподлежащимъ ни измѣненію, ни ущербу, ставя Его выше всего подверженнаго времени и порчѣ, — но тѣмъ не менѣе не могъ себѣ представить Его иначе, какъ ограниченнымъ въ *пространствѣ* или разлитымъ въ мірѣ (infusum mundo), или внѣ міра—въ безпредѣльномъ пространствѣ, — ибо то, что̀ не занимаетъ пространства, ему казалось несуществующимъ. Августинъ описываетъ, какъ онъ лишь постепенно поднимался отъ физическихъ тѣлъ къ живущей въ нихъ душѣ, и отъ разума—къ вѣчному свѣту, и какъ онъ узрѣлъ наконецъ то, что̀ явилось ему въ минуту трепетнаго прозрѣнія. И тогда онъ былъ въ состояніи воскликнуть: „Развѣ истина ничто, потому только, что она не обрѣтается ни въ предѣльныхъ, ни въ безпредѣльныхъ пространствахъ?"

Августинъ постигъ Бога, Котораго такъ долго искалъ. „И я вошелъ въ себя, имѣя вождемъ Тебя, и увидѣлъ окомъ души моей выше этого ока, выше моего разума неизмѣнный свѣтъ, не тотъ обыкновенный свѣтъ, зримый всякою плотью, и не свѣтъ этому подобный, но на много болѣе яркій и громадный, какъ будто онъ наполняетъ всю вселенную, — нѣтъ, иной, совсѣмъ иной свѣтъ, не имѣющій съ тѣмъ ничего общаго. И онъ сіялъ высоко надъ мною, выше, чѣмъ небо надъ землею, потому что онъ самъ меня сотворилъ. Кому вѣдома истина, тому вѣдомъ этотъ свѣтъ: а кому онъ вѣдомъ, тому вѣдома вѣчность".

Здѣсь несомнѣнно вліяніе платонизма, ибо это „сосредоточеніе въ себѣ"—въ противоположность разбрасыванію въ мірѣ—ставилось въ платонизмѣ условіемъ для познанія выси божественной истины. Въ другой главѣ Августинъ прямо упоминаетъ о помощи, оказанной ему въ этомъ случаѣ платониками, но какъ будто только для того, чтобы умалить ихъ значеніе: „Познакомившись съ книгами платониковъ, я сталъ, по ихъ наставленію, искать *безтѣлесную* истину, узрѣлъ ее и, отвергнутый ею, почуялъ то, что̀ мнѣ, вслѣдствіе омраченія души моей, не дозволено было созерцать; — я увѣрился въ Твоемъ бытіи и въ Твоей безпредѣльности, не охваченной никакимъ ни предѣльнымъ, ни безпредѣльнымъ пространствомъ; увѣрился въ томъ, что Ты еси истина и всегда остаешься самимъ собою; все же остальное исходитъ отъ Тебя, уже потому, что существуетъ. Во всемъ этомъ я былъ увѣренъ, но былъ слишкомъ слабъ, чтобы насладиться Тобою. Обо всемъ этомъ я толковалъ какъ свѣдущій, но еслибы я не нашелъ въ Христѣ, спасителѣ нашемъ, путь къ Тебѣ, я оказался бы не свѣдущимъ, а погибшимъ (non peritus, sed peri-

turus). Ибо я уже началъ желать прослыть мудрымъ и возгордился моимъ знаніемъ". Въ этихъ послѣднихъ словахъ—„желалъ казаться мудрымъ"—слышится позднѣйшее отреченіе богослова отъ *людской* мудрости.

Мы находимъ по этому поводу у Августина интересныя размышленія о томъ, почему Провидѣніе послало ему книги платониковъ прежде, чѣмъ онъ сталъ изучать Св. Писаніе. Августинъ предполагаетъ, что это случилось для того, чтобы въ его памяти запечатлѣлось, *какъ* повліяли на него эти книги, и чтобы онъ потомъ, исцѣлившись благодаря божественнымъ книгамъ, былъ въ состояніи понять различіе между высокомѣріемъ философа и исповѣдью вѣрующаго — понять различіе между видящими, *куда* слѣдуетъ идти, но не знающими, какимъ путемъ идти,—и самимъ путемъ, ведущимъ къ благому отечеству, которое слѣдуетъ не только созерцать, но и обитать въ немъ. Если же бы онъ сначала былъ наставленъ священными книгами, а послѣ того познакомился съ философскими, то послѣднія, можетъ быть, подорвали бы въ немъ основу благочестія, или, еслибы онъ сохранилъ спасительное настроеніе, внушили бы ему мысль, что его можно было бы достигнуть, ихъ однихъ изучая.

Не менѣе ясно выступаетъ значеніе платонизма въ освобожденіи Августина отъ гнета другой манихейской *субстанціи*—силы мрака, или зла. Отъ этой субстанціи, которая то въ видѣ грубой „землистой" массы наполняла вселенную, то въ видѣ болѣе тонкой матеріи проникала эту массу, происходило, по ученію манихеянъ, все *зло*. Августинъ объясняетъ, почему это ученіе такъ долго сохраняло свою власть надъ нимъ: „Мнѣ казалось, что не я грѣшу, но что-то другое во мнѣ, и мою гордость удовлетворяло сознаніе, что я внѣ всякой вины; и когда я совершалъ что-либо дурное, мнѣ нравилось, что мнѣ не нужно каяться въ этомъ предъ Тобою, чтобы Ты *исцѣлилъ душу мою, согрѣшившую* противъ Тебя, но что я могу обвинять въ этомъ—я не знаю—что-то такое, что̀ не *я*, но при мнѣ пребываетъ". Даже когда въ Августинѣ взяло верхъ представленіе о Богѣ Творцѣ, онъ не могъ разстаться съ манихейскимъ представленіемъ о злѣ. Ему казалось, что лучше и благочестивѣе вѣрить, что Господь не сотворилъ ничего дурного, но что его власть ограничена субстанціей зла, существующаго независимо отъ Него, чѣмъ допускать, что зло ведетъ свое начало отъ Бога.

Такимъ образомъ, Августинъ самъ раздѣлялъ заблужденіе, въ которомъ укорялъ *злыхъ* манихеянъ, предпочитавшихъ допустить, что божественная сущность страдаетъ отъ зла, а не то, что она

сама творитъ зло. Все болѣе и болѣе углублялся Августинъ въ проблему зла, все чаще и чаще ставилъ себѣ вопросъ, почему онъ грѣшитъ? И все явственнѣе становилось для него сознаніе своей воли. Онъ сознавалъ то, что у него есть воля, такъ же ясно, какъ то, что онъ существуетъ. Онъ увѣрился въ томъ, что когда онъ чего-нибудь хотѣлъ или не хотѣлъ, то это была *его* воля, а не чья-либо другая,—и онъ все болѣе и болѣе убѣждался, что онъ самъ виновникъ своего грѣха. Но, съ другой стороны, въ немъ возникали вопросы: откуда у него злая воля? Если отъ дьявола,—откуда же самъ дьяволъ; а если дьяволъ сдѣлался злымъ ангеломъ, вслѣдствіе превратной воли, изъ добраго ангела, то откуда же у него эта превратная воля?—Эти вопросы его угнетали и мучили.

Изъ этого мучительнаго состоянія его вывелъ неоплатонизмъ. Эта школа не признавала въ мірѣ зла. Самый міръ она считала эманаціей чистаго, абсолютнаго бытія, происходившей вслѣдствіе ограниченія этого чистаго бытія. Чѣмъ дальше протекала эта эманація, тѣмъ болѣе она удалялась отъ полнаго бытія и становилась *не*-бытіемъ. Этотъ дефектъ, т.-е. отсутствіе бытія, и называется зломъ. Зло поэтому не есть субстанція, т.-е. нѣчто въ самомъ себѣ существующее; оно не имѣетъ въ себѣ дѣйствительнаго, положительнаго бытія. Августинъ усвоилъ себѣ это ученіе, и мучившее его *зло* исчезло какъ призракъ. „И я взиралъ на міръ подъ Тобою,—говоритъ онъ въ своей „Исповѣди",—и увидѣлъ, что ему нельзя приписать ни полнаго бытія, ни небытія; ему присуще бытіе, насколько онъ происходитъ отъ Тебя, и небытіе, потому что онъ не то, что̀ Ты". И потому Августинъ говоритъ далѣе: „Для Тебя не существуетъ зла; и не только для Тебя, но и для всего Твоего творенія, ибо нѣтъ ничего, что̀ могло бы вторгнуться въ Твой міръ и нарушить порядокъ, Тобою въ немъ установленный".

Вотъ другой принципъ, усвоенный Августиномъ у неоплатониковъ и подробно развитой имъ въ сочиненіи о (міровомъ) *порядкѣ* (De ordine). Этотъ порядокъ основанъ на взаимной гармоніи вещей. „Потому что нѣкоторые предметы въ мірѣ не гармонируютъ съ другими, ихъ считаютъ зломъ; но эти самые предметы гармонируютъ съ другими и являются благомъ, и они благи сами по себѣ". И исходя изъ этой мысли, Августинъ восхваляетъ Создателя міра и приводитъ текстъ псалма (148), перечисляющаго „всякую тварь вредную и безвредную, прославляющую Господа".

Но неоплатонизмъ не только снялъ съ души Августина тяжелый гнетъ представленія, что зло, какъ и порокъ, есть субстанція, т.-е. искони, само по себѣ и вѣчно *сущее*,—эта философія ему непосредственно *открыла* христіанство и примирила его съ нимъ. Правда, Августинъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ своей „Исповѣди" (VII, 11), что вѣра въ Бога, въ его провидѣніе, въ Христа и въ Св. Писаніе, установленное авторитетомъ церкви, всегда „нерушимо сохранялась въ его сердцѣ", даже въ то время, когда онъ мучился надъ проблемой зла и „не видѣлъ выхода". Но мы знаемъ, сколько тяжкихъ недоумѣній вызывали въ немъ всѣ эти вопросы, и напомнимъ его признаніе: „Я тогда еще не испыталъ истины церковнаго ученія". Даже проявлявшееся въ его дѣтскихъ молитвахъ представленіе о Богѣ не могло удержаться подъ вліяніемъ манихейства, и его развившійся разумъ требовалъ себѣ доступа въ область вѣры. Это требованіе было тѣмъ болѣе неизбѣжно, что само христіанское ученіе въ начальныхъ словахъ четвертаго Евангелія вызывало на это. Здѣсь-то неоплатонизмъ и пришелъ на помощь Августину. Самъ онъ намъ объ этомъ говоритъ въ своей „Исповѣди". Правда, его сообщеніе относится ко времени, когда онъ уже удалился отъ этой философіи и отъ всякаго раціонализма въ вопросахъ вѣры, и когда онъ считалъ своимъ долгомъ, какъ христіанскій епископъ, предостерегать вѣрующихъ отъ философскаго высокомѣрія. Онъ благодаритъ Господа за то, что, желая ему показать, что Господь *противится гордымъ*, Онъ доставилъ ему чрезъ посредство человѣка, исполненнаго громадной надменностью, нѣсколько сочиненій платониковъ, переведенныхъ съ греческаго языка на латинскій, гдѣ онъ прочелъ, хотя не въ тѣхъ же словахъ, но то же самое, обставленное многими и разнообразными доводами: „Въ началѣ было Слово и Слово было у Бога и Богъ былъ Слово". Но онъ не нашелъ тамъ, что „Слово стало плотью и обитало съ нами". И Августинъ заканчиваетъ свое перечисленіе того, что̀ онъ нашелъ у платониковъ и чего не нашелъ, словами апостола: „Но они, познавши Бога, не прославили Его, какъ Бога, и не возблагодарили, но осуетились въ умствованіяхъ своихъ и омрачилось несмысленное ихъ сердце. Называя себя мудрыми, они обезумѣли".

Что Августинъ долго самъ принадлежалъ къ тѣмъ, кого онъ потомъ осуждалъ, видно изъ его собственныхъ признаній... Именно воплощеніе Логоса было для него непонятно. Сначала его затрудняли манихейскія представленія. Даже „о нашемъ Спасителѣ,—говоритъ онъ,—Твоемъ единородномъ Сынѣ, я полагалъ,

что онъ изъ свѣтлѣйшей матеріи былъ выдѣленъ для нашего спасенія". Августинъ боялся признать воплощеніе, чтобы не быть вынужденнымъ допустить оскверненіе Христа плотью. „Пусть вѣрующіе въ духѣ—восклицаетъ онъ—теперь милосердно и ласково надо мною посмѣются, когда прочтутъ эти мои заблужденія [1]); но таковымъ я тогда былъ".

Затѣмъ онъ впалъ въ противоположное представленіе: онъ допускалъ „чудесное рожденіе Христа отъ дѣвы", но въ то же время считалъ его человѣкомъ замѣчательной мудрости, съ которымъ никто не можетъ сравниться, въ особенности потому, что онъ показалъ примѣръ пренебреженія мірскими благами ради пріобрѣтенія безсмертія и „по божественному о насъ промыслу заслужилъ великій авторитетъ учителя". „Но великое таинство, заключающееся въ словахъ „Слово стало плотью", я и подозрѣвать не могъ".

Постигнуть это таинство Августину помогло отождествленіе евангельскаго Логоса со всемірнымъ Разумомъ, которому неоплатоники отвели въ своемъ міровоззрѣніи видное мѣсто [2]). И въ другомъ еще отношеніи неоплатонизмъ содѣйствовалъ сближенію Августина съ христіанскимъ богословіемъ: онъ предрасположилъ его, какъ и до него Викторина, — вліяніе котораго, вѣроятно, и въ этомъ отразилось,—къ изученію твореній апостола Павла [3]), глашатаемъ котораго сталъ Августинъ. Въ „Исповѣди" Августинъ объ этомъ не упоминаетъ, но не даромъ,—съ своей позднѣйшей точки зрѣнія,—говоритъ, что, неудовлетворенный неоплатониками, взялся за изученіе божественныхъ книгъ и „въ особенности сочиненій апостола Павла".

Наконецъ, въ платонизмѣ же нашелъ Августинъ и заимствовалъ изъ него философскіе доводы въ пользу основного условія христіанской вѣры — безсмертія души. Доказавъ вѣчность разума, Августинъ выводитъ отсюда безсмертіе души, въ которой живетъ разумъ [4]).

---

[1]) Confusiones; это чтеніе предпочтительнѣе чтенію Confessiones.

[2]) Это признаютъ даже католическіе писатели, не склонные преувеличивать значеніе языческой философіи въ жизни Августина: „Auf ihren wahren Werth geprüft haben die betreffenden Aeusserungen Augustins in den Konfessionen keinen andern Sinn, als dass er in der neuplatonischen Lehre vom Nus durch eine gewisse Aehnlichkeit mit der christlichen Logoslehre letztere ja erblicken glaubte und dass diese Analogie seine Annäherung an das Christenthum veranlasste. *Wörter*, Die Geistesentw. des h. Augustinus, etc., p. 49.

[3]) О паулинизмѣ Викторина см. ст. Gore о Викторинѣ въ Diction. of Chr. Biogr. IV. Harnack, Lehrb. d. Dogmengesch. III, 32.

[4]) Aug. De Immort. 11. Nihil enim quod semper est, patitur sibi sub trahi

Но философія могла только очистить Августину путь къ вѣрѣ, но не могла ему дать ее. Когда предъ нимъ исчезли манихейскіе призраки и его снова стали манить къ себѣ религіозные ббразы его дѣтства, онъ не нашелъ въ себѣ силы *вѣрить* въ нихъ. „Онъ желалъ быть также увѣреннымъ въ томъ, что̀ для него было незримо, какъ онъ былъ увѣренъ въ томъ, что семь и три — десять". Онъ сознавалъ, „что могъ бы найти исцѣленіе въ вѣрѣ", но его больная душа, по его словамъ, боялась отдаться вѣрѣ, чтобы не увѣровать въ заблужденія; подобно тому, прибавляетъ онъ, какъ человѣкъ, пострадавшій отъ плохого врача, отказывается лечиться и у хорошаго.

Мы видѣли изъ „Исповѣди" Августина, какъ онъ самъ себя убѣждалъ въ необходимости вѣры,— онъ приписывалъ это потомъ внушенію свыше. Онъ размышлялъ о томъ, какъ многому онъ вѣритъ, чего онъ не видалъ, или при чемъ не присутствовалъ— касательно исторіи народовъ, описанія мѣстностей и городовъ; какъ многому онъ вѣритъ изъ того, что̀ слышалъ отъ друзей, врачей и другихъ лицъ, и что безъ такой вѣры нельзя жить. Онъ разсудилъ, что поэтому слѣдуетъ вѣрить священнымъ книгамъ, авторитетъ которыхъ Господь такъ прочно утвердилъ у всѣхъ почти народовъ. И когда его спрашивали, „откуда ему извѣстно, что эти книги внушены единымъ, истиннымъ и правдивѣйшимъ духомъ Божіимъ человѣческому роду", онъ утверждалъ, что именно въ этомъ онъ былъ особенно увѣренъ, ибо „никакой задоръ разнообразнѣйшихъ и противорѣчивыхъ между собою философскихъ школъ" не могъ отнять у него вѣры въ Бога,—хотя онъ не зналъ Его сущности,—и въ Его управленіе міромъ. Эта вѣра, замѣчаетъ Августинъ, была въ немъ то сильнѣе, то слабѣе. Но такъ какъ онъ „оказался слишкомъ слабъ, чтобы найти истину яснымъ разумѣніемъ, и поэтому нуждался въ авторитетѣ Св. Писанія", *то онъ и началъ вѣрить*, что ни въ какомъ случаѣ Господь не предоставилъ бы этому Писанію такого чрезвычайнаго авторитета на всей землѣ, еслибы не было Его воли, чтобы въ Него вѣрили при помощи этого Писанія и чрезъ его посредство Его искали". Вѣра въ Св. Писаніе приблизила Августина и къ Христу. Правда, онъ признается, что и въ это время его представленія о Немъ еще не установились (informis) и выходили изъ предѣловъ церковнаго ученія, но душа его не отставала отъ

aliquando in quo semper est. Буалье въ своемъ сочиненіи объ Эннеадахъ Плотина говоритъ: Le traité que ce Père (Augustin) a composé sur l'immortalité de l'âme est tiré presque entièrement de notre auteur.

вѣры въ Христа и постепенно все болѣе и болѣе ею проникалась.

Такимъ образомъ, въ это время въ душѣ Августина удивительнымъ образомъ уживались и сплетались обѣ потребности— разумѣнія и вѣры. Въ виду этого онъ долго держался мысли о согласіи разума и вѣры. Въ сочиненіи противъ академиковъ онъ говоритъ: „Никто не сомнѣвается, что двойная сила влечетъ насъ къ знанію [1]), *авторитетъ* и *разумъ*. Что касается меня, то я намѣренъ нигдѣ не отступать отъ авторитета Христа, ибо я не знаю болѣе высокаго. Но къ этой истинѣ мы должны стремиться съ помощью тончайшаго разума, ибо я уже сознаю, что нетерпѣливо желаю познать истину, не съ помощью только вѣры, но также и разумѣніемъ, и я увѣренъ, что я пока (interim) найду у платониковъ то, что не противорѣчитъ нашимъ таинствамъ“. А въ сочиненіи „О порядкѣ“ Августинъ призываетъ тѣхъ, кто не въ состояніи видѣть порядка и гармоніи, установленныхъ въ мірѣ Провидѣніемъ, обратиться къ философіи, которая и приведетъ къ этому сознанію. Кто же неспособенъ къ ея изученію, или слишкомъ лѣнивъ для этого, или кого отъ нея отвлекаютъ другія дѣла—тотъ пусть опирается на вѣру.

Съ этой точки зрѣнія онъ восклицалъ еще въ своемъ сочиненіи „О Божіемъ царствѣ“: „Почему бы намъ не вѣрить Божеству въ тѣхъ вопросахъ, которые мы не въ состояніи разслѣдовать человѣческимъ умомъ!“

VI.

Не менѣе важна, чѣмъ это прохожденіе отъ разумѣнія къ вѣрѣ, была для Августина другая въ немъ перемѣна, совершавшаяся также подъ вліяніемъ платонизма. Замѣчательнѣйшимъ свойствомъ ученія Платона была неразрывная въ немъ связь познанія съ этическимъ усовершенствованіемъ. Послѣднее было какъ необходимымъ условіемъ, такъ и неизбѣжнымъ послѣдствіемъ перваго. Августинъ вполнѣ усвоилъ себѣ эту точку зрѣнія, и этимъ объясняется его восторженное отношеніе къ „Гортензію“, изъ котораго онъ впервые почерпнулъ этическій идеализмъ. Мы находимъ этотъ идеализмъ ясно выраженнымъ въ философскихъ

[1]) C. Acad. III, 20, 43: „Gemino pondere nos impelli ad discendum, auctoritatis et rationis“, tc.

сочиненіяхъ Августина, написанныхъ передъ его крещеніемъ. Разумъ опредѣляется имъ, какъ дѣятельность души, во время которой она сама по себѣ, безъ посредства тѣла (т.-е. чувственныхъ ощущеній), узрѣваетъ истину. Поэтому, тотъ, кто хочетъ мыслить и познавать, сосредоточивается въ самомъ себѣ. Оттого „уединеніе", т.-е. отдаленіе отъ міра, является предварительнымъ условіемъ познанія сущности вещей. Оттого, сказано у него въ другомъ мѣстѣ, только нравственно чистый духъ достигаетъ познанія. Эту взаимную связь успѣховъ въ познаніи и въ нравственномъ житіи Августинъ возводитъ въ „божественный законъ, вѣчный и нерушимый, и начертанный въ душѣ мудрыхъ: пусть они знаютъ, что они должны быть тѣмъ лучше и возвышеннѣе въ жизни, чѣмъ совершеннѣе они разумомъ постигаютъ и тщательнѣе въ жизни хранятъ божественный порядокъ. Такимъ образомъ, этотъ порядокъ возлагаетъ на тѣхъ, кто желаетъ его познать, обязанность слѣдовать ему въ двухъ направленіяхъ,— какъ въ жизни, такъ и въ наукѣ".

Высказанныя здѣсь требованія были для Августина не отвлеченнымъ постулатомъ ума, а глубоко запали въ его душу и вызвали въ ней разладъ и тяжелую внутреннюю борьбу. Предаться уединенію, вести жизнь лучшую и болѣе возвышенную, значило для него порвать не только со всѣмъ, что̀ ему было до сихъ поръ дорого, но и отказаться отъ всего, что̀ его манило и что̀ ему предстояло впереди. Онъ только-что прочно устроился, занялъ положеніе, соотвѣтствующее его таланту, и имѣлъ основаніе разсчитывать, что найдетъ на этомъ пути почетъ и благосостояніе, соразмѣрные съ его заслугами. Но что̀ было еще тяжелѣе для Августина—ему предстоялъ переломъ въ его интимной жизни, разрывъ съ семейной обстановкой, обратившейся для него въ привычку. Такъ для него началось мучительное состояніе, долго продолжавшееся и все возраставшее. Онъ самъ изобразилъ его въ исповѣди „своихъ заблужденій", и эти страницы захватываютъ читателя не только участіемъ къ пережитымъ страданіямъ, но и высокимъ интересомъ къ этому типическому явленію въ исторіи этическаго идеализма.

„Я жаждалъ почета, благосостоянія и брака",—кается Августинъ. Прежде всего потерпѣла крушеніе иллюзія почета и славы. Весьма драматично пріурочиваетъ Августинъ этотъ переломъ къ опредѣленному моменту своей жизни, когда онъ готовился, по своей должности, къ произнесенію панегирика императору, собираясь въ немъ „лгать ради шумныхъ похвалъ со стороны тѣхъ, кто зналъ, что я лгу". Въ ту минуту, когда его сердце „было

полно этой заботы и лихорадочно билось подъ напоромъ тлетворныхъ мыслей", онъ замѣтилъ въ одной изъ улицъ Милана нищаго, уже бывшаго, какъ ему казалось, навеселѣ, съ довольнымъ лицомъ и съ шутками на языкѣ. При видѣ его Августинъ обратился со вздохомъ къ сопровождавшимъ его друзьямъ, указывая имъ, что, при всѣхъ усиліяхъ и тревогахъ, онъ не достигъ и, можетъ быть, никогда не достигнетъ того, что̀ досталось нищему съ помощью нѣсколькихъ выпрошенныхъ грошей—радости, т. е. мірского счастья. Правда, еслибы кто-нибудь его спросилъ, желалъ ли бы онъ быть на мѣстѣ этого нищаго, онъ бы отказался отъ этого,—но на превратномъ основаніи. Ибо онъ не имѣлъ бы права дорожить своимъ образованіемъ, такъ какъ оно не доставляло ему радости, и онъ пользовался имъ не для поученія людей, а для того, чтобы имѣть среди нихъ успѣхъ.

„И пусть не говорятъ мнѣ,—продолжалъ Августинъ,—что тутъ разница въ самой радости"; что нищій находитъ радость въ опьяненіи, а онъ, Августинъ,—въ славѣ. Если радость нищаго суетна, то и слава, вскружившая ему голову, превратна; притомъ нищій въ одну ночь проспитъ свое опьяненіе — онъ же, Августинъ, и засыпаетъ, и просыпается съ своимъ опьяненіемъ, и долго еще будетъ засыпать и просыпаться съ нимъ. И по другой еще причинѣ Августину казалось, что нищій счастливѣе его,—а именно потому, что добылъ себѣ вино добрыми пожеланіями, онъ же путемъ лжи искалъ удовлетворенія своему тщеславію.

Наступленіе тридцатилѣтняго возраста особенно встревожило Августина; онъ вспоминалъ, какъ много уже прошло времени съ тѣхъ поръ, какъ онъ „19-ти лѣтъ, съ такимъ жаромъ принялся за изученіе мудрости, намѣреваясь, по достиженіи ея, отбросить всѣ суетныя надежды и обманчивый вихрь тщеславныхъ страстей; а онъ все еще вязнетъ въ грязи жадныхъ желаній насладиться настоящимъ, которое быстро минуетъ и разсѣеваетъ духъ, и все повторяетъ: завтра мнѣ откроется истина!"

Но какую же мудрость разумѣлъ Августинъ,—философскую или христіанскую? При тогдашнемъ своемъ настроеніи онъ ихъ не противополагалъ одну другой, — оба пути вели къ той же цѣли. Это видно изъ продолженія вышеприведеннаго мѣста.

„Я хочу ступать по пути, на который меня, ребенкомъ, поставили родители, пока не найду ясной истины. Но гдѣ ея искать? и когда ея искать? У Амвросія нѣтъ времени; и гдѣ мнѣ искать рукописи Св. Писанія? гдѣ и когда добывать ихъ? у кого взять ихъ?" Ободряя себя, онъ говоритъ: „Ими надо распредѣлить свое время для спасенія души. „Утренніе часы, правда,

посвящены ученикамъ, но что я дѣлаю въ остальные? Почему не воспользоваться ими?“ Тутъ ему представляются новыя затрудненія: „Когда же мнѣ, однако,—спрашиваетъ онъ,—посѣщать могущественныхъ друзей, въ поддержкѣ которыхъ я нуждаюсь? когда я буду готовиться къ лекціямъ, оплачиваемымъ учениками? когда я буду предаваться отдыху, чтобы возстановить силы духа послѣ напряженія?“ И снова беретъ въ его душѣ верхъ рѣшимость порвать со всѣмъ, что ему препятствовало искать истину. „Пусть пропадаетъ все это; я отброшу отъ себя все пустое и суетное и посвящу себя только изысканію истины; жизнь печальна, и неизвѣстно, когда настанетъ смертный часъ; онъ можетъ нечаянно наступить;—зачѣмъ же медлить отрѣшеніемъ себя отъ всякой мірской надежды, чтобы совершенно предаться исканію Бога и благой жизни?“ Но мірскія надежды въ немъ еще не заглохли. „Не спѣши,—говоритъ онъ себѣ:—есть прелесть и въ этой жизни и немало въ ней сладости; не легко отъ нея оторваться и постыдно послѣ этого къ ней вернуться. Какъ немного нужно, чтобы получить почетное мѣсто на государственной службѣ, и чего можно желать лучшаго? У меня много вліятельныхъ друзей; не говоря о другихъ, я могу добиться должности *президента*, могу взять жену съ нѣкоторымъ приданымъ для облегченія расходовъ на хозяйство; таковъ былъ бы предѣлъ моихъ стремленій. Вѣдь было немало великихъ и достойныхъ подражанія людей, которые и послѣ женитьбы предавались изученію мудрости“. Въ этихъ признаніяхъ Августина идетъ рѣчь одновременно и о стремленіи къ христіанской истинѣ чрезъ изученіе Св. Писанія, и о достиженіи философской мудрости. Послѣдняя цѣль еще яснѣе выступаетъ далѣе въ „Исповѣди“. Августинъ сообщаетъ, что его другъ Алипій противился его намѣренію жениться, все доказывая, что въ этомъ случаѣ имъ нельзя будетъ совмѣстно вести на досугѣ жизнь, всецѣло посвященную любви къ мудрости, какъ они уже давно желаютъ. Здѣсь подъ мудростью, очевидно, разумѣлась не вѣра въ Христа, которая не препятствовала брачной жизни, а жизнь мудреца въ смыслѣ неоплатониковъ.

Мысль удалиться отъ мірскихъ дѣлъ и заботъ, чтобы посвятить свой досугъ исканію истины, такъ укоренилась въ кружкѣ Августина, что породила цѣлый проектъ особаго общежитія для обезпеченія этого досуга. Друзья—ихъ было около десяти—предполагали сложиться и образовать одно общее имущество такъ, чтобы никто изъ членовъ не имѣлъ ничего для себя лично, но все принадлежало бы одинаково всѣмъ. Между ними было нѣ-

сколько богатыхъ людей, и въ особенности Романіанъ изъ Тагастэ, пріѣхавшій ко двору по важнымъ личнымъ дѣламъ, горячо настаивалъ на осуществленіи этого плана; его голосъ имѣлъ въ этомъ дѣлѣ большой вѣсъ, такъ какъ его богатство значительно превышало состояніе другихъ. Предполагалось изъ среды общины избирать на годъ двухъ старшинъ, которые должны были о всемъ заботиться, обезпечивая другимъ полное душевное спокойствіе. Но планъ этотъ разбился о соображеніе, согласятся ли на него жены,—ибо нѣкоторые изъ друзей были женаты, а другіе собирались жениться,—и все пошло по старому, по „широкимъ и протоптаннымъ путямъ мірской жизни".

Къ числу членовъ кружка, собиравшихся тогда жениться, принадлежалъ и самъ Августинъ. Особенно настаивала на этомъ его мать, которая ничего такъ не желала, какъ крещенія сына по заключеніи имъ законнаго брака. По своему обычаю и по желанію сына она просила въ своихъ молитвахъ, чтобы Господь послалъ ей знаменіе по отношенію женитьбы сына, но видѣла лишь какіе-то призраки, которые не сочла за откровеніе. Тѣмъ не менѣе, по ея настоянію, Августинъ посватался и получилъ согласіе родителей; невѣста была, однако, еще слишкомъ молода для брака, но такъ какъ она ему нравилась, то онъ согласился ждать два года.

Въ такомъ положеніи дѣла сохраненіе прежней связи являлось препятствіемъ браку, и Августина заставили отпустить свою сожительницу. Она возвратилась въ Африку, оставивъ Августину своего сына и давши обѣтъ не принадлежать другому мужу,—что̀ характеризуетъ ее и ея связь съ Августиномъ. Онъ же не былъ въ силахъ послѣдовать ея примѣру, и такъ какъ срокъ, назначенный для брака, казался ему слишкомъ отдаленнымъ, онъ взялъ къ себѣ въ домъ другую дѣвушку;—однако „рана, нанесенная ему разлукою съ прежнею сожительницей, не зажила". Это обстоятельство сдѣлалось для Августина источникомъ новыхъ душевныхъ тревогъ. Разсчеты „на почести и выгоды" уже не привлекали его такъ сильно, какъ прежде, но онъ чувствовалъ себя безсильнымъ бороться противъ страсти къ женщинѣ [1]). Правда, апостолъ не воспрещалъ ему женитьбы, но онъ сознавалъ, что брачная жизнь заставитъ его предаваться и другимъ заботамъ, отъ которыхъ онъ хотѣлъ освободиться. И онъ снова переживалъ тѣ мученія, которыя онъ испытывалъ, стараясь подняться до истиннаго представленія о Богѣ: „Какими страданіями

---

1) Adhuc tenaciter alligabar ex femina. VIII, 2.

сопровождались эти роды моего сердца! какіе это были стоны, выражавшіе нѣмые укоры души моей! Ты, Господи, одинъ зналъ, какъ я мучился, и никто изъ людей,—ибо какъ мало обо всемъ повѣдалъ языкъ мой самымъ близкимъ изъ моихъ друзей!"

Августинъ тѣмъ сильнѣе себя упрекалъ, что теперь уже не страдалъ недостаткомъ богопознанія, который можетъ „служить оправданіемъ для людской суеты; онъ нашелъ Творца и при немъ Его слово; онъ обрѣлъ жемчужину, которую ему слѣдовало купить, продавъ все свое имѣніе,—и колебался".

Измученный внутренней борьбой и не имѣя силы на что-нибудь рѣшиться, Августинъ отправился къ старцу Симплиціану, который былъ воспріемникомъ Амвросія и котораго архіепископъ любилъ какъ отца. Когда Августинъ сообщилъ ему, что прочелъ нѣсколько сочиненій неоплатониковъ, переведенныхъ Викториномъ, старецъ поздравилъ его съ тѣмъ, что ему не попали въ руки сочиненія другихъ философовъ, полныхъ лжи и обмана. При этомъ онъ посовѣтовалъ ему принять въ образецъ самого Викторина, который, столько лѣтъ защищавши язычество, не устыдился принять на себя иго Христа. На вопросъ Августина, какъ это случилось, Симплиціанъ разсказалъ ему, что Викторинъ сталъ читать Св. Писаніе и усердно изучать христіанскую литературу. Однажды, когда они были одни, онъ сказалъ Симплиціану: „Знаешь ли, что я уже христіанинъ!" Тотъ отвѣтилъ: „Не повѣрю и не признаю тебя христіаниномъ, пока не увижу тебя въ церкви". На это Викторинъ усмѣхнулся и спросилъ: „Развѣ стѣны дѣлаютъ христіанина?"—И часто онъ повторялъ, что онъ христіанинъ, а на возраженія Симплиціана отшучивался тѣмъ же, ибо онъ боялся оскорбить надменныхъ идолопоклонниковъ среди своихъ друзей. Когда же онъ укрѣпился въ вѣрѣ, то устыдился своего тщеславія и, убоявшись, что Христосъ отречется отъ него предъ своими ангелами, однажды сказалъ Симплиціану: „Пойдемъ въ церковь, я хочу принять христіанство".— Не помня себя отъ радости, тотъ немедленно пошелъ съ нимъ. Получивъ первыя наставленія, онъ тамъ записался въ число чающихъ крещенія.

Когда же настал часъ произнести—по римскому обычаю—символъ вѣры съ возвышеннаго мѣста, предъ лицомъ всего народа, пресвитеры предложили ему произнести символъ вѣры негласно, какъ то дозволяется лицамъ, которыя боятся смутиться. Но Викторинъ отказался отъ этого. Если ему не было страшно преподавать риторику, въ которой нѣтъ спасенія, предъ толпою безумцевъ, то какъ онъ могъ бояться произнести слово Господне

предъ Его кроткой паствой?!—И когда онъ взошелъ на возвышеніе, всѣ встрепенулись и называли другъ другу его имя—ибо кто его не зналъ?—и изъ устъ всѣхъ радостно пронеслось, раздаваясь по всей церкви, сдержаннымъ шопотомъ имя Викторина. Но тотчасъ всѣ смолкли, желая услышать его голосъ. Онъ же съ твердостью произнесъ слова истинной вѣры, и всѣ съ восклицаніемъ и ликованіемъ устремились заключить его въ свои объятія—и сердца.

Когда Августинъ въ своей „Исповѣди" изображалъ сцену обращенія Викторина, передъ его воображеніемъ, конечно, носилось воспоминаніе о другой подобной картинѣ, когда въ миланскомъ соборѣ молодой риторъ,—не столь славный, какъ Викторинъ, но болѣе интересный для публики, такъ какъ передъ нимъ еще была цѣлая будущность,—отрекался ради Христа отъ міра и своихъ блестящихъ надеждъ.

Подъ впечатлѣніемъ разсказа Симплиціана, Августинъ воспылалъ желаніемъ послѣдовать примѣру Викторина. Впечатлѣніе, произведенное на него обращеніемъ Викторина, еще усилилось, когда онъ узналъ, что Викторинъ, повинуясь закону императора Юліана, воспретившаго христіанамъ преподаваніе риторики и литературы, желалъ лучше разстаться со своей школой „многословія", чѣмъ со словомъ Божіимъ. Августинъ признавалъ его за это не только мужественнымъ, но и счастливымъ, ибо онъ нашелъ случай всецѣло посвятить себя службѣ Господней. Но самъ онъ съ грустью чувствовалъ себя скованнымъ,—не чужою рукой и не желѣзомъ, а своею желѣзною волею. Врагъ овладѣлъ его волей, сковалъ изъ нея цѣпь и связалъ его ею. Ибо дурная воля порождаетъ страсть, а потворство страсти образуетъ привычку, и если не бороться съ привычкой, она превращается въ законъ необходимости. „Такъ изъ звеньевъ, смыкающихся между собою, сложилась цѣпь моего тяжелаго рабства".—Онъ уже чувствовалъ въ себѣ новую волю, но она была еще не въ силахъ побороть старую, укоренившуюся. „Такъ двѣ воли боролись во мнѣ, одна старая, другая новая, одна плотская, другая духовная, и своимъ раздоромъ терзали мою душу". Особенно мучительно было для Августина то, что онъ уже не имѣлъ отговорки, которою онъ прежде оправдывалъ свою нерѣшительность презрѣть міръ и служить Богу, а именно, что онъ еще не увѣренъ въ истинѣ; истина для него теперь была внѣ сомнѣнія, но онъ былъ слишкомъ привязанъ къ земному. Августинъ изобразилъ свое тогдашнее состояніе духа въ прекрасномъ сравненіи съ положеніемъ человѣка, который не можетъ

проснуться. „Тяготѣло надъ мною бремя міра, подобно сладкому сну; помыслы мои были обращены къ Тебѣ подобно усиліямъ человѣка, желающаго проснуться, но безсильно утопающаго въ глубинѣ сна. Нѣтъ такого человѣка, который желалъ бы всегда спать, и по здравому сужденію всѣхъ людей бдѣніе лучше сна; однако часто человѣкъ медлитъ освободиться отъ сна, чувствуя тяжелое оцѣпенѣніе въ своихъ членахъ, и тѣмъ болѣе наслаждается сномъ, чувствуя, что часъ пробужденія наступаетъ. Такъ и я былъ увѣренъ, что лучше предаться Твоей любви, чѣмъ моимъ страстямъ, и убѣжденный въ Твоей истинѣ, я могъ только возражать медленно и спросонья: *сейчасъ, вотъ сейчасъ, подожди немного;* но сейчасъ и сейчасъ не имѣли предѣла (modo et modo non habebat modum),—и *подожди немного* тянулось безъ конца".

VII.

Но вотъ неожиданно настало и для Августина часъ пробужденія, когда „Господь его избавилъ отъ оковъ плотскихъ вожделѣній и ига мірскихъ заботъ".—Однажды, онъ не помнитъ, по какому дѣлу, его посѣтилъ Понтиціанъ, его землякъ, занимавшій видное мѣсто при дворѣ императора. Во время бесѣды тотъ замѣтилъ на стоявшемъ передъ ними столѣ, за которымъ занимался Августинъ, книгу, взялъ ее, раскрылъ и, увидя Посланія апостола Павла, изумился, ибо полагалъ, что книга относилась къ профессіи, тяготившей Августина. Понтиціанъ съ улыбкой взглянулъ на него и поздравилъ съ тѣмъ, что нашелъ передъ нимъ эту—и только *эту книгу*. Понтиціанъ былъ вѣрующимъ христіаниномъ и часто проводилъ въ церкви долгіе часы въ молитвѣ. Когда Августинъ ему сказалъ, что изученіе Св. Писанія составляетъ его главный интересъ, Понтиціанъ сталъ ему разсказывать о египетскомъ монахѣ Антоніѣ, имя котораго уже славилось среди христіанъ, Августину же было еще совершенно неизвѣстно. Узнавъ объ этомъ, Понтиціанъ удивился невѣдѣнію Августина и сталъ подробно разсказывать объ Антоніѣ, чтобы познакомить съ такимъ замѣчательнымъ человѣкомъ людей, его незнавшихъ. Съ своей стороны, изумился и Августинъ, услыша, какія чудеса, несомнѣнно удостовѣренныя такъ недавно, почти на его памяти, совершались въ истинной каѳолической церкви. Удивленіе было общее: Августинъ и Антоній удивлялись совершаемымъ монахами подвигамъ, а Понтиціанъ — тому, что они оба объ этомъ не слышали.

Августинъ узналъ тогда заразъ какъ о существованіи монашества, такъ и о его быстромъ развитіи; о томъ, какъ „пустыни обильно населялись отшельниками, о многочисленности возникшихъ тамъ же монастырей и о святой жизни, которую въ нихъ вели". Онъ узналъ также, что подъ стѣнами самаго Милана находился монастырь, полный благочестивой братіей подъ руководствомъ Амвросія, о чемъ ему не приходилось слышать.

Понтиціанъ довершилъ свой разсказъ описаніемъ событія, котораго онъ самъ былъ очевидцемъ. Однажды въ Трирѣ онъ вышелъ съ тремя сослуживцами въ садъ подъ стѣнами города, пока императоръ присутствовалъ на зрѣлищѣ въ циркѣ. Гуляя, они разбились, и двое изъ нихъ набрели на хижину, въ которой поселилось нѣсколько рабовъ Божіихъ, и тамъ нашли рукопись, заключавшую въ себѣ житіе Антонія. Одинъ изъ нихъ началъ читать его, и во время чтенія такъ проникся изумленіемъ и восторгомъ, что замыслилъ предаться такому же образу жизни, оставивъ службу императору, чтобы служить Господу. Обратившись къ своему другу, онъ сказалъ ему: „Скажи пожалуйста, чего мы достигнемъ всѣми нашими трудами? чего мы ждемъ? изъ-за чего служимъ? развѣ мы можемъ надѣяться дослужиться далѣе званія „друзей" императора? А развѣ это званіе прочно и не исполнено опасностей? Сколько же опасностей приходится пережить, чтобы попасть въ еще болѣе опасное положеніе! И когда еще мы доживемъ до него! Другомъ же Господа, если захочу, я сейчасъ могу сдѣлаться". И онъ сталъ снова читать житіе, и въ немъ совершилась перемѣна: духъ его скинулъ съ себя оковы міра, и онъ сказалъ другу своему: „Я уже отказался отъ всѣхъ надеждъ нашихъ и пришелъ служить Богу съ этого же часа и въ этомъ же мѣстѣ. Если тебѣ не хочется послѣдовать моему примѣру, по крайней мѣрѣ не противодѣйствуй мнѣ". Товарищъ отвѣтилъ, что онъ останется съ нимъ и раздѣлитъ его служеніе и его надежды. Между тѣмъ Понтиціанъ и его товарищъ разыскали ихъ и стали уговаривать послѣдовать за ними, такъ какъ день былъ на исходѣ. Но тѣ объявили имъ о своемъ намѣреніи. Понтиціанъ съ товарищемъ поздравили ихъ и поручили себя ихъ молитвамъ, но, скорбя о себѣ, вернулись ко двору и къ своимъ земнымъ заботамъ; тѣ же устремили свое сердце къ небу. Оба были женихами,—невѣсты же ихъ, услышавъ о случившемся, также посвятили свою дѣвственную жизнь Господу.

Во время разсказа Понтиціана Августинъ, по его признанію, увидѣлъ предъ собою свой собственный образъ, искаженный и

покрытый язвами, и пришелъ въ ужасъ отъ себя. Онъ сравнивалъ себя съ почтенными подвижниками, о которыхъ онъ слышалъ, предоставившими себя Господу на излеченіе, и возненавидѣлъ себя. Снова возстали передъ его воображеніемъ года, въ теченіе которыхъ, по прочтеніи „Гортензія", онъ стремился къ мудрости, но все откладывалъ совершенно предаться ея изслѣдованію, совершенно забывши о земномъ счастіи. Ибо, замѣчаетъ онъ по этому поводу: „не только обрѣтеніе мудрости, но самое изученіе ея должно быть предпочтено всѣмъ сокровищамъ и царствамъ міра и самому обильному удовлетворенію земными наслажденіями. Онъ уже въ самомъ началѣ своей юности молилъ Господа, чтобы Онъ ему ниспослалъ цѣломудріе и воздержаніе, но не сейчасъ",—такъ какъ онъ боялся немедленнаго исполненія своей просьбы, желая не столько искорененія своихъ страстей, сколько ихъ удовлетворенія. Прежде,—такъ продолжалъ упрекать себя Августинъ, — онъ объяснялъ свою косность въ отреченіи отъ мірскихъ благъ тѣмъ, что еще не нашелъ ничего вѣрнаго. Теперь же голосъ совѣсти ему говорилъ, что онъ обрѣлъ вѣрное, и онъ все-таки блуждалъ, тогда какъ другіе, которые не томили себя многолѣтнимъ исканіемъ истины, сразу поднялись къ ней свободнымъ полетомъ.

Когда ушелъ Понтиціанъ, Августинъ обратился къ своей душѣ. „Чего онъ ей не наговорилъ! какими горькими упреками онъ ее не истязалъ, понуждая ее слѣдовать за нимъ по пути къ Богу. Но она упорствовала и не поддавалась; всѣ ея доводы были исчерпаны и опровергнуты, но она пребывала въ нѣмомъ трепетѣ. Она какъ смерти боялась быть оторванной отъ потока привычекъ, которыя, однако, влекли ее къ смерти".

Совершенно разстроенный, Августинъ обратился къ присутствовавшему при разсказѣ Понтиціана Алипію со словами: „Что же это такое?—ты слышалъ! Люди простые овладѣваютъ небомъ, а мы со всей нашей наукой, но лишенные сердца,—мы вязнемъ въ плоти и крови; или намъ стыдно послѣдовать за ними, потому что они насъ предупредили и намъ не стыдно не идти за ними?"—Алипій молча и съ изумленіемъ смотрѣлъ на него; еще болѣе, чѣмъ слова Августина, его поражало волненіе, выражавшееся въ его глазахъ и чертахъ, въ блѣдности лица и въ голосѣ его друга. При домѣ Августина былъ небольшой садъ; онъ бросился туда, ища уединенія. Алипій послѣдовалъ за нимъ, боясь оставить его одного. Августинъ былъ внѣ себя отъ негодованія, что былъ не въ силахъ идти туда, куда его влекло все его существо; онъ зналъ, что туда ведетъ лишь одинъ путь,—

нужно было *захотѣть* пойти, но захотѣть сильно и всецѣло. Въ этомъ болѣзненномъ и мучительномъ состояніи, стараясь вырваться изъ собственныхъ оковъ, Августинъ почувствовалъ помощь свыше. „Ты, Господи, побуждалъ меня въ сокровенности души моей и въ Твоемъ строгомъ милосердіи двойнымъ бичомъ страха и стыда“ не останавливаться на пути и порвать послѣднія слабыя оковы. Онъ говорилъ себѣ: „надо сейчасъ сдѣлать послѣдній шагъ“, — и все-таки не дѣлалъ его. Онъ, правда, не возвращался назадъ, но, стоя близко у цѣли, все собирался съ силами; онъ дѣлалъ новую попытку и, все приближаясь, едва не достигъ цѣли; колеблясь „умереть для смерти и жить для жизни“, онъ однако все же не приступалъ къ цѣли, и чѣмъ болѣе приближалась минута его преображенія, тѣмъ болѣе она внушала ему ужаса. Суетные образы и всякія тщеты, ему дорогія, по старой привычкѣ останавливали его и шептали ему: „Неужели ты насъ покидаешь? неужели мы навѣки съ тобою разстаемся? неужели тебѣ съ этихъ поръ будетъ запрещено то и другое? И чего-то онѣ ему ни говорили! чего ему ни внушали! Онъ просилъ Господа въ Его милосердіи отвратить отъ души его этотъ позоръ. Онъ слушалъ эти голоса наполовину, они уже не преграждали ему пути, но шептались за спиной, прельщая его оглянуться; однако они задерживали шаги его, онъ медлилъ оторваться отъ нихъ; сильная привычка подсказывала ему: „думаешь ли ты, что проживешь безъ нихъ?“ — но этотъ голосъ былъ уже едва слышнымъ. А съ другой стороны, куда онъ былъ обращенъ лицомъ, но куда еще колебался идти, предъ нимъ явился въ чистомъ величіи образъ цѣломудрія, ясный и радостный, окруженный сонмомъ отроковъ, дѣвъ всякаго возраста и почтенныхъ вдовъ. Онъ улыбался ему и манилъ его къ себѣ, какъ бы говоря: „Развѣ ты не въ силахъ быть, какъ они? и развѣ они были сильны сами собою? Господь Богъ далъ имъ силы. Устремись къ Нему, не страшись, Онъ не дастъ тебѣ упасть и исцѣлитъ тебя!“

Продолжительное напряженіе обезсилило Августина и разрѣшилось обильными слезами. Желая уединиться, Августинъ ушелъ отъ Алипія въ конецъ сада и, распростершись подъ смоковницей, далъ полную свободу слезамъ и вздохамъ, взывая къ Богу словами псалма: „Долго ли еще, Господи, долго ли еще будешь гнѣваться? Не памятуй моихъ старыхъ прегрѣшеній!“ — Онъ чувствовалъ, что они его еще не отпускаютъ, и жалостно взывалъ: „Когда же будетъ конецъ? когда же? завтра? — но почему не сегодня, почему не сейчасъ наступитъ конецъ позора моего?“ —

Вдругъ Августинъ услыхалъ изъ-за ограды сосѣдняго дома дѣтскій голосъ, напѣвавшій слова: „Возьми и прочти“. Онъ встрепенулся, слезы его утихли; онъ сталъ припоминать, не слышалъ ли когда-нибудь прежде такого припѣва при дѣтской игрѣ, но не могъ вспомнить. Тогда его осѣнила мысль, что это—знаменіе свыше. Онъ вспомнилъ, какъ Антоній, вошедши въ церковь, когда читался стихъ изъ Евангелія: „Пойди и продай имѣніе твое и роздай нищимъ, и приходи и слѣдуй за Мною“,—принялъ это за знаменіе, къ нему обращенное. Августинъ поспѣшилъ къ мѣсту, гдѣ сидѣлъ съ Алипіемъ и гдѣ оставилъ книгу Посланій ап. Павла, и, раскрывъ ее, увидѣлъ слова: „Будемъ вести себя благочинно, не предаваясь ни пированіямъ, ни пьянству, ни сладострастію и распутству, ни ссорамъ и зависти. Облекитесь въ Господа нашего Іисуса Христа и попеченіе о плоти не превращайте въ похоти“.—Онъ не могъ читать дальше; это было и ненужно; ибо едва онъ прочелъ эти слова, какъ сердце его проникло свѣтлымъ успокоеніемъ и исчезъ весь мракъ сомнѣнія. Закрывъ книгу, Августинъ спокойно объяснилъ Алипію, что̀ съ нимъ было. Тотъ пожелалъ прочесть текстъ и увидѣлъ, что далѣе слѣдуютъ слова: „Немощнаго въ вѣрѣ принимайте“.—Онъ примѣнилъ ихъ къ себѣ и объявилъ, что последуетъ примѣру Августина. Они тотчасъ пошли къ его матери и все ей разсказали. Она была въ восхищеніи и торжествовала. „Она благословляла Тебя, Господи, ибо Твое могущество простирается далѣе, чѣмъ мы молимъ и разумѣемъ, и Ты сдѣлалъ для нея больше, чѣмъ она вымаливала для меня слезными вздохами. Ты обратилъ меня къ себѣ такъ, что я уже не думалъ болѣе о женитьбѣ, ни о какой-либо иной суетной надеждѣ, укрѣпившись въ вѣрѣ, какъ ты это ей открылъ за много лѣтъ передъ тѣмъ. И Ты обратилъ ея горе въ радость бо̀льшую, чѣмъ она мечтала, ибо радость, ей ниспосланная, была для нея дороже и чище, чѣмъ та, которую ей сулила надежда на внучатъ отъ моей плоти“.

Три недѣли спустя послѣ этого, по наступленіи вакацій, совпадавшей со временемъ сбора винограда, Августинъ отказался отъ своей профессуры риторики и уѣхалъ на дачу въ окрестностяхъ Милана, которую ему предоставилъ одинъ изъ его товарищей по преподаванію, Верекундъ. Въ началѣ зимы 387 г. Августинъ вернулся въ Миланъ и—по тогдашнему обычаю—на Пасхѣ принялъ крещеніе.

VIII.

Такъ совершилось *обращеніе* Августина, какъ онъ самъ его называлъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, оно представлялось ему, когда онъ, 14 лѣтъ спустя, описывалъ его, по своимъ воспоминаніямъ, въ своей „Исповѣди". Современная критика [1]) нарушила цѣльность и драматичность картины, написанной Августиномъ, и, противопоставивъ ей другія заявленія Августина и факты его жизни, поставила на очередь интересную историческую проблему. Чтобы разрѣшить ее, нужно имѣть въ виду, что переломъ въ жизни Августина, бывшій слѣдствіемъ его обращенія, состоялъ изъ трехъ моментовъ, не связанныхъ безусловно между собою — крещеніе, оставленіе каѳедры риторики съ отреченіемъ отъ свѣтской карьеры и — цѣломудріе. Принятіе христіанства не лишало его права занимать попрежнему эту профессуру или добиваться почетнаго мѣста въ администраціи, — не препятствовала также его женитьба. Съ другой стороны, отреченіе отъ свѣтской жизни и отъ женитьбы могло вытекать у него не изъ намѣренія принять крещеніе, а изъ другихъ мотивовъ. Наконецъ, каждое изъ этихъ трехъ рѣшеній могло обусловливаться особыми причинами.

Въ своей „Исповѣди" Августинъ говоритъ, что „примѣръ рабовъ Божіихъ" вызвалъ въ немъ рѣшеніе бросить „торговлю суесловіемъ" и не предоставлять за деньги юношамъ черпать изъ его устъ нелѣпую ложь и оружіе для бѣшеныхъ состязаній на форумѣ. Но въ слѣдующей главѣ онъ сообщаетъ, что уже лѣтомъ его легкія не выдержали чрезмѣрнаго напряженія. Миланскій климатъ съ его холодными вѣтрами съ снѣжныхъ горъ былъ слишкомъ суровъ для уроженца Африки. Его дыханіе было затруднено, появилась боль въ груди и голосъ его утратилъ звучность и силу. Все это смутило его, потому что дѣлало для него „почти неизбѣжнымъ" сложеніе съ себя преподавательскаго бремени или, по крайней мѣрѣ, перерывъ его для леченія, если таковое было возможно. Но затѣмъ онъ прибавляетъ, что когда въ немъ назрѣло рѣшеніе посвятить свой досугъ Господу, онъ порадовался своему недугу, который предоставлялъ ему не вымышленный предлогъ для успокоенія тѣхъ, кто ради сыновей своихъ не желали его отпустить на свободу. Онъ дотянулъ свою

[1]) Гарнакъ въ своей брошюрѣ объ „Исповѣди" Августина и особенно Лоосъ въ статьѣ о немъ въ „Theol. Encycl.".

преподавательскую дѣятельность до конца учебнаго времени для того, чтобы внезапное оставленіе каѳедры не представлялось какимъ-то хвастовствомъ, не вызвало бы похвалъ, а съ другой стороны суетныхъ толковъ и пересудовъ, непріятныхъ въ дѣлѣ, которое было для него святымъ. Такимъ образомъ, въ воспоминаніяхъ Августина причина почти (!) неизбѣжнаго оставленія каѳедры походитъ на невымышленное оправданіе или отговорку, чтобы рельефнѣе выдвинуть вліяніе религіознаго побужденія и „примѣра рабовъ Божіихъ". Это тѣмъ болѣе странно, что болѣзнь была серьезная,—еще осенью въ Кассиціакѣ она лишала его возможности писать. Мы этимъ не хотимъ сказать, что Августинъ отказался отъ своей профессуры лишь по болѣзни, но то, что къ этому могли его побудить и помимо болѣзни не одни только религіозные мотивы. Дѣятельность профессора риторики, который долженъ былъ научать искусству изъ кривды дѣлать правду, стала для него совершенно несовмѣстимой съ стремленіемъ къ чистой истинѣ въ смыслѣ Платоновской философіи. Можно думать, что Августинъ, проникшись ею, исполнился такимъ же пренебреженіемъ къ риторикѣ, какое платоники въ свое время питали къ софистамъ. Правда, въ своемъ сочиненіи „De Ordine", въ которомъ Августинъ разсматриваетъ смыслъ и разумную цѣль отдѣльныхъ научныхъ дисциплинъ, онъ указываетъ на то, что риторика научаетъ тому, какъ вліять на людей, особенно на тѣхъ, которые охотнѣе слѣдуютъ собственному усмотрѣнію или привычкѣ, чѣмъ узнанной ими чистой истинѣ,—но и изъ этихъ словъ видно, насколько онъ ставилъ изслѣдованіе чистой истины или философіи выше риторики.

Еще труднѣе, чѣмъ отказъ отъ профессуры, которая ему сулила почетъ и славу, было для Августина отреченіе отъ той страсти, въ которой онъ потомъ въ особенности усматривалъ проявленіе грѣховной природы человѣка. Но и въ этомъ вопросѣ не слѣдуетъ преувеличивать впечатлѣніе, произведенное разсказомъ Понтиціана. Въ то время, о которомъ теперь идетъ рѣчь, цѣломудріе вытекало для Августина не изъ монашескаго аскетизма, а изъ философскаго идеализма. Въ діалогѣ о „блаженной жизни", написанномъ вскорѣ по оставленіи Милана, богопознаніе обусловливается цѣломудріемъ, а въ своихъ „Монологахъ или бесѣдѣ съ разумомъ", написанныхъ передъ крещеніемъ, Августинъ объясняетъ свою побѣду надъ плотской страстью—вліяніемъ „Гортензія".

Что касается важнѣйшаго вопроса, отношенія Августина къ христіанству въ моментъ отказа отъ каѳедры и удаленія въ Кас-

сиціакъ, то мы должны для его рѣшенія прежде всего воспользоваться нашими свѣдѣніями объ образѣ жизни Августина въ этой виллѣ. Августинъ поселился въ деревнѣ съ матерью, тринадцатилѣтнимъ сыномъ, братомъ Навигіемъ и нѣсколькими молодыми людьми, въ числѣ которыхъ были Алипій, Небридій, также близкій Августину ученикъ Лиценцій, сынъ Романіана,—поэтъ и поклонникъ философіи,—и нѣкоторые другіе. Моника вела хозяйство; Августинъ взялъ на себя управлеиіе имѣніемъ и распоряжался работами. Все остальное время онъ проводилъ съ молодыми людьми, руководя ихъ занятіями. Утро обыкновенно посвящалось грамматикѣ и литературѣ; въ одно утро была, напримѣръ, прочитана цѣлая книга Виргилія, который былъ весь прочитанъ и комментированъ. Но наиболѣе серьезную сторону занятій составляли бесѣды о философскихъ предметахъ. Въ хорошую погоду Августинъ уводилъ свое молодое общество въ садъ, гдѣ они бесѣдовали о философіи подъ высокимъ деревомъ, на подобіе бесѣдъ Сократа подъ платаномъ. Въ ненастное время они располагались въ тэрмахъ, такъ какъ тамъ было просторно, свѣтло и тепло отъ нагрѣтыхъ водяныхъ трубъ. Этимъ бесѣдамъ Августинъ придавалъ такое значеніе, что пригласилъ стенографа, который записывалъ слова каждаго. Это не исключало живости и бойкости преній, которыя нерѣдко заканчивались веселымъ смѣхомъ. Августинъ обыкновенно самъ резюмировалъ пренія и дѣлалъ изъ нихъ выводы. Эта жизнь была до извѣстной степени осуществленіемъ того плана общежитія, о которомъ такъ недавно еще мечталъ кружокъ Августина.

Религіозный интересъ въ этихъ занятіяхъ былъ на заднемъ планѣ. Правда, Августинъ обратился къ Амвросію за совѣтомъ, чѣмъ ему заняться въ виду его предполагаемаго крещенія, и Амвросій посовѣтовалъ изучать пророка Исаію, такъ какъ въ его пророчествахъ находятся наиболѣе важныя указанія на пришествіе Христа; — но изученіе Исаіи оказалось не по силамъ Августину, и онъ его скоро оставилъ. Лишь часть ночи, когда онъ оставался наединѣ, Августинъ проводилъ въ молитвѣ. Наибольшій матеріалъ для сужденія о настроеніи Августина за это время представляютъ составленные имъ въ Кассиціакѣ діалоги. Эти діалоги являются не только по формѣ подражаніемъ діалогамъ Цицерона и Платона, но и по содержанію они касаются тѣхъ же проблемъ, которыя трактовались Цицерономъ и платониками. Подобно Цицерону и Плотину, Августинъ разсматриваетъ вопросъ о томъ, въ чемъ заключается *„блаженная жизнь"*. Цицеронъ и Плотинъ писали о фатумѣ,—Плотинъ помимо того —

О Провидѣніи; этому же вопросу посвященъ діалогъ Августина „De Ordine". Какъ Цицеронъ и Плотинъ, Августинъ разсматриваетъ въ трехъ произведеніяхъ вопросъ о *безсмертіи души* [1]).

Первый, возникшій въ Кассиціакѣ, діалогъ въ трехъ книгахъ посвященъ полемикѣ съ „академиками" за ихъ сомнѣніе въ возможности познать истину. Какъ первый философскій этюдъ Августина, онъ дышетъ восхищеніемъ человѣка, вырвавшагося на волю отъ надоѣвшей ему ремесленной работы и получившаго возможность посвятить свой досугъ высшимъ и самымъ дорогимъ для него вопросамъ. „Мнѣ не представляется иного счастья,—говоритъ Августинъ, — какъ то, которое даетъ досугъ заниматься философіей, — не представляется иной блаженной жизни, кромѣ жизни въ философіи". Онъ съ восторгомъ благодаритъ Романіана за то, что онъ своимъ настояніемъ и содѣйствіемъ далъ ему возможность наслаждаться досугомъ, взлетѣть надъ оковами ненужныхъ желаній,—„за то, что, сложивъ съ себя всякое бремя мертвыхъ заботъ, я дышу, я пришелъ въ себя, образумился, ищу съ величайшимъ напряженіемъ истину, что я уже началъ ее находить, что я питаю увѣренность въ конечномъ ея достиженіи".

Діалогъ противъ академиковъ является еще какъ бы продолженіемъ преподавательской дѣятельности Августина. Въ первой книгѣ этого діалога Августинъ упражняетъ свою молодежь въ діалектикѣ. Онъ заводитъ споръ между Лиценціемъ и Тригеціемъ, заключается ли блаженная жизнь въ одномъ стремленіи къ истинѣ и изслѣдованіи ея, или же она требуетъ и самаго обладанія истиной.

Однако Августинъ не думалъ ограничиваться одною дидактической цѣлью. Хотя онъ въ это время еще полагалъ, что академики лишь для вида проповѣдовали скептицизмъ, онъ борется всею силою своей діалектики противъ мнѣнія, что человѣку не суждено достигнуть несомнѣнной истины. Онъ слишкомъ долго самъ страдалъ отъ своихъ сомнѣній и колебаній, и теперь съ ликованьемъ привѣтствуетъ открывшуюся предъ нимъ перспективу вѣрной истины. Онъ старается разсѣять опасенія своихъ слушателей, „что они въ философіи не познаютъ истины", или ни въ какомъ случаѣ не познаютъ ея на подобіе математической истины, напр., что числа 1, 2, 3, 4 въ итогѣ даютъ 10. Убѣжденіе въ возможности достигнуть въ философіи абсолютной истины у него покоится одновременно на неоплатонизмѣ и на Св. Писаніи. „Повѣрьте мнѣ,—продолжаетъ онъ,—или, вѣрнѣе, Тому, Кто ска-

---

[1]) Wörter, D. Geistesentw. Aug., p. 72.

залъ: *ищите и обрѣтете*; не слѣдуетъ отчаяваться въ возможности познанія, и она окажется явственнѣе (manifestiorem futuram), чѣмъ свойства упомянутыхъ чиселъ".

Августинъ переживалъ въ это время одинъ изъ счастливѣйшихъ моментовъ своей жизни. Разладъ, который его такъ долго мучилъ, между религіей его дѣтства и запросами его разума, разладъ, который побудилъ его броситься въ манихейство и искать выхода въ скептицизмѣ,—миновалъ. Онъ вѣрилъ въ согласіе разума и откровенія. Онъ былъ обязанъ этимъ платонизму, „который не стоитъ въ противорѣчіи съ христіанствомъ", и онъ отъ всего сердца прославлялъ за это философію. Его идеализмъ находилъ въ это время одинаковое удовлетвореніе какъ въ философіи, такъ и въ религіи. Ихъ этическій идеалъ для него въ это время совпадалъ — оторваться отъ міра, отъ земныхъ страстей и заботъ и жить исключительно для познанія высшей истины, которая тождественна съ Богомъ.

Еще яснѣе проявляется это настроеніе въ слѣдующей бесѣдѣ — „О блаженной жизни", — которая происходила еще до окончанія первой. Поводомъ къ ней послужилъ день рожденія Августина, желавшаго ознаменовать этотъ день кромѣ обычнаго и философскимъ пиромъ (symposion) своихъ родственниковъ и друзей. Послѣ легкаго завтрака, онъ повелъ ихъ — въ ихъ числѣ была и Моника—въ виду холодной погоды (15 ноября) въ тэрмы, гдѣ и поставилъ столь занимавшій античныхъ философовъ вопросъ, кого слѣдуетъ считать блаженнымъ. По счету Варрона, на этотъ вопросъ было дано 288 отвѣтовъ. Принимавшіе участіе въ бесѣдѣ скоро сошлись на томъ, что для блаженства надо обладать такимъ благомъ, которое вѣчно и не можетъ быть отнято судьбою. А такимъ благомъ—вывелъ отсюда Августинъ— можетъ быть только Богъ.

Но отсюда возникъ новый вопросъ: кто же обладаетъ этимъ благомъ? Лиценцій поспѣшилъ отвѣтить—тотъ, кто ведетъ хорошую жизнь; Тригецій—тотъ, кто исполняетъ волю Божію. А сынъ Августина, Адеодатъ, которому было тогда 14 лѣтъ, сказалъ: — тотъ, кто чистъ духомъ,—что̀ одобрили его бабушка Моника и дядя Навигій. Когда потребовали отъ него болѣе подробнаго объясненія, онъ сказалъ, что чистъ духомъ тотъ, кто не только цѣломудренъ, но и вообще не запятнанъ грѣхомъ. Августинъ же доказалъ, что всѣ три мнѣнія сводятся къ одному.

Продолженіе диспута привело къ полному отождествленію философіи и религіи въ ихъ результатахъ. Философскимъ путемъ— по слѣдамъ Цицерона, руководившагося Платономъ, было дока-

зано, что блаженство обусловливается мудростью Божіей, а эта мудрость Божія, по опредѣленію Августина, есть Сынъ Божій. Мудрость заключается въ истинѣ, а Сынъ Божій сказалъ о себѣ: „Я есмь истина". Августинъ заключилъ бесѣду заявленіемъ, что блаженная жизнь состоитъ въ благочестивомъ и ясномъ сознаніи того, кто вводитъ насъ въ истину, въ чемъ заключается истина и какимъ образомъ совершается единеніе души съ источникомъ истины.

Моника, съ трудомъ слѣдившая за философской аргументаціей сына, въ этихъ словахъ его признала знакомые ей христіанскіе мотивы и съ радостью произнесла конечныя слова Амвросіевскаго гимна: „Fove precantis Trinitas". „Въ ней несомнѣнно заключается блаженная жизнь, намъ скоро предстоящая, какъ мы можемъ быть увѣрены, въ твердой вѣрѣ, въ радостной надеждѣ и горячей любви".

Написанные въ это время Августиномъ діалоги,—несмотря на кажущуюся случайность ихъ возникновенія и отсутствія между ними связи,—находятся всѣ въ тѣсной, можно сказать органической связи съ совершившимся въ немъ переворотомъ, еще не окончившимся. Они всѣ разрѣшаютъ важнѣйшіе, столь долго мучившіе его вопросы, побуждавшіе его вездѣ искать истины и мѣшавшіе ему примкнуть къ христіанству. Порвавши съ міромъ, Августинъ какъ бы подводилъ итоги достигнутымъ имъ результатамъ и давалъ отчетъ себѣ и окружающимъ въ своемъ міровоззрѣніи.

Третій изъ этихъ діалоговъ озаглавленъ—„De Ordine". Поводомъ къ нему послужило обстоятельство, которое насъ живо переноситъ въ реальную обстановку, окружавшую Августина. Однажды во время безсонной ночи онъ обратилъ вниманіе на то, что протекавшій за тэрмами ручей, сильно журчавшій въ ночной тишинѣ, иногда какъ будто замолкалъ и потомъ снова начиналъ шумѣть. Соединяя съ наклонностью къ отвлеченному мышленію большую наблюдательность, Августинъ обратился къ спавшимъ съ нимъ въ той же комнатѣ Лиценцію и Тригецію и просилъ ихъ объяснить это странное явленіе. Лиценцій предположилъ, что падавшіе въ воду сухіе листья съ деревьевъ на берегу ручья запружали его теченіе до тѣхъ поръ, пока напоръ собравшейся воды не прорывалъ образовавшейся отъ груды листьевъ плотины и не расчищалъ на время свободный протокъ. Въ то же время Лиценцій выразилъ удивленіе, что такое незначительное явленіе поразило Августина. Оправдываясь, Августинъ заявилъ, что удивленіе человѣка вызывается всякимъ не-

обычнымъ явленіемъ, совершающимся вопреки извѣстному порядку вещей,—на что Лицендій замѣтилъ:—вопреки *намъ* извѣстному порядку—ибо внѣ порядка вещей, какъ онъ думаетъ, ничего не совершается. Этимъ была дана тема къ бесѣдѣ о вопросѣ, который давно занималъ Августина и о которомъ онъ уже въ Миланѣ диспутировалъ съ однимъ изъ друзей,—вопросѣ о томъ, что ничто не совершается безъ причины и что все въ мірѣ подчинено опредѣленному порядку.

Августинъ былъ обязанъ этой истиной неоплатонизму: въ этой истинѣ онъ нашелъ избавленіе отъ мучившей его проблемы *зла* въ мірѣ—примиреніе между фактическимъ существованіемъ зла и идеей всемогущаго Бога или Провидѣнія.

Сообразно съ этимъ вся аргументація діалога зиждется на положеніяхъ древней философіи. Августинъ руководится теоріей познанія Платона, ученіемъ о Провидѣніи Плотина и его психологіей. И въ этомъ діалогѣ особенно ясно выступаетъ усвоенная Августиномъ изъ платонизма связь между философскимъ познаніемъ и этическимъ идеализмомъ. Познать міровой порядокъ и гармонію можетъ только тотъ, кто познаетъ самого себя, а для этого войдетъ въ себя, замкнувшись отъ внѣшняго міра и присущаго ему множества явленій; тотъ, кто излечитъ раны, полученныя въ сутолокѣ мірскихъ мнѣній, въ одиночествѣ или путемъ научныхъ дисциплинъ.

Но при всемъ вліяніи языческой философіи мы можемъ отмѣтить въ этомъ діалогѣ христіанскія представленія. Такъ напр., Августинъ расходится съ Плотиномъ въ пониманіи Провидѣнія. Плотинъ допускалъ Провидѣніе только въ общемъ смыслѣ въ управленіи міромъ, Августинъ вѣрилъ въ дѣйствіе Провидѣнія въ индивидуальной жизни. Но съ другой стороны Августинъ и тамъ, гдѣ онъ вносилъ въ философію христіанскія представленія, истолковывалъ послѣднія въ философскомъ смыслѣ.

Вводя, напр., въ философію религіозное представленіе о грѣхѣ, Августинъ хочетъ объяснить его философскимъ путемъ. Въ діалогѣ онъ упоминаетъ о Христѣ, но говоритъ объ этомъ Христѣ, что онъ появился на землѣ въ силу мірового порядка, и выводитъ оттуда, что и Богъ подчиненъ міровому порядку.

Такое же сочетаніе философскаго съ религіознымъ встрѣчаемъ мы и въ вопросѣ объ отношеніи разума къ откровенію. Августинъ признаетъ за послѣднимъ пріоритетъ по времени, такъ какъ „интеллектъ“—въ Платоновскомъ смыслѣ—достигается подъ руководствомъ божественнаго авторитета, но по существу Августинъ отдаетъ преимущество разуму. За этими діалогами послѣ-

довалъ монологъ (Soliloquiæ) — бесѣды Августина съ самимъ собою — по формѣ, однако, также діалогъ—разговоръ Августина съ разумомъ. Предметъ этихъ бесѣдъ—богопознаніе и познаніе души. И въ этихъ бесѣдахъ Августинъ стоитъ на философской почвѣ. Разумъ, напр., обращается къ нему съ вопросомъ: удовольствовался ли бы онъ такимъ богопознаніемъ, какимъ обладали Платонъ и Плотинъ при условіи, чтобы оно было истиннымъ? На это Августинъ отвѣчаетъ, что изъ того, что оно истинное, еще не слѣдуетъ, чтобы эти философы сами сознавали это.

Для нашей цѣли, кромѣ того, важно отмѣтить, что не только діалектика Августина передъ его крещеніемъ, но и его этика— философская. Предъ нимъ носится не монашескій идеалъ, столь поразившій его въ разсказѣ Понтиціана, а идеалъ античнаго *мудреца*. Онъ ссылается не на Антонія, а на Цицерона, заявляя, что съ тѣхъ поръ, какъ онъ прочелъ „Гортензія“, онъ отказался отъ богатства, почета и брака и побѣдилъ въ себѣ похоть; изъ этого онъ ничего уже не ищетъ и не желаетъ, а напротивъ, думаетъ объ этомъ лишь съ ужасомъ и презрѣніемъ. Августину пришлось на слѣдующій день покаяться и признаться, что ему еще не удалось окончательно побѣдить свою плоть. На этомъ только и настаивалъ разумъ, требуя отъ него безусловнаго бѣгства отъ всего земного и матеріальнаго; только душа, этически очищенная отъ всякой страсти и желанія, способна освободиться изъ заключенія плоти и подняться въ свѣтлую высь мудрости. „Въ тотъ самый моментъ, когда земное утратитъ для тебя всякую привлекательность, ты узришь то, чего такъ страстно желаешь“. Продолженіе *бесѣдъ съ самимъ собою* посвящено познанію души. Это же самое составляетъ предметъ двухъ послѣднихъ сочиненій Августина, которыхъ намъ здѣсь приходится коснуться.

Разсужденіе „О безсмертіи души“ было написано Августиномъ уже по возвращеніи въ Миланъ, какъ дополненіе неоконченныхъ *бесѣдъ съ самимъ собою*, а діалогъ о нематеріальности души (de quantitate animæ)—даже годъ спустя послѣ крещенія.

Ничто такъ не поражаетъ, какъ чтеніе разсужденій Августина о безсмертіи души подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ „Исповѣди“ Августина. Въ „Исповѣди“ Августина проявляется приподнятое религіозное настроеніе человѣка, восхваляющаго на каждой страницѣ Господа за то, что Онъ въ своемъ милосердіи привелъ его черезъ всѣ заблужденія къ вѣрѣ;—тамъ предъ нами напряженіе мысли діалектическимъ путемъ съ помощью языческихъ философовъ доказать, что душа не причастна матеріи и

безсмертна. И это—наканунѣ крещенія! Какъ велика должна была быть въ то время потребность Августина опереться на разумъ, если онъ передъ крещеніемъ и еще послѣ него исчерпывалъ всѣ аргументы платонизма въ пользу основного христіанскаго вѣрованія! Особенно заслуживаетъ вниманія то, что, усвоивая себѣ эти аргументы, Августинъ приводитъ и такіе, которые не приняты церковью, напр. ученіе о существованіи души до рожденія человѣка.

IX.

Такимъ образомъ, анализъ вышеупомянутыхъ произведеній Августина, написанныхъ по выѣздѣ изъ Милана, приводитъ насъ къ заключеніямъ, совершенно не гармонирующимъ съ столь драматически описаннымъ въ „Исповѣди“ кризисомъ, вызваннымъ разсказомъ Понтиціана о подвигахъ монаховъ и разрѣшившимся текстомъ апостола Павла. Мы видимъ, во-первыхъ, что Августинъ продолжаетъ всею душою жить въ области философіи, что онъ продолжаетъ въ ней искать *истину*. „Самую *истину* ты не узришь,—сказано у него,—если не войдешь цѣликомъ въ философію“. Мы находимъ, во-вторыхъ, въ его философскихъ произведеніяхъ признаніе, что его этическій идеализмъ исходилъ изъ философіи. „Нѣкоторыя (философскія) книги возбудили во мнѣ невѣроятное одушевленіе (incendium). Не имѣли тогда для меня значенія никакой почетъ, никакая людская пыха, никакая жажда пустой славы, никакія прелести и приманки бренной жизни. Я тотчасъ весь въ себя вошелъ“.

И наконецъ, что̀ особенно важно, мы убѣждаемся, что самый переломъ въ его жизни произошелъ подъ вліяніемъ платонизма. „Познакомившись съ немногими сочиненіями Плотина и сопоставивъ съ ними, насколько я могъ, авторитетъ тѣхъ, кто сообщилъ намъ божественныя тайны, я такъ воспламенился, что захотѣлъ сокрушить всѣ якори, но меня удержало уваженіе къ нѣкоторымъ людямъ“.

Какъ же объяснить дисгармонію между духомъ философскихъ діалоговъ и религіознымъ христіанскимъ настроеніемъ, которымъ дышетъ „Исповѣдь“?—Буассье въ своей исторіи „Паденія язычества“ противопоставляетъ кающагося грѣшника „Исповѣди“ философу діалоговъ и спрашиваетъ, гдѣ же настоящій Августинъ? Онъ отвѣчаетъ, что оба совмѣщались въ душѣ Августина, но что въ діалогахъ онъ показываетъ намъ только философа. Авгу-

стинъ предназначалъ свои діалоги для образованной публики, воспитанной на классической литературѣ, и *немного приноровилъ* ихъ для нея, такъ какъ зналъ, что эта публика не очень расположена къ христіанству; онъ хотѣлъ задобрить своихъ друзей, слушателей и поклонниковъ, недовольныхъ его оставленіемъ каѳедры: онъ хотѣлъ показать имъ, что христіанство—не въ противорѣчіи съ античной мудростью; онъ хотѣлъ въ особенности представить имъ свое обращеніе въ понятномъ для нихъ освѣщеніи [1]).

Это объясненіе грѣшитъ тѣмъ, что въ немъ обойденъ существенный вопросъ, представляетъ ли намъ разсказъ „Исповѣди" *настоящаго* Августина, т.-е. того, какимъ онъ былъ въ 386 — 387 году? Затѣмъ нельзя согласиться съ тѣмъ, что Августинъ въ діалогахъ заискивалъ у какой-либо публики. Не для того онъ оставилъ каѳедру риторики, съ которой онъ, по его выраженію, сѣялъ ложь между слушателями, чтобы продолжать риторствовать и вводить въ обманъ своихъ читателей. На каждой страницѣ діалоговъ чувствуется, что авторъ ихъ глубоко проникнутъ важностью и святостью обсуждаемыхъ имъ вопросовъ.

Какъ будто недовольный своимъ объясненіемъ, Буассье приписываетъ Августину еще другую цѣль. Онъ хочетъ примирить античнаго человѣка и *новаго:* „Странная смѣсь занятій и настроеній въ Кассиціакѣ обусловливается не душевной смутой человѣка, который преслѣдуетъ противоположныя стремленія, — это проявленіе опредѣленной системы (un système arrêté). Увѣровавши безъ доказательствъ, онъ хочетъ теперь убѣдиться—путемъ разума. Поэтому онъ рекомендуетъ философію. Онъ намѣренъ самъ заниматься ею. Правда, Августинъ не долго оставался вѣренъ этому намѣренію. Но все же (qu'importe) — его усилія были не напрасны". — И это разсужденіе слишкомъ искусственно и виситъ на воздухѣ. Несомнѣнно, что занятія Августина греческой философіей представляютъ собою важный фактъ въ исторіи христіанской культуры; но дѣло здѣсь не въ этомъ, и философскія занятія Августина нисколько намъ не объясняютъ противорѣчія между философомъ діалоговъ и кающимся грѣшникомъ „Исповѣди", который, между прочимъ, кается и въ томъ, что онъ занимался философіей. Невѣрно и то, будто бы Августинъ, увѣровавши безъ доказательствъ, хочетъ убѣдиться путемъ разума. Занятія Августина философіей предшествовали его пребыванію въ Кассиціакѣ и его обращенію. Онъ теперь совмѣщаетъ въ себѣ

---

[1]) Boissier. La Conversion de St. Augustin. „Revue d. Deux Mondes" 1888, I, 65, 59.

вѣру въ разумъ и въ откровеніе, въ Христа и въ Платона, но онъ далекъ отъ мысли примирять античный міръ съ христіанскимъ, и въ его діалогахъ нѣтъ слѣдовъ подобнаго систематическаго плана.

Съ Буассье несогласенъ другой изслѣдователь разсматриваемаго періода въ жизни Августина—Вёртеръ въ своемъ изложеніи *духовнаго развитія* Августина. Но его возраженія противъ Буассье мелочны и потому не выясняютъ дѣла. На замѣчаніе Буассье, что Августинъ приводитъ въ діалогахъ Св. Писаніе лишь одинъ или два раза, Вёртеръ указываетъ въ нихъ пять ссылокъ на тексты. Буассье выразилъ удивленіе, что Августинъ въ діалогахъ не упоминаетъ о Христѣ—Вёртеръ указываетъ въ опроверженіе этого нѣкоторыя мѣста. Не въ этомъ дѣло, а въ томъ, что Буассье невѣрно поставилъ вопросъ: который же *настоящій* Августинъ—кающійся грѣшникъ „Исповѣди" или философъ *діалоговъ*? На такой вопросъ нельзя было отвѣтить иначе, какъ стараясь доказать, что это—одно и то же лицо. Но прежде, чѣмъ рѣшать это, надо было разсмотрѣть, не отличается ли тотъ Августинъ, который представленъ въ „Исповѣди", отъ того Августина, обращеніе котораго разсказано въ „Исповѣди", т.-е. надо было къ этому памятнику примѣнить принятую въ этихъ случаяхъ литературную критику.

За годъ до напечатанія статьи Буассье вышли въ свѣтъ особой книгой замѣчательныя изслѣдованія Рейтера объ Августинѣ [1]). Рейтеръ начинаетъ свою книгу съ полновѣснаго замѣчанія: невѣроятно — по психологическимъ причинамъ,—чтобы Августинъ подвергъ анализу свое обращеніе непосредственно послѣ того, какъ оно совершилось. Приведя въ пользу этого нѣсколько аналогій, Рейтеръ говоритъ, что скорѣе еще можно было бы ожидать съ его стороны немедленнаго признанія силы *благодати* въ религіозныхъ обращеніяхъ. Но и объ этомъ намъ ничего неизвѣстно. Было бы ошибочно ссылаться въ этомъ отношеніи на „Исповѣдь", ибо она заключаетъ въ себѣ — не самонаблюденія его, современныя изложеннымъ событіямъ, а сложившіяся у него гораздо позднѣе представленія о нихъ. Онъ дѣйствительно чувствовалъ потребность выяснить себѣ въ то время разные вопросы, но написанныя имъ въ то время сочиненія вовсе не касались ученія о грѣхѣ и объ отношеніи свободной воли человѣка къ благодати. Даже „Бесѣды съ самимъ собою" этого не касаются. Правда, въ предшествующей имъ молитвѣ мы встрѣ-

[1]) Augustinische Studien. 1887.

чаемъ слова, которыя какъ будто предвосхищаютъ его позднѣйшую догму о предназначеніи, но было бы, по выраженію Рейтера, крупной ошибкой—изъ подобныхъ словъ молитвы выводить цѣлую теорію.

Эти позднѣйшія убѣжденія Августина сложились, какъ мы объ этомъ упоминали, уже во время епископства Августина, и подъ его вліяніемъ была написана „Исповѣдь".

Противъ этого капитальной важности факта и основанныхъ на немъ выводовъ полемизируетъ Вёртеръ. Соглашаясь съ Рейтеромъ, что было бы ошибкой выводить изъ словъ молитвы научную систему, онъ утверждаетъ тутъ же, вопреки логикѣ, что это не мѣшаетъ видѣть въ приведенномъ мѣстѣ основу (Grundanschauung) развитаго впослѣдствіи Августиномъ ученія о благодати [1]).

Вёртеръ имѣетъ въ виду своей полемикой отстоять традиціонную и, какъ онъ ее называетъ, идеальную точку зрѣнія на обращеніе Августина противъ богословской школы (Гарнакъ), отрицающей супранатурализмъ, и для которой жизнь христіанина—лишь продуктъ естественнаго развитія. Почему же, восклицаетъ онъ, изъ-за этого нужно признавать ошибочнымъ мнѣніе Августина, что его обращеніе совершилось благодаря милосердой благодати Божіей? „Если Августинъ обратился къ христіанской вѣрѣ не внезапно, какъ апостолъ Павелъ, а постепенно, то это не служитъ доказательствомъ того, что его обращеніе дѣло не благодати, а лишь результатъ философскихъ занятій". Но вопросъ совсѣмъ не въ этомъ, а въ томъ, когда именно сложилось у Августина убѣжденіе, что его обращеніе было дѣломъ непосредственной благодати Божіей, и какое вліяніе возымѣло это убѣжденіе на изображенную имъ исторію его обращенія?

Какъ часто бываетъ съ неокатолическими писателями, которые хотятъ сочетать богословскія тенденціи съ научнымъ методомъ изслѣдованія, Вёртеръ поплатился за это внутреннимъ противорѣчіемъ. Отстаивая въ введеніи къ своей книгѣ богословскую точку зрѣнія, онъ въ самомъ анализѣ діалоговъ Августина приводитъ множество данныхъ, совершенно несовмѣстимыхъ съ убѣжденіемъ, которое онъ приписываетъ Августину.

Вёртеръ самъ признается, что научное мышленіе Августина

---

[1]) Вёртеръ приводитъ еще изъ написаннаго годъ *спустя* послѣ крещенія сочиненія—De quant. animae мѣсто: Hoc ipsum cum agitur, Deum per nos agere intelligamus. Neque quidquam nobis proprium vindicemus inanis gloriae cupiditate decepti (p. 143). Это напоминаетъ нѣмецкую поговорку: прилетъ одной ласточки не значитъ наступленія весны.

въ діалогахъ не вполнѣ еще было проникнуто христіанскимъ духомъ, что христіанское представленіе о Богѣ еще не овладѣло его мышленіемъ, что въ его аргументацію проникаютъ доводы, несовмѣстимые съ христіанской вѣрой, и т. д.

Да и самъ Августинъ заявлялъ неоднократно и категорически, что высказанныя имъ въ діалогахъ мнѣнія не всегда гармонируютъ съ христіанскими убѣжденіями. Даже въ своей „Исповѣди" Августинъ кается, что его литературная дѣятельность въ Кассиціакѣ (т.-е. послѣ обращенія) еще „отзывалась высокомѣріемъ философской школы". Но особенно часто осуждаетъ Августинъ свои тогдашнія философскія ухищренія въ своихъ *отреченіяхъ* (Retractationes), написанныхъ имъ на склонѣ лѣтъ при пересмотрѣ своихъ сочиненій. Онъ говоритъ здѣсь о своей литературной дѣятельности передъ крещеніемъ, что хотя онъ уже тогда покончилъ съ земными надеждами, однако еще слишкомъ подчинялся духу свѣтской литературы.

Онъ осуждаетъ себя тамъ за то, что превозносилъ Платона, платониковъ и академиковъ съ такою похвалой, съ какою не слѣдовало относиться къ нечестивымъ людямъ, въ особенности потому, что приходится защищать христіанское ученіе противъ великихъ заблужденій ихъ.

По поводу употребленнаго имъ въ діалогѣ „Противъ академиковъ" Платоновскаго термина: „mundus intelligibilis", Августинъ заявляетъ, что не привелъ бы его, еслибы былъ тогда „достаточно свѣдущъ въ церковной литературѣ".

По поводу діалога „О порядкѣ", Августинъ заявляетъ: „не нравится мнѣ, что я придавалъ слишкомъ много значенія занятіямъ науками, которыя многимъ святымъ людямъ были мало извѣстны; а съ другой стороны, многіе, кому онѣ извѣстны—не обладаютъ святостью". Онъ признаетъ, что ошибался, сказавъ, что высшее благо человѣка—въ духѣ (in mente). Вѣрнѣе было сказать—въ Богѣ. О своемъ сочиненіи „О безсмертіи души" Августинъ говоритъ, что не знаетъ, какъ оно противъ его желанія проникло въ публику и числится въ его твореніяхъ. Вслѣдствіе запутанной и сжатой аргументаціи, его изложеніе было такъ темно, что утомляло при чтеніи самого автора и было ему едва понятно. Вёртеръ справедливо замѣчаетъ по этому поводу, что это можно объяснить лишь тѣмъ, что Августинъ съ тѣхъ поръ совершенно измѣнилъ свою точку зрѣнія.

Итакъ, очевидно, что интересы и воззрѣнія Августина въ Кассиціакѣ совсѣмъ не соотвѣтствуютъ тому, что̀ слѣдовало ожидать на основаніи „Исповѣди". Значитъ ли это, что авторъ

„Исповѣди“ былъ неискрененъ? — это совершенно исключается характеромъ „Исповѣди“; или что разсказъ о Понтиціанѣ былъ преувеличенъ?—это недопустимо въ виду того, что сцена, описанная въ „Исповѣди“, происходила на глазахъ у Алипія, продолжавшаго быть въ близкихъ отношеніяхъ съ Августиномъ! Выходъ изъ затрудненія совершенно другой. Противорѣчіе между „Исповѣдью“ и „Діалогами“ даетъ намъ ключъ къ одному изъ важнѣйшихъ моментовъ въ духовной эволюціи Августина. Діалоги даютъ намъ твердую почву для того, чтобы судить объ Августинѣ во время его обращенія, понять, какое громадное вліяніе имѣла философія на это обращеніе и въ чемъ заключалось это обращеніе; а „Исповѣдь“, написанная, четырнадцать лѣтъ спустя, показываетъ, какая коренная перемѣна произошла въ теченіе этого времени въ Августинѣ, какое, такъ сказать, новое *обращеніе*. Въ девятнадцать лѣтъ въ Августинѣ пробудился философскій идеализмъ. Послѣ долгихъ исканій, онъ нашелъ въ неоплатонизмѣ разрѣшеніе своихъ недоумѣній и удовлетвореніе своему идеализму. Неоплатонизмъ сдѣлалъ для него доступнымъ и понятнымъ христіанство. Неоплатонизмъ же побудилъ его порвать съ земными страстями и разсчетами, чтобы сдѣлаться достойнымъ узрѣть высшую истину и красоту. Но у него еще не хватало рѣшимости отречься отъ всего, чѣмъ онъ прежде дорожилъ. Болѣзнь помогла ему порвать связь съ каѳедрой; примѣръ Викторина и Антонія дали ему силу для послѣдняго подвига. Но онъ удалился въ Кассиціакъ не для монашескаго житія. Его кружокъ тамъ болѣе напоминаетъ общину философовъ, о которой онъ прежде мечталъ съ своими друзьями, чѣмъ египетскій скитъ. Христіанскія вожделѣнія не забыты; чтеніе псалмовъ производитъ сильное религіозное впечатлѣніе; но пророкъ Исаія откладывается въ сторону: ветхозавѣтный міръ, который овладѣлъ Августиномъ, когда онъ находился подъ вліяніемъ идеи царства Божія,— былъ ему тогда еще чуждъ. Онъ уже былъ христіаниномъ,—онъ готовился принять крещеніе. Но онъ углублялся въ христіанство какъ философъ. Христосъ былъ ему ближе какъ концепція ума, чѣмъ какъ реальная сила въ жизни человѣка и человѣчества;— Онъ былъ для него больше *Логосомъ*, чѣмъ *Спасителемъ*; таинство спасенія грѣшника было для него догмой, но еще не было для него *пережитымъ*, испытаннымъ на себѣ моментомъ. Его этика болѣе одушевлялась идеаломъ античнаго мудреца, чѣмъ вытѣснявшимъ его идеаломъ христіанскаго аскета.

Августину предстояла еще новая, послѣдняя эволюція — въ предѣлахъ самого христіанства. Для своего философскаго идеала

онъ принесъ въ жертву почести, богатство, семейную жизнь;— ему оставалось принести послѣднюю жертву—принести въ жертву самую философію на алтарь Христа.—И Августинъ принесъ эту жертву,—уже послѣ своего крещенія. Этотъ фактъ, или, вѣрнѣе, душевный процессъ, лежитъ за предѣлами его „Исповѣди. Онъ принесъ эту жертву, когда испыталъ на себѣ, что человѣкъ получаетъ вѣру—спасается,—не напряженіями своего ума *узрѣть* высшую мудрость и красоту, а нисшедшей на него благодатью Божіей. Когда Августинъ достигъ этого убѣжденія, онъ приступилъ къ своей „Исповѣди" и разсказалъ свое обращеніе; тогда только оно показалось ему достойнымъ быть разсказаннымъ. Оно представилось ему въ новомъ свѣтѣ; онъ вездѣ увидѣлъ руку заботившагося о немъ Провидѣнія;—многое, что̀ ему казалось прежде важнымъ, утрачивало отъ этого свое значеніе; иное пріобрѣтало для него особенную важность — разсказъ Понтиціана сталъ для него критическимъ моментомъ; платонизмъ сошелъ на степень временнаго увлеченія или даже заблужденія.

X.

Мы заглянули въ будущее; но намъ остается еще досказать эпилогъ „Исповѣди". При окончаніи вакацій, Августинъ извѣстилъ „миланцевъ", чтобы они пріискали для своихъ учениковъ другого „продавца суесловія",—ибо онъ рѣшился служить одному Богу; при томъ, „затрудненность дыханія и боль въ груди" дѣлали его неспособнымъ къ этому занятію. Въ то же время онъ написалъ и Амвросію о своихъ прежнихъ заблужденіяхъ и о своемъ намѣреніи креститься. А когда настало время занести свое имя въ списокъ желавшихъ креститься, Августинъ со всѣмъ своимъ кружкомъ вернулся въ Миланъ. Вмѣстѣ съ нимъ пожелалъ принять крещеніе и Алипій, который долго не хотѣлъ „вводить имя Христа Спасителя въ ихъ занятія", ибо ему болѣе нравился „запахъ гимназіи, чѣмъ цѣлебный воздухъ церкви". Августинъ окрестилъ съ собою и своего пятнадцатилѣтняго сына Адеодата, который, умомъ превосходилъ многихъ достойныхъ и ученыхъ мужей".

О самомъ крещеніи Августинъ сообщаетъ только, что съ нимъ отлетѣла отъ него всякая забота о прошлой жизни, и что онъ много плакалъ при сладкихъ звукахъ церковныхъ гимновъ. Это было, какъ мы узнаемъ отъ него, недавнее нововведеніе Амвросія. За годъ предъ тѣмъ, этотъ архіепископъ подвергался

преслѣдованію со стороны вдовствующей императрицы Юстины, увлеченной въ аріанство. Миланскій народъ тогда, опасаясь за жизнь Амвросія, день и ночь проводилъ въ храмѣ въ молитвѣ; къ числу усердно молившихся принадлежала и мать Августина, тогда какъ онъ самъ „въ своемъ холодѣ еще не былъ охваченъ пыломъ Господнимъ“. Въ то именно время было введено, по обычаю восточныхъ странъ, пѣніе народомъ псалмовъ и гимновъ въ церкви, чтобы поддержать его бодрость.

Послѣ крещенія къ Августину примкнулъ Эводій, его землякъ изъ Тагастэ. Онъ состоялъ на императорской службѣ и уже крестился раньше Августина. Теперь и онъ оставилъ эту службу, чтобы служить Богу, и они, вмѣстѣ обсудивъ вопросъ, какое для этого избрать мѣсто, рѣшились возвратиться въ Африку.

Съ этою цѣлью они направились въ Римъ, гдѣ Августинъ прожилъ до осени 387 года. Наконецъ онъ переѣхалъ въ Остію, чтобы тамъ сѣсть на корабль. Въ ожиданіи отъѣзда захворала и скончалась его мать. Со смертью матери прошлое Августина отлетѣло еще дальше отъ него. Чѣмъ она для него была, объ этомъ свидѣтельствуютъ обильныя чувствомъ страницы, которыя онъ посвятилъ въ своей „Исповѣди“ ея жизни, ея послѣднимъ минутамъ и своему горю по ней.

Съ благодарностью онъ вспоминаетъ о томъ, что онъ былъ ей обязанъ „двойнымъ рожденіемъ“ — „плотью для земного свѣта и сердцемъ для вѣчнаго“. Онъ описываетъ ея дѣтство, ея воспитаніе въ христіанскомъ благочестіи и смиреніи старой нянею своего отца; онъ упоминаетъ, что старушка няня не позволяла ей пить среди дня, изъ опасенія, чтобы потомъ, выросши, она не стала по привычкѣ пить вмѣсто воды вино, подобно другимъ. Она, однако, еще въ дѣтствѣ пріобрѣла эту привычку, когда ее стали посылать въ подвалъ за виномъ и она начала его пробовать; но она сама сразу себя отучила отъ этого при первомъ обидномъ для нея укорѣ разсердившейся на нее прислуги. Онъ изображаетъ ея жизнь въ домѣ мужа съ подозрительной, подстрекаемой навѣтами служанокъ свекровью, которую она своею кротостью обезоруживала и примиряла съ собою. Такое же смиреніе она обнаруживала по отношенію къ мужу, кротко перенося его невѣрность и его необузданность. Онъ былъ очень вспыльчивъ, но послѣ вспышекъ очень добръ. Поэтому она не спорила съ нимъ, но послѣ вспышки кротко объясняла мотивы своего поступка. Когда знакомыя женщины, показывая ей на лицѣ и тѣлѣ слѣды побоевъ своихъ мужей, выражали удивленіе, какъ она можетъ жить съ мужемъ, который завѣдомо хуже всѣхъ, —

даже не жалуясь на него,—она объясняла имъ тайну своего супружества и совѣтовала держаться ея обычая,—и многія ее потомъ благодарили за совѣтъ.

По смерти мужа, она была образцомъ цѣломудренной, трезвой вдовы, часто подавала милостыню, ни одного дня не пропускала „приношенія у алтаря", два раза въ день, утромъ и вечеромъ посѣщала церковь, не ради пустыхъ разговоровъ и бабьей болтовни, а ради молитвы, послушная и услужливая слугамъ Божіимъ". Восхваляя трезвость матери, Августинъ даетъ намъ понять, что это было въ Африкѣ среди мужчинъ и женщинъ очень рѣдкое свойство. Тщательно соблюдала она обычаи своего времени и въ дни поминокъ выносила въ своей корзинѣ пищу и, отвѣдавъ отъ нея, раздавала всѣмъ;—для вина же, весьма сдобреннаго, по ея вкусу, водою, брала съ собою лишь одинъ стаканчикъ. И даже въ случаѣ нѣсколькихъ одновременныхъ поминокъ она давала изъ своего стаканчика пить лишь глотками, ибо дѣлала это ради благочестія, а не ради удовольствія. Когда же она въ Миланѣ узнала, что Амвросій совсѣмъ запретилъ такого рода поминки, чтобъ не подавать повода къ попойкамъ и не подражать язычникамъ, она смиренно повиновалась распоряженію и замѣнила поминки раздачею припасовъ бѣднымъ.

Всѣмъ она внушала уваженіе, и Амвросій высоко ее цѣнилъ; встрѣчаясь съ сыномъ, спрашивалъ о ней, хвалилъ ее и признавалъ его счастливымъ, что у него такая мать. Сынъ ея былъ высокаго понятія о ея умѣ и приглашалъ ее принимать участіе въ ихъ философскихъ бесѣдахъ. Когда она выразила удивленіе, что въ діалогахъ, которые ими читались, никогда не участвовали женщины, Августинъ ей сказалъ, что въ числѣ философовъ бывали и женщины, и что ему больше всего нравится ея философія.

Незадолго до ея болѣзни въ Остіи, Августинъ стоялъ съ матерью у окна, выходившаго въ садъ при домѣ, въ которомъ они жили, въ ожиданіи отъѣзда. Они были одни и сладко бесѣдовали. Перебирая одно за другимъ всѣ явленія и блага міра, ихъ мысли поднимались все выше, и въ религіозномъ экстазѣ они испытали минуту такого блаженства, что спрашивали другъ друга,—что̀, еслибы эта минута продолжалась вѣчно,—не было ли бы это тѣмъ, что̀ разумѣютъ словами: *войти въ радость господина твоего*? Во время этой бесѣды земной міръ показался имъ несказанно жалкимъ, и тогда мать, обратившись къ сыну, сказала: „Меня уже ничто не радуетъ въ этой жизни, и я не знаю, что̀ мнѣ тутъ дѣлать и зачѣмъ я здѣсь, покончивъ съ мірскими надеждами. Изъ-за одного только я желала жить—я хотѣла видѣть

тебя христіаниномъ, прежде чѣмъ умереть. Господь даровалъ мнѣ это счастье сторицею: я вижу тебя слугою его, вполнѣ презрѣвшимъ земное счастье. Что̀ же мнѣ тутъ больше дѣлать?"

Пять дней спустя, она заболѣла горячкой и лежала въ безпамятствѣ; пришедши въ себя и увидѣвъ около себя обоихъ сыновей, она сказала имъ: „Вы меня здѣсь похороните". Августинъ промолчалъ, но братъ его выразилъ надежду, что она скончается не на чужбинѣ, а на родной землѣ. Съ укоризной она взглянула на него, а потомъ на Августина, какъ бы желая сказать: „зачѣмъ это онъ говоритъ?"—А потомъ прибавила: „Похороните это тѣло, гдѣ бы ни случилось; не заботьтесь о немъ; объ одномъ прошу, чтобы вспоминали обо мнѣ у алтаря Господня, гдѣ бы вы ни были".

Августину было извѣстно, въ какой степени его мать прежде лелѣяла надежду, что ей будетъ суждено покоиться рядомъ съ мужемъ въ могилѣ, которую она себѣ приготовила. Такъ какъ она жила въ такомъ съ нимъ согласіи, то ей хотѣлось, чтобы люди видѣли, что послѣ стольких странствованій за моремъ та же земля ихъ покрываетъ обоихъ. Въ измѣнившемся ея настроеніи Августинъ увидѣлъ новое проявленіе силы ея души, отрѣшившейся отъ послѣдней любимой мечты на землѣ. Онъ потомъ узналъ, что она въ Остіи говорила другому по поводу своей смерти: „Мы вездѣ близки къ Богу; и мнѣ нечего бояться, что Онъ не узнаетъ меня въ концѣ вѣка, когда воскреситъ меня".

Разлука съ матерью повергла Августина въ глубокое горе; ему, правда, могла бы служить нѣкоторымъ утѣшеніемъ нѣжная благодарность, съ которой она ему говорила, что никогда не слышала отъ него жесткаго или обиднаго слова,—но самая эта нѣжность заставляла его сильнѣе чувствовать свою утрату.

И онъ далъ полную волю своему чувству на страницахъ „Исповѣди" для того, чтобы, какъ онъ говоритъ въ концѣ книги, лучше исполнить ея послѣднее желаніе, и чтобы къ его одинокимъ молитвамъ присоединились молитвы многихъ, которые прочтутъ его „Исповѣдь".

Но Августину было суждено при переломѣ жизни разстаться не только съ тѣмъ, что̀ отживало свой вѣкъ, но и съ тѣмъ, что̀ могло жить полной жизнью, ему на радость. Вскорѣ по переѣздѣ въ Африку, онъ потерялъ и своего сына Адеодата. Августинъ продолжалъ тамъ заниматься его воспитаніемъ. Онъ издалъ потомъ сочиненіе „De Magistro"—нѣчто въ родѣ учебной энциклопедіи, составленной на основаніи его бесѣдъ съ сыномъ. Замѣчательныя способности юноши пугали и вмѣстѣ съ тѣмъ вос-

хищали его. „Кто, кромѣ Тебя, Господи,—восклицаетъ онъ,—можетъ творить такія чудеса?“ Но онъ ограничивается въ „Исповѣди“ краткимъ сообщеніемъ о его смерти. „Рано отозвалъ Ты его отъ земной жизни, и я теперь спокойно о немъ вспоминаю, не опасаясь за него ни его отрочества, ни его юности“.

Прошлое все болѣе отходило отъ Августина, его связи съ землею порывались—и предъ нимъ открывался новый путь.

В. Герье.

КРЕСТЬЯНЕ

РОМАНЪ.

— *Georges Beaume*, Les Jacques. Paris, 1906.

Окончаніе *).

XI.—Стычка.

На слѣдующій день Жермена съ чувствомъ какой-то гордости предстала передъ родителями. Хозяинъ Турба поклялся ей въ вѣчной любви, онъ съ презрѣніемъ относится къ аристократкѣ изъ зáмка. Своею скорбью еще болѣе, чѣмъ своею нѣжностью Жермена навсегда завоевала сердце Корнюбера.

Крестьяне поднялись съ зарей, они кишмя-кишѣли на площадкѣ передъ домомъ, и Жермена снисходительно улыбалась имъ, не отвѣчая на ихъ поддразниванія. Они плохо сдерживали свое нетерпѣніе въ ожиданіи оффиціальнаго отвѣта хозяевъ стачечному комитету. Мэръ и полевой сторожъ уже были въ мэріи; изъ города ждали судью, который долженъ былъ скрѣпить договоръ обѣихъ сторонъ. Барабанная дробь разносилась далеко по окрестностямъ, достигая отдаленныхъ фермъ и сзывая народъ въ Незиньянъ.

Въ семь часовъ Красная-Голова показался на порогѣ своего дома; въ качествѣ крестьянина и демократа, онъ облекся въ рабочее платье. На лбу у него воинственно торчала прядь волосъ, глаза его искрились умомъ, его губы подъ рыжими усами были плотно сомкнуты съ выраженіемъ желѣзной энергіи.

*) См. выше: февраль, стр. 688.

— Товарищи! Въ особенности призываю васъ къ спокойствію. Пусть насъ примутъ не за дикарей, но за людей, сознающихъ свои права и достойныхъ успѣха. Впередъ!

Въ толпѣ поднялся гулъ, похожій на гудѣніе огромнаго колокола. Вождя стачки пропустили впередъ, остальные двинулись за нимъ.

Окна мэріи горѣли на солнцѣ. Щеголеватый Пальу, красовавшійся во всей своей аммуниціи, стоялъ на стражѣ у „общественнаго зданія“.

— Вы понимаете, я не могу пропустить васъ всѣхъ. Г. мэръ и г. судья примутъ однихъ делегатовъ.

— Мы такъ это и понимаемъ,—отозвался Красная-Голова.

Сторожъ отодвинулся, делегаты вошли въ широкій корридоръ бывшаго аббатства, въ которомъ со времени революціи помѣщались мэрія и школа. Лѣпные потолки придавали просторнымъ кулуарамъ особую величавость.

Въ залѣ, гдѣ совершались браки, сидѣли за столомъ, крытымъ зеленымъ сукномъ, мѣстныя власти. При видѣ своихъ избирателей мэръ потупилъ глаза, словно ослѣпленный внезапнымъ свѣтомъ.

— Здравствуйте, господа! — привѣтствовалъ ихъ Красная-Голова.—Видите, мы не опоздали.

Онъ снялъ шляпу и сѣлъ; товарищи послѣдовали его примѣру.

— Это хорошо,—сказалъ мэръ,—выслушайте г. судью.

Судья сложилъ руки на столѣ и проговорилъ примирительно:

— Хозяева, насколько возможно, уступили. Надѣюсь, что вы будете довольны.

— Это мы увидимъ,—проворчалъ Желѣзнякъ.

Внимательно вытянувъ шеи, они выслушали чтеніе резолюціи, вынесенной хозяевами.

Послѣдніе единогласно соглашались на ихъ требованія, за исключеніемъ двухъ пунктовъ, на которыхъ изъ чувства солидарности и самолюбія всего болѣе настаивали крестьяне: на пріемѣ всѣхъ безработныхъ и на удаленіи управляющаго Азэма̀.

Мэръ и судья съ тревогою наблюдали за делегатами.

— Все это мы знали и вчера. Ничего новаго нѣтъ? — съ ироническимъ смѣшкомъ проговорилъ Красная-Голова, ободряемый взглядами товарищей.

— Ничего нѣтъ,—отвѣтилъ мэръ.

— Тѣмъ хуже. Мы требовали только справедливаго. Считающіе себя нашими хозяевами противятся настояніямъ народа. Тѣмъ хуже.

Судья и мэръ, руководимые искреннею симпатіей, всѣми силами старались доказать, что народъ сперва долженъ выказать довѣріе хозяевамъ. Никакія убѣжденія не помогли. Делегаты продолжали настаивать на своемъ требованіи. Азэмà эксплуатируетъ народъ.

— Г. Корнюберъ—хозяинъ на своей землѣ.

— А мы—рабочіе—хозяева всей земли въ цѣломъ мірѣ.

Красная-Голова рѣзко оттолкнулъ свой стулъ, товарищи также поднялись, и онъ заявилъ, повелительно поднявъ руку:

— Верховная власть—это мы. Мы будемъ спокойно выжидать, покуда богачи проникнутся сознаніемъ нашихъ правъ. Иначе вся жизнь въ странѣ остановится.

— Да ты съ ума сошелъ!—воскликнулъ мэръ.—Я не могу согласиться на подобное безуміе.

— Чтò мнѣ въ твоемъ согласіи? Ты знаешь, мы выбрали тебя для того, чтобы ты помогъ восторжествовать нашему дѣлу. Если ты ничего не можешь для насъ сдѣлать, мы отнимемъ у тебя власть.

— Господи Боже мой! Ты принуждаешь меня обратиться къ префекту.

— Я этого не позволю.

Они громко спорили, и товарищи поддерживали Красную-Голову въ его заносчивости своими одобрительными криками. Судья воскликнулъ, воспользовавшись минутою спокойствія:

— Красная-Голова, берегитесь! Это уже не стачка. Это — бунтъ.

— Все, чтò вамъ угодно. Каждый долженъ жить.

Онъ выбѣжалъ изъ залы въ вестибюль, распахнулъ окно и крикнулъ громовымъ голосомъ:

— Хозяева даютъ намъ лишь то, о чемъ мы уже знали вчера. Слѣдовательно, мы отказываемся стать на работу.

— Превосходно! — отвѣтили крестьяне: — завтра никто не выйдетъ въ поле.

— Мы, народные делегаты, остаемся здѣсь и будемъ ждать со стороны хозяевъ новыхъ предложеній. Народъ беретъ покуда власть въ свои руки. Увидимъ.

Мэръ и судья пытались тѣмъ временемъ съ помощью ласковыхъ словъ выпроводить его товарищей.

— Если ты боишься, Рабіоль, уходи самъ, и судья—тоже. А мы не уйдемъ. Мы здѣсь хозяева. Достаточно говорилось и писалось объ этомъ со времени революціи.

Онъ отворилъ дверь въ кабинетъ мэра и по-королевски разсѣлся въ креслѣ передъ заваленнымъ бумагами столомъ.

Судья отступилъ первымъ, пригрозивъ, однако, закономъ.

— Тѣмъ хуже. Я ухожу. Вы отказываетесь повиноваться.

— Я тоже ухожу!—воскликнулъ мэръ.—Мы понапрасну раздражаемъ ихъ нашимъ сопротивленіемъ.

Въ дѣйствительности, мэръ не желалъ раздражать ни бѣдняковъ въ ихъ ярости, ни богачей, которые, узнавъ объ его уходѣ, обвинятъ его въ соучастіи съ мятежниками.

Внизу сторожъ заперъ входную дверь и, спокойно сидя на скамьѣ, покуривалъ трубочку.

— Сторожъ, — продолжалъ Рабіоль, — мы улизнемъ черезъ калитку, ведущую въ садъ. Ключъ у тебя?

— Да, г. мэръ. Но народъ стережетъ всѣ выходы. Я не хочу, чтобы меня растерзали.

— Я тоже. Но все-таки нужно выйти.

— Нѣтъ, я останусь здѣсь: это благоразумнѣе.

— Ты правъ. Судья, сторожъ правъ. Будемъ сидѣть смирно. Мы удеремъ, когда толпа разойдется.

— Не обратитесь ли вы къ ней съ рѣчью?

— Нѣтъ. Теперь они станутъ слушать только льстецовъ.

Они вдругъ испуганно смолкли, такъ какъ буря возобновилась. Мужчины ревѣли, обѣщая все разнести; женщины двинулись толпою къ запертымъ домамъ. Онѣ выкрикивали оскорбленія и дѣлали непристойные жесты.

Жермена, сумрачная и взволнованная, употребляла всѣ усилія, чтобы натравить Расшибалу на зáмокъ. Дочь маркиза возбуждаетъ всѣхъ противъ нихъ: буржуа — въ ихъ домахъ, а священники—въ храмѣ.

— Церковь? Да, это — ихъ пристанище, тамъ они затѣваютъ свои ковы противъ народа... Постой-ка, я сейчасъ ихъ взбѣшу.

Расшибало, не взирая на просьбы Жермены, кинулся къ винному погребку, сорвалъ оттуда красный фрагъ и поднялся съ нимъ по шаткимъ ступенямъ на колокольню. Тамъ, рискуя ежеминутно свалиться, онъ влѣзъ на церковный шпиль и крѣпко привязалъ красное знамя къ заржавленному флюгеру; затѣмъ онъ спустился на землю, сіяя торжествомъ. Предупрежденный служанкою, священникъ уже бѣжалъ къ нему навстрѣчу. Добрый кюрэ Ройé былъ любимъ народомъ; онъ окрестилъ половину дѣтей въ Незиньянѣ и дѣлалъ много добра прихожанамъ, но теперь гроза возмутила всѣ сердца. Когда онъ со своимъ простонароднымъ говоромъ обратился къ людямъ, усовѣщивая ихъ, голосъ его потонулъ среди возрастающаго гула толпы.

— Расшибало, убери, пожалуйста, твой флагъ. Я—не врагъ никому, я такъ же бѣденъ, какъ и вы.

— Не уберу. Пусть красное знамя говоритъ небу и землѣ о нашемъ освобожденіи.

Священникъ возражалъ съ грустью и печалью, но толпа оттѣснила его до ступеней паперти. Онъ потерялъ шляпу и стоялъ растерянный—въ своей старой, запыленной расѣ.

Въ эту минуту изъ переулка появилась графиня Сюзанна, сіявшая такою отвагою, что люди на минуту примолкли.

— Злодѣи!—воскликнула она:—вы осмѣливаетесь нападать цѣлою толпою на священника? Кто повязалъ эту тряпку?

— Я!—отвѣтилъ Расшибало, подходя со сжатыми кулаками.

— Вы? Грязный негодяй!

Она уже занесла руку для удара, когда Жермена порывисто кинулась къ ней.

— Чтò вамъ здѣсь надо, графиня? Вы презираете насъ. Вернитесь въ вашъ нищенскій зàмокъ, гдѣ вамъ грезятся золотые сны. Никто васъ не хочетъ, даже буржуа, годные въ женихи. Убирайтесь!

Графиня поблѣднѣла отъ оскорбленій крестьянки. Но гнѣвъ придалъ ей силы, и она проговорила, обращаясь къ крестьянкѣ, прелести которой соблазняли самыхъ гордыхъ буржуа:

— Какъ вы смѣете равняться со мною? Я защищаю мою землю, мою религію, остатки моего достоянія. Я имѣю право на богатство. А вы загрязнили бы его собою, дочь Красной-Головы!

— Уродина! Каррикатура!

Жермена, грубо схвативъ графиню за плечи, тащила къ стѣнѣ, у которой священникъ, стоя на колѣняхъ, молился Богу. Народъ сталъ апплодировать Жерменѣ.

— Молчите!—крикнулъ Расшибало.—Вотъ маркизъ.

Маркизъ, опираясь на трость, бѣжалъ по пыли со всею быстротою, какая была возможна для его лѣтъ. Онъ съ секунду глядѣлъ на толпу, волнуемый опасеніемъ, но затѣмъ, движимый добротою и состраданіемъ, воскликнулъ:

— Друзья мои! Простите моей дочери... Вы знаете, что я люблю нашъ край и терзаюсь его страданьями.

Онъ съ мольбою ловилъ руки женщинъ, желая ихъ растрогать, но крестьянки ворчливо отворочивались. Наконецъ, не будучи въ состояніи проговорить ни слова, онъ съ такимъ умоляющимъ видомъ схватилъ за руку Жермену, что та изъ состраданія отошла отъ Сюзанны. Графиня, несмотря на свой

вызывающій видъ, дрожала передъ угрозами толпы, мужицкій запахъ которой былъ ей противенъ. Держась позади священника, уже не скрывавшаго своихъ слезъ, она вошла съ отцомъ въ церковь.

Униженіе аристократовъ подзадорило народъ.

— Насъ боятся!—воскликнулъ Расшибало.—Идемъ по деревнямъ, всюду объявимъ стачку.

Онъ двинулся военнымъ шагомъ, распѣвая „Карманьолу". Народъ — женщины, дѣти, у которыхъ еще не улеглась волна злобнаго возбужденія, послѣдовали за нимъ.

При видѣ ихъ, мирные рабочіе въ Турбѣ разбѣжались. Опьяненные своею властью, люди двигались впередъ, по дорогѣ къ главному городу. Женщины оказались еще неутомимѣе мужчинъ; при встрѣчѣ съ рабочими, онѣ осыпали ихъ ругательствами и, проходя по дружественнымъ, близкимъ къ Незиньяну деревнямъ, грозили смертью богачамъ и призывали къ освобожденію бѣдняковъ.

Къ вечеру люди, утомясь отъ крика, вернулись въ свои дома и, проголодавшись, охотно поужинали черствымъ хлѣбомъ и овощами.

Во время этой передышки мэръ съ судьею прокрались вдоль стѣны до почты. Тамъ они наскоро составили и послали въ Безье телеграмму, въ которой, сознаваясь въ собственной своей слабости и нерѣшимости, они умоляли помощника префекта прибыть немедленно на мѣсто стачки.

На улицахъ не слышно было ни малѣйшаго шума; шумѣлъ только вѣтеръ, поднимавшій облака пыли. Судья воспользовался затишьемъ для отступленія. Крестьяне успокоились, и потому онъ можетъ вернуться въ городъ.

Мэръ рано легъ спать, голову у него ломило, и онъ искренно желалъ проснуться поутру больнымъ. Онъ всталъ съ зарею и для того, чтобы не трепетать отъ страха въ своемъ саду, отправился въ мэрію, величественныя стѣны которой были для него нѣкоторою защитой.

Онъ облокотился на окно кабинета и среди утренней свѣжести вглядывался въ даль майренальской долины, спокойствіе которой казалось ему утѣшительнымъ. Каждую минуту онъ смотрѣлъ на часы. Достанетъ ли у префекта мужества выѣхать изъ Безье съ первымъ поѣздомъ и явиться собственной особою въ этотъ чортовъ Незиньянъ?

XII.—Хозяинъ Турба въ плѣну.

Почтмейстеръ не сумѣлъ, однако, удержать языкъ за зубами. Для того, чтобы придать себѣ важности, онъ объявилъ, какъ только открылась почта, что судья и мэръ отправили наканунѣ въ префектуру тревожную телеграмму.

Объ этомъ заговорили у кузнеца, у сапожника; женщины стали перешептываться, и вѣсть эта распространилась изъ дома въ домъ. Мужчины бродили по улицамъ, ими овладѣло безпокойство, они заходили въ кабаки и къ Красной-Головѣ. Что̀ станется съ правами народа? Они суевѣрно побаивались префекта, казавшагося имъ какимъ-то людоѣдомъ. Народъ собрался толпою у сада мэра, и вскорѣ мимо нихъ отважно прокатилъ въ коляскѣ судья — свѣже-выбритый, съ очками, плотно сидѣвшими на носу. Смущенные крестьяне глядѣли по направленію къ вокзалу, и вскорѣ глаза ихъ, острые какъ у моряковъ, замѣтили тамъ подъ платанами какого-то господина.

Онъ шелъ пѣшкомъ, очень быстро. Прежде чѣмъ онъ дошелъ до деревни, крестьяне разступились на обѣ стороны, давая ему дорогу. Это былъ помощникъ префекта—еще молодой, бѣлокурый съ просѣдью; онъ имѣлъ почти фатоватый видъ, и при видѣ народа, улыбаясь, снялъ шляпу. Желая высказать свою вѣжливость, крестьяне всѣ, какъ одинъ человѣкъ, раскланялись съ нимъ.

Онъ сразу обратился къ Красной-Головѣ, словно чутьемъ угадавъ въ немъ человѣка одного съ нимъ самимъ сословія.

— Скажите, пожалуйста, гдѣ зданіе мэріи?

— Поверните направо. Вы увидите его на площади, рядомъ съ церковью.

Какъ только префектъ исчезъ, Красная-Голова обратился къ крестьянамъ.

— Насъ хотятъ запугать. Этотъ царекъ изъ префектуры станетъ намъ разсказывать свои басни о политикѣ, порядкѣ, покорности или пригрозитъ шпагами своихъ жандармовъ. Нечего его слушать. Онъ исполняетъ свое дѣло—будемъ исполнять свое. Оно состоитъ въ томъ, чтобы жить свободными людьми и питаться отъ земли посредствомъ святого труда. Товарищи, не допустимъ никакого посредничества между нами и богачами. А покуда разойдемся по домамъ и не тронемся оттуда.

Стачечники, на которыхъ рѣчь вождя произвела впечатлѣніе,

послушно разошлись. Въ деревнѣ снова воцарилась тишина,— слышалось лишь кудахтанье рывшихся въ навозѣ курицъ; даже собаки притихли.

На площади показался осторожно ступавшій сторожъ, несшій на перевязи старый барабанъ—реликвію его предшественника, видавшую еще крымскую и итальянскую войны. Онъ поглядѣлъ на запертыя двери и окна, и, повинуясь приказу г. мэра, принялся бить въ барабанъ, сзывая народъ. Выждавъ съ минуту, онъ, не трогаясь съ мѣста, прочелъ на совершенно пустой площади воззваніе префекта, приглашавшаго къ 8-ми часамъ въ мэрію делегатовъ отъ хозяевъ и рабочихъ.

Сторожъ вторично принялся барабанить на перекресткѣ двухъ улицъ, онъ дважды повторилъ свой призывъ, но никто не показывался. Тогда бѣдный Пальу сконфуженно удалился, поминутно оглядываясь назадъ.

Земля ожидала тѣмъ временемъ туда сыновъ своихъ. Они голодали въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, но не сдавались, и теперь они были на сторожѣ въ своихъ мрачныхъ логовищахъ, гдѣ созданный богачами зàмокъ не имѣлъ значенія.

Посланные на развѣдки, ребятишки увидѣли, какъ въ мэрію прошли Корнюберъ, Лантиссу, Лагренель, Миллю—крупнѣйшіе собственники въ краѣ.

Помощникъ префекта не безъ изящества прочелъ имъ нотацію. Корнюберъ возразилъ съ чувствомъ собственнаго достоинства:

— Мы не потерпимъ надъ собою тиранніи.

Мэръ въ медоточивыхъ словахъ попытался внушить ему братскія чувства. Корнюберъ презрительно осадилъ „народнаго льстеца“.

— Вы знаете лучше другихъ, что земля не въ состояніи выдержать такую массу рабочихъ.

— Но относительно вашего управляющаго? — спросилъ помощникъ префекта.

— Онъ никогда не предавалъ меня. Отказавшись отъ него, я былъ бы негодяемъ, я былъ бы неблагодарнымъ человѣкомъ.

Несмотря на самые льстивые уговоры товарищей, Корнюберъ, сильный своею честью и правомъ, остался непоколебимъ.

Разговоры шли уже цѣлый часъ, а рабочіе все не являлись. Префектъ, безпокоясь о землѣ и о себѣ самомъ, не находилъ словъ, мысли у него разлетались, и въ душѣ закипала злоба противъ этихъ нелѣпыхъ крестьянъ.

Судья дѣлалъ время отъ времени предложенія репрессій, которыя префектъ презрительно отвергалъ. Мэръ вздыхалъ, но

послѣ двухчасового тщетнаго ожиданія, онъ первый, съ помощью лжи, нашелъ выходъ изъ этого положенія.

— Если крестьяне не явились на нашъ призывъ, это значитъ, что они испугались. Они поняли, что вы охраняете право собственности, г. префектъ, и я увѣренъ, что они постепенно согласятся на предложенныя условія.

— Увѣрены ли вы, что это такъ?

— Вполнѣ. Народъ страдалъ, онъ ожесточился, но онъ разсудителенъ и пойметъ свои интересы.

— Желаю этого.

Помощникъ префекта еще раздумывалъ, наблюдая исподтишка за мэромъ и судьей, которые, не взирая на свои годы, дрожали передъ нимъ, какъ школьники. Рабіоль не могъ дождаться отъѣзда высшаго начальства. Быть можетъ, онъ искренно думалъ, что крестьяне также опасаются угрозъ правительства, какъ онъ самъ.

Пробило одиннадцать часовъ. Помощникъ префекта побоялся, что дальнѣйшее ожиданіе покажется смѣшнымъ. Онъ обратился къ присутствующимъ.

— Благодарю васъ, господа, за то, что вы явились на мое приглашеніе. Надѣюсь, что съ помощью вашего великодушія этотъ достойный сожалѣнія конфликтъ будетъ улаженъ. Можете быть во всякомъ случаѣ увѣрены, что право собственности не будетъ нарушено и порядокъ сохранится. Засѣданіе закрыто.

Собственники церемонно раскланялись, гордясь своимъ мужествомъ, и поспѣшили удалиться, съ тѣмъ, чтобы запереться у себя въ домахъ.

Вскорѣ ребятишки увидѣли, какъ на подъѣздѣ появился префектъ въ сопровожденіи мэра и судьи, предложившаго ему экипажъ, но, въ качествѣ демократа, онъ пожелалъ идти пѣшкомъ. Онъ громко проговорилъ, для того, чтобы его слышали:

— Итакъ, я возлагаю на васъ, г. мэръ, обязанность управленія вашею общиной. Вы обѣщаете мнѣ, что порядокъ будетъ водворенъ? Тѣмъ лучше. Въ противномъ случаѣ, при малѣйшихъ безпорядкахъ, я пришлю столько войска, сколько понадобится.

— Въ этомъ не окажется надобности.

— Тѣмъ лучше. До свиданія.

До самаго вечера рабочіе изъ осторожности сидѣли у себя по домамъ, стараясь усыпить подозрительность мэра и предупредить новое появленіе жандармовъ.

Но въ теченіе ночи планы возстанія зародились въ кабакѣ и въ домѣ Красной-Головы, который поклялся, что порветъ нити,

соединяющія Незиньянъ съ общественною жизнью, и сдѣлаетъ изъ него островъ, отрѣзанный отъ сообщенія со всѣмъ округомъ.

Раннимъ утромъ Желѣзнякъ съ товарищами, сумрачный, невыспавшійся, постучался къ Рабіолю, и когда тотъ вышелъ къ нимъ съ привѣтливой улыбкой на губахъ, они втолкнули его обратно въ домъ. Мэръ попробовалъ пошутить: онъ не понимаетъ, чѣмъ вызвано подобное нападеніе?

— Нечего лисить передъ нами,—заявилъ Желѣзнякъ,—вы останетесь здѣсь подъ арестомъ. Если вы попробуете улизнуть, васъ загонятъ палкой. Довольно съ насъ вашей лжи.

Щелкъ! Желѣзнякъ заперъ дверь, затѣмъ не безъ гордости спряталъ ключъ въ карманъ.

Оставшись одинъ, мэръ не на шутку струсилъ, но въ концѣ-концовъ былъ весьма доволенъ уже тѣмъ, что его избавляютъ отъ отвѣтственности.

На деревнѣ между тѣмъ били въ барабанъ и трубили сборъ. Черезъ четверть часа мужчины, женщины и дѣти собрались на дорогѣ. Нѣкоторыя служанки попытались пойти за хлѣбомъ и молокомъ, но ихъ вернули обратно.

— Мы сами околѣваемъ съ голоду!—закричалъ Стряпчій.—Сжалиться надъ вашими дѣтьми? Это насъ не касается. У насъ тоже есть дѣти.

Красная-Голова съ толпою обезумѣвшихъ людей ворвался въ почтовое отдѣленіе и заставилъ почтмейстера дать въ Безье телеграмму слѣдующаго содержанія: „*Все спокойно. Населеніе принимается за работу. Рабіоль, мэръ*“. Мольбы и возраженія чиновника и жены его были тщетны. Опасаясь за безопасность почты и лично за себя, онъ принужденъ былъ уступить. Красная-Голова заперъ его въ его комнатѣ подъ присмотромъ четверыхъ рѣшительныхъ гражданъ.

— Теперь мы, дѣйствительно, здѣсь хозяева,—заключилъ онъ, и въ отвѣтъ на привѣтствіе скомандовалъ:—Въ Турбъ!

— А что же мы сдѣлаемъ съ богачами, укрывшимися по своимъ домамъ?—спросилъ Разумникъ.

— Они будутъ въ нашихъ рукахъ, какъ только мы захватимъ Корнюбера. Онъ ночуетъ сегодня въ усадьбѣ.

Труба весело затрубила, они стали спускаться съ холма. Жермена, съ тревогою въ душѣ, отдалась теченію толпы. Она слишкомъ хорошо знала мужество Корнюбера для того, чтобы допустить съ его стороны возможность уступки стачечникамъ. Осмѣлятся ли они напасть на него? Осмѣлится ли она его защитить?

Солнце уже взошло, пробуждая отъ сна заалѣвшую долину, сѣрый Незивьянъ и золотистыя горы. Заслышавъ шумъ мятежа, турбскіе рабочіе не рѣшились выйти въ поле; ставни въ усадьбѣ были полуотворены, домъ пробуждался. Красная-Голова одинъ взбѣжалъ по ступенямъ террасы, и уже хотѣлъ постучать, когда дверь быстро распахнулась. На порогѣ показался негодующій хозяинъ съ щеками багровыми отъ гнѣва. Съ секунду онъ глядѣлъ на разъяренный народъ, изумлявшійся его отвагѣ, и затѣмъ отрывисто спросилъ:

— Чего вы хотите отъ меня?

— Судьба цѣлаго края зависитъ отъ васъ,—отвѣтилъ Красная-Голова.—Согласны вы уступить нашимъ законнымъ требованіямъ?

— Нѣтъ! Никогда! Я въ своемъ домѣ...

Онъ не могъ договорить. Народъ, не слушая убѣжденій Красной-Головы, волною хлынулъ на Корнюбера, подхватилъ его и понесъ. Люди кричали:

— Берите его! Тащите на деревню!

Его повлекли, какъ ведутъ животное на бойню. Красная-Голова уже не возставалъ противъ насилія: богачъ самъ этого захотѣлъ. Звуки „Карманьолы“ заглушили его протесты.

— Куда вы меня ведете?

— Въ мэрію. Вы будете нашимъ заложникомъ. Тамъ вы подпишете условіе.

— Никогда. Скорѣе вы отрубите мнѣ руки.

Труба заиграла походъ, но люди такъ уже накричались, что порядокъ въ толпѣ разстроился. Женщины сняли съ шеи фуляры, разстегнули корсажи; мужчины засучили рукава, разстегнули жилеты. Со своими красными, запыленными и вспотѣвшими лицами—они напоминали жаждущихъ шума и добычи варваровъ. Они пѣли разгульныя и революціонныя пѣсни и, держась за руки, двигались рядами, какъ волны. Одна лишь земля оставалась покуда для нихъ священною,—земля, взлелѣянная ихъ трудами, единственное сокровище ихъ души, и ни у одного изъ нихъ не явилось мысли попортить виноградники.

Красная-Голова, распорядившись запереть Корнюбера въ мэріи, показался въ окнѣ.

— Расходитесь по домамъ, друзья мои!—обратился онъ къ народу:—г. Корнюберъ останется здѣсь подъ надежнымъ присмотромъ.

— Но остальные?..

— Они всѣ уступятъ, какъ только г. Корнюберъ подпишетъ условіе.

Бѣдняки сначала опѣшили, затѣмъ—разворчались. Барабанъ снова загрохоталъ, труба затрубила. Они еще не удовлетворили своей жажды сильныхъ ощущеній.

— Въ клубъ! Въ клубъ!—крикнулъ Разумникъ, и они радостно повалили туда, но хозяинъ догадался запереть ставни и калитку, какъ въ траурные дни. Уйдя ни съ чѣмъ, толпа весь день блуждала по окрестностямъ, питаясь взятымъ съ собою черствымъ хлѣбомъ и дикими плодами. Они вернулись въ Незиньянъ лишь поздно вечеромъ — группами въ нѣсколько человѣкъ, разбитые отъ усталости.

Жермена весь день пряталась въ Турбѣ, близъ Оливковой рощи.

Не посмѣвъ изъ осторожности вступиться днемъ за Корнюбера, она надѣялась освободить его ночью, и когда на колокольнѣ Незиньяна пробило десять часовъ, она быстро пустилась въ путь.

Въ окнахъ мэріи виднѣлся слабый свѣтъ; подойдя къ двери, Жермена услышала взрывы смѣха, голоса. Очевидно, тамъ кутила молодежь. Они играли въ карты, спорили, какъ въ кабакѣ, и по временамъ повторяли имя Корнюбера. Какъ пробраться туда незамѣченной? Они заподозрятъ ее въ измѣнѣ, пожалуй оскорбятъ подъ пьяную руку.

Жермена попробовала открыть дверь, и та оказалась незапертой. Сторожа, вѣроятно, заперли Корнюбера въ помѣщеніи, служившемъ тюремною камерой. Жермена безшумно закрыла за собою дверь и проскользнула по слабо освѣщенному корридору до самаго конца его, въ которомъ находилась тюремная дверь. Ключъ торчалъ въ замкѣ. Она осторожно окликнула узника:

— Корнюберъ! Корнюберъ!

Голосъ ея такъ дрожалъ, что тотъ не узналъ его.

Они, дѣйствительно, посадили владѣльца Турба въ камеру, служившую пріютомъ для воровъ и бродягъ, и онъ, мужественно покоряясь своей участи, не пытался бѣжать. Но при звукѣ дружескаго голоса онъ съ изумленіемъ приподнялся на своей койкѣ, и при свѣтѣ поставленнаго въ углу фонаря узналъ Жермену. Онъ поспѣшно отстранилъ ее.

— Это вы? Уходите! Уходите!

— Мнѣ уходить? Я пришла спасти васъ.

— Не хочу. Вашъ отецъ заперъ меня здѣсь. Негодяй! Онъ поплатится за свое преступленіе, если только мы—цивилизованная нація.

Она довѣрчиво приблизилась къ нему, хотя онъ упорно ее отстранялъ, и продолжала умолять.

— Вы больше не любите меня? Вы мнѣ не вѣрите?

— Нѣтъ. Мнѣ стыдно за народъ.

— Я провела весь день въ Оливковой рощѣ, гдѣ я пряталась, гдѣ я думала о васъ. Какъ хороша она весною, эта Оливковая роща,—такъ же хороша въ своей таинственной тишинѣ и уединенности, какъ и въ тотъ осенній вечеръ, когда я въ первый разъ прибѣжала на вашъ зовъ, чтобы услышать отъ васъ слова любви, которую я считала вѣчной... Развѣ вы не помните всего этого?

— Нѣтъ. Не хочу помнить.

— Почему? Неужели вы смѣшиваете меня съ людьми, вносящими въ нашъ край насиліе?

— Вы—изъ ихъ породы,—рѣзко отвѣтилъ Корнюберъ, стиснувъ зубы.

— Вы тоже! — воскликнула Жермена.— Несмотря на ваше богатство, одинаковое происхожденіе дѣлаетъ насъ равными. Неужели когда вы говорили мнѣ любезности или принимали меня ночью въ усадьбѣ, вы просто желали позабавиться съ крестьянкой?

— Что вамъ сказать на это? У меня никогда не было дурныхъ намѣреній. Вы—единственная изъ всей деревни—мнѣ нравились. Среди столькихъ безобразныхъ лицъ я отдыхалъ взоромъ на вашемъ лицѣ. Единственная среди завистливыхъ людей—вы всегда выказывали мнѣ сердечность и ласку. Я чувствовалъ себя счастливымъ, слушая васъ...

— И—только?

Онъ молча смотрѣлъ на нее. Задыхаясь отъ волненія, но вѣря въ свои наивныя мечты, страшившаяся бѣдности, какъ позора, она сдерживалась. Она робко подошла къ нему и, вымаливая любовь, опустилась передъ нимъ на колѣни.

Корнюберъ, опасаясь сцены, хотѣлъ подняться, но она была счастлива, что можетъ безъ словъ выказать ему свою вѣру въ него и свою преданность. Если даже люди услышатъ ихъ и взойдутъ сюда, они обвинятъ ее въ измѣнѣ, увидѣвъ ее у ногъ хозяина Турба; но если народъ и объединитъ ихъ обоихъ въ чувствѣ ненависти, они будутъ соединены и въ любви, которая послужитъ имъ утѣшеніемъ.

— Молчите!—простоналъ онъ, сжимая ея руки.—Напрасно мечтали вы о любви между нами.

— Напрасно? Эта любовь—мое сокровище, вся моя жизнь. Турбъ — родная моя земля, мой рай — я вижу ихъ въ васъ. И если я не увижу васъ болѣе, я умру...

— Но вашъ отецъ...

— Онъ не помѣшаетъ мнѣ находить въ этомъ смыслъ моей жизни, какъ не можетъ снять солнце съ неба. Этотъ домъ въ Турбѣ, гдѣ вы живете королемъ, я хотѣла бы стать его королевою, для того, чтобы служить вамъ. Сколько разъ вы мнѣ говорили, что нѣтъ женщины, которая была бы болѣе достойна, чѣмъ я, ходить по вашимъ дорогамъ, покоиться подъ вашимъ кровомъ, быть уважаемой вашими рабочими, близкими мнѣ по крови, простой языкъ и душа которыхъ мнѣ хорошо знакомы.

Она не прикасалась къ нему, но горячность ея мольбы начинала дѣйствовать на этого сильнаго человѣка. Когда Жермена умолкла, онъ снова испугался рокового очарованія хитрой крестьянки.

— Нѣтъ, оставьте меня. Развѣ эти варвары допустятъ осуществленіе хотя одного изъ нашихъ плановъ?

— Я не менѣе мужественна, чѣмъ вы. Я пришла сюда ночью для того, чтобы спасти васъ. Какой стыдъ, что они заперли васъ здѣсь!

— Все равно. Я отомщу потомъ. При попыткѣ бѣжать, я нарвусь на худшія оскорбленія. Они способны теперь, въ своей наглости, на всѣ преступленія. Вы назвали меня королемъ. Ваши крестьяне—вотъ кто царствуетъ теперь въ краю. Ха! ха! Они заставятъ насъ плясать по ихъ дудкѣ...

Корнюберъ смѣялся съ такою злобой, что она вздрогнула отъ страха. Какъ при блескѣ молніи, она, заглянувъ въ его душу, увидѣла въ ней зародышъ злобы, живущей въ душахъ самыхъ добрыхъ людей.

Жермена тихо заговорила снова. Она непохожа на нихъ, такъ какъ страдаетъ, видя его здѣсь. Онъ въ тюрьмѣ. Это—смѣшно.

— Мало ли еще мы увидимъ смѣшного! Я ничего не приму отъ васъ.

— Значитъ, между нами все кончено? Вы грубо порываете со мною, потому что я—крестьянка?

— Вы—дочь Красной-Головы.

— Я—дочь честнаго человѣка! Простите, но вы не должны меня оскорблять. А я еще вѣрила вашей любви.

— Да, Жермена, не волнуйтесь. Я очень васъ люблю, вы—добрая дѣвушка, которой приходится страдать отъ семьи, и вы были бы моею радостью, будь я воленъ въ своихъ поступкахъ. Но ваши крестьяне лишаютъ насъ свободы. Они отталкиваютъ меня.

Корнюберъ смолкъ, рыданія подступали у него къ горлу.

Она устало опустилась рядомъ съ нимъ на кровать, не дотрогиваясь до него.

— Вы жестоки и неблагодарны. Не такъ говорили вы прежде со мною.

— Не знаю. Теперь все окружающее и самое ваше присутствіе—кажется мнѣ кошмаромъ.

— Любите ли вы меня? Вѣрите ли мнѣ? Готовы ли идти за мною?

— Куда?

— Куда хотите. Пусть всѣ знаютъ, что я жертвую моею доброю славой ради васъ.

Она возвысила голосъ. Вдругъ надъ ними послышались на лѣстницѣ тяжелые шаги, грубые голоса. Дѣлали ли тюремщики свой обходъ, или они услышали шумъ въ камерѣ заключеннаго? Жермена замерла, Корнюберъ прислушался. Шаги приближались.

— Они!—прошепталъ Корнюберъ.—Спрячьтесь.

Радуясь, что можетъ ему повиноваться, Жермена спряталась въ углубленіе, полускрытое колонной, гдѣ было пыльно и душно.

Въ камеру вошли крестьяне съ красными отъ возліяній лицами. Одинъ изъ нихъ держалъ въ рукѣ фонарь. Они остановились на порогѣ съ нѣкоторымъ чувствомъ неловкости.

— Онъ спитъ,—тихо проговорилъ младшій.

— А съ кѣмъ же онъ спорилъ?—проворчалъ сосѣдъ.

Младшій приблизился къ владѣльцу Турба и хотѣлъ уже нагнуться къ нему, когда тотъ рѣзкимъ движеніемъ приподнялся на жесткомъ ложѣ.

— Чтò вамъ нужно отъ меня, дикари?

Крестьянинъ испуганно попятился, но у дверей онъ снова осмѣлѣлъ, ободренный чувствомъ ненависти:

— Намъ ничего не нужно,—за исключеніемъ все того же: угодно ли вамъ отказать Азэмà?

— А сами боитесь? Угодно ли вамъ освободить меня отъ вашего присутствія?

Крестьяне молча смотрѣли на него. Гордость его была не сломлена, въ немъ чувствовалась не одна только денежная сила, но и сила воли.

— Мы уйдемъ. Намъ приказано караулить васъ до завтра. Придетъ Красная Голова—онъ разберетъ. Такъ вы не согласны?

Корнюберъ сердито отмахнулся. — Убирайтесь!

Парни ушли взбѣшенные, съ шумомъ захлопнувъ за собою дверь.

Жермена, вся въ пыли и паутинѣ, вылѣзла изъ своего убѣжища. Она радостно улыбалась, такъ какъ властелинъ ея укрылъ ее отъ гнѣва варваровъ, предводительствуемыхъ ея отцомъ. Корнюберъ ласково заговорилъ съ нею, желая ее обмануть.

— Жермена, для васъ не безопасно оставаться здѣсь.

— Такъ вы не хотите уходить?

— Мое заключеніе долго не продлится. Не нужно осложнять и безъ того запутанное дѣло. Вѣрите вы мнѣ: да или нѣтъ? Я достаточно силенъ для того, чтобы поступать по-своему.

— Правда.

— Значитъ, въ вашихъ интересахъ — дѣлать то, что̀ мнѣ нравится. Я раздѣляю ваши желанія, но я—человѣкъ разумный.

Онъ старался шутить для того, чтобы развеселить и ободрить ее. Чувствуя себя слабѣе, она покорилась.

— Хорошо. Я еще разъ уступаю вамъ. Но не измѣняйте мнѣ. Борьба между нами не кончена.

— Она кончится миромъ.

Онъ проводилъ ее по корридору до дверей. Тамъ, на холодномъ вѣтру, пахнувшемъ имъ въ лицо, онъ первый поцѣловалъ ее. Она медленно удалилась—смущенная и довольная. Корнюберъ, возвращаясь къ себѣ въ камеру, слышалъ храпъ крестьянъ, подобный храпѣнію лошадей.

XIII.—Солдаты и крестьяне.

Въ утренней мглѣ раздался звукъ трубы. Стачечники собрались на площади, наблюдая за движеніемъ людей и телѣжекъ. Съ первыми лучами солнца мелкіе землевладѣльцы, обработывавшіе круглый годъ собственноручно свои участки, вздумали выйти на работу, но забастовщики немилосердно погнали ихъ домой. Нѣкоторые попытались протестовать.

— Вѣдь мы не хозяева, мы не держимъ никакихъ рабочихъ. Мы—тотъ же народъ.

— Мы знаемъ. Поэтому-то вамъ и слѣдуетъ поддержать народъ. Всѣ граждане обязаны поддержать общую стачку, протестуя противъ владычества богачей.

— Мы и протестуемъ.

— Только на словахъ?

— А вы насъ насилуете. Гдѣ же тутъ свобода?

— Мы еще не знаемъ свободы. Ее нужно взять съ бою, или мы никогда ея не увидимъ.

— Землѣ нѣтъ до этого дѣла. Она гибнетъ...

Красная-Голова предвидѣлъ, что, несмотря на его предосторожности, вѣсть о возмущеніи достигнетъ до главнаго города, возбудивъ волненіе среди администраціи. Поэтому, во избѣжаніе репрессалій, онъ задумалъ придать возстанію оттѣнокъ законности. Для этого нужно было освободить мэра и взвалить на него номинальную отвѣтственность за стачку. Рабіоль скорѣе предпочтетъ прослыть за неблагонадежнаго въ Парижѣ, чѣмъ потерять симпатіи своихъ избирателей.

Освободивъ его, Красная-Голова объяснилъ ему положеніе дѣлъ.

— Ты найдешь г. Корнюбера въ твоемъ кабинетѣ. Онъ провелъ ночь въ тюремной камерѣ и, несмотря на усталость, все еще противится. Въ твоемъ присутствіи онъ, быть можетъ, окажется сговорчивѣе.

— Не думаю. У меня нѣтъ на этотъ счетъ никакихъ иллюзій.

— Попытаемся.

— Во всякомъ случаѣ ты понимаешь, что подобные безпорядки не могутъ продолжаться. Я не имѣю права держать Корнюбера въ тюрьмѣ.

— Право? Мы знаемъ, что оно не существуетъ для тѣхъ, въ чьихъ рукахъ—сила.

— Въ такомъ случаѣ, мнѣ также придется быть въ плѣну у забастовщиковъ?

— Не бойся. Ты не пострадаешь. Ты будешь только давать кому слѣдуетъ пропуски.

— Боже мой, до чего вы неправы! Вы отсрочите на цѣлыхъ двадцать лѣтъ реформу соціальнаго строя.

— Молчи, шутникъ!

Выбритый, толстенькій мэръ покорно шелъ среди своихъ избирателей. Онъ колеблющимся шагомъ поднялся по лѣстницѣ и въ присутствіи Корнюбера смутился еще сильнѣе отъ сознанія своей слабости.

— Ну, что же, г. Корнюберъ, вы не желаете пойти на уступки?

— Я? — отвѣтилъ Корнюберъ, такъ стукнувъ кулакомъ по столу, что бумаги разлетѣлись.—Никогда! Я не трусъ.

— Берегитесь! Ваше упорство доведетъ народъ до крайностей чудовищныхъ и смѣшныхъ въ одно и то же время!

— Смѣшныхъ, милостивый государь? Не я окажусь во всякомъ случаѣ смѣшнымъ, такъ какъ не я управляю краемъ. Вы— мэръ, а не слуга, я полагаю.

При этихъ презрительныхъ словахъ толпившіеся кучкою крестьяне смущенно запротестовали. Корнюберъ обернулся къ нимъ.

— Чего вы тамъ ворчите? Развѣ у насъ революція?

— Да!—отвѣтилъ Красная-Голова.

— Вы мнѣ ненавистны.

— Замолчите!

— Замолчать передъ вами?

— Господа, господа, успокойтесь!—молилъ мэръ.—Не волнуйтесь пожалуйста. — Знаетъ ли Азэма̀ о томъ, что требуютъ его увольненія?

— Не вижу необходимости съ нимъ совѣтоваться, — возразилъ Корнюберъ:—онъ исполнитъ свой долгъ.

— Тѣмъ хуже. Послушайте, вы что-нибудь кушали?

— Ничего, и я ничего не хочу. Я убѣжденъ, что эта комедія не продлится и двадцати-четырехъ часовъ.

— Увидимъ!—усмѣхнулся Красная-Голова.

Они замолчали. Съ лѣстницы доносился сюда подъ высокіе своды все возраставшій шумъ: крики, жалобы, восклицанія одобренія. Азэма̀, весь запыхавшійся отъ своей толщины показался среди толпы принстававшихъ къ нему женщинъ и ребятишекъ. Онъ желалъ видѣть г. Корнюбера.

— Мнѣ нужно сообщить ему важное извѣстіе. Гдѣ онъ?

Азэма̀ задыхался отъ усталости, онъ былъ пунцовый и отиралъ лицо платкомъ. На порогѣ кабинета онъ, изъ уваженія къ своему господину и общественному мѣсту, снялъ шляпу. Съ секунду онъ не рѣшался заговорить въ присутствіи стольких людей, толпившихся у стѣны и не рѣшавшихся сѣсть.

— Вотъ и вы!—воскликнулъ тронутый Корнюберъ:—Здравствуйте, мой милый Азэма̀.

Азэма̀ подошелъ и безъ всякой рисовки, по-товарищески, пожалъ ему руку.

— Я поздно узналъ о вашемъ арестѣ, г. Корнюберъ.

— Пустяки. Моя мать безпокоится?

— Да, г. Корнюберъ.

— Скажите ей, что она неправа. Несмотря на то, какъ эти люди хорохорятся, я увѣренъ, что я ничѣмъ не рискую. Дайте пройти бурѣ.

— Хорошо, г. Корнюберъ. Но для того, чтобы эта буря не надѣлала бѣдъ въ нашемъ краю, я пришелъ сообщить вамъ о средствѣ, которое уладитъ дѣло.

— Какое же это средство?

— Я прошу васъ о моемъ увольненіи.

— Ваше увольненіе? Я не согласенъ уволить васъ.

Оскорбленный въ своемъ достоинствѣ, Корнюберъ горячо отказывался отъ великодушнаго предложенія своего управляющаго. Среди крестьянъ послышался ропотъ изумленія и досады. Рабіоль подскочилъ отъ восторга на своемъ креслѣ.

— Прекрасно, Азэма̀. Превосходно! Да, да, г. Корнюберъ! Вы должны принять его предложеніе.

— Нѣтъ и нѣтъ! Прежде всего, г. мэръ, это—мое частное дѣло, не касающееся васъ.

— Частное дѣло? Вы шутите? Рѣчь идетъ о благоденствіи моей общины.

Мэръ стучалъ по столу, волновался. Корнюберъ, не обращая на него ни малѣйшаго вниманія, обернулся къ своему управляющему, все еще утиравшемуся платкомъ, и проговорилъ безапелляціоннымъ тономъ:

— Если вы уйдете отъ меня, Азэма̀, люди рѣшатъ, что вы испугались и что вы отступаетесь отъ моего дѣла.

— Какъ это можно!

— Вотъ, вы жертвуете собою изъ преданности ко мнѣ, но это не помѣшаетъ клеветникамъ ложно истолковать ваши побужденія. Ради моихъ правъ, ради чести насъ обоихъ, необходимо, чтобы вы оставались въ Турбѣ.

Азэма̀ не сразу могъ отвѣтить. Среди крестьянъ снова поднялся ропотъ противъ его господина, который, выпрямившись во весь ростъ, пристально смотрѣлъ на нихъ.

— Повинуюсь вашему рѣшенію, г. Корнюберъ,—проговорилъ, наконецъ, Азэма̀.

— Да, вернитесь въ Турбъ, успокойте мою мать. Мнѣ никого здѣсь не нужно.

Хозяинъ по-товарищески протянулъ ему руку, и Азэма̀ медленно вышелъ, покашливая и тяжело переводя духъ, сопровождаемый презрительнымъ взглядомъ Красной-Головы.

Около трехъ часовъ Красная-Голова, всѣмъ распоряжавшійся и авторитетъ котораго все возрасталъ, спровадилъ журналиста изъ Монпелье, присланнаго радикальною газетою, собиравшейся прославить жителей Незиньяна, „подававшихъ цѣлому міру примѣръ гражданской доблести". Онъ расхаживалъ по деревнѣ, успокаивая экзальтированныхъ, подбадривая нерѣшительныхъ, но въ то же время онъ съ тревогою, не ускользнувшею отъ товарищей, поджидалъ прибытія войскъ. И дѣйствительно, въ четвертомъ часу онъ своимъ острымъ взглядомъ замѣтилъ вдалекѣ въ облакѣ пыли большое красноватое пятно, отливавшее мѣдью.

— Это солдаты!—проворчалъ онъ.

— Конечно, солдаты,—отвѣтили товарищи;—скоро они подоспѣли.

— Не дадимъ застать себя врасплохъ.

Красная-Голова велѣлъ трубить сборъ и затѣмъ объявилъ собравшимся:

— Друзья мои, нечего искать столкновенія съ войсками. Будьте благоразумны: обманемъ ихъ еще разъ. Пусть уведутъ солдатъ. Они освободятъ Корнюбера, и пускай онъ убирается ко всѣмъ чертямъ!

Всѣ повиновались безпрекословно. Одна Жермена хотѣла остаться на площади, но отецъ, взявъ ее за руку, насильно потащилъ ее домой, какъ дѣлалъ это, когда она капризничала въ *школѣ*.

Солдаты, прибывшіе подъ начальствомъ капитана, очень удивились, найдя въ Незиньянѣ идиллическое спокойствіе. Судья предупредилъ префекта о возбужденіи забастовщиковъ; онъ сообщилъ ему о странномъ арестѣ Корнюбера и подчиненномъ положеніи мэра, сохранявшаго слабую тѣнь власти.

Помощникъ префекта, возмущенный поведеніемъ тревожившихъ его покой дикарей, рѣшился, наконецъ, отправить войска и посовѣтовалъ судьѣ снова попытаться вмѣстѣ съ мэромъ урезонить крестьянъ: вѣдь ничего не стоитъ кое-что пообѣщать имъ.

Мало-по-малу крестьяне стали съ невиннымъ видомъ появляться на улицѣ. Ихъ забавляло присутствіе солдатъ, которые, расположившись лагеремъ у ограды клуба, собирались варить себѣ супъ. Женщины угощали ихъ виномъ, мужчины дѣлились съ ними послѣднимъ запасомъ табаку.

Капитанъ не довѣрялъ этому кажущемуся добродушію. Его порученіе было дипломатическаго характера, и онъ боялся, что со своимъ прямымъ, чисто солдатскимъ нравомъ онъ сдѣлаетъ какую-нибудь неосторожность, вызоветъ вспышку. Прогуливаясь взадъ и впередъ, онъ тревожно наблюдалъ за Красной-Головою и Расшибалою, устанавливавшими вдоль ручья рядъ телѣжекъ въ видѣ баррикадъ.

Наконецъ, пріѣхалъ въ своей коляскѣ судья. Онъ освѣдомился у капитана:

— Вы здѣсь давно?

— Да, г. судья. Скажу откровенно, что я нахожусь въ затруднительномъ положеніи. Чтò мнѣ дѣлать?

— Вамъ это скажетъ г. мэръ.

— Я не могу его увидѣть. Онъ вернулся къ себѣ домой и болѣе не показывается.

— Ѣду къ нему. Мы обдумаемъ, какъ быть, и сообщимъ вамъ дальнѣйшія распоряженія. До свиданія.

И судья скрылся изъ виду. Капитанъ, подъ своимъ наружно-беззаботнымъ видомъ, начиналъ ощущать живѣйшую тревогу.

Число телѣжекъ и повозокъ между тѣмъ увеличивалось. Забастовщики тащили пуки соломы, выкапывали камни изъ мостовой. Въ это время капитанъ замѣтилъ вдали графиню Сюзанну на ея длинной, тощей лошади. Онъ былъ знакомъ съ графинею, съ которою встрѣчался въ обществѣ въ Безьѐ, и понялъ, что она, изъ желанія досадить забастовщикамъ, пріѣхала сюда съ цѣлью афишировать ихъ дружескія отношенія. Конечно, крестьяне не преминутъ перенести на него свою ненависть къ „аристократіи изъ зàмка“.

Графиня, подскакавъ къ офицеру, протянула ему руку.

— Здравствуйте, графъ. Я никогда бы не подумала, что намъ придется встрѣтиться при такихъ обстоятельствахъ.

— Это правда, графиня. Вы здоровы? Какъ поживаетъ г. маркизъ?

— Хорошо, благодарю васъ. Но, увы,—здѣсь царитъ духъ мятежа и безбожія. Неужели это—Франція? Войско низведено до унизительной полицейской роли. Вамъ противна эта полицейская миссія, не правда ли?

— Графиня, прошу васъ, не волнуйтесь. Я получилъ строгія предписанія.

— Относящіяся не къ порядочнымъ людямъ, конечно, но къ разному сброду,—да?

При этомъ оскорбленіи забастовщики отдѣлились отъ солдатъ и стали подходить къ ней со сжатыми кулаками, но она повторила:

— Чернь, сбродъ, который слѣдуетъ выдрать!

Красная-Голова съ товарищами собиралъ камни, готовясь къ бою подъ прикрытіемъ телѣжекъ; солдаты не безъ тревоги поглядывали на своего капитана и на эту молодую даму верхомъ на тощемъ конѣ, казавшуюся имъ героинею романа.

— Проучите хорошенько этотъ сбродъ, если онъ только пошевельнется.

— Графиня, молчите, умоляю васъ.

— Полноте! Чего тутъ бояться?

— Но мнѣ дали приказанія. Я долженъ возстановлять порядокъ, а не вызывать гражданскую войну.

— Хорошо, хорошо. Такъ какъ всѣ всего боятся—до свиданія.

Она сдѣлала прощальный жестъ рукою и поскакала. Женщины показывали ей кулаки, Расшибало бросилъ ей камень въ догонку; капитанъ сдѣлалъ видъ, что ничего не замѣтилъ, чѣмъ вызвалъ признательность забастовщиковъ.

Къ несчастью, судья и мэръ выбрали эту минуту для того, чтобы поговорить съ народомъ. Красная-Голова поспѣшно отдалъ приказанія. Дѣти притащили картофелю, остатки кочней капусты—метательные снаряды достаточной силы противъ буржуа. Судья, стоя рядомъ съ мэромъ, который опоясывался трехцвѣтнымъ шарфомъ, уже началъ рѣчь:

— Видите, граждане, до какихъ крайностей вы доводите правительство! Власти были принуждены выслать противъ васъ отрядъ, и пришлютъ еще новыя войска, если вы станете упорствовать въ возмущеніи. Вы только потеряете отъ этого. Разойдитесь по домамъ!

— Не согласны!—крикнулъ Красная-Голова.

— На что̀ же вы надѣетесь?

— Уведите сначала солдатъ, мы поговоримъ потомъ..

— Это невозможно. Сила должна быть на сторонѣ закона.

Забастовщики, которымъ надоѣла рѣчь судьи, прервали его страшнымъ гвалтомъ; мэра, желавшаго въ свою очередь выразить имъ неодобреніе, они освистали; женщины принялись швырять въ него мелкіе камешки. Одинъ изъ такихъ камешковъ попалъ въ переносье судьѣ. Солдаты только посмѣивались при видѣ этихъ семейныхъ счетовъ.

Тогда забастовщики, взбѣшенные тѣмъ, что на ихъ демонстраціи не обращаютъ вниманія, кинулись по дорогѣ въ Вальрозъ—уничтожать виноградники. Приведенный въ отчаяніе, мэръ обратился къ капитану съ просьбою о защитѣ.

Было четыре часа. Отъ оплодотворенной, раскаляемой солнцемъ земли исходило огненное дыханіе. Грозовой вѣтеръ съ силою проносился по дорогамъ, кустамъ и садамъ, сбивая съ деревьевъ алый и розовый цвѣтъ. Синее небо въ своемъ великолѣпіи тяжело нависло надъ землею и надъ горами, принявшими оттѣнокъ яркой мѣди.

Въ этотъ душный, раздражающій весенній вечеръ забастовщики метались изъ стороны въ сторону, обезумѣвшіе отъ гнѣвныхъ, мстительныхъ, братоубійственныхъ мыслей. Въ Незиньянѣ и Вальрозѣ они топтали корни, вырывали сильными руками молодые побѣги, а черезчуръ малочисленные солдаты понапрасну гонялись за ними.

Увлеченная народною волной, Жермена послѣдовала за парнями и дѣвушками. И у нея поднималась ненависть противъ эгоистическихъ буржуа. Отчасти она опасалась и за себя. Крестьяне не любятъ шутить честью дочерей, но любовь считается у нихъ грѣхомъ лишь въ томъ случаѣ, если она отдана богачу.

Расшибало, взволнованный весенними дуновеніями, слѣдовалъ за нею по пятамъ, нашептывая ей угрозы и мольбы. Онъ подхватилъ ее одною рукою, приподнялъ, какъ снопъ соломы, и, гордясь своею богатырскою силою, потащилъ ее за собою по знакомымъ тропинкамъ. Рядомъ съ ними бѣжали другіе парни и дѣвушки, уносимые тѣмъ же вихремъ любви и возмущенія.

По дорогѣ въ Майреналь виднѣлись, подобно цвѣтамъ мака, красные панталоны солдатъ, преслѣдовавшихъ забастовщиковъ; капитанъ верхомъ на сѣромъ конѣ держалъ обнаженную шпагу со всѣмъ достоинствомъ своихъ средневѣковыхъ предковъ, когда тѣ преслѣдовали чернь.

Неподалеку отъ рѣки вспыхнуло за деревнею зарево, и вспугнутыя птицы закружились съ криками. Забастовщики зажгли изгороди и заборы виноградниковъ. Жители сосѣднихъ мѣстечекъ, сначала пораженные происходящимъ, сами присоединились къ дѣлу мести. Крикъ: „Да здравствуетъ революція!“—пронесся всюду.

Люди забывали законы труда, цѣну даровъ, производимыхъ землею послѣ столькихъ лѣтъ труда. Опьяненные своею властью, они шумно смѣялись, между тѣмъ какъ дымъ отъ пожарищъ поднимался высоко къ небу, застилая солнце. Золотистый и пурпуровый огонь разстилался длиннымъ волнующимся знаменемъ по окрестностямъ.

Но въ главномъ городѣ уже поднялась тревога. Люди хватались за вилы, чтобы защитить свое добро; женщины со слезами умоляли незиньянцевъ пощадить ихъ сады и виноградники. Богачи, подобно волкамъ, загнаннымъ дымомъ изъ логовищъ, показались изъ своихъ домовъ и усадьбъ. Блѣдные какъ смерть, они побѣжали на деревню, гдѣ оставалось нѣсколько стариковъ, отвѣчавшихъ на ихъ жалобы:

— Вы довели до отчаянія нашихъ сыновей и дочерей. Намъ нечего было ѣсть.

— Но, уничтожая насажденія, они губятъ общее достояніе.

— Съ помощью труда все поправится, если вы будете благоразумны.

— И некому насъ защитить! Капитанъ—аристократъ по происхожденію, и потому онъ пошелъ съ отрядомъ на защиту зàмка.

Корнюберъ, стоя на террасѣ, сумрачно упивался зрѣлищемъ

своего несчастія, но изъ гордости не желалъ просить войскà о защитѣ. Солдаты направлялись къ дорогѣ, туша тамъ и здѣсь пожары, когда за усадьбою раздались крики и проклятія по ихъ адресу.

Это парни со своими подружками обнимались на свободѣ, радуясь тому, что и дочь Красной-Головы съ ними. Они, смѣясь, окликали ее:

— Жермена! Ау! Гдѣ ты?

Она почти не слышала ихъ. Она дрожала, идя рука объ руку съ Расшибалою.

— Ты сердишься на меня, Жермена?

— Нѣтъ. Еслибы я не захотѣла, я не пошла бы съ тобою.

— Почему же ты только сегодня терпишь меня возлѣ себя?

Присѣвъ на камень, она исподтишка съ колебаніемъ поглядывала на него. Она была взволнована, какъ окружающая ее природа, возбуждена противъ Корнюбера: никогда онъ не искалъ съ нею встрѣчи. Несмотря на свои разочарованія, она упорно мечтала о немъ, защищала его отъ нападокъ другихъ людей, и все же тоска и отчаяніе порою охватывали ее при мысли объ этихъ мечтахъ.

Расшибало окружалъ ее, наоборотъ, своимъ терпѣливымъ обожаніемъ. Ради нея онъ готовъ былъ на борьбу, на смерть. Обреченная труду, воспитанная по-крестьянски, какъ и онъ, она чувствовала одинаково съ нимъ, она понимала его взгляды, его молчаніе, и душа его была для нея открыта. Но все же Расшибало не нравился ей своими толстыми рабочими лапами, которыми онъ могъ бы придушить ее, своимъ запахомъ хищнаго звѣря.

Онъ тихо опустился на траву рядомъ съ нею.

— Я тебя люблю и боюсь, что ты меня прогонишь...

— Ты правъ. Уходи.

— Ого! Да ты злая.

— А ты забываешь о стачкѣ?

— Нѣтъ. Стачка, вся жизнь—это ты. Ты—моя родина. Я хочу, чтобы ты была сильна и красива; тогда для меня засіяетъ солнце. Ты теперь съ нами?

— Да.

— Ты измѣняла намъ, быть можетъ?

— Нѣтъ, я никогда не презирала своихъ, даже—тебя, хотя твое приставаніе меня раздражало.

— Ты боишься?

— И не думаю.

Въ дѣйствительности, она начинала тревожиться; ее пугало это уединеніе, темныя деревья, укрывавшія ихъ своею тѣнью. Онъ обнялъ ее за талію и старался коснуться губами ея щекъ. Она слегка оттолкнула его.

— Ты полюбишь меня современемъ, Жермена?

— Насъ уже соединяетъ чувство ненависти. Я чувствую, что начинаю, какъ ты, какъ мой отецъ, ненавидѣть господъ, завладѣвшихъ нашими землями, домами, душами — ради своего наслажденія и нашего униженія. Я не боюсь. Ты слышишь? Изъ долины доносятся крики. Тамъ дерутся... Идемъ.

Волненіе Жермены, высказываемыя ею мысли, ея движенія — все это сбивало съ толку Расшибалу. Увѣренный въ томъ, что современемъ ее завоюетъ, онъ послушно послѣдовалъ за нею туда, откуда слышались крики товарищей.

Солдаты, жандармы, прибывшіе изъ главнаго города, уже очистили поля. Они гнали теперь къ Незиньяну послѣднія, охваченныя паникою, толпы забастовщиковъ. Мужчины, для того, чтобы скорѣе организовать укрѣпленіе въ деревнѣ, полѣзли вверхъ по каменистымъ тропинкамъ, а женщины плакали, оттого что тяжелыя юбки затрудняли имъ бѣгъ и солдаты настигали ихъ.

Красная-Голова первымъ прибѣжалъ на площадь и тотчасъ же сталъ распоряжаться возведеніемъ на дорогѣ баррикадъ; забастовщики спѣшили повиноваться его приказаніямъ. Запасшись камнями, капустными кочнями, гнилой морковью, они принялись осыпать бранью и глумленіями капитана, ведшаго свои войска на приступъ. Солдаты, обозленные упорнымъ сопротивленіемъ, бѣшено лѣзли впередъ; они пробили брешь въ баррикадѣ и со штыками на перевѣсъ ринулись всею массою на крестьянъ, которые въ безпорядкѣ разбѣжались.

Черезъ четверть часа въ деревнѣ водворилось спокойствіе.

Вдругъ раздался заунывный звонъ набата — отголосокъ народной жалобы... Прибѣжалъ кюрэ, весь въ слезахъ; солдаты не смѣли трогаться съ мѣста, и потому мэръ, судья и священникъ, не безъ нѣкоторой претензіи на героизмъ, поднялись на колокольню.

А тамъ, на уходящей въ небо высотѣ, Жермена съ Расшибалою вздумали съ помощью зловѣщаго гула набата извѣстить братьевъ о пораженіи, призвать ихъ къ единенію во имя общей цѣли. При видѣ обоихъ буржуа и священника, Расшибало задрожалъ отъ гнѣва и пригрозилъ сбросить Рабіоля внизъ, но Жермена успокоила его, и онъ съ покорностью ребенка послѣдовалъ за нею. Пропади стачка! Глазами и сердцемъ онъ видѣлъ лишь одну Жермену!

Домъ Красной-Головы, гдѣ собрались у очага вожди стачки, показался ему раемъ. Солнце закатилось, и только вдоль рѣки еще догорали огоньки пожарищъ.

Деревня успокоилась, но въ домѣ Красной-Головы все гудѣло, какъ въ горнѣ. Хозяинъ, опустивъ голову, грустно заговорилъ:

— Мы побѣждены, друзья мои. Мы должны опасаться преслѣдованія со стороны закона. Но все же нашими манифестаціями мы проявили нашу сознательность и показали другимъ, насколько мы сильны. Наше пораженіе—временное. Важно то, чтобы мы сохранили сознаніе нашихъ правъ и чувство нашего превосходства. Покоримся же еще разъ роковому гнету нашихъ властителей, не скрывая, однако, намѣренія народа сорганизоваться въ могущественный союзъ, рабочую армію, которая выступитъ противъ капиталистовъ, если они станутъ противиться требованіямъ народа.

— Такъ, такъ!—поддержали крестьяне.

— Однако, среди насъ есть немало трусовъ, лицемѣровъ, колеблющихся, — замѣтилъ Желѣзнякъ: — неужели мы должны жертвовать собою и ради нихъ?

— Да!—отвѣтилъ Красная-Голова съ истиннымъ благородствомъ:—они принадлежатъ къ нашей семьѣ; единственный ихъ порокъ—бѣдность. Надо понять и простить. Они боятся.

Всегда скромно молчавшая жена Красной-Головы проговорила робкимъ голосомъ:

— Надо прекратить стачку уже ради того, чтобы мы не сдѣлались ненавистны живущимъ въ другихъ округахъ людямъ, ничего не знающимъ о нашихъ страданіяхъ. Нашей покорностью, требующей болѣе мужества, чѣмъ борьба, мы привлечемъ всеобщее сочувствіе.

— Хорошо сказано, женушка!

Красная-Голова нѣжно обнялъ жену, и Жермена вздрогнула отъ радости и гордости при видѣ взаимнаго довѣрія отца съ матерью. Глаза Расшибалы показались ей лучше прежняго, и она кокетливо увернулась, когда онъ тоже вздумалъ обнять ее за талію и тихонько поцѣловать въ щеку.

XIV.—Затишье.

Деревня спала.

На всей громадной равнинѣ не слышалось ни звука, не

мелькалъ ни одинъ огонекъ. Только рѣка глухо гудѣла. Буря улеглась; отъ садовъ и виноградниковъ поднимался влажный ароматъ—дыханіе животворящей весны. Солдаты спали тутъ же на улицѣ, подъ стѣнами клуба, а жандармы—на площади миссіи. Капитанъ воспользовался гостепріимствомъ Рабіоля, который, побаиваясь собственной смѣлости, чувствовалъ себя польщеннымъ присутствіемъ въ своемъ домѣ аристократа.

Въ серединѣ ночи земля задрожала отъ гула копытъ. Изъ Безье́ несся галопомъ эскадронъ кавалеристовъ. Префектъ, получивъ извѣщеніе о дурномъ поведеніи забастовщиковъ, испугался, чтобы слухи о немъ не проникли въ печать и не поколебали его положенія. Онъ былъ готовъ выслать всѣ войска въ мірѣ для усмиренія бунтовщиковъ.

Кавалеристы, раздосадованные ночною командировкою, внесли съ собою духъ презрѣнія и злобы. При звонѣ аммуниціи, лошади въ стройномъ порядкѣ поднимались въ гору, звонко и нетерпѣливо ударяя о землю копытами; вся деревня содрогнулась отъ этого возраставшаго гула. Крестьяне испуганно просыпались. Рано поутру они осторожно стали заглядывать другъ къ другу для совѣщанія. Кое-кто изъ бѣдняковъ, съ заступомъ на плечѣ, отправился тропинками въ поля, достаточно пострадавшія за время забастовки.

Сознавая свою отвѣтственность, главари стачки собрались у Красной-Головы, и тотъ безъ хвастовства посовѣтовалъ имъ смотрѣть опасности прямо въ глаза, выказать благоразуміе, терпѣніе, спокойствіе.

Кавалеристы, спѣшившись, разложили огонь и варили себѣ кофе, расположившись противъ почты. Командиръ эскадрона, бывшій старше чиномъ, принялъ на себя командованіе обоими отрядами. Начальникъ пѣхоты вышелъ къ нему навстрѣчу. Они съ небрежнымъ видомъ прогуливались по дорогѣ, чувствуя себя какъ въ завоёванной странѣ.

— При малѣйшей тревогѣ мы сядемъ на коней,—я заберу самыхъ безпокойныхъ и отправлю ихъ въ тюрьму,—заявилъ командиръ.

— Я убѣжденъ, что они не пошевельнутся, они слишкомъ хитры...

Заря занималась надъ долиной, пламенѣя какъ огненный кустъ, когда на дорогѣ показался экипажъ, въ которомъ сидѣли помощникъ префекта и прокуроръ. Они постучались сначала къ Рабіолю, потомъ—къ Пальу, который, уже совсѣмъ одѣтый, побѣжалъ открывать двери въ мэрію.

Мэръ, дѣлавшій видъ, что ничего не понимаетъ въ этой разыгрывавшейся кругомъ бурѣ, неторопливо одѣвался. Наконецъ, онъ предсталъ предъ ясныя очи префекта.

— Вы не сумѣли сдержать вашихъ подчиненныхъ, г. мэръ.

— Это не легко,—забормоталъ Рабіоль:—они не слушаютъ никакихъ резоновъ.

— Я заставлю ихъ слушаться! — прервалъ прокуроръ.— Вамъ извѣстны имена главарей стачки?

— Да... Можетъ быть... Вѣдь они горды, — они не станутъ скрываться.

— Есть нѣкій Красная-Голова; пусть приведутъ его.

— Слушаю,—отвѣтилъ сторожъ.

Онъ сконфуженно вошелъ въ домъ Красной-Головы и не зналъ, съ чего начать? Хозяинъ сидѣлъ съ семьею и товарищами за завтракомъ; понявъ, въ чемъ дѣло, онъ прервалъ сторожа.

— Не тревожься, другъ мой. Твои начальники дѣлаютъ намъ честь—они опасаются возрастающей народной силы. Но мы не боимся. Подожди минутку.

Онъ наполнилъ виномъ стаканы присутствующихъ и предложилъ выпить съ ними и сторожу.

Наверху въ кабинетѣ помощникъ префекта попытался импонировать своимъ высокомѣріемъ крестьянамъ, стоявшимъ у стѣнки. Онъ съ вызывающимъ видомъ обратился къ Красной-Головѣ.

— Вы—зачинщикъ стачки?

— Я, и я этого не отрицаю. Народъ идетъ за мною, чѣмъ я поистинѣ горжусь. Мы ни въ чемъ не обвиняемъ того или другого изъ богачей. Мы осуждаемъ богатство, превращающее землю въ феодальныя владѣнія, на которыхъ мы должны работать на нашихъ господъ или умирать съ голоду, если это имъ заблагоразсудится...

Прокуроръ прервалъ его рѣчь.

— Кто поджегъ изгороди и кусты? Кто попортилъ виноградники?

— Этого вы никогда не узнаете, такъ какъ и мы сами этого не знаемъ.

— Значитъ, все сдѣлалось само собою?

— Да, г. прокуроръ, вы правы. Все сдѣлалось само собою. Кто былъ бы отвѣтственъ за бурю, еслибы она разразилась надъ нашими виноградниками? Мы голодаемъ. Мы хотимъ жить— вотъ и все.

— Хорошо. Покуда я никого не арестую, но будетъ произ-

ведено дознаніе, и зачинщикамъ стачки придется отвѣтить за причиненные ею убытки.

— Ого!—лукаво замѣтилъ Разумникъ:—вы отпускаете насъ, такъ какъ этого требуютъ политическія соображенія. Насъ опасаются.

— Никого не опасаются. Довольно! Вы думаете, что вы здѣсь на площади? Сообщите ваше имя, имущественное положеніе и прочее.

Красная-Голова, а за нимъ и всѣ товорищи отвѣтили на предложенные имъ вопросы, не скрывая ничего. Префектъ съ презрѣніемъ наблюдалъ за этими плохо одѣтыми крестьянами, посмѣявшимися надъ его могуществомъ. Съёжившись на стулѣ, мэръ, прищурившись, глядѣлъ на долину Майреналь, надъ которою всходило солнце, золотившее верхушки тополей.

— Удалитесь!—приказалъ прокуроръ обвиняемымъ.

— Постойте!—воскликнулъ помощникъ префекта.—Вы уйдете не раньше, чѣмъ я заявлю вамъ о необходимости полнѣйшаго благоразумія съ вашей стороны. Я подавлю малѣйшій бунтъ самыми энергическими мѣрами. Ради интересовъ всего и всѣхъ, необходимо, чтобы вы немедля стали на работу.

— А если никто не возьметъ насъ?—буркнулъ Желѣзнякъ.

— Я уже заручился согласіемъ хозяевъ.

— Ага! Урокъ пошелъ имъ на пользу.

И Красная-Голова побѣдоносно удалился, уводя товарищей.

Въ деревнѣ, по крайней мѣрѣ по наружности, все притихло.

Крестьяне боялись выходить, чтобы не быть занесенными въ списки бунтовщиковъ; владѣльцы, несмотря на охрану, также не рѣшались показываться; всѣ не довѣряли другъ другу. Послѣ полудня Корнюберъ вышелъ первый, и, увидя себя среди солдатъ и забастовщиковъ, не кланявшихся ему,—онъ ощутилъ нѣкоторую неловкость. Въ часъ побѣды онъ упрекнулъ себя за неуступчивость и своею крестьянскою душою невольно почувствовалъ себя ближе къ народу.

Деревня мало-по-малу наполнялась любопытными, явившимися, отъ нечего-дѣлать, изъ окрестностей—поглазѣть на рѣдкое зрѣлище: солдатъ, чистившихъ оружіе. Они пришли также съ тѣмъ, чтобы утѣшить забастовщиковъ; къ вечеру подошли громадныя толпы, собиравшіяся изъ чувства признательности и уваженія у дома Красной-Головы. Подъ предлогомъ проводовъ гостей, незиньянцы вздумали развернуть для мирной демонстраціи всѣ свои силы, и по командѣ Красной-Головы они выстроились

въ полномъ порядкѣ вдоль дороги. По приказу командира, выстроились также и войска.

— Это — конецъ стачки, такъ пусть же будетъ конецъ — всему дѣлу вѣнецъ!—воскликнулъ Красная-Голова.—Развернемъ безъ шума и чванства наши ряды, противъ которыхъ ничто не устоитъ, если мы будемъ мужественны. Покажемъ, что у насъ есть воля и мы радостно умѣемъ выполнять наши рѣшенія.

Затрубили трубы, забили барабаны. Толпа съ горделивымъ чувствомъ въ душѣ двинулась впередъ размѣреннымъ шагомъ. Желѣзнякъ не безъ робости поднялъ красное знамя: не увидятъ ли въ этомъ власти оскорбленіе трехцвѣтнаго національнаго знамени?

Но мэръ и судья со снисходительной улыбкой присутствовали при боевыхъ маневрахъ крестьянъ. Мэръ, по примѣру помощника префекта, пренебрежительно и сострадательно улыбался.

А толпа двигалась по равнинѣ, озаренная послѣдними лучами заходящаго солнца. Ихъ знамя привлекало всѣ взоры; изъ городскихъ предмѣстій народонаселеніе бѣжало къ нимъ навстрѣчу, и бѣдные горожане махали шляпами деревенскимъ бѣднякамъ, побѣжденнымъ въ ихъ мужественной борьбѣ—голодомъ.

На обратномъ пути манифестанты остановились у незиньянскаго кладбища, чтобы поклониться праху Большой-Бобылки, пожертвовавшей жизнью за своихъ братьевъ и сестеръ. При встрѣчѣ со священникомъ, Красная-Голова первый его привѣтствовалъ, и товарищи безъ колебанія послѣдовали его примѣру. Они были не прочь показать военнымъ, что, несмотря на разницу въ убѣжденіяхъ, они умѣютъ уважать людей, дѣлающихъ добро.

Всѣ разошлись по домамъ. На улицѣ остались одни патрули, несшіе свою полицейскую службу.

Среди затишья, воцарившагося въ домахъ и сердцахъ, къ Жерменѣ вернулось сознаніе ея любви. Сегодня, при встрѣчѣ съ нею на дорогѣ, Корнюберъ отвернулся. Она начала трепетать за свою честь, за свои мечты о счастьи и богатствѣ. Неужели она служила игрушкою для богача? Влеченіе къ нему, къ Турбу, гдѣ она родилась, охватило мучительной болью все ея существо.

Вечеромъ, когда стемнѣло, она украдкою ускользнула изъ дому. На площади было тихо, дверь дома полуотворена, такъ что Жермена могла войти. Хозяинъ ужиналъ съ матерью въ сто-

ловой. На шумъ поспѣшныхъ шаговъ Жермены—въ прихожую выбѣжала старая служанка.

— Вамъ кого, дитя мое?

— Я хочу видѣть хозяина.

— Онъ не принимаетъ въ такое время.

— Меня онъ приметъ. Я хочу съ нимъ говорить, я этого требую.

Жермена такъ настаивала, что встревоженный Корнюберъ вышелъ въ прихожую. При видѣ смѣлой дѣвушки онъ вздрогнулъ.

— Вы... здѣсь?

Но въ присутствіи старой служанки Жермена молчала—изъ осторожности или изъ чувства стыда.

Тогда Корнюберъ, отпустивъ служанку, ввелъ Жермену въ свой рабочій кабинетъ и, предвидя сцену ревности, остерегся предложить ей стулъ.

— Что̀ это вы приходите въ такую пору?—проворчалъ онъ:— это безуміе!

— Нѣтъ. Вы должны сказать мнѣ: да или нѣтъ? Могу ли я положиться на васъ?

— На меня? Въ какомъ смыслѣ?

— Несчастная я! Вы не понимаете? Любите ли вы меня попрежнему: да или нѣтъ?

— Чортъ возьми, какъ вы торопитесь!

Онъ взялъ ее за подбородокъ—движеніемъ хозяина, который не прочь пошутить. Она вдругъ задрожала отъ негодованія и рѣзко оттолкнула его руку, чувствуя въ его жестѣ оскорбленіе.

— Вижу, вижу... Вы никогда меня не уважали. Неблагодарный и эгоистичный буржуа, не думаете ли вы, что я буду принадлежать вамъ, какъ животныя на вашей фермѣ? Пусть дочь маркиза васъ облагородитъ: вамъ, дѣйствительно, не мѣшаетъ поучиться благородству, уму, великодушію!

Она осыпала его упреками, сжимала кулаки. Растерявшись въ первую минуту и, быть можетъ, удрученный мыслью о ложныхъ клятвахъ любви, которыми онъ омрачилъ юное сердце Жермены, онъ оттолкнулъ ее.

— Уходите! Уходите отсюда! Вы еще болѣе дерзки, чѣмъ вашъ отецъ. Вы, значитъ, преслѣдовали меня только для того, чтобы я женился на васъ?

— Нѣтъ, потому что я васъ любила... Неблагодарный! Глупецъ!

— Вонъ! Убирайтесь вонъ!

Онъ схватилъ ее за руки и потащилъ по ковру къ двери: это была настоящая мужицкая драка. Ихъ крики, стукъ опро-

кинутой мебели—привлекли мать и служанку, вмѣстѣ прибѣжавшихъ на шумъ. При ихъ появленіи Жермену охватилъ страхъ, потомъ—стыдъ. Опустивъ голову, она шептала угрозы и проклятія, затѣмъ, выбѣжавъ въ прихожую, она однимъ прыжкомъ очутилась на улицѣ, гдѣ дыханіе звѣздной ночи освѣжало ручьи и дорожную пыль.

Въ домѣ водворилось сумрачное спокойствіе. Г-жа Корнюберъ, буржуазная душа которой страшилась вѣстей о несчастіи, могущемъ грозить ея дому, не рѣшалась разспрашивать сына. Но онъ, не желая лгать, прервалъ тяжелое молчаніе, приступивъ къ покаянію.

— Сознаюсь, что я былъ неправъ, внушая несбыточныя надежды дочери Красной-Головы и самъ обольщаясь ими.

— Я предупреждала тебя.

— Будемъ мужественны и станемъ смотрѣть впередъ, вмѣсто того, чтобы оглядываться назадъ. Во всякомъ случаѣ, я не могъ жениться на крестьянкѣ.

— Особенно—на этой, на дочери главаря стачки! Къ чему же тогда быть богатымъ? Но необходимо остерегаться: забастовщики шутить не любятъ.

— Ну, я не трусъ, это всѣ знаютъ. Когда нужно, я умѣю хотѣть, а хотѣть—это главное.

Корнюберъ отправился на собраніе хозяевъ, которое должно было окончательно обсудить въ клубѣ условія принятія на работу крестьянъ. Владѣльцы были уже въ сборѣ, не исключая и маркиза, улыбавшагося себѣ въ бороду. Усѣвшись вокругъ длиннаго стола, они снова устроили подобіе совѣта министровъ, причемъ каждый, конечно, не довѣрялъ сосѣду. Въ концѣ концовъ они согласились на всѣ требованія: земля нуждалась во всѣхъ рабочихъ рукахъ; она не могла дольше ждать.

Хозяева замѣтили, что при каждомъ голосованіи Корнюберъ, воздерживаясь отъ преній, лишь утвердительно кивалъ головою. Но когда рѣчь зашла объ увольненіи Азэмà, онъ непреклонно заявилъ:

— Азэмà—вѣрный человѣкъ, и я съ нимъ не разстанусь.

Онъ снова погрузился въ молчаніе, преисполненный горечи, между тѣмъ какъ ранѣе онъ весело и самоувѣренно отстаивалъ свои взгляды. Лантиссý осторожно обратился къ нему.

— Вы чѣмъ-то разстроены, Корнюберъ?.. Ужъ не жалѣете ли вы, что стачка окончилась?

— Конечно нѣтъ.

— Такъ радуйтесь съ нами.

Корнюберъ выпрямился; все его громадное тѣло содрогалось отъ презрѣнія, и, смѣривъ товарищей надменнымъ взглядомъ, онъ принялся отчитывать ихъ:

— Слабоумные вы—и ничего болѣе! Вы хвалитесь, что побѣдили грязноногихъ, но ихъ побѣдила бѣдность ихъ. Народъ прорвалъ плотину, и онъ всѣхъ васъ унесетъ въ бурѣ, которую сумѣетъ подготовить.

— Ну, полно! Вы—плохой пророкъ.

— Да развѣ вы не видите, что народъ силенъ вашимъ малодушіемъ? Такъ какъ вы слѣпы и глупы, я долженъ вамъ это сказать. Народъ знаетъ, чего онъ хочетъ. Вы—нѣтъ. Вы даже не умѣете защищаться. Въ немъ одномъ — жизнь, животворная сила труда. Онъ голоденъ, онъ страдаетъ, онъ желаетъ освободиться отъ нищеты. Необходимость жить одаритъ его геніальностью, и онъ съ помощью вашихъ капиталовъ, несмотря на васъ, идя противъ васъ, создастъ новый общественный строй...

— Извините, мы также работаемъ.

— Вы? Нѣтъ, вы смотрите, какъ работаютъ другіе. У васъ нѣтъ подъема, нѣтъ самолюбія, нѣтъ гордости. Вы слабѣете даже отъ жары, и для того, чтобы развлечься отъ скуки пресыщенныхъ буржуа, вамъ необходимы празднества, кутежи съ женщинами, съ виномъ, и въ особенности вамъ нужна игра! Вы завидуете другъ другу, между тѣмъ какъ страданіе сплочиваетъ рабочихъ въ одну семью. Ваши наслѣдники, во избѣжаніе обязанностей и тяготъ, а также потому, что у нихъ атрофировано святое чувство любви—не женятся. Наоборотъ, крестьяне, которые ничего не боятся, такъ какъ имъ нечего терять, населятъ всю землю своимъ потомствомъ и отнимутъ ее у васъ. Они одни будутъ любить землю и владѣть ею.

— Извините пожалуйста... Есть законъ, право собственности.

— Кто будетъ охранять ее, когда вы сами не можете этого сдѣлать? Солдаты, жандармы еще охраняютъ ее покуда. Но что̀ будетъ современемъ? Войско состоитъ изъ сыновъ народа, и впослѣдствіи оно перейдетъ на сторону народа. Видите ли: только сила можетъ отстоять свое право.

— Но что̀ же вы не женитесь, Корнюберъ?

— И женюсь... вотъ увидите, какъ только мнѣ вздумается!

Корнюберъ невольно бросилъ ласковый взглядъ на маркиза, который, словно сконфузившись, опустилъ голову. Корнюберъ отеръ свое красное лицо, поднялся и сталъ прохаживаться взадъ и впередъ, и никто изъ присутствовавшихъ не дерзнулъ остановить его или прервать его раздумье.

На дворѣ слышался глухой ропотъ, напоминавшій шумъ бури. Рабочіе ждали рѣшенія хозяевъ. Они знали, что оно будетъ благопріятнымъ, и довѣріе возрождалось. Люди съ интересомъ наблюдали за чистившими мундиры и оружіе солдатами, которые должны были уйти поутру. Мэръ отворилъ калитку въ свой садъ, почтмейстеръ болталъ съ крестьянскими дѣвушками.

Красная-Голова сидѣлъ у ручья; друзья окружали его. Онъ грустно заговорилъ:

— Народъ черезчуръ забывчивъ. Бьюсь объ закладъ, что еслибы изъ города прислали музыку, наши забастовщики пустились бы, для увеселенія богачей, въ плясъ подъ окнами клуба. Пойметъ ли народъ когда-нибудь свою силу? Проснется ли въ немъ сознаніе?

Слова Красной-Головы замирали въ ночи безъ отвѣта. Жермена, полускрытая телѣгою, пробормотала:

— Народъ не умѣетъ ненавидѣть.

Всѣ удивленно и радостно обернулись къ ней, но она уже исчезла во мракѣ, увлекая за собой Расшибалу.

— Куда мы идемъ?—спрашивалъ онъ.

— Я хочу опомниться послѣ дурного сна.

Они вышли на дорогу, ведшую къ Турбу. Въ усадьбѣ, грозной своимъ богатствомъ, свѣтился огонекъ, подобный звѣздочкѣ въ небесахъ.

— Пойдемъ!—говорила Жермена.—Я лгала себѣ самой. Я—тоже изъ семьи бѣдняковъ. Ты—храбрый человѣкъ, ты вѣришь въ землю. Судьба моя—жить съ тобою.

Она заставила его сѣсть рядомъ съ нею у обрыва и, сжимая его руки, возбужденно шептала среди лихорадочно-тревожной весенней ночи:

— Научи меня любить нашу родную землю ради нея самой, не ради богатства нашихъ владыкъ, чуждыхъ намъ душою... Когда мы женимся, и Господь пошлетъ намъ ребенка, пусть это будетъ дитя ненависти и мщенія...

Расшибало старался успокоить Жермену; онъ ласково помогъ ей встать, и они въ звѣздномъ сумракѣ рука-объ-руку пошли обратно въ деревню, откуда доносился радостный гулъ народной толпы.

Съ франц. О. Ч.

ГЕРГАРДЪ ГАУПТМАНЪ

Литературный очеркъ.

I.

Въ одной изъ своихъ статей, появившихся сперва въ русскомъ переводѣ съ рукописнаго оригинала въ „Вѣстникѣ Европы“ и вошедшихъ впослѣдствіи, вмѣстѣ съ другими критическими очерками, въ изданный авторомъ, въ 1880 г., сборникъ подъ общимъ заглавіемъ: „Le roman expérimental“,—Эмиль Зола предсказалъ близкое завоеваніе театра тѣмъ натурализмомъ, который, начиная съ Бальзака, продолжая Флоберомъ, Гонкурами и самимъ Зола, уже утвердился всевластно въ области романа. Зола, разумѣется, имѣлъ при этомъ въ виду только французскую литературу, зналъ только французскихъ натуралистовъ романа и эволюцію натурализма предвидѣлъ въ французскомъ же театрѣ. Едва-ли даже онъ слыхалъ въ то время о „Союзѣ юношества“ и „Подпорахъ общества“ Ибсена, хотя и появившихся на сценѣ ранѣе 1880 года.

Но, какъ бы то ни было, любопытно, что Зола сознавалъ неминуемость и даже близость нѣкотораго переворота въ драматическомъ творчествѣ, именно—въ направленіи натуралистическомъ. Сознаніе это имъ было выражено въ категорической формѣ. Неизбѣжность натуралистическаго переворота на сценѣ онъ указывалъ уже въ томъ обстоятельствѣ, что въ то время драматическое творчество отставало отъ творчества повѣствовательнаго, которое вдохновилось правдой, натурой, между тѣмъ какъ въ театрѣ продолжала господствовать условность. Такія возраженія тогдашней критики, что-молъ натурализмъ невозможенъ на сценѣ, Зола положительно отвергалъ, утверждая, что еслибы это

было вѣрно, еслибы театръ самой своей природой былъ осужденъ навсегда жить условностью и фикціями, то это являлось бы приговоромъ надъ самымъ значеніемъ театра, заставило бы думать, что современность охладѣетъ къ драматическому творчеству и даже забросить его. „Напротивъ, натуралистическая эволюція должна будетъ еще расшириться, она охватитъ новую область, такъ какъ въ этой именно эволюціи проявляется самый разумъ нашего вѣка... И театръ станетъ натуралистическимъ—или онъ перестанетъ существовать... Какимъ образомъ совершится эволюція, это намъ покажетъ завтрашній день. Я только пытаюсь ее предвидѣть, а для осуществленія ея ожидаю иниціативы генія. Повторяю однако, что театръ нашъ сдѣлается натуралистическимъ—или его не будетъ вовсе".

Теперь, читая эти строки, тридцать лѣтъ спустя, мы видимъ новый примѣръ, что и самыя чуткія чаянія, даже оправдавшіяся предсказанія, осуществляются на дѣлѣ не совсѣмъ въ томъ смыслѣ, какъ они разумѣлись высказывавшими ихъ прорицателями. Да и въ драматическомъ творчествѣ произошла эволюція; она уже начиналась въ то время, когда Зола̀ провидѣлъ ея неизбѣжность и ожидалъ только генія для ея осуществленія. Но началась она не на французской сценѣ, а на такой, о которой Зола̀ и не думалъ—на сценѣ норвежской. И притомъ иниціаторомъ ея явился если не геній, то очень крупный талантъ, не совсѣмъ, однако, подходившій, какъ по свойствамъ своимъ, такъ и по намѣреніямъ, къ роли „объективнаго собирателя человѣческихъ документовъ", какъ представлялъ себѣ Зола̀ писателя-натуралиста, совершенно покорнаго одному только наблюденію и придающаго литературному творчеству характеръ опытнаго, почти научнаго изслѣдованія физіо-психической жизни человѣчества.

Уже и самъ Зола̀ не удержался въ искусственной рамкѣ „опытнаго анализа надъ человѣческими типами, проводимыми сквозь различныя среды", но являлся въ значительной степени тенденціознымъ, то-есть, апріорнымъ. Иниціаторомъ же переворота въ творчествѣ драматическомъ явился Ибсенъ, писатель, одаренный богатой фантазіею, поэтъ, котораго увлекала гораздо болѣе борьба съ фальшью жизни, освобожденіе личности, изображеніе трагическаго противорѣчія между стремленіемъ духа и не только данными общественными условіями, но самыми предѣлами человѣческихъ силъ, чѣмъ та мнимо-научная экспериментація, какую имѣлъ въ виду Зола̀. Собственно говоря, и у самого-то Зола̀ „собираніе человѣческихъ документовъ" ограничи-

лось беллетристической иллюстраціей закона наслѣдственности. У Ибсена эта тема разработана въ „Призракахъ“,—съ нею же мы встрѣчаемся и у Гауптмана въ первой его драмѣ: „Восходъ солнца“, написанной прямо подъ вліяніемъ Золà. Но вообще нельзя сказать, чтобы въ новомъ драматическомъ творчествѣ тема эта преобладала.

Несомнѣнно, что творчество это преобразовалось на почвѣ натурализма. Драма приблизилась къ натуралистическому роману, какъ предсказывалъ Золà. Она стала обличать не только отдѣльныя черты общественной несправедливости, предразсудки и пороки, но и несоотвѣтствіе нѣкоторыхъ общепризнанныхъ идеаловъ потребностямъ жизни. Драма и комедія явились въ значительной степени отзвукомъ стремленій къ „общей переоцѣнкѣ цѣнностей“. А эта уже прямо революціонная черта сообщила сценѣ характеръ страстный, причемъ обычныя, природныя человѣческія страсти являлись только средствами дѣйствія, а дѣйствительной его цѣлью представлялась перестройка семейныхъ и общественныхъ отношеній въ смыслѣ расширенія свободы личности.

Въ этой эволюціи сценическаго творчества осуществились преимущественно тѣ требованія Золà, которыя относились къ формѣ. Языкъ на сценѣ сталъ проще, приблизился къ языку разговорному. Обязательная прежде нѣкоторая напыщенность въ изъявленіи чувствъ была изгнана, а вмѣсто нея часто стали появляться недоговоренность, опасеніе впасть въ фразу.

Драма и комедія не только приблизились къ натуралистическому роману, по смѣлости захватываемыхъ ими сюжетовъ, а отчасти и по естественности языка, но еще положительно отвоевали у романа то первенство его, на которое указывалъ Золà. Значеніе театра возросло, и романъ занялъ уже въ общественномъ вниманіи второе мѣсто. Сценическая эволюція не только оправдала эти предвидѣнія Золà, но, въ общемъ, пошла гораздо дальше его предвидѣній, настолько дальше, что въ концѣ представила собой даже и яркое противорѣчіе его ожиданіямъ.

Отъ натурализма и въ драмѣ, и въ повѣсти, осталось только то, что въ немъ было пригоднаго для всѣхъ временъ—точность въ наблюденіи и правдивость въ изображеніи жизни. Но въ остальномъ—беллетристическій натурализмъ, какъ отраженіе даннаго философскаго міровоззрѣнія, не могъ сдѣлаться послѣднимъ словомъ литературнаго творчества, какъ и всякая философская система не можетъ быть предѣломъ человѣческаго мышленія, а является только временнымъ этапомъ его историческаго развитія.

Скандинавскіе и германскіе писатели, которые обновили сцену, усвоили себѣ нѣкоторые пріемы натуралистической школы, но первостепенное ихъ значеніе заключалось не въ этомъ, а въ томъ, что они явились глашатаями новаго идейнаго движенія, направленнаго противъ той заурядности и стадности, которыя какъ бы окончательно санкціонировались позитивистскимъ ученіемъ о подчиненіи личности общему благу и объ экономическомъ характерѣ самаго этого блага.

Зола̀ видѣлъ въ романтизмѣ лишь кратковременное уклоненіе отъ школы „правды и научности“, которую онъ довольно произвольно производилъ отъ Руссо̀ и Дидро̀, а въ натурализмѣ усматривалъ окончательное возвращеніе литературы къ упомянутымъ лозунгамъ. Между тѣмъ оказалось, что чистый натурализмъ, если его и вести отъ Бальзака и Стендаля, продержался никакъ не дольше, чѣмъ романтизмъ, и во всякомъ случаѣ силою талантовъ далеко не сравнился съ эпохой Байрона, Гёте, Шиллера и Гюго̀. Авторъ „Опытнаго романа“ упускалъ изъ вида, что самому романтизму былъ присущъ характеръ протеста противъ обветшалыхъ формъ и стадныхъ предразсудковъ. Чайльдъ-Гарольдъ, Манфредъ, Фаустъ—вмѣщали уже очевидныя черты позднѣйшаго „сверхчеловѣчества“. Въ самой основѣ романтизма лежали стремленія къ освобожденію личности, съ признаніемъ исключительныхъ привилегій натуръ геніальныхъ, къ свободѣ порабощенныхъ національностей, также какъ и такъ называемый Weltschmerz, то-есть скорбь надъ трагическимъ противорѣчіемъ между врожденными стремленіями человѣчества къ познанію истины, достиженію счастья и какъ измѣняющимися, такъ и неизмѣнными условіями человѣческаго существованія, что̀ составляетъ суть и новѣйшаго пессимизма.

Романтизмъ представлялся въ сущности возвратной волной эпохи „возрожденія“. Ту эпоху Зола̀ совершенно не понялъ, видя въ ней нѣчто вродѣ преддверія къ французскому псевдо-классицизму XVII и XVIII столѣтій, между тѣмъ какъ это было пробужденіе правъ жизни противъ аскетизма и авторитета среднихъ вѣковъ. „Возрожденіе“ открыло двери передъ реформаціею, а вмѣстѣ съ послѣдней произвело и огромный переворотъ не только въ литературѣ, но и въ наукѣ, и даже въ политическомъ бытѣ государствъ.

И вотъ, то умственное движеніе, которое послѣдовало за періодомъ литературнаго натурализма, заняло у послѣдняго только извѣстные пріемы наблюденія, воспользовалось произведеннымъ натуралистами расширеніемъ рамокъ представленія, какъ въ ро-

манѣ, такъ и на сценѣ, но по духу своему представилось болѣе близкимъ къ романтизму, чѣмъ къ школѣ опытнаго наблюденія и констатированія явленій повседневнаго status quo.

Въ этомъ новомъ движеніи взяло опять верхъ стремленіе къ свободѣ личности, и наряду съ пессимизмомъ безвыходности человѣческой судьбы проявилось снова лихорадочное исканіе идеаловъ, которыхъ у натурализма, въ сущности, вовсе не было. Идея привилегированности высшихъ натуръ, „умственной знатности", проявившаяся у Ибсена и Ницше, переоцѣнка цѣнностей и „революціонированіе духа", обнаруженіе фальши въ установившихся человѣческихъ отношеніяхъ и даже добродѣтеляхъ, необходимость пересозданія общественнаго и семейнаго быта, протестъ противъ деспотизма большинства, то-есть толпы, все это— черты революціонныя, которыя болѣе сродны романтизму и даже „возрожденію", чѣмъ мертвенной прозекторіи отжившаго натурализма.

Процвѣла вновь и поэзія. Характерно уже то, что иниціаторы новаго литературнаго направленія всѣ были болѣе или менѣе поэтами. Движеніе это представило собой новую пору увлеченія, смѣнившую предшествовавшій ей періодъ буржуазно-позитивистской трезвости. Тому періоду предшествовалъ порывъ романтизма, смѣнившаго педантическую формалистику псевдо-классицизма. А самое созрѣваніе новѣйшихъ литературъ вышло изъ бурной эпохи „возрожденія", которое потеряло старинные своды средневѣковой умственной неволи.

Каждый изъ этихъ періодовъ почиталъ себя, въ свою очередь, окончательнымъ, но въ дѣйствительности былъ только переходной ступенью. И не можетъ быть сомнѣнія, что современная стадія пессимистическаго неоромантизма также придетъ къ концу, уступитъ мѣсто новому напряженію мысли положительной, созидательной, какъ того требуетъ неизмѣнный законъ поочередной смѣны порыва отрезвленіемъ.

Неизбѣжность будущаго и, по всей вѣроятности, недалекаго новаго поворота въ литературѣ указывается уже тѣмъ фактомъ, что въ жизни политической и соціальной пріобрѣтаютъ все бòльшее значеніе стремленія народныхъ массъ, по которымъ современные литературные идеалы скользятъ почти безслѣдно. Возрастаніе заработковъ въ городахъ и вѣроятное въ скоромъ времени сокращеніе рабочаго дня сдѣлаютъ театръ доступнымъ для новыхъ контингентовъ зрителей, а подъемъ образованія въ массѣ городского населенія несомнѣнно долженъ будетъ отвлечь интеллигентныхъ рабочихъ отъ спеціальныхъ, такъ называемыхъ „на-

родныхъ театровъ“ и включить ихъ въ составъ той публики, съ которой драматическіе писатели должны считаться.

II.

Обратимся теперь къ одному изъ виднѣйшихъ представителей той эволюціи въ драматическомъ творчествѣ, которую мы должны еще считать современною, хотя она началась тому уже болѣе тридцати лѣтъ. Напомнимъ, что „Комедія любви“, которую недавно вновь ставили въ Петербургѣ, была играна въ первый разъ еще въ 1863 году, а „Союзъ юношества“ относится къ 1869 году. Самъ Ибсенъ не вѣрилъ въ долговѣчность идеаловъ и устами своего доктора Штокмана высказалъ такое положеніе, что „нормально сложившаяся истина живетъ обыкновенно пятнадцать, самое большее—двадцать лѣтъ, рѣдко дольше“. Но и такія „престарѣлыя“ истины, признаваемыя большинствомъ, онъ объявлялъ уже отживающими, обратившимися въ ложь. А вѣдь послѣдняя эволюція, болѣе чѣмъ всѣ предшествовавшія ей, считала себя приближеніемъ къ „истинѣ“. Но если считать по годамъ, то эта сценическая истина должна бы быть признана немного менѣе престарѣлой, чѣмъ самый тотъ натурализмъ, изъ котораго она первоначально вышла, но черезъ который она затѣмъ отчасти перешагнула въ область фантазіи и символики.

Гергардъ Гауптманъ выступилъ на сценѣ незадолго передъ тѣмъ, какъ Ибсенъ пересталъ писать для нея. Гауптману теперь всего сорокъ-четыре года, такъ что ему, по всей вѣроятности, предстоитъ еще продолжительная дѣятельность, а написано имъ уже пятнадцать пьесъ. Съ каждымъ годомъ является новое его произведеніе, а въ иномъ году и два. Такъ, къ минувшему году относится пьеса „Und Pippa tanzt“, названная имъ „сказкой со стекляннаго завода“, а въ сентябрѣ имъ уже окончено новое произведеніе. Во всякомъ случаѣ, значеніе Гауптмана въ современной эволюціи уже опредѣлилось вполнѣ, а ожидать отъ него раскрытія какого-либо новаго пути не имѣется основанія. Но для того именно, чтобы обозначить значеніе этого писателя, представлялось необходимымъ бросить взглядъ на характеръ самой эволюціи. Только послѣ этого мы можемъ обратиться къ сопоставленію его съ Ибсеномъ и затѣмъ уже ближе прослѣдить, по отдѣльнымъ произведеніямъ, личныя черты творчества наиболѣе популярнаго изъ новѣйшихъ германскихъ драматурговъ.

Какъ уже было замѣчено выше, первая пьеса Гауптмана,

поставленная на сценѣ въ 1889 году, была написана подъ прямымъ вліяніемъ натурализма, какъ его понималъ Зола̀. Незадолго передъ тѣмъ Гауптманъ провелъ нѣкоторое время въ кружкѣ молодыхъ нѣмецкихъ литераторовъ, исповѣдывавшихъ именно принципъ обновленія повѣсти и театра въ смыслѣ точнаго наблюденія жизни въ мелкой средѣ, съ точки зрѣнія „научной“, то-есть, скорѣе въ видѣ провѣрки выводовъ уголовной статистики. Воспроизведеніе же наблюдаемыхъ фактовъ должно было совершаться съ неумолимымъ реализмомъ, что̀, уже само по себѣ, раздвинуло бы установленныя до того времени рамки.

Это направленіе прежде всего сказалось у Гауптмана въ повѣсти „Стрѣлочникъ Тиль“ (Bahnwärter Thiel). Здѣсь, описывая почти затворническую жизнь мелкаго и темнаго человѣка, авторъ ввелъ въ нее страшную трагедію—убійство мужемъ жены и ребенка, вслѣдъ за потерею другого ребенка по винѣ жены. Здѣсь и сфера точнаго наблюденія выбрана самая простая и ограниченная, и описаній много, а разговоровъ почти нѣтъ, и картина убійства представлена достаточно реалистически. Здѣсь выведенъ простой человѣкъ, который уже десять лѣтъ сидитъ въ той же будкѣ и механически повторяетъ ежедневно одни и тѣ же несложныя дѣйствія, но тоскуетъ по первой умершей женѣ, съ которой его соединяла „любовь болѣе одухотворенная“, и будка, въ которой онъ сторожитъ поѣзда, превращается для него какъ бы „въ капеллу“, гдѣ онъ чтилъ память покойной, читалъ библію и хоральную книгу, держа передъ собой поблекшую фотографію той жены и прислушиваясь къ таинственнымъ звукамъ телефонной проволоки, которые говорили ему о той же женѣ. Это свое убѣжище онъ считалъ священнымъ и прибѣгалъ къ разнымъ хитростямъ, чтобы не допускать туда свою вторую жену, съ которой онъ сошелся только по страсти половой.

Тутъ изъ-за натурализма уже проглядывало нѣчто иное. Впослѣдствіи это „иное“ проявлялось у Гауптмана все сильнѣе, охватывая автора, независимо отъ задачъ, которыя онъ самъ себѣ ставилъ. И именно это-то иное, личное, и опредѣлило особенное значеніе Гауптмана среди плеяды писателей, въ которыхъ недавняя эволюція нашла свое выраженіе.

Гауптманъ по природѣ своей — поэтъ, въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ Ибсенъ. Правда, и Ибсенъ увлекался фантазіею, которая порою проявлялась даже слишкомъ необдуманно. Но фантазія уносила норвежскаго писателя только въ міръ мрачной необычайности. Въ этой фантазіи была сила, но ей недоставало

того богатства красокъ, той мягкости чувства и задушевности, которыми плѣняетъ Гауптманъ.

Вотъ почему наиболѣе замѣчательными представляются тѣ драматическія произведенія Ибсена, въ которыхъ фантазія или отсутствуетъ, или сдерживается строгою рукой наблюдателя, обличителя, революціонера. У Гауптмана же—совсѣмъ наоборотъ—самыя сильныя, художественныя и производящія наибольшее впечатлѣніе—это тѣ картины, въ которыхъ онъ предоставилъ полную свободу своей поэтической природѣ.

Такимъ образомъ, въ принятомъ имъ на себя призваніи анатома семейныхъ и общественныхъ отношеній Гауптманъ является въ прямой зависимости отъ Ибсена. Но какъ поэтъ, какъ художникъ символическихъ картинъ, онъ не только совершенно самостоятеленъ, но и стоитъ значительно выше Ибсена. И несмотря на нѣсколько выдающихся произведеній Гауптмана, которыя имѣютъ характеръ преимущественно аналитическій и могли бы принадлежать и Ибсену, и Зудерману, позволительно догадываться, что еслибы онъ не ставилъ себѣ никакихъ публицистическихъ задачъ, а просто слѣдовалъ бы своему поэтическому влеченію, то онъ, быть можетъ, занялъ бы въ литературѣ мѣсто еще болѣе значительное, чѣмъ то, которое принадлежитъ ему уже и теперь. Какъ самонадѣянны ни были претензіи натурализма, какъ ни носился Зола̀ съ идеей научнаго, опытнаго романа, навязывая и драмѣ „опытную" задачу—собиранія человѣческихъ документовъ,—но поэзія не умерла. И однимъ изъ яркихъ тому доказательствъ служитъ тотъ фактъ, что, собственно съ точки зрѣнія искусства, критика во всѣхъ странахъ не можетъ не признавать прелести такого произведенія, какъ „Ганнеле", а въ Германіи нашлись и такіе критики, которые ставили „Потонувшій колоколъ" наряду съ Гётевскимъ „Фаустомъ". Такова еще и надъ современнымъ человѣчествомъ сила поэзіи, лѣтъ тому тридцать считавшейся уже едва-ли не пережиткомъ умственнаго ребячества, забавлявшагося сказкой.

И если Гауптманъ не предался совершенно поэзіи, сбросивъ съ себя то призваніе, которое, по его мнѣнію и по примѣру другихъ, налагалось на него даннымъ литературнымъ направленіемъ, то это вина самого характера этого человѣка, нецѣльности натуры, которая постоянно искала разныхъ путей и колебалась въ выборѣ того или другого. Онъ учился въ реальной школѣ, курса которой не кончилъ; потомъ учился практически сельскому хозяйству, но хозяиномъ не сдѣлался; занимался скульптурой, имѣлъ даже мастерскую въ Римѣ, между тѣмъ какъ

его уже издавна влекло къ поэзіи. Онъ долго колебался между этими двумя „музами“. Всю эту внутреннюю борьбу онъ описалъ въ стихотвореніи, относящемся къ 1884 году, когда онъ поступилъ въ дрезденскую академію искусствъ и работалъ въ рисовальномъ классѣ:

Sie nahen ihm, sie nehmen ihn gefangen.
Die spricht: „Durch mich!“ Die spricht: „Durch mich sei gross!“ [1])

Выходитъ, какъ будто музы поочередно плѣняли своего непостояннаго поклонника не столько характеромъ своей красоты, сколько обѣщаніемъ блестящей карьеры. Но колебанія эти все-таки тягостно отзывались на его душѣ; онъ говоритъ о нестерпимомъ мученіи этой тяжкой борьбы и проситъ ту или другую изъ этихъ музъ, внушавшихъ ему уже страхъ, удержать его напослѣдокъ и окончательно при себѣ:

„Er bittet jede seiner Schreckgestalten,
Ihn endlich, endlich einmal festzuhalten“.

Курса академіи Гауптманъ также не кончилъ, какъ не кончилъ прежде и курса школы искусствъ въ Бреславлѣ, но, благодаря покровительству полюбившаго его профессора, получилъ свидѣтельство академическаго ученика, давшее ему право на отбытіе одногодичной воинской повинности. Уже близкая будущность показала, что онъ былъ правъ, отдавъ, наконецъ, предпочтеніе поэзіи. Но и по самому характеру Гауптмана едва-ли онъ могъ выдержать продолжительное ученье, необходимое, чтобы вполнѣ овладѣть техникой пластическаго искусства.

Стихомъ же онъ замѣчательно владѣлъ уже и въ то время. По ходатайству другого профессора, ему было разрѣшено, какъ посѣщавшему курсы искусства, матрикулироваться въ іенскомъ университетѣ. Тамъ онъ слушалъ только нѣкоторые, интересовавшіе его, но совсѣмъ разнородные предметы, какъ зоологію и эпоху французской революціи, курсъ о раскопкахъ въ Помпеѣ и лекціи о Гёте. Потомъ Гауптманъ отправился изъ Гамбурга на каботажномъ пароходѣ по Атлантическому океану въ Средиземное море, посѣтилъ Испанію и Италію, проведя большую часть времени въ Миланѣ и на Капри.

Изъ іенскаго университета Гауптманъ вынесъ главнымъ образомъ посвященіе въ то умственное движеніе, которое преобладало въ началѣ 80-хъ годовъ, и этимъ былъ обязанъ болѣе

[1]) Муза скульптуры и муза поэзіи „подходятъ къ нему и плѣняютъ его. И та, и другая говорятъ: мною стань великъ!“

кружку товарищей и нѣкоторымъ знакомымъ, чѣмъ систематическому научному труду. Онъ все еще оставался искателемъ истиннаго своего призванія, и одно время думалъ поступить на сцену. Въ 1885 г., пріѣхавъ въ Берлинъ, онъ сталъ изучать сценическое искусство подъ руководствомъ бывшаго директора страсбургскаго театра. Этимъ новымъ призваніемъ онъ увлекся такъ серьезно, что даже подвергся небольшой операціи, которая оказывалась необходимой для приданія голосу чистоты. Вмѣстѣ съ тѣмъ Гауптманъ и въ Берлинѣ посѣщалъ еще университетъ, но въ томъ же году женился и уѣхалъ въ Швейцарію. Затѣмъ, живя два года въ Цюрихѣ, онъ обратился къ новой отрасли знанія, а именно слушалъ въ тамошнемъ университетѣ курсы медицинскій и психіатрическій. Возвратясь въ Берлинъ, Гауптманъ поселился въ дачной мѣстности Берлина и прожилъ тамъ четыре года. Онъ познакомился съ берлинскимъ литературнымъ міромъ и уже окончательно отдался „музѣ“ поэзіи. Но, между прочимъ, въ это время онъ занялся исторіею религіозныхъ вѣрованій и собирался даже писать жизнеописаніе Іисуса.

III.

Уже изъ самаго этого перечня столь многоразличныхъ цѣлей, которыми увлекался Гауптманъ, прежде чѣмъ обратился къ настоящему своему призванію,—а именно, къ драматическому творчеству,—ясно, что онъ не могъ быть, подобно Ибсену, самостоятельнымъ и цѣльнымъ пропагандистомъ „революціи духа“ и вообще какого-либо опредѣленнаго міровоззрѣнія. Многократные его переходы отъ одной области знанія или искусства къ другимъ обнаруживали не столько исканіе истины съ готовностью усвоить ее упорнымъ трудомъ и проводить послѣдовательно, сколько жажду пытливой души къ разнообразнымъ впечатлѣніямъ, увлеченіе всѣмъ тѣмъ, что его поочередно заинтересовывало и ему нравилось въ смыслѣ скорѣе эстетическомъ, чѣмъ философскомъ.

Такъ, и обратившись уже окончательно къ драматическому творчеству, Гауптманъ сохранилъ въ себѣ раздвоенность. Онъ является то натуралистомъ съ примѣсью поэтической фантазіи, то совершеннымъ идеалистомъ по духу, съ добавкою нѣсколько реалистическихъ пріемовъ, какъ бы съ цѣлью придать фантазіи еще и реальное, поучительное значеніе. Надо признать, что у него есть такія прекрасныя произведенія, въ которыхъ реализмъ положительно преобладаетъ, но, несомнѣнно, выше тѣ, въ кото-

рыхъ авторъ даетъ полную волю своей поэтической натурѣ и реалистическимъ пріемамъ отводитъ уже только подчиненную роль, какъ бы въ видѣ уступки „требованіямъ времени“.

Иные нѣмецкіе критики объясняли эту „разбросанность“ Гауптмана въ поискахъ за призваніемъ тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ съ дѣтства былъ обезпеченъ въ средствахъ жизни и не былъ принужденъ избирать себѣ профессію. Но на опредѣленной профессіи,—а именно, на литературно-драматической—Гауптманъ все-таки остановился въ молодые еще годы. Ему было двадцать-семь лѣтъ, когда появилась въ печати первая его драма—„Передъ восходомъ солнца“, и затѣмъ онъ уже работалъ въ этой области постоянно и дѣятельно, хотя не имѣлъ въ томъ матеріальной необходимости. Что, несмотря на свою обезпеченность, онъ постоянно рвался къ разнымъ видамъ творчества—въ этомъ, несомнѣнно, проявлялась его художественная натура. И въ этомъ-то именно преобладаніи въ природномъ складѣ ума Гауптмана артистичности и представляется, какъ уже замѣчено выше, его особое значеніе, творческая индивидуальность этого поэта среди подвижниковъ той эволюціи, которую можно назвать именемъ Ибсена.

Гергардъ Гауптманъ родился въ 1862 г. въ Зальцбруннѣ, въ прусской Силезіи. Отецъ его былъ тамъ содержателемъ гостинницы, а дѣдъ—ткачомъ. Впослѣдствіи дѣла отца пошли хуже, онъ долженъ былъ продать гостинницу и взять въ аренду содержаніе буфета на желѣзной дорогѣ. Старшимъ сыновьямъ дано было образованіе уже раньше, а Гергарда отецъ долженъ былъ взять изъ четвертаго класса реальнаго училища и отправить его къ достаточнымъ родственникамъ, въ деревню, учиться сельскому хозяйству. Тамъ юноша былъ вполнѣ обезпеченъ, а впослѣдствіи тотъ дядя по матери, у котораго онъ проживалъ, потерялъ сына и усыновилъ Гергарда, давъ ему и средства продолжать научныя занятія. Наконецъ, имѣя вчего двадцать-два года, молодой Гауптманъ женился на дочери богатаго берлинскаго купца, который занимался и банкирскими дѣлами. Два старшіе его брата были уже женаты на дочеряхъ того же купца.

Женитьба, казалось, уже окончательно обезпечила Гауптману независимость и даже значительныя средства. Но когда, по смерти его тестя, наслѣдники этого послѣдняго подѣлились капиталомъ, вырученнымъ изъ продажи имущества купца, то капиталъ этотъ пропалъ при банкротствѣ того лица, у котораго онъ хранился. Но случилось такъ, что почти одновременно умеръ богатый родственникъ, послѣ котораго осталось со-

стояніе, примѣрно равное потерянному капиталу. Такимъ образомъ, Гергардъ Гауптманъ, какъ человѣкъ состоятельный, не имѣлъ надобности работать во что бы то ни стало и по заказу.

Вообще, онъ никогда не испыталъ нужды, и это обстоятельство не могло не повліять на его творчество. Пессимистическій элементъ выступалъ въ немъ только согласно съ духомъ времени, но безъ того озлобленія, какое могутъ внушать тяжкая личная борьба и лишенія. Природная мягкость могла скорѣе выразиться у него въ чрезмѣрной чувствительности, но онъ избѣгнулъ ея, быть можетъ, благодаря дозѣ кремнеземнаго пуританства, въ которомъ онъ воспитывался еще въ отцовскомъ домѣ, а затѣмъ и въ семьѣ дяди, въ деревнѣ, гдѣ уже преобладалъ духъ прямо гернгутерскій.

Когда у него самого были уже дѣти, Гергардъ Гауптманъ купилъ усадьбу въ горной Силезіи, въ полосѣ такъ называемыхъ Исполинскихъ горъ (Riesengebirge), гдѣ народнымъ воображеніемъ издавна создано было сказочное царство. Тамъ, среди живописной природы и въ близкомъ общеніи съ рабочимъ населеніемъ, изъ котораго, какъ уже упомянуто, происходила и отцовская его семья, Гауптманъ написалъ лучшія свои произведенія. Однако, часть времени онъ проводилъ въ Берлинѣ или заграницей.

Но уже и отдавшись окончательно литературѣ, онъ колебался еще въ выборѣ рода творчества. Инстинктивно онъ началъ съ драмы, и, по примѣру Ибсена, съ драмы изъ жизни древняго Рима. Но „драматическая поэма“—„Наслѣдіе Тиверія“,—посланная имъ въ Берлинъ для постановки на сценѣ, затерялась въ рукописи. Затѣмъ онъ написалъ нѣчто въ родѣ авто-психологическаго эпоса, вещь, смахивающую на подражаніе Байрону, слишкомъ неопредѣленную по мысли и неудачную по формѣ. Въ этомъ убѣдился самъ авторъ, когда увидѣлъ ее въ печати. Едва она успѣла поступить въ продажу, какъ авторъ уничтожилъ все изданіе.

Въ 1888 г., Гауптманъ послалъ въ ежемѣсячный журналъ „Das humoristische Deutschland“ разсказъ подъ страннымъ заглавіемъ: „Пока Богъ беретъ, беру и я“,—но редакція его не напечатала, и разсказъ этотъ также пропалъ. Въ томъ же году Гауптманъ отдалъ въ печать сборникъ стихотвореній подъ именемъ „Пестрой книги“. Стихи онъ началъ писать еще мальчикомъ, на школьныхъ тетрадкахъ. Но и на этотъ разъ какой-то злой рокъ отозвался на первыхъ литературныхъ опытахъ писателя. Когда книжка была уже набрана, издатель попалъ подъ конкурсное управленіе, и книга отпечатана не была, а у автора

осталась только корректура. Опять стихи ему въ печати не понравились, и онъ велѣлъ разобрать шрифтъ.

Въ одномъ изъ тогдашнихъ стихотвореній Гауптмана ясно выражено, какъ онъ понималъ въ то время свое призваніе. Надо привести нѣсколько строкъ. „Духъ идеала, будь свидѣтелемъ, что я свободенъ отъ всякой суетной робости и повинуюсь только стремленію моей души. Я не могу пѣть подобно Филомелѣ, я — пѣвецъ той мрачной долины, гдѣ борются мракъ со свѣтомъ, гдѣ гигантское стремленіе кружится въ судорогахъ, а радости питаются страданіемъ. А ты, бѣдный народъ, къ которому я самъ себя причисляю, не бойся отъ меня слова укоризны. Слишкомъ много душителей ходятъ среди твоихъ рядовъ, и я не стану однимъ изъ нихъ, да сохранитъ меня Богъ, котораго я хотѣлъ бы найти. Если во мнѣ кипитъ гнѣвъ, то предметомъ его—твои страданія, тебѣ я желаю только блага. Ты не завидуй мнѣ, я — твой, и каждая изъ моихъ стрѣлъ поражаетъ перваго—самого меня".

Итакъ, Гауптманъ былъ убѣжденъ, что призваніе его— утилитарно-общественное, что талантъ его предназначенъ къ службѣ освобожденія массъ, къ борьбѣ съ соціальной несправедливостью, съ тѣми фикціями, которыхъ держится зданіе рабства. Однако обзоръ драматическаго творчества поэта покажетъ, что къ этой категоріи могутъ быть отнесены только двѣ изъ его пьесъ, изъ которыхъ въ одной дѣйствіе происходитъ въ сороковыхъ годахъ, то-есть на цѣлыхъ полвѣка ранѣе той дѣйствительности, какая представлялась въ 1893 году, а въ другой—сюжетъ и историческія лица взяты изъ эпохи Лютера, Мюнцера и крестьянскихъ войнъ.

Затѣмъ, въ большинствѣ своихъ драмъ и комедій Гауптманъ разработывалъ уже только тему о слабости семейныхъ устоевъ и другую, Ибсеновскую тему индивидуализма. Наконецъ, въ двухъ фантастическихъ его картинахъ проявился уже весь блескъ его таланта и такая поэтичность, а вмѣстѣ и техническая красота стиха, какихъ невозможно было и предвидѣть по примѣру тяжеловатыхъ и вмѣстѣ расплывчатыхъ его стихотвореній изъ періода „идейнаго исканія". Но оба послѣдне-упомянутыя произведенія имѣютъ характеръ фантастическій. Они совершенно выдаются, стоятъ особнякомъ, какъ порожденныя свободной силой поэтическаго творчества, не запряженной въ рыдванъ соціологической тенденціи.

Сопоставляя упомянутое выше „credo" или программу, которая предвѣщала мрачными трубными звуками его послѣдующее по-

бѣдное драматическое шествіе, нельзя не признать, что онъ намѣревался идти не туда, куда его предназначало истинное призваніе, то-есть самая природа его блестящаго поэтическаго дарованія. Но естественно, что такой талантливый писатель сумѣлъ превосходно справиться въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ и съ такими темами, которыя менѣе соотвѣтствовали природѣ его творческой силы.

IV.

Въ этомъ отношеніи наиболѣе характерно первое драматическое произведеніе Гауптмана, представленное въ 1889 году на сценѣ въ Берлинѣ,—„соціальная драма“ (она такъ и названа)—„Передъ восходомъ солнца“. Натурализмъ Зола уже нѣкоторое время передъ тѣмъ проповѣдывался въ Германіи нѣкоторыми молодыми писателями, которыми и сдѣланы были опыты осуществить эту теорію. Стали являться повѣсти, написанныя по всѣмъ правиламъ натурализма. Такъ и Гауптманъ выступилъ въ этой первой драмѣ въ сознаніи соціальной миссіи писателя, имѣющаго задачей обличать господствующія пошлость и невѣжество, противопоставивъ имъ типъ „новаго человѣка“, который изучаетъ бытъ рабочей массы и намѣренъ посвятить свою жизнь борьбѣ за ея освобожденіе. Для личнаго счастья онъ, собственно, отводитъ въ своей жизни только малую часть, подчиненную его общественной идеѣ.

Человѣкъ этотъ случайно попадаетъ въ среду, совершенно враждебную альтруистическимъ помысламъ, а именно—къ бывшему школьному товарищу, инженеру, который женился на дѣвушкѣ принадлежащей къ крестьянской семьѣ, внезапно разбогатѣвшей, вслѣдствіе открытія въ той мѣстности богатыхъ залежей угля. Крестьяне эти разбогатѣли такъ, что ни въ чемъ себѣ не отказываютъ, окружаютъ себя импровизированной грубой роскошью, пьютъ шампанское, имѣютъ на столѣ дорогіе фарфоръ и хрусталь, занимаются охотой и, разумѣется, бросили личный трудъ, сваливъ земледѣльческую работу на наемныхъ людей. Мужчины, а отчасти и женщины—спились, и среди роскоши животные инстинкты проявляются въ прежней, грубой наивности. Такъ стали жить крестьяне въ цѣломъ томъ округѣ, гдѣ подъ принадлежащей имъ землей открылись ископаемыя сокровища.

Семья Краузе, которую мы видимъ на сценѣ, является только типомъ мѣстнаго быта, и, конечно, краски на этомъ типѣ сгу-

щены со всей неумолимостью реалистической „правды". Соціальная миссія писателя, это—одно изъ требованій натурализма; а затѣмъ другое—это, именно, неумолимая правдивость бытовыхъ картинъ, не смущенная никакимъ жеманствомъ, поражающая яркостью красокъ. Самъ старикъ Краузе всѣ дни проводитъ въ кабакѣ, ничего не знаетъ о томъ, что̀ происходитъ у него въ домѣ, и каждый вечеръ возвращается до такой степени пьянымъ, что постоянно спотыкается и падаетъ, пытается пѣть и говорить самъ съ собой, но произноситъ только отрывочныя слова. Разъ онъ даже непристойно пристаетъ къ собственной дочери.

Хозяйка дома, вторая жена Краузе—грубая крестьянка, играющая изящную даму, щеголяющая нелѣпо-франтовскими нарядами, которыхъ она не умѣетъ носить, и мнимо „господскими" словами, которыя она коверкаетъ, такъ какъ знаетъ только силезскій діалектъ, густо пересыпаемый бранными словами. Она имѣетъ любовника, своего двоюроднаго брата, молодого деревенскаго шалопая, который хочетъ играть роль спортсмена и стрѣляетъ по домашней дичи—курицамъ, гусямъ, мышамъ, да еще по ласточкамъ.

Не могъ, разумѣется, быть забытъ и законъ наслѣдственности. Старшая дочь Краузе, выданная за инженера Гофмана—отъявленная пьяница, которая не показывается на сценѣ, такъ какъ она постоянно „подвыпивши", даже въ то время, какъ находится въ послѣднихъ дняхъ беременности. А раньше она имѣла ребенка, который пилъ водку съ тѣхъ поръ, какъ сталъ ходить, и, имѣя три года отъ рожденія, выпилъ стклянку съ уксусной эссенціей, думая, что въ ней водка. Наконецъ, эта же сестра героини пьесы, Елены Краузе, родитъ мертваго ребенка.

Но едва-ли въ этой коллекціи антипатичныхъ типовъ не слѣдуетъ отдать первенство самому инженеру Гофману. Онъ присосался къ этой богатой и пьяной семьѣ въ надеждѣ забрать все въ свои руки и совершенно мирится съ этой грязью, среди которой живетъ. Онъ показываетъ привязанность къ пьяной женѣ, съ уваженіемъ поддакиваетъ развратной тещѣ, укрываетъ передъ посторонними совсѣмъ уже скотскую фигуру стараго Краузе, а свояченицу Елену, которая, одна изъ всей семьи, страдаетъ отъ этой обстановки, онъ пытается соблазнить. Со школьнымъ товарищемъ своимъ Лотомъ онъ споритъ какъ типичный филистеръ, съ виду осуждая только его радикальныя крайности, но увѣряя, что въ основныхъ принципахъ съ нимъ согласенъ. „Только не спѣшить, не форсировать событій—и все само собою придетъ".

Онъ даже охотно ссужаетъ этому сторожу-пріятелю двѣсти марокъ, которыя тотъ попросилъ на всякій случай, пока ему вышлютъ гонораръ изъ редакціи. Но зато онъ усиленно уговариваетъ этого пріятеля отказаться отъ намѣренія посѣщать копи, изслѣдовать бытъ рабочихъ, въ видѣ собиранія матеріала для литературнаго труда, потому что изъ этого „непремѣнно выйдетъ памфлетъ". Когда же Лотъ настаиваетъ на своемъ намѣреніи, такъ какъ пріѣхалъ въ данную мѣстность съ этой именно цѣлью, то Гофманъ въ досадѣ снимаетъ маску, громитъ агитаторовъ, которые распространяютъ недовольство и протесты среди рабочихъ. На упреки же Лота, что онъ теперь только показалъ себя въ истинномъ свѣтѣ, Гофманъ заявляетъ, что ему нѣтъ никакой надобности прятаться съ тѣмъ, что̀ онъ дѣлаетъ, — полезная его дѣятельность всѣмъ извѣстна, и она-то поставила его въ такое положеніе, что онъ не нуждается въ выманиваніи у кого-либо денегъ. Тогда Лотъ разрываетъ въ куски и бросаетъ данный ему чекъ.

При первомъ представленіи пьеса эта вызвала бурю. Бо̀льшая часть публики была возмущена слишкомъ реальнымъ представленіемъ грязныхъ подробностей, а другая, преимущественно молодая часть, восторженно апплодировала смѣлому новатору, который пытался ввести на германскую сцену элементъ бытовой правды. Критика также раздѣлилась, но и въ ней большинство голосовъ было противъ Гауптмана. Отмѣтимъ мимоходомъ, что пьеса эта была дана на театрѣ „Freie Bühne", вслѣдъ за постановкой на немъ же „Призраковъ" Ибсена. Уже произведеніе Ибсена вызвало въ публикѣ раздраженіе,—появившаяся же за нимъ драма Гауптмана инымъ показалась прямымъ вызовомъ, брошеннымъ обществу. Теперь, когда эта пьеса уже утратила свое значеніе натиска натурализма для захвата позиціи на нѣмецкой сценѣ, даже и противники этого направленія относятся къ „соціальной драмѣ" Гауптмана менѣе страстно, но они продолжаютъ, однако, видѣть въ этомъ произведеніи вещь слабую и не только не эстетическую, но и не естественную, дѣланную по извѣстному шаблону.

Съ этимъ нельзя согласиться. Пусть представленная здѣсь среда не эстетична, но изобразилъ ее все-таки большой художникъ. Типы самого Краузе, добродушнаго пьяницы, дошедшаго до полной животности,—разряженной „модной дамы", его жены, совершенной поломойки по понятіямъ и языку, точно также преданной животности, какъ и ея мужъ,—льстивой приживалки, знающей „благородныя манеры", — филистера-дѣльца Гофмана,

а въ особенности молодого деревенскаго шалопая, идіота, который, однако, уже успѣлъ перенять нѣкоторыя юнкерскія ухватки, написаны вѣрно и живо.

Даже и героиня пьесы, вторая дочь Краузе, Елена, которая въ одинъ день такъ влюбляется въ заѣзжаго „идейнаго“ человѣка, что минутъ десять на сценѣ видно только, какъ они цѣлуются,—и та не представляется неправдоподобной въ той обстановкѣ, среди которой она живетъ; именно потому, что обстановка эта глубоко возмущаетъ ея душу, на дѣвушку могъ сдѣлать необыкновенное впечатлѣніе невиданный еще человѣкъ идеи, который показался ей нѣкоимъ богомъ. Она готова слѣдовать за нимъ тотчасъ же, куда онъ хочетъ, такъ какъ она предвидитъ неминуемую гибель для себя дома. Зрителямъ не нравилось, что Елена первая признается Лоту въ любви. Но вѣдь она это дѣлаетъ, когда онъ хочетъ уѣхать, и притомъ слышала отъ него, что онъ женится только на такой женщинѣ, которая скажетъ первая, что желаетъ быть его женой. Лотъ ей представляется идеаломъ, человѣкомъ, способнымъ все понять, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ для нея—спасеніе. Въ такомъ положеніи нечего было откладывать.

Критика осуждала и Елену, и самого автора, за то интермеццо поцѣлуевъ, нѣмую сцену, когда влюбленные только обнимаются и цѣлуются. Но мало ли какія излишества бываютъ на натуралистической сценѣ! Ужъ лучше пусть на сценѣ цѣлуются, хотя бы дольше условнаго времени, чѣмъ чешутся по всему тѣлу или обвариваются кипяткомъ. Да при той обстановкѣ, среди которой выросла Елена, едва-ли и справедливо требовать отъ нея особой щепетильности. Вѣдь не удивила же критиковъ другая, также несовсѣмъ обыкновенная сцена, когда Елена, присутствуя при томъ, какъ мачиха ея выгоняетъ изъ дому служанку за безнравственность, объявляетъ мачихѣ, что скажетъ отцу о ея тайной связи, такъ какъ видѣла любовника, выходившаго изъ ея спальни. И мачиха принуждена уступить.

Въ этой „соціальной драмѣ“ совсѣмъ не то является нехудожественнымъ и дѣланнымъ по шаблону, что̀ относится къ картинѣ среды и принадлежащимъ къ ней типамъ, — однимъ словомъ—не то, что̀ обличается со всей правдивостью реализма. Наоборотъ, крайне неудачнымъ и искусственнымъ вышелъ здѣсь поставленный въ видѣ образца типъ „новаго человѣка“. Этотъ Лотъ—напыщенный и скучный педантъ, который говоритъ такъ, какъ будто читаетъ передовыя статьи радикальнаго направленія. Такъ, за обѣдомъ, отказавшись отъ вина, онъ излагаетъ цѣлую

выписку изъ называемой имъ книги о гибельномъ дѣйствіи алкоголя, со статистикой насильственныхъ смертей, самоубійствъ, сиротъ, поступившихъ въ пріюты, пожаровъ и т. п., и здѣсь же объявляетъ, что всѣ его предки были люди трезвые, и то здоровье, которое наслѣдовалъ отъ нихъ, онъ твердо рѣшился передать и своимъ будущимъ дѣтямъ.

Не совсѣмъ согласно все это съ разумностью дѣйствій и выдержанностью характера этого „новаго человѣка", хотя въ теченіе одного дня онъ принимаетъ рѣшеніе жениться на дѣвушкѣ, встрѣченной имъ въ средѣ совершенно ему чуждой. Но это бы еще можно объяснить увлеченіемъ молодости. Однако, какъ только онъ узнаетъ отъ мѣстнаго врача, также бывшаго своего товарища, что отецъ Елены отчаянный пьяница, и что сестра ея также пьетъ, то онъ вмигъ побѣждаетъ свое страстное увлеченіе, опасаясь, что, женившись на Еленѣ, онъ уже не передастъ своему будущему потомству того трезвеннаго наслѣдства, которое оставлено ему предками. Избѣгая даже новаго свиданія съ возлюбленной, Лотъ удаляется, вполнѣ убѣжденный, что законъ наслѣдственности неминуемъ, и что будущихъ потомковъ необходимо спасти отъ его дѣйствія. О дѣвушкѣ, которая въ немъ самомъ видѣла единственное для себя спасеніе, Лотъ не думаетъ, а она, узнавъ, что онъ ее оставилъ,—зарѣзывается.

Пьеса эта написана прямо по лекаламъ: пошлая среда, крайній реализмъ въ непривлекательныхъ частностяхъ, ознакомленіе публики съ идеаломъ „новаго человѣка", наконецъ—роковой законъ наслѣдственности, которому, въ дѣйствительности, отведена тутъ главная роль. Въ смыслѣ идейномъ это произведеніе крайне слабое, но рука художника видна въ обрисовкѣ типовъ, правда, не внушающихъ особаго интереса.

V.

Воздавъ въ „Восходѣ солнца" надлежащую дань натуралистической тенденціи, въ томъ видѣ, какъ она въ то время проникала въ нѣмецкую литературу, Гауптманъ, какъ каждый подражатель, оказался слабѣе своего образца. Лучшіе романы Зола́, какъ „Assommoir", „Pot-bouille", „La Terre", „Germinal", стоятъ гораздо выше этой соціальной драмы по обоснованности идеи и по производимому впечатлѣнію.

Затѣмъ Гауптманъ перешелъ въ раскрытую Ибсеномъ область семейныхъ связей и отношенія къ нимъ личнаго права на не-

зависимость и личнаго стремленія къ счастью. На эту тему написаны представленныя въ 1890 г. двѣ семейныя драмы: „Das Friedensfest“ и „Einsame Menschen“, и въ каждой изъ нихъ тема эта разработана съ иной стороны. Въ первой преобладаетъ сила въ столкновеніи характеровъ, во второй—представленъ трагизмъ такого личнаго увлеченія, которое не оправдывается слабостью семейныхъ связей, какъ погубившая человѣка болѣзнь.

Хотя оба эти произведенія сильно напоминаютъ Ибсена, но никто не приписалъ бы ихъ Ибсену,—такъ много здѣсь вложено Гауптманомъ собственной его художественной индивидуальности. Прибавимъ, что если въ „Праздникѣ примиренія“ еще преобладаютъ главныя черты норвежскаго поэта, то драмы „Уединенные люди“ онъ написать бы не могъ,—такъ много здѣсь деликатности въ душевномъ анализѣ, мягкости въ очертаніи типовъ и, скажемъ, „убѣдительности“, которой иногда недостаетъ въ драмахъ Ибсена. Зритель вполнѣ убѣждается, что семейное счастье могло быть разрушено, несмотря на то, что оно было счастьемъ, что жена заслуживала любви и оставалась любимой, а между тѣмъ человѣкомъ овладѣло иное страстное увлеченіе.

Ибсенъ всегда дѣйствовалъ контрастами, изъ которыхъ по прямой логичности объяснялось столкновеніе или истекалъ разрывъ. А Гауптманъ взялъ болѣе трудную задачу—показать, что и въ семьѣ почти идеальной по личнымъ свойствамъ и взаимному чувству, безъ всякаго разлада, при всяческихъ усиліяхъ щадить другъ друга,—можетъ произойти катастрофа отъ внезапнаго, рокового увлеченія, природы котораго сами виновные сперва не понимаютъ.

Семья въ „Праздникѣ примиренія“—прямая противоположность той, какая выведена въ „Уединенныхъ людяхъ“. Въ первой изъ этихъ драмъ представлена семья, въ которой съ самаго начала царилъ разладъ, въ которой всѣ вѣчно ссорятся. Такія семьи встрѣчаются нерѣдко. Въ каждой изъ нихъ бываетъ, во-первыхъ, какая-нибудь основная и неустранимая причина разлада, а во-вторыхъ, подъ вліяніемъ этого разлада между родителями, и самое воспитаніе дѣтей идетъ среди борьбы. Такимъ образомъ, семья не только лишена объединительной воспитательной силы, но сама обусловливаетъ въ развитіи дѣтей личный произволъ, неуступчивость, въ виду противорѣчивыхъ требованій, и раздражительность, обусловленную несправедливыми наказаніями или предпочтеніями.

Въ семьѣ Шольцевъ основной причиной разлада служитъ рѣзкое различіе въ умственномъ уровнѣ родителей. Докторъ Шольцъ

женился на малообразованной и ограниченной дѣвушкѣ, которой было шестнадцать лѣтъ, между тѣмъ какъ ему было уже тридцать-восемь лѣтъ. Жена не считала себя ничѣмъ виновной передъ мужемъ, такъ какъ въ своемъ приставаніи къ нему съ глупыми совѣтами и въ домашнихъ сценахъ изъ-за мелочей она видѣла свою заботливость о мужѣ, котораго она могла считать старикомъ. А мужа эти сцены выводили изъ себя, и тривіальность жены становилась ему все болѣе нестерпимой.

Положеніе ухудшилось тѣмъ, что г-жа Шольцъ, происходя изъ простой семьи, считала разорительными расходы мужа на нѣкоторый комфортъ, на оранжерею и т. п., и отняла у него распоряженіе доходомъ съ ея капитала, находившагося въ рукахъ ея дяди, который впослѣдствіи разорился, растративъ и ея деньги. Послѣ того семья жила уже на заработокъ доктора, но жена не видѣла въ его трудѣ никакой заслуги, такъ какъ онъ былъ обязанъ трудиться для семьи. А самъ докторъ, женившись на неразвитой и тривіальной дѣвушкѣ, не выказывалъ ей никакой снисходительности, вмѣнялъ ей всякое слово въ вину, кричалъ на нее даже когда она садилась за фортепіано—единственное сколько-нибудь изящное удовольствіе, которое было ей доступно. Онъ не могъ переносить всей ея манеры и заперся дома въ верхнемъ этажѣ, куда велѣлъ себѣ приносить и обѣдъ.

Болѣе десяти лѣтъ Шольцъ не обращалъ никакого вниманія на дѣтей—дѣвочку и двухъ мальчиковъ. Сыновья его до девяти и одиннадцати лѣтъ оставались настоящими уличными мальчишками. Потомъ вдругъ, вслѣдствіе какой-то сцены съ женой по поводу шалостей этихъ „негодяевъ“, докторъ принялся усиленно учить ихъ, наверстывая потерянное время, и заставлялъ ихъ высиживать надъ книжкой по десяти часовъ въ день. Они отъ него бѣгали, прятались; онъ сажалъ ихъ въ карцеръ, наказывалъ, гнался за ними по лѣстницѣ, а внизу тащилъ ихъ въ одну сторону, а мать—въ другую, причемъ родители обмѣнивались бранью. Потомъ они были отданы въ пансіонъ, откуда также стали бѣгать и подвергаться за это наказаніямъ.

Наконецъ, ставъ уже юношами, сперва старшій Робертъ, потомъ младшій, Вильгельмъ, удрали за-границу, сами добывали хлѣбъ и учились тамъ. Ставъ совершенно самостоятельными, сыновья впослѣдствіи только изрѣдка навѣщали родительскій домъ — изъ-за матери, такъ какъ видѣли въ ней жертву, а въ отцѣ — только ненавидѣвшаго ихъ тирана. Но разъ, когда они явились въ семью оба, младшій сынъ Вильгельмъ услышалъ, какъ отецъ оскорбительно выражался о матери въ разговорѣ со старымъ

слугой. Тогда въ умѣ молодого человѣка, унаслѣдовавшаго неукротимый нравъ отца, сразу возстали всѣ претерпѣнныя прежде обиды, и онъ ударилъ отца по лицу одной рукой, потомъ другой.

Послѣ этого оба, то-есть, какъ Вильгельмъ, такъ и д-ръ Шольцъ, оставили домъ навсегда. А Робертъ и въ послѣдующія нѣсколько лѣтъ иногда навѣщалъ мать и сестру, въ особенности не пропускалъ для этого рождественскаго сочельника, который у нѣмцевъ является какъ бы праздникомъ самой семьи. О традиціонной „елкѣ", конечно, не было рѣчи. Въ этой семьѣ дѣти ея не знали, такъ какъ докторъ, съ перваго же года своей брачной жизни, запретилъ ее, въ числѣ другихъ тривіальностей. Это соблюденіе завѣтнаго дня со стороны Роберта обнаруживало въ немъ все-таки нѣжное чувство къ матери и сестрѣ, въ которомъ онъ, однако, не признавался ни имъ, ни самому себѣ. Напротивъ, будучи у нихъ, онъ непремѣнно говорилъ имъ колкости, давалъ имъ чувствовать, что считаетъ ихъ глупыми, а на ихъ привередничанье отвѣчалъ пожатіемъ плечъ и быстрымъ уходомъ съ обѣщаніемъ придти нескоро.

Въ младшемъ братѣ элементъ сердечности былъ болѣе развитъ, чѣмъ въ старшемъ. Оскорбленіе, нанесенное отцу въ припадкѣ бѣшенаго гнѣва, легло на него тяжкимъ бременемъ, какъ преступленіе, котораго искупить было невозможно; казалось ему невозможнымъ и возвращеніе, хотя бы на день, въ семью, что̀ повело бы только къ какой-нибудь катастрофѣ, а ужъ никакъ не къ примиренію, о которомъ напрасно было думать, при характерѣ всѣхъ членовъ той семьи, въ томъ числѣ и его самого.

Послѣдствія, однако, показали, что и доктору Шольцу не чужда была привязанность къ дѣтямъ. Почему же эти люди всю жизнь обижали другъ друга? Вотъ это-то трагическое самопротиворѣчіе, обусловленное неукротимостью натуры, раздраженностью, которую воспитали годы деспотизма и протеста, навыкъ къ вѣчной самообoронѣ и къ отмѣсткѣ, слѣдующей за нападеніемъ или хотя бы за обиднымъ уколомъ, и служитъ темой данной пьесы, безусловно одного изъ самыхъ выдающихся произведеній Гауптмана. Въ немъ много силы и драматичности, несмотря на крайнюю простоту самаго механизма драмы.

На сценѣ происходитъ въ теченіе одного вечера — кануна Рождества — развязка того конфликта, который длился десятки лѣтъ. О ходѣ этого конфликта передъ началомъ дѣйствія мы узнаемъ не изъ длинныхъ пояснительныхъ разсказовъ, какіе встрѣчаются у Ибсена, но изъ отрывочныхъ, входящихъ въ самое

дѣйствіе упоминаній главныхъ лицъ. И въ этомъ—техническомъ—смыслѣ драма построена мастерски.

Младшій сынъ Вильгельмъ—піанистъ, которому первые уроки музыки давала еще мать. Невѣста его и ея мать—умныя и добрыя существа, которыя разгадали въ дикомъ и вѣчно сумрачномъ молодомъ человѣкѣ грызущее его горе, добились признанія, что горе это—въ связи съ разладомъ въ семьѣ. Онѣ уговариваютъ его ѣхать на Рождество, вмѣстѣ съ ними, къ его матери. Появленіе ихъ среди этой вѣчно ссорящейся семьи вноситъ туда элементъ кротости и вмѣстѣ веселья. Но только при одной изъ ссоръ г-жа Бухнеръ (мать невѣсты) узнаетъ о тяжкомъ проступкѣ Вильгельма.

Между тѣмъ, неожиданно пріѣзжаетъ домой на сочельникъ и старый Шольцъ-отецъ, послѣ шестилѣтняго отсутствія. Онъ уже надломленъ болѣзнью и привыкъ къ нѣкоторому излишеству въ винѣ. При первомъ свиданіи съ женой онъ относится къ ней мягко. А сынъ его Вильгельмъ, который является уже послѣ отца, ошеломленъ его пріѣздомъ и хочетъ тотчасъ удалиться. Невѣста и ея мать убѣждаютъ его—при встрѣчѣ съ отцомъ молить у него прощенія на колѣняхъ, претерпѣть всякое оскорбленіе и хотя бы толчки ногой старика, но добиться прощенія. Только оно можетъ возвратить сыну внутренній миръ и дастъ ему силу начать новую жизнь съ любимой дѣвушкой.

Изъ любви къ ней, Вильгельмъ дѣлаетъ надъ собой огромное усиліе, которое такъ потрясаетъ его, что, стоя передъ отцомъ на колѣняхъ, онъ долго не можетъ произнести ни одного слова, а только шевелитъ губами. И только послѣ нѣсколькихъ привѣтливыхъ словъ старика, Вильгельмъ бормочетъ несвязно, причемъ слышно только: „отецъ“ и „преступленіе“. Но старикъ утѣшаетъ его простыми словами: „Пустяки! что̀ тамъ о старомъ вспоминать! не нужно, вздоръ это“... Тогда уже сынъ проситъ: „Сними съ меня эту тягость!“ и—получаетъ въ отвѣтъ: „Все прощено и забыто“. Услышавъ эти слова, сынъ произноситъ: „Благодарю!“—глубоко вздыхаетъ и падаетъ въ обморокъ.

Старый врачъ самъ поднимаетъ его и сажаетъ на кресло, вливаетъ ему въ ротъ вина, смачиваетъ ему лобъ одеколономъ. Это неожиданно мягкое обращеніе старика съ сыномъ трогаетъ всѣхъ, и чуть ли не въ первый разъ въ настроеніи этой семьи проявляется чувство привязанности. Старшій братъ остается при Вильгельмѣ, который пришелъ въ себя. Они дружно бесѣдуютъ. Потомъ, когда Вильгельмъ уже всталъ и совсѣмъ оправился отъ

нервнаго возбужденія, зажигается елка, и Ида Бухнеръ, невѣста, раздаетъ припасенные ею маленькіе подарки.

Но вечеръ еще не кончился, какъ все это благополучіе исчезаетъ. Снова у всѣхъ Шольцевъ беретъ верхъ неудержимое „праву моему не препятствуй". Роберту самому понравилась Ида, и, завидуя брату, онъ начинаетъ говорить ему колкости, а ее обижаетъ тѣмъ, что не хочетъ принять ея подарка. Постепенно разыгрывается давно знакомая грызьба и идетъ все crescendo, между тѣмъ какъ въ другой комнатѣ невѣста и ея мать, въ видѣ сюрприза, поютъ трогательную коляду. И самъ Вильгельмъ не отстаетъ отъ другихъ. Онъ хочетъ прервать пѣніе тѣхъ дорогихъ женщинъ, которое неумѣстно въ такой злобной средѣ. А когда сестра заикается о самой Идѣ, то Вильгельмъ схватываетъ сестру за плечо: „Молчать!"—Тутъ Робертъ ехидно спрашиваетъ у брата—не хочетъ ли онъ опять дать волю рукамъ? Сестра же прямо припоминаетъ, что онъ поднималъ руку на отца.

Тогда уже и старика охватываетъ бѣшенство, тѣмъ болѣе, что онъ разгоряченъ виномъ. Онъ сперва гонитъ вонъ дочь, а за нее заступается старшій сынъ Робертъ и напоминаетъ отцу, что времена измѣнились. Старикъ кричитъ: „Да я-то не измѣнился! Я вамъ докажу это, я лишу васъ наслѣдства, выгоню на улицу!"—Тутъ Робертъ обращается ко всѣмъ: „Ну, не комикъ ли?!"

Тогда отецъ гонитъ сына, а мать велитъ сыну оставаться. Д-ръ Шольцъ—женѣ: „Хорошо, я самъ уйду—уступлю тебѣ и твоей сворѣ; вы всегда меня одолѣвали". Вильгельмъ пробуетъ успокоить отца, проситъ его остаться, говоритъ, что иначе онъ самъ съ нимъ уйдетъ. Но докторъ уже ничего не различаетъ въ припадкѣ бѣшенства: „Негодяй! воры вы всѣ! негодяи!" Когда сынъ беретъ его руку и проситъ позволенія уйти вмѣстѣ съ нимъ, старикъ разражается восклицаніями, въ которыхъ уже прямо выражается манія преслѣдованія. Сынъ его умоляетъ, а старикъ думаетъ, что тотъ опять хочетъ его бить, и молитъ о пощадѣ. Наконецъ, онъ, въ безпамятствѣ, падаетъ на стулъ. Смерть отца, вся предшествовавшая ей сцена и та роль, какую онъ принялъ въ ней самъ, поражаютъ Вильгельма. Убѣдясь, что онъ не можетъ побѣдить свой темпераментъ, Вильгельмъ хочетъ отказаться отъ Иды, но уступаетъ передъ ея любовью.

Братъ его Робертъ, самое несимпатичное лицо въ пьесѣ, видитъ въ немъ такого же „идеалиста", какимъ былъ отецъ, который началъ свою дѣятельность борьбой на баррикадахъ, а окончилъ безуміемъ. Робертъ же позналъ горькую правду жизни,

и злоба его есть злоба пессимиста, который все презираетъ и ищетъ въ жизни единственнаго счастія, какое она можетъ дать— спокойствія. Это также Ибсеновскій мотивъ. Но по яркости характеровъ и силѣ дѣйствія „Праздникъ примиренія" не уступаетъ ни одному изъ произведеній Ибсена.

VI.

Почти то же можно бы сказать и объ „Уединенныхъ людяхъ". Это также исторія семьи изолированной, то-есть изображенной внѣ вліяній общественныхъ, анализъ отношеній, возникающихъ изъ самой семейной связи—съ одной стороны—и личныхъ стремленій—съ другой. Каждое изъ дѣйствующихъ лицъ изображено не менѣе ярко и правдиво. Всѣ они — люди симпатичные, любятъ другъ друга, а притомъ у нихъ имѣются и готовыя средства. Оставалось бы, какъ говорится, жить да поживать. А между тѣмъ, несмотря на всѣ данныя для довольства и благодушія, въ этой Аркадіи внезапно разыгрывается трагедія.

Супруги Бокератъ арендуютъ значительное имѣніе; они пріѣхали къ женатому сыну на крестины перваго своего внука. Старая г-жа Бокератъ любитъ Кетэ, жену своего сына, какъ родную дочь. Да Кетэ нельзя не любить; это—прелестное, нѣжное, доброе существо, которое думаетъ только о другихъ, и если чѣмъ недовольно, то развѣ тѣмъ, что не подходитъ къ высокому умственному уровню своего мужа, молодого Бокерата, доктора философіи, который занятъ соціально-философскимъ трудомъ, пока еще не оконченнымъ: первыя двѣнадцать страницъ отведены одному указанію источниковъ.

Старые Бокераты — представители традиціонной крѣпкой семьи, основанной на религіи. И старушку сокрушаетъ то, что дѣти, то-есть, сынъ и его жена, утратили вѣру. Сына предохранить было трудно отъ безвѣрія, когда онъ былъ въ гимназіи и въ университетѣ. Но родители и не старались бороться съ такимъ вліяніемъ школы, отчасти сознавая тщетность борьбы съ нею, а отчасти и по побужденію деликатности, признавая за юношей право самостоятельно выработать себѣ убѣжденія. Но, не вступая въ споры, мать, однако, постепенно напоминала ему о религіи, уже потому, что мысль о Богѣ и молитва занимали большое мѣсто въ повседневной ея жизни. Очертаніе этой матроны, полной любви и постояннаго сознанія долга, простодушной, но никакъ не глупой, сдѣлано великолѣпно.

Но въ главномъ лицѣ драмы авторъ сдѣлалъ одно упущеніе, и оно нѣсколько уменьшаетъ сочувствіе къ нему зрителя въ кризисѣ, составляющемъ содержаніе всего дѣйствія. Такъ какъ молодой Бокератъ женился по любви и продолжаетъ искренно любить жену, то самая кротость ея и основанное собственно только на любви поклоненіе уму и знаніямъ мужа должны бы воздержать его отъ заявленій въ такомъ родѣ, что она неспособна понять его и что онъ чувствуетъ себя умственно одинокимъ. А онъ, напротивъ, напоминаетъ ей объ этомъ довольно рѣзко, хотя потомъ тотчасъ же старается утѣшить ее лаской. Между тѣмъ, самъ-то онъ ничего пока не сдѣлалъ, и окончитъ ли свой ученый трудъ — еще не видно. По крайней мѣрѣ, въ теченіе пьесы онъ читалъ или предлагалъ читать его тремъ лицамъ, но ни одного часа не посвятилъ продолженію своей работы.

Жена, конечно, хвалила слышанные отрывки изъ сочиненія мужа, но хвалила такъ, какъ бы хвалила хорошую погоду. Зато пріятель его, художникъ Браунъ, единственный изъ прежняго товарищескаго кружка, который сохранилъ добрыя отношенія съ молодымъ докторомъ философіи, несмотря на „половинчатость“ его убѣжденій, постоянно находитъ предлоги, чтобы избѣгнуть слушанія его ученаго произведенія. Но вотъ въ эту среду внезапно попадаетъ цюрихская студентка, ревельская уроженка Анна Маръ, въ которой молодой докторъ тотчасъ находитъ сочувственную слушательницу своего труда и компетентную собесѣдницу по предметамъ, входящимъ въ область его изслѣдованія. Затѣмъ уже дѣйствіе напоминаетъ то, что̀ происходитъ въ драмѣ Ибсена „Строитель Сольнессъ“, гдѣ также внезапно является бойкая дѣвушка, увлекающаяся величіемъ художника, который ведетъ одинокую жизнь въ непонимающей его семьѣ.

Сходство это идетъ до самаго конца, такъ какъ Сольнессъ, въ угоду увлекшей его почитательницѣ, подвергается опасности и гибнетъ, а Іоганнесъ Бокератъ, проведя нѣсколько недѣль въ прогулкахъ и бесѣдахъ съ Анной Маръ и убѣдившись, что она его полюбила, бросается въ прудъ послѣ ея отъѣзда, вынужденнаго, наконецъ, безъисходностью положенія и настояніями матери. Та видитъ, что жена ея сына чахнетъ отъ горя и впадаетъ въ опасную анэмію.

Отмѣтимъ, какъ подробность, что одной изъ первыхъ темъ бесѣды за столомъ, по появленіи Анны, служитъ разсказъ Гаршина, въ которомъ наивный инженеръ бросаетъ свою профессію и дѣлается художникомъ, а „мыслящій“ художникъ бросаетъ

искусство и идетъ въ народъ—учителемъ. „Вы за кого—за Рябинина или за Дѣдова?"—спрашиваетъ фрейлейнъ Анна.

Надо прибавить, что Гауптманъ не придалъ этой передовой дѣвушкѣ никакой рѣзкости или черты самомнѣнія. Во внѣшности и манерѣ говорить Анны нѣтъ ничего, что̀ отличало бы ее отъ другихъ молодыхъ особъ. Она сама искренно привязывается и въ „мамашѣ" Бокератъ, и къ „дорогой" Кетэ. Затѣмъ, въ ея отношеніяхъ съ Іоганнесомъ Бокератомъ говорится только о дружбѣ, хотя при прощаніи она снимаетъ и даетъ ему обручальное кольцо, взятое съ руки женщины, послѣдовавшей за мужемъ въ Сибирь и тамъ умершей. До самаго конца они говорятъ другъ другу: „фрейлейнъ Анна" и „герръ докторъ". Онъ убѣжденъ, что нисколько не измѣняетъ своей женѣ, а напротивъ, любовь его къ ней стала возвышеннѣе и чище, чѣмъ была прежде.

Іоганнесъ увѣряетъ себя, что Аннѣ онъ даритъ только дружбу. Въ дѣйствительности же, онъ страстно привязался къ ней, а къ женѣ чувствуетъ уже только дружбу. Обѣ женщины, разумѣется, сознаютъ правду, и жена страдаетъ, а Анна нѣсколько разъ собирается оставить этотъ домъ, тѣмъ болѣе, что видитъ, какъ къ ней перемѣнились всѣ, кромѣ Іоганнеса. Она сознаетъ неизбѣжность разлуки, но ей трудно рѣшиться, и, уступая его просьбамъ, она откладываетъ отъѣздъ. Наконецъ, понадобилась прямая просьба мамаши Бокератъ, чтобы она пожалѣла жизнь Кетэ и уѣхала немедленно, сейчасъ.

Анна уѣзжаетъ, и супруги Бокератъ утѣшаютъ себя, что все еще „придетъ въ порядокъ", но больная Кетэ, хотя не противорѣчитъ имъ, однако еще въ послѣдній разъ произноситъ: „Все кончено, все кончено!" И когда она узнаетъ, что мужъ бросился въ воду, она говоритъ его родителямъ: „Мать! Отецъ! Вы довели его до крайности. Зачѣмъ вы это сдѣлали!"

Драма „Уединенные люди" производитъ впечатлѣніе не менѣе сильное и не менѣе тяжелое, чѣмъ „Праздникъ примиренія". Въ обѣихъ много жизненной правды. Но въ первой люди болѣе симпатичны и страданія ихъ ближе для зрителя, чѣмъ во второй, гдѣ выведены характеры все-таки исключительные. Молодой Бокератъ увлекся Анной сперва незамѣтно для самого себя. Съ нею онъ, такъ сказать, впервые нашелъ самого себя. Трудъ его, къ которому семья была равнодушна, ее дѣйствительно заинтересовалъ. Тяготившее его разногласіе съ прежними друзьями и осужденіе его ими за нѣкоторую измѣну убѣжденіямъ товарищескаго кружка эта дѣвушка,—хотя сама раздѣляла эти самыя убѣжденія,—объяснила себѣ и Іоганнесу самостоятельностью его

ума. Тѣ не могутъ искать пути сами, они должны чувствовать за плечами массу, и потому они не въ состояніи отдаляться отъ нея, тѣмъ болѣе—много опережать ее. А онъ—умъ, одаренный иниціативой, который не должны стѣснять никакія общественныя формулы.

Она даетъ ему увѣренность въ себѣ самомъ, охоту работать, освящаетъ его право на самостоятельность мысли. И такъ какъ онъ уже любитъ эту дѣвушку, то видитъ въ ней свое вдохновеніе и хранительницу своей дальнѣйшей работы. Если они разстанутся навсегда, то онъ уже не въ силахъ будетъ ни работать, ни жить.

Ничѣмъ, конечно, нельзя устранить двухъ обвиненій, которыя бросаютъ тѣнь на характеры этихъ двухъ людей. Уже съ половины дѣйствія Анна не могла не понять, что отношенія между ней и молодымъ Бокератомъ, хотя и платоническія, заставляютъ страдать его жену и угрожаютъ спокойствію всей семьи. Она должна была понимать, въ чемъ могъ себя обманывать слабый, „половинчатый“ Іоганнесъ. И если она, тѣмъ не менѣе, уступаетъ его просьбамъ и остается до такой минуты, когда уже мать умоляетъ ее уѣхать тотчасъ же, то изъ этого можно заключить, что еслибы онъ объявилъ ей о намѣреніи бросить домъ и слѣдовать за ней, она считала бы себя въ правѣ взять это счастье, хотя бы цѣною жизни другой женщины.

Здѣсь представляется вопросъ — гдѣ нравственный предѣлъ права человѣка на личное счастье? Но указать на эту черту необходимо для характеристики типовъ.

Другое обвиненіе относится къ Іоганнесу. Онъ могъ обманывать себя, что чувствуетъ къ Аннѣ только дружбу, въ которой и жена, прямо жившая его любовью, не имѣетъ права видѣть измѣны. Онъ могъ сознавать, что съ потерей Анны онъ лишится охоты работать и даже жить. Но имѣлъ ли онъ право нанести самоубійствомъ страшный ударъ—такой женѣ и такимъ родителямъ? Здѣсь мы встрѣчаемся съ тѣмъ же, въ сущности, вопросомъ о нравственномъ предѣлѣ личнаго права, хотя въ этомъ случаѣ онъ возникаетъ уже не изъ стремленія къ счастью, но, наоборотъ, изъ утраты его.

Въ этихъ двухъ драмахъ („Friedensfest“ въ 1890 г. и „Einsame Menschen“ въ 1891 г.) Гауптманъ выступилъ такимъ соперникомъ Ибсена, который нисколько не уступаетъ своему образцу, по самостоятельности мысли, яркой обрисовкѣ типовъ и силѣ дѣйствія. Можно даже прибавить, что душевныя движенія дѣйствующихъ лицъ выражены здѣсь Гауптманомъ полнѣе и убѣдительнѣе, чѣмъ въ такихъ семейныхъ драмахъ Ибсена, какъ „Призраки“ и „Строитель Сольнессъ“.

VII.

Непосредственно затѣмъ Гауптманъ въ драмѣ „Ткачи", вышедшей въ печати въ 1892 году, избралъ темой борьбу труда съ капиталомъ, которой Ибсенъ не хотѣлъ касаться, потому что въ борьбѣ политической и сословной онъ видѣлъ только частности и не любилъ той односторонности или узкости взгляда, съ какой, по необходимости, ведется эта борьба. Онъ считалъ выше ея — „революціонированіе духа". Кромѣ того, онъ не любилъ вообще толпы.

Но избраніе такой темы для драмы, какъ рабочее движеніе, вполнѣ оправдывается уже хотя бы съ самой точки зрѣнія свободы искусства. Теорія о крѣпостной зависимости искусства отъ цѣлей утилитаризма отжила свой вѣкъ. Но было бы нелѣпо утверждать, что искусство не имѣетъ права вдохновляться борьбой революціонно-политической или соціальной, какъ оно издревле вдохновлялось борьбой международной, государственной. Уже самая жгучесть интереса той борьбы, которая волнуетъ европейское общество болѣе полустолѣтія, является благодарнымъ элементомъ для литературнаго творчества.

А что касается сценическаго дѣйствія, то несомнѣнно, что достаточно одного введенія соціальной борьбы въ драму, чтобы дѣйствіе это волновало зрителей. Но именно по той причинѣ, что самый предметъ уже ручается за интересъ дѣйствія, здѣсь легко достигнуть эффектовъ дешевыхъ, а стало быть, производимое такой драмой, хотя бы сильное впечатлѣніе, еще не свидѣтельствуетъ о силѣ таланта автора и о художественности его произведенія.

Замѣчанія эти оправдываются драмой „Ткачи" въ такомъ смыслѣ, что на большинство публики она дѣйствуетъ несравненно сильнѣе, чѣмъ „Праздникъ примиренія" и „Уединенные люди", а между тѣмъ, какъ произведеніе искусства, названная драма гораздо слабѣе двухъ послѣднихъ. Жалобы ткачей, волненіе среди нихъ, демонстраціи съ революціонною пѣснью, наконецъ разгромъ фабрикъ — это такой предметъ, который, такъ сказать, „самъ ходитъ". На сценѣ постоянно происходитъ дѣйствіе, но въ смыслѣ развитія драмы его нѣтъ. Драма эта скорѣе описаніе, демонстрируемое рядомъ не туманныхъ, а очень яркихъ картинъ, чѣмъ образъ постепеннаго столкновенія интересовъ, развитія страстей, воздѣйствія выдающихся личностей. Личныхъ ти-

повъ здѣсь даже почти нѣтъ, такъ какъ дѣйствующія лица являются скорѣе типами своей среды, чѣмъ индивидуальностями. У нихъ, конечно, есть нѣкоторыя личныя особенности, но собственно только въ степени энергіи. Такъ, молодой рабочій Бэкеръ — задоренъ; Морицъ Егеръ, отставной гусаръ, бывшій ткачомъ,— смѣлъ, потому что онъ „видалъ виды"; старый ткачъ Баумертъ, не ѣвшій мяса два года и угнетаемый нуждою семьи,—уже менѣе склоненъ къ дѣйствію, однако даетъ себя увлечь примѣромъ другихъ. Наконецъ, еще болѣе старый ткачъ Гильзе остается совершенно пассивнымъ, такъ какъ онъ покорился мысли о христіанскомъ долгѣ безропотно переносить страданія и исполнять то назначеніе, къ которому онъ призванъ. Дрейссигеръ, на котораго главнымъ образомъ обрушивается возстаніе, — типичный фабрикантъ, а кассиръ и экспедиторъ его—типичные подчиненные, но, какъ личности, ни онъ, ни они ничѣмъ не выдаются. Дрейссигеръ, разумѣется, думаетъ только о своемъ интересѣ, и всякое требованіе со стороны рабочихъ представляется ему нахальствомъ. Однако, не видно, чтобы онъ былъ особенно злымъ или жаднымъ.

Повторяемъ, дѣйствующія лица въ этой пьесѣ типичны только какъ представители своего соціальнаго положенія, а дѣйствіе ея развивается органически, но движется механическимъ образомъ. Остается даже невыясненнымъ, почему оно произошло въ данный моментъ, а не годомъ раньше или позже.

Но если разсматривать „Ткачей" только какъ рядъ картинъ, изображающихъ нищету рабочаго люда и обусловленныя ею страданія, а вмѣстѣ съ тѣмъ оправдывающихъ протестъ и возбуждающихъ въ зрителяхъ сочувствіе къ реформамъ въ положеніи рабочей массы, то и этому произведенію Гауптмана нельзя отказать въ значеніи и силѣ. Здѣсь отчасти повторилось то же, что̀ было отмѣчено въ первой его пьесѣ „Передъ восходомъ солнца". Реально и чрезвычайно живописно представлена среда, которая заслоняетъ собой индивидуальность дѣйствующихъ лицъ.

„Ткачи" были названы авторомъ „драмой изъ эпохи сороковыхъ годовъ", и это было сдѣлано не съ цѣлью облегчить принятіе на сцену пьесы характера революціоннаго, а потому, что пьеса эта основана на дѣйствительномъ бунтѣ ткачей въ Силезіи, бывшемъ въ 1844 году, и изображаетъ исторически вѣрно, какъ крайнюю нищету, въ какой они жили, такъ и картину ихъ возстанія. И революціонная пѣсня „Кровавый судъ" (Das Blutgericht), которая поется въ драмѣ,—та самая, съ которой тогдашніе ткачи въ Совиныхъ горахъ разрушали фабрики,

разбивали машины и уничтожали имущество хозяевъ. Даже наиболѣе пострадавшій фабрикантъ—былъ тотъ самый, который выведенъ въ драмѣ подъ именемъ Дрейссигера, а въ дѣйствительности его фамилія была Цванцигеръ. Еслибы дѣйствіе было перенесено въ наше время, то противники не только обвинили бы автора въ возбужденіи классовой ненависти (это случилось и теперь), но стали бы оспаривать его картину быта ткачей, характеръ отношеній къ нимъ фабричной администраціи, самыя требованія, ходъ переговоровъ и проч.

Но когда драма основана на дѣйствительномъ происшествіи и даже въ частностяхъ согласна съ данными исторіи, то оспаривать правдивость ея уже нельзя. Силезскіе ткачи находились въ ужасномъ положеніи. Все населеніе работало цѣлый день, не исключая малолѣтнихъ, за ничтожную плату, которой едва хватало на скудную пищу, а между тѣмъ ткачи должны были еще платить налоги, нанимать у мѣстныхъ крестьянъ помѣщенія и подлежали еще натуральнымъ повинностямъ. Часто у нихъ не хватало ни хлѣба, ни картофеля; мясо они ѣли только въ случаѣ падежа лошади или поимки забѣжавшей собаки. Послѣдній толчокъ былъ данъ недородомъ, отъ котораго еще вздорожалъ картофель. Ткачи возстали, разгромили нѣсколько фабрикъ, встрѣтили камнями высланныхъ противъ нихъ солдатъ, выдержали нѣсколько залповъ, которыми были убиты или ранены болѣе десятка человѣкъ, и принудили солдатъ отступить. И „погулявъ" такимъ образомъ, они вдругъ смирились. Быстро и самъ собой прекратившійся разгромъ объяснялся тѣмъ, что ткачи хотѣли хоть нѣсколько дней „подышать свободнымъ воздухомъ", хоть разъ „отвести душу" и выместить злобу на своихъ врагахъ.

„Ткачи" были запрещены берлинской полиціей, но высшій административный судъ въ 1893 г. отмѣнилъ это распоряженіе. Пьеса шла въ Берлинѣ въ первый разъ въ томъ же году на театрѣ „Freie Bühne". Въ 1894 г. она была поставлена на главной берлинской сценѣ въ „Deutscher Theater" и съ тѣхъ поръ имѣла тамъ сотни представленій. А когда „Ткачи" давались въ Берлинѣ въ первый разъ, то публика на верхней галереѣ участвовала въ бунтѣ, который изображался на сценѣ. Зрители возбуждали ткачей, громившихъ фабрику. А въ партерѣ пьесѣ горячо апплодировали не только Либкнетъ, Бебель и Зингеръ, бывшіе на лицо, но и представители богатой буржуазіи.

Они, конечно, имѣли право ссылаться на то, что нынѣ положеніе ткачей, живущихъ въ фабричныхъ домахъ, получающихъ возвышенные заработки, пользующихся врачебной помощью, а въ

нѣкоторыхъ случаяхъ и пособіями, наконецъ, работающихъ не болѣе двѣнадцати часовъ въ сутки, уже не таково, какимъ оно представлено въ пьесѣ Гауптмана. Силезскіе ткачи въ 40-хъ годахъ жили въ нанимаемыхъ ими ветхихъ, иногда даже курныхъ избахъ, съ протекавшими крышами, нуждаясь въ топливѣ, рѣдко могли топить печи, страдали отъ всяческихъ болѣзней, иногда буквально умирали съ голода. Работали они—сколько фабрикантъ велѣлъ, плату получали ничтожную, да еще уплачивали штрафы въ пользу тѣхъ же фабрикантовъ.

Перемѣна къ лучшему несомнѣнна, и на нее-то указывалось въ тѣхъ горячихъ спорахъ, какіе были возбуждены драмой Гауптмана. Однако не слѣдуетъ упускать изъ вида, что и въ то отдаленное время, когда положеніе рабочихъ, дѣйствительно, было ужасно, противъ возвышенія заработковъ и сокращенія числа рабочихъ часовъ Дрейссигеры говорили совершенно то же самое, что въ промышленной средѣ говорится и теперь: „Мы никого не держимъ насильно",—такъ убѣждали ткачей Дрейссигеръ и его кассиръ,—„вы сами согласились работать за такую плату, а за худую работу дороже платить нельзя: wer gut webt, der gut lebt". И тогда говорилось, что какого-либо возвышенія нищенскихъ въ то время заработковъ промышленность не въ состояніи вынести, она разорится; что уменьшеніе числа часовъ работы поставило бы внутреннюю промышленность въ невозможность конкурренціи съ заграничной. И въ Россіи все это говорилось еще не далѣе, чѣмъ двадцать лѣтъ назадъ, когда на нѣкоторыхъ, особенно мелкихъ русскихъ фабрикахъ люди работали въ день по 16-ти и 17-ти часовъ, а не $11^{1}/_{2}$, какъ теперь, да еще эксплуатировались и фабричными лавками, и своими же старостами-ростовщиками.

VIII.

Анализируя творчество Гауптмана и стараясь выяснить, насколько этотъ неутомимо „ищущій" умъ подчинялся постороннимъ вліяніямъ, служилъ той или другой „тенденціи" или же свободно поддавался влеченію своего богатаго поэтическаго таланта, мы слѣдуемъ хронологическому порядку появленія его произведеній. Это и позволяетъ видѣть съ наибольшей ясностью, какъ писатель этотъ безпрестанно уклонялся то въ ту, то въ другую сторону, не всегда, конечно, оставаясь равнымъ себѣ, но, благодаря огромному дарованію, являясь художникомъ въ любой средѣ и въ проведеніи любой избранной имъ задачи.

Такъ, послѣ двухъ пьесъ, посвященныхъ развитію идеи индивидуализма, двухъ превосходныхъ семейныхъ драмъ, онъ вдругъ перешелъ къ драмѣ въ духѣ—и даже въ формѣ—противоположной, въ духѣ коллективизма, борьбы за права массы, и здѣсь, то-есть въ „Ткачахъ", пожертвовалъ индивидуализмомъ не только въ идеѣ, но и въ формѣ, не выдвинувъ никакихъ сильныхъ индивидуальностей и всю силу предоставивъ механическому дѣйствію толпы.

Непосредственно затѣмъ Гауптманъ перешелъ опять въ совсѣмъ иную область, которую можно назвать драматическимъ „жанромъ", и въ 1892 г.—написалъ комедію „Коллега Крамптонъ", а въ 1893 г. „Бобровую шубу", пьесу, которую назвалъ „воровскою комедіей". Говорятъ, что обратиться къ комедіи побудило его представленіе на одной изъ берлинскихъ сценъ Мольеровскаго „Скупого" въ 1891 г., когда Гауптманъ только-что окончилъ своихъ „Ткачей". Старику Мольеру, какъ извѣстно, посчастливилось въ наше время на германскихъ сценахъ,—ему одному изъ французскихъ классиковъ, потому что нашлись критики, которые наклеили на него этикетъ „натурализма", такъ что старикъ неожиданно помолодѣлъ. По примѣру Германіи, и въ Россіи стали ставить пьесы Мольера, не всегда дѣлая удачный выборъ. Такъ, первой пьесой Мольера, возобновленной на русской сценѣ, если не ошибаемся, были „Les Fourberies de Scapin"—совершенно безъидейный фарсъ. „Тартюфа", небось, не поставили. А великолѣпнаго „Мизантропа", кажется, не возобновили и въ Германіи.

Какъ бы то ни было,—говорятъ, что, увидавъ „Скупого" и познакомившись на немъ съ „натуралистомъ" Мольеромъ, Гауптманъ испыталъ влеченіе къ комедіи—и, разумѣется, натуралистической. Но если подъ флагомъ натурализма собрать такихъ писателей, какъ Мольеръ, Гоголь, Зола̀ и Ибсенъ, то окажется, что между ними нѣтъ ничего общаго, кромѣ вывѣшеннаго надъ ними флага. Натурализмъ Гоголя непохожъ на натурализмъ Зола̀, а натурализмъ Ибсена означаетъ совсѣмъ не то, что̀ натурализмъ Мольера. Впрочемъ, Гауптманъ съ самаго начала своей дѣятельности былъ вполнѣ въ курсѣ натурализма современнаго и не нуждался въ поученіяхъ натурализма XVII вѣка. Но что на него подѣйствовала „vis cornica" великаго французскаго писателя и побудила его обратиться къ комедіи, это только представило новый примѣръ необыкновенной впечатлительности Гауптмана и его постояннаго исканія „новыхъ путей".

Не думаемъ однако, чтобы именно „Скупой" могъ внушить

ему „Коллегу Крамптона". Правда, и та, и другая комедія посвящены исключительно изображенію оригинальнаго главнаго типа. Но типы эти не имѣютъ ничего общаго. Въ „Скупомъ" данъ очеркъ страсти, которая уродуетъ человѣка. Вотъ, Плюшкинъ, это—„Скупой". А коллега Крамптонъ, наоборотъ, расточителенъ, до крайности мягкій, а вовсе не окаменѣвшій въ одной страсти, почти до безумія, человѣкъ. Скорѣе надо думать, что представленіе „Скупого" побудило Гауптмана ознакомиться вообще съ Мольеромъ. И если ужъ искать нѣкотораго сходства, то въ независимомъ, правдивомъ профессорѣ живописи Крамптонѣ, ненавидящемъ всякое искательство и сословные предразсудки, можно найти нѣкоторыя черты Альцеста въ „Мизантропѣ". Крамптонъ—даровитый художникъ, презирающій тѣхъ собратьевъ, которые выслужились низкопоклонствомъ и серьезностью педантства. Съ ученицами онъ—за панибрата и говоритъ съ ними безъ особаго уваженія о разныхъ школахъ искусства и о шаблонныхъ на него взглядахъ. Гордый въ душѣ, онъ внѣшнимъ образомъ нисколько гордости не обнаруживаетъ. Жена его имѣетъ состояніе и принадлежитъ къ знатному роду. А онъ не прочь и въ пивной посидѣть, и побесѣдовать съ самыми простыми людьми.

И по мѣрѣ того, какъ его „заѣдаетъ среда", добродушный Крамптонъ, отказываясь отъ всякой борьбы, начинаетъ опускаться. Отъ него отворачивается князь, бывшій его покровителемъ, семья его бросаетъ и уѣзжаетъ къ родителямъ жены,—наконецъ, его лишаютъ должности профессора. А онъ нисколько не борется, а только страдаетъ, начинаетъ запивать и даже заговариваться. Наконецъ, всѣ его картины и вещи продаются съ аукціона. Въ дѣлахъ практической жизни этотъ художникъ—совершенное дитя. Но стараго ребенка спасаетъ младшая дочь, оставшаяся при отцѣ. Она выходитъ за достаточнаго человѣка, устраиваетъ отцу помѣщеніе у себя въ домѣ и обезпечиваетъ его отъ заботы о „мелочахъ". Комическій элементъ здѣсь проявляется только въ смыслѣ юмора, съ какимъ очерчена довольно печальная доля этого оригинала, который весь отдался искусству, пренебрегая даже хлѣбомъ насущнымъ, хотя кружкой пива не пренебрегалъ.

Другая комедія,—„воровская", названная „Бобровой шубой",—въ драматическомъ отношеніи совсѣмъ слаба. А съ точки зрѣнія итературной вообще стоитъ отмѣтить только рѣзко очерченный ипъ энергической бабы-воровки, которая всѣхъ близкихъ дерятъ въ крѣпкихъ рукахъ. Идейнаго же значенія за этой пьесой ризнать нельзя, такъ какъ странно бы видѣть „идею"—въ коическомъ изображеніи общиннаго начальника фонъ-Глазенапа,

производящаго дознаніе о кражѣ замѣчательно глупо. Между тѣмъ у Гауптмана есть и другое, новѣйшее произведеніе — „Красный пѣтухъ“, названное „траги-комедіей“, въ которомъ такой же начальникъ (Amtsvorsteher) фонъ-Верганъ проявляетъ такую же напыщенную глупость при дознаніи о поджогѣ. Очевидно, авторъ счелъ не лишнимъ указать на неспособность бароновъ, облеченныхъ полицейской властью въ дворянскихъ имѣніяхъ, къ исполненію обязанности, требующей умственнаго развитія и юридической подготовки. Но въ идейномъ смыслѣ эта задача слишкомъ мелкая для такого поэта, какъ Гауптманъ.

Гауптману пошелъ 31-й годъ отъ рожденія, когда въ Берлинѣ въ ноябрѣ 1893 года на сценѣ королевскаго театра была поставлена его „приснившаяся поэма“ (Traumdichtung) — „Вознесеніе Ганнеле“. Содержаніе этой драматизированной поэмы, въ которой, впрочемъ, только страницы четыре стиховъ, слишкомъ всѣмъ памятно, такъ что о немъ достаточно сказать нѣсколько словъ. Въ деревенскую богадельню приносятъ дѣвочку, которая бросилась въ полынью замерзшаго пруда.

Это — Ганнеле, жертва своего отчима, пьянаго и жестокаго каменьщика Маттерна, который гонялъ ее просить милостыню и истязалъ по цѣлымъ часамъ, когда ей не удавалось собрать, сколько ему нужно на выпивку. Прежде дѣвочку хоть пыталась защищать мать, но та, наконецъ, сама утопилась въ томъ же прудѣ, а съ тѣхъ поръ вся жизнь Ганнеле проходила въ мученіи. Послѣ одной изъ пытокъ, беззащитной жертвѣ послышался изъ того пруда призывавшій ее голосъ Спасителя.

Затѣмъ, все дѣйствіе это — агонія измученной, промерзшей и впавшей въ горячку дѣвочки, и окружающія ея сцены — однѣ реальныя: услуги сестры милосердія, разговоры богадельныхъ жителей, допросъ полицейскаго начальника, посѣщеніе добраго школьнаго учителя; другія — воображаемыя. Въ этихъ послѣднихъ сестра милосердія представляется умирающей то матерью, то опять сидѣлкой, а личность добраго учителя превращается въ образъ самого Спасителя. Порою ей слышится и голосъ тирана-отчима.

Недостаточно было бы сказать, что здѣсь фантастическое и реальное переплетаются совершенно естественно, со всей болью покинутой жертвы, съ нѣжной ея дѣтскостью, чистотой и наивно-глубокою вѣрой. Этого мало. Огромная поэтическая интуиція раскрываетъ здѣсь міръ сверхъестественный съ полной реальностью, какъ онъ представляется богато одаренной дѣтской душѣ. Эта нищенка, эта „лохмотная принцесса“, какъ ее дразнили уче-

ницы въ школѣ, не такъ, какъ онѣ, понимала и ощущала религіозное поученіе, молитвы матери, обѣты любви и милосердія, священныя изображенія и звуки органа. Это была любящая, высоко-поэтическая душа въ истязуемомъ и покрытомъ рубищемъ дѣтскомъ тѣлѣ.

То, что̀ дѣвочка эта видитъ въ бреду небеснаго — это для нея такая же реальность, какъ и ужасъ при мысли объ отчимѣ, какъ та дрожь, которую она вынесла изъ мученія и изъ замерзающей воды. Черный ангелъ смерти съ направленнымъ къ умирающей мечомъ и свѣтлые ангелы утѣшенія, и мать, которая омывала слезами ноги Спасителя, а теперь явилась къ ней съ вѣстью о прощеніи и оставляетъ ей въ залогъ цвѣтокъ „ключъ небесный" (Himmelsschlüssel)—все это въ сознаніи ея такъ же осязательно, какъ боль и страхъ при голосѣ мучителя.

Да все это реально и для зрителя, такъ какъ всѣ эти образы чудесной силой искусства облечены въ свойства личныя, въ особенности природы и ума дѣвочки-подростка.

Живущія въ ней представленія о сверхъестественномъ, просіявшія особенно ярко въ сознаніи, что она уже отходитъ въ тотъ міръ, неразлучны съ впечатлѣніями земными, съ обидой и презрѣніемъ, въ которыхъ она жила, съ дѣвическими желаніями быть красивой, хорошо одѣтой, любимой, дождаться справедливости вмѣсто безъисходнаго горя. И вотъ, и эти желанія ея сбываются во снѣ, хотя уже только въ видѣ прощанія, въ формахъ погребенія. Учитель, который одинъ былъ для нея добръ, говоритъ ей: „моя дорогая" и „сердце мое разрывается, теряя тебя". Онъ приноситъ ей цвѣты и руководитъ погребальнымъ пѣніемъ. Презиравшія ее дѣвочки-соученицы просятъ ее не говорить Спасителю, какъ онѣ ее обижали. Ей представляется, что она—графская дочь, и портной приноситъ ей бѣлое шолковое подвѣнечное платье, въ которомъ она будетъ лежать въ хрустальномъ гробѣ, и на мѣру ея ногъ какъ разъ пришлись самыя маленькія атласныя туфли, какъ у той, сказочной принцессы.

Та же реалистическая правда въ сферѣ сверхъестественнаго соблюдена въ вопросахъ, какіе задаетъ Ганнеле являющейся ей матери: какъ далеко туда, откуда она пришла, хорошо ли тамъ, есть ли тамъ отдыхъ и пища, и зачѣмъ мать хочетъ ее опять оставить? Когда мать говоритъ, что ее зоветъ Богъ, Ганнеле спрашиваетъ: „А Онъ громко зоветъ?" Потомъ она спрашиваетъ еще о своемъ спасеніи по смерти, и тогда мать даетъ ей въ видѣ залога цвѣтокъ.

Съ такой же простотой выражаетъ Ганнеле въ своемъ обращеніи къ ангелу смерти страхъ свой и вмѣстѣ свою покорность. Спаситель является ей въ видѣ незнакомца, съ чертами, напоминающими добраго учителя, но сопровождаемый сонмомъ ангеловъ. Онъ возвѣщаетъ ей прощеніе и спасеніе, причемъ описываетъ ей край вѣчности въ видѣ чудеснаго града, гдѣ миру и радости нѣтъ конца и гдѣ она увидитъ все, что въ воображеніи ея носилось прекраснаго: сады съ обиліемъ цвѣтовъ, мраморные дома съ золотыми кровлями, и фонтаны, и море. И повелѣваетъ онъ ангеламъ поднять слабое ея, изнуренное тѣло, дрожавшее отъ холода, изсушенное горячкой, и завернуть его въ тонкую ткань, бережно, чтобы истрадавшаяся плоть не почувствовала боли, и понести ее въ высь мягкимъ полетомъ, безъ взмаха крыльевъ, въ свѣжесть и благоуханіе рая.

Послѣднія страницы написаны риѳмованными стихами, и тема такъ вдохновила автора, что эти стихи его, величественные при дѣтской простотѣ, несравненно красивѣе всѣхъ, какіе онъ писалъ раньше.

„Вознесеніе Ганнеле“ — это и есть настоящій chef d'œuvre Гауптмана. Въ этомъ произведеніи онъ далъ полную волю своему истинному, поэтическому призванію. Самобытная по творческой мысли, эта „драма во снѣ“ проникнута такой гармоніею фантазіи съ реальностью, грубость жестокости и святость мученичества въ ней придаютъ себѣ взаимно такую рельефность, что получилось произведеніе высоко-художественное. Въ немъ Гауптманъ, какъ поэтъ, уже далеко превзошелъ Ибсена.

Само собою разумѣется, что вещь, отмѣченная такой оригинальностью и такимъ блескомъ таланта, не могла не вызвать и нареканій со стороны заурядной критики, руководящейся партійными прописями и литературными шаблонами. Съ одной стороны, находили, что въ этой пьесѣ слишкомъ много догматическаго и даже обрядоваго, а потому она не либеральна. А съ другой, ретивые поборники догмата усмотрѣли въ началѣ ея грубый натурализмъ, а въ концѣ—кощунство, такъ какъ догматическія представленія являются здѣсь въ формѣ лихорадочнаго бреда. Нѣкоторыя сферы посылали даже берлинскаго оберъ-священника (Garnisons-Prediger) въ театръ—подсмотрѣть, не перешло ли кощунство мѣры дозволеннаго. Но, по счастью, пасторъ этотъ оказался не фарисеемъ-буквоѣдомъ, а мыслящимъ человѣкомъ, который оцѣнилъ и матеріальную правдивость, и душевную истинность этого прелестнаго произведенія.

IX.

Дойдя въ „Ганнеле" до полнаго развитія своей поэтической силы, найдя такую область творчества, въ которой онъ является вполнѣ независимымъ отъ ближайшихъ предшественниковъ и современниковъ и стоитъ выше ихъ, Гауптманъ какъ будто рѣшился отдохнуть. Прошло почти три года, и никакого новаго произведенія его послѣ „Ганнеле" на сценѣ не появлялось. Онъ предпринималъ поѣздки, читалъ и, конечно, обдумывалъ новые сюжеты для драмъ. Его манило опять въ сферу, наименѣе сродную его таланту, именно—въ область соціальной борьбы. Этой наклонности могъ содѣйствовать огромный успѣхъ „Ткачей" на сценѣ.

Позволительно предположить, что въ эту сторону клонило Гауптмана то ясновидѣніе, какое порой проявляется у поэтовъ. Нельзя сомнѣваться, что назрѣваніе идей реформы общественной и неизбѣжность борьбы мирной или насильственной за ихъ осуществленіе должны открыть и передъ литературнымъ творчествомъ новыя перспективы, дать ему большой матеріалъ и тотъ успѣхъ, который обезпечивается за творческой силой совпаденіемъ ея съ силой народныхъ движеній. Но для того, чтобы стать однимъ изъ иниціаторовъ этой эволюціи, въ литературѣ недостаточно избирать подходящія темы. Необходимо имѣть вполнѣ опредѣленное убѣжденіе, а можетъ быть, еще и ту страстность, какую авторъ можетъ вынести только изъ борьбы личной, изъ личныхъ невзгодъ и страданій.

Между тѣмъ Гауптманъ, по складу ума и по разносторонности своего таланта, выработанной необыкновенной впечатлительностью, менѣе всего способенъ быть борцомъ за идею. Ему недостаетъ цѣльности и обусловливаемой ею нѣкоторой односторонности. Это гораздо болѣе человѣкъ впечатлѣнія, чѣмъ убѣжденія. Природа его таланта заставляетъ его разбрасываться, а при этомъ талантъ его проявляется въ полномъ блескѣ именно въ области совершенно свободной, безтенденціозной поэзіи. Наконецъ, какъ человѣкъ, не проходившій самъ житейской борьбы, съ дѣтства обезпеченный въ средствахъ, онъ не выработалъ въ себѣ ни выдержанности, ни личной солидарности съ тѣми болями, какія вызываются давленіемъ строя.

„Ткачи", какъ мы уже замѣтили, производятъ сильное впечатлѣніе только механическимъ дѣйствіемъ: видъ людей голодаю-

щихъ, видъ бунта и толпы, громящей фабрики, не можетъ оставить зрителей равнодушными. Но здѣсь почти нѣтъ драмы въ смыслѣ литературномъ, нѣтъ и типовъ, которые бы ясно выражали идею автора. Впечатлѣніе получается сильное, но не при чтеніи, а только на сценѣ. Какъ бы то ни было, этотъ насильственный протестъ рабочихъ, хотя и относящійся къ сороковымъ годамъ, все-таки близокъ къ нашему времени.

Но въ упомянутомъ трехлѣтнемъ промежуткѣ, когда Гауптманъ занимался, между прочимъ, соціологіею, ему пришла мысль представить на современной сценѣ эпизоды изъ крестьянской войны XVI столѣтія въ Германіи, въ эпоху Лютера и Ѳомы Мюнцера. Кстати вышла тогда въ новомъ изданіи книга о той войнѣ, написанная однимъ изъ германскихъ демократовъ сороковыхъ годовъ—именно въ „современномъ освѣщеніи" понятій и событій, относящихся къ эпохѣ реформаціи. Тогдашнее возстаніе крестьянъ находило поддержку и со стороны нѣкоторыхъ мелкихъ владѣтелей, бывшихъ вассалами германскихъ князей и епископовъ. Таковы были между ними Гёцъ фонъ-Берлихенгенъ, герой драмы Гёте, и Флоріанъ Гейеръ, герой драмы Гауптмана, названной именемъ этого рыцаря.

Здѣсь потребовалось изученіе обильнаго историческаго матеріала и литературныхъ памятниковъ той эпохи, чтобы выработать для драмы языкъ, подходящій къ тому времени, когда и среди высшихъ классовъ не былъ еще въ общемъ употребленіи языкъ литературный, какъ онъ былъ установленъ Лютеровымъ переводомъ св. писанія. Эта забота о своеобразности языка уже усложняла задачу, которая и сама по себѣ не соотвѣтствовала таланту Гауптмана. Если въ „Ткачахъ" дѣйствіе имѣетъ только механическій характеръ, а типы представляютъ только второстепенный интересъ, то въ исторической драмѣ „Флоріанъ Гейеръ" дѣйствія совсѣмъ нѣтъ. Всѣ сцены состоятъ изъ безконечныхъ разговоровъ на одну и ту же тему. О перипетіяхъ драмы на сценѣ только разсказывается, такъ что пьеса производитъ прямо утомительное впечатлѣніе. Представленная въ Берлинѣ въ 1896 г., она не имѣла успѣха и была дана всего нѣсколько разъ. Съ тѣхъ поръ ее не возобновляли и въ другихъ городахъ ее не ставили.

Неудача эта была очень чувствительна для Гауптмана, уже привыкшаго къ тріумфамъ. Въ такіе моменты разочарованія, къ которому естественно прививается и нѣкоторое сомнѣніе въ себѣ, писателю особенно дорого бываетъ всякое новое признаніе. И вотъ, какъ разъ послѣ „провала" въ Берлинѣ исторической

драмы, которой онъ посвятилъ столько труда, Гауптманъ получилъ нравственную поддержку изъ Вѣны, гдѣ ему была присуждена премія Грильпарцера за мастерское произведеніе его поэтическаго таланта, а именно за „Ганнеле“.

Это являлось для него не только утѣшеніемъ, но и указаніемъ на ту область творчества, въ которой онъ могъ съ большой увѣренностью разсчитывать на новый успѣхъ. И вотъ, онъ снова далъ полную волю своей поэтической силѣ, и черезъ годъ по окончаніи злополучнаго „Флоріана Гейера“ имъ было уже написано новое, блестящее произведеніе—„Потонувшій колоколъ“ (1896). Оно столь же общеизвѣстно, какъ и „Ганнеле“, и потому, не излагая подробно содержанія, мы остановимся, главнымъ образомъ, на проведенной въ немъ мысли.

Мастеръ Генрихъ—литейщикъ церковныхъ колоколовъ, достигшій въ своемъ дѣлѣ несравненнаго искусства. Въ колокола свои онъ сумѣлъ влагать душу. Сотни его колоколовъ, разсѣянныхъ по странѣ, не только призываютъ вѣрныхъ къ молитвѣ, но одушевляютъ и плѣняютъ ихъ могуществомъ, красотой и сладостью звука. Они говорятъ сердцамъ о величіи Бога, внушаютъ жажду молитвы и обѣтъ любви.

Въ его мастерской, лежащей въ долинѣ, отлитъ новый колоколъ, въ которомъ онъ еще превзошелъ себя, и колоколъ этотъ подымаютъ по горной тропинкѣ на вершину, гдѣ выстроена первая въ той необитаемой области капелла. Оттуда чудный звонъ будетъ проноситься какъ бы съ неба, во славу Божію и въ утѣшеніе людямъ. Но горы Силезіи и лежащія среди нихъ озера полны незримыхъ обитателей, враждебныхъ и людямъ, и Богу. Это—мистическія существа вродѣ фавновъ, сатировъ, гномовъ, эльфовъ и сиренъ, которыя не хотятъ надъ собой тревоги божьяго звона. Изъ нихъ главныя роли играютъ могучій Вальдшратъ, лѣшій съ человѣческимъ обликомъ и козлиными ногами, одаренный звѣриной силой и цинизмомъ сатира, Никкельманъ—водяной старикъ, получеловѣкъ, полулягушка, который живетъ на днѣ колодца и можетъ высовывать оттуда только верхнюю часть туловища. Въ томъ же мірѣ является граціозное существо изъ рода эльфовъ, полуженщина, полуребенокъ, очаровательная Раутенделейнъ, что̀ буквально значитъ „красная Аннушка“.

Когда подымаютъ на гору колоколъ, за которымъ слѣдуетъ самъ мастеръ Генрихъ, Вальдшратъ ломаетъ колесо у повозки, и колоколъ летитъ на дно озера, а за нимъ и творецъ его, мастеръ Генрихъ, падаетъ на берегъ того же озера. Тамъ его находятъ ближніе и несутъ его, полуживого, назадъ въ долину,

въ село, гдѣ онъ жилъ съ женой и дѣтьми. Жена его Магда восхищалась звукомъ его колоколовъ и чтила въ немъ художника, но не могла понять его безпредѣльнаго, высшаго стремленія. Раутенделейнъ проникаетъ къ нимъ въ домъ подъ видомъ служанки и своими чарами исцѣляетъ мастера, а внушенной ему страстью къ себѣ обновляетъ его силы, молодитъ его, такъ что Генрихъ замышляетъ новое, великое твореніе, оставляетъ жену и дѣтей и слѣдуетъ за возлюбленной въ горы, переноситъ туда свою мастерскую и на мѣстѣ капеллы начинаетъ строить храмъ, на которомъ онъ создастъ одухотворенный колокольный звонъ, какого еще не слышалъ міръ.

Этотъ храмъ будетъ посвященъ культу „Солнца"—высшей человѣческой идеи, любви и всеобщаго счастья. Въ немъ и Спаситель сойдетъ со своего креста—юношей,—согрѣтый солнцемъ. Вотъ что̀ возвѣщаетъ мастеръ Генрихъ священнику, который убѣждалъ его возвратиться къ женѣ и дѣтямъ и оставить безбожную затѣю. Въ концѣ этого превосходно веденнаго разговора священникъ предсказываетъ мастеру, что потонувшій колоколъ прозвучитъ ему снова, отзовется голосомъ отвергнутаго имъ прошлаго, и это будетъ для него вѣстью о гибели.

Жена Генриха въ отчаяніи бросается въ озеро, а жители долины, возмущенные отступничествомъ его, разрушаютъ и жгутъ созидаемый имъ при помощи волшебной силы храмъ. Тогда изъ глубины озера слышится звонъ колокола, а передъ глазами мастера появляются умершія его дѣти, которыя приносятъ ему кружку, наполненную слезами ихъ матери. Съ ужасомъ слышитъ и видитъ все это Генрихъ, и земныя чувства берутъ въ немъ верхъ надъ стремленіемъ сверхчеловѣческимъ. Онъ отталкиваетъ отъ себя и проклинаетъ Раутенделейнъ и спускается въ долину къ своимъ ближнимъ. Но недолго онъ остается тамъ: они гонятъ его назадъ въ горы. А тамъ возлюбленная не возвращается къ нему. Оттолкнутая имъ, она нашла пріютъ у Никкельмана, а Генриха даритъ только трогательнымъ прощальнымъ свиданіемъ. Онъ умираетъ, выпивъ чашу, поданную ему живущей въ горахъ колдуньей.

Мы опустили всѣ частности, которыя придаютъ этой „сказочной драмѣ" живописность, облекаютъ ее дѣйствительно волшебнымъ колоритомъ, а также и нѣкоторыя особенности, вполнѣ умѣстныя въ сказкѣ, но нѣсколько странныя на сценѣ. Остановимся на мысли пьесы. Символическое ея значеніе довольно ясно, конечно, если не разгадывать смысла нѣкоторыхъ символовъ второстепенныхъ, которые, однако, заботливо разсматривались

нѣмецкой критикой, какъ, напр., особая задача каждаго изъ тѣхъ карликовъ, которые помогаютъ Генриху въ постройкѣ храма, и спеціальный смыслъ напитковъ, предлагаемыхъ ему колдуньей.

Генриха не удовлетворяютъ ни совершенство въ мастерствѣ, служащемъ для догматической обрядности, ни заурядное семейное счастіе. Онъ стремится въ неизвѣданную высь. Послѣ своего паденія вмѣстѣ съ земнымъ колоколомъ, онъ объявляетъ женѣ, что тотъ колоколъ и не годился для вершинъ. Онъ прекрасно гудѣлъ въ долинѣ, но не имѣлъ того могучаго звука, какой необходимъ на высотахъ горъ. А когда чары Раутенделейнъ омолодили мастера и дали ему новое вдохновеніе, то творчество его выражается уже въ созиданіи храма солнца, въ которомъ объявится религія будущаго, то-есть благосостояніе, любовь и жизнерадостность всего человѣчества. Итакъ, призваніе Генриха— это призваніе сверхчеловѣка. Но сверхчеловѣкъ этотъ оказался недостаточно освободившимся отъ низменныхъ, „просто-человѣческихъ“ чувствъ. Онъ проклялъ свою прелестную волшебницу, а тривіальный человѣческій міръ уже оттолкнулъ его самого, и Генрихъ погибъ вслѣдствіе невыдержанности своего „сверхчеловѣческаго“ характера.

Итакъ, основной мотивъ взятъ у Ницше, но понятъ невѣрно, такъ какъ сверхчеловѣкъ его презираетъ человѣчество въ его настоящемъ видѣ. А согласованная съ этимъ мотивомъ, подчиненная мелодія—несоразмѣрность силъ съ великой задачей—напоминаетъ объ Ибсенѣ. Зато поэтическая красота произведенія, блескъ стиховъ, яркость картинъ, драматичность нѣкоторыхъ разговоровъ составляютъ уже собственное достояніе Гауптмана. Говорили объ иныхъ чертахъ, напоминающихъ „Фауста“ Гёте и „Сонъ въ лѣтнюю ночь“ Шекспира. Но вѣдь въ области поэзіи нѣтъ патентовъ на изобрѣтеніе, и несправедливо ставить современнымъ поэтамъ въ вину, что та или другая частность у нихъ напоминаетъ о великихъ поэтахъ прошлаго.

„Потонувшій колоколъ“ имѣлъ огромный успѣхъ въ Германіи, какъ пьеса и какъ поэма. Въ теченіе одного года эта драма вышла въ шестнадцати изданіяхъ. Она вообще считается лучшимъ произведеніемъ Гауптмана. Тѣмъ не менѣе, въ ней есть, и по мысли, и по исполненію, несовершенства, на которыя не трудно указать, между тѣмъ какъ въ „Ганнеле“ мысль и форма совпадаютъ въ безусловно-гармонической цѣлости, и сверхъ того, какъ мысль, такъ и форма вполнѣ оригинальны.

X.

Послѣ „Колокола“ Гауптманъ обратился снова къ семейной драмѣ. Таковы „Возчикъ Геншель“ (1899 г.), „Михаилъ Крамеръ“ (1900 г.), „Красный пѣтухъ“ (1901 г.) и „Роза Берндъ“ (1903 г.). Эта серія прерывается второю исторической драмой въ стихахъ — „Бѣдный Генрихъ“ — и, наконецъ, второй сказочной пьесой — „А Пиппа пляшетъ“, — поставленной въ минувшемъ году.

Изъ нихъ выдаются „Геншель“, „Крамеръ“ и „Роза Берндъ“. Геншель—это простой и добродушный человѣкъ, котораго умирающая жена заставила обѣщать ей, что онъ не женится, послѣ ея смерти, на служанкѣ ихъ Ганнѣ, дѣвушкѣ хитрой и кокетливой. Геншель чтитъ память жены, посѣщаетъ ея могилу, но, уступая уговорамъ пріятеля, женится-таки на Ганнѣ, какъ будто для пользы своего ребенка-дочери. Но дѣла его начинаютъ разстраиваться, дочь умираетъ, и хотя и отъ второй жены у него родится дочь, но это не служитъ ему утѣшеніемъ, такъ какъ жена ему измѣняетъ. Сюжетъ этотъ напоминаетъ разсказъ „Стрѣлочникъ Тиль“. Различіе въ томъ, что Геншель приписываетъ всѣ свои несчастья—тому, что онъ не сдержалъ даннаго покойной женѣ слова. Характеры здѣсь очень рельефны и дѣйствіе ведено сильно.

„Михаилъ Крамеръ“—это исторія постояннаго столкновенія отца съ сыномъ, основаннаго на деспотизмѣ отца и на взаимномъ непониманіи. По интересу драматическаго дѣйствія, пьесѣ этой слѣдовало бы дать скорѣе имя Арнольда Крамера, такъ какъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ является здѣсь Арнольдъ, сынъ профессора живописи при академіи. Но по тенденціи психологической—главной фигурой представляется отецъ. Естественно, что хроническій разладъ между сыновьями и отцами проявляется рѣзче среди племенъ англо-саксонскаго, скандинавскаго и германскаго, у которыхъ сильнѣе развито начало индивидуальности, чѣмъ среди расъ романской и славянской.

Повсюду, конечно, рознь между отцами и дѣтьми возникаетъ нерѣдко вслѣдствіе раздоровъ между самими родителями, а также на почвѣ различія во взглядахъ психологическихъ и общественныхъ. Но въ этомъ послѣднемъ явленіи выказывается уже борьба не столько между личными темпераментами, сколько между несогласными воззрѣніями двухъ поколѣній. Въ чистомъ же своемъ

видѣ, то-есть какъ столкновеніе между характерами, между правами личности, эта рознь наиболѣе часто наблюдается именно у тѣхъ народовъ, которые отличаются сильно развитою волей. Профессоръ Крамеръ мало обращалъ вниманія на дочь, но въ сынѣ своемъ, съ самаго его рожденія, онъ видѣлъ свой идеалъ, второго себя, только—болѣе совершеннаго, призваннаго къ болѣе возвышенной задачѣ. Онъ говорилъ себѣ: „Тебѣ уже дойти до этого не дано, а ему—быть можетъ!"

И вотъ, онъ съ дѣтства и до возмужалости воспитывалъ сына для этого идеала, со всею строгостью, со всѣмъ тѣмъ деспотизмомъ, какой внушается убѣжденіемъ и сознаніемъ пользы для тиранизируемаго такимъ образомъ лица. Сынъ наслѣдовалъ талантъ отца, но эти пріемы воспитанія сдѣлали запуганнаго юношу скрытымъ, робкимъ, лживымъ и лѣнивымъ. Онъ проводитъ дни въ трактирахъ, а отца увѣряетъ, что работалъ или бесѣдовалъ съ товарищами объ искусствѣ. Отецъ понялъ это и считаетъ сына негодяемъ, безчувственнымъ и глубоко развращеннымъ. Между тѣмъ Арнольдъ нисколько не развращенъ, но видитъ въ отцѣ деспота, который его постоянно мучилъ и съ которымъ ему тяжело даже говорить. А того, что отецъ, въ дѣйствительности, любитъ только его одного и отъ него только ждетъ своего личнаго счастья, Арнольдъ и не подозрѣваетъ.

Къ несчастью, сынъ влюбляется въ трактирную служанку, для которой этотъ мрачный, молчаливый гость, сидящій по цѣлымъ вечерамъ, не сводя съ нея глазъ, смѣшонъ и непріятенъ. Нѣкая компанія обычныхъ посѣтителей трактира привыкаетъ преслѣдовать молодого человѣка шутками и мелкими оскорбленіями. Арнольдъ, который уже отъ страха передъ отцомъ былъ на дорогѣ къ такъ-называемой маніи преслѣдованія, съ трудомъ переноситъ эти обиды и разъ вынимаетъ изъ кармана револьверъ, пугаетъ этимъ бездѣльниковъ и бѣжитъ изъ трактира, преслѣдуемый ими. Избѣгнувъ ихъ погони, онъ, однако, не рѣшается идти домой, предвидя, какъ разнесется все это приключеніе по городу и какъ оно подѣйствуетъ на отца. Онъ бросается въ воду.

Послѣднее дѣйствіе служитъ только картиной горести отца и любви его къ погибшему сыну. Въ лицѣ его, которому смерть придала новое выраженіе, отецъ находитъ явный отблескъ той геніальности и того благородства духа, которыя онъ стремился развить въ немъ. Это, безспорно, одна изъ тѣхъ семейныхъ драмъ Гауптмана, въ которыхъ сильно проведенъ психологическій конфликтъ и сообщается глубокое впечатлѣніе.

„Роза Берндъ"—это исторія красивой крестьянской дѣвушки,

которой не даютъ прохода обожатели. Но только одинъ изъ нихъ намѣренъ на ней жениться и, повидимому, получаетъ ея согласіе. Но онъ явился слишкомъ поздно; она уже сдѣлалась жертвой той травли, среди которой жила. Она родила и задушила ребенка. Однако женихъ такъ ее любитъ, что и послѣ этого не оставляетъ ее.

Въ послѣдней изъ поставленныхъ уже на сцену пьесъ Гауптмана, въ „Pippa tanzt“, какъ нарочно, явилось доказательство, что еще недостаточно избрать тему изъ міра наиболѣе сроднаго поэту, чтобы успѣшно совладать съ нею. „Pippa“ хотя и названа сказкою, но сказочное въ ней лишено поэзіи и представляется въ лицѣ такого волшебника, который просто требуется какъ deus ex machina, чтобы спасти влюбленныхъ изъ плѣна и открыть имъ путь, куда глаза взглянутъ. Они уходятъ при словахъ волшебника: „а Пиппа пусть танцуетъ“, хотя она въ этомъ благословеніи не нуждается, такъ какъ ничего другого и не умѣетъ, какъ танцовать. Возлюбленный уходитъ съ нею, играя на окаринѣ „жалкую мелодію“, что нисколько для него не характерно, такъ какъ онъ—ремесленникъ.

Германская печать сообщаетъ о двухъ новыхъ произведеніяхъ Гауптмана, оконченныхъ въ прошломъ году: „Gabriel Schilling's Flucht“ и „Die fröhlichen Jungfern vom Bischofsberg“. Онѣ еще не изданы, и на сцену поступитъ раньше вторая изъ нихъ. Гауптману теперь сорокъ-четыре года, и отъ него можно ожидать еще цѣлаго ряда дальнѣйшихъ произведеній. А при томъ постоянномъ исканіи новыхъ путей, которое отмѣчено въ настоящемъ очеркѣ, онъ, по всей вѣроятности, вступитъ еще и въ такія области, которыхъ долго не касался.

Но основныя свойства его таланта уже опредѣлились настолько, что наиболѣе замѣчательныхъ созданій отъ него можно ожидать именно въ области свободнаго полета фантазіи. Сила воображенія, огромная впечатлительность, богатство чувства, простота и вмѣстѣ деликатность въ его выраженіи—вотъ главныя особенности этой высоко-артистической натуры. Въ области современной поэтической драмы за Гауптманомъ едва-ли не слѣдуетъ признать первое мѣсто.

Л. Полонскій.

ЧЛЕНЪ ПАРЛАМЕНТА

РОМАНЪ.

Catherine Cecil Thurston. John Chilcote, M. P.—London, 1906.

Окончаніе *).

XVI.

Поговоривъ съ бывшимъ секретаремъ Чилькота, Лодеръ вздохнулъ свободнѣе. Если его кольца возбудили подозрѣніе лэди Аструпъ, то рано или поздно придется давать объясненія,—какія, объ этомъ онъ и думать боялся. Съ другой стороны, можетъ быть, она почему-либо перемѣнила свое обращеніе съ нимъ—какъ угадать капризы женщинъ? А въ такомъ случаѣ онъ вполнѣ защитилъ интересы Чилькота и свои собственные, заручившись словомъ Блесингтона, на котораго можно было вполнѣ положиться. Онъ успокоился и направился къ Евѣ. Ему казалось, что лицо ея выдѣляется своей сверкающей красотой среди всѣхъ другихъ, и онъ почувствовалъ странную гордость.

У него былъ оживленный и увѣренный видъ, когда онъ подходилъ къ ней.

— Удѣли мнѣ нѣсколько времени,—сказалъ онъ торопливымъ голосомъ.—Мы вѣдь такъ мало видимся.

Она подняла, какъ бы противъ воли, рѣсницы, и взглянула на него страннымъ, удивленнымъ и слегка смущеннымъ взглядомъ. Лодеръ видѣлъ, какъ вспыхнули ея щеки, и понялъ, что она покраснѣла отъ неожиданности его словъ. Онъ выказалъ свое превосходство надъ Чилькотомъ, облеченный въ его же

*) См. выше: февраль, стр. 728.

образъ. Это было первымъ молчаливымъ признаніемъ его силы. Онъ инстинктивно приблизился къ ней.

— Уйдемъ изъ этой давки!—сказалъ онъ, и она только наклонила голову, не говоря ни слова. Онъ увидѣлъ, что при всей ея гордости ей пріятно подчиняться его власти, и, обрадованный этимъ, направился съ нею къ двери.

Но пройти было почти невозможно. Въ столовой набралось еще больше народа, и всѣ толпились въ дверяхъ.

— Интересно наблюдать такую толпу для развитія въ себѣ демократическихъ чувствъ,—сказалъ онъ, и Ева посмотрѣла на него, видимо вполнѣ соглашаясь съ нимъ. Лодеръ подумалъ о томъ, какая бы она была, еслибы въ ней пробудить дѣйствительное чувство симпатіи. Въ это время произошло движеніе въ корридорѣ, и въ столовой уже всѣ задвигались; при нѣкоторой настойчивости, Лодеру удалось тогда пройти съ Евой къ двери. Потомъ пришлось опять остановиться; но, стоя на одномъ мѣстѣ подъ-руку съ Евой, Лодеръ все-таки могъ видѣть блестящую толпу въ корридорѣ черезъ плечо какого-то господина, который стоялъ передъ нимъ и былъ значительно ниже его.

— Чего мы здѣсь ждемъ?—шутливо спросилъ онъ, глядя въ затылокъ незнакомаго господина.

Тотъ обернулся, поздоровался и улыбнулся Лодеру. Они обмѣнялись шутками; незнакомый господинъ, видимо, былъ пріятно изумленъ добродушно-веселымъ тономъ Чилькота. Чтобы отвлечь его вниманіе отъ себя, Лодеръ выглянулъ въ корридоръ.

— Всѣ, повидимому, чего-то ждутъ,—сказалъ онъ.—Чего же собственно?—Потомъ онъ вдругъ замолчалъ.

— Тамъ что-нибудь интересное?—спросила Ева, касаясь его руки.

Онъ ничего не сказалъ, но оглянулся. Все въ немъ застыло: мысли и слова. Господинъ, стоявшій передъ нимъ, опустилъ монокль и потомъ снова вставилъ его.

— Боже!—воскликнулъ онъ:—вотъ идетъ наша волшебница. Совершенно какъ сказочная принцесса. Такъ вотъ почему всѣ здѣсь сбились въ кучу и ждутъ!

Лодеръ ничего не отвѣтилъ и только глядѣлъ, не отрывая глазъ, поверхъ головы низенькаго господина. По корридору, чувствуя общее восхищеніе собой, шла Лиліанъ Аструпъ, окруженная цѣлой свитой. Ея нѣжное лицо было слегка возбужденное, глаза блестѣли, платье изъ золотистой вышитой ткани граціозно облегало ея фигуру. У нея былъ торжествующій видъ, но она была, видимо, чѣмъ-то очень взволнована; это чувствовалось въ

ея смѣхѣ, въ движеніяхъ, въ ея быстромъ взглядѣ, которымъ она оглядывала всю комнату, точно выискивая кого-то.

Лодеръ, глядя съ изумленіемъ на нее, вдругъ все понялъ. Въ головѣ его мелькнуло воспоминаніе о тревожной ночи въ далекой итальянской долинѣ,—и на фонѣ этой ночи, при лунномъ свѣтѣ, чье-то блѣдное прекрасное лицо... Теперь объяснились ему всѣ его впечатлѣнія за послѣдніе полчаса; онъ понялъ, о чемъ ему напомнилъ голосъ лэди Брамфель и что̀ прозвучало въ голосѣ ея сестры. Какъ это онъ сразу не догадался!

Лиліанъ приближалась со своей свитой. Лодеръ чувствовалъ, что они направляются въ столовую, но, повинуясь какой-то роковой силѣ, не двигался съ мѣста. Онъ видѣлъ, какъ она приближается, и измѣнился въ лицѣ; но пока она шла по корридору, онъ вполнѣ понялъ, что старыя чувства исчезли, что онъ весь во власти своей новой жизни. Когда Лиліанъ приблизилась, онъ сталъ понимать, чѣмъ она озабочена. Она все время говорила, смѣялась, но глаза ея тревожно блуждали по комнатѣ.

— Принесите мнѣ что-нибудь сладкое, Джефери!—сказала она стоявшему около нея господину.—Вы знаете, что̀ я люблю,—какое-нибудь легкое пирожное.

Взоръ ея блуждалъ, когда она произносила эти слова. Лодеръ видѣлъ, какъ она посмотрѣла сначала на мальчика, стоявшаго передъ ней, потомъ на человѣка, черезъ голову котораго онъ глядѣлъ, затѣмъ обратила быстрый прямой взглядъ прямо на него. Онъ увидѣлъ, что она узнала его, и быстро направилась впередъ; толпа въ корридорѣ раздвинулась, чтобы дать ей пройти. Тогда онъ увидѣлъ нѣчто, показавшееся ему чудомъ. Выраженіе ея лица измѣнилось, губы раскрылись, и она покраснѣла отъ досады, какъ балованный ребенокъ, который открылъ коробку отъ конфектъ и увидѣлъ, что она—пустая.

Когда у дверей стало нѣсколько свободнѣе, то рыжій человѣкъ, стоявшій передъ Лодеромъ, первый воспользовался свободнымъ мѣстомъ и прошелъ впередъ.

— Что̀ это, Лиліанъ,—сказалъ онъ, проходя впередъ:—у васъ такой видъ, точно вы думали, что тутъ не Чилькотъ, а кто-нибудь другой, и теперь разочарованы.—Онъ засмѣялся своей собственной шуткѣ.

Его слова заставили Лиліанъ овладѣть собой. Она улыбнулась своей обычной привѣтливой улыбкой, взглянувъ на него.

— Вы надѣли монокль, Леонардъ,—сказала она,—и потому неотвѣтственны за то, что̀ видите.

Она была теперь совершенно спокойна. Лодеръ инстинктивно

подошелъ къ Евѣ и взялъ ее подъ-руку. Онъ почувствовалъ еще сильнѣе желаніе бороться, чтобы защитить положеніе, которое ему стало такъ дорого. Съ внезапной рѣшимостью онъ снова обернулся къ Лиліанъ.

— У меня получилось такое же впечатлѣніе, хотя я и не ношу монокля,—сказалъ онъ.—Почему вы, дѣйствительно, такъ странно посмотрѣли на меня?

Онъ спросилъ это твердо и съ кажущимся равнодушіемъ; но его смѣлость была только кажущеюся. Онъ затаилъ дыханіе и ждалъ отвѣта Лиліанъ. Онъ видѣлъ только золотистое сіяніе ея платья и блескъ ея золотыхъ волосъ, и чувствовалъ прикосновеніе руки Евы, чувствовалъ теплоту ея кожи черезъ тонкую перчатку. Потомъ вдругъ туманъ разсѣялся. Онъ увидѣлъ глаза Лиліанъ — взглядъ ея былъ равнодушный, веселый, слегка насмѣшливый.

— Что за глупости, Джэкъ!—сказала она громко.—Меня просто поразилъ блескъ вашихъ глазъ, выглянувшихъ изъ-за волосъ Леонардо. Точно пышный закатъ—и надъ нимъ черное облако.—Она засмѣялась.—Это очень живописно. Не правда ли, Ева?

Ева спокойно обернулась, посмотрѣла и улыбнулась. Лодеръ не чувствовалъ дрожи въ ея рукѣ, но сразу понялъ, что эти двѣ женщины—враги. Для него это было такъ же ясно, какъ то, что Лиліанъ дѣйствительно узнала его; онъ видѣлъ, что его гладко выбритое лицо, выдававшее его за Чилькота, не убѣдило ее.

У него было такое чувство, какъ у человѣка, который заглянулъ въ пропасть и отступилъ отъ ея края, внѣшнимъ образомъ спокойный, но потрясенный до глубины души. Онъ не слышалъ отвѣта Евы, не обратилъ вниманія на слѣдующія слова Лиліанъ, и увидѣлъ только, какъ она улыбнулась, повернулась къ рыжему человѣку и ушла вмѣстѣ со своей маленькой свитой въ столовую. Потомъ онъ крѣпко сжалъ руку Евы—онъ чувствовалъ настоятельную потребность дружеской близости послѣ пережитого волненія.

— Хочешь, уйдемъ?—спросилъ онъ Еву.

Она взглянула на него.

— Изъ этой комнаты?—спросила она.

Онъ взглянулъ на нее, приковывая къ себѣ ея взглядъ.

— Изъ этой комнаты... и изъ этого дома,—отвѣтилъ онъ.—Ѣдемъ домой.

XVII.

Только когда Лодеръ очутился въ каретѣ рядомъ съ Евой, и лошади быстро помчали ихъ, онъ наконецъ пришелъ въ себя и подумалъ о томъ, дѣйствительно ли все, что̀ онъ пережилъ въ этотъ вечеръ, происходило наяву. А теперь вдругъ старая картина возникла въ его памяти съ полной ясностью. Онъ увидѣлъ залитые солнцемъ дома Санта-Саларе, припомнилъ всѣ подробности: все осталось тѣмъ же самымъ вплоть до центральной фигуры. Измѣнилось только его отношеніе...

Въ эту минуту Ева прервала ходъ его мыслей, причемъ первыя слова странно совпали съ его мыслями.

— Какъ тебѣ понравилась Лиліанъ Аструпъ? — спросила она. — Какъ она была красиво одѣта, — какъ художественно! Правда, золотистая ткань удивительно идетъ къ цвѣту ея волосъ?

Лодеръ отвѣчалъ уклончиво, и не понималъ восторговъ Евы, такъ какъ чувствовалъ, что она не любитъ Лиліанъ: онъ слишкомъ мало зналъ женщинъ, чтобы понять ея похвалы.

— Я не обратилъ вниманія на ея платье,—сказалъ онъ.

Ева выглянула въ окно.

— Удивительно, какъ мужчины не умѣютъ цѣнить красоту,— сказала она, но въ голосѣ ея въ эту минуту не звучало упрека.

Послѣ этого они молчали до самаго дома. Выйдя изъ коляски и войдя въ домъ, Ева остановилась у лѣстницы, дѣлая кое-какія распоряженія, и Лодеръ опять залюбовался ею. Онъ невольно сталъ сравнивать ее съ Лиліанъ Аструпъ, и Ева казалась ему болѣе привлекательной своей особой красотой. Лиліанъ была нѣжна, какъ бѣлая роза, выросшая въ оранжереѣ и вянущая отъ перваго прикосновенія рѣзкаго воздуха. А Ева была прекрасна красотой дикой розы на приморскихъ скалахъ, которая сохраняетъ прозрачность лепестковъ при вѣтрѣ и холодномъ туманѣ. Лодеръ чувствовалъ, что эта женщина можетъ стать опорой въ жизни. Съ минуту онъ стоялъ въ нерѣшительности, потомъ вдругъ новое рѣшеніе осѣнило его. Этотъ вечеръ приносилъ ему удачи, и онъ рѣшился еще разъ попытать счастья.

Онъ быстро пошелъ по лѣстницѣ, догналъ Еву и, остановивъ ее, сказалъ:

— Зайди ко мнѣ сегодня въ кабинетъ, какъ въ прошлый разъ. Мнѣ хочется съ тобой поговорить.

Она нерѣшительно взглянула на него и отвернулась.

— Пожалуйста зайди!—настаивалъ онъ.—Я не часто обращаюсь къ тебѣ съ просьбами.

Она все еще колебалась, но теперь онъ рѣшилъ за нее. Онъ смѣло взялъ ея руку и мягко, но рѣшительно направилъ ее въ комнаты Чилькота.

Въ кабинетѣ былъ зажженъ свѣтъ и весело горѣлъ огонь въ каминѣ, столъ былъ заваленъ бумагами, все стояло на обычныхъ мѣстахъ,—и Лодеръ опять почувствовалъ себя какъ дома въ обстановкѣ, гдѣ недоставало только его. Чтобы скрыть свое пріятное возбужденіе, онъ быстро прошелъ по комнатѣ и выдвинулъ кресло. Менѣе чѣмъ въ шесть часовъ онъ пережилъ безконечно разнообразныя чувства. Онъ уже былъ близокъ къ отчаянію, когда появленіе Чилькота подняло его къ небесамъ. Съ тѣхъ поръ онъ пережилъ минуты безграничнаго изумленія и большой опасности. Изъ всего этого онъ вышелъ побѣдителемъ, и это воодушевляло его.

— Присядь,—мягко сказалъ онъ Евѣ, пододвигая ей кресло, и, взглянувъ въ ея лицо, на которомъ отражались недовѣріе и любопытство, Лодеръ почувствовалъ снова увѣренность въ своей силѣ. Онъ подошелъ къ ней и оперся на спинку ея кресла.— Я началъ говорить тебѣ что-то, когда мы ѣхали сегодня къ Брамфелямъ,—сказалъ онъ.—Могу я продолжать?

— Конечно.—Ева обернулась, взглянула на него съ изумленіемъ, потомъ опять отвернулась и сжала руки. А онъ задумчиво смотрѣлъ на тонкую линію ея плечъ, на сверканіе бриліантовъ на ея шеѣ.

— Помнишь, три недѣли тому назадъ, мы говорили въ этой комнатѣ? Тогда многое казалось возможнымъ.

Онъ говорилъ это спокойно, настойчивымъ голосомъ, который еще въ школьные годы подчинялъ ему всѣхъ. Ева впервые услышала этотъ голосъ и подчинилась ему.

— Да, я помню,—сказала она.

— Тогда ты вѣрила въ меня—ты увидѣла меня въ новомъ свѣтѣ и *признала* меня,—продолжалъ онъ, дѣлая удареніе на послѣднемъ словѣ.—Но съ тѣхъ поръ твое отношеніе измѣнилось. Твоя вѣра въ меня пошатнулась.

Онъ посмотрѣлъ на нее, но она не двинулась, и только еще ниже нагнулась къ огню. Онъ скрестилъ руки на спинкѣ ея стула.

— Ты, конечно, имѣла на это основаніе,—сказалъ онъ.— Я все это время не былъ самъ собой.—При этихъ словахъ спокойствіе оставило его. Онъ ненавидѣлъ ложь, даже когда она

необходима, но теперь ему нужно было прежде всего оправдаться.—У всякаго человѣка есть свое несчастіе,—продолжалъ онъ.—Бываютъ дни и недѣли, когда я... когда мои...—Слово „нервы" было у него на языкѣ, но онъ его не произнесъ.

Очень спокойно, не произнося ни звука, Ева поднялась и взглянула на него. Она стояла выпрямившись, съ блѣднымъ лицомъ, и рука ея, опиравшаяся на спинку кресла, слегка дрожала.

— Джонъ,—быстро сказала она,—не произноси отвратительнаго слова „нервы". Я сегодня его не вынесу. Неужели ты не понимаешь?

Лодеръ отступилъ, почувствовавъ странное смущеніе. Что-то въ ея лицѣ поразило его. Ему показалось, что онъ вступилъ безъ подготовки на опасную почву. И онъ ждалъ ея дальнѣйшихъ словъ, глядя на нее со смутнымъ страхомъ.

— Я не могу объяснить,—нервно продолжала она,—почему такъ случилось, но эта комедія стала невыносимой для меня. Прежде я старалась не думать, а теперь я какъ-то измѣнилась. Почему люди мѣняются?—спросила она безпомощнымъ тономъ, и Лодеръ почувствовалъ какое-то внутреннее торжество.

— Почему, почему?—спросила она опять.

— Я не волшебникъ,—мягко отвѣтилъ онъ,—и даже не знаю, о чемъ ты говоришь.

Она съ минуту молчала, но во взорѣ ея ясно отражалось отчаяніе. Наконецъ она заговорила.

— Ты серьезно не знаешь?—спросила она, и Лодеръ коротко отвѣтилъ:

— Серьезно.

— Въ такомъ случаѣ, я тоже буду говорить серьезно,—сказала она.—Голосъ ея слегка задрожалъ, и она опять покраснѣла, но рука, лежавшая на спинкѣ кресла, не дрожала.

— Я уже болѣе четырехъ лѣтъ знаю, что ты принимаешь морфій; болѣе четырехъ лѣтъ я мирюсь съ твоей ложью и твоимъ паденіемъ.

Наступило молчаніе.

— Ты знала это четыре года?—медленно спросилъ Лодеръ, въ первый разъ за этотъ вечеръ вспомнивъ о Чилькотѣ.

— Да, я знала,—сказала Ева, поднявъ голову.—Можетъ быть, слѣдовало сейчасъ же сказать, когда я открыла твою тайну... Но что объ этомъ говорить теперь! Очевидно, такъ рѣшила судьба. Я была очень молода, ты былъ очень замкнутъ, и любви между нами не было.—Она опять отвернулась на минуту.—Разочарованіе молодой дѣвушки—тяжелая драма. Я видѣла весь об-

манъ, всю ложь твоей жизни, и, наконецъ, стала относиться равнодушно къ твоимъ „нервамъ", такъ же равнодушно, какъ другіе, не знавшіе правды.—Она опять нервно засмѣялась.—Я думала, что сохраню равнодушіе навсегда. Я внутренно застыла, и была страшно поражена, когда м-ръ Фрэдъ потребовалъ, чтобы я употребила свое вліяніе. Но въ тотъ вечеръ...

— Что въ тотъ вечеръ?—переспросилъ Лодеръ нервнымъ голосомъ.

Ева замолчала, быть можетъ поддавшись гипнозу его властнаго взгляда, или же обезсилѣвъ послѣ минутнаго возбужденія, и, постоявъ въ нерѣшительности, отвернулась и подошла къ камину.

— Въ тотъ вечеръ я былъ другой?—настойчиво спросилъ Лодеръ.

— Да, другой, и все-таки тотъ же самый,—отвѣтила она нехотя, не поворачивая къ нему головы.—Мнѣ казалось...—начала она снова, помолчавъ.—Не знаю, почему я это говорю тебѣ теперь. Какое-то странное, непонятное чувство владѣетъ мной. То же чувство, которое проснулось во мнѣ, когда мы здѣсь пили чай. Мнѣ точно вѣрится, что случилось чудо, что ты освободился...

— Отъ морфія?

— Отъ морфія.

Въ послѣдовавшемъ затѣмъ молчаніи Лодеръ пережилъ сильную душевную борьбу. Первая его мысль была о себѣ, но потомъ онъ вспомнилъ о Чилькотѣ, о своемъ договорѣ съ нимъ, и рѣшилъ спасти и Чилькота, и себя. Онъ быстро подошелъ къ камину и сталъ рядомъ съ Евой.

— Ты была права,—сказалъ онъ:—съ того вечера, какъ ты говорила мнѣ о Фрэдѣ, и до того дня, какъ мы пили здѣсь чай, я не касался морфія.

Она взглянула на него нерѣшительно.—Ты такъ часто лгалъ мнѣ относительно многаго другого!..

Онъ быстро повернулъ голову, взволнованный недовѣріемъ и грустью въ ея голосѣ. Онъ опять забылъ о Чилькотѣ. Но, опомнившись, онъ повернулся къ ней.—Взгляни на меня!—сказалъ онъ.—Теперь ты вѣришь, что я говорю правду?

Она пристально глядѣла ему въ глаза.—А послѣднія три недѣли,—сказала она все еще сомнѣвающимся тономъ.—Какъ я могу тебѣ вѣрить?

Лодеру тяжело было обманывать эту женщину даже съ цѣлью самооправданія.

— Забудь послѣднія три недѣли!—быстро сказалъ онъ.— Нельзя сразу освободиться отъ порочной страсти. — Ты такъ долго терпѣла,—потерпи же еще немного... Я тоже, какъ и ты, не могу объяснить всего. Говорю тебѣ только, что въ тотъ день, когда мы разговаривали въ этой комнатѣ, я былъ самъ собой, вполнѣ владѣлъ всѣми своими способностями. А тотъ, кого ты знала за послѣднія три недѣли,—тотъ, кого ты рисовала себѣ въ умѣ въ теченіе четырехъ лѣтъ—призракъ, воплощеніе человѣческихъ слабостей. Есть другой, новый Чилькотъ, — пожелай только увидѣть его!

Ева вся дрожала, когда онъ кончилъ. Глаза ея сверкали.

— Ну, а старое?—спросила она.

— Имѣй терпѣніе.—Онъ смотрѣлъ на огонь.—Такіе періоды, какъ послѣднія три недѣли, будутъ еще возвращаться,—они неминуемы. Когда они наступятъ, закрой глаза. Не обращай на нихъ вниманія,—не обращай тогда вниманія на меня. Согласна? —Онъ все еще избѣгалъ ея взгляда.

Она обернулась къ нему.

— Да, если желаешь,—сказала она тихо.

— Способна ли ты на то, на что̀ способны лишь немногіе мужчины, а тѣмъ болѣе женщины?—спросилъ онъ.—Можешь ли ты жить настоящимъ?—Онъ медленно поднялъ голову и встрѣтился съ ея глазами.—Это опытъ, и какъ во всякомъ опытѣ,— будутъ и хорошіе моменты, и тяжелые. Знай только, что въ тяжелыя минуты ты не одна страдаешь. Я тоже страдаю — но иначе.

Наступило молчаніе, и на минуту ему казалось, что Ева никогда не отвѣтитъ. Затѣмъ наступила для него радостная неожиданность. Ева легкой поступью подошла къ нему и положила свою руку въ его руку. Она подняла на него глаза, и губы ея раскрылись въ безсознательномъ призывѣ.

Нѣтъ ничего болѣе обаятельнаго, чѣмъ гордая женщина въ моментъ, когда она смиряется передъ признанной ею властью другого. Честь, долгъ, нравственное чувство воздвигали тройную преграду между ними. Но честь, долгъ, нравственное чувство— только слова для человѣка съ упрямой волей. Ни разу до этой минуты Лодеръ не чувствовалъ всей сложности положенія, въ которомъ онъ очутился. Держа ея руку въ своей, онъ наклонился къ Евѣ. У него кружилась голова.

— Ева!..—сказалъ онъ, но потомъ вдругъ остановился при звукѣ собственнаго голоса. Онъ почувствовалъ, что говоритъ, какъ человѣкъ, забывшій обо всемъ, кромѣ своего страстнаго же-

ланія. Съ минуту онъ стоялъ неподвижно. Потомъ онъ спокойно отвернулся отъ нея и высвободилъ ея руку.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ,—нѣтъ!... Я не имѣю права.

XVIII.

Въ первый разъ со вступленія въ свою новую роль, Лодеръ плохо спалъ ночью, думая съ тяжелымъ чувствомъ о новомъ оттѣнкѣ своихъ отношеній къ Евѣ; но уже задолго до того, какъ утренній свѣтъ сталъ проникать черезъ тяжелыя портьеры, онъ принялъ рѣшеніе, которымъ надѣялся успокоить свою совѣсть и соблюсти интересы Чилькота. Рѣшеніе было хотя скорѣе отрицательное, но оно его удовлетворяло, и онъ всталъ утромъ съ сознаніемъ, что все устроится къ лучшему. А затѣмъ и случай оказался его сообщникомъ. Когда Лодеръ, завтракая, по обыкновенію, одинъ въ столовой, прочелъ утреннюю почту Чилькота и бѣгло просмотрѣлъ газеты, онъ увидѣлъ, что болѣе могущественная сила, чѣмъ его собственное рѣшеніе, ворвалась въ его жизнь, опредѣляя весь его дальнѣйшій образъ дѣйствія. Онъ увидѣлъ, что ему уже не придется бороться съ желаніемъ подолгу бывать въ обществѣ Евы, что ему не удастся располагать въ ближайшее время досугомъ: все его время будетъ поглощено важными дѣлами.

Въ это утро, 27-го марта, раздались первые раскаты политической грозы, которая разразилась надъ страной. Всѣ газеты были полны извѣстій, что, въ виду внутренняго неустройства персидской арміи и неспособности шаха справиться съ открытымъ мятежомъ пограничныхъ племенъ въ сѣверо-восточныхъ областяхъ Мешеда, явилась на помощь Россія, пославъ войска съ своего военнаго поста въ Мервѣ черезъ персидскую границу на мѣсто безпорядковъ. Для большинства англійской публики, эти извѣстія были туманны, такъ какъ, при отдаленности Персіи, столкновеніе англійскихъ и русскихъ интересовъ не выяснялось во всей его важности; сообщенія о томъ, что двинуты русскія войска, не представлялось болѣе знаменательнымъ, чѣмъ извѣстія о первыхъ пограничныхъ безпорядкахъ въ январѣ. Но въ политическомъ мірѣ извѣстіе это вызвало сильное волненіе. Въ рядахъ же оппозиціи началась тревога, связанная съ ожиданіемъ крупныхъ событій.

Изъ всѣхъ членовъ партіи это чувство сильнѣе всего заговорило въ Лодерѣ. Онъ всю жизнь интересовался восточнымъ

вопросомъ, хорошо изучилъ его и сразу понялъ важность извѣстій. Сидя за столомъ Чильвота, окруженный письмами и газетами, онъ забылъ о завтракѣ, забылъ о своихъ личныхъ интересахъ, объ опасностяхъ и радостяхъ. волновавшихъ его наканунѣ, и сталъ мысленно представлять себѣ карту Персіи, свершая путь изъ Мерва въ Мешедъ, изъ Мешеда въ Гератъ, изъ Герата въ Индію. Не фактъ возстанія интересовалъ его, а то, что русское войско переступило границу и утвердилось въ двадцати миляхъ отъ Мешеда, который былъ предметомъ русскихъ притязаній со времени Петра Великаго.

Нѣсколько часовъ спустя, Лодеръ получилъ срочное телефонное извѣщеніе, приглашавшее его къ редактору „St.-George's Gazette", Лэкли, и отвѣтилъ, что сейчасъ же придетъ: онъ зналъ, что въ редакціи этой газеты онъ узнаетъ самымъ достовѣрнымъ образомъ объ отношеніи партіи къ событіямъ. Еще не было двѣнадцати часовъ, какъ онъ уже входилъ въ редакцію и, проходя по корридорамъ и комнатамъ, гдѣ кипѣла газетная работа, почувствовалъ новый приливъ энергіи. Онъ быстро прошелъ въ кабинетъ редактора. Лэкли сидѣлъ за столомъ, дѣлая отмѣтки на разложенныхъ вокругъ него первыхъ изданіяхъ вечернихъ газетъ. Онъ курилъ большую сигару и, при входѣ Лодера, поднялъ глаза, не отрываясь отъ работы.

— Здравствуйте! Хорошо, что вы пришли, — коротко сказалъ онъ.—Присядьте, пока я просмотрю „St.-Stephen's".

Его дѣловитость понравилась Лодеру. Кивнувъ ему головой, онъ подошелъ къ топившемуся камину, и въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ Лэкли продолжалъ работать. Наконецъ онъ выпустилъ изъ рукъ газету и откинулся на стулѣ.

— Ну, что̀ же вы скажете?—спросилъ онъ.—Занятный завязался узелъ, не правда ли?

Лодеръ обернулся къ нему.

— Да,—сказалъ онъ спокойно,—дѣло серьезное.

Лэкли засмѣялся и затянулся сигарой.

— Что-то скажутъ Сэвборо и его компанія? Они могли бы заранѣе предвидѣть это, еслибы вообще умѣли разсуждать... Неужели они дѣйствительно вѣрили, что Россія станетъ спокойно выжидать, пока шахъ будетъ устраивать игрушечную мобилизацію?.. Но куда вы дѣвались вчера? Мы точно предчувствовали все это у Брамфелей. Фрэдъ зашелъ на минутку туда, и мы потомъ отправились вмѣстѣ въ клубъ, и были тамъ, когда пришло первое извѣстіе. Всѣ были страшно возбуждены.

— Могу себѣ вообразить!—сказалъ Лодеръ взволнованнымъ голосомъ.

Лэкли посмотрѣлъ на него, потомъ быстро наклонился впередъ и положилъ локти на столъ.

— Воображать мало, Чилькотъ, — сказалъ онъ внушительнымъ тономъ.—Вы должны отнестись къ этому активно.—Онъ сказалъ это быстро и рѣшительно, а затѣмъ остановился, ожидая эффекта своихъ словъ. Въ его голосѣ прозвучало нѣчто, остановившее вниманіе Лодера. Онъ чувствовалъ, что краснѣетъ.

— Активно? Чтò вы хотите этимъ сказать?—спросилъ онъ.

Лэкли опять поглядѣлъ на него, затѣмъ быстрымъ движеніемъ отодвинулъ свой стулъ назадъ.

— Да,—сказалъ онъ,—старика Фрэда никогда не обманываетъ его чутье. Онъ правъ. Вы—самый подходящій человѣкъ.

Все еще спокойно, сдерживая внутреннее волненіе, Лодеръ отошелъ отъ камина, взялъ стулъ и подсѣлъ къ столу Лэкли.

— Скажите мнѣ точно, чтò вы хотѣли сказать?—спросилъ онъ своей старой, отрывистой манерой.

Лэкли посмотрѣлъ еще на него съ видимымъ удовольствіемъ, затѣмъ рѣшительнымъ жестомъ бросилъ докуренную сигару.

— Вотъ чтò, милый мой, — сказалъ онъ.—Кое-гдѣ скоро образуется брешь, и Фрэдъ считаетъ васъ самымъ подходящимъ человѣкомъ для заполненія пустого мѣста. Пять лѣтъ тому назадъ, во время бундаръ-абаской исторіи, вы очень удачно выступили и подавали большія надежды. А репутація дѣльнаго человѣка держится очень упорно, даже когда дальнѣйшее ее не оправдываетъ. Вы опустились съ тѣхъ поръ,—прямо вамъ говорю. Но, можетъ быть, это было только къ лучшему, и вы созрѣли въ бездѣйствіи,—это бываетъ. Я самъ уже было махнулъ на васъ рукой, но за послѣдніе мѣсяцы измѣнилъ свое мнѣніе.

Лодеръ опять задвигался, взволнованный наплывомъ чувствъ. Каждое слово Лэкли поднимало въ немъ чувство гордости, возвышало въ немъ сознаніе личной силы.

— Ну, такъ чтò же вы хотите сказать?—спросилъ онъ.

Лэкли улыбнулся.

— Мы всѣ знаемъ, что министерство Сэвборо — какъ бы сказать?—не крѣпко держится на ногахъ,—сказалъ онъ.—Сэвборо строитъ свой карточный домикъ слишкомъ высоко. Опрокинется онъ. Можетъ быть, конечно, падетъ военное министерство, а можетъ быть очистится и портфель иностранныхъ дѣлъ!

Они обмѣнялись взглядомъ взаимнаго пониманія.

— Вы, конечно, понимаете, что дѣло не въ томъ, что Рос-

сія вступила въ Персію, а въ томъ, уйдетъ ли она оттуда, когда возстаніе будетъ подавлено. Повѣрьте мнѣ, Чилькотъ, что черезъ недѣлю намъ сообщатъ, что возстаніе подавлено, но что Россія не отозвала войска, а напротивъ того, спокойно утвердилась въ Мешедѣ. Если эти извѣстія прибудутъ до пасхальныхъ каникулъ, то можно будетъ настоять на томъ, чтобы продолжить сессію. И если дѣйствовать какъ слѣдуетъ, то Сэвборо не сдобровать.

Лодеръ сидѣлъ, не произнося ни слова. Передъ нимъ открылись головокружительныя перспективы. Самыя фантастическія мечты вдругъ превратились въ осязательную дѣйствительность— явилась возможность оправдать себя и свой обманъ. Онъ нагнулся и, облокотившись на столъ, опустилъ голову на руки. Лэкли не выводилъ его изъ раздумья. Занятый интересами газеты и своей политической партіи, онъ былъ совершенно равнодушенъ къ чувствамъ человѣка, сидѣвшаго передъ нимъ, хотя и понималъ, что его волнуетъ возможность сыграть видную политическую роль. Наконецъ, онъ прервалъ молчаніе, невыносимое для его живого темперамента, взялъ карандашъ и ударилъ имъ по столу.

— Послушайте, Чилькотъ,—сказалъ онъ,—надѣюсь вы не сомнѣваетесь въ себѣ?

При звукѣ его голоса Лодеръ поднялъ лицо; оно было очень блѣдно, но на немъ отражались энергія и рѣшимость.

— Нѣтъ, Лэкли, — сказалъ онъ медленно.—Въ такой моментъ человѣкъ не имѣетъ права сомнѣваться въ себѣ.

XIX.

Такимъ образомъ Лодеръ освободился отъ одной отвѣтственности, чтобы принять на себя другую. Съ 27-го марта, когда Лэкли изложилъ свою политическую программу въ редакціи „St.-George's Gazette“, и до 1-го апрѣля онъ былъ центральнымъ лицомъ въ движеніи, поднятомъ въ консервативныхъ кругахъ. Лэкли вѣрно опредѣлилъ положеніе дѣла въ то утро, и всѣ послѣдующія событія оправдывали его предсказанія.

Зорко слѣдя за дѣйствіями Россіи, Фрэдъ спокойно организовывалъ свои силы и укрѣплялъ свою позицію, и Лодеръ научился многому въ эти знаменательные дни у мудраго вождя своей партіи. Самъ онъ былъ всецѣло поглощенъ интересами минуты, забывъ о Чилькотѣ, и отдавалъ всю свою энергію, весь

свой талантъ дѣлу, которое требовало большого напряженія силъ. Нужно было все подготовить и выжидать. Еслибы Россія, подавивъ возстаніе, вернулась въ свои предѣлы, довольствуясь лаврами усмирителя, ничто бы не измѣнилось. Но еслибы предсказанное Лэкли наступательное движеніе Россіи произошло до пасхальныхъ каникулъ, то началась бы борьба, которая длилась бы всю слѣдующую сессію. А тѣмъ временемъ вождь оппозиціи долженъ былъ бы выжидать, охраняя свое достоинство.

31-го марта Лодеръ былъ приглашенъ на завтракъ къ Фрэду. Его задержали извѣстія изъ Варка, и онъ пришелъ нѣсколько минутъ позже назначеннаго часа. Войдя въ гостиную, онъ тамъ засталъ маленькое общество изъ трехъ человѣкъ—Фрэда, лэди Сару и Еву. Когда онъ вошелъ, всѣ замолчали и обратили взгляды въ его сторону. Прежде всего онъ поспѣшилъ поздороваться съ лэди Сарой, потомъ быстро взглянулъ на Еву, обрадовавшись при видѣ ея. Онъ пожалъ руку Фрэду и опять взглянулъ на Еву, ожидая, что она заговоритъ съ нимъ. Она встрѣтила его взглядъ и улыбнулась въ отвѣтъ. Въ улыбкѣ ея выражалось прощеніе и теплое, почти нѣжное сочувствіе. Онъ понялъ, что она не сердится на него за то, что послѣ ихъ знаменательнаго разговора онъ не старался еще разъ увидѣться съ нею; она, видимо, вполнѣ сочувствовала его работѣ. Мысль объ ея улыбкѣ освѣтила для него весь завтракъ, и онъ почувствовалъ еще сильнѣе обаятельную атмосферу дома Фрэдовъ и личное очарованіе своего партійнаго вождя: въ его домѣ Ева незамѣтно увлекалась общими интересами и становилась изъ пассивной зрительницы сочувствующею единомышленницей.

Разговоръ за завтракомъ сейчасъ же перешелъ на политическія темы, и среди мирной бесѣды ихъ застигла вѣсть о событіи, которое должно было отмѣтить этотъ знаменательный день.

Дверь вдругъ раскрылась безъ предварительнаго доклада, и вошелъ Лэкли съ крайне возбужденнымъ выраженіемъ лица. Не замѣчая присутствующихъ дамъ, онъ прямо подошелъ къ Фрэду и положилъ передъ нимъ распечатанную телеграмму.

— Это оффиціальное извѣщеніе, — сказалъ онъ. Потомъ, оглянувшись, онъ подошелъ къ лэди Сарѣ и извинился.—Простите,— сказалъ онъ,—но мнѣ такъ хотѣлось первому принести эту вѣсть.

Лэди Сара поднялась и протянула ему руки.

— Я отлично понимаю васъ, мистеръ Лэкли,—сказала она взволнованнымъ голосомъ, и глаза ея обратились на мужа. Одинъ только Фрэдъ сохранялъ полное спокойствіе духа. Онъ сидѣлъ

молча и вчитывался въ столь важныя для него вѣсти. Ева вскочила со стула и, наклонившись надъ плечомъ Фрэда, прочла телеграмму. Потомъ она подняла голову и лицо ея просіяло.

— Какое счастье быть мужчиной! — воскликнула она, и взгляды ея и Лодера невольно встрѣтились.

Такимъ образомъ опредѣлилась задача Лодера, и среди наступившей быстрой смѣны событій, въ виду необходимости дѣйствовать быстро и рѣшительно, онъ совершенно забылъ о Чилькотѣ. Колебаться было уже некогда, и подъ давленіемъ событій онъ выступилъ съ нападками на правительство въ засѣданіи, которое слѣдовало за завтракомъ у Фрэда. Въ этотъ памятный день 1-го апрѣля въ парламентѣ чувствовалась атмосфера приближающейся бури. Палата была переполнена; на скамьяхъ оппозиціи чувствовалось единодушіе, воплотившееся въ фигурѣ Фрэда. На министерскихъ скамьяхъ чувствовалась несомнѣнная тревога. Но, несмотря на всѣ эти признаки готовящагося боя, начало засѣданія прошло безшумно, въ виду безжизненности всѣхъ дѣлъ, поднимаемыхъ министерствомъ Сэвборо. И только когда рѣчь зашла о пасхальныхъ вакаціяхъ, опредѣлилась возбужденная атмосфера, и въ собраніе влилась жизнь. Тогда медленно поднялся Лодеръ, и всѣ глаза обратились на него.

Много любопытныхъ инцидентовъ связано съ рѣчами парламентскихъ ораторовъ, но едва-ли на чью-либо долю выпадало говорить въ первый разъ при такихъ условіяхъ, какъ Лодеру. Изъ всѣхъ собравшихся въ этотъ день въ палатѣ, одинъ только человѣкъ понималъ всю трудность положенія Лодера, — и это былъ самъ Лодеръ.

Онъ медленно всталъ и простоялъ нѣсколько секундъ молча, выпрямившись и положивъ пальцы на листки, лежавшіе передъ нимъ. Молчаніе его усилило общее вниманіе. Оно могло быть признакомъ самоувѣренности, или напротивъ, упадка нервовъ въ рѣшительный моментъ, — а то и другое представляло во всякомъ случаѣ интересъ. Всѣ глаза обратились на него. На дамской галереѣ Ева стиснула руки, охваченная тревогой; Фрэдъ быстро и зорко взглянулъ на человѣка, которому довѣрился наперекоръ осторожности, и потомъ лицо его приняло прежнее внимательное, спокойное выраженіе. Въ этотъ моментъ Лодеръ поднялъ голову и началъ говорить.

Въ первую минуту онъ, по неопытности, заговорилъ слишкомъ тихо. Наступила томительная минута. У Евы безпомощно опу-

стились руки. Иронические взгляды противниковъ оживились. Одинъ только Фрэдъ не мѣнялъ выраженія лица, оставался серьезнымъ, внимательнымъ, но легкая улыбка мелькнула въ глубинѣ его глазъ. Лодеръ опять на секунду остановился. Страшный моментъ, котораго онъ ждалъ, наступилъ; теперь онъ уже зналъ, ка̀къ и что̀ говорить. Онъ выпрямился и снова заговорилъ; на этотъ разъ голосъ его громко и ясно раздавался по всей залѣ.

Лодеръ твердо рѣшилъ заранѣе, въ какомъ тонѣ онъ будетъ говорить. Вѣрный традиціямъ консервативныхъ ораторовъ, онъ скорѣе маскировалъ, чѣмъ обнаруживалъ свое естественное краснорѣчіе. Случай для проявленія своего таланта онъ могъ найти впослѣдствіи; теперь же слѣдовало только выразить взгляды и чувства своей партіи какъ можно яснѣе, логичнѣе и убѣдительнѣе. Спокойно стоя на мѣстѣ Чилькота, онъ понималъ всю своеобразность и значительность своего положенія, и это, можетъ быть, придавало особую вѣскость его тону. Всегда было трудно возбудить интересъ палаты къ британской политикѣ въ Персіи. Потомъ уже интересъ разгорался очень быстро, но вначалѣ величайшая опасность заключалась въ невниманіи со стороны аудиторіи. Но этой опасности Лодеръ избѣгнулъ именно благодаря тому, что понималъ трудность своего положенія.

Говоря спокойнымъ, властнымъ голосомъ, который всегда подчиняетъ себѣ слушателей, онъ сталъ излагать свои мысли сильно и безпристрастно. Онъ очень ловко упомянулъ о неустанномъ движеніи Россія на югъ, въ персидскую территорію, уже съ древности, когда, по ироніи судьбы, Россія и Англія совмѣстно вступили въ Персію съ согласія московскаго князя. То же стремленіе, объяснялъ онъ, продолжается и до сихъ поръ, и теперь Россія, уже давно отчужденная своими интересами и желаніями отъ своего прежняго союзника, сдѣлала шагъ, имѣющій огромное значеніе въ глазахъ всякаго мыслящаго человѣка. Со спокойной настойчивостью Лодеръ указалъ на особенности положенія Мешеда въ далекой Хорасанской провинціи, его отдаленность отъ Персидскаго залива, гдѣ сосредоточены британскія силы, и, слѣдовательно, объ опасности, грозящей сотнямъ промышленниковъ, которые, опираясь на британскій протекторатъ, пробиваютъ себѣ путь изъ Индіи, изъ Афганистана,—даже изъ самой Англіи.

Продолжая развивать свою мысль, Лодеръ заговорилъ о британскихъ подданныхъ, которые могутъ обратиться, въ случаѣ личной или коммерческой опасности, за помощью только въ ближайшее консульство, и указалъ на безпомощность такихъ изоли-

рованныхъ консульствъ и на силу Россіи, которая можетъ дѣйствовать по собственному усмотрѣнію; ничто не можетъ остановить ея напора: Англія далека, а Персія безсильна..

Изложивъ все это, онъ вернулся къ исходному пункту своей рѣчи—къ протесту противъ распущенія палаты безъ взятаго на себя правительствомъ обязательства принять мѣры для защиты британскихъ интересовъ въ Мешедѣ и во всей Хорасанской области.

Партія была очень довольна рѣчью Лодера. Эффектъ былъ несомнѣнно большой. Если требованіе оратора и не было удовлетворено, то во всякомъ случаѣ онъ вызвалъ расколъ по вопросу о превращеніи сессіи, и правительство уже не имѣло на своей сторонѣ большинства. У Лодера самого было чувство, что онъ, наконецъ, оправдалъ себя. До этого дня онъ одинъ зналъ о своей силѣ, теперь она обнаружилась для многихъ, и онъ не могъ не почувствовать удовлетворенія. Первымъ знакомъ успѣха было то, что Фрэдъ подошелъ къ нему, отвелъ его отъ другихъ и крѣпко пожалъ ему руку.

— Мы гордимся вами, Чилькотъ, — сказалъ онъ; потомъ, глядя ему въ лицо, онъ прибавилъ болѣе серьезнымъ тономъ:— Но думайте всегда только о будущемъ; не увлекайтесь настоящимъ,—какимъ бы свѣтлымъ оно ни казалось.

При первыхъ словахъ Фрэда Лодеръ вспыхнулъ отъ гордой радости, но конецъ фразы остудилъ его пылъ. Онъ мысленно увидѣлъ всю опасность своего фальшиваго положенія, и чувство торжества покинуло его. Онъ невольнымъ жестомъ отдернулъ руку.

— Благодарю васъ, сэръ — сказалъ онъ.—И вы правы: не слѣдуетъ забывать, что есть будущее.

Старикъ удивленно посмотрѣлъ на него, потомъ, не входя въ дальнѣйшія разсужденія, предложилъ ему пройти къ дамамъ.

— Я знаю, что моя жена хочетъ увлечь васъ къ намъ,— сказалъ онъ.

Но радостное настроеніе Лодера прошло. Онъ сталъ бояться поздравленій лэди Сары и, главное, молчаливой похвалы во взглядѣ Евы. Онъ уклонился отъ приглашенія подъ предлогомъ нервной усталости.

— Я васъ только попрошу выразить Евѣ мою надежду, что она осталась довольна мной.

Сказавъ это, онъ простился съ Фрэдомъ, вышелъ одинъ изъ парламента и, подозвавъ кэбъ, поѣхалъ въ Гровноръ-Скверъ. Возбужденіе, охватившее его часъ тому назадъ, совершенно

исчезло; онъ чувствовалъ только суетность всѣхъ своихъ желаній. Ни внизу, ни на лѣстницѣ никого не было, и въ кабинетѣ онъ тоже никого не засталъ. Гринингъ былъ въ числѣ тѣхъ, которые наиболѣе внимательно слѣдили за его рѣчью въ палатѣ. Войдя въ комнату, онъ инстинктивно подошелъ къ столу и остановился. Надъ кучкой нераспечатанныхъ писемъ лежалъ желтый конвертъ съ телеграммой — той, о которой онъ безсознательно сейчасъ же подумалъ въ моментъ поздравленія Фрэда.

Онъ спокойно взялъ ее, открылъ, прочелъ и съ внимательной осмотрительностью, которая вошла у него въ привычку, поднесъ ее къ камину и бросилъ въ огонь. Сдѣлавъ это, онъ просмотрѣлъ письма Чилькота, сдѣлалъ нужныя отмѣтки на поляхъ и приготовилъ ихъ для Грининга. Затѣмъ онъ съ тѣмъ же спокойствіемъ вышелъ изъ комнаты, спустился съ лѣстницы и вышелъ на улицу.

XX.

На пятый день послѣ знаменательнаго 1-го апрѣля, въ который Чилькотъ отозвалъ Лодера и вернулся къ своей прежней жизни, онъ вышелъ изъ дому и направился къ Бондъ-Стриту. Хотя утро было ясное и теплое, на немъ было тяжелое пальто и теплыя перчатки. Онъ шелъ, прижимаясь къ домамъ, боясь солнца и свѣта, и все дрожалъ отъ холода, который преслѣдовалъ его въ послѣднее время.

Ему было очень не по себѣ. Въ старую его жизнь вошло слишкомъ много новыхъ обязательствъ и заботъ. Онъ тяготился своей жизнью до встрѣчи съ Лодеромъ; тогда она, какъ сѣть, запутывала его ноги,—но теперь эта сѣть опутала все его существованіе. Онъ не былъ свободенъ даже у себя дома. Присутствіе другого человѣка наложило отпечатокъ на все. Кукла, которую онъ вздумалъ поставить на свое мѣсто, оказалась живымъ человѣкомъ, завладѣла его жизнью, его положеніемъ, его личностью—только по праву болѣе сильнаго. Чилькотъ шелъ по Бондъ-Стриту въ солнечный весенній день, и чувствовалъ себя среди хорошо одѣтой толпы жалкимъ паріей. Онъ возмущался всѣмъ этимъ, но только про себя; возстать открыто противъ Лодера онъ не рѣшился бы, зная, что не можетъ обойтись безъ него. Его порочная страсть овладѣла имъ теперь еще сильнѣе,—а между тѣмъ только голосъ Лодера могъ сказать: откройся, Сезамъ!

Чилькотъ шелъ безъ всякой цѣли. Онъ пробылъ дома всего пять дней, но уже мечталъ о тихихъ комнатахъ Лодера въ

Клифордсъ-Иннѣ, какъ о желанномъ убѣжищѣ. Его ужасала быстрота, съ которой вернулась къ нему жажда покоя. Погруженный въ мысли, онъ шелъ скорыми шагами; потомъ вдругъ что-то остановило его. Кто-то изъ медленно движущейся нарядной толпы назвалъ его по имени, и, обернувшись, онъ увидѣлъ Лиліанъ Аструпъ. Она выходила изъ ювелирнаго магазина, и когда онъ обернулся, она остановилась и протянула ему руку.

— Васъ-то я и хотѣла видѣть! — воскликнула она.—Куда вы пропали? Я васъ совсѣмъ не вижу съ тѣхъ поръ, какъ вы сдѣлались политическимъ дѣятелемъ и перестали быть обыкновеннымъ членомъ парламента. — Она мягко улыбнулась, и ея улыбка подходила къ легкому весеннему воздуху, какъ вся она подходила къ пріятной и ничтожной свѣтской болтовнѣ, которую завела съ Чилькотомъ. Онъ взялъ ея руку и удержалъ въ своей, съ какимъ-то внутреннимъ облегченіемъ глядя на ея нѣжное лицо, свѣтлое суконное пальто, мягкій мѣхъ и пучокъ розъ на муфтѣ.

— Какой у васъ хорошій видъ!—сказалъ онъ невольно.

Она опять засмѣялась.

— Это уже мое неотъемлемое право. Но я, дѣйствительно, рада, что встрѣтила васъ. Я теперь ищу людей, умѣющихъ все угадывать чутьемъ.

Чилькотъ взглянулъ на нее.

— Опять сильно истратились? — спросилъ онъ сухо.

Она нѣжно улыбнулась.

— Джэкъ!—съ жалобнымъ упрекомъ произнесла она.

Онъ засмѣялся.

— Понимаю. Вы перемѣнили министра финансовъ. Я нуженъ для чего-нибудь другого.

— Вы всегда нужны, — мягко сказала она, но ея слова вернули его къ прежнему недовольству собой, изъ котораго она его вывела на минуту своимъ присутствіемъ.

— Я очень радъ, что встрѣтилъ васъ,—сказалъ онъ.—Но жаль, что долженъ покинуть васъ — мнѣ некогда. Я зайду къ вамъ какъ-нибудь днемъ или вечеромъ, когда вы будете одна.

Онъ сталъ поправлять воротникъ своего пальто и высматривалъ, какъ бы ему свернуть на Оксфордъ-Стритъ. Но Лиліанъ снова улыбнулась — она отлично знала Чилькота и всѣ его капризы.

— Ну, можно ли стѣсняться временемъ, Джэкъ?—сказала она.—Торопиться все равно нечего, а если вамъ нужно поѣхать куда-нибудь, то моторъ привезетъ васъ быстрѣе, нежели кэбъ,—

сказала она, указывая на изящный автомобиль, стоявшій у панели. У нея былъ такой очаровательный видъ, и она такъ настойчиво влекла за собой Чилькота, что тотъ наконецъ, послѣ легкаго колебанія, послѣдовалъ за ней.

— Въ Гайдъ-Паркъ, и поѣзжайте медленно! — приказала Лиліанъ, садясь въ моторъ и указывая мѣсто противъ себя.

Они быстро и мягко помчались по Бондъ-Стриту къ Марбль-Арчъ, и когда они въѣзжали въ ворота, Лиліанъ пристально поглядѣла на своего спутника.

— Удивительно, удивительно!—вдругъ воскликнула она, и въ отвѣтъ на удивленный и слегка раздраженный взглядъ Чилькота быстро прибавила:—Не злитесь, я вамъ объясню. Меня сегодня поразило то же, что̀ тогда на вечерѣ у Бланшъ, когда вы взглянули на меня поверхъ головы Леонарда Кэна. Помните?

Чилькоту стало не по себѣ.

— Да, да, — поспѣшно сказалъ онъ, жалѣя, что Лодеръ, слишкомъ занятый политическими интересами, не разсказалъ ему о подробностяхъ своего послѣдняго замѣстительства.

— Я тогда не могла сказать вамъ правду, — продолжала Лиліанъ.—Не могла же я объяснять въ присутствіи толпы гостей, что меня поразилъ тогда вовсе не контрастъ вашихъ темныхъ волосъ съ рыжими волосами Леонардо, а нѣчто другое: поразительное сходство...—она остановилась, не закончивъ фразы.

Автомобиль мчался довольно быстро, и ѣзда на свѣжемъ воздухѣ была очень пріятна. Но всякое удовольствіе исчезло для Чилькота; въ немъ проснулась смутная тревога.

— Какое сходство?—быстро спросилъ онъ. — Всякое сходство—обманъ воображенія.

Лиліанъ снова взглянула на него слегка удивленнымъ взглядомъ.

— Однако, еще недавно вы сами...—начала она.

— Глупости! я всегда отрицалъ сходство. Ничего подобнаго въ дѣйствительности не существуетъ, и нелѣпо думать о томъ, чего нѣтъ.

Лиліанъ продолжала внутренно удивляться. Она сама была увѣрена, что на вечерѣ у сестры видѣла дѣйствительно Чилькота. Она была тогда слишкомъ занята своими мыслями и не присматривалась къ нему, хотя смутно припоминала потомъ, что у него былъ тогда необыкновенно здоровый видъ. И она снова вспомнила объ этомъ теперь, глядя на его лицо съ несомнѣнными, хотя и незамѣтными для ненаблюдательнаго глаза слѣдами его порока: неподвижностью взгляда, нездоровой желтизной кожи.

Отраженіе ея мысли, очевидно, замѣтно было на ея лицѣ, потому что Чилькотъ безпокойно задвигался на своемъ мѣстѣ.

— Ахъ, да, — сказалъ онъ, оживившись: — вы хотѣли мнѣ что-то сказать?

Онъ радъ былъ перевести разговоръ на другую тему.

Она задумчиво поднесла муфту къ лицу.

— Въ сущности это такъ, пустяки,—сказала она..—Я знаю, что вы иногда догадливы, а мнѣ нужно разгадать тайну одного приключенія, которое было у меня въ жизни.—Лицо ея приняло сосредоточенный видъ, но она замѣтила безпокойство въ чертахъ Чилькота и перемѣнила выраженіе лица.

— Ну, да это скучно, — мягко сказала она. — Не буду я вамъ надоѣдать,—насладимся пріятной прогулкой, а посовѣтуюсь я съ вами уже въ другой разъ.

— Ну да, отлично, въ другой разъ,—съ радостью подхватилъ Чилькотъ.—А теперь, не будемъ больше объ этомъ думать. Отложимъ разговоръ до другого раза.

— Хорошо.—Она откинулась на спинку сидѣнья.—Вы какъ-нибудь придете ко мнѣ обѣдать, и мы поговоримъ. Я такъ мало васъ вижу теперь!—прибавила она тихимъ голосомъ.

— Вы несправедливы, дорогая, — сказалъ Чилькотъ. Тонъ его звучалъ бодрѣе и увѣреннѣе.—У меня отнимаетъ все время глупѣйшая политика. Я бы радъ быть съ вами постоянно,—еслибы это отъ меня зависѣло.

Она подняла глаза на высокія голыя деревья. На лицѣ ея отразилось удовольствіе, гордость и нѣкоторое недовѣріе.

— Такъ, значитъ, вы пріѣдете обѣдать? — сказала она наконецъ.—Назначимъ сейчасъ же день.

— Отлично, назначимъ!—быстро подхватилъ онъ.—Можно назначить сейчасъ же. — Съ внезапнымъ порывомъ любезности онъ разстегнулъ пальто, сунулъ руку въ карманъ и вынулъ записную книжку — ту же, которую Лодеръ съ такимъ вниманіемъ и интересомъ разсматривалъ въ первое утро въ домѣ Чилькота.

— Ну, какой день вы предпочитаете?—спросилъ Чилькотъ, быстро переворачивая страницы книжки. — Четвергъ занятъ; пятница и суббота—тоже. Какая досада!—сказалъ онъ, продолжая быстро говорить.

Лиліанъ заглянула въ книжку.

— Вотъ прелестная книжка! — сказала она.—Но къ чему эти синіе кресты?—она коснулась одной страницы пальцемъ въ перчаткѣ.

Чилькотъ быстро захлопнулъ книжку и засмѣялся съ нѣкоторымъ смущеніемъ.

— Кресты? Чтобы напоминать мнѣ о наиболѣе важныхъ дѣлахъ. Вы вѣдь знаете, какая у меня отвратительная память.— Ну, такъ что же, какой день хотите? Скажемъ, въ понедѣльникъ на будущей недѣлѣ.

— Это слишкомъ далеко, — сказала она съ сожалѣніемъ и нѣжностью. — Почему не завтра? — она перевернула страничку назадъ.—Тутъ, кажется, есть свободное мѣстечко.

— Завтра? Я...—онъ остановился.

Но она стала настаивать, и трудно было противиться нѣжному тону ея просьбы. Она привыкла видѣть въ Чилькотѣ своего вѣрнаго рыцаря, и теперь боялась, что дѣла отвлекутъ его отъ нея. Не будучи въ состояніи отказать ей, онъ быстро вписалъ что-то въ пустое мѣсто на страницѣ. Она слѣдила за нимъ съ радостнымъ лицомъ.

— Джэкъ, милый, — сказала она,—какъ я буду рада!—Но когда онъ показалъ ей книжку, лицо ея вытянулось: „Обѣдать—33, Кадоганъ-Гарденсъ. Поговорить съ Л.“, прочла она.—Однако, вы забыли главное, — сказала Лиліанъ: — отмѣтку синимъ крестомъ; вотъ у васъ синій карандашъ.

Она взглянула на него, радуясь своей побѣдѣ, и съ дѣловитымъ видомъ сдѣлала сама большой синій крестъ. Въ эту минуту моторъ поѣхалъ медленнѣе и остановился, такъ какъ шофф̈ёръ ждалъ дальнѣйшихъ приказаній. Лиліанъ предложила завезти Чилькота въ его клубъ, но онъ отказался, и когда они выѣхали изъ парка, онъ простился съ ней.

— Я тутъ сойду,—сказалъ онъ. — Благодарю васъ за очаровательное утро. — Поспѣшно пожавъ ей руки, онъ всталъ и вышелъ изъ мотора, затѣмъ еще разъ кивнулъ ей, снявъ шляпу, и быстро пошелъ впередъ, не оглядываясь. На него напало такое состояніе, что онъ могъ думать только о себѣ: мысль о Лиліанъ, о назначенномъ свиданіи, сразу вылетѣла у него изъ головы.

Лиліанъ задумчиво поглядѣла ему вслѣдъ, и только когда онъ подозвалъ кэбъ, она приказала шофф̈ёру ѣхать домой.

XXI.

Въ тотъ же день, когда Чилькотъ разстался съ Лиліанъ,— но только въ три часа пополудни,—Лодеръ, переодѣтый въ платье Чилькота и перекинувъ черезъ руку его тяжелое пальто, напра-

влялся изъ Флитъ-Стрита на Гровноръ-Скверъ. Онъ шелъ твердымъ, не слишкомъ быстрымъ шагомъ и, войдя въ домъ, поднялся по лѣстницѣ, а затѣмъ не прошелъ, по обыкновенію, въ комнаты Чилькота, а прямо направился къ гостиной Евы — и остановился у двери. Онъ постучалъ, но, не получивъ отвѣта, повернулъ ручку и вошелъ въ комнату. Строгое убранство средней по величинѣ гостиной нравилось ему гармоніей темныхъ тоновъ. Отсутствіе дамскихъ бездѣлушекъ, шкафы съ книгами въ драгоцѣнныхъ переплетахъ, бронза, темные тона цвѣтовъ фіалокъ и темныхъ розъ создавали строгую гармонію. Лодеръ медленно подошелъ къ камину. Въ эту минуту вошла Ева, одѣтая для прогулки, и быстро прошла по комнатѣ. Увидѣвъ Лодера, она остановилась, вопросительно взглянувъ на него. Онъ думалъ о томъ, что обстановка комнаты, устроенной, очевидно, по вкусу Евы, гармонично дополняетъ прекрасный образъ хозяйки. Ева продолжала пристально глядѣть на него, ожидая объясненій.

— Джонъ, ты?—спросила она съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ.

Онъ рѣшительно направился къ ней.

— Взгляни на меня! — сказалъ онъ спокойно. Странность этихъ словъ ее, повидимому, не удивила.

— Я сейчасъ же поняла, когда увидѣла тебя здѣсь.

Его удивилъ радостный звукъ ея голоса, но удивленіе смѣнилось сейчасъ же другимъ чувствомъ.

За пять дней изгнанія онъ больше всего думалъ о томъ, какъ ему возстановить дружескія отношенія съ Евой. Онъ вспоминалъ о томъ вечерѣ, когда съ трудомъ устоялъ противъ соблазна, и о томъ, какъ онъ рѣшилъ избѣгать Евы, чтобы быть подальше отъ опасности. Въ одинокіе дни въ Клифордсъ-Иннѣ онъ нашелъ болѣе достойный исходъ для сильнаго человѣка, и когда Чилькотъ снова призвалъ его, онъ рѣшилъ не избѣгать Евы, а всецѣло отдаться политическимъ интересамъ Чилькота, и этимъ убѣдить себя, что ничто другое не занимаетъ его мыслей.

— Ну, что?—медленно сказалъ онъ:—трудно было тебѣ сохранять довѣріе ко мнѣ за послѣдніе пять дней?—спросилъ онъ.

Ева обернулась къ нему. Глаза ея сверкали полнотой жизни, щеки зарумянились отъ весенняго воздуха.

— Нѣтъ, — отвѣтила она довѣрчиво. — Я все-таки вѣрила. Новообращенные всегда наиболѣе тверды въ своей вѣрѣ.—Она засмѣялась съ легкимъ смущеніемъ и взглянула на него.

Онъ порывисто перешелъ черезъ всю комнату къ окну.

— Ева, — сказалъ онъ, не оглядываясь, — мнѣ нужна твоя помощь.

Онъ услышалъ за собой шелестъ ея платья, и понялъ, что взялъ вѣрный тонъ. Женщинъ всегда трогаетъ обращеніе къ нимъ за помощью.

— Ты знаешь... мы всѣ знаемъ, что теперь острый моментъ политической жизни, — онъ все еще глядѣлъ въ окно. — Теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, я долженъ готовиться къ битвѣ...—Онъ остановился, медленно обернулся, и глаза ихъ встрѣтились. — Для того, чтобы добиться чего-нибудь, — нужно сосредоточиться на одномъ, на одной цѣли. Человѣкъ долженъ забыть...

— Что у него есть жена?—мягко докончила Ева.—Я тебя понимаю.

Она сказала это безъ видимыхъ признаковъ огорченія, очень опредѣленно и просто, но Лодеру вдругъ пересталъ нравиться выдуманный имъ планъ дѣйствія. Отсутствіе оппозиціи ослабило его энергію.

— Этого я вовсе не хотѣлъ сказать,—быстро отвѣтилъ онъ совершенно голосомъ Чилькота, и подошелъ къ ней ближе. — Ты слишкомъ быстро дѣлаешь заключенія. Я хотѣлъ объяснить...

— Какъ разъ то, что̀ я поняла, — сказала Ева и улыбнулась.—Какіе мужчины умные, и какіе, вмѣстѣ съ тѣмъ, глупые! Стоитъ женщинѣ выказать вамъ интересъ, какъ вы уже боитесь, какъ бы она не стала вамъ помѣхой, и стараетесь спасти положеніе. — Она говорила это съ легкой усмѣшкой, продолжая твердо глядѣть ему въ глаза.

— Ты думаешь, что проявляешь большой дипломатическій тактъ,—спокойно продолжала она.—А на самомъ дѣлѣ все это очень прозрачно... Я бы поняла съ первой фразы,—еслибы не знала все это прежде, чѣмъ ты заговорилъ.

Лодеръ хотѣлъ ей возразить, но она не дала.—Нѣтъ,—сказала она, улыбаясь.—Нечего было затѣвать это.—И знаешь, почему?—Потому,—сказала она медленно, въ отвѣтъ на изумленный взглядъ Лодера,—что для женщины, которая питаетъ интересъ къ человѣку, его карьера важнѣе всѣхъ ея чувствъ и эгоистическихъ желаній.

Они на минуту встрѣтились глазами, потомъ Лодеръ быстро отвернулся. Она поразила его своимъ пониманіемъ, своей необычайной личной силой. Онъ поднялъ голову, и ихъ взгляды встрѣтились.—Прости меня!—сказалъ онъ искренно и просто.

XXII.

Послѣ разговора съ Евой, Лодеръ перешелъ въ кабинетъ и всю остальную часть дня и вечера провелъ за работой. Въ часъ ночи онъ отпустилъ Грининга и прошелъ въ спальню Чилькота. Онъ сталъ медленно раздѣваться, вспоминая съ чувствомъ отрады о разговорѣ съ Евой. На туалетномъ столѣ онъ увидѣлъ записную книжку Чилькота, взялъ ее и сталъ медленно читать страницу за страницей. Это ныряніе въ жизнь и дѣла другого человѣка все еще казалось ему какой-то лотереей, въ которой можно вытянуть или выигрышный, или пустой билетъ. Это чувство еще не ослабѣло въ немъ. Сначала онъ медленно переворачивалъ страницы, потомъ все быстрѣе. Онъ не зналъ, что̀ его ждетъ въ ближайшіе дни. Чилькотъ такъ торопливо нагрянулъ въ Клифордсъ-Иннъ днемъ, что некогда было предлагать лишніе вопросы. Лодеръ поспѣшно перечитывалъ записи, потомъ вдругъ остановился и улыбнулся.

„Ну, и крестъ,—точно могильный памятникъ!“ — подумалъ онъ, увидавъ большую отмѣтку синимъ карандашомъ. Онъ опять улыбнулся и поднесъ книжку къ свѣту: „Обѣдать—33, Кадоганъ-Гарденсъ, въ 8 часовъ. Поговорить съ Л.“, прочелъ Лодеръ. Онъ задумался и опять обратилъ вниманіе на крестъ. „Очевидно, онъ хотѣлъ, чтобы я непремѣнно замѣтилъ. Но почему онъ точнѣе не объяснилъ?“ Потомъ вдругъ лицо его освѣтилось пониманіемъ. Онъ вспомнилъ просьбы Лэкли, чтобы онъ пришелъ къ нему къ обѣду на Кадоганъ-Гарденсъ, для бесѣды о политическихъ перспективахъ.

Очевидно, Лэкли написалъ ему во время его отсутствія, и Чилькотъ, сдѣлавъ помѣтку въ книжкѣ, снялъ съ себя дальнѣйшую отвѣтственность. Но едва-ли такое приглашеніе могло быть сдѣлано на словахъ; Чилькотъ былъ въ очень угнетенномъ состояніи съ тѣхъ поръ, какъ вернулся домой, и не запомнилъ бы сказанное ему устно. Но Лодеръ, увлеченный другими мыслями, не подумалъ объ этомъ. Утромъ, поглощенный работой, онъ не провѣрилъ, дѣйствительно ли на Кадоганъ-Гарденсъ живетъ Лэкли. Къ семи часамъ онъ одѣлся, занятый мыслями о предстоящемъ обѣдѣ и всѣхъ возможныхъ результатахъ бесѣды съ редакторомъ „St.-George's Gazette“. Ему льстило вниманіе Лэкли, вѣрившаго въ него, и, уходя изъ дома Чилькота, онъ почувствовалъ приливъ новыхъ силъ. Внизу онъ встрѣтился съ Евой, и

когда сказалъ ей, что ѣдетъ обѣдать къ Лэкли, она взглянула на него съ довѣріемъ и гордостью; теплота тона, которымъ она выразила свое сочувствіе, еще болѣе подняла бодрость Лодера.

Когда Лодеръ нажалъ электрическій звонокъ въ домѣ на Кадоганъ-Гарденсъ, у него было какое-то мрачное предчувствіе. Внѣшній видъ дома, бѣлая дверь и массивный серебряный молотокъ поразили его претенціозностью и показной роскошью, непонятной въ такомъ человѣкѣ, какъ Лэкли. Онъ даже провѣрилъ, тотъ ли это нумеръ дома, но увидѣлъ, что не ошибся. Дверь отворилась, и Лодера все не покидало чувство несоотвѣтствія обстановки съ хозяиномъ. Прежде, чѣмъ онъ успѣлъ обратиться съ какимъ-либо вопросомъ къ слугѣ, тотъ предупредилъ его:

— Пожалуйте въ бѣлую гостиную, сэръ. Позвольте снять пальто.

Увѣренный и развязный тонъ лакея изумилъ его. Онъ молча поднялся за лакеемъ по лѣстницѣ. Наверху онъ опять хотѣлъ было назвать имя хозяина, но въ это время лакей быстро и тихо прошелъ впередъ и раскрылъ дверь.

— Мистеръ Чилькотъ,—доложилъ онъ.

Первое впечатлѣніе Лодера было, что онъ очутился въ необычайно роскошной комнатѣ, погруженной въ мягкій полусвѣтъ. Потомъ все внѣшнее исчезло для него: какая то фигура поднялась съ кушетки, когда назвали имя Чилькота,—и Лодеру показалось, что все въ комнатѣ исчезло, и она одна стоитъ въ пустотѣ. Но онъ сдѣлалъ усиліе надъ собой и, самъ изумляясь своему спокойствію, медленно пошелъ ей навстрѣчу. Можетъ быть, лучше было бы немедленно отступить и предупредить этимъ много непріятностей; но Лодера привлекалъ рискъ, и онъ пошелъ навстрѣчу опасности.

Лиліанъ подождала, пока онъ подошелъ къ ней, и протянула ему руку.

— Джэкъ,—сказала она,—какой вы милый, что не забыли!

Голосъ и слова явственно дошли до его слуха и разъ навсегда уничтожили всякія сомнѣнія относительно характера отношеній между Чилькотомъ и этой женщиной. Это открытіе навело его сейчасъ же на мысль о Евѣ, и обида за нее придала суровое выраженіе его лицу.

Лиліанъ не обратила на это вниманія, нѣжно ему улыбалась и подозвала сѣсть ближе къ камину. Къ счастью, сама она сѣла на диванѣ лицомъ къ огню, такъ что Лодеръ оставался въ тѣни, и это отдаляло непосредственную опасность обличенія. Нѣсколько

минутъ они сидѣли молча. Въ комнатѣ все странно возбуждало нервы; мягкій свѣтъ огня, запахъ розъ, тихій и ласковый голосъ Лиліанъ. Лодеру становилось душно, и онъ сѣлъ выпрямившись, стараясь не поддаваться разслабляющей атмосферѣ.

— Почему вы не курите?—спросила Лиліанъ послѣ короткаго молчанія.—Надѣюсь, сегодня вы въ хорошемъ настроеніи и не будете опять откладывать бесѣды?—Она взглянула на него и улыбнулась.

Лодеръ совершенно не зналъ, что сказать, и Лиліанъ, тщетно ожидая его отвѣта, наконецъ нахмурилась и поднялась съ дивана. Со свойственнымъ ей упрямствомъ, она однако продолжала настаивать на томъ, чтобы онъ ее выслушалъ.

— Джэкъ,—нѣжно начала она,—со мной случилось нѣчто совершенно поразительное, и вы должны помочь мнѣ разобраться въ этой таинственной исторіи.

Она помолчала и медленно проводила рукой по шолковой вышивкѣ на платьѣ. Потомъ она опять взглянула на него.

— Я вамъ разсказывала,—начала она,—о приключеніи, которое было въ моей жизни, очень, очень давно, задолго до нашего знакомства,—въ Италіи?

Лодеръ ничего не сказалъ, но она не обратила вниманія на его молчаніе.

— Аструпъ заболѣлъ лихорадкой,—продолжала она,—а я уѣхала, боясь тоже заболѣть. Гдѣ-то около Пистоіи нашъ поѣздъ сошелъ съ рельсовъ. Къ счастью, мы были неподалеку отъ деревушки, гдѣ было крайне неудобно, но очень живописно. Я поселилась въ маленькой гостинницѣ съ моей дѣвушкой и съ Коко— моимъ бѣлымъ пуделемъ. Я въ тотъ годъ увлекалась пуделями.— Она остановилась, задумчиво повернулась къ огню, потомъ медленно поглядѣла снова на Лодера.

— Я возвращаюсь къ моей исторіи, Джэкъ,—сказала она.— Въ игрушечной деревушкѣ былъ игрушечный мальчикъ,—сказала она съ мягкимъ смѣхомъ.—Онъ былъ англичанинъ, и онъ спасъ меня. Онъ жилъ въ одной гостинницѣ со мной, и онъ... и мы...— Она замялась.—Почему вы молчите, Джэкъ?—спросила она недовольнымъ голосомъ.—Васъ это, кажется, не интересуетъ?—прибавила она съ упрекомъ.

Лодеръ нагнулся нѣсколько впередъ на своемъ стулѣ.

— Вы ошибаетесь,—сказалъ онъ.—Ваша исторія меня сильно интересуетъ.

Лиліанъ продолжала говорить, успокоенная его тономъ,—но почему-то не его словами. Она не привыкла къ рѣшительному

тону Чилькота; но, послѣ нѣкотораго колебанія, она продолжала свой разсказъ.

— Такъ вотъ, онъ первый явился мнѣ на помощь, такъ какъ дѣвушка моя билась въ истерикѣ гдѣ-то въ другомъ вагонѣ, а Коко пропалъ. Прежде всего, я отправила англичанина искать собаку.

Лодеръ не могъ не улыбнуться.

— Ну, и что же, нашелъ онъ ее?—тихо спросилъ онъ.

— Да, нашелъ,—сказала она, и тоже невольно улыбнулась.—Бѣдняжка Коко очутился подъ обломками багажнаго вагона. Англичанинъ, послѣ многихъ усилій, вытащилъ его. Коко вышелъ совершенно невредимъ — и прогрызъ англичанину палецъ. Коко прелесть, но зубы и нравъ у него сердитые. — Она сама засмѣялась при воспоминаніи.

— А вы перевязывали ему рану?—спросилъ Лодеръ саркастическимъ тономъ Чилькота.

— Мы жили въ той же гостинницѣ, — сказала она, точно этого объясненія было достаточно. Затѣмъ она сѣла ближе къ Лодеру и коснулась его правой руки. Лѣвая была скрыта въ тѣни подушекъ.

— Джэкъ,—сказала она ласково,—я васъ позвала, чтобы разсказывать не эту старую исторію, а странное продолженіе ея.—Она погладила его руку.—Ну, такъ вотъ. Мы встрѣтились — былъ романъ, потомъ мы поссорились, и я уѣхала. Я долго помнила о немъ. Онъ человѣкъ, котораго трудно забыть. И, главнымъ образомъ, онъ сохранился у меня въ памяти — изъ-за васъ. Я вѣдь говорила вамъ иногда, что вы и ваши глаза мнѣ кого-то напоминаютъ. Это именно его. Но не ревнуйте къ нему: онъ противный. А вы — вы знаете мое мнѣніе о васъ.—Она сжала его руку.—Ну, такъ вотъ, я его больше никогда не видѣла съ тѣхъ поръ — и встрѣтила на вечерѣ у Бланшъ.—Она говорила медленно, выжидая эффекта своихъ словъ, но Лодеръ ничего не сказалъ, и только быстро выдернулъ свою руку изъ ея рукъ.— Вамъ эта встрѣча не кажется необычайной?—спросила она съ легкимъ упрекомъ.

Онъ невольно вздрогнулъ, вспомнивъ тотъ вечеръ.

— Чтò же тутъ удивительнаго?—сказалъ онъ.—Мало ли кто бываетъ на большихъ вечерахъ! Онъ могъ вернуться на родину. Чему тутъ удивляться?

Она откинулась на креслѣ.

— Это не такъ просто, дорогой мой,—сказала она мягко.— Произошло нѣчто непостижимое. Вотъ послушайте. Когда я си-

дѣла въ моей палаткѣ у Бланшъ, ко мнѣ вошелъ человѣкъ, чтобы я прочла его судьбу въ хрустальномъ шарѣ. Онъ пришелъ, какъ всѣ другіе, и положилъ руки на столъ. У него были сильные тонкіе пальцы—вотъ какъ у васъ, и на среднемъ пальцѣ лѣвой руки онъ носилъ два кольца: тяжелое кольцо съ печатью и простое золотое.

Лодеръ незамѣтно отодвинулъ руку, такъ что она закрылась подушкой. Онъ даже какъ-то не чувствовалъ ужаса отъ словъ Лиліанъ, онъ точно давно ждалъ всего этого.

— Я его попросила снять кольца,—продолжала она.—Онъ на секунду колебался; я чувствовала, что онъ колеблется; потомъ онъ точно рѣшился, снялъ ихъ,—и представьте себѣ, на пальцѣ его былъ шрамъ отъ зубовъ Коко. Этотъ человѣкъ былъ тотъ, котораго я знала въ Санта-Саларе. Шрамъ этотъ я хорошо знала—достаточно его перевязывала.

— Ну, а вы что же сдѣлали, узнавъ его?—спросилъ Лодеръ, съ трудомъ произнося каждое слово.

— Въ томъ-то и дѣло, что я сдѣлала непростительную ошибку, не заговоривъ съ нимъ сейчасъ. Потомъ я уже цѣлый вечеръ не могла отыскать его. Тотчасъ же послѣ его ухода, я тоже вышла изъ моей палатки, сказавъ, что я проголодалась, прошла по всѣмъ комнатамъ и нигдѣ его не нашла. Одну минуту,—она остановилась и засмѣялась, — мнѣ показалось, что я вижу его, но это были вы, когда лицо ваше показалось надъ головой Леонарда Кэна. Правда, странное совпаденіе?

Наступило короткое молчаніе, и Лодеръ почувствовалъ, что необходимо его прервать.

— Причемъ же тутъ я?—спросилъ онъ отрывисто.—Чѣмъ я могу быть вамъ полезенъ въ этой исторіи?

— Вы должны помочь мнѣ разобраться, въ чемъ дѣло. Я просматривала списокъ приглашенныхъ у Бланшъ, и знаю всѣхъ, — никто чужой никогда не попадаетъ въ домъ Бланшъ. Я спрашивала Блесингтона, но онъ не помнитъ, кто приходилъ послѣдній. Какъ вы это объясняете, Джэкъ? — спросила она.—Мнѣ кажется, что вы проницательнѣе другихъ и навѣрное можете помочь мнѣ.

Лиліанъ умѣла очень убѣдительно просить и настаивать на своемъ желаніи. Она мягко и граціозно подсѣла къ Лодеру, потомъ опустилась на колѣни и прислонилась къ Лодеру, приподнявъ лицо; ея нѣжный станъ и свѣтлые волосы представляли очаровательную картину при свѣтѣ огня. Но тотъ, на котораго она хотѣла произвести впечатлѣніе, глядѣлъ на огонь, не обра-

щая вниманія на нее. Онъ занятъ былъ только однимъ вопросомъ: какъ уйти изъ этого дома, прежде чѣмъ она откроетъ, кто онъ?

Лиліанъ внимательно глядѣла на него, и его озабоченность разбила ея надежды. Потомъ она вспомнила, что Чилькотъ становится совсѣмъ другимъ, когда покуритъ, и стала настойчиво предлагать ему закурить папиросу. Но Лодеръ рѣшительно отказался.

— Нѣтъ, — сказалъ онъ,—мнѣ не хочется курить. Поговоримъ о дѣлѣ, которое васъ интересуетъ. Мнѣ оно тоже кажется любопытнымъ. Такъ вы хотите узнать, какъ этотъ англичанинъ попалъ на вечеръ къ вашей сестрѣ и почему онъ исчезъ?

Но Лиліанъ хотѣла теперь только одного: заставить его курить. И поэтому, вмѣсто отвѣта, она опустила руку въ жилетный карманъ Лодера и, нащупавъ его портсигаръ, вынула его. Онъ дѣлалъ видъ, что ничего не замѣчаетъ.

— А вы думаете, что онъ узналъ васъ въ палаткѣ? — съ упрямой настойчивостью продолжалъ онъ.

Лиліанъ протянула ему портсигаръ.—Вотъ ваши папиросы. Давайте закуримъ.

Лодеръ рѣшилъ сначала, что ему лучше всего подняться съ дивана, такъ какъ тогда будетъ легче остаться въ тѣни. Потомъ онъ быстро подумалъ о томъ, можно ли одной рукой вынуть двѣ папиросы и зажечь ихъ. Въ это время Лиліанъ, видя, что лицо его снова омрачилось, положила портсигаръ на диванъ и стала мягко гладить его лѣвую руку. Она часто успокаивала Чилькота этимъ жестомъ. — Милый, милый Джэкъ! — говорила она, медленно гладя его руку, начиная съ плеча. Лодеръ понялъ, что нужно что-нибудь сдѣлать, и быстро поднялся. Лиліанъ съ удивленіемъ откинулась назадъ, невольно ухватившись за его лѣвую руку, чтобы не упасть. Его пальцы очутились въ ея рукахъ, и онъ уже не пытался освободить ихъ. Онъ понялъ, что судьба противъ него. Она долго стояла неподвижно и не отпускала его пальцевъ. Наконецъ, она заговорила: — Кольца, Джэкъ? — медленно спросила она, и въ голосѣ ея прозвучало недовѣріе.

Лодеръ засмѣялся, и при этомъ звукѣ она опустила его руку и поднялась съ колѣнъ. Въ чемъ заключались ея сомнѣнія, она бы не могла опредѣлить, но дѣйствія ея были рѣшительны. Она быстро подошла къ камину, нажала кнопку отъ электричества, и комната наводнилась свѣтомъ. Лодеръ растерялся отъ неожиданности, отступилъ на шагъ назадъ и опустилъ руку. Лиліанъ быстро подошла къ нему, взяла руку и стала разглядывать его два кольца.

Женщины дѣлаютъ иногда очень быстрыя заключенія,—и самое удивительное, что онѣ при этомъ рѣдко ошибаются. На основаніи тѣхъ данныхъ, которыя имѣлись у Лиліанъ, ни одинъ мужчина не составилъ бы себѣ опредѣленнаго мнѣнія. Она же сразу припомнила всѣ отдѣльныя обстоятельства, подтверждавшія ея подозрѣнія. Она вспомнила свой разговоръ съ Чилькотомъ о двойникахъ, вспомнила, какъ онъ заинтересовался книгой на эту тему, и какъ онъ проклиналъ свою жизнь съ ея тяжелыми обязанностями. Она вспомнила также, что сразу узнала глаза человѣка, глядѣвшаго на нее на вечерѣ у сестры, и наконецъ вспомнила, какъ Чилькотъ избѣгалъ говорить о возможности полнаго сходства двухъ людей наканунѣ, въ Гайдъ-Паркѣ. Быстро сообразивъ все это, она подняла голову и медленно посмотрѣла на Лодера. Онъ ждалъ ея взгляда и твердо встрѣтилъ его, такъ что изъ нихъ двоихъ она измѣнилась въ лицѣ, а онъ оставался спокоенъ. Но первой заговорила она.

— Вы тотъ, чьи руки я видѣла въ палаткѣ,—сказала она обычнымъ мягкимъ голосомъ, но съ легкой дрожью возбужденія. Всѣ ея пудели, персидскія кошки и даже хрустальные шары— всѣ эти прежнія забавы были сущимъ пустякомъ въ сравненіи съ такимъ фантастическимъ происшествіемъ.

— Вы не Джэкъ Чилькотъ, — медленно сказала она.—Вы носите его платье, говорите его голосомъ, но вы не онъ.—Она видимо стала волноваться.—Нечего молчать и глядѣть на меня,— продолжала она.—Я знаю, что̀ говорю, хотя не понимаю... не имѣю никакихъ доказательствъ.—Она остановилась, смущенная твердымъ взглядомъ Лодера, и въ эту минуту произошло нѣчто неожиданное.

Лодеръ вдругъ засмѣялся полнымъ, увѣреннымъ смѣхомъ. Сѣть, опутывавшая его за послѣдніе полчаса и угрожавшая ему гибелью, вдругъ порвалась. Онъ ясно зналъ теперь, какъ дѣйствовать: Лиліанъ сама же надоумила его.

Онъ глядѣлъ на нее и улыбался—спокойно и увѣренно, какъ никогда въ жизни не улыбался Чилькотъ, — и затѣмъ спокойно высвободилъ свою руку.

— Самое большое очарованіе въ женщинѣ—богатая фантазія,—спокойно сказалъ онъ.—Безъ нея не было бы красокъ въ жизни — все сводилось бы къ сѣрой дѣйствительности. — Онъ остановился и засмѣялся. — Я, какъ мужчина, преклоняюсь передъ вашей фантазіей, но, именно какъ мужчина, отказываюсь понимать ваше разсужденіе.

Его слова и въ особенности его тонъ—задѣли ее.

— Понимаете ли вы положеніе дѣлъ? — рѣзко спросила она. — Вѣдь я могу разрушить всѣ наши планы, какіе бы они ни были.

Лодеръ спокойно глядѣлъ ей въ глаза.—Я ничего не понимаю,—сказалъ онъ.

— Значитъ, вы сознаетесь, что вы не Джэкъ Чилькотъ?

— Я ничего не отрицаю и ни въ чемъ не сознаюсь. Моя личность вполнѣ удостовѣрена—въ каждую минуту я могу найти двадцать человѣкъ, которые подъ присягой подтвердятъ, что я Чилькотъ, а не кто другой. А то, что я до сихъ поръ не носилъ колецъ, имъ покажется совершенно несущественнымъ.

— Но вы сознаетесь... мнѣ... что вы не Джэкъ?

— Я ничего не отрицаю и ни въ чемъ не сознаюсь. Но васъ я поздравляю: у васъ, дѣйствительно, очень пылкое воображеніе.

Лиліанъ топнула ногой отъ досады, но быстро овладѣла собой.—Докажите мнѣ, что я ошибаюсь,—сказала она.—Снимите кольца и покажите руку.

Лодеръ заложилъ руку за спину.

— Я не буду потворствовать дѣтскому любопытству,—сказалъ онъ съ улыбкой. Она опять вся вспыхнула.

— Знаете,—сказала она,—говорить въ такомъ тонѣ со мной... неосторожно.

Онъ снова засмѣялся.—Ваши угрозы совершенно напрасны,—сказалъ онъ спокойно, глядя на нее.

— Очевидно, — продолжалъ онъ, помолчавъ, — вы грозите распространеніемъ этой дикой басни. Вы будете всѣхъ увѣрять, что Джонъ Чилькотъ, котораго они видятъ передъ собой, не Джонъ Чилькотъ, а кто-то другой. Увѣряю васъ, что это труднѣе, чѣмъ вы думаете. Въ наше время люди вѣрятъ только очевидному, только фактамъ. Отъ васъ прежде всего потребуютъ доказательствъ. А вы можете только сказать, что Джонъ Чилькотъ, который прежде не любилъ украшеній, сталъ теперь носить кольца. Вы будете затѣмъ утверждать, не опираясь ни на чьи свидѣтельства, что если я сниму кольца, то на пальцѣ окажется шрамъ, который вы видѣли на рукѣ другого человѣка. Увѣряю васъ, что это все совершенно шатко.—Онъ остановился, убѣжденный своей собственной логикой. Будущее, можетъ быть, будетъ принадлежать Чилькоту, настоящее же принадлежитъ ему: онъ сумѣлъ предотвратить катастрофу.

— Подождите, пока у васъ будутъ другія доказательства. Тогда мы снова поговоримъ. А пока...

— А пока?—она взглянула на него и остановилась. Открылась дверь, и слуга, который ввелъ Лодера, почтительно вошелъ въ комнату.

— Обѣдъ поданъ!—доложилъ онъ.

XXIII.

И Лодеръ обѣдалъ у Лиліанъ Аструпъ. Такова была условность свѣтской жизни. Онъ остался къ обѣду, потому что, очевидно, невозможно было уйти. Лиліанъ принадлежала къ кругу общества, въ которомъ избѣгаютъ всякаго рода скандаловъ. Лодеръ это сразу увидѣлъ и принялъ ея тактику. Быть можетъ, оба они ѣли безъ аппетита, и очень ужъ много говорили о совершенно безразличныхъ предметахъ, но главное было сдѣлано. Они обѣдали, и лакеи за столомъ не могли замѣтить ничего подозрительнаго. А если Лодеръ ушелъ тотчасъ же послѣ обѣда и, выйдя изъ подъѣзда на улицу, глубоко вздохнулъ съ чувствомъ облегченія, то это касалось только его одного и никому до этого не было дѣла.

Вернувшись въ домъ Чилькота, онъ прошелъ въ кабинетъ и отпустилъ Гриринга на весь вечеръ. Но едва только онъ усѣлся въ кресло и закурилъ сигару, какъ въ комнату поспѣшно вошелъ Ренвикъ съ письмомъ въ рукахъ.

— Это принесъ человѣкъ отъ мистера Фрэда, сэръ,—сказалъ онъ.—Велѣно передать вамъ въ руки. Человѣкъ ждетъ отвѣта.

Лодеръ быстро распечаталъ письмо. Онъ зналъ, что во время его отсутствія никакой перемѣны не произошло, но зналъ, что Фрэдъ и его сторонники не довѣряютъ безкорыстію Россіи. Письмо Фрэда возбудило поэтому въ Лодерѣ честолюбивыя надежды. Онъ придвинулъ лампу и сталъ читать письмо съ непобѣдимымъ волненіемъ. Фрэдъ начиналъ съ дружескаго упрека Лодеру за то, что онъ не показывается у нихъ, а затѣмъ, со свойственной ему ясностью, онъ переходилъ къ существу занимавшаго ихъ обоихъ политическаго положенія. Лодеръ медленно и внимательно прочелъ письмо и потомъ, стараясь сохранить внѣшнюю маску спокойствія, подошелъ къ столу, написалъ отвѣтъ и передалъ ожидавшему слугѣ. Когда слуга направился къ двери, онъ его еще разъ окликнулъ.

— Ренвикъ,—сказалъ онъ твердымъ голосомъ,—передайте это письмо человѣку мистера Фрэда, а потомъ доложите м-ссъ Чилькотъ, что я желалъ бы видѣть ее.

Послѣ ухода Ренвика, Лодеръ сталъ взволнованно ходить по комнатѣ, потомъ подошелъ къ камину и стоялъ спиной къ двери, пока не услышалъ, что повернулась ручка. Онъ обернулся, думая, что ему принесли отвѣтъ отъ Евы, но сразу весь просіялъ отъ удовольствія. Въ дверяхъ стояла Ева.

— Ева,—сказалъ онъ отрывисто, безъ всякихъ вступительныхъ словъ.—У меня важныя новости. Россія, наконецъ, показала свои когти. Караванъ одного англійскаго промышленника подвергся нападенію шайки казаковъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Мешеда. Англичане сопротивлялись, но русскіе были многочисленнѣе. Два англичанина ранены, и одинъ изъ нихъ даже умеръ. Фрэдъ только-что получилъ всѣ эти извѣстія, важность которыхъ несомнѣнна. Это какъ разъ то, что нужно для начала дѣйствій.—Онъ сказалъ это торопливо, и, кончивъ, выступилъ на шагъ впередъ.—Но это еще не все,—прибавилъ онъ.—Фрэдъ хочетъ начать кампанію съ большой рѣчи—и желаетъ, чтобы эту рѣчь произнесъ я.

Ева взглянула на него, и въ ея глазахъ Лодеръ увидѣлъ отраженіе своихъ собственныхъ мыслей.

— Что же ты отвѣтилъ?—спросила она.

Онъ посмотрѣлъ на нее, наслаждаясь видомъ ея раскраснѣвшагося лица и блестящихъ глазъ. Потомъ сознаніе своей силы, радостная надежда проявить ее наконецъ на дѣлѣ—вытѣснили всѣ другія впечатлѣнія.

— Я принялъ его предложеніе,—быстро сказалъ онъ.—Развѣ кто-нибудь на моемъ мѣстѣ поступилъ бы иначе?

На слѣдующій день Лодеръ продолжалъ дѣйствовать въ томъ же духѣ, сохраняя рѣшимость и надежду на успѣхъ. Онъ никогда не раскаивался въ принятомъ рѣшеніи. Занявъ мѣсто Чилькота, онъ сначала дѣйствовалъ осторожно, еще не вполнѣ довѣряя себѣ, но дѣйствительность захватила его, и, очутившись среди равныхъ себѣ по способностямъ людей, онъ началъ понимать свою силу. И тогда въ немъ проснулось честолюбіе, желаніе проявить себя. Ему съ самаго начала хотѣлось уничтожить слѣды слабости Чилькота, заставить всѣхъ повѣрить въ себя, и теперь это инстинктивное желаніе все болѣе возрастало. На немъ осуществлялся процессъ всякаго творчества: жажда побѣды способнѣйшаго, глубокая эгоистическая увѣренность, что онъ—самый лучшій.

Съ такими чувствами онъ вступилъ въ острый періодъ своей

двойной жизни. Близившійся политическій кризисъ и его личныя отношенія къ нему захватывали его всецѣло. Онъ нѣсколько недѣль работалъ съ возрастающей энергіей, забывая о пищѣ и снѣ, и въ полномъ смыслѣ слова жилъ для того рѣшительнаго часа, который долженъ былъ принести ему пораженіе или побѣду.

Онъ рѣдко уходилъ изъ дому, забылъ о Чилькотѣ, забылъ о Лиліанъ и мало видался съ Евой, всецѣло поглощенный своей работой. Ева слѣдила за ходомъ дѣлъ съ возрастающимъ интересомъ. Она не огорчалась тѣмъ, что Лодеръ цѣлыми часами не замѣчалъ ея существованія. Она знала, что все-таки онъ каждый день войдетъ къ ней въ комнату съ бумагами или книгами въ рукахъ, усядется въ кресло и попроситъ чаю. Это были минуты ея торжества и награды. Иногда онъ просиживалъ полчаса, молча, въ глубокомъ раздумьи, иногда же—болѣе рѣдко—громко излагалъ свои теоріи и мысли, и Ева слушала его, вставляя отъ времени до времени дѣльныя замѣчанія, но никогда не мѣшая говорить. Она знала, когда молчать и когда отвѣчать, когда скрывать свою индивидуальность и когда проявлять ее, и Лодеръ уходилъ отъ нея всегда успокоенный и ободренный.

Онъ очень усиленно работалъ всѣ эти дни. По мѣрѣ приближенія срока, когда долженъ былъ осуществиться планъ Фрэда, энергія его возрастала. Но у него были также часы мрачнаго упадка духа. Онъ не боялся Лиліанъ Аструпъ, но его сильно заботила мысль о Чилькотѣ. Чтò, если въ самый моментъ осуществленія его надеждъ Чилькотъ отзоветъ его? Лодеръ настойчиво гналъ отъ себя эту мысль и все усерднѣе занимался подготовкой рѣчи. Наконецъ, наступило послѣднее утро его искуса, и онъ въ первый разъ свободнѣе вздохнулъ.

Онъ рано всталъ въ этотъ день и медленно одѣлся. Было очаровательное весеннее утро; казалось, что духъ весны воплощенъ въ воздухѣ, въ блѣдно-голубомъ небѣ, въ солнечныхъ лучахъ, игравшихъ въ зеркалѣ на туалетѣ, озарявшихъ картины въ большой комнатѣ Чилькота. Лодеру вспомнилось далекое дѣтство, и онъ сошелъ внизъ къ завтраку въ радужномъ настроеніи. Въ столовой его ждала Ева, свѣжая, юная, въ блѣдно-голубомъ платьѣ, съ фіалками у пояса, — она показалась Лодеру воплощеніемъ мечты его юности. Онъ не отдавалъ себѣ яснаго отчета въ характерѣ своихъ ощущеній; онъ только чувствовалъ, что къ нему вернулась молодость и что онъ полонъ силы и энергіи. И какъ разъ въ ту минуту, когда онъ садился за столъ къ утреннему завтраку и съ удовольствіемъ остано-

вилъ глаза на красивомъ убранствѣ стола, на фарфорѣ и серебрѣ, въ тотъ моментъ, когда онъ вдыхалъ запахъ фіалокъ Евы, ударъ, котораго онъ такъ долго ждалъ, и который такъ медленно надвигался, обрушился на него съ удвоенной силой.

XXIV.

Ударъ обрушился въ видѣ письма, лежавшаго у его прибора. Оно было написано на дешевой бумагѣ измѣненнымъ почеркомъ и занимало всего полъ-страницы. Лодеръ медленно прочелъ его, потомъ положилъ и увидѣлъ глаза Евы, устремленные на него. Опять его чувства отразились въ ея глазахъ, и это произвело на него потрясающее впечатлѣніе. Онъ взялъ письмо и изорвалъ его въ клочки.

— Я долженъ сейчасъ же уйти изъ дому,—сказалъ онъ медленно.

Голосъ его звучалъ холодно и сухо.

— Какъ сейчасъ?—спросила Ева съ изумленіемъ.—Безъ завтрака?

— Я не голоденъ.

Онъ всталъ со стула, машинально подошелъ къ огню и бросилъ клочки письма въ огонь.

Не отвѣчая на дальнѣйшіе встревоженные вопросы Евы, Лодеръ быстро прошелъ въ переднюю, взялъ тамъ шляпу и вышелъ изъ дому. По Гровноръ-Сквэру онъ шелъ быстро, но сохраняя степенный видъ, а потомъ бросился бѣжать, пока не увидѣлъ проѣзжавшій мимо кэбъ. Онъ подозвалъ его, сѣлъ, давъ адресъ кучеру, и уже только тогда, предоставленный своимъ мыслямъ, сталъ медленно приходить въ себя и обдумывать свое положеніе. Сознаніе наступившей катастрофы наполняло его такимъ ужасомъ, что онъ даже не проклиналъ судьбу,—охватившее его чувство было сильнѣе всякихъ словъ. Выйдя у зданія суда, онъ прошелъ пѣшкомъ въ Клифордсъ-Иннъ. Когда онъ вошелъ въ знакомыя ворота, его охватила дрожь; мрачное зданіе показалось ему гробницей, мѣстомъ, гдѣ погребены умершія надежды, забытыя дѣла и ожиданія. Быстро пройдя черезъ дворъ, онъ поднялся по лѣстницѣ и остановился у входа въ свою квартиру. У двери стояла жестянка съ молокомъ—значитъ, Чилькотъ еще не всталъ или, быть можетъ, и ему было не до завтрака. Лодеръ иронически улыбнулся, подумавъ это, потомъ вынулъ изъ кармана запасной ключъ и открылъ дверь.

При входѣ въ маленькій корридоръ, отдѣлявшій спальню отъ кабинета, на него пахнуло чѣмъ-то непріятнымъ—запахомъ виски, смѣшаннымъ съ запахомъ дешеваго табака. Онъ быстро открылъ дверь въ спальню и остановился на порогѣ съ выраженіемъ брезгливаго отвращенія. Онъ не могъ съ перваго взгляда осмотрѣть всѣ подробности комнаты при полуспущенныхъ занавѣсяхъ, но, освоившись съ темнотой, онъ ужаснулся.

Комната, имѣвшая, когда онъ въ ней жилъ, строгій, почти монашескій видъ, была теперь до крайности неряшливой и неуютной. На простомъ туалетномъ столѣ были набросаны окурки, и мѣстами на немъ прожжены были темныя пятна брошенными съ огнемъ папиросами. На одномъ углу стола стоялъ графинъ съ водой и бутылка виски, на другомъ — опрокинутый стаканъ. Этотъ видъ былъ противенъ до-нѐльзя. Лодеръ взглянулъ на постель, и его охватилъ ужасъ. На узкомъ, жесткомъ тюфякѣ, съ котораго въ безпорядкѣ свѣшивались простыня и одѣяло, спалъ Чилькотъ. Онъ лежалъ одѣтый, въ потертомъ старомъ костюмѣ Лодера, съ разстегнутымъ воротникомъ, съ небритымъ лицомъ; одна рука обхватила подушку, другая безпомощно свѣшивалась съ постели. Землистое лицо похоже было на маску, и только пробѣгавшая по немъ судорога свидѣтельствовала, что это — лицо живого человѣка. Для завершенія отталкивающаго впечатлѣнія, прядь волосъ отдѣлилась отъ головы и лежала, черная и влажная, на лбу.

Лодеръ долго не могъ отвести глазъ отъ страшнаго зрѣлища, и больше всего его ужасало выступавшее въ лицѣ спящаго Чилькота сходство съ нимъ самимъ. Онъ чувствовалъ себя связаннымъ съ этимъ человѣкомъ узами непонятнаго физическаго тождества. Сдѣлавъ усиліе надъ собой, Лодеръ отвернулся, подошелъ къ окну, отдернулъ занавѣси, открылъ окно и опять подошелъ къ постели. Ему хотѣлось какъ можно скорѣе разбудить Чилькота, чтобы избавиться отъ леденящаго чувства ужаса. Онъ нагнулся къ спящему и сталъ трясти его за плечо. Чилькотъ не сразу проснулся. Его отяжелѣвшій мозгъ не поддавался впечатлѣніямъ извнѣ. Наконецъ, послѣ многократныхъ толчковъ Лодера, онъ пришелъ въ себя.

— Лодеръ?—воскликнулъ онъ, вздрогнувъ.—Это вы! Какое счастье!

Слова эти были такъ неожиданны, что Лодеръ невольно отступилъ на шагъ. Чилькотъ странно засмѣялся и поднялъ дрожащую руку, заслоняя глаза отъ свѣта.

— Слава Богу!—произнесъ онъ.—Такъ это вы, Лодеръ?

Мнѣ приснился страшный сонъ. Но, ради Бога, закройте окно! — Онъ вздрогнулъ и отбросилъ назадъ нависшую на лобъ прядь волосъ.

Лодеръ молча подошелъ къ окну и закрылъ его. Его поразила перемѣна въ Чилькотѣ—онъ никогда еще не видѣлъ его въ состояніи такого полнаго душевнаго паденія. Чтобы не глядѣть на это ужасное лицо, онъ продолжалъ стоять у закрытаго окна и смотрѣлъ на крыши домовъ.

Чилькотъ слѣдилъ за его движеніями и сталъ говорить возбужденнымъ голосомъ.

— Какъ хорошо, что вы меня разбудили, Лодеръ!—сказалъ онъ.—Мнѣ снилось, что я въ аду, болѣе страшномъ, чѣмъ всѣ обычныя описанія ада. Тамъ были какія-то невообразимыя муки: каждый человѣкъ былъ прикованъ къ своему пороку; то, отъ чего онъ погибъ, не отнималось у него, а напротивъ того, навязывалось ему насильно. Вы не можете себѣ вообразить, какъ это было страшно! То, къ чему человѣкъ стремился всю жизнь, неотступно преслѣдовало его. Ужасъ!.. ужасъ!

Онъ умолкъ, и въ наступившемъ молчаніи Лодеръ одумался и собрался съ силами. Онъ рѣшилъ не вслушиваться въ голосъ Чилькота, не глядѣть на его измученное лицо. Онъ понялъ, что долженъ прежде всего думать о своихъ собственныхъ интересахъ. Въ эту минуту Чилькотъ былъ совершенно разбитъ и даже не питалъ желанія воспрянуть. Но черезъ часъ къ нему можетъ вернуться сознаніе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, желаніе, которое вызвало письмо, написанное наканунѣ. Нужно, значитъ, принять мѣры. Единственный принципъ, въ силу котораго слѣдовало дѣйствсвать теперь, это—что жизнь должна принадлежать способнѣйшему. Чилькоту даны были всѣ условія для успѣха въ жизни: природный умъ, развитіе, общественное положеніе,—и онъ всѣмъ этимъ пренебрегъ. Это разсужденіе придало силы Лодеру. Онъ отошелъ отъ окна и медленно подошелъ снова къ кровати.

— Послушайте!—началъ онъ, обращаясь къ Чилькоту.—Вы написали мнѣ вчера...—Голосъ его звучалъ сурово. Онъ пришелъ отстоять себя.

Чилькотъ быстро поднялъ на него глаза, взглядъ его былъ полонъ ужаса.

— Лодеръ!—быстро воскликнулъ онъ.—Лодеръ! Подойдите поближе!

Когда Лодеръ нѣхотя приблизился и нагнулся надъ нимъ, Чилькотъ схватилъ его за руку дрожащими пальцами.

— Послушайте, Лодеръ!—сказалъ онъ вдругъ.—Я провелъ такую ужасную ночь... Мои нервы...

Лодеръ съ отвращеніемъ отступилъ назадъ.

— Это лишнее между нами, я полагаю,—сказалъ онъ.

Но взглядъ Чилькота обратился къ столу и сталъ искать что-то среди наваленныхъ на столѣ предметовъ.

— Лодеръ, пожалуйста, — сказалъ онъ, — посмотрите, поищите пузырекъ съ лепешками; онъ долженъ быть тутъ гдѣ-нибудь. — Чилькотъ нервно приподнялся на локтѣ, и глаза его стали тревожно блуждать по комнатѣ. — Ночь была ужасная, нервы мои страшно возбуждены, и я думалъ...

Послѣ перваго момента возбужденія, онъ опять впалъ въ еще бо̀льшую слабость. Лодеръ возобновилъ атаку.

— Чилькотъ!—строго началъ онъ.

Но Чилькотъ снова схватилъ его за руку.

— Найдите мнѣ мои лепешки!—сказалъ онъ.—Мнѣ онѣ необходимы, когда нервы не въ порядкѣ. — Обезумѣвши отъ нервнаго ужаса, онъ даже забылъ, что Лодеръ знаетъ его тайну, и машинально повторялъ привычную условную ложь. Потомъ вдругъ на него опять напалъ паническій ужасъ, и онъ устремилъ на Лодера судорожно возбужденный взглядъ.

— Лодеръ, найдите мое лекарство! —почти крикнулъ онъ.— Я не вижу, меня ослѣпляетъ свѣтъ. Поищите! поищите!

На лицѣ его отразилась безграничная мука. Лодеръ откинулъ его толчкомъ на подушки. Онъ старался сохранить самообладаніе.

— Чилькотъ!—снова началъ онъ:—вы призвали меня вчерашнимъ письмомъ, и я пришелъ такъ рано, чтобы сказать вамъ...

Съ возбужденіемъ, придававшимъ ему силу, Чилькотъ оттолкнулъ его руку.

— Боже мой! —воскликнулъ онъ.—Неужели лекарство пропало? Неужели его нѣтъ нигдѣ въ комнатѣ?—Онъ сѣлъ на постели съ помертвѣвшимъ лицомъ; капли пота выступили у него на лбу, и онъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ. При этомъ видѣ Лодеръ плотно стиснулъ губы.

— Лепешки на каминѣ,—сказалъ онъ холоднымъ, отрывистымъ тономъ.

Глубокій вздохъ облегченія вырвался изъ груди Чилькота. Онъ откинулся назадъ, закрывъ глаза, но черезъ минуту непобѣдимая жажда снова стала его мучить.

— Дайте мнѣ скорѣе, Лодеръ! —крикнулъ онъ. — Скорѣе! скорѣе! На столѣ есть стаканъ. Влейте въ него виски съ водой— лепешки нужно растворить. — Онъ возбужденно протянулъ руку впередъ.

Но Лодеръ не двинулся съ мѣста. Онъ пришелъ бороться, или, если нужно, молить, чтобы добиться отсрочки на одинъ часъ, на тотъ часъ, который долженъ оправдать всѣ его стремленія, увѣнчать всѣ его труды. И онъ сдѣлалъ съ непреклоннымъ упрямствомъ еще одну попытку.

— Чилькотъ, вы написали мнѣ, призывая меня...—началъ онъ, но Чилькотъ не далъ ему договоритъ.

— О чемъ вы болтаете? — крикнулъ онъ. — Къ чорту все! Взгляните на меня. Дайте мнѣ лекарство. Я вамъ говорю, что это необходимо.—Онъ закашлялся и весь задрожалъ.

Лодеръ отвернулся, но крики и мольбы Чилькота не давали возможности заговорить о другомъ.

— Послушайте, — заговорилъ онъ снова, но вдругъ голосъ его измѣнился. Мысль, которая промелькнула у него въ головѣ, приняла опредѣленную форму. — Ну, хорошо,—сказалъ онъ. — Подождите.

Онъ подошелъ къ столу, взялъ пустой стаканъ и налилъ въ него виски и воды. Потомъ, подойдя къ камину, гдѣ стоялъ пузырекъ съ лепешками, онъ остановился и повернулся къ Чилькоту.

— Сколько?—спросилъ онъ.

Чилькотъ поднялъ голову. Лицо его было мертвенное, и только глаза лихорадочно блестѣли.

— Пять,—отвѣтилъ онъ. — Пять.

— Пять?—Лодеръ невольно опустилъ руку, въ которой держалъ пузырекъ. По прежнимъ признаніямъ Чилькота онъ зналъ, сколько морфія въ каждой лепешкѣ, — и зналъ, что пять лепешекъ если и не безусловно опасная, то во всякомъ случаѣ чрезмѣрно большая доза даже для морфиномана. На минуту его рѣшимость ослабѣла, но безсознательный эгоизмъ его натуры одержалъ верхъ. Можетъ быть, дурно, даже преступно исполнять такую просьбу разбитаго физически и нравственно человѣка, но законы бытія требуютъ самоутвержденія, и онъ зналъ, что, исполнивъ просьбу Чилькота, онъ выиграетъ время для исполненія своихъ замысловъ. Онъ взглянулъ на растерянное лицо Чилькота, на его блуждающіе глаза,—вспомнилъ свою усиленную работу за послѣдніе десять дней, подумалъ о наростаніи своихъ честолюбивыхъ мечтаній,—о близкой побѣдѣ,—и быстрымъ движеніемъ опустилъ въ стаканъ пять лепешекъ.

XXV.

Лодеръ никогда не жалѣлъ о сдѣланномъ въ какомъ бы то ни было направленіи шагѣ. Онъ спокойно спустился съ лѣстницы, пошелъ по Стрэнду, и по мѣрѣ того какъ онъ шелъ, бодрость его усиливалась. Онъ отстранилъ мысль о Чилькотѣ: наконецъ освободился путь для свободнаго дѣйствія, и вся его воля направилась въ эту сторону. Дойдя до Гровноръ-Сквэра, онъ уже настолько возстановилъ въ себѣ душевное равновѣсіе, что спокойно прошелъ опять въ столовую, увѣренный, что Ева ждала тамъ его возвращенія.

Такъ онъ преодолѣлъ препятствіе, чуть не погубившее его,— и со свойственной ему цѣлостностью воли пересталъ думать о тяжелой сценѣ, пережитой на старой квартирѣ. По возвращеніи въ домъ Чилькота, всѣ сомнѣнія оставили его. Онъ искалъ случая проявить себя, на пути его встрѣтилось препятствіе, отнимавшее у него этотъ случай,—онъ отстранилъ это препятствіе. Мысль о трудности, которую онъ преодолѣлъ, усиливала въ немъ энергію и сознаніе своей силы.

Какъ разъ въ этотъ день Фрэдъ рѣшилъ начать битву въ парламентѣ. Прошло десять дней послѣ нападенія русскихъ казаковъ на англійскій караванъ, и общее негодованіе сильно разгорѣлось, такъ какъ въ общественномъ мнѣніи, по вѣрному выраженію Лэкли, „одинъ погибшій англичанинъ важнѣе всего восточнаго вопроса“. Рѣшено было, что Лодеръ—какъ это всегда дѣлается въ такихъ случаяхъ—поднимется въ концѣ утренняго засѣданія и предложитъ, чтобы перерывъ былъ сдѣланъ „на опредѣленномъ вопросѣ чрезвычайной важности“, а именно, на вопросѣ объ опасномъ положеніи англійскихъ подданныхъ въ Мешедѣ. Такимъ образомъ, подготовлена будетъ почва для „открытія огня“ на вечернемъ засѣданіи. Рѣшившись держаться этой программы, онъ сейчасъ же послѣ утренняго завтрака прошелъ въ кабинетъ и занялся пересмотромъ своей рѣчи; но какъ только онъ сѣлъ за работу, вошелъ Ренвикъ и принесъ письмо отъ Фрэда. „Милый Чилькотъ, — писалъ Фрэдъ, — Лэкли получилъ неоффиціальнымъ путемъ очень тревожныя вѣсти изъ Мешеда. Нападенія русскихъ на англійскихъ подданныхъ все учащаются, и авторитетъ консульствъ совершенно не признается. Въ ожиданіи подтвержденія этихъ вѣстей, я совѣтую не указывать опредѣленно на то, о чемъ вы будете говорить въ вечернемъ засѣ-

даніи. Держитесь выжидательнаго отношенія—это будетъ лучше всего для насъ. Мы поговоримъ объ этомъ подробнѣе на засѣданіи. Вашъ Гербертъ Фрэдъ".

Письмо Фрэда произвело сильное впечатлѣніе на Лодера, подтверждая важность предстоящей рѣчи по вопросу огромнаго національнаго значенія. Лодеръ долго сидѣлъ въ глубокомъ раздумьи, все еще не переставая внутренно изумляться тому, до чего дѣйствительность превзошла всѣ его надежды. Наконецъ, онъ пошелъ на засѣданіе партіи, затѣмъ завтракалъ съ Фрэдомъ и отправился съ нимъ въ палату. Они мало говорили дорогой въ Вестминстеръ, и только одинъ разъ Фрэдъ коснулся того, о чемъ они оба думали, и сказалъ, дотронувшись пальцами до руки Лодера:

— Помните, Чильвотъ,—сказалъ онъ,—что я всецѣло вамъ довѣряю.

Вспоминая потомъ объ этомъ днѣ, Лодеръ самъ удивлялся своей выдержкѣ въ столь трудномъ положеніи. Сидѣть и ждать съ наружнымъ спокойствіемъ извѣстій, которыя могутъ измѣнить весь дальнѣйшій образъ дѣйствій, было бы трудно и для опытнаго политика, а тѣмъ болѣе для новичка. Въ такихъ условіяхъ онъ сидѣлъ цѣлый день на мѣстѣ Чилькота, повинуясь указаніямъ своего лидера. Засѣданіе было чрезвычайно скучное, и общій интересъ, съ которымъ всѣ ожидали этого засѣданія,— перваго послѣ пасхальныхъ вакацій, — постепенно угасалъ въ виду того, что ни одна сторона не начинала боя, какъ это собственно предполагалось. Никто не понималъ, почему оппозиція молчитъ и въ какую игру играетъ Фрэдъ.

Дневной свѣтъ уже блѣднѣлъ, и Лодеръ, сидя неподвижно на мѣстѣ Чилькота, съ затаеннымъ волненіемъ слѣдилъ за лицами людей, входившихъ въ залъ,—но ни на одномъ лицѣ не было отраженія вѣстей, которыхъ онъ ожидалъ. Время текло однообразно. Правительство тщательно избѣгало опасныхъ вопросовъ; оппозиція же, дѣйствуя по указаніямъ Фрэда, скорѣе поддерживала предложеніе о перерывѣ засѣданія. Всѣ ожиданія не оправдались, и палата поднялась для обѣденнаго перерыва съ усталымъ, вялымъ видомъ.

Но политика полна неожиданностей. Въ половинѣ восьмого перерывъ былъ сдѣланъ среди общаго разочарованія, а въ восемь часовъ кулуары, столовая и все зданіе парламента заволновались и наполнились шумомъ въ виду полученной телеграммы. Предвидѣнное Фрэдомъ осложненіе на востокѣ дѣйствительно произошло,—но еще болѣе сильное, чѣмъ онъ ожидалъ.

Пришла телеграмма, что генеральный консулъ въ Мешедѣ, сэръ Вильямъ Брайсфильдъ, вступившійся за британскихъ промышленниковъ, былъ убитъ наповалъ русскимъ офицеромъ. Въ первую минуту общее возбужденіе было неописуемо. Всѣ были въ ужасѣ оттого, что въ культурной современной жизни возможны подобныя варварства, а затѣмъ всѣхъ глубоко огорчила ужасная смерть сэра Вильяма Брайсфильда, который пользовался общимъ почетомъ.

И съ этимъ сознаніемъ — что онъ выражаетъ не только чувства свои и своей партіи, но и всей страны, поднялся со своего мѣста Лодеръ, часомъ позже, чтобы сказать свою рѣчь— и напасть на правительство. Онъ сначала выждалъ съ минуту, чтобы все замолкло, и чтобы общее вниманіе сосредоточилось на немъ, а потомъ спокойно, но съ явной самоувѣренностью, началъ свою рѣчь. Общее настроеніе оживилось, и напряженность атмосферы, которую Лодеръ сразу почувствовалъ, вдохновляла его. Ему въ эту минуту было безразлично, что новыя вѣсти почти уничтожили для него всю прежнюю его подготовку къ рѣчи. Онъ скорѣе даже обрадовался свободѣ. Онъ уже не думалъ, что онъ членъ консервативной партіи, слѣдующей своимъ традиціямъ,—онъ слѣдовалъ своему индивидуальному инстинкту, чувствуя и понимая важность интересовъ, сосредоточившихся въ его рукахъ.

Онъ говорилъ около часа, приковавъ къ себѣ вниманіе палаты — безстрашнымъ, властнымъ призывомъ къ немедленному дѣйствію. Онъ безъ колебанія указалъ на то, что пришедшее извѣстіе страшно, главнымъ образомъ, какъ грозное предостереженіе лицамъ, отвѣтственнымъ за безопасность англійскихъ подданныхъ. Въ концѣ онъ съ изящнымъ краснорѣчіемъ коснулся доблести такихъ людей, какъ сэръ Вильямъ Брайсфильдъ, которые, при самыхъ сложныхъ политическихъ обстоятельствахъ на родинѣ, неуклонно исполняютъ свой долгъ на окраинахъ. Когда онъ кончилъ, наступило краткое молчаніе, смѣнившееся потомъ бурей восторженныхъ аплодисментовъ. Онъ сѣлъ на мѣсто блѣдный, но въ такомъ высокомъ настроеніи души, какое можетъ быть у человѣка лишь разъ или два въ жизни. Торжество его было несомнѣнно. Лица его партійныхъ союзниковъ сіяли, а Сэвборо и его министерство казались очень удрученными. Когда шумъ аплодисментовъ нѣсколько стихъ, Фрэдъ наклонился надъ спинкой сидѣнья Лодера. Его сдержанный видъ не измѣнился, но глаза горѣли необычайнымъ блескомъ.

— Чилькотъ,—прошепталъ онъ, —я поздравляю не васъ и

не себя. Я поздравляю нашу родину съ такимъ великимъ ораторомъ.

Дальнѣйшіе инциденты быстро слѣдовали одинъ за другимъ среди наэлектризованной атмосферы залы засѣданій. Когда утихли оваціи Лодеру, поднялся товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ и сталъ защищать поведеніе правительства. Затѣмъ Фрэдъ произнесъ одну изъ своихъ ловкихъ рѣчей, выражавшихъ его личную скорбь по поводу извѣстій изъ Персіи, и подкрѣпилъ слова Лодера выраженіемъ своей солидарности. За Фрэдомъ говорили два либерала, а затѣмъ самъ Сэвборо закончилъ дебаты. Рѣчь его была очень гладкая и мастерская. Но хотя онъ искусно скрывалъ свое безпокойство и говорилъ очень увѣреннымъ и спокойнымъ тономъ, но попытка возстановить свое положеніе, ослабленное во многихъ направленіяхъ, была задачей, превышавшей его силы. Послѣдовало голосованіе среди сильнаго общаго волненія,—и оно кончилось пораженіемъ правительства.

Лишь черезъ полчаса послѣ голосованія, Лодеру удалось избавиться отъ нескончаемыхъ поздравленій и направиться къ Евѣ. Онъ засталъ ее у выхода изъ дамской галереи, гдѣ она ждала его къ концу засѣданія. Она стояла въ тѣни, но при обостренности его воспріятій въ эту минуту онъ замѣтилъ бы все даже въ темнотѣ. Подойдя къ ней, онъ увидѣлъ у нея слезы на глазахъ. Это преисполнило его гордымъ и счастливымъ сознаніемъ своей силы: то, что̀ свѣтилось въ глазахъ жены Чилькота, болѣе глубоко взволновало его, чѣмъ сознаніе торжества, охватившее его, когда онъ стоялъ тріумфаторомъ на мѣстѣ Чилькота въ палатѣ.

Онъ быстро протянулъ руки Евѣ и взялъ ихъ въ свои.

— Я не могъ вырваться,—сказалъ онъ.—Кажется, уже очень поздно?

Съ улыбкой, согнавшей слезы, Ева взглянула на него.

— Развѣ?—сказала она, засмѣявшись.—Да я не знаю, который часъ.—Не знаю даже, день ли, или ночь.

Все еще держа ея руку въ своей, онъ спустился съ ней по лѣстницѣ, и только внизу она освободила свои пальцы.

Ихъ опять окружили люди, осыпая Лодера восторженными привѣтствіями. Они направились къ выходу, окруженные цѣлой свитой восторженныхъ поклонниковъ, и столкнулись по пути съ Фрэдомъ и лэди Сарой. Фрэдъ взялъ Лодера подъ руку и пошелъ провожать его до коляски Чилькота. Онъ ничего не го-

ворилъ, но крѣпко пожалъ руку Лодера, съ сіяющимъ выраженіемъ лица. Наконецъ Ева и Лодеръ сѣли въ коляску. Фрэдъ пожалъ еще разъ руку Евѣ и Лодеру.

— До свиданья, Чилькотъ, — сказалъ онъ. — Вы выказали себя достойнымъ Евы. Покойной ночи!

Онъ отошелъ и направился къ ожидавшимъ его друзьямъ, а Лодеръ и Ева умчались въ темноту.

Въ напряженные періоды жизни человѣка женщина имѣетъ значеніе до и послѣ моментовъ рѣшительнаго дѣйствія. Ева какъ-то смутно сознавала это, откинувшись на своемъ сидѣньи, съ закрытыми глазами и полуоткрытыми губами. Ей казалось, что жизнь для нея только начинается, что наступилъ ея часъ. Она вдругъ открыла глаза и устремила въ темноту,—въ которой чувствовалось присутствіе множества личностей, которыя всѣ ждали, какъ осуществить жизнь. Ева уже не казалась себѣ одинокой; она чувствовала свою пріобщенность къ любящему, страдающему человѣчеству. Слезы гордости и счастья подступили къ ея глазамъ. Лодеръ наклонился къ ней, и она почувствовала прикосновеніе его руки къ своему плечу и услышала звукъ его голоса.

— Ева, — сказалъ онъ, — я люблю тебя. Понимаешь меня? Я тебя люблю. — И нагнувшись надъ ней, онъ поцѣловалъ ее.

Лодеръ никогда ничего не дѣлалъ на половину. Устраняя преграду, онъ устранялъ ее вполнѣ, не оставляя ни камня. Онъ медленно дошелъ до сознанія своихъ способностей, — еще медленнѣе понялъ вполнѣ свои чувства. Но, понявъ, онъ открыто призналъ ихъ. Никакія мысли о прошломъ и будущемъ не останавливали его. Они любятъ другъ друга и они одни—вотъ все, что̀ онъ зналъ въ эту минуту. Она была точно Ева, первая женщина, и они теперь были оба какъ бы въ раю.

Онъ повторилъ опять слова любви, не спрашивая у нея отвѣта, такъ какъ увидѣлъ его уже въ ея глазахъ, когда она стояла, ожидая его у дверей дамской галереи.

Когда коляска повернула на Пикадилли, онъ опять наклонился къ ней и почувствовалъ прикосновеніе ея мягкихъ волосъ и легкій запахъ фіалокъ.

— Ева, —снова заговорилъ онъ,—вѣдь я любилъ тебя всегда, съ самаго начала,—неужели ты этого не знала?

Онъ поцѣловалъ ея волосы и лобъ. Въ это время лошади замедлили ходъ, остановленныя скопленіемъ экипажей въ одномъ мѣстѣ. Лодеръ, занятый своими чувствами, даже не замѣтилъ этого, но Ева со смѣхомъ отодвинулась отъ него.

— Оставь,—мягко сказала она,—посмотри!

Коляска остановилась на площади. Въ одномъ мѣстѣ толпилась группа пѣшеходовъ подъ электрическимъ фонаремъ и тоже выжидала возможности пройти. Лодеръ быстро взглянулъ на нихъ.

— Ну, что же! всѣ они—женщины и мужчины: всѣ они поймутъ насъ.—Онъ тоже засмѣялся, но отвелъ руку, покоряясь ея женскому чувству условныхъ приличій. Такъ они просидѣли нѣсколько времени молча; наконецъ, Лодеру надоѣло ждать, и онъ открылъ окно экипажа.

— Въ чемъ дѣло? — сказалъ онъ. — Неужели нельзя проѣхать?—Ева услышала, какъ онъ крикнулъ это кучеру и потомъ вдругъ замолчалъ.

Онъ высунулся изъ экипажа, чтобы узнать о причинѣ остановки, но вмѣсто этого, въ силу какого-то магнетическаго притяженія, посмотрѣлъ на группу людей, стоявшихъ на площади: среди нихъ онъ увидѣлъ прислонившагося къ фонарному столбу человѣка съ небритымъ лицомъ, потухшими глазами и въ шапкѣ, надвинутой низко на лобъ. Онъ взглянулъ на него, и тотъ отвѣтилъ ему взглядомъ. Казалось, что они никогда не оторвутъ глазъ другъ отъ друга; потомъ Лодеръ медленно откинулся назадъ. Ева тревожно взглянула на него.

— Что̀ случилось, Джонъ?—спросила она:—у тебя совсѣмъ больной видъ.

Онъ повернулся къ ней, стараясь улыбнуться.

— Ничего,—сказалъ онъ.—Ты не безпокойся.

Онъ говорилъ быстро, но голосъ его вдругъ сдѣлался вялымъ. Вся властность его исчезла. Она наклонилась къ нему съ нервной тревогой.

— Это ты усталъ отъ напряженія,—сказала она.

Онъ посмотрѣлъ на нее, но не пожалъ пальцевъ, державшихъ его руку.

— Да,—медленно сказалъ онъ. — Это отъ возбужденія — и отъ реакціи.

XXVI.

На слѣдующее утро, въ восемь часовъ, опять до завтрака, Лодеръ вышелъ изъ дому и направился изъ Гровноръ-Сквера въ Клифордсъ-Иннъ. По дорогѣ до него ежеминутно доносились крики продавцовъ газетъ: „Сенсаціонное засѣданіе палаты! Пораженіе министерства! Рѣчь мистера Чилькота!“ —и каждый разъ онъ вздрагивалъ отъ волненія. Быстро взбѣжавъ по лѣстницѣ, онъ остановился у входа въ свою квартиру. На этотъ разъ же-

стянка съ молокомъ не стояла у дверей, и дверь не была заперта на ключъ. При входѣ его раздался окрикъ изъ кабинета:— „Кто тамъ? что вамъ нужно?“ —Лодеръ вошелъ въ комнату и увидѣлъ,—обрадовавшись и въ то же время ужаснувшись тому,—что Чилькотъ на этотъ разъ не былъ въ безпамятствѣ. Онъ сидѣлъ у потухшаго камина, спиной къ свѣту, съ пледомъ на плечахъ, и на столѣ за нимъ стояли чайникъ и жестянка съ молокомъ; на спиртовой лампочкѣ грѣлась вода. Комната была неприбрана, и это прежде всего поразило Лодера, хотя онъ пришелъ по важному дѣлу.

— Гдѣ старуха Робинсъ?—спросилъ онъ.

— Не знаю, — отвѣтилъ Чилькотъ. — Мы поругались. Она вчера отказалась служить мнѣ. — Онъ вздрогнулъ и закрылся пледомъ.

— Чилькотъ...—сурово началъ Лодеръ, но остановился при видѣ измученнаго лица Чилькота. Онъ рѣшительнымъ жестомъ сбросилъ сюртукъ и, подойдя къ камину, сталъ на колѣни и принялся выгребать золу. Черезъ нѣсколько минутъ въ каминѣ затрещалъ огонь. Потомъ онъ всталъ, вытеръ руки, подошелъ къ столу, приготовилъ чай, налилъ чашку и подалъ ее Чилькоту.

— Выпейте скорѣе!—сказалъ онъ.

Чилькотъ протянулъ дрожащую руку за чашкой. — Вы видите!..—началъ онъ, но Лодеръ не далъ ему договорить:

— Я отлично знаю, какъ вы провели ночь,—сказалъ онъ.— Вы Богъ знаетъ гдѣ прошатались до утра и вернулись домой, дрожа отъ холода и думая о своемъ проклятомъ ядѣ. Выпейте чай,—мнѣ нужно съ вами поговорить.

Онъ подождалъ, пока Чилькотъ выпилъ чаю и обогрѣлся у весело пылающаго камина. Лицо его стало менѣе апатичнымъ. Тогда Лодеръ подошелъ къ нему, взялъ у него пустую чашку и посмотрѣлъ на него.

— Чилькотъ,—сказалъ онъ спокойно, — я пришелъ сказать вамъ, что этому нужно положить конецъ.

Чилькотъ поднялся, и на лицѣ его отразился такой испугъ, что Лодеръ невольно отвернулся.—Почему? почему?—безпомощно спрашивалъ Чилькотъ.

— Потому что я отказываюсь,—твердо отвѣтилъ Лодеръ.

Чилькотъ заговорилъ растерянно и возбужденно:—Ради Бога, Лодеръ, не покидайте меня! Это невозможно. Можетъ быть, вы требуете бо́льшую плату?

— Дѣло не въ деньгахъ, Чилькотъ,—отвѣтилъ Лодеръ, сдерживая гнѣвъ.—Дѣло въ томъ, что я долженъ уйти. Вы увидите,

что произошли большія перемѣны. Министерство Сэвборо пало изъ-за убійства сэра Вильяма Брайсфильда. Вы произнесли сенсаціонную рѣчь. Кромѣ того,—онъ вдругъ остановился, не имѣя силъ сказать то, чтò хотѣлъ сказать. Потомъ у него мелькнулъ другой доводъ, который могъ убѣдить Чилькота, не унижая его самого.—Дѣло въ томъ, Чилькотъ, — сказалъ онъ спокойнѣе,— что все открылось.—Онъ въ нѣсколькихъ словахъ разсказалъ о своей исторіи съ Лиліанъ Аструпъ, о томъ, что у нея возникли подозрѣнія. Онъ хотѣлъ сказать вовсе не это, но цѣль его достигалась и этимъ путемъ. Чилькотъ напряженно слушалъ его, и когда Лодеръ кончилъ, онъ опустился на стулъ въ нервномъ возбужденіи.

— Почему же вы мнѣ сразу не сказали?—крикнулъ онъ.— Чего вы надоѣдали мнѣ вашей политикой? Очень меня интересуетъ ваше политическое положеніе! — Онъ растерянно разсмѣялся.—Какъ же быть, Лодеръ?—спросилъ онъ.

— Вы должны вернуться, Чилькотъ, теперь еще не поздно. Мы затѣяли слишкомъ опасную игру, и дѣло кончится плохо. Вы должны вернуться сейчасъ, понимаете?—Лодеръ нѣсколько разъ повторилъ настойчивымъ голосомъ свое требованіе, и Чилькотъ нервно задвигался на стулѣ. Онъ чувствовалъ власть этого человѣка, и зналъ, что долженъ ему подчиниться. Нѣсколько времени онъ еще боролся, потомъ сдался.

— Ну, а вы? — спросилъ онъ слабымъ голосомъ. — Чтò же будетъ съ вами?

— Со мной?—Лодеръ отвернулся.—Я уѣду.

Но Лодеръ не уѣхалъ. На слѣдующій день, въ два часа, онъ сидѣлъ въ кабинетѣ у стола и курилъ трубку. Передъ нимъ лежала кучка утреннихъ газетъ, и онъ читалъ ихъ съ мучительнымъ сознаніемъ безсилія передъ судьбой, въ ненужности своей обнаруженной на дѣлѣ силы. — Все кончено! — громко сказалъ онъ.

Въ эту минуту открылась дверь, и вошелъ Чилькотъ. Первое чувство Лодера, при видѣ его, былъ гнѣвъ, но за гнѣвомъ въ немъ проснулась какая-то надежда и радость.

— Въ чемъ дѣло?—сурово спросилъ онъ.

Чилькотъ былъ безупречно одѣтъ,—въ петличкѣ у него были фіалки. Въ теченіе всей недѣли горничная Евы приносила букетикъ фіалокъ въ комнаты Лодера, и Реннкъ тщательно прикрѣплялъ ихъ къ его сюртуку. Видъ цвѣтовъ наполнилъ Лодера

невольнымъ чувствомъ ревности, но вмѣстѣ съ тѣмъ и радости: эти цвѣты были для него символомъ.

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ онъ опять мягко.—Зачѣмъ вы пришли?

Чилькотъ прежде всего вынулъ изъ жилетнаго кармана пузырекъ съ лепешками, приготовилъ питье и быстро выпилъ. Лодеръ подошелъ къ нему.

— Навѣрное случилось что-нибудь, и вы пришли мнѣ сказать объ этомъ?

Чилькотъ безпомощно опустился на стулъ.—Я не виноватъ, Лодеръ,—сказалъ онъ,—мои нервы...

— Ну, конечно, конечно,—прервалъ его Лодеръ.

— Я не виноватъ,—снова началъ Чилькотъ.—Это проклятый Крэпгэмъ ввелъ ее въ столовую. Здѣсь, въ вашемъ присутствіи, мнѣ казалось, что я способенъ вернуться къ прежнему. Но когда очутился дома...—онъ остановился и провелъ платкомъ по лбу.—Я ничего не помню,—сказалъ онъ.—Знаю только, что когда я сошелъ къ завтраку послѣ ужасной ночи — сегодня, въ двѣнадцать часовъ, когда увидѣлъ накрытый столъ, цвѣты и яркое солнце, — я понялъ, что не могу выдержать всего этого.

Лодеръ налилъ себѣ стаканъ виски и медленно выпилъ. Онъ горѣлъ любопытствомъ, но не торопилъ Чилькота.

— Мнѣ необходимо было сейчасъ же обезпечить себѣ свободу, — сказалъ Чилькотъ, — сейчасъ же. На конторкѣ лежали перья, бумага и телеграфные бланки. Я не могъ устоять противъ искушенія. Они привлекали меня какъ магнитъ. Я сначала боролся, а потомъ взялъ перо и написалъ. Это была даже не телеграмма, а скорѣе цѣлое письмо. Я объяснялъ, почему вы должны вернуться. Написавъ телеграмму, я успокоился и позвонилъ. Но слуга не являлся—звонокъ, что-ли, испортился,— и я вышелъ въ корридоръ, чтобы позвать его.

— Ну, и что же?—спросилъ наконецъ Лодеръ, не сдержавъ нетерпѣнія.

— Я вышелъ изъ столовой, но въ дверяхъ натолкнулся на идіота Грининга. Онъ явился ко мнѣ — или, вѣрнѣе, къ вамъ — сообщить что-то про Варкъ. Я пробовалъ отдѣлаться отъ него, но онъ хуже Блесингтона. Пришлось пойти съ нимъ въ кабинетъ; а когда я вернулся черезъ пять-шесть минутъ, меня встрѣтилъ въ коридорѣ Крэпгэмъ и сказалъ, что пришла ко мнѣ Лиліанъ Аструпъ, и онъ провелъ ее въ столовую.

— Въ столовую? — Лодеръ отступилъ отъ стола. — А тамъ лежала ваша неотправленная телеграмма?

— Ну, да. Я страшно перепугался приходу Лиліанъ, послѣ того, что̀ вы мнѣ сказали. Я зналъ, что она устроитъ сцену.

— Но телеграмма, телеграмма?—спрашивалъ Лодеръ.

Чилькотъ занятъ былъ своимъ и не отвѣтилъ.

— Я зналъ, что она пришла къ вамъ, что будетъ сцена. Когда я вошелъ въ столовую, у меня такъ дрожала рука, что я едва могъ повернуть ручку. Но, открывъ дверь, я облегченно вздохнулъ. Въ комнатѣ была также Ева. Я ей обрадовался, какъ никогда.—Чилькотъ засмѣялся истерическимъ смѣхомъ.—Я былъ очень милъ съ ней, и она со мной. Ея присутствіе все спасло. Лиліанъ не могла говорить при Евѣ. Мы мило поговорили нѣсколько минутъ. Лиліанъ пришла пригласить меня сегодня въ ложу въ „Аркадію"—на сегодня. Я съ радостью согласился. Потомъ Лиліанъ ушла. Я проводилъ ее въ переднюю, зная, что въ присутствіи Крэпгэма она также не можетъ говорить. Она была въ отличномъ настроеніи и улыбалась мнѣ на прощанье. Но потомъ, уже когда она уѣхала, я вдругъ вспомнилъ, что она была въ столовой до прихода Евы. Я вспомнилъ о телеграммѣ, быстро вернулся въ столовую, чтобы распросить Еву, но ея не было—и телеграмма исчезла съ конторки. Вотъ почему я пришелъ...

Они съ минуту поглядѣли другъ на друга. Потомъ вдругъ Лодеръ оттолкнулъ Чилькота, прошелъ въ спальню, и оттуда раздался шумъ открываемыхъ ящиковъ и шкаповъ. Чилькотъ послѣдовалъ за нимъ и увидѣлъ Лодера. Онъ стоялъ посреди комнаты, снявъ сюртукъ, а вокругъ него на стульяхъ и на полу лежали жилеты, перчатки и галстуки.

— Лодеръ,—испуганно спросилъ Чилькотъ,—что̀ вы намѣрены дѣлать?

Лодеръ обернулся къ нему съ твердымъ выраженіемъ лица.

— Я вернусь,—сказалъ онъ,—чтобы распутать завязанный вами узелъ.

XXVII.

Лодеръ установилъ планъ дѣйствія сейчасъ же. Положеніе дѣлъ было ясное. Лиліанъ Аструпъ была нѣсколько минутъ одна въ столовой до прихода Евы и увидѣла телеграмму. Потомъ пришла Ева, но Лодеръ достаточно зналъ Лиліанъ, чтобы предположить, что она взяла телеграмму до прихода Евы.

Прежде всего поэтому Лодеръ взялъ кэбъ и крикнулъ ад-

ресъ: „Кадоганъ-Гарденсъ, 33!“—Прiѣхавъ, онъ позвонилъ, и ему отворилъ все тотъ же учтивый слуга.

— Лэди Аструпъ дома?—спросилъ онъ, и на утвердительный отвѣтъ сказалъ, чтобы ей тотчасъ доложили о немъ. Лодера провели въ бѣлую гостиную, и онъ успѣлъ замѣтить на этотъ разъ роскошную артистическую обстановку комнаты. Черезъ нѣсколько минутъ вошла Лилiанъ, въ свѣтломъ суконномъ платьѣ и въ мѣхахъ. Она застегивала перчатки и, улыбаясь, подошла къ Лодеру.

— Я знала, что вы придете,—загадочно сказала она.

— Вы меня ждали?—спросилъ Лодеръ, сейчасъ же почувствовавъ, что она его узнала. — Конечно, я долженъ вамъ визитъ, послѣ того, какъ обѣдалъ у васъ. У меня старомодныя привычки.

— Развѣ, милый Джэкъ?—сказала она съ легкой насмѣшкой. — А я считала васъ скорѣе... богемой. Ну, садитесь. Обѣщаю, что не заставлю васъ курить и не попрошу снять перчатокъ.

Лодеръ не могъ понять ея тона, не зналъ, отказалась ли она отъ безплодной борьбы, или играла съ нимъ, какъ кошка съ мышкой. Вглядѣвшись въ ея нѣжное лицо и зеленые глаза, онъ сейчасъ же склонился ко второму предположенiю. Онъ вспомнилъ, что телеграмма въ ея рукахъ, и прежде всего хотѣлъ провѣрить, не хитритъ ли она съ нимъ.

— Вы сказали, что ожидали меня,—спокойно началъ онъ.— Что это значитъ?

— А то,—отвѣтила она съ улыбкой,—что мнѣ доложили о приходѣ Джэка Чилькота, а для меня было ясно, что придетъ не Чилькотъ.

Лодеръ почувствовалъ, что нужно положить этому конецъ.

— Что̀ вы дѣлали сегодня утромъ въ столовой въ Гровноръ-Скверѣ до прихода Евы?—спросилъ онъ.

Лилiанъ застегнула перчатку.—Ну, да,—значитъ, я вѣрно догадалась,—сказала она.—Вы пришли узнать, сидѣла ли я, спокойно сложивъ руки, или искала развлеченiй.

Лодера возмущалъ ея тонъ, но теперь было не до того.—

— Я опять спрашиваю васъ, почему вы ждали моего прихода?

— А вотъ почему,—со смѣхомъ отвѣтила она.—Кто видѣлъ Джэка Чилькота сегодня въ двѣнадцать часовъ, тому было ясно, что днемъ его замѣните вы. А я тутъ совершенно нипричемъ,— прибавила она.—Когда входишь въ пустую комнату и видишь на столѣ длинную телеграмму...

Но Лодеръ не далъ ей договорить. Ея признанiя не интересовали его.

— Я не исповѣдникъ,—сказалъ онъ. Ему прежде всего хотѣлось остаться наединѣ и обдумать дальнѣйшій ходъ дѣйствій. Онъ съ улыбкой взглянулъ на Лиліанъ.—Прощайте!—сказалъ онъ, протягивая ей руку.

— Будете вы сегодня вечеромъ въ театрѣ?—спросила Лиліанъ, прощаясь.—Идетъ „Двойникъ". Мнѣ бы очень хотѣлось видѣть васъ на этомъ представленіи.—Наклонивъ голову, она глядѣла на него своими зелеными глазами, и Лодеръ на минуту колебался. Но потомъ лицо его просвѣтлѣло.

— Хорошо,—медленно сказалъ онъ.—До свиданія въ театрѣ.

Лодеръ не сомнѣвался теперь, что Лиліанъ Аструпъ нашла телеграмму и взяла ее; теперь ему оставалось обезцѣнить документъ, очутившійся въ ея рукахъ. Какъ онъ это сдѣлаетъ, онъ еще не зналъ, но его возбуждали опасность и предстоящая борьба, и онъ вернулся въ домъ Чилькота полнымъ силы и энергіи. Онъ вѣрилъ въ свою звѣзду. Поднявшись на лѣстницу, онъ прямо прошелъ въ комнаты Евы. Она стояла у окна спиной къ свѣту и лицомъ къ нему. Обрадованный видомъ ея, онъ быстро подошелъ къ ней, протягивая руку.—Ева!—тихо сказалъ онъ.

Но Ева не двигалась. Она взглянула на него, потомъ отвернула глаза.

— Ева,—началъ онъ опять. — Я долженъ объяснить тебѣ кое-что... относительно вчерашняго вечера и сегодняшняго утра.— Но вдругъ, къ его удивленію, Ева быстро повернулась къ нему, и въ глазахъ ея сверкнула радость.

— Я все понимаю,—сказала она.—Не старайся объяснять. Для меня достаточно видѣть тебя—такимъ.

Лодеръ былъ пораженъ. Онъ ждалъ, что послѣ вторженія Чилькота Ева отнесется къ нему недовѣрчиво, но въ ней сказывалось только желаніе жить настоящей минутой, забывая о прошломъ и не думая о будущемъ.

— Значитъ, ты меня прощаешь, — сказалъ онъ и, подойдя ближе, коснулся ея руки. Она стояла, отвернувшись отъ него, но рука ея дрожала. Черезъ минуту она подняла голову, и глаза ихъ встрѣтились. Онъ понялъ ее.

— Джонъ...—быстро сказала она, но не договорила своей мысли.—Какая я глупая и нервная!—воскликнула она, отрывисто засмѣявшись.—Точно школьница, а не женщина двадцати-четырехъ лѣтъ.—Помоги мнѣ стать благоразумной!—Щеки ея горѣли, и видно было, что она сдерживаетъ волненіе.

— Ева!..—началъ снова Лодеръ, но она остановила его.

— Не нужно объясненій,—сказала она;—я хочу радоваться

минутѣ. Вѣдь я такъ безконечно счастлива, когда вижу тебя—такимъ.—Голосъ ея опять дрогнулъ, точно отъ сдержаннаго рыданія. — Ну, что,—сказала она спокойно, послѣ короткаго молчанія,—пріятно быть великимъ человѣкомъ?—Она сказала это беззаботно, и ничто въ ея голосѣ не выдавало прежняго волненія.

Лодеръ все еще не зналъ, какъ ему быть. Онъ опять взялъ ее за руку и заглянулъ ей въ глаза.

— Послушай, Ева,—началъ онъ. Но Ева продолжала свою таинственную игру. Она съ нервнымъ смѣхомъ освободила руку и зажала ему ротъ.

— Ни слова! — сказала она.—Прошлыя двѣ недѣли были твои, а теперь мой чередъ. Сегодняшній день—мой.

XXVIII.

Женщина опять побѣдила. Лодеръ пробылъ у Евы болѣе двухъ часовъ и ясно чувствовалъ, что тонъ ихъ бесѣдѣ даетъ она, что она устраняетъ всѣ опасныя темы. И кромѣ того, онъ видѣлъ, что она искусно отстраняетъ всякій разговоръ о любви. Потомъ она поѣхала проводить его въ клубъ, и хотя онъ сознавалъ, что положеніе его почти безысходное, все же стихійное чувство торжества охватило его душу, и въ немъ укрѣпилась увѣренность въ ожидающемъ его успѣхѣ въ жизни—и въ любви. У дверей клуба онъ вышелъ изъ коляски и простился съ Евой...

— Ты не обѣдаешь сегодня дома?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ,—отвѣтила она:—я приглашена къ Брамфелямъ.

— А когда ты вернешься домой? Я бы хотѣлъ еще повидать тебя.

Она, видимо, опять хотѣла что-то сказать, но опять не рѣшилась и опустила глаза.

— Я буду дома къ одиннадцати,—сказала она.

Лодеръ обѣдалъ съ Лэкли въ клубѣ и попалъ въ театръ уже въ десятомъ часу. Въ ложѣ Лиліанъ онъ засталъ кромѣ нея еще ея молодую пріятельницу, миссъ Эсельтинъ, и Леонарда Кэна. Онъ совершенно не зналъ, зачѣмъ его призвала Лиліанъ, и не зналъ, о чемъ заговорить. Изъ вѣжливости онъ спросилъ, интересна ли пьеса, и попросилъ разсказать, въ чемъ дѣло, такъ какъ онъ попалъ только ко второму дѣйствію.

— Да развѣ вы не знаете этой пьесы?—спросила громко Лиліанъ.—Это передѣлка для сцены романа „Двойникъ". —Разскажите ему содержаніе, Леонардъ,—прибавила она, обращаясь къ Кэну.

Леонардъ согласился.—Фабула заключается въ томъ,—сказалъ онъ,—что два человѣка, милліонеръ и художникъ, похожіе другъ на друга какъ близнецы, мѣняются ради шутки своими личностями.

Лодеръ улыбался, стараясь не выдать себя.

— Но шутка не совсѣмъ удается, — продолжалъ Кэнъ.— Одинъ изъ нихъ женатъ, и любовь между нею и двойникомъ ея мужа превращаетъ шутку въ драму.

Лодеръ почувствовалъ, что кровь бросилась ему въ лицо.

— Чѣмъ же кончается исторія? — спросилъ онъ глухимъ голосомъ.

— Ну, конецъ обычный: замѣститель милліонера дѣлаетъ массу глупостей,—и пузырь лопается.

— А жена?

— Жена? — Лиліанъ коротко засмѣялась. — Жена — дура: она разводится съ мужемъ.

Всѣ расхохотались. Въ это время заигралъ оркестръ—и разговоры прекратились. Когда оркестръ умолкъ, раздался звонокъ, и поднялась занавѣсь. Начался второй актъ.

XXIX.

До конца второго акта Лодеръ поднялся и простился съ Лиліанъ. Она отпустила его съ пренебрежительной улыбкой. Ей нужно было показать ему, что̀ его ожидаетъ. Тайна открыта— и нарывъ лопнетъ, какъ въ пьесѣ.

Онъ вышелъ изъ театра и пошелъ пѣшкомъ на Гровноръ-Сквэръ, едва разбираясь въ мысляхъ. Онъ вдругъ сразу почувствовалъ, что все кончено—что Джонъ Лодеръ, создавшій себѣ въ нѣсколько недѣль такое блестящее положеніе, обреченъ на гибель. Все разбилось, — но по привычкѣ онъ сталъ мысленно распутывать ниточку за ниточкой завязавшійся узелъ и плести какую-то цѣпь, для того, чтобы связать себя съ будущимъ.

Онъ принялъ новое рѣшеніе. Войдя въ домъ Чилькота, онъ поднялся по лѣстницѣ совершенно въ другомъ настроеніи, чѣмъ въ прежніе разы. Онъ шелъ, опустивъ голову, согнувъ плечи. Поднявшись, онъ прямо прошелъ въ комнаты Евы. Она стояла

у камина въ пышномъ вечернемъ туалетѣ, сверкая брильянтами на шеѣ и въ волосахъ. Когда онъ вошелъ, она быстро взглянула на него испытующимъ взглядомъ, къ которому онъ привыкъ. Но тотчасъ же выраженіе ея лица смѣнилось тревогой.

— Чтò случилось?—воскликнула она.—На тебѣ лица нѣтъ.

— Да,—медленно отвѣтилъ онъ.—Случилось нехорошее.

Она густо покраснѣла, но онъ этого не замѣтилъ.

Съ обычнымъ своимъ упрямствомъ онъ заставилъ себя выполнить принятое рѣшеніе.

— Ты презираешь ложь,—началъ онъ.—Чтò же бы ты сказала о человѣкѣ, который построилъ всю свою жизнь на лжи? Отвѣчай, мнѣ это нужно знать.

Она долго молчала.

— Я не могу ничего сказать,—проговорила она, наконецъ.— Я не хочу никого судить.

Лодеръ продолжалъ управлять собою.

— Ева,—сказалъ онъ спокойно.—Я былъ сегодня въ театрѣ и видѣлъ пьесу „Двойникъ". Ты читала, вѣроятно, романъ, по которому эта драма написана.

— Да, читала.

— Рѣчь идетъ о полномъ сходствѣ двухъ людей. Какъ ты думаешь,—такое сходство возможно?

— Да, — нервно отвѣтила Ева. — Я вѣрю въ возможность такого сходства.

— Ты не ошибаешься,—быстро сказалъ Лодеръ.—Я знаю, что такіе случаи бываютъ въ жизни. И подобное сходство очень опасно, оно — страшный соблазнъ. — Онъ остановился, ожидая, что она придетъ ему на помощь, но она молчала.—Ева!—воскликнулъ онъ тогда:—еслибы ты знала, еслибы ты могла догадаться о томъ, чтò я хочу тебѣ сказать!

Лодеръ, сильный, увѣренный въ себѣ Лодеръ растерялся и казался безпомощнымъ ребенкомъ. Въ его голосѣ звучала мольба.

Ева поняла его,—и всѣ сложныя чувства, которыя мѣшали ей говорить до этой минуты, разсѣялись передъ молящимъ звукомъ его голоса. Она быстро, но спокойно обернулась къ нему и посмотрѣла ему въ лицо взглядомъ, какъ бы озареннымъ свѣтомъ, идущимъ изнутри.

— Не продолжай,—сказала она просто.—Я все знаю.

Это было сказано просто, какъ всѣ великія откровенія. Лицо ея сіяло особой красотой въ этомъ забвеніи самой себя. Она думала въ эту минуту только о страданіяхъ человѣка, который стоялъ передъ нею.

Лодеръ едва понималъ ее.

— Ты знала?—спросилъ онъ съ безконечнымъ изумленіемъ.

Не отвѣчая, она подошла къ маленькому бюро, стоявшему у окна, открыла одинъ изъ ящиковъ и вынула нѣсколько листковъ, исписанныхъ почеркомъ Чилькота. Не говоря ни слова, она передала ему листки. Они обмѣнялись безмолвнымъ взглядомъ, понимая другъ друга.

— Когда я вошла сегодня утромъ въ столовую, — сказала, наконецъ, Ева,—и увидѣла, что Лиліанъ Аструпъ читаетъ телеграмму, я была очень далека отъ желанія послѣдовать ея примѣру. Но когда потомъ вошелъ *онъ*, и я увидѣла, что ты — я думала, что это ты — опять сталъ прежнимъ, когда они стали весело болтать и шутить, я вдругъ почувствовала себя страшно покинутой. Въ ту минуту во мнѣ проснулась ревность,—и все остальное исчезло для меня. Когда они вышли вдвоемъ изъ столовой, я вспомнила о телеграммѣ и стала ее читать. Прочтя первыя слова, я уже не могла не дочитать до конца. Я забрала листки и принесла ихъ сюда.

Лодеръ слушалъ ее, затаивъ дыханіе. Теперь онъ понялъ равнодушіе въ обращеніи Лиліанъ Аструпъ. Не имѣя въ рукѣ надежнаго орудія, она не хотѣла продолжать борьбу, которая была бы слишкомъ трудной. Но въ эту минуту онъ чувствовалъ, что его волнуетъ не это открытіе, мѣнявшее его судьбу, а нѣчто другое.

— Ева, — сказалъ онъ: — какое было твое первое чувство, когда ты узнала правду обо мнѣ?

Наступило опять короткое молчаніе, потомъ Ева взглянула ему въ лицо открытымъ, яснымъ взглядомъ.

— Первое мое чувство было... большая благодарность,—сказала она.

— Благодарность?—медленно переспросилъ онъ изумленнымъ тономъ.

— Да, благодарность за то, что я не обманулась въ томъ, въ кого повѣрила.

Она говорила просто и довѣрчиво, но для Лодера слова ея были самымъ страшнымъ обвиненіемъ.

— Ева, — сказалъ онъ, — ты не знаешь, что̀ говоришь. Я долженъ тебѣ объяснить. Я пришелъ сказать тебѣ многое, — и ты облегчила мнѣ половину признанія тѣмъ, что узнала правду. Но это еще не все. Я теперь начинаю разбираться въ мотивахъ моего поступка, — того, что я принялъ предложеніе Чилькота,—и теперь понимаю, что мы оба дѣйствовали изъ эгоизма:

онъ слѣдовалъ влеченіямъ своей несчастной страсти, я—внушеніямъ моего честолюбія. Но къ этому присоединилось вскорѣ еще другое. Вначалѣ я дѣйствовалъ изъ желанія проявить свою личность, вызвать одобреніе Фрэда... и подняться въ твоихъ глазахъ, пробудить дружеское отношеніе въ тебѣ.

— Ты искалъ моей дружбы?

— Я полагалъ, что дѣло только въ дружбѣ. И только послѣ моей рѣчи въ парламентѣ я понялъ, что чувства мои другія,—что я люблю тебя. Сначала я не увидѣлъ въ этомъ ничего ужаснаго,—я думалъ только о себѣ. Но когда мы возвращались домой изъ Вестминстера, произошло странное совпаденіе. Помнишь, какъ мы остановились на Пикадилли? Такъ вотъ, когда я высунулся изъ окна,—я увидѣлъ передъ собой Чилькота.

Ева вздрогнула. Это соединеніе самаго счастливаго момента ея жизни съ образомъ Чилькота непріятно поразило ее.

— Ты увидѣлъ его въ тотъ вечеръ?—переспросила она.

— Да, все во мнѣ застыло при видѣ его. Чувство торжества сразу смѣнилось тогда мыслью о судьбѣ. Я очнулся отъ своей гордости. На слѣдующій день я пошелъ къ нему и сказалъ, что нужно положить конецъ всему. Но я не былъ честенъ до конца. Я пошелъ съ тѣмъ, чтобы признаться ему въ любви къ тебѣ,—но самолюбіе связало мнѣ языкъ, и я изобразилъ опасность въ другомъ видѣ. Я не одержалъ надъ собой той побѣды, которую хотѣлъ одержать. Это выяснилось сегодня, когда онъ пришелъ сообщить мнѣ о потерянной телеграммѣ. Я ухватился за возможность вернуться вовсе не изъ страха передъ лэди Аструпъ, вовсе не для того, чтобы спасти положеніе,—а только для того, чтобы опять ощутить радость жизни—увидѣть тебя... хотя бы на одинъ день.

Лодеръ посмотрѣлъ на Еву, и сейчасъ же опять отвернулся.

— Я думалъ только о себѣ сегодня, когда говорилъ съ тобой, и когда ты провожала меня въ клубъ. И чтò я думалъ—ты можешь понять безъ словъ. А потомъ я пошелъ въ театръ, въ ложу лэди Аструпъ, чтобы посмотрѣть, велика ли опасность съ ея стороны. Но тамъ меня ждало рѣшеніе судьбы. Едва-ли кто-либо переживалъ въ полчаса столько, сколько я сегодня. Въ пьесѣ два человѣка мѣняются своей жизнью, какъ я и Чилькотъ,—но они забываютъ при этомъ о женѣ одного изъ нихъ. И когда я сидѣлъ въ театрѣ,—самъ даже не знаю, какъ это произошло,—я внутренно перемѣнилъ все отношеніе къ жизни. Я посмотрѣлъ на все при свѣтѣ общечеловѣческой правды, а

не мелкаго эгоизма. Я вдругъ понялъ, какъ глубоко я виноватъ,— и рѣшилъ положить конецъ всему.

Ева быстро подошла къ Лодеру съ широко раскрытыми отъ ужаса глазами и положила ему руки на плечи.

— Чтò ты задумалъ?—воскликнула она.—Ты хочешь уйти, все оставить? Это невозможно. Почему ты думаешь, что это нужно?

— Потому что мы любимъ другъ друга.

— Чтò въ нашей любви дурного?—спросила она, вся вспыхнувъ.—Мы ничего преступнаго не совершаемъ. Мы будемъ друзьями. Мнѣ такъ нуженъ другъ!

Въ первый разъ Лодеръ видѣлъ ее въ такомъ отчаяніи, когда она теряла власть надъ собой. И въ немъ такъ сильно заговорило чувство глубокаго состраданія, что всякая жертва казалась ему теперь возможной, превращалась въ священный долгъ. Онъ протянулъ руки къ ней и привлекъ ее къ себѣ, какъ ребенка.

— Ева,—сказалъ онъ.—Я узналъ сегодня, до чего жизнь женщины во власти свѣта и до чего свѣтъ безжалостенъ. При другихъ обстоятельствахъ я былъ бы хорошимъ мужемъ, умѣлъ бы защитить тебя. Но права защищать тебя я не имѣю,—и потому буду ограждать тебя отъ всего недостойнаго. Теперь я знаю, что нельзя употреблять свою силу во вредъ другимъ. Нужно жертвовать собой,—и я это сдѣлаю. Понимаешь ли ты, Ева, что я беру на себя тяжелый долгъ? Насколько легче было бы мнѣ, еслибы я продолжалъ пользоваться слабостью Чилькота и— твоимъ великодушіемъ. Но въ первый разъ для меня жизнь другого человѣка дороже моей собственной. Въ тебѣ есть что-то высокое и нѣжное,—и это преграждаетъ мнѣ дорогу. Неужели, Ева, ты не видишь, какъ тяжело мнѣ приходится бороться?

Наступило молчаніе. Ева стояла хрупкая, нѣжная, вся въ слезахъ, и подняла къ Лодеру лицо, влажное отъ слезъ. На лицѣ ея отразилась рѣшимость и готовность самоотреченія, которая поражала въ такомъ слабомъ на видъ существѣ. Она не произнесла ни слова, потому что слова въ такія минуты излишни, но простымъ и трогательнымъ движеніемъ взяла его руку и поднесла ее къ губамъ.

XXX.

Наступило молчаніе, которое стало, наконецъ, невыносимо Лодеру.

— Ева,—сказалъ онъ, подойдя къ камину,—я не сказалъ тебѣ еще о самомъ трудномъ. Недостаточно, чтобы я ушелъ.

Нужно, чтобы вернулся Чилькотъ; нужно заставить его выполнять свои обязательства. Это должны сдѣлать я и ты. Ты именно можешь многое сдѣлать. Онъ боится общественнаго мнѣнія—дай ему понять, что знаешь его тайну, и онъ будетъ слушаться тебя. Я пришелъ сегодня просить тебя объ этомъ. Я знаю, что это трудная задача для женщины,—но ты не такая, какъ всѣ женщины. Пойми, Ева, вѣдь это единственный исходъ для насъ.

Онъ замолчалъ. Ева ничего не отвѣтила, но подошла къ Лодеру медленно и нерѣшительно, и протянула ему руки, какъ бы прося помощи.—Я поняла,—медленно произнесла она.—Когда ты меня къ нему поведешь?

Лодеръ помолчалъ и потомъ отвѣтилъ тихо и отрывисто:

— Сейчасъ! Сейчасъ же! Я знаю, что ты берешь на себя тяжелое.

Точно боясь, что ему измѣнитъ собственная рѣшимость, онъ прошелъ черезъ комнату къ стулу, на которомъ лежалъ темный плащъ Евы, и молча набросилъ его ей на плечи. Потомъ онъ такъ же машинально открылъ дверь, пропустилъ Еву и самъ пошелъ за ней. Они молча сошли съ лѣстницы и вышли на улицу. На порогѣ Лодеръ на минуту остановился,—и, можетъ быть, даже Ева не представляла себѣ горечь его чувствъ,—мракъ, который онъ увидѣлъ передъ собою въ будущемъ.

Увидавъ пустой кэбъ, Лодеръ подозвалъ его, усадилъ Еву и самъ сѣлъ подлѣ нея. Дорога въ Клифордсъ-Иннъ показалась имъ обоимъ безконечно длинной. Оба они почти все время молчали. Доѣхавъ до Мидль-Тэмпль-Лэнъ, они оставили кэбъ, прошли пѣшкомъ по Флитъ-Стриту и, наконецъ, вошли въ Клифордсъ-Иннъ. Ева вздрогнула отъ угрюмаго вида двора.

— Точно кладбище,—проговорила она.

Лодеръ повелъ ее за собой по двору, потомъ по лѣстницѣ, и они остановились, наконецъ, у его двери. Лодеръ пробовалъ открыть дверь, но она оказалась запертой изнутри. Онъ обернулся къ Евѣ съ тревожнымъ выраженіемъ лица.

— Тутъ что-то не ладно,—сказалъ онъ тихо.—Дверь закрыта и не видно свѣта.

Онъ рѣшилъ открыть замокъ своимъ запаснымъ ключомъ и сказалъ, что войдетъ сначала одинъ, а потомъ уже позоветъ Еву. Она согласилась и послушно отступила. Лодеръ открылъ дверь и вошелъ въ темноту, а она осталась его ждать. Прошло довольно много времени, и ей сдѣлалось жутко. Наконецъ, онъ снова показался, но видъ его былъ такой, что у Евы похолодѣли руки, когда она взглянула ему въ лицо.

— Чтò случилось?—прошептала она.

Онъ, вмѣсто отвѣта, близко подошелъ къ ней,—въ глазахъ его застыло выраженіе ужаса.

— Идемъ,—сказалъ онъ.—Идемъ скорѣе! Я отвезу тебя домой.

Ева схватила его за руку.

— Почему? Почему?—тихо спросила она.

Но онъ настойчиво повелъ ее къ лѣстницѣ.

— Спустимся какъ можно тише,—сказалъ онъ.—Тебя не должны здѣсь увидать.

— Въ чемъ дѣло? Чтò случилось?—настаивала Ева, отказываясь повиноваться. Лодеръ посмотрѣлъ на нее въ нерѣшительности и, наконецъ, уступилъ ея просьбѣ:

— Онъ умеръ,—тихо проговорилъ онъ.—Чилькотъ умеръ.

Ева не имѣла времени опомниться послѣ оглушительнаго извѣстія. Лодеръ торопилъ ее, занятый исключительно мыслью о ней, о томъ, чтобы оградить ее отъ всякой непріятности. Только когда они вышли изъ Клифордсъ-Инна, такъ же незамѣтно, какъ вошли, и сѣли въ кэбъ на Стрэндѣ, Лодеръ вздохнулъ съ облегченіемъ.

Ева все еще не приходила въ себя. У нея было только успокоительное сознаніе, что Лодеръ подлѣ нея и что она подъ защитой его силы. Они оба долго молчали. Наконецъ, и Лодеръ, чувствуя, что на немъ лежитъ отвѣтственность за Еву, рѣшился заговорить.

— Ева,—сказалъ онъ,—ты понимаешь, чтò всё это означаетъ?—Она молчала, и послѣ нѣкотораго колебанія онъ продолжалъ:—Пойми,—вѣдь съ того времени, какъ я увидѣлъ тебя, я думаю только о тебѣ и ни о комъ другомъ.

Она подняла глаза на него.

— Отдаешь ли ты себѣ отчетъ въ томъ, чтò произошло сегодня? Съ сегодняшняго вечера въ Лондонѣ нѣтъ человѣка, носящаго имя Джона Лодера. Завтра его найдутъ мертвымъ въ его комнатѣ, и посмертное изслѣдованіе покажетъ, что онъ умеръ отъ морфиноманіи. Его похоронятъ, ничего интереснаго въ его комнатахъ не найдутъ, никакіе родственники не явятся за его тѣломъ. Все это, конечно, ужасно,—но съ этимъ приходится мириться.

— Для насъ же это имѣетъ еще другое значеніе, Ева,—продолжалъ онъ рѣзко и взволнованно.—Сегодня закончилась

цѣлая глава моей жизни. Я бы могъ навсегда захлопнуть книгу и бросить ее прочь. Но я думаю о тебѣ, и потому не бросаю. Вотъ что̀ будетъ. Я вернусь съ тобой на Гровноръ-Скверъ, останусь до тѣхъ поръ, пока найдется для Чилькота предлогъ для отъѣзда за границу. Фрэда я буду избѣгать, откажусь отъ политики. И тогда я сдѣлаю то, что̀ сдѣлалъ бы сегодня, еслибы это оказалось возможнымъ. Я уѣду куда-нибудь въ чужую страну, чтобы начать новую жизнь.

— Въ другую страну?—спросила Ева. — Что̀ это значитъ?

— Я начну новую жизнь въ новой странѣ, для того, чтобы я могъ придти къ тебѣ съ плодами честнаго труда. Я не такъ старъ, чтобы ужъ не могъ сдѣлать того, что̀ дѣлаютъ другіе.

— Ты не слишкомъ старъ, это правда,—медленно сказала Ева.—Но дѣло не въ этомъ, не въ твоихъ личныхъ соображеніяхъ. Теперь весь вопросъ въ томъ, имѣешь ли ты *право* уйти. У тебя есть дѣло. Ты нуженъ своей странѣ. У меня тоже есть права на тебя—я тебя люблю. Но и эти права ничто. Ты можешь отвергнуть любовь. А долгъ передъ страной—другое дѣло. Ты отъ него не можешь отречься.

Онъ хотѣлъ отвѣтить, но она остановила его:

— Не говори. Я знаю, что̀ ты хочешь сказать. Но подумай. Ты принадлежишь Англіи. А всѣ твои разсужденія о нравственномъ долгѣ вызваны гордостью. Гордость хороша, когда она умѣстна. Теперь не время для нея. Знаешь,—сказала она, кладя свои руки на его руки: — м-ръ Фрэдъ сообщилъ мнѣ сегодня, что въ его новомъ министерствѣ мѣсто товарища министра предоставлено будетъ тебѣ, Джонъ...—На этомъ словѣ она оборвала фразу. Кэбъ остановился передъ домомъ Чилькота.

— Васъ въ кабинетѣ ждетъ съ полчаса м-ръ Фрэдъ,—доложилъ слуга.

Ева повернулась къ Лодеру, чтобы узнать приговоръ, рѣшающій ихъ будущую судьбу.—Ты знаешь, что онъ пришелъ предложить лично мѣсто товарища министра,—сказала она.

Она замолчала. Черезъ минуту Лодеръ обратился къ ней. Лицо его было блѣдно и серьезно, — но за этимъ выраженіемъ свѣтилась старая сила и увѣренность въ себѣ.

Сдѣлавъ шагъ впередъ, онъ протянулъ ей обѣ руки.

— Мое согласіе или отказъ, — сказалъ онъ очень спокойно,—зависитъ отъ моей жены.

Съ англ. З. В.

ВОПРОСЫ ИСКУССТВА

ВЪ

СОВРЕМЕННЫХЪ ЕГО ОТРАЖЕНІЯХЪ

I.

Наша художественная литература переживаетъ кризисъ, которому трудно дать одно исчерпывающее опредѣленіе. Что-то прекрасное, величавое, не терпящее суеты, откололось и ушло въ безвозвратное прошлое. Что-то прекрасное, новое, неслыханное чудится въ томъ дымномъ хаосѣ пѣсенъ и стоновъ, криковъ отчаянія и надежды, въ лучахъ кровавыхъ зорь и судорогахъ „красваго смѣха“,—во всемъ, что въ переживаемомъ нами броженіи встрѣчаетъ „милаго младенца“ — новый періодъ литературы, поэзіи, искусства. Рушатся ли старые алтари, строятся ли храмы для новыхъ кумировъ—въ предутреннемъ туманѣ не видно, но въ воздухѣ вѣетъ бодрящей свѣжестью морского прибоя, несущей съ собой отвагу и жажду приволья и вѣру въ горячее яркое солнце. И пусть эта свобода и свѣжесть и смѣлость скорѣе вольется въ могучую красоту вѣщаго русскаго слова, пусть оно, это слово, утолитъ нашу жажду чего-то поистинѣ свободно-рожденнаго въ стихіяхъ духа, пусть оно откроетъ въ нихъ поистинѣ новыя прекрасныя дали, пусть оно всколыхнетъ таинственнѣйшія изъ глубинъ мысли и чувства и выброситъ вмѣстѣ съ брызгами пѣны, отливающей на солнцѣ, и самоцвѣтные камни, которые играли бы всѣми лучами генія, свѣтились бы прелестью неподдѣльныхъ жемчужинъ поэзіи!..

Нашимъ художникамъ, поэтамъ, виртуозамъ мысли и формы

предстоитъ великая и въ высшей степени отвѣтственная задача. Прошедшій вѣкъ литературы не зажился среди новыхъ поколѣній и ушелъ отъ суеты и шума кипучаго переходнаго момента въ тишину портретныхъ галерей, гдѣ образы хранятъ всю прелесть красокъ и гдѣ заботливая рука не устаетъ еще замѣнять увядающіе цвѣты новыми дарами восторженнаго признанія и любви. Прошлый вѣкъ литературы въ толстыхъ томахъ весь разошелся по шкапамъ и полкамъ; его будутъ изучать съ спокойной любознательностью, его будутъ анализировать съ безстрастіемъ хирурга или съ мечтательнымъ умиленьемъ. Но волненіе нашихъ дней, пожирающій пламень самозабвенной мысли, горячій порывъ навстрѣчу жизни, борьбѣ и счастью принадлежитъ не имъ, а тому, что̀ несется къ намъ изъ неяснаго далека грядущаго. И какъ во всѣхъ областяхъ русской народной жизни,—въ области художественной все полно предчувствіемъ, тревогой ожиданья, усталостью, безумной надеждой и жаждой чуда, доходящей до галлюцинацій, до кошмарныхъ видѣній. И когда же раздадутся звуки, въ которыхъ воплотится это великое ожиданье, эта великая скорбь, и упованія, и мечты? Когда же раздастся призывъ на дымящихся развалинахъ—спѣть благодарственный гимнъ радости творчества и приступить къ творческой работѣ по созиданію вдохновеннаго храма, искони лелѣяннаго народной душой и думой національнаго русскаго искусства? Зажигаются только свѣтильники надъ мѣстомъ работы, но еще ни одинъ камень не отшлифованъ и не пригнанъ на мѣсто, еще ни одна страница родного искусства не переписана набѣло. Все это задачи будущаго, а мы живемъ въ предвѣдѣніи, въ тревогѣ и въ туманѣ...

Наиболѣе чуткіе изъ нашихъ поэтовъ сами говорятъ, что они — только предтечи. Наши художники — самоотверженные искатели божественныхъ тайнъ, разсѣянныхъ въ пространствахъ непостижнаго и вѣчнаго. Какія волшебства откроютъ они вѣщими звуками своихъ пѣсенъ? какія дали развернутъ передъ нами?..

И когда сбудутся ихъ пророчества, ихъ сны наяву? Когда же свободное искусство вольется въ свободную жизнь?

Готоваго отвѣта нѣтъ на эти вопросы; есть отвѣтное чувство, отвѣтная мечта, изъ устъ пророчествующихъ срываются полуневнятныя, полубезумныя слова. Свобода — внутри человѣка,— говорятъ одни; духъ свободенъ отъ того, что̀ внѣ его, и пусть онъ или уносится въ небеса и ищетъ тамъ въ своей прародинѣ сліянія съ вѣчной красотой божественнаго, безконечнаго, или пусть онъ обратится къ благамъ міра сего и радуется и веселится всему, въ чемъ видитъ радость и полноту бытія, пусть

играетъ всѣми фибрами естества, не подчиненный ничьимъ велѣніямъ или догмамъ.—Скоро, скоро взойдетъ оно, это солнце свободы,—говорятъ другіе,—той всеобщей, широкой, народной свободы, безъ которой и пѣсня не пѣсня, и жизнь — не жизнь. И на разные лады повторяются милые, но уже давно потускнѣвшіе отъ частыхъ прикосновеній стихи о томъ, что „темницы рухнутъ, и свобода васъ приметъ радостно у входа"... И вся пестрая разноголосица звуковъ, господствующая въ современной поэзіи, находитъ свои отклики въ сердцахъ, пока въ ней выражается страстное стремленіе уйти отъ давящихъ кошмаровъ прошлаго и приковать мечты и чувства къ откровеніямъ свѣтлаго будущаго, ко встрѣчѣ новаго лазурнаго царства высшей вселенской человѣчности, правды и любви. Въ сумеркахъ похолодѣвшихъ храмовъ уже грезятся новые свѣточи религіи и вѣры; ихъ трепетные лучи озаряютъ новымъ, оживляющимъ блескомъ темные лики страдальцевъ за высшіе идеалы человѣчества, за божественную вѣру въ грядущее царство Божіе на землѣ. И даже у тѣхъ, кто устаетъ ждать осуществленія этой дивной мечты, кто, въ минуты раздумья и грусти, говоритъ о закатѣ и вечернихъ зоряхъ, невольно прорывается примирительная нотка при мысли, что земная жизнь не можетъ быть завершена кругомъ сознанныхъ ею видѣній:

Все потонуло въ блескѣ аломъ,
И говорятъ душѣ они
О незакатномъ, небываломъ -
Заката яркіе огни!

Всѣ эти настроенія отражаются, то ярко, то тускло, то радостно, то печально, въ переливахъ современной поэзіи, пытающейся выразить весь нестройный хаосъ жизненныхъ звуковъ, въ которомъ живетъ современный человѣкъ,—отъ младенческаго лепета первобытными элементами слова, еще какъ бы не выдѣленными изъ синкретизма жеста и звука, всѣмъ міромъ ощущеній, образовъ, порывовъ, до свѣтящихся холоднымъ вѣчнымъ блескомъ вершинъ философской мысли. И все это блещущее и меркнущее, бьющее шумными и пестрыми фонтанами образовъ, звуковъ, красокъ, стынущее въ одиночествѣ и раздумьи, смѣющееся и плачущее, вѣрящее и разочарованное,—все это томительно тревожитъ душу, наполняетъ ее сознаніемъ тайнъ, которыя, можетъ быть, никогда не будутъ отгаданы, предчувствіемъ видѣній, которыя, можетъ быть, никогда не пройдутъ передъ глазами...

II.

Какъ въ старые годы, поэты зовутъ въ „оный таинственный міръ“, и многіе отзываются на ихъ зовъ...

Но кто проникнутъ современными стремленіями и остается къ нимъ холоденъ, у кого въ душѣ своя тоска, свои думы о прекрасномъ и вѣчномъ, кто не ищетъ общенія съ мятущимся живымъ міромъ человѣческихъ сердецъ и гордо замыкается въ себя и смотрится въ свои отраженія несущейся мимо жизни и солнца, и снѣговыхъ горъ съ ихъ вѣчнымъ молчаніемъ, и пѣсенъ моря, и звѣздной ночи, тотъ заговоритъ о себѣ стихами И. А. Бунина, тому поэзія этого пѣвца искрящихся въ морозномъ сумракѣ раздумій покажется родной и близкой. Его поэзія служитъ яркимъ контрастомъ ко всей современной плеядѣ. Прихотливая, натуральная въ своей дѣланности, вся играющая въ блескѣ солнца и брызгъ муза Бальмонта безслѣдно, повидимому, прошла для Бунина—мы говоримъ о его послѣднемъ сборникѣ,—не бросивъ ни одного капризнаго, изломаннаго луча въ дремотную глубину таинственныхъ и холодныхъ родниковъ его поэзіи. Красивая, прозрачная тоска о мечтахъ и звукахъ, затерявшихся въ безконечныхъ надзвѣздныхъ обителяхъ вѣчной красоты и зовущихъ къ себѣ чутко-насторожившуюся душу, роднитъ по временамъ поэзію Бунина съ Брюсовымъ, но это признакъ скорѣе случайный: поэзія Брюсова навѣяна слишкомъ широкимъ кругомъ художественныхъ образовъ и обще-человѣческихъ интересовъ. А болѣе новые современные поэты слишкомъ экспансивны, слишкомъ открыты, иные—до дна души обнажены, то обо всемъ печально пѣвучи, то веселы безъ причины, игривы до ребячливости, и Бунина можно было бы характеризовать отрицаніемъ тѣхъ чертъ, которыя имъ наиболѣе свойственны, имъ индивидуально-общи. И тѣмъ не менѣе, живыя нити современности связываютъ Бунина со всѣми, кому дано въ наше время выражать свое міропониманіе въ художественныхъ образахъ и звукахъ: и у него вы найдете своеобразно-выраженный разрывъ съ традиціями прошлаго, доходящій почти до отреченія отъ русской „дѣйствительности“ вообще, и устремленность въ другой, загадочный міръ.

Можетъ быть, это уже общія и неизбѣжныя черты. Поэзія Бунина стоитъ одиноко, и самъ онъ—по преимуществу поэтъ одинокихъ и печальныхъ думъ. Въ этой печали нѣтъ мрака и

ужаса. Въ ней, напротивъ, свѣтлая безнадежность мудреца, познавшаго быстротечность жизни. Читая стихи этого поэта, хочется сказать: вотъ человѣкъ, который не разстается съ думами о смерти и вѣчности,—потому что онъ одинокъ. Онъ не боится этихъ думъ и говоритъ о нихъ—точно бесѣдуетъ съ читателемъ одинъ-на-одинъ съ интимной простотой. Но онъ не другъ ему и никому не другъ.

Поэзія Бунина — холодная, словно застывшая поэзія, и кажется, будто весь міръ смотритъ на него сквозь стекла замерзшаго окна, и самое солнце заглядываетъ къ нему „бодрое отъ холода" и золотитъ хризантемы въ узорахъ стекла. Солнце, морозъ и звѣзды—любимые образы поэта, часто встрѣчающіеся въ различныхъ сочетаніяхъ. Холодъ — эмблема бодрости, молодости, ясности ума; морозъ выводитъ тонкія, строгія, прозрачныя очертанія образовъ.

Замерло все на морозѣ, лучатся морозныя звѣзды,
Но до костей я готовъ въ легкомъ промерзнуть мѣху,
Только бы видѣть тебя, умирающій въ золотѣ мѣсяцъ,
Золотомъ блещущій снѣгъ, легкія тѣни березъ.

„Вечернее зимнее солнце"... „Свой дикій чумъ среди снѣговъ и льда воздвигла Смерть"... „Полярная звѣзда"... „Густой зеленый ельникъ у дороги, глубокіе, пушистые снѣга" — среди этихъ образовъ витаетъ мечта поэта.

Лѣса, скалистыя тѣснины,—
И цѣлый день, въ концѣ тѣснинъ,
Громада снѣговой вершины
Изъ-за лѣсныхъ глядитъ вершинъ.
. . . .
Она полъ-неба заступила,
За облака ушла вѣнцомъ—
И все смирилось, все застыло
Предъ этимъ льдистымъ мертвецомъ.

И печаль поэта — застывшая, неподвижная печаль. Такъ жизнь скучна и однообразна. Такъ все движется по неизмѣннымъ, предвѣчнымъ законамъ, что личная борьба со стихіями жизни безплодна. На землѣ нѣтъ ни боговъ, ни титановъ, и герои, возвышающіеся надъ толпой въ разгарѣ жизненной битвы,—безумцы, которымъ предстоитъ сгорѣть:

Герой—какъ вихрь, срывающій палатки,
Герой врагу безумный далъ отпоръ,
Но самъ погибъ—сгорѣлъ въ неравной схваткѣ,
Какъ искрометный метеоръ.

А трусъ—живетъ. Онъ тоже месть лелѣетъ,
Онъ точитъ мѣткій дротикъ, но тайкомъ.
О, да, онъ мудръ! Но сердце въ немъ чуть тлѣетъ...

Тотъ „Нѣкто", внутренній міръ котораго изображаетъ поэтъ,— не боецъ на жизненномъ пиру. Борьба, суета, шумъ — чужди его самоуглубленнымъ, сосредоточеннымъ мечтамъ. Онъ готовъ свернуть съ дороги, если впереди — слишкомъ густая тьма. Въ сумеречномъ свѣтѣ заката онъ шелъ одиноко,— „но тьма росла— и съ перекрестка я тихо повернулъ назадъ".

Ночь молчалива, но къ молчанью
Привыкну я...

О чувствѣ сиротливости, о просьбѣ сочувствія и рѣчи нѣтъ въ этой пьесѣ („Перекрестокъ"), отчетливой, ясной, и въ то же время мучительно не дающей разгадки страшному трагизму ушедшей въ себя души. Что̀ осталось тамъ позади, на тѣхъ поприщахъ, когда еще не думалось о закатѣ? Увядшія розы? Разбитое счастье, несбывшіяся мечты? „Нѣкто" Бунина не разскажетъ этого, и вы чувствуете только, что надъ его душой должны имѣть особую, роковую силу вѣянія Корана:

На всѣхъ на васъ—на каждой багряницѣ,
На каждомъ пыльномъ рубищѣ раба—
Есть амулетъ, подобный вѣщей птицѣ,
Есть тайный знакъ, и этотъ знакъ—Судьба...

Рабамъ Земли, проникнутымъ фаталистическимъ духомъ, не до борьбы, какъ тому невольнику, который былъ перенесенъ съ Востока и приставленъ къ однообразному, отупляющему труду:

Я покорился. Я, невольникъ,
Живу лишь соннымъ ядомъ грезъ..

Молчаніе для поэта—музыка души, ея видѣнія, краски, радость и муки. Сумракъ, догорающій закатъ, запустѣнье, паутина— вотъ храмъ, гдѣ въ нѣгѣ дремотнаго томленья зрѣютъ одинокія думы. И воображеніе, по деталямъ Бунинскихъ пьесъ, рисуетъ старую запущенную барскую усадьбу, съ клавесинами, выцвѣтшимъ паркетомъ, пыльными гардинами, молью.

Ни фортки нѣтъ въ окнѣ, и рама въ немъ глухая...
Тутъ даже моль недолго наживетъ...

Въ такой-то усадьбѣ бродитъ задумчивый, таинственный Нѣкто и бредитъ стихами о Вѣчности и Красотѣ, и передумываетъ ста-

рыя мысли о томъ, что все на свѣтѣ—тлѣнъ, и въ то же время „все, какъ было“, и новаго въ мірѣ нѣтъ ничего, кромѣ той жизни, которая горѣла въ насъ и будетъ горѣть послѣ насъ для какой-то тайной цѣли, о которой возможны однѣ лишь случайныя догадки.

Та красота, что міръ стремитъ впередъ,
Есть тоже слѣдъ былого. Безъ возврата
Сгоримъ и мы, свершая въ свой чередъ
Обычный путь, но долго не умретъ
Жизнь, что горѣла въ насъ когда-то.

Мерцаетъ надежда, что высшій смыслъ, быть можетъ, управляетъ міромъ, и жизнь избранниковъ, мудрѣйшихъ, горѣвшихъ свѣточами мысли въ предвидѣніи тайныхъ откровеній, не исчезнетъ безслѣдно, и на поэтовъ падаютъ лучи пророческаго ореола:

И много въ мірѣ избранныхъ, чей свѣтъ,
Теперь еще незримый для незрящихъ,
Дойдетъ къ землѣ чрезъ много, много лѣтъ...
Въ безвѣстномъ сонмѣ мудрыхъ и творящихъ
Кто знаетъ ихъ?--Быть можетъ—лишь поэтъ.

Нотка чеховскаго примиренія съ жизнью только случайно прорывается въ поэзіи г. Бунина, и то съ оттѣнкомъ крайне развитого индивидуализма: онъ говоритъ о поэтахъ, объ избранникахъ, о тѣхъ, чей свѣтъ, подобно лучамъ померкнувшихъ планетъ, можетъ свѣтить еще, когда сами они давнымъ-давно исчезли. Человѣчество, люди, толпа—не существуютъ для него. Имъ владѣютъ образы восточныхъ и библейскихъ сказаній, изъ которыхъ жгучій вѣтеръ пустыни вытравилъ въ незапамятныя времена живую память о живыхъ нѣкогда людяхъ, и вѣра въ Ормузда, которую можно заподозрить въ бунинскомъ Нѣкто, сухая и безкровная вѣра, обращенная къ уму, а не къ сердцу.

Ночь третью міра властно правитъ.
Но мудрый жаждетъ вѣрить дню:
Онъ въ мірѣ радость солнца славитъ,
Онъ поклоняется Огню.

III.

Поэзія И. А. Бунина—поэзія затаеннаго, скупо расточаемаго чувства. Оно живетъ на днѣ души, и только по сдерживаемымъ, какъ бы непроизвольно пробуждающимся движеніямъ можно до-

гадаться о томъ, что̀ происходитъ въ глубинѣ. Однако не вѣчно же остается поэтъ наединѣ съ собой, въ дремотныхъ сумеркахъ или на льдистыхъ вершинахъ, въ царствѣ холоднаго блеска. Выходитъ и онъ къ людямъ, любитъ и знойный полдень, и море, но больше всего, кажется, среднюю полосу Россіи, съ Окой, лугами, разливами, лѣсомъ, съ запущенными усадьбами, охотой и чисто-русской поэтической мечтательностью, лѣнью.

Оттуда по Окѣ пахучимъ дымомъ тянетъ;
Но и костеръ потухъ, пылавшій за Окой,
И монастырь уснулъ. Темнѣй уже не станетъ,
Но все же ночь давно—ночь, сумракъ и покой.

Въ другомъ стихотвореніи поэтъ говоритъ о томъ, какъ онъ любилъ осень позднюю въ Россіи и „стальную, сѣрую Оку“, которая, въ дали луговъ, навѣвала на его душу „русскую тоску“. Эта тоска часто вмѣшивается въ настроенія поэта, и не уйти отъ нея никуда, развѣ разлюбить просторъ русскихъ луговъ, и Оку, и русскую рѣчь, которой такъ мастерски, такъ мѣтко—по-русски владѣетъ Бунинъ. Разлюбить... впрочемъ, поэтъ и радъ бы, можетъ быть, разлюбить или не любить вовсе Руси, да какъ порвать создавшуюся помимо воли глубокую органическую связь между нею и душой поэта? Всего менѣе склоненъ онъ преклоняться предъ „милымъ отечествомъ“, а между тѣмъ—прислушайтесь, что̀ говоритъ эта маленькая пьеска скупого на сентиментальныя изліянія поэта:

Въ лѣсу, въ горѣ—родникъ, живой и звонкій,
Надъ родникомъ—старинный голубецъ
Съ лубочной почернѣвшею иконкой,
А въ родникѣ—березовый корецъ.

Я не люблю, о Русь, твоей несмѣлой,
Тысячелѣтней, рабской нищеты.
Но этотъ крестъ, но этотъ ковшикъ бѣлый...
Смиренныя родимыя черты!

Поэтъ умиляется передъ смиренными *родимыми* чертами, воплотившимися въ ковшикѣ бѣломъ и крестѣ. Что̀ можетъ быть трогательнѣе этого образа, подсказаннаго и глубокимъ проникновеніемъ въ таинства русскаго духа, и тонкимъ поэтическимъ чутьемъ? И пусть онъ не любитъ ея долготерпѣнія, позволяющаго ей нести тысячелѣтнее рабское иго,—его „русская“ тоска—живѣйшее свидѣтельство того, что и онъ несетъ ту же ду-

ховную повинность передъ родиной, которая раздѣляется всѣми, сознательно относящимися къ ея судьбѣ.

Лѣтніе пейзажи поэта воздушны и легки; въ нихъ нѣтъ ни страсти, ни зноя. Обширный горизонтъ, тонкія линіи, безкрасочность, намеки въ мелкихъ, еле-уловимыхъ изгибахъ сухого рисунка—и душа поэта въ цѣломъ—вотъ что̀ даетъ имъ красоту и силу.

Былъ лѣтній свѣтозарный полдень,
Былъ жаркій день, и озаренъ
Весь лѣсъ былъ солнцемъ, и отъ солнца
Веселымъ блескомъ напоенъ.

Узорами ложились тѣни
На теплый розовый песокъ,
И синій небосклонъ надъ боромъ
Былъ чистъ и радостно-высокъ...

Весна, лѣто, солнце, да еще любовь — противъ этихъ чаръ не устоять самому скрытному Нѣкто, изображаемому Бунинымъ. А въ звѣздную ночь, да на берегу пѣвучаго моря, когда все оно „насыщено тонкой пылью свѣта“, не то разскажешь о жизни, что̀ почудится на снѣжныхъ вершинахъ или подъ жуткій вой осенняго вѣтра. Когда море свѣтитъ сквозь сумракъ таинственный, тогда—о, тогда новое міроощущеніе,—пусть не надолго, на моментъ,—овладѣваетъ душою поэта:

И тогда вся душа
У меня загорается радостью.
Я въ пригоршни ловлю закипѣвшую пѣну волны,
И сквозь пальцы течетъ не вода, а сапфиры,—несмѣтныя
Искры синяго пламени,—Жизнь.
О, божественный свѣтъ!
О, великое зеркало водное!
Переполнено ты,—переполнена жизнью Земля.
Все мгновенно, все—искры, но искры Единаго, Вѣчнаго,
И во всемъ—Красота, Красота!

И личная жизнь пріобрѣтаетъ тогда особый смыслъ, и душа раскрывается сама собою и разсказываетъ сама собою то, о чемъ въ другое время не рѣшилась бы... И думается, что не все витаетъ Нѣкто г. Бунина въ области Вѣчной Красоты,—мелькали и передъ нимъ, можетъ быть, и скоропреходящіе, но реально-конкретные образы. Онъ жаждалъ счастья и, прислушиваясь—не одинъ,—какъ „счастливымъ и глубокимъ вздохомъ волна вздохнула въ полуснѣ“, спрашивалъ—и не ждалъ отвѣта:

Спитъ море подъ луною ясной,
Блеститъ на влажныхъ камняхъ мохъ..
О, ночь любви! Ужель и въ счастьи
Намъ нуженъ хоть единый вздохъ?

Когда же пытался запрятать чувство глубоко-глубоко въ душу и затаить его въ себѣ, въ ней поднимался протестующій голосъ и—очень несмѣло впрочемъ—просилъ пощады.

Сквозь пыль на стеклахъ, жаркимъ свѣтомъ
Внутри часовенка горитъ.
„Зачѣмъ я въ склепѣ—въ полдень, лѣтомъ?“
Незримый кто-то говоритъ.

И чувство просится наружу; нужна другая сочувствующая и нѣжная душа, особенно когда не мучатъ ни сомнѣнья, ни тревоги, и въ ночномъ воздухѣ разлиты миръ и тишина. А тутъ еще луна, прозрачная, блѣдная луна, властительница думъ, и розовѣющій небосклонъ, и туйя у балкона... Здѣсь ли не разнѣжиться сердцу, не разыграться мечтамъ и жаждѣ безумнаго счастья? А между тѣмъ, поэтъ не вноситъ въ свою пѣсню ни малѣйшаго лирическаго безпорядка и только одной, еле замѣтной чертой, даетъ почувствовать, что въ эту ночь онъ—не одинъ („На дачѣ“):

Пойдемъ къ обрывамъ. Млѣющей волной
Волна переливается. И вскорѣ
Изъ края въ край подъ золотой луной
Затеплится и засіяетъ море...

Поэтъ обычно сосредоточенъ и ясенъ. Млѣетъ волна, теплится море, качаются бригантины на рейдѣ. Ночь будетъ „веселая“... А поэтъ неизмѣнно спокоенъ. О немъ ли, для него ли переливается млѣющая волна, его ли огни сіяютъ въ отблескахъ моря? Кто знаетъ!

Другая картинка, мерцающая, искрящаяся лунными блестками на морозномъ снѣгу:

Такъ ярко звѣздъ горитъ узоръ,
Такъ ясно Млечный Путь струится,
Что занесенный снѣгомъ дворъ
Весь и блеститъ, и фосфорится.
Свѣтъ серебристо-голубой,
Свѣтъ отъ созвѣздья Оріона,
Какъ въ сказкѣ, льется надъ тобой
На снѣгъ морозный съ небосклона.
И фосфоромъ дымится снѣгъ,
И видно, что мерцаетъ нѣжно
Твой ледяной душистый мѣхъ,
На плечи кинутый небрежно,

Какъ серьги длинныя блестятъ,
И потемнѣвшія зѣницы
Съ восторгомъ жадности глядятъ
Сквозь серебристыя рѣсницы.

Внѣшнія, мелкія черты, а между тѣмъ изъ нихъ складывается не образъ, а манящая мечта объ образѣ, ключъ къ воспоминанію о быломъ, можетъ быть—никогда не бывшемъ. Композиторы, музыканты знаютъ радость фантазированія на чужія темы, и темы эти, проходя сквозь ихъ душу, становятся близкими и родными имъ. Хотите ли пофантазировать на темы Бунинскихъ стихотвореній и вообразить... непремѣнно *вообразить* чью-то жизнь, быть можетъ чужую, былую или сочиненную—все равно, а въ итогѣ прислушайтесь, что скажетъ вамъ сердце: оно наполнилось *вашими* воспоминаніями и *вашей* грустью. Это и есть тайна истиннаго поэта: своими словами разсказать о чужомъ и своемъ, о далекомъ и близкомъ.

Представимъ себѣ жизнь, можетъ быть молодость, заглядѣвшуюся въ „раскрытыя" небеса,—если молодость, то особенную, которую тянетъ не къ страстнымъ южнымъ ночамъ и морю, а къ свѣжести снѣговъ, морозамъ и льдистымъ вершинамъ, чистымъ, какъ мраморъ:

И я ушелъ къ зимѣ, на сѣверъ
И цѣлый день бродилъ въ лѣсахъ,
Душой теряясь въ необъятныхъ
Зеленоватыхъ небесахъ.

Теряясь въ небесахъ, душѣ такъ естественно, такъ необходимо опредѣлить свое положеніе между ними и землей, и благо тому, у кого вопросъ задается небу радостно, безъ настоятельнаго требованія, безъ мукъ ожиданья и сознанія невозможности его рѣшить:

И, *радуясь*, душа стремилась
Рѣшить одно: зачѣмъ живу?
Зачѣмъ хочу сказать кому-то,
Что тянетъ въ эту синеву,
Что прелесть этихъ чистыхъ красокъ
Словами выразить нѣтъ силъ,
Что только небо, только радость
Я цѣлый вѣкъ въ душѣ носилъ?

Мы уже видѣли, что у нашего поэта этотъ вопросъ разрѣшился вздохомъ въ Красоту Единаго, Вѣчнаго. У другихъ поэтовъ онъ разрѣшался—и такъ, и иначе. Но насъ интересуетъ

здѣсь тема о жизни, о человѣческой жизни въ широкомъ смыслѣ. Ея игра, ея сказки—родникъ воспоминаній и грусти.

Помню о счастьи безумныя, сладкія грезы...
Знойные полдни на бѣлыхъ прибрежьяхъ Днѣпра!

Мало пѣвучихъ аккордовъ даетъ Бунинъ для фантазій на эту тему. Все это было когда-то... и ушло... безвозвратно? или вернется съ новой весной, новымъ знойнымъ лѣтомъ? Въ какую же сторону направить полетъ фантастической мечты?

Одно стихотвореніе озаглавлено—„Новая весна". Оно разсказываетъ... впрочемъ, своими словами этого передать невозможно:

Мы встрѣтились случайно, на углу,
Я быстро шелъ—и вдругъ какъ свѣтъ зарницы
Вечернюю прорѣзалъ полумглу
Сквозь черныя лучистыя рѣсницы.
На ней былъ крепъ—прозрачный легкій газъ
Весенній вѣтеръ взвѣялъ на мгновенье,
Но на лицѣ и въ яркомъ блескѣ глазъ
Я уловилъ былое оживленье.
И ласково кивнула мнѣ она,
Слегка лицо отъ вѣтра наклонила,
И скрылась за угломъ... Была весна..
Она меня простила—и забыла.

Что простила, чѣмъ далось забвенье,—на это пусть отвѣтитъ ваша собственная душа. Никто не узнаетъ объ этомъ. Да и не надо: вы все уже знаете, вы все уже пережили и поняли въ послѣдней строчкѣ—въ ней замерла цѣлая жизнь: душа человѣческая любила... и страдала. И теперь все кончено: страданья больше нѣтъ, но нѣтъ и безумной жажды счастья, нѣтъ былого огня. По временамъ вспыхиваютъ лишь тлѣющіе угли переживанья и загораются недобрымъ синимъ огонькомъ. А въ минуты успокоенія, примиренья, подчиненія Судьбѣ, прошлое кажется калейдоскопомъ пестрыхъ сновидѣній, въ которыхъ, однако, такъ много горькой правды:

Мнѣ снилось много грустнаго. Я знаю,
Что снилось мнѣ... Но умерла печаль.
Одинъ я просыпаюсь, засыпаю,
Одинъ живу. Мнѣ ничего не жаль.

И въ морѣ уже не переливается млѣющая волна. Нѣтъ, „кто-то скорбный, въ одеждѣ темной, стоитъ надъ моремъ...

Вдали—печаль и сумракъ ночи"... И совершенно неожиданно, въ чувствѣ одиночества и печали, душа поэта чувствуетъ свое родство со *всѣмъ* міромъ людей и грустить не за себя только, но за *всѣхъ*, вызванныхъ къ жизни волей неумолимаго рока:

...Мы всѣ бездомны,
Всѣ безпріютны, но смотримъ—въ даль...

Въ стихотвореніяхъ о любви явственнѣе другихъ мелькаетъ чувство грусти и одиночества. „Ты чужая, но любишь, любишь только меня"... Жизнь не наладилась, судьба не устроилась, что-то оборвалось, задрожало, и въ результатѣ—„я на дачѣ одинъ, мнѣ темно", а за окномъ—осенняя непогода.

Мнѣ крикнуть хотѣлось вослѣдъ:
„Воротись—я сроднился съ тобой!"
Но для женщины прошлаго нѣтъ:
Разлюбила—и сталъ ей чужой.
Что-жъ! Каминъ затоплю, буду пить...
Хорошо бы собаку купить.

Послѣдній, столь неожиданный стихъ заканчивается не восклицательнымъ знакомъ, а точкой. Это не вызовъ, не угроза Судьбѣ, это—слѣпая покорность ей, это—сдавленный вздохъ, затаенная боль, это — жизненной ночи „нѣмая, скорбная душа". Недобрыя предчувствія заползутъ въ нее: „геній зла", „демонъ мщенья", „дьяволъ, покорившій міръ", „джинны", образы восточныхъ сказокъ придутъ наяву и спугнутъ дремотный міръ поэтической души. Но поэтъ идетъ смѣло навстрѣчу всему таинственному и страшному въ одинокой жизни. И только грусть неотвязно преслѣдуетъ его. „Нѣтъ ничего грустнѣй ночного костра, забытаго въ бору"...

Костеръ въ лѣсу—вызываетъ любопытныя ассоціаціи въ одномъ изъ стихотвореній; пламя — символъ злобно мечущагося змѣинаго начала:

Распали костеръ, сумѣй
Разозлить его блестящихъ,
Убѣгающихъ, свистящихъ,
Золотыхъ и синихъ змѣй.

Поэту любо дразнить и играть съ огнемъ, любоваться, какъ—

Тѣни пляшутъ по аллеямъ,
И бѣгущимъ жаркимъ змѣямъ,
Ихъ затѣямъ—счета нѣтъ!

Мы назвали Бунина мастеромъ формы: она у него красива, порой граціозна, законченна, иногда суховата. Въ его

языкѣ чувствуется хорошая школа, большое знаніе народной рѣчи, замѣтенъ упорный трудъ, медлительное обтачиванье мысли. Онъ любитъ народныя, притомъ областныя слова и какъ бы нарочно ставитъ ихъ такъ, чтобы они нѣкоторымъ несоотвѣтствіемъ общему тону нарушали ту вылощенную гладкость музыкальныхъ строфъ, которая въ иныя минуты могла бы показаться тривіальной. „Крыло на сѣромъ *вѣтрякѣ*“; „Вотъ крикнулъ сычъ въ пустынномъ *буеракѣ*“; „Въ проломахъ стѣнъ—*корявыя* оливы“... Въ „Русской веснѣ“:

Скучно въ лощинахъ березамъ,—
Туманная муть на поляхъ.
Конскимъ размокшимъ навозомъ
Въ туманѣ чернѣется шляхъ.

Въ сонной степной деревушкѣ
Пахучіе хлѣбы пекутъ.
Медленно двѣ побирушки
Съ мѣшками къ деревнѣ бредутъ...

Прозаизмы занимаютъ свое особое мѣсто въ поэтическомъ стилѣ Бунина, хотя, быть можетъ, среди нихъ, въ его тщательно выработанныхъ стихахъ, и не всѣ преднамѣренны. Но гоняться за ними—трудъ слишкомъ неблагодарный въ книгѣ, гдѣ большинство пьесъ можно назвать классическими по формѣ.

Мы попытались подмѣтить наиболѣе типичныя черты въ поэтическомъ дарованіи Бунина. Дарованіе это нельзя опредѣлить шаблонными эпитетами—„симпатично“, „ярко“, „необычайно“. Такія опредѣленія сюда не идутъ, да и не въ нихъ сила. Важно, что его поэзія выразительно, вдумчиво, съ красивой мѣткостью передала *его* міросозерцаніе, *его* душу. Онъ никому не подражаетъ, и ему подражать до крайности трудно. Теперь пишутъ по преимуществу чувствомъ, идутъ за чутьемъ, слѣдуютъ самомалѣйшимъ движеніямъ души. У нашего поэта—на первомъ планѣ мысль, воля, и чувство—въ его власти. Онъ—дремлющій и пробуждающійся, стынущій и разгорающійся, и обыденно-простой и сильный исканіемъ тайны. Къ его поэзіи такъ идутъ его же завороженныя слова:

Но ты живешь. Ты меркнешь, умираешь—
И вновь горишь. Какъ фениксъ древнихъ дней,
Чтобъ возродиться къ жизни—ты сгораешь...

Прежде чѣмъ перейти къ другимъ поэтамъ, остановимся на нѣкоторыхъ чертахъ современнаго художественнаго міровоззрѣнія.

IV.

Что̀ такое искусство?

На этотъ вопросъ попытался отвѣтить Толстой и рѣшилъ его такъ, какъ и долженъ былъ рѣшить во второй половинѣ девяностыхъ годовъ, когда моралистъ окончательно перемудрилъ въ немъ художника.

Заканчивая свою работу объ искусствѣ, Толстой такъ выражалъ свой основной выводъ: „Искусство должно сдѣлать то, чтобы чувства братства и любви къ ближнимъ, доступныя теперь только лучшимъ людямъ общества, стали привычными чувствами, инстинктомъ всѣхъ людей. Вызывая въ людяхъ, при воображаемыхъ условіяхъ, чувства братства и любви, религіозное искусство пріучитъ людей въ дѣйствительности, при тѣхъ же условіяхъ, испытывать тѣ же чувства, проложитъ въ душахъ людей тѣ рельсы, по которымъ естественно пойдутъ поступки жизни людей, воспитанныхъ искусствомъ. Соединяя же всѣхъ самыхъ различныхъ людей въ одномъ чувствѣ и уничтожая раздѣленіе, всенародное искусство воспитаетъ людей къ единенію, покажетъ имъ не разсужденіемъ, но самою жизнью радость всеобщаго единенія внѣ преградъ, поставленныхъ жизнью".

И далѣе: „Назначеніе искусства въ наше время — въ томъ, чтобы перевести изъ области разсудка въ область чувства истину о томъ, что благо людей—въ ихъ единеніи между собою, и установить на мѣсто царствующаго теперь насилія то царство Божіе, т.-е. любви, которое представляется всѣмъ намъ высшею цѣлью человѣчества".

Толстой допускаетъ возможность, что въ будущемъ наука откроетъ искусству еще новые высшіе идеалы, и искусство будетъ осуществлять ихъ. Его опредѣленіе искусства имѣетъ въ виду такимъ образомъ наше время и наше состояніе знанія. Выше, въ качествѣ одной изъ частныхъ предпосылокъ, Толстой возлагалъ на искусство задачу устранять насиліе, содѣйствуя тому мирному сожительству людей, которое теперь поддерживается внѣшними мѣрами—судами, полиціей, благотворительными учрежденіями. Съ точки зрѣнія подчиненія чувства разумному и притомъ религіозному сознанію людей, искусство признается Толстымъ великимъ дѣломъ—„искусство не есть наслажденіе, развлеченіе".

Десять лѣтъ назадъ были написаны эти слова, и тогда, сколько помнится, они не произвели особеннаго впечатлѣнія. Они были

приняты какъ нѣчто такое, что̀ a priori должно было исходить отъ Толстого: центральная идея объ осуществленіи царства Божія на землѣ должна была подчинить себѣ всѣ остальныя области мысли и чувства. Съ другой стороны, слова Толстого встрѣтили въ значительной части общества хорошо подготовленную почву, и положенія его не имѣли въ себѣ прелести новизны.

Но была и еще одна причина: съ Запада надвигалась огромная опасность для того пониманія искусства, которое дѣлало послѣднее не самоцѣлью, но средствомъ для проведенія идей религіи и добра. Толстой зналъ объ этой опасности и, со свойственной ему прямолинейностью и глубиной анализа, характерно односторонняго, напалъ на представителей той эволюціонной ступени во французской литературѣ, которые составили галлерею „Les jeunes“ Ренѐ Думика. Слѣдуя этой книгѣ, Толстой называетъ цѣлый рядъ именъ: Бодлэръ, Верленъ, Метерлинкъ, Роденбахъ, Пеладанъ и др. И Толстой беретъ у Маллармѐ credo этого новаго „молодого“ пониманія искусства: „Я думаю, что нужно, чтобы былъ только намекъ. Созерцаніе предметовъ, образы, зарождающіеся изъ мечтаній, вызванныхъ этими предметами, — въ этомъ пѣніе: парнасцы, тѣ берутъ вещи вполнѣ и показываютъ ихъ поэтому въ нихъ; недостаетъ тайны; они лишаютъ умы той плѣнительной радости, которая состоитъ въ томъ, что они думаютъ, что они сами создаютъ. Назвать предметъ, значитъ уничтожить три четверти наслажденія поэта, состоящаго въ счастіи постепеннаго угадыванія; внушеніе — въ этомъ идеалъ. Настоящее употребленіе этой тайны — въ этомъ состоитъ символъ: мало-по-малу вызывать предметъ для того, чтобы показать душевное состояніе, или, наоборотъ, выбрать предметъ и выдѣлить изъ него душевное состояніе посредствомъ ряда разгадокъ“.

Въ поэзіи должна быть всегда загадка, — говоритъ далѣе Малларме. Вотъ изъ чего, такимъ образомъ, складывается credo его и его единомышленниковъ: „образы, зарождающіеся изъ мечтаній“, „пѣніе“, „тайна“, „внушеніе“, „разгадка загадокъ...“ Нѣсколько стихотвореній изъ Бодлэра и Верлена выбраны преднамѣренно, чтобы иллюстрировать положеніе Малларме. Между ними знаменитыя ariettes oubliées (C'est l'extase langoureuse...; Dans l'interminable ennui de la plaine...), сонетъ самого Малларме, пѣсня Метерлинка. Приведемъ изъ послѣдней, дѣйствительно неудачной, пьесы нѣсколько словъ, чтобы ярче оттѣнить затѣмъ отношеніе Толстого:

Quand il est sorti
(J'entendis la porte),
Quand il est sorti,
Elle avait souri.
Mais quand il rentra,
(J'entendis la lampe),
Mais quand il rentra
Une autre était là...
Et j'ai vu la mort
(J'entendis son âme),
Et j'ai vu la mort
Qui l'attend encore...
On est venu dire
(Mon enfant, j'ai peur),
On est venu dire
Qu'il allait partir...

„Кто вышелъ, кто пришелъ, кто разсказалъ, кто умеръ?"— спрашиваетъ Толстой. И Толстой правъ съ своей точки зрѣнія. Но опровергаетъ ли онъ Малларме и Метерлинка? Тѣ говорятъ ему о намекахъ, пѣніи, символахъ, — Толстой примѣняетъ къ нимъ мѣрку точности, достовѣрности, здраваго смысла. Тѣ предназначаютъ формы своей поэзіи для сновидѣній, настроеній, грезъ,—Толстой предъявляетъ къ нимъ требованіе, чтобы ихъ видѣнія, ихъ грезы были непремѣнно съ ними наяву. Бодлэръ и Верленъ—на нихъ по преимуществу останавливается Толстой— вводятъ въ міръ неясныхъ, колеблющихся ощущеній, пытаясь сдѣлать ихъ независимыми ни отъ какихъ иныхъ принциповъ и соотношеній, кромѣ тѣхъ, которые интуитивно постигаются ими, какъ законы врожденной имъ поэзіи, единаго, внятнаго ихъ душѣ искусства. Толстой вскрываетъ въ ихъ міросозерцаніи теорію грубаго эгоизма или нравственнаго безсилія и безпощадно осуждаетъ ихъ съ высоты моральнаго принципа. Ясно, что Толстой говоритъ на другомъ языкѣ, чѣмъ тотъ, который избрали для себя символисты, но онъ въ то же время хочетъ перевести ихъ на свой языкъ безъ словаря, и потому лишаетъ свои доводы убѣдительности и силы. Но что̀ же нужно было бы сдѣлать, чтобы даже съ его точки зрѣнія опровергнуть поэтическое credo символизма? Прежде всего, казалось бы, доказать, что тотъ міръ образовъ, намековъ, таинственныхъ постиженій, который символисты полагаютъ содержаніемъ своей поэзіи, ни къ чему не нуженъ, не интересенъ и не можетъ, а по Толстому—и не долженъ пробуждать въ человѣческихъ сердцахъ отзывныхъ чувствъ, настроеній, мыслей.

Но Толстой не отрицаетъ тайны. Онъ хочетъ только окру-

жить ее разумомъ; онъ говоритъ о религіозномъ сознаніи, о познаніи Бога. Но Богъ Толстого слишкомъ далекъ отъ того „непознаваемаго“, о которомъ говоритъ Гюго въ „Religions et religion“:

Le savant dit: Comment? Le penseur dit: Pourquoi?
Passe ta vie
A labourer l'écume et l'onde.

Для Толстого Богъ не тайна: онъ *позналъ* Бога, который есть жизнь, любовь и добро жизни.

Толстой не противъ тайны. Онъ только требуетъ, чтобы она, какъ и всякій другой предметъ въ его міропониманіи, была ясна. Сумеречность тайны онъ стремится разсмотрѣть при дневномъ свѣтѣ разсудочной мысли, и потому ея нѣтъ передъ нимъ; есть явленія, факты, добрые или дурные, въ нихъ происходитъ что-то, какая-то мучительная борьба двухъ началъ. Слѣдя за ней, по-своему оцѣнивая ее, Толстой отметаетъ все, что̀ не идетъ къ торжеству его проповѣдной идеи. И потому отметаетъ поэзію, искусство, стремящіяся порвать свою связь съ идеями религіознаго сознанія, какъ его понимаетъ Толстой, съ идеями добра и правды жизни.

И онъ удивительно прямолинеенъ и послѣдователенъ въ развитіи своихъ идей. Искусство, какъ наука, какъ физическій трудъ, является для него средствомъ переводить религіозное сознаніе въ чувство и соединять людей. Но вотъ онъ замѣчаетъ, что съ нѣкоторыхъ поръ оно дурно исполняетъ возлагаемое на него порученіе, и онъ объявляетъ его не истиннымъ, ненужнымъ, не имѣющимъ смысла. И дѣлаетъ это съ присущей ему смѣлостью и прямотой. Онъ менѣе всего относится къ категоріи людей, которые, подобно страусамъ, способны прятать голову подъ крыло и думать, что опасность прошла, если они ее не видятъ.

Толстой смѣло нападаетъ на враждебное ему начало и въ немъ выбираетъ себѣ противника по плечу. Онъ обрушивается на Вагнера, на Шекспира, попутно подвергаетъ анализу здраваго смысла оперно-балетный сюжетъ, отрицаетъ новѣйшую живопись, скульптуру, все, что̀ не имѣетъ непосредственнаго отношенія къ религіозному просвѣтлѣнію людей.

Но едва-ли не больше всего отрицаетъ Толстой у предметовъ право имѣть нѣчто непостигаемое разсудкомъ, казаться неопредѣленными, неясными и въ такомъ состояніи пробуждать въ людяхъ столь же неясныя ощущенія, возбуждать въ нихъ именно намеки, въ которыхъ люди могутъ находить имъ однимъ внятную прелесть и красоту.

И въ связи со многими иными теченіями символизмъ перешелъ къ намъ съ Запада и пріобрѣлъ достаточно послѣдователей къ тому моменту, когда Толстой подписывалъ послѣднія строки своего произведенія. Толстой продолжалъ еще мять въ рукахъ увядающую розу и, отрицая ея ароматъ, какъ не шедшій непосредственно къ его возвышенной моральной цѣли, изучалъ ея строеніе, волокна, мягкость ея лепестковъ и остроту колючекъ, а кругомъ него, еще въ удушливой мглѣ прекрасной россійской дѣйствительности, по горамъ, долинамъ и болотамъ загорались многоцвѣтные блуждающіе огоньки, которые дразнили любопытство и то пугали, то приманивали къ себѣ. Они не разсѣивали мглы, они не освѣщали дороги и подчасъ сбивали съ пути тѣхъ, кто, неся тяжелую ношу гражданскаго долга передъ родиной, привыкъ глядѣть передъ собой на путеводныя звѣзды, зажженныя художниками „общественной" литературы. Но они были сами по себѣ, они смѣялись, угасали и зажигались вновь, они роились во мглѣ и дѣлали свою незамѣтную вначалѣ, но веселую и дружную работу: они подрывали моральныя обоснованія искусства.

И когда наступилъ предутренній разсвѣтъ—а мы вѣримъ, что его мы переживаемъ въ настоящее время,—зловѣщій блескъ огоньковъ поблѣднѣлъ, призраки и всякая болотная нечисть отбѣжали назадъ, обозначились явственныя фигуры упорныхъ работниковъ поэтической формы, искателей новыхъ сокровищъ духа, вдумчивыхъ мыслителей о надземномъ и непознанномъ. Обозначилась цѣлая литературная школа, въ которой, какъ и во всякой школѣ, много есть званныхъ, но мало избранныхъ.

Бальмонтъ заявилъ: „я въ этотъ міръ пришелъ, чтобъ видѣть солнце", и эти слова сдѣлались крылатымъ символомъ на нѣкоторое время всего, что изжаждалось свѣта, истосковалось въ духотѣ и тьмѣ общественнаго застоя. За Бальмонтомъ выработался красиво-вдумчивый, серьезный Брюсовъ, и оба они стали какъ бы живыми перекидными мостами между теченіями европейской художественной мысли и новѣйшими вѣяніями русской поэзіи. За ними пошли другіе... много другихъ—талантливые и бездарные, сильные и изнывающіе въ потугахъ, искренніе и завѣдомо поддѣльные. Аналогичныя явленія модернизаціи происходили и въ другихъ областяхъ искусства—въ живописи и въ архитектурѣ. Въ художественной литературѣ поднимался Леонидъ Андреевъ.

Что же случилось съ тѣмъ взглядомъ на искусство, типичнымъ выразителемъ котораго явился Толстой? Бальмонтъ, Брюсовъ, Андрей Бѣлый, Александръ Блокъ, Өедоръ Соллогубъ—

„не имѣютъ смысла“ съ его точки зрѣнія, у нихъ встрѣчается неясное, невразумительное, у нихъ намеки, символы, настроенія, и сопоставляя со взглядами Толстого, останавливаться на нихъ значило бы зайти, можетъ быть, очень далеко. Но вотъ Бунинъ, который стоялъ какъ бы вдали отъ теченія, вначалѣ появлялся рѣдко и скромно, и по силѣ таланта значительно уступалъ главарямъ символизма. Онъ ли не ясенъ, не точенъ? Онъ ли не раціоналенъ?

И все-таки — Бунинъ не удовлетворяетъ основному требованію Толстого: онъ не только не заботится о религіозномъ просвѣтленіи людей, но, повидимому, совершенно равнодушенъ,—въ предѣлахъ своей поэзіи, конечно,—къ добру и злу и дѣлу братскаго единенія людей. На это могутъ возразить, что Толстой имѣлъ въ виду конечную цѣль искусства... Нѣтъ, это слишкомъ далекая дорога, по которой, прежде чѣмъ жизнь воплотитъ идеалы любви и братства, судьба растеряетъ не одного Бунина. Да и Толстой говоритъ о непосредственномъ вліяніи Бодлэра и Верлена. Да, они чувствуютъ себя свободными отъ всякихъ обязанностей по проведенію религіознаго сознанія въ чувство. И потому они не поэты,—говоритъ Толстой. Но имъ вѣдомы тайны красоты, они зажигаютъ сердца и воображеніе людей,—потому они поэты,—говорятъ другіе. Гдѣ правда?

Содѣйствуетъ ли и Бунинъ грядущему единенію людей? Кто знаетъ! Едва-ли онъ, впрочемъ, и думаетъ объ этомъ, когда „выковываетъ“ свои стихи. И важно не это. Важно то, что онъ не чувствуетъ на себѣ ни этой и никакой иной обязанности, кромѣ той, которая побуждаетъ его возможно полнѣе отразить свое внутреннее „я“ въ возможно болѣе совершенной, возможно прекрасной формѣ.

Въ своихъ стихахъ онъ не служитъ сознательно ни злу, ни добру. Онъ не кланяется богамъ—ни правымъ, ни лѣвымъ. Онъ хочетъ быть поэтомъ—и, повѣрьте, это не такъ легко.

Но Бунинъ — только примѣръ совершающейся эволюціи во взглядахъ на искусство. Идеологія принадлежитъ не ему, и самъ онъ чуждъ всякой идеологіи.

V.

Въ недавно вышедшей книгѣ С. Маковскаго „Страницы художественной критики“ есть введеніе, любопытное съ точки зрѣнія идеологіи модернизма. Г. Маковскій останавливается на самыхъ общихъ мѣстахъ, беретъ положенія, ставшія давно уже

элементарными въ модернистской школѣ, и это тѣмъ цѣннѣе для уясненія ея основной черты. Изящное изложеніе г. Маковскаго проникнуто той трезвостью мысли и чувствомъ художественной мѣры, которая помогаетъ ему сосредоточивать вниманіе на главномъ и не вдаваться въ крайности, у иныхъ апологетовъ этой школы доходящія до уродства. Цѣль его книги наполовину полемическая. Онъ борется съ устарѣлыми требованіями художественной критики, которая должна, по его словамъ, измѣнить свои задачи въ зависимости отъ того, насколько измѣнилось самое пониманіе искусства. Иллюстраціей его взглядовъ и служатъ художественныя характеристики новѣйшихъ творцовъ живописи, Беклина, Штука, Клингера и другихъ, а также отчеты европейскихъ выставокъ. Черезчуръ легко, какъ намъ думается, получивъ отъ „исторіи столѣтій" и „опыта народовъ" отрицательный отвѣтъ на вопросъ: можно ли признать, что нравственное бытіе человѣчества прочнѣе, несомнѣннѣе бытія эстетическаго?— г. Маковскій выдвигаетъ красоту, какъ основной и исчерпывающій принципъ, руководящій имъ въ оцѣнкѣ художественныхъ произведеній. „Красота, — пишетъ г. Маковскій, — самое долговѣчное изъ дѣлъ человѣческихъ, добрыхъ или злыхъ—безразлично. Подвиги и преступленія одинаково забвенны въ вѣкахъ; поколѣнія смѣняютъ другъ друга, и съ ними безслѣдно умираютъ и любовь ихъ, и ненависть. „Родъ приходитъ и родъ проходитъ", и новые люди, впитавъ наслѣдіе бывшихъ (почти всегда несознательно и неполно), идутъ дальше, къ инымъ цѣлямъ или только иной дорогой, разрушая старое и совершенствуя его по-своему, создавая новыя формы желаннаго и презрѣннаго, столь же смертныя, какъ и прежнія. Такъ живая дѣйствительность превращается въ сновидѣніе. И въ концѣ концовъ, остается только художественность того, что̀ когда-то было жизнью".

Конечно, подобное міросозерцаніе прежде всего враждуетъ съ принципомъ утилитаризма. Авторъ ставитъ въ вину критикѣ то, что она требуетъ отъ художника идей, взглядовъ, моральныхъ идеаловъ, истинной пользы—не искусства—и подвергаетъ обсужденію не степень эстетическаго совершенства, а намѣренія художника и его отношеніе къ вопросамъ дня. Авторъ протестуетъ противъ взвѣшиванія творческой личности на „грубыхъ вѣсахъ" добра и зла, правды и лжи и привѣтствуетъ въ средѣ современныхъ русскихъ художниковъ и критиковъ всѣхъ борющихся съ этимъ „закоренѣлымъ недоразумѣніемъ".

Въ мотивировкѣ своихъ положеній г. Маковскій поднимается высоко надъ волнующейся землею, и передъ нимъ, въ его хо-

лодной высотѣ, сглаживаются всѣ переходные оттѣнки и контуры, и то, что̀ представляется его взору, кажется ему опредѣленнымъ до рѣзкости, до схемы. „Загадочный процессъ превращенія жизни въ красоту не знаетъ различія между праведнымъ и грѣшнымъ. Всегда настаетъ время, когда дѣянія славныхъ перестаютъ трогать нравственное чувство потомковъ. Рано или поздно люди начинаютъ относиться къ нимъ съ тѣмъ же любопытствомъ, съ какимъ археологи производятъ раскопки. За то ихъ изображенія изъ бронзы и мрамора и имъ посвященныя строфы поэтовъ нетлѣнны во вѣки. Сѣятели „добрыхъ дѣлъ“, подвижники любви и долга погибаютъ безслѣдно, если вокругъ ихъ имени не вспыхнулъ ореолъ легенды. Но имена злодѣевъ такъ же незабвенны, какъ имена святыхъ, когда ихъ преступленія облеклись въ одежды искусства“.

Въ этихъ новыхъ словахъ о не новыхъ уже мысляхъ много натянутаго, необоснованнаго. Съ своего vol d'oiseau г. Маковскій смѣшиваетъ, ни болѣе ни менѣе, жизнь живыхъ людей, облеченныхъ кровью и плотью, съ безкровной и безстрастной исторіей. Одно дѣло — на себѣ, на своихъ нервахъ и своемъ мозгу испытывать различіе между дѣлами любви и добра и подвигами порока или злодѣйства, и другое дѣло — историческая любознательность, отъ которой живому сердцу ни холодно, ни жарко. Одно дѣло — знать, что у вашего спутника ночью въ лѣсу за пазухой ножъ, котораго у васъ нѣтъ, и другое дѣло — разсматривать этотъ ножъ черезъ нѣсколько столѣтій въ музеѣ. И процессъ „превращенія жизни въ красоту“ не одинаковъ въ одномъ и въ другомъ случаѣ: при единствѣ цѣлей искусства, жизнь настоящаго и жизнь былого для него небезразличны. Но г. Маковскій грѣшитъ только постановкой вопроса. Сущность же его положенія сводится къ тому, что искусство (оставимъ „логику совѣсти“ въ покоѣ) въ интересующемъ насъ міропониманіи стремится къ освобожденію себя отъ нравственности, отъ понятія о преступленіи и грѣхѣ. „Отчего, — спрашиваетъ далѣе г. Маковскій, — въ поискахъ за истиной и добромъ, мы — воспитанные моралью въ презрѣніи ко лжи, къ роскоши и наслажденіямъ — убѣждаемся, что въ вѣкахъ священны только вымыслы и роскошь, созданные для наслажденій? И, обратно, когда по отношенію къ себѣ, къ своей жизни мы становимся на точку зрѣнія эстетическую, когда мы хотимъ измѣрить красотой тайны нашего духа, мы замыкаемъ себя въ другой кругъ. Красота не даетъ отвѣтовъ на запросы разума, совѣсти, воли. Красота — для созерцаній. Но вершина созерцанія — смерть. Нельзя отнять у

жизни моральной основы: настанетъ безразличіе, и безуміе будетъ стучаться въ двери. Большинство говорившихъ объ искусствѣ не понимало этой дилеммы. Въ результатѣ, смѣшивались два начала, по существу несоизмѣримыя: начало жизни, моральное, волевое начало и начало творчества, начало эстетической мистики".

Схематически это непониманіе можно выразить тремя формулами. „Искусство должно имѣть конечную этическую цѣль; иначе оно становится зломъ"—утверждаютъ во имя религіи и нравственности моралисты всѣхъ временъ. Аскеты, стоики или мистики, христіане или язычники безразлично — отвергаютъ искусство, какъ цѣль, во имя идеала личной святости. „Искусство должно быть полезно". Такъ говорятъ утилитаристы, отвергающіе искусство, какъ цѣль, во имя соціальнаго счастья. „Прекрасное побѣждаетъ нравственное. Внѣ прекраснаго нѣтъ цѣлей. Все дозволено". Такъ утверждаютъ эстеты, готовые защищать безнравственность во имя красоты".

Но эти формулы невѣрны, говоритъ г. Маковскій: искусство внѣнравственно. „Прекрасное и должное могутъ случайно соприкоснуться въ нашемъ сердцѣ; борьба ихъ велѣній часто неизбѣжна. Но когда мы выходимъ за предѣлы личныхъ переживаній и ихъ оцѣнки—они становятся чуждыми другъ другу, какъ величины разныхъ измѣреній".

И вмѣстѣ съ тѣмъ, искусство—ключъ къ раскрытію символовъ и тайнъ. Беклинъ, напримѣръ, по мысли г. Маковскаго, не столько *рисуетъ*, сколько *разоблачаетъ*, дѣйствуя намеками, настроеніями, сказками. Вызывая сочувствіе къ неодушевленному и стихійному, Беклинъ—исповѣдникъ природы. „Задача его—досказать на полотнѣ ея неопредѣленную мысль, выразить тайну, скрытую подъ ея покровами". Его оттѣняетъ Францъ Штукъ, язычникъ, пластикъ. Но вотъ Клингеръ. Это—„большой художникъ". Своими твореніями онъ доказываетъ, что искусство можетъ быть не „забавой и роскошью", но „великимъ страданіемъ, великой любовью и священнодѣйствіемъ". Клингеръ—„одинъ изъ тѣхъ, которые отдаютъ всю свою душу призракамъ, одинъ изъ тѣхъ, которые умѣютъ молиться тайнамъ красоты".

— Красота безсмертна—и только она одна. А дѣятельность художника—въ исканіи красоты въ вѣчно-мѣняющемся процессѣ борьбы прошлаго съ будущимъ. Искусство — „магическое зеркало", отражающее моменты статики бытія, „самоцѣльность" образовъ и формъ.

Таковы основныя обобщенія эстетическихъ понятій объ искусствѣ. Они иллюстрируются дѣятельностью цѣлой плеяды художни-

ковъ и поэтовъ, имѣютъ свою исторію, обширную литературу, свои культы и свою философію. Въ дальнѣйшихъ очеркахъ намъ придется цитировать журналы, спеціально посвящаемые вопросамъ современнаго искусства и, въ частности, литературы, и журналы эти — одинъ - два, впрочемъ — въ художественномъ отношеніи весьма любопытны.

Начавъ красивыми, свѣтло - нѣжными гимнами Бальмонта (вперемежку со многимъ инымъ), гимнами Солнцу и дерзновеніямъ жизни, и антологіями и думами Брюсова, виднѣйшіе представители новаго искусства въ словѣ вышли изъ замкнутаго кружка на болѣе широкій путь художественнаго общенія съ тѣми интересами русской жизни, которыхъ они сторонились вначалѣ, и не одного изъ нихъ захватила освободительная стихія. Они поютъ о солнцѣ, и небѣ, и цвѣтахъ, и тайнахъ, о поцѣлуяхъ и вздохахъ, но не чуждаются и всѣмъ понятныхъ страданій и радостей земли. Но на первый планъ они выдвинули свой девизъ—освобожденіе искусства отъ моральныхъ и иныхъ началъ.

И названія „декаденты“, „символисты“—какъ-то сами собой отпадаютъ отъ нихъ. Изъ кучки декадентствующихъ подражателей выдѣлились настоящіе, яркіе поэты, наложившіе печать своей индивидуальности на мотивы современной поэзіи. Ихъ пониманіе задачъ искусства далеко не одержало побѣды надъ другими теченіями общественно-философской мысли, и имъ приходится вести упорную борьбу съ разнообразными противниками ихъ взглядовъ. Споръ во имя и ради искусства могъ бы приковать къ себѣ вниманіе широкихъ круговъ нашего общества и послужить предметомъ величайшаго интереса, еслибы вопросы политики не были для столь многихъ вопросами жизни и смерти и общественный пульсъ бился не столь возбужденно.

Но то оживленіе, которое, при всѣхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ (отчасти же благодаря именно имъ), внесли художники новаго направленія, представляетъ собой глубоко знаменательный фактъ. Дѣло идетъ, ни болѣе, ни менѣе, объ откровеніяхъ, о тайнахъ изъ міра Вѣчности и Красоты...

Намъ ввѣрены загадочныя сказки,
Каменья, ожерелья и слова,
Чтобъ міръ не сталъ глухимъ, чтобъ не померкли краски,
Чтобъ тайна вѣяла, жива.

Такъ писалъ Валерій Брюсовъ въ своемъ „Orbi et urbi“ и этими „вѣщими“ словами выражалъ—еще не такъ давно—завѣтъ всей школы.

Мы не касаемся пока иныхъ воззрѣній на искусство переживаемыхъ нами дней, какъ и соотношеній съ „большой“ художественной литературой, которая *есть* и продолжаетъ свое дѣло, безъ задора и безъ трепета тѣхъ беззаботныхъ вначалѣ пѣвцовъ, которые пришли въ міръ, чтобы видѣть солнце, а увидѣли смуту и кровь. Но во мглу дѣйствительности они внесли смѣлыя молодыя пѣсни, не заботясь о томъ, гдѣ и какъ они будутъ приняты въ разгарѣ жизненной битвы.

Неужели же я буду колебаться на пути,
Если сердце мнѣ велѣло въ неизвѣстное идти?

Художники, старые и новые, поэты-предтечи... Къ чему они приведутъ насъ: къ художественному анархизму или ко „всенародному“ искусству, о которомъ мечтаетъ Толстой? Есть одинъ добрый знакъ: многіе и, можно сказать, лучшіе современные художники слова все чаще и чаще обращаются къ сокровищамъ народнаго творчества и черпаютъ оттуда свѣжіе соки и младенчески-чистыхъ настроеній, и яркихъ образовъ, и великія красоты языка. Не пахнуло ли на нихъ свѣжестью народной стихіи, которая, какъ морская волна, вотъ-вотъ ударитъ о берегъ и выброситъ изъ нѣдръ своихъ невиданные самоцвѣтные камни?

Но и тогда не всѣ откровенія пересказаны будутъ, не всѣ тайны угаданы... А пока—

Летимъ къ горизонту: тамъ занавѣсъ красный
сквозитъ беззакатностью вѣчнаго дня.
Скорѣй къ горизонту! Тамъ занавѣсъ красный,
весь сотканъ изъ грезъ и огня.

Это также изъ книги одного изъ „вѣщихъ“—Андрея Бѣлаго, этого „безумно-смѣлаго аргонавта“, по выраженію одного изъ критиковъ новѣйшей литературной школы.

Евг. Ляцкій.

ПОСЛѢДНІЙ СНѢГЪ

Какъ лепестки акацій бѣлые
Весной отъ вѣтра облетаютъ,
Снѣжинки легкія—несмѣлыя—
Кружатся въ воздухѣ и таютъ.

Исходитъ трепетъ пробужденія
И вѣетъ влагой отъ проталинъ,
Звонъ капель въ мѣрномъ ихъ паденіи—
И переливчатъ, и хрусталенъ.

И тѣ же звуки переливные
Въ прозрачномъ воздухѣ роятся,
Ручьи весенніе, призывные—
Съ побѣдной пѣснею струятся.

Съ послѣдними снѣгами талыми
Земля сѣдую сброситъ дрёму,
И твердь лучами вспыхнетъ алыми
Навстрѣчу солнцу золотому!

О. Чюмина.

РАЗЛОЖЕНІЕ ПАРТІЙ

И

НОЯБРЬСКІЕ ВЫБОРЫ ВЪ АМЕРИКѢ.

Окончаніе *).

IV.

Оппозиція демократической партіи, какъ цѣлаго, была въ Штатахъ разъединена и обезсилена крупными—и принципіальными, и личными несогласіями. У этой партіи, послѣ ея феноменальнаго пораженія въ президентскую кампанію 1904 года, не осталось ни одного оффиціальнаго вожака съ сколько-нибудь общимъ вліяніемъ. Одно время, прошлой весной и лѣтомъ, такимъ вожакомъ могъ бы опять сдѣлаться Брайянъ—многія штатныя конвенціи высказались въ его пользу, и его возвращеніе изъ долгаго кругосвѣтнаго путешествія ожидалось съ большимъ нетерпѣніемъ. Въ Нью-Іоркѣ ему была устроена очень торжественная и шумная встрѣча, и на первомъ же митингѣ онъ съ большимъ энтузіазмомъ и свойственной ему одному развязностью и увѣренностью объявилъ всеобщей панацеей противъ всѣхъ золъ и напастей государственное владѣніе желѣзными дорогами. Но прорицанія нынѣшняго Брайяна давно перестали быть закономъ для демократическихъ массъ, десять лѣтъ тому назадъ слѣпо вѣрившихъ чарующей силѣ его ораторскаго таланта. „Серебряное сумасшествіе“ не скоро будетъ забыто. И его идея нигдѣ не встрѣтила ни малѣйшаго сочувствія. Я слѣдилъ чрезвычайно внимательно за всѣми органами разныхъ фракцій демократической партіи—и не нашелъ ни въ одномъ никакой поддержки. Вопросъ этотъ обсуждался здѣшней прессой долгое

*) См. выше: февр., стр. 777.

время и со всѣхъ сторонъ,—можно думать, что съ нимъ болѣе или менѣе было знакомо большинство здѣшнихъ народныхъ массъ. Особенное впечатлѣніе произвели детальныя изслѣдованія опытовъ штатнаго владѣнія желѣзными дорогами въ прошломъ столѣтіи,—опытовъ особенно упорныхъ и долгихъ въ штатахъ Сѣверной Каролины, Миссури и Пенсильваніи. Казалось, что и общія условія для ихъ успѣха были исключительно благопріятны, и что завѣдывавшія ими власти были добросовѣстны и искренни. Тѣмъ не менѣе, всѣ эти опыты, безъ какихъ бы то ни было исключеній, закончились абсолютными неудачами во всѣхъ отношеніяхъ, стоили этимъ штатамъ огромныхъ денегъ, принесли только общее народное неудовольствіе и невозмѣстимые убытки, и были въ концѣ концовъ переданы въ частныя руки. Поразительный недостатокъ у государства какъ дѣловыхъ, такъ и техническихъ способностей, билъ въ глаза и совсѣмъ не могъ удовлетворить потребностей населенія. Детали этихъ плачевныхъ опытовъ чрезвычайно поучительны, и не мудрено, что у американскаго народа нѣтъ охоты повторять ихъ. Это одинъ изъ тѣхъ случаевъ, когда практика и экспериментальная провѣрка разбиваютъ прекраснѣйшія теоріи [1]). Кромѣ того, настоящій 59-ый конгрессъ въ прошлую сессію принялъ новый законъ, уже вступившій съ 1-го прошлаго сентября въ силу, устанавливающій довольно серьезный правительственный контроль надъ всей желѣзнодорожной работой страны,—законъ, принятію котораго желѣзнодорожные магнаты противодѣйствовали всячески; хотя онъ и потерпѣлъ существенныя урѣзки, но, при энергичномъ приведеніи его въ исполненіе, вѣроятно, дастъ серьезное улучшеніе всего положенія. Онъ грозитъ его нарушителямъ громадными штрафами, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и тюрьмой. Его обсужденіе въ конгрессѣ прошлымъ лѣтомъ, очень долгое и страстное, занимало всю страну, и она готова терпѣливо ждать результатовъ его приложенія. При такихъ условіяхъ декларація Брайяна была, по меньшей мѣрѣ, несвоевременной, тѣмъ болѣе, что законъ этотъ былъ санкціонированъ и демократами, какъ партіей. Затѣмъ Брайянъ высказался въ пользу Хёрста, какъ кандидата въ губернаторы штата Нью-Іорка,—о чемъ мнѣ придется подробно говорить ниже,—и этимъ опять жестоко неугодилъ многимъ вліятельнымъ элементамъ регулярной организаціи своей партіи. Эти два промаха сильно ему повредили, и его престижъ къ концу кампаніи совершенно померкъ.

Большую роль сыграли въ кампаніи противники муниципальнаго

---

[1]) Я долженъ сознаться, что для меня самого подробная исторія этихъ опытовъ была новостью до послѣдняго времени, и что знакомство съ ними значительно измѣнило мои взгляды на весь этотъ вопросъ.

соціализма, на этотъ разъ значительно измѣнившіе свой составъ и исходившіе, главнымъ образомъ, изъ рядовъ симпатизировавшей ему доселѣ демократической партіи. Демократическая конвенція штата Нью-Іорка высказалась въ своей платформѣ противъ него чрезвычайно, необычно круто. Этотъ фактъ имѣетъ особенное значеніе, такъ какъ, вслѣдствіе полной автономности американскихъ городовъ, муниципальный соціализмъ есть по существу вопросъ чисто мѣстный, исключительно городской, и, до сихъ поръ, онъ никогда не появлялся ни въ федеральной, ни въ штатной политикѣ. Онъ былъ продуктомъ особыхъ мѣстныхъ городскихъ организацій, именующихъ себя „municipal ownership leagues", выставлялъ только городскія платформы и тикеты, и серьезное изслѣдованіе всѣхъ относившихся къ нему фактовъ всегда было очень затруднительно, такъ какъ всесторонне обсуждались они только въ мѣстной прессѣ, и только выдающіеся случаи изрѣдка переходили и въ національную. Сторонники этого движенія имѣютъ свои спеціальные органы, очень аггрессивные и энергичные, тогда какъ противники всегда довольствовались мѣстной прессой. Вышеупомянутая декларація конвенціи демократической партіи штата Нью-Іорка, насколько мнѣ извѣстно, была первой по этому вопросу въ исторіи главныхъ политическихъ партій и, понятно, вызвала всеобщій интересъ, особенно потому, что та же конвенція назначила въ кандидаты въ губернаторы штата Хёрста, органы котораго всегда стояли на сторонѣ идеи муниципальнаго соціализма вообще. Благодаря этому противорѣчію, идея эта обсуждалась всей страной гораздо больше, чѣмъ когда-либо прежде, и въ первый разъ получила національное значеніе.

Въ городѣ Нью-Іоркѣ шла много лѣтъ сильная агитація противъ пароходныхъ перевозныхъ обществъ, доставлявшихъ водяное сообщеніе разнымъ его частямъ, разъединеннымъ водами Ніью-Іоркскаго залива и рѣкъ Гудзона и Истъ-Ривера. Агитація эта, поддерживаемая и разжигаемая теоретическими сторонниками муниципальнаго соціализма, утверждала, что перевозы эти грабятъ населеніе своими перевозными таксами, понижала ихъ систематически и, наконецъ, добилась того, что они были куплены городомъ и перешли въ вѣдѣніе его управленія. Но такое ими завѣдываніе, во-первыхъ, весьма быстро понизило ихъ безукоризненную дотолѣ эффективность, а во-вторыхъ, стало обходиться такъ дорого, что, при той же платѣ за перевозъ, оно стало давать баснословно огромные дефициты. За послѣдніе два, три года дефициты эти росли такъ быстро и дошли до такихъ размѣровъ, что совершенно нарушили равновѣсіе въ городскомъ бюджетѣ и обратились въ хроническій неописуемый скандалъ, такъ что демократическая партія штата, господствующая въ городѣ и вполнѣ от-

вѣтственная за него, должна была публично признать абсолютный неуспѣхъ всего эксперимента и высказаться принципіально противъ „дальнѣйшаго отягощенія города непомѣрными налогами изъ-за удобствъ отдѣльныхъ классовъ".

Такой же взрывъ общественнаго негодованія противъ муниципальнаго соціализма произошелъ и въ штатѣ Огайо, въ городѣ Кливелэндѣ, гдѣ экспериментъ съ освѣщеніемъ города натуральнымъ газомъ окончился безвозвратными убытками для городской казны въ нѣсколько милліоновъ долларовъ и абсолютной неспособностью дать жителямъ не только дешевое, но и какое бы то ни было освѣщеніе, несмотря на замѣчательно выгодныя мѣстныя основныя для дѣла условія. Исторія этого случая въ деталяхъ особенно поучительна, и я очень сожалѣю, что размѣры журнальной статьи не позволяютъ мнѣ воспроизвести ее цѣликомъ. Какъ и нью-іоркскіе перевозы, кливелэндскій газъ оказался непосильной роскошью для городского бюджета, и въ то же время совершенно не отвѣчалъ дѣйствительнымъ потребностямъ населенія.

Только два года тому назадъ городъ Чикаго, послѣ упорной и страстной кампаніи между сторонниками и противниками муниципальнаго соціализма, выбралъ мэйоромъ демократа Дюнна, съ радикальной платформой обращенія всѣхъ трамваевъ и другихъ городскихъ необходимостей въ городскую собственность. Дюннъ, человѣкъ, повидимому, честный, энергичный и искренній; онъ выработалъ одинъ за другимъ нѣсколько проектовъ осуществленія этой платформы,—но всѣ они были побиты на спеціальныхъ выборахъ, а въ прошломъ ноябрѣ городъ выбралъ исключительно противниковъ платформы, два года тому назадъ, такъ что отъ всего тогдашняго шума, привлекшаго къ себѣ вниманіе всей страны, осталась въ результатѣ только выдохшаяся пѣна горечи и разочарованія.

V.

За послѣдніе года здѣшняя пресса усиленно занималась дѣйствительнымъ положеніемъ муниципальнаго соціализма въ Англіи, въ особенности же въ городахъ Лондонѣ и Глазго. Туда были посланы спеціальные корреспонденты, докопавшіеся до сути дѣла,—и они дали поразительную картину развращенности и низкаго состоянія всѣхъ отраслей управленія общественными нуждами въ этихъ городахъ. Ими доказано, напримѣръ, что налоги города Глазго на долларъ оцѣнки въ $2^1/_4$ раза выше налоговъ нашего города, Лосъ-Анжелеса, причемъ удовлетвореніе разныхъ городскихъ потребностей стоитъ на гораздо низшей степени эффективности, чѣмъ у насъ. Ежегодные огромные

дефициты бюджета Глазго по муниципальнымъ промышленнымъ экспериментамъ покрываются займами, съ уплатой ихъ не постепенно посредствомъ ежегоднаго погашенія извѣстной части, а сразу по истеченіи долгихъ сроковъ, которые еще не наступили, и тогда какъ оцѣночная стоимость города поднялась за послѣднія 15 лѣтъ всего на 50%, его задолженность увеличилась на 250% и уже достигла громадной суммы въ 75 м. долларовъ. Какъ въ австралійскомъ государственномъ соціализмѣ, такъ и въ англійскихъ городахъ въ муниципальномъ, всѣ эти эксперименты продѣлываются въ долгъ, за счетъ будущихъ поколѣній, и цѣлесообразность ихъ результатовъ, еслибы они и не были такъ очевидно плачевны, не можетъ не быть пока чисто гадательной. Американскіе города не могутъ увлекаться такимъ образомъ, такъ какъ почти всѣ штаты Союза ограничили и ихъ право обложенія городскихъ имуществъ налогами, и ихъ право занимать деньги—обстоятельными законами. А безъ займовъ муниципальный соціализмъ въ большихъ размѣрахъ совершенно невозможенъ.

Городъ Лондонъ, тоже чрезвычайно обремененный и долгами, и все увеличивающимися расходами на всевозможные сомнительные эксперименты, вводившіеся очень быстро одинъ за другимъ безъ достаточнаго выжиданія результатовъ, только-что возмутился противъ такой безшабашной поспѣшности долгое время бывшихъ въ силѣ теоретиковъ модныхъ идей въ городскомъ управленіи, и забаллотировалъ всѣхъ своихъ прежнихъ вожаковъ на поприщѣ муниципальнаго соціализма; его противники оказались въ подавляющемъ большинствѣ, достигающемъ 4/5 всѣхъ вновь избранныхъ городскихъ чиновъ.

Я знаю, что нѣкоторыя русскія газеты имѣютъ въ Англіи и Лондонѣ очень обстоятельныхъ корреспондентовъ, и меня очень удивляетъ то, что онѣ и до сихъ поръ не познакомили своихъ читателей съ дѣйствительнымъ современнымъ тамъ положеніемъ вопроса о муниципальномъ соціализмѣ и о тѣхъ поразительныхъ недугахъ, которые онъ переживаетъ при экспериментальной провѣркѣ. Въ русской печати мнѣ приходится читать только панегирики теоретической сторонѣ вопроса, и ни слова—ни о практическихъ послѣдствіяхъ ея приложенія, ни о неизбѣжныхъ выводахъ, къ которымъ эти опыты уже привели.

Значительную долю страстности придали у насъ ноябрьскимъ выборамъ и такъ называемые „muck-racker'ы". И слово, и понятіе, совершенно новы у насъ. Буквальное значеніе ихъ—грязе-взрыватели,—нѣчто сродное демагогіи. Ихъ вызвалъ къ жизни и ввелъ во всеобщее употребленіе самъ президентъ Рузевельтъ своими спеціальными разоблаченіями порядковъ на большихъ скотобойныхъ и консервирующихъ мясные продукты заводахъ мясного трёста въ Чикаго. По поводу этой исторіи,

надѣлавшей въ свое время много шуму, ходило въ здѣшней прессѣ многое множество басенъ и сплетенъ. Разсказывали, что первое секретное изслѣдованіе было вызвано нѣкоимъ Синъ-Клэромъ, авторомъ чрезвычайно сенсаціонной книги „The Jungle"; но личные друзья Рузевельта опровергли эту версію, заявивъ, что президентъ никогда не видалъ Синъ-Клэра и не читалъ его книги. Извѣстно достовѣрно, что Рузевельтъ употребилъ гигантскія усилія, дабы уничтожить мясной трёстъ, но его воротилы успѣли обратить всѣ эти усилія въ ничто, воспользовавшись откровенностью и прямодушіемъ начальника департамента корпорацій, Гарфильда, теперь назначеннаго министромъ внутреннихъ дѣлъ. Эта неудача, въ которой мясники заставили Рузевельта сыграть не совсѣмъ благовидную роль, обвинивъ его въ подвохахъ и двоедушіи, разсердила его настолько, что онъ рѣшилъ доконать ихъ во что бы то ни стало. Не только правдивость, но и добросовѣстность опубликованныхъ имъ внезапно разоблаченій горячо оспариваются многими безпристрастными людьми, хорошо ознакомленными со всѣми деталями мясного дѣла въ Чикаго и стоящими очень высоко въ глазахъ здѣшняго общественнаго мнѣнія. Но американскій народъ любитъ всякую сенсацію, и нашъ „желтый" журнализмъ свирѣпо ринулся по стопамъ Рузевельта, и по всей странѣ поднялся самый пессимистическій шумъ противъ всевозможныхъ лицъ и учрежденій, и правительственныхъ, и общественныхъ, и частныхъ. Такіе взрывы, и недостаточно обоснованные, и не предлагающіе практическихъ лекарствъ противъ преслѣдуемыхъ ими золъ, иногда дѣйствительныхъ, но чаще воображаемыхъ,—никогда не даютъ серьезныхъ реальныхъ результатовъ, хотя несомнѣнно полезны въ смыслѣ нѣкотораго очищенія болѣе или менѣе затхлыхъ угловъ общественнаго тѣла страны. Въ данномъ случаѣ, „muck-racker'ы" не принадлежали къ какой-либо одной партіи и не преслѣдовали опредѣленныхъ цѣлей—они просто воспользовались выборами, чтобы нашумѣть по возможности больше,—и успѣли нанести немало тяжелыхъ ранъ и отдѣльнымъ лицамъ, и цѣлымъ промышленнымъ отраслямъ.

VI.

Штатъ Нью-Іоркъ пріобрѣтаетъ въ Союзѣ все бо́льшее и бо́льшее политическое вліяніе, благодаря, во-первыхъ, своему огромному народонаселенію, во-вторыхъ, тому, что въ его предѣлахъ находится безспорная торговая и промышленная столица страны, городъ Нью Іоркъ. За послѣднее время онъ далъ Союзу трехъ президентовъ—Артура, Кливелэнда и Рузевельта, и десятки министровъ—и въ на-

стоящемъ кабинетѣ—цѣлыхъ три нью-iоркца. Естественно, что его штатные выборы возбуждаютъ огромный интересъ, еще усиленный въ прошломъ ноябрѣ тѣмъ фактомъ, что въ кандидаты демократической партiи въ губернаторы былъ назначенъ пресловутый Вильямъ Рандольфъ Хёрстъ. Мнѣ уже приходилось не разъ писать о немъ, — и теперь я воздержусь отъ повторенiй, а приведу слѣдующую его характеристику, сдѣланную самымъ влiятельнымъ нашимъ серьезнымъ журналомъ, „North American Review", въ нумерѣ отъ 21 сентября, вышедшемъ какъ-разъ въ самый разгаръ кампанiи: „Хёрстъ, какъ журналистъ, хотя онъ остеръ, предпрiимчивъ и разносторонен, но представляетъ собою жгучiй позоръ профессiи; какъ политиканъ, хотя онъ ловокъ и по временамъ даже проницателенъ, но такъ же безпринципенъ, какъ самые грязные изъ тѣхъ, кого онъ клеймитъ преступниками; какъ членъ партiи, хотя онъ откровененъ и умѣетъ влiять на массы, но онъ предатель; какъ общественный чинъ, замѣчателенъ безстыднымъ пренебреженiемъ своихъ обязанностей; какъ агитаторъ, онъ въ восхищенiи, когда ему удается возбудить самыя черныя страсти; какъ индивидуумъ, хотя онъ обладаетъ многими прiятными свойствами, но онъ такъ утратилъ всякую репутацiю, такъ непостояненъ и безалаберенъ, такъ измѣняетъ своимъ показнымъ идеаламъ, такъ презрительно попираетъ всякую нравственную отвѣтственность, такъ привыкъ къ отвратительнымъ прiемамъ для удовлетворенiя своего самолюбiя, такъ настойчивъ въ возбужденiи недовольства, зависти и ненависти, что представляетъ собою живой и жгучiй упрекъ всей американской цивилизацiи".

Не успѣвъ купить себѣ назначенiя демократической партiей кандидатомъ въ президенты 1904 года, онъ въ 1905 году пожелалъ сдѣлаться мэйоромъ города Нью-Iорка, и организовалъ въ немъ личную свою партiю, подъ именемъ „Независимой лиги", которая успѣла раздѣлить силы демократовъ настолько, что ихъ кандидатъ, Макъ-Клелланъ, былъ выбранъ большинствомъ всего трехъ тысячъ голосовъ. Послѣ этой неудачи Хёрстъ обрушился на вожаковъ демократовъ,—въ особенности же на главаря нью-iоркскаго Таммани-Голла, Мюрфи,—съ самыми безпощадными обвиненiями, проповѣдуя ежедневно въ своихъ газетахъ, что они всѣ поголовно давно заслужили каторгу своими безчисленными преступленiями. Въ то же время онъ не только укрѣпилъ по возможности свою „Независимую лигу" въ Нью-Iоркѣ, но и основалъ такiя же организацiи въ тѣхъ штатахъ, гдѣ выходятъ его другiя газеты—въ Массачузетсѣ, Иллинойсѣ и Калифорнiи. Демократы испугались этого раздвоенiя своихъ силъ, предводимаго энергичнымъ, неумолимымъ врагомъ, — и тотъ же оплеванный съ ногъ до головы Хёрстомъ Мюрфи озаботился улаже-

ніемъ съ нимъ компромисса. Когда „Независимая лига" назначила Хёрста своимъ кандидатомъ въ губернаторы штата, Мюрфи вступилъ съ нимъ въ соглашеніе и заставилъ и демократическую конвенцію штата повторить это назначеніе. Сущность этой позорной сдѣлки осталась, конечно, въ тайнѣ, но независимая пресса полагаетъ, что и Хёрстъ, и Таммани-Голлъ, опасались, что при раздвоеніи силъ демократовъ республиканцамъ можетъ удаться выбрать новый персоналъ судей въ городѣ, что̀ грозило бы обоимъ самыми серьезными опасностями—первому потому, что противъ его газетъ возбуждено и производится исковъ за клевету на сумму свыше 3½ милліоновъ долларовъ, а второму невозможно содержать въ достаточной дисциплинѣ свою организацію безъ контроля судовъ города. На демократической конвенціи противъ назначенія Хёрста произошелъ самый драматическій взрывъ, подготовленный всѣми независимыми демократами штата; но Таммани-Голлъ одолѣлъ, и Хёрстъ оказался оффиціальнымъ кандидатомъ партіи въ губернаторы. Онъ успѣлъ вступить въ такое же соглашеніе съ вожаками демократической конвенціи штата Массачузетса, но въ Иллинойсѣ и Калифорніи такое соглашеніе не было достигнуто, и у демократовъ, и у „Независимой лиги" были въ нихъ отдѣльные самостоятельные платформы и тикеты. Разъ Хёрстъ не могъ добиться удовлетворенія своихъ личныхъ видовъ, онъ смѣло объявлялъ демократамъ свирѣпую войну.

Республиканская партія штата Нью-Іорка, также долгое время раздираемая личными раздорами вожаковъ, на этотъ разъ объединилась и назначила своимъ кандидатомъ въ губернаторы совершенно свѣжаго въ своей политикѣ человѣка—адвоката Хьюза (Hughes), получившаго громкую извѣстность во всей странѣ въ теченіе прошлаго года своимъ мастерскимъ и неумолимымъ разоблаченіемъ злоупотребленій и преслѣдованіемъ въ судахъ крупнѣйшихъ нью-іоркскихъ страховыхъ компаній. Его репутація ничѣмъ не запятнана, и нѣтъ сомнѣнія, что онъ дѣйствительно сильный, энергичный общественнный дѣятель новаго типа. Давно уже штатъ Нью-Іоркъ не переживалъ такой страстной, такой захватывавшей всѣ его самые отдаленные захолустные углы кампаніи. Обѣ стороны напрягли всѣ свои силы—Хёрстъ извелъ огромныя суммы денегъ и пустилъ въ ходъ всѣ извѣстныя современному политиканству пружины для вербованія голосовъ. Президентъ Рузевельтъ былъ такъ напуганъ возможностью выбора такого человѣка, какъ Хёрстъ, въ томъ штатѣ, гдѣ онъ самъ оффиціально числится гражданиномъ, что уполномочилъ министра иностранныхъ дѣлъ Рута произнести рѣчь отъ его имени,—рѣчь, предостерегавшую жителей штата отъ тѣхъ опасностей, которыя грозили имъ въ случаѣ избранія Хёрста. Рутъ не пожалѣлъ красокъ и прямо обвинилъ Хёрста въ

содѣйствіи убійству Макъ-Кинлэя. Теперь уже признано всѣми сторонами, что эпизодъ этотъ былъ большой политической ошибкой со стороны Рузевельта, и что онъ, какъ и всякій пересолъ, только помогъ Хёрсту.

Хёрстъ представляетъ собою совершенно новое, небывалое явленіе въ американской политикѣ. Его огромное богатство дало ему возможность организовать могучую политическую машину, которой заправляютъ чрезвычайно способные и безпринципные люди. Четыре лица составляютъ верховное управленіе этой машины. Артуръ Бризбэнъ, сынъ знаменитаго американскаго апостола и толкователя фурьеризма въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія, авторъ всѣхъ руководящихъ статей Хёрстовскихъ газетъ, писатель талантливый, ядовитый и введшій въ американскую журналистику новый стиль для такихъ статей — отрывочный, подъ-часъ даже грубый, рѣзкій, неустрашимо опредѣленный и откровенный. Хёрстъ платитъ ему сто тысячъ долларовъ въ годъ жалованья. Его жгучія передовицы появляются одновременно во всѣхъ шести Хёрстовскихъ газетахъ, выходящихъ въ числѣ свыше двухъ милліоновъ экземпляровъ ежедневно, и всѣ онѣ всегда подписаны полнымъ именемъ самого Хёрста. Соломонъ Карвало завѣдуетъ дѣловой частью всего газетнаго и журнальнаго дѣла Хёрста, представляющаго собою одну изъ самыхъ громадныхъ—и, говорятъ, доходныхъ — корпорацій всего Союза; помимо газетъ, Хёрстъ издаетъ и два мѣсячныхъ журнала, тоже съ огромной циркуляціей. Кларенсъ Ширнъ, чрезвычайно даровитый и находчивый адвокатъ, ведетъ всю судебную часть. Онъ сочиняетъ всѣ произносимые Хёрстомъ политическіе спичи, заготовляетъ постоянно вносимые имъ въ палату представителей билли и постоянно возбуждаетъ отъ имени Хёрста по всей странѣ иски противъ трёстовъ, общественныхъ учрежденій и частныхъ лицъ — иски, никогда не доводимые до конца, но всегда крайне сенсаціонные и широко распубликовываемые по всему Союзу. Наконецъ, Максъ Имзенъ, опытный, находчивый, остроумный профессіональный политиканъ, руководитъ и управляетъ всѣми политическими организаціями, основанными въ разныхъ мѣстахъ для пропаганды кандидатуры Хёрста. Самъ онъ не входитъ ни во что; онъ нанимаетъ этихъ людей, платитъ имъ огромное жалованье,— не менѣе пятидесяти тысячъ долларовъ въ годъ каждому,—сообщаетъ имъ, что̀ ему именно нужно въ данный моментъ, и они совершенно самостоятельно дѣйствуютъ для достиженія такой указанной имъ хозяиномъ цѣли; имъ все равно, въ чемъ бы она ни состояла, — ихъ дѣло — добиться ея, не стѣсняясь ни матеріальными, ни нравственными средствами. Эти-то четыре человѣка, комбинированными усиліями своей разносторонней талантливости, и создали съ теченіемъ вре-

мени то, что̀ въ представленіи народныхъ массъ составляетъ якобы личность Хёрста — представленіе, очевидно, искусственное и неправильное, такъ какъ въ дѣйствительности оно есть результатъ композиціи, въ которой самъ Хёрстъ участвуетъ только своими деньгами. Хотя онъ оффиціально и для публичнаго потребленія и числится членомъ демократической партіи и уже дважды былъ выбранъ ею въ палату представителей конгресса, и по-сейчасъ состоитъ таковымъ, онъ не усумнился устроить расколъ въ ней и организовать свою „Независимую лигу", какъ только его личные виды разошлись съ ея намѣреніями и рѣшеніями. „Хёрстизмъ", осуждая всѣхъ и все, не даетъ абсолютно никакой платформы, никакихъ принципіальныхъ требованій или положеній; его единственное лекарство отъ всѣхъ золъ—выборъ Хёрста, то въ президенты Союза, то въ мэйоры города Нью-Іорка, то въ губернаторы штата. „Хёрстизмъ" состоитъ въ личности Хёрста— и ни въ чемъ болѣе, и его единственная сила—сила подкупа и денегъ и широкая возможность, благодаря неограниченнымъ средствамъ, вліять на извѣстныя продажныя части общества. Въ своихъ изданіяхъ Хёрстъ является покровителемъ и доброжелателемъ союзнаго труда, и въ то же время его газеты свирѣпо воюютъ даже съ союзомъ мальчишекъ разносчиковъ въ Чикаго, съ союзомъ типографщиковъ въ Санъ-Франциско, и т. д. Онъ проповѣдуетъ муниципальный соціализмъ — и принимаетъ назначеніе въ кандидаты на платформѣ, безусловно его осуждающей. Въ своихъ газетахъ Хёрстъ — отъявленный противникъ допущенія въ Союзъ монгольской расы—а въ своемъ обширномъ имѣніи въ Калифорніи работаетъ исключительно китайцами и японцами. Онъ громитъ трёсты и возбуждаетъ противъ нихъ многочисленные иски повсюду,—и въ то же время его собственное издательское дѣло представляетъ собою не что̀ иное, какъ могучій и постоянно разростающійся трёстъ. Онъ позируетъ какъ покровитель всѣхъ угнетенныхъ, какъ другъ рабочаго и бѣдности—и ведетъ роскошнѣйшую жизнь великосвѣтскаго сноба. Являясь кандидатомъ на наиболѣе выдающіяся мѣста на всякихъ выборахъ, какъ членъ палаты представителей, онъ изъ 187 засѣданій въ теченіе своихъ тэрмовъ участвовалъ только въ 21-мъ, и то не болѣе четверти часа каждый разъ. Въ моемъ представленіи Хёрстъ не что̀ иное, какъ ужаснѣйшій временный кошмаръ, тлетворная зараза, пользующаяся самыми низкими сторонами человѣческой натуры и чрезвычайно растлѣвающая и такъ уже далеко не здоровое тѣло современной американской политики.

VII.

Союзъ выбралъ прошлаго 6-го ноября новую палату представителей для шестидесятаго конгресса; въ двадцати-трехъ штатахъ были выбраны губернаторы и всѣ остальные штатные чины, въ двадцати-двухъ—новыя легислатуры. Разложеніе главныхъ политическихъ партій и разносторонность оппозиціи имъ выразились образованіемъ новыхъ фракцій по всему Союзу, за исключеніемъ крайняго Юга, и эти новыя явленія дали во многихъ штатахъ небывалую многочисленность отдѣльныхъ платформъ и тикетовъ — по 4, по 5, даже по 8, а въ штатѣ Пенсильванія—цѣлыхъ 12. Въ штатѣ Небраскѣ опять появились совсѣмъ было исчезнувшіе съ политической арены „популисты". Благодаря этому, личный составъ старыхъ партій оказался существенно перетасованнымъ. Въ палатѣ представителей, состоящей въ текущемъ десятилѣтіи изъ 386 членовъ, въ настоящемъ 59-омъ конгрессѣ раздѣленныхъ на 250 республиканцевъ и 136 демократовъ, эти послѣдніе успѣли урѣзать это огромное большинство, такъ что палата 60-го конгресса будетъ состоять изъ 224 республиканцевъ и 162 демократовъ,—перемѣна, не имѣющая никакого реальнаго значенія. Почти во всѣхъ округахъ, гдѣ республиканцы потеряли свои мѣста въ палатѣ, былъ тотъ расколъ въ ихъ собственнной средѣ по поводу тарифовъ, о которомъ я говорилъ въ одной изъ предъидущихъ главъ. Такъ былъ побитъ такой выдающійся членъ, какъ Бабкокъ, уже много лѣтъ состоявшій безсмѣннымъ предсѣдателемъ конгрессіоннаго исполнительнаго комитета республиканской партіи. Зато она захватила почти всѣ новыя штатныя легислатуры, которыя избираютъ новыхъ федеральныхъ сенаторовъ, и въ сенатѣ 60-го конгресса большинство республиканцевъ будетъ больше $^2/_3$ — 62 республиканца и только 28 демократовъ. Въ штатѣ Нью-Іоркѣ губернаторомъ былъ избранъ республиканецъ Хьюзъ, побившій Хёрста большинствомъ 62.000 голосовъ,—хотя всѣ остальные штатные чины были выбраны демократами большинствомъ отъ 5 до 20 тысячъ голосовъ. Демократы, несомнѣнно, выбрали бы и губернатора, еслибъ кандидатомъ былъ назначенъ кто-либо другой, только не Хёрстъ. Около 75.000 избирателей, голосовавшихъ за весь остальной тикетъ демократической партіи, отказались подать свои голоса за Хёрста. Расколъ, внесенный имъ въ демократическую партію штатовъ Иллинойса и Калифорніи, доставилъ республиканцамъ побѣду и въ нихъ. Всюду, гдѣ „хёрстизмъ" игралъ какую-либо роль, онъ принесъ пораженіе и себѣ, и своимъ союзникамъ, кто бы они ни были. Послѣ выборовъ, Хёрстъ заявилъ

публично, что никогда больше не выступитъ кандидатомъ на какую-либо должность, но пресса и публика ему не повѣрили, такъ какъ онъ не расформировалъ своихъ организацій, и есть всякое вѣроятіе, что къ будущей президентской кампаніи 1908 года онъ опять приподнесетъ странѣ какую-нибудь новую комбинацію въ качествѣ кандидата въ президенты.

Подсчетъ голосовъ въ разныхъ штатахъ доказалъ несомнѣнно, что республиканская партія всюду значительно потеряла; она одержала побѣду относительнымъ большинствомъ—pluralities—потому что всюду было нѣсколько тикетовъ; абсолютнаго же большинства—majority—она не получила почти нигдѣ. Соціалисты, имѣвшіе тикеты въ 22-хъ штатахъ, тоже значительно потеряли въ числѣ, сравнительно съ выборами 1904 года. Они особенно сильны въ городахъ Нью-Іоркѣ и Чикаго. Въ первомъ изъ нихъ, въ одномъ изъ его конгрессіонныхъ округовъ, населенномъ главнымъ образомъ русскими евреями, они даже надѣялись выбрать перваго представителя партіи въ конгрессъ, нѣкоего Хильквита, русскаго еврея адвоката изъ Риги, и въ его пользу было сосредоточено огромное давленіе, — но онъ былъ побитъ. Какъ одно изъ знаменій времени, слѣдуетъ отмѣтить тотъ фактъ, что евреи въ самое послѣднее время какъ-то сразу выдвинулись на нашемъ политическомъ поприщѣ, котораго они до сихъ поръ избѣгали. Недавно былъ выбранъ отъ штата Орегона въ федеральный сенатъ Союза еврей Симонъ, первый еврей въ исторіи Союза въ этой верхней американской палатѣ; съ новаго года войдетъ въ составъ кабинета какъ министръ торговли еврей Страусъ, нью-іоркскій купецъ, также первый министръ-еврей въ исторіи страны. Евреи, несмотря на ихъ сравнительную у насъ до послѣдняго времени малочисленность, уже давно вполнѣ контролируютъ многія отрасли экспортной, импортной и оптовой внутренней торговли Союза, и успѣли пріобрѣсти подавляющее вліяніе и на денежную биржу города Нью-Іорка; ихъ внезапное появленіе на политическомъ поприщѣ объясняется отчасти русскими событіями и тѣмъ громаднымъ шумомъ, который произвели здѣсь еврейскіе погромы, начиная съ кишиневскаго, отчасти страшнымъ приливомъ изъ Россіи же еврейской эмиграціи, въ настоящемъ году уже давно перевалившей за сто тысячъ душъ. Назначеніе еврея Страуса именно министромъ торговли имѣетъ особое значеніе, потому что въ его завѣдываніи находится вся федеральная иммиграціонная организація, а Страусъ всегда принималъ живѣйшее участіе въ еврейской эмиграціи и извѣстенъ какъ открытый руссофобъ.

VIII.

Американская конституція, какъ извѣстно, очень сжата, и даетъ только голый остовъ здѣшняго государственнаго устройства,—вся суть состоитъ въ ея примѣненіи на практикѣ. Раздѣляя правительственную власть на исполнительную, законодательную и судебную, она придала каждой изъ нихъ наивозможную для успѣшной кооперацiи независимость и, въ теоріи, не допускаетъ подавленія или обезсиленія одной другою. Но исторія Союза доказываетъ, что въ разныя эпохи существенно преобладали то одна, то другая, то третья. Первое время, больше полувѣка, пока конституція подвергалась экспериментальной провѣркѣ, преобладалъ конгрессъ; затѣмъ, въ теченіе долгаго спора о рабствѣ,—верховный судъ, своими рѣшеніями неизмѣнно поддерживавшій рабовладѣльцевъ и тѣмъ оказывавшій рѣшающее вліяніе на весь ходъ дѣла въ странѣ;—послѣ же окончанія междоусобной войны замѣчается постепенное, сначала очень медленное, усиленіе власти президента. Кливелэндъ, въ теченіе второго своего тэрма радикально разошедшійся съ своей собственной партіей, пошатнулъ-было это усиленіе,—но избранные громаднымъ, небывалымъ большинствомъ Макъ-Кинлэй и въ особенности Рузевельтъ, съ постепеннымъ сглаживаніемъ принципіальныхъ различій между главными партіями и съ начавшимся преобладаніемъ личныхъ вліяній, не только вернулись къ этому усиленію власти президента, но и довели его до самыхъ широкихъ размѣровъ. Теперь президентъ такъ или иначе является рѣшающимъ элементомъ во всякомъ серьезномъ несогласіи, если не всегда открыто, то всегда въ дѣйствительности. Если въ этой чрезвычайно важной перемѣнѣ во всемъ ходѣ государственной жизни страны сыграли извѣстную роль личности Макъ-Кинлэя и Рузевельта, тѣмъ не менѣе не подлежитъ сомнѣнію, что главнымъ началомъ служило стремленіе къ бо̀льшей концентраціи власти, къ болѣе широкому государственному контролю надъ разными сторонами общественной жизни, къ „патернализму". Я лично думаю, что страстная проповѣдь соціализма, которой отличается наше время, оказала самое серьезное, двоякое вліяніе въ данномъ случаѣ. Съ одной стороны, консервативные элементы опасаются возможности разныхъ пертурбацій, и инстинктивно видятъ спасеніе въ твердой централизованной власти; съ другой—соціализмъ по своему существу—врагъ индивидуализма, и можетъ быть основанъ только на сильной, хотя и коллективной теоретически, государственной власти. Эти-то двѣ силы, одна сознательная, другая по общей тенденціи своего существа, и ведутъ параллельно къ тому,

что исполнительная власть Союза пріобрѣтаетъ все большее и большее значеніе, совсѣмъ не принадлежащее ей при нормальномъ теченіи дѣлъ.

Поразительная безъидейность современной политики господствующей партіи и преобладаніе въ ней чисто личныхъ интересовъ, въ связи съ вышеочерченнымъ усиленіемъ значенія власти президента, характеризуются всего лучше постоянными перемѣнами въ составѣ кабинета. Рузевельтъ уже успѣлъ перемѣнить, за пять лѣтъ своего президентства, больше министровъ, чѣмъ всѣ бывшіе до него президенты, вмѣстѣ взятые. Онъ не только вводитъ въ свой кабинетъ почти каждый мѣсяцъ новыхъ людей, но и мѣняетъ портфели тѣхъ, которые въ немъ остаются. Съ новымъ годомъ остались на своихъ мѣстахъ только три министра: иностранныхъ дѣлъ Рутъ, военный—Тафтъ, и земледѣлія — Вильсонъ. Министръ финансовъ Шау уходитъ, уступая свое мѣсто генералъ-почтмейстеру Куртелью, котораго смѣнитъ посолъ въ Петербургѣ, Мейеръ. Министръ юстиціи Муди тоже уходитъ, и его смѣняетъ морской министръ Бонапарте, мѣсто котораго займетъ министръ торговли Меткафъ, а Меткафа замѣнитъ Страусъ. Министра внутреннихъ дѣлъ Хотчкисса смѣнитъ молодой сынъ убитаго президента, Гарфильдъ. Шесть новыхъ министровъ заразъ, т.-е. $^2/_3$ кабинета. Правда, американскій кабинетъ никогда не игралъ большой роли, благодаря отведенному ему конституціей исключительному положенію, подчиняющему его всецѣло исполнительной власти,—тѣмъ не менѣе, до сихъ поръ общій персоналъ министровъ всегда выражалъ собою извѣстные принципы, представляя болѣе или менѣе гармоническое цѣлое, отражавшее общественное настроеніе во время президентской кампаніи; теперь же это—просто нестройная кучка людей, личныхъ друзей президента, попавшихъ туда совершенно независимо отъ чего-либо, помимо его личныхъ видовъ и симпатій.

П. А. Тверской.

г. Лосъ-Анжелесъ,
Калифорнія.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 марта 1907.

Ультра-реакціонные рецепты. — Подкопы подъ избирательный законъ. — Значеніе всеобщей подачи голосовъ.—Реальные недостатки нашей избирательной системы.— Вѣроятная группировка партій во второй Государственной Думѣ.—Своеобразныя черты нашего народнаго представительства.—Безцѣльность насилія.

Избирательный законъ 6-го августа и 11-го декабря 1905-го года— вотъ, по мнѣнію реакціонной печати и всѣхъ солидарныхъ съ нею группъ и лицъ, главная или даже единственная причина побѣды, вновь одержанной оппозиціею. Пока этотъ законъ не отмѣненъ и не измѣненъ, исходъ избирательной борьбы не можетъ быть инымъ, чѣмъ первые два раза. Роспускъ Думы, съ назначеніемъ новыхъ выборовъ по прежней системѣ, являлся бы, по выраженію „Московскихъ Вѣдомостей", „невѣроятною глупостью".

Что же совѣтуютъ правительству его услужливые, но именно потому опасные друзья? Немедленно распустить Думу, издать, своею властью, новый избирательный законъ и созвать, на его основѣ, новую Думу? Нѣтъ: такой способъ дѣйствій, еще недавно рекомендованный кіевскимъ съѣздомъ „монархистовъ" и находившій сторонниковъ въ „группѣ центра" Государственнаго Совѣта, теперь даже органомъ г. Грингмута признается неправомѣрнымъ. Или, быть можетъ, надлежитъ созвать „русскій православный земскій соборъ" и поручить ему выработку выборнаго закона, которымъ призывалась бы къ жизни „чисто-совѣщательная" Дума? Нѣтъ: такая Дума неминуемо „превратилась бы въ законодательное революціонное собраніе, потому что *совѣты* представителей народа приравнивались бы къ выраженіямъ *народной воли*, обязательнымъ для Государя". Нужно, слѣдовательно, нѣчто гораздо болѣе радикальное: нужно, распустивъ Думу, „возстановить законный порядокъ и приступить къ кореннымъ реформамъ,

которыя обезпечили бы Россіи національное возрожденіе и устранили всѣ недостатки петербургскаго, бюрократическаго періода ея исторіи".

Въ достоинствѣ откровенности этому прожекту отказать нельзя. Непослѣдовательно въ немъ только одно: отсрочка его исполненія до первой „некорректности" народныхъ представителей. Зачѣмъ „ожидать поступковъ", когда все заранѣе предрѣшено?.. Впрочемъ, понятіе о некорректности такъ эластично, что подъ него можно подвести все что угодно. Когда нуженъ только предлогъ, онъ всегда найдется. Итакъ, *окончательный* роспускъ Думы, полный разрывъ съ конституціоннымъ строемъ, полное возвращеніе къ прошедшему—вотъ программа ультра-реакціонеровъ. „Возрожденія" Россіи они ожидаютъ отъ возстановленія порядковъ, приведшихъ ее на край гибели. Осуждая, на словахъ, недостатки „бюрократическаго періода русской исторіи", они намѣренно забываютъ, что въ громадномъ государствѣ *неограниченная* верховная власть не можетъ дѣйствовать иначе, какъ черезъ посредство сложнаго бюрократическаго аппарата, разсадника близорукой и своекорыстной рутины... Чѣмъ громче и безцеремоннѣе, однако, раздается крикъ: *назадъ*!—тѣмъ больше, въ сущности, онъ безвреденъ; слишкомъ уже ясно, куда ведетъ указываемая имъ дорога. Гораздо опаснѣе призывъ къ частичному нарушенію закона, путемъ измѣненія, безъ согласія Думы, дѣйствующей у насъ избирательной системы.

Манифестъ 17-го октября 1905-го года выразилъ *непреклонную волю* монарха привлечь къ участію въ Думѣ тѣ классы населенія, которые до тѣхъ поръ были отъ него совершенно отстранены, а „дальнѣйшее развитіе начала общаго избирательнаго права предоставить вновь установленному законодательному порядку". Этимъ предрѣшенъ не только *порядокъ* измѣненія избирательнаго закона: этимъ предрѣшено *направленіе*, въ которомъ онъ можетъ и долженъ быть измѣняемъ. Нельзя, безъ нарушенія ст. 87-ой основн. зак., передѣлать избирательный законъ помимо Государственной Думы; нельзя, безъ нарушенія манифеста 17-го октября, передѣлать его въ смыслѣ *ограниченія* избирательнаго права. А между тѣмъ, именно такое ограниченіе имѣютъ въ виду всѣ тѣ, кто стоитъ за внѣ-законное изданіе новаго избирательнаго закона. Рекомендуемый ими образъ дѣйствій одинаково неправиленъ и формально, и по существу. Не случайно, въ самомъ дѣлѣ, манифестъ 17-го октября обѣщалъ „дальнѣйшее развитіе начала общаго избирательнаго права". Всеобщая подача голосовъ—это цѣль, къ которой вездѣ неудержимо стремится политическая жизнь. На пути къ этой цѣли мыслимы остановки, но недопустимы сколько-нибудь продолжительныя и серьезныя отступленія. Съ паденіемъ сословныхъ перегородокъ, съ усиливающимся общеніемъ

между городомъ и деревней, съ широкимъ распространеніемъ образованія все труднѣе и труднѣе оставлять ту или другую часть населенія въ состояніи политическаго безправія—и, тѣмъ болѣе, возвращать въ это состояніе тѣхъ, кто изъ него вышелъ.

Особенно поучительна, съ занимающей насъ точки зрѣнія, исторія Франціи во второй половинѣ XIX-го вѣка. Всеобщая подача голосовъ, провозглашенная временнымъ правительствомъ 1848-го года, была сюрпризомъ для французскаго народа. Въ послѣдніе годы іюльской монархіи широкіе круги общества были бы удовлетворены пониженіемъ имущественнаго и введеніемъ образовательнаго ценза. Среди крестьянъ интересъ къ политикѣ былъ развитъ слабо; стремленія къ активной политической роли между ними почти не существовало. И все-таки, однажды пріобрѣтенное, всеобщее избирательное право быстро получило высокую цѣну въ глазахъ населенія. Законъ 31-го мая 1850-го года, съуживавшій сферу его примѣненія, больше, можетъ быть, чѣмъ что-либо иное подорвалъ авторитетъ законодательнаго собранія. Отмѣна этого закона была той сладкой оболочкой, которая помогла французамъ проглотить горькую пилюлю декабрьскаго переворота. И позже, во все время существованія второй имперіи, пользованіе избирательнымъ правомъ, хотя фактически и несвободное, способствовало примиренію массы съ наполеоновскимъ режимомъ. Въ національномъ собраніи, избранномъ, въ 1871 г., подъ впечатлѣніемъ германскаго нашествія, консервативно—или, лучше сказать, реакціонно—настроенное большинство не было расположено къ всеобщей подачѣ голосовъ. Заходила рѣчь о возстановленіи, въ томъ или другомъ видѣ, косвенныхъ ея ограниченій, по образцу закона 1850-го года; возникали и теченія еще болѣе ей враждебныя. Въ коммиссіи тридцати, составлявшей проектъ конституціонныхъ законовъ, одинъ изъ членовъ видѣлъ въ всеобщей подачѣ голосовъ „пагубный даръ“ (funeste cadeau), другой—„опасность и ложь“, третій—„тираннію числа“, которую необходимо уничтожить. Весьма скоро, однако, входятъ въ силу болѣе умѣренные взгляды. „Введеніе всеобщаго избирательнаго права“—говоритъ уже въ 1873 г. одинъ изъ ораторовъ праваго центра,—„было несомнѣннымъ бѣдствіемъ, но его нельзя теперь ни отмѣнить, ни урѣзать: это вызвало бы грозное сопротивленіе въ странѣ“. Въ 1874-мъ году обсужденіе закона о муниципальныхъ выборахъ оканчивается торжествомъ принципа всеобщаго голосованія; предложенія, противъ него направленныя, берутся назадъ или безъ колебаній отклоняются собраніемъ. Когда, годъ спустя, на очередь ставится законъ о выборахъ въ палату депутатовъ, всѣ существенныя черты истинно-всеобщаго избирательнаго права принимаются почти безъ

спора, и оно становится краеугольнымъ камнемъ новаго государственнаго устройства Франціи [1]).

Чрезвычайно характерна судьба всеобщей подачи голосовъ и въ Германіи. Въ конституцію сѣверо-германскаго союза, а затѣмъ и въ конституцію германской имперіи, она была введена какъ боевое орудіе противъ оппозиціонныхъ элементовъ, долго и упорно боровшихся съ Бисмаркомъ на почвѣ ограниченнаго избирательнаго права. Ожиданія „желѣзнаго" канцлера оправдались далеко не вполнѣ: всеобщая подача голосовъ ослабила прогрессистовъ, но создала гораздо болѣе грозную силу соціалъ-демократовъ, ростъ которой—если судить о немъ не по числу депутатскихъ полномочій, а по числу поданныхъ голосовъ,—продолжается непрерывно до настоящаго времени. И тѣмъ не менѣе всеобщая подача голосовъ остается основой имперскаго избирательнаго закона: ниразу, даже въ періоды наибольшей реакціи, не поднимался вопросъ о замѣнѣ ея другимъ порядкомъ, менѣе благопріятнымъ для народной массы. Искусственное преобладаніе зажиточныхъ классовъ усердно поддерживается въ законодательствахъ отдѣльныхъ германскихъ государствъ, но никому не приходитъ въ голову мысль о водвореніи его въ германской имперіи. Какъ и во Франціи, всеобщая подача голосовъ быстро пустила здѣсь глубокіе корни; ея противники мирятся съ нею, какъ съ неизбѣжнымъ зломъ—ея сторонники готовы защищать ее всѣми средствами, до всеобщей забастовки включительно... Въ тѣхъ западно-европейскихъ странахъ, гдѣ еще нѣтъ всеобщей подачи голосовъ, новѣйшія перемѣны въ избирательномъ правѣ знаменуютъ собою приближеніе къ ней, никогда не имѣя противоположнаго характера. Расширенію избирательнаго права, однажды состоявшемуся, очевидно свойственна устойчивость, обусловливаемая цѣнностью его для избирателей. Чтобы найти примѣръ обратнаго движенія, нужно обратиться къ Франціи конца XVIII-го вѣка. Національный конвентъ былъ избранъ всеобщей подачей голосовъ, но конституція, въ концѣ концовъ выработанная конвентомъ (такъ называемая конституція III-го, т.-е. 1795-го года), положила начало ограниченіямъ избирательнаго права, постепенно усиливавшимся и нашедшимъ крайнее выраженіе въ хартіи 1814-го года. Объясненіе этому слѣдуетъ искать въ крайностяхъ реакціи, соотвѣтствовавшихъ крайностямъ революціи.

Возвратимся къ Россіи. Что отталкиваетъ нашихъ реакціонеровъ отъ дѣйствующей избирательной системы, что въ ней для нихъ осо-

[1]) Интересныя подробности по данному вопросу можно найти въ третьемъ, недавно вышедшемъ томѣ сочиненія Ганото (Hanotaux, бывшаго французскаго министра иностранныхъ дѣлъ): „Histoire de la France contemporaine".

бенно ненавистно? Безъ сомнѣнія — именно то, что сближаетъ ее съ всеобщей подачей голосовъ: сравнительно небольшая роль, отведенная въ ней сословному началу и имущественному цензу. На сословной почвѣ построено только крестьянское представительство; имущественный цензъ и въ городахъ, и внѣ городовъ установленъ невысокій. И то, и другое произошло не случайно. Наши сословія давно потеряли право на отдѣльное существованіе. Со времени открытія земскихъ учрежденій въ средѣ земства, а не въ средѣ дворянскихъ собраній, находили для себя примѣненіе живыя силы высшаго общественнаго класса. Ничто, въ этомъ отношеніи, не измѣнилось ни тогда, когда земскимъ положеніемъ 1890-го года была проведена демаркаціонная черта между дворянами и не-дворянами, ни тогда, когда на дворянство посыпались другія, богатыя, но безплодныя милости. Въ своихъ сословныхъ рамкахъ дворянство неизмѣнно являлось близорукимъ и эгоистичнымъ оберегателемъ узкихъ и узко-понятыхъ интересовъ. Призвать его, *какъ сословіе*, къ участію въ обновленіи русской жизни, значило бы сразу стать на ложный путь и создать почву для самыхъ острыхъ столкновеній. Это было понято даже составителями закона 6-го августа 1905 года, какъ ни мало они были расположены къ рѣшительному разрыву съ прошедшимъ. Что они были правы, не отведя дворянству никакой самостоятельной роли въ выборахъ — это показали дальнѣйшія событія: вся дѣятельность дворянскихъ собраній за послѣдніе полтора года сводится къ бросанію палокъ подъ колеса освободительнаго движенія. Специфически-дворянскій духъ проникъ даже въ земство, превративъ его изъ передового глашатая реформъ въ озлобленнаго союзника реакціи... О пріуроченіи выборовъ къ городскимъ сословіямъ — купечеству, почетному гражданству, мѣщанству — не могло быть рѣчи уже потому, что ихъ сословная жизнь давно стала чисто призрачной, а во многихъ мѣстахъ не существовала даже по имени. Духовенство, раздѣленное, фактически, на два мало сочувствующихъ другъ другу лагеря, не привыкло дѣйствовать какъ одно цѣлое. Вступивъ въ Думу какъ избранникъ населенія, священникъ можетъ оказаться полезнымъ истолкователемъ народныхъ нуждъ; вступивъ въ нее какъ избранникъ класса, онъ слишкомъ легко могъ бы обратиться въ защитника чуждыхъ народу интересовъ.

Изъ общаго правила о безсословности выборовъ составители закона 6-го августа сдѣлали только одно исключеніе: они образовали особую крестьянскую избирательную курію, оставленную въ силѣ и положеніемъ 11-го декабря. Что при этомъ имѣлось въ виду, какія надежды возлагались на крестьянство—это хорошо извѣстно; извѣстно также, что результатъ, какъ при первыхъ, такъ и при вторыхъ выборахъ,

получился другой, совершенно неожиданный. Не помогли и сенатскія разъясненія, направленныя къ тому, чтобы сосредоточить выборы въ рукахъ *настоящихъ* крестьянъ—крестьянъ не только по имени, но и по положенію. Оказалось, что новое настроеніе, новые взгляды проникли въ глубь деревни, охватили самыхъ *подлинныхъ* хозяевъ-земледѣльцевъ. Оказалось также, что съ уполномоченными отъ волостей, т.-е. съ избранниками крестьянской куріи, идутъ рука объ руку, въ большинствѣ случаевъ, крестьяне-уполномоченные отъ мелкихъ землевладѣльцевъ. И въ сословныхъ, и въ безсословныхъ собраніяхъ одинаково берутъ верхъ стремленія, наиболѣе распространенныя въ средѣ народа. По обѣ стороны стѣны, воздвигнутой законодателемъ, происходитъ одно и то же, разъ что есть на лицо общность условій... Судьбу сословнаго дѣленія раздѣляетъ и классовое: отъ рабочей куріи, искусственно уединенной, протягиваются во всѣ стороны соединительныя нити. Попытки изоляціи терпятъ крушеніе на всѣхъ пунктахъ. Не нужно большой прозорливости, чтобы понять значеніе этого урока.

Имущественному цензу наша избирательная система дала скромное мѣсто по той простой причинѣ, что сколько-нибудь значительные его размѣры либо оставили бы за флагомъ крестьянскую массу, либо установили бы слишкомъ рѣзкое различіе между избирателями-крестьянами и не-крестьянами. Въ томъ видѣ, въ какомъ его сохранило положеніе 11-го декабря, имущественный цензъ не служитъ показателемъ состоятельности, обезпечивающей—по традиціонному, но совершенно невѣрному представленію — нѣкоторую степень политической благонадежности. Съ другой стороны, онъ влечетъ за собою цѣлый рядъ вопіющихъ аномалій: достаточно указать, въ видѣ примѣра, на невыгодное положеніе, въ которое поставлены жильцы меблированныхъ комнатъ—сравнительно съ нанимателями квартиръ, живущіе литературнымъ или другимъ аналогичнымъ заработкомъ — сравнительно съ получающими содержаніе или пенсію по службѣ. Ни для чего, въ сущности, ненужный и ни къ чему не ведущій, такой имущественный цензъ представляется, вмѣстѣ съ тѣмъ, явно несправедливымъ. Въ бѣдной странѣ, гдѣ едва существуетъ и ничѣмъ не ознаменовала себя буржуазія, нѣтъ мѣста для системы, на Западѣ возникшей при совершенно другихъ условіяхъ, да и тамъ отжившей свое время.

Твердя на всѣ лады, что источникомъ бѣдъ, испытываемыхъ Россіей, является избирательный законъ, наши обскуранты прилагаютъ къ нему эпитетъ: *революціонный*. Отсюда ясно, въ какомъ направленіи они желали бы измѣнить его. Безсословность, насколько она имъ усвоена, должна уступить мѣсто сословному началу; тамъ, гдѣ это начало представляется недостаточно надежной точкой опоры для ретроградныхъ стремленій—напр. въ большихъ городахъ,—рядомъ съ нимъ долженъ

быть поставленъ высокій имущественный цензъ. Наперекоръ историческому опыту, наперекоръ здравому смыслу проектируется, такимъ образомъ, поворотъ назадъ, наперекоръ торжественному обѣщанію — нарушеніе даннаго и осуществленнаго права. Не можетъ быть, чтобы съ этимъ примирилось народное чувство; не можетъ быть, чтобы милліоны избирателей, голосовавшихъ по совѣсти и крайнему разумѣнію, признали себя виновными и заслуживающими опалы. Примѣненная къ народной массѣ, своеобразная capitis deminutio не достигла бы своей цѣли. Неудовольствіе, ею вызванное, неминуемо обострило бы и безъ того уже крайне натянутое положеніе и заставило бы вернуться на неосторожно оставленную дорогу. Есть, притомъ, предѣлъ, дальше котораго едва-ли рѣшилась бы пойти самая безцеремонная реакція. Еслибы дворянскимъ собраніямъ и было предоставлено выбирать отъ себя представителей въ Государственную Думу, то развѣ можно было бы установить ихъ цифру внѣ всякаго соотношенія съ численнымъ составомъ дворянства? Склонить вѣсы на сторону дворянства новая его привилегія оказалась бы столь же безсильной, какъ и всѣ другія, обязанныя своимъ происхожденіемъ періоду торжества дворянскихъ притязаній. Сословіе, утратившее всякую raison d'être, не съумѣло бы воспользоваться полученною извнѣ властью. Его тщетныя попытки удержать за собою господствующую позицію, извлечь изъ нея, въ ущербъ народу, возможно больше выгодъ, окончательно возстановили бы противъ него массу населенія... Рѣшительно становясь на почву сословности и выводя изъ нея избирательныя права дворянства, нельзя было бы, притомъ, положить конецъ существованію крестьянской куріи, нельзя было бы даже заключить ее въ болѣе тѣсныя рамки. Обезпечить за нею мѣсто, сколько-нибудь соотвѣтствующее дѣйствительному положенію крестьянства въ средѣ населенія, значило бы заранѣе парализовать силу дворянскихъ голосовъ и, возводя одной рукою искусственную сословную постройку, другой рукой подрывать ея основы... Еще менѣе пригоднымъ орудіемъ оказалось бы повышеніе имущественнаго ценза. Не касаясь ни крестьянъ, ни рабочихъ, оно отразилось бы лишь на тѣхъ, сравнительно малочисленныхъ разрядахъ городскихъ обывателей, значеніе которыхъ коренится не столько въ непосредственномъ пользованіи избирательнымъ правомъ, сколько въ вліяніи на умъ и волю избирателей.

Отвергая всякую мысль о внѣ-законномъ—или даже формально законномъ—измѣненіи избирательной системы въ направленіи противоположномъ обѣщаніямъ манифеста 17-го октября, мы не стоимъ, конечно, за неприкосновенность этой системы; наоборотъ, мы считаемъ

ея пересмотръ одною изъ важнѣйшихъ задачъ Государственной Думы. На ближайшую очередь онъ не можетъ быть поставленъ какъ въ виду множества другихъ вопросовъ, болѣе неотложныхъ, такъ и потому, что за изданіемъ новаго избирательнаго закона должно слѣдовать распущеніе Думы и назначеніе новыхъ выборовъ—а въ настоящее время всего опаснѣе было бы повтореніе бездумья, отъ котораго такъ настрадалась Россія. Необходимо, пока, ограничиться подведеніемъ итоговъ двукратнаго опыта и указаніемъ, съ ихъ помощью, наиболѣе слабыхъ сторонъ избирательнаго закона. Отчасти это уже сдѣлано нами выше; остается прибавить еще немногое.

Несомнѣннымъ и крупнымъ недостаткомъ дѣйствующей избирательной системы является ея крайняя пестрота, служащая источникомъ вольныхъ и невольныхъ недоразумѣній. Объясняется она отчасти происхожденіемъ закона, созданнаго не вдругъ, а въ два пріема и при двухъ различныхъ настроеніяхъ, а отчасти недовѣріемъ къ тѣмъ или другимъ категоріямъ избирателей. Отсюда, напримѣръ, включеніе въ составъ городскихъ избирательныхъ съѣздовъ значительнаго числа избирателей, ничѣмъ не связанныхъ съ городомъ; отсюда демаркаціонная черта, отдѣляющая квартиронанимателей отъ лицъ, проживающихъ въ чужой (т.-е. нанятой не на ихъ имя) квартирѣ; отсюда громадное различіе между крупными и мелкими землевладѣльцами. На почвѣ дробныхъ, мелочныхъ, часто неясныхъ опредѣленій широко разрослись сенатскія разъясненія, ставшія возможными именно благодаря казуистичности закона. При другомъ характерѣ избирательнаго права совершенно немыслимы были бы вопросы о правоспособности взрослаго крестьянина, еще не порвавшаго хозяйственной связи съ отцомъ, или профессора, еще не вошедшаго въ составъ нормальнаго университетскаго штата. Развязать всѣ эти ненужные, раздражающіе узлы можетъ только рѣшительный шагъ впередъ по тому пути, на который вступилъ манифестъ 17-го октября. Необходимо ввести всеобщую подачу голосовъ, въ томъ видѣ, въ какомъ она существуетъ во Франціи или Германіи, т.-е. безъ всякихъ ограниченій и стѣсненій, кромѣ вытекающихъ изъ самой ея природы (возрастъ, неопороченность по суду, пребываніе, въ теченіе опредѣленнаго—но отнюдь не слишкомъ продолжительнаго — срока въ мѣстѣ производства выборовъ). Только тогда исчезнетъ неудовольствіе, вызываемое произвольнымъ устраненіемъ отъ участія въ выборахъ; только тогда обнаружится умиротворяющее дѣйствіе избирательнаго права, какъ оплота противъ попытокъ насильственно измѣнить государственное или общественное устройство.

Остановясь на полъ-дорогѣ между всяческими ограниченіями избирательнаго права и всеобщей подачей голосовъ, законодатель занялъ

столь же неопредѣленную позицію и по отношенію къ вопросу о степенныхъ выборахъ. Безусловно отвергнувъ прямые выборы, онъ установилъ нѣсколько различныхъ формъ косвеннаго голосованія. Двухстепенное для горожанъ и для крупныхъ землевладѣльцевъ, оно является трехстепеннымъ для мелкихъ землевладѣльцевъ и для рабочихъ, четырехстепеннымъ — для крестьянской куріи. Въ первомъ случаѣ дѣйствующими лицами оказываются только избиратели (т.-е., избиратели въ тѣсномъ смыслѣ слова, первоначальные избиратели — électeurs primaires, Urwähler) и выборщики, во второмъ—избиратели, уполномоченные и выборщики; въ третьемъ случаѣ—сами избиратели (члены волостного схода) избираются предварительно сельскими сходами. Понятно, что чѣмъ больше, въ сложной избирательной процедурѣ, разстояніе между однимъ изъ ея фазисовъ и ея финаломъ, тѣмъ меньше чувствуется и сознается значеніе избирательнаго акта, тѣмъ равнодушнѣе относятся къ нему его участники. Не говоря уже о сельскихъ сходахъ, слишкомъ отдаленныхъ отъ губернскаго центра— даже волостному сходу, особенно если онъ избранъ не ad hoc, а для обычныхъ, будничныхъ занятій, нелегко проникнуться мыслью, что двумъ его избранникамъ суждено, быть можетъ, оказать вліяніе на составъ народнаго представительства. Немалое усиліе должны сдѣлать надъ собою и уполномоченные отъ волостей, собравшіеся въ уѣздномъ городѣ, чтобы дать себѣ ясный отчетъ въ значеніи своихъ полномочій. Вѣдь выборщики, которыхъ они изберутъ, составятъ лишь небольшую часть губернскаго избирательнаго собранія, составъ котораго не можетъ быть, въ данную минуту, даже приблизительно предугаданъ... Въ еще худшемъ положеніи, чѣмъ члены волостного схода и уполномоченные отъ волостей, находятся мелкіе землевладѣльцы. Члены волостного схода знаютъ, что имъ во всякомъ случаѣ придется выбрать двухъ уполномоченныхъ; уполномоченнымъ отъ волостей съ точностью извѣстно, сколько выборщиковъ они—именно они, безъ участія постороннихъ лицъ—могутъ послать въ губернское избирательное собраніе. Ничего подобнаго нельзя сказать о мелкихъ землевладѣльцахъ. Получивъ приглашеніе на предварительный съѣздъ, мелкій землевладѣлецъ не знаетъ и не можетъ знать, состоится ли съѣздъ, и если состоится, то въ какомъ составѣ; онъ не знаетъ, слѣдовательно, удастся ли съѣзду послать уполномоченныхъ на уѣздное собраніе и если удастся, то въ какомъ числѣ. Эта неизвѣстность, въ связи съ затруднительностью поѣздки, иногда довольно дальней, удерживаетъ многихъ отъ явки на съѣздъ. Явившимся участникамъ съѣзда скоро становится извѣстнымъ, сколько имъ предстоитъ выбрать уполномоченныхъ — но о томъ, какое мѣсто эти уполномоченные займутъ въ уѣздномъ собраніи, до самой послѣдней минуты возможны только догадки:

все зависитъ отъ того, сколько уполномоченныхъ будетъ избрано другими предварительными съѣздами и сколько прибудетъ въ собраніе крупныхъ землевладѣльцевъ. Все это, очевидно, не можетъ способствовать пробужденію и поддержанію интереса къ предварительнымъ съѣздамъ. Замѣтимъ еще, что, съѣхавшись для выборовъ, уполномоченные отъ волостей землевладѣльцы сплошь и рядомъ оказываются совершенно незнакомыми или мало знакомыми другъ съ другомъ—и для насъ станетъ совершенно ясной несостоятельность многостепенныхъ выборовъ.

Двухстепенные выборы не вызываютъ, сами по себѣ, тѣхъ возраженій, которыя мы только-что изложили: но до крайности неудовлетворительна та постановка, которая имъ дана въ дѣйствующей избирательной системѣ. Какъ землевладѣльцы даннаго уѣзда, такъ и избиратели даннаго городского участка могутъ избирать выборщиковъ *только изъ своей среды*. Землевладѣльцы, слѣдовательно, не могутъ подать голосъ за горожанина (или за лицо, искусственно отнесенное къ разряду горожанъ), горожане—за землевладѣльца. Форма ставится выше содержанія; довѣрять дозволяется только тѣмъ, кто носитъ извѣстную кличку. Съ особенною ясностью стѣснительность этого порядка обнаруживается въ большихъ городахъ, гдѣ сосѣдство—вовсе не синонимъ знакомства. Въ Петербургѣ, напримѣръ, можно жить въ одной изъ центральныхъ частей города—а тяготѣть, по своимъ связямъ и занятіямъ, къ одной изъ городскихъ окраинъ. Иногда сознательное отношеніе къ выборамъ затрудняется и значительнымъ числомъ выборщиковъ, которыхъ предстоитъ выбрать: въ нѣкоторыхъ уѣздныхъ съѣздахъ и въ нѣкоторыхъ городскихъ участкахъ оно доходитъ до *семнадцати*. Еще менѣе цѣлесообразнымъ слѣдуетъ признать положеніе, созданное для самихъ выборщиковъ: выбирать членовъ Думы они также должны исключительно изъ своей среды. Можно пользоваться широкой, заслуженной популярностью въ цѣлой губерніи—и не попасть въ члены Думы только потому, что данный уѣздъ послалъ въ избирательное собраніе выборщиковъ другой окраски. Ничего подобнаго мы не видимъ въ другихъ государствахъ, гдѣ существуетъ двухстепенная подача голосовъ. Въ Пруссіи, напримѣръ, депутатомъ можетъ быть избранъ всякій правоспособный пруссакъ, независимо отъ того, гдѣ онъ живетъ и гдѣ пользуется активнымъ избирательнымъ правомъ; въ Австріи требуется только, чтобы избираемый состоялъ избирателемъ въ данной *землѣ* (т.-е. въ одной изъ семнадцати областей, на которыя раздѣлена имперія). Совершенно непонятно, почему составители нашего избирательнаго закона не послѣдовали одному изъ этихъ образцовъ и до крайности стѣснили свободу дѣйствій выборщиковъ. Весь смыслъ двухстепенныхъ выбо-

ровъ заключается въ томъ, что первоначальные избиратели, довѣряя выборщикамъ, какъ бы передаютъ имъ свои голоса, для пользованія ими соотвѣтственно настроенію избирателей. Выборщики не должны идти въ разрѣзъ со взглядами, наиболѣе распространенными среди тѣхъ, отъ кого они получили свои полномочія; но выдающихся представителей этихъ взглядовъ можетъ не оказаться въ средѣ самихъ выборщиковъ, и запрещеніе выходить за ея предѣлы можетъ воспрепятствовать исполненію воли избирателей. Съ двухстепенной подачи голосовъ необходимо снять тѣ путы, которыя безъ всякой надобности наложилъ на нее дѣйствующій избирательный законъ.

Не проще ли, однако, совершенно отказаться не только отъ многостепенной, но и отъ двухстепенной подачи голосовъ, и установить, для выборовъ въ Государственную Думу прямое голосованіе? Мы должны признаться, что не такъ твердо, какъ два года тому назадъ, вѣримъ въ преимущество—для Россіи—косвенныхъ выборовъ передъ прямыми. Дважды повторенный опытъ возбудилъ въ насъ нѣкоторыя сомнѣнія, подробное изложеніе которыхъ мы отлагаемъ до другого раза.

Въ ту минуту, когда мы пишемъ эти строки, составъ второй Думы обрисовался уже съ достаточною ясностью. Отъ состава первой Думы онъ отличается значительнымъ усиленіемъ обоихъ фланговъ, въ ущербъ центру. Изъ 490 депутатовъ, избранныхъ по 16-е февраля, 89 причисляются къ правымъ, 43—къ умѣреннымъ, 48—къ національнымъ партіямъ, 309—къ лѣвымъ. Въ другой классификаціи, болѣе точной, лѣвые въ тѣсномъ смыслѣ слова отдѣлены отъ центра; къ послѣднему, почти совпадающему съ партіею народной свободы, отнесено 85 депутатовъ, къ лѣвымъ—196 (въ томъ числѣ 53 соціалъ-демократа, 31 трудовикъ, 18 соціалъ-революціонеровъ). На самомъ дѣлѣ въ эти предварительныя группировки придется, съ теченіемъ времени, внести значительныя поправки. Такъ называемые безпартійные, встрѣчающіеся теперь и между правыми, и между умѣренными, и между лѣвыми, примкнутъ, большею частью, къ опредѣленнымъ партіямъ—и, можетъ быть, вовсе не къ тѣмъ, къ которымъ они теперь кажутся наиболѣе близкими. Фактически безпартійными придется признать, наоборотъ, представителей численно слабыхъ партій (напр. партій мирнаго обновленія, демократическихъ реформъ, радикальной, христіанскихъ соціалистовъ). Падутъ, по всей вѣроятности, искусственныя перегородки, раздѣляющія „монархистовъ" отъ другихъ правыхъ; уменьшится, безъ сомнѣнія, и число группъ въ лѣвомъ лагерѣ (едва-ли, напримѣръ, трудовики сохранятъ свою обособленность среди соціалъ-демократовъ, народныхъ соціалистовъ и соціалистовъ-

революціонеровъ). Мы едва-ли ошибемся, если скажемъ, что активную роль во второй Государственной Думѣ будутъ играть четыре группы: правая сторона, не признающая конституціи и тяготѣющая къ старому режиму; правый центръ, стоящій, по имени, на почвѣ манифеста 17-го октября, но мало расположенный къ широкому и послѣдовательному развитію началъ, лежащихъ въ его основѣ; лѣвый центръ, стремящійся къ мирному осуществленію права и свободы; лѣвая сторона, готовая разорвать всякую связь съ прошедшимъ и настоящимъ, чтобы создать государство и общество будущаго. Отдѣльно отъ этихъ группъ, заключая съ ними только временные союзы, будетъ стоять польская націоналистическая партія.

Второй Государственной Думѣ, въ бо̀льшей еще степени, чѣмъ первой, свойственны двѣ черты, рѣзко отличающія ее отъ иностранныхъ законодательныхъ собраній: большое число депутатовъ, не принадлежащихъ къ сравнительно зажиточнымъ и образованнымъ классамъ населенія— и большое число приверженцевъ соціализма, въ разныхъ его видахъ. Рабочіе и крестьяне только недавно стали появляться на скамьяхъ западноевропейскихъ палатъ, до сихъ поръ составляя въ нихъ незначительное меньшинство. Въ германскомъ рейхстагѣ соціалисты съ 1903-го по 1906-й годъ располагали приблизительно одною пятою частью общаго числа голосовъ; раньше за ними числилось около одной седьмой, теперь числится не болѣе одной девятой части этого числа. Еще меньше количественная сила соціалистическихъ партій въ другихъ парламентахъ; почти вездѣ она растетъ, но растетъ медленно и постепенно. Сколько соціалистовъ насчитывается во второй Государственной Думѣ— это мы видѣли выше [1]). Еще больше въ ней крестьянъ, принадлежащихъ къ самымъ различнымъ думскимъ группамъ. Чѣмъ объяснить эти уклоненія отъ обычнаго хода событій?

Прежде всего—позднимъ вступленіемъ Россіи въ періодъ конституціонной жизни. Еслибы представительныя учрежденія зародились у насъ въ шестидесятыхъ годахъ, какъ естественное завершеніе „великихъ реформъ", господствующимъ въ нихъ элементомъ неизбѣжно оказались бы дворяне-землевладѣльцы, съ нѣкоторою примѣсью городской интеллигенціи. Изъ среды крестьянъ до верхней ступени самоуправленія, какою былъ бы въ то время русскій парламентъ, поднимались бы весьма немногіе: доказательствомъ этому служитъ составъ тогдашнихъ губернскихъ земскихъ собраній, почти исключительно дворянскій. Въ нѣсколько меньшей степени то же самое явленіе повторилось бы, несомнѣнно, въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, еслибы планъ гр. М. Т. Ло-

[1]) Къ соціалистамъ слѣдуетъ отнести, безъ сомнѣнія, и многихъ изъ „лѣвыхъ", не присвоивающихъ себѣ этого имени.

рисъ-Меликова былъ доведенъ до своего логическаго конца. Идеи соціализма, нашедшія доступъ въ русское общество еще во времена петрашевцевъ, значительно распространившіяся благодаря „Колоколу" и „Современнику", получили, къ концу царствованія Александра II-го, воинствующій характеръ, но не успѣли проникнуть далеко въ глубь народа. Фабричныхъ рабочихъ тогда было еще мало, организація ихъ еще не возникала. Въ средѣ крестьянства непрерывно дѣйствовалъ ферментъ чаянія новыхъ земельныхъ надѣленій, но не угасала надежда, что ихъ иниціативу возьметъ на себя верховная власть. Даже въ половинѣ 90-хъ годовъ, на рубежѣ новаго царствованія, положеніе дѣлъ оставалось еще мало измѣненнымъ, и еслибы тогда осуществились „безсмысленныя мечтанія", то картина народнаго собранія получилась бы совсѣмъ не такая, какую мы видимъ въ настоящее время. Послѣднее десятилѣтіе завершило процессъ созданія новыхъ условій. Крестьянство, болѣе чѣмъ когда-либо безправное, испытало длинный рядъ неурожаевъ, ясно обнаружившихъ его безпомощность. Возраставшее, несмотря на всѣ преграды, развитіе народной массы освѣтило въ ея глазахъ новымъ свѣтомъ причины и послѣдствія тяготѣвшей надъ нею административно-дворянской опеки. Народъ узналъ, что параллельно съ работой сельско-хозяйственныхъ комитетовъ, направленной къ матеріальному и умственному подъему деревни, къ уравненію крестьянъ съ другими сословіями, въ правительственныхъ сферахъ изготовлялись проекты прямо противоположнаго характера. Еще болѣе глубокій переворотъ совершался въ настроеніи рабочихъ, отражаясь, при постоянно усиливающемся общеніи между городомъ и деревней, и на настроеніи крестьянъ. Немалую роль сыграло, далѣе, съ одной стороны традиціонное, порожденное еще крѣпостнымъ правомъ недовѣріе крестьянъ къ помѣщикамъ и вообще къ „барамъ", съ другой—болѣе теоретическое недовѣріе рабочихъ къ состоятельнымъ классамъ общества, приравниваемымъ къ несуществующей у насъ, на самомъ дѣлѣ, буржуазіи. Не осталось, можетъ быть, безъ вліянія и то постановленіе избирательнаго закона, въ силу котораго выборщики-крестьяне должны выбирать одного депутата непремѣнно изъ собственной своей среды. Образовавшемуся, вслѣдствіе этого, ядру депутатовъ-крестьянъ не могла не быть свойственна нѣкоторая притягательная сила; крестьяне стали попадать въ депутаты и сверхъ обязательнаго комплекта, тѣмъ болѣе, что ихъ было много среди выборщиковъ отъ уѣздныхъ землевладѣльческихъ съѣздовъ... Отъ крестьянъ стремленіе имѣть своихъ собственныхъ представителей перешло и къ рабочимъ—и во многихъ мѣстахъ увѣнчалось успѣхомъ.

Пробужденные къ жизни въ моментъ унынія, граничившаго съ отчаяніемъ, пробужденные къ ней тогда, когда исчезли или ослабѣли

прежнія упованія, русскіе крестьяне естественно обратили свои взоры въ ту сторону, откуда всего громче раздавался кликъ: земля и воля! Первая часть этой формулы отвѣчала вѣковымъ грезамъ крестьянства, не угасавшимъ даже въ періоды наибольшаго угнетенія; понять значеніе второй ея части помогли—конечно, сами того не желая,—земскіе начальники... Обѣщаніе земли и воли шло изъ разныхъ источниковъ, между которыми сразу оріентироваться было нелегко. Чѣмъ шире, однако, были открывавшіяся перспективы, тѣмъ больше онѣ влекли къ себѣ обездоленную массу. Неудивительно, что проповѣдь соціализма, особенно въ той ея формѣ, какую выработали наслѣдники народничества, нашла благодарную почву въ русской деревнѣ. Въ нашемъ сельскомъ быту не было тѣхъ устоевъ, съ которыми должна бороться соціалистическая пропаганда на Западѣ: не было крѣпко сложившейся мелкой поземельной собственности, не было высокой земледѣльческой культуры, не было вошедшаго въ привычку уваженія къ чужому праву. Громадную силу надъ умами имѣло воспоминаніе о состоявшемся однажды массовомъ переходѣ земли изъ помѣщичьихъ рукъ въ крестьянскія. Ничѣмъ не смягчалось, поэтому, впечатлѣніе отказа, которымъ министерство Горемыкина отвѣчало на заявленіе первой Думы о необходимости допустить, въ принципѣ, принудительное отчужденіе частновладѣльческихъ земель. Еще меньше препятствій распространеніе соціалистическихъ—или, точнѣе, соціалъ-демократическихъ — взглядовъ встрѣчало въ средѣ рабочихъ, какъ потому, что на почвѣ этихъ взглядовъ началось и продолжалось объединеніе рабочаго класса, такъ и потому, что слабыми, недостаточными и запоздалыми были попытки улучшеній, исходившія отъ правительства. Взятое само по себѣ, освободительное движеніе не столько создало успѣхи соціализма, сколько приподняло завѣсу, скрывавшую ихъ отъ непосвященнаго глаза. Несмотря на всю бдительность цензуры, соціалистическія теченія всегда находили мѣсто въ русской литературѣ; несмотря на всю строгость учебнаго начальства, они давно уже проложили для себя широкое русло въ высшей школѣ. Въ прогрессивныхъ кругахъ русскаго общества они не встрѣчали ожесточеннаго отпора; между либерализмомъ и соціализмомъ у насъ никогда не было той китайской стѣны, какая раздѣляла и отчасти до сихъ поръ еще раздѣляетъ ихъ на Западѣ. Какъ только ослабѣло давленіе сверху, на свѣтъ и вольный воздухъ вышло многое, зародившееся и созрѣвшее во мракѣ.

Какъ отразятся указанныя нами особенности на дальнѣйшемъ ходѣ русской жизни и, въ частности, на дѣятельности второй Думы — объ этомъ пока возможны только догадки. Въ собраніи выборщиковъ намъ случалось слышать такія рѣчи: чтобы пролить надлежащій свѣтъ на то или другое зло, нужно испытать на себѣ его послѣдствія; только

крестьяне, слѣдовательно, могутъ ознакомить Думу съ положеніемъ крестьянства. Въ этомъ есть, безспорно, доля правды; но вѣдь законодательному собранію предстоитъ не только констатировать наличность зла, указать его размѣры, его проявленія, его непосредственные результаты — нужно еще опредѣлить его причины и пріискать способы его устраненія. Для исполненія послѣдней задачи мало однихъ личныхъ переживаній: необходимы разностороннія знанія, необходимъ обширный опытъ. Ораторы, о которыхъ мы говоримъ, этого не отрицали; но имъ казалось, что къ массѣ депутатовъ изъ среды „трудящихся классовъ" достаточно присоединить небольшое число образованныхъ людей, на обязанности которыхъ лежало бы, главнымъ образомъ, редактированіе не ими внушенныхъ законопроектовъ, подведеніе формальныхъ основъ подъ рѣшенія, состоявшіяся безъ ихъ активнаго участія. Въ другихъ собраніяхъ, какъ намъ передавали, высказывались еще дальше идущія мнѣнія: законодательная работа признавалась настолько простой и легкой, что удачно справиться съ нею можно и безъ тщательной подготовки, безъ большого запаса знаній. Еслибы подобные взгляды взяли верхъ, это обѣщало бы мало хорошаго: но мы вѣримъ въ благоразуміе народныхъ представителей, вѣримъ также въ способность русскаго человѣка быстро освоиться съ новымъ для него дѣломъ, и думаемъ, что многочисленность депутатовъ-крестьянъ не отразится неблагопріятно на трудахъ Государственной Думы. Намъ вѣрится, что она не повлечетъ за собой и систематическаго, тенденціознаго пренебреженія къ интересамъ меньшинства: ручательствомъ въ томъ служитъ, въ нашихъ глазахъ, чувство справедливости, въ спокойныя минуты присущее народу.

Въ Государственной Думѣ соціалистическимъ теченіямъ не можетъ не принадлежать широкая свобода выраженія. Необходимо, поэтому, открыто и прямо признать ихъ существованіе, отказаться отъ полицейскаго и судебнаго ихъ преслѣдованія, ввести ихъ въ сферу дѣйствія общаго права. Опасны не идеалы соціализма—опасны средства, пускаемыя въ ходъ для ихъ *немедленнаго*, насильственнаго осуществленія. Опытъ западно-европейскихъ государствъ доказываетъ несомнѣнно, что съ перенесеніемъ борьбы на парламентскую почву эта опасность не растетъ, а уменьшается или исчезаетъ. Можно пожалѣть, что у насъ въ Россіи конституціонная жизнь сразу началась при условіяхъ, которыя на Западѣ слагаются только теперь, послѣ многихъ десятилѣтій; но нельзя игнорировать этотъ фактъ, нельзя отрицать его значеніе. Если репрессіи à outrance оказались безплодными въ то время, когда ничто ихъ не стѣсняло, когда все, повидимому, имъ благопріятствовало, то болѣе чѣмъ странно было бы возлагать на нихъ надежды теперь, когда для „субверсивныхъ ученій" открылся и не можетъ быть вновь закрытъ

выходъ изъ подполья. И нельзя ограничиться однимъ прекращеніемъ гоненій: нужно отказаться отъ предубѣжденій и ближе, sine ira et studio, изучить требованія противниковъ, въ силу стариннаго афоризма: „fas est et ab hoste doceri"—есть чему и у врага поучиться!

Никогда, можетъ быть, несостоятельность системы, опирающейся только на грубую силу и не считающейся съ правомъ, не обнаруживалась, вообще, съ такою ясностью, какъ въ послѣдніе мѣсяцы. Военно-полевыми судами и небывало многочисленными казнями не удалось положить конецъ политическимъ убійствамъ и „экспропріяціямъ"; диктаторскія полномочія градоначальниковъ и генералъ-губернаторовъ не возстановили общественнаго спокойствія; запрещеніе „лѣвыхъ" газетъ не помѣшало распространенію „лѣвыхъ" взглядовъ; „разъясненія" сената, выкидывающія за бортъ десятки или сотни тысячъ избирателей; отказы въ „легализаціи" партій, инструкціи, отводящія привилегированное положеніе партіямъ легализованнымъ, „временныя" правила, явно нарушающія законъ—все это не помѣшало второй Думѣ оказаться еще болѣе оппозиціонною, чѣмъ первая. И вмѣстѣ съ тѣмъ, все это до крайности обостряетъ положеніе, возбуждаетъ страсти, затрудняетъ миролюбивое разрѣшеніе спорныхъ вопросовъ. Когда сдѣлался извѣстнымъ результатъ выборовъ, въ обществѣ мелькнула надежда, что министерство Столыпина, слѣдуя примѣру министерства Витте-Дурново, удалится со сцены еще до открытія Думы. Предполагалось, затѣмъ, что не будетъ повторена прошлогодняя ошибка, въ значительной степени предрѣшившая судьбу первой Думы: предполагалось, что перемѣна произойдетъ не только въ лицахъ, но и въ системѣ. Кабинетъ Горемыкина-Стишинскаго шелъ по стопамъ своего предшественника; иное ожидалось отъ преемниковъ г. Столыпина. Оказалось, однако, что передъ Думой выступитъ министерство безъ думья. На что оно разсчитываетъ: на уступчивость ли народнаго представительства или на его нетерпѣніе и несдержанность—покажетъ ближайшее будущее. Несомнѣнно, въ нашихъ глазахъ, только одно: Думѣ, громадное большинство которой является живымъ протестомъ противъ министерства, слишкомъ трудно подать ему руку для совмѣстной работы... Будемъ вѣрить, что неизбѣжный поворотъ только отсроченъ и что кабинетъ, на которомъ лежитъ такая тяжелая отвѣтственность передъ Россіей, доживаетъ свои послѣдніе дни.

Насиліе безплодно не только тогда, когда идетъ сверху. Если ни къ чему, кромѣ усиленія ненависти, не привели семьсотъ-пятьдесятъ казней по приговорамъ военно-полевыхъ судовъ, то гдѣ же, съ другой стороны, положительные результаты многочисленныхъ политическихъ убійствъ,

совершенныхъ въ продолженіе того же періода времени? Что̀ измѣнилось вслѣдствіе „устраненія“ тѣхъ или другихъ должностныхъ лицъ, вслѣдствіе замѣны однихъ исполнителей другими? Чѣмъ уравновѣшиваются или искупаются человѣческія гекатомбы въ родѣ той, которая еще на дняхъ пала въ Варшавѣ? И если еще недавно извиненіемъ—или объясненіемъ—убійствъ считалось отсутствіе иныхъ формъ протеста, то что̀ можно сказать въ ихъ защиту теперь, когда голосъ общественнаго мнѣнія проникаетъ въ печать, слышится на публичныхъ собраніяхъ и вскорѣ свободно и громко зазвучитъ въ Государственной Думѣ? Не пора ли признать, что бомбы и браунинги—не аргументы, что крови пролито уже слишкомъ много и цѣнность жизни упала уже слишкомъ низко? Россіи, въ переживаемую нами минуту, нужны не мстители за прошлое, а организаторы будущаго, работу которыхъ замедляютъ и затрудняютъ выстрѣлы и взрывы.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 марта 1907.

I.

— Щеголевъ, П. Е. — Изъ исторіи „конституціонныхъ“ вѣяній въ 1879 — 1881 гг. „Былое“. Декабрь, 1906.

Въ этой интересной статьѣ г. Щеголевъ, на основаніи нѣкоторыхъ новыхъ, неизданныхъ или мало извѣстныхъ матеріаловъ, сообщаетъ рядъ свѣдѣній, вносящихъ весьма цѣнныя дополненія къ предложеннымъ нашимъ читателямъ запискамъ гр. П. А. Валуева. Между прочимъ авторъ пользовался нѣкоторой частью дневника Валуева, составляющей, очевидно, продолженіе текста, помѣщеннаго у насъ.

Кавычки при словѣ „конституціонныхъ“ (въ заглавіи статьи) означаютъ, по объясненію г. Щеголева, то, что онъ имѣетъ въ виду исключительно пониманіе идеи представительства, какое существовало въ кругахъ высоко-бюрократическихъ и придворныхъ. „Дѣло въ томъ,—говоритъ г. Щеголевъ,—что въ этихъ кругахъ значеніе народнаго представительства для Россіи всегда—теперь и раньше—или вовсе отрицалось, или, если и признавалось, какъ необходимый выходъ изъ даннаго момента, то принципіально оно считалось отнюдь не противорѣчащимъ идеѣ самодержавія. Поэтому въ бюрократическихъ попыткахъ создать специфически-русскую форму участія народа въ управленіи страной, естественно, не было и тѣни конституціонныхъ началъ. Самое крупное выраженіе конституціонныхъ потугъ высшаго правительства въ концѣ 70-хъ и началѣ 80-хъ годовъ мы видимъ въ проектахъ Валуева, вел. князя Константина Николаевича и графа Лорисъ-Меликова. Нужно, впрочемъ, отмѣтить, что возникновеніе первыхъ двухъ проектовъ относится къ серединѣ 60-хъ годовъ (1863 и 1866 гг.), но въ концѣ 70-хъ годовъ они были вновь выдвинуты и

подверглись обсужденію. Но и эти два, и пресловутый лорисъ-меликовскій никоимъ образомъ не могутъ быть причислены къ конституціоннымъ [1])".

Авторъ приводитъ въ своей статьѣ тотъ проектъ великаго князя Константина Николаевича, который упоминается въ напечатанномъ въ нашемъ журналѣ дневникѣ. Характеръ этого проекта виденъ изъ его исходнаго пункта—обезпечить „дохожденіе всей правды до государя, но безъ малѣйшаго прикосновенія къ священнымъ правамъ самодержавія. Этого можно было бы достичь, по мнѣнію великаго князя, соотвѣтственнымъ развитіемъ трехъ началъ, принципіально уже принятыхъ нашимъ законодательствомъ: 1) права заявленія своихъ нуждъ, предоставленнаго дворянству, земскимъ собраніямъ и городскимъ думамъ; 2) признанія за дворянствомъ права выбирать депутатовъ для объясненія ходатайства дворянства; 3) предоставленнаго департаментамъ государственнаго совѣта права приглашать къ совѣщанію свѣдущихъ постороннихъ лицъ. Какъ проектъ великаго князя, такъ и заключающаяся въ немъ защита его мнѣній, высказывавшихся имъ на „январьскихъ" совѣщаніяхъ (подробныя выдержки приведены въ интересующей насъ статьѣ), заставляютъ признать справедливость оцѣнки, сдѣланной г. Щеголевымъ. Они, дѣйствительно, иллюстрируютъ „дѣтски-наивное отношеніе къ идеѣ народнаго представительства, существовавшее въ высшемъ правительствѣ".

Насъ интересуютъ по преимуществу мысли Валуева. Въ 1881 году (продолжаемъ нить событій, какую можно возстановить по его запискамъ, напечатаннымъ въ нашемъ журналѣ) возобновляются обсужденія вопроса о привлеченіи выборныхъ къ совѣщательному участію въ государственномъ совѣтѣ. 28-го января была представлена Лорисъ-Меликовымъ записка объ образованіи особыхъ подготовительныхъ, съ совѣщательнымъ значеніемъ, коммиссій, составленныхъ изъ представителей вѣдомствъ и выборныхъ отъ земства и городовъ. Валуевъ узналъ о запискѣ Лорисъ-Меликова 1-го февраля и, два дня спустя, записалъ: „Третьяго дня заѣзжалъ ко мнѣ Michel 1-er. Особенно любезенъ... Должно быть, что-нибудь значитъ. И точно, оказывается, что государю угодно, чтобы я участвовалъ въ совѣщаніи, которое должно состояться у Его Величества относительно представленной гр. Лорисъ-Меликовымъ записки. Ближній бояринъ (такъ зоветъ Лорисъ-Меликова Валуевъ) мнѣ ее вчера прислалъ. Монументъ посредственности умствен-

[1]) Записки Валуева и графа Лорисъ-Меликова напечатаны въ конфиденціальномъ правительственномъ изданіи „Предположенія высшаго правительства о привлеченіи избранныхъ отъ населенія лицъ къ законосовѣщательной дѣятельности". Отсюда эти записки, а также и историческій комментарій перепечаталъ г. Берьманскій въ ноябрьской книгѣ „Вѣстника Права" за 1905 годъ [П. Щ.].

ной и нравственной. При наивно-циничномъ самовосхваленіи, при грубомъ кажденіи государю и грубомъ изложеніи разной лжи,—прежняя мысль о какихъ-то редакціонныхъ коммиссіяхъ изъ призывныхъ экспертовъ".

Подъ 4-мъ февраля: „Вчера совѣщаніе у государя.—Цесаревичъ, генералъ-адмиралъ, гр. Адлербергъ, гр. Лорисъ-Меликовъ, князь Урусовъ, Абаза, Набоковъ и я. — Читалась — самимъ гр. Лорисъ-Меликовымъ—его записка. — Затѣмъ обсуждалась. — Нельзя было вчера ставить себѣ вопросъ: qui donc trompe-t-on ici? Отвѣтъ давался заранѣе. — Нельзя было также не замѣтить, до какой степени decipi placet.

„Дѣло кончилось всеобщимъ одобреніемъ предположеній министра внутреннихъ дѣлъ, съ обычными неопредѣленными оговорками насчетъ „предосторожностей", „деталей" и пр.,—и порученіемъ разсмотрѣть эти детали и установить эти предосторожности въ совѣщаніи изъ тѣхъ же лицъ, кромѣ государя, подъ моимъ предсѣдательствомъ. Michel 1-er спросилъ меня, вполголоса, нельзя ли прибавить Сольскаго, какъ редактора, чему я весьма обрадовался, потому что мой трудъ сократится.—Такъ и состоялось.

„Во время нашего сеанса ген.-адмиралъ и Абаза до неприличія льстили гр. Лорисъ-Меликову, что̀ привело, конечно, къ комплиментарно благодарной фразѣ государя, а затѣмъ и къ облобызанію руки Его Величества графомъ умиротворителемъ... Съ моей стороны, весьма кратко упомянувъ о сходствѣ предположеній 1863 и 1879 гг. съ нынѣшними, я только оговорился насчетъ различія между двумя видами ожидавшихся результатовъ... не признавая важности pseudo-мѣстныхъ свѣдѣній и будто бы практическаго свѣта, который будетъ пролитъ на дѣла"...

9-го февраля, по поводу новаго совѣщанія въ лорисъ-меликовскихъ коммиссіяхъ, Валуевъ возмущается поведеніемъ великаго князя по отношенію къ „ближнему боярину" и говоритъ: „Въ остальномъ совѣщаніе было жалко, не безобидно. Всякое разумное сужденіе было невозможно. Рамки, понятія, формулы,—все условно. Истины ни на алтынъ. Пониманіе ограниченное. Сольскій, при своемъ умѣ, прежде всего канцеляристъ. Дѣло на заднемъ планѣ; на первомъ — какъ бы редактировать, что̀ бы то ни было поставлено. Князь Урусовъ думаетъ только о томъ, какъ бы что̀ уторговать или отторговать. Набоковъ блѣденъ, но разсудителенъ въ общемъ итогѣ. Гр. Адлербергъ блѣднѣе всякой блѣдности. Для него совѣщаніе въ родѣ барщины, подлежащей отсидѣнію. Онъ и отсидѣлъ.—И мы правительство!"

Наконецъ, еще послѣ нѣсколькихъ обсужденій, журналъ особаго совѣщанія былъ подписанъ, и государь возвратилъ его съ отмѣткой—

„исполнить". Это значило — изготовить прежде всего въ видѣ правительственнаго сообщенія для напечатанія въ „Правительственномъ Вѣстникѣ".

Конституція Лорисъ-Меликова, во всѣхъ деталяхъ, общеизвѣстна, и мы ограничиваемся упоминаніями о ней лишь для сохраненія необходимой связи между отрывками изъ записокъ Валуева. „Проектъ извѣщенія былъ составленъ 1-го марта,—пишетъ Валуевъ. — Утромъ государь прислалъ за мной, чтобы передать проектъ объявленія, составленный въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, съ порученіемъ сказать о немъ мое мнѣніе,—и если я не буду имѣть возраженій,—созвать совѣтъ министровъ на среду 4-го числа.—Я давно, очень давно видѣлъ государя въ такомъ добромъ духѣ, и даже на видъ такъ здоровымъ и добрымъ. Въ 3-мъ часу я былъ у гр. Лорисъ-Меликова (чтобы его предупредить, что я возвратилъ проектъ государю безъ замѣчаній), — когда раздались роковые взрывы.—Я сказалъ: attentat possible. „Невозможно",—сказалъ гр. Лорисъ-Меликовъ.—Черезъ пять минутъ всѣ сомнѣнія были устранены.—Гр. Лорисъ-Меликовъ уѣхалъ во дворецъ въ саняхъ градоначальника.—Я поѣхалъ туда же по Милліонной. Тамъ тотчасъ узналъ, что надежды уже не было. Государь истекалъ кровью и былъ безъ сознанія. — Члены его семейства прибывали одни за другими"...

Далѣе чрезвычайно интересенъ, въ изложеніи Валуева, разсказъ объ историческомъ засѣданіи совѣта 8-го марта. Свѣдѣнія о немъ, по записи одного государственнаго дѣятеля, были даны въ первой книгѣ „Былого" за 1906 годъ, и въ свое время, на страницахъ „Литературнаго Обозрѣнія" мы сдѣлали довольно обширныя извлеченія изъ этого разсказа. Поэтому дополнимъ его только нѣкоторыми чертами изъ матеріаловъ, которыми пользовался г. Щеголевъ. Живыми и мѣткими штрихами изображаетъ Валуевъ картину засѣданія, отъ котораго зависѣла судьба всей дальнѣйшей политики Россіи. „Великій князь генералъ-адмиралъ былъ себѣ вѣренъ,—т.-е. думалъ и говорилъ полуправду или неправду. Посьетъ былъ противъ предложенія министра внутреннихъ дѣлъ; Сабуровъ произнесъ полуидіотическую рѣчь за это предложеніе, и даже глядѣлъ полуидіотомъ во все время засѣданія; онъ какъ-то совершенно невозможно отозвался о событіи 1-го марта, aura désinvolture. В. довольно складно и съ пріятнымъ выраженіемъ лица сказалъ нѣсколько словъ о томъ, что онъ не имѣетъ установившагося мнѣнія о разныхъ частностяхъ совершенно новаго для него вопроса; но что во всякомъ случаѣ мы не можемъ далѣе управлять, какъ доселѣ управляли. Великій князь Михаилъ къ нему присоединился. Принцъ Ольденбургскій произнесъ нѣсколько привычныхъ словъ о мирѣ, сокращеніи расходовъ и т. п. Наконецъ, князь Ливенъ по-

пытался развить мнѣніе sui generis о лучшемъ устройствѣ „мѣстныхъ управленій". Гр. Барановъ и гр. Адлербергъ молчали".

Въ позднѣйшей припискѣ Валуевъ высказалъ свое общее впечатлѣніе о томъ, насколько будущее направленіе политики было уже предрѣшено Александромъ III: „Хотя государь и предоставилъ всѣмъ высказаться, самъ не высказываясь, но явно было, что его личное мнѣніе уже установилось на точкѣ зрѣнія Побѣдоносцева, заранѣе объяснившагося и согласившагося съ гр. Строгановымъ". Валуеву было ясно, что государь менѣе всего могъ сочувствовать его предположеніямъ, и участь его, какъ государственнаго дѣятеля, при самыхъ скромныхъ преобразовательныхъ намѣреніяхъ, была рѣшена.

II.

— **Щукинскій сборникъ. Выпускъ шестой. Изданіе Отдѣленія Императорскаго Россійскаго музея имени Императора Александра III — Музея П. И. Щукина. М. 1907. Стр. 500 in 4°.**

Какъ и предыдущіе томы, настоящій выпускъ Щукинскаго сборника заключаетъ въ себѣ любопытные и цѣнные матеріалы. Большинство изъ нихъ имѣетъ отношеніе къ исторіи нашего быта и нравовъ, частью восемнадцатаго, а въ большинствѣ случаевъ—девятнадцатаго вѣка. Здѣсь и сборныя церковныя книги, и записки, и воспоминанія неизвѣстныхъ, и автобіографическія, и біографическія замѣтки, и правительственные указы, и письма царствующихъ особъ, и лицъ, занимавшихъ оффиціальное положеніе, и переписка частныхъ лицъ, и факсимиле письма далай-ламы генералъ-адъютанту Линевичу,—словомъ, матеріалъ, который заготовляется впрокъ и когда-нибудь да пригодится—въ разное время разнымъ лицамъ. Есть кое-что не лишенное интереса и въ историко-литературномъ отношеніи и для исторіи нашей общественности. Остановимся прежде всего на копіи съ записки великаго князя Константина Николаевича барону Ф. П. Врангелю 1855 г. Читатели встрѣчались въ запискахъ Валуева съ личностью великаго князя, какъ съ авторомъ одного изъ „конституціонныхъ" вѣяній. Не трудно было замѣтить, насколько несимпатично относился къ нему Валуевъ и насколько, можетъ быть, былъ правъ (еще разъ приходится обратить вниманіе на матеріалы, опубликованные П. Е. Щеголевымъ), считая его несерьезнымъ и малоподготовленнымъ человѣкомъ для проведенія въ жизнь сложныхъ преобразовательныхъ плановъ. Но—audiatur et altera pars. Оставляя въ сторонѣ личный характеръ великаго князя, все, что извѣстно объ его дѣятельности и направленіи ума, свидѣтельствуетъ, что онъ былъ на цѣлую голову выше окру-

жающихъ, яснѣе многихъ понималъ несостоятельность правительственной политики, и въ его доброй волѣ, повидимому, не было недостатка. Но, какъ показываетъ и тотъ документъ, который мы приведемъ ниже, онъ не былъ настолько силенъ и проницателенъ, чтобы освободить себя отъ власти той призмы, сквозь которую дѣйствительность представляется лицамъ его положенія. Онъ чувствуетъ уже невозможность управлять при помощи однихъ начальственныхъ распоряженій, но благодѣтельное вліяніе гласности представляетъ себѣ въ зависимости отъ того же начальственнаго усмотрѣнія. Письмо великаго князя относится къ приснопамятному 1855 г., когда грянувшій громъ заставилъ перекреститься и русское правительство и заговорить объ истинномъ положеніи имперіи.

Письмо это ярко свидѣтельствуетъ, съ другой стороны, и о настроеніи юнаго великаго князя. „Въ одной весьма занимательной запискѣ о нынѣшнихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ Россіи,—пишетъ онъ Ф. Врангелю,—при указаніи причинъ, которыя довели насъ до нынѣшняго бѣдственнаго положенія, между прочимъ сказано: „„Многочисленность формъ подавляетъ у насъ сущность административной дѣятельности и обезпечиваетъ всеобщую оффиціальную ложь.

„„Взгляните на годовые отчеты. Вездѣ сдѣлано все возможное, вездѣ пріобрѣтены успѣхи, вездѣ водворяется, если не вдругъ, то по крайней мѣрѣ постепенно, должный порядокъ. Взгляните на дѣло, всмотритесь въ него, отдѣлите сущность отъ бумажной оболочки, то, что̀ *есть*, отъ того, что̀ *кажется*, *правду* отъ *неправды*, и рѣдко гдѣ окажется прочная, плодотворная польза.

„„Сверху блескъ, внизу гниль. Въ твореніяхъ нашего оффиціальнаго многословія нѣтъ мѣста для истины. Она затаена между строками, но кто изъ оффиціальныхъ читателей всегда можетъ обращать вниманіе на междустрочіе““.

„Прошу ваше превосходительство сообщить эти правдивыя слова всѣмъ лицамъ и мѣстамъ морского вѣдомства, отъ которыхъ въ началѣ будущаго года мы ожидаемъ отчетовъ на нынѣшній годъ, и повторите имъ, что я требую въ помянутыхъ отчетахъ не похвалы и истины, а въ особенности [1]) откровеннаго и глубоко обдуманнаго изложенія недостатковъ каждой части управленія и сдѣланныхъ въ ней ошибокъ, и что тѣ отчеты, въ которыхъ нужно будетъ читать между строками, будутъ возвращены мною съ большою гласностью“.

Нельзя не отмѣтить, впрочемъ, что это настроеніе благодушнаго правительственнаго либерализма не развилось впослѣдствіи во что-либо осязательно-опредѣленное...

[1]) Такъ въ текстѣ Щукинскаго сборника. Слѣдуетъ, вѣроятно: „*а* истины *и* въ особенности“... — Евг. Л.

Далѣе, въ шестомъ выпускѣ помѣщено нѣсколько писемъ разныхъ лицъ къ И. С. Тургеневу, въ томъ числѣ П. В. Анненкова, Ѳ. И. Маслова. Въ письмѣ А. Скачкова (1840 г.) имя Бакунина даетъ нѣсколько штриховъ для характеристики Бакунина; есть упоминанія о Берне, Гейне, Гуцковѣ. Не лишены занимательности нѣкоторыя мѣста изъ письма Анненкова. „Надняхъ (письмо безъ года, изъ Карлсбада) пробѣжалъ оцѣнку Лориса въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ", да сейчасъ же карлсбадской соли кружку выдулъ. И это, какъ вы говорите, руководящая звѣзда и устроительница нашей судьбы теперь. Сколько злобы, мести и призыва къ работѣ когтями, зубами, дробью и картечью. Въ Нюренбергѣ, гдѣ останавливался на день, а прожилъ три за болѣзнью жены, осматривалъ въ зàмкѣ камеру съ разными средствами управленія, бичами, кляпами, пыточными станками—вотъ бы куда запереть Каткова, какой бы диѳирамбъ написалъ молодецъ этотъ и какія бы открытія въ наукѣ умиротворенія и возбужденія добрыхъ чувствъ сдѣлалъ бы".

Въ письмѣ отъ 10-го августа 1881 г. Е. Колбасинъ убѣждаетъ Тургенева писать мемуары. „Вы знаете и сталкиваетесь со всѣми литературными, музыкальными и политическими знаменитостями,—пишетъ онъ,—и ваши воспоминанія о Диккенсѣ, Теккереѣ, и такъ далѣе, и такъ далѣе, будутъ просто драгоцѣнны и, повѣрьте, переживутъ добрую сотню лѣтъ, особенно если вы не станете скупиться на подробности и характеристики, на которыя вы такой мастеръ".

Любопытны нѣсколько документовъ, касающихся князя М. А. Урусова. Въ 1826 г. возникло дѣло о побояхъ, нанесенныхъ поручикомъ княземъ Урусовымъ писарю одной изъ почтовыхъ станцій, и недоплатѣ прогонныхъ денегъ. Въ 1830 и 1833 гг. возникло дѣло о флигель-адъютантѣ князѣ М. А. Урусовѣ, состоявшее въ томъ, что Урусовъ пытался скрыть на таможнѣ разнаго рода драгоцѣнныя вещи, подлежавшія оплатѣ пошлиною, и, при объясненіяхъ своихъ, „нанесъ" управляющему „неблагопристойныя и обидныя слова". Управляющій, какъ видно изъ его объясненія, отвѣчалъ трогательно-кротко и, можно думать, съ видомъ невиннаго агнца, котораго начальственная рука гладитъ по шерсти: „Забываетесь, князь, говорить такія слова тому, которому начальство ввѣрило таможню, и котораго, равно какъ и васъ, одинъ государь императоръ производилъ въ офицерскіе чины; я знаю причину вашего негодованія, о семъ извѣстно будетъ высшему начальству моему". Исторія съ таможней не прошла, какъ можно думать, совсѣмъ безнаказанно для Урусова. Завязалась переписка, въ которой приняли участіе Дубельтъ и Бенкендорфъ, который предложилъ окончить дѣло такимъ образомъ, чтобы не пришлось докладывать о немъ государю императору...

Далѣе, въ 1841 г., флигель-адъютантъ полковникъ князь Урусовъ, вмѣстѣ съ Бутурлинымъ IV, исполняетъ высочайшее повелѣніе по производству разысканій „по дѣлу возмутительнаго духа крестьянъ лифляндской губерніи". Изъ напечатанныхъ въ Сборникѣ всеподданнѣйшихъ рапортовъ видно, что разысканія свои Урусовъ съ Бутурлинымъ производили, „вникая въ смыслъ наиглавнѣйшихъ предмѣтовъ (sic) объясненій, не иначе какъ въ видѣ разговора". А „разговоры" эти шли, въ числѣ прочаго, о томъ, что епископъ рижскій пытался различными обѣщаніями привлечь населеніе къ православію, а крестьяне добивались признанія ихъ собственности на всю землю, не исключая господской. Въ подкрѣпленіе же краснорѣчія при „разговорахъ" и въ огражденіе помѣщиковъ — „въ мѣста, угрожаемыя опасностью, командированы шесть ротъ и ожидается прибытіе ладожскаго егерскаго полка... Изобразивъ, насколько это было возможно въ рамкахъ всеподданнѣйшаго отчета, поистинѣ ужасающее положеніе лифляндскаго крестьянства, флигель-адъютанты-разслѣдователи обвинили во всемъ... рижскаго епископа, соблазнявшаго, по ихъ словамъ, крестьянъ обѣщаніями переселеній и земельныхъ льготъ, если крестьяне начнутъ принимать православіе... Предлагалось и средство успокоить народъ: „помянутое народное волненіе прекратится,—читаемъ мы,—не иначе, какъ при строгомъ себя хотя на время воздержаніи православнаго духовенства не только отъ принятія прошеній, какого бы содержанія они ни были, но даже и стараніемъ удалить себя отъ весьма опасныхъ въ сіе время свиданій съ крестьянами сего края. Таковымъ способомъ, — продолжаютъ они,—могутъ быть въ скорости уничтожены всѣ до сего времени существующія въ народѣ надежды и обѣщанія"... Рѣчами въ этомъ же смыслѣ (приводимыми въ документахъ) успокаивали флигель-адъютанты и лично безземельное и голодное населеніе.

Въ 1846 г. мы видимъ князя Урусова нижегородскимъ военнымъ губернаторомъ. Отблескъ его дѣятельности сохранился въ напечатанной въ томъ же Сборникѣ жалобѣ гр. Н. С. Толстого по поводу даннаго княземъ Урусовымъ приказанія—наказать кучера гр. Толстого розгами „безъ всякаго разбирательства", безчинство же, произведенное казакомъ, исполнявшимъ полицейскія обязанности, было оставлено безъ послѣдствій. По жалобѣ возникла цѣлая полицейская переписка, и дѣло запутали такъ, что гр. Толстому едва-ли не пришлось самому отвѣчать за „доносъ" на казацкія безчинства, чего, какъ выяснила нижегородская полиція, за мѣстными казаками „не замѣчалось". Кончилось тѣмъ, что „по доносу гр. Толстого на казаковъ о дѣлаемыхъ ими притѣсненіяхъ народу" самъ Толстой—„отъ доказательствъ въ сдѣ-

ланномъ имъ доносѣ отказывается и проситъ всякое изслѣдованіе по его письму прекратить"...

Въ этомъ выпускѣ находимъ нѣсколько замѣтокъ и примѣчаній П. И. Щукина. Въ числѣ ихъ раскрыто имя корреспондентки И. С. Тургенева, переписка съ которой помѣщена въ 5-мъ выпускѣ „Щукинскаго Сборника", своевременно отмѣченная нами. Имя корреспондентки Тургенева—баронесса Юлія Петровна Вревская.

III.

— Рубакинъ, Н. А. Чистая публика и интеллигенція изъ народа („Искорки"). Очерки и наброски публициста. Изд. 2-е, значительно дополненное и исправленное. Спб. Книгоиздательство „Паллада". 1906. Стр. 256 in 8°. Ц. 80 к.

Вопросъ объ интеллигенціи подвергается частымъ „переоцѣнкамъ" за послѣдніе годы. Интеллигенціи угрожаютъ, ее бранятъ, то видятъ въ ней тормазъ быстрому разрѣшенію соціальныхъ золъ, то объявляютъ врагомъ отечества,—и каждое опредѣленіе, имѣющее свои внутренніе мотивы, влагаетъ въ понятіе интеллигенціи самое разнообразное содержаніе. И какъ ни вооружаются и ни нападаютъ на нее справа и слѣва, она, какъ гидра, не сдается и на мѣсто одной отрубленной головы подставляетъ двѣ новыхъ, и все шире раздвигается заколдованный кругъ ея вліянія.

Содержаніе понятія, обозначаемаго словомъ „интеллигенція", слишкомъ разнообразно, слишкомъ пестро. Образующіе его признаки трудно, почти невозможно одновременно охватить мыслью, и на первый планъ выступаютъ то одни, то другіе, — чѣмъ и объясняются нападенія на интеллигенцію съ разныхъ сторонъ. Вопросъ требуетъ глубокаго и сложнаго изысканія, и, посвящая свой трудъ изученію русской интеллигенціи, Н. А. Рубакинъ, въ противоположность инымъ современнымъ публицистамъ, менѣе всего думаетъ о гордіевомъ узлѣ. Предпосылая второму изданію своей книги вводную, обобщающую статью, г. Рубакинъ говоритъ о подготовительной работѣ къ своему труду: „Уже много лѣтъ авторъ этой книги собираетъ рукописные и иные матеріалы для характеристики интеллигенціи изъ народа, изъ крестьянъ и фабрично-заводскихъ и другихъ рабочихъ, ея наростанія, ея отчасти разрушительной, но въ особенности же созидательной работы. Герои-созидатели больше всего интересовали автора. И обстоятельства личной жизни, и личныя и заочныя знакомства съ интеллигентами изъ народной среды позволили собрать довольно обширный и поучительный матеріалъ для характеристики этихъ героевъ. Автору этой книги оставалось лишь регистрировать нѣкоторые факты жизни и лишь записывать

то, что̀ ему пришлось увидать своими глазами въ странствованіяхъ по заводамъ, фабрикамъ и деревнямъ, и, по возможности, воспользоваться тѣмъ, что̀ дала довольно обширная переписка съ провинціей".

Уже изъ этихъ словъ видно, что г. Рубакинъ менѣе всего склоненъ къ шаблонному противопоставленію интеллигенціи и народа. Съ этимъ противопоставленіемъ авторъ считается, какъ съ фактомъ уже историческаго прошлаго, которому не будетъ возврата. Но авторъ констатируетъ другое: въ народномъ сознаніи изъ понятія интеллигенціи выдѣлилось представленіе о „чистой публикѣ", которая не должна быть смѣшиваема съ первой. Подъ именемъ „чистой публики" люди, живущіе трудами рукъ своихъ, опредѣлили людей, живущихъ на чужой трудъ, и этимъ выразили существующій въ современномъ строѣ внутренній классовой антагонизмъ.

„За послѣднія десять или даже пять лѣтъ въ народномъ сознаніи произошла глубокая и многозначительная перемѣна. Понятіе „интеллигенціи", такъ сказать, отпочковалось, дифференцировалось отъ понятія „чистой публики". Дифференцировалось рѣзко, опредѣленно и—внушительно. Сначала такая перемѣна произошла въ сознаніи фабрично-заводскихъ рабочихъ, затѣмъ и крестьянъ, начиная съ наиболѣе просвѣщенныхъ и сознательныхъ круговъ ихъ. Правда, старый терминъ „чистая публика" и понынѣ сохранилъ свое прежнее содержаніе, но народное понятіе объ интеллигенціи замѣтно измѣнилось. Прежде всего она стала народу понятной, затѣмъ стала чѣмъ-то близкимъ, а въ настоящее время мы имѣемъ уже цѣлый рядъ фактовъ, съ очевидностью доказывающихъ, что она становится не только чѣмъ-то близкимъ народному сознанію, но и дорогимъ.

Указавъ далѣе на цѣлый рядъ случаевъ въ высшей степени сочувственнаго отношенія къ такъ называемымъ политическимъ, странствующимъ ораторамъ, студентамъ и т. д., г. Рубакинъ продолжаетъ: „Многіе мильоны трудящагося народа несомнѣнно выяснили, уразумѣли, даже если не умомъ, то чутьемъ, что интеллигенція въ сущности есть врагъ чистой публикѣ, а эта послѣдняя, въ свою очередь, врагъ и ей. Какъ всегда и вездѣ, сознаніе прояснилось не сразу и даже очень постепенно, въ полной связи съ ходомъ событій и въ зависимости отъ нихъ. Сначала успѣхи народнаго сознанія народъ формулировалъ такъ; „у господъ-то тоже промежъ себя не ладно". Затѣмъ выяснилось, что „иные-то господа на словахъ за нашего брата стоятъ, а вотъ другимъ это и не того". Событія вскорѣ показали, что у этихъ самыхъ интеллигентовъ иной разъ эти самыя „слова" до такой степени тѣсно связаны со всѣмъ складомъ души, со всею личностью ихъ, что даже и страданія ничѣмъ и нисколько и никогда не въ силахъ заставить этихъ людей молчать и отступиться отъ

своего. Стало очевидно, что есть „среди господъ" и такіе люди, которые поступаются своими выгодами, своими интересами и поступаются не только на словахъ. Широкимъ слоямъ народа это, разумѣется, не могло не казаться долгое время и удивительнымъ, и непонятнымъ, и во всякомъ случаѣ чуднымъ. Но вѣдь фактъ все-таки былъ на лицо, и жестокая дѣйствительность властною рукой втолковывала истину о настоящей интеллигенціи мильонамъ и десяткамъ мильоновъ народа и заставляла отличать интеллигента отъ „чистой публики". Походъ русскаго правительства противъ интеллигенціи во всякомъ случаѣ сдѣлалъ дѣло, несомнѣнно прямо противоположное интересамъ и цѣлямъ самого правительства. Правда, никто не сосчиталъ, да и не можетъ сосчитать тѣхъ страданій, которыя выпали на долю интеллигенціи по винѣ правительства; не приведено въ извѣстность и то, сколько чистой и святой крови имъ пролито. Но такъ или иначе, въ народѣ уже пошелъ новый разговоръ: „у насъ среди господъ есть и свои люди". Эти „свои" окончательно дифференцировались отъ „чистой публики".

Въ то же время въ нѣдрахъ народной души сталъ совершаться и другой, не менѣе знаменательный процессъ: начала зарождаться своя собственная интеллигенція, сознательная, вдумчивая, „неутомимомыслящая", готовая жертвовать собой изъ побужденій идейнаго свойства, боевая. Интеллигенція изъ народа совпадаетъ съ интеллигенціей въ общемъ смыслѣ въ борьбѣ съ „чистой публикой", которая „защищаетъ свою насиженную позицію".

Далѣе г. Рубакинъ останавливается на признакахъ истинно-интеллигентнаго человѣка. „Не всякій мыслящій, даже глубоко-образованный человѣкъ, искренно преданный своему, даже общественно-необходимому дѣлу, имѣетъ нравственное право считаться интеллигентомъ. Прежде чѣмъ называть себя этимъ священнымъ именемъ, необходимо рѣшить цѣлый рядъ вопросовъ. Что̀ собственно представляетъ изъ себя это самое твое образованіе? Какому именно дѣлу ты преданъ хотя бы всей душой? Въ чемъ именно заключается его общественный характеръ? Въ какомъ отношеніи находится и ученость, и это дѣло къ основнымъ задачамъ времени? А такъ какъ во всѣ времена и у всѣхъ народовъ, въ основѣ всей ихъ жизни, какъ умственной, такъ и матеріальной, всегда лежалъ и будетъ лежать прежде всего народный трудъ, народная масса, трудящійся народъ, то главныя, насущныя и основныя задачи времени есть вмѣстѣ съ тѣмъ и основныя нужды трудящагося народа".

Есть и еще одинъ признакъ, по словамъ автора, отличающій истиннаго интеллигента: интеллигентъ прежде всего и всегда борецъ. „Интеллигентъ, не принимающій участія въ борьбѣ,—борьбѣ за осу-

ществленіе основныхъ задачъ своего времени, въ сущности, вовсе не интеллигентъ, такъ какъ въ немъ отсутствуетъ основной признакъ интеллигента—его способность къ борьбѣ. Не проявлять—это то же, что не имѣть того, что̀ слѣдуетъ и что̀ необходимо проявлять. Всякій истинный интеллигентъ обязанъ сознательно, планомѣрно, настойчиво и повсюду проявлять свое основное свойство, свое отличіе отъ чистой публики. Но вѣдь, при нынѣ существующихъ условіяхъ, его проявлять—это и значитъ идти на борьбу и въ борьбу. Не бороться—это значитъ отступать безъ боя. Не отступать — это значитъ бороться".

Что касается очерковъ, появившихся въ 1900 г. подъ общимъ заглавіемъ „Искорки", то въ настоящемъ изданіи они, по словамъ автора, „являются въ значительно дополненномъ видѣ": возстановлены цензурные пропуски, текстъ нѣкоторыхъ статей переработанъ по новымъ матеріаламъ. Но еще болѣе существеннымъ дополненіемъ, кромѣ очерка „Размагниченный интеллигентъ" (впервые былъ напечатанъ въ сборникѣ „На славномъ посту"), является помѣщенный въ приложеніи докладъ, читанный авторомъ на III-мъ съѣздѣ дѣятелей по профессіональному и техническому образованію (1904) и озаглавленный—„Борьба народа за свое просвѣщеніе". Въ ней авторъ характеризуетъ процессъ наростанія въ деревенской средѣ „боевой" интеллигенціи, вырабатывающейся „самоучкомъ".

Мѣтко обрисовавъ ту тяжелую обстановку, въ которой происходитъ народная борьба во имя самообразованія, „за свое право знать, право изучать, право мыслить, право вникать въ свою и окружающую жизнь, въ прошлое, настоящее и будущее по своему разумѣнію и хотѣнію, безъ чужой указки,—г. Рубакинъ опредѣляетъ самообразованіе, какъ своего рода *драму*—житейскую, заурядную, обыденную, иногда какъ трагедію, гдѣ слабый борется съ сильнѣйшимъ... Затѣмъ авторъ переходитъ къ вопросу о томъ, на какой глубинѣ народной массы начинается эта борьба. „Она начинается,—свидѣтельствуетъ онъ,—въ безграмотныхъ слояхъ населенія. Десятками или сотнями тысячъ должны мы считать тѣхъ несчастливцевъ земли русской, которые, обладая свѣтлымъ умомъ и яснымъ сознаніемъ, обладая такими способностями, какими иной разъ не обладаютъ и очень ученые мужи, принуждены существовать „въ безграмотномъ состояніи", не имѣя никакой возможности развить свои духовныя силы. Сколько этихъ зародышей будущей русской интеллигенціи разсѣяно на милліонахъ квадратныхъ километровъ русской земли и глохнетъ, чахнетъ, вымираетъ, не развивая своихъ интеллектуальныхъ силъ, не переводя ихъ изъ потенціальнаго въ кинетическое состояніе. Счастливы тѣ, кто, несмотря на свои способности, примирился со своимъ положеніемъ. Ну, а тому какъ быть, кто съ нимъ не примирился? А такихъ развѣ мало?

Факты говорятъ намъ, что стремленіе къ самообразованію въ неграмотной народной массѣ—явленіе развитое и постоянно наростающее. Оно выражается прежде всего въ поискахъ и погонѣ милліоновъ неграмотныхъ русскихъ людей за живымъ человѣческимъ словомъ, такимъ словомъ, которое способно дать человѣку знанія, матеріалъ для болѣе широкаго и глубокаго размышленія, которое способно оживить мысль, пробудить новое, глубоко жизненное настроеніе, способно передвинуть человѣка вверхъ. Неграмотная толпа, какъ и грамотная, жадно рвется къ живому слову, какъ единственно доступному для нея источнику знанія, пониманія и настроенія. Жизнь богата такого рода фактами, и во всѣхъ нихъ звучитъ очень трогательная нотка".

Не менѣе интересны сообщенія г. Рубакина о тѣхъ „своихъ средствіяхъ", благодаря которымъ народъ добываетъ себѣ грамотность и нужныя знанія. Но здѣсь надо обратиться читателю къ самой книгѣ. Намъ важно было отмѣтить, по указаніямъ такого знатока народной жизни, какимъ является авторъ, знаменательный моментъ въ развитіи народнаго самосознанія, который можно уже конкретно оцѣнивать съ точки зрѣнія „реагированія трудящихся классовъ на окружающую жизнь".

IV.

— Ивановъ-Разумникъ. Исторія русской общественной мысли. Индивидуализмъ и мѣщанство въ русской литературѣ и жизни XIX в. Т. I—II. Спб. 1907. Стр 328 и 494 in 8°. Ц. за оба тома 3 р.

Что̀ такое интеллигенція? Этому вопросу посвящаетъ много страницъ и авторъ названнаго труда. Становясь на философско-этическую точку зрѣнія, г. Ивановъ старается найти правильное опредѣленіе интеллигенціи между народническимъ переоцѣниваніемъ ея значенія и марксистскимъ уничиженіемъ (можно сказать—уничтоженіемъ) ея. Давно пора, полагаетъ авторъ, категорически признать высокую этическую цѣнность и неоспоримый соціальный вѣсъ за этой „высшей и лучшей" частью русскаго культурнаго общества. Развивая признаки, по преимуществу для даннаго вопроса установленные авторомъ „Историческихъ писемъ", г. Ивановъ видитъ опредѣляющее начало интеллигенціи въ творчествѣ новыхъ формъ и идеаловъ, активно проводимыхъ къ цѣли физическаго, умственнаго и нравственнаго развитія и самоосвобожденія личности. „И какъ бы ни былъ малъ абсолютный соціологическій вѣсъ интеллигенціи, но въ ея творчествѣ, въ ея идеалахъ—жизненный нервъ народа, ибо интеллигенція есть, дѣйствительно, о̀рганъ народнаго сознанія и совокупность живыхъ силъ народа. Пусть даже соціологически интеллигенція невѣсома, но безъ ея

творчества, безъ ея идеаловъ всякое „культурное“ общество, всякій могущественный классъ обращается въ толпу „мѣщанъ“...

Книга г. Иванова—одна изъ интереснѣйшихъ книгъ, появившихся за послѣднее время по исторіи умственнаго развитія нашего общества. Она такъ содержательна и возбуждаетъ столько вопросовъ, что въ краткой замѣткѣ нѣтъ возможности на нихъ остановиться, и мы ограничимъ свою задачу указаніемъ господствующей точки зрѣнія, которая опредѣлитъ вмѣстѣ съ тѣмъ и общій характеръ изслѣдованія. Цѣль автора—ввести въ современное общественное сознаніе извѣстное пониманіе философіи русской интеллигенціи. „Исторія русской общественной мысли,—говоритъ авторъ,—исторія русской интеллигенціи: этой формулой яснѣе всего опредѣляется содержаніе лежащей передъ читателемъ книги. Прослѣдить съ наиболѣе общей точки зрѣнія за послѣдовательнымъ развитіемъ общественныхъ, этическихъ и эстетическихъ воззрѣній, преемственно связанныхъ между собою и образующихъ непрерывный рядъ находящихся въ логической связи міровоззрѣній и міровоздѣйствій—это значитъ составить исторію русскаго сознанія, исторію русской общественной мысли; прослѣдить за послѣдовательнымъ развитіемъ и развѣтвленіемъ различныхъ общественныхъ группъ, въ которыхъ безпрерывно совершается процессъ выработки опредѣленныхъ міровоззрѣній,—это значитъ составить исторію русской интеллигенціи. Такова внутренняя сущность и внѣшняя форма содержанія предлагаемой книги“.

Содержаніе книги охватываетъ собою теоретическую постановку вопроса во введеніи, затѣмъ эпоху подготовительныхъ движеній общественныхъ мыслей—„въ преддверіи девятнадцатаго вѣка“, разсматриваемую авторомъ, какъ эпоху „литературнаго мѣщанства“; затѣмъ слѣдуютъ: сентиментализмъ и романтизмъ, какъ та среда, въ которой совершалась борьба съ литературнымъ мѣщанствомъ во имя стремленія отъ абстрактнаго человѣка къ реальной личности; Пушкинъ и Лермонтовъ, знаменующіе собой апогей индивидуализма и анти-мѣщанства въ художественной литературѣ первой половины девятнадцатаго вѣка; тридцатые и сороковые годы (Бѣлинскій, какъ знамя русской интеллигенціи); западники и славянофилы (Герценъ, какъ грань между старымъ и новымъ періодами въ исторіи русской интеллигенціи). Второй томъ посвященъ разсмотрѣнію шестидесятыхъ годовъ (Чернышевскій, Добролюбовъ, Писаревъ), затѣмъ семидесятыхъ (Лавровъ, Михайловскій—апогей соціалистическаго индивидуализма); Толстой и Достоевскій—апогей этическаго индивидуализма; конецъ семидесятыхъ годовъ переходитъ въ эпоху общественнаго мѣщанства восьмидесятыхъ; девяностые годы характеризуются, какъ эпоха „второго великаго раскола русской интеллигенціи“: народничество и марксизмъ; Че-

ховъ и Горькій: раздвоенность обоихъ между индивидуализмомъ и анти-индивидуализмомъ; индивидуалистическій индивидуализмъ (Бердяевъ, Струве, „Проблемы идеализма", Булгаковъ), „въ преддверіи двадцатаго вѣка" (романтическое и реалистическое направленія русской общественной мысли конца девятнадцатаго вѣка).

Борьба индивидуализма съ „мѣщанствомъ"—принципъ, на которомъ построена вся книга. Подъ „мѣщанствомъ" авторъ понимаетъ группу преемственную, внѣклассовую и внѣсословную; анти-мѣщанство является отрицательнымъ опредѣленіемъ интеллигенціи, въ группу которой мѣщане не входятъ. Духовная сущность мѣщанства опредѣляется авторомъ, какъ „этическое мѣщанство", отличительными признаками котораго являются узость, плоскость и безличность, тогда какъ широта, глубина и яркая индивидуальность признаются основными чертами интеллигенціи. „Индивидуализмъ есть приматъ личности—вотъ самое широкое, общее опредѣленіе; индивидуализмъ есть признаніе человѣческой личности первой и главной цѣнностью, индивидуализмъ есть признаніе, что благо реальной человѣческой личности должно служить критеріемъ нашихъ поступковъ, нашего міровоззрѣнія. Каждое міровоззрѣніе неизбѣжно является или индивидуализмомъ, или антииндивидуализмомъ, въ зависимости отъ того, доминируетъ ли въ немъ человѣческая личность надъ другими его элементами, или человѣческая личность является подчиненной какому-нибудь иному элементу міровоззрѣнія. Или—или: tertium non datur"... „Человѣкъ—самоцѣль, такова эта сокращенная формула, которой мы будемъ пользоваться ниже; человѣкъ ни для кого и ни для чего не можетъ быть средствомъ и только средствомъ—таково это общее значеніе принимаемаго нами принципа примата личности; въ этомъ заключается содержаніе этическаго индивидуализма, въ этомъ—рѣшеніе индивидуализма, какъ этической проблемы. Но очевидно, что индивидуализмъ въ то же время есть приматъ личности прежде всего надъ обществомъ; это приводитъ насъ къ индивидуализму, какъ проблемѣ соціологической, къ тому соціологическому индивидуализму, о которомъ мы только-что говорили: три возможныхъ рѣшенія этой проблемы были указаны нами выше. Взаимоотношеніе личности и общества—центральная проблема всякаго міровоззрѣнія, теодицея его; то или иное рѣшеніе этой проблемы будетъ служить намъ аріадниной нитью [при изученіи исторіи русской интеллигенціи, исторіи русскаго сознанія".

Индивидуализмъ служитъ для автора той руководящей нитью, которая ведетъ его по „большой дорогѣ" исторіи русской интеллигенціи; содержаніе этой исторіи интересуетъ автора съ точки зрѣнія развитія въ ней идей индивидуализма. Мѣщанство разсматривается авторомъ, какъ тотъ фонъ, на которомъ и въ борьбѣ съ которымъ

развивалась во имя личности русская интеллигенція. Не переставая велась борьба за широту, глубину и яркость человѣческаго *я*—борьба политическая, соціальная, классовая, борьба противъ „общественности". „Изучить приливныя и отливныя волны этой борьбы, прослѣдить съ этой точки зрѣнія за смѣной и преемственностью теорій и міровоззрѣній—значитъ составить философію исторіи русской интеллигенціи; такова задача этой книги".

Авторъ обладаетъ огромной эрудиціей, необыкновенной ясностью и прямолинейностью взгляда,—тѣми же свойствами отличается и его изложеніе. Но въ то время какъ умственный взоръ его съ необыкновеннымъ искусствомъ разбирается въ обширномъ наслѣдіи прошлаго, душа автора обращена къ творчеству „новыхъ формъ и идеаловъ культурнаго будущаго". И книга его становится субъективной до лиризма—въ предѣлахъ, допустимыхъ, конечно, рамками научнаго изслѣдованія. Авторъ и самъ отмѣчаетъ ея субъективность въ этомъ смыслѣ. „Читатели сами увидятъ, къ какой изъ современныхъ общественныхъ группъ принадлежатъ всѣ симпатіи автора, которому было трудно — если не невозможно—избѣжать субъективнаго освѣщенія изучаемыхъ фактовъ изъ жизни русской интеллигенціи. Изучать эти факты sub specie æterni, съ полнымъ научнымъ безпристрастіемъ—еще не пришла пора"...

V.

— Россія и русскіе. Николая Тургенева. Первое русское изданіе. Часть первая. Портретъ и статьи: Г. Балицкаго и А. И. Герцена. Изданіе „Библіотеки декабристовъ". М. 1907. Стр. 148 in 8°. Ц. 80 к.

— Баронъ А. Е. Розенъ. Записки декабриста. Съ портретомъ и приложеніями. Спб. 1907. Стр. 464 in gr. 8°. Ц. 3 р.

— Собраніе стихотвореній декабристовъ. Т. I. М. 1906. Стр. 323 in 8°. Ц. 3 р.; т. II. М. 1907. Стр. 188 in 8°. Ц. 1 р. 50 к.

Если имя Николая Ивановича Тургенева менѣе извѣстно широкимъ кругамъ читающей публики, чѣмъ имя его отдаленнаго родственника—Ивана Сергѣевича, на что указываетъ г. Балицкій (редакторъ „Библіотеки декабристовъ"), — то его сочиненіе „La Russie et les Russes" (P. 1847), переводъ котораго предлагается въ настоящемъ изданіи, извѣстно всѣмъ, сколько-нибудь интересовавшимся исторіей нашей общественности въ первой половинѣ истекшаго вѣка. Книга эта послужила драгоцѣннѣйшимъ источникомъ для всѣхъ, кто работалъ надъ изученіемъ общественныхъ теченій или такъ-называемыхъ „литературныхъ мнѣній", высказывавшихся наиболѣе выдающимися людьми эпохи по вопросамъ живой современности и культуры. Взгляды

Н. Тургенева явились яркимъ и мѣткимъ отраженіемъ взглядовъ просвѣщеннѣйшей части нашего общества, провидѣвшей не только темныя стороны русской государственной жизни, но и способы борьбы съ ними—на почвѣ просвѣщенія и уничтоженія рабства, самовластительнаго гнета. Его ясный умъ, его благородный порывъ къ свободѣ, его сужденія, основанныя на глубокомъ знаніи и жизненномъ опытѣ, цѣликомъ вошли въ ту атмосферу русскаго либерализма, въ которой зарождались и выростали освободительные идеалы нашего еще сравнительно недавняго прошлаго.

И жаль, что г. Балицкій не далъ себѣ труда выяснить, въ своей вступительной статьѣ, этого громаднаго историческаго значенія книги Тургенева. Это было бы особенно важно теперь, когда, параллельно съ развитіемъ научнаго изученія первой половины XIX вѣка, въ широкой массѣ уже утрачивается свѣжесть непосредственнаго общественнаго преданія,—а книга Тургенева цѣнилась современниками особенно за ту „всецѣлость убѣжденій", въ которой выразились типичнѣйшія черты извѣстнаго склада общественнаго міросозерцанія. И потому въ исторіи нашего либерализма она займетъ по праву видное мѣсто. Но благодарна и та задача, которую взялъ на себя г. Балицкій, посвятившій свою статью очерку нравственныхъ свойствъ Тургенева, въ которомъ онъ видитъ „образецъ" человѣка. Такъ, г. Балицкій выступаетъ, въ значительной части своей статьи, на защиту Тургенева противъ мнѣнія кн. С. Волконскаго (авторъ извѣстныхъ мемуаровъ), дававшаго поводъ заподозрить Тургенева въ неискренности его утвержденій, что онъ, Тургеневъ, никогда не былъ членомъ тайнаго общества.

Сопоставивъ подлинныя слова Тургенева со степенью его возможнаго участія въ дѣлахъ тайнаго общества, г. Балицкій приходитъ къ выводу, что, при фактической бездѣятельности этого общества (таково было мнѣніе Тургенева), послѣдній *не дѣйствовалъ*, какъ *членъ общества*, но лишь въ полномъ *соотвѣтствіи* съ уставомъ общества. „Во всякомъ случаѣ,—говоритъ г. Балицкій,—никакъ нельзя заподозрить искренность его утвержденія. Въ письмахъ къ своимъ братьямъ, гдѣ ему совершенно не надо было скрывать что-либо, онъ неуклонно настаиваетъ, что общества, какъ таковаго, не было, а если были разговоры, то они одинаково велись и въ гостиныхъ, и въ государственномъ совѣтѣ, и не только членами общества, но и всѣми мыслящими людьми".

Обвиненіе Волконскаго выражается главнымъ образомъ въ томъ, что Тургеневъ отрицалъ свою принадлежность къ Сѣверному обществу (послѣ роспуска „Союза благоденствія"). „У насъ нѣтъ положительныхъ данныхъ, доказывающихъ о несомнѣнной его принадлежно-

сти, но мы имѣемъ неуклонное отрицаніе этого факта со стороны самого Тургенева, а этого болѣе чѣмъ достаточно, чтобы повѣрить ему".

Не можемъ не привести, между прочимъ, изъ замѣчательной книги Тургенева мнѣнія его о тайныхъ обществахъ. „Въ такой странѣ, какъ Россія,—пишетъ Тургеневъ,—тайныя общества неизбѣжны; только люди, жившіе въ ней, могутъ правильно представлять затрудненія, которыя встрѣчаетъ тамъ всякая новая мысль. Чтобы спокойно и свободно выражать свои мысли, тамъ необходимо замкнуться въ тѣсномъ кругу лицъ, подобранныхъ съ большой осторожностью. Только при этомъ условіи возможенъ искренній обмѣнъ мыслей, и для насъ, въ нашемъ обществѣ было истиннымъ наслажденіемъ открыто и безъ боязни говорить не только о политическихъ, но и всякихъ другихъ вопросахъ. Нашъ богатый и красивый языкъ, но съ отпечаткомъ дурного соціальнаго строя, облагораживался нашими идеями объ истинѣ, свободѣ и достоинствѣ человѣка".

Русскій текстъ книги сопровождается примѣчаніями фактическаго свойства; приложенъ портретъ; между вступительной статьей г. Балицкаго и текстомъ книги помѣщено Герценовское „Письмо къ императору Александру II".

Изданіе „Записокъ декабриста", сдѣланное съ лейпцигскаго изданія 1870 г., является, по заявленію П. Е. Щеголева въ предисловіи, исправленнымъ отъ корректурныхъ недосмотровъ, но стиль сохраненъ неприкосновеннымъ. Къ „Запискамъ" редакція изданія присоединила разсѣянныя по журналамъ статьи и замѣтки Розена, а также разсказъ П. И. Фаленберга, который, по плану Розена, долженъ былъ войти въ лейпцигское изданіе.

Вступительная статья излагаетъ дѣло слѣдственной коммиссіи о Розенѣ, хранящееся въ государственномъ архивѣ. Исторія участія Розена въ тайномъ обществѣ обнаруживаетъ его уклончивость и сдержанность на допросахъ. „Его нужно причислить къ немногочисленной группѣ тѣхъ декабристовъ, которые сохранили выдержку во время слѣдствія".

Біографія Розена подробно разсказана имъ самимъ въ „Запискахъ" (вплоть до 1870). Но она чрезвычайно обстоятельна въ отношеніи внѣшнихъ чертъ и очень скупа на сообщенія идейнаго и общественнаго характера. Родившись въ обстановкѣ сентиментально-буржуазной семьи, Розенъ былъ благонравнымъ ученикомъ и исправнымъ до педантизма офицеромъ-фрунтовикомъ. Его переходъ на сторону революціонныхъ идей—любопытная загадка. „Можно даже думать, – говоритъ авторъ вступительной статьи,—что его культурный уровень передъ декабрьской катастрофой не былъ весьма высокъ. Врядъ-ли даже при

такомъ страстномъ отношеніи къ службѣ оставалось много времени на удовлетвореніе умственныхъ запросовъ. Правда, женитьба его на Малиновской (въ февралѣ 1825 г.), несомнѣнно, заставила его вдумываться въ смыслъ окружающей его обстановки и тоньше относиться къ своимъ настроеніямъ. Появилась даже какая-то неудовлетворенность. Но это вліяніе женитьбы, конечно, далеко не объясняетъ его перехода на сторону радикаловъ и даже революціонеровъ. Розенъ не былъ членомъ тайнаго общества, и воздѣйствію кружка Рылѣева подвергся лишь въ послѣдній мѣсяцъ и въ незначительной степени. Духъ времени и, быть можетъ, твердое сознаніе своихъ обязанностей по отношенію къ ближнимъ толкнули Розена на революціонный путь. Онъ не могъ противиться вѣяніямъ времени. Намъ не нужно искать особыхъ причинъ его участія въ дѣлѣ: онъ былъ *рядовымъ* декабристомъ. И со всѣми другими рядовыми декабристами (впрочемъ, въ этомъ отношеніи не только съ рядовыми, а и съ вождями) Розена характеризуетъ половинчатость его чувствъ. У него хватило силы заявить себя революціонеромъ въ день 14 декабря, но не хватило силъ примѣнить до конца революціонный методъ дѣйствій. Онъ возмутилъ свою часть роты, привелъ на площадь и ограничился тѣмъ, что удержалъ ее на одномъ мѣстѣ и не осмѣлился двинуть ее на помощь возставшимъ".

Колебанія, вытекавшія изъ глубокаго недоразумѣнія между поверхностно-воспринятыми идеями и истиннымъ характеромъ своихъ убѣжденій, имѣли для Розена трагическій исходъ. Розенъ горько поплатился не за одинъ лишь „эпизодъ" на площади, но за то, что не сразу сумѣлъ найти соотвѣтствовавшій его натурѣ *честный* выходъ изъ борьбы терзавшихъ его внутреннихъ противорѣчій: какъ было помирить формальныя требованія служебнаго долга съ инстинктивно-сознававшимся долгомъ по отношенію къ родинѣ? „Онъ вовсе не былъ революціонеромъ,—говоритъ авторъ введенія далѣе.—Онъ былъ либералъ, преданный монархистъ, убѣжденный защитникъ священнаго начала собственности и врагъ крутыхъ и насильственныхъ мѣръ. Понятно, что, вернувшись изъ Сибири, въ 60—80 годахъ онъ „обожалъ" императора Александра II и несочувственно относился къ современному революціонному движенію, вожди котораго считали декабристовъ за своихъ родоначальниковъ".

Конечно, какъ отмѣчено, болѣе глубокаго пониманія смысла свершавшихся на его глазахъ событій царствованія Александра II трудно было бы требовать отъ человѣка его міросозерцанія вообще, его лѣтъ и тѣхъ испытаній, которыя послала ему судьба.

Знакомясь съ „Записками" Розена, читатели, вѣроятно, обратятъ особое вниманіе на помѣщенное въ настоящемъ изданіи предисловіе

автора къ лейпцигскому изданію 1870 г. Въ немъ выражены мотивы, заставившіе его написать свой трудъ и его основной взглядъ на лица и событія изображенной эпохи.

Въ „приложеніяхъ“ помѣщены, кромѣ разсказа П. И. Фаленберга: „М. Н. Муравьевъ и его участіе въ тайномъ обществѣ 1816—1821 гг.“, „мелкія историческія замѣтки“ (объ Н. Н. Раевскомъ, А. И. Одоевскомъ и др.) и отчетъ „мирового посредника“ Розена за первый годъ приведенія въ дѣйствіе положеній о крестьянахъ. Большая часть матеріала „приложеній“ перепечатана изъ „Русской Старины“.

Къ книгѣ приложенъ портретъ изъ изданія М. М. Зензинова „86 декабристовъ“.

Говоря объ изданіяхъ, посвященныхъ дѣятелямъ декабрьскаго возстанія, нельзя не отмѣтить полезнаго труда И. И. Ѳомина „Собраніе стихотвореній декабристовъ“, второй томъ котораго недавно появился въ печати. Умѣлый выборъ, новизна появленія нѣкоторыхъ стихотвореній и полнота редакцій въ пьесахъ, прежде урѣзывавшихся цензурой,—все это возбуждаетъ живой интересъ и вводитъ въ кругъ чувствъ и настроеній „декабристской“ эпохи. Стихотвореніямъ предшествуютъ краткія статьи пояснительнаго и біографическаго характера. Въ первый томъ вошли стихотворенія: Рылѣева, Одоевскаго, Бестужева-Марлинскаго, Батенкова; во второй: Кюхельбекера, Раевскаго, Бобрищева-Пушкина, Лорера и Муравьева-Апостола. Изданіе сопровождается портретами и съ внѣшней стороны производитъ вполнѣ благопріятное впечатлѣніе. Въ концѣ I-го тома данъ указатель литературы по эпохѣ Александра I и декабристовъ; онъ носитъ, однако, характеръ довольно случайный.

VI.

— Армянская муза. Сборникъ, изданный подъ редакціей Юрія Веселовскаго и проф. Г. А. Халатьянца. Со вступительною статьею „Нѣсколько словъ о новой армянской поэзіи“. М. 1907. Стр. 184 in 8°. Ц. 1 р.

Ю. А. Веселовскому принадлежитъ заслуга первыхъ болѣе или менѣе систематическихъ опытовъ ознакомленія русской публики съ армянской поэзіей. Настоящій сборникъ посвященъ поэтамъ девятнадцатаго вѣка: Р. Патканьяну, Смбатъ Шахъ-Азизу, О. Ованнисьяну, А. Цатурьяну, Леренцу, О. Туманьяну, А. Исаакъяну, М. Бешикташляну, Туріану, Чобаньяну и др. Во вступительной статьѣ г. Веселовскій даетъ общій очеркъ новой армянской поэзіи, которая, какъ и вся современная армянская литература, дѣлится на двѣ главныя вѣтви: восточную (русскіе армяне) и западную (уроженцы турецкой Арменіи и вообще Малой Азіи). Турецко-армянскіе поэты, по словамъ

г. Веселовскаго, на первый планъ выдвигали красоту и изящество формы, иногда въ ущербъ внутреннему содержанію; поэты русской Арменіи, напротивъ, наибольшее вниманіе удѣляли идейному и тенденціозному элементу, и въ то время, какъ первые, въ отношеніи подражаній, обращались къ французской поэзіи, вторые подчинялись вліяніямъ—изъ русскихъ поэтовъ—Пушкина, Лермонтова, Некрасова, а изъ иностранныхъ—Байрона, Шиллера, Гейне и французскихъ поэтовъ, съ идейной окраской (напр., Гюго, Беранже). Разсмотрѣвъ отличительныя особенности наиболѣе видныхъ армянскихъ поэтовъ, переводы которыхъ помѣщены въ книгѣ, г. Веселовскій такъ характеризуетъ армянскую поэзію послѣдняго столѣтія: „Въ общемъ, армянская поэзія XIX вѣка, особенно ея восточная вѣтвь, является самымъ яркимъ отраженіемъ армянской души. На нее положили свой отпечатокъ тѣ безконечныя невзгоды и страданія, которыя въ разное время обрушивались на этотъ народъ, столь жестоко испытанный судьбою. Подобно тому, какъ мотивы армянскихъ народныхъ пѣсенъ проникнуты неподдѣльною, хватающею за душу скорбью и тоскою, которая является отголоскомъ многовѣковыхъ мукъ, искусственная армянская поэзія, развившаяся въ XIX столѣтіи, также носитъ въ значительной степени безотрадную, сумрачную окраску, подъ вліяніемъ новѣйшаго фазиса трагической исторіи того многострадальнаго края, который ассирійцы, парѳяне, римляне, персы, арабы, византійскіе греки, монголы, турки, русскіе столько разъ завоевывали, опустошали, вырывали другъ у друга или дѣлили между собою. Когда же въ народѣ стали пробуждаться порывы къ новой жизни, къ свободѣ, единству и просвѣщенію, поэзія и въ этомъ случаѣ сыграла видную роль, воодушевляя тѣхъ, кто боролся, поддерживая и ободряя слабыхъ и колеблющихся, показывая въ туманной дали будущаго свѣтлый идеалъ, къ которому нужно было стремиться“.

Въ дальнѣйшемъ г. Веселовскій останавливается на вопросѣ о выборѣ стихотвореній. Интересы безпристрастія и желательной полноты вызвали съ его стороны попытку представить „всѣ главнѣйшіе оттѣнки и мотивы новой армянской поэзіи, какъ чисто-идейной, боевой, національной, обличительной, такъ и чисто-художественной, субъективной, полной настроенія, иногда приближающейся къ народному творчеству, иногда навѣянной западными образцами“.

Переводы армянскихъ стихотвореній предложены многими современными русскими поэтами, среди которыхъ встрѣчаемъ имена гг. Бальмонта, Бунина, Бѣлоусова, Чюминой. Оттого ли, что изъ русскихъ переводчиковъ далеко не всѣ, можно думать, переводили съ армянскаго, оттого ли, что среди оригиналовъ было немало такихъ, которые отличались подражательнымъ характеромъ,—но общее впеча-

тлѣніе, производимое армянской музой въ русскихъ переводахъ, блѣдное, неколоритное. Трудно создать себѣ представленіе о тѣхъ чертахъ національнаго генія, который выразилъ бы яркую индивидуальность „армянской народной души". Ни дыханія Востока въ темпераментѣ плавно размѣренныхъ строчекъ, ни той оригинальности образовъ, которую можно подмѣтить въ безыскусственныхъ переводахъ армянскаго народнаго творчества. Картинки природы, любовные мотивы, игра чувствъ и страстей — все это отчасти могло бы быть сочтено или оригинальными пьесами переводчиковъ, или переводами съ любого изъ европейскихъ языковъ (Бальмонтъ, Бѣлоусовъ, Чюмина, Бунинъ, Гриневская, Ю. Веселовскій). Извѣстнымъ, опредѣленнымъ настроеніемъ проникнуты, впрочемъ, переводы г. Ю. Веселовскаго; если отбросить всякую зависимость отъ оригинала, то пальма первенства, по блеску и звучности стиховъ, принадлежитъ, несомнѣнно, г. Бальмонту.

Интереснѣе другихъ въ Сборникѣ г. Веселовскаго стихотворенія, посвященныя Арменіи, оплакивающія ея судьбу, взывающія къ доблести ея сыновъ. Характерны въ этомъ отношеніи стихотворенія Ованнисіана („Умолкли навсегда былыхъ временъ народы"... переводъ г. Бальмонта), „Смерть воина"; изъ стихотвореній Патканьяна: „И теперь намъ молчать?!", „Армянская кровь", „Адресъ Султану отъ лица 36-ти ефенди-измѣнниковъ"; „Сатуріана"—„могучая пѣснь". Приведемъ стихотвореніе П. Туріана „Моя скорбь", въ переводѣ г. Бальмонта:

Я не о томъ скорблю, что, въ жаждѣ сновидѣній,
Источникъ думъ святыхъ изсякшимъ я нашелъ,
Что прежде времени мой нерасцвѣтшій геній
Сломился и поблекъ подъ гнетомъ тяжкихъ золъ;

И не согрѣлъ никто горячимъ поцѣлуемъ
Ни блѣдныхъ устъ моихъ, ни блѣднаго чела;
И, счастья не познавъ, любовью не волнуемъ,
Смотрю,—ужъ предо мной зіяетъ смерти мгла...

Я не о томъ скорблю, что нѣжное созданье,—
Букетъ изъ красоты, улыбки и огня,—
Не усладитъ мое послѣднее страданье,
Лучомъ своей любви не озаритъ меня...

Я не о томъ скорблю... Нѣтъ, родинѣ несчастной—
Всѣ помыслы мои... О ней моя печаль!
Не въ силахъ ей помочь, томясь тоской напрасной,
Безвѣстно умереть,—о, какъ мнѣ жаль, какъ жаль!

Во всякомъ случаѣ, работа г. Веселовскаго заслуживаетъ самаго живого сочувствія. Не его вина, что осуществленіе ея встрѣчаетъ еще, можетъ быть, непревзойденныя трудности. Общее впечатлѣніе

объ армянской музѣ читатель выноситъ изъ его книги, и это обезпечиваетъ послѣдней почетное мѣсто въ русской литературѣ о національномъ творчествѣ культурной Арменіи.—Евг. Л.

VII.

— Библіотека великихъ писателей. Подъ редакціей С. А Венгерова. Пушкинъ. В. I. Изданіе Брокгаузъ-Ефрона. Спб. 1907 г. 160 стр. in gr. 8°. Ц. 1 р. 50 к.

Новое изданіе Брокгаузъ-Ефрона подъ редакціей С. А. Венгерова является продолженіемъ серіи, въ которую вошли уже Шиллеръ, Шекспиръ и Байронъ. Но планъ изданія Пушкина представляется редактору значительно шире: оно должно отвѣчать особенной полнотѣ, детальности и тщательности. Считая основной чертой—возможно болѣе полный и обстоятельный комментарій, редакція, по ея заявленію, „въ такой же степени стремится быть собраніемъ сочиненій Пушкина, какъ и изслѣдованіемъ его жизни и творчества". Соотвѣтственно съ этимъ изданіе намѣрено дать: 1) отдѣльные этюды о каждомъ моментѣ біографіи поэта; 2) этюды о тѣхъ друзьяхъ и знакомыхъ Пушкина, съ которыми онъ особенно былъ близокъ; 3) этюды о литературномъ вліяніи на Пушкина писателей русскихъ и иностранныхъ; 4) историко-литературныя введенія къ каждому изъ стихотвореній; 5) пояснительныя примѣчанія къ каждому изъ небольшихъ стихотвореній. Редакція задается цѣлью сдѣлать изъ будущаго изданія „своего рода Пушкинскую энциклопедію, гдѣ должно найти мѣсто все, что̀ служитъ къ уясненію жизни и творчества великаго поэта". Въ связи съ общимъ планомъ изданія редакція предполагаетъ дать большое число иллюстрацій, при чемъ многое, какъ заявляется во введеніи, „разыскано для настоящаго изданія".

Трудную задачу установленія Пушкинскаго текста редакція отказывается свести къ одному какому-нибудь общему для всего изданія принципу. Предполагая дать при каждомъ томѣ объяснительную статью по исторіи текста вошедшихъ въ него произведеній, редакторъ полагаетъ, что тотъ или иной принципъ можетъ быть избранъ лишь на основаніи изслѣдованія каждаго частнаго случая. Въ отношеніи правописанія редакція предполагаетъ держаться Пушкинской орѳографіи. Нѣкоторый историческій колоритъ въ этомъ отношеніи представляется редакціи необходимымъ для того круга читателей, для котораго по преимуществу предназначается настоящее изданіе. Цѣль послѣдняго—ввести читателя въ интересы историко-литературнаго изученія.

Первый выпускъ заключаетъ въ себѣ юношескія стихотворенія Пушкина (оканчиваются романсомъ „Подъ вечеръ осени ненастной",

1814 г.) съ обширными и чрезвычайно обстоятельными примѣчаніями, и рядъ статей, написанныхъ такими спеціалистами по Пушкину, какъ Б. Л. Модзалевскій („Родъ Пушкина“—въ основу положены матеріалы, собираемые авторомъ для возстановленія полной родословной Пушкиныхъ и Ганнибаловъ), С. А. Венгеровъ („Дѣтство Пушкина“), Н. О. Лернеръ („Пушкинъ въ лицеѣ“; „Сестра Пушкина“), П. О. Морозовъ („Пушкинъ и Батюшковъ“); кромѣ нихъ дали статьи и замѣтки Е. Балобанова („Пушкинъ и Оссіанъ“), Н. Пиксановъ, З. А. Венгерова и др.

Въ художественномъ отношеніи первый выпускъ производитъ вполнѣ благопріятное впечатлѣніе: обиліе иллюстрацій, снимковъ съ портретовъ, съ гравюръ, временами рѣдкихъ, съ автографовъ, съ карандашныхъ и акварельныхъ рисунковъ, заставки, виньетки, концовки—все это свидѣтельствуетъ о добросовѣстной работѣ по части выбора матеріала, своею стильностью усиливающаго эффектъ историческаго колорита. Намъ хотѣлось бы видѣть больше разнообразія въ шрифтахъ, и прежде всего, чтобы текстъ стихотвореній Пушкина болѣе выдѣлялся и не тонулъ въ страницахъ обширныхъ примѣчаній и статей.—W.

VIII.

— Вопросы колонизаціи. Сборникъ статей. Редакція О. А. Шкапскаго № 1. Спб. 1907. Ц. 2 р.

Подъ этимъ заглавіемъ изданъ въ свѣтъ пробный нумеръ періодическаго изданія, посвященнаго вопросамъ колонизаціи въ Россіи. Мысль о такомъ изданіи зародилась среди разбросанныхъ въ азіатской части имперіи работниковъ переселенческаго дѣла, собравшихся въ февралѣ мѣсяцѣ прошлаго года въ Петербургѣ. Журналъ долженъ, съ одной стороны, удовлетворить потребности самихъ работниковъ въ нравственной поддержкѣ и въ знакомствѣ „съ общимъ ходомъ переселенческаго, вѣрнѣе—колонизаціоннаго дѣла, и съ частными сторонами его“; съ другой—держать въ курсѣ переселенческаго дѣла все русское общество. Изъ помѣщенныхъ въ сборникѣ статей видно, какъ широко ставятся редакціей задачи предлагаемаго изданія. Главныя статьи въ сборникѣ посвящены вопросу о столкновеніи въ степяхъ Азіи переселенцевъ изъ Россіи, ищущихъ земли для приложенія своего труда, и туземцевъ, защищающихъ степи, считаемыя ими своими, отъ захвата пришельцами. Сущность даннаго вопроса заключается въ томъ, что осѣдлый хлѣбопашецъ, гонимый малоземельемъ изъ одной части имперіи въ другую, встрѣчаетъ тамъ кочевниковъ, пользующихся огромными площадями земли и, во имя кочевого своего быта,

протестующихъ противъ занятія части ея для обработки переселенцами. Можно ли считать правильными претензіи на то, чтобы при вопіющемъ малоземельи въ однѣхъ частяхъ имперіи—въ другихъ была сохраняема роскошь кочевого хозяйства? Туземцы восточныхъ степей въ своихъ протестахъ противъ переселенцевъ основываются, впрочемъ, и на историческихъ правахъ своихъ на землю. „Требованія киргизъ—говоритъ г. Хворостянскій,—предъявленныя въ петиціяхъ представителей разныхъ волостей, идутъ по двумъ направленіямъ. Болѣе умѣренное сводится къ немедленному прекращенію переселенія и предварительному землеустройству самихъ киргизъ, съ предоставленіемъ имъ вотчинныхъ правъ на землю. Эти петиціи не сходятъ съ почвы закона 1868—91 г., объявившаго территорію государственной собственностью, и не отказываютъ государству въ использованіи остатковъ отъ землеустройства. Второе, болѣе радикальное направленіе настаиваетъ на признаніи историческихъ правъ Киргизіи, какъ окраины, и, кромѣ прекращенія переселенія, выставляетъ требованіе, по крайней мѣрѣ, о выкупѣ земель, отведенныхъ уже переселенцамъ, если не объ обратномъ выдвореніи ихъ въ предѣлы собственно Россіи“ (стр. 54).

Основаніе для благополучнаго разрѣшенія вопроса о примиреніи интересовъ пришельцевъ и туземцевъ разсматриваемый нами сборникъ находитъ въ томъ, что послѣдніе не составляютъ однороднаго цѣлаго съ однообразными у всѣхъ интересами. Подъ формой патріархальнаго быта скрываются феодальныя отношенія, причемъ интересы богатаго меньшинства заключаются въ сохраненіи ихъ экономическаго преобладанія и эксплуатаціи возможно большей площади земли; а интересы трудового большинства требуютъ упроченія ихъ положенія, какъ самостоятельныхъ земледѣльцевъ. И такъ какъ азіатскіе кочевники переходятъ уже къ хлѣбопашеству, а при воздѣлываніи земли данная площадь можетъ вмѣстить большее число работающихъ, нежели въ кочевомъ быту, то и открывается полная возможность такого землеустройства, при которомъ получатъ удовлетвореніе интересы и мѣстныхъ, и пришлыхъ трудовыхъ элементовъ населенія. Существующія попытки распространенія среди кочевниковъ въ степныхъ областяхъ Сибири хлѣбопашества показываютъ, что послѣднее дѣйствительно „демократизируетъ степь, уменьшаетъ количество богачей и упрочиваетъ благосостояніе большинства. Поэтому опасенія киргизскихъ „представителей“ и киргизофиловъ, что съ потерей безграничныхъ пастбищъ для кочевого скотоводства киргизскій народъ обрекается на обнищаніе и вымираніе, основаны или на недоразумѣніи, или на побужденіяхъ, ничего общаго съ благомъ народа не имѣющихъ“ (стр. 80); (не слѣдуетъ забывать, что съ оффи-

ціальными заявленіями разнаго рода выступають члены знатныхъ и богатыхъ слоевъ инородцевъ, а не сѣрая масса послѣднихъ). Въ ряду запросовъ мѣстной жизни — говорится въ другой статьѣ г. Шкапскаго—„первое мѣсто занимаетъ вопросъ о созданіи такого строя, при которомъ осѣдающій и осѣвшій киргизъ былъ бы обезпеченъ въ своихъ правахъ на землю и могъ бы вести хозяйство, не будучи зависимымъ ни отъ манапства, этого сильнаго пережитка кара-киргизскаго феодализма, ни отъ какихъ-нибудь другихъ общественныхъ классовъ, созданныхъ дифференціацией киргизской жизни" (стр. 47). При такой экономической политикѣ по отношенію къ туземцамъ на обширныхъ нашихъ степяхъ въ Азіи найдется мѣсто и русскимъ переселенцамъ. Переселенческій вопросъ и вопросы быта населенія нашихъ владѣній не представляются поэтому двумя отдѣльными предметами. „На переселеніе крестьянъ нельзя смотрѣть только какъ на переселеніе. Это явленіе народной жизни надо разсматривать какъ факторъ колонизаціи слабо населенныхъ и слабо использованныхъ для цѣлей народнаго хозяйства окраинъ. А разъ такъ, то нельзя игнорировать запросы этихъ послѣднихъ. Надо брать совокупность всѣхъ факторовъ мѣстной жизни, при которомъ получали бы удовлетвореніе и запросы мѣстнаго населенія и явилась бы возможность дальнѣйшаго заселенія окраинъ" (стр. 49).

Изъ другихъ статей разсматриваемаго сборника укажемъ на статью г. Скалова: „Опытныя поля въ колонизуемыхъ районахъ". Авторъ обращаетъ вниманіе на фактъ отсутствія изслѣдованій колонизуемыхъ районовъ въ сельско-хозяйственномъ отношеніи, послѣдствіемъ чего является примѣненіе переселенцами несоотвѣтствующихъ пріемовъ культуры, быстрое истощеніе почвы и забрасываніе поселенцами недавно полученныхъ участковъ. Послѣдствіе нераціональнаго земледѣлія еще сильнѣе почувствуется, когда населеніе размножится. Для предупрежденія этихъ непріятныхъ явленій представляется необходимымъ, чтобы общественныя агрономическія учрежденія теперь же занялись спеціальными изслѣдованіями колонизуемыхъ степей и производствомъ агрономическихъ опытовъ въ видахъ начертанія системъ хозяйства и полеводства, отвѣчающихъ естественнымъ условіямъ мѣстности. Пора перестать смотрѣть на переселеніе въ Сибирь лишь какъ на отводный каналъ для избыточнаго земледѣльческаго населенія европейской Россіи; вновь колонизуемые районы заслуживаютъ столь же участливаго къ себѣ отношенія, какъ и прочія части обширной нашей страны. Какъ бы въ отвѣтъ на эти разсужденія, въ сборникѣ помѣщена большая статья г. Людевига о почвенныхъ изслѣдованіяхъ въ Амурской области.

Довольно много мѣста отведено въ разсматриваемомъ нами изда-

ніи хроникѣ переселенческаго дѣла. Здѣсь мы находимъ, между прочимъ, замѣтку о движеніи переселенцевъ въ первую половину 1906 г. и о колонизаціонномъ фондѣ въ азіатскихъ владѣніяхъ Россіи. Свѣдѣнія о послѣднемъ предметѣ интересны, между прочимъ, въ томъ отношеніи, что ими наглядно рисуется степень пригодности свободныхъ азіатскихъ земель для колонизаціи; изъ числа обслѣдованныхъ 45 милліоновъ десятинъ, пригодными для зачисленія въ колонизаціонный фондъ признаны всего 11 милл. дес., или менѣе 25%. Но не достаточно назначать землю для поселенцевъ; нужно еще сдѣлать удобнымъ пользованіе ею. Эта же сторона переселенческаго дѣла, какъ видно изъ другой замѣтки хроники, поставлена весьма неудовлетворительно, и причины сказаннаго авторъ видитъ въ томъ, что переселенія не были самостоятельнымъ предметомъ правительственныхъ заботъ. „За переселенческимъ вопросомъ всегда видѣли другія стороны народной жизни, и политику правительства опредѣляли взгляды на эти послѣднія, а не соображенія о наилучшемъ устройствѣ тѣхъ тысячъ крестьянъ, которые ушли изъ родной деревни и интересы которыхъ поэтому отступали на второй планъ. Заботились о возможномъ расширеніи колонизаціоннаго фонда, а о томъ, какъ новоселы будутъ справляться съ новыми жизненными условіями, не думалъ никто“ (стр. 237) Оттого-то переселенческіе участки сплошь и рядомъ оказывались лишенными дорогъ, воды и т. п., и 40% душевыхъ долей, готовыхъ для переселенцевъ къ 1906 г., остаются по этой причинѣ незанятыми. Изъ отчета о совѣщаніяхъ чиновъ переселенческой организаціи въ январѣ и февралѣ мѣсяцахъ 1906 г. мы узнаемъ, что на указанные выше недостатки переселенческаго дѣла обращено вниманіе, и совѣщаніе высказало по данному вопросу взгляды, развиваемые и въ сборникѣ статей, которому посвящена настоящая замѣтка. Переселенческое управленіе приняло эти взгляды, что̀ выразилось и въ его смѣтѣ расходовъ на 1907 г. Смѣта составлена въ суммѣ 20 милл. р.— слишкомъ въ 4 раза болѣе смѣты 1906 г. На расходы по опытнымъ полямъ назначено около 450 тыс. руб., на дорожно-строительную часть— $2^1/_3$ милл. руб., на гидротехническія мелioраціи—около $1^1/_2$ милл. р., на врачебную часть—болѣе $2^1/_3$ милл. руб., на ссуды переселенцамъ— $8^1/_2$ милл. руб. Въ библіографическомъ отдѣлѣ „Вопросовъ колонизаціи“ помѣщены разборы нѣсколькихъ книгъ и статей о переселенческомъ дѣлѣ.

Закончимъ нашу замѣтку о новомъ изданіи пожеланіемъ, чтобы оно привлекло къ себѣ вниманіе общества и скорѣе превратилось въ періодическій органъ. Теперь, когда задача устройства нашего общественнаго быта изъ рукъ бюрократіи переходитъ въ руки общества, правильныя понятія общества о задачахъ колонизаціи русскихъ азіат-

скихъ владѣній и близкая его освѣдомленность о ходѣ переселенія и положенія колонизаціоннаго дѣла составляютъ необходимое условіе надлежащей постановки и разрѣшенія соотвѣтствующихъ вопросовъ.

IX.

— П. Г. Мижуевъ. Документальная исторія одной стачки. Спб. 1907. Ц. 80 к.

Эта книжка содержитъ извлеченіе изъ обширнаго и весьма обстоятельнаго доклада коммиссіи, назначенной президентомъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ для изслѣдованія всѣхъ обстоятельствъ знаменитой желѣзно-дорожной стачки въ Чикаго въ 1894 г. Содержаніе книжки составляетъ, главнымъ образомъ, выясненіе отношенія синдикатовъ капиталистовъ къ рабочему классу; и потому, что эти отношенія рисуются на данномъ конкретномъ примѣрѣ, авторъ не безъ основанія назвалъ свою книжку предметнымъ урокомъ изъ области политической экономіи. Желѣзно-дорожная стачка въ Чикаго объявлена была ассоціаціей желѣзно-дорожныхъ рабочихъ для поддержанія требованій рабочихъ пульмановскаго общества сооруженія спальныхъ вагоновъ, вступившихъ въ стачку для возстановленія нормы заработной платы, пониженной компаніей. Союзъ желѣзно-дорожныхъ рабочихъ рѣшилъ прекратить работу въ поѣздахъ съ пульмановскими вагонами. Это затрагивало интересы ассоціаціи желѣзныхъ дорогъ, проходящихъ черезъ Чикаго или здѣсь заканчивающихся. Какія силы вступили при этомъ въ борьбу, видно изъ того, что союзъ желѣзнодорожныхъ рабочихъ охватываетъ 150 тысячъ членовъ; а въ составъ ассоціаціи желѣзно-дорожныхъ предпринимателей входятъ 24 желѣзнодорожныхъ компаніи, общимъ протяженіемъ въ 60 тысячъ верстъ; число служащихъ на этихъ дорогахъ превышаетъ 200 тысячъ человѣкъ; капиталъ ассоціаціи равняется 4 милліардамъ рублей, а валовой доходъ—650 милл. руб.—приближается къ бюджету немаленькаго итальянскаго королевства! Чикагская стачка, поведшая къ прекращенію движенія проходящихъ черезъ Чикаго желѣзныхъ дорогъ, считается самой разорительной изъ новыхъ стачекъ: по приблизительнымъ подсчетамъ страна потеряла отъ нея 160 милл. рублей. Борьба окончилась пораженіемъ рабочихъ, обусловленнымъ не столько, можетъ быть, мѣрами желѣзнодорожниковъ, замѣнившихъ стачечниковъ всякимъ сбродомъ, преимущественно изъ европейскихъ эмигрантовъ,—сколько вмѣшательствомъ федеральнаго суда, неожиданно примѣнившаго къ стачечникамъ законы, изданные для обузданія синдикатовъ капиталистовъ, и засадившаго руководителей стачки въ тюрьму.

Законы эти оказались безсильными для защиты общества отъ ста-

чекъ капиталистовъ—и могущественными для порабощенія капиталу рабочихъ.

Исторія чикагской стачки представляетъ тотъ общественный интересъ, что она наглядно показала, съ одной стороны, какими опасностями могутъ грозить всему обществу чисто мѣстныя, повидимому, столкновенія капиталистовъ и рабочихъ, съ другой—выяснила тенденціи организацій капиталистовъ въ отношеніи подчиненныхъ имъ рабочихъ и средства, которыя находятся въ ихъ распоряженіи для порабощенія послѣднихъ. Увѣренная въ своей силѣ, пульмановская компанія отвергла предложенія о передачѣ своего спора съ рабочими на разрѣшеніе третейскаго суда, несмотря на то, что такія предложенія исходили отъ „Федераціи гражданъ г. Чикаго", составленной изъ людей, занимающихъ выдающееся положеніе, и отъ городскихъ головъ пятидесяти большихъ городовъ Соединенныхъ Штатовъ. Равнымъ образомъ и „Ассоціація желѣзно-дорожныхъ предпринимателей" отвергла предложеніе союза желѣзно-дорожныхъ рабочихъ о прекращеніи стачки на условіи сохраненія за всѣми въ ней участвующими прежнихъ мѣстъ на дорогахъ; а когда то же предложеніе, по просьбѣ союза желѣзно-дорожныхъ рабочихъ, вторично было передано ассоціаціи предсѣдателемъ американской „Федераціи труда", объединяющей полмилліона рабочихъ, совмѣстно съ головою города Чикаго, представитель хозяевъ возвратилъ пакетъ, даже его не распечатавъ. Въ своихъ положеніяхъ передъ коммиссіей этотъ представитель вопросами членовъ коммиссіи приведенъ былъ къ сознанію, что дѣйствіями ассоціаціи руководило намѣреніе „сокрушить стачку". Неудивительно, если „авторитетные истолкователи американской общественной жизни считаютъ эту стачку эрой въ экономической и соціальной жизни республики, такъ какъ она показала какъ нельзя болѣе рѣзко опасность непомѣрно развившейся силы крупнаго капитала и его готовность злоупотреблять этой силой въ ущербъ жизненнымъ интересамъ народа, если онъ не встрѣчаетъ достаточнаго отпора со стороны организованныхъ рабочихъ и общественныхъ властей". Задачей коммиссіи, назначенной президентомъ Соединенныхъ Штатовъ, и было указаніе средствъ для предупрежденія на будущее время распрей между капиталистами и рабочими, подобныхъ чикагской стачкѣ. Коммиссія разсматривала этотъ вопросъ лишь относительно желѣзно-дорожныхъ предпріятій и предложила учрежденіе постоянной правительственной коммиссіи для разслѣдованія раздоровъ, возникающихъ между желѣзными дорогами и ихъ рабочими, съ тѣмъ, чтобы заключенія этой коммиссіи получали, при посредствѣ суда, обязательную силу. Коммиссія, изслѣдовавшая обстоятельства чикагской стачки, высказала также мнѣніе о необходимости готовиться къ тому, что когда объединеніе

желѣзно-дорожныхъ обществъ завершится образованіемъ полудюжины компаній, распредѣлившихъ между собой всю желѣзно-дорожную сѣть — долженъ быть поставленъ вопросъ о выкупѣ дорогъ въ казну.

X.

— Статистика землевладѣнія 1905 г. Вып. I—XI. Спб. 1906 г.

Во всѣхъ разсужденіяхъ и работахъ относительно того, какъ разрѣшить крайне острый аграрный вопросъ, нашимъ партіямъ, изслѣдователямъ и отдѣльнымъ лицамъ, интересующимся предметомъ, приходится оперировать надъ устарѣлымъ матеріаломъ о землевладѣніи. Поэтому, нельзя не быть признательными директору центральнаго статистическаго комитета, ген.-маіору Золотареву, за его попытку—обновить свѣдѣнія по этому предмету. Не получивъ кредита на дѣло, г. Золотаревъ не почелъ возможнымъ собрать свѣдѣнія о землевладѣніи путемъ прежнихъ изслѣдованій этого рода, т.-е. обращеніемъ за ними къ каждому владѣльцу земли, и поручилъ доставить соотвѣтствующія данныя губернскимъ статистическимъ комитетамъ, не указывая имъ метода собиранія свѣдѣній, а лишь требуя, чтобы они обращались при этомъ къ содѣйствію казенныхъ палатъ, и чтобы свѣдѣнія были провѣрены по окладнымъ книгамъ подлежащихъ вѣдомствъ. Результатомъ такого наставленія было, что свѣдѣнія, въ большинствѣ случаевъ, повидимому, прямо выписывались изъ окладныхъ книгъ, а въ послѣднихъ значится лишь облагаемая, т.-е. удобная земля. Сказанное относится къ частному и надѣльному землевладѣнію; что же касается казенныхъ и удѣльныхъ владѣній, то въ общій итогъ они вносились полностью, т.-е. вмѣстѣ съ необлагаемыми угодьями.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что общій итогъ порайоннаго землевладѣнія, указываемый въ изданіи, заключающемъ сводку собранныхъ центральнымъ статистическимъ комитетомъ данныхъ и названномъ въ заголовкѣ настоящей замѣтки, не есть величина однородная, выражающая что-либо совершенно опредѣленное. Къ нему, поэтому, не слѣдовало бы обращаться для какихъ-либо общихъ сопоставленій и заключеній. Но сравненіе данныхъ разсматриваемаго изданія со свѣдѣніями о количествѣ земель, обложенныхъ въ 1900 г., приведенными въ извѣстномъ статистическомъ трудѣ департамента окладныхъ сборовъ о движеніи благосостоянія сельскаго населенія, показываетъ, что новѣйшими данными центральнаго статистическаго комитета не точно рисуется площадь и облагаемыхъ надѣльныхъ земель, и земель частныхъ владѣльцевъ. Такъ, если данныя обоихъ источниковъ—относительно московской, напр., губерніи совпадаютъ, то для воронежской,

напр., или саратовской показанія центральнаго статистическаго комитета на сотни тысячъ десятинъ меньше показаній департамента окладныхъ сборовъ; а по минской губерніи площадь частныхъ владѣній въ изданіи центральнаго статистическаго комитета показана на 1, 2 милл. десятинъ болѣе, чѣмъ въ изданіи департамента окладныхъ сборовъ. Площадь облагаемой земли измѣняется не такъ быстро, чтобы различіе показаній обоихъ источниковъ, относящихся къ моментамъ времени, раздѣленнымъ всего пятью годами, могло быть объяснено естественными причинами. Остается приписать его или неточности тѣхъ или другихъ показаній,—при чемъ вѣроятность ошибки находится на сторонѣ центральнаго статистическаго комитета, а не департамента, спеціально вѣдающаго обложеніе земель,—или включенію въ разсматриваемомъ изданіи въ итогъ частнаго и надѣльнаго землевладѣнія по нѣкоторымъ губерніямъ не однихъ только облагаемыхъ угодій.

Итакъ, читатель не долженъ обращаться къ новому изданію центральнаго статистическаго комитета за свѣдѣніями относительно общаго количества земельныхъ владѣній. На этотъ счетъ ему слѣдуетъ пользоваться прежними изслѣдованіями этого учрежденія или данными (объ облагаемыхъ земляхъ) изданія департамента окладныхъ сборовъ. Интересъ разсматриваемаго изданія заключается въ свѣдѣніяхъ о распредѣленіи площади частновладѣльческой земли по сословіямъ владѣльцевъ и, главное, по величинѣ отдѣльныхъ владѣній,—предметъ, который до сихъ поръ мы должны были трактовать на основаніи матеріаловъ, относящихся еще къ 1877 году. Распредѣленіе частнаго землевладѣнія по величинѣ отдѣльныхъ владѣній проведено по сословіямъ владѣльцевъ, по владѣніямъ обществъ и товариществъ, причемъ послѣднія разсматриваются какъ цѣлыя единицы; свѣдѣній же о числѣ участниковъ въ нихъ въ разсматриваемомъ изданіи не заключается.

Разработка собраннаго центральнымъ статистическимъ комитетомъ матеріала производилась по плану, предложенному директоромъ этого учрежденія. Планъ этотъ, впрочемъ, мало отличается отъ того, какой примѣнялся въ статистикѣ поземельной собственности 1877 г., за исключеніемъ категоріи надѣльнаго землевладѣнія. Послѣднее группировалось въ 1877 г. по величинѣ надѣла на ревизскую душу, а въ 1905 г.—по средней площади участка, приходящагося на одинъ дворъ. Группировать теперь надѣльное землевладѣніе по величинѣ ревизскаго надѣла значило бы повторять работу 1877 г., потому что новое надѣленіе крестьянъ землею происходило за послѣднія тридцать лѣтъ въ самомъ ограниченномъ размѣрѣ. Распредѣленіе же общинъ по средней площади участка, приходящагося на одинъ дворъ (при условіи, что подъ послѣднимъ понимался не всякій домохозяинъ въ селеніи, а членъ

общины), даетъ намъ нѣчто новое и выражаетъ болѣе реально степень обезпеченія крестьянъ надѣльной землею, чѣмъ разсчетъ надѣла по вымершимъ уже почти ревизскимъ душамъ. Нужно только помнить,—и это совершенно ясно выражено въ таблицахъ изданія, о которомъ идетъ рѣчь,—что по величинѣ подворнаго участка группируются тамъ не домохозяева, а цѣлыя общины; что та или другая указываемая въ таблицахъ площадь двороваго надѣла не есть реальная, а средняя для цѣлой общины величина. Къ удивленію, директоръ центральнаго статистическаго комитета, составившій проектъ очерковъ землевладѣнія, прилагаемыхъ къ каждому выпуску (посвященному одной губерніи) —„Статистика землевладѣнія 1905 г.",—упустилъ изъ виду это обстоятельство, и средніе для цѣлыхъ общинъ подворные надѣлы трактуетъ какъ реальные единичные участки. Объ этомъ свидѣтельствуетъ уже оглавленіе изданія, заключающее, между прочимъ, такія указанія: „% крестьянскихъ *дворовъ*, имѣющихъ надѣльной земли до 5 десятинъ. отъ 5 до 10 дес. и свыше 10 дес.". Въ самомъ текстѣ средніе пообщинные участки трактуются также какъ реальные единичные. „Изъ *всего числа дворовъ* до 5 дес. на дворъ имѣютъ столько-то дворовъ, и т. д.". Въ группѣ до 5 дес. „*не всѣ дворы* имѣютъ по 5 дес., многіе имѣютъ до 1 дес., и т. д.". Всякій, читающій эти строки, не можетъ понять ихъ иначе, какъ предполагая, что ими выражается распредѣленіе крестьянскихъ домохозяйствъ по количеству находящейся въ ихъ пользованіи надѣльной земли. И только тотъ, кто не удовольствуется текстомъ, а обратится къ таблицамъ, увидитъ, что подворнаго распредѣленія надѣльной земли въ разсматриваемомъ изданіи вовсе не имѣется, и число „крестьянскихъ дворовъ, имѣющихъ надѣльной земли до 5 дес., 5—10 дес. и выше 10 дес.", въ дѣйствительности соотвѣтствуетъ числу дворовъ въ *общинахъ со среднимъ* семейнымъ участкомъ до 5 дес., 5 — 10 дес. и т. д.

Отдѣлъ изданія: „Важнѣйшіе Выводы", изъ котораго заимствованы вышеприведенныя выраженія, представляетъ вообще что-то совершенно несообразное. Здѣсь сопоставляются, напр., данныя трехъ разновременныхъ изслѣдованій землевладѣнія, и на основаніи этого сопоставленія рисуется судьба той или другой категоріи послѣдняго. Но при этомъ совершенно устраняется критика матеріала, собиравшагося разными методами, обнимавшаго неодинаковые элементы и не представлявшагося поэтому настолько однороднымъ, чтобы выводить изъ его сопоставленія какія-либо заключенія. Выводы дѣлаются совершенно механически и вызываютъ только недоумѣніе читателя. Авторы „Выводовъ" совершенно серьезно сообщаютъ читателю, что, напр., въ минской губерніи площадь частнаго владѣнія въ 1905 г. „противъ 1887 г. увеличилась на 1.947.252 дес., или на 58,8%, а

противъ 1877 г. — на 975.672 дес., или на 22,8%", и не задаются вопросомъ—на счетъ какихъ категорій владѣній произошло увеличеніе съ 1887 г. площади частнаго землевладѣнія почти на два милліона десятинъ, если площадь надѣльнаго землевладѣнія въ это время почти не измѣнилась, а площадь казенныхъ угодій даже увеличилась? Какимъ образомъ площадь всей губерніи возросла за разсматриваемое время на 2 милл. десятинъ? Такъ какъ границы минской губ. не подвергались въ послѣднее время измѣненіямъ, то о крупныхъ приращеніяхъ ея земельной площади не можетъ быть и рѣчи. А если такъ, то отмѣчаемыя разсматриваемымъ изданіемъ рѣзкія колебанія цифръ могутъ быть отнесены единственно на счетъ полноты регистраціи землевладѣнія въ различные моменты изслѣдованія. Оффиціальные статистики, производившіе всѣ эти изслѣдованія, должны сами это знать и разъяснить читателю, а не вводить его въ заблужденіе серьезными манипуляціями надъ произвольно прыгающими цифрами съ точностью разсчетовъ до 1/10 доли процента!

Разсматриваемое изданіе центральнаго статистическаго комитета еще разъ подтверждаетъ давно сложившееся мнѣніе объ этомъ учрежденіи, какъ о совершенно неотвѣчающемъ важности возложенныхъ на него задачъ. Оно доказываетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что, при господствующемъ бюрократическомъ строѣ, ни критика дѣятельности этого учрежденія, ни замѣна одного руководителя другимъ не въ состояніи устранить основного его порока: равнодушнаго, формальнаго отношенія къ отвѣтственному дѣлу изслѣдованія различныхъ сторонъ экономической жизни Россіи, доставляющаго массовой матеріалъ для научныхъ и практическихъ заключеній разнаго рода.—В. В.

Въ теченіе февраля, въ Редакцію поступили нижеслѣдующія новыя книги и брошюры:

Беккеръ, К. — Самоучитель нѣмецкаго языка по новѣйшему методу. Нѣмецко-русскіе разговоры. Перновъ. 906. Ц. 50 к.

Беръ, Б. В.—Сонеты и другія стихотворенія. Спб. 907. Ц. 1 р. 50 к.

Васильевъ, Н. П.—Правда о кадетахъ. 173-я тысяча. Спб. 907. Ц. 10 к.

В., В.—Государственные доходы въ Россіи сравнительно съ другими странами. Спб. 907. Ц. 20 к.

В., Д. К.—Арабески изъ кавказскихъ событій. Спб. 906.

Випперъ, Р.—„Съ востока свѣтъ". М. 907. Ц. 20 к.

Горяиновъ, С.—Босфоръ и Дарданеллы. Изслѣдованіе вопроса о проливахъ по дипломатической перепискѣ, хранящейся въ Государственномъ и Спб. Главномъ Архивахъ. Спб. 907. Съ 10-ю портретами. Ц. 2 р.

Денисюкъ, Н. — Критическая литература о произведеніяхъ А. Н. Островскаго. Вып. IX. 1854—1872. М. 907. Ц. 1 р. 50 к.

Езерскій, Н.—Государственная Дума перваго созыва. Пенза. 907. Ц. 80 к.

Евтатьевскій, К. В.—Подробный конспектъ учебнаго курса русской исторіи. Пособіе для учащихся. Спб. 907. Ц. 50 к.

Жураковскій, Евг.—Литературно-критическіе очерки. Траги-комедія современной жизни. О Чеховѣ, Ибсенѣ, Пшибышевскомъ, Л. Андреевѣ и о Злословіи. Приложеніе: Элленъ Кей. „Картины мысли". М. 906. Ц. 1 р.

Знаменскій проф. П.—Православіе и современная жизнь. Полемика 60-хъ годовъ объ отношеніи православія къ современной жизни. М. 906. Ц. 30 к.

Ивинскій, Б.—Разсказы. Спб. 907. Ц. 50 к.

Кампанелла, Томасъ.—Государство Солнца. Съ лат. А. Генкель. Съ портр. автора. Спб. 907. Ц. 80 к.

Кривцовъ, С. — Элементарный учебникъ Ботаники. Съ 158 рис. Спб. 907. Ц. 50 к.

Кувшинская, Е. — Борьба рабочихъ за политическую свободу въ Англіи. Спб. 907. Ц. 80.

Кузьминъ-Караваевъ, В. Д.—Изъ эпохи освободительнаго движенія. Вып. II: 17 октября 1905 г.—8 іюля 1906 г. Спб. 907. Ц. 2 р.

Лавриновичъ, Ю.—Итогъ россійской конституціи. Спб. 907. Ц. 25 к.

Лейтенантъ, С.—Стихотворенія. Спб. 907. Ц. 1 р. 50 к.

Линдеманъ, Вл.—Наслѣдственность и измѣнчивость, какъ причина болѣзней. Съ 41 рис. Кіевъ. 907. Ц. 1 р.

Линдъ, К.—Послѣдніе часы тюренченскаго боя. Спб. 906. Ц. 30 к.

Мигулинъ, П. П.—Русскій государственный кредитъ (1769 — 1906). Т. III: Министерство С. Ю. Витте и задачи будущаго (1893 — 1906). Вып. 5-й и послѣдній. Харьк. 907. Ц. 1 р. 50 к.

Моревъ, Д. Д. — Очеркъ коммерческой географіи и хозяйственной статистики Россіи, сравнительно съ другими государствами. Изд. 8-е. Вып. 2. Спб. 907.

Николай Михаиловичъ, Великій Князь. — Дипломатическія сношенія Россіи и Франціи, по донесеніямъ пословъ Императоровъ Александра и Наполеона. 1808—1812. Т. V. Спб. 907.

Никольскій, П.—Единство экономическихъ знаній. Каз. 907. Ц. 1 р. 50 к.

Нитче, Фр.—Сумерки идоловъ. Спб. 907. Ц. 1 р.

Потанинъ, Г. Н. — Записки Красноярскаго Подъ-отдѣла Восточно-Сибирскаго Отдѣла Имп. Русск. Геогр. Общества. Томскъ. 906. Ц. 3 р.

Пыпинъ, А. Н.—Исторія Русской Литературы. Т. IV: Времена Имп. Екатерины II. — Девятнадцатый вѣкъ. — Пушкинъ и Гоголь.—Утвержденіе національнаго значенія литературы. Изд. 3-е. Спб. 907. Ц. 4 р. за 4 т.

Пясецкій, Л. Я. — Алгебра для среднихъ учебныхъ заведеній. Ч. I: Дѣйствія надъ цѣлыми одночленами и многочленами. Спб. 907. Ц. 25 к.

Рылѣевъ, К. Ѳ.—Полное собраніе сочиненій. Т. I: Портретъ и статьи.

Сергѣевъ-Ценскій.—I. Спб. 907. Ц. 1 р.

Тахтаревъ, К.—Отъ представительства къ народовластію. Спб. 907. Ц. 1 р.

Тихоновъ, Т.—Земство въ Россіи и на окраинахъ. Спб. 907. Ц. 1 р.

Толстой, Л. Н. — О просвѣщеніи-воспитаніи и о первоначальномъ образованіи-обученіи. Избранныя мысли. М. 907. Ц. 85 к.

——— Полное собраніе сочиненій, запрещенныхъ русской цензурой. Т. VI. Спб. 907. Ц. 65 к.

Тургеневъ, Н. И. — Россія и Русскіе. Первое русское изданіе. Ч. I: Портретъ и статьи Балицкаго и Герцена. М. 907. Ц. 80 к.

Франсъ, Анатоль.—Садъ Эпикура. М. 906. Ц. 70 к.

Цукколи, Л.—Офицеры, унтеръ-офицеры, капралы и солдаты. Романъ. Перев. съ итал., съ рис.

Чернобаевъ, Евг.—Стихи. Спб. 907. Ц. 60 к.

Чернышевъ, В.—Забытые труды К. Д. Ушинскаго. Спб. 907. Ц. 20 к.

Шагановъ, В. Н.—Н. Г. Чернышевскій на каторгѣ и въ ссылкѣ. Спб. 907. Ц. 30 к.

Шекспиръ.—Трагедія о королѣ Ричардѣ II. Перев. Модеста Чайковскаго. М. 907.

Штурмъ, Р.—Бюджетъ. Перев. А. Изгоева съ 5-го изд. Съ приложен. статьи М. Фридмана: „Наше законодательство о бюджетѣ". Спб. 907. Ц. 2 р.

Шумигорскій, Е. С.—Императоръ Павелъ I. Жизнь и царствованіе. Спб. 907. Ц. 1 р. 50 к.

——— Щукинскій Сборникъ. Вып. 6-й. М. 907.

Kurnatowski, Georges.—Esquisse d'Évolution solidariste. Paris. 1907. Стр. 95. Ц. 2 фр. 50 с.

Lehtonen, U. L.—Die polnischen Provinzen Russlands unter Katharina II, in den Jahren 1772—1782. Versuch einer Darstellung der anfänglichen Beziehungen der russischen Regierung zu ihren polnischen Unterthanen. Aus dem finnischen Original übersetzt v. G. Schmidt: Berl. 907.

— Библіографическій Обзоръ изданій по вопросу объ обезпеченіи народнаго продовольствія. Вып. 1: Обзоръ правительственныхъ изданій. М. 907. Ц. 50 к.

— Библіотека М. Горбунова-Посадова: 1) Богатырь лѣсовъ. Съ англ., ц. 40 к. 2) Маленькіе строители. Съ англ., ц. 30 к. М. 907.

— Библіотека „Просвѣщеніе": № 33. Записки рабочаго, съ предисловіемъ П. Гера. Перев. съ нѣм., съ предисл. Я. Лурье, ц. 55 к. № 34. Постоянная армія и милиція, Г. Мохе, съ франц., ц. 55 к. № 35. Монархія или республика, К. Фрома, съ нѣм., ц. 1 р. № 36. Пролетаріатъ въ Америкѣ, В. Зомбарта, съ нѣм., ц. 30 к. № 37. В. Вейтлингъ, его жизнь и ученіе, Эм. Калера, съ нѣм., ц. 35 к. № 38. Этьенъ Кабэ и икарійскій коммунизмъ, Б. Люкса, съ нѣм., ц. 65 к. Спб. 907.

— Заболѣваемость населенія Воронежской губерніи 1898—1902 гг. Т. I и II. Ворон. 906.

— Изданія „Посредника": 1) Л. Н. Толстой, Изложеніе Евангелія, ц. 15 к. 2) Его же, Что же дѣлать? ц. 3 к. 3) Пѣснь о рабочемъ народѣ, сборникъ стихотвореній, ц. 25 к. 4) Моррисонъ-Давидсонъ, Предшественникъ Г. Джорджа, ц. 30 к. 5) Женщины, разсказъ, ц. 50 к. М. 907.

— Исторія соціализма въ монографіяхъ. Предшественники новѣйшаго соціализма. Ч. I: Отъ Платона до анабаптистовъ. К. Каутскаго. Изд. 3-е, съ предисловіемъ К. Каутскаго къ этому русскому переводу. Спб. 907. Ц. 1 р. 50 к.

— Краткій обзоръ дѣятельности Педагогическаго Музея Военно-Учебныхъ заведеній за 1904—1905 г. XXXV-й Обзоръ. Спб. 907. Ц. 50 к.

— Матеріалы по статистикѣ движенія землевладѣнія въ Россіи. Вып. XIV: Купля-продажа земель въ Европейской Россіи въ 1899 г. Спб. 907.

— Наше мѣсто въ вѣчности. Спб. 907. Ц. 50 к.

— Обзоръ отраслей промышленности въ Закавказскомъ краѣ, служащихъ

источникомъ косвенныхъ налоговъ, и поступленіе акцизнаго по краю дохода за 1905 годъ. Отчетъ Л. Л. Першке. Тифл. 906.

— Отчетъ о состояніи и дѣйствіяхъ Имп. Московскаго Университета за 1906 годъ (Ч. 1-я). М. 907.

— Первая помощь въ Спб. за 1905 г. и Отчетъ о помощи Комитета во время войны 1904—1905 г. Спб. 906.

— Статистическій Ежегодникъ 1906 г. Изд. Харьк. Губ. Земск. Управы. Харьк. 906.

— Современное состояніе сообщеній въ большихъ городахъ. Съ нѣм. М. Гюнсбургъ. Спб. 907.

— Статистика производствъ, облагаемыхъ акцизомъ, съ предварительными данными на 1905 годъ. Вып. II: 1904 годъ. Спб. 907.

— Театръ Эврипида. Полный стихотворный переводъ съ греческаго всѣхъ пьесъ и отрывковъ, дошедшихъ до насъ подъ этимъ именемъ. Въ 3-хъ томахъ, съ двумя введеніями И. Θ. Анненскаго. Т. I. Спб. 907. Ц. 6 р.

ЗАМѢТКА

З. Аваловъ. Присоединеніе Грузіи къ Россіи. 2 изд. Спб. 1906 г.
—— Децентрализація и самоуправленіе во Франціи. Спб. 1905.

Въ лицѣ кн. Авалова мы имѣемъ дѣло съ молодымъ изслѣдователемъ, который уже заявилъ себя двумя работами, справедливо привлекающими къ нему вниманіе и спеціалистовъ, и большой публики. Интересъ послѣдней (1906 г.) сказывается въ томъ, что его монографія: „Присоединеніе Грузіи къ Россіи“ появилась недавно вторымъ изданіемъ и можетъ считаться настольной книгой для каждаго, будь онъ ученый или журналистъ, желающаго познакомиться и съ тѣми причинами, которыя вызвали самый фактъ присоединенія, и съ очеркомъ судебъ страны, слившей свое политическое существованіе съ нашей. Въ такихъ работахъ, какъ настоящая, главное—восходить къ прямымъ источникамъ, и князь Аваловъ сдѣлалъ это; въ приложеніи къ его работѣ помѣщены важнѣйшіе матеріалы, почерпнутые имъ частью изъ Полнаго собранія нашихъ законовъ, частью изъ грузинскихъ грамотъ, изданныхъ проф. Цагарели, частью изъ актовъ, собранныхъ кавказской археографической коммиссіей.

При случаѣ, авторъ не воздерживается и отъ болѣе общихъ заключеній, проводитъ параллели между англійскимъ и русскимъ пониманіемъ, напримѣръ, природы протектората, пользуясь при этомъ англійскими сочиненіями, такъ напр., работой Кризи: „Объ имперскихъ и колоніальныхъ конституціяхъ“. Дать хотя бы короткій очеркъ книги, задача которой—обозрѣть до нѣкоторой степени всю исторію отношеній Грузіи къ Россіи,—очевидно, нѣтъ возможности въ небольшомъ отзывѣ. Достаточно указанія, что работа сдѣлана по источникамъ изъ первыхъ рукъ и заключаетъ въ себѣ опредѣленные выводы, способные служить руководствомъ и для будущихъ нашихъ отношеній къ присоединенному нами царству. Мы имѣемъ дѣло съ добросовѣстнымъ изслѣдованіемъ, а не съ компиляціей, не съ пережевываніемъ чужихъ мыслей, а съ попыткой извлечь изъ фактовъ, обстоятельно изученныхъ, совѣты и указанія для будущаго.

Тою же добросовѣстностью отличается и магистерская диссертація г. Авалова, озаглавленная „Децентрализація и самоуправленіе во Франціи“. И она написана на основаніи сырого матеріала, какимъ авторъ справедливо считаетъ не одни тексты законовъ или протоколы собраній, въ которыхъ они обсуждались, но и ту политико-адми-

нистративную литературу, въ которой впервые намѣчены были тѣ или иныя рѣшенія, проведеніе которыхъ въ жизнь выпало на долю законодателя. Обращеніе къ источникамъ изъ первыхъ рукъ не избавило г. Авалова отъ изученія общихъ историческихъ сочиненій и монографій также историческаго содержанія. И тѣ, и другія послужили ему для характеристики той жизненной обстановки, въ которой развилось законодательство о департаментскомъ, окружномъ, кантональномъ и общинномъ управленіи во Франціи.

Авторъ начинаетъ свое изслѣдованіе не съ великой революціи и ея попытокъ внести начало избирательнаго самоуправленія въ мѣстные міры, а съ того момента, когда первый консулъ Наполеонъ въ тѣсномъ общеніи съ двумя теоретиками, выдвинутыми революціонной эпохой, аббатомъ Сійэсомъ и Редереромъ, приступаетъ къ реформѣ мѣстныхъ учрежденій и дѣлаетъ попытку примирить завѣщанный старой Франціей принципъ административной централизаціи съ блѣднымъ выраженіемъ новаго, заимствованнаго изъ Англіи начала участія мѣстнаго выборнаго элемента въ управленіи. Подъ именемъ префектовъ оживаютъ старые интенданты, взамѣнъ избирательныхъ коллегій, созданіе которыхъ должно быть отнесено къ 1789-му и слѣдующимъ годамъ. Отъ иниціативы мѣстнаго населенія, такъ наглядно выступавшей въ самомъ избраніи этихъ коллегій, уцѣлѣло только право составленія списковъ рекомендуемыхъ имъ кандидатовъ, такъ-называемыхъ „listes de confiance". И эта черта, скорѣе навязанная Бонапарту его сотрудниками, чѣмъ добровольно имъ принятая, скоро исчезаетъ. Цензовыя ограниченія лицъ, призываемыхъ къ участію въ мѣстныхъ совѣтахъ, какъ въ эпоху первой имперіи, такъ и при смѣнившей ее реставраціи, дѣлаютъ и мѣстное управленіе достояніемъ одного лишь меньшинства людей зажиточныхъ и по преимуществу землевладѣльцевъ. Авторъ показываетъ, пользуясь книгою Вандаля: „О переворотѣ 18-го брюмэра", и подъ сильнымъ вліяніемъ этого сочиненія, что затѣянная Наполеономъ реформа, какъ и весь государственный переворотъ, связанный съ его именемъ, были вызваны необходимостью и послужили къ укрѣпленію власти въ странѣ. Онъ показываетъ, въ какой степени закономъ 1800 года опредѣлилось все будущее развитіе мѣстнаго управленія во Франціи съ его руководящими принципами, такъ наглядно выраженными афоризмами: „Управленіе — дѣло одного, обсужденіе—дѣло нѣсколькихъ"; или еще: „Импульсъ долженъ идти сверху, довѣріе— снизу". Законъ 1800-го года кладетъ одновременно основаніе и системѣ административной юстиціи во Франціи. Мы полагаемъ, что авторъ заблуждается, говоря, что въ дореволюціонное время значительная часть административной юстиціи вѣдалась общими судами (стр. 42). Изъ сочиненія Рудольфа Дареста: „La justice administrative en France",

кн. Авалову немудрено было бы почерпнуть матеріалъ для иныхъ заключеній. До XVII-го вѣка административная юстиція имѣла свои самостоятельные и разнобразные органы, построенные по системѣ двухъ инстанцій, а съ момента развитія власти интендантовъ она постепенно перешла въ ихъ руки и въ завѣдываніе поставленнаго надъ ними государственнаго совѣта. Наполеонъ или, вѣрнѣе, Редереръ, ближайшій участникъ реформы, вернулся не къ порядкамъ старой Франціи, а къ государственной практикѣ временъ Людовиковъ XIII, XIV и XV, возстановляя значеніе государственнаго совѣта и въ частности одного изъ его отдѣленій „Section du contentieux", какъ высшей инстанціи въ сферѣ административнаго суда, но онъ не рѣшился оставить открыто въ рукахъ преемниковъ интендантовъ—префектовъ—разбирательство дѣлъ низшей инстанціи по жалобамъ частныхъ лицъ на злоупотребленіе властей. Онъ передалъ его въ руки совѣта второстепенныхъ правительственныхъ агентовъ, совѣта, дѣйствующаго при префектѣ и извѣстнаго подъ наименованіемъ „совѣта префектуръ". По своему составу онъ такъ же зависимъ отъ власти начальника департамента, какъ наше губернское правленіе отъ власти губернатора, и представляетъ поэтому такую же слабую гарантію правосудія:

Я позволю себѣ пожалѣть, что г. Аваловъ недостаточно остановился на критикѣ этой стороны мѣстныхъ реформъ, произведенныхъ въ эпоху консульства и имперіи. Онъ не сдѣлалъ этого, по всей вѣроятности, потому, что въ русской литературѣ уже имѣется сочиненіе по этому предмету, а именно проф. Куплевасскаго: „Объ административной юстиціи во Франціи".

Изложеніе кн. Аваловымъ характерныхъ чертъ Наполеоновской реформы пріобрѣтаетъ тѣмъ больщій интересъ, что онъ слѣдитъ и за зарожденіемъ реформы въ рѣчахъ Сійэса и статьяхъ Редерера и за прохожденіемъ ея черезъ различные верховные совѣты, начиная съ трибуната и заканчивая законодательнымъ собраніемъ. Обстоятельный разборъ преній даетъ автору возможность намѣтить сразу различныя теченія въ области общественной мысли по вопросамъ о преимуществахъ и недостаткахъ централизаціи и децентрализаціи. Эти теченія сказываются въ различномъ направленіи: одни приравниваютъ къ федерализму, а слѣдовательно, и къ разложенію единства и цѣлости государства всякую уступку принципу мѣстнаго самоуправленія. Другія носятъ характеръ реакціоннаго поворота въ пользу возстановленія провинціальныхъ штатовъ старой Франціи.

Въ 20-хъ и 30-хъ годахъ возникаетъ по вопросу централизаціи и децентрализаціи богатая литература, связанная съ именами родоначальниковъ французскаго административнаго права, въ родѣ централиста Корнелена и такихъ горячихъ сторонниковъ самоуправляющейся

общины,—и въ меньшей степени департамента,—какъ Руайе Коларъ, Бэшаръ и Вивьенъ.

Я поставлю въ заслугу кн. Авалову близкое знакомство съ этой литературой. Оно позволило ему дать надлежащее освѣщеніе затѣяннымъ подъ ея вліяніемъ проектамъ Мартиньяка и тѣмъ законамъ 33-го и 38-го года, которые радикально измѣнили и составъ департаментскихъ совѣтовъ, и ихъ компетенцію; оно обогатило также самого автора свѣдѣніями, которыми могутъ воспользоваться его будущіе слушатели. Дѣло въ томъ, что вопросъ о централизаціи долженъ считаться кореннымъ въ исторіи всякаго административнаго права вообще и французскаго въ частности. Кто изучилъ его по сочиненіямъ писателей эпохи реставраціи и іюльской монархіи, тотъ владѣетъ ключомъ къ пониманію всего дальнѣйшаго роста доктрины такъ называемаго „droit administratif". Такъ какъ кн. Аваловъ прилагаетъ тотъ же методъ сопоставленія текстовъ законовъ съ вызвавшимъ ихъ къ жизни движеніемъ общественной мысли и тогда, когда ему приходится касаться реформъ, начало которымъ положено революціей 48-го г. съ ея уравнительной тенденціей и контръ-революціей 52-го,—такъ какъ онъ ищетъ въ сочиненіяхъ писателей конца имперіи и начала третьей республики объясненія мѣропріятій, проведенныхъ по вопросамъ мѣстнаго управленія Наполеономъ III и современной французской республикой,—закона о департаментахъ 66-го года и департаменской хартіи 71-го,—то можно сказать, что онъ по необходимости долженъ былъ познакомиться съ обширной и богатой мыслями литературой французскаго административнаго права, основныя положенія которой частью были усвоены, частью подвергнуты критикѣ нѣмецкой юриспруденціей. Я полагаю, что молодой ученый не вполнѣ использовалъ въ своей диссертаціи, необходимо ограниченной по размѣру, всего богатства изученнаго имъ матеріала, и что онъ имѣлъ бы возможность съ пользою вернуться къ нему и въ дальнѣйшихъ работахъ по сравнительной исторіи и догмѣ административныхъ учрежденій.

Максимъ Ковалевскій.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 марта 1907 г.

Новый германскій парламентъ.—Заявленія Вильгельма II и его канцлера. — Побѣда правительства надъ „внутреннимъ врагомъ". — Положеніе соціалъ-демократической партіи.—Рѣчи Бебеля и Бюлова.—Взаимныя обвиненія и недоразумѣнія.—Вопросъ о верхней палатѣ въ Англіи.—Французскія дѣла.—Реформы въ Македоніи.

Окончательный составъ германскаго имперскаго сейма послѣ перебаллотировокъ 5-го февраля (нов. ст.) опредѣлился слѣдующимъ образомъ: наиболѣе крупною парламентскою партіей остается католическій центръ, численностью въ 105 представителей; консерваторовъ—80, націоналъ-либераловъ — 55, прогрессистовъ или свободомыслящихъ—49, соціалъ-демократовъ—43, аграріевъ—23, антисемитовъ—6, безпартійныхъ или дикихъ—10, поляковъ—20, эльзасцевъ—7. Оппозиція вообще значительно ослабѣла, и большинство передвинулось вправо. Къ услугамъ правительства имѣются двоякаго рода комбинаціи:—соединеніе клерикально-консервативныхъ группъ, образующихъ большинство въ 234 голоса, и соединеніе умѣренно-либеральныхъ и консервативныхъ группъ противъ партіи центра, въ числѣ около 220 депутатовъ. Оппозиціонное большинство можетъ образоваться только въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда центръ будетъ дѣйствовать заодно съ прогрессистами и соціалъ-демократами противъ какихъ-нибудь реакціонныхъ посягательствъ на конституціонныя права парламента или на общія политическія права гражданъ.

Усиленіе національно-патріотическихъ и консервативныхъ элементовъ въ имперскомъ сеймѣ, въ связи съ разгромомъ соціалъ-демократіи, означаетъ, безъ сомнѣнія, блестящую побѣду правительства князя Бюлова. Радость высшихъ правящихъ сферъ и солидарныхъ съ ними нѣмецкихъ патріотовъ по поводу исхода выборовъ выразилась въ весьма характерной уличной манифестаціи въ ночь на 6-е февраля въ Берлинѣ. Толпа патріотически-настроенныхъ обывателей направилась съ національными пѣснями и возгласами къ канцлерскому дворцу, въ которомъ, повидимому, все уже спало, и настойчиво вызывала Бюлова. Полиція не мѣшала такому проявленію благонамѣренныхъ чувствъ; нѣсколько минутъ спустя, къ общему удовольствію публики, въ одномъ изъ оконъ появился свѣтъ, затѣмъ окно раскрылось, и канцлеръ обратился къ толпѣ съ маленькою рѣчью. Поблагодаривъ гражданъ за вниманіе и

сочувствіе, онъ сказалъ, между прочимъ: „Когда рейхстагъ былъ распущенъ 13-го декабря, то это было не что иное, какъ обращеніе къ нѣмецкому національному чувству. Уже исходъ выборовъ 25-го января показалъ, что это обращеніе нашло откликъ во всѣхъ нѣмецкихъ сердцахъ. На этихъ выборахъ побѣдилъ и сегодня при перебаллотировкахъ одержалъ дальнѣйшіе успѣхи нѣмецкій духъ,—духъ, который не могъ быть побѣжденъ, потому что онъ безсмертенъ. Я радуюсь, что и сегодняшній день выборовъ подтвердилъ пробужденіе нѣмецкаго національнаго чувства. Особенно поведеніе молодежи заставляетъ меня спокойно смотрѣть на будущность германской имперіи. Да здравствуетъ германская имперія!“ Толпа отвѣтила восторженными криками въ честь Германіи и двинулась стройно къ королевскому дворцу; по дорогѣ она встрѣтила возвращавшійся автомобиль императора, окружила его и едва дала ему проѣхать; масса народа собралась на площади въ неопредѣленномъ ожиданіи. Въ окнѣ надъ подъѣздомъ показался придворный служитель и громко возвѣстилъ, что „ихъ величества сейчасъ придутъ“. Однако, большую дверь балкона не удалось открыть, и пришлось довольствоваться окномъ, гдѣ вскорѣ появился императоръ съ супругою, въ сопровожденіи нѣсколькихъ принцевъ. Сдѣлавъ знакъ толпѣ, Вильгельмъ II нагнулся черезъ окно и произнесъ слѣдующее: „Отъ всего сердца благодарю васъ, господа, за прекрасное выраженіе вашихъ чувствъ. Оно вытекаетъ у васъ изъ сознанія, что вы исполнили свой долгъ предъ отечествомъ. Какъ выразился нашъ канцлеръ, нѣмцы умѣютъ ѣздить, если только дать имъ основательно сѣсть верхомъ; вы умѣете ѣздить и вы сумѣете опрокинуть все, что будетъ противостоять намъ на пути, особенно если всѣ сословія и всѣ вѣроисповѣданія будутъ твердо и единодушно держаться вмѣстѣ. Пусть этотъ торжественный часъ не пройдетъ у васъ безслѣдно, какъ преходящая волна патріотическаго воодушевленія, а останьтесь твердо на той же дорогѣ, на которую вы вступили. Въ заключеніе напомню вамъ стихи нашего великаго поэта Клейста: „Зачѣмъ толковать о правилахъ, какъ бороться съ врагомъ, если онъ уже разбитъ нами?“ Мы научились теперь побѣждать его, и намъ слѣдуетъ и впредь радостно пользоваться этимъ искусствомъ“. Такъ говорилъ императоръ изъ окна своего дворца, обращаясь къ уличной толпѣ, въ первомъ часу ночи. Съ восторженными криками „Hoch!“ люди постепенно разошлись, повторяя звуки національнаго гимна: „Deutschland, Deutschland über alles“, или „Die Wacht am Rhein“.

Можно ли придумать болѣе яркій примѣръ внѣшняго единенія монарха съ народомъ? Очевидно, въ Пруссіи и Германіи монархъ не имѣетъ повода избѣгать прямыхъ сношеній съ обывателями; онъ не прячется отъ народа, не скрывается за кулисами, а спокойно высту-

паетъ впередъ, когда къ нему обращаются вѣрноподданные граждане. Онъ чувствуетъ себя лично популярнымъ, и единеніе съ націей и отечествомъ не является для него пустымъ словомъ. Тамъ нѣтъ коренного разлада между властью и народомъ, нѣтъ усиленной охраны, нѣтъ генералъ-губернаторовъ и градоначальниковъ съ неограниченными полномочіями для подавленія обывателей, нѣтъ грубаго административнаго произвола и беззаконія,—но это не значитъ, чтобы тамъ не было „внутреннихъ враговъ“, съ которыми правительство считаетъ своимъ долгомъ бороться. О борьбѣ и побѣдѣ говоритъ императоръ Вильгельмъ II въ обычномъ тонѣ военнаго человѣка, рисующаго себѣ политическую борьбу не иначе какъ въ видѣ отважныхъ кавалерійскихъ аттакъ, ниспровергающихъ все на своемъ пути; но какъ ведется эта борьба и чѣмъ одержана побѣда, приведшая въ такое радостное настроеніе германскаго императора и его канцлера? Борьба ведется и побѣда одержана не полицейскими набѣгами, не ссылками и казнями, а исключительно лишь избирательными бюллетенями, при всеобщемъ, ничѣмъ не стѣсненномъ и никѣмъ не „разъясненномъ“ народномъ голосованіи. Но справедливо ли говорить о побѣдѣ надъ „внутреннимъ врагомъ“ по поводу пораженія одной изъ равноправныхъ политическихъ партій? Соціалъ-демократы — враги промышленной буржуазіи и современнаго военно-монархическаго государства, приверженцы радикальныхъ перемѣнъ во всѣхъ областяхъ жизни, но они, конечно, не враги Германіи и нѣмецкаго народа; напротивъ, они хотятъ перестроить германскій бытъ для блага и пользы германской націи и особенно низшихъ ея классовъ. Еслибы императоръ Вильгельмъ II стоялъ внѣ и выше партій, какъ строго-конституціонный монархъ, онъ не могъ бы публично высказаться противъ одной изъ крупнѣйшихъ парламентскихъ группъ, хотя и потерпѣвшей пораженіе на выборахъ, но собравшей около себя почти три съ четвертью милліона голосовъ. Король Эдуардъ VII не сталъ бы, разумѣется, выражать свое удовольствіе при торжествѣ консерваторовъ или либераловъ, ибо для него, въ принципѣ, всѣ партіи одинаковы; другое дѣло—Вильгельмъ II, откровенно воплощающій въ себѣ идею военно-сословной традиціонной монархіи безъ ущерба для теоріи единенія съ народомъ. Многочисленныя толпы патріотовъ могутъ восторгаться рѣчами германскаго императора, но для дальновидныхъ политиковъ эти личныя выступленія его противъ отдѣльныхъ народныхъ партій представляются опасными и, по меньшей мѣрѣ, рискованными, такъ какъ они не соотвѣтствуютъ высокому званію монарха и безъ надобности вмѣшиваютъ его имя въ партійную борьбу и полемику. Для династіи нѣтъ, разумѣется, никакого разсчета возстановлять противъ себя милліоны рабочихъ, подающихъ свои голоса за соціалъ-

демократію, тѣмъ болѣе, что пока они ограничиваются пассивной оппозиціею и не идутъ далѣе словъ въ отрицаніи существующаго строя. Нельзя, однако, приравнивать берлинскихъ манифестантовъ 5—6-го февраля къ нашимъ „черносотенцамъ“: къ числу прусско-нѣмецкихъ патріотовъ, рѣшительныхъ противниковъ соціалъ-демократіи, принадлежатъ высоко-культурные консервативные и умѣренно-либеральные классы населенія, вполнѣ раздѣляющіе взгляды своего императора относительно интересовъ военнаго могущества и колоніальной политики Германіи.

Уменьшеніе численности соціалъ-демократической партіи въ имперскомъ сеймѣ почти до половины ея прежняго состава не можетъ быть объяснено тѣми поверхностными и случайными обстоятельствами, на которыя указываетъ комитетъ этой партіи въ обширномъ воззваніи, напечатанномъ послѣ выборовъ въ газетѣ „Vorwärts“. „Мы разбиты, но не побѣждены, — говоритъ комитетъ,—и не слѣдуетъ умолчать о томъ, что часть вины за наши неудачи лежитъ на насъ самихъ“. Во-первыхъ, многіе члены партіи проявляли слишкомъ большой оптимизмъ и „невѣроятную самоувѣренность“, вслѣдствіе чего борьба велась безъ надлежащей энергіи; а противники дѣйствовали единодушно, съ необыкновенною настойчивостью. Во-вторыхъ, внутреннія партійныя разногласія и пререканія въ печати и на публичныхъ собраніяхъ давали противникамъ удобное оружіе для нападеній и подрывали авторитетъ партіи въ глазахъ общества; поэтому необходимо устранить замѣченные недостатки партійной организаціи, преобразовать партійную прессу и положить конецъ слишкомъ рѣзкой и недоброжелательной полемикѣ между представителями различныхъ теченій и мнѣній внутри самой соціалъ-демократіи. Комитетъ германской соціалъ-демократической партіи разсуждаетъ въ этомъ случаѣ какъ всякое существующее учрежденіе, заинтересованное въ оправданіи своей дѣятельности и избѣгающее щекотливыхъ принципіальныхъ вопросовъ; признаются лишь второстепенные частные недостатки и отдѣльные промахи, затѣмъ обвиняются коварные, недобросовѣстные и слишкомъ энергичные противники, а въ общемъ все благополучно. Между тѣмъ причины неудачъ лежатъ гораздо глубже: результатъ выборовъ наглядно свидѣтельствуетъ объ упадкѣ вѣры въ соціалъ-демократію, объ отсутствіи воодушевленія среди ея обычныхъ приверженцевъ, а это зависитъ уже главнымъ образомъ отъ догматической окаменѣлости партійной программы и тактики, отъ преобладанія отвлеченнаго доктринерства, связаннаго съ практическою мелочностью и близорукостью. Прежде всего партія рабочей демократіи должна стремиться къ широкимъ соціальнымъ реформамъ путемъ предварительныхъ политическихъ преобразованій, для которыхъ нельзя обойтись безъ содѣйствія

передовыхъ либераловъ и прогрессистовъ; нужно отбросить шаблонное отрицательное отношеніе къ той части трудящейся буржуазіи, которая проникнута демократическимъ духомъ и сочувствуетъ реальному улучшенію быта рабочаго класса. На узко-сектантской почвѣ не можетъ возникнуть общее движеніе народныхъ массъ, направленное къ великой практической цѣли; а германская соціалъ-демократія, какъ и копирующія ее рабочія организаціи другихъ странъ, образуетъ скорѣе секту вѣрующихъ поклонниковъ марксистской догмы, чѣмъ политическую партію. Къ сожалѣнію, старые партійные вожди неспособны измѣнить характеръ и направленіе своей партіи, и тотчасъ по открытіи новаго рейхстага они поспѣшили показать, что тяжелый урокъ избирательной кампаніи не принесъ имъ замѣтной пользы.

При торжественномъ открытіи имперскаго сейма въ Бѣломъ залѣ королевскаго дворца, 19 февраля (нов. ст.), императоръ Вильгельмъ II прочиталъ тронную рѣчь, въ которой сдѣланъ краткій обзоръ внѣшняго и внутренняго положенія имперіи. Произведенными выборами, какъ сказано въ этой рѣчи, „народъ засвидѣтельствовалъ, что желаетъ твердо и вѣрно, безъ мелочного партійнаго духа, охранять честь и благо страны“. „Въ этой силѣ національнаго чувства, объединяющей гражданъ, крестьянъ и рабочихъ, кроется надежное обезпеченіе судебъ отечества“. „Имѣя въ виду—говоритъ далѣе императоръ—добросовѣстно соблюдать всѣ конституціонныя права и полномочія, я питаю къ новому рейхстагу довѣріе въ томъ, что онъ сочтетъ своимъ высшимъ долгомъ разумно и активно поддержать и укрѣпить наше положеніе между культурными народами. Здравый смыслъ въ городахъ и селахъ поставилъ на выборахъ предѣлъ тому движенію, которое, отрицая все доброе и жизненное въ существующемъ строѣ, направляется противъ государства и общества въ ихъ постоянномъ мирномъ развитіи. Великіе руководящіе законы для охраны экономически слабыхъ созданы вопреки противодѣйствію фракціи, которая выдаетъ себя за истинную представительницу интересовъ рабочихъ, но сама ничего не сдѣлала для нихъ и для культурнаго прогресса. Тѣмъ не менѣе, избиратели ея все еще считаются милліонами. Нѣмецкій рабочій не долженъ отъ этого страдать. Указанное законодательство покоится на принципѣ соціальной обязанности по отношенію къ трудящимся классамъ, и потому оно независимо отъ перемѣнчивыхъ партійныхъ группировокъ. Союзныя правительства намѣрены продолжать соціальную работу въ возвышенномъ духѣ императора Вильгельма I“. Тронная рѣчь упоминаетъ также о благополучномъ ходѣ международныхъ дѣлъ. „Общее политическое положеніе даетъ основаніе полагать, что миръ будетъ и впредь сохраненъ для насъ. Съ нашими союзниками поддерживаются старыя сердечныя отношенія, съ другими ино-

странными державами — добрыя и корректныя. По почину Соединенныхъ Штатовъ и въ силу предложеній русскаго правительства мы приняли приглашеніе на вторую Гаагскую мирную конференцію, которая призвана будетъ, въ соотвѣтствіи съ результатами первой Гаагской конференціи, вести далѣе дѣло усовершенствованія международнаго права въ духѣ мира и гуманности". Вся тронная рѣчь отличается такимъ благодушнымъ оптимизмомъ, какого мы давно не встрѣчали въ оффиціальныхъ заявленіяхъ германскаго правительства. Соціалъ-демократія признается уже какъ бы побѣжденною и парализованною; о недавнемъ главномъ противникѣ, изъ-за котораго былъ распущенъ прежній рейхстагъ,—о партіи центра—умалчивается совершенно, такъ какъ этотъ врагъ сохранилъ всю свою силу и притомъ только случайно и временно сдѣлался врагомъ: съ нимъ надо еще мириться.

Первыя засѣданія новаго имперскаго сейма были посвящены обсужденію внесеннаго правительствомъ бюджета на 1907 годъ. Послѣ оффиціальныхъ объяснительныхъ замѣчаній барона Штенгеля, говорилъ довольно ядовито и обстоятельно ораторъ центра Шпанъ; ему отвѣчали націоналъ-либералъ Бассерманъ и канцлеръ Бюловъ. Это была предварительная перестрѣлка,—полемика, относившаяся къ выборамъ и къ оцѣнкѣ ихъ общаго результата. Канцлеръ опять подробно опровергалъ намеки на личный режимъ и на возможныя, будто бы, нарушенія конституціонныхъ началъ; онъ категорически утверждаетъ, что правительство и корона стоятъ безусловно на почвѣ конституціи и не позволяли себѣ никакихъ отъ нея отступленій; но подчиняться отдѣльнымъ партіямъ, какъ того добивался центръ, правительство также не можетъ. Бюловъ рѣзко упрекаетъ партію центра за ея совмѣстныя дѣйствія съ соціалъ-демократіей, нападаетъ на избирательные маневры оппозиціи и въ заключеніе характеризуетъ въ общихъ чертахъ ту прогрессивную соціальную политику, которую онъ думаетъ проводить при помощи новаго парламентскаго большинства. Въ засѣданіи 26 февраля выступилъ Бебель съ пространною рѣчью, въ которой старался по пунктамъ опровергнуть всѣ обвиненія канцлера и его единомышленниковъ; разными примѣрами изъ прошлаго онъ оправдывалъ временныя соглашенія между враждующими партіями во время выборовъ, доказывалъ фактическую невѣрность отзыва тронной рѣчи о соціалъ-демократіи и не признавалъ никакой ошибки въ поведеніи партіи. Въ одномъ мѣстѣ своей рѣчи онъ какъ будто подтвердилъ фактъ безплодія многолѣтней партійной работы въ парламентѣ; „за всѣ сорокъ лѣтъ—сказалъ онъ между прочимъ—мы не внесли ни одного предложенія, направленнаго противъ существующаго государственнаго и общественнаго строя; всѣ наши предложенія имѣютъ только цѣлью

улучшить государственный и общественный строй". Такъ какъ въ программу соціалъ-демократіи вовсе не входили частичныя улучшенія государственнаго и общественнаго быта, то указаніе на подобную цѣль всѣхъ предложеній этой партіи является очевидной обмолвкой, а полное отсутствіе положительныхъ попытокъ выработать планы крупныхъ соціальныхъ реформъ установлено категорически самимъ Бебелемъ. Рабочее законодательство осуществилось безъ прямого участія и одобренія соціалъ-демократіи, потому что всѣ ея проекты и поправки отвергались, но все-таки „въ основѣ этого законодательства лежатъ наши идеи". Сомнительно однако, чтобы система страхованія рабочихъ, усвоенная германскимъ законодательствомъ, имѣла какую-либо связь съ основными идеями соціалъ-демократіи. „Соціализмъ — по словамъ Бебеля—представляетъ собою дрожжи, заставляющія гражданское общество двигаться впередъ", и въ этомъ смыслѣ слѣдуетъ понимать приводимое ораторомъ мнѣніе Бисмарка, что безъ соціалистовъ не было бы соціальной реформы. Но большая политическая партія, представляющая весьма опредѣленные интересы рабочихъ массъ, не можетъ довольствоваться ролью дрожжей для чужого тѣста; она не можетъ также ограничивать свою задачу тѣмъ, чтобы возбуждать творческую энергію другихъ партій или правительства. На этотъ разъ Бебель говорилъ вообще неудачно и сбивчиво, читалъ длинныя цитаты изъ нѣмецкихъ и иностранныхъ газетъ съ отзывами о плодотворности соціалъ-демократическаго движенія, неожиданно переходилъ отъ одного сюжета къ другому и далеко не имѣлъ обычнаго успѣха, какъ ораторъ; рѣчь его продолжалась около двухъ съ половиною часовъ, и она въ сущности ничего не объяснила и не доказала. Бебель закончилъ ее словами: „Мы будемъ дѣйствовать какъ до сихъ поръ,— впередъ во всѣхъ областяхъ! Вопреки всему будущее принадлежитъ намъ!" Въ подтвержденіе этого утѣшительнаго вывода не было, однако, приведено никакихъ данныхъ, и онъ нисколько не вытекалъ изъ самаго содержанія рѣчи; ясно только одно, что предводители соціалъ-демократіи ничему не научились и ничего не забыли. Слабость и противорѣчивость аргументаціи Бебеля обезпечили легкое торжество возражавшему ему канцлеру Бюлову; послѣдній былъ въ ударѣ, говорилъ горячо, содержательно и иногда остроумно, хотя отчасти поверхностно, и въ концѣ удостоился шумной оваціи со стороны значительной части рейхстага. По поводу страннаго увѣренія Бебеля, что соціалъ-демократія преслѣдуетъ лишь невинныя реформаторскія цѣли и не имѣетъ разрушительныхъ тенденцій, канцлеръ напоминаетъ ему какія-то грозныя фразы, сказанныя имъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ на партійномъ съѣздѣ въ Дрезденѣ, и дѣлаетъ отсюда заключеніе о крайней опасности соціалъ-демократическаго движенія для всего гра-

жданскаго общества; между тѣмъ, очевидно, самыя грозныя слова и фразы Бебеля не устраняютъ того указаннаго имъ безспорнаго факта, что соціалъ-демократія никогда не пыталась осуществить эти грозныя пророчества на дѣлѣ и не выходила изъ рамокъ скромной легальности въ своей практической партійной работѣ. Судить о давно существующей политической партіи слѣдуетъ по ея дѣламъ, а не по заявленіямъ ея ораторовъ; слова и фразы сами по себѣ не создаютъ никакой опасности для гражданскаго общества, а на практикѣ парламентская соціалъ-демократическая партія ничего не разрушаетъ, отлично уживается съ буржуазіею и капитализмомъ, и даже не особенно рѣзко протестуетъ противъ отжившихъ средневѣковыхъ формъ сословнаго общественно-политическаго быта. Канцлеръ Бюловъ осуждаетъ партію не за ея дѣйствія, а за ея мнѣнія; правда, онъ ставитъ ей въ вину искусственное возбужденіе взаимной вражды между рабочими и хозяевами, поддержку стачекъ, готовность подавать голосъ противъ требованій патріотизма, и т. п.,—но эти разнообразныя обвиненія не могутъ считаться серьезными. Отношенія рабочихъ къ хозяевамъ опредѣляются реальными условіями труда въ данной отрасли производства; враждебныя чувства не насаждаются тутъ извнѣ, а зависятъ всецѣло отъ фактическихъ обстоятельствъ каждаго отдѣльнаго случая, отъ степени добросовѣстности и хозяйственной предусмотрительности предпринимателей, отъ нравовъ и привычекъ самихъ рабочихъ. Нѣмецкіе рабочіе, которыхъ князь Бюловъ признаетъ самыми интеллигентными въ мірѣ, не нуждаются въ постороннихъ указаніяхъ для того, чтобы знать, какъ имъ относиться къ хозяевамъ; а болѣе ясное пониманіе антагонизма между обоими классами облегчаетъ самостоятельную организацію рабочихъ для успѣшной защиты ихъ интересовъ, что вовсе не вредно для отечества. Стачки служатъ нерѣдко единственнымъ возможнымъ орудіемъ борьбы противъ чрезмѣрной эксплуатаціи рабочихъ капиталистами; онѣ дозволены закономъ, и потому поощреніе и поддержка ихъ со стороны соціалъ-демократіи не заключаютъ въ себѣ ничего преступнаго или несправедливаго. Само правительство поощряетъ и поддерживаетъ постоянно дѣйствующія стачки крупныхъ комерсантовъ и землевладѣльцевъ противъ всего населенія, въ видѣ „союза сельскихъ хозяевъ“ и разныхъ промышленныхъ синдикатовъ, возвышающихъ цѣны необходимыхъ продуктовъ и товаровъ; тѣмъ болѣе умѣстно и законно содѣйствіе стачкамъ рабочихъ, вызываемымъ не побужденіями наживы, а борьбою за жалкое трудовое существованіе. Что касается непріятныхъ или неудобныхъ для правительства голосованій, то они могутъ иногда оказаться полезными для народа и государства; истинный патріотизмъ не совпадаетъ съ оффиціальнымъ, и никто не докажетъ, что тѣ чрезмѣрные военные кредиты,

противъ которыхъ возставала соціалъ-демократія въ годы прочнаго внѣшняго мира, были дѣйствительно необходимы для обезпеченія безопасности государства отъ внезапныхъ враждебныхъ посягательствъ. Стремиться къ сокращенію вооруженій и отказывать въ непроизводительныхъ тратахъ на колоніальныя войска — значитъ, съ точки зрѣнія Бюлова, отрицать національное чувство и патріотическій долгъ, и эта точка зрѣнія даетъ ему сильнѣйшіе аргументы противъ соціалъ-демократической партіи. Такимъ образомъ канцлеръ разбиваетъ противниковъ, не затронувъ дѣйствительныхъ источниковъ ихъ слабости, и среднее общественное мнѣніе рукоплещетъ ему, какъ стойкому защитнику коренныхъ основъ государственности и культуры. Князь Бюловъ—превосходный канцлеръ, ибо ему приходится дѣйствовать въ счастливой странѣ, гдѣ народъ доволенъ своимъ правительствомъ, своими законами и порядками, — гдѣ населеніе добровольно выбираетъ консерваторовъ въ парламентъ и гдѣ даже преждевременный роспускъ народныхъ представителей одобряется публикою и приводитъ къ усиленію консервативнаго большинства. Въ Германіи преобладаетъ консерватизмъ, потому что существующіе въ ней административные и общественные порядки соотвѣтствуютъ желаніямъ и потребностямъ нѣмецкаго общества; жажда перемѣнъ тамъ не имѣетъ почвы, несмотря на устарѣлость многихъ учрежденій, — ибо самыя эти учрежденія постоянно приспособляются къ условіямъ современной жизни, при высокомъ умственномъ и культурномъ уровнѣ правящаго класса.

Въ Англіи новая парламентская сессія открылась 12-го февраля (нов. ст.), и однимъ изъ пунктовъ тронной рѣчи оффиціально поставлена на очередь реформа палаты лордовъ. „Серьезные вопросы, касающіеся дѣйствія нашей парламентской системы, — говорится въ тронной рѣчи, — возникли вслѣдствіе печальныхъ несогласій между обѣими палатами. Министры заняты разсмотрѣніемъ этого важнаго предмета, съ цѣлью найти выходъ изъ затрудненія". Главнымъ поводомъ къ конфликту было отклоненіе или, вѣрнѣе, измѣненіе палатою лордовъ двухъ законопроектовъ, одобренныхъ нижнею палатою; изъ нихъ наибольшій интересъ представлялъ билль о народномъ образованіи, долго и старательно обсуждавшійся въ палатѣ общинъ только для того, чтобы быть безцеремонно отвергнутымъ лордами. Предводитель консервативнаго большинства въ верхней палатѣ, лордъ Ландсдоунъ, напомнилъ, что при послѣднихъ парламентскихъ выборахъ правительство не предлагало странѣ высказаться о реформѣ палаты лордовъ, и, слѣдовательно, оно не могло получить полномочія для возбужденія этого вопроса; но если противъ палаты будутъ выставлены

опредѣленныя обвиненія, то они встрѣтятъ надлежащій отпоръ со стороны Лансдоуна и его единомышленниковъ. Объ отвергнутыхъ правительственныхъ билляхъ названный лордъ отозвался крайне пренебрежительно; по его мнѣнію, правительство должно быть еще благодарно лордамъ за то, что они ихъ отвергли. Ораторъ либеральной партіи въ палатѣ, лордъ Рипонъ, отмѣтилъ явную несправедливость и даже опасность такого положенія вещей, при которомъ законодательная дѣятельность либеральной нижней палаты задерживается и контролируется одностороннимъ консервативнымъ большинствомъ палаты лордовъ; правительство и парламентъ ставятся тогда въ зависимость отъ консервативной оппозиціи, потерявшей довѣріе избирателей, но сохраняющей всегда большинство въ наслѣдственной верхней палатѣ. Весь вопросъ именно въ этомъ незаконномъ преимуществѣ консерваторовъ передъ либералами вслѣдствіе обычнаго преобладанія консервативныхъ элементовъ въ верхней палатѣ: послѣдняя фактически находится въ распоряжѣніи одной и той же партіи при всякомъ вообще правительствѣ и при всякомъ составѣ палаты общинъ. Нынѣшняя оппозиція, руководимая Бальфуромъ, обходитъ эту сторону конфликта и останавливается лишь на общихъ принципіальныхъ спорахъ о двухпалатной системѣ, о законности и необходимости существованія палаты лордовъ и т. п. По мнѣнію бывшаго премьера, нелѣпо было бы предполагать, что мы можемъ имѣть вторую палату и не имѣть конфликтовъ; „нужно только, чтобы въ извѣстные промежутки времени народу предоставлялась возможность рѣшать, подъ какими законами онъ желаетъ жить“. Отвѣчая Бальфуру, глава кабинета, сэръ Кемпбелль-Баннерманъ подробно объяснилъ парламенту свой взглядъ на значеніе поднятой проблемы. Палата лордовъ уничтожила два крупныхъ законопроекта только потому, что они внесены либеральнымъ правительствомъ. Въ теченіе предшествовавшихъ двадцати лѣтъ лорды были вполнѣ спокойны и пассивно принимали все, что̀ имъ предлагалось уніонистскимъ кабинетомъ. Верхняя палата находилась тогда въ состояніи спячки; теперь насталъ для нея періодъ свирѣпости. „Это показываетъ—говоритъ премьеръ—какой-то фатальный недостатокъ въ дѣйствіи конституціи. Когда королевское правительство имѣло опредѣленный политическій составъ, палата лордовъ отрекалась отъ своихъ полномочій и отъ своего назначенія, въ качествѣ контролирующей палаты; но она становилась грубо аггрессивной, когда власть переходила къ либераламъ. Лидеръ оппозиціи можетъ всегда разсчитывать на содѣйствіе людей, никѣмъ не избранныхъ, но рожденныхъ для оказанія ему поддержки. Существенная основа британской конституціи заключается въ представительной системѣ. Но она перестала бы быть представительною, еслибы предводитель пар-

тіи, потерпѣвшей полное пораженіе на выборахъ, имѣлъ возможность прямо или косвенно сохранять верховный контроль надъ всѣмъ законодательствомъ. Правительство не отступаетъ отъ этой задачи, и, быть можетъ, рѣшить ее гораздо легче, чѣмъ думаютъ многіе".

Въ какомъ направленіи совершится эта реформа, и совершится ли она вообще въ близкомъ будущемъ—остается еще пока неизвѣстнымъ, но вопросъ дѣятельно обсуждается въ англійской печати, и лорды готовятся, вѣроятно, къ какому-нибудь компромиссу, чтобы избѣгнуть опаснаго для нихъ преобразованія.

Отдѣленіе церкви отъ государства во Франціи до сихъ поръ еще не можетъ осуществиться на практикѣ, несмотря на цѣлый рядъ относящихся къ этому предмету законовъ и министерскихъ циркуляровъ; постоянно возникаютъ все новыя затрудненія, требующія дальнѣйшихъ законодательныхъ и административныхъ мѣръ, и правительство съ неуклонною настойчивостью идетъ по избранному имъ пути, въ надеждѣ достигнуть наконецъ желанной цѣли. Но чѣмъ дальше подвигается дѣло впередъ, тѣмъ болѣе оно запутывается и усложняется, и многимъ уже кажется, что кризисъ становится хроническимъ. Чтобы ликвидировать разнообразныя отношенія между церковью и государствомъ, необходимо было бы участіе и согласіе обѣихъ сторонъ; между тѣмъ республиканское правительство разсчитывало устроить эту ликвидацію собственною властью, при помощи надлежащихъ законовъ, и не придавало серьезнаго значенія пассивному сопротивленію католическаго духовенства, такъ какъ послѣднее должно было рано или поздно возобновить свою религіозно-церковную дѣятельность на новыхъ началахъ. Правительство предоставило католикамъ довольно широкій просторъ въ образованіи мѣстныхъ вѣроисповѣдныхъ обществъ, уполномоченныхъ получать въ свое распоряженіе приходскія церкви, церковныя зданія и имущества; священникамъ и епископамъ предоставлялось играть руководящую роль въ этихъ новыхъ организаціяхъ, и администрація сохраняла бы за собою только право внѣшняго контроля, съ точки зрѣнія законности и порядка.

Правительство, однако, не предвидѣло того, что̀ случилось въ дѣйствительности; оно совершенно не было подготовлено къ упорной отрицательной тактикѣ католической іерархіи, и, быть можетъ, оно не ожидало такого безусловнаго повиновенія французскаго духовенства и французскихъ католиковъ римскому престолу. Папа Пій X объявилъ изданные республикою церковные законы недѣйствительными и запретилъ подчиняться имъ въ какомъ бы то ни было отношеніи; нигдѣ не могли образоваться вѣроисповѣдныя ассоціаціи, церковныя зданія

поступали въ завѣдываніе общинъ, ни съ кѣмъ нельзя было заключать договоры о пользованіи этими зданіями для религіозныхъ цѣлей, и населенію грозила тягостная перспектива остановки обычнаго богослуженія въ разныхъ мѣстахъ страны. Служители церкви твердо держались даннаго папою лозунга и рѣшительно уклонялись отъ какихъ бы то ни было уступокъ или компромиссовъ. Правительство придумывало разные способы, чтобы пойти навстрѣчу вѣрующимъ обывателямъ и облегчить имъ удовлетвореніе духовныхъ потребностей помимо римско-католической іерархіи; но всѣ подобныя попытки не приводили ни къ чему. За отсутствіемъ вѣроисповѣдныхъ ассоціацій, рѣшено было примѣнять къ церковной службѣ законъ 1881 года о публичныхъ собраніяхъ, подъ обычнымъ условіемъ предварительнаго сообщенія мѣстному административному начальству; но и это оказалось неудобнымъ или невыполнимымъ, и въ палату внесенъ проектъ соотвѣтственнаго пересмотра закона, съ устраненіемъ предварительной декларации и съ допущеніемъ собраній также въ ночное время. Чтобы не стѣснять католиковъ собираться въ храмахъ, провозглашается принципъ неограниченной свободы публичныхъ собраній въ селахъ и городахъ Франціи, и этотъ странный ходъ общаго законодательства для косвеннаго разрѣшенія религіозной проблемы смущаетъ очень многихъ разумныхъ республиканцевъ.

Во всемъ новѣйшемъ движеніи французскаго церковнаго кризиса главнымъ дѣйствующимъ лицомъ является министръ народнаго просвѣщенія и вѣроисповѣданій, Бріанъ, который своимъ блестящимъ ораторскимъ талантомъ и тонкимъ истинно-государственнымъ умомъ начинаетъ все болѣе овладѣвать общественнымъ мнѣніемъ и рѣшительно заслоняетъ собою самого главу кабинета, Клемансо. Бріану приходится въ палатѣ вести одновременно борьбу на два фронта,— выдерживать нападенія правыхъ по поводу крутыхъ мѣръ противъ церкви и подвергаться рѣзкой критикѣ крайнихъ лѣвыхъ за чрезмѣрную, будто бы, заботливость объ интересахъ католической религіи. Бріанъ произноситъ замѣчательныя рѣчи, которыя всѣми выслушиваются съ необыкновеннымъ вниманіемъ и удовольствіемъ; онъ умѣетъ высказывать свои взгляды въ такой изящной и убѣдительной формѣ, которая подкупаетъ и противниковъ, и ему удается постепенно проводить въ жизнь принципы, имѣющіе мало общаго съ шаблоннымъ радикализмомъ прежняго типа. Онъ говоритъ о дѣйствительной свободѣ совѣсти, о правѣ и справедливости, о томъ, что̀ недавно еще высмѣивалось, какъ устарѣлая либеральная мораль; и его доводы встрѣчаютъ единодушное сочувствіе среди старыхъ республиканскихъ скептиковъ, не исключая и Клемансо̀. Въ лицѣ Бріана выростаетъ предъ нами крупный государственный дѣятель — одинъ изъ немногихъ, ка-

кихъ выдвинула французская республика за время своего существованія.

Недавно вышла на французскомъ языкѣ книга г. Драганова о Македоніи и ея реформахъ („La Macédoine et les Réformes", Paris, 1906), заключающая въ себѣ убійственные матеріалы для оцѣнки пресловутыхъ дипломатическихъ заботъ о жителяхъ названной турецкой провинціи. Съ одной стороны, иностранные кабинеты вырабатывали программу реформъ, которыми имѣлось въ виду хотя отчасти улучшить положеніе безправныхъ туземцевъ-христіанъ; въ этомъ смыслѣ предприняты были извѣстныя дипломатическія мѣры, при ближайшемъ участіи Австро-Венгріи и Россіи, для устройства международной жандарменіи въ пограничныхъ округахъ, и затѣмъ установленъ международный финансовый контроль, въ видѣ особой коммиссіи при турецкомъ генералъ-губернаторѣ. Съ другой стороны, подъ покровомъ этой международной опеки, идетъ систематическое опустошеніе многихъ селъ и мѣстечекъ Македоніи, избіеніе жителей, преимущественно болгаръ, женщинъ и дѣтей. Рядомъ съ иностранной жандармеріею существуетъ турецкая полиція, дѣйствующая по своему усмотрѣнію, по указаніямъ таинственныхъ шпіоновъ и доносчиковъ; сверхъ того, участь населенія находится въ рукахъ турецкаго суда, проникнутаго тѣмъ же духомъ, какъ и полиція; а на глазахъ этихъ органовъ турецкой государственности происходятъ кровавыя сцены: вооруженные мусульмане усмиряютъ безоружныхъ христіанъ, греки воюютъ съ болгарами и разоряютъ ихъ селенія, изъ чувства племенной вражды или въ силу старыхъ взаимныхъ счетовъ, и число непокорныхъ туземцевъ все болѣе уменьшается, къ удовольствію турецкихъ властей. Значительнѣйшая часть книги г. Драганова (отъ 143 до 323 стр.) наполнена фактами и цифрами, касающимися повальныхъ грабежей и убійствъ, жертвами которыхъ были болгары. Въ теченіе одиннадцати мѣсяцевъ 1905 года убито было въ Македоніи 1010 мирныхъ болгаръ; въ томъ числѣ отъ мусульманъ и солдатъ погибло 525, отъ грековъ—451, отъ сербовъ—34 человѣка. Въ девять мѣсяцевъ 1906 года, по оффиціальнымъ даннымъ, убито 1.246 болгаръ по политическимъ мотивамъ, въ трехъ македонскихъ вилайетахъ. И это совершается въ такой турецкой провинціи, которая состоитъ подъ наблюденіемъ и покровительствомъ Европы, согласно берлинскому трактату, и гдѣ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ насаждались какія-то международныя реформы. Г. Драгановъ полагаетъ, что замаскированною цѣлью этого дипломатическаго вмѣшательства было обезпеченіе интересовъ Австро-Венгріи на основѣ принципа status quo,—причемъ совершенно излишнимъ было участіе представителей русской дипломатіи.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

— Edouard Maynial. La Vie et l'oeuvre de Guy de Maupassant. Стр. 296. Paris, 1906 (Mercure de France).

Тринадцать лѣтъ прошло со смерти Мопассана, и только въ концѣ минувшаго года появилась во Франціи полная и документированная исторія его жизни. Отчасти это объясняется тѣмъ, что французы—въ противоположность нѣмцамъ—не увлекаются изученіемъ историко-литературныхъ матеріаловъ и, вообще, не создаютъ обширной ученой литературы вокругъ своихъ великихъ писателей, въ особенности когда дѣло идетъ не о старой классической литературѣ, но о современныхъ писателяхъ. Но относительно Мопассана есть еще другая, внутренняя причина, объясняющая отсутствіе біографическихъ трудовъ о немъ. Мопассанъ глубоко осуждалъ всякое любопытство къ личности писателей и считалъ, что только книги писателя—общее достояніе, личная же его жизнь должна оставаться скрытой отъ постороннихъ взоровъ. Подобно своему другу и учителю, Флоберу, онъ отстаивалъ принципъ безличности художника, возмущался, когда послѣ смерти писателя предавали гласности его переписку, протестовалъ противъ печатанія своихъ портретовъ, говоря: „публикѣ принадлежатъ наши сочиненія, а не наши лица“. Изъ боязни стать самому жертвой любопытства толпы, онъ тщательно избѣгалъ въ своей перепискѣ всякой откровенности относительно себя, и затруднялъ работу будущаго біографа замкнутостью своей личной жизни. Но послѣ его смерти стало появляться множество біографическихъ свѣдѣній о немъ, воспоминаній и писемъ, и теперь наконецъ Эдуардъ Мэніаль издалъ его полную біографію, пользуясь, главнымъ образомъ, всѣмъ, что̀ извѣстно о немъ отъ его матери, Лауры де-Мопассанъ, бывшей его вѣрнымъ другомъ, а также воспоминаніями знавшихъ его людей, письмами и документами, относящимися къ активной порѣ его дѣятельности.

Исторію жизни Мопассана біографъ тѣсно связываетъ съ исторіей его произведеній. Жизнь Мопассана была слита съ его творчествомъ; онъ твердо слѣдовалъ принципу своего учителя Флобера: „Нужно принести все въ жертву искусству; жизнь для художника только средство и ничто другое“. И жизнь Мопассана, слившаяся съ его творчествомъ, тѣмъ самымъ и полна глубокаго и трагическаго интереса. Вся свѣтлая полнота ощущеній и весь ужасъ его пессими-

стическихъ откровеній, жадная любовь къ жизни и острое чувство смерти —. всѣ эти основные мотивы его творчества и составляютъ ткань его личной жизни. Читая въ книгѣ Мэніаля тщательно собранные и документированные факты его жизни, съ дѣтства и до его трагической смерти, мы остаемся все время въ сферѣ его остраго, проникновенно-печальнаго творчества, его разсказовъ, повѣстей и романовъ, его лирическихъ литературныхъ исповѣдей въ формѣ путевыхъ замѣтокъ: все написанное Мопассаномъ—вмѣстѣ съ тѣмъ лично пережитое. Литературное воплощеніе своей души было для него самымъ существеннымъ въ жизни, — это доказываетъ его конецъ. Когда онъ окончательно убѣдился, что утратилъ ясность ума и способность къ работѣ, его первымъ желаніемъ было покончить съ собой, чтобы не пережить въ себѣ художника. И только вмѣшательство близкихъ отвело его руку, и онъ пережилъ еще два года мучительной агоніи, извѣдавъ до дна трагизмъ жизни.

Съ самаго ранняго дѣтства и вплоть до того времени, когда началась его душевная болѣзнь, Мопассанъ поражалъ своимъ здоровьемъ, своей физической силой и бодростью, своей воспріимчивостью къ впечатлѣніямъ жизни—и въ то же время всегда въ немъ неумолчно звучалъ голосъ, идущій изъ мрака души, открывавшей ему на каждомъ шагу бездны бытія.

Свѣтлые задатки его души развились въ немъ подъ вліяніемъ его матери. Лаура де-Мопассанъ была лучшимъ другомъ своего сына—какъ мать Гёте. Это была выдающаяся по уму и образованію женщина; въ молодости она дѣлила литературные интересы и вкусы своего брата, рано умершаго поэта, Альфреда Пуатвенъ, была дружна съ его друзьями, Флоберомъ и Луи Булье, читала и увлекалась Шекспиромъ и отличалась рѣдкой въ француженкѣ самостоятельностью сужденій. Съ Флоберомъ у нея сохранились сердечныя отношенія до его смерти, и изъ дружбы къ ней онъ принялъ такое близкое участіе въ ея сынѣ, направлялъ его первые шаги, сдѣлался его строгимъ учителемъ — и потомъ уже близко сошелся съ нимъ. Мопассанъ не былъ ни племянникомъ, ни крестникомъ Флобера, какъ обыкновенно считается. Лаура де-Мопассанъ съ дѣтства развивала литературныя наклонности сына; благодаря ей, онъ пристрастился къ чтенію и въ особенности увлекался Шекспиромъ.

Лаура де-Мопассанъ разошлась съ мужемъ и поселилась съ двумя сыновьями въ Этретà, въ своей виллѣ Вержи, — и тамъ Мопассанъ провелъ нѣсколько лѣтъ среди нормандской природы, въ постоянномъ общеніи съ моремъ и рыбаками, пользуясь полной свободой, укрѣпляя здоровье и наполняя душу впечатлѣніями природы, наблюденіями надъ безхитростной жизнью простыхъ людей. Все его дѣтство тѣсно

связано было съ природой Нормандіи, и эту природу онъ впослѣдствіи наиболѣе мастерски описывалъ въ своихъ романахъ и повѣстяхъ. Тамъ же, въ Нормандіи, онъ хорошо изучилъ жизнь крестьянъ и рыбаковъ и полюбилъ море. Жизнь на водѣ, среди простора, сдѣлалась впослѣдствіи его главной страстью, и чрезмѣрное увлеченіе гребнымъ спортомъ даже вредно отозвалось—такъ, по крайней мѣрѣ, думалъ онъ самъ—на его здоровьи. Мать часто участвовала въ его экскурсіяхъ, бродила съ нимъ по скаламъ, и онъ оставлялъ ее только для своихъ друзей-рыбаковъ, съ которыми надолго уѣзжалъ въ море. Эта жизнь на воздухѣ очень укрѣпила его, и онъ производилъ впечатлѣніе необыкновенно здороваго и сильнаго мальчика. О своей энергіи и „жадности жизни" въ юности онъ часто вспоминалъ впослѣдствіи.

Тринадцати лѣтъ Мопассанъ поступилъ въ католическую семинарію, въ Ивето̀—но недолго тамъ пробылъ, такъ какъ при полномъ отсутствіи религіозныхъ настроеній атмосфера католической школы была для него невыносима. Онъ пускался на всевозможныя шалости, высмѣивалъ учителей въ стихахъ — и къ своему удовольствію былъ уволенъ изъ семинаріи и вернулся къ прежней свободной жизни въ Этрета̀. Дальнѣйшее его ученіе завершилось въ лицеѣ въ Руанѣ, гдѣ онъ учился съ увлеченіемъ. Онъ тогда началъ писать стихи, и его совѣтчикомъ былъ поэтъ Луи Буле; подъ его руководствомъ Мопассанъ сталъ ревностно работать надъ формой стиха, чтобы прежде всего овладѣть техническимъ совершенствомъ.

Онъ хорошо изучилъ тамъ провинціальную среду, а также деревенскій бытъ, и эти наблюденія отразились въ созданныхъ имъ впослѣдствіи типахъ. Юношескій періодъ закончился 1870 годомъ, когда Мопассанъ вступилъ солдатомъ въ дѣйствующую армію и впечатлѣнія войны дали ему матеріалъ для нѣкоторыхъ изъ лучшихъ его разсказовъ. Послѣ войны онъ переѣхалъ въ Парижъ, и дальнѣйшія двадцать лѣтъ обнимаютъ всю его писательскую жизнь, причемъ десять лѣтъ прошли въ серьезной и строгой подготовительной работѣ, и только въ 1880 году онъ выступилъ въ литературѣ уже во всеоружіи созрѣвшаго таланта. Первая его вещь была напечатана, когда ему было тридцать лѣтъ. Это былъ разсказъ изъ франко-прусской войны, „Boule de suif" (Пышка). Этой выдержкѣ содѣйствовалъ главнымъ образомъ Флоберъ, заставлявшій своего ученика тщательно работать надъ стилемъ, надъ пріисканіемъ точныхъ выраженій для столь же точныхъ наблюденій.

Въ Парижѣ Мопассанъ наблюдаетъ бюрократическую среду, изучаетъ типы, которые потомъ воспроизведетъ въ повѣстяхъ. Множество разсказовъ („Наслѣдство", „Ожерелье", „По семейному" и др.) ри-

суютъ любопытные уголки чиновничьяго быта, типы людей, превращенныхъ въ машины механической службой. А пока онъ забавляетъ пріятелей при встрѣчахъ безконечными анекдотами изъ министерской жизни. Все становится для него источникомъ интересныхъ переживаній. Благодаря близости къ Флоберу, Мопассанъ сразу вступаетъ въ литературный кругъ. У Флобера онъ встрѣчалъ Зола̀, Додэ, писателей молодого поколѣнія натуралистовъ, — и главнымъ образомъ Тургенева, съ которымъ у него установились особенно близкія симпатіи, свидѣтельствующія о сродствѣ душъ и дарованій. Мопассанъ бывалъ также часто на непринужденно дружественныхъ собраніяхъ у Зола̀ по четвергамъ, встрѣчался также съ Гонкурами, которые, впрочемъ, относились къ нему враждебно. Такимъ образомъ, онъ очутился въ центрѣ литературныхъ битвъ тогдашняго натурализма, который отстаивалъ себя противъ реакціонныхъ теченій въ литературѣ. Но участникомъ этихъ битвъ Мопассанъ не сдѣлался, и въ этомъ сказалась особенность его натуры. Мопассанъ былъ аристократически-замкнутымъ художникомъ, и душа его, дѣйствительно, чуждалась толпы. „Литераторской жилки“—„homme-de lettres'“изма, отличавшаго Гонкуровъ, въ немъ совершенно не было, также какъ не было воинственности Зола̀. Онъ былъ жрецомъ искусства, священнодѣйствовалъ, отдаваясь ему, готовился къ исполненію долга, который былъ для него единственно священнымъ въ жизни — и все жизненное, внѣшнее въ писательствѣ отталкивало ему. Для него не существовало литературныхъ школъ, направленій, онъ не зналъ единомышленниковъ, такъ же, какъ литературныхъ враговъ, не полемизировалъ, а только искалъ воплощеній для своего міропониманія, и чувствовалъ себя одинъ-на-одинъ съ міромъ.

Любовь къ непосредственному общенію съ природой спасла Мопассана отъ профессіонально-писательской жизни, отъ „кружковщины“. Въ періодъ своего ученичества онъ былъ не столько „литераторомъ“ и завсегдатаемъ литературныхъ салоновъ, сколько неутомимымъ гребцомъ, славившимся своей силой и ловкостью. Когда друзья, увѣренные въ его литературномъ призваніи, разспрашивали его объ его литературныхъ планахъ, онъ всегда просто отвѣчалъ: „Я не тороплюсь, я учусь моему ремеслу“. И Флоберъ укрѣплялъ его въ этой выдержкѣ, заставлялъ его безъ конца работать, чтобы выработать въ немъ „индивидуальную манеру видѣть и чувствовать“, упрекалъ его за все еще недостаточную усидчивость, училъ его наблюдать и мѣтко передавать наблюденія—и главное, настаивалъ на томъ, чтобы онъ не торопился печатать. Когда мать Мопассана спрашивала Флобера, не пора ли ея сыну бросить службу и заняться исключительно литературой, онъ отвѣчалъ:—„Нѣтъ, пусть онъ не будетъ неудачникомъ“..

Послѣ смерти Флобера началась творческая эпоха для созрѣвшаго таланта Мопассана. Трудно представить себѣ, вспоминая количество произведеній Мопассана, что все это написано въ десять лѣтъ. Весь періодъ его творчества обнимаетъ время отъ 1880 до 1891 года. До того онъ готовился, послѣ того онъ умиралъ—и умеръ. За эти десять лѣтъ Мопассанъ написалъ и напечаталъ шесть большихъ романовъ, шестнадцать томовъ повѣстей, три книги путевыхъ замѣтокъ и множество газетныхъ статей, не вошедшихъ въ собраніе его сочиненій. Въ теченіе восьми лѣтъ онъ издавалъ отъ трехъ до пяти книгъ ежегодно. Вся жизнь его была поглощена творчествомъ. Онъ жилъ большей частью въ одиночествѣ, поддерживая частыя сношенія лишь съ нѣсколькими друзьями, путешествуя для поддержки здоровья. Въ его сердечной жизни не было поглощающихъ привязанностей. При своемъ развѣнчивающемъ отношеніи къ жизни, къ человѣческимъ чувствамъ и страстямъ, Мопассанъ не зналъ глубокой любви; это ясно выражено въ одномъ изъ его разсказовъ, „Одиночество", гдѣ любовь изображена, какъ маска сближенія, подъ которой нѣтъ ничего, кромѣ безнадежнаго одиночества.

Внѣшняя жизнь Мопассана и въ этотъ періодъ отмѣчена все той же острой жаждой полноты и смѣны жизненныхъ ощущеній. Онъ хочетъ покорить себѣ жизнь, хочетъ безграничной свободы, хочетъ предъявить свои права на всѣ блага жизни,—и поэтому въ его огромной художественной продуктивности играетъ большую роль желаніе разбогатѣть. Онъ управляетъ всѣми денежными дѣлами съ практичностью истаго нормандца, говоритъ самъ, что хотѣлъ бы разорить всѣхъ издателей, оберегаетъ свои права, судится со всѣми, кто ихъ нарушаетъ; преслѣдуя какой-то американскій журналъ за плагіатъ, онъ ссылается на высокую цѣну, которою оплачиваются его произведенія во Франціи (каждый романъ по франку за строчку, каждый разсказъ по пятисотъ франковъ), всячески заботится о матеріальномъ успѣхѣ своихъ книгъ—и затѣмъ всѣ свои доходы тратитъ на жизнь, соотвѣтствующую его вкусамъ. Онъ построилъ себѣ виллу, куда пріѣзжалъ писать, собиралъ у себя друзей, увлекался охотой, и потомъ, главнымъ образомъ, много путешествовалъ на своей яхтѣ „Bel Ami". Исторія этихъ путешествій среди одиночества на морѣ и разныхъ встрѣчъ на берегу, разсказана въ книгахъ „На солнцѣ", „На водѣ", „Бродячая жизнь"—въ нихъ весь интимный Мопассанъ со всѣми его ощущеніями.

Въ столь обширномъ и разнообразномъ творчествѣ Мопассана, рисуетъ ли онъ нравы буржуазнаго общества или жизнь простыхъ людей среди природы, или приключенія людей, заброшенныхъ далеко отъ родины, или столкновеніе всего уродливаго и всего чистаго въ человѣческихъ душахъ — во всемъ этомъ звучатъ тѣ же двѣ струны,

только большей частью раздѣльно: или преобладаетъ внѣшняя сенсуальность, легкое прозрачное наслажденіе красотой — или обнажается дно страстей, призрачность маски красоты, ужасъ вѣчныхъ вопросовъ, мрачная загадка смерти. Это именно настроеніе все болѣе укрѣпляется въ творчествѣ Мопассана. Оно придаетъ его послѣднимъ романамъ („Наше сердце", „Сильнѣе смерти") обостренную эмоціональность, тонъ нѣжнаго сочувствія страдающимъ душамъ. И чѣмъ ближе къ концу, тѣмъ сильнѣе обостряется основное настроеніе Мопассана, и мракъ принимаетъ уже болѣзненныя формы ужаса. Начинается неврастенія. Онъ пишетъ такіе разсказы, какъ „Horla", „Lui", „Qui sait" — описанія пережитыхъ ужасовъ. Читателю это могло казаться художественной символизаціей переживаній духа—но это уже были болѣзненныя галлюцинаціи, возсозданныя большимъ талантомъ.

Исторія болѣзни и смерти Мопассана описана въ книгѣ Мэніаля съ интересными подробностями, рисующими постепенное разрушеніе художника, который еще сначала боролся, а затѣмъ хотѣлъ умереть, пока сохранялъ сознаніе, но все-таки провелъ два года до своей смерти— въ 1893 г.—въ психіатрической лечебницѣ, медленно умирая отъ паралича мозга.

Біографъ Мопассана часто упоминаетъ въ своей книгѣ объ одномъ писателѣ, съ которымъ Мопассанъ ближе сходился, чѣмъ съ другими. Писатель этотъ—Тургеневъ; ему Мопассанъ читалъ свои первыя вещи, у него искалъ и находилъ сочувствіе. Эта симпатія представляетъ особый интересъ для насъ, и еще разъ указываетъ на дѣйствительную духовную близость Мопассана съ Тургеневымъ. На это уже указывалъ русскій цѣнитель Мопассана, С. А. Андреевскій, въ своемъ очеркѣ, написанномъ вскорѣ послѣ смерти Мопассана. „Учителемъ Мопассана въ художественной техникѣ былъ Флоберъ, но болѣе роднымъ по духу былъ Тургеневъ", говоритъ С. А. Андревскій. Сужденіе критика подтверждается теперь фактами, сообщенными біографомъ. Въ русской литературѣ о Мопассанѣ очеркъ г. Андреевскаго—одинъ изъ наиболѣе цѣнныхъ. Онъ выдвигаетъ въ Мопассанѣ его уваженіе къ дѣйствительности, придающее большую силу его пессимистическимъ изображеніямъ мѣщанской пошлости, а также вѣрно опредѣляетъ острыя настроенія Мопассана, разладъ въ его душѣ: любовь къ жизни и муку передъ тайнами жизни. Л. Толстой въ своей характеристикѣ Мопассана цѣнитъ въ немъ исключительно моралиста.

У насъ знаютъ Мопассана и цѣнятъ его—но, къ сожалѣнію, до сихъ поръ нѣтъ вполнѣ удовлетворительнаго полнаго перевода его произведеній. Недавно вышло полное собраніе сочиненій Мопассана въ изданіи Ѳ. И. Булгакова, — но это изданіе не выдерживаетъ критики.

Есть нѣсколько переводовъ, хотя и не передающихъ красоты мопассановскаго стиля, но во всякомъ случаѣ грамотныхъ. Но что сказать о большинствѣ другихъ? Ихъ нельзя критиковать: приходится только приводить „перлы“ невѣжества. Вотъ, напримѣръ, кое-что изъ перевода „Монтъ-Оріоль“: „секретная дѣятельность железъ (sécréter—выдѣлять), подъ давленіемъ накопленнаго“ (?); или: „я постараюсь сдѣлать симпатическій призывъ къ вашей волѣ“ (je m'efforcerai de faire un appel sympatique à la votre—(volonté); „ихъ выдающееся торжество онъ считалъ справедливымъ удовлетвореніемъ ихъ униженія“ (envisageant leur triomphe éclatant comme une juste réparation de leur humiliation); „докторъ началъ аускультировать и перкутировать свою кліентку“ (ausculter et percuter sa cliente), и т. д., и т. д. безъ конца. Невѣжество переводчика доходитъ до того, что онъ, очевидно, никогда не слыхалъ имени столь популярнаго художника, какъ Теньеръ, и все время называетъ его Тенье; затѣмъ онъ говоритъ о „гравюрахъ Эпиналя“, точно Эпиналь—имя художника; онъ не подозрѣваетъ, очевидно, что images d'Epinal, соотвѣтствующія нашимъ лубочнымъ картинкамъ, изготовляются въ Эпиналѣ. А въ переводѣ „Boule de suif“ мы находимъ такія выраженія, какъ „офицеры голубыхъ гусаровъ“ и „офицеры стрѣлковъ“ (officiers aux husards bleus и aux chasseurs); или: „учтивое оружіе“ (?) (armes courtoises), „войска тянулись безъ всякаго строя“ и т. д. Прелестно также переведено ходячее выраженіе: „il ne la trouve pas drôle“, т.-е. ему это не нравится. Переводчикъ, не зная, что „elle“ относится къ подразумѣваемому histoire или plaisanterie, переводитъ: „она ему вовсе не кажется смѣшной сегодня вечеромъ“. Получается полная безсмыслица, такъ какъ никакой „она“ нѣтъ по смыслу фразы. Вотъ въ какомъ переводѣ русская публика знакомится съ писателемъ, который положилъ жизнь на совершенство стиля, который учился десять лѣтъ у Флобера, чтобы не повторять одинаковыхъ словъ слишкомъ близко одно отъ другого, чтобы разнообразить ритмъ рѣчи и т. д. Какая иронія судьбы!

II.

— Gerhardt Hauptmann. Die Jungfern vom Bischofsberg. Lustspiel. Berlin, 1907 (S. Fischer Verlag).

Новая комедія Гергарда Гауптмана „Die Jungfern vom Bischofsberg“ разочаровала даже вѣрныхъ поклонниковъ драматурга, давшаго нѣмецкой сценѣ столько оригинальныхъ и глубокихъ произведеній. На сценѣ — въ берлинскомъ „Лессингъ-Театрѣ“ — она вызвала на первомъ представленіи сильные протесты, и критика ее рѣзко осудила.

Въ настоящее время она вышла въ печати, и можно судить объ ея чисто литературныхъ качествахъ. Въ чтеніи она тоже производитъ скорѣе впечатлѣніе слабой по интригѣ и наивной по комическимъ эффектамъ пьесы. Но все же въ замыслѣ ея чувствуется Гауптманъ,—чувствуется постоянный экспериментаторъ въ области драматической стихіи, какимъ Гауптманъ является во всѣхъ своихъ драмахъ. Особенность Гауптмана заключается въ томъ, что почти въ каждой своей пьесѣ онъ вступаетъ на новый путь, ищетъ новыхъ источниковъ эмоцій. Не всѣ его опыты бываютъ удачны. Въ „Флоріанѣ Гейерѣ", напримѣръ, онъ хотѣлъ создать собирательную драму толпы и замѣнилъ героическую драму картинами, въ которыхъ дѣйствуетъ безъименная толпа, но онъ не сумѣлъ выполнить свой замыселъ съ достаточной художественной выразительностью, и драма его тоже потерпѣла пораженіе на сценѣ. Удавались же ему главнымъ образомъ драмы, въ которыхъ переплеталась грубая дѣйствительность съ заоблачнымъ идеализмомъ—какъ въ „Ганнеле", въ „Потонувшемъ колоколѣ", а также чисто психологическія драмы, отражающія освободительный процессъ души въ мірѣ. Онѣ прочно утвердились и на нѣмецкой сценѣ, и внѣ Германіи. Но внутренній міръ поэта, его стремленія обнаруживаются и въ его неудавшихся опытахъ, и въ его слабыхъ по выполненію драмахъ.

Къ таковымъ принадлежитъ, конечно, и его новѣйшая комедія. Ее слѣдуетъ разсматривать какъ новый опытъ,—и она становится тогда интересной по своему идейному замыслу. Въ разработкѣ ея сказывается почти намѣренная элементарность. Фабула примитивная, неправдоподобная: въ старинномъ замкѣ, среди живописныхъ развалинъ вблизи стариннаго города Наумбурга, привлекающаго археологовъ красотой старинныхъ зданій и памятниковъ искусства, живутъ четыре сестры, богатыя, молодыя и красивыя невѣсты. Онѣ сироты: мать давно умерла, и еще не прошло года съ тѣхъ поръ, какъ умеръ отецъ, къ памяти котораго всѣ относятся съ благоговѣніемъ. У него была душа художника, онъ понималъ красоту старины и въ особенности любилъ церковную музыку. Четыре сестры живутъ теперь подъ охраной стариковъ, брата и сестры своего отца. Вторая изъ сестеръ—счастливая невѣста молодого купца; старшая сестра все не находитъ жениховъ, потому что дядя ея слишкомъ разборчивъ, а сердечная исторія третьей, Агаты, составляетъ драматическое содержаніе комедіи. Она еще при жизни отца отдала свое сердце молодому доктору, Грюнвальду, но отецъ не согласился на бракъ, требуя, чтобы женихъ создалъ себѣ раньше твердое „положеніе" въ жизни. Грюнвальдъ уѣзжаетъ въ Америку. Агата ждетъ его, но проходитъ годъ, отецъ умеръ, а отъ Грюнвальда нѣтъ никакихъ извѣстій. Агата увѣрена что онъ ее забылъ,

и въ отчаяніи принимаетъ ухаживанія несноснаго учителя Наста, археолога, который изучаетъ старину, совершенно не понимая ея красотъ. Есть еще четвертая сестра, пятнадцатилѣтняя Людовика,—Луксъ, какъ ее называютъ сестры, — и она собственно выражаетъ идею комедіи, внося въ нее стихію веселости, разрѣшающей всѣ трудности.

Такова завязка комедіи. На фонѣ прекрасной мертвой старины разыгрывается судьба нѣсколькихъ молодыхъ существованій. Это положеніе напоминаетъ „Мертвый городъ“ д'Аннунціо, съ той разницей, что тамъ дѣйствующая сила — роковой трагизмъ жизни, а тутъ—торжество любви и молодости. Идейная борьба происходитъ между мертвеннымъ педантизмомъ учителя Наста, завладѣвшаго слабой волей Агаты, въ минуты ея отчаянія, и Грюнвальдомъ, идеалистомъ, укрѣпившимся за время жизни въ Америкѣ въ своей жаждѣ свободы. Настъ—охранитель общественныхъ предразсудковъ, защитникъ традиціонныхъ взглядовъ на воспитаніе, на устои жизни,—а Грюнвальдъ мечтаетъ о будущихъ людяхъ, которые будутъ жить въ радости и опрокинутъ всѣ пугала, стѣсняющія ихъ свободу. Настъ—убѣжденный педагогъ въ старомъ духѣ; — Грюнвальдъ считаетъ всѣ теперешнія школы тюрьмами и смотритъ на нихъ какъ на проклятіе, тяготѣющее надъ жизнью націи, убивающее ея силу, красоту и радость. Школа, говоритъ онъ, должна, какъ въ древности, развивать тѣло и духъ, должна быть полна веселости и счастья, въ ней должны раздаваться звуки струнъ, пѣніе и танцы.

Кому принадлежитъ будущее—свободнымъ душамъ, признавшимъ закономъ жизни свѣтлую радость, и во имя ея уничтожающимъ преграды всѣхъ условностей, — или же ограниченнымъ старыми путами узкимъ моралистамъ съ сухой душой? Въ чемъ правда—въ живой и радостной любви, или въ долгѣ, созданномъ условной моралью? Это должно выясниться въ борьбѣ двухъ притязателей на руку и сердце Агаты. Нравственная побѣда одержана Грюнвальдомъ. Агата его любитъ и только изъ малодушія противится ему. Но въ жизни она связана. Ея путы и заключаются въ томъ, что она недостаточно вѣрила въ законъ любви и радости, что отсутствіе Грюнвальда она приняла за измѣну, что она связала себя обѣщаніями съ Настомъ, т.-е. съ мертвящимъ началомъ жизни. И жизнь сильна: Агатѣ трудно порвать съ педантомъ-учителемъ.

Въ жизни онъ всегда мучительно правъ; его доводы опираются на предразсудки приличій; онъ опутываетъ ее требованіями благодарности за оказанныя услуги, своей житейской заботливостью объ устроеніи ея дѣлъ,—и душа Агаты только скорбитъ о недосягаемомъ счастьи, о желанной свободѣ. И Грюнвальдъ слишкомъ непрактиченъ въ своемъ идеализмѣ и не умѣетъ бороться съ Настомъ въ области

воли. Онъ страдаетъ и готовъ уйти, когда Агата его отстраняетъ, дѣйствуя противъ себя во имя властныхъ законовъ жизни. Для освобожденія Агаты и Грюнвальда нужно, чтобы воплотилась въ ихъ жизни та сила, которая владѣетъ ихъ душой. И сила эта воплощается въ лицѣ шаловливой Луксъ. Образъ этой дѣвушки—наиболѣе удачный въ комедіи. Она задумана нѣсколько символично и напоминаетъ героиню другой драмы Гауптмана, „Пиппа пляшетъ". Паѳосъ Луксъ, какъ и Пиппы, въ ея страсти къ танцамъ, къ музыкѣ движеній, воплощающихъ радость ея души и въ обще-символическомъ смыслѣ—радость бытія. Луксъ танцуетъ для себя свои особые танцы, и ей тяжело отказаться отъ своей страсти даже въ годъ траура по отцѣ, котораго она горячо любила. Она танцуетъ тайкомъ, прячась отъ Наста съ его проповѣдью приличій. Сердце ея свободно, въ немъ живетъ только любовь къ радости. Ей хочется внести эту радость вокругъ себя, и она поэтому спасаетъ Агату. Она, вмѣстѣ съ своимъ сообщникомъ и товарищемъ, молодымъ скульпторомъ Отто, братомъ жениха старшей сестры, устраиваетъ шаловливую продѣлку, которая развѣнчиваетъ житейскую правоту Наста, выставляетъ его въ смѣшномъ видѣ и тѣмъ самымъ уничтожаетъ его житейскую силу. Самая эта продѣлка задумана авторомъ безъ достаточнаго юмора, и въ этомъ—главная слабость комедіи. Настъ очень самоувѣренъ и гордится своими археологическими изысканіями. Случай, какъ ему кажется, благопріятствуетъ ему, онъ готовится поразить всѣхъ сдѣланной имъ находкой,—но при этомъ попадается самымъ глупѣйшимъ образомъ. Его дурачитъ ловкій бродяга, выдавая найденный имъ крестикъ одной изъ сестеръ за находку въ старинномъ колодцѣ. Настъ давно уже намѣтилъ именно этотъ колодезь, какъ мѣсто для раскопокъ, и теперь тѣмъ болѣе увѣренъ, что найдетъ тамъ небывалыя сокровища. Онъ входитъ въ соглашеніе съ бродягой и начинаетъ изслѣдованіе колодца прежде, чѣмъ приступить къ раскопкамъ. Обо всемъ этомъ узнаютъ Луксъ и Отто и рѣшаютъ подшутить надъ ненавистнымъ имъ педантомъ. Они спускаютъ на дно старинный ящикъ, наполнивъ его съѣстными припасами: свѣжей колбасой, паштетами, виномъ и т. д. Настъ, замѣтившій какой-то предметъ на днѣ, созываетъ все общество, собравшееся на свадьбу старшей сестры, и торжественно извлекаетъ ящикъ. Своимъ научнымъ торжествомъ онъ надѣется окончательно покорить Агату, и увѣренъ, что въ этотъ день объявлена будетъ ихъ помолвка. Ящикъ открываютъ—и шутка обнаруживается. Настъ возмущенъ, всѣ рады его пораженію, и все его обаяніе разрушено. Грюнвальда и Агату послѣ этого не могутъ доискаться; наконецъ, Луксъ находитъ сестру, которая заперлась въ часовнѣ съ романтическимъ проектомъ умереть тамъ отъ отчаянія. Но къ ней является Грюнвальдъ, и все кончается

къ общему благополучію торжествомъ любящихъ, послѣ того какъ Луксъ, добрый геній всѣхъ любящихъ и радостныхъ, зачаровываетъ всѣхъ своими танцами при лунѣ. Эта сцена—наиболѣе поэтичная въ комедіи. Луксъ тутъ становится сестрой прежнихъ поэтическихъ созданій автора, его Раутенделейнъ и Пиппы, и выясняетъ символическій смыслъ комедіи.

Самое дѣйствіе пьесы слабое, въ немъ мало юмора, особенно сравнительно съ прежними живыми фарсами Гауптмана, его „Бобровой шубой“ и „Шлукъ и Яу“. Слабо очерчены дѣйствующія лица, особенно идеалистъ Грюнвальдъ, скорѣе глупый, чѣмъ слабый человѣкъ. Удачнѣе въ своей жизненной твердости Настъ. Но все-таки идейный замыселъ комедіи спасаетъ ее отъ банальности и придаетъ ей, несмотря на провалъ на сценѣ, литературный интересъ.—З. В.

ЭМИГРАЦІОННОЕ ДВИЖЕНІЕ ВЪ ЦАРСТВѢ ПОЛЬСКОМЪ.

Замѣтка.

Вопросъ объ эмиграціи въ Россіи готовъ перейти въ новый фазисъ—легализаціи. До послѣдняго момента въ нашемъ отечествѣ существовало сильное эмиграціонное движеніе, но оно совершалось какъ бы подъ сурдинку. Государство оставляло его безъ вниманія, игнорируя или, лучше сказать, даже не замѣчая его. Пока наша эмиграція проявлялась въ слабыхъ размѣрахъ, такое отношеніе государства, если и не могло быть оправдываемо, то, во всякомъ случаѣ, могло быть объясняемо. Съ быстрымъ и могучимъ ростомъ эмиграціи въ послѣдніе годы такая точка зрѣнія не могла долго держаться. Государство силой вещей вынуждено было высказать свой взглядъ на то движеніе, въ которомъ стали принимать участіе сотни тысячъ его гражданъ. Отношеніе государства къ доселѣ игнорируемому имъ соціально-экономическому явленію должно было радикально измѣниться. Это измѣненіе было вызвано, главнымъ образомъ, чисто утилитарными соображеніями — стремленіемъ регулировать это движеніе такимъ образомъ, чтобы оно приносило пользу государству. Отчасти здѣсь дѣйствовали и болѣе гуманныя соображенія—нельзя же безучастно и индифферентно относиться къ тому, что сотни тысячъ людей покидаютъ свое отечество и за далекимъ океаномъ ищутъ себѣ крова и пріюта. Глубоко правъ Рошеръ, говоря, что—„уже одно простое человѣколюбіе не допускаетъ того, чтобы эмиграція была такъ же свободна, какъ свободенъ полетъ птицъ". Именно это простое человѣколюбіе и побуждало государство взять эмиграціонное движеніе подъ свой контроль.

Въ послѣднее время у насъ работаетъ междувѣдомственная эмиграціонная коммиссія, которая, вѣроятно, скоро представитъ проектъ рѣшенія эмиграціоннаго вопроса. По газетнымъ извѣстіямъ, вопросъ о легализаціи и свободѣ эмиграціи былъ рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ.

Естественно, что теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, является своевременнымъ статистическое изслѣдованіе эмиграціоннаго движенія въ Россіи. Въ одномъ изъ послѣднихъ выпусковъ „Трудовъ Варшавскаго Стат. Комитета" (XXII,—Варш. 1906 г.) изслѣдована эмиграція изъ Царства Польскаго, гдѣ она уже успѣла свить себѣ прочное гнѣздо.

Данными этого выпуска мы и воспользуемся для предлагаемаго очерка.

Исторія эмиграціи въ Царствѣ Польскомъ насчитываетъ всего лишь нѣсколько десятилѣтій. Начало эмиграціи въ краѣ, какъ постояннаго и болѣе или менѣе замѣтнаго явленія, можно отнести ко второй половинѣ семидесятыхъ годовъ [1]). Въ это время Царство Польское переживало кризисъ, вызванный, главнымъ образомъ, замѣной мелкаго ткацкаго производства крупнымъ. Въ мѣстной промышленности совершался глубокій переворотъ на почвѣ капитализаціи народнаго хозяйства. Крупное фабричное производство, основанное на иностранные капиталы, начало быстро вытѣснять мелкое ручное ткачество. Для кустаря-ткача была не подъ силу конкурренція, и онъ долженъ былъ скоро уступить поле битвы своему болѣе счастливому сопернику. Здѣсь въ сущности повторилась та же исторія, что съ англійскими или силезскими ткачами, само собой разумѣется, въ болѣе скромномъ масштабѣ.

Первые сколько-нибудь замѣтные шаги эмиграціонное движеніе и сдѣлало среди этихъ кустарей — въ центрахъ, отличавшихся развитіемъ кустарныхъ промысловъ. Въ общемъ размѣры его были ничтожны, не превышая 1—2 тысячъ въ годъ. Начавшись съ такой скромной цифры, оно въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ стало принимать болѣе значительные размѣры подъ вліяніемъ главнымъ образомъ чисто-внѣшней причины—эмиграціонной пропаганды.

Южно-американскія государства, озабоченныя скорѣйшимъ заселеніемъ своихъ пустынныхъ земель, не жалѣли ни силъ, ни средствъ для привлеченія европейскихъ поселенцевъ на свои дѣвственныя земли. Они предоставляли эмигрантамъ даровой проѣздъ, давали пособія на первое обзаведеніе, субсидировали пароходныя компаніи, занимавшіяся перевозкой эмигрантовъ, выдавали имъ преміи, заключали съ ними договоры по поставкѣ эмигрантовъ и т. д.

Естественно, что все это чрезмѣрно способствовало развитію эмиграціонной пропаганды. И сами правительства южно-американскихъ государствъ, и субсидируемыя ими пароходныя общества, и, наконецъ, желѣзнодорожныя компаніи разсылали во всѣ концы Европы агентовъ, которые своими соблазнительными рѣчами поднимали простыхъ довѣрчивыхъ крестьянъ съ насиженныхъ дѣдовскихъ мѣстъ. Эта эмиграціонная пропаганда, ведшаяся en grand, имѣла блестящій успѣхъ. Переселенческое движеніе въ Ю.-Америку поднялось въ Европѣ въ эти три-четыре года до небывалыхъ размѣровъ.

---

[1]) *Dmowski*—Wychodstwo i osadnictwo. Lwow 1900, s. 99.

Широкое участіе въ этой эмиграціонной горячкѣ приняла и Польша. Темный, невѣжественный польскій крестьянинъ легко поддавался на удочку всякихъ фантастическихъ росказней, басенъ и ложныхъ обѣщаній. И вотъ, начиная съ 1888 г., эмиграціонное движеніе въ краѣ быстро усиливается, достигая своего кульминаціоннаго пункта въ 1890 г. (двадцать тысячъ человѣкъ слишкомъ). Въ слѣдующемъ году начинается переломъ, волна эмиграціоннаго движенія постепенно ослабѣваетъ, понижаясь въ 1894 г. до пяти тысячъ человѣкъ.

Такое затишье продолжается вплоть до 1898 г. Этотъ пятилѣтній періодъ отличается минимальными размѣрами эмиграціи. Съ конца девяностыхъ годовъ, мы вновь наблюдаемъ усиленіе переселенческаго движенія, которое съ каждымъ годомъ принимаетъ все бо̀льшіе и бо̀льшіе размѣры. Оно идетъ все crescendo, достигнувъ особенно высокаго подъема въ послѣдніе два года. И повидимому мѣстное эмиграціонное движеніе далеко еще не дошло до своего конечнаго предѣла. Судя по отрывочнымъ газетнымъ извѣстіямъ, и въ прошедшемъ 1906 г. эмиграціонная горячка проявляется съ неменьшей силой, если даже не съ бо̀льшей, чѣмъ въ предшествующемъ году. То экономическое разстройство, въ которомъ находится Царство Польское, питаетъ эмиграцію, поддерживая ее на высокомъ уровнѣ. Теперь волны эмиграціи докатились и до тѣхъ тихихъ и мирныхъ уголковъ этого края, которые еще такъ недавно были совершенно непричастны къ этому движенію [1]).

Всего эмигрировало изъ Царства Польскаго съ 1890 по 1904 г. около 160 тысячъ человѣкъ [2]). Отдѣльныя губерніи принимали далеко не одинаковое участіе въ эмиграціонномъ движеніи,—по абсолютному количеству эмигрантовъ ихъ можно распредѣлить въ такомъ нисходящемъ порядкѣ:

		Въ тысячахъ.
Сувалкская	губ.	50,4
Плоцкая	„	34,5
Ломжинская	„	23,7
Варшавская	„	20,0
Калишская	„	14,7

[1]) Необходимо подчеркнуть, что колебанія въ мѣстной эмиграціи или параллельно съ таковыми въ общеевропейской. Очевидно, Привислянскій край уже втянутъ въ водоворотъ европейской эмиграціи. Поэтому, въ отливахъ и приливахъ нашего эмиграціоннаго движенія нужно видѣть вліяніе не столько мѣстныхъ, сколько общихъ, міровыхъ причинъ.

[2]) Нужно оговориться, что цифры „Варшавскаго Статистическаго Комитета“ нѣсколько ниже дѣйствительныхъ;—это объясняется тѣмъ, что многіе изъ эмигрантовъ ускользаютъ отъ регистраціи и попадаютъ въ рубрику — неизвѣстно куда отлучившихся; на это указываетъ и сама редакція „Варшавскаго Статистическаго Комитета“.

Петроковская „	5,8
Люблинская „	3,6
Сѣдлецкая „	3,4
Радомская „	2,2
Кѣлецкая „	0,7

Больше всего эмигрировало, за разсматриваемый періодъ, изъ сувалкской, плоцкой, ломжинской и варшавской губ. На долю ихъ приходится свыше 4/5 всей мѣстной эмиграціи. Слабое участіе въ этомъ движеніи принимали губерніи кѣлецкая, радомская, сѣдлецкая и люблинская.

Какъ въ началѣ, такъ и въ концѣ изслѣдуемаго пятнадцатилѣтія сувалкская и плоцкая губ. занимаютъ первыя мѣста по интенсивности эмиграціоннаго движенія. Съ особенной силой оно проявлялось среди сельскаго населенія слѣдующихъ уѣздовъ:

	Въ среднемъ ежегодно эмигрировало на 1.000 жит.
Сувалкскій (сув. губ.). .	7,2
Серпецкій (плоцк. губ.). .	6,8
Рыпинскій (той же) . .	6,7
Кольненскій (ломж. губ.).	6,7
Млавскій (плоцк. губ.). .	6,2
Кальварійскій (сув. губ.).	5,9
Сейнскій (той же) . . .	5,6
Августовскій (той же) .	5,2

Среди городовъ, отличавшихся особенной интенсивностью переселенческаго движенія, на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить Августовъ — на 1.000 жит. 34 эмигранта, Кальварію—46 эмигрант., Волковышки—11 эмигрантовъ сувалкск. губ. Вообще, изъ городовъ этой губерніи ежегодно эмигрировало на 1.000 жителей — 15,4. Высокія абсолютныя цифры эмигрантовъ даютъ въ послѣдніе годы Варшава и Лодзь, что̀ объясняется многолюдствомъ названныхъ городовъ; относительные же размѣры эмиграціи здѣсь ничтожны, не превышая для Варшавы—0,1 для Лодзи—0,2 на 1.000 жителей.

Эмиграція изъ городовъ сувалкской губ. напоминаетъ по своей силѣ ирландскую эмиграцію. Естественно, что и результаты должны были получиться сходные. Въ нѣкоторыхъ городахъ наблюдается убыль населенія за изслѣдуемый періодъ. Для иллюстраціи укажемъ эти города:

	Населеніе къ 1890 г.	Населеніе къ 1905 г. [1]).	Убыль.
Владиславовъ	4.500	3.766	— 734

[1]) См. XXII вып. „Трудовъ Варшавскаго Статистическаго Комитета". „Состояніе населенія къ 1 января 1905 г." В. 1906.

Волковышки	5.662	5.123	— 539
Кальварія	10.087	7.619	— 2.468
Маріамполь	6.797	4.661	— 2.136
Прены	3.764	3.055	— 709

Всего городское населеніе губерніи убыло за это время на 555 человѣкъ. Эта скромная цифра станетъ для насъ болѣе краснорѣчивой, если мы сопоставимъ съ убылью городского населенія въ сувалкской губ. ежегодный приростъ его въ цѣломъ краѣ, равнявшійся 3,3%. Вообще, ростъ городовъ въ Царствѣ Польскомъ въ послѣднія десятилѣтія шелъ быстрымъ темпомъ.

Интенсивная эмиграція изъ сувалкской губ. обусловила медленный приростъ и сельскаго населенія. Средній процентъ ежегоднаго прироста равнялся въ ней всего лишь 0,2 при 2,1 для всего края. Причемъ, въ двухъ уѣздахъ—владиславовскомъ и кальварійскомъ—наблюдается даже убыль населенія за эти пятнадцать лѣтъ. Города и уѣзды сувалкской губ. можно смѣло назвать главными очагами мѣстной эмиграціи.

Слѣдуетъ замѣтить, что въ общемъ для всего края эмиграція сказывается интенсивнѣе среди сельскаго населенія. Послѣднее давало въ среднемъ ежегодно 1,2 эмигр. на 1.000 жит., а городское—1,0. Слѣдовательно, перевѣсъ па сторонѣ сельскаго населенія, хотя и выраженный въ сравнительно небольшой пропорціи. Въ началѣ девяностыхъ годовъ этотъ перевѣсъ выражался въ болѣе значительной цифрѣ—на 1.000 жит. сельскаго населенія эмигрировало 2,5, а на то же число городского—1,8. Наоборотъ, въ концѣ изслѣдуемаго періода эмиграція среди городского населенія проявляется съ большей силой—1,8 на ту же пропорцію, среди сельскаго—только 1,4. Эта разница объясняется тѣмъ, что въ началѣ интересующаго насъ пятнадцатилѣтія эмиграція, искусственно приподнятая агитаціонной пропагандой, проявлялась главнымъ образомъ среди невѣжественнаго сельскаго населенія. Наоборотъ, въ послѣдніе годы эмиграціонное движеніе могущественно захватило мѣстные города.

Политическій и экономическій кризисъ, переживаемый Россіей, а вмѣстѣ съ ней и Привислянскимъ краемъ, чувствительнѣе отразился на городскомъ населеніи. Поэтому-то оно и начало принимать большее участіе въ переселенческомъ движеніи. Не нужно упускать изъ виду, что преобладающимъ элементомъ въ городахъ Царства Польскаго являются евреи. А для нихъ переживаемая нами тяжелая година оказалась вдвойнѣ тяжелой—въ виду еврейскихъ погромовъ, а гдѣ ихъ не было, тамъ—въ виду постояннаго страха предъ возможностью

погрома. Послѣднее обстоятельство сыграло немалую роль въ усиленіи эмиграціоннаго движенія изъ городовъ.

О направленіи мѣстной эмиграціи можно сказать одно—преобладающей является эмиграція въ Сѣверную Америку, частнѣе—въ Соединенные Штаты, поглощающіе приблизительно отъ двухъ-третей до трехъ-четвертей всѣхъ эмигрантовъ. Въ началѣ изслѣдуемаго періода довольно сильно было эмиграціонное теченіе въ Южную Америку; теперь оно совсѣмъ ослабѣло,—зато въ наши дни усилилась эмиграція въ Западную Европу. Эти измѣненія въ направленіи мѣстной эмиграціи легко объясняются тѣмъ, что мы сказали о характерѣ эмиграціоннаго движенія въ началѣ и въ концѣ изслѣдуемаго періода.

Изъ отдѣльныхъ европейскихъ государствъ особенно излюбленнымъ мѣстомъ для эмигрантовъ изъ городовъ Царства Польскаго является Англія, причемъ сюда эмигрируютъ почти исключительно одни евреи. Притягательнымъ центромъ для нихъ служитъ Лондонъ. По даннымъ англійской статистики, въ 1904 г. иммигрировало въ Англію 46 тыс. русскихъ и поляковъ, подъ которыми скрываются, главнымъ образомъ, евреи. „The Russians and Poles—предусмотрительно замѣчаетъ иммиграціонный отчетъ—consist principally of Jews“ [1]). Изъ этого числа 36 тыс. высадилось въ Лондонѣ.

Какъ извѣстно, польскіе и русскіе евреи поставляютъ въ Лондонъ кадры для системы вышибанія пота (Sweating system). Выжимальщики пота въ поискахъ за дешевой и безотвѣтственной рабочей силой выходятъ на пристань, гдѣ останавливаются эмигрантскіе пароходы и тамъ поджидаютъ свои жертвы, плывущія къ нимъ издалека въ погонѣ за призрачнымъ счастьемъ и довольствомъ.

Конечно, для Англіи усиленный приливъ такихъ эмигрантовъ представляется во всѣхъ отношеніяхъ нежелательнымъ явленіемъ. Въ цѣляхъ ограниченія его и принятъ въ прошломъ году Aliens Act, по которому не допускается высадка на англійскую территорію эмигранта, не могущаго представить доказательствъ того, что онъ имѣетъ средства къ сколько-нибудь безбѣдному существованію; а также въ случаѣ если возникаетъ опасеніе, что иммигрантъ по болѣзни или слабости ляжетъ бременемъ на общественныя средства, или вообще будетъ въ тягость обществу [2]).

Какіе классы мѣстнаго населенія принимаютъ большее участіе въ эмиграціонномъ движеніи? Главный контингентъ сельской эмиграціи составляютъ безземельные крестьяне; на ихъ долю за изслѣдуемый

---

[1]) Emigration and Immigration. Copy of Statistical Tables relating to Emigration. London, 1905, p. 47.

[2]) Бар. Гейкингъ, „Очеркъ иностранныхъ законодательствъ объ иммиграціи. Сборникъ консульскихъ донесеній 1906 г.“, вып. I, стр. 28.

періодъ приходится около половины всѣхъ эмигрантовъ (43%). Если же мы присоединимъ сюда еще и земледѣльческихъ рабочихъ, которые какъ по экономическому, такъ и по соціальному положенію мало чѣмъ отличаются отъ нихъ, то на указанныя двѣ группы придется больше половины всей сельской эмиграціи (57%). Сельскій пролетаріатъ во всѣхъ его видахъ и оттѣнкахъ — вотъ тотъ классъ населенія, среди котораго эмиграціонное движеніе находитъ для своего развитія благодарную почву.

Изъ городовъ эмигрируютъ преимущественно рабочіе —46%, и затѣмъ ремесленники—30%.

Данныя о распредѣленіи эмигрантовъ по семейному положенію показываютъ, что преобладающимъ элементомъ въ нашей эмиграціи являются одинокіе, что̀ составляетъ общее правило для эмиграціи изъ всѣхъ странъ. Между прочимъ, въ мѣстной эмиграціи пропорція женатыхъ даже выше, чѣмъ, напр., въ Италіи или Ирландіи. Процентъ женатыхъ въ сельской эмиграціи выше, чѣмъ въ городской: въ первой— 31%, во-второй—23%.

Сопоставляя распредѣленіе эмигрантовъ по семейному положенію съ распредѣленіемъ ихъ по занятіямъ, мы находимъ, что максимальный процентъ одинокихъ въ сельской эмиграціи даютъ безземельные крестьяне (57%) и земледѣльческіе рабочіе (54%). Наблюдается одно интересное явленіе: несмотря на сравнительно высокій процентъ въ сельской эмиграціи женатыхъ (31%), процентъ несамостоятельныхъ членовъ семьи—низокъ (17%). Очевидно, женатые переселяются или безъ семей, или только съ небольшими семьями. Нерѣдко главы семействъ, оставляя жену съ дѣтьми дома, переселяются одни, и только устроившись окончательно на новыхъ мѣстахъ, выписываютъ къ себѣ и свои семьи.

Среди городской эмиграціи наблюдается обратное явленіе — процентъ несамостоятельныхъ членовъ семьи равняется проценту женатыхъ (23%). Объясненія этого факта нужно искать въ томъ, что въ городской эмиграціи преобладающимъ элементомъ являются евреи, которые вездѣ даютъ высокій процентъ семейной эмиграціи. Справедливость нашей догадки подтверждается тѣмъ, что максимальный процентъ несамостоятельныхъ членовъ семьи даютъ именно ремесленники, куда исключительно почти входятъ одни евреи. Слѣдуетъ отмѣтить, что и лица либеральныхъ профессій даютъ довольно высокій процентъ семейной эмиграціи. Одиночная эмиграція чаще всего встрѣчается среди городскихъ рабочихъ (65%).

Изъ распредѣленія эмигрантовъ по вѣроисповѣданіямъ видно, что около $^4/_5$ всей эмиграціи приходится на долю католиковъ; за ними слѣдуютъ евреи, протестанты и православные со старообрядцами.

Эмиграція православныхъ и старообрядцевъ (въ среднемъ ежегодно около 57 чел.) идетъ почти исключительно изъ одной сувалкской губ. На 1.000 жит. сельскаго населенія эмигрировало протестантовъ—1,8, евреевъ—1,7, католиковъ—0,9 и православныхъ—0,1; среди горожанъ евреевъ—1,5, католиковъ—0,8, протестантовъ—0,6 и православныхъ—0,2. Наиболѣе интенсивно эмиграція проявляется среди еврейскаго населенія, какъ сельскаго, такъ и городского. Высокую пропорцію въ сельской эмиграціи даютъ и протестанты. У православнаго населенія мы находимъ минимальную пропорцію эмигрантовъ.

Выяснивъ размѣры, направленіе и составъ мѣстной эмиграціи, мы перейдемъ къ опредѣленію тѣхъ причинъ, которыми она вызывается. Прежде всего слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что Привислянскій край своей густотой населенія рѣзко выдѣляется изъ всей Россіи. По послѣднимъ даннымъ, плотность населенія на 1 кв. версту для всего края равнялась—104 чел. По насыщенности своей территоріи Царство Польское приближается къ западно-европейскимъ странамъ.

При такой густотѣ населенія въ краѣ насчитывается около 1 милл. безземельнаго населенія. Рядомъ съ этимъ низшимъ слоемъ сельскаго пролетаріата имѣется и другой не менѣе многочисленный классъ малоземельныхъ крестьянъ. По даннымъ „Варш. Ст. Комитета", карликовыя хозяйства до 1½ дес. составляли въ краѣ 16%.

Положеніе малоземельныхъ крестьянъ подчасъ бываетъ хуже простыхъ сельскихъ батраковъ. Клочокъ земли, не обезпечивающій существованія, прикрѣпляетъ крестьянина къ землѣ, лишая его возможности принять участіе въ болѣе отдаленныхъ отхожихъ промыслахъ. Для такого крестьянина, не желающаго бросать своей усадьбы на произволъ судьбы, районъ приложенія труда ограничивается мѣстнымъ рынкомъ, и, конечно, ему не приходится быть особенно разборчивымъ.

Спросъ на рабочія руки въ Царствѣ Польскомъ далеко не покрываетъ всего предложенія. Въ Россіи существуетъ представленіе о высоко-развитой фабрично-заводской промышленности въ Привислянскомъ краѣ, но оно не совсѣмъ точно.

Такое представленіе вѣрно только въ отношеніи двухъ губерній—петроковской и варшавской; въ первой занято фабричнымъ трудомъ 126 тыс. рабочихъ, во второй—35 тыс. Въ остальныхъ губерніяхъ фабрично-заводская промышленность развита весьма слабо; такъ, напримѣръ, въ сувалкской губерніи, отличающейся особенной интенсивностью эмиграціоннаго движенія, занято на фабрикахъ и заводахъ всего лишь 2,5 тыс. чел. Естественно, что при такихъ условіяхъ за-

работки населенія на мѣстахъ ничтожны. По даннымъ 1900 г., поденная плата сельскихъ рабочихъ на своихъ харчахъ равнялась для мужчинъ 34 коп., для женщинъ—24 коп. [1]). Невысоки заработки и сроковыхъ рабочихъ. Такъ, семейные фольварочные рабочіе получали въ годъ всего лишь 22 руб. Правда, къ этому присоединялось еще вознагражденіе натурой—квартиры и нѣкоторые продукты, но въ общей сложности это немногимъ превыситъ сто рублей. Одиночные рабочіе на хозяйскихъ харчахъ получали, въ среднемъ, въ годъ мужчины — 36 руб., женщины—26 руб.

Само собой разумѣется, при такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ обезпеченія населенія мѣстными заработками, должны были развиться заграничные отхожіе промыслы. По оффиціальнымъ даннымъ, въ отходѣ за-границу ежегодно принимаетъ участіе около 150 тыс. человѣкъ. Между прочимъ, существуютъ отхожіе промыслы и въ Америку. Послѣдній видъ отхода и создаетъ благопріятную почву для заатлантической эмиграціи.

„Отхожіе промыслы,—вѣрно замѣчаетъ проф. Симоненко,—являются чаще всего первымъ фазисомъ эмиграціи, подготовляя къ ней населеніе, которое путемъ отхожихъ промысловъ ознакомливается съ болѣе выгодными условіями жизни въ тѣхъ мѣстностяхъ, куда оно ходитъ сначала на временные заработки“.

Чрезмѣрная густота населенія, высокій процентъ безземельныхъ и малоземельныхъ, слабое развитіе въ нѣкоторыхъ губерніяхъ фабрично-заводской промышленности, отсутствіе кустарныхъ промысловъ или зачаточное состояніе ихъ, низкіе заработки на мѣстахъ, близость границы въ связи съ удобствомъ передвиженія, эмиграціонная пропаганда—вотъ вкратцѣ тѣ причины, которыми вызывается мѣстная эмиграція.

Усиленіе эмиграціи въ послѣдніе годы всецѣло было обусловлено разстройствомъ нашей политической и экономической жизни. Рядъ забастовокъ, ставшихъ хроническимъ явленіемъ въ краѣ, совершенно подорвалъ мѣстную промышленность.

Одни фабрично-заводскія предпріятія должны были прекратить свою дѣятельность, другія сократили производство и, наконецъ, третьи вынуждены работать нерегулярно. Все это значительно увеличило резервную армію труда. Кадры безработныхъ удвоились и даже утроились. Нищета, широко распространившаяся среди рабочаго класса, и усилила заокеанскую эмиграцію. По словамъ польскихъ газетъ, изъ рабочихъ кварталовъ г. Варшавы (Черняковская улица, Солецъ и др.)

---

[1]) Ср. XX вып. „Тр. Варш. Стат. Комитета“. Вып. 1905 г. „Заработная плата“, стр. 1, 35, 37.

чуть не ежедневно уѣзжаютъ рабочіе за-границу, чтобы эмигрировать въ Америку, оставляя свои семьи на произволъ судьбы. Жены эмигрантовъ уѣзжаютъ съ дѣтьми въ деревню, а если этого нельзя сдѣлать, то живутъ въ Варшавѣ нищенствомъ. Дѣйствительно, на улицахъ Варшавы нищенство возросло до чрезвычайныхъ размѣровъ.

Если теперь рабочій эмигрируетъ въ виду нужды, то болѣе состоятельный классъ выселяется изъ края изъ-за политическихъ неурядицъ. Случаи такой эмиграціи наблюдаются чаще среди евреевъ. Полная необезпеченность жизни, имущества—побуждаетъ болѣе состоятельныхъ людей искать спасенія за-границей, причемъ многіе изъ нихъ не временно уѣзжаютъ изъ Россіи, а покидаютъ ее навсегда, т.-е. являются въ полномъ смыслѣ эмигрантами, а не туристами. Пока нѣтъ еще признаковъ того, что жизнь нашего отечества скоро войдетъ въ нормальную колею; слѣдовательно, мѣстная эмиграція будетъ идти въ такомъ же темпѣ, какъ и раньше. Съ того момента, когда станетъ проясняться политическій горизонтъ, начнется и пониженіе эмиграціонной волны.

Мы здѣсь не касались причинъ, лежащихъ по ту сторону океана. Они, безъ сомнѣнія, оказываютъ громадное вліяніе на приливы и отливы нашего эмиграціоннаго движенія. Эти причины уже достаточно выяснены въ литературѣ; въ данномъ случаѣ насъ интересовали причины, лежащія въ экономической и соціальной жизни мѣстнаго края. Дѣло въ томъ, что отдаленныя внѣшнія причины могутъ воздѣйствовать только при наличности благопріятныхъ условій на мѣстѣ.

Ни сувалкская, ни плоцкая губ. не отличаются особенной густотой населенія.—Въ первой плотность населенія на одну кв. версту равняется 57 чел., во второй—81; какъ видимъ, плотность ниже средней для всего края (104 чел.).

„Главными причинами максимальныхъ размѣровъ эмиграціи изъ сувалкской губ.,—говоритъ проф. Симоненко,—по сравненію съ другими губерніями края, являются не столько экономическія условія жизни населенія, сколько болѣе раннее возникновеніе въ ней эмиграціи, чѣмъ въ другихъ губерніяхъ“ [1]). Такое объясненіе намъ кажется чисто внѣшнимъ, оно не проникаетъ вглубь изслѣдуемаго явленія.

Сувалкская губ., лежащая далеко на сѣверо-востокъ отъ остальныхъ губерній края, по своимъ какъ географическимъ, этнографическимъ, такъ и экономическимъ особенностямъ ближе подходитъ къ сосѣдней Литвѣ, чѣмъ къ Польшѣ. Это губернія чисто земледѣльческая, съ

[1]) XIX вып. „Трудовъ Варш. Стат. Ком.“. „Отчетъ Главнаго Редактора“. Варшава, 1903. Стр. 36.

весьма слабо притомъ развитой фабрично-заводской промышленностью.

Кустарные промыслы существуютъ, но, лишенные рынковъ сбыта, они не могутъ имѣть сколько-нибудь серьезнаго значенія въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Кустарныя издѣлія находятъ употребленіе почти исключительно въ собственномъ хозяйствѣ производителей.

Въ виду слабаго развитія городовъ, которымъ эта губернія рѣзко выдѣляется изъ всего края, мѣстное населеніе имѣетъ самые ничтожные городскіе заработки. При отсутствіи крупныхъ городскихъ и промышленныхъ центровъ нѣтъ спроса на извозный промыселъ, вообще имѣющій такое громадное значеніе въ крестьянскомъ обиходѣ.

Наличность всѣхъ этихъ условій и дѣлаетъ то, что въ этой губерніи мы имѣемъ типичный случай аграрнаго перенаселенія, несмотря на сравнительно невысокую плотность населенія. Къ тому же, сувалкская губ. является одной изъ наиболѣе лѣсистыхъ въ краѣ; въ ней около $^1/_4$ пространства подъ лѣсами. При большемъ количествѣ земли подъ лѣсами и водами, а также при значительномъ количествѣ земель неудобныхъ (пески, болота и заболоченные луга) для обработки, дѣйствительная плотность населенія, вычисленная въ отношеніи пространства земли пахотной и луговой, окажется для сувалкской губ. большей, чѣмъ при обыкновенномъ способѣ вычисленія ко всему пространству. Наконецъ, указанная губернія не отличается и особымъ плодородіемъ почвы; особенно это нужно сказать относительно южныхъ ея уѣздовъ. Замѣтимъ еще, что „уровень сельскохозяйственнаго знанія и умѣнья, какъ указывается въ „Трудахъ Сувалкскаго Сельскохозяйственнаго Комитета“, въ массѣ населенія настолько низокъ, что въ большинствѣ мѣстностей сувалкской губ. сельскохозяйственная техника почти не вышла еще за предѣлы устарѣлыхъ пріемовъ первобытнаго сельскаго хозяйства“.

При такихъ общихъ неблагопріятныхъ условіяхъ и та плотность, которая существуетъ теперь въ сувалкской губерніи; уже создаетъ аграрное перенаселеніе. Излишку населенія некуда дѣваться: остается одинъ источникъ существованія—отхожіе промыслы. Но дѣло въ томъ, что сосѣднія губерніи не могутъ похвалиться особой высотой заработковъ. Гродненская, виленская и ковенская губ. мало чѣмъ отличаются отъ сувалкской губ.; если онѣ и предъявляютъ нѣкоторый спросъ на рабочія руки, то въ сравнительно небольшомъ размѣрѣ. По послѣднимъ даннымъ, изъ сувалкской губ. выходитъ на заработки въ Россію ежегодно около 3 тыс. человѣкъ. Съ другой стороны, и восточная Пруссія, граничащая съ ней, также не предъявляетъ большого спроса на трудъ: отходъ въ Германію изъ сувалкской губ. выражается въ еще болѣе скромной цифрѣ ($1^1/_2$ тыс. чел.).

Естественно, что при такихъ условіяхъ эмиграціонное движеніе должно было найти здѣсь особенно благопріятную для себя почву.

Къ указаннымъ экономическимъ причинамъ нужно присоединить и такія чисто внѣшнія условія, какъ близость балтійскаго побережья, болѣе раннее возникновеніе эмиграціи и, слѣдовательно, большее ознакомленіе съ ней населенія. У жителей этой губерніи больше связей съ Америкой, больше знаній и больше опыта въ данномъ отношеніи.

Кстати сказать, въ этой же губерніи впервые появились и заатлантическіе отхожіе промыслы. Проф. Симоненко еще въ девяностыхъ годахъ обратилъ вниманіе на эти промыслы. Въ послѣдніе годы въ нихъ принимало участіе около 2 тыс. человѣкъ. На заработки въ Америку обыкновенно отправляются небольшими группами, организованными на артельныхъ началахъ.

„Вотъ сорокъ молодыхъ людей, возвращающихся изъ С.-Штатовъ. У нихъ есть свой вожакъ. Если какая гостинница приметъ къ себѣ вожака,—она принимаетъ съ нимъ и всю его партію. Всѣ они слѣдуютъ за нимъ, какъ овцы за пастыремъ. Видите ли вы эту женщину, которая идетъ съ огромной ношей на спинѣ? Она готовитъ для работниковъ кушанье и перетаскиваетъ ихъ невзрачные пожитки. Въ каждой группѣ изъ десяти человѣкъ есть такая стряпуха. Что это за люди? Это поляки, люди обыкновенно молодые и почти всегда невѣжественные. Скопивъ значительное количество денегъ въ С.-Штатахъ, они потомъ возвращаются въ Польшу каждую осень и остаются у себя на родинѣ до тѣхъ поръ, пока въ слѣдующую весну снова не предъявится въ Америкѣ спросъ на нихъ. Изъ Польши въ Bременъ они переѣзжаютъ обыкновенно въ вагонахъ IV класса за пониженную плату съ прокормомъ, подобно тому, какъ провозится скотъ. Даже при низкой заработной платѣ они могутъ богатѣть, питаясь свининой, черствымъ хлѣбомъ, и являются страшными соперниками для американскихъ рабочихъ“. Въ этомъ описаніи, не лишенномъ ироніи, мѣтко схвачены характерныя черты нашего отхода.

Отхожіе промыслы въ Америку и заатлантическая эмиграція идутъ въ сувалкской губ. параллельно, какъ два источника, взаимно питая и поддерживая другъ друга.

Интенсивная эмиграція изъ плоцкой губ. зависитъ также отъ неблагопріятныхъ экономическихъ условій, спеціально присущихъ этой губерніи. Безземельные крестьяне въ ней составляютъ около одной пятой части всего сельскаго населенія. Плоцкая губ. занимаетъ первое мѣсто по относительному количеству безземельныхъ крестьянъ; вмѣстѣ съ тѣмъ она выдѣляется изъ остальныхъ губерній и высокимъ процентомъ малоземельныхъ. Какъ мы выше указали, положеніе малоземельныхъ крестьянъ не лучше, если даже не хуже положенія безземель-

ныхъ. Изъ этихъ двухъ категорій сельскаго населенія и набирается главный контингентъ эмигрантовъ. Между прочимъ, плоцкая губернія выдѣляется въ краѣ еще интенсивностью отхода на заработки въ Германію.

Какое же значеніе имѣетъ эмиграція для мѣстнаго края? Намъ кажется, что оно является скорѣе благопріятнымъ. Эмиграція отвлекаетъ излишекъ населенія, не находящаго на мѣстѣ приложенія своему труду. Это своего рода предохранительный клапанъ, разрѣжающій слишкомъ сгущенную атмосферу. Благодаря такому отливу населенія, положеніе остающихся дома нѣсколько облегчается. Что наше предположеніе не голословно, сошлемся на фактъ. Наблюдается въ послѣднее время въ краѣ сокращеніе мелкихъ хозяйствъ, и увеличеніе за счетъ ихъ среднихъ объясняется выселеніемъ малоземельныхъ крестьянъ [1]). Послѣдніе, переселяясь въ Америку, продаютъ свои земельные участки односельчанамъ. И такимъ образомъ улучшается положеніе хотя нѣкоторыхъ крестьянскихъ хозяйствъ. Эмиграцію въ этомъ отношеніи не безъ основанія сравниваютъ съ расчисткой густо-поросшаго лѣса или сада: подобно тому, какъ здѣсь удаленіе нѣкоторыхъ деревьевъ даетъ больше свѣта и воздуха остальнымъ, такъ и въ эмиграціи выселеніе извѣстнаго числа индивидуумовъ дастъ больше простора оставшимся.

Этимъ экономическое значеніе мѣстной эмиграціи не исчерпывается. Эмигранты, обжившись на новыхъ мѣстахъ, помогаютъ своимъ сородичамъ деньгами и нерѣдко въ значительныхъ суммахъ. Трудно даже приблизительно сказать, сколько присылается въ край денегъ эмигрантами; но на основаніи одного факта можно думать, что получается ежегодно не маленькая сумма. По свѣдѣніямъ, собраннымъ канцеляріей генералъ-губернатора чрезъ почтовыя управленія еще въ 1890 г., за пять мѣсяцевъ было выслано почти изъ одной Сѣверной Америки въ шесть пограничныхъ губерній около 240 тыс. руб. Помимо почтовыхъ учрежденій, немало денегъ, вѣроятно, пересылается и чрезъ банки.

Въ общемъ, наши эмигранты въ Америкѣ устраиваются недурно. Они успѣли основать цѣлыя польскія колоніи, гдѣ имѣются школы, библіотеки, газеты на польскомъ языкѣ и т. д. Среди эмигрантовъ замѣтно сильное стремленіе къ сохраненію своей національности.

Само собой разумѣется, что сказанное здѣсь о значеніи эмиграціи не относится къ той эмиграціи, которая вызывается политическими

---

[1]) См. XXI вып. „Тр. Варш. Ст. Комитета". В. 1905. „Общіе выводы", стр. 19. „Уменьшеніе числа малоземельныхъ хозяйствъ въ пяти пограничныхъ губ. произошло подъ вліяніемъ главнымъ образомъ заатлантической эмиграціи".

мотивами, какъ, напр., у насъ теперь. Она можетъ быть прямо гибельной для страны.

Въ заключеніе укажемъ на настоятельную необходимость законодательнаго регулированія промысла эмиграціонныхъ агентовъ. Это— зло нашей эмиграціи. Здѣсь царствуетъ широкая безнаказанная эксплуатація на почвѣ безпросвѣтной темноты и невѣжества нашихъ выходцевъ. Замѣтки о подобнаго рода эксплуатаціи часто попадаются въ провинціальной печати. „Агенты — пишетъ одинъ корреспондентъ—обѣщаютъ эмигрантамъ всевозможныя удобства при проходѣ границы и на пароходѣ, отнимаютъ у нихъ деньги и затѣмъ, пользуясь неопытностью эмигрантовъ, бросаютъ ихъ на какомъ-нибудь пограничномъ пунктѣ на произволъ судьбы". Подобные случаи далеко не единичное явленіе. На эту больную сторону эмиграціоннаго вопроса наше будущее эмиграціонное законодательство должно обратить самое серьезное вниманіе.

К. Воблый.

Варшава.

ЗЛОСТНОЕ ПОКУШЕНІЕ НА ДОБРУЮ ПАМЯТЬ ИВ. С. ТУРГЕНЕВА.

Совершенно случайно мы узнали изъ „Русскихъ Вѣдомостей“ (№ 25, 1 февр. 1907 г.), что въ одной нѣмецкой газетѣ, именно, „Frankfurter Zeitung“, съ мѣсяцъ тому назадъ, напечатано письмо къ редактору этой газеты, подписанное именемъ „г-жи Герритъ-Віардо, дочери знаменитой Полины Віардо“. При жизни Тургенева, мы знали только двухъ дочерей г-жи Віардо, и обѣ онѣ были уже замужемъ: одна изъ нихъ—m-me Chamerot, другая—m-me Duvernoy. Оказывается теперь, что у г-жи Віардо была еще дочь—г-жа Герритъ, авторъ упомянутаго письма; въ этомъ письмѣ она увѣряетъ, будто Тургеневъ прожилъ въ домѣ Віардо, „съ полнымъ комфортомъ“, тридцать лѣтъ и за все это время не платилъ и даже не пытался платить хозяевамъ, хотя тѣ,—по замѣчанію г-жи Герритъ,—были бы не прочь отъ платы... „Тургеневъ—пишетъ далѣе г-жа Герритъ,—умеръ послѣ полуторагодичной болѣзни; ему и въ голову не пришло поблагодарить *насъ* за въ высшей степени тяжелый, утомительный и дорогой уходъ за нимъ, завѣщавъ намъ хотя бы часть своего крупнаго состоянія. Его милліоны (!!!) унаслѣдовала старая кузина, которой онъ никогда не зналъ, и у которой безъ того были свои милліоны“...

Еслибы г-жа Герритъ-Віардо рискнула все это выразить двадцать-три года тому назадъ, вслѣдъ за смертью Ивана Сергѣевича, то это вызвало бы одинъ взрывъ всеобщаго негодованія, который былъ бы вмѣстѣ и отвѣтомъ на ея инсинуаціи; но она тогда, очевидно, и не рѣшилась на подобный подвигъ и дала пройти чуть не цѣлой четверти вѣка, чтобы открыто покуситься запятнать чѣмъ-нибудь великую память Тургенева, въ надеждѣ на вторую половину извѣстной поговорки, а именно, что, во всякомъ случаѣ,—il en reste toujours quelque-chose!

Но намъ нежелательно, чтобы и „что-нибудь“ могло оставаться отъ такого недостойнаго покушенія на память Ив. Серг. Тургенева, какое позволила себѣ сдѣлать г-жа Герритъ-Віардо: все, чтò намъ могло быть извѣстно, и въ особенности наши личныя воспоминанія о послѣднихъ дняхъ жизни Ив. С., напечатанныя въ свое время („Вѣстникъ Европы“, окт. и ноябрь 1883 г.), а также несомнѣнные и притомъ письменные документы превращаютъ все опубликованное

г-жею Геррить въ „Frankfurter Zeitung"—въ жалкій плодъ ничѣмъ не обузданной фантазіи.

Еще не прошло и сутокъ съ минуты смерти Тургенева, какъ мы могли рано утромъ 23-го сентября явиться на виллу „Les Frênes", въ Буживалѣ (близъ Парижа), въ то Chalet при этой виллѣ, гдѣ наканунѣ, 22-го сентября, въ 2 часа дня скончался Ив. Серг., и такимъ образомъ присутствовали на первой и вмѣстѣ послѣдней панихидѣ, въ 5 часовъ вечера того же дня. На панихиду явилась, конечно, вся семья Віардо и нѣсколько соотечественниковъ, успѣвшихъ прибыть въ Буживаль изъ Парижа. Мы были свидѣтелями искренняго и глубокаго горя, какимъ была, видимо, удручена вся семья, утратившая въ лицѣ покойнаго не постояльца, уклонявшагося отъ уплаты за тридцати-лѣтній пансіонъ, какъ то представляется теперь г-жѣ Геррить,— а самаго дорогого, близкаго и незабвеннаго члена семьи. Не знаемъ, присутствовала ли на этой панихидѣ г-жа Геррить-Віардо; мы видѣли только вышеупомянутыхъ двухъ замужнихъ дочерей г-жи Полины Віардо.

Все дальнѣйшее только подтвердило то впечатлѣніе, какое мы вынесли въ день, послѣдовавшій за смертью Тургенева. Г-жа Полина Віардо, не имѣя возможности сама взять на себя проводы тѣла Ивана Сергѣевича въ Петербургъ, отправила представительницами семьи своихъ дочерей—г-жу Chamerot, съ мужемъ, и г-жу Duvernoy (если намъ не измѣняетъ память, это и была именно Маріанна, любимица покойнаго). Онѣ, прибывъ съ тѣломъ въ Петербургъ, присутствовали при памятномъ погребеніи тѣла Ив. С. на Волковомъ кладбищѣ, 27-го сентября, и въ началѣ слѣдующаго мѣсяца 8 (20) октября, возвратившись въ Парижъ, сообщили матери, какой онѣ нашли себѣ пріемъ въ Петербургѣ и какое было оказано имъ чрезвычайное вниманіе, именно какъ самымъ близкимъ лицамъ покойнаго, котораго вся семья считала своимъ самымъ дорогимъ членомъ. По этому случаю г-жа Полина Віардо писала намъ, тотчасъ же по пріѣздѣ ея дочерей, слѣдующее:

Les Frênes.
21 octobre 1883.

Monsieur,

Mes enfants, arrivés hier soir de Russie, m'ont parlé avec tant d'émotion de l'accueil qu'on leur a fait à St.-Pétersbourg, que je ne veux pas laisser passer la journée, sans vous dire combien je suis touchée et pénétrée de reconnaissance.

Je sais, Monsieur, que vous y êtes pour beaucoup. Vous avez agi en vrais amis de *notre cher et inoubliable Tourgueneff*, d'après le

vieux dicton un peu altéré à notre usage réciproque: „Les amis de notre ami sont nos amis“.

Merci donc à mes chers russes!.......

Votre reconnaissante—*Pauline Viardot* [1]).

Нужно ли прибавлять еще что-либо для возстановленія дорогой памяти Ивана Сергѣевича: это письмо уничтожаетъ совершенно попытку г-жи Герритъ бросить на нее тѣнь. Неужели было бы возможно такое письмо, еслибы, по словамъ г-жи Герритъ, Тургеневъ былъ какимъ-то постояльцемъ, причемъ самый домъ г-жи Полины Віардо являлся бы для него меблированною квартирою со столомъ и прислугою, и ко всему этому постоялецъ умеръ, не уплативъ ни гроша за свой тридцатилѣтній пансіонъ?! А именно все это утверждаетъ г-жа Герритъ, и никто никогда не пойметъ, кому и для чего понадобилась такая безсмысленная клевета, пущенная притомъ въ оборотъ чуть не четверть вѣка спустя послѣ смерти Ивана Сергѣевича. Прочтя письмо самой г-жи Полины Віардо, всякій скажетъ, что г-жа Герритъ оскорбила собственно не память Тургенева, а еще здравствующую главу фамиліи—г-жу Полину Віардо, назвавшую покойнаго „нашимъ дорогимъ и незабвеннымъ Тургеневымъ“.

Упреки г-жи Герритъ по адресу Ивана Сергѣевича за то, что онъ, будто бы, ничего не завѣщалъ, по смерти, семейству Віардо, уже достаточно опровергнуты вдовою Як. П. Полонскаго („Слово“, № 71, 10 февраля 1907 г.), знавшей отъ мужа, что Тургеневъ, продавъ право литературной собственности (цѣнное имущество), вырученную отъ продажи сумму оставилъ семьѣ Віардо. Прибавимъ къ этому, что намъ самимъ случайно извѣстно твердое намѣреніе Тургенева продать недвижимую собственность (завѣщать ее было нельзя, какъ родовую собственность) съ тою же цѣлью. Мы это знаемъ отъ лица, которому Тургеневъ выдалъ довѣренность и уже подписалъ ее, бывъ на смертномъ одрѣ, но эта довѣренность такъ и осталась въ рукахъ довѣрителя историческимъ только документомъ, такъ какъ вслѣдъ затѣмъ онъ скончался,—и нашъ консулъ не успѣлъ, такимъ образомъ, утвердить сдѣланную имъ собственноручную подпись.

---

[1]) „Les Frênes“ (вилла въ Буживалѣ близъ Парижа). 21 (9) октября 1883 г.

„Дѣти мои, прибывъ вчера вечеромъ изъ Россіи, разсказывали мнѣ съ такимъ воодушевленіемъ о пріемѣ, какой имъ былъ сдѣланъ въ С.-Петербургѣ, что я не хотѣла пропустить и одного дня, не выразивъ вамъ, какъ я тронута тѣмъ и преисполнена признательности.

„Я знаю, что и вы принимали въ этомъ немалое участіе. Всѣ вы дѣйствовали, какъ истинные друзья *нашего дорогого и незабвеннаго Тургенева*, по старой поговоркѣ, нѣсколько видоизмѣненной для насъ взаимно: „Друзья нашего друга (Тургенева)—наши друзья“.

„Итакъ, благодарю дорогихъ мнѣ русскихъ!..

„Признательная вамъ—*Полина Віардо*“.

Г-жа Герритъ упоминаетъ о „милліонахъ“ Тургенева, но онъ, конечно, ничего не зналъ при жизни о ихъ существованіи, а потому, какъ намъ хорошо могло быть извѣстно, очень часто нуждался въ деньгахъ; ведя лично жизнь самую скромную, онъ мало тратилъ на себя, и если деньги уходили у него, то онѣ расходовались въ общей его жизни съ дружественной ему семьею. Между прочимъ—такъ вспоминаетъ вдова Як. П. Полонскаго,—онъ по случаю бракосочетанія дочери Віардо, Маріанны, продалъ часть своихъ земель, и вырученную сумму отдалъ какъ бы въ приданое новобрачнымъ; при „милліонахъ“,—ему не было бы никакой надобности продавать недвижимость.

Послѣ всего высказаннаго нами, мы можемъ съ увѣренностью сказать, что—въ противность вышеприведенной нами французской поговоркѣ—отъ клеветы на Тургенева не останется ничего, что̀ можетъ бросить хотя бы малѣйшую тѣнь на безупречную память нашего Ивана Сергѣевича.—М. Ст.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 марта 1907.

Выборы во вторую Государственную Думу.—Правительственная подготовка ихъ и общіе результаты.—Впечатлѣнія и наблюденія избирателя.—Предстоящая повѣрка правильности выборовъ.—Трудность задачи.—Открытіе Думы и избраніе предсѣдателя.

Возможно ли мѣрами непосредственнаго правительственнаго воздѣйствія искусственно подготовить выборы народныхъ представителей въ желательномъ для правительства смыслѣ? Не задаваясь отвѣтомъ на вопросъ въ общей его постановкѣ, на основаніи только-что пережитого опыта, можно съ положительностью утверждать, что при данномъ настроеніи всѣхъ слоевъ и классовъ населенія Россіи и при данномъ отношеніи населенія къ правительству, это оказалось невозможнымъ. Мы склонны скорѣе видѣть въ успѣхѣ на выборахъ крайнихъ элементовъ—правыхъ и лѣвыхъ, одинаково революціонныхъ—въ значительной степени слѣдствіе правительственныхъ мѣропріятій и думаемъ, что еслибы дѣло было предоставлено свободному естественному теченію, то эти элементы никогда не получили бы такого числа представителей въ Думѣ. Въ политикѣ вообще рѣдко что̀ проходитъ безрезультатно, особенно то, что̀ проводится послѣдовательно и систематично. Но если вѣрно разсчитанныя мѣропріятія даютъ результатъ прямой, то разсчитанныя ошибочно—съ той же неизбѣжностью даютъ обратный. Какъ война, такъ и выборы—экзаменъ для правительственной дѣятельности, неумолимо обнаруживающій ея недочеты и ошибки. Подготовляя выборы, правительство не учло самаго главнаго: полной утраты довѣрія къ нему со стороны населенія.

Ни одинъ самый страстный врагъ министерства П. А. Столыпина не упрекнетъ его въ недостаткѣ заботливости объ исходѣ выборовъ. Оно заботилось о созданіи „послушной" Думы въ теченіе цѣлыхъ семи мѣсяцевъ и дѣйствовало по сложно задуманному плану, неуклонно его развивая. Оно начало съ мѣръ психическаго воздѣйствія на крестьянскую массу, которой, по конструкціи избирательнаго закона, принадлежитъ въ образованіи состава Думы рѣшающій голосъ. Желая измѣнить настроеніе крестьянъ и вернуть ихъ къ до-конституціонному міровоззрѣнію, оно, во-первыхъ, стремилось широко использовать несомнѣнно еще живущую въ крестьянствѣ монархическую идею. Не иначе какъ съ этой цѣлью министерство, между прочимъ, дало образоваться, окрѣпнуть и развернуть пропаганду организаціямъ типа

„союза русскаго народа", которыя построены на уродливомъ, но абсолютно прямолинейномъ развитіи именно этой идеи. Во-вторыхъ, министерство параллельно даровало крестьянамъ и реальныя блага—въ видѣ права льготной покупки казенныхъ, удѣльныхъ и частновладѣльческихъ земель и уравненія въ правахъ съ прочими гражданами. Оно не остановилось даже передъ разрушеніемъ общиннаго строя, ибо этотъ строй въ каждый данный моментъ представляетъ для отдѣльнаго лица тяготу, освобожденіе отъ которой создаетъ впечатлѣніе полученнаго блага.

Мѣра психическаго же воздѣйствія, но самая упрощенная, была примѣнена въ извѣстномъ циркулярѣ къ чиновникамъ, не исключая „служащихъ по вольному найму". Имъ было коротко сказано: или свободомысліе, хотя бы въ предѣлахъ конституціонныхъ вожделѣній, или служба со связанными съ нею преимуществами и правами, изъ которыхъ главное—полученіе жалованья. Какъ съ своими агентами, министерство не считало нужнымъ особенно церемониться съ чиновниками и ограничилось угрозой, сопровождавшейся увольненіемъ строптивыхъ.

Первой крупной мѣрой механическаго воздѣйствія на выборы было устраненіе отъ нихъ ста восьмидесяти „преступниковъ", подписавшихъ выборгское воззваніе. Затѣмъ наступила полоса „разъясненій". Изъ крестьянской куріи оказались исключенными крестьяне, не состоящіе домохозяевами, изъ городской—рабочіе, изъ землевладѣльческой—крестьяне, имѣвшіе неосторожность пріобрѣсти землю не при содѣйствіи частнаго банка, а черезъ крестьянскій. „Разъяснялъ", правда, независимый отъ министерства сенатъ и въ цѣляхъ торжества истиннаго смысла и разума закона. Но какъ-то такъ выходило, что всѣ разъясненія совпадали съ интересами воздѣйствія на выборы все въ одномъ и томъ же направленіи. Исключеніе крестьянъ, не состоящихъ домохозяевами, устранило тѣ элементы крестьянства, однимъ изъ яркихъ представителей которыхъ былъ въ первой Думѣ А. Ф. Аладьинъ. Исключеніе рабочихъ ослабило вліяніе на городскіе выборы крайнихъ лѣвыхъ. Исключеніе крестьянъ, купившихъ земли черезъ крестьянскій банкъ, увеличило шансы на избраніе крупныхъ землевладѣльцевъ. Только въ одномъ случаѣ желательнаго министерству разъясненія не послѣдовало: сенатъ не растолковалъ, что предварительные съѣзды мелкихъ землевладѣльцевъ могутъ быть образовываемы по сословіямъ.

Къ категоріи однородныхъ мѣропріятій относится безусловное воспрещеніе однѣмъ партіямъ концентрировать свои силы и вообще въ чемъ-либо проявлять политическую дѣятельность и предоставленіе всѣхъ средствъ борьбы—другимъ. Сперва это выражалось въ недо-

пущеніи собраній для однѣхъ партій и въ широкомъ разрѣшеніи для другихъ устраивать собранія и даже уличныя манифестаціи при особо торжественной и импонирующей обстановкѣ. Навѣрное многіе еще помнятъ ноябрьское собраніе октябристовъ въ дворянской залѣ въ Петербургѣ и освященіе знаменъ союза русскаго народа въ михайловскомъ манежѣ. Завершилась цѣпь препятствій, постепенно создававшихся для оппозиціи, запретомъ разсылать и раздавать готовые избирательные бюллетени. Лишена была оппозиція этого способа выборной борьбы не по винѣ правительства, а по своей собственной: по два раза оппозиціонныя партіи утруждали присутствія прошеніями и заявленіями и все не могли справиться съ формальными требованіями закона—то оказывались дефекты въ обозначеніи адресовъ учредителей, то учредители забывали объяснить порядокъ выбытія членовъ или сроки созыва общихъ собраній и т. п. Еще судьба имъ не благопріятствовала: заявленія, поданныя оппозиціонными партіями въ мартѣ, попадали въ очередь для слушанія въ сентябрѣ, а поданныя послѣ полученія перваго отказа—въ февралѣ. Но какъ-то странно складывались эти случайности. Нѣкій отставной маіоръ, отколовшійся отъ союза русскаго народа и возымѣвшій желаніе образовать новую реакціонную партію „Россія для русскихъ“, оказался лучшимъ юристомъ, чѣмъ пользующіеся давней извѣстностью многіе профессора юриспруденціи и адвокаты, и сумѣлъ сразу такъ написать заявленіе, что петербургское присутствіе ни къ чему не могло придраться. Судьба тоже оказалась на его сторонѣ: онъ подалъ заявленіе въ январѣ, и черезъ нѣсколько дней оно попало въ очередь, было разсмотрѣно, и „Россія для русскихъ“ сдѣлалась легализованнымъ обществомъ.

Съ момента формальнаго приступа къ выборной кампаніи, т.-е. распубликованія списковъ, начались индивидуальныя механическія воздѣйствія—или, попросту, изъятія отдѣльныхъ лицъ, по мѣрѣ того, какъ выяснялась ихъ кандидатура. Сложный аппаратъ, состоящій изъ уѣздныхъ и губернскихъ избирательныхъ коммиссій и перваго департамента сената, при участіи губернаторовъ и градоначальниковъ, какъ органовъ надзора, заработалъ съ изумительной энергіей, поражая ударами то одного, то другого оппозиціоннаго кандидата въ члены Думы. Особенно характерно былъ исключенъ изъ списка городскихъ избирателей Петербурга М. М. Ковалевскій. Въ первой Думѣ онъ былъ представителемъ харьковской губерніи по землевладѣльческому цензу. Во вторую—онъ предполагалъ баллотироваться тамъ же, но, кромѣ того, какъ проживающій въ Петербургѣ, — по квартиронанимательскому и служебному цензу профессора университета, былъ внесенъ въ избирательные списки и по Петербургу. Исправленіе списковъ въ установленный закономъ срокъ его не коснулось. И можно полагать,

что онъ безпрепятственно осуществилъ бы 7-го февраля свое право избирателя, еслибы не былъ забаллотированъ въ выборщики землевладѣльцами харьковскаго уѣзда и еслибы затѣмъ партія народной свободы не объявила его и свящ. Григорія Петрова своими кандидатами отъ Петербурга. Немедленно послѣдовалъ протестъ градоначальника, и губернская коммиссія исключила М. М. Ковалевскаго изъ списковъ. Принесенную на постановленіе коммиссіи жалобу сенатъ разсмотрѣлъ и отклонилъ въ самый день ея полученія. Газеты полны подобнаго рода примѣрами, имѣвшими мѣсто во всѣхъ губерніяхъ.

И несмотря на все, правительственная партія — октябристы — потерпѣла наибольшее пораженіе. Всѣхъ правыхъ въ новой Думѣ насчитываютъ около ста. Но изъ нихъ большая часть монархисты и члены союза русскаго народа или неопредѣленные „умѣренные"; октябристовъ же немного болѣе двадцати. Да и тѣхъ, за единичными исключеніями, сами октябристы считаютъ весьма сомнительными сочленами, гораздо болѣе близкими къ идеаламъ гг. Грингмута и Дубровина, нежели къ словамъ (хотя бы къ словамъ!) манифеста 17-го октября. Пострадали, правда, и кадеты. Однако отнюдь не за либерализмъ и не за выборгское воззваніе. Ибо невѣроятный успѣхъ получили крайніе лѣвые вплоть до соціалистовъ-революціонеровъ, насчитывающихъ болѣе пятидесяти партійныхъ представителей. Тѣ, кому такъ настойчиво хотѣли показать, что Дума для ихъ интересовъ не нужна,—крестьяне, — почти сплошь голосовали за самыхъ крайнихъ лѣвыхъ. Крайніе правые прошли крестьянскими голосами преимущественно въ мѣстностяхъ со смѣшаннымъ населеніемъ, гдѣ борьба велась на національной почвѣ. Къ какимъ для этого средствамъ прибѣгали „истинно-русскіе" люди—любопытно описываетъ корреспондентъ „Новаго Времени" изъ Гродна (№ 11106). „Еще задолго до губернскихъ выборовъ евреи вступили въ соглашеніе съ выборщиками отъ крестьянъ, которое заключалось въ томъ, чтобы провалить всѣхъ крупныхъ землевладѣльцевъ, якобы убѣжденныхъ реакціонеровъ, и провести въ Думу двухъ евреевъ и четырехъ крестьянъ, безъ различія національности. Но тутъ-то и выступило православное духовенство. Наканунѣ губернскихъ выборовъ всѣхъ уѣздныхъ выборщиковъ православныхъ (около сорока человѣкъ) гродненскій архіерей пригласилъ къ себѣ для совѣщанія. Собесѣдованіе начали нѣсколько священниковъ, говорившіе по очереди и заклинавшіе крестьянъ не вступать ни въ какія соглашенія съ евреями и подавать голосъ во что бы то ни стало за русскаго и православнаго представителя. Говорили также два русскихъ помѣщика. Страсти горѣли. Собраніе продолжалось долго. Крестьяне начинали склоняться къ отказу отъ блока съ евреями, хотя все-таки еще нѣсколько колебались, какъ вдругъ

раздались голоса: „Владыка, владыка идетъ!“ Архіерей появился и со словами: „Выборщики русской земли, умоляю васъ подавать голосъ за русскаго и православнаго!“—поклонился присутствующимъ въ землю. Впечатлѣніе получилось потрясающее. Крестьяне, привыкшіе видѣть архіерея издали во время служенія, въ богатомъ облаченіи, при видѣ его кланяющимся имъ въ землю не выдержали и дружно отвѣтили, что они согласны исполнить его просьбу. Насколько они сдержали свое обѣщаніе, показалъ слѣдующій день“.

Не безъ основанія разсчитывая, что избраніе выборщиковъ въ столицахъ не можетъ не произвести впечатлѣнія на провинціальныхъ избирателей, министерство назначило первую стадію выборовъ въ Петербургѣ на день, слѣдующій за избраніемъ въ губерніяхъ уже не выборщиковъ, а членовъ Думы. Даже это было принято во вниманіе. И тоже напрасно! Провинція показала, что въ степени подъема оппозиціоннаго настроенія она далеко оставила за собой столицы и вообще крупные городскіе центры. Въ Петербургѣ, какъ и въ Москвѣ, лѣвый блокъ не въ силахъ былъ справиться съ кадетами. Москва не дала блоку ни одного выборщика, Петербургъ—девять изъ ста-шестидесяти. Но октябристы и правые реакціонеры не получили ни въ Москвѣ, ни въ Петербургѣ ни одного мѣста. И при какихъ условіяхъ! Они безвозбранно разсылали воззванія и готовые печатные бюллетени, а въ день выборовъ—раздавали и на улицѣ, и въ особо приготовленныхъ вблизи мѣстъ подачи бюллетеней помѣщеніяхъ, куда зазывали аршинными вывѣсками. Кадеты же и лѣвый блокъ могли только разсылать списки, предупреждая, что ихъ ни въ какомъ случаѣ нельзя подавать, и избиратели должны были или лично переписывать имена, отчества и фамиліи на бланки, или ходить для переписки по особымъ адресамъ. Въ день выборовъ полиція не допускала никакого содѣйствія избирателямъ со стороны оппозиціонныхъ партій. Въ газетахъ сообщалось, что не только пытавшіеся вручать бюллетени на улицѣ подвергались аресту, но даже квартиры, въ которыхъ до этого дня давали указанія избирателямъ, находились подъ охраной городовыхъ. Можно ли было выдумать что-либо бóльшее? Духъ протеста противъ полевыхъ судовъ и режима безправія все превозмогъ—вплоть до обывательской пассивности, лѣни и небрежности. Кадеты всего получили въ Петербургѣ 28.698 голосовъ. Лѣвый блокъ—16.548. Слѣдовательно, 45.246 избирателей продѣлали скучную и мѣшкотную процедуру писанія бюллетеней вмѣсто подачи готовыхъ. Процентъ неправильно составленныхъ бюллетеней немногимъ превысилъ прошлогодній. Разбитыхъ голосовъ тоже было сравнительно мало.

Составитель настоящей хроники принималъ непосредственное участіе въ выборахъ въ одной изъ среднихъ нечерноземныхъ губерній— въ той же, что и годъ назадъ. Впечатлѣнія нынѣшнихъ выборовъ уступаютъ прошлогоднимъ въ яркости, что въ большой мѣрѣ зависитъ отъ того, что они тогда воспринимались впервые, но значительно превосходятъ въ опредѣленности. Въ первую Думу губернія послала шесть кадетовъ, одного примыкающаго къ нимъ и одного вошедшаго въ Думѣ въ группу трудовиковъ. Во вторую—двухъ кадетовъ, одного примыкающаго, одного соціалъ-демократа, одного народнаго соціалиста, одного соціалиста-революціонера и двухъ трудовиковъ. Какъ результатъ выборовъ, такъ условія и обстановка, въ которыхъ выборы проходили, равно обнаружившееся настроеніе и соотношеніе партійныхъ силъ, намъ кажутся скорѣе типичными, чѣмъ исключительными. А потому мы позволимъ себѣ съ нѣкоторой подробностью изложить послѣдовательный ходъ выборовъ въ губерніи и въ одномъ изъ ея уѣздовъ.

Мѣстный городской съѣздъ уѣзднаго города даетъ по закону двухъ выборщиковъ. Въ прошломъ году избранію ихъ предшествовалъ длинный рядъ собраній, доставившій торжество кадетамъ. Въ нынѣшнемъ— изъ прежнихъ выборщиковъ могъ баллотироваться только одинъ; другой, бывшій членъ Думы, за подписаніе выборгскаго воззванія былъ устраненъ. Еще задолго до выборовъ горожане намѣтили ему замѣстителя—гласнаго городской думы и земца, принадлежащаго къ оппозиціи. Но бдительное начальство усмотрѣло дефектъ въ его цензѣ, и онъ подвергся „разъясненію". Первое предвыборное собраніе состоялось менѣе, чѣмъ за три недѣли до выборовъ. Затѣмъ собраній было еще два. Сравнительный успѣхъ ораторовъ сразу показалъ боевое лѣвое настроеніе избирателей. Попытался-было говорить однажды черносотенный священникъ, но даже старики-купцы рѣзко запротестовали. Октябриста, по недоразумѣнію, остановилъ полицейскій чинъ, очевидно запутавшійся въ полученныхъ инструкціяхъ. При предварительномъ частномъ подсчетѣ голосовъ, большинство получили прошлогодній выборщикъ-кадетъ и лѣвый. Они же оказались и избранными, причемъ изъ 600 участвовавшихъ въ подачѣ бюллетеней избирателей свыше 450 голосовали за лѣваго и около 400—за кадета. Слѣдующіе кандидаты имѣли не болѣе 100 голосовъ.

Избраніе выборщиковъ изъ уполномоченныхъ отъ 30 волостей уѣзда было назначено на 23 января. Большинство уполномоченныхъ съѣхалось наканунѣ. Четверо изъ нихъ, пріѣхавшіе раньше, 21 января подали заявленіе исправнику о желаніи устроить на слѣдующій день предвыборное совѣщаніе. Вопреки прямому смыслу закона, исправникъ объявилъ, что безъ сношенія съ губернаторомъ разрѣшить совѣщанія

не можетъ, такъ какъ о двоихъ изъ устроителей производятся дознанія, ибо они заподозрѣны въ политической неблагонадежности. Оффиціальное совѣщаніе такъ и не состоялось. Вмѣсто того, крестьяне тайкомъ собрались на частной квартирѣ. Здѣсь одинъ уполномоченный заявилъ, что вмѣстѣ съ нимъ выбранный отъ волости не пріѣдетъ, потому что находится въ административной ссылкѣ. Что онъ за человѣкъ, долго не разспрашивали и рѣшили выбрать его въ первую голову и поручить другимъ выборщикамъ сдѣлать все возможное, чтобы его провести въ члены Думы. „Надо же—признали всѣ—человѣка спасать, который безвинно страдаетъ". Предложеніе обсудить, насколько сосланный по своимъ способностямъ и качествамъ соотвѣтствуетъ высокой чести быть членомъ Государственной Думы, не встрѣтило сочувствія. Также не встрѣтило сочувствія предупрежденіе, что избраніемъ сосланнаго выборщики потеряютъ одинъ голосъ въ губернскомъ собраніи. Послѣ рѣшенія этого вопроса, начались разговоры на общія темы. Про первую Думу всѣ говорили: „мы ею довольны". Но въ словахъ нѣкоторыхъ чувствовалось: „довольны, да не совсѣмъ". Какъ бы ощупью, безъ увѣренности въ своей правотѣ, кое-кто вставляли: „вотъ еслибы всѣ въ Думѣ были какъ трудовики", и т. п. Также ощупью произносились слова: „національзація" и „соціализація". Сговориться о кандидатахъ, кромѣ одного, не удалось. Сговору неожиданно помогъ губернаторъ.

Утромъ стало извѣстно, что губернаторъ телеграммой предложилъ уѣздной коммиссіи исключить изъ числа уполномоченныхъ сосланнаго и еще троихъ, привлеченныхъ къ полицейскимъ дознаніямъ, и что коммиссія это предложеніе отклонила. Уже при подачѣ записокъ оказалось, что телеграмма губернатора сыграла роль рекомендаціи: только имена предлагавшихся къ исключенію четверыхъ сосредоточили голоса; всѣ остальные получили по три или по четыре записки. Началась баллотировка шарами. Первымъ былъ поставленъ сосланный и получилъ подавляющее большинство. Затѣмъ изъ сорока-пяти баллотировавшихся получили абсолютное большинство трое „рекомендованныхъ". Остальные были забаллотированы. Предсѣдатель объявилъ перерывъ. Во время перерыва уполномоченные занялись чаепитіемъ и при перебаллотировкѣ быстро избрали двухъ прошлогоднихъ выборщиковъ и еще троихъ, сумѣвшихъ доказать свою если не неблагонадежность, то неполную благонадежность въ глазахъ начальства. Одинъ изъ этихъ троихъ потомъ такъ объяснялъ свой неуспѣхъ вначалѣ и успѣхъ при перебаллотировкѣ: „вѣдь они не знали, что я тоже въ тюрьмѣ сидѣлъ; ну, а узнали—и выбрали".

Уѣздъ принадлежитъ къ числу тѣхъ, въ которыхъ давно началась мобилизація крупной земельной собственности. Всей земли за дворя-

нами-помѣщиками числится около 60 тыс. десятинъ, а за крестьянами-собственниками (кромѣ надѣльной)—свыше 150 тыс. десятинъ. Исключеніе изъ списковъ заемщиковъ крестьянскаго банка было парализовано разрѣшеніемъ вносить въ списки крестьянъ-собственниковъ не по крѣпостнымъ документамъ, а на основаніи свѣдѣній, сообщенныхъ волостными правленіями. Вслѣдствіе этого, общее число мелкихъ землевладѣльцевъ, имѣющихъ право голоса на предварительныхъ съѣздахъ, не только не уменьшилось противъ прошлаго года, но даже увеличилось и составило болѣе 15 тысячъ. Еслибы всѣ они прибыли на съѣзды, то получилось бы до 700 полныхъ цензовъ. Но частью зима, а главнымъ образомъ выборная географія сдѣлали то, что явившіеся могли выбрать только 75 уполномоченныхъ. Изъ семи отдѣльныхъ съѣздовъ три были назначены въ уѣздномъ городѣ, причемъ нѣкоторымъ избирателямъ приходилось ѣхать за 40 и 50 верстъ. На одинъ изъ съѣздовъ изъ болѣе двухъ тысячъ собственниковъ явилось всего 30 человѣкъ, обладавшихъ правомъ избрать лишь двоихъ уполномоченныхъ.

Предварительные съѣзды во всемъ уѣздѣ происходили въ одинъ день—14 января, за одиннадцать дней до съѣзда уѣздныхъ землевладѣльцевъ. Это дало возможность нѣкоторымъ крупнымъ собственникамъ устроить совмѣстное съ уполномоченными предвыборное собраніе, дабы устранить случайность избранія выборщиковъ. Уполномоченные довольно дружно отозвались на приглашеніе. Изъ 75 уполномоченныхъ, мелкими собственниками были избраны 71 крестьянинъ и 4 священника. До собранія было извѣстно, что на двухъ только съѣздахъ прошли крестьяне, опредѣленные въ партійно-политическомъ смыслѣ: на одномъ 20 крайнихъ лѣвыхъ, на другомъ—10 крайнихъ правыхъ. По открытіи собранія, было предложено выразить одобреніе дѣятельности первой Думы. Предложеніе встрѣтило шумное одобреніе, послѣ чего сразу выяснился рѣзко оппозиціонный тонъ настроенія. Въ реакціонномъ смыслѣ никто не высказывался. Одинъ черносотенный уполномоченный—не то пьяный, не то представлявшійся пьянымъ—раза два прерывалъ говорившихъ малопонятными выкриками, но успѣха не имѣлъ. Предсѣдательствовавшему едва удалось предупредить желаніе крестьянъ вытолкать его въ шею. Собраніе рѣшило избрать двухъ выборщиковъ изъ крупныхъ землевладѣльцевъ и четверыхъ изъ мелкихъ. Имена первыхъ были быстро намѣчены. Относительно же вторыхъ сосредоточить голоса не было никакой возможности. Какъ и въ прошломъ году, обнаружилось, что крестьяне уѣзда знаютъ имена „господъ“ и совершенно не знаютъ за предѣлами волости именъ крестьянскихъ.

На съѣздъ уѣздныхъ землевладѣльцевъ явилось 39 крупныхъ соб-

ственниковъ изъ 70-ти, внесенныхъ въ списки, и 61 уполномоченный. При первыхъ выборахъ, въ прошломъ году, крупные собственники представляли довольно однородное въ политическомъ отношеніи цѣлое — на границѣ между кадетами и октябристами, съ единичными лишь уклоненіями вправо и влѣво. При вторыхъ—они оказались разбитыми на два непримиримыхъ, почти равныхъ по численной силѣ лагеря: одинъ, рѣшительно сдвинувшійся въ сторону крайнихъ монархистовъ, и другой, объединившійся во имя оппозиціи. Какъ показала баллотировка, къ реакціонному лагерю примкнули изъ уполномоченныхъ отъ мелкихъ землевладѣльцевъ 15 человѣкъ. Къ оппозиціонному, въ отношеніи одного изъ „господъ"—40, въ отношеніи другого—30. Случайно былъ избранъ еще третій крупный землевладѣлецъ. Изъ мелкихъ прошли два партійныхъ кадета и одинъ лѣвый.

На губернскіе выборы большинство выборщиковъ пріѣхали за три дня. Въ первый же день мѣстный комитетъ партіи народной свободы устроилъ частное совѣщаніе оппозиціонныхъ выборщиковъ. Съ подобнаго же рода совѣщанія начаты были выборные дни и въ прошломъ году. Въ прошломъ году на этомъ совѣщаніи кадеты, такъ сказать, овладѣли крестьянами и затѣмъ уже все время до окончательнаго момента вели ихъ за собой. Въ нынѣшнемъ же сразу почувствовалось, что вести крестьянъ не придется. Бесѣда очень скоро перешла съ осужденія правительства и октябристовъ на осужденіе кадетовъ. Раздались самые рѣзкіе упреки за нерѣшительность тактики въ первой Думѣ, за недоговоренность аграрной программы, за „справедливую" оцѣнку. Говорили, правда, преимущественно партійные соціалъ-демократы и соціалисты-революціонеры. Но изъ того, какъ шумно принимались ихъ слова, и какъ, напротивъ, сдержанно относилась аудиторія къ словамъ лучшихъ ораторовъ партіи народной свободы, было ясно видно, что требованія и идеалы крестьянской массы, если еще не ушли, то готовы уйти далеко за предѣлы кадетской программы и пріемовъ парламентской конституціонной борьбы. На утро въ городѣ уже образовался лѣвый блокъ и въ него вошли почти всѣ крестьяне, кромѣ шести или семи реакціонныхъ и тоже шести или семи, оставшихся вѣрными кадетамъ. Организаторы блока предложили крестьянамъ не выбирать ни одного кадета и взять себѣ всѣ восемь мѣстъ, а для этого забаллотировывать всѣхъ въ первые два дня выборовъ и дождаться третьяго дня, т.-е. выборовъ по относительному большинству. Это, однако, имъ не удалось. Группа крестьянъ, человѣкъ въ 25, категорично заявила, что если не будутъ избраны прежніе члены Думы, то это будетъ сочтено за одобреніе населеніемъ губерніи роспуска, и потому потребовала уступить для нихъ два мѣста— прочіе представители губерніи въ первой Думѣ были устранены отъ

выборовъ. Не въ этомъ, впрочемъ, только крестьяне обнаружили свою самостоятельность. Главенствовать въ блокѣ стремились соціалъ-демократы и заявили требованіе о томъ, чтобы въ распоряженіе ихъ было дано три мѣста, безъ права непринадлежащихъ къ партіи обсуждать кандидатуры. Крестьяне требованіе отвергли.

Въ правой группѣ всего выборщиковъ было 24 человѣка; изъ нихъ 9 отъ городовъ, 11 отъ землевладѣльцевъ и четверо отъ волостей. Болѣе или менѣе партійныхъ октябристовъ изъ всѣхъ правыхъ было человѣкъ 8; остальные были яркіе черносотенцы. Общихъ предвыборныхъ собраній предполагалось устроить два, но состоялось одно—на второе оппозиціонные выборщики не пришли. Прошло предвыборное собраніе вяло: не съ кѣмъ было спорить. Правые сдѣлали было несмѣлую попытку заговорить о необходимости вѣшать и разстрѣливать за политическія убійства, но, получивъ отпоръ, умолкли. Выносить же свои разнорѣчія на общее совмѣстное съ правыми обсужденіе ни кадеты, ни лѣвый блокъ, видимо, не желали. Вечеромъ наканунѣ выборовъ лѣвый блокъ объявилъ кадетамъ имена своихъ кандидатовъ. Кадеты признали пять именъ. Относительно шестого возникъ споръ, едва не повлекшій разрыва. Въ концѣ концовъ побѣдили кадеты, но благодаря исключительной случайности: въ день выборовъ разнесся слухъ, что спорному кандидату, выставленному ими, грозитъ арестъ.

Въ „Руси“ (№ 40) была напечатана любопытная телеграмма изъ Чернигова. „Во время выборовъ депутатовъ губернаторъ вызвалъ изъ собранія выборщика крестьянина Хвоста и потребовалъ отъ него объясненій по поводу увода имъ наканунѣ выборщиковъ крестьянъ изъ чайной, гдѣ велась агитація правыми. Во время объясненій губернаторъ сдѣлалъ Хвосту рѣзкія внушенія. Избирательное собраніе пріостановило занятія и послало уполномоченнаго къ губернатору съ требованіемъ вернуть Хвоста. По возвращеніи его, выборы продолжались. Избраннымъ въ депутаты оказался между прочими и Хвостъ“. Въ губерніи, выборы въ которой мы описываемъ, аналогичнаго случая не было. Но фактъ преслѣдованія лица начальствомъ служилъ, какъ и при избраніи въ уѣздѣ, лучшей для него рекомендаціей. Выборщики изъ волостныхъ уполномоченныхъ между собой не спорили вовсе и 36-ью голосами изъ сорока выбрали того самаго сосланнаго, о которомъ мы писали выше. Характерно прошелъ въ члены Думы еще одинъ крестьянинъ. Въ декабрѣ противъ него возникло обвиненіе въ подстрекательствѣ крестьянъ къ неплатежу повинностей. Отъ ареста ему удалось скрыться и до дня выборовъ онъ проживалъ на нелегальномъ положеніи. Волость его заочно выбрала въ уполномоченные, уполномоченные—въ выборщики. Коммиссія по формальному основанію кассировала выборы. При вторичныхъ выборахъ, его избрали

вновь. Какъ скрывающійся, онъ пріѣхалъ въ губернскій городъ подъ чужой фамиліей и объявился выборщикамъ только наканунѣ 6-го февраля. Ни въ одномъ собраніи онъ не выступалъ и ни разу ничего не говорилъ. Но того, что онъ вынужденъ скрываться, оказалось совершенно достаточно.

„Разъясненія" коснулись въ губерніи шести выборщиковъ—и все оппозиціонныхъ. Одного губернская коммиссія исключила при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Выбранъ онъ былъ отъ волостныхъ уполномоченныхъ. Слѣдовательно, до пріѣзда въ губернскій городъ прошелъ черезъ два избранія и черезъ двѣ повѣрки. Имя его было внесено въ печатные списки. Коммиссія, казалось, уже окончила свою работу. И вдругъ въ назначенный для выборовъ день его въ залу не впустили. Предсѣдатель ему объяснилъ, что, какъ не состоящій домохозяиномъ, онъ коммиссіей часъ назадъ изъ числа выборщиковъ исключенъ. Невольно вспомнилось, что наканунѣ, во время спора лѣваго блока съ кадетами, внезапно выдвинулась было кандидатура этого выборщика. Но она выдвинулась и упала, а участвовать въ выборахъ ему не пришлось.

Мы уѣхали изъ губернскаго города съ тяжелымъ чувствомъ. Мы ждали неизбѣжныхъ результатовъ психологическаго закона обратнаго дѣйствія. Но степень разлитого въ крестьянствѣ духа протеста насъ поразила. И мы не удивились, когда потомъ прочли въ газетахъ телеграмму изъ Полтавы („Биржевыя Вѣдомости", № 9745): „Крестьянская курія имѣла единственнымъ кандидатомъ крестьянина Поддубнаго, бывшаго студента. За полчаса до выборовъ было объявлено, что Поддубный исключенъ изъ списковъ. Крестьяне со зла выбрали крайняго с.-р. Сайко, сидѣвшаго въ тюрьмахъ по политическимъ дѣламъ. Сайко значительно лѣвѣе Поддубнаго".

Нелегкую задачу задали всѣ „разъясненія" и „исключенія" Государственной Думѣ, которой по закону принадлежитъ окончательная повѣрка правильности произведенныхъ выборовъ. Избирательный законъ, нынѣ второй разъ примѣнявшійся, независимо отъ принципіальныхъ его недостатковъ, представляется невѣроятно путаннымъ и несовершеннымъ въ техническомъ отношеніи. Въ сущности у насъ одновременно дѣйствуютъ не одинъ, а два самостоятельныхъ избирательныхъ закона — положеніе 6-го августа и указъ 11-го декабря, — построенные на совершенно различныхъ началахъ. Въ основу положенія 6-го августа положено начало имущественно-цензовое, а въ основу указа 11-го декабря — то неуловимо-неопредѣленное и внутренне-противорѣчивое, которое должно было приблизить выборы къ системѣ

всеобщаго голосованія, но безъ нарушенія системы цензовой. Отсюда не можетъ не возникать безконечнаго множества спорныхъ и юридически-неразрѣшимыхъ вопросовъ. При первыхъ выборахъ коммиссіи, въ общемъ, рѣшали такіе вопросы скорѣе въ смыслѣ распространительнаго толкованія правъ отдѣльныхъ лицъ, нежели ограничительнаго. А при вторыхъ, руководимыя министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и сенатомъ, онѣ, въ общемъ же, поступали какъ разъ наоборотъ.

Избирательное право — слишкомъ важная функція гражданъ, конечно, для того, чтобы устанавливающій его законъ могъ быть толкуемъ, при практическомъ примѣненіи, произвольно-распространительно. Положеніе это съ теоретической точки зрѣнія безспорно. Но когда законъ завѣдомо противорѣчивъ и несовершененъ, приходится считаться не съ одними теоретическими положеніями, а пожалуй еще болѣе съ цѣлесообразностью и послѣдствіями толкованія. Возьмемъ два случая: въ одномъ лицо было неправильно включено въ списки и, не имѣя права, приняло участіе въ выборахъ; въ другомъ — оно неправильно было исключено изъ списковъ и тѣмъ лишено принадлежащаго ему права избирать и быть избраннымъ. Дабы въ первомъ случаѣ неправильность могла повлечь отмѣну выборовъ, необходимо — или чтобы данное лицо изъ тысячъ избирателей въ городахъ или сотенъ внѣ городовъ прошло въ выборщики, а затѣмъ изъ десятковъ выборщиковъ въ члены Думы, или чтобы избраніе другого лица, въ тотъ или иной моментъ выборовъ, состоялось благодаря перевѣсу одного голоса. При всѣхъ прочихъ условіяхъ учрежденіе, повѣряющее выборное производство, можетъ признать, что неправильность не отразилась на исходѣ выборовъ. Если же лицо было неправильно исключено изъ числа выборщиковъ или избирателей и повѣряющее учрежденіе признаетъ неправильность, то для него создается логическая неизбѣжность отмѣнить выборы. Чѣмъ оно можетъ доказать, что данный избиратель не былъ бы избранъ въ выборщики и затѣмъ въ члены Думы, а данный выборщикъ—непосредственно въ члены Думы?

Едва-ли найдется хоть одна губернія, въ которой не было произведено коммиссіями сомнительно-правильныхъ индивидуальныхъ исключеній избирателей и выборщиковъ. И Государственная Дума будетъ навѣрное завалена жалобами. Еще ей придется разбираться въ жалобахъ по поводу исключеній групповыхъ, основанныхъ на болѣе чѣмъ сомнительно-правильныхъ общихъ разъясненіяхъ сената, и такъ же по поводу злоупотребленій. Съ случаями послѣдняго рода справиться будетъ всего легче. Напримѣръ, разсказываютъ, что въ Кишиневѣ въ одномъ изъ избирательныхъ участковъ было подано триста бюллетеней лицами, давно умершими или отсутствовавшими изъ города въ день выборовъ. Если это подтвердится, то, конечно, Дума не остано-

вится передъ отмѣной выборовъ, какъ ни сложна процедура повторенія избранія выборщиковъ и какъ ни нежелательно вообще снова, черезъ мѣсяцъ или два, будить партійныя страсти и звать населеніе къ урнамъ. Но мы не беремся даже гадать, какъ Дума выйдетъ изъ затрудненій, созданныхъ очевидными неправильностями при формальной законности устраненія отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ категорій избирателей.

Тускло, буднично и сухо-оффиціально состоялось 20-го февраля открытіе Государственной Думы—безъ тронной рѣчи, безъ всякаго торжества и безъ признаковъ того подъема духа, которымъ были охвачены представители народа перваго призыва. Въ депутатахъ, вошедшихъ въ залы Таврическаго дворца 27-го апрѣля, ключомъ била вѣра въ свои силы и въ скорую побѣду свѣта надъ мракомъ. Точнѣе сказать, въ нихъ жила вѣра, что свѣтъ уже побѣдилъ, и что ихъ задача—только закрѣпить и оформить побѣду. Роспускъ Думы послѣ семидесяти-двухъ дней работы и все послѣдующее вытравили вѣру въ совершившуюся побѣду въ народѣ, и ее не могли принести съ собой посланные имъ избранники. Они принесли гораздо болѣе сознанія трудности предстоящей упорной и навѣрное долгой борьбы, чѣмъ величія исторической минуты. Тяжелый опытъ показалъ, что бюрократическая крѣпость не взята и что взять ее штурмомъ нельзя. Нельзя взять штурмомъ—надо брать медленной осадой, шагъ за шагомъ и съ постоянной оглядкой, стягивая вокругъ нея кольцо своихъ силъ.

Когда въ первый разъ служили молебенъ въ екатерининской залѣ Таврическаго дворца, мысленно рисовался и неуспѣхъ народныхъ представителей. Но едва-ли былъ тогда тамъ хоть одинъ человѣкъ, кому онъ рисовался такъ, какъ черезъ два съ небольшимъ мѣсяца выразился—въ простомъ роспускѣ, сопровождавшемся привлеченіемъ къ судебной отвѣтственности попытавшихся апеллировать къ народу депутатовъ. Когда служили молебенъ во второй разъ, рисовался роспускъ, болѣе или менѣе скорый, при неуспѣхѣ—и больше ничего... Лучше ли подавленность настроенія представителей народа, приступающихъ къ дѣлу—подавленность, за которой чувствуются упорство и злоба,—или экспансивный подъемъ духа—гадать не будемъ. Исключительный, не повторяющійся подъемъ духа народныхъ избранниковъ, во всякомъ случаѣ, къ ожидавшемуся результату не привелъ...

Къ двѣнадцати часамъ дня члены Думы получили приглашеніе прибыть въ Таврическій дворецъ. Намъ пришлось проѣхать почти черезъ весь городъ, и вплоть до угла Шпалерной и Потемкинской улицъ мы не видѣли ничего, что̀ говорило бы о предстоящемъ событіи. Обычно было

уличное движеніе, обычно шла торговля и тянулись обозы ломовыхъ извозчиковъ. Даже усиленныхъ нарядовъ полиціи не было замѣтно. Только на Шпалерной, начиная отъ Литейной, чаще, чѣмъ обыкновенно, попадались оживленныя лица интеллигентной молодежи, направлявшейся и видимо спѣшившей въ сторону Таврическаго дворца. Да тамъ же изъ воротъ казенныхъ зданій выглядывали любопытные глаза солдатъ въ боевой амуниціи. Отъ Потемкинской всю ширину Шпалерной занимала сплошная толпа. Не беремся сказать, были ли въ толпѣ чиновники. торговцы, рабочіе и вообще кто-либо, кромѣ учащагося юношества. Если были, то, во всякомъ случаѣ, они тонули въ массѣ форменныхъ студенческихъ пальто и тѣхъ молодыхъ женскихъ лицъ, одинъ взглядъ на которыя говоритъ приглядѣвшемуся глазу о жаждѣ къ высшему образованію. Толпа охотно разступалась для извозчичьихъ саней и туго поддавалась требованію полицейскихъ пропустить карету. Ѣхавшихъ въ саняхъ закидывали вопросами: „депутатъ"? „какой партіи"? „лѣвый"? „какой губерніи"? При удовлетворявшихъ толпу отвѣтахъ, а особенно когда депутата узнавали въ лицо, раздавалось: „ура"! „амнистія"! „долой смертную казнь"!.. У дворца депутатовъ ждала двукратная суровая повѣрка билетовъ.

Ровно въ двѣнадцать часовъ начался молебенъ. Для кого его служили? Намъ молебенъ напомнилъ торжественныя службы въ царскіе дни въ соборахъ губернскихъ городовъ. Впереди, около духовенства, власти, за ними полиція, а сзади — народъ, до слуха котораго долетаютъ отдѣльные возгласы и пѣніе, но не молитвы. Такъ служили молебенъ и для членовъ Думы—только полиція отсутствовала. За митрополитомъ стоялъ въ полномъ составѣ совѣтъ министровъ и назначенный для открытія Думы членъ Государственнаго Совѣта Голубевъ. За ними и вокругъ нихъ—чины государственной канцеляріи, ярко выдѣлявшіеся парадными мундирами. А еще сзади большей частью не стояли, а подходили и отходили члены Думы — слѣдить за службой они все равно не могли. Передъ концомъ молебна митрополитъ сказалъ министрамъ и чинамъ канцеляріи проповѣдь. Имъ же онъ затѣмъ далъ приложиться къ кресту. Послѣ окончанія службы, одинъ-два голоса крикнули: „гимнъ"! Пѣвчіе его пропѣли.

Члены Думы собрались въ залѣ засѣданій. Дѣйствительный тайный совѣтникъ Голубевъ сказалъ привѣтственное слово и предложилъ избрать предсѣдателя. Въ прошломъ году избраніе членовъ Думы въ значительномъ большинствѣ губерній на мѣсяцъ предшествовало ея открытію. Избранные успѣли заблаговременно съѣхаться въ Петербургъ, сорганизоваться въ группы и, между прочимъ, сговориться о предсѣдателѣ. Въ нынѣшнемъ году, едва-ли не намѣренно и именно въ предупрежденіе предварительной организаціи парламентскихъ

группъ, выборы происходили всего за двѣ недѣли до 20-го февраля. А потому, при крайней дробности политическихъ партій и въ виду большого числа неопредѣленныхъ членовъ Думы — „безпартійныхъ“, „умѣренныхъ правыхъ“, „умѣренныхъ лѣвыхъ“, „прогрессистовъ“ и т. п., какъ ихъ называли газеты,—можно было опасаться, что избраніе предсѣдателя будетъ сопровождаться всякаго рода неожиданностями и вообще состоится не сразу. Опасенія, однако, не оправдались. Въ одинъ вечеръ, 19-го февраля, депутаты сговорились и насколько прочно—показали записки: Ѳ. А. Головинъ получилъ 331 предложеніе и Н. А. Хомяковъ — 91; разбитыхъ записокъ съ именами случайныхъ кандидатовъ было подано всего шесть. При утомительно долгой баллотировкѣ шарами Ѳ. А. Головинъ получилъ 356 голосовъ противъ 102. Ѳ. А Головинъ, извѣстный московскій земецъ, участникъ и предсѣдатель бюро земскихъ съѣздовъ, произнесъ краткую рѣчь и закрылъ засѣданіе. Такъ окончился первый день занятій второй Государственной Думы. „Нѣтъ никакого подъема“, — говорили, расходясь, депутаты. Дай Богъ, чтобы это было залогомъ спокойной работы, а не пассивной апатіи или еще хуже—затаенной стойкости въ злобѣ и мщеніи...

Молодежь на улицѣ опять бурлила, встрѣчая выходящихъ депутатовъ. Толпа не стала больше числомъ, но сдѣлалась болѣе разнообразна. Нѣкоторыхъ депутатовъ поднимали на руки, и они говорили рѣчи—вѣрнѣе, выкрикивали отдѣльныя фразы... Кое-гдѣ размахивали красными платками... Виднѣлись небольшіе красные флаги на палкахъ... Стоялъ гулъ, который чаще другихъ словъ прорѣзывало слово: „амнистія“... Но въ прошломъ году это былъ общій, единодушный крикъ, все заглушавшій и все собою покрывавшій—и на Шпалерной, и на Литейномъ, и на Невскомъ, и на набережной. Въ нынѣшнемъ— „амнистія“ только прорѣзывала неопредѣленный гулъ другихъ звуковъ—на Шпалерной, до угла Потемкинской...

Когда мы сѣли въ сани и поѣхали, извозчикъ повернулся съ вопросомъ: „Позвольте спросить, непріятности какой тамъ не было?..“ Во всемъ и вездѣ русскій обыватель ждетъ только „непріятности“! Вотъ къ чему его привелъ терроръ справа и терроръ слѣва... Онъ отученъ ждать радостнаго, „пріятнаго“. Его заботитъ одно: какъ бы не было „непріятности“... Но можетъ ли человѣкъ долго жить и въ тайникахъ души не ждать и не желать ничего другого?..

ИЗВѢЩЕНІЯ

I.—Положеніе о преміи имени почетнаго академика Императорской Академіи Наукъ Анатолія Өеодоровича Кони.

§ 1. Въ память исполнившагося 40-лѣтія государственной и общественной дѣятельности почетнаго члена и почетнаго академика Императорской Академіи Наукъ, сенатора, тайнаго совѣтника Анатолія Өеодоровича Кони однимъ изъ почитателей и бывшихъ сослуживцевъ его по министерству юстиціи внесенъ въ мартѣ мѣсяцѣ 1906 года въ Академію Наукъ капиталъ, для выдачи премій за сочиненія о жизни и дѣятельности лицъ, бывшихъ сотрудниками Императора Александра II въ его великихъ реформахъ или способствовавшихъ ихъ охраненію, правильному осуществленію и практическому развитію.

§ 2. Капиталъ этотъ заключается въ свидѣтельствахъ 4%-ной государственной ренты, на номинальную сумму три тысячи (3000) рублей, съ купонами съ іюня 1906 года. Капиталъ этотъ остается навсегда неприкосновеннымъ и возрастаетъ вслѣдствіе могущихъ быть причисленными къ нему части процентовъ, а также невыданныхъ премій.

§ 3. Премія имени Анатолія Өеодоровича Кони состоитъ на первое время изъ пятисотъ (500) рублей и присуждается Академіею Наукъ чрезъ каждое пятилѣтіе изъ суммы процентовъ послѣднихъ пяти лѣтъ.

§ 4. Академія Наукъ присуждаетъ преміи за сочиненія, представленныя самими авторами ихъ; независимо отъ сего, она имѣетъ право присуждать преміи и за такія сочиненія, которыя не были представлены самими авторами къ соисканію. За сочиненіе, признанное вполнѣ удовлетворительнымъ, Академія Наукъ присуждаетъ полную премію въ помянутомъ размѣрѣ; если же такого сочиненія не окажется, то за сочиненія, въ значительной степени отличающіяся учеными достоинствами, могутъ быть присуждаемы половинныя преміи, въ двѣсти-пятьдесятъ (250) рублей каждая.

§ 5. Не присужденныя или почему-либо не выданныя преміи распредѣляются слѣдующимъ образомъ: а) половина ихъ причисляется къ основному капиталу, по мѣрѣ увеличенія котораго отъ причисленія къ нему части процентовъ и половины не присужденныхъ или не выданныхъ премій Академія Наукъ можетъ увеличить размѣръ и число премій, при чемъ въ послѣднемъ случаѣ она имѣетъ право для соисканія такихъ дополнительныхъ премій объявлять особыя задачи по исторіи реформъ царствованія императора Александра II, и б) вторая половина не присужденныхъ или не выданныхъ премій обращается въ особый, имени А. Ө. Кони, неприкосновенный капиталъ, и проценты съ этого капитала, по мѣрѣ увеличенія его, предоставляется расходовать, по постановленію Историко-Филологическаго Отдѣленія, на ученыя предпріятія по изученію эпохи реформъ императора Александра II.

§ 6. Къ соисканію премій допускаются только сочиненія на русскомъ языкѣ, появившіяся въ печатномъ видѣ въ предшествовавшее конкурсу пятилѣтіе; сочиненія, уже премированныя Академіею Наукъ или иными учеными учрежденіями, на конкурсъ не принимаются.

§ 7. Дѣйствительные члены и почетные академики Академіи Наукъ не имѣютъ права участвовать въ соисканіи премій.

§ 8. Право на полученіе премій принадлежитъ только авторамъ или ихъ наслѣдникамъ, но отнюдь не издателямъ премированныхъ сочиненій.

§ 9. Преміи присуждаетъ Историко-Филологическое Отдѣленіе Академіи Наукъ, которому предоставляется право приглашать къ разсмотрѣнію представленныхъ на конкурсъ сочиненій постороннихъ лицъ.

§ 10. Назначенныя на конкурсъ сочиненія доставляются въ указанное въ § 9 Отдѣленіе не позже, какъ въ теченіе марта мѣсяца конкурснаго года.

§ 11. Конкурсъ на преміи Анатолія Ѳеодоровича Кони будетъ происходить въ 1911, 1916, 1921, 1926 гг. и т. д. За три мѣсяца до наступленія конкурснаго пятилѣтія Историко-Филологическое Отдѣленіе объявляетъ въ газетахъ о предстоящемъ соисканіи премій.

§ 12. Отчетъ о присужденіи премій и объ ученыхъ предпріятіяхъ Академіи Наукъ на проценты съ неприкосновеннаго капитала имени А. Ѳ. Кони (см. § 5) читается въ торжественномъ засѣданіи Академіи Наукъ 29 декабря конкурснаго года.

§ 13. Постороннимъ рецензентамъ, въ знакъ признательности Академіи, могутъ быть выдаваемы медали, на изготовленіе которыхъ употребляются проценты, оставшіеся отъ суммы, назначенной въ преміи.

§ 14. Право дѣлать измѣненія въ настоящихъ правилахъ предоставляется одной лишь Императорской Академіи Наукъ. Объ измѣненіяхъ въ настоящихъ правилахъ сообщается, лишь для свѣдѣнія, учредителю преміи.

II. — Отъ Русскаго Общества охраненія народнаго здравія.

Воззваніе Соединенной Организаціи С.-Петербургскихъ Обществъ для помощи голодающимъ отъ неурожая.

Къ пережитымъ нашею родиною бѣдствіямъ присоединилось новое: *неурожай*, отъ котораго пострадало слишкомъ 138 уѣздовъ въ 23 губерніяхъ съ населеніемъ около 25 милліоновъ, на пространствѣ въ 600 тысячъ квадратныхъ верстъ. Отъ лѣтней жары высохли хлѣба и травы въ центральной черноземной полосѣ, отъ чрезмѣрныхъ дождей вымокли поля во многихъ мѣстностяхъ сѣвера. Недоборъ въ 12 наиболѣе пострадавшихъ губерніяхъ превышаетъ полъ-милліарда пудовъ хлѣба. Населеніе этого района не можетъ покрыть свою нужду даже при содѣйствіи земства и правительства.

Въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ населеніе дошло уже до такой грани, гдѣ кончается голодная жизнь и начинается голодная смерть. *Нѣтъ*

пищи, нѣтъ корма для скота, нѣтъ соломы на топливо. Ожидаются цынга, голодный тифъ, холера, надвигается грозный призракъ чумы.

Вспомнимъ 1892 годъ, въ теченіе котораго отъ болѣзней, спутниковъ голода 1891 года, только въ губерніяхъ Европейской Россіи смертность противъ трехлѣтней средней увеличилась на 600.000 человѣкъ. *Нужна неотложная общественная помощь.* Только при сочувствіи общества народной нуждѣ могутъ быть собраны средства, необходимыя для изголодавшагося населенія.

Уже возникло съ этою цѣлью нѣсколько общественныхъ организацій. Но бѣдствіе такъ велико, что необходимо создавать новые и новые кружки, собирать новыя силы и средства.

Русское Общество охраненія народнаго здравія сочло своимъ долгомъ помочь голодающимъ и объединило для этой цѣли многія С.-Петербургскія Общества.

Въ твердой надеждѣ на общее сочувствіе *Соединенная Организація С.-Петербургскихъ Обществъ* обращается ко всѣмъ, въ комъ живо, въ комъ теплится чувство любви къ страждущему ближнему, *съ просьбою оказать посильную помощь*—и малая лепта отъ многихъ доброжелателей можетъ спасти голодающихъ.

Всѣ накладные расходы будутъ выполнены на средства Русскаго Общества охраненія народнаго здравія, а потому *каждая пожертвованная копѣйка найдетъ себѣ производительное употребленіе исключительно на нужды голодающихъ отъ неурожая.* Спѣшите помогать, ибо опасность—въ промедленіи.

Списки пожертвованій и отчеты будутъ публиковаться въ газетахъ и журналѣ Общества охраненія народнаго здравія; дѣятельность организаціи будетъ доступна самой широкой гласности и общественному контролю.

Для завѣдыванія всѣми дѣлами Соединенная Организація избрала *Исполнительный Комитетъ*: предсѣдатель прив.-доц. В. О. Губертъ, секретари: гражд. инж. С. В. Покровскій и д-ръ мед. Г. И. Дембо, казначей д-ръ Б. И. Хабловскій; члены—д-ръ мед. А. А. Владиміровъ, женщ.-врачъ З. Я. Ельцина, гражд. инж. В. В. Старостинъ и Вас. Ив. Покровскій.

Пожертвованія въ фондъ Соединенной Организаціи С.-Петербургскихъ Обществъ для помощи голодающимъ отъ неурожая принимаются:

а) въ Обществѣ охраненія народнаго здравія (Мойка, 85, у Синяго моста);

б) во всѣхъ соединенныхъ съ нимъ Обществахъ, а именно: 1) въ „Обществѣ архитекторовъ" (Мойка, 83); 2) въ „Обществѣ архитекторовъ-художниковъ" (Императорская Академія Художествъ); 3) въ „Обществѣ борьбы съ заразными болѣзнями" (Театральная ул., 3); 4) въ „Россійскомъ Ветеринарномъ Обществѣ" (Театральная ул., 1—3); 5) въ „С.-Петер. Врачебномъ Обществѣ взаимной помощи" (9 Рожд., № 18); 6) въ „Географическомъ Обществѣ" (Чернышевская площ., 2); 7) въ „Обществѣ гражданскихъ инженеровъ" (Серпуховская ул., 10); 8) въ „Обществѣ инженеръ-электротехниковъ" (Песочная ул., 5); 9) въ „Медицинскомъ Обществѣ" (Инженерная ул., 9); 10) въ „Обществѣ морскихъ врачей" (зданіе Адмиралтейства); 11) въ „Обществѣ нѣмецкихъ врачей" (Моховая, 38); 12) въ „Политехническомъ Обществѣ"

(Мойка, 83); 13) въ „Обществѣ русскихъ врачей“ (Б. Сампсоніевскій пр., 2); 14) въ „Собраніи экономистовъ“ (Адмиралтейская наб., 4); 15) въ „Обществѣ содѣйствія русской промышленности и торговли“ (Мойка, 83); 16) въ „Обществѣ С.-Петербургскихъ врачей“ (Б. Конюшенная, 10); 17) въ „Обществѣ технологовъ“ (Англійскій пр., 45).

III.—Отъ „Попечительства Трудовой Помощи“.

Попечительство о трудовой помощи, состоящее подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны, не успѣло еще закончить всѣхъ предпринятыхъ имъ общественныхъ работъ въ мѣстностяхъ, пострадавшихъ отъ неурожая 1905 г., какъ новое бѣдствіе потребовало вновь самой напряженной дѣятельности всѣхъ учрежденій и благотворительныхъ обществъ, призванныхъ къ оказанію помощи при неурожаяхъ.

Нѣкоторые наши сотрудники по оказанію трудовой помощи (въ бузулукскомъ, вольскомъ, хвалынскомъ и камышинскомъ уѣздахъ), оставшись на мѣстахъ, немедленно же съ половины сентября, насколько позволяли средства, имѣвшіяся въ нашемъ распоряженіи, приступили къ организаціи работъ въ наиболѣе пострадавшихъ селеніяхъ. При этомъ, совершенно исключая даровую помощь, имѣется въ виду доставленіе населенію заработка производствомъ разнообразныхъ работъ по водоснабженію, улучшенію сельскихъ дорогъ, укрѣпленію овраговъ, облѣсенію песковъ и т. п.; такимъ образомъ оказывается помощь вдвойнѣ, такъ какъ независимо заработка весь трудъ крестьянъ обращается на благоустройство ихъ же родного селенія или на улучшеніе ихъ же угодій.

Широко организованныя послѣ неурожая 1905 г. подобныя работы, а также оказанная помощь различнымъ кустарнымъ производствамъ въ губерніяхъ орловской, рязанской, самарской, саратовской, тамбовской и тульской—встрѣтили повсемѣстно большое сочувствіе со стороны крестьянъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ также постановленія и горячія ходатайства мѣстныхъ уѣздныхъ земскихъ собраній о продолженіи работъ. Къ сожалѣнію средства, которыми располагаетъ нынѣ Попечительство, чрезвычайно ограничены. Запасный капиталъ, образованный для организаціи помощи при народныхъ бѣдствіяхъ, исчерпанъ и въ распоряженіи моемъ имѣется всего 700.000 р., предоставленныхъ Попечительству изъ суммъ, ассигнуемыхъ правительствомъ для борьбы съ послѣдствіями неурожая. Поступившія же непосредственно въ Попечительство ходатайства во много разъ превышаютъ эту сумму. Предстоитъ такимъ образомъ ограничить дѣятельность немногими лишь уѣздами, постоянно въ то же время отказывая нуждающимся въ просьбахъ дать заработокъ и возможность поддержать упадающее хозяйство. Понятно, до чего невыразимо трудно отказывать въ подобныхъ случаяхъ при видѣ дѣйствительной нужды...

Отправляясь въ объѣздъ наиболѣе пострадавшихъ отъ неурожая губерній, чтобы на мѣстахъ обсудить и выяснить возможность наибо-

лѣе цѣлесообразно использовать тѣ небольшія средства, которыми мы располагаемъ и изъ которыхъ уже часть израсходована на производство осеннихъ работъ, обращаемся ко всѣмъ, кто пожелаетъ внести свою лепту для облегченія крестьянской нужды и кому по̀ сердцу *трудовая помощь*, съ просьбою теперь же поспѣшить съ посильными пожертвованіями, не стѣсняясь ихъ размѣрами, какъ бы скромны они ни были. Всѣ указанія относительно направленія пожертвованій въ тѣ или иныя мѣстности, или на тѣ или иныя работы, будутъ въ точности исполнены.

Пожертвованія можно направлять непосредственно къ Главноуполномоченному Общества (С.-Петербургъ, улица Жуковскаго, 27) и въ Канцелярію Комитета Попечительства о трудовой помощи (Надеждинская, 41).

О пожертвованіяхъ печатается въ „Правительственномъ Вѣстникѣ" и въ журналѣ „Трудовая Помощь", а также въ тѣхъ изданіяхъ, въ коихъ будетъ открытъ пріемъ пожертвованій.

Главноуполномоченный Попечительства, статсъ-секретарь *Галкинъ-Враской.*

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

— **Дипломатическія сношенія Россіи и Франціи, по донесеніямъ пословъ императоровъ Александра и Наполеона. 1808—1812. Т. V. Изданіе Великаго Князя Николая Михаиловича. Спб. 907. Стр. 192.**

Новый выпускъ, какъ и предыдущіе, содержитъ въ себѣ обширный и не менѣе интересный матеріалъ для франко-русской исторіи за послѣдніе пять лѣтъ, предшествовавшіе окончательному разрыву имп. Александра I съ Наполеономъ, обѣщавшіе отечественной войны. По [illegible] своей [illegible] до полутораста писемъ французскаго посла при нашемъ дворѣ, Коленкура,—называвшаго себя „видо-королемъ Наполеона въ Петербургѣ“,—къ министру иностранныхъ дѣлъ въ Парижѣ Шампаньи, и нынѣ [illegible] его же писемъ и докладовъ къ самому Наполеону. Коленкуръ оставался въ Россіи цѣлыхъ три года—1808—1811 гг.—и его сообщенія о нашихъ внутреннихъ дѣлахъ и внѣшней политикѣ носятъ на себѣ всѣ слѣды близкаго знакомства съ положеніемъ дѣлъ въ Россіи. Въ его письмахъ встрѣчается любопытная характеристика имп. Александра I: „Александра, по моему мнѣнію,—говоритъ Коленкуръ,—судятъ невѣрно, его считаютъ слабымъ, и тѣмъ ошибаются; онъ, конечно, можетъ [illegible] встрѣчая препятствія, и сдерживать свое неудовольствіе, потому что [illegible] этого цѣль, которую онъ надѣется достигнуть, безъ какого-нибудь значительнаго кризиса“. Особенно важны въ письмахъ Коленкура сообщаемыя имъ свѣдѣнія о нашихъ дѣлахъ съ Турціей, о нашихъ военныхъ порядкахъ того времени, съ характеристиками русскихъ генераловъ, министровъ; вообще говоря, историкъ этой эпохи почерпнетъ въ этихъ письмахъ массу подробностей, дополняющихъ и разъясняющихъ многое за этотъ давно прошедшихъ временъ, не утратившихъ своего интереса и въ наши дни. Къ настоящему тому приложенъ портретъ французскаго министра иностранныхъ дѣлъ, герцога Шампаньи.

— **Изъ эпохи освободительнаго движенія. Вып. II. 17-го октября 1905 г.—9-е іюля 1906 г. П. Д. Кузьмина-Караваева. Спб. 907. Ц. 2 р.**

Въ новомъ выпускѣ, кромѣ ежемѣсячной хроники, начиная съ ноября мѣсяца 1905 г. и до іюль 1906 года, содержатся всѣ статьи автора изъ различныхъ періодическихъ изданій, касающіяся важнѣйшихъ вопросовъ или вызванныя засѣданіями первой Государственной Думы, съ включеніемъ пяти рѣчей автора по вопросу о смертной казни и стольких же рѣчей по другимъ вопросамъ Думы. Свой сборникъ авторъ заканчиваетъ небольшою статьею „Оборвалось!“, обращенной къ ближайшему будущему, по поводу открытія второй Думы 20-го февраля текущаго нынѣ года. „Оборвалась надежда—говоритъ онъ—на разрѣшеніе кризиса эволюціей, болѣзненной и тяжелой, но мирной... Что впереди?.. Временная ли отсрочка для взрыва черезъ семь мѣсяцевъ, или революціонный взрывъ сейчасъ, или, что еще ужаснѣе, взрывъ контръ-революціонный—пугачевщина“?.. Такъ представлялось автору будущее, семь мѣсяцевъ тому назадъ въ моментъ распущенія первой Государственной Думы.

— **Исторія русской литературы. Т. IV. А. Н. Пыпина. Изданіе третье. Стр. 677. Спб. 907. Цѣна четырехъ томовъ—10 руб.**

Ровно восемь лѣтъ тому назадъ, въ іюлѣ 1899 года, А. Н. заканчивалъ свой обширный классическій трудъ изданіемъ четвертаго и послѣдняго тома. Какъ онъ заявилъ при выпускѣ перваго изданія, трудъ его вовсе не имѣлъ цѣлью послужить учебникомъ; авторъ задался мыслью „установить значеніе литературы въ послѣдовательности ея историческаго развитія, въ ея внутреннихъ соотношеніяхъ и—что особенно важно, присмотрѣться къ ея связи съ событіями жизни государства, народа и общества“. Такая программа и придала труду А. Н. то прочное значеніе, какое этотъ трудъ представляетъ и въ настоящее время, и какое онъ не скоро утратитъ: будущіе историки русской литературы не въ правѣ, при дальнѣйшей ея разработкѣ, уклоняться отъ пути, не только намѣченнаго авторомъ, но и пройденнаго имъ на дѣлѣ. Четвертый томъ обнимаетъ времена Екатерины II, Александра I и Николая I—золотой вѣкъ русской литературы: Жуковскій, Крыловъ, Грибоѣдовъ, наконецъ—Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь. Въ заключеніе тома, помѣщенъ очеркъ дальнѣйшаго развитія русской литературы изъ основъ, положенныхъ Пушкинымъ и Гоголемъ, въ новомъ поколѣніи литературныхъ силъ и въ новыхъ условіяхъ образованія и общественности. Къ настоящему тому, какъ къ послѣднему, приложенъ весьма подробный Указатель ко всѣмъ четыремъ томамъ.

— **Исторія „чартизма“. Р. Гаммоджа. Перев. съ англ. А. В. Погожевой. Спб. 907. Стр. 506. Ц. 2 р.**

„Чартизмъ“ или „хартизмъ“ занимаетъ весьма видное мѣсто въ исторіи англійскаго парламента въ XIX-мъ вѣкѣ и сильно волновалъ все англійское общество въ теченіе десяти лѣтъ, начиная съ перваго года вступленія королевы Викторіи на престолъ (1838—1848 гг.). Въ концѣ 30-хъ годовъ, при преобладаніи въ Англіи аристократіи, явился „Союзъ рабочихъ“, который началъ домогаться демократизаціи всѣхъ основъ англійскаго парламента и составилъ „Народную Хартію“ (откуда и произошло названіе самой партіи: „хартисты“ или—по англійскому произношенію:—„чартисты“); по этой „Хартіи“ требовались радикальныя измѣненія избирательнаго закона (всеобщее мужское, тайное и прямое), ежегодный парламентъ, уничтоженіе избирательнаго ценза, жалованье членамъ парламента и т. д. Хотя „чартисты“ не успѣли никакъ достигнуть цѣли, но, тѣмъ не менѣе, подъ ихъ давленіемъ прошло много либеральныхъ законовъ, улучшившихъ бытъ рабочихъ и вообще бѣднаго класса. Въ наше время, исторія англійскаго „чартизма“ представляетъ особый интересъ по аналогіи того, что совершается у насъ, съ тѣмъ, что происходило въ англійскомъ парламентѣ въ сороковыхъ годахъ XIX-го вѣка; „чартисты“ были англійскими радикалами и одно время имѣли сильную партію въ парламентѣ и весьма даровитыхъ представителей.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ

въ **1907** г.

(Сорокъ-второй годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ежемѣсячный журналъ исторіи, политики, литературы

выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ, отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На годъ	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
		Январь	Іюль	Январь	Апрѣль	Іюль	Октябрь
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 80 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкою	16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес.	17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границей, въ госуд. почтов. союза	19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе. — Вмѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по полугодіямъ: въ январѣ и въ іюлѣ, и по четвертямъ года: въ январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ и октябрѣ, принимается — **безъ повышенія годовой цѣны подписки.**

Книжные магазины, при годовой подпискѣ, пользуются обычною уступкою.

ПОДПИСКА

принимается на годъ, полгода и четверть года:

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

— въ Конторѣ журнала, В.-О., 5 л., 28;
— въ отдѣленіяхъ Конторы: при книжныхъ магазинахъ К. Риккера, Невск. просп., 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій пр., 20.

ВЪ МОСКВѢ:

— въ книжномъ магазинѣ Н. П. Карбасникова, на Моховой, и въ Конторѣ Н. Печковской, въ Петровскихъ линіяхъ.

ВЪ КІЕВѢ:

— въ книжн. магаз. Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ, 33.

ВЪ ОДЕССѢ:

— въ книжн. магазинѣ „Образованіе“, Ришельевская, 12.

ВЪ ВАРШАВѢ:

— въ книжн. магаз. „С.-Петербургскій Книжный Складъ“ Н. П. Карбасникова.

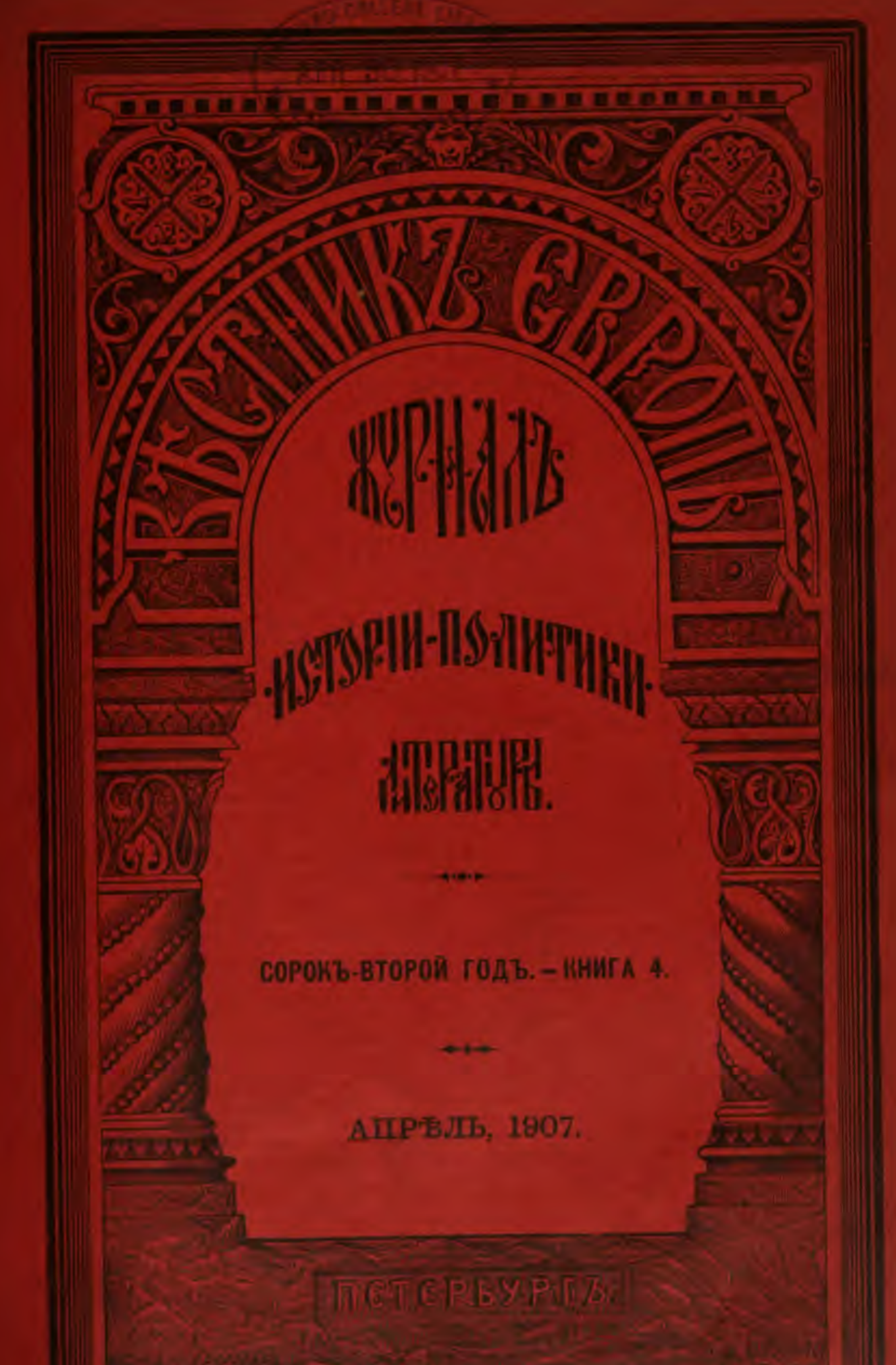
Примѣчаніе. — 1) *Почтовый адресъ* долженъ заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства и съ названіемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) *допускается* выдача журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія въ самомъ мѣстожительствѣ подписчика. — 2) *Перемѣна адреса* должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адреса, при чемъ городскіе подписчики, переходя въ иногородные, доплачиваютъ 1 руб. — 3) *Жалобы* на неисправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была сдѣлана въ вышеупомянутыхъ мѣстахъ и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, *не позже какъ по* полученіи слѣдующей книги журнала. — 4) *Билеты* на полученіе журнала высылаются Конторою только тѣмъ изъ иногородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ **М. М. Стасюлевичъ.**

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:
Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Вас.-Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:
Петербургская Сторона, Кронверкская ул., 21.



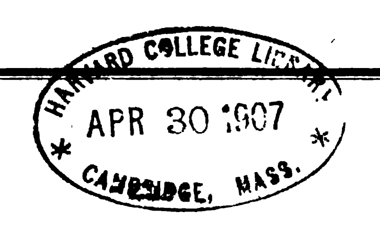
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., 28.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО.

КНИГА 4-я. — АПРѢЛЬ 1907.

СТР.

Подписка на годъ, полугодіе и четверть года въ 1907 г.
(См. условія подписки на послѣдней страницѣ обертки.)



ЗАПИСКИ С. М. СОЛОВЬЕВА

Мои записки для дѣтей моихъ,

а если можно, и для другихъ.

VII *).

О попечителѣ графѣ Строгановѣ я уже довольно говорилъ; помощникомъ его былъ Дмитрій Павловичъ Голохвастовъ, человѣкъ, умѣвшій, въ противоположность Строганову, заслужить самое невыгодное о себѣ мнѣніе въ университетѣ и обществѣ московскомъ. Это былъ человѣкъ знающій, умный, честный и любившій честность въ другихъ, но умъ этого человѣка отличался особеннымъ складомъ, именно удивительною форменностью. Мы, прочіе смертные, мыслимъ про себя и вслухъ, разговариваемъ и пишемъ, не обращая вниманія на самый процессъ нашего мышленія, на его формы; тогда какъ у Голохвастова все вниманіе было обращено на формы мышленія; въ разговорѣ своемъ онъ хлопоталъ только объ одномъ, чтобы мысли являлись въ законной формѣ и чтобъ эта форменность какъ можно яснѣе обнаружилась; отсюда разговоръ Голохвастова былъ крайне утомителенъ. Есть люди нестерпимые въ разговорѣ: они стараются сдѣлать свою рѣчь украшенною тѣмъ, что не скажутъ слова просто; если есть такіе фразеры, нестерпимые своею риторикою, то Голохвастовъ принадлежалъ къ числу людей, которые встрѣ-

*) См. выше: мартъ, стр. 68.

чаются гораздо рѣже,—людей нестерпимыхъ своею логикою; эта логика въ его разговорѣ являлась столь же изысканною, бездушною, какъ риторика у фразеровъ. При этомъ Голохвастовъ былъ страстный охотникъ говорить, т.-е. затягивать мысли въ форменное платье, въ мундиръ и выводить ихъ напоказъ: вотъ какъ онѣ правильно и стройно вытекаютъ одна изъ другой, связываются и равняются; хотя эти правильность и стройность были часто видимыя только, но Голохвастову не было до этого дѣла. Въ исторической литературѣ нашей Голохвастовъ прославился замѣчаніями по исторіи осады Троицкой лавры, напечатанными въ „Москвитянинѣ“, блестящею критическою статьею; говорили, что онъ пользовался здѣсь чужими трудами и указывали на Забѣлина; но, зная хорошо Голохвастова, его пріемы, я не усумнюсь приписать статью ему, — по крайней мѣрѣ, главное въ статьѣ, построеніе ея, принадлежитъ ему. По политическимъ убѣжденіямъ своимъ Голохвастовъ былъ сильный охранитель; ему очень нравился существующій порядокъ вещей, дисциплина, чинопочитаніе; онъ много занимался исторіею своей фамиліи, собралъ и издалъ акты, хранившіеся въ фамильномъ архивѣ; замѣчанія на исторію Троицкой осады написалъ онъ для того, чтобы защитить честь своихъ предковъ отъ навѣтовъ Палицына; когда я однажды въ разговорѣ съ нимъ упомянулъ объ этой статьѣ, то онъ съ самодовольнымъ видомъ сказалъ: „pro domo sua pugnavimus“. Но при этомъ въ Голохвастовѣ не было ничего аристократическаго; въ немъ была только русская барская спѣсь, чтò особенно и отталкивало отъ него университетскихъ подчиненныхъ, избалованныхъ Строгановымъ. Голохвастовъ платилъ университету тою же монетою: будучи помощникомъ попечителя, а потомъ попечителемъ, онъ ненавидѣлъ университетъ, считалъ его учрежденіемъ опаснымъ для существующаго порядка вещей и не скрывалъ этихъ мнѣній своихъ; не совѣтовалъ никому отдавать сыновей своихъ въ университетъ и говорилъ, что своихъ никогда не отдастъ туда, что всѣ дворяне должны служить въ военной службѣ, что предки ихъ служили за помѣстья, когда же помѣстья были превращены въ вотчины, то этимъ самымъ обязанность служить въ военной службѣ не снялась, напротивъ, удвоилась. Своими понятіями и обращеніемъ Голохвастовъ больше чѣмъ кто-либо другой напоминалъ русскаго барина XVII-го или начала XVIII-го вѣка, надѣвшаго европейское платье, усвоившаго даже себѣ европейскую науку, европейскіе языки, но въ сущности оставшагося вѣрнымъ старинѣ. Неуваженіе Голохвастова къ подчиненнымъ, или, по крайней мѣрѣ, къ большинству ихъ, было возмутительно.

Особенно дурную славу пріобрѣлъ онъ при управленіи округомъ между попечительствомъ Голицына и Строганова, когда онъ, сообразно характеру своему, строгостями и отдачею студентовъ въ солдаты, хотѣлъ сдѣлать то, что при Строгановѣ сдѣлалось само собою, безъ всякихъ насильственныхъ средствъ, чрезъ одно вліяніе благородной личности начальника,—именно исправленіе студенческихъ нравовъ. При Строгановѣ Голохвастовъ былъ предсѣдателемъ цензурнаго комитета, и здѣсь явился притѣснителемъ; особенно его строгость возбуждала негодованіе въ сравненіи съ петербургскою цензурою, отличавшеюся тогда свободою. Наконецъ, въ наружности Голохвастова было много отталкивающаго: его фигура выражала спѣсь, натянутость, форменность; это была фигура красиваго, рисующагося квартальнаго, который понимаетъ свое высокое значеніе на публичномъ гуляньи предъ толпою черни. Голохвастовъ былъ извѣстенъ своимъ конскимъ заводомъ; на скачкахъ славилась его великолѣпная лошадь Бычокъ, и вотъ изъ университетскихъ стѣнъ явилась эпиграмма:

Вмѣсто Шеллинговъ и Астовъ
И Пегаса старичка,
Дмитрій Павлычъ Голохвастовъ
Объѣзжаетъ намъ Бычка.

Ректоромъ былъ М. Т. Каченовскій. Объ ученомъ значеніи этого человѣка я не буду распространяться, потому что исчерпалъ этотъ предметъ въ біографіи Каченовскаго, напечатанной мною въ Біографическомъ Словарѣ профессоровъ университета, изданномъ по случаю столѣтняго юбилея. Въ то время, какъ я былъ въ университетѣ и слушалъ Каченовскаго, это уже былъ старикъ ветхій; читалъ онъ уже не русскую исторію, а славянскія нарѣчія, предметъ, при разработкѣ котораго онъ не могъ оказать ученыхъ заслугъ ни по лѣтамъ, ни по приготовленію своему; скептицизмъ проглядывалъ и тутъ при каждомъ удобномъ случаѣ; любопытно было видѣть этого маленькаго старичка съ пергаментнымъ лицомъ на каѳедрѣ: обыкновенно читалъ онъ медленно, однообразно, утомительно; но какъ скоро явится возможность подвергнуть сомнѣнію какой-нибудь памятникъ письменности славянъ или какое-нибудь извѣстіе — старичокъ вдругъ оживится и засверкаютъ каріе глаза подъ сѣдыми бровями, составлявшіе единственную красоту у невзрачнаго старика. Сохранилось у меня въ памяти одно изъ свидѣтельствъ, приведенныхъ Каченовскимъ противъ подписи на тмутараканскомъ камнѣ: „Да вотъ и государь императоръ Николай Павловичъ, какъ взглянулъ на нее, такъ и сказалъ:—Это, должно быть, подложная надпись!“ Ка-

челновскій могъ служить лучшимъ опроверженіемъ мнѣнія, что ученый скептицизмъ ведетъ необходимо къ религіозному и политическому; не было человѣка болѣе консервативнаго въ томъ и другомъ отношеніи. Скептицизмъ научный отражался, впрочемъ, въ жизни Каченовскаго мнительностью, крайнею осторожностью, чрезмѣрнымъ страхомъ предъ отвѣтственностью: такъ, напримѣръ, онъ никогда не бралъ на домъ книгъ изъ университетской библіотеки, боясь, чтобъ онѣ какимъ-нибудь непредвидѣннымъ образомъ не пропали у него; каждое дѣло, каждая бумага по управленію встрѣчали съ его стороны возраженія: „Да какъ же это такъ, да зачѣмъ же это такъ?“ и т. п. Во всѣхъ отношеніяхъ общественной служебной жизни своей Каченовскій былъ честный человѣкъ; полемика его противъ Карамзина и Пушкина доставила ему много враговъ. Говорили, что императоръ Николай, при выборѣ инспектора классовъ къ наслѣднику, обратилъ вниманіе на Каченовскаго, говоря, что уважаетъ этого ученаго, по журналу котораго онъ выучился читать по-русски; но карамзинисты помѣшали Каченовскому, выставивши на видъ его вредное направленіе, скептицизмъ, чѣмъ, разумѣется, легко могли напугать охранительнѣйшаго императора. По поводу Пушкина профессоръ Крюковъ разсказывалъ любопытный разговоръ свой съ Каченовскимъ: зашла рѣчь о языкѣ, которымъ должна писаться исторія; Каченовскій, какъ слѣдуетъ ожидать, вооружился противъ украшеннаго слога, противъ риторики, поднимающей на ходули событія и лица, при чемъ сказалъ: „Одинъ только писатель у насъ могъ писать исторію простымъ, но живымъ и сильнымъ, достойнымъ ея языкомъ—это Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ, давшій превосходный образецъ историческаго изложенія въ своей Исторіи Пугачевскаго бунта“. Конечно, этотъ отзывъ былъ произнесенъ по смерти Пушкина; конечно, по смерти уже Карамзина Каченовскій написалъ разборъ XII тома,—но всякій ли способенъ и по смерти врага сдѣлаться безпристрастнымъ въ отношеніи къ нему, у всякаго ли достанетъ духа похвалить и умершаго врага? Подъ старость Каченовскій уже не могъ продолжать полемики съ Погодинымъ, который, однако, не переставалъ нападать на него и, по обычаю своему, позволялъ себѣ грубыя выраженія на его счетъ; старика сильно это оскорбляло; со слезами на глазахъ онъ жаловался на оскорбленія и на невозможность отвѣчать оскорбителю, который трубитъ побѣду. Сильно оскорбляла также старика Венелинская школа,—стремленіе все ославянить, сдѣлать славянъ древнѣйшимъ и славнѣйшимъ народомъ міра: не имѣя самъ средствъ ратовать противъ этого, по его мнѣнію, вреднаго

и нелѣпаго направленія, Каченовскій приглашалъ молодого Грановскаго образумить ослѣпленныхъ; но Грановскій отказался подвизаться на этомъ неблагодарномъ поприщѣ.

Деканомъ факультета былъ И. И. Давыдовъ. Это былъ человѣкъ безспорно очень даровитый, способный къ многосторонней дѣятельности, могшій принести большую пользу наукѣ, еслибы посвятилъ ей всего себя; но онъ посвятилъ всего себя для удовлетворенія одной страсти—честолюбія и честолюбія самаго мелкаго; мало того, что, думая, хлопоча только о почестяхъ—онъ пренебрегъ наукою, скоро сдѣлался ученымъ отставшимъ, онъ продалъ дьяволу свою душу, ибо для достиженія почестей считалъ всѣ средства позволительными: нипочемъ было ему очернить человѣка, загораживавшаго ему дорогу, погубить его въ общественномъ мнѣніи; нипочемъ ему было унизиться до самой гнусной, невообразимой лести предъ человѣкомъ сильнымъ и предъ лакеями человѣка сильнаго, не обращая никакого вниманія на умственныя и нравственныя достоинства человѣка, уважая только людей сильныхъ, могущихъ быть ему полезными или вредными. Не имѣя ни вѣры, ни совѣсти, этотъ человѣкъ, смотря по надобности, притворялся самымъ благочестивымъ: равнодушный къ вѣрѣ съ равнодушнымъ къ ней министромъ Уваровымъ, онъ благоговѣйно молился на колѣняхъ съ набожнымъ министромъ, Ширинскимъ Шихматовымъ. Однажды ему нужно было снискать благосклонность нѣкоторыхъ богомольныхъ барынь; вотъ онъ явился въ ихъ общество, ходя по комнатѣ, пошелъ въ карманъ за платкомъ, и, какъ будто бы ненарочно, выронилъ изъ кармана маленькую книжку; ему ее подняли, и любопытныя барыни спросили, что̀ это за карманная книжка у профессора: оказалось, что это Ѳомы Кемпійскаго — „О подражаніи Христу“! Этотъ любитель Кемпійскаго встрѣтилъ на своей дорогѣ Каченовскаго; чтобъ повредить ему, онъ прикинулся ему другомъ, сталъ безпрестанно къ нему ѣздить и уговорилъ его посѣщать клубъ, сталъ увлекать его туда безпрестанно—и это-то была главная цѣль его дружества: онъ началъ съ сожалѣніемъ разсказывать всѣмъ и каждому, что вотъ какое несчастіе! такой достойный ученый, какъ Каченовскій, пристрастился къ клубу, къ игрѣ, покинулъ семейство, науку, и онъ, Давыдовъ, изъ дружбы къ нему, слѣдитъ за нимъ, не покидаетъ его, ища случая отвратить отъ пагубной страсти. Жалкое зрѣлище представлялъ изъ себя Давыдовъ, когда ждалъ чина или ордена; безпокойство и волненіе его не имѣли границъ; даже узнавъ, что представленіе подписано императоромъ, Давыдовъ не могъ успокоиться, спрашивалъ, не можетъ ли случиться, что

курьера, везущаго орденъ или чинъ, постигло какое-нибудь несчастіе на дорогѣ, и не можетъ ли этотъ случай отдалить новое представленіе на неопредѣленное время: не бывало ли тому прежде примѣровъ? Получивъ первую звѣзду Станислава, Давыдовъ не постыдился объявить, что высшіе ордена производятъ удивительное вліяніе, что онъ чувствуетъ себя нравственно лучше, выше, получивши звѣзду. Получивъ орденъ Владиміра 2-й степени, онъ встрѣтился съ профессоромъ Никитенко и началъ внушать ему, что во всей Россіи чрезвычайно мало людей, которые бы имѣли владимірскую звѣзду въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Но что̀ было въ Давыдовѣ хуже всего — это страшная мстительность; пресмыкаясь предъ сильными, онъ требовалъ пресмыканія передъ собою отъ всѣхъ, которые были ниже, слабѣе его, и горе человѣку, въ которомъ онъ заподозрилъ чувства враждебныя къ себѣ или, по крайней мѣрѣ, недостатокъ раболѣпства; понятенъ вредъ, который причинялъ Давыдовъ своимъ характеромъ: понятно, что нашлось много людей, которые соглашались предъ нимъ раболѣпствовать, получали чрезъ него мѣста, выгоды, — и все это были люди дрянные; люди порядочные, не соглашавшіеся предъ нимъ раболѣпствовать, подвергались гоненію. Страшно вредно было его деканство тѣмъ, что онъ изъ низкихъ видовъ явно оказывалъ поблажку студентамъ-„отецкимъ дѣтямъ", выводилъ ихъ, давалъ высшіе баллы, высшія степени не по достоинству, въ предосужденіе другимъ, болѣе достойнымъ, но отъ которыхъ деканъ не надѣялся получить ничего; при страшномъ честолюбіи Давыдовъ не оставлялъ удовлетворять и другой страсти—корыстолюбію: онъ сильно пользовался казеннымъ добромъ, когда былъ инспекторомъ университетскаго пансіона, любилъ брать и отъ студентовъ, т.-е. отъ ихъ родителей, богатые подарки въ благодарность за покровительство сынкамъ; въ воспитанникахъ университетскаго пансіона онъ оставилъ по себѣ еще болѣе тяжелое воспоминаніе... Въ заключеніе, приведу стихи, которые очень вѣрно характеризуютъ Давыдова:

П...... изъ чести и изъ видовъ,
Душеприказчикъ старыхъ бабъ,
Иванъ Ивановичъ Давыдовъ
Ивана Лазарева [1]) рабъ.
Душа полна стяжанья мукой
Полна проектовъ голова,
И тащится онъ за наукой,
Какъ за Минервою сова.

[1]) Лазаревъ—попечитель лазаревскаго армянскаго института, гдѣ Давыдовъ былъ инспекторомъ.

Я долженъ былъ слушать Давыдова съ перваго курса, и слушалъ очень долго, потому что второй профессоръ словесности, Шевыревъ, былъ въ это время заграницею. Содержаніемъ лекцій Давыдова было то, что̀ уже мы знали изъ напечатаннаго въ его чтеніяхъ о словесности; книга извѣстна, слѣдовательно мнѣ не нужно распространяться о ея достоинствѣ. Но Давыдову не хотѣлось читать слово въ слово по книгѣ, и потому онъ прибѣгъ къ средству, возможному только для него: именно, цѣлый годъ переливалъ изъ пустого въ порожнее; всѣ лекціи состояли изъ набора словъ для выраженія извѣстнаго и переизвѣстнаго уже; студенты слушали сначала со вниманіемъ, ожидая, что̀ же выйдетъ подъ-конецъ, но подъ-конецъ ничего не выходило, и потому курсу Давыдова дали названіе: *Ничто о ничемъ, или теорія краснорѣчія*. Къ счастію, почтенный профессоръ избавлялъ студентовъ отъ большого утомленія слѣдующимъ средствомъ: ему нужно было читать два часа сряду, но онъ приходилъ въ половинѣ перваго часа и уходилъ въ половинѣ второго, и читалъ только часъ.

Вторымъ профессоромъ словесности былъ, какъ я уже сказалъ, Шевыревъ; Давыдовъ читалъ теорію словесности, Шевыревъ — исторію литературы вообще и русской. Шевыревъ наконецъ пріѣхалъ изъ-за-границы, мы перешли къ нему отъ Давыдова и попали изъ огня да въ полымя: Давыдовъ изъ „ничто“ умѣлъ дѣлать содержаніе лекціи; Шевыревъ богатое содержаніе умѣлъ превратить въ ничто, изложеніе богатыхъ матеріаловъ умѣлъ сдѣлать нестерпимымъ для слушателей фразерствомъ и безталантнымъ произведеніемъ извѣстныхъ воззрѣній. Тутъ-то услыхали мы безконечныя разсужденія, т. е. безконечныя фразы о гніеніи Запада, о превосходствѣ Востока, русскаго православнаго міра. Однажды послѣ подобной лекціи Шевырева, окончившейся страшной трескотней въ прославленіе Россіи, студентъ полякъ Шмурло подошелъ ко мнѣ и спросилъ: „Не знаете ли, сколько Шевыревъ получаетъ лишняго жалованья за такія лекціи?“ Такъ умѣлъ профессоръ сдѣлать свои лекціи казенными. Способность къ казенности и риторству уже достаточно рекомендуетъ человѣка; взгляните на его портретъ — весь человѣкъ тутъ. Въ сущности это былъ добрый человѣкъ, не лѣнивый сдѣлать добро, оказать услугу, готовый и трудиться много; но эти добрыя качества заглушались страшною мелочностью, завистливостью, непомѣрнымъ самолюбіемъ и честолюбіемъ и вмѣстѣ способностью въ лакейству; самой грубой лести было достаточно, чтобы вскружить ему голову и сдѣлать его полезнымъ орудіемъ для всего; но стоило только немного намѣренно или ненамѣренно затронуть его самолюбіе,

и этотъ добрый, мягкій человѣкъ становился звѣремъ, готовъ былъ васъ растерзать и дѣйствительно растерзывалъ, если жертва была слаба; но если выставляла сильный отпоръ, то Шевыревъ долго не выдерживалъ и являлся съ братскимъ христіанскимъ поцѣлуемъ. Эта-то задорливость, соединенная съ слабостью, всего болѣе раздражала противъ Шевырева людей крѣпкихъ, вселяла въ нихъ къ нему полное отвращеніе, презрѣніе. Хороши стихи, написанные на Шевырева Каролиною Павловою, хотя они далеко не опредѣляютъ еще вполнѣ его характера:

Преподаватель христіанскій,
Онъ вѣрой твердъ, душою чистъ;
Не злой философъ онъ германскій,
Не беззаконный коммунистъ;
И скромно онъ по убѣжденью
Себя считаетъ выше всѣхъ,
И тягостенъ его смиренью
Одинъ лишь ближняго успѣхъ.

Основа недостатковъ Шевырева заключалась въ необыкновенной слабости природы, природы женщины, ребенка, въ необыкновенной способности опьяняться всѣмъ, въ отсутствіи всякой самостоятельности. Нельзя сказать, чтобы онъ вначалѣ не обнаружилъ и таланта; но этотъ талантъ данъ былъ ему въ чрезвычайно маломъ количествѣ, какъ-то очень некрѣпко въ немъ держался, и онъ его сейчасъ израсходовалъ, запахъ исчезъ, оставивъ какой-то приторный выцвѣтъ. Шевыревъ какъ былъ слабъ предъ всякимъ сильнымъ вліяніемъ нравственно, такъ былъ физически слабъ предъ виномъ, и какъ немного охмелѣетъ, то сейчасъ растаетъ и начнетъ говорить о любви, о согласіи, братствѣ и о всякаго рода сладостяхъ; сначала, въ молодости, и это у него выходило иногда хорошо, такъ что однажды Пушкинъ, слушая пьянаго оратора, проповѣдующаго довольно складно о любви, закричалъ: „Ахъ, Шевыревъ! зачѣмъ ты не всегда пьянъ!"

Отъ Шевырева пріятно перейти къ профессору, который произвелъ на меня самое сильное впечатлѣніе на первомъ курсѣ, именно къ Крюкову. Крюковъ, когда я вступилъ въ университетъ, читалъ латинскій языкъ на трехъ старшихъ курсахъ и древнюю исторію на первомъ. У Крюкова, какъ у всѣхъ самыхъ даровитыхъ профессоровъ русскихъ, но занимающихся науками, разработанными на Западѣ, не было самостоятельности; онъ пользовался результатами, добытыми германскими учеными, своими учителями, читалъ преимущественно подъ вліяніемъ Гегеля; но у Крюкова былъ блестящій талантъ въ изложеніи, блестящій и

вмѣстѣ твердый, не допускавшій фразы, представлявшій этимъ противоположность Шевыревскому таланту. Крюковъ, можно сказать, бросился на насъ, гимназистовъ, съ огромною массою новыхъ идей, съ совершенно новою для насъ наукою, изложилъ ее блестящимъ образомъ, и, разумѣется, ошеломилъ насъ, взбудоражилъ наши головы, вспахалъ, взборонилъ насъ, такъ сказать, и затѣмъ посѣялъ хорошими сѣменами, за что и вѣчная ему благодарность. Второй курсъ мы слушали его уже какъ профессора латинской словесности, и здѣсь онъ былъ превосходенъ, обладая въ совершенствѣ латинскою рѣчью и силою своего таланта возбуждая въ насъ интересъ къ экзегезису, столь важному для изученія отечественныхъ памятниковъ; привлекательности рѣчи Крюкова, какъ латинской, такъ и русской, помогалъ очень много необыкновенно пріятный, звучный органъ, на которомъ онъ очень искусно умѣлъ играть, какъ на инструментѣ; до сихъ поръ (29-го мая 1855 года) еще не встрѣчалъ человѣка, который бы умѣлъ такъ играть на своемъ голосѣ, приводить его въ такую гармонію съ мыслью, съ разсказомъ своимъ; нѣкоторыя лекціи—напримѣръ, о Тацитѣ—онъ потомъ напечаталъ; но въ книгѣ это было не то, потому что обаяніе уже исчезло.

Когда мы перешли на второй курсъ, то пріѣхалъ изъ-за-границы профессоръ Грановскій, начавшій читать среднюю и новую исторію. Грановскій, какъ и Крюковъ, не былъ самостоятеленъ, явился поклонникомъ также Гегеля, но былъ художникъ первоклассный въ историческомъ изложеніи. Между талантомъ Крюкова и талантомъ Грановскаго была такая же большая разница, какъ и между ихъ наружностью: Крюковъ имѣлъ чисто великороссійскую физіономію, круглое полное лицо, бѣлый цвѣтъ кожи, свѣтлорусые волосы, свѣтлокаріе глаза; талантъ его болѣе поражалъ съ внѣшней стороны, поражалъ музыкальностью голоса, изящною обработкою рѣчи, къ нему какъ нельзя болѣе шло прилагательное elegantissimus, какъ мы, студенты, его величали; но при этой элегантности, щегольствѣ, въ немъ самомъ, въ его рѣчи, въ чтеніяхъ было что-то холодное; его рѣчь производила впечатлѣніе, какое производитъ художественное изваяніе. Грановскій имѣлъ малороссійскую южную физіономію; необыкновенная красота его производила сильное впечатлѣніе не на однѣхъ женщинъ, но и на мужчинъ. Грановскій своею наружностью всего лучше доказываетъ, что красота есть завидный даръ, очень много помогающій человѣку въ жизни. Онъ имѣлъ смуглую кожу, длинные черные волосы, черные огненные, глубоко смотрящіе глаза. Онъ не могъ, подобно Крюкову, похвастать внѣшнею изящностью своей

рѣчи: онъ говорилъ очень тихо, требовалъ напряженнаго вниманія, заикался, глоталъ слова, но внѣшніе недостатки исчезали предъ внутренними достоинствами рѣчи, предъ внутреннею силою и теплотою, которыя давали жизнь историческимъ лицамъ и событіямъ и приковывали вниманіе слушателей къ этимъ живымъ, превосходно очерченнымъ лицамъ и событіямъ. Если изложеніе Крюкова производило впечатлѣніе, которое производятъ изящныя изваянія, то изложеніе Грановскаго можно сравнить съ изящною картиной, которая дышитъ теплотой, гдѣ всѣ фигуры ярко расцвѣчены, говорятъ, дѣйствуютъ предъ вами. И въ общественной жизни между этими двумя людьми замѣчалось то же различіе: оба были благородные люди, превосходные товарищи; но Крюковъ могъ внушать только большое уваженіе къ себѣ, не внушая сильной сердечной привязанности, ибо въ немъ было что-то холодное, сдерживающее; въ Грановскомъ же была неотразимая притягательная сила, которая собирала около него многочисленную семью молодыхъ и немолодыхъ людей, но, что̀ всего важнѣе, людей порядочныхъ, ибо съ увѣренностью можно было сказать, что тотъ, кто былъ врагомъ Грановскому, любилъ отзываться о немъ дурно, былъ человѣкъ дурной. Я сказалъ: кто *любилъ* отзываться о немъ дурно; ибо и люди самые привязанные къ нему должны были иногда съ горемъ порицать его въ глаза и за глаза: лѣнь заставляла его закапывать свой блестящій талантъ; съ необыкновенною легкостью проглатывая чужое и претворяя это чужое въ свою собственность, Грановскій съ величайшимъ трудомъ могъ заставить себя взять перо въ руки; онъ оправдывалъ себя передъ собою и передъ другими тѣмъ, что нельзя было ничего печатать, благодаря русской цензурѣ, особенно съ 1848 — 1855 года, но это оправданіе не удовлетворяло ни другихъ, ни его самого: печатать было можно и въ это страшное время, еще легче было печатать прежде и послѣ него. Грановскій женился очень рано на превосходной женщинѣ, дочери доктора Мюльгаузена, сестрѣ профессора, нашего товарища, но дѣтей не имѣлъ. Это обстоятельство, разумѣется, много способствовало его лѣни, безпечности; потомъ я уже сказалъ, что онъ былъ постоянно окруженъ толпою людей, съ которыми весело было проводить дни, ночи, отъ остроумной веселой бесѣды съ которыми трудно было оторваться для кабинетнаго труда...

VIII.

Послѣ Грановскаго и Крюкова самымъ замѣчательнымъ профессоромъ нашего факультета былъ Александръ Ивановичъ Чивилевъ, преподававшій политическую экономію и статистику. Это былъ gentleman въ наружности и манерахъ, честный, точный въ исполненіи своихъ обязанностей, умный и часто зло-остроумный человѣкъ, и если не холодный, то, по крайней мѣрѣ, холодноватый. Политическая экономія меня не такъ занимала; эта наука была для меня слишкомъ жидка, хотя изложеніе Чивилева, въ научномъ отношеніи, кажется, было безукоризненно; гораздо больше удовольствія и пользы доставили мнѣ его лекціи о статистикѣ, особенно та часть ихъ, гдѣ говорилось о природѣ странъ, о ея значеніи въ жизни народовъ. Греческій языкъ на первомъ и второмъ курсахъ преподавалъ В. И. Оболенскій, съ которымъ я уже былъ знакомъ по гимназіи, гдѣ онъ съ начала моего поступленія преподавалъ русскій языкъ, а потомъ латинскій. Оболенскій былъ человѣкъ знающій, охотникъ читать, заниматься, но бездарный и полусумасшедшій. Въ гимназіи онъ такъ училъ русскому языку: придетъ въ классъ и вызоветъ какого-нибудь ученика говорить урокъ отъ доски до доски по книгѣ, потомъ вызоветъ кого-нибудь говорить стихи, и въ этомъ проходитъ весь классъ. Въ университетѣ онъ могъ бы быть полезнымъ на низшихъ курсахъ, занимаясь переводами авторовъ, но онъ вредилъ дѣлу тѣмъ, что не могъ внушить къ себѣ никакого уваженія въ слушателяхъ, которые смѣялись надъ нимъ, надъ его странными рѣчами, въ которыхъ, начавши за здравіе, онъ сводилъ за упокой, ибо мысли, иногда здравыя, никогда не клеились въ его головѣ одна съ другой; потомъ онъ вредилъ преподаванію крайнею слабостью, неумѣньемъ требовать отъ студентовъ приготовленія къ переводу. Строгановъ видѣлъ его неспособность и насилу додержалъ его до срока пенсіи, чтобъ не лишить бѣднаго старика куска хлѣба. На высшихъ курсахъ преподавалъ греческій языкъ А. И. Меншиковъ, человѣкъ бездарный, невыносимый на лекціяхъ и также съ головою не очень стройно организованною. Строгановъ хлопоталъ, чтобы его выжить изъ университета, но никакъ не могъ. Еще до выхода Оболенскаго былъ приглашенъ для греческой каѳедры нѣмецъ Гофманъ. Это былъ человѣкъ не безъ дарованія, могшій съ пользою преподавать греческій языкъ, особенно если сравнивать

его съ Оболенскимъ и Меншиковымъ, но нѣмецъ не понималъ своего положенія въ русскомъ университетѣ. И поступавшіе въ университетъ ученики гимназіи не были достаточно приготовлены въ греческомъ языкѣ, тѣмъ менѣе ученики, поступавшіе изъ другихъ приготовительныхъ заведеній и изъ родительскихъ домовъ; при пріемныхъ экзаменахъ утвердилось вредное правило, что нельзя строго требовать греческаго языка, ибо это предметъ трудный, отвращающій многихъ отъ поступленія въ историко-филологическій факультетъ. Видя неприготовленность студентовъ, Гофманъ подумалъ, что имъ нельзя преподавать по-университетски, а надо по-гимназически, и началъ душить насъ на грамматикѣ, на ея тонкостяхъ; но что̀ русскому здорово, то нѣмцу смерть и наоборотъ. Русскій студентъ 18-ти, 20-ти лѣтъ и больше и не имѣющій въ виду быть греческимъ учителемъ, занимающійся другими предметами, хочетъ пріобрѣсть возможность читать какъ можно легче греческихъ авторовъ, для чего ему нужно постоянное упражненіе, — и вмѣсто того, пробывши нѣсколько лѣтъ въ университетѣ, посѣщая почти каждый день греческія лекціи, онъ видитъ, что не можетъ прочесть ни одной странички Геродота безъ лексикона, потому что лекціи проводятся въ толкованіяхъ о различныхъ оттѣнкахъ частицы.

Это студентамъ сильно наскучило; многіе изъ нихъ перестали ходить на лекціи; другіе, сидя на лекціяхъ, не слушали о частицѣ ἄν, и по окончаніи курса почти всѣ вышли съ такими знаніями греческаго языка, съ какими вошли въ университетъ; метода Гофмана объяснялась еще и тѣмъ, что онъ преимущественно занимался грамматикой, давалъ уроки, чтобъ приготовлять къ экзегезису; занять же вниманіе слушателей и принести имъ пользу онъ не имѣлъ времени, и потому подчивалъ ихъ одною грамматикою.

Русскую исторію мы слушали на четвертомъ курсѣ у М. П. Погодина. Сколько прекрасная наружность Грановскаго приносила ему пользы, гармонируя съ его художественнымъ преподаваніемъ, привлекая къ нему женщинъ и мужчинъ, столько же вреда приносила Погодину его наружность, имѣвшая въ себѣ, кромѣ дурного, еще отталкивающее. Мы пришли слушать Погодина съ предубѣжденіемъ относительно его нравственныхъ качествъ; онъ славился своею грубостью, цинизмомъ, самолюбіемъ и особенно корыстолюбіемъ. Есть много людей, которые такъ же самолюбивы и корыстолюбивы, какъ Погодинъ, но не слывутъ такими именно потому, что у Погодина душа на-распашку; что̀ другой только подумаетъ,—Погодинъ скажетъ; что̀

другой подумаетъ или только скажетъ,—Погодинъ сдѣлаетъ. Другіе такъ же корыстолюбивы, но скрываютъ этотъ недостатокъ или обнаруживаютъ его не такъ легко, а Погодинъ, мелочной торгашъ, любитъ даровщинку, любитъ не дать, не додать; выпустить деньгу изъ рукъ для него очень тяжело, хотя бы онъ и зналъ, что впередъ будутъ барыши; Погодинъ самъ признается, что онъ корыстолюбивъ, и жалуется: „Вотъ люди! имѣй какой-нибудь недостатокъ, такъ ужъ они и привяжутся къ нему, и никогда не будешь ты у нихъ порядочнымъ человѣкомъ, хотя бы при этомъ недостаткѣ имѣлъ и большія достоинства“. Но въ томъ-то и дѣло, что у Погодина не было большихъ достоинствъ, хотя и было достоинство довольно рѣдкое въ русскомъ человѣкѣ, въ наше время и въ нашемъ обществѣ, качество, которое онъ вынесъ изъ своей прежней среды (о происхожденіи своемъ онъ не упомянулъ въ своей автобіографіи, потому и мы молчимъ о немъ), именно смѣлость, качество первобытнаго, простого русскаго человѣка: смѣлымъ Богъ владѣетъ—авось!—и идетъ на проломъ. Смѣлъ онъ на доброе дѣло,—напримѣръ, написать правду о дѣлахъ управленія и подать ее въ руки царю;—смѣлъ и на то, чтобы сейчасъ же попросить денегъ у правительства, которое знаетъ, что онъ богатъ, и тѣмъ обнаружить свое корыстолюбіе, потерять уваженіе, пріобрѣтенное было смѣлымъ добрымъ дѣломъ; смѣлъ и на то, чтобы, будучи въ Брюсселѣ, зайти къ Лелевелю—засвидѣтельствовать ему свое уваженіе; смѣлъ и на то, чтобъ надуть человѣка, имѣющаго голосъ, значеніе въ обществѣ, человѣка, слѣдовательно, опаснаго; смѣлъ на то, чтобъ обругать своего противника печатно безъ соблюденія приличій; „смѣлъ на то, чтобъ вредить врагу всякими средствами“. Я сказалъ: смѣлъ на доброе дѣло; значитъ, въ немъ было побужденіе и къ добрымъ дѣламъ; это не былъ Давыдовъ, способный только на однѣ низости, хотя, съ другой стороны, и Давыдовъ не такъ оскорблялъ своимъ поведеніемъ, какъ Погодинъ, ибо у Давыдова не было такого цинизма, такого неряшества нравственнаго, какъ у Погодина. Человѣкъ отражался въ писателѣ и въ профессорѣ. Погодинъ менѣе всего былъ призванъ быть профессоромъ, ученымъ; его призваніе—политическій журнализмъ, палатная дѣятельность или—къ чему онъ еще болѣе годился—площадная дѣятельность. Это былъ Болотниковъ во фракѣ министерства народнаго просвѣщенія; замѣтимъ, что послѣднее должно было сильно смягчать первое, и дѣйствительно смягчало. Человѣкъ низкаго происхожденія, но живой, умный, онъ въ молодости увлекся на поприще, которое одно въ Россіи имѣетъ характеръ публичности, соединено съ шумомъ, движеніемъ, обо-

льщающимъ живыхъ молодыхъ людей, поприще литературное и университетское. Онъ сталъ писать повѣсти, издавать журналъ, заниматься исторіею всеобщею и русскою, особенно послѣднею, вошелъ въ литературный кругъ. Къ постояннымъ ученымъ кабинетнымъ занятіямъ однимъ предметомъ Погодинъ не былъ способенъ отъ природы и не могъ пріучить себя въ молодости при указанномъ разнообразіи своихъ занятій; вотъ почему въ русской исторіи явился онъ наѣздникомъ сначала очень счастливымъ; въ спорѣ о происхожденіи варяговъ подмѣтилъ, гдѣ твердая почва, схватился за Скандинавію, распространилъ Байера и явился главою скандинавцевъ; въ спорѣ о лѣтописяхъ подмѣтилъ, что у скептиковъ золотая голова и глиняныя ноги, и началъ бить по ногамъ, живостью, задоромъ опередилъ мѣшковатаго Буткова и сталъ главою школы несторіанцевъ. Но здѣсь я коснусь его ученаго поприща. Легко добывши себѣ громкое имя двумя диссертаціями и нѣсколькими журнальными статейками, Погодинъ засѣлъ въ варяжскій періодъ, остановился здѣсь; вслѣдствіе прекращенія движенія явилась плѣсень. Погодинъ ничего не вѣдалъ дальше варяговъ, дошелъ до нелѣпыхъ крайностей, запутался, завязъ, ибо только широкое движеніе по цѣлому обширному предмету освобождаетъ ученаго отъ пристрастій, спасаетъ отъ крайностей, необходимаго слѣдствія тѣсноты горизонта, производящей ученую близорукость; крича, что другіе ничего не дѣлаютъ, задавая *молодымъ людямъ* предметы для занятій, Погодинъ самъ ничего почти не дѣлалъ для русской исторіи, а между тѣмъ утвердился во мнѣніи, что онъ—во главѣ людей, занимающихся русскою исторію; всѣ обстоятельства, къ несчастью его, содѣйствовали къ укрѣпленію этого убѣжденія: Каченовскій ослабѣлъ и умеръ, Строевъ (Сергѣй Скромненко) умеръ, Венелинъ умеръ; мнѣнія послѣдняго нашли себѣ защитниковъ и развивателей въ такихъ людяхъ, съ которыми легко было бороться—въ Морошкинѣ, въ Савельевѣ-Ростиславичѣ и т. п.; поле, слѣдовательно, осталось за Погодинымъ, и онъ трубилъ побѣду; огромная библіотека, имъ собранная, заставляла его думать, что въ его рукахъ всѣ сокровища русской исторіи, что *молодые люди* могутъ заниматься ею только съ его позволенія, съ его благословенія, хотя самъ онъ меньше всякаго другого имѣлъ понятіе о своей библіотекѣ, особенно о древнихъ рукописяхъ; наконецъ, связь его съ славянскими учеными, которые обходились съ нимъ съ чрезвычайнымъ уваженіемъ, ибо онъ посылалъ къ нимъ книги и деньги, давали ему видное мѣсто въ цѣломъ ученомъ славянскомъ мірѣ.

Но этотъ пророкъ не былъ признанъ въ своемъ отечествѣ;

въ московскомъ университетѣ ему было не очень ловко. Во-первыхъ, лекціи его не могли возбудить въ студентахъ восторга, сдѣлать изъ нихъ жаркихъ поклонниковъ. Вотъ какъ онъ читалъ: сначала мѣсяцъ, другой, посвящалъ славянскимъ древностямъ, которыя читались буквально по Шафарику; потомъ переходилъ профессоръ къ подробному разсмотрѣнію вопросовъ о достовѣрности русскихъ лѣтописей и о происхожденіи варяговъ-Руси, т.-е. прочитывались обѣ его диссертаціи. Послѣ этого, времени оставалось уже немного; это остальное время Погодинъ проводилъ въ томъ, что приносилъ Карамзина и читалъ изъ него разныя мѣста, но самыя слабыя и вмѣстѣ значительныя по предмету, требовавшія поясненій, дополненій; этого Погодинъ, кромѣ варяжскаго періода, сдѣлать былъ не въ состояніи, ибо все, что̀ выходило по русской исторіи, драгоцѣнныя изданія Археографической Коммиссіи, для него не существовали; онъ выбиралъ изъ Карамзина мѣста красивыя, превращалъ лекцію русской исторіи въ лекцію риторики,—такъ, наприм., читалъ съ восторгомъ Карамзинское описаніе Тамерлановыхъ походовъ и требовалъ отъ слушателей, чтобъ и они также восторгались этимъ описаніемъ; потомъ обращалъ вниманіе слушателей и заставлялъ ихъ восторгаться искусствомъ Карамзина въ переходахъ отъ разсказа объ одномъ событіи къ разсказу о другомъ; главная его цѣль при этомъ была убѣдить студентовъ, что русская исторія интересна, что она не хуже какой-нибудь другой, французской и англійской; иногда, очень рѣдко впрочемъ, приносилъ и лѣтописи, читалъ изъ нихъ мѣста;—такъ, наприм., онъ прочелъ намъ знаменитое мѣсто о спорѣ владимірцевъ съ ростовцами по смерти Андрея Боголюбскаго. Но какая же была цѣль этого чтенія?—показать, что вотъ и въ русской исторіи бывали событія вродѣ западныхъ, являлись на сцену города, граждане, выбирали князей и проч. Такъ отрывками добирался Погодинъ до 1612 года и здѣсь—по крайней мѣрѣ, на нашемъ курсѣ—остановился. Кромѣ того, значительная часть лекцій посвящалась разговорамъ со студентами, указаніямъ, что вотъ чѣмъ надобно заниматься,—изложить исторію сословій, исторію княжествъ, исторію городовъ и проч., въ чемъ, разумѣется, студенты соглашались; но главное, какъ это дѣлать, объ этомъ не было помину; развивалъ Погодинъ притомъ свою любимую тему, что *молодые люди* самолюбивы, не хотятъ безкорыстно трудиться на стариковъ: „Вѣдь вотъ никто изъ нихъ не пойдетъ къ старому ученому дрова носить",—такъ выражался Погодинъ, разумѣя подъ дровами черную ученую работу, пріискиваніе мѣстъ въ источникахъ и т. п. Всѣ эти разговоры были

забавны, но нисколько не привлекали сердца слушателей къ Погодину; смѣшно было видѣть человѣка самого самолюбиваго, жалующагося на самолюбіе другихъ, человѣка корыстолюбиваго, требующаго безкорыстія отъ другихъ. Таковы были отношенія Погодина къ студентамъ; съ старыми товарищами своими профессорами Погодинъ еще сходился, съ нѣкоторыми былъ даже друженъ по отношеніямъ молодости,—напр., съ Шевыревымъ, Кубаревымъ; но когда пріѣхала толпа новыхъ профессоровъ изъ-заграницы, Крюковъ съ товарищами, то между ними и Погодинымъ началась явная вражда; вражда эта происходила прежде всего изъ того, что манеры Погодина, его цинизмъ произвели самое непріятное впечатлѣніе на этихъ новичковъ, привыкшихъ къ совершенно другимъ манерамъ; потомъ эти господа поонѣмечились, jurabant in verba magistrorum, и такъ какъ сначала главное право ихъ на мѣста, главное достоинство ихъ состояло въ заграничномъ образованіи, то естественно, что они гордились этимъ достоинствомъ, превозносили все тамошнее въ ущербъ здѣшнему; это задѣло за живое Погодина, представителя славянофилизма въ университетѣ: онъ сталъ называть молодыхъ русскихъ профессоровъ нѣмцами и даже говорить, что онѣмеченный русскій гораздо хуже, вреднѣе для Россіи, чѣмъ нѣмецъ, что отъ посылки молодыхъ русскихъ ученыхъ заграницу происходитъ страшное зло для университетовъ и проч. Понятно, какія пріятныя чувства возбудили въ молодыхъ профессорахъ подобныя мнѣнія; ихъ вражда разгорѣлась, и тѣмъ менѣе они могли щадить Погодина, что характеръ этого защитника Руси не могъ внушить имъ никакого уваженія. Графъ Строгановъ, назначенный попечителемъ, нашелъ университетскій корпусъ въ плачевномъ состояніи, именно въ такомъ же, въ какомъ нашелъ и гимназіи, и въ университетѣ произвелъ такой же благодѣтельный переворотъ, какъ и въ гимназіи. Большая часть профессоровъ были люди бездарные, отсталые, съ нелѣпыми выходками и привычками, подвергавшіеся вслѣдствіе того насмѣшкамъ студентовъ; мы уже съ трудомъ могли вѣрить разсказамъ нашихъ предшественниковъ до-строгановскихъ о томъ, что̀ позволяли себѣ Смирновы, Маловы, Щедритскіе, Снегиревы на лекціяхъ и экзаменахъ. Строгановъ выгналъ ихъ всѣхъ и замѣстилъ каѳедры новоприбывшими изъ-за-границы учеными; отсюда понятно, что онъ связалъ свое дѣло неразрывно съ дѣломъ послѣднихъ, которые нашли въ немъ покровителя и проводителя ихъ мыслей и плановъ; отсюда понятно, какъ онъ смотрѣлъ на эти остатки старины — на Погодина, Шевырева, Давыдова; онъ держалъ ихъ въ университетѣ

по авторитету, какой они успѣли пріобрѣсти и по неимѣнію людей, которыми бы можно было ихъ замѣнить, ибо для каѳедры русской исторіи и русской словесности не посылали молодыхъ людей заграницу, а свои еще не подросли; на ученыя достоинства этихъ господъ Строгановъ смотрѣлъ чрезъ очки молодыхъ профессоровъ,—слѣдов., не очень уважалъ эти достоинства; кромѣ того, онъ ихъ раскусилъ съ перваго раза и возненавидѣлъ ихъ какъ людей; онъ началъ презирать Давыдова, изъ-за ордена и чина готоваго на всякую гнусность; Шевырева—какъ человѣка мелкаго и вмѣстѣ задорнаго, несноснаго; Погодина—какъ корыстолюбиваго, грязнаго холопа и, вмѣстѣ съ тѣмъ, дерзкаго, надменнаго; закаленный аристократъ Строгановъ сейчасъ же враждебно оттолкнулся отъ демократа Погодина, демократа-блузника Болотникова во фракѣ министерства народнаго просвѣщенія. Трое этихъ господъ, съ придачею еще четвертаго, Перевощикова, преподавателя очень способнаго, но человѣка грубаго, не умѣвшаго разбирать средства для достиженія цѣлей, видя отвращеніе отъ себя попечителя, бросились къ министру Уварову, врагу Строганова. Уваровъ былъ человѣкъ безспорно съ блестящими дарованіями, и по этимъ дарованіямъ, по образованности и либеральному образу мыслей, вынесеннымъ изъ общества Штейновъ, Кочубеевъ и другихъ знаменитостей Александровскаго времени, былъ способенъ занимать мѣсто министра народнаго просвѣщенія, президента академіи наукъ etc.; но въ этомъ человѣкѣ способности сердечныя нисколько не соотвѣтствовали умственнымъ. Представляя изъ себя знатнаго барина, Уваровъ не имѣлъ въ себѣ ничего истинно-аристократическаго; напротивъ, это былъ слуга, получившій порядочныя манеры въ домѣ порядочнаго барина (Александра I-го), но оставшійся въ сердцѣ слугою; онъ не щадилъ никакихъ средствъ, никакой лести, чтобъ угодить барину (императору Николаю); онъ внушилъ ему мысль, что онъ, Николай, творецъ какого-то новаго образованія, основаннаго на новыхъ началахъ, и придумалъ эти начала, т.-е. слова: православіе, самодержавіе и народность; православіе—будучи безбожникомъ, не вѣруя въ Христа даже и по-протестантски; самодержавіе—будучи либераломъ; народность—не прочитавъ въ свою жизнь ни одной русской книги, писавши постоянно по-французски или по-нѣмецки. Люди порядочные, къ нему близкіе, одолженные имъ и любившіе его, съ горемъ признавались, что не было никакой низкости, которой бы онъ не былъ въ состояніи сдѣлать, что онъ кругомъ замаранъ нечистыми поступками. При разговорѣ съ этимъ человѣкомъ, разговорѣ очень часто блестяще

умномъ, поражали однако крайнее самолюбіе и тщеславіе; только, бывало, и ждешь—вотъ скажетъ, что при сотвореніи міра Богъ совѣтовался съ нимъ насчетъ плана. Понятно, какъ легко было поймать въ свои сѣти такого самолюбиваго и тщеславнаго человѣка людямъ подобнымъ Давыдову; стоило только льстить, кадить цѣлый день; и вотъ Давыдовъ овладѣлъ полною довѣренностью Уварова; другимъ средствомъ, къ пріобрѣтенію довѣренности и расположенія Уварова для Давыдова, равно какъ для Погодина, Шевырева и Перевощикова, была вражда къ Строганову, ибо послѣдній зналъ Уварова какъ онъ есть, презиралъ его, какъ грязнаго человѣка, и по характеру своему не скрывалъ этого презрѣнія. Мнѣ говорили, что была еще сильная причина ненависти: Уваровъ имѣлъ связь съ мачихою Строганова—отсюда ненависть между министромъ и попечителемъ, вредившая такъ много московскому университету и округу и поведшая къ такой печальной для нихъ развязкѣ.

IX.

Всѣ эти университетскія отношенія (1838—1842 гг.) имѣли большое вліяніе на меня, на мою будущность. Я говорилъ уже, съ какою страстью въ отрочествѣ предавался чтенію Карамзина. Это было еще до вступленія въ гимназію; въ гимназіи и въ университетѣ я почти не дотрагивался уже до Карамзина, ибо онъ не представлялъ болѣе для меня ничего новаго; въ университетѣ я занялся всеобщею исторіею вслѣдствіе толчка, даннаго Крюковымъ и Грановскимъ; но время проходило не столько въ изученіи фактовъ, сколько въ думаніи надъ ними, ибо у насъ господствовало философское направленіе; Гегель кружилъ всѣмъ головы, хотя очень немногіе читали самого Гегеля, а пользовались имъ только изъ лекцій молодыхъ профессоровъ; занимавшіеся студенты не иначе выражались, какъ гегелевскими терминами. И моя голова работала постоянно; схвачу нѣсколько фактовъ и уже строю на нихъ цѣлое зданіе. Изъ Гегелевыхъ сочиненій я прочелъ только „Философію исторіи"; она произвела на меня сильное впечатлѣніе; на нѣсколько мѣсяцевъ я сдѣлался протестантомъ, но дальше дѣло не пошло; религіозное чувство коренилось слишкомъ глубоко въ моей душѣ, и вотъ явилась во мнѣ мысль—заниматься философіею, чтобъ воспользоваться ея средствами для утвержденія религіи, христіанства; но отвлеченности были не по мнѣ; я родился историкомъ. Въ изученіи историче-

скомъ я бросался въ разныя стороны, читалъ Гиббона, Вико, Сисмонди; не помню, когда именно попалось мнѣ въ руки Эверсово „Древнѣйшее право Руссовъ"; эта книга составляетъ эпоху въ моей умственной жизни, ибо у Карамзина я набиралъ только факты; Карамзинъ ударялъ только на мои чувства, Эверсъ ударилъ на мысль; онъ заставилъ меня думать надъ русскою исторіею. Съ большимъ запасомъ фактовъ отъ Карамзина и съ роемъ мыслей въ головѣ, возбужденныхъ Гегелемъ, Вико, Эверсомъ, я вступилъ на четвертый курсъ и сталъ слушать Погодина. Понятно, что его лекціи не могли меня удовлетворить, ибо они не удовлетворяли и товарищей моихъ, хуже меня приготовленныхъ. Бывало, онъ начнетъ что-нибудь читать по Карамзину, а я ему подсказываю: „Вотъ тутъ-то, Михаилъ Петровичъ! въ примѣчаніяхъ есть еще важное указаніе".

Товарищи прозвали меня суфлеромъ Погодина, и онъ самъ обратилъ на меня вниманіе; вниманіе это усилилось, когда я подалъ ему сочиненіе о первыхъ вѣкахъ русской исторіи или экзегезисъ извѣстной начальной лѣтописи, гдѣ опровергнулъ нѣсколько его положеній. И вотъ однажды Погодинъ съ каѳедры обратился ко мнѣ и сказалъ: „Г. Соловьевъ! зайдите когда-нибудь ко мнѣ". Я явился къ нему, принятъ былъ благосклонно. Первый вопросъ: „Чѣмъ вы особенно занимаетесь?" Отвѣтъ: „Всѣмъ русскимъ, русскою исторіею, русскимъ языкомъ, исторіею русской литературы". Въ послѣдній университетскій годъ дѣйствительно таково было направленіе моихъ занятій. Крюковъ, котораго заинтересовало мое сочиненіе о египетской исторіи; хотѣлъ было переманить меня на древнюю почву: „Г. Соловьевъ! — объявилъ онъ мнѣ громко при всѣхъ: — я ношу ваше сочиненіе въ карманѣ, не могу съ нимъ разстаться". Потомъ онъ говорилъ моему отцу: не хочу ли я преимущественно заняться древностями? Я поступилъ, быть можетъ, неучтиво, ничего не отвѣчая ему на эти заманиванія, ибо я зналъ, что дѣло пойдетъ не объ одной древней исторіи, но также и о партикулѣ ἄν и о метрикѣ; я зналъ, что долженъ буду заниматься всѣми этими противными вещами, долженъ буду стараться писать хорошо по латыни, къ чему я также чувствовалъ полное отвращеніе. Погодинъ не сказалъ мнѣ о моемъ сочиненіи — нравится оно ему или нѣтъ, сказалъ только: „Я хотѣлъ было съ вами потолковать о вашемъ сочиненіи, но куда-то его запряталъ, такъ что отыскать не могу". Онъ пригласилъ меня посѣщать его, пользоваться его библіотекой, и я бывалъ у него довольно часто, хотя не удалось быть у него много разъ, ибо это уже было во вто-

рое полугодіе послѣдняго четвертаго курса; всякій разъ я встрѣчалъ ласковый пріемъ. Прошелъ великій постъ; въ вербную субботу получаю отъ инспектора 1-й гимназіи Попова (о которомъ, какъ учителѣ моемъ, уже было сказано прежде) приглашеніе придти къ нему по нужному дѣлу: по порученію гр. Строганова, Поповъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ, не соглашусь ли я ѣхать заграницу, чтобъ быть домашнимъ учителемъ при дѣтяхъ брата его, графа Александра Григорьевича? Срокъ—годъ, цѣна—1200 франковъ. Я согласился: отвергнувши предложеніе Крюкова, занявшись главнѣйше русскимъ языкомъ, я не имѣлъ никакой надежды отправиться заграницу на казенный счетъ, а на свой не имѣлъ средствъ; до выдержанія магистерскаго экзамена что̀ бы я сталъ дѣлать въ Москвѣ? долженъ былъ бы опредѣлиться учителемъ въ какую-нибудь гимназію; тогда какъ тутъ случай побывать заграницею и пріобрѣсти протекцію Строгановыхъ, важную и при исканіи мѣста въ московскомъ университетѣ, и въ томъ случаѣ, если это мѣсто не сыщется, и я принужденъ буду поступить въ гражданскую службу. На третій же день я объявилъ Попову о своемъ согласіи, но Строгановъ не велѣлъ мнѣ являться къ нему для окончательныхъ переговоровъ до окончанія экзаменовъ, чтобъ не развлекать меня въ приготовленіи къ нимъ,—Строгановская черта! Экзамены, какъ всегда, шли очень успѣшно. На экзаменѣ изъ русской исторіи, Погодинъ, выслушавши мой отвѣтъ, обратился къ сидѣвшему тутъ начальству и сказалъ: „Рекомендую г. Соловьева,—это лучшій студентъ курса по русской исторіи, одинъ изъ лучшихъ во все продолженіе моей профессорской службы; не скажу: лучшій изъ всѣхъ,—были прежде и другіе такіе же". Въ это время Погодинъ уже разглашалъ о своемъ скоромъ выходѣ изъ университета и подалъ въ совѣтъ имена тѣхъ лицъ, которыя могутъ занять его мѣсто; то были: Григорьевъ, оріенталистъ, написавшій магистерскую диссертацію о ярлыкахъ; К—, который съ самаго начала пріобрѣлъ у профессоровъ своего факультета репутацію человѣка необыкновенно трудолюбиваго, но съ образцово темною головою, какимъ онъ и былъ всегда на самомъ дѣлѣ; третьимъ былъ назначенъ Бычковъ, кандидатъ нашего факультета, до сихъ поръ (сентябрь 1855 года) идущій быстро относительно крестовъ и чиновъ, библіотекарь въ Имп. Публичной Библіотекѣ, занявшій мѣсто Березникова, мѣсто издателя лѣтописей въ Археографической Коммиссіи, человѣкъ, отличающійся петербургскимъ характеромъ дѣятельности, поверхностностью, шеромыжничествомъ; четвертымъ, наконецъ былъ назначенъ я.

Когда я сказалъ Погодину о своемъ рѣшеніи ѣхать заграницу при Строгановѣ, онъ вполнѣ одобрилъ мое рѣшеніе, распространившись насчетъ необходимости для каждаго молодого русскаго человѣка посмотрѣть чужія земли.

До гимназіи и во время гимназическаго курса ѣздилъ я съ отцомъ и матерью три раза въ Ярославль для свиданія съ дядею моей матери, который былъ тамъ архіереемъ (Авраамъ архіепископъ, знаменитый своею страстью къ строенію церквей). Эти путешествія совершались *на долгихъ*, т.-е. бралась кибитка тройкою отъ Москвы до самаго Ярославля; 240 верстъ проѣзжали мы въ четверо сутокъ, дѣлая по 60 верстъ въ день; выѣхавши рано утромъ и сдѣлавши 30 верстъ, въ полдень останавливались кормить лошадей, кормили часа три, потомъ вечеромъ останавливались ночевать. Такимъ образомъ познакомился я съ Троицкою Лаврою, Переяславлемъ-Залѣсскимъ съ его чистымъ озеромъ, Ростовомъ съ его нечистымъ озеромъ и красивымъ Ярославлемъ съ Волгою. Отъ этихъ поѣздокъ остался въ моей памяти одинъ любопытный случай: въ первую поѣздку (мнѣ было тогда лѣтъ восемь, девять), остановившись ночевать въ Ростовѣ, отецъ вмѣстѣ со мною отправился къ архимандриту Яковлевскаго монастыря, Иннокентію; разговаривали они о всякой всячинѣ, и между прочимъ архимандритъ спросилъ отца: „Чѣмъ у васъ, батюшка, малютка-то занимается?“ Отецъ отвѣчалъ: „Да вотъ пристрастился къ исторіи, все читаетъ Карамзина“. Тогда архимандритъ обратился ко мнѣ и спросилъ: „А что̀, миленькій, вычиталъ ты о нашемъ Ростовѣ, что̀ о ростовцахъ-то говорится?“ Я очень хорошо помнилъ разсказъ о событіяхъ по смерти Андрея Боголюбскаго, поведеніе ростовцевъ относительно владимірцевъ, помнилъ оглавленіе II-й главы третьяго тома „И. Г. Р.“, гдѣ читается: „*Гордость Ростовцевъ*“, и помнилъ только это, позабылъ, что говорю съ ростовцемъ, и отвѣчалъ: „Ростовцы отличались въ древности гордостью“. Не знаю, каково было первое впечатлѣніе, произведенное моимъ отвѣтомъ на архимандрита; только онъ сказалъ, обращаясь къ отцу: „А что, батюшка, вѣдь малютка-то правду сказалъ, что до сихъ поръ народъ нашъ отличается гордостью, неуступчивостью“.

Я припомнилъ мои поѣздки въ Ярославль по поводу поѣздки моей въ Петербургъ въ 1842 году. Эта поѣздка не была похожа на ярославскія: поѣхалъ я не на долгихъ, но въ почтовой каретѣ, которая на третьи сутки принесла меня на берега Невы; ѣзда, дѣйствительно, была великолѣпная, европейская, шоссе гладкое, а по сторонамъ—извѣстно, что̀ бываетъ въ Рос-

сіи по сторонамъ большой дороги, хотя надобно сказать, что стороны шоссейной петербургской дороги все были живописнѣе и занимательнѣе сторонъ желѣзной дороги: по первой проѣзжали черезъ города, черезъ красивую Тверь, Торжокъ, черезъ Вышній-Волочокъ,—русскую Венецію,—черезъ Валдай, Новгородъ, гдѣ Волховъ пріятно поразилъ меня своимъ шумомъ и напомнилъ Марѳу Посадницу. Въ Петербургѣ пробылъ я только два дня, на третій уже переѣхалъ на пароходъ „Наслѣдникъ“, шедшій въ Травемюнде. Переѣздъ черезъ Балтійское море былъ очень непріятенъ: пароходъ былъ небольшой и весь наполненъ; пріѣзжало много иностранцевъ смотрѣть торжество по случаю серебряной свадьбы императора, и теперь они возвращались домой; на всемъ пароходѣ я только одинъ былъ русскій. Этотъ внезапный переходъ къ чужимъ людямъ былъ для меня тяжелъ — не съ кѣмъ русскаго слова сказать! Я не выношу, мнѣ душно и неловко, когда я сяду въ театрѣ въ середину ряда, а тутъ спи въ ящикѣ, живомъ подобіи гроба; каюта перваго класса была занята знатными и богатыми иностранцами; я взялъ мѣсто въ каютѣ второго класса и долженъ былъ обѣдать, завтракать и спать съ лакеями знатныхъ и богатыхъ людей. Вечеромъ перваго дня (это было 5-е іюля, день моихъ именинъ) заняла меня картина морской тиши; но тишина была передъ бурею, на другой день—проливной дождь, вѣтеръ, страшная качка, морская болѣзнь; цѣлый день я пролежалъ; море мнѣ надоѣло сильно, и невыразимый восторгъ овладѣлъ мною, когда я вышелъ на берегъ и въ дилижансѣ поѣхалъ изъ Травемюнде въ Любекъ; страна показалась мнѣ земнымъ раемъ; занялъ меня и Любекъ старинною архитектурою своихъ домовъ. Изъ Любека отправился я въ дилижансѣ въ Берлинъ. Первые дни въ Берлинѣ—суббота и воскресенье—были для меня очень скучны: одинъ въ незнакомомъ городѣ, не зналъ, гдѣ отыскать русскихъ; толкнулся въ церковь—службы нѣтъ, священникъ лѣтомъ въ Потсдамѣ, для русской солдатской колоніи. Въ понедѣльникъ рано утромъ приходитъ ко мнѣ какой-то полякъ и предлагаетъ свои услуги; я чрезвычайно обрадовался; первый вопросъ: какъ бы мнѣ отыскать молодыхъ русскихъ, занимающихся въ здѣшнемъ университетѣ? Чичероне-полякъ повелъ меня въ университетъ, справился о русскихъ, объ ихъ квартирахъ. Я велѣлъ вести себя на квартиру Попова, магистра московскаго университета, который недавно защищалъ диссертацію о „Русской Правдѣ“, отличился тѣмъ, что чрезвычайно ловко защитилъ жиденькую диссертацію, и послѣ диспута еще велъ перепалку съ Погодинымъ. Поповъ свелъ меня и со

всѣми другими русскими — съ Пановымъ, Ефремовымъ, о которыхъ упомяну я послѣ. Я зажилъ теперь весело: поутру ходилъ на лекціи, обѣдалъ вмѣстѣ съ русскими; послѣ обѣда отправлялись вмѣстѣ на загородныя прогулки. Долго въ Берлинѣ пробыть я не могъ, и потомъ мнѣ хотѣлось прослушать по нѣскольку лекцій всѣхъ знаменитостей здѣшняго университета. Слышалъ я Шеллинга, великолѣпнаго старика съ орлинымъ взглядомъ, съ торжественною рѣчью, производившаго большое впечатлѣніе на слушателей уже одною этою торжественностью, такъ идущею къ содержанію философско-мистическому. Слышалъ я Неандера, знаменитаго церковнаго историка; лекція его была жидка по содержанію, въ ней не было ничего для меня неизвѣстнаго, не было и новыхъ мыслей; но нѣмцы записывали усердно. Еврей по происхожденію, Неандеръ славился своими христіанскими добродѣтелями и своими странностями, разсѣянностью; такъ, разсказывали, что однажды онъ пришелъ на лекцію безъ нижняго платья; перемѣнивши квартиру, онъ ходилъ въ университетъ мимо старой, хотя это было совершенно въ другую сторону; но иначе профессоръ не нашелъ бы дороги; на каѳедру клали передъ нимъ всегда перо: начавши читать, онъ бралъ его и ломалъ во все продолженіе лекціи: иначе, не имѣя чего вертѣть въ рукахъ, онъ не могъ бы читать свободно; лицо его сейчасъ же напоминало еврейское происхожденіе, особенно выдавались на немъ необыкновенно густыя черныя брови. Слышалъ я географа Риттера, почтеннаго старичка въ туфляхъ, очень образно объяснявшаго свой предметъ; его звали котомъ или котикомъ за мягкость и плавность манеръ и рѣчи. Слышалъ Ранке, коверкавшагося на каѳедрѣ и желавшаго голосомъ и жестами выразить характеръ разсказываемаго событія; Раумера, довольно виднаго господина съ безжизненною рѣчью. Слышалъ Бёнки, сидѣвшаго на каѳедрѣ поджавши ногу и не пропускавшаго случая подтрунить надъ соперникомъ своимъ, Германомъ Лейпцигскимъ.

Изъ Берлина я отправился впервые по желѣзной дорогѣ— въ Дрезденъ, который мнѣ очень полюбился своимъ положеніемъ, Брюлевскою террасою съ ея дешевыми наслажденіями—мороженымъ и музыкою, картинною галереею и оперою; въ картинной галереѣ любимою картиною, передъ которой я долѣе другихъ останавливался, былъ Тиціановъ Il Cristo della moneta: поражала меня здѣсь противоположность двухъ лицъ—Христа съ его божественнымъ спокойствіемъ и искусителя съ его искаженнымъ отъ лукавства лицомъ. Въ Дрезденѣ я освѣдомился, гдѣ Строга-

новы, узналъ, что въ Теплицѣ,—и отправился туда. Опять очутился я въ чужомъ домѣ, опять столкнулся лицомъ къ лицу съ русскими барами. Александръ Григорьевичъ Строгановъ, бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ, принужденный оставить должность по неудовольствію съ императоромъ, служилъ страшнымъ примѣромъ, какіе люди въ Россіи въ царствованіе Николая I-го могли достигать высшихъ степеней служебной лѣствицы: зажмуривъ глаза и прислушиваясь къ разговору Александра Строганова, можно было съ перваго раза подумать, что говоритъ графъ Сергѣй: такъ было у обоихъ братьевъ много сходнаго въ голосѣ, въ постановкѣ фразы; но какъ сильно сначала поражало сходство, такъ же сильно потомъ поражало различіе. Александръ имѣлъ всѣ недостатки Сергѣя, не имѣя ни одного изъ его достоинствъ. Конечно, могутъ сказать, что я выразился очень рѣзко, рѣшительно; могутъ сказать, что Александръ имѣлъ нѣкоторыя изъ достоинствъ Сергѣя, напримѣръ, былъ честенъ, неспособенъ брать взятки; но изъ уваженія къ Сергѣю я не хочу даже считать въ числѣ его достоинствъ служебную честность. Имѣя умъ чрезвычайно поверхностный, Александръ мечталъ, что обладаетъ способностями государственнаго человѣка, и не зналъ границъ своей умственной дерзости; съ важностью выкладывалъ какую-нибудь нелѣпую мысль и старался ею озадачить, упорно поддерживая и обстроивая другими подобными же нелѣпостями. При этомъ — ни малѣйшаго благородства, деликатности. Жена была еще хуже мужа: съ умомъ и образованіемъ также поверхностнымъ, съ огромными претензіями на то и другое, съ полнымъ отсутствіемъ сердца, эгоизмъ воплощенный, неразборчивость средствъ, способность унижаться до самыхъ неприличныхъ искательствъ, когда считалось нужнымъ, и въ то же время гордость, властолюбіе непомѣрное—вотъ графиня Наталья Викторовна Строганова, урожденная княжна Кочубей. Эта чета была испорчена губернаторствомъ; прежде занятія министерскаго мѣста, Ал. Строгановъ былъ генералъ-губернаторомъ черниговскимъ, харьковскимъ и полтавскимъ. Понятно, какое страшное искушеніе представляетъ и для порядочныхъ лицъ первенствующее положеніе; это раболѣпство русскаго губернскаго чиновничества, дворянства и купечества предъ генералъ-губернаторомъ легко развратили Строгановыхъ. Въ Петербургѣ также—блистательное положеніе: графиня, умѣвшая владѣть разговоромъ, очень недурная собою, особенно вечеромъ, съ огромными связями, какъ дочь Кочубея, держала блистательную министерскую гостиную. И вдругъ—опала! Императоръ Николай понялъ наконецъ, что избранный имъ ми-

нистръ внутреннихъ дѣлъ не годится даже въ ротные командиры, и отставилъ его. По обыкновенію опальныхъ властей, Строгановы отправились заграницу прямо въ Парижъ. Эксъ-министръ началъ фланировать, схватывать рѣзкія черты нравовъ и разсказывать ихъ за обѣдомъ женѣ, вечеромъ—пріѣзжимъ русскимъ; познакомился съ Тьеромъ, также эксъ-министромъ,—но этимъ сходство между ними и ограничивалось,—наконецъ, сталъ посѣщать лекціи анатоміи. Эксъ-министерша сначала очень скучала; пользоваться удовольствіями, за которыми пріѣзжали въ Парижъ другіе русскіе, посѣщать театры и проч. она не хотѣла: эти удовольствія были ниже ея; она привыкла къ болѣе серьезнымъ занятіямъ, къ министерскимъ разговорамъ; притомъ, парижскія удовольствія требовали много денегъ отъ дамы, а она была относительно небогата, проживать много не могла. Она сблизилась съ одною русскою дамою, поселившеюся давно уже въ Парижѣ, Свѣчиною. Свѣчина эта приняла католицизмъ и подъ руководствомъ разныхъ аббатиковъ въ сутанахъ и во фракахъ занялась дѣлами милосердія. Эти аббатики и аббатисса Свѣчина поймали нашу Строганову, что̀ было имъ нетрудно: досада на все русское, преимущественно на императора, не могла возбудить въ ней горячаго усердія къ русской церкви, которая, по утвержденію не совсѣмъ несправедливыхъ католиковъ, имѣетъ папу въ императорѣ; поверхностное воспитаніе, холодность нашего духовенства, отсутствіе интереса къ религіознымъ вопросамъ въ Петербургѣ, въ сановническомъ кругу, не даютъ нашимъ барамъ, и особенно барынямъ, никакихъ средствъ узнать правду нашей церкви относительно католицизма; поэтому всякому аббатику, іезуиту, легко увѣрить ихъ, что внѣ католицизма нѣтъ спасенія. Строганову, женщину безъ убѣжденій, безъ сердца, прельстила эта внѣшняя, чувственная, театральная набожность католическая; прельстила ее эта новая открывшаяся ей дѣятельность, это католическое милосердіе, такъ тѣсно переплетенное съ интригою, съ составленіемъ обществъ, лотереями, со всѣми этими мірскими забавами, подкрашенными христіанствомъ, но не имѣющими въ себѣ ничего христіанскаго. Какъ только я свидѣлся съ Строгановыми въ Теплицѣ, такъ тотчасъ замѣтилъ, что графиня окунулась и съ головою въ католицизмъ; она не скрывала своихъ мнѣній (сказать: *убѣжденій* было бы много) не только при мнѣ, домашнемъ человѣкѣ, но и при всѣхъ другихъ русскихъ, вслѣдствіе чего сейчасъ же распространился слухъ, что она приняла католицизмъ. Отъ графа въ два года я не слыхалъ ни слова о вѣрѣ; онъ аккуратно каждое воскресенье ѣздилъ къ обѣднѣ въ русскую

церковь; но графиня первый годъ по воскресеньямъ отправлялась въ католическую, а по пятницамъ—въ русскую, для избѣжанія тѣсноты; но на другой годъ, когда объ этомъ начали слишкомъ громко говорить, начала и она ѣздить по воскресеньямъ въ русскую церковь. Въ Теплицѣ у Строгановыхъ было трое дѣтей; сынъ лѣтъ двѣнадцати, дочь лѣтъ тринадцати, и еще маленькій сынъ лѣтъ семи или восьми. Старшій сынъ былъ не глупъ, но уже въ такихъ нѣжныхъ лѣтахъ чувственныя наклонности начали въ немъ сильно развиваться и препятствовать нравственному и умственному развитію; въ двѣнадцать - тринадцать лѣтъ уже замѣтно было нравственное ожирѣніе въ мальчикѣ; дѣвочка, очень дурная лицомъ, была живѣе и чище во всѣхъ отношеніяхъ; третьяго малютку я не узналъ, ибо на пути изъ Дрездена въ Веймаръ онъ подавился куриною костью, которую дала ему сама мать, и умеръ въ Веймарѣ. Кромѣ меня, въ домѣ былъ гувернеръ для мальчиковъ, гувернантка для дѣвочки. Гувернеромъ былъ бѣдный савояръ Дюфугъ безъ всякаго образованія и безъ претензій, добрый малый. Гувернантка была (позабылъ фамилію) швейцарка; она заслужила неблаговоленіе графини тѣмъ, что рѣзко высказывалась противъ католицизма, и уже положено было въ Дрезденѣ ее отправить, а въ Франкфуртѣ ожидала уже другая, которая прежде жила у нихъ, также протестантка, швейцарка, но въ которой предполагалось болѣе равнодушія къ своему исповѣданію; но потомъ и эта по той же причинѣ не понравилась, и взята была католичка, ходившая каждый день къ обѣднѣ.

X.

Изъ Теплица я поѣхалъ вмѣстѣ съ Строгановыми въ Дрезденъ, уже мнѣ знакомый, изъ Дрездена—въ Веймаръ, гдѣ, какъ уже сказано, умеръ маленькій графъ; изъ Веймара я доѣхалъ съ Строгановыми до Франкфурта; здѣсь на мое мѣсто въ каретѣ сѣла новоприбывшая гувернантка, и я отправился одинъ, что для меня было чрезвычайно удобно и выгодно: я останавливался, гдѣ хотѣлъ, тогда какъ, ѣздя вмѣстѣ съ Строгановыми, я не видалъ бы ничего, ибо они ѣздили изъ Богеміи въ Парижъ и изъ Парижа въ Богемію, зажмуря глаза, хлопоча только о томъ, какъ бы поскорѣе доѣхать, и смѣялись надъ тѣми русскими, которые, подобно англичанамъ и нѣмцамъ, останавливаются вездѣ и разсматриваютъ все любопытное; эта насмѣшка показываетъ лучше всего природу петербургскихъ сановниковъ, потерявшихъ интересъ ко

всему, кромѣ мелкихъ интригъ честолюбія. Изъ Майнца я отправился по Рейну на пароходѣ въ Кёльнъ. Рейнскіе берега въ первый разъ меня сильно поразили, во второй—уже не такъ, а въ третій—я просидѣлъ цѣлый день въ каютѣ, разбираясь въ своихъ бумагахъ. Но Бельгія и въ первый, и въ другой разъ произвела на меня одинаково благопріятное впечатлѣніе, по своему опрятному, чисто европейскому труду, видимому вездѣ, и необыкновенной дѣятельности, движенію особенно на желѣзныхъ дорогахъ, гдѣ не довольствуются тѣмъ, что предлагаютъ вамъ напитки и закуски, но также предлагаютъ дешевыя брюссельскія изданія французскихъ сочиненій; а города—съ ихъ геройскою средневѣковою исторіею и съ ихъ цвѣтущимъ настоящимъ, съ ихъ свободою и благочестіемъ, съ ихъ церквами, наполненными произведеніями искусства и богомольцами, не женщинами, какъ во Франціи, но мужчинами и молодыми! Бельгія служила для меня утѣшительнымъ доказательствомъ, что свобода совмѣстима съ религіозностью и крѣпче отъ этого соединенія, что народъ, дѣльный по преимуществу, религіозенъ. Изъ Брюсселя я отправился въ Парижъ, куда попалъ сверхъ чаянія, ибо Сергѣй Строгановъ, отпуская меня изъ Москвы, прямо сказалъ мнѣ, что братъ его будетъ жить въ Италіи; но, пріѣхавши въ Теплицъ, я узналъ, что ихъ сіятельства не могутъ нигдѣ жить, кромѣ Парижа. Это извѣстіе заставило меня провести нѣсколько очень непріятныхъ дней, ибо быть заграницею и не быть въ Италіи было очень для меня тяжело. Но дѣлать было нечего, надобно было покориться судьбѣ, и я отправился въ Парижъ, утѣшая себя мыслью, что черезъ годъ, накопивши денегъ, успѣю съѣздить какъ-нибудь на свой счетъ въ Италію.

Итакъ, я жилъ тогда въ Парижѣ. Парижъ внѣшнею своею стороною много поразить меня не могъ: я уже видѣлъ много большихъ европейскихъ городовъ, привыкъ къ громаднымъ домамъ, громаднымъ общественнымъ зданіямъ; но и послѣ германскихъ и бельгійскихъ городовъ поразило меня развитіе промышленности, эта роскошь въ ней; поразили меня мраморные столы въ мясныхъ лавкахъ, искусство показывать товары; поразила страшная дѣятельность, написанная на всѣхъ лицахъ, на этихъ живыхъ кельтическихъ лицахъ, которыя были для меня очень привлекательны послѣ нѣмцевъ. Чистый славянинъ, получившій воспитаніе русское, свободное, безъ гувернера-иностранца, я свободно могъ предаваться влеченію славянской натуры, вслѣдствіе чего не люблю нѣмцевъ и сочувствую романскимъ кельтическимъ народамъ. Я плохо говорю на всѣхъ иностранныхъ языкахъ, ко-

торыхъ знаю четыре: французскій, нѣмецкій, англійскій и итальянскій, кромѣ польскаго и латинскаго; я разумѣю подъ знаніемъ свободное чтеніе авторовъ; свободно читать греческихъ авторовъ я не выучился въ университетѣ, и послѣ, не имѣя упражненія, скоро позабылъ и то, что̀ зналъ. По-чешски я не очень свободно читаю; но французскій, англійскій и итальянскій языки для меня родные по своему складу, но совершенно чуждъ нѣмецкій, особенно новый; читать французскую, англійскую и итальянскую книгу для меня такъ же легко и пріятно, какъ читать русскую; читать нѣмецкую книгу—трудъ тяжелый. Заграницею я подмѣтилъ рѣзкое различіе между русскимъ и нѣмецкимъ относительно пищи: русскій, т.-е. славянинъ—преимущественно хлѣбоѣдецъ, нѣмецъ—мясоѣдецъ; маленькія булочки, которыя подаются къ столу въ Германіи, приводили меня въ отчаяніе, ибо совѣстно было безпрестанно спрашивать хлѣба. Французы и бельгійцы гораздо хлѣбоѣднѣе нѣмцевъ, и здѣсь, слѣдовательно, приближаются къ славянамъ; это приближеніе особенно замѣтно въ одинаково сильномъ употребленіи медовыхъ коврижекъ на востокѣ и на западѣ Европы, но не въ срединѣ. Сильно понравились мнѣ жантильныя француженки послѣ неуклюжихъ, большеногихъ нѣмокъ; понравилась простота въ одеждѣ: обыкновенно черное или темное платье, черная мантилья, черная шляпка съ маленькимъ чернымъ перомъ, тогда такъ на нѣмкахъ пестрота, потомъ голошейность, голорукость, тогда какъ во Франціи голошеими ходятъ по улицамъ только женщины извѣстнаго поведенія.

Вообще, я былъ доволенъ парижскою жизнью. Занятій у Строгановыхъ у меня было немного, не болѣе трехъ часовъ до полудня; послѣ все время я могъ употреблять для себя. Позавтракавши въ 12 часовъ, я отправлялся въ Королевскую Библіотеку. Главная цѣль моихъ занятій уже была опредѣлена—русская исторія; но для занятій ею у меня было мало средствъ, кромѣ Полнаго Собранія русскихъ лѣтописей—ничего, и потому я рѣшился заниматься исторіею всеобщею, преимущественно славянскою. Чтобъ опредѣлиться и въ этихъ занятіяхъ, я рѣшился писать сочиненіе, темою котораго было отношеніе дружины къ родовой общинѣ: изъ антагонизма замкнутаго рода и толпы людей, выдѣлившейся изъ него, большею частью насильственно, я объяснялъ главнѣйшія явленія въ исторіи человѣчества. Въ Азіи на семитическія племена я смотрѣлъ какъ на представителей родового начала, на персовъ—какъ на представителей дружиннаго, въ Европѣ—на пелазговъ, подъ которыхъ включалъ и славянъ, смотрѣлъ какъ на представителей родового начала, на елли-

новъ—дружиннаго; въ римской исторіи въ борьбѣ патриціевъ и плебеевъ я видѣлъ борьбу родового и дружиннаго начала. Для проведенія моей мысли мнѣ необходимо было изучить миѳологію, чѣмъ я преимущественно и занимался въ Королевской Библіотекѣ. Въ 3 часа я возвращался изъ нея и садился писать; писалъ два часа до обѣда, т.-е. до шести часовъ; послѣ обѣда читалъ новые книги и журналы. Въ воскресенье, вставши и напившись молока, отправлялся я въ русскую церковь, находившуюся въ концѣ Елисейскихъ-Полей. Послѣ обѣдни, заходилъ къ священнику Вершинскому, человѣку ученому, но самодуроватову; онъ снабжалъ меня также нѣкоторыми книгами. Къ священнику послѣ обѣдни сходились пить чай всѣ русскіе средняго сословія. Изъ нихъ я больше всего сблизился съ Сажинымъ, гувернеромъ у князя Гагарина; съ этимъ Сажинымъ я вмѣстѣ учился въ коммерческомъ училищѣ: это былъ человѣкъ далеко не ученый, но умный, вѣрно смотрящій на все, добрый и веселый. Иногда мы съ Сажинымъ оставались обѣдать у священника; но обыкновенно послѣ чаю мы отправлялись съ нимъ таскаться по Парижу, по церквамъ, въ Луврѣ, въ загородныя мѣста; потомъ обѣдали вмѣстѣ въ Пале-Роялѣ, за два франка, и вечеромъ отправлялись въ театръ; хаживали мы въ итальянскую оперу не очень впрочемъ часто, по причинѣ дороговизны, а стоять спозаранку въ хвостѣ, чтобъ имѣть дешевыя мѣста, мы не хотѣли; только два раза были въ Французскомъ театрѣ—посмотрѣть Рашель; я призналъ въ ней великій талантъ, тутъ же назвалъ ее лицедѣйкою по преимуществу, но не пристрастился къ ея представленіямъ; причина заключалась въ моей слабонервности; воскресенье должно было быть для меня recreatio animi et corporis, я хотѣлъ избѣжать въ этотъ день всего тяжелаго, а трагедія была тяжела для моихъ нервовъ. Вотъ почему я преимущественно отправлялся въ французскія оперы—Большую и Комическую, или въ Пале-Рояль—смотрѣть m-lle Дежазé, старушку, несравненно игравшую молоденькихъ дѣвушекъ и особенно молоденькихъ мужчинъ,—Равеля, возбуждавшаго хохотъ однимъ появленіемъ своимъ на сцену,—или въ „Водевиль“, смотрѣть Арналя, въ „Варьетэ“—смотрѣть Буффé.

Приближалась зима; начали открываться курсы, которыхъ я дожидался съ нетерпѣніемъ, но они не удовлетворили меня. Разумѣется, я прежде всего бросился на историческіе курсы къ Ленорману въ Сорбонну, къ Мишле въ Коллежъ-де-Франсъ. Ленорманъ, красивый, плотный мужчина, съ усами, смотрѣлъ тамбуръ-мажоромъ, а не профессоромъ; вмѣсто исторіи, предметомъ его чтеній во все продолженіе курса была защита христіанства

противъ Штраусса. Защита была довольно жиденькая; несмотря на то, Ленорманъ производилъ сильное впечатлѣніе; онъ импровизировалъ, увлекался своимъ предметомъ и увлекалъ другихъ; я былъ бы еще доволенъ его лекціями, еслибъ отъ не читалъ исключительно съ католической точки зрѣнія. Повторяю, что въ научномъ отношеніи лекціи его были очень слабы; но можно утвердительно сказать, что изъ многочисленной толпы его слушателей едва-ли человѣка три читали Штраусса; всего удачнѣе у него выходила защита христіанства, какъ коренящагося на неизмѣнныхъ нравственныхъ убѣжденіяхъ человѣчества. Я помню, какъ однажды онъ обратился къ молодымъ своимъ слушателямъ съ такими словами: „Господа! если когда-нибудь кто изъ васъ хотѣлъ обольстить дѣвушку для удовлетворенія своей чувственности, то неужели тайный голосъ не говорилъ ему, что онъ дѣлаетъ подлость?“ По свойству таланта, по способности къ одушевленію, къ Ленорману приближался Эдгаръ Киné. Сначала Киné читалъ очень спокойно по тетрадкѣ исторіи литературы въ Коллежъ-де-Франсъ; но къ концу академическаго года въ палатахъ и въ журналистикѣ разыгрался вопросъ объ іезуитахъ, и вотъ Киné, вмѣстѣ съ Мишлé, началъ читать противъ нихъ лекціи. Однажды я, ничего не зная, пришелъ въ аудиторію, гдѣ долженъ былъ читать Киné, занялъ мѣсто, смотрю —аудиторія наполняется больше обыкновеннаго, становится страшная тѣснота, а толпа все прибываетъ; вновь прибывшіе, не имѣя мѣста, начинаютъ кричать, чтобы перемѣнена была аудиторія; тѣ, которые уже заняли мѣста, не хотятъ этого, ибо имъ невыгодно идти теперь позади и занимать худшія мѣста въ новой аудиторіи. Киné не является, дожидаясь, чѣмъ кончится дѣло; наконецъ, прежде пришедшіе осилили и криками заставили профессора явиться. Киné былъ тутъ на своемъ мѣстѣ, читалъ съ большимъ одушевленіемъ, рукоплесканіямъ не было конца; мнѣ было очень пріятно слушать, ибо сильно не жалую іезуитовъ, хотя, съ другой стороны, не жалую и того начала, которое даетъ силу іезуитамъ среди людей слабыхъ, не умѣющихъ держаться на серединѣ. Слѣдующія лекціи Киné противъ іезуитовъ читались уже въ другой, большой аудиторіи. Я упомянулъ выше о Мишлé. Я пришелъ къ нему на первую лекцію, думая выслушать съ пользою цѣлый курсъ исторіи Франціи; онъ читалъ въ самой обширной аудиторіи, которая однако была наполнена. Вошелъ на каѳедру сѣдой старичокъ и началъ говорить—о чемъ, Богъ его знаетъ!—страшный винегретъ и вовсе не занимательный, утомительный, переданный безъ одушевленія; я бросилъ ходить на эти лекціи.

Но когда дѣло дошло до іезуитовъ, Мишле́ оживился, талантъ его высказался вполнѣ. Я позабылъ сказать, что, на послѣдней лекціи Кине́ противъ іезуитовъ, онъ упомянулъ, что и знаменитый товарищъ его Мицкевичъ раздѣляетъ на своихъ лекціяхъ его мнѣнія. Начался крикъ: „Vive la Pologne!“ Сзади меня встаетъ господинъ огромнаго роста, трясетъ шапкой и кричитъ: „Vive la Pologne!“ Это былъ знаменитый Бакунинъ, котораго прежде встрѣтилъ я мелькомъ въ Дрезденѣ, говорилъ съ нимъ минутъ десять и отошелъ съ тѣмъ, чтобъ послѣ никогда не сходиться: непріятное впечатлѣніе произвелъ онъ на меня своими отзывами о Россіи.

Слушалъ я и Мицкевича. Это явленіе было крайне любопытно, ибо давало понятіе объ этихъ восторженныхъ учителяхъ, которые производятъ такое сильное впечатлѣніе на толпу, особенно на женщинъ. Ясно было, что исходитъ сила, дѣлаетъ впечатлѣніе, — но исходитъ эта сила не изъ содержанія рѣчи, убѣждающаго умъ или трогающаго сердце, исходитъ прямо отъ природы говорящаго человѣка и дѣйствуетъ на природу слушающаго. Ясно было, что передо мною инструментъ уже разстроенный разбитый, и, несмотря на то, инструментъ звуками своими производилъ сильное впечатлѣніе. Впечатлѣніе это усиливалось еще прекрасною наружностью Мицкевича, скорбною, не отъ міра сего бывшею. Содержаніе лекцій его о мессіанизмѣ извѣстно. Онъ читалъ по-французски медленно, съ дурнымъ выговоромъ: такъ, напримѣръ, sûr онъ всегда произносилъ *шюръ*.

Былъ я и въ торжественномъ засѣданіи академіи при пріемѣ въ члены Павье́; принимаемый говорилъ не блистательно; на другой день въ журналахъ высчитано было, сколько разъ онъ употребилъ частицу *que*. Но прекрасно, съ истинно академическимъ краснорѣчіемъ, отвѣчалъ ему Минье́, понравившійся мнѣ и наружностью своею. Былъ я и въ палатѣ депутатовъ; меня непріятно поразилъ безпорядокъ, безцеремонность депутатовъ, шумъ во время произнесенія или читанія рѣчей не первостепенныхъ ораторовъ; видѣлъ невзрачнаго Тьера, взрачнаго, осанистаго Гизо не съ французскою физіономіею. Будучи поклонникомъ Гизо за его сочиненія, я легко сдѣлался въ Парижѣ приверженцемъ орлеанской династіи и министерства Гизо; по умѣренности своей я не могъ понять, чего еще французамъ нужно болѣе того, что̀ они имѣли въ это время? Мой взглядъ былъ вполнѣ оправданъ послѣ, когда февральская революція повела къ нелѣпой республикѣ и гнусной имперіи.

ЗОЛОТОЕ ДНО

ПОВѢСТЬ.

Окончаніе *).

XV.

— Мужики рано женятся,—часто повторялъ Степанъ Михайловичъ своему любимцу полушутя, полусерьезно,—а мы, братъ, съ тобой все равно, что мужики, на землѣ сидимъ, землею живемъ. И такъ сроки пропустили,—вѣдь тебѣ уже двадцать-четвертый годъ пошелъ...

Антонъ улыбался, но глаза его избѣгали встрѣчаться со взглядомъ дѣда... Онъ не могъ уже ощущать прежней радости жизни, которая его охватывала раньше, когда они съ дѣдомъ загадывали на будущее. Трещина въ его душѣ незамѣтно, но непрерывно расширялась, и онъ чувствовалъ, какъ постепенно отдаляется отъ дѣда. И раскаяніе угнетало Антона; онъ упрекалъ себя за эту измѣну, за неблагодарность. Онъ клялся ничѣмъ не выдать своей борьбы и по старому повиноваться.

Но зато теперь Антонъ острѣе начиналъ чувствовать свою разобщенность съ Мареой и догадывался о причинѣ, отъ которой она происходитъ... Мареа никогда не помогала пріобрѣтать, а напротивъ, все раздавала,—и время свое, и познанія, часто даже заработокъ; но этого никто не ставилъ ей въ заслугу, напротивъ, дѣдъ не любилъ ее, считалъ неблагодарной... Онъ былъ увѣренъ въ своей правотѣ такъ же, какъ и Мареа въ своей. Кто-нибудь изъ нихъ долженъ или хитрить, или ошибаться. Но развѣ

*) См. выше: мартъ, стр. 26.

можетъ хитрить Мареа или Валя, который жилъ въ Петербургѣ впроголодь, на грошевые уроки?

Событія въ домѣ Панцыревыхъ также не прошли безслѣдно для Антона: онъ чувствовалъ себя угнетеннымъ, даже будто виноватымъ.

Непривычный къ такому душевному раздвоенію, онъ пытался говорить съ Мареой; но та, не стѣсняясь, отклоняла бесѣды: предполагавшаяся женитьба, визиты къ окрестнымъ помѣщикамъ, разговоры о барышняхъ, которые полюбилъ вести дѣдъ за столомъ, еще болѣе отдалили ее отъ брата. Ее даже раздражало, чего ради онъ сталъ трогать „высокія темы"?

— Брось это, Тонька!—сказала она ему однажды:—всегда ты былъ благонамѣреннымъ обывателемъ, а теперь, вдругъ... Боюсь, какъ бы ты не позировалъ своей профессіей.

— Это высокомѣрно, Мареа,—отвѣтилъ Антонъ.

— До высокомѣрія ли мнѣ, милый!—вздохнула та:—я, благодаря Бога, цѣлый день такъ занята, что потомъ рада отдохнуть... Я вѣдь, дѣйствительно, не понимаю, зачѣмъ тебѣ теперь, когда ты собираешься жениться, поднимать рядъ вопросовъ, которые вовсе не способствуютъ устроенію семейнаго счастья?

— Но если они приходятъ, Мара! Они точно раскололи мою душу, они мѣшаютъ мнѣ, не даютъ покоя...

— Да, тебѣ жаль разстаться съ зоологическимъ существованьемъ, гдѣ такъ уютно живется, и въ то же время совѣстно лежать на этой перинѣ?—смѣясь, сказала Мареа.

— Зоологическое существованіе, — повторилъ Антонъ,—зоологическая правда...

Это опредѣленіе ихъ жизни его поразило.

Такъ вотъ та грань, которая отдѣляетъ ихъ другъ отъ друга! Дѣдъ силенъ именно этой несокрушимой зоологической правдой; она помогаетъ ему такъ самоувѣренно отстаивать то, что̀ онъ считаетъ своимъ правомъ, такъ неослабно бороться за свое существованіе и, какъ сильному, побѣждать.

Да, и побѣждать; но только тѣхъ, кто такъ же, какъ и онъ, живетъ одной зоологической правдой. Онъ не побѣдилъ ни Мареы, ни Валеріана, несмотря на то, что онъ былъ сильнѣе ихъ... Вѣра во что-то высшее, болѣе совершенное, чѣмъ правда дѣда, даютъ имъ иную силу...

А пока душа Антона переживала такую ломку, событія, направляемыя властной рукой Степана Михайловича, шли своимъ чередомъ.

Къ Дулѣбову пріѣхала погостить молоденькая племянница Ва-

ричка, которая очень понравилась въ Локустовкѣ. Начались попытки сватовства, и Антонъ радостно окунулся во всѣ прелестныя перипетіи первой любви.

— Счастливый характеръ!—говорила про него Марѳа:—велѣли влюбиться—и влюбился; велятъ жениться—и женится... И все это честно, по благородному...

Ева Михайловна укоризненно качала головой.

— Во всемъ ты находишь смѣшное, Мара, — возражала она;—вѣдь всякій молодой человѣкъ влюбляется...

— И всякій по заказу?—смѣялась Марѳа.

На это баба Ева ничего не могла возразить. Дѣйствительно, вышелъ такой случай, что будто по заказу; но, конечно, такъ было суждено.

Вскорѣ невѣста сдѣлалась въ домѣ своимъ человѣкомъ. Хорошенькая, тоненькая, она наполнила домъ смѣхомъ, ластилась къ старикамъ, подходила съ почтеніемъ къ Марѳѣ, какъ „къ такой ужъ ученой, такой ученой"... Валю она сразу стала называть „омделетръ", такъ, чтобы выходило „омлетъ".

Валя не оставался въ долгу: за-глаза онъ называлъ ее „гоголевскимъ типомъ", а въ глаза—„das ewig Weibliche".

Василиса знакомила новую хозяйку съ дѣломъ и ходила всюду съ видомъ оскорбленной королевы: маленькая попрыгунья знала толкъ въ хозяйствѣ!

Затѣмъ сыграли свадьбу.

На мѣсяцъ молодые уѣхали; а по пріѣздѣ домой, тоненькая хозяюшка сразу перестала быть „молодой", надѣла фартукъ, правда, прехорошенькій, а за поясъ заткнула кольцо съ ключами.

— Наконецъ-то!—сіяя, говорилъ Степанъ Михайловичъ.—Локустовскія бабы не умѣютъ хозяйничать, и свѣтъ я увидалъ изъ чужого окошка.

Мало-по-малу Варичка завладѣла и молочной, и свинарней, и грунтовымъ сараемъ... Василиса ходила по дому съ опухшими отъ тайныхъ слезъ глазами, подстерегая каждый промахъ молодой хозяйки; но промаховъ было на рѣдкость мало!

Дѣда развлекала эта борьба заходящаго свѣтила съ восходящимъ; онъ былъ всецѣло на сторонѣ послѣдняго; но не вмѣшивался, желая продлить это развлеченіе. Наконецъ, Василиса признала себя побѣжденной и попросила разсчета.

Дѣдъ пѣлъ диѳирамбы побѣдительницѣ.

— Такой не страшно все довѣрить,—говорилъ онъ Антону:—ни... [illegible] все вамъ отдать... Я потрудился, теперь очередь

*) См. выше: мартъ, [illegible]

И на слѣдующій годъ Локустовъ передалъ формально свое имѣніе Антону.

— Кто работаетъ, тотъ и получаетъ,—сказалъ онъ сестрѣ, какъ бы оправдываясь въ томъ, что обдѣлилъ младшаго внука. О Марѳѣ онъ даже и не думалъ.

Старикъ давно обѣщалъ отдать Локустовку Антону, и послѣдній уже привыкъ къ этой мысли, тѣмъ болѣе, что братъ и сестра такъ рѣшительно отъ всего отказались; но все же теперь онъ чувствовалъ какую-то неловкость, которую еще болѣе подчеркивало нескрываемое торжество молодой жены. Варичка, положительно, начинала щеголять своей хозяйственностью. Ея острый взоръ замѣчалъ такія детали, которыя ускользали отъ другихъ; но когда она бѣжала къ мужу дѣлиться своими тревогами, то заставала его холоднымъ, равнодушнымъ.

— А дѣдъ разсказывалъ, что ты хозяинъ,—говорила она, премило надувая губки:—какой же ты послѣ этого хозяинъ?

Слово „хозяинъ“ всегда сопровождалось идеей о сыскѣ, о возмездіи. Это особенно стало подчеркиваться съ водвореніемъ простодушной Варички. То, что̀ дѣдъ пытался закутать во всякія благородныя покрывала, при Варичкѣ быстро приняло свой естественный видъ. Хозяйственное колесо начинало вертѣться въ Локустовкѣ безъ всякой помѣхи, и зоологическая правда ихъ существованія выступала все яснѣе для Антона; и то, что теперь онъ былъ хозяинъ, что отъ него зависѣло ихъ утвержденіе, подчеркивало факты съ жестокой неумолимостью.

Марѳа перестала почти жить въ Локустовкѣ, и Антонъ узналъ, что она ищетъ мѣста земскаго врача въ другой губерніи.

— Правда ли это, Мара?—спросилъ онъ у нея однажды, когда они, вмѣстѣ съ Варичкой, сидѣли на балконѣ.

— Да, кажется, я скоро уѣду отъ васъ,—отвѣчала Марѳа, не скрывая удовольствія.

— Ты такъ торопишься разстаться съ нами,—замѣтилъ Антонъ,—точно изъ гостинницы уѣзжаешь...

Марѳа повернула къ нему свое широкое лицо; глаза ея свѣтились насмѣшкой, отчего оно стало вдругъ привлекательнымъ.

— А ты знаешь, что подожгли Евстифѣева?—спросила она вдругъ.

— Знаю... только причемъ это?

— Вѣдь это вы у него сняли лугъ, который Панцыревка арендовала уже испоконъ вѣка?

— Да, да,—вмѣшалась Варичка,—это я выдумала... Мы

свое болото заняли подъ кирпичный заводъ, скотину некуда было выгнать.

— Да, конечно, для васъ это разсчетъ... Ну, а крестьяне теперь куда свою будутъ выгонять?

Варичка подняла перчатку.

— Пусть ищутъ, всякій за себя... Мы никому не хотимъ зла... — быстро отвѣтила она, не давши выговорить ни слова мужу.

Да тотъ и не хотѣлъ говорить. Слова Мареы точно раздавили его; онъ понималъ теперь ихъ значеніе, но не видѣлъ выхода.

— Такъ вотъ... а ты еще удивляешься, почему я такъ рада отъ васъ уѣхать!—сказала Мареа, снова обращаясь къ Антону.

— Это странно!—возразила Варичка:—развѣ мы не имѣемъ права заботиться о себѣ?

— Поѣзжайте, милая, въ пампасы или преріи для этого,— отвѣтила Мареа;—а здѣсь, гдѣ каждая сажень земли на счету, такая „заботливость“ получаетъ другое названіе.

Варичка встала и демонстративно вышла. Такъ она уже неоднократно выражала свои протесты.

Нѣкоторое время братъ и сестра молчали.

— Жутко мнѣ, Мара,—сказалъ, наконецъ, Антонъ. Въ голосѣ его послышалось такое неподдѣльное чувство, что Мареа, насторожившись, поспѣшила закрыть отъ него свое сердце.

— Жутко?—переспросила она съ насмѣшкой.—Вѣдь у тебя молодая жена, домъ—полная чаша... Чего же еще?

— Когда я собирался жениться, — продолжалъ онъ, точно выпрашивая состраданія, — то думалъ, что этимъ укроюсь отъ жизни... Что обычныя формы ея защитятъ меня отъ душевнаго разлада; но, видно, мнѣ не убѣжать...

— Очевидно, нельзя безнаказанно приносить себя въ жертву семейному патріотизму,—замѣтила равнодушно Мареа.

— Бываетъ и патріотизмъ разнаго сорта,—задумчиво продолжалъ Антонъ: —вотъ Валя... Онъ увѣренъ, что долженъ искупить... вину... нашу, Локустовскую... Я не понималъ этого раньше; но теперь... я часто вспоминаю его слова, и они уже не кажутся мнѣ донкихотствомъ... Вѣдь такой патріотизмъ ты не назовешь презрѣннымъ? Иногда мнѣ кажется, что и... и я...

Лицо Мареы вдругъ сильно подурнѣло, стало какое-то недовѣрчивое, сухое и вся она насторожилась: она почувствовала что-то новое, благородное въ душѣ Антона, то, чего въ ней не подозрѣвала, и сердце ея неожиданно рванулось къ нему на-

встрѣчу; но обычное недовѣріе къ людямъ тутъ же остановило ея порывъ. Ей столько разъ приходилось раскаиваться въ своихъ необдуманныхъ симпатіяхъ, что она уже привыкла подавлять ихъ, и только послѣ долгаго искуса дарила свою любовь, но тогда уже навѣки.

— Неужели ты мнѣ никогда не повѣришь,—продолжалъ Антонъ,—и всегда будешь отказываться помочь?

— Я вѣрю дѣламъ, а не словамъ,—сухо отвѣтила Маρθа.

— И я все время ищу выхода... возможности примирить мои слова съ дѣлами... Но какъ сдѣлать это? Какъ уничтожить эти противорѣчія въ душѣ?

— Очень просто: уничтожить эти противорѣчія въ своей жизни.

— Но какъ ихъ уничтожить?

— Если ты искренно захочешь этого, то и самъ додумаешься... Я, вѣдь, не стою за насильственное усовершенствованіе человѣчества и не стану бросать своего бремени на чужія плечи.

— Но если я тебя прошу... Скажи, что̀ бы ты сдѣлала на моемъ мѣстѣ?

— Я?—спросила Марѳа, и злой огонекъ загорѣлся въ ея глазахъ.—Я бы немедленно возвратила чужое... То чужое, захватывать которое помогала столько лѣтъ...

— Это рѣзко! Это несправедливо!—сказалъ Антонъ.—Кто захватывалъ? Гдѣ здѣсь чужое?..

— Ты меня спросилъ, я сказала—вотъ и все...

— И какъ отдать? И что̀ ты называешь чужимъ? Вотъ этотъ домъ—развѣ онъ чужой намъ? Или милыя, тѣнистыя аллеи парка, гдѣ мы бѣгали дѣтьми... кому же онѣ менѣе чужія, чѣмъ намъ?

— Тѣмъ, верхнимъ... Панцыревымъ,—вдругъ заволновавшись, отвѣчала Марѳа:—однако, они не такъ цѣпко держались за это... А впрочемъ,—прибавила она, сдерживаясь,—я не вхожу въ такія мелкія подробности.

Она встала и, держась за ручку двери, еще сказала:

— Видишь ли, голубчикъ мой, ты привыкъ, чтобы тебѣ все приказывали... Ты потерялъ вѣру въ справедливость приказаній дѣда и хочешь, чтобы я начала тобой руководить... Но я вѣрю только въ личную иниціативу, и потому тебѣ ничего приказывать не стану... Да и смѣшно, еслибы я тебѣ велѣла: „отдай землю крестьянамъ“. Что̀ бы на это сказала Варичка?..

— И по-твоему, это единственный выходъ?

— Для меня это былъ бы единственный,—уходя, проговорила Марѳа.

XVI.

Марѳа получила мѣсто врача въ селѣ Макарьевѣ, отстоявшемъ за восемнадцать верстъ отъ Локустовки, и переѣхала туда весною.

Полевыя работы были въ полномъ разгарѣ.

Въ былые годы Антонъ только и ждалъ этого времени. Оно было окрашено для него съ младенческихъ лѣтъ поэтическими воспоминаніями, когда онъ соединялъ настоящій трудъ съ ребяческой забавой и въ награду получалъ отъ старшихъ похвалы.

И вотъ теперь, женатый, вооруженный знаніемъ, собственникъ земли, онъ чувствовалъ, какъ все болѣе и болѣе иссякаетъ въ его душѣ энергія труда, поэзія наживы, замѣняясь ненужной томительной рефлексіей. Но онъ продолжалъ бороться, тщательно скрывалъ разладъ отъ всѣхъ, попрежнему объѣзжалъ на бѣгункахъ поля, наблюдая за сѣвомъ выписаннаго овса; выслушивалъ восторги Варички по поводу іоркшировъ и ярочекъ... но глаза его не играли при этомъ, какъ раньше, а на лбу все углублялась задумчивая складка.

Варичкѣ, упоенной хозяйственными комбинаціями, и въ голову не приходило подозрѣвать мужа въ какой-то раздвоенности; но пріѣздъ Вали, уже студента-естественника второго курса, нарушилъ ея спокойствіе. Антонъ началъ засиживаться съ братомъ въ гротѣ, когда его ожидали на полѣ, пропадалъ съ нимъ на прогулкахъ, и часто ихъ оживленные разговоры смолкали, когда къ нимъ подходила Варичка.

Несмотря на пролетарское существованіе, Валя окрѣпъ и возмужалъ. Онъ выступилъ на широкую арену жизни и пытался разобраться въ ея многообразныхъ проявленіяхъ. Его окружала теперь широкая толпа молодежи; онъ видѣлъ и лѣвыхъ, и правыхъ, но самъ стоялъ особнякомъ, хотя это возбуждало неудовольствіе всѣхъ партій. Даже онъ самъ чувствовалъ всю неловкость такой позиціи.

— Но что же мнѣ дѣлать,—искренно сожалѣлъ онъ,—если я имѣю несчастіе видѣть всегда не одну только сторону, а нѣсколько?

Иные насмѣхались надъ нимъ, называли его „многобокимъ философомъ“, предлагали ему взять себѣ девизомъ павлина, у котораго много глазъ въ хвостѣ; другіе презрительно обзывали его „индифферентомъ“. Валя понималъ законность насмѣшекъ,

но твердо держался совѣта, даннаго Нанни въ памятную ночь пожара: онъ присматривался, сравнивалъ, искалъ и, стоя на распутьи, никому не отдавалъ своей духовной свободы... а затѣмъ, вѣдь, у него была своя задача въ жизни.

Валѣ очень нравилось появиться въ Локустовкѣ въ качествѣ человѣка самостоятельнаго, сумѣвшаго прожить безъ посторонней помощи, и этотъ первый шагъ къ „искупленію“ укрѣпилъ его мятущуюся душу. Онъ вдругъ повѣрилъ въ свои силы, и бремя, возложенное имъ на себя, теперь не казалось ему непосильнымъ. Онъ сталъ гордъ и вслѣдствіе этого снисходителенъ. Чувство неловкости передъ дѣдомъ у него совершенно исчезло. Онъ замѣтилъ, какъ опустился старикъ, котораго начинали одолѣвать всяческія болѣзни. Руки его дрожали, правая нога почти не повиновалась, вѣко надъ правымъ глазомъ лежало неподвижно. Сильный характеръ его вырождался въ самодурство, противорѣчіе выводило его изъ себя... Онъ умолкалъ, начиная тяжело дышать, маленькіе глаза его метали искры изъ-подъ суженнаго лба, а широкій подбородокъ трясся.

Валя обращался съ нимъ со снисходительной почтительностью. Ему казалось, что теперь, въ бездѣйствіи, въ болѣзняхъ, онъ долженъ вспоминать свои грѣхи и искупать ихъ въ молчаливомъ раскаяніи.

Только съ Варичкой у него дѣла не ладились.

Валя не чувствовалъ симпатіи къ этому „восходящему свѣтилу“. Между ними установились особенныя натянутыя отношенія, которыя часто бывали на границѣ ссоры. Варичка усвоила себѣ манеру дѣда въ отношеніяхъ къ рабочимъ, и то, что Валя могъ терпѣть въ старикѣ, становилось невыносимо у невѣстки.

Кромѣ этого, была еще одна маленькая причина, по которой онъ предпочелъ бы замѣнить Варичку хотя бы прежней Василисой: у блаженной памяти Васи не было такого звонкаго голоса, какъ у молодой хозяйки; а такъ какъ молочная, откуда посылались въ городъ бедоны, приходилась какъ разъ подъ окнами его комнаты, то Валя долженъ былъ часто слушать всякія препирательства.

— Домна!—звонко кричала Варичка:—у тебя опять бедоны не вычищены...

— Бедоны...—раздавался откуда-то плачущій голосъ.—Вонъ у меня въ коровникѣ опять пузырь отъ лампы лопнулъ...

— Разбила и покупай, а бедоны чистить надо.

— Не гнѣвись, барыня, не разбивала я... ужъ такое зародилось! И не знаю, что̀ съ имъ прилучилось: жило цѣлую зиму,

а тутъ въ два дня два стекла... А тутъ еще сосунки бѣгаютъ, гляди за ими...

— Свиньи, что-ли, по твоему, стекло разбили?

— Рази я говорю, что свиньи... А только и я не била... Семь копѣекъ не мудрыя деньги... не то что изъ-за семи... и за двадцать—не покривлю душой...

Голосъ Домны звенитъ обидой. Она сама появляется въ дверяхъ молочной и бросаетъ туда еще слова, исполненныя неподдѣльнаго величія:

— И за сорокъ не стану врать, не стану!

Домна проходитъ узенькую тропинку, раздѣляющую молочную отъ дома, и уже подъ самыми окнами Вали шепчетъ, утирая глаза передникомъ:

— Отъ этой не откланяешься, не отцѣлуешься...

И Валя не выдерживаетъ... Въ полемическомъ задорѣ онъ высовывается изъ окна и кричитъ:

— Домна, возьмите... Вотъ гривенникъ, купите стекло...

Домна порывается влѣзть на фундаментъ, чтобы облобызать подающую руку; ея благодарность принимаетъ бурный, почти вызывающій оттѣнокъ; а Варичка, оскорбленная до глубины души, бѣжитъ искать Антона.

— Онъ тебя дразнитъ?—говорилъ Антонъ, выслушавъ сбивчивый разсказъ:—но чѣмъ же? тѣмъ, что далъ Домнѣ гривенникъ?

— Не то, не то!—Варичка топала ножкой:—ты меня понять не хочешь... Не такая ужъ я дура...

— Ты—милочка!

Антонъ смѣялся, цѣловалъ ее, вертѣлъ вокругъ себя; но Варичка не видѣла въ немъ настоящей готовности поднять перчатку въ ея защиту.

Она начала вдругъ смутно подозрѣвать о душевномъ разладѣ мужа и пыталась даже подѣлиться съ дѣдомъ своими подозрѣніями.

— Тоня становится страннымъ, такимъ страннымъ, дѣдушка,—говорила она Степану Михайловичу,—точно онъ не въ себѣ... точно что-то задумываетъ. Мнѣ даже его жалко...

Локустовъ трепалъ невѣстку по кругленькой щечкѣ.

— Просто, онъ скучаетъ,—говорилъ онъ, смѣясь,—что до сихъ поръ ты не подарила мнѣ хорошенькаго правнучка.

Варичка конфузилась; но отъ этого ей не становилось веселѣе; а видъ братьевъ, такъ часто бесѣдующихъ теперь наединѣ, зарождалъ въ ея душѣ недружелюбныя чувства къ Валѣ.

И Валя уступилъ поле сраженія: онъ почти переселился въ свой гротикъ, такъ какъ не могъ выносить хозяйственнаго азарта Варички.

У него былъ свой секретъ, который онъ лелѣялъ въ глубинѣ души, тщательно скрывая его не только отъ Антона, но даже отъ Маѳы и Анны... Валя писалъ очеркъ, который казался иногда ему настолько удачнымъ, что онъ задумывалъ даже отправить его въ редакцію любимаго журнала.

Жизнь его теперь была полна таинственными волненіями. Иногда имъ овладѣвала безумная радость, которая вдругъ смѣнялась отчаянными сомнѣніями. Онъ то горячо вѣрилъ въ свои силы, то начиналъ презирать себя, какъ выскочку, недоучку.

Наконецъ, рукопись была нѣсколько разъ переписана, отшлифована и, завернутая въ бѣлую бумагу, покоилась въ одномъ изъ ящиковъ письменнаго стола. Но тутъ Валю обуяли такія неразрѣшимыя сомнѣнія, что онъ, наконецъ, собрался прочитать ее Владиміру Панцыреву, взявъ съ него страшную клятву молчанія.

Однажды, спрятавъ на груди рукопись такъ, чтобы ее никто не замѣтилъ, Валя пошелъ къ Панцыревымъ, изнемогая отъ счастья и даже чувствуя себя передъ ними виноватымъ за это счастье... Но всѣ его приготовленія оказались ненужными. Здѣсь никто не замѣтилъ ни его натянутаго спокойствія, ни скрытаго волненія. Валя попалъ въ разгаръ тѣхъ острыхъ споровъ, которые, послѣ ареста Скобельцына, становились все чаще, споровъ, во время которыхъ Борисъ шелъ одинъ противъ цѣлаго семейства.

Обыкновенно, по поводу какого-нибудь принципіальнаго вопроса, начинался споръ между братьями, гдѣ они старались перещеголять другъ друга въ академичности; но стоило только вмѣшаться Вѣрѣ, какъ все это искусственное зданіе вѣжливости рушилось, и начиналась настоящая перестрѣлка, нерѣдко кончавшаяся ссорой.

Валя явился уже во второй стадіи, когда лица спорщиковъ были красны, глаза сверкали... Горячія руки едва коснулись его руки, а дальше ужъ никто не обращалъ на него вниманія.

Анна, по обыкновенію, примостилась у окна съ книжкой и усиленно затягивалась папиросой. Пальцы, державшіе эту папиросу, были желты отъ табаку, около безкровныхъ ноздрей вились тоненькія полоски дыма.

Георгій Павловичъ сидѣлъ въ своемъ глубокомъ креслѣ съ откидными столиками у ручекъ. Прямой, въ фланелевой курткѣ,

съ зеленымъ козырькомъ подъ высокимъ лбомъ, онъ нервно вертѣлъ въ рукѣ старыя четки—подарокъ нянечки изъ Кіево-Печерской лавры. Вѣра стояла за его кресломъ и метала гнѣвные взоры на Бориса.

— Скажу яснѣе, если вамъ хочется,—говорилъ онъ, пожимая налету руку Вали.—Да вотъ... недалеко ходить, старикъ Локустовъ... Вы, конечно, считаете его кулакомъ?

Всѣ явно смутились; Валя съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на Бориса.

— Полно, старина!—возразилъ ему тотъ съ покровительственной улыбкой.—Вѣдь ты не будешь въ претензіи за то, что я говорю такъ прямо... Я всегда говорю прямо, потому что хочу быть самимъ собою... Они всѣ сконфузились, такъ какъ считаютъ, дѣйствительно, Локустова кулакомъ; а я нахожу, что онъ исполняетъ полезную историческую миссію.

— Потому что ведетъ нашу Панцыревку къ разоренію?—спросилъ Владиміръ.

— Пусть такъ, если тебѣ нравятся страшныя слова,—улыбнувшись, согласился Борисъ,—но несомнѣнно, что съ точки зрѣнія прогресса, всѣ эти дарственныя земли, ссуды, разсрочки...

— Это, по-твоему, задерживаетъ ходъ событій?

— Конечно... Культурное попустительство папы вреднѣе неумолимости Локустова... Но вѣдь духовная красота не въ силахъ повернуть колесо исторіи.

Лицо Вали было блѣдно, а уши горѣли.

— Я даже не представлялъ себѣ, чтобы можно было смѣшивать вопросъ личной безнравственности съ отдаленными перспективами будущаго,—робко сказалъ онъ,—оправдывая такъ несправедливость. Это значитъ только усугублять ее... потому что тогда у нея не будетъ даже возмездія въ формѣ угрызеній совѣсти.

Борисъ покровительственно улыбнулся.

— Милый,—возразилъ онъ,—тѣ, которые несправедливы, не имѣютъ угрызеній совѣсти, иначе они стали бы справедливыми... А затѣмъ, вѣдь я классифицирую явленія съ точки зрѣнія прогресса, не вдаваясь въ ихъ нравственную оцѣнку.

— Но развѣ можно отдѣлить явленіе жизни отъ его нравственной оцѣнки?

— Это ужъ метафизика... отъ нея уже одинъ шагъ до стремленія къ абсолютному совершенству; а такое стремленіе есть слабость, недостойная сильнаго. Это ловушка, въ которую прячутся, чтобы избѣжать борьбы... Надо мириться съ относитель-

нымъ, а не отрицать его только потому, что нельзя найти квадратуры круга.

— Квадратура круга—это нѣчто вродѣ математической жаръ-птицы,—возразилъ Валя;—поэтому, конечно, нечего и искать ее; но развѣ можно отрицать стремленіе къ нравственному совершенствованію, которое существуетъ? Или закрывать завѣсой фантастическихъ предположеній картину настоящаго зла?

Валя оглядѣлъ всѣхъ съ виноватымъ видомъ, точно извиняясь за вычурность послѣдней фразы, и умолкъ.

Борисъ со скучающимъ видомъ махнулъ рукой,—онъ считалъ подобныя возраженія узкой сентиментальностью.

Анна продолжала курить; Вѣра враждебно глядѣла на Бориса, облокотившись о спинку кресла Георгія Павловича; а послѣдній привычнымъ взмахомъ руки закручивалъ четки вокругъ пальцевъ, чтобы потомъ ихъ сразу сбросить. И чѣмъ сильнѣе волновался старикъ, тѣмъ ожесточеннѣе вертѣлись четки, летая быстро то вверхъ, то внизъ, съ характернымъ сухимъ трескомъ.

— Мой отецъ,—наконецъ заговорилъ онъ,—нѣкоторое время былъ горячимъ поклонникомъ теоріи: все дѣйствительное разумно... Но его поколѣніе, вмѣстѣ съ Бѣлинскимъ, потомъ искупило свое опасное заблужденіе. Неужели молодежь теперь опять къ нему возвращается?

Вѣра наблюдала, какъ во время этой, повидимому, спокойной рѣчи четки неистово прыгали въ рукахъ старика, хотя голосъ его не выдавалъ волненія. Ей казалось, что эти точеныя зернышки, пахнущія кипарисомъ, имѣютъ живую душу и такъ же, какъ она, негодуютъ на Бориса.

— Мы, папа, здѣсь никогда не сойдемся, — возразилъ послѣдній.—Что̀ разумно въ дѣйствительности, а что̀ нѣтъ? Этотъ вопросъ можетъ рѣшить лишь исторія...

— Ой-ли? — съ улыбкой замѣтилъ отецъ.—А мнѣ кажется, что скоро эти твои горячія рѣчи перегорятъ, и отъ нихъ останется одна горсточка холоднаго пепла.

Радостно засмѣявшись, Вѣра посмотрѣла на Бориса; тотъ поморщился: онъ не выносилъ этой, по его мнѣнію, нелѣпой экзальтаціи.

— Конечно, — отвѣчалъ онъ, — людей пугаетъ правда, и я могу отчасти признать, что она бываетъ неприглядна; но теперь уже люди стали не такъ трусливы, какъ были раньше всѣ эти обломки сентиментальныхъ кающихся дворянъ.

Вѣра вспыхнула до слезъ, какъ бы принявъ на себя ударъ, предназначавшійся, повидимому, ея дорогому свекру.

— Ну, конечно,—жестко возразила она,—куда же имъ до нераскаянныхъ марксистовъ!

Всѣ засмѣялись.

— Ты все сводишь на личности, Вѣра,—пренебрежительно бросилъ ей Борисъ:—ты не умѣешь быть объективной.

Четки старика подпрыгнули, и вдругъ тоненькая цѣпочка, ихъ соединявшая, порвалась, и точеныя зернышки шаловливо разлетѣлись по полу. Старикъ съ огорченіемъ смотрѣлъ на нихъ и на свою осиротѣвшую руку.

Нянечка съ сочувственными возгласами кинулась въ комнату изъ стекольчатаго корридора и стала подбирать зерна.

— Я говорилъ давно, что цѣпочка не годится,—проворчалъ Георгій Павловичъ, разсматривая правую руку точно чужую,—я говорилъ...

Споръ прекратился, такъ какъ маленькое происшествіе вызвало во всѣхъ искреннее сочувствіе: четки служили такъ долго!

— Я все время говорилъ, что онѣ порвутся,—продолжалъ жаловаться старикъ.

Онъ отлично помнилъ, что и не думалъ говорить ничего подобнаго; но ему такъ хотѣлось поворчать! И онъ ворчалъ, капризно изогнувъ блѣдныя губы и глядя на дѣтей изъ-подъ козырька виноватыми глазами...

— Да я, папа, сейчасъ починю,—сказалъ Борисъ, принимая отъ нянечки часть собранныхъ шариковъ,—повѣрь хоть въ этомъ своему непокорному сыну...

— А я пока прилягу,—сказалъ старикъ и вышелъ, неловко помахивая рукой, которая безъ четокъ казалась ему чужою.

Борисъ тотчасъ же присѣлъ чинить цѣпочку; Вѣра съ нянечкой подбирала упавшія зерна. Она ёрзала по полу, усердно заглядывая подъ мебель, во всѣ уголки и ворчала:

— Раздражать отца... И какого отца!

Борисъ сначала молчалъ; но, наконецъ, вышелъ изъ терпѣнія.

— Право, Вѣра, это невыносимо!—сказалъ онъ:—Неужели ты не можешь понять смысла принципіальныхъ разговоровъ?

Вѣра присѣла на полу.

— Ты намекаешь, что я дура? Что-жъ, я знаю, что я необразованная, что я простая... Ты меня хочешь уничтожить своими принципами? А я все-таки говорю, что огорчать нельзя! Развѣ не все равно, чѣмъ огорчать? Да я бы всѣ принципы сложила къ ногамъ дорогого старика!

И она на колѣняхъ подала Борису собранныя зерна.

— Вотъ и складывай то, что у тебя есть...

— Ты намекаешь...

— Полно, Вѣра! — устало перебилъ ее Владиміръ.

— Оставь ты, со своимъ безпристрастіемъ! Ну, скажи! Скажи, хорошо онъ дѣлаетъ, когда споритъ при папочкѣ?

— Онъ самъ за себя отвѣтчикъ...

Въ это время Анна, усиленно курившая, вдругъ вздохнула, воткнула папиросу въ вазонъ съ цвѣткомъ и быстро встала, уронивъ книгу на полъ.

Валя кинулся поднимать ее; но Анна даже не поблагодарила его за это. Съ секунду постояла она у окна, глядя куда-то вдаль потухшими глазами, и потомъ вышла, шепча:

— Боже мой! Боже мой...

Торопливо прошла Анна мимо смолкнувшихъ братьевъ въ свою комнату и заперлась въ ней.

Тамъ она бросилась на колѣни и, протягивая руки къ пустому углу, гдѣ у вѣрующихъ виситъ икона, шептала кому-то горячія мольбы. Силъ ея больше не хватало! Она молила о соединеніи съ мужемъ или о смерти... Она шептала что-то, задыхалась, ловила дыханіе, поминутно оглядывалась на дверь. Ей казалось, что сейчасъ ее потревожатъ, помѣшаютъ, застанутъ на колѣняхъ... Крупныя слезы текли по ея щекамъ и, падая на полъ, разбивались въ брызги.

Наконецъ, она застыла такъ со склоненной головой и руками, безсильно раскинутыми по кровати.

А нянечка ходила тихонько возлѣ ея двери, не смѣя постучаться; ея сѣдая голова покачивалась, уста шептали:

— Неблагополучно у насъ... ахъ, неблагополучно!

XVII.

Валя снова спряталъ свою рукопись въ отдаленнѣйшія глубины письменнаго стола и старался не думать о свовемъ произведеніи, такъ какъ думать о немъ значило для него испытывать радость ожиданія. А онъ не хотѣлъ теперь ничего радостнаго!

Фигура Нанни, эта сломанная блѣдная фигура, съ истомленнымъ лицомъ, потухшими глазами подъ неправильнымъ изломомъ темныхъ бровей, — эта безпомощность неповинной жертвы, отъ которой уходитъ жизнь—мѣшала ему радоваться. „Какъ лилія съ изломаннымъ стеблемъ—думалъ онъ съ невыразимой нѣжностью — именно, лилія... сломанная лилія“...

Онъ мечталъ утѣшить ее, сказать ей что-нибудь ласковое, бодрящее, отъ чего бы хоть на минутку улыбка появилась на ея безкровныхъ устахъ... Или написать что-нибудь, написать о бѣлой лиліи, которая лишилась своей поддержки и стоитъ теперь съ изломаннымъ стеблемъ... Нѣтъ, изломаннаго стебля не поправишь! Пусть лучше стебель будетъ только изогнутъ.

И Валя въ этихъ нѣсколькихъ строкахъ вылилъ всю свою жалость, все состраданіе:

„Моя нѣжная лилія! Тонкій стебель твой всегда тянулся вверхъ, потому что ясный лучъ летѣлъ къ тебѣ оттуда навстрѣчу... Но тучи закрыли вдругъ его теплое сіяніе! И стебель твой согнулся, и лепестки цвѣтка твоего поникли... Мужайся, царственная лилія, смѣло поднимай къ небу серебристую корону! Зачѣмъ ты глядишь сейчасъ только внутрь своей души прекрасной, зачѣмъ упиваешься ея скорбной грёзой? Вѣдь тучи не вѣчны — онѣ пронесутся... и, выпрямившись, тонкій станъ твой подниметъ снова вверхъ бѣлую корону, и еще ярче заблеститъ она подъ поцѣлуемъ солнца.

„А я, какъ незамѣтная травка у стебля царицы...“ — началъ-было Валя какъ бы послѣстишіе; но затѣмъ, покраснѣвъ, зачеркнулъ его и отнесъ свое сочиненіе безъ приписки.

И Нанни, какъ о томъ мечталъ Валя, дѣйствительно улыбнулась...

Она приняла своего поэта въ постели, такъ какъ едва только оправилась послѣ обычнаго сердечнаго припадка.

Валя очень любилъ ея комнатку, съ ковромъ на полу, вышитыми ширмочками, съ нянинымъ образкомъ у кровати.

Большой портретъ, по старому, встрѣтилъ его пристальнымъ взглядомъ строгихъ глазъ, смягчаемыхъ ласково-очерченными вѣками.

— Какой ты милый, Валикъ! — сказала Нанни, прочтя подношеніе. — Я люблю тебя... И долженъ же наступить, наконецъ, этотъ день... Иначе... Иначе, гдѣ же смыслъ моей жизни? До чего она сузилась, Валикъ! Раньше было такъ широко-широко мнѣ на землѣ; а теперь...

Она вздохнула.

Сильно постарѣла за это время Анна. Ей минуло недавно только тридцать лѣтъ, а въ волосахъ ея уже замѣтно просвѣчивала сѣдина, виски впали, лобъ прорѣзала глубокая поперечная морщина, кожа отливала желтизною. Бѣлую лилію окончательно сломилъ вихрь жизни, ея стебель не имѣлъ силы выпрямиться...

— Могла ли я предполагать въ Парижѣ, что мечта объ отдаленной деревушкѣ на дикомъ сѣверѣ будетъ моей отрадой? И о поѣздкѣ этой я мечтаю, какъ о развлеченіи...

— О, еслибы я могъ проводить тебя, Нанни!—воскликнулъ Валя.

— Милый!—сказала она, и ея смѣхъ вдругъ прозвенѣлъ въ комнатѣ.

Какъ стало грустно Валѣ послѣ этого смѣха! Онъ напомнилъ ему иное: беззаботное время ея дѣвичества, періодъ „юридическихъ восторговъ", широкіе планы, зарю ея любви... Тогда смѣхъ ея звучалъ ярко, серебристо; а теперь это былъ только унылый отблескъ ея разбитой жизни.

— И сама справлюсь, Валикъ, не бойся! Только мнѣ надо хорошенько поправиться, чтобы не быть ему тамъ обузой, понимаешь?.. Я не хочу допустить себя до этого, лучше... Все, все лучше...

Въ голосѣ ея появились былыя грудныя нотки. Обычнымъ жестомъ вытянула она руки съ опущенными кистями и проговорила безконечно нѣжно:

— Милые вы мои, родимые! Не сердитесь и не обижайтесь, если я буду радоваться, уѣзжая отъ васъ! Ты вѣдь понимаешь, что я имѣю право радоваться?

— Я все понимаю, но я тревожусь... Ты такая слабая... и тебѣ не страшно уѣхать изъ культурныхъ центровъ,—оживленныхъ, населенныхъ...

— Мнѣ? Страшно? — переспросила Анна, поднимая вверхъ свои неправильныя брови.—Нѣтъ, мнѣ не жаль... и не страшно. Я рада не жить въ большихъ россійскихъ городахъ...

Какъ бы смягчая свои слова, она пояснила:

— Я вѣдь больная, Валикъ... Я въ вашихъ городахъ и по улицѣ боюсь ходить,—мнѣ ли жалѣть ихъ?!

— Почему, Нанни?

— Я, Валикъ, грубости боюсь... А у насъ всегда столько пьяныхъ... чего только отъ нихъ не приходится слышать!.. Да и пьяные ли одни? Какихъ насмѣшекъ я наслышалась отъ чиновниковъ, когда ходила въ департаментъ „защищать свои права"...

Она помолчала и, какъ всегда при волненіи, стала открытымъ ртомъ ловить дыханіе.

— И почему въ Россіи люди такъ немилосердны другъ къ другу?—продолжала она съ тоскою:—Вотъ гдѣ еще homo homini lupus est... Это изреченіе, сказанное три столѣтія назадъ, теперь

находитъ себѣ оправданіе только въ Россіи. Сколько безсмысленной жестокости въ обиходѣ житейскомъ и въ обиходѣ государственномъ!.. Много я жила заграницей, — но мнѣ тамъ никогда не приходилось бѣгать отъ людей такъ, какъ я бѣгаю у себя въ отечествѣ... Нѣтъ, я не жалѣю, что уѣду!

— Изъ этого я вижу, какъ ты настрадалась,—пробормоталъ Валя и отвернулся.

Ему хотѣлось упасть головой на мягкія складки ея одѣяла, цѣловать ей руки, и жалѣть, и рыдать отъ жалости къ ней, къ ея погибшей жизни, къ этой сіяющей молодости, потраченной на тусклое ожиданіе, на ученье, оказавшееся такъ трагически ненужнымъ. Но онъ не могъ сдержать своего волненія. Путаясь и задыхаясь, онъ заговорилъ съ ней о своей любви, начавшейся давно, съ самаго дѣтства... Да, среди мрака его юности, она была его свѣтлой звѣздою; она же спасла его во время перелома, когда онъ стоялъ на распутьи, готовый свернуть на неправый путь... Она, она спасла его разсказомъ о томъ, какъ люди борются и побѣждаютъ, она познакомила его съ *нимъ*... съ тѣмъ, изображеніе котораго и сейчасъ смотритъ на нихъ со стѣны своими серьезными глазами... Да и теперь мысль о Нанни есть лучшій цвѣтокъ въ его душѣ; она даже вдали охраняетъ его отъ обычныхъ увлеченій юности.

И не будучи въ силахъ преодолѣть волненія, Валя все-таки упалъ передъ ея кроватью на колѣни и покрылъ поцѣлуями ея прозрачныя руки.

— Конечно,—продолжалъ онъ, уткнувши голову въ одѣяло,— я, вѣроятно, и полюблю, и женюсь, но никогда, никогда не измѣню своего отношенія къ тебѣ... потому что всякое мое хорошее чувство у меня вызываетъ мысль о Нанни.

Лицо Анны просвѣтлѣло.

— Ты и представить себѣ не можешь, Валикъ, — сказала она, — какъ мнѣ отрадно слышать это... Значитъ, все-таки, я кое-что оставлю послѣ себя... И это кое-что будетъ значительное, такъ какъ я не сомнѣваюсь, что ты сдѣлаешься истинно хорошимъ человѣкомъ.

— Я хочу быть писателемъ, Нанни, — прошепталъ Валя и разсказалъ ей о своемъ опытѣ, который уже давно спрятанъ въ глубинахъ его письменнаго стола.

— И отошли, отошли, куда хотѣлъ!—съ жаромъ совѣтовала Анна.—Не бойся отказа! Конечно, нельзя запретить сердцу бѣднаго автора не огорчаться, если его отвергнутъ; но всегда надо требовать, чтобы онъ боролся...

Тогда Валя рѣшилъ бороться.

Осенью, по пріѣздѣ въ Петербургъ, онъ отнесъ свою рукопись въ редакцію, и съ тѣхъ поръ начались для него дни лихорадочныхъ сомнѣній.

Анна также скоро покинула свой домъ: завѣтная мечта ея обѣднѣвшей жизни, наконецъ, исполнилась: она могла уѣхать къ мужу.

XVIII.

Зима въ этомъ году выдалась лютая; донимала она людей и голодомъ, и холодомъ; а весной повсюду стало неспокойно.

Хлѣба не хватило даже до Рождества, такъ какъ озимое погорѣло, а яровое поѣла кобылка. Топить тоже стало нечѣмъ, отчего въ посту свезли съ полей въ деревни помѣщичьи стога сѣна. На Пасху очистили нѣсколько экономическихъ амбаровъ съ зерномъ; а ранней весной кое-гдѣ стали распахивать экономическія земли. Обыкновенно выходили всѣмъ селомъ, пахали скопомъ, чтобы не было виноватыхъ. Никакихъ убѣжденій не слушали, такъ какъ прошелъ слухъ, что только та земля перейдетъ къ міру, которая міромъ же будетъ распахана до Троицы.

Стали звать войска, но и войскъ не хватало; солдаты появлялись то тамъ, то здѣсь... Но какъ только „успокоенная“ мѣстность оставалась безъ охраны — крестьяне въ ней снова подымались.

Такъ было въ Макарьевѣ, небольшомъ сельцѣ, гдѣ уже второй годъ жила Мароа.

Макарьевцы, арендаторы Дулѣбова, отказались возобновить контрактъ и весною начали „отъ себя“ распахивать экономическія поля. Прибытіе войска водворило порядокъ. Вспаханный участокъ Дулѣбовъ засѣялъ собственной пшеницей; но часть земли оставалась нераспаханной: въ экономіи не хватало рабочихъ рукъ, а посторонніе не смѣли ни арендовать, ни наниматься.

Время шло; среди макарьевцевъ появилась партія, желавшая идти пахать къ Дулѣбову.

— Пропустимъ срокъ, ничего не уродитъ, — убѣждали они, — лучше отпашемся, ёнъ засѣетъ, а тамъ дальше... видно будетъ...

Но тутъ въ селѣ появился какой-то странникъ съ котомкой за плечами и котелкомъ у пояса, который разсказалъ старикамъ, что сосѣдніе ергинцы собираются для себя запахать Дулѣбовскую землю.

На утро странникъ исчезъ, оставивъ макарьевцевъ въ полнѣйшемъ возмущеніи. Какъ, они арендовали эту землю испоконъ вѣка, съ тѣхъ поръ какъ стала воля, они поливали ее своимъ потомъ, а теперь чужаки собираются завладѣть ею? Развѣ можно допустить такую вопіющую неправду?... Говорятъ, ергинцы и колья приготовили на макарьевцевъ; но тогда макарьевцы пойдутъ на ергинцевъ съ дубинами, а земли своей не отдадутъ!

Всѣ колебанія исчезли: міръ порѣшилъ запахивать, чтобы другіе не перебили.

Мареа, знавшая всѣ эти перипетіи, переживала мучительные дни.

До сихъ поръ путь ея жизни былъ прямъ,—она не знала колебаній,—теперь же душа ея была полна тревоги. Она ясно видѣла конецъ этой мужицкой эпопеи и чувствовала на себѣ всю тяжесть отвѣтственности. Разговоры о землѣ велись, между прочимъ, и въ ея амбулаторіи, ея гостями, отчасти и ею самою... Но теоріи такъ неизмѣримо далеко отстояли отъ практики! И когда эта практика надвинулась на макарьевцевъ такъ неожиданно быстро—Мареа ощутила въ своей душѣ ужасъ отвѣтственности.

А вокругъ — ее не понимали, почти отчуждались... Когда она указывала на ближайшіе результаты, ей возражали:

— Да, конечно, эта попытка обречена на неудачу; но вѣдь надо же когда-нибудь начинать. Вѣдь самый маленькій, самый несложный фактъ, даже бьющій въ глаза своей нелогичностью, если онъ фактъ настоящей жизни, дѣйствительнѣе многотомныхъ логическихъ и нравственныхъ доказательствъ.

Съ этимъ соглашалась и Мареа; но она считала своимъ долгомъ объяснить и крестьянамъ свою точку зрѣнія. Она пыталась говорить съ ними; но они не хотѣли ее слушать... Да, конечно, они знаютъ, что уланы стоятъ въ десяти верстахъ, на пивоваренномъ заводѣ; да, Дулѣбовъ ѣздилъ въ городъ предупреждать еще разъ властей; но если ергинцы не боятся, то какъ же макарьевцамъ не отстаивать свое, кровное? Нѣтъ, непремѣнно надо распахать все до Троицы!

Мареа видѣла, что движеніе начинаетъ пріобрѣтать элементъ стихійности, въ которомъ тонутъ усилія отдѣльнаго лица. Притомъ, у нея не было и времени вести продолжительные разговоры, такъ какъ въ ея участкѣ съ весны началась эпидемія голоднаго тифа.

3-го мая было рожденіе Дулѣбова, а 9-го—его именины.

На эти дни въ господскій домъ съѣзжались окрестные по-

мѣщики, и веселье продолжалось непрерывно отъ рожденья до именинъ. Къ этому же дню макарьевскій батюшка тщательно подчищалъ свѣтлыя ризы, а матушка передѣлывала по модному рукава въ парадномъ платьѣ, такъ какъ послѣ молебствія экономическая тройка отвозила ихъ къ имениннику на пирогъ.

Но 2 го мая крестьяне міромъ выѣхали на Дулѣбовское поле,—они даже тамъ ночевали таборомъ, чтобы больше наработать,—а 3-го утромъ въ Макарьевѣ появились уланы.

Въ опустѣвшемъ селѣ солдаты нашли только старыхъ да малыхъ, такъ какъ и бабы пошли за мужиками, чтобы сторожить дорогу отъ ергинцевъ.

Уланы выѣхали въ поле подъ предводительствомъ урядника, дежурившаго въ волостномъ правленіи.

Въ девять часовъ утра, какъ всегда въ этотъ торжественный день, батюшка велѣлъ звонить къ обѣднѣ; но изъ господскаго дома никто не явился. Наконецъ, уже въ одиннадцатомъ часу подъѣхала бабушка Варички, приходившаяся теткой Дулѣбову, въ сопровожденіи Антона. Старушка просила начинать, объявивъ, что сегодня больше никого не будетъ; а Антонъ, безпокоившійся о Марѳѣ, прошелъ въ амбулаторію. Но тамъ фельдшеръ сказалъ ему, что Марѳа еще со вчерашняго утра уѣхала осматривать тифозныхъ.

— Я послалъ за ними нарочнаго, — прибавилъ онъ, — сегодня будетъ много работы.

— Почему?—спросилъ Антонъ.

— Такъ... хирургической,—нѐхотя пояснилъ фельдшеръ,— вы же знаете, у насъ уланы.

— Вѣдь не станутъ же они стрѣлять, — сказалъ Антонъ, стараясь выговорить какъ можно естественнѣе эту фразу.

— О, конечно...—съ такой же неестественной развязностью отвѣчалъ фельдшеръ, — но вѣдь, кромѣ ружейныхъ пораненій, возможны иныя...

— Ребята сказываютъ, уже стрѣляли,—вмѣшался сторожъ, рѣзавшій марлю,—только не въ людей, а въ коней.. Какъ мужики отказались распрягать, такъ они и выстрѣлили.

— Не можетъ быть, врутъ ребята, — замѣтилъ Антонъ сердито.

— Можетъ, и врутъ, — равнодушно согласился сторожъ.

Антонъ вышелъ изъ амбулаторіи, намѣреваясь проѣхать самому на поле. Глухая тревога закралась въ его душу... Стрѣлять въ лошадей! Или они не понимаютъ, что̀ такое для крестьянина лошадь, да еще весною?

У дверей единственной лавчонки стоялъ толстый Митричъ, ея хозяинъ, оживленно бесѣдуя съ колченогимъ солдатомъ, сторожемъ макарьевскаго пожарнаго депо. Тутъ же, у крылечка, примостился полуслѣпой старикъ нищій, пришедшій издалека „по кусочки". Онъ отдыхалъ теперь послѣ своихъ неудачныхъ скитаній по пустымъ улицамъ села. Всѣ трое почтительно поклонились локустовскому барину.

— Ну, ужъ и солдаты!—сказалъ Антону Митричъ: — чего выдумали, въ лошадей стрѣлять! Скотина-то чѣмъ виновата? Ну, баба бунтуетъ, бабу и наказывай, а то на̀ тебѣ—скотину. Иная лошадь больше какой бабы стоитъ... Право, господинъ,—прибавилъ онъ въ видѣ извиненія, замѣтивъ по лицу Антона, что тотъ оскорбленъ его фразой,—разсудите сами: бабу всегда получить можно, а лошадь... ну-ка, гдѣ ее возьмешь, когда денегъ нѣту?

— А зачѣмъ онѣ каменьями кидались?—возразилъ сторожъ, отставной николаевскій солдатъ.—Я и говорю, бабъ наказывай.

— А ежели на людей приказанія не было? Вѣдь только съ фельдфебелемъ они—кто отвѣчать станетъ?.. Вы подумайте, ваше благородіе,—обратился старикъ къ Антону,—вѣдь побѣжали навстрѣчь солдатъ съ каменьями! Чтобы, значитъ, мужики допахать успѣли... Каменьевъ-то сила по бороздамъ лежитъ! Одного въ щеку ранили, другого—въ глазъ; за что̀ же воинству терпѣть?

— Они еще на полѣ?—спросилъ Антонъ.

— На полѣ... у Ергиной рощи.

Антонъ поспѣшилъ къ экипажу, надѣясь вернуться до конца молебна; но не успѣлъ онъ пройти и сотни шаговъ, какъ со стороны поля начали уже доноситься глухіе крики.

— Солдаты народъ гонятъ... бабы по конямъ воютъ,—пояснили бѣжавшіе оттуда ребята.

Вдали, въ облакѣ пыли, показалась толпа, надъ которой маячили верховые... Впереди метались и голосили женщины; за ними со степеннымъ спокойствіемъ шли мужчины. Дальше виднѣлись бредущія лошади, полураспряженныя, путавшіяся въ сбруѣ, пощипывавшія свѣжую зеленую травку; а за ними, издали, ковыляли ихъ товарищи, легко раненые, которые торопились покинуть поле, усѣянное трупами, политое ихъ собственной кровью.

Впереди толпы шла пожилая женщина, поддерживаемая молодухой.

Ее едва оторвали отъ трупа старой сивки. Она припала къ ней, хрипящей въ предсмертныхъ мукахъ, она обняла ее, она заглядывала въ ея потускнѣвшіе глаза и не хотѣла съ нею раз-

статься... Часть гривы прилипла къ ея разорванной юбкѣ; ея лицо, измазанное глиной, было искажено страданіемъ; космы сѣдѣющихъ волосъ выбились изъ-подъ платка и были окрашены кровью ея друга, ея вѣрной помощницы. Въ чертахъ лица женщины застылъ ужасъ, недоумѣніе. Она все порывалась назадъ, ежеминутно всплескивая окровавленными руками.

Иногда, захлебнувшись отъ рыданій, она умолкала, и пересохшія губы ея шептали:

— Сиротинушка ты моя... Жалобная! Умница!

И въ этомъ шопотѣ звучало неизбывное, безутѣшное крестьянское горе ..

Молодуха, сопровождавшая бабу, шла спокойно, почти надменно, хотя по лицу ея изрѣдка катились нечастыя, но крупныя слезы. Мальчуганъ, лѣтъ четырехъ, бѣжалъ около вприпрыжку, придерживаясь за ея юбку. Онъ часто спотыкался, иногда падалъ; но поспѣшно вскакивалъ и бѣжалъ опять, бѣжалъ солидно, серьезно, точно понимая, что теперь не время затруднять собою мамку.

А вокругъ этой группы выли бабы; имъ вторили старухи, вышедшія за околицу.

Антонъ не ожидалъ ничего подобнаго. Сердце его переполнилось состраданіемъ. Ему хотѣлось броситься имъ навстрѣчу и кричать: „Остановитесь! Не плачьте! Я верну вамъ лошадей! Только не кричите такъ! Не рыдайте!“

Но онъ стыдился даже глядѣть на это трагическое шествіе и стоялъ, опустивъ глаза, неподвижный, окованный тяжелой атмосферой чужого отчаянія.

Вдругъ изъ толпы, при входѣ въ деревню, выдѣлилась высокая, худая старуха со впавшимъ ртомъ и крючковатымъ носомъ. При видѣ людей у околицы, она схватила себя за голову и изступленно завыла:

— Православные, ой, сколько коней пропало! Ой, сколько коней, Матушка-заступница!

— Дура!—сказалъ ей Митричъ съ высоты своего крыльца:— тебѣ-то что? Одна коза—все твое имѣніе!

— Ой-ой! — вопила старуха: — а міръ? Міръ-то съ чѣмъ остался? Безъ коней, Владычица!

Бабы въ толпѣ заголосили сильнѣе; мужики зашагали тверже; ихъ потемнѣвшія лица пріобрѣли отпечатокъ стоическаго спокойствія. Уланы, при въѣздѣ въ деревню, пріободрились. Лихо сдвинули они на бокъ круглыя шапки и, подбоченясь одной рукой, другою подтянули щеголевато гарцовавшихъ лошадей.

На перекресткѣ часть солдатъ поскакала къ волостному правленію; остальные тѣснымъ кольцомъ окружили мужиковъ.

Старуха, продолжавшая причитывать, вдругъ въ изступленіи закричала:

— Все подпалю! Пусть пропадаетъ!

Ринувшись впередъ, она опередила всѣхъ, взбѣжала на крыльцо своей избушки и тамъ упала съ распростертыми нà-крестъ руками.

— Отъ вѣдьма! — засмѣявшись, замѣтилъ одинъ изъ солдатъ.

— Нéхристи! Окаянные! — раздѣльно произнесла молодуха, поворачивая къ уланамъ свое спокойное, почти надменное лицо.

Тѣ отвернулись.

— Они теперь въ коровъ палить станутъ,—громко сказалъ одинъ изъ парней.

— Гляди, какъ бы тебѣ первому не досталось, — отвѣтилъ солдатъ, сдвигая брови.

Толпа, окруженная уланами, приближалась къ церкви, наискосокъ отъ которой находилось волостное правленіе.

Молебенъ уже отошелъ.

Батюшка снималъ свѣтлыя ризы, а старушка-тетенька прикладывалась къ иконамъ, когда въ ризницу вбѣжалъ фельдшеръ.

— Батюшка,—торопливо заговорилъ онъ,—еслибы вы вышли на амвонъ съ крестомъ и въ облаченіи... Можетъ, это подѣйствовало бы... Говорятъ, пороть будутъ...

— Голубчикъ мой, чтò я могу?—растерянно возразилъ священникъ:—видите, я уже ризы попряталъ... Я вѣдь не мѣшаюсь... У меня еще водосвятіе въ Дулѣбовѣ, торопиться надо.

— Но, мнѣ кажется, еслибы вы вмѣшались...

— Развѣ это мое дѣло? Жаль, чтò и говорить, мнѣ самому жаль... Я совѣтовалъ Дулѣбову,—зачѣмъ войско? Пусть бы запахали, а онъ потомъ бы засѣялъ,—вотъ и все! Это ужъ прямо какой-то спортъ.

Въ дверяхъ ризницы появилась голова попадьи.

— Чтò же, отецъ Иванъ, вѣдь насъ ждутъ,—нетерпѣливо сказала она.

— Иду, иду! —отвѣчалъ онъ, торопливо завертывая крестъ въ орарь и укрывая сосудъ со святой водой и растрепаннымъ кропиломъ.

Матушка, стоя на паперти, наказывала своей стряпухѣ:

— Затворяй ставни,—еще, чего добраго, стекла повыбьютъ,—да и ворота держи на запорѣ... Глянь-ка, глянь, индюшки по-

выскакивали! Гони скорѣй во дворъ, а то эти, проклятые, еще лошадьми своими потопчутъ.

Стряпуха бросилась къ индюшкамъ, а матушка, пославъ еще одно проклятіе уланамъ, подошла къ экипажу, гдѣ уже сидѣла старушка съ огромной просфорой въ рукахъ.

Отецъ Иванъ торопливо подходилъ къ нимъ съ багажемъ, связаннымъ въ узелокъ.

— А вы что̀ же, Тоничка? — спросила тетушка у Антона, который стоялъ точно окаменѣлый у ограды.

— Я? — очнулся онъ: — я? Ахъ, нѣтъ, я потомъ... я останусь...

— Что̀ вы, родной, Варичка будетъ безпокоиться.

— О, помилуйте! — съ какой-то неестественной любезностью возразилъ Антонъ, тогда какъ взоръ его тоскливо слѣдилъ за толпой, которую солдаты ввели во дворъ волостного правленія.

— Такъ вы не съ нами? — повторилъ и батюшка, осторожно пролѣзая въ экипажъ. — Ну, жаль... за компанію бы... Трогай, что̀-ли!

Лошади дернули, и экипажъ скрылся за уголъ.

Автоматически, Антонъ направился опять къ амбулаторіи; но она была закрыта. Онъ вернулся къ волостному правленію. Тамъ, на крыльцѣ, сидѣли спѣшившіеся уланы; ихъ лошади, привязанныя къ перекладинамъ забора, жевали цвѣтъ яблони и молодые побѣги крыжовника.

Вдругъ со двора, крѣпко запертаго огромными воротами, послышались раздирательные крики.

Антонъ остановился, ахнулъ и, затыкая уши, побѣжалъ впередъ. Ему вдогонку съ крыльца понеслись ругательства... Крики становились все громче; ихъ покрывали другіе, еще отчаяннѣе; но вскорѣ весь этотъ безобразный вой прорѣзали зловѣщіе звуки набата. Церковная колокольня, обшитая новенькимъ, еще не окрашеннымъ тесомъ, изо всѣхъ силъ оповѣщала своихъ прихожанъ о другомъ несчастіи. Сначала Антонъ подумалъ, что это бьетъ полдень; но призывъ надтреснутаго колокола становился все тревожнѣе; онъ точно хотѣлъ послать къ самому небу свои жалобы, взять его въ свидѣтели совершающейся несправедливости.

Черезъ минуту вдали, у околицы, всталъ черный столбъ дыма и вытянулъ гигантскую руку надъ деревней. Тогда въ запертыя ворота волостного правленія посыпались частые удары: это плѣненные хозяева пытались пробиться на пожарище; но уланы прикладами загоняли ихъ внутрь двора.

Пожаръ точно помогъ Антону стряхнуть съ себя подавленное состояніе, близко подходящее къ столбняку. Чувства состра-

данія, сочувствія, которыми была переполнена его душа, наконецъ получили исходъ. Онъ ринулся на пожаръ, какъ на битву за правое дѣло, съ безграничной преданностью, готовый отдать всѣ свои силы.

Его не могли обогнать ни толпы ребятишекъ, ни бабы съ ведрами, ни парни... Онъ впрягся, наконецъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими парнями въ оглобли, на которыхъ тащили бочку съ водой, и бѣжалъ съ ними, и крестился, когда они крестились. Онъ вдругъ почувствовалъ свою связь съ этими истязуемыми, съ этими темными, жаждущими пробудиться... Жгучія узы связывали его съ ними! Онъ созналъ себя впервые сыномъ своей родины и жилъ сейчасъ какъ плоть отъ плоти ея, какъ кость отъ кости. Всѣ эти люди сейчасъ были въ полномъ смыслѣ слова его братья, настоящіе, кровные братья.

Горѣло у околицы.

Убогая избушка, на крыльцѣ которой рыдала недавно старуха, пылала какъ свѣчка. Среди маленькаго двора, огороженнаго заборомъ изъ навозной соломы, металась козочка съ козленкомъ—единственное имущество хозяйки. Козочка тыкалась во всѣ тлѣвшіе углы и отскакивала съ жалобнымъ блеяніемъ.

Нѣсколько солдатъ стояло на противоположной сторонѣ улицы, наблюдая эту картину. Они ничему не помогали и ничему не препятствовали.

— Это уланы подпалили!—крикнулъ одинъ изъ парней, возвращая вмѣстѣ съ Антономъ пустую бочку къ колодцу:—уланы русскій народъ палятъ!

— Нѣтъ, не мы палили...—спокойно отвѣтилъ солдатъ, и его взглядъ скрестился съ горящимъ взглядомъ парня:—эта вѣдьма, должно, сама себя подпалила.

— Палили! Солдаты русскихъ палятъ!—закричали мальчишки, ободренные уступчивостью улана, и вдругъ маленькій камушекъ угодилъ ему въ щеку.

Солдатъ вспыхнулъ, поднялъ ружье и прицѣлился въ крикливую стаю. Мальчишки застыли, со жгучимъ любопытствомъ ожидая, что̀ будетъ дальше. Солдатъ, поблѣднѣвъ, отвелъ отъ нихъ ружье, но выстрѣлъ грянулъ... Метавшаяся среди двора козочка остановилась, зашаталась и упала. Козленокъ тихонько заблеялъ, изогнувъ надъ ней головку, на которой едва обозначились мягкіе бугорки зарождающихся рожковъ.

И вдругъ откуда-то выскочила старая бобылка. Она подбѣжала вплотную къ солдату и кричала, махая передъ его лицомъ сжатыми кулаками:

— Зарѣзалъ! Козу зарѣзалъ! Жри ее, жри, гнида паршивая!

— Пошла, чертовка!—сказалъ уланъ, стоявшій рядомъ, замѣтивъ, что товарищъ, смущенный своимъ выстрѣломъ, чувствуетъ себя неловко.

— А! чтобы ни тебѣ, ни роду твоему... ни отцу, ни матери!—проклинала старуха.

Тогда уланъ толкнулъ прикладомъ въ ея изсохшую грудь.

Баба повалилась въ уголъ между избой и заборомъ. Тамъ она сидѣла, глядя впередъ, на пожарище, и бормотала:

— Гдѣ ножъ? Дайте мнѣ ножъ!

И шарила вокругъ по землѣ дрожащими руками.

Тутъ же въ домѣ, гдѣ-то близко въ сѣняхъ, раздавались чьи-то отрывистые, острые стоны... Это билась въ истерикѣ перепуганная сосѣдка, второпяхъ забывшая на крыльцѣ своего младенца. Малютка жалобно пищалъ, вертясь въ туго перетянутыхъ пеленкахъ; а надъ нимъ склонился нищій старикъ съ ногой на деревяшкѣ. Онъ разжевывалъ своими дряхлыми деснами хлѣбный мякишъ, поданный ему вчера въ другомъ селѣ и тыкалъ его въ крошечный, захлебывающійся ротикъ.

А вокругъ кричали люди, ржали лошади, блеяли овцы, мычали коровы... Этотъ шумъ заглушилъ собою слабый пискъ маленькаго козленка, которымъ тотъ прощался съ жизнью, погибая подъ рухнувшими стропилами крыши.

Внезапно откуда-то донесся выстрѣлъ и топотъ ногъ бѣгущей толпы. Это спѣшили на помощь крестьяне, которымъ, наконецъ, удалось выломать ворота.

Теперь около пожарища собралось много народу. Избенка уже сгорѣла до тла вмѣстѣ со своимъ навознымъ заборомъ; но дальше все успѣли отстоять.

Антонъ, работавшій все время не покладая рукъ, наконецъ вздохнулъ свободно.

Весь въ сажѣ и копоти, облитый водой, съ обгорѣлой фуражкой и бровями, онъ подошелъ къ амбулаторіи.

Сейчасъ сюда перемѣстился главный центръ макарьевской жизни.

Нѣсколько избитыхъ бабъ молча ожидали своей очереди на крылечкѣ; мужикъ, раненый въ ладонь, стоялъ у двери, зажимая здоровой рукой больную. У стѣны, въ тѣни, лежалъ покойникъ, покрытый простынею. Въ передней на лавкахъ сидѣли раненые и избитые, ожидая перевязки.

Марѳа съ фельдшеромъ и сосѣдкой фельдшерицей, пріѣхавшей съ нею, молча дѣлали свое дѣло. И вездѣ теперь, и въ амбу-

латоріи, и въ передней, и на улицѣ — стояла мертвая тишина, не нарушаемая ни стономъ, ни крикомъ.

Движенія Мареы, какъ всегда, были неторопливы, строго цѣлесообразны; увѣренной рукой промывала она раны, накладывала повязки, бинтовала; но ея лицо... Антонъ никогда не видалъ у нея такого лица. Это лицо было точно завершительнымъ финаломъ той великой драмы, которую пережила душа Антона вмѣстѣ съ макарьевцами. Это лицо потускнѣло отъ большого страданія и въ то же время горѣло пламенемъ гнѣва; оно казалось спокойнымъ только потому, что дошло до предѣла смятенія; оно замерло, такъ какъ за гранью этой скорби уже находилась пауза отдыха.

— Мара! — прошепталъ Антонъ.

Она нисколько не удивилась, увидѣвъ его здѣсь оборваннаго, закопченнаго. Она посмотрѣла на него пустымъ, точно чужимъ взоромъ.

— Потомъ, потомъ... нѣтъ времени, — отвѣчала она беззвучно и больше не обращала на него вниманія.

— Да, тутъ до утра провозишься, — какъ бы извиняясь, добавилъ фельдшеръ.

Но до утра Мареѣ не пришлось провозиться: ночью ее арестовали.

XIX.

Валя пріѣхалъ на каникулы уже послѣ того, какъ въ Макарьевѣ водворилось полное спокойствіе. Земля Дулѣбова, вспаханная раскаявшимися бунтовщиками, не досталась ни ергинцамъ, ни макарьевцамъ, — тамъ пышно колосилась экономическая пшеница, охраняемая усиленнымъ разъѣздомъ.

Разсказъ о „бунтѣ" произвелъ потрясающее впечатлѣніе на Валю.

Онъ вдругъ почувствовалъ всю безплодность своихъ мечтаній, всю безвыходность своего положенія. Ему казалось теперь іезуитствомъ даже вспоминать сладкія грезы своей юности; онъ презиралъ себя за то, что могъ когда-то успокоивать себя ими. Дѣйствительность насмѣхалась надъ нимъ, покоряла его себѣ. Вѣдь макарьевская исторія можетъ повториться въ Локустовкѣ — что же ему тогда дѣлать? Ставить грудь свою подъ штыки? Или убѣжать?

Къ тому же, тяжелое состояніе духа Вали совпало съ отсутствіемъ Анны и Мареы. Онъ тосковалъ невыразимо, хотя баба Ева дѣлала все возможное, чтобы смягчить его тоску.

Съ Антономъ также не ладилось у Вали. Онъ казался ему слишкомъ жизнерадостнымъ для настоящаго положенія вещей. Эта жизнерадостность, причины которой онъ не могъ даже и предчувствовать, почти обижала Валю, заставила его отдалиться отъ единственнаго человѣка, который могъ бы теперь его ободрить.

Маршу скоро выпустили, такъ какъ противъ нея не нашлось ни единой, даже самой незначительной улики.

Она вернулась къ своимъ обязанностямъ сосредоточенная, неудовлетворенная, испытывая нѣчто странное, причудливое, въ чемъ никогда бы не рѣшалась никому признаться: ей страстно захотѣлось быть обвиненной, пострадать со всѣми, взять изъ части общаго горя свою долю. Теперь она считала себя должницей...

Братья были неизмѣримо счастливы, увидѣвши Марөу. Они только теперь поняли, какая нѣжная привязанность связываетъ ихъ съ нею.

Въ особенности Марөа необходима была теперь Антону, который еще не зналъ, какъ пойдетъ въ будущемъ его жизнь, но былъ увѣренъ, что она совершенно измѣнится. Онъ не испытывалъ теперь ни колебаній, ни раздвоенія; исчезло также то мучительное чувство отвѣтственности передъ чѣмъ-то невидимымъ, высшимъ, внѣ его стоящимъ, о существованіи котораго онъ началъ подозрѣвать только недавно. Точно какая-то завѣса тумана сдернулась съ души Антона, и тамъ внезапно все было осіяно яркой зарею. Онъ вдругъ понялъ, чѣмъ живетъ Марөа; понялъ, почему она такъ враждебна къ устоямъ ихъ семьи; понялъ, почему она не стѣсняется ходить всюду въ своемъ полу-мужскомъ костюмѣ, который иногда раньше его шокировалъ и надъ которымъ такъ насмѣхались сосѣди. Вопросы, которые тревожили его раньше, о своихъ правахъ распоряжаться достояніемъ дѣда, опасенія этимъ осудить всю жизнь старика, теперь казались Антону пустякомъ предъ широтою иныхъ задачъ.

Онъ жаждалъ говорить обо всемъ съ Марөой; но непобѣдимая стыдливость мѣшала ему... Вѣдь не даромъ же она отклоняла всякія попытки къ сближенію,—надо раньше заслужить ея довѣріе. Онъ обдумывалъ тотъ путь, на который долженъ выйти, для того, чтобы завоевать его. Онъ теперь не сомнѣвался въ себѣ. Тѣ незабвенныя минуты, когда онъ впитывалъ въ свою омраченную душу лихую крестьянскую бѣду на улицахъ Макарьева—равнялись великой клятвѣ. И это не были отвлеченные порывы Вали,—руки Антона жаждали дѣла. Пережитое навѣки отрѣзало его отъ стараго. Онъ увидѣлъ неправду и готовился съ ней бороться.

Охваченный вихремъ перерожденія, Антонъ началъ такъ плохо вести хозяйство, что Варичкѣ приходилось выбиваться изъ силъ, чтобы дѣдъ этого не замѣтилъ. Она даже перестала упрекать мужа и часто, молча заглядывая въ открытые сѣрые глаза его, замѣчала въ нихъ что-то новое, значительное. Точно кто заколдовалъ ея Тоню, вынулъ его душу! И это было вѣрно... Старая душа его исчезла, нарождалась новая.

Такъ прошло лѣто.

Наступала ранняя осень. На поляхъ возвышались громадныя скирды сѣна, сараи были полны зерна. Плодовыя деревья стояли подпертыя со всѣхъ сторонъ дрекольемъ, и все-таки вѣтви ломались отъ тяжести фруктовъ, которые ежедневно подбиралъ Дормидонтычъ въ дѣтскую колясочку, принадлежавшую когда-то Валѣ.

Желтѣлъ овесъ, наливалось просо, изъ гумна доносился гулъ молотилки, фигура расторопной Варички мелькала всюду. Она какъ бы укоряла этимъ Антона; но послѣдній проявлялъ мало раскаянія, всецѣло занятый рѣшеніемъ задачи своей жизни.

Былъ ранній вечеръ первыхъ прохладныхъ дней осени.

Дождь только-что прошелъ; колеи, наполненныя водой, блестѣли; вѣтеръ тихонько шевелилъ слипшіеся листья на деревьяхъ; въ воздухѣ, пропитанномъ влагой, плыли широкіе клубы тумана.

Антонъ, стоявшій у воротъ парка, увидѣлъ на дорогѣ таратайку, въ которой ѣздила Марѳа. Сама она уже выскочила оттуда и теперь пробиралась въ гротикъ по узенькой межѣ, отдѣлявшей овесъ отъ проса. У входа въ гротикъ стоялъ Валя, махавшій ей бѣлымъ платкомъ.

На Марѳѣ были одѣты сапоги, теплая кофта, похожая на поддевку; круглая шапочка, привязанная платкомъ, плотно сидѣла на ея головѣ. Это былъ тотъ полумужицкій костюмъ, который возбуждалъ въ обществѣ столько насмѣшекъ и который Варичка, со всѣмъ пыломъ патріотическаго рвенія, старалась оправдать передъ знакомыми, что̀ не мѣшало ей самой краснѣть за него и стыдиться.

Антонъ поспѣшно зашагалъ туда же мимо роскошнаго просяного поля, напоенныя влагой метелочки котораго ударяли его по ногамъ, оставляя на сапогахъ влажные слѣды своихъ поцѣлуевъ.

Марѳа привѣтливо поздоровалась съ Антономъ, но оживленіе, съ которымъ она разсказывала что-то Валѣ, исчезло.

Они вяло обмѣнялись нѣсколькими фразами, какъ вдругъ Валя, лежавшій на соломѣ, вскочилъ: весь его гротъ внезапно точно залило пожаромъ...

Антонъ съ Мареой тоже оглянулись. Всѣ закричали отъ восторга.

Тучи всплыли кверху, обнажая блѣдно-зеленое холодное небо, на которомъ горѣло заходящее солнце; ярко-огненное, оно пускало прямыя стрѣлы на рѣку, на поля, на поникшіе листья деревьевъ; а передъ нимъ, точно ѳиміамъ изъ кадильницъ, клубился туманъ; тоненькія струйки его, нѣжно розовыя, прозрачныя, вились волнистыми зигзагами вверхъ, цѣпляясь за тонкія облака, протянутыя, какъ струны, надъ солнцемъ. Все это трепетало, горѣло, переливалось, и этотъ же нежданный праздникъ отражали въ себѣ свинцовыя, неподвижно-похолодѣвшія воды.

— Точно пѣсня! — прошепталъ Валя, прижимаясь плечомъ къ Мареѣ.

Она обняла его одной рукой, глядя прямо на огненный дискъ солнца, окрасившій все небо багровымъ румянцемъ. Сердце ея расширилось при взглядѣ на эту безсмертную, нетлѣнную красоту... Неожиданно для самой себя она заговорила... и заговорила не о томъ, о чемъ хотѣла говорить раньше. И говорила она иначе, чѣмъ всегда, — такого голоса, такого выраженія лица Антонъ еще у нея не видѣлъ.

— Сейчасъ я отъ Дарьи... Помнишь Дарью, Валикъ? Она у насъ часто чистила дорожки... Она умерла у меня на рукахъ... Мужа ея забрали послѣ бунта... Не дождалась Дарья мужа! Женщины стояли вокругъ палатей и причитывали: „Горемычная головушка, на кого дѣтей покидаешь?“ Но сама Дарья была спокойна. Она смотрѣла на иконы и все шевелила руками, оправляя одѣяло. Вдругъ она вздохнула и сказала въ отвѣтъ имъ: „А на Бога“... Потомъ повторила еще разъ: „на Бога“... и умерла... Какъ это было просто и велико!

Мареа умолкла.

Она продолжала стоять передъ лицомъ заходящаго солнца, обнимая Валю, и Антонъ больше не могъ выдержать жестокой несправедливости своего отъ нихъ отчужденія. Онъ долженъ сейчасъ же соединиться съ ними! Красота вечера, величіе настроенія помогутъ ему сейчасъ сдѣлать просто то, что̀ въ другое время потребуетъ гораздо больше убѣдительности съ его стороны и довѣрія со стороны Мареы.

Онъ хотѣлъ заговорить, но на мгновеніе онѣмѣлъ, смущенный важностью того, что̀ готовился сказать.

Солнце коснулось края земли; послѣдніе лучи его освѣтили просяное поле, и вдругъ оно преобразилось: дотолѣ тусклое, полумертвое, оно засіяло тысячью огней; у каждой пазухи про-

сяного зернышка заискрилась алмазомъ, раньше незамѣтная, капля, и пушистыя метелочки заиграли цвѣтами радуги, и все поле обратилось въ яркое, блестящее сказочное царство.

Но вотъ исчезъ послѣдній лучъ, и по воздуху пронеслось дыханье ночи. Метелочки вздрогнули, слегка наклонились, и миріады капель, мелькнувъ свѣтящейся искрой, съ легкимъ стекляннымъ шумомъ пали на землю. Поле потухло, унося съ собой навѣки тайну своей очаровательной красоты.

Вокругъ похолодѣло, посинѣло. Но въ полутемной аркѣ грота еще сверкали алмазнымъ огнемъ дождевыя капли, которыя отягчали собой скромную паутинку, запутавшуюся въ корняхъ кустарника; да вершина березы, сторожившей гротикъ, еще горѣла пожаромъ.

— Мара, я долженъ сказать тебѣ,—началъ Антонъ и остановился.

Острая боль пронзила все его существо. Ему вдругъ стало жаль этого поля, этого луга, который онъ въ дѣтствѣ помогалъ выкорчевывать, блестящей рѣки съ вѣчно движущимся паромомъ! Сердце его сжалось, тѣло похолодѣло, и Мареа съ Валей показались вдругъ чужими, даже враждебными... Но пронеслось мгновеніе нерѣшительности, и связь съ прошлымъ была окончательно порвана. Сердце его правильно забилось, кровь теплой волной разлилась по тѣлу, и онъ сказалъ спокойно, значительно, съ полнымъ сознаніемъ отвѣтственности:

— Я, Мара, не хочу больше этой земли.

Сначала Валя взглянулъ на Мареу, а Мареа на Валю, потомъ оба посмотрѣли на Антона.

— Чтò ты сказалъ?..—не довѣряя себѣ, спросилъ Валя.

— Что я откажусь отъ земли,—повторилъ Антонъ, чувствуя невыразимое облегченіе:—я сдѣлаю такъ, какъ ты мнѣ совѣтовала.

— Я ничего не совѣтовала,—холодно возразила Мареа,—развѣ можно здѣсь совѣтовать?

— Но ты говорила, что это—единственный исходъ.

— Для меня это былъ бы единственный.

— Я вижу, что и для меня тоже,—прошепталъ Антонъ.

Радужное настроеніе его упало: Мареа приняла такъ холодно это важное признаніе! Зато восторгъ Валеріана возмѣстилъ обиду.

— Ты хочешь отказаться отъ земли?—закричалъ онъ въ безумной радости:—Ты? ты?!

Отъ неожиданности у него захватило дыханіе... Онъ застылъ

и уставился широко раскрытыми глазами въ лицо Антона. Это простодушное лицо, на которомъ смущеніе боролось съ гордостью, показалось ему почти незнакомымъ.

— Да что же это, господа,—замѣтилъ онъ,—вы не можете какъ-то повѣрить!..

Вмѣсто отвѣта, Валя бросился къ нему на шею, и оба, не то смѣясь, не то плача, повалились на солому. Марѳа сидѣла на опрокинутомъ ящикѣ, и взволнованное лицо ея было сурово.

— Да вѣдь пойми, Тоничка! Тончикъ! — вопилъ Валя, катаясь съ братомъ по соломѣ:—вѣдь это мечта моей жизни! Вѣдь это моя клятва! Я, дуракъ, мечталъ когда-нибудь заработать уйму денегъ... и выкупить это „золотое дно"... и отдать... Но теперь я пересталъ мечтать... я увидѣлъ, что это неосуществимо... и презиралъ себя... ничтожество, умѣющее только нюнить .. Я такъ страдалъ! И вдругъ... ты самъ, дѣдушкино совершенство... Да ты поднялъ меня! Къ жизни вернулъ!

Валя бросилъ Антона, перевернулся отъ него на другой бокъ и зарыдалъ, обнимая стволъ своего стараго друга, березы.

— Дуракъ!—сказалъ онъ самъ себѣ, вскакивая на ноги:— А Варичка? А дѣдъ? Ой, сколько будетъ крику... злобы... Нѣтъ! Нѣтъ, конечно, хорошо, что ты почувствовалъ... но взвалить это на твои плечи...

— Въ такомъ дѣлѣ нѣтъ мѣста сантиментамъ, — сказала Марѳа. — Если онъ понялъ, почувствовалъ, то теперь отъ него надо требовать, надо толкать на дѣло! Вѣдь это окраситъ его жизнь точно радугой... Такъ дивно отдавать!..

— Да, дивно! — повторилъ Валя.—Можетъ, это кажется только намъ, пролетаріямъ... а войди-ка ты въ шкуру этого благороднаго аграрія... Да мы подмётки его не стоимъ!

— Мара, ты говоришь со мной такъ, точно я тотъ... прежній...—стыдливо сказалъ Антонъ.—Впрочемъ, ты не знаешь, я не говорилъ... но я столько пережилъ за это время... Я самъ увидѣлъ неправду! Развѣ этого мало?.. Конечно, мнѣ важно, чтобы вы вѣрили мнѣ, поддержали... Но если я еще не заслужилъ— все равно! Я буду дѣлать все безъ вашей поддержки... Я самъ знаю теперь, что̀ надо...

— Я буду счастлива повѣрить,—отвѣтила Марѳа,—и если ты начнешь...

— Клянусь, Мара! — съ жаромъ воскликнулъ Антонъ; но Марѳа, улыбаясь, накрыла его руку своей жесткой рабочей ладонью.

— Тсс... клятва на Воробьевыхъ горахъ?—сказала она.— Не надо клятвъ... нужна работа.

Всѣ замолчали.

Небо и земля вокругъ нихъ уже давно потухли; только на ребрахъ облаковъ еще умирали багровые отблески заката. Туманъ, свиваясь въ длинные свитки, медленно уползалъ за рѣку.

Изъ локустовскаго сада донеслось нѣсколько выстрѣловъ.

— Вѣрный рабъ сторожитъ господское добро, — сказала Марѳа:—Дормидонтычъ надрывается надъ яблоками... Чтожъ, надо идти домой...

— Погоди,—остановилъ ее Валя: — я долженъ что-то разсказать вамъ... У меня тайна... На дняхъ я получилъ извѣстіе... изъ редакціи... Мой разсказъ будетъ напечатанъ...

Онъ весело по-мальчишески подпрыгнулъ и съ удивленіемъ развелъ руками.

— Какой разсказъ? Когда ты посылалъ? И ты могъ молчать, злодѣй!—закричали на Валю.

— Я ужъ давно послалъ... Всю зиму я только этимъ былъ занятъ; но когда сюда вернулся... здѣсь было такъ ужасно, что я и думать о себѣ боялся... Мнѣ было стыдно радоваться, и я бы молчалъ... Но Тонька развязалъ мнѣ душу... Онъ выпустилъ ее на волю, и теперь я могу радоваться... И я радуюсь! Радуюсь!—крикнулъ онъ громко въ темноту.

— И я!—во все горло заревѣлъ Антонъ. На этотъ восторженный вопль громкимъ хоромъ откликнулись деревенскія собаки.

— Я только написалъ объ этомъ Нанни, — тихонько признался Валя.

— Я тоже рада,—сказала Марѳа, — хотя, конечно, изъ-за этого скандалить не стану.

Она засмѣялась, весело, какъ дѣвочка, и схватила братьевъ за руки, говоря:

— Однако, идемъ... Въ домѣ ужъ засвѣтились огни.

Они шли повеселѣвшіе, радостные.

Марѳа прижимала, по привычкѣ, къ себѣ руку Вали, чувствуя къ Антону еще нѣкоторое отчужденіе. Она уже готова была раскрыть ему свое сердце, но удерживало ее отъ этого какое-то стыдливое сомнѣніе.

Антону же казалось, что онъ никогда не былъ такъ счастливъ, какъ сегодня. Онъ расшалился, какъ ребенокъ, подпрыгивалъ, бѣгалъ, задиралъ брата.

— Новая знаменитость!—кричалъ онъ: — Валеріанъ Локустовъ!—Читали, господа? Вѣдь это мой братъ! „Чтò вы, вашъ братъ, неужели?“ Что жъ тутъ такого? Вѣдь даже у Шекспира могъ быть братъ. Неужели я не достоинъ имѣть брата-писателя!

Онъ подбѣжалъ къ старой яблони, стоявшей посреди сжатаго поля, повиснулъ на ея сучковатой вѣткѣ и выдѣлывалъ гимнастическіе курбеты.

— И какъ можно написать повѣсть?—говорилъ онъ, спрыгивая на землю.

— Да, братъ, нелегко это, знаешь,—шутя, хвасталъ Валя.— А какое чудное чувство, когда начинаешь! Таинственныя тѣни выходятъ откуда-то... изъ нѣдръ небытія, что-ли? И вдругъ онѣ начинаютъ принимать осязательную форму... Мало-по-малу освоиваешься съ незнакомцами, они становятся родными, малѣйшій изгибъ души ихъ тебѣ уже понятенъ. А раньше ты даже не подозрѣвалъ, что о нихъ столько узнаешь, точно нашептываетъ кто-то... Чудеса!.. Боже! я люблю тебя! — кончилъ онъ, протягивая обѣ руки вверхъ, къ глубокому темному небу, усѣянному звѣздами.

— Счастливецъ! Вотъ ужъ не ожидалъ!—простодушно удивлялся Антонъ.

— Да, я счастливецъ!—заносился Валя.—Подумать только,— занялъ мѣсто въ мірозданіи! Я уже не дармоѣдъ, не свинопасъ будущій, а...

— А все еще „омлетъ"!—предостерегающе остановила его Марѳа.—Нахвасталъ!.. превознесся!

И чтобы смягчить свои слова, она прибавила съ ласковой улыбкой:

— Трудиться, трудиться, Валикъ!

— Всю жизнь! — пылко подхватилъ тотъ. — Читать, размышлять, сравнивать... искать путей, избѣгать банальнаго...

— Да, напримѣръ, луны,—добавила Марѳа:—Видишь, она выглянула? Какъ старшая сестра, запрещаю тебѣ касаться луны!

— Какъ, повѣсти безъ луны? Пощади, Марѳа, я взгляну на луну съ новой точки зрѣнія.

— Тогда ищи себѣ псевдонимъ! Я не допущу позорить нашу фамилію.

— Луны не надо, прочь луну! На семейномъ совѣтѣ луна отвергнута!—кричалъ Антонъ, стараясь поймать руку Вали изъза широкой спины Марѳы; но тотъ увернулся, бросилъ сестру и неожиданно убѣжалъ отъ нихъ черезъ канаву въ поле.

Задоръ, молодая удаль смѣнили теперь его подавленное настроеніе. Онъ хохоталъ, перепрыгивая черезъ межи, канавы и шершавыя сжатыя полосы. Антонъ не поспѣвалъ за длинноногимъ братомъ. Наконецъ, оба споткнулись, упали и черезъ секунду барахтались въ какой-то ямѣ съ мокрымъ пескомъ.

— Стыдись, Антонъ, будущій отецъ семейства!—увѣщевала ихъ Марѳа, стоя надъ ними.—О Валькѣ я не говорю, туда ему и дорога, прирожденному пролетарію... Но ты! Солидная черноземная сила... Омлетъ, выскакивай!

— Я не омлетъ, я властелинъ! — отозвался Валя.—Теперь я все могу... И прославить васъ, и опозорить...

Тутъ онъ сдѣлалъ прыжокъ, очутился на широкой спинѣ Антона и выскочилъ на волю.

— Дай руку!—взывалъ тотъ.

— Сиди, сиди, черноземная сила!—крикнулъ ему Валя и убѣжалъ съ Марѳой отъ ямы.

— Омлетъ! — поносилъ его Антонъ изъ глубины земныхъ нѣдръ.—Пророкъ! Могучая стихія!

Наконецъ, весь выпачканный, онъ подбѣжалъ къ Валѣ, схватилъ его за шиворотъ и кричалъ:

— Вотъ пророкъ локустовскаго перевоза! Глядите, какъ онъ худъ и блѣденъ...

Занятая шалостями, молодежь незамѣтно очутилась у рѣшетки локустовскаго парка.

Они увидали сквозь деревья яркое синее пятно отъ абажура дѣдовской лампы, и настроеніе ихъ круто измѣнилось. Такое серьезное и трудное дѣло приходилось имъ начать и выполнить! Валя чувствовалъ угрызенія совѣсти, какъ человѣкъ, подбившій другого на опасное дѣло. Самъ онъ пасовалъ! Гнѣвные глаза дѣда подъ тяжелыми вѣками, его огромный краснѣющій подбородокъ... А Варичка, съ ея неисчерпаемымъ запасомъ криковъ...

Проходя подъ темнымъ сводомъ большой алеи, Марѳа сказала, точно отвѣчая на какія-то свои сомнѣнія:

— Позорнѣе всего начать что-нибудь и не исполнить...

— Здѣсь этого не будетъ!—возразилъ ей Антонъ.—Ты все мнѣ не вѣришь? Не вѣришь, потому что меня воспитывалъ дѣдъ... Но одной черты въ этомъ воспитаніи ты не станешь отрицать—это развитія чувства долга...

— Да, поскольку этотъ долгъ относится къ семейному патріотизму.

— Пусть такъ... Но, все-таки, это же чувство долга поможетъ мнѣ преодолѣть и то, чтȯ ты называешь семейнымъ патріотизмомъ.

— Вотъ она, иронія жизни! — замѣтила Марѳа, всходя на ступеньки крыльца: — дѣдъ и не предполагалъ, что это чувство долга станетъ ему поперекъ дороги.

XX.

Валя часто посѣщалъ Панцыревыхъ и послѣ того, какъ Анна покинула родительскій домъ.

Письма отъ нея приходили рѣдко; но атмосфера маленькаго флигелька со стекольчатой галереей была пропитана ею. О Нанни напоминали и вздохи нянечки, когда она проходила мимо дверей ея комнаты, и взгляды Георгія Павловича, который часто поворачивалъ голову къ тому углу, гдѣ стояла ея большая фотографія въ дубовой рамкѣ, и самая комната, въ которой все осталось по старому... Только большой портретъ писателя исчезъ,—его Анна увезла съ собою. Валя часто заглядывалъ въ эту комнату, и сердце его тоскливо замирало, при взглядѣ на свѣтлый четырехугольникъ среди потемнѣвшихъ обоевъ, который указывалъ мѣсто, гдѣ висѣлъ портретъ.

Однажды, во время одного изъ такихъ обычныхъ посѣщеній, Владиміръ спросилъ Валю:

— Правда ли, что Антонъ собирается отказаться отъ земли?

Смущенный неожиданнымъ вопросомъ, Валя растерялся.

— Да, мы такъ рѣшили,—отвѣчалъ онъ,—но я думалъ, еще никто не знаетъ... Мы держимъ это въ строгой тайнѣ, чтобы избѣжать лишнихъ непріятностей.

— А всѣ уже говорятъ, — вмѣшалась нянечка. — Ергинцы во-какъ обижаются: „Мы, молъ, на Локустовской землѣ сколько время работали, а она Панцыревскимъ достанется".

— Все равно—кому, лишь бы не намъ,—отвѣтилъ Валя.

— Ты, Борисъ, конечно, не одобряешь этой передачи?—сказалъ Владиміръ обычнымъ академическимъ тономъ, какимъ всегда у нихъ начинались споры.

Борисъ, такъ же какъ и Валя, къ Рождеству вернулся домой, такъ какъ всѣ учебныя заведенія были закрыты. Онъ сидѣлъ у окна съ книгой, не принимая участія въ разговорѣ.

— Почему же? — равнодушно отозвался онъ. — Земля есть средство производства и, какъ всякое средство, должна быть собственностью производителя.

— Но вѣдь это ослабляетъ обостреніе классовой борьбы? Обезпечивая крестьянъ, это удаляетъ ихъ отъ перехода къ фабричной работѣ. Поэтому, по твоей теоріи...

— По моей? Я не утверждалъ ничего подобнаго...

— Нѣтъ, утверждалъ!—вмѣшалась Вѣра.

— Я тоже помню, — сказалъ Валя.—Значитъ, твои взгляды измѣнились...

— Нисколько,—съ прежнимъ равнодушіемъ возражалъ Борисъ: — быть можетъ, они перешли въ другую стадію развитія; но это еще не значитъ, что они измѣнились.

— Измѣнились! измѣнились! — закричала Вѣра.—И знаете, господа, онъ сталъ опять милый такой, ласковый...

Борисъ досадливо поморщился.

— Да, да,—съ чувствомъ продолжала Вѣра:—онъ вѣдь, по натурѣ, очень хорошій, только тогда... съ тѣхъ поръ какъ это съ нимъ случилось, онъ сталъ иной...

— Чтò „это“, Вѣра? — спросилъ ее Владиміръ: — точно у Бориса была чума или буйное помѣшательство...

— Смѣйся, смѣйся!—перебила его Вѣра.—Ты самъ отлично видѣлъ, что онъ былъ не тотъ... Сколько онъ говорилъ тогда папочкѣ непріятностей!

— Какая нелѣпость!—пробормоталъ Борисъ и снова уткнулся въ книгу.

Георгій Павловичъ улыбался, позванивая четками.

— Ахъ, дѣти, дѣти!—сказалъ онъ:—спорьте, возмущайтесь или соглашайтесь, а жизнь все идетъ впередъ! И возьметъ она у васъ себѣ равнодушно то, чтò ей нужно, и безжалостно отмететъ прочь все лишнее! Вотъ, вы не можете еще согласиться, долженъ ли мужикъ получить надѣлъ, или нѣтъ; а жизнь вырываетъ у Локустова для этого мужика землю, которую онъ у него отнялъ.

— Каково старику-то! — вздохнула нянечка:—наживалъ-наживалъ, а внуки-то чтò затѣяли!

Она искренно сочувствовала Степану Михайловичу, и послѣдній также уважалъ ее. „Нянька тамъ единственный дѣльный человѣкъ, да и та—баба“,—говорилъ онъ.

Георгій Павловичъ усмѣхнулся, услышавъ сожалѣніе нянечки, и четки его зазвенѣли радостнымъ звономъ.

— Это потому, Власьевна, — сказалъ онъ, — что земля-то наша, Панцыревская, къ мужику тянетъ... Видно, они слово такое знаютъ.

— Мнѣ очень непріятно, что уже говорятъ,—сказалъ Валя.— Антонъ открылся только нотаріусу, безъ котораго нельзя было ничего начать. Мы хотимъ, чтобы дѣдушка узналъ послѣ всѣхъ, какъ о дѣлѣ уже рѣшенномъ...

— Это доказываетъ только вашу наивность,—сказалъ Владиміръ: — развѣ можно удержать въ тайнѣ такое сенсаціонное

извѣстіе?.. Удивляюсь, какъ ваши до сихъ поръ не провѣдали... Во всякомъ случаѣ, приготовьтесь.

Дѣйствительно, предсказаніе Владиміра скоро исполнилось.

Однажды въ молочную, гдѣ Варичка слѣдила недреманнымъ окомъ за работникомъ Лукой, который запечатывалъ бедоны съ молокомъ, прибѣжалъ Дормидонтычъ.

— Ергинцы на лугъ съ подводами пришли,—сказалъ онъ,— наше сѣно забирать...

— Кто продавалъ? — закипятилась Варичка:—намъ самимъ до весны не хватитъ.

— Да они такъ... здря...—пояснилъ старикъ.

— Намедни, ергинцы и вправду грозились, — вмѣшался Лука:—прослышали они, что луга Панцыревскимъ достанутся...

— Молъ, имъ обидно, — перебила его работница Ѳекла съ воодушевленіемъ:—вѣдь ергинцы-то лугъ исполу съ коихъ поръ косятъ...

— Нахальники!—оборвалъ ее Дормидонтычъ.—Я имъ выговаривать началъ, а они: „Зачѣмъ, молъ, твои господа Панцыревскимъ лугъ отдаютъ? Мы сильнѣе, мы у нихъ отнимемъ, все равно!"

Ключи выпали изъ рукъ Варички,—но такъ какъ у нея была система не входить ни въ какіе разговоры съ народомъ, то она только сказала:

— Ступайте!

Рабочіе ушли.

Ключи лежали на полу; но Варичка даже не замѣтила этого, стоя посреди своей щегольской молочной, безъ единаго пятнышка на стѣнахъ съ чисто-вымытыми сосновыми полками... Какую ужасную сплетню она сейчасъ услыхала?! И чѣмъ ея Тоня, ея милый Тоничка, могъ подать поводъ? Быть можетъ, онъ когда-нибудь одобрилъ неосторожно этого взбалмошнаго Анастасьева, котораго никто теперь не принимаетъ изъ порядочныхъ людей, который на замѣчаніи у полиціи и даже „сидѣлъ" недавно...

Или это вліяніе Марѳы и этого противнаго мальчишки... этого „омелета", этой „могучей стихіи"... Впрочемъ, кое-что можно бы и заподозрить... Эти разговоры, эти тайны! Конечно, иногда ей хотѣлось узнать побольше, вѣдь она—жена! Недаромъ братья иногда заставали ее у своихъ дверей, занятую пристальнымъ разсматриваньемъ гравюры, висѣвшей въ углу испоконъ вѣку, или тщательно поправлявшей половичокъ у порога... Антонъ вспыхивалъ при этомъ случаѣ, Валя отворачивался; а Варичка начинала тяжело дышать, сморкаться. Но результаты, добываемые

съ такимъ трудомъ, были весьма незначительны. Она не могла ничего предупредить!

Варичка простояла такъ довольно долго, объятая мрачными предчувствіями.

Короткій зимній день уже подходилъ къ концу; небо подернулось холодной синевою, когда она, наконецъ, очнулась, подняла ключи и, заперевъ молочную, ушла въ домъ.

Степанъ Михайловичъ сидѣлъ въ кабинетѣ съ Дулѣбовымъ; Ева Михайловна мечтала за роялемъ, вызывая мягкими аккордами воспоминанія о любимыхъ мотивахъ... Въ домѣ было тепло, уютно, заходящее солнце заглядывало въ широкія окна; а Варичкѣ хотѣлось кричать, жаловаться! Но она превозмогла себя, чувствуя отвѣтственность за поведеніе свое въ такомъ важномъ случаѣ.

Она побѣжала на свою половину, но, не найдя тамъ ни Антона, ни Вали, бросилась въ гостиной на кушетку и стала плакать. Она знала, что домашніе сейчасъ услышатъ ея плачъ; но вѣдь она не виновата! Ея волненіе такъ ужасно... Она пыта лась сдержаться, но не можетъ.

И Варичка была услышана.

Сперва въ гостиную заглянуло испуганное лицо Евы Михайловны, но старушка сейчасъ же стушевалась, когда услыхала за собою грузные шаги брата; она боялась „исторій", на которыя была таровата Варичка, и избѣгала принимать въ нихъ активное участіе.

Когда, наконецъ, сквозь шумъ собственныхъ рыданій, Варичка уловила скрипъ половицъ подъ тяжелой ступней дѣда, она зарыдала еще громче.

— Чего ты, крошка? — спросилъ Степанъ Михайловичъ, склоняя свое лицо надъ ея головой.

— Ай-ай! — смѣялся Дулѣбовъ, вошедшій вслѣдъ за Локустовымъ: — даже завидно! Такія милыя слезы! Только молодежь умѣетъ такъ сладко плакать... Поссорились, видно?

— Никогда... никогда не ссорюсь я съ Тоничкой! — всхлипывая, возразила Варичка. — Это другіе... другіе все хотятъ разстроить...

Ева Михайловна поспѣшно отошла къ роялю и взяла нѣсколько нервныхъ громкихъ аккордовъ: эта мѣщанская жалоба ее возмутила.

— Ну, вонъ идетъ твой Тоничка, — сказалъ Дулѣбовъ: — онъ все разберетъ... И Мароа съ нимъ... И славная „могучая стихія"...

Дѣйствительно, всѣ трое поднимались отъ перевоза по узенькой тропинкѣ между сугробами снѣга. Они оживленно разговаривали между собою, но замолчали, замѣтивъ лица домашнихъ въ окнѣ, и даже какъ-то отошли другъ отъ друга.

Въ это же время изъ передней въ гостиную просунулась голова Дормидонтыча.

— Тебѣ чего?—спросилъ Локустовъ.

— Да что̀, милый, не сговоришь съ ними! — взволнованно докладывалъ старикъ.—Чай, Варенька уже тебѣ сказывала... На подводы мечутъ—и баста!

— Ничего я не говорила!—кротко отвѣчала Варичка и пуще зарыдала.

— Не говорила? Ергинцы, молъ, насъ грабить пришли... съ подводами... цѣлый стогъ сразу рушатъ.

— А!—съ холодной ироніею пробормоталъ Степанъ Михайловичъ: — и съ нами заигрывать начинаютъ... Ну, здѣсь ошибутся.

Въ это время Антонъ съ Валей появились въ дверяхъ гостиной, оставивъ Маѳу въ залѣ съ Евой Михайловной.

— Ты слышалъ?—обратился къ Антону Локустовъ:—ергинцы насъ дѣлить хотятъ.

Взгляды Вали и Антона скрестились. Братья ожидали этой минуты, но все-таки растерялись, когда она наступила. Поблѣднѣвшее лицо Антона засвѣтилось теплымъ огнемъ, блестящіе ласковые лучи тянулись изъ его глазъ къ лицу дѣда. Сколько разъ, просыпаясь ночью, онъ готовился къ этому объясненію, представлялъ себѣ во всѣхъ видахъ его неминуемый трагизмъ, но никогда не умѣлъ придумать такихъ словъ, которыя бы все объяснили, не оскорбляя.

— Что̀, братъ!—замѣтилъ Дулѣбовъ:—не все намъ, надо и вамъ... Телефонируйте!

— Этого нельзя, дядя,—сказалъ Антонъ.

— Но мы сами не справимся,—возразилъ дѣдъ.—Ихъ тамъ много?—обратился онъ къ Дормидонтычу.

— Си-ила!—отвѣтилъ тотъ, махнувъ рукой.

— Иди, смотри, какой дорогой они сѣно повезутъ!—приказалъ Степанъ Михайловичъ.

Старикъ ушелъ.

— По-моему, надо поскорѣе телефонировать, — совѣтовалъ Амурчикъ,—телефонировать, а потомъ идти убѣждать... Доводы, подкрѣпленные силой, гораздо убѣдительнѣе... Я сейчасъ.

Онъ подошелъ къ телефону.

— Дядя, прошу васъ... не надо!—повторилъ Антонъ. И въ голосѣ его прозвучало что-то новое, неожиданное, чтò заставило всѣхъ на него оглянуться.

Во время этой паузы изъ залы донеслись дрожащіе печальные аккорды, свидѣтельствовавшіе о волненіи той, которая ихъ брала: бѣдная баба Ева, посвященная въ тайну молодежи, чувствовала, что рѣшительная минута наступаетъ.

И Валя чувствовалъ это всѣмъ своимъ существомъ. Какъ бы хотѣлъ онъ дать тягу отсюда, чувствуя всю свою безполезность; но онъ не могъ оставить такъ одного Антона. И Варичка перестала плакать, спрятавшись въ уголъ дивана; она поняла, что теперь не до нея.

Степанъ Михайловичъ смотрѣлъ на Антона съ недоумѣніемъ: противорѣчіе было такъ необычно, что онъ еще не успѣлъ разсердиться.

— Я самъ пойду говорить,—сказалъ Антонъ,—и тогда они не станутъ брать... Они поймутъ, что это—недоразумѣніе.

— Недоразумѣніе? — повторилъ дѣдъ: — что пріѣхали насъ грабить—это, по-твоему, недоразумѣніе?!.. Ну, а если они не тронутся твоимъ краснорѣчіемъ и все-таки сворують стогъ... Чтò тогда?

— Не знаю! Но изъ-за сѣна я не позволю калѣчить людей.

— Ты... не позволишь? — Степанъ Михайловичъ сдѣлалъ паузу и потомъ сказалъ съ особеннымъ выраженіемъ:—Впрочемъ, теперь, вѣдь, ты здѣсь хозяинъ...

Бѣлки глазъ его становились красны, огромный подбородокъ начиналъ трепетать на бѣлой рубахѣ.

— Калѣчить?.. — примирительно вмѣшался Дулѣбовъ: — зачѣмъ такъ говорить? Мы только охраняемъ нашу собственность.

— Это именно и кончается всегда калѣченьемъ,—возразилъ Антонъ.

Душа Степана Михайловича разгоралась гнѣвомъ... Тамъ медленно, постепенно начинало клокотать пламя... У него зашумѣло въ ушахъ, искры замелькали передъ помутившимися глазами. Но, съ виду совершенно спокойный,—онъ молча самъ направился къ телефону.

Антонъ сталъ ему на дорогѣ.

— Я разъединю проводы, дѣдъ,—сказалъ онъ, и невыразимая грусть наполнила его сердце. Вся любовь его и въ то же время непоколебимая рѣшимость засвѣтились въ его глазахъ. Онъ смотрѣлъ на эту упорную, одряхлѣвшую фигуру, которую

онъ такъ любилъ, которой привыкъ подчиняться. И сейчасъ рвалась эта связь, казавшаяся навѣки нерушимой, рвалась, чтобы больше никогда не возобновиться. Онъ глядѣлъ на дѣда и какъ будто навсегда съ нимъ прощался.

Ничего подобнаго Антонъ еще не испытывалъ! Какъ бы награжденный на мгновеніе даромъ прозрѣнія, онъ заглянулъ за предѣлы настоящаго во тьму грядущаго, гдѣ судьба ковала новыя грани жизни.

— Вотъ глупый!—со своимъ фальшивымъ добродушіемъ сказалъ Дулѣбовъ:—точно нельзя послать верхового.

— Дядя,—прервалъ его Антонъ, — здѣсь не помогутъ никакіе верховые; я не допущу солдатъ въ Локустовку.

— А, такъ это правда? — съ прежнимъ добродушіемъ проговорилъ Амурчикъ, между тѣмъ какъ зеленоватые огоньки замелькали въ его заплывшихъ глазахъ.

— Чтò правда? — хрипло спросилъ Степанъ Михайловичъ.

— Мнѣ жена нотаріуса разсказала подъ страшнымъ секретомъ, что Антонъ справлялся у ея мужа, какъ дѣлалъ Андріяшевъ передачу своей земли крестьянамъ...

Наступила пауза, во время которой возобновились рыданія Варички, пауза самая незначительная; но Степану Михайловичу показалось, что въ эти секунды онъ прошелъ цѣпь непрерывныхъ униженій. Онъ ждалъ отвѣта отъ Антона, чувствуя, какъ нѣмѣютъ его руки и падаетъ на глазъ безсильное лѣвое вѣко. Онъ опустился въ кресло, стараясь казаться спокойнымъ.

Молчаніе продолжалось, мучительное, подавляющее... Только изъ залы доносились въ гостиную аккорды, похожіе на рыданіе.

— Мнѣ пора... уже темнѣетъ, — сказалъ Амурчикъ, почувствовавшій неловкость.

— Нѣтъ, останьтесь,—попросилъ Степанъ Михайловичъ:—вы не чужой... Пусть онъ отвѣчаетъ... Или онъ трусъ?

— Я не трусъ,—сказалъ Антонъ печально.

— Анастасьевъ! — продолжалъ старикъ злобно: — вѣдь это разиня... смутьянъ! Онъ не работалъ на своей землѣ, и потомъ... она была его собственная, а эта... Локустовка, она вѣдь моя! Несчастный клочокъ земли, изъ котораго я—*я* сдѣлалъ „золотое дно“! Ты долженъ былъ сказать мнѣ тогда, когда получалъ ее изъ моихъ рукъ! Ты просто надулъ... ты обобралъ меня!

— Я тогда еще не зналъ...—отвѣтилъ Антонъ, и рыданія Варички вторили его словамъ.

— Такъ это правда! — крикнула она, припадая къ колѣнямъ дѣда.—Не сердись на него, дѣдинька, онъ самъ такого бы

не придумалъ... Онъ добрый, развѣ онъ рѣшился бы такъ огорчить насъ! Это все тѣ...

Она оглянулась на Валю, который сидѣлъ у дверей, не смѣя поднять глазъ.

— Молчи, Варя! — сказалъ Антонъ, и Варичка повиновалась.

— Я тогда не зналъ...—продолжалъ онъ:—я былъ слѣпъ... я былъ глухъ... а теперь...—Онъ сдѣлалъ шагъ къ старику:— Дѣдушка, милый, смотри на это, какъ на неизбѣжное для меня! Для моего спокойствія и признай! Пойми, мнѣ больно огорчать тебя; но я не могъ иначе... Это необходимо для моей дальнѣйшей жизни... О, если бы ты понялъ! Моя любовь къ тебѣ безгранична... Такая же будетъ и благодарность...

Дѣдъ молчалъ.

Въ полутемную комнату вошла горничная съ лампой подъ синимъ абажуромъ.

— Пошла вонъ! — хрипло сказалъ ей старикъ, и вся ненависть его вылилась въ этомъ злобномъ окрикѣ.

Дѣвушка испуганно вышла въ столовую, и скоро оттуда протянулась широкая полоса свѣта на коверъ гостиной.

Антонъ продолжалъ говорить.

Онъ вспомнилъ событія въ Макарьевкѣ, увѣряя, что не можетъ допустить ничего подобнаго здѣсь, у себя; а такъ какъ теперь иного выхода нѣтъ, то приходится уйти совсѣмъ отсюда... Конечно, когда-нибудь явится великій человѣкъ, который поможетъ людямъ, всѣмъ вмѣстѣ, разрѣшить противорѣчія жизни, но пока всякій обязанъ рѣшать за себя, и онъ рѣшаетъ по долгу чести и совѣсти.

Степанъ Михайловичъ ничего не слушалъ. Ему довольно было узнать, что Антонъ ушелъ съ указаннаго пути. Антонъ, значитъ, осудилъ его! Такъ кончается его жизнь, его, Локустова, предмета зависти сосѣдей, почетнаго лица всей округи... Онъ думалъ оградить свои послѣдніе годы отъ всякихъ случайностей и, сидя у себя, какъ въ безопасной крѣпости, спокойно наблюдать за мимоидущей жизнью; но жизнь эта настигла его, насмѣялась надъ нимъ, уязвила въ самое чувствительное мѣсто и орудіемъ избрала... Антона!

Старикъ громаднымъ усиліемъ воли подавилъ стоны, рвавшіеся изъ его груди наружу. Нѣтъ, онъ не поддастся! Онъ станетъ мужественно бороться, онъ запретитъ!.. Онъ скроетъ всю глубину ужасной раны, онъ будетъ приказывать, заставитъ себѣ повиноваться! Онъ подчинитъ себѣ опять этого взбалмош-

наго мальчика, а остальныхъ прогонить прочь! Иначе нельзя перенести... иначе униженіе станетъ смертельнымъ!

Антонъ замолчалъ, чувствуя всю безплодность своихъ убѣжденій.

Старикъ поднялъ голову. Варичка плакала у него на колѣняхъ и говорила:

— Для кого же я столько работала?!

Валя видѣлъ, что братъ изнемогъ; чувство чести побуждало его придти ему на помощь.

— Работа не пропадетъ,—сказалъ онъ робко:—работа пойдетъ на общую пользу... Всѣ воспользуются ею...

— Молчи!—крикнула ему Варя. — Ты свое дѣло сдѣлалъ... всѣхъ разстроилъ...

— Я не хотѣлъ никому зла, — отвѣчалъ Валя, — я только чувствовалъ на себѣ всю тяжесть этой земли...

Дѣдъ вскочилъ во весь свой богатырскій ростъ, устранивъ Варичку. Онъ могъ перенести, когда говорилъ Антонъ; но чтобы этотъ... этотъ смѣлъ раскрыть ротъ въ такую минуту!.. Точно горячій свинецъ налился ему въ руки и въ ноги. Затуманенные глаза его съ суженными зрачками уставились на Валю.

Послѣдній видѣлъ, какое впечатлѣніе произвели его слова, но попытался мужественно встрѣтить этотъ взрывъ гнѣва.

— Надъ Ловустовкой тяготѣетъ грѣхъ, еще не искупленный,—продолжалъ онъ, обращаясь къ своей постоянной идеѣ, какъ къ чему-то особенному, что̀ всѣ должны понять именно такъ, какъ онъ понимаетъ,—и оттого отказаться отъ этой земли будетъ самое справедливое. Еще со дня убійства отца...

Валя умолкъ, пораженный ужасомъ при видѣ лица дѣда.

Степанъ Михайловичъ схватилъ попавшуюся ему подъ руку пепельницу, въ видѣ просверленной гранаты, и сильно сжалъ ее рукою, такъ какъ боялся, что рѣшится швырнуть ее во внука. Ему такъ хотѣлось швырнуть, чтобы закрыть ротъ этому наглому мальчишкѣ! Что̀ онъ смѣлъ сказать! Какой ужасной раны онъ посмѣлъ коснуться!... Въ домѣ и думать объ этомъ не рѣшались, а онъ говоритъ такъ просто... такъ свободно... О, еслибы можно было швырнуть въ него пепельницей! Этимъ онъ облегчилъ бы, наконецъ, свой мозгъ, который давно давитъ какое-то бремя; онъ, вѣроятно, тогда могъ бы вздохнуть глубоко-глубоко, полной грудью...

Но Степанъ Михайловичъ стоялъ, сжимая крѣпко пепельницу, и эта борьба помогала ему не терять власти надъ собою.

— Дѣдушка, прости меня!—сказалъ Валя, помертвѣвшій отъ страха.

— Ммоллччаать!..—крикнулъ дѣдъ нечленораздѣльно, хрипло.

И было какое-то трагическое противорѣчіе между его грознымъ видомъ, былымъ могуществомъ и этимъ крикомъ жалкобезпомощнымъ, нелѣпо-угрожающимъ.

Это почувствовалось не только въ гостиной, но и въ залѣ, гдѣ вдругъ, послѣ фальшиваго аккорда, замолкли звуки рояля.

Въ это время часы въ столовой пробили шесть, и въ окно, изъ-за голыхъ вѣтвей деревьевъ, заглянула полная луна. Она показалась всѣмъ необыкновенной, зловѣщей... Точно кто-то еще проникъ сюда вмѣстѣ съ ея кровавымъ лучомъ. Что-то наполнило собою воздухъ, притаилось въ углахъ, распростерлось надъ потолкомъ.

И живые почувствовали присутствіе чего-то могучаго, всесильнаго, и незримое дыханіе ужаса обвѣяло ихъ души. Да, оно было здѣсь! Было!

Нѣкто стоялъ за плечами человѣка... Волосы поднялись дыбомъ на головѣ Локустова, когда онъ почувствовалъ это, и сердце его перестало биться. Въ груди его стало такъ тихо, что онъ явственно услышалъ, какъ тикаютъ часы въ его жилетномъ карманѣ.

И вдругъ вся ярость, вся ненависть отхлынула куда-то отъ его души, замѣнившись холодной пустотою. Равнодушіе ко всему земному воцарилось тамъ, гдѣ сейчасъ клокотали мірскія страсти... Къ чему? Зачѣмъ?... Вѣдь нѣкто уже пришелъ и сталъ за плечами... Онъ узналъ имя пришельца: это была смерть.

— Боже мой, Боже!—прошепталъ онъ и пошатнулся.

Тяжелая пепельница упала со стола ему на ногу.

Онъ застоналъ, пошатнулся еще разъ; на губахъ его показалась пѣна.

— Мароа! Мароа!—крикнулъ Валя, подбѣгая къ дѣду вмѣстѣ со всѣми.

Но было уже поздно.

Степанъ Михайловичъ лежалъ уже на коврѣ во всю длину своей могучей фигуры. Лицо его стало багровымъ, животъ ходилъ ходуномъ, огромный подбородокъ дрожалъ на рубахѣ.

Въ дверяхъ появилась Ева Михайловна съ Мароой, и старикъ имѣлъ еще силу протянуть имъ руку. Но сейчасъ же рука эта упала, голова съ перекошеннымъ ртомъ склонилась на бокъ и все грузное тѣло его точно расплылось по полу.

Голова Дормидонтыча появилась въ дверяхъ гостиной. Ста-

рикъ пришелъ доложить, что уже восемь возовъ съ сѣномъ отправилось въ Ергино по ново-троицкой дорогѣ.

Онъ не сразу понялъ, въ чемъ дѣло; но, понявъ, молча опустился на колѣни возлѣ своего молочнаго брата.

XXI.

— Ударъ!—прошептала Марѳа.

— Ударъ...—повторилъ Валя, избѣгая встрѣтиться съ кѣмъ-нибудь взглядомъ.

Онъ дышалъ коротко, прерывисто, стараясь сдержать мучительную нервную судорогу, позывавшую на рыданіе. Его лобъ и ладони были покрыты холоднымъ потомъ. Онъ простоялъ, отвернувшись, пока дѣда переносили въ спальную, и вздрогнулъ, когда, наконецъ, Марѳа положила ему на плечо свою твердую руку.

— Полно, Валикъ, — сказала она ласково, — этого можно было ожидать... Вѣдь ему семьдесятъ-четыре года...

— На мнѣ лежитъ проклятье,—отвѣчалъ ей Валя рѣзкимъ, чужимъ голосомъ: — я стоилъ жизни матери, а теперь—дѣдъ... дѣдушка... дѣдинька... въ то время, какъ я говорилъ съ нимъ... Онъ ненавидѣлъ меня сейчасъ... а я такъ хотѣлъ его любви когда-то...

И передъ нимъ пронеслось далекое воспоминаніе—тотъ сонъ его юности, который подмѣнилъ ему настоящаго дѣда поэтической мечтою безконечно-прекрасной души.

— Я вздумалъ исправлять жизнь,—бормоталъ онъ съ жесткимъ выраженіемъ, — и вотъ возмездіе! Надолго хватитъ такого урока.

— Надо только, чтобы ты не извратилъ смысла этого урока,—сказала Марѳа:—никто изъ насъ не знаетъ послѣдствій своихъ поступковъ; значитъ ли это, что надо вѣчно только размышлять и колебаться?

— И ты могла бы быть на моемъ мѣстѣ спокойной?—воскликнулъ Валя.

— Вполнѣ... потому что, какъ всегда, такъ и теперь, сознаю себя ничтожной пылинкой въ вихрѣ жизни и не преувеличиваю значенія факта только потому, что онъ касается меня.

— А я не могу! не могу! — отвѣчалъ Валя и, пробѣжавъ мимо сестры, заперся въ своей комнатѣ.

Онъ рѣдко выходилъ оттуда за все время болѣзни дѣда.

Девять дней Степанъ Михайловичъ пролежалъ неподвижный,

грузный, съ расплывшимся подбородкомъ на одутловатомъ лицѣ и протянутыми вдоль туловища руками, между которыми колыхался взбухшій животъ. Одинъ глазъ его оставался закрытымъ, другой—все смотрѣлъ на ширмы изъ-подъ полуопущеннаго вѣка.

Пріѣзжали доктора, знакомые, родные. На цыпочкахъ подходили всѣ къ неподвижному тѣлу, изрѣдка осмѣливаясь окликать его еле слышнымъ шопотомъ; но лицо больного не выдавало своей тайны... Только Ева Михайловна, проводившая всѣ дни у его изголовья, вздрагивала, испуганно умоляя не тревожить брата.

Гости уходили въ столовую, гдѣ почему-то весь день стояла закуска и кипѣлъ самоваръ, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ грустно-торжественной Варички.

Она вѣдь знала, что этимъ кончится,—говорили и поза ея, и выраженіе пухлаго личика,—быть можетъ, хоть теперь этотъ ужасный случай образумитъ безумцевъ...

Гости ѣли, пили, громко обсуждая печальное событіе, спорили—сознаетъ ли что-нибудь больной? Мнѣнія раздѣлялись; одни утверждали, что сознаетъ, другіе отрицали.

Товарищъ прокурора все толковалъ о какомъ-то своемъ особомъ мнѣніи по этому поводу, и приводилъ, какъ доказательство, мысли о переходѣ души въ загробный міръ, о трансформаціи...

Гости считали своимъ долгомъ выслушивать его внимательно, съ печалью во взорахъ, но никто не понималъ, въ чемъ дѣло.

Наконецъ, въ ночь на десятый день, всѣ споры кончились: Степанъ Михайловичъ скончался.

Валя вспоминалъ потомъ эти дни тихой агоніи дѣда, какъ цѣпь своихъ непрерывныхъ, безжалостно жгучихъ нравственныхъ мученій.

Онъ чувствовалъ на себѣ точно печать Каина; онъ ненавидѣлъ самого себя, какъ убійцу. Онъ читалъ себѣ осужденіе въ каждомъ словѣ, въ каждомъ взглядѣ домашнихъ; а послѣдніе, занятые умирающимъ, мало обращали на него вниманія.

Въ городѣ смерть Локустова произвела большую сенсацію.

Масса народу столпилась у перевоза, когда процессія съ останками Степана Михайловича приблизилась къ берегу. Всѣ хвалили покойника, съ осужденіемъ говорили о внукахъ, которые своимъ эгоизмомъ убили такого добраго дѣда, всю жизнь свою на нихъ работавшаго.

Валя не слышалъ словъ, но видѣлъ взгляды, угадывалъ настроеніе и съ фанатизмомъ самоистязателя шелъ навстрѣчу осужденію. Онъ готовъ былъ принять муки отъ этой толпы, кото-

рая, по сравненію съ нимъ, казалась ему такой чистой, безгрѣшной.

Церковь была биткомъ-набита народомъ. Тягучее пѣнье, вздохи, густые клубы ладана, мельканіе золоченыхъ ризъ на иконахъ, большой гробъ, отъ котораго уже разносился запахъ тлѣна,—все это Валя видѣлъ какъ во снѣ, изнемогая отъ непрерывнаго головокруженія. Онъ становился на цыпочки, поднималъ лицо вверхъ, открывалъ ротъ, пытаясь вздохнуть полной грудью; но казалось, будто спертый воздухъ стоялъ кругомъ, непроницаемый, какъ колоколъ...

А въ узкія окна глядѣлъ свѣжій морозный день съ синимъ небомъ, по которому быстро бѣжали бѣлыя тучки; по стѣнамъ мелькали отъ нихъ дрожащія свѣтотѣни. Иногда вспыхивалъ тамъ яркій лучъ, прорѣзая сумрачные своды, а желтый воскъ свѣчей блѣднѣлъ тогда и огонь ихъ умиралъ на мгновеніе, чтобы вскорѣ снова воскреснуть.

Душа Вали безсознательно отзывалась на эту яркую игру, то вспыхивая, вмѣстѣ съ лучомъ, экстазомъ самобичеванія, то замирая въ покорномъ отчаяніи среди полумрака церкви. Голова его кружилась, передъ глазами расплывались бронзовыя блестки, звенѣло въ ушахъ и наступали пріятныя минуты предобморочнаго забвенія...

На воздухѣ ему стало легче.

У свѣже-насыпанной могилы рядомъ съ Валей плакала нянечка въ своемъ коричневомъ шугайчикѣ и неизмѣнномъ канаусовомъ повойникѣ, повязанномъ мотыльками. Ея круглое лицо лоснилось отъ слезъ, глаза теплились сочувствіемъ.

— Соколикъ ты мой, сиротинушка!—говорила она, и Валѣ становилось легче отъ этихъ словъ.

Тутъ же, на скамеечкѣ, онъ увидалъ Георгія Павловича. Старикъ былъ прозрачно-худъ и такъ слабъ, что не могъ выстоять литіи въ своей тяжелой шубѣ. Глаза его, закрытые темными очками отъ серебристаго блеска снѣга, ласково глядѣли на Валю.

— Милое дитя,—сказалъ онъ,—тебѣ много пришлось вынести.

Валя прижалъ его руку къ своимъ губамъ.

— Вы слышали, конечно, — прошепталъ онъ: — дѣдушка упалъ, когда я говорилъ съ нимъ... Можетъ быть, я... я причина его смерти.

— Мнѣ разсказала Марѳа, — отвѣтилъ старикъ, сажая его рядомъ съ собою. — Я понимаю твои чувства! Смотри на свое

горе прямо, перестрадай его, но побѣди! Не давай ему мѣшать всей твоей жизни. Часто малодушіе раскаянія опаснѣе благородной опрометчивости. Вѣдь передъ тобой вся жизнь, и она должна быть прожита,—прибавилъ онъ со вздохомъ.

Валя слушалъ медленную рѣчь старика, и туманъ ужаса, наполнявшій его душу, заколебался. Онъ почувствовалъ просвѣты отдыха, но фанатически отказывался воспользоваться имъ.

— Но если эта опрометчивость стоитъ жизни другому, — упрямо повторилъ онъ:—вѣдь, все-таки, дѣдушка умеръ отъ потрясенія, Мара?—сказалъ онъ Марѳѣ, которая подошла къ нимъ вмѣстѣ съ Антономъ и Евой Михайловной.

— Да, отъ потрясенія, — отвѣчала Марѳа, — и это очень больно... Каждый день дорогъ для живущаго, и я бы желала дѣду еще много-много такихъ дней.

— Я совѣтовала, — сказала Ева Михайловна, — лучше бы вамъ было скрывать... подождать...

— Подождать? Чего?—спросила Марѳа.

— Вѣдь ему было семьдесятъ-четыре года, все равно, ждать пришлось бы недолго... а потомъ распорядились бы свободно, по своей волѣ...

— Ждать?—повторила Марѳа.—Кто могъ бы указать, сколько ждать? А пока всѣ эти,—она повела рукой по направленію къ противоположному берегу, гдѣ Панцыревка утопала въ сугробахъ, — а пока всѣ они были бы изувѣчены, разосланы? Нѣтъ! Всякое дѣло надо дѣлать не откладывая.

— Ахъ, все это такъ неразрѣшимо!—сказалъ Валя.—Какъ я радовался! Какъ былъ счастливъ! И вдругъ... О, Боже, забуду ли я когда-нибудь!

— Зачѣмъ забывать?—спросилъ Панцыревъ.—Надо все, все помнить! Желать забвенія малодушно, потому что всякое прошлое, даже самое жестокое, учитъ жизни.

— Мнѣ тоже такъ кажется, — сказалъ Антонъ, до сихъ поръ молчавшій. — Жаль дѣдушку, я такъ любилъ его! Но, конечно, я обязанъ былъ сдѣлать то, что̀ считалъ своимъ долгомъ. Я долженъ успокоить свою душу.

Панцыревъ устремилъ на него мягкій взглядъ своихъ потухшихъ глазъ и улыбнулся.

— Ты думаешь этимъ успокоить свою душу?—сказалъ онъ.— Дитя, ошибаешься! Разъ душа проснулась—ей уже нѣтъ покою... Ея жизнь тогда только начинается. Сейчасъ ты дѣлаешь первый шагъ, который развязываетъ тебѣ руки для работы, освобождаетъ отъ оковъ, даетъ возможность отдохнуть отъ угрызеній

совѣсти. Это—твое личное дѣло, которымъ ты удовлетворяешь только себя; а дальше—слѣдуетъ борьба съ міромъ... Эта борьба нескончаема и жажда такой борьбы неутолима.

Братья внимательно слушали старца. Но его слова будили въ нихъ различныя чувства. Антонъ отвѣчалъ на нихъ подъемомъ энергіи, сознаніемъ своей силы, тогда какъ широкіе горизонты, въ которыхъ терялись личныя чувства, приносили Валѣ только нравственное успокоеніе...

Дѣйствительно, Антонъ скоро увидалъ, что дѣятельность его только начинается.

Своеобразные поступки наслѣдника „золотого дна“ обратили на него вниманіе не только сосѣдей, но и властей. Онъ вскорѣ попалъ въ разрядъ неблагонадежныхъ; а затѣмъ роковыя ступени,—послѣдовательность которыхъ опредѣлялась его психикой и вліяніемъ окружающихъ условій,—довели его и до дверей тюрьмы. Такимъ образомъ, первые же шаги, осуществившіе велѣнія совѣсти, поставили Антона въ противорѣчіе съ дѣйствительностью русской жизни и толкнули его на путь борьбы, о которой онъ сначала не думалъ.

Тюрьма сформировала Антона, закалила его, опредѣлила навсегда его дальнѣйшій путь.

Теперь онъ былъ неразлученъ съ Мароой, и Варичка должна была примириться съ новой жизнью, которую ей предстояло вести. Совершившійся фактъ она приняла гораздо спокойнѣе, чѣмъ ожидали; но зато ея любимой темой теперь сдѣлалось хвастать добродѣтелями мужа и укорять человѣчество въ неблагодарности.

— Преданныя жены въ концѣ концовъ всегда такъ поступаютъ,—смѣясь, говорила о ней Мароа:—еслибы Антонъ оттягалъ себѣ у крестьянъ еще сотню-другую десятинъ,—Варичка хвастала бы его „изумительной хозяйственностью“, такъ же горячо, какъ теперь хвастаетъ его „изумительнымъ великодушіемъ“.

Судьба Вали была иная.

Онъ долго не могъ найти потеряннаго равновѣсія. Одно время онъ даже мечталъ отправиться на далекій Сѣверъ, повидать Анну; но пришло извѣстіе оттуда, что Нанни умерла... Бѣлая лилія окончательно сломалась, и ароматъ ея отлетѣлъ къ небу.

Валя почувствовалъ себя осиротѣлымъ, и чѣмъ больше соединялъ Антонъ свою участь съ участью Мароы, тѣмъ дальше отстранялся отъ нихъ Валя, хотя всѣ горячо продолжали любить другъ друга. Пути ихъ, роковымъ образомъ, расходились.

Антонъ съ Мароой работали работу дня на міру, какъ хозяева жизни; Валя же искалъ свой путь, какъ гость ея. Потеря Нанни накинула трауръ на его душу; а смерть дѣда, оставившая въ ней неизгладимый слѣдъ, придала его характеру черту недовѣрія къ дѣйствительности, боязнь поступковъ. Онъ вбиралъ въ себя впечатлѣнія, искалъ вѣчнаго въ обыденномъ. Онъ мечталъ передать взятое изъ жизни — жизни же, для чего поставилъ себѣ цѣлью облагородить свое представленіе о ней, освѣтить ее лучомъ сознанія.

Братья пошли разными дорогами, чтò не мѣшало имъ дѣлать общее дѣло.

Юлія Безродная.

ѲЕОФАНЪ ПРОКОПОВИЧЪ

И

ВОЦАРЕНІЕ ИМП. АННЫ ІОАННОВНЫ

I.

Небывалое политическое возбужденіе, царившее въ Москвѣ въ началѣ 1730-го года, послѣ избранія на престолъ Анны Іоанновны и оглашенія замысла верховнаго тайнаго совѣта ограничить ея самодержавіе, — породило тогда большое количество проектовъ государственнаго преобразованія въ средѣ лицъ, близко стоявшихъ къ совершавшимся событіямъ. Хотя проекты эти направлялись противъ попытки „верховниковъ“, но они расширяли поданную ими мысль о томъ, чтобы какимъ-нибудь образомъ оградить себя отъ послѣдствій самовластія и обезпечить въ будущемъ извѣстную долю политической свободы и значенія за болѣе широкими кругами общества. Этотъ подъемъ политическаго сознанія раздѣлилъ въ полной мѣрѣ и архіепископъ Ѳеофанъ Прокоповичъ. Вовлеченный въ борьбу вслѣдствіе своего положенія и связей, Ѳеофанъ оставилъ „Сказаніе“ объ этой борьбѣ, исполненное страстнаго негодованія и непримиримой ненависти къ побѣжденному уже противнику [1]). Эта записка, или, вѣрнѣе сказать, — памфлетъ, написанный подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ февральскихъ событій 1730-го года, является настоящимъ обвинительнымъ актомъ противъ верховниковъ; искуснымъ подборомъ фа-

[1]) Напечатано въ приложенія къ „Запискамъ дюка Лирійскаго“, пер. Д. Языкова, 1845 г.

ктовъ, слуховъ и толковъ, своихъ личныхъ умозаключеній и риторическихъ преувеличеній Ѳеофанъ далъ яркую картину „коварства“ и „безстудія осьмиричныхъ затѣйщиковъ“, не стѣсняясь въ пользованіи всѣми доступными ему полемическими пріемами, чтобы добить павшаго врага.

Но одного изложенія событій, хотя бы и въ той рѣзко-тенденціозной окраскѣ, которую имъ придалъ Ѳеофанъ, было бы мало для достиженія преслѣдуемой имъ цѣли; а что цѣль эта, очевидно, не была невиннаго исторіографическаго характера, въ этомъ нельзя сомнѣваться; Ѳеофанъ умѣлъ ненавидѣть своихъ враговъ и не взялъ бы на себя труда описывать ихъ подвиги безъ особаго разсчета, какъ и все, что̀ онъ дѣлалъ. Прежде чѣмъ писать подробный обвинительный актъ, нужно было, на основаніи хорошо знакомыхъ его автору фактовъ, точно формулировать пункты обвиненія и, формулировавъ ихъ, добиться главной цѣли—всеобщаго признанія виновниковъ ограниченія власти Анны Іоанновны государственными преступниками. Поэтому Ѳеофанъ, еще до составленія своего „Сказанія“, намѣтилъ главные предметы обвиненія въ особой запискѣ, носящей заглавіе: „Изъясненіе, каковы были нѣкихъ лицъ умыслы, затѣйки и дѣйствія въ призовѣ на престолъ Ея Императорскаго Величества“ [1]. Проф. Д. А. Корсаковъ, указавшій на несомнѣнную принадлежность ея Ѳеофану, относитъ составленіе этой записки ко времени, непосредственно слѣдовавшему за разодраніемъ кондицій и возстановленіемъ самодержавія, т.-е. послѣ 25-го февраля 1730 г., — „когда собирались свѣдѣнія о степени виновности Голицыныхъ и Долгорукихъ въ республиканскихъ, какъ тогда выражались, замыслахъ“, и замѣчаетъ, что писана она была раньше „Сказанія“, которое должно было пополнить фактическую сторону дѣла, едва затронутую въ „Изъясненіи“. И тотъ, и другой документъ, по предположенію проф. Корсакова, предназначены были для представленія имп. Аннѣ Іоанновнѣ [2]. Послѣ краткаго вступленія, посвященнаго изложенію хода событій, приведшихъ къ неудачѣ „затѣйки“ верховниковъ, „Изъясненіе“, основываясь на томъ, что „невозможно затѣечнаго сего дѣла не назвать *самымъ злѣйшимъ преступленіемъ*“, переходитъ къ детальному по пунктамъ разбору состава этого преступленія и доказательствъ преступности намѣреній его участниковъ. Такихъ

---

[1] См. „Памятники нов. русской исторіи“, изд. Кашпирева, т. I, отд. II, стр. 11—16.

[2] Проф. Д. Корсаковъ, „Воцареніе Имп. Анны Іоанновны“, стр. XXII.

обвинительныхъ пунктовъ и уликъ Ѳеофанъ насчитываетъ девятнадцать; въ вину верховникамъ ставится рѣшительно—и то, что они дѣйствовали „въ маломъ и скудномъ“ числѣ, тайно и обманомъ, безъ объявленія „начальнѣйшимъ духовнымъ, Сенату, генералитету и коллежскимъ членамъ“; и то, что всѣ поступки ихъ внушаемы были имъ не общимъ интересомъ, а „партикулярною“ пользой; и то, что они самовольно призвали трехъ новыхъ лицъ въ верховный тайный совѣтъ и тѣмъ присвоили себѣ права самодержавной власти; даже и то обстоятельство, что везли императрицу изъ Митавы „съ необычною скоростью, не опасаясь нарушенія здравія ея“, послужило однимъ изъ предметомъ обвиненія. Главнымъ же преступленіемъ верховниковъ являлось, во-первыхъ, сочиненіе „письма“, т.-е. кондицій, поднесенныхъ къ подписи Аннѣ Іоанновнѣ якобы отъ имени всего народа, причемъ авторы кондицій, заручившись ея подписью, выдали ихъ за писанное ея секретаремъ и какъ бы составленное по ея собственному добровольному побужденію: „и тако они, господа, именемъ народа обманули Государыню въ Курляндіи, а именемъ Государыни обманули народъ въ Москвѣ“,—мѣтко обличаетъ Ѳеофанъ двусмысленную роль верховниковъ въ дѣлѣ проведенія ограничительныхъ пунктовъ. Другое преступленіе, еще болѣе тяжкое, повергшее Ѳеофана въ крайнее негодованіе, состояло въ томъ, что верховники осмѣлились ввести въ кондиціи пунктъ о лишеніи императрицы короны въ случаѣ неисполненія ею выработанныхъ ими условій, между тѣмъ какъ себѣ самимъ, по колкому замѣчанію Ѳеофана, даже „штрафа“ никакого не положили за преступное съ ихъ стороны дѣйствіе. Лишеніе императрицы престола авторъ „Изъясненія“ считаетъ равносильнымъ косвенному осужденію ея на смерть, ибо „весьма опасно лишеннаго короны государя въ живыхъ оставлять“. Ѳеофанъ вспоминаетъ по этому поводу „богомерзкое, безсовѣстное, безбожное дѣло англичанское“—казнь короля Карла I, и находитъ въ немъ аналогію съ тѣмъ положеніемъ, какое хотѣли создать верховники для Анны Іоанновны. „Сіе же все видя“,—заключаетъ Ѳеофанъ свои 19 обвинительныхъ статей,—„да разсудятъ прочіе Ея Величества вѣрные подданные и добра народнаго рачители, каковымъ именемъ толь страшное умышленіе и дѣйствіе назвать надлежитъ, и *чего оно достойно*, и каковое впредь отъ таковыхъ затѣйщиковъ подобаетъ имѣть опасеніе“. Въ этихъ словахъ содержится уже прямая угроза: „затѣйщики“ должны быть наказаны за свое „страшное умышленіе и дѣйствіе“, дабы избавить государство отъ „опасенія“ новыхъ попытокъ въ такомъ же родѣ; къ су-

жденію о степени ихъ виновности и о „достойномъ“ возмездіи за преступный умыселъ ихъ призываются „вѣрные подданные и добра народнаго рачители“. Нельзя было оставить безнаказаннымъ такое дѣло, которое грозило государынѣ лишеніемъ престола, а можетъ быть—и жизни, государству—„мятеніями, смутами и междоусобіями“; одного этого пункта было бы достаточно, чтобъ вызвать преслѣдованіе противъ его авторовъ, какъ государственныхъ преступниковъ, но Ѳеофанъ насчиталъ еще цѣлыхъ восемнадцать, старательно выискивая во всѣхъ дѣйствіяхъ верховниковъ матеріалъ для вящшаго обвиненія.

Было ли „Изъясненіе“ предназначено для поднесенія императрицѣ, какъ полагаетъ проф. Корсаковъ, или оно было разсчитано на болѣе широкій кругъ читателей,—конечно, изъ правящихъ сферъ и изъ среды единомышленниковъ новгородскаго архіепископа,—рѣшить трудно; сомнительно однако, чтобы Ѳеофанъ, еще мало знавшій новую императрицу, убѣдившійся воочію въ ея нерѣшительности въ критическую минуту и понимавшій трудность ея положенія среди взволнованнаго политическою бурей общества, могъ надѣяться на то, что его записка возымѣетъ на нее надлежащее дѣйствіе, не будучи поддержана согласнымъ хоромъ мнѣній другихъ значительныхъ въ правительствѣ лицъ; распространяя же ее въ сочувствовавшихъ ему кругахъ, онъ могъ навербовать себѣ вліятельныхъ сторонниковъ, которые произвели бы давленіе на Анну Іоанновну въ желательномъ для него смыслѣ. Думается поэтому, что „Изъясненіе“ не было разсчитано на поднесеніе императрицѣ, а скорѣе всего имѣло въ виду „возбужденіе умовъ противъ виновниковъ „умышленія“ на цѣлость самодержавной власти.

Какъ бы то ни было, вопросъ о преступности верховниковъ былъ поставленъ ясно; были выработаны пункты обвиненія, составлялся на ихъ основаніи обвинительный актъ. Недоставало одного: нужно было установить способъ судопроизводства надъ ними. Ограничиваться принятыми доселѣ средствами дѣйствія, глухой расправой въ застѣнкѣ тайной канцеляріи, откуда ни одинъ звукъ не долеталъ до внѣшняго міра, вовсе не входило въ разсчеты Ѳеофана: совершено было необычайное, „самое злѣйшее“ преступленіе, какого еще не видано было на Руси; развѣ только низложеніе Василія Шуйскаго могло быть приравнено ему; но это „таковое дѣло“, замѣчаетъ Ѳеофанъ, „что надобно бы оное у всѣхъ и нашихъ и иностранныхъ людей изъ памяти вынять и вѣчному забвенію предать“. Предать забвенію умыселъ верховниковъ не было возможности, да Ѳеофанъ вовсе

и не желалъ этого; ему, напротивъ, нужно было придать ихъ дѣйствіямъ возможно большую огласку, выставить ихъ измѣнниками въ глазахъ всей Россіи, правящей и шляхетской, а для этого и судъ надъ ними долженъ былъ быть обставленъ особою торжественностью, сообразно съ безпримѣрной тяжестью ихъ вины. Въ его представленіи этотъ судъ долженъ былъ явиться апоѳеозомъ торжества самодержавія надъ „вторгшейся въ Россію аристократіей", какъ онъ однажды впослѣдствіи выразился [1]).

II.

Но для того, чтобъ указать самодержавному правительству Анны, какъ, по его мнѣнію, оно должно поступить съ злоумышленниками, покусившимися на цѣлость и полноту его власти, Ѳеофанъ пишетъ новую записку — о созывѣ особаго верховнаго надъ ними судилища. Эта записка до сихъ поръ не была извѣстна ни одному изъ изслѣдователей, занимавшихся исторіей восшествія Анны Іоанновны на престолъ. Хранится она въ Государственномъ Архивѣ, въ дѣлѣ, озаглавленномъ: „Дѣлопроизводство слѣдственной коммиссіи надъ Остерманомъ, Минихомъ, Головкинымъ и прочими" 1741-го года. Почему эта записка оказалась въ названномъ дѣлѣ, можно объяснить тѣмъ, что она найдена была въ бумагахъ Остермана, близость котораго къ новгородскому архіепископу извѣстна, и попала вмѣстѣ съ прочими забранными у него документами въ руки его судей, когда онъ былъ арестованъ при воцареніи Елизаветы Петровны; предметомъ разслѣдованія она не стала, ибо возбуждаемые ею вопросы уже потеряли значеніе при новой императрицѣ; о ней ни однимъ словомъ не упомянуто въ допросахъ, которымъ подвергся Остерманъ, а потому она ускользнула и отъ вниманія позднѣйшихъ изслѣдователей событій какъ 1730-го, такъ и 1741-го годовъ. Принадлежность ея Ѳеофану Прокоповичу не подлежитъ никакому сомнѣнію: кромѣ характерныхъ для него выраженій и упоминанія о необходимости призвать къ суду надъ верховниками представителей высшаго духовенства, въ пользу авторства Ѳеофана говоритъ ея почеркъ: при сличеніи его съ другими документами, имъ писанными, не остается сомнѣнія въ принадлежности ея Ѳеофану. Писана она на двухъ отдѣльныхъ листахъ, изъ коихъ первый содержитъ самое предложеніе или проектъ

---

[1]) Морозовъ, „Ѳеофанъ Прокоповичъ, какъ писатель", стр. 336.

Ѳеофана, а второй—дополненія къ нему въ видѣ двухъ проектовъ высочайшихъ указовъ. Ни заголовка, ни подписи, ни даты составленія на ней нѣтъ. Помѣщаемъ ее съ соблюденіемъ орѳографіи подлинника:

„Чтобы ясно познать, каково то дѣло, которое у насъ, по преставленіи б. п. Государя Петра Втораго, въ призываніи на престолъ Государыни Анны Іоанновны здѣлано, и чтобы правиломъ правосудія, благосовѣстно и непогрѣшително, къ безпечалію и покою народному, мощно учинить полезное опредѣленіе, надлежитъ по мнѣнію нашему слѣдующая исполнить:

1. Повелить въ одно мѣсто сойтись великому собранію всѣхъ главныхъ чиновъ, а именно—духовныхъ, Сената, генералитета, коллежскихъ и знатнаго шляхетства. Мѣсто же собранія было бы безопасное и стражею воинскою огражденное. И о таковомъ собраніи публиковать указъ.

2. Собранія того всѣмъ членамъ учинить присягу на томъ, что будутъ предложенное имъ дѣло разсуждать и судить прямою совѣстію, нелицемѣрно и нелицепріятно, не посматрѣвая ни на чію силу и могущество, и никому не норовя и не посягая коей-нибудь ради причины, ни для любви, ни для ненависти, ни для ласкателства, ни для страха, но ниже для крови, сродства и свойства, одолжая себе и къ тѣлесному жестокому наказанію, еслибы не такъ поступилъ кто. И на то особливую форму присяги сочинить.

3. После присяги, прочитану быть Ея Величества указу о рассужденіи дѣла бывшаго.

4. Сочинить и подать собранію инструкцыю о процессе, или дѣйствіи и порядкѣ того дѣла изслѣдованія. И былъ бы нарочно учрежденный секретарь или агентъ, который бы артикулы или пункты инструкцыи въ слухъ прочитивалъ, не всѣ вдругъ, но по единому между дѣйствіемъ.

5. А что изслѣдованіемъ покажетъся, то описавъ, со мнѣніемъ судебнымъ, Ея Величеству предложить при доношеніи отъ собранія".

Проекты указовъ:

1) „По первому пункту Указъ.

Мы, Анна,

Божіею милостію Императрица и Самодержица Всероссійская, и прочая, и прочая, и прочая.

Понеже, при воспріятіи нашемъ прародителнаго въ Россійской Имперіи самодержавія, просили насъ обществомъ вѣрныи

наши подданыи, какъ духовныи, такъ свѣцкіи всѣ единогласно, дабы мы, отставя Тайный Верховный Совѣтъ, повелѣли быть Правителствующему Сенату въ немаломъ числѣ, того ради симъ нашимъ указомъ повелѣваемъ, для лучшаго о томъ рассужденія и учрежденія и для другихъ нуждъ [1]), быть доволному Собранію разныхъ главнѣйшихъ чиновъ, а именно: изъ духовенства—всѣхъ въ Москвѣ обрѣтающихъся архіереевъ Россійскихъ [2]) и первѣйшыхъ архимандритовъ, изъ мірскихъ лицъ — Сената, генералитета, членовъ коллежскихъ и знатнаго шляхетства. А собраться всѣмъ сего мѣсяца Марта въ „ “ день, въ палату... А Верховному Тайному Совѣту отселѣ не быть“.

2) „По пункту третему Указъ.

Мы, Анна,

Божіею милостію Императрица и Самодержица Всероссійская, и прочая, и проч., и проч.

Учрежденному нашему духовныхъ и мірскихъ чиновъ Собранію.

Понеже, по бывшей въ Москвѣ Генваря въ 19 день деклярацыи о нашемъ престола Всероссійскаго наслѣдованіи, учиненъ намъ [3]) отъ Верховнаго Совѣта призовъ необычный и немалому (л. 2-й об.), какъ уже всѣмъ извѣстно, подозрѣнію подлежащій, того ради учрежденному нашему духовныхъ и мірскихъ чиновъ Собранію повелѣваемъ, до рассужденія о состояніи будущаго Сената, исслѣдовать [4]) и разсмотрѣть, когда, гдѣ, отъ кого и для чего способъ онаго призову опредѣленъ, и просто или обманно, и не къ партикулярной ли чіей ползѣ былъ намѣренъ. И о всемъ томъ обстоятелно изслѣдовавъ, предложить намъ съ мнѣніемъ для крайней резолюцыи“.

Первый вопросъ, который тутъ подлежитъ разрѣшенію, касается времени составленія этой записки. Изъ содержанія перваго проекта указа, къ ней приложеннаго, видно, что верховный тайный совѣтъ еще продолжалъ существовать, иначе Ѳеофанъ не писалъ бы въ концѣ этого указа: „а В. Т. Совѣту отселѣ не быть“. Упраздненіе в. т. совѣта послѣдовало 4 марта 1730 г.; разодраніе кондицій и возстановленіе самодержавія (событія, уже извѣстныя составителю записки) произошли 25 февраля; поэтому записка могла быть написана только въ теченіе недѣли, отдѣляющей

[1]) Слова „и для другихъ нуждъ“ приписаны на поляхъ.

[2]) Слово „Россійскихъ“ приписано на поляхъ.

[3]) Слово „намъ“ приписано на поляхъ.

[4]) Написано было „разсудить“ и зачеркнуто.

эти двѣ даты, 25-е февраля и 4-е марта; изъ словъ того же проекта указа: „а собраться всѣмъ *сего* мѣсяца Марта въ... день“ можно бы заключить, что Ѳеофанъ писалъ свое предложеніе именно въ первыхъ числахъ марта (1-го, 2-го или 3-го), но слова „*сего* Марта“ могли быть написаны и въ послѣднихъ числахъ февраля; можно предполагать, что Ѳеофанъ допустилъ такого рода анти-датированіе въ разсчетѣ, что проектируемое имъ „великое собраніе“ все равно раньше марта ни въ какомъ случаѣ собраться не могло. Какъ бы то ни было, дату составленія записки можно считать установленною съ несомнѣнной очевидностью. То обстоятельство, что она написана была въ первую же недѣлю послѣ возстановленія самодержавія Анны Іоанновны, по горячимъ слѣдамъ, оставленнымъ этимъ событіемъ въ умахъ современниковъ, сообщаетъ ей особую цѣнность; она является живымъ и свѣжимъ отголоскомъ той политической сумятицы, когда русскому пореформенному обществу пришлось впервые стать лицомъ къ лицу съ вопросомъ: быть или не быть самодержавію.

Разсматривая записку Ѳеофана въ связи съ двумя другими произведеніями его, вызванными событіями 1730-го года, „Сказаніемъ“ и „Изъясненіемъ“ о винахъ верховниковъ, слѣдуетъ придти къ заключенію, что записка была написана имъ раньше всего остального. Преступленіе верховниковъ для Ѳеофана и его единомышленниковъ было слишкомъ очевидно, чтобы оно нуждалось въ немедленномъ составленіи обвинительнаго акта о немъ; подбирать пункты обвиненія и на ихъ основаніи составлять этотъ актъ можно было не спѣша, лишь бы добиться главнаго—привлеченія виновныхъ къ суду. Поэтому можно предполагать, что Ѳеофанъ написалъ прежде всего разсматриваемую нами записку, потомъ собралъ обвинительные пункты („Изъясненіе“), быть можетъ получивъ надежду на удачный исходъ своего предложенія, и наконецъ принялся для пополненія и развитія ихъ за составленіе подробнаго повѣствованія о ходѣ событій („Сказаніе“), которое послужило бы ему вмѣстѣ съ тѣмъ и свидѣтельскимъ показаніемъ на судѣ. Кромѣ того, изъ 4-й статьи самого проекта—о составленіи инструкціи „о процессѣ и порядкѣ“ изслѣдованія дѣла—можно съ нѣкоторымъ вѣроятіемъ заключить, что Ѳеофанъ, когда писалъ эту статью, уже имѣлъ въ виду впредь разобрать вины верховниковъ по пунктамъ, которые могли быть имъ составлены именно въ разсчетѣ на будущее судебное разбирательство дѣла; въ такомъ случаѣ „Изъясненіе“ получило бы значеніе необходимаго дополненія къ запискѣ Ѳеофана о ве-

ликомъ собраніи, съ цѣлью облегчить судопроизводство предъявленіемъ суду уже готовыхъ обвинительныхъ статей, которыя, согласно проекту, должны были подъ-рядъ прочитываться на собраніи „нарочно учрежденнымъ" для того секретаремъ или агентомъ.

Переходя къ разбору содержанія записки Ѳеофана Прокоповича, отмѣтимъ бросающуюся прежде всего въ глаза разницу въ цѣляхъ, преслѣдуемыхъ самимъ проектомъ сравнительно съ тѣми, которыя намѣчаются въ приложенныхъ къ нему указахъ. Въ пяти статьяхъ проекта идетъ рѣчь исключительно о верховномъ судѣ надъ дѣятелями избранія на престолъ Анны Іоанновны; для этого суда, и только для него, созывается „великое собраніе всѣхъ главныхъ чиновъ" государства, и выработанное имъ по этому дѣлу рѣшеніе представляется на усмотрѣніе императрицы (§ 5); „разсужденіе дѣла бывшаго" — вотъ, повидимому, единственный предметъ вѣдѣнія великаго собранія, предметъ настолько важный самъ по себѣ, по мнѣнію составителя проекта, что для его обсужденія должна быть примѣнена особая форма присяги (§ 2); что члены собранія должны находиться въ особомъ, безопасномъ и огражденномъ воинскою стражей помѣщеніи (§ 1); что судоговореніе должно производиться особымъ способомъ, отличнымъ отъ обычныхъ формъ (§ 4). Между тѣмъ оба проекта указовъ, приложенныхъ къ запискѣ, неожиданно раскрываютъ совсѣмъ иныя, значительно болѣе широкія цѣли созыва собранія: въ первомъ проектѣ („По первому пункту Указъ") о судѣ надъ верховниками ни словомъ не упомянуто, зато говорится о „лучшемъ разсужденіи и учрежденіи" вновь организуемаго „въ немаломъ числѣ" сената, и о „другихъ нуждахъ", и объ упраздненіи верховнаго тайнаго совѣта. Второй проектъ („По пункту третьему Указъ") также говоритъ о „разсужденіи о состояніи будущаго Сената", но вмѣстѣ съ тѣмъ требуетъ, чтобъ этому разсужденію предшествовало разсмотрѣніе дѣла о „необычномъ призовѣ" на престолъ Анны Іоанновны. Такая двойственность задачъ, намѣчаемыхъ запиской Ѳеофана Прокоповича, находитъ себѣ объясненіе во вступительныхъ словахъ самой записки, гдѣ въ самыхъ общихъ выраженіяхъ намѣчаются обѣ цѣли созыва великаго собранія: судъ надъ верховниками и разсужденіе о реформѣ центральнаго органа правительства. Великое собраніе, говорится въ этомъ вступленіи, созывается, во-первыхъ, для того, „чтобы ясно познать, каково то дѣло, которое у насъ... въ призываніи на престолъ Государыни Анны Іоанновны сдѣлано"; „познать" это призваны всѣ главные чины государства, и о средствахъ къ

правильному освѣщенію дѣла трактуютъ всѣ пять статей проекта. Но тому же собранію предстоитъ рѣшить другую, болѣе обширную задачу, а именно—„правиломъ правосудія, благосовѣстно и непогрѣшително, къ безпечалію и покою народному, мощно учинить полезное опредѣленіе". Эта задача обрисована болѣе ясно, какъ мы видѣли, въ первомъ проектѣ указа, который исключительно ею ограничиваетъ компетенцію предстоящаго собранія. Обѣ цѣли, поставленныя авторомъ записки, формулированы имъ въ его вступительныхъ словахъ крайне обще и неопредѣленно: въ первомъ случаѣ онъ говоритъ лишь о „ясномъ познаніи" дѣла верховниковъ, во второмъ же—упоминаетъ только, въ еще болѣе туманной формѣ, объ „учиненіи полезнаго опредѣленія", не касаясь того, какія именно стороны государственнаго строя имѣютъ быть затронуты этимъ „опредѣленіемъ". Болѣе точная формулировка этихъ двухъ задачъ собранія содержится во второмъ проектѣ указа, гдѣ установленъ порядокъ разсмотрѣнія ихъ: сначала имѣется въ виду произвести судъ надъ верховниками, какъ дѣло болѣе спѣшное и требующее скорѣйшаго разбирательства, а затѣмъ уже приступить и къ обсужденію вопроса „о состояніи будущаго Сената". Выражаясь во вступленіи одними общими намеками, въ особенности по второму изъ поставленныхъ имъ вопросовъ, Ѳеофанъ какъ будто намѣренно забываетъ въ своей запискѣ объ этой второй задачѣ, касаясь исключительно ближайшей, самой неотложной цѣли созыва собранія—судебнаго „изслѣдованія" дѣла объ избраніи Анны Іоанновны; добиться такого изслѣдованія—его завѣтная мечта; но для того ли, чтобы скрасить слишкомъ рѣзко бросающееся въ глаза, несмотря на всю мягкость выраженій, намѣреніе добить павшихъ противниковъ, или съ тѣмъ, чтобы дѣйствительно воспользоваться будущимъ собраніемъ для обсужденія серьезныхъ реформъ въ государственномъ строѣ (на этомъ вопросѣ мы остановимся ниже), Ѳеофанъ расширяетъ задачу собранія до предѣловъ, которые при другихъ условіяхъ могли бы пожалуй сообщить ему значеніе своего рода учредительнаго органа (неопредѣленность выраженія: „и для другихъ нуждъ"—можетъ подать поводъ къ самымъ разнообразнымъ и широкимъ толкованіямъ задачъ этого собранія).

III.

Всѣ три произведенія Ѳеофана, вызванныя событіями 1730-го года,—„Сказаніе", „Изъясненіе" и „Записка",—тѣсно связаны

между собой по внутреннему содержанію; цѣль ихъ, раскрываемая въ проектѣ созыва великаго собранія—привлечь верховниковъ на судъ современниковъ, и притомъ не въ обычномъ порядкѣ судопроизводства, а при особыхъ условіяхъ, долженствующихъ придать этому суду характеръ исключительности, сообразно съ безпримѣрностью въ исторіи Россіи самаго проступка ихъ. Помѣщенная выше записка Ѳеофана Прокоповича сообщаетъ такимъ образомъ новый смыслъ двумъ первымъ его произведеніямъ; до сихъ поръ они могли разсматриваться лишь какъ сочиненія публицистическаго характера одного изъ наиболѣе освѣдомленныхъ очевидцевъ переживавшихся въ Москвѣ въ началѣ 1730-го года событій; проектъ же созыва собранія,—являясь твореніемъ государственнаго дѣятеля, участника тѣхъ же событій, которыя вызвали въ немъ сознаніе необходимости изыскать немедленныя и сильныя средства во избѣжаніе повторенія ихъ,—раскрываетъ практическую цѣль составленія „Изъясненія“ винъ верховниковъ и „Сказанія“ объ избраніи на престолъ Анны Іоанновны. Почему же Ѳеофанъ настаивалъ на необходимости совершенно исключительной постановки разбирательства дѣла объ избраніи на престолъ Анны Іоанновны и какія побужденія руководили имъ въ этомъ случаѣ? Вопросъ этотъ приводитъ насъ къ разсмотрѣнію политическихъ взглядовъ Ѳеофана Прокоповича и отношеній его къ верховному тайному совѣту и къ отдѣльнымъ его членамъ.

Къ учрежденію верховнаго тайнаго совѣта Ѳеофанъ съ самаго начала отнесся отрицательно, хотя тщательно скрывалъ свое мнѣніе о немъ за все время его существованія. Привыкшій считаться съ властью, въ чьемъ бы лицѣ она ни сосредоточивалась въ данный моментъ, лавировать среди подводныхъ камней правительственной и придворной жизни, подъ шумъ событій устраивая свои дѣла по желанію, Ѳеофанъ при Екатеринѣ I и Петрѣ II не могъ, да и не захотѣлъ бы вести борьбу съ верховнымъ тайнымъ совѣтомъ. Свой взглядъ на него онъ высказалъ впервые вполнѣ опредѣленно, какъ только верховный тайный совѣтъ пересталъ быть для него опасенъ, а именно—въ своемъ „Сказаніи“ о событіяхъ 1730-го года. Поясняя, что̀ онъ разумѣетъ подъ словомъ „верховные“, Ѳеофанъ пишетъ: „При Императрицѣ Екатеринѣ, сверхъ установленнаго Петромъ I Сената, новое и отъ Сената высшее правительство учреждено и украшено особливымъ именемъ: верховный совѣтъ. Сіе жъ собраніе въ томъ вящше отъ сената имѣло силу, что и нѣкую власти часть, у сената отнятую, приняло къ себѣ и что бо̀льшую важность возы-

мѣла; однакоже, что ни хотѣлъ бы Верховный оный Совѣтъ вновь уставить, неволенъ былъ сдѣлать то безъ изволенія Императрицы. А когда ея не стало, а насталъ Петръ II, дванадесятилѣтній тогда отрокъ, тогда Верховный Совѣтъ, получивъ себѣ, по своему мнѣнію, совершенную и свободную власть, и могъ и дерзалъ дѣлать, что хотѣлъ, да и тогда еще правительство оное не могло ничего учинить безъ воли кн. Меншикова, который его членъ былъ". Послѣ паденія Меншикова первыми лицами въ верховномъ тайномъ совѣтѣ стали Долгорукіе, соединявшіеся съ Голицыными; смерть Петра II заставила ихъ добиваться „получить хотя часть царской власти, когда цѣлой той (вслѣдствіе кончины молодого императора, обрученнаго съ Екатериной Долгорукой) достичь не могли". Такъ родился умыселъ „верховныхъ господъ" ограничить самодержавіе избранной ими императрицы. „Они не думали вводить народное владѣтельство, кое обычно вольною республикой называютъ",—пишетъ Ѳеофанъ,—„но всю владѣнія крайнюю силу осьмочисленному своему Совѣту учреждали"; это не было „владѣтельство избранныхъ", аристократія, а „сковническое тиранство или насильство", олигархія. Объясняя такимъ образомъ возникновеніе „затѣйки" верховниковъ, Ѳеофанъ не могъ не возлагать вину за это небывалое преступленіе, кромѣ непосредственныхъ участниковъ его, и на самое учрежденіе, членами котораго они состояли. Въ верховномъ тайномъ совѣтѣ, присвоившемъ себѣ всю силу государственнаго правленія, онъ видѣлъ искаженіе реформы Петра Великаго; крайнія послѣдствія этого искаженія сказались въ событіяхъ 1730-го года; поэтому неудача попытки верховниковъ была для Ѳеофана не только личнымъ торжествомъ, но и побѣдой его глубокаго убѣжденія въ необходимости для Россіи не отступать отъ проложеннаго Преобразователемъ пути. Въ этомъ отношеніи Ѳеофанъ шелъ такъ далеко, что всякое нововведеніе казалось ему нарушеніемъ дѣла Петра, оскорбленіемъ его памяти; такъ онъ и отнесся къ учрежденію верховнаго тайнаго совѣта, который тѣмъ болѣе былъ ему ненавистенъ, что своимъ появленіемъ онъ принизилъ наиболѣе важный и жизнеспособный органъ центральнаго управленія петровскаго времени—сенатъ; въ приведенныхъ выше словахъ его по этому поводу ясно слышится раздраженіе противъ установленія, отнявшаго у сената „нѣкую власти часть".

Но кромѣ сената, отъ созданія верховнаго тайнаго совѣта пострадалъ и высшій органъ церковнаго управленія, равный сенату по своему положенію въ іерархіи государственныхъ установленій и особенно дорогой Ѳеофану Прокоповичу, какъ его

дѣтище. Отнятіе у синода званія „Правительствующаго“, раздѣленіе его на два департамента, одинъ изъ коихъ, судебный и хозяйственный, долженъ былъ управляться свѣтскими лицами, необходимость испрашивать разрѣшенія верховнаго тайнаго совѣта при наиболѣе важныхъ перемѣнахъ въ церковномъ управленіи [1]) — все это были такія ограниченія власти синода, которыя не могли не оскорблять автора „Духовнаго Регламента“. Кромѣ того, Ѳеофанъ могъ быть особенно возстановленъ противъ верховнаго тайнаго совѣта вслѣдствіе одного дѣла, когда синодальнымъ архіереямъ пришлось сыграть передъ совѣтомъ унизительную роль просителей. Изъ-за неясности одного повелѣнія императора Петра I о зачисленіи въ счетъ жалованья членамъ синода получаемыхъ ими изъ ихъ епархій доходовъ, возникъ споръ между ними и кабинетъ-секретаремъ Макаровымъ, который обвинялъ ихъ въ самовольномъ толкованіи указа. Для разъясненія дѣла синодальные члены вынуждены были представить въ верховный тайный совѣтъ свѣдѣнія о своихъ доходахъ; совѣтъ постановилъ отмѣнить указъ Петра Великаго, который въ синодѣ записанъ былъ неточно и произвольно со словъ государя, выдавать членамъ синода одно денежное жалованье, а изъ епархій воспретить имъ что-либо брать; кромѣ того, онъ велѣлъ разослать надежныхъ лицъ по епархіямъ для собранія свѣдѣній о приходахъ и расходахъ архіереевъ, начиная со времени учрежденія синода. Вспоминая объ этомъ впослѣдствіи, Ѳеофанъ не безъ горечи писалъ: „Въ 1726 г., когда навожденіемъ Георгія, бывшаго архіерея Ростовскаго, многія дѣлались на Синодъ и на другихъ, внѣ Синода, духовныхъ властей нападенія и отъ того произошли и плача и смѣха достойныя смуты, присланъ былъ отъ Верховнаго Тайнаго Совѣта *подъ именемъ* блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Государыни Императрицы Екатерины Алексѣевны указъ, дабы синодальные члены показали порознь и собственно всякъ, что кто изъ мѣстъ своихъ и (къ) житію своему получаетъ; и тогда мы письменныя о томъ подавали вѣдомости“ [2]). Отобраніе „Правды воли монаршей“ и службы св. Александру Невскому, сочиненной Ѳеофаномъ и содержавшей въ себѣ намеки на дѣло царевича Алексѣя, закрытіе Александроневской типографіи, находившейся въ вѣдѣніи Ѳеофана, указъ о напечатаніи „Камня вѣры“ Стефана Яворскаго, заклятаго врага новгородскаго архі-

[1]) См. Филипповъ, „Исторія Сената въ правленіе Верховнаго Тайнаго Совѣта“, стр. 70—80.

[2]) Сборникъ Имп. Истор. Общества, т. LVI, стр. 101, 419—426; т. LXIII, стр. 14—15; т. CIV, стр. 19. „Русскій Архивъ“ 1870 г., стр. 1953—1959.

епископа — все это такія дѣйствія верховнаго тайнаго совѣта, которыя не могли не задѣвать Өеофана по самымъ чувствительнымъ струнамъ его самолюбія [1]).

IV.

Трудное положеніе Өеофана въ правленіе верховнаго тайнаго совѣта осложнялось личной непріязнью Меншикова, покровительствовавшаго его явнымъ врагамъ въ синодѣ [2]). Съ паденіемъ этого „безбожнаго раба" [3]) Өеофанъ вздохнулъ свободнѣе, но не надолго; наступила открытая реакція противъ реформы Петра, пошли усиленные толки о возстановленіи патріаршества и упраздненіи синода, старо-церковная партія подняла голову, и дорогому для Өеофана дѣлу Великаго Преобразователя стала грозить опасность полнаго искаженія подъ давленіемъ ретрограднаго большинства верховнаго тайнаго совѣта. Въ эту эпоху и выработался у Өеофана тотъ консерватизмъ по отношенію къ преобразованіямъ Петра, который онъ такъ ярко выразилъ въ своихъ проповѣдяхъ, когда стало снова возможно высказывать безбоязненно сочувствіе реформѣ и прославлять Анну Іоанновну за возвращеніе на путь, начертанный Россіи Петромъ [4]). Ставъ, такъ сказать, присяжнымъ панегиристомъ и защитникомъ реформы, Өеофанъ не упустилъ изъ виду главнаго условія, которое содѣйствовало Петру въ достиженіи добытыхъ имъ результатовъ, а именно неограниченности его власти; привыкнувъ видѣть во всей его дѣятельности проявленія этой власти въ самой опредѣленной, нерѣдко грубой ея формѣ, Өеофанъ отъ этого практическаго опыта естественнымъ путемъ перешелъ къ теоретическому обоснованію основъ самодержавія. Къ этой задачѣ онъ приближался уже въ то время, когда составлялъ по приказанію Петра „Правду воли монаршей", но тогда имъ руководили другія побужденія и цѣли. Для него ясно было, что реформы Петра, безапелляціонно признаваемыя имъ благодѣтельными для Россіи, могли быть осуществлены только путемъ сосредоточенія всей власти въ рукахъ единаго монарха; слѣдовательно, разсуждалъ онъ, такая форма

---

[1]) Чистовичъ, „Өеофанъ Прокоповичъ", стр. 223—225, 228—229; Сборникъ И. И. Общества, т. LXIX, стр. 431—434, 709—710.

[2]) Чистовичъ, ibid., стр. 225—226.

[3]) Чистовичъ, ibid., стр. 278; Морозовъ, „Өеофанъ Прокоповичъ, какъ писатель", стр. 355.

[4]) Морозовъ, ibid., стр. 368—370.

правленія является наилучшей для Россіи, и Анна Іоанновна, воспринявъ самодержавіе, могла благодаря этому слѣдовать по стопамъ великаго императора, что̀ она и осуществила, по мнѣнію Ѳеофана, на дѣлѣ. Описывая въ 1730 г. впечатлѣніе, произведенное на общество „затѣйкою“ верховниковъ, авторъ „Сказанія“ заявляетъ, что опасенія русскихъ людей, въ случаѣ удачи ихъ, а именно, что Россія раздѣлится на части, какъ въ удѣльный періодъ, и что верховники явятся „атаманами междоусобныхъ браней“, не лишены основанія, „понеже“—говоритъ онъ—„русскій народъ таковъ есть отъ природы своей, что только самодержавнымъ владѣтельствомъ хранимъ быть можетъ, а если каковое нибудь иное владѣнія правило воспріиметъ, содержаться ему въ цѣлости и благости отнюдь невозможно; но о семъ намѣреніе наше есть особливыя доказательства написать“. Это намѣреніе Ѳеофанъ отчасти привелъ въ исполненіе: въ проповѣди въ день воспоминанія коронаціи въ 1734 г. онъ подробно разобралъ вопросъ о томъ, „какъ многополезно есть Россійскому государству владычество самодержавное“. Разсматривая въ этой проповѣди ходъ историческаго развитія Россіи, Ѳеофанъ высказываетъ убѣжденіе, что только тогда Россія благоденствовала, когда управлялась самодержавными монархами; съ особеннымъ вниманіемъ останавливается онъ на избраніи Василія Шуйскаго, котораго принудили „не единовластно царствовать“, вслѣдствіе чего въ Россію „вторгнулась аристократія“. Объ этомъ же событіи вспоминалъ Ѳеофанъ и раньше, въ своемъ „Изъясненіи“ винъ верховниковъ; теперь онъ снова возвращается къ нему и напоминаетъ по этому поводу, что „и въ недавніе годы *нѣкимъ* похотѣлось правительства Шуйскаго, но Богъ наступившее оное бѣдство прогналъ умирающей монархіи оживленіемъ“, которое повлекло за собой общее благополучіе [1]). Четыре года прошло уже съ тѣхъ поръ, какъ самодержавіе Анны Іоанновны восторжествовало надъ многовластіемъ верховнаго тайнаго совѣта, и тѣмъ не менѣе Ѳеофанъ не могъ простить верховникамъ ихъ попытки ограничить власть императрицы; съ какимъ же чувствомъ нетерпѣливаго ожиданія долженъ былъ онъ въ 1730 г. приписать къ первому проекту указа въ обнародованной нами выше запискѣ заключительныя слова: „а Верховному Тайному Совѣту отселѣ не быть“!

Но не одни принципіальныя разногласія заставляли Ѳеофана Прокоповича ополчиться противъ „затѣйки“ верховниковъ, разсматриваемой имъ какъ результатъ направленія всей предыдущей

[1]) Морозовъ, „Ѳеофанъ Прокоповичъ, какъ писатель“, стр. 364—369.

дѣятельности верховнаго тайнаго совѣта. Свое отрицательное отношеніе къ учрежденію, явившемуся искаженіемъ дѣла Петра Великаго, Ѳеофанъ не могъ отдѣлить отъ лицъ, входившихъ въ составъ этого учрежденія, и трудно опредѣлить, какое чувство, возмущеніе ли убѣжденнаго патріота, или личная ненависть руководили имъ въ бóльшей степени въ бурные дни начала 1730 года. Во всей своей дѣятельности Ѳеофанъ Прокоповичъ проявилъ эту черту, смѣшеніе чисто личныхъ, даже узко-эгоистическихъ побужденій съ мотивами принципіальнаго характера. Ему худо жилось въ дни владычества верховнаго тайнаго совѣта: преслѣдуемый сначала Меншиковымъ, потомъ взявшими надъ нимъ верхъ поборниками старины въ лицѣ Долгорукихъ и Голицыныхъ, онъ не могъ равнодушно видѣть, какъ въ рукахъ отдѣльныхъ, случайныхъ людей или фамилій разбивались лучшіе завѣты великой эпохи, съ которой онъ связалъ свою судьбу. Въ 1730 г., во главѣ движенія стояли тѣ же двѣ родовитыя фамиліи, которыя при Петрѣ II, то враждуя, то сходясь, сосредоточивали въ себѣ всю силу правительственной власти. Къ представителю одной изъ нихъ, кн. Д. М. Голицыну, Ѳеофанъ уже съ давняго времени питалъ нерасположеніе; причиной тому была близость Голицына къ врагу Ѳеофана, Стефану Яворскому. Можно не безъ основанія полагать, что указъ верховнаго тайнаго совѣта, отъ 6-го ноября 1727 г., о напечатаніи „Камня вѣры“ Стефана Яворскаго, подписанный Голицынымъ вмѣстѣ съ двумя другими членами совѣта, Головкинымъ и Апраксинымъ, былъ обязанъ первому своимъ появленіемъ [1]), тѣмъ болѣе, что докладъ объ этой книгѣ составленъ былъ другимъ близкимъ къ Голицыну лицомъ, архіепископомъ тверскимъ Ѳеофилактомъ, мечты котораго о патріаршествѣ и интриги противъ Ѳеофана, нѣсколько лѣтъ спустя, вызвали столкновеніе его съ новгородскимъ архіепископомъ; въ допросахъ по этому дѣлу архимандритъ Іоасафъ Маевскій показывалъ, что Ѳеофилактъ говорилъ ему о стараніяхъ кн. Д. Голицына и гр. И. А. Мусинъ-Пушкина относительно обнародованія „Камня вѣры“ [2]).

Напечатаніе „Камня вѣры“ было вызовомъ, брошеннымъ партіей приверженцевъ старины представителю новыхъ вѣяній въ церковной жизни, порожденныхъ реформой. Однимъ изъ излюбленныхъ вожделѣній этой партіи являлось возстановленіе патріаршества, и процессъ Ѳеофилакта Лопатинскаго раскрылъ, насколько эта мечта глубоко засѣла въ умахъ нѣкоторыхъ совре-

[1]) Сборникъ Имп. Ист. Об—ва, т. LXIX, стр. 709—710.
[2]) Чистовичъ, „Ѳеофанъ Прокоповичъ“, стр. 466.

менниковъ. Еслибы допустить, что событія 1730-го года могли принять благопріятный для верховниковъ оборотъ, то можно было бы ожидать, что главенство Д. М. Голицына въ правительствѣ неминуемо привело бы къ провозглашенію патріархомъ одного изъ близкихъ къ нему іерарховъ церкви, и всего вѣроятнѣе—того же Ѳеофилакта, а возстановленіе патріаршества означало бы не только отмѣну церковной реформы Петра I, но и гибель главнаго пособника его въ этомъ дѣлѣ—Ѳеофана Прокоповича. Вполнѣ возможно, что послѣдній предвидѣлъ этотъ неблагопріятный для него оборотъ дѣла: негодованіе и злоба, съ которыми онъ обрушился въ своемъ „Сказаніи" на авторовъ „кондицій", заставляютъ подозрѣвать, что далеко не одни побужденія принципіальнаго характера руководили имъ въ его борьбѣ съ верховнымъ тайнымъ совѣтомъ, но еще болѣе страхъ за себя и свое будущее. Это опасеніе за свою судьбу дѣлаетъ понятной и ту лихорадочную дѣятельность, какую проявилъ Ѳеофанъ послѣ избранія Анны Іоанновны: есть извѣстіе, что онъ тотчасъ же послѣ избранія ея тайно отправилъ къ ней въ Митаву гонца съ увѣдомленіемъ о кондиціяхъ, составленныхъ верховнымъ тайнымъ совѣтомъ, причемъ увѣщевалъ ее не вѣрить этому акту и давалъ ей понять, что онъ можетъ быть со временемъ уничтоженъ; когда же Анна прибыла въ Москву и бдительно охранялась верховниками отъ всякихъ сношеній съ внѣшнимъ міромъ помимо ихъ, Ѳеофанъ, по разсказу одного современника, подарилъ ей столовые часы, въ которыхъ скрыта была записка съ указаніемъ, какъ дѣйствовать противъ верховниковъ [1]). Если эти извѣстія справедливы, то слѣдуетъ полагать, что только сознаніе крайней опасности своего собственнаго положенія заставило осторожнаго новгородскаго архіепископа прибѣгнуть къ столь рискованнымъ средствамъ сношенія съ новой императрицей для противодѣйствія умыслу верховниковъ.

Другой причиной негодованія Ѳеофана противъ членовъ верховнаго тайнаго совѣта, и въ частности — противъ Дм. Голицына, явилось умышленное устраненіе ими высшаго духовенства отъ дѣятельнаго участія въ совершавшемся переворотѣ; верховники, очевидно, не разсчитывали на поддержку со стороны духовенства, а въ особенности со стороны первенствовавшаго въ синодѣ новгородскаго архіепископа. Роль, сыгранная имъ при возведеніи Екатерины I на престолъ, была у всѣхъ на памяти, и

[1]) Митр. Евгеній, „Словарь писателей дух. чина", ч. II, стр. 678; „Записки дюка Лирійскаго", стр. 181.

верховники имѣли полное основаніе опасаться повторенія такого же энергичнаго вмѣшательства его въ затѣянное ими дѣло; они знали кромѣ того, что убѣжденія и личныя симпатіи Өеофана оказались бы безусловно враждебны всему направленію намѣченной ими перемѣны въ „образѣ царствованія". Съ горечью и ироніей говоритъ Өеофанъ въ своемъ „Сказаніи" о той тайнѣ, которою верховники окружили свою „затѣйку", о томъ, какъ они въ ночь 18-го января, тотчасъ послѣ смерти Петра II, хитростью удалили архіереевъ, чтобы помимо ихъ обсудить вопросъ о престолонаслѣдіи и объ измѣненіи формы правленія, „чего нѣцыи изъ оныхъ господъ и прежде сего желали и желанія утаить въ себѣ не могли",—прибавляетъ Өеофанъ, разумѣя, конечно, въ числѣ этихъ „господъ" главнаго виновника ограниченія самодержавія, кн. Д. Голицына. Өеофанъ былъ возмущенъ той ничтожной ролью, которую верховники предоставили высшему духовенству въ великомъ дѣлѣ избранія императрицы; лично же его должно было оскорбить исключеніе его верховниками изъ состава депутаціи, которая отправилась 10-го февраля привѣтствовать императрицу въ Чашники; въ эту депутацію вошли три сенатора и три архіерея—изъ числа угодныхъ верховному тайному совѣту, а Өеофанъ въ ней не участвовалъ. Французскій резидентъ Маньянъ уже 2-го февраля доносилъ, что въ ежедневно формирующихся новыхъ партіяхъ замѣшаны *наименѣе покорные* изъ представителей духовенства, оскорбленные крайнимъ презрѣніемъ, которое выказалъ кн. Д. Голицынъ къ ихъ сословію, воспротивившись допущенію кого-либо изъ его представителей въ собраніе государственныхъ чиновъ, обсуждавшихъ вопросъ объ избраніи новой императрицы; предлогомъ ихъ устраненія изъ этого собранія,—говоритъ Маньянъ,—послужило то, что *духовенство* (разумѣй: Өеофанъ Прокоповичъ) запятнало себя содѣйствіемъ возведенію на престолъ по смерти Петра I, помимо законнаго преемника, женщины, которая должна была бы остаться совершенно въ сторонѣ отъ трона. Недовольство высшаго духовенства подтверждается свидѣтельствомъ и другого современника, саксонскаго резидента Лефорта, въ донесеніи его отъ 5-го февраля [1]). Такимъ образомъ, кромѣ личной непріязни къ самому выдающемуся изъ членовъ верховнаго тайнаго совѣта, Өеофанъ былъ глубоко оскорбленъ имъ въ своемъ самолюбіи перваго іерарха русской церкви.

Отношенія Өеофана къ кн. Д. М. Голицыну опредѣляютъ

---

[1]) Сборникъ Имп. Ист. Об—ва. т. LXXV, стр. 477, и т. V, стр. 353.

отношенія его и къ остальнымъ членамъ верховнаго тайнаго совѣта, за исключеніемъ безгласнаго Головкина и благоразумно спрятавшагося въ свою скорлупу Остермана. Если въ Дмитріѣ Голицынѣ, какъ сторонникѣ аристократической формы правленія и принципіальномъ противникѣ реформы Петра Великаго, Ѳеофанъ усматривалъ самаго опаснаго врага самодержавія и своего собственнаго, то въ Долгорукихъ онъ могъ видѣть только временщиковъ, стремившихся къ удержанію за собой той полноты власти, на которую они могли разсчитывать, еслибъ состоялся бракъ молодого императора съ Екатериной Долгорукой. Ихъ роль въ событіяхъ 1730-го года была для него ясна: она сводилась къ эгоистическому стремленію, путемъ ограниченія власти Анны Іоанновны, остаться во главѣ управленія государствомъ, независимо отъ какихъ-либо принципіальныхъ взглядовъ ихъ на достоинства того или другого „образа царствованія“.

V.

Въ „Сказаніи“ Ѳеофанъ посвящаетъ много мѣста описанію интригъ и преступныхъ дѣйствій Долгорукихъ, имъ однимъ онъ какъ будто приписываетъ всю вину въ происшедшемъ и совершенно игнорируетъ дѣятельность кн. Д. Голицына, хотя онъ не могъ не знать, что именно послѣднему принадлежитъ починъ въ вопросѣ объ ограниченіи самодержавія. Причина этому очевидна сама собой: поведеніе Долгорукихъ давало наиболѣе благодарный матеріалъ для обвинительнаго акта; на уличенія ихъ въ желаніи удержать за собою власть всѣми дозволенными и недозволенными средствами можно было построить все обвиненіе, истолковавъ всѣ дѣйствія верховниковъ, безъ различія лицъ, однимъ эгоистическимъ побужденіемъ—остаться во что бы то ни стало у кормила правленія. Между тѣмъ выдвигать въ обвинительномъ актѣ главнаго иниціатора дѣла и автора кондицій не было такъ удобно; для этого пришлось бы вступать въ споръ относительно достоинствъ того или другого государственнаго строя, доказывать преимущества самодержавія передъ аристократическимъ или хотя бы олигархическимъ режимомъ, однимъ словомъ—переносить дѣло на почву принципіальныхъ вопросовъ, далеко не столь легко поддающихся формулировкѣ въ видѣ обвинительныхъ статей, къ какой стремился Ѳеофанъ. Выставляя Долгорукихъ главными и даже единственными зачинщиками преступнаго умысла, Ѳеофанъ этимъ самымъ въ одно и то же время

очернялъ и всѣхъ другихъ соучастниковъ этого умысла и придавалъ такимъ образомъ всѣмъ верховникамъ одинаковыя побужденія съ тѣми,. кого онъ изобразилъ вожаками движенія. На этой передержкѣ фактовъ построено все обвиненіе въ „Сказаніи“, и нельзя не признать, что умолчаніе о роли Д. Голицына въ ограниченіи самодержавія Анны Іоанновны является очень ловкимъ полемическимъ пріемомъ со стороны автора и доказываетъ, что онъ зналъ, гдѣ найти наиболѣе уязвимое мѣсто въ поведеніи своихъ противниковъ, личныхъ и политическихъ.

Таковы были мотивы, подъ вліяніемъ которыхъ дѣйствовалъ Ѳеофанъ Прокоповичъ въ 1730-мъ году. При свѣтѣ ихъ становится ясно, что всѣ три произведенія его, написанныя подъ впечатлѣніемъ событій того времени, тѣснѣйшимъ образомъ связаны между собой и направлены къ одной цѣли. Слишкомъ много было у Ѳеофана причинъ вражды къ верховникамъ и накопилось озлобленія противъ нихъ, чтобъ можно было допустить, что онъ писалъ спроста и „Сказаніе“, и „Изъясненіе“ ихъ винъ, и наконецъ—помѣщенную выше записку. Эта послѣдняя даетъ ключъ къ пониманію практической цѣли, которую преслѣдовали два другія произведенія новгородскаго архіепископа. Въ приложенномъ къ ней второмъ проектѣ указа ясно говорится, что великому собранію всѣхъ чиновъ государства предстоитъ разсмотрѣть, „когда, гдѣ, отъ кого и для чего способъ онаго призову (т.-е. призванія императрицы на престолъ) опредѣленъ, и просто или обманно, и не къ партикулярной ли чьей пользѣ былъ намѣренъ“. Въ этихъ словахъ заключена программа дѣятельности суда надъ верховниками, программа, развитая по всѣмъ перечисленнымъ пунктамъ въ „Изъясненіи“ и подробно разработанная въ повѣствовательной формѣ въ „Сказаніи“; въ нихъ же вмѣстѣ съ тѣмъ предрѣшается и приговоръ этого суда, ибо Ѳеофанъ безъ сомнѣнія заранѣе былъ увѣренъ, что „призовъ“ Анны Іоанновны будетъ признанъ не только „обманнымъ“, но и совершеннымъ „къ партикулярной пользѣ“ иниціаторовъ его.

Но если въ требованіи суда надъ верховниками выразилось стремленіе Ѳеофана Прокоповича торжественнымъ актомъ ликвидировать прошлое, закрыть пути къ повторенію подобнаго рода попытокъ ограничить самодержавіе и вмѣстѣ съ тѣмъ свести счеты съ личными недругами, то въ намѣченныхъ имъ вскользь преобразованіяхъ сказалось желаніе упрочить за дѣломъ Петра Великаго все то значеніе, какое оно утратило за время властвованія верховнаго тайнаго совѣта, и тѣмъ положить основу даль-

нѣйшему мирному развитію государства, „къ безпечалію и покою народному“. Въ просьбѣ, поданной императрицѣ всѣми духовными и свѣтскими лицами объ упраздненіи верховнаго тайнаго совѣта и возстановленіи сената, Ѳеофанъ видитъ основаніе для того, чтобъ указать верховной власти на необходимость реформы органа высшаго управленія, полагая, что императрица охотно пойдетъ навстрѣчу такому преобразованію, которое обезпечитъ ее отъ повторенія печальнаго опыта столкновенія ея съ учрежденіемъ, призвавшимъ ее на престолъ. „Малому“ числу членовъ верховнаго тайнаго совѣта долженъ быть противопоставленъ возрожденный Петровскій сенатъ „въ немаломъ числѣ“, какъ противоядіе противъ какихъ-либо олигархическихъ замысловъ и „сковническаго тиранства“ кучки сильныхъ людей въ будущемъ. Анна Іоанновна, какъ извѣстно, удовлетворила желаніе Ѳеофана и шляхетства, возстановивъ сенатъ въ числѣ 21 члена, хотя далеко не такъ, какъ могъ надѣяться новгородскій архіепископъ, ибо въ новый сенатъ вошли почти всѣ члены уничтоженнаго верховнаго тайнаго совѣта.

VI.

Но собраніе всѣхъ чиновъ государства должно было разрѣшить и „другія нужды“. Какія нужды—объ этомъ авторъ записки ничего не говоритъ, и можно только догадываться, что Ѳеофанъ имѣлъ въ виду тѣ преобразованія, которыя намѣчены были въ проектахъ, выработанныхъ шляхетствомъ. Вмѣстѣ съ послѣднимъ, онъ подвергся воздѣйствію той политической лихорадки, которая охватила общество въ первые мѣсяцы 1730 г.; съ глубокимъ интересомъ слѣдилъ онъ за развитіемъ общественнаго сознанія шляхетства, выразившагося въ его проектахъ реформы, и сочувственно смотрѣлъ на оппозицію шляхетскаго большинства олигархическимъ намѣреніямъ верховнаго тайнаго совѣта. Между тѣмъ, провозглашеніе самодержавія безъ какихъ-либо условій и оговорокъ и безъ обѣщанія со стороны верховной власти вступить на путь реформъ, требуемыхъ шляхетствомъ, не могло не оставить въ сознаніи послѣдняго чувства нѣкотораго разочарованія: все оставалось по прежнему; весь трудъ, положенный на выработку шляхетскихъ проектовъ, и все возбужденіе политической мысли общества, взбудораженной внезапнымъ выступленіемъ верховнаго тайнаго совѣта въ роли единаго вершителя судебъ государства, пропадали даромъ, и все снова становилось въ за-

висимость отъ одной доброй воли монарха. Шляхетство имѣло право надѣяться на то, что въ памятный день 25 февраля, когда оно подало императрицѣ свою челобитную объ уничтоженіи верховнаго тайнаго совѣта и съ указаніемъ на необходимость различныхъ преобразованій, челобитная эта будетъ разсмотрѣна, какъ подобало ей по важности затронутыхъ въ ней вопросовъ и какъ обѣщала это сама Анна Іоанновна. Но случилось нѣчто неожиданное: гвардія и часть дворянъ, не обращая вниманія на челобитную, громкими возгласами потребовали возстановленія стараго порядка вещей. Тогда шляхетское большинство, не видя другого исхода, рѣшило подать императрицѣ новую челобитную, въ которой просило ее воспринять самодержавіе, возстановить Петровскій сенатъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ „установить форму правительства государства на предбудущее время". Эта неопредѣленная фраза была единственнымъ, что̀ осталось отъ прежнихъ завѣтныхъ помышленій шляхетства, изложенныхъ въ его проектахъ; она такъ и осталась одной фразой; составленныя верховниками кондиціи были разодраны, но о какомъ-либо „установленіи формы правительства" по желанію дворянъ больше не было рѣчи; приходилось поэтому только склониться передъ совершившимся фактомъ возстановленія самодержавнаго строя во всей его былой неприкосновенности, безо всякихъ гарантій въ удовлетвореніи шляхетскихъ нуждъ и чаяній въ будущемъ.

Повидимому, и Ѳеофанъ Прокоповичъ долженъ былъ испытать долю того разочарованія, которое охватило шляхетство послѣ 25 февраля 1730 г. Проектъ созыва великаго собранія былъ написанъ имъ еще въ такое время, когда могла оставаться надежда на то, что императрица вступитъ на путь широкихъ реформъ: ограничительные пункты были только-что уничтожены, но ожидаемое съ часу на часъ упраздненіе верховнаго тайнаго совѣта еще не послѣдовало, и дальнѣйшая политика правительства не опредѣлилась. Поэтому Ѳеофанъ, въ надеждѣ на скорое выступленіе правительства съ программой преобразованій, могъ еще смѣло включить въ свою записку указаніе на необходимость реформъ въ духѣ шляхетскаго большинства. Но изо всѣхъ требуемыхъ реформъ была выполнена только одна: сенатъ былъ возстановленъ, какъ того желало шляхетство, указомъ 4 марта 1730 г. Для Ѳеофана это было первымъ разочарованіемъ: онъ надѣялся, что вопросъ „о состояніи будущаго Сената" будетъ обсуждаться на предложенномъ имъ великомъ собраніи всѣхъ чиновъ государства; между тѣмъ это совершилось такъ просто, однимъ почеркомъ пера, безъ созыва какого-либо собранія. Даль-

нѣйшее направленіе правительственной политики показало ему, что и тѣ скромныя надежды на какое-то обновленіе государственнаго строя, какія онъ могъ питать въ первые дни послѣ паденія верховниковъ, когда имъ была составлена его записка, не осуществятся, что правительство не помышляетъ о томъ, чтобы пойти новымъ путемъ къ разрѣшенію назрѣвшихъ потребностей государственной жизни. Поэтому въ двухъ произведеніяхъ, написанныхъ Ѳеофаномъ послѣ записки о созывѣ великаго собранія, ужъ ничего не говорится о преобразованіи сената и о „другихъ нуждахъ“, и все содержаніе ихъ исчерпывается исчисленіемъ преступныхъ дѣяній членовъ упраздненнаго верховнаго тайнаго совѣта. Въ „Сказаніи“ о событіяхъ 1730-го года Ѳеофанъ, съ присущею ему гибкостью мнѣнія, становится уже всецѣло на правительственную точку зрѣнія, не безъ ироніи отзываясь о совѣщаніяхъ шляхетства и его преобразовательныхъ проектахъ; но мы, знакомые съ его собственнымъ проектомъ созыва великаго собранія, можемъ теперь сказать, что эта иронія не была искренняя, что онъ самъ сочувствовалъ стремленіямъ шляхетства и раздѣлялъ вмѣстѣ съ нимъ его кратковременное увлеченіе политикой.

Если надежды на государственное преобразованіе обманули новгородскаго архіепископа, то не меньшее разочарованіе потерпѣлъ онъ и по отношенію къ другой, особенно дорогой ему цѣли, формулированной въ его запискѣ; судъ надъ верховниками не только не былъ созванъ, хотя бы и въ такой исключительно торжественной обстановкѣ, какую предлагалъ для него Ѳеофанъ въ назиданіе потомству, но онъ вовсе не состоялся; кара за ихъ преступные умыслы растянута была на протяженіе нѣсколькихъ лѣтъ, приводилась въ исполненіе понемногу и какъ бы исподтишка, причемъ предлогомъ для нея служили въ большинствѣ случаевъ проступки, не имѣвшіе ничего общаго съ дѣйствіями верховниковъ въ 1730 году; она носила скорѣе отпечатокъ личной мести, чѣмъ заслуженнаго наказанія за государственное преступленіе. И въ этомъ случаѣ суровая дѣйствительность оказала свое отрезвляющее вліяніе на увлекавшагося обстановкой минуты и мечтой о всенародномъ гласномъ судѣ надъ личными и политическими врагами Ѳеофана Прокоповича; онъ долженъ былъ примириться съ тѣмъ настроеніемъ, которое наступило при дворѣ послѣ 25 февраля, и понять, что не окрѣпшая еще на своемъ престолѣ Анна Іоанновна опасалась вызвать раздраженіе высшаго дворянства громкимъ процессомъ о своемъ избраніи. Не только верховный судъ надъ дѣятелями этого избранія не былъ учре-

жденъ, но главные виновники продолжали пользоваться долгое время свободой и даже попали почти всѣ въ возобновленный въ новомъ составѣ сенатъ. Не этого хотѣлъ Ѳеофанъ, и врядъ-ли онъ перенесъ это новое разочарованіе безъ досады и горечи.

Но въ эпохи возбужденія политическихъ страстей нерѣдко совершается, подъ вліяніемъ обстоятельствъ момента, своего рода переоцѣнка политическихъ убѣжденій. Быстро развивающіяся событія подвергаютъ испытанію тѣ воззрѣнія, которыя дотолѣ служили человѣку руководствомъ въ его повседневной жизни; все то, что̀ раньше дремало въ немъ, пробуждается съ особенной остротой, и въ этомъ обостреніи своихъ политическихъ взглядовъ онъ часто теряетъ чувство мѣры и впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собой. Нѣчто подобное случилось и съ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ въ 1730 году: борьба съ верховниками поставила на пробу его политическія воззрѣнія, и эта проба не прошла для него даромъ; онъ не выдержалъ до конца своей роли защитника самодержавія отъ какихъ бы то ни было покушеній на его неприкосновенность и потерялъ равновѣсіе, впавъ въ противорѣчіе съ тѣми взглядами, которые заставили его вступить на арену политической борьбы. Увлеченный этой борьбой, онъ не замѣтилъ, что предложенная имъ въ обнародованной нами запискѣ мѣра—созывъ собранія всѣхъ чиновъ государства для суда надъ верховниками и обсужденія преобразованій въ государственномъ строѣ—могла явиться опасной для цѣлости того самодержавія, на защиту котораго онъ выступилъ; при данномъ настроеніи общества это собраніе могло подвергнуть перестройкѣ весь организмъ государства, поставивъ на очередь всѣ наболѣвшіе вопросы, поднятые на поверхность общественнаго сознанія волной политическаго возбужденія, подъ вліяніемъ котораго написана вся записка. Быть можетъ, передъ Ѳеофаномъ носилось представленіе о возобновленномъ земскомъ соборѣ XVII-го вѣка, столь же оффиціально-сословномъ по составу, но съ задачами гораздо болѣе широкими; могъ ли онъ, однако, поручиться, что этотъ соборъ не окажется опаснымъ для незыблемости принципа самодержавія? Очевидно, Ѳеофанъ силою событій былъ вовлеченъ въ это противорѣчіе съ самимъ собой, и только увлеченіемъ можно объяснить, что убѣжденный сторонникъ самодержавія и одинъ изъ преданнѣйшихъ почитателей дѣла Петра Великаго предлагаетъ созвать своего рода земскій соборъ для пересмотра основаній, быть можетъ, всего государственнаго строя, созданнаго Великимъ Преобразователемъ. Ѳеофанъ Прокоповичъ быстро отрезвился отъ этого увлеченія: записка его осталась

между его бумагами и, можетъ быть, сообщена была имъ одному Остерману; во всякомъ случаѣ распространенія она не получила, и вѣроятно самъ авторъ ея, осмотрительный и чуткій къ перемѣнамъ политической температуры новгородскій архіепископъ, былъ доволенъ тѣмъ, что своевременно скрылъ ее отъ нескромныхъ взоровъ тѣхъ, кто могъ бы въ будущемъ воспользоваться ею противъ него же самого.

Кн. Н. В. Голицынъ.

ИЗУМРУДЪ.

Склонивъ надъ вѣщей книгой вѣжды,
Я выбираю изъ причудъ
Родной земли, какъ знакъ надежды,
Зелено-яркій изумрудъ.

Лучи въ невиданныхъ сіяньяхъ
Плывутъ ко мнѣ со всѣхъ сторонъ,
И я тону въ ихъ очертаньяхъ,
Какъ древле—гордый царь Неронъ.

Съ неутоленной жаждой чуда
Встаютъ вопросы темныхъ лѣтъ,
И въ преломленьяхъ изумруда
Горитъ безчисленный отвѣтъ.

П. С. Соловьева.

А. П. ЧЕХОВЪ

ВЪ

ГРЕЧЕСКОЙ ШКОЛѢ

Послѣ смерти Антона Павловича Чехова о немъ возникла цѣлая литература, отнесшаяся въ высшей степени сочувственно къ его памяти. Покойный писатель былъ охарактеризованъ со многихъ сторонъ—и какъ человѣкъ, и какъ авторъ, и какъ мыслитель-идеалистъ, и даже какъ quasi-пессимистъ. Были также попытки дать матеріалъ для его біографіи. Но это былъ лишь отрывочный, случайный матеріалъ — эпизоды, выхваченные изъ жизни писателя и переданные частью правдиво, частью же въ искаженномъ видѣ. Стройнаго цѣлаго по этимъ отрывкамъ составить нельзя. Біографія Антона Павловича—дѣло будущаго, да пожалуй—и не особенно близкаго.

О дѣтствѣ покойнаго А. П. Чехова, о его первоначальномъ воспитаніи и о первыхъ школьныхъ шагахъ не написано пока еще ни одной строки. Правда, когда телеграфъ принесъ изъ Баденвейлера извѣстіе о его ранней кончинѣ и когда искренно горевала объ ушедшемъ крупномъ талантѣ вся интеллигентная и мыслящая Россія, редакціи нѣкоторыхъ южныхъ газетъ самымъ добросовѣстнымъ образомъ собрали отъ проживающихъ въ Таганрогѣ родственниковъ покойнаго—преимущественно отъ дальней тетки Антона Павловича, Марѳы Ивановны Морозовой—немало свѣдѣній о его дѣтскихъ годахъ. Но эти свѣдѣнія односторонни и не всегда точны. Оно и понятно. М. И. Морозова теперь—уже преклонныхъ лѣтъ: многое уже испарилось изъ ея памяти, а многое и перемѣшалось. О первыхъ же собственно школь-

ныхъ годахъ Антона Павловича никто не могъ ничего разсказать репортерамъ ростовскихъ и таганрогскихъ газетъ. Эти свѣдѣнія можно было почерпнуть только въ тѣсной семьѣ его ближайшихъ родственниковъ. Но семьѣ, подавленной горемъ, было не до того. Да къ ней, къ слову сказать, мало кто и обращался. Представители журнальнаго и газетнаго міра были — за немногими исключеніями — очень деликатны, щадили чужое горе и не приставали съ разспросами.

Ближе всѣхъ жизнь покойнаго писателя знали его братья. Но ни одинъ изъ нихъ, подъ давленіемъ семейнаго горя, вызваннаго тяжелою утратой, долго не могъ взяться за перо, и только сравнительно недавно Мих. П. Чеховъ напечаталъ въ „Журналѣ для всѣхъ" обстоятельную и правдивую страничку изъ жизни Антона Павловича-юноши. Періодъ же перваго и самаго ранняго школьнаго возраста составляетъ пробѣлъ.

Теперь, когда жгучая боль улеглась и когда воспоминаніе объ утратѣ волнуетъ уже не такъ сильно, я позволяю себѣ скромную попытку пополнить пробѣлъ и набросать по воспоминаніямъ нѣсколько страницъ изъ ранней школьной жизни Антона Павловича. Я увѣренъ, что эти страницы извѣстны только одному мнѣ, какъ самому старшему члену въ семьѣ и какъ ученику той самой греческой школы, о которой сейчасъ пойдетъ не лишенная — какъ мнѣ думается — нѣкотораго бытового интереса рѣчь.

I.

Антонъ Павловичъ, какъ извѣстно, родился въ Таганрогѣ и тамъ же получилъ свое первоначальное и гимназическое образованіе. Онъ до самой своей смерти относился къ этому городу, какъ къ родному, заботился о его публичной библіотекѣ и велъ оживленную переписку съ его видными представителями.

Павла Егоровича и Евгенію Яковлевну Чеховыхъ—родителей покойнаго писателя—Богъ благословилъ многочисленной семьей: у нихъ было пятеро сыновей и одна дочь. Антонъ Павловичъ былъ третьимъ сыномъ. Павелъ Егоровичъ былъ таганрогскимъ купцомъ второй гильдіи, торговалъ бакалейнымъ товаромъ, пользовался общимъ уваженіемъ и несъ на себѣ общественныя—почетныя, а потому и безплатныя—должности ратмана полиціи, а впослѣдствіи—члена торговой депутаціи. Слылъ онъ среди согражданъ за человѣка состоятельнаго, но на самомъ дѣлѣ едва сводилъ концы съ концами. Таганрогъ, нѣкогда цвѣтущій въ тор-

говомъ отношеніи городъ, понемногу падалъ. Падала вмѣстѣ съ этимъ и торговля Павла Егоровича. Жизнь съ каждымъ годомъ становилась дороже, а семья—все прибавлялась и разросталась. Все это незамѣтно, но упорно подтачивало матеріальное положеніе семьи Чеховыхъ и въ концѣ концовъ привело къ краху, который замѣтнымъ образомъ отразился и на дальнѣйшей жизни писателя. Но объ этомъ рѣчь впереди.

Для того же, чтобы читателю былъ ясенъ дальнѣйшій разсказъ, необходимо дать хоть нѣкоторое понятіе о томъ, чѣмъ былъ Таганрогъ въ то время, когда Антонъ Павловичъ достигъ школьнаго возраста.

Это былъ городъ, представлявшій собою странную смѣсь патріархальности съ европейской культурою и внѣшнимъ лоскомъ. Добрую половину его населенія составляли иностранцы—греки, итальянцы, нѣмцы и отчасти англичане. Греки преобладали. Расположенный на берегу Азовскаго моря и обладавшій мало-мальски сносною, хотя и мелководною гаванью, построенной еще княземъ Воронцовымъ, городъ считался портовымъ, и въ тѣ, не особенно требовательныя времена оправдывалъ это названіе. Обширныя южныя степи тогда еще не были такъ распаханы и истощены, какъ теперь; ежегодно милліоны пудовъ зернового хлѣба, преимущественно пшеницы, уходили заграницу черезъ одинъ только таганрогскій портъ. Нынѣшнихъ конкуррентовъ его—портовъ ростовскаго, маріупольскаго, ейскаго и бердянскаго—тогда еще не было.

Большіе иностранные пароходы и парусныя суда останавливались въ пятидесяти верстахъ отъ гавани, на такъ-называемомъ рейдѣ, и производили выгрузку и нагрузку съ помощью мелкихъ каботажныхъ судовъ. Каботажемъ занимались по преимуществу мѣстные греки и болѣе или менѣе состоятельные мѣщане изъ русскихъ. Огромный же контингентъ недостаточнаго русскаго населенія, такъ называемые „дрягили“ (испорченное нѣмецкое: „Träger“) снискивали себѣ пропитаніе перевозкою хлѣба изъ амбаровъ въ гавань и нагрузкою его въ трюмы судовъ. Народъ этотъ находился въ полной матеріальной зависимости отъ богатыхъ негоціантовъ - грековъ, и зависимость эта нерѣдко переходила въ самую откровенную и ничѣмъ не прикрываемую кабалу. Въ кабалѣ же состояли и владѣльцы мелкихъ каботажныхъ судовъ,—они же и шкипера этихъ судовъ.

Аристократію тогдашняго Таганрога изображали собою крупные торговцы хлѣбомъ и иностранными привозными товарами—греки: печальной памяти Вальяно, Скараманга, Кондоянаки, Му-

сури, Сфаелло и еще нѣсколько иностранныхъ фирмъ, явившихся Богъ-вѣсть откуда и сумѣвшихъ забрать въ свои руки всю торговлю юга Россіи. Все это были милліонеры и притомъ—почти всѣ болѣе или менѣе темнаго происхожденія, малограмотные и далеко не чистые на руку. Архимилліонеръ Вальяно держалъ въ полной экономической отъ себя зависимости не только торговое и мореходное населеніе Таганрога, но и множество окрестныхъ помѣщиковъ - хлѣборобовъ. Его огромныя богатства не помѣшали ему, однакоже, стать во главѣ контрабандистовъ и сдѣлаться первымъ персонажемъ въ памятномъ еще и до сихъ поръ, громкомъ процессѣ хищеній въ таганрогской таможнѣ. Этотъ процессъ, надѣлавшій въ свое время столько шума, прочно установилъ, что такіе финансовые тузы, какъ Вальяно, Мусури и tutti quanti, не стыдились съ помощью тогдашней таможни обворовывать въ теченіе ряда лѣтъ русскую казну на сотни тысячъ рублей ежегодно. Наличность милліоновъ въ карманѣ, крупная торговля съ Европою и мелкія сдѣлки съ совѣстью шли у этихъ господъ рука-объ-руку и другъ другу не мѣшали. Таможенные чиновники пошли въ ссылку, а виноватые негоціанты перемѣнили лишь вывѣски фирмъ и продолжали торговать и блаженствовать.

Зато внѣшняго, мишурнаго лоска было много. Въ городскомъ театрѣ шла нѣсколько лѣтъ подъ-рядъ итальянская опера съ первоклассными пѣвцами, которыхъ негоціанты выписывали изъ-за-границы за свой собственный счетъ. Примадоннъ буквально засыпали цвѣтами и золотомъ. Щегольскіе заграничные экипажи, породистые кони, роскошные дамскіе тысячные туалеты составляли явленіе обычное. Оркестръ въ городскомъ саду, составленный изъ первоклассныхъ музыкантовъ, исполнялъ симфоніи. Мѣстное кладбище пестрѣло дорогими мраморными памятниками, выписанными прямо изъ Италіи отъ лучшихъ скульпторовъ. Въ клубѣ велась крупная игра, и бывали случаи, когда за зелеными столами разыгрывались въ какой-нибудь часъ десятки тысячъ рублей. Задавались лукулловскіе обѣды и ужины. Это считалось шикомъ и проявленіемъ европейской культуры.

Въ то же время Таганрогъ щеголялъ и патріархальностью. Улицы были немощеныя. Весною и осенью на нихъ стояла глубокая, невылазная грязь, а лѣтомъ онѣ покрывались почти сплошь буйно разроставшимся бурьяномъ, репейникомъ и сорными травами. Освѣщеніе на двухъ главныхъ улицахъ было болѣе, чѣмъ скудное, а на остальныхъ его не было и въ поминѣ. Обыватели ходили по ночамъ съ собственными ручными фонарями. По субботамъ по городу ходилъ съ большимъ вѣникомъ на плечѣ, на

подобіе солдатскаго ружья, баньщикъ и выкрикивалъ:—„Въ баню! Въ баню! Въ торговую баню!“... Арестанты, запряженные въ телѣгу, вмѣсто лошадей, провозили на себѣ черезъ весь городъ изъ склада въ тюрьму мѣшки съ мукой и крупой для своего пропитанія. Они же всенародно и варварски уничтожали на базарѣ бродячихъ собакъ съ помощью дубинъ и крюковъ. Лошади пожарной команды неустанно возили „воду и воеводу“, а пожарныя бочки разсыхались и разваливались отъ недостатка влаги. Иностранные негоціанты выставляли на видъ свое богатство и роскошь, а прочее населеніе съ трудомъ перебивалось, какъ говорится, съ хлѣба на квасъ.

Такова была физіономія тогдашняго Таганрога.

Помимо крупныхъ негоціантовъ и закабаленныхъ ими полуголодныхъ пролетаріевъ, существовалъ еще классъ обывателей.— Это были такъ называемые „маклера“, тоже большею частью иностранцы. Эти господа имѣли свои „конторы“, скупали мелкими партіями привозимый изъ деревень чумаками на волахъ хлѣбъ, ссыпали его въ амбары и затѣмъ перепродавали Вальяно или другимъ тузамъ, составлявшимъ крупныя партіи уже для отправки заграницу. У этихъ тузовъ также были свои конторы. Въ нихъ совершались торговыя сдѣлки и велась обширная коммерческая переписка съ иностранными европейскими фирмами. У Вальяно, который до конца дней своихъ не научился ни читать, ни писать и умеръ въ буквальномъ смыслѣ слова неграмотнымъ, служилъ въ конторѣ цѣлый штатъ клэрковъ, бухгалтеровъ и разныхъ дѣлопроизводителей. Штатъ этотъ получалъ довольно солидное содержаніе—и попасть клэркомъ въ контору къ Вальяно или къ Кондоянаки, къ Скараманга или къ кому-нибудь изъ этихъ финансовыхъ дѣльцовъ—значило составить себѣ карьеру.

Объ этихъ мѣстахъ въ греческихъ конторахъ мечтали, какъ о маннѣ небесной, подроставшіе юноши; о томъ же мечтали и отцы, поднимавшіе на ноги своихъ чадъ. Но для того, чтобы явиться достойнымъ кандидатомъ на эту манну, нужно было знать иностранные языки и, главнымъ образомъ, греческій,—не древній, изучаемый въ гимназіяхъ, а новѣйшій, на которомъ говорятъ, читаютъ, пишутъ и издаютъ газеты нынѣшніе измельчавшіе потомки великихъ Софокловъ, Демосѳеновъ, Сократовъ и Платоновъ.

Павелъ Егоровичъ—отецъ Антона Павловича—тоже мечталъ о подобной карьерѣ для своихъ сыновей. Въ то время окладъ жалованья въ тысячу или въ полторы тысячи рублей въ годъ счи-

тался не только достаточнымъ, но и богатымъ. А греческія конторы выплачивали такіе оклады безъ труда, лишь бы служащій былъ человѣкомъ подходящимъ, расторопнымъ, смѣтливымъ и зналъ свое дѣло.

— Ну, что̀ вотъ я,—говаривалъ нерѣдко Павелъ Егоровичъ Евгеніи Яковлевнѣ:—съ утра до ночи сижу въ своей лавкѣ, торгую, а каждый годъ при подсчетѣ оказываются одни убытки... То ли дѣло служить у Вальяно или у Скараманги... Сидитъ человѣкъ въ теплѣ, спокойно за конторкой, пишетъ и щелкаетъ на счетахъ, и безъ хлопотъ получаетъ чистоганомъ тысячу рублей въ годъ. Надо будетъ отдать дѣтей въ греческую школу...

— Не лучше ли въ гимназію? — возражала Евгенія Яковлевна.

— Богъ съ нею, съ гимназіей!.. Что̀ она даетъ? Вонъ у Ефремова сынъ вышелъ изъ пятаго класса, и латынь училъ,—а что̀ въ немъ толку? Сидитъ у отца на шеѣ, ходитъ безъ дѣла по городу да пожарнаго козла дразнитъ...

Въ Таганрогѣ въ то время существовали: мужская и женская гимназіи, уѣздное училище и та самая греческая школа, о которой идетъ рѣчь.

II.

Греки имѣютъ въ Таганрогѣ свою греческую церковь, стоящую на Греческой улицѣ. Церковь эта—довольно изящной архитектуры — построена почти на самомъ краю высокаго обрыва, спускающагося круто къ морю. Принадлежитъ она исключительно однимъ только грекамъ, и богослуженіе въ ней совершается на одномъ только греческомъ языкѣ. Храмъ этотъ очень богатъ. Почти всѣ иконы и лампады увѣшаны серебряными и золотыми корабликами—приношеніями шкиперовъ, обращавшихся во время бури къ заступничеству угодниковъ и спасшихся отъ нея. Въ этой церкви воспринимается отъ купели, вѣнчается, говѣетъ и отпѣвается испоконъ-вѣка вся мѣстная греческая аристократія. (У итальянцевъ есть свой костелъ, а у нѣмцевъ—кирка). Посвященъ храмъ—какъ и слѣдуетъ быть—святымъ, особенно чтимымъ въ самой Греціи. Главный престолъ—во имя св. царя Константина и матери его Елены—и два боковые придѣла—во имя свв. Герасима и Спиридона, которые у грековъ такъ же чтимы, какъ у насъ Николай Угодникъ и Илья Пророкъ. Церкви принадлежитъ большой участокъ земли; на немъ построены дома для церковнаго причта и по серединѣ между ними — большое одно-

этажное зданіе греческой школы, которая тогда называлась оффиціально: „Приходская при Цареконстантиновской церкви школа".

Содержалась она на доброхотныя пожертвованія богатыхъ грековъ-меценатовъ. Тратя ежегодно нѣсколько десятковъ тысячъ на итальянскую оперу и на симфоническій оркестръ, они милостиво удѣляли около тысячи рублей на школу. Обучались въ ней главнымъ образомъ дѣти шкиперовъ, дрягилей, матросовъ, мелкихъ маклеровъ, грековъ-ремесленниковъ и вообще лицъ низшаго ранга. Негоціанты-меценаты и мало-мальски достаточные купцы дѣтей своихъ сюда не отдавали и къ самой школѣ относились брезгливо. И, пожалуй, не безъ основанія: ученики представляли собою „смѣсь одеждъ и лицъ". Одинъ, по бѣдности родителей, являлся въ классъ безъ всякой обуви, босикомъ, другой—въ изорванной и вымазанной Богъ-вѣсть чѣмъ рубахѣ, третій — со слѣдами уличной битвы, и только очень немногіе были одѣты болѣе или менѣе прилично. Въ большинствѣ случаевъ это были „уличные мальчишки", изощрившіеся въ кулачныхъ бояхъ и всякаго рода подвигахъ и шалостяхъ, свойственныхъ дѣтямъ, оставляемымъ безъ призора. Любимымъ занятіемъ большинства было шататься по гавани среди выгружаемыхъ иностранныхъ товаровъ и воровать изъ ящиковъ, боченковъ, кулей и мѣшковъ рожки, орѣхи, винныя ягоды, апельсины и лимоны. За это имъ, что называется, „влетало" отъ дрягилей и хозяевъ товара, и многіе изъ нихъ являлись въ школу съ выдернутыми вихрами, распухшими отъ пощечинъ физіономіями, сильно надранными ушами, а иногда и со слѣдами той экзекуціи, которая мѣшаетъ наказанному сидѣть.

Школа состояла изъ пяти классовъ. Кромѣ того, былъ еще и шестой — нѣчто вродѣ приготовительнаго: въ немъ малыши начинали съ греческой азбуки. Въ первомъ классѣ ученики учились читать и писать, а въ пятомъ изучали греческій синтаксисъ и исторію Греціи. Это была высшая премудрость, дальше которой ученіе не шло. Въ младшихъ классахъ обучались мальчуганы, начиная отъ шести лѣтъ, а въ самомъ старшемъ—пятомъ—засѣдали на партахъ молодцы лѣтъ девятнадцати и двадцати, очень мало помышлявшіе о школьной премудрости.

Судя по этому короткому описанію, о греческой школѣ можно составить себѣ представленіе, какъ о заведеніи обширномъ и съ довольно широкой программой преподаванія. Но это было бы ошибкой. Всѣ шесть классовъ помѣщались въ одной комнатѣ и во всѣхъ нихъ занимался только одинъ учитель—кефалонецъ Ни-

колай Спиридоновичъ Вучина, или—какъ онъ самъ называлъ себя—Николаосъ Вутсинасъ.

— Какъ же это, — спросятъ насъ: — шесть классовъ въ одной комнатѣ? И какъ могъ учитель одновременно исполнять свои педагогическія обязанности въ нѣсколькихъ классахъ? Не разрывался же онъ на части?!

Дѣло объясняется просто. Въ большой комнатѣ стояли пять рядовъ длинныхъ, черныхъ, грязныхъ и изрѣзанныхъ ножами школьниковъ партъ. Въ началѣ каждаго ряда этихъ партъ возвышался черный шестъ и на верху его—черная же табличка съ римскою цифрою отъ I до V. Это и были классы. Въ каждомъ классѣ велось свое отдѣльное преподаваніе. Но если по какимъ-либо обстоятельствамъ въ какомъ-либо классѣ становилось тѣсно, то учитель, не задумываясь и не соображаясь съ познаніями, переводилъ учениковъ въ другіе классы, гдѣ мѣста было больше. Справлялся же Вучина со своимъ труднымъ преподавательскимъ дѣломъ очень легко: онъ почти ничего не дѣлалъ и только дрался и изобрѣталъ для учениковъ наказанія. Въ этомъ и заключалось все преподаваніе. Въ настоящее время существованіе подобнаго учебнаго заведенія было бы немыслимо, а тогда оно было не только возможно, но даже и въ порядкѣ вещей. Шкипера и дрягили отдавали своихъ дѣтей въ эту школу не столько для обогащенія ума книжной наукой, сколько для того, чтобы они не баловались и не мѣшали дома. Одни только наивные люди и меценаты могли вѣрить въ то, что въ этой школѣ ребенокъ могъ чему-нибудь научиться.

Къ числу такихъ наивныхъ людей принадлежалъ и Павелъ Егоровичъ. Не зная ни языка, ни программы школы, ни ея порядковъ, ни внутренней ея уродливой жизни, онъ въ простотѣ душевной вѣрилъ, что если его сынъ научится греческому языку, да еще вызубритъ какой-то таинственный греческій синтаксисъ, то дорога этому сыну въ заманчивую контору Вальяно или Кондояпаки, какъ въ Обѣтованную землю, будетъ открыта навѣрняка и настежь.

Бакалейная лавка Павла Егоровича съ вывѣскою: „Чай, сахаръ, кофе и другіе колоніальные товары", какъ и большинство лавокъ въ провинціи, представляла собою въ одно и то же время и торговое заведеніе, и клубъ. Сюда, кромѣ покупателей, каждый день приводили и просиживали по нѣскольку часовъ безо всякаго дѣла скучавшіе и шатавшіеся безъ опредѣленныхъ занятій обыватели. Это были мелкіе маклера по хлѣбной части, давно обжившіеся въ Таганрогѣ и довольно сносно, хотя и не

безъ акцента говорившіе по-русски греки. Субъекты эти, весьма необразованные, очень недалекіе, явившіеся въ Россію,—какъ они сами выражались,—„безъ панталоніа“ и женившіеся на русскихъ мѣщаночкахъ изъ-за грошеваго приданаго, были влюблены въ свою давно уже покинутую Грецію и лучше ея не находили въ мірѣ ни одной страны. Къ слову сказать, Антонъ Павловичъ въ своей пьесѣ „Свадьба“ вывелъ подъ именемъ грека Дымбы одинъ изъ этихъ типовъ, искренно убѣжденныхъ въ томъ, что „въ Греціи все есть“. Эти-то лавочные завсегдатаи и убѣдили Павла Егоровича въ томъ, что выше и благороднѣе греческаго языка нѣтъ ничего и что въ Аѳинахъ есть такое высшее учебное заведеніе—„тò панэпистѝміонъ“, т.-е. университетъ, изъ котораго выходятъ только одни геніи и мудрецы. Павелъ Егоровичъ, самъ обучавшійся на мѣдныя деньги, не имѣлъ основанія не довѣрять этимъ розсказнямъ, которыя къ тому же почти всякій разъ заканчивались убѣдительною ссылкою на то, что вотъ-де сынъ русскаго человѣка—Николаевъ—изучилъ греческій языкъ и теперь получаетъ въ конторѣ Вальяно 1.800 рублей въ годъ.

Съ другой стороны, два или три педагога, преподававшіе въ гимназіи и забиравшіе въ лавкѣ Павла Егоровича товаръ на книжку отъ „двадцатаго до двадцатаго“, всячески предостерегали отъ греческой школы и стояли горою за гимназію.

— Ну, на чтò вамъ, Пáвелъ Егоровичъ, этотъ греческій языкъ, будь онъ неладенъ?—говорили они.—Отдавайте дѣтей въ гимназію. Во-первыхъ, изъ гимназіи выходитъ образованный человѣкъ съ правомъ на четырнадцатый классъ; во-вторыхъ, навсегда избавляется отъ солдатчины и, въ-третьихъ, можетъ поступить въ университетъ. А изъ университета дороги всюду открыты: хочетъ—въ чиновники идетъ, хочетъ—въ доктора, хочетъ—въ учителя... А то можно и въ инженеры... Словомъ, куда угодно...

Павелъ Егоровичъ колебался. Евгенія Яковлевна, смотрѣвшая въ будущее шире, стояла за гимназію. Но тутъ судьба подсунула учителя греческой школы, кефалонца Вучину. Тотъ, въ интересахъ своего учебнаго заведенія и кармана, наговорилъ такихъ „турусовъ на колесахъ“ о преимуществахъ и выгодахъ греческаго языка и такъ расписалъ значеніе синтаксиса, что симпатіи Павла Егоровича почти безповоротно перешли на сторону школы. Выпивъ два или три стакана сантуринскаго вина, Вучина увлекся, повелъ разсказъ объ Иліадѣ и Одисеѣ, разсказалъ съ пѣною у рта и съ ворочаньемъ бѣлковъ о подвигахъ греческихъ героевъ Марка Боцариса и Міаулиса и заявилъ, что

свѣдѣнія объ этомъ можно почерпнуть только въ одной греческой школѣ и больше нигдѣ.

— Никого я теперь не послушаю, кромѣ Николая Спиридоновича,—рѣшилъ Павелъ Егоровичъ по уходѣ кефалонца.— Никуда, кромѣ греческой школы, не отдамъ дѣтей учиться. Эта школа много выше гимназіи...

Такимъ образомъ, участь Антона Павловича была рѣшена. Остановка была только за деньгами. За обученіе въ школѣ нужно было вносить двадцать-пять рублей въ годъ. А ихъ-то, денегъ, какъ разъ въ то время и не было: торговля, какъ на зло, шла изъ рукъ вонъ плохо. Въ дѣлахъ былъ застой. Но судьба и тутъ оказалась для будущаго писателя мачихой. Въ началѣ сентября, совершенно неожиданно, явился въ лавку старый должникъ— степной помѣщикъ. Онъ много лѣтъ тому назадъ задолжалъ Павлу Егоровичу за товаръ свыше ста рублей и не платилъ. Павелъ Егоровичъ привыкъ уже считать этотъ долгъ безнадежнымъ.

— Урожай въ этомъ году былъ, слава Богу, хорошъ. Зерно полновѣсное,—пояснилъ помѣщикъ.—Посмотрите-ка, Павелъ Егоровичъ, сколько я вамъ долженъ?

Павелъ Егоровичъ раскрылъ старыя, запыленныя книги; помѣщикъ, въ свою очередь, досталъ изъ бокового кармана толстый бумажникъ—и долгъ былъ уплаченъ. Павелъ Егоровичъ тотчасъ же пошелъ подѣлиться радостнымъ извѣстіемъ съ Евгеніей Яковлевной и прибавилъ:

— Завтра же отвезу Колю и Антошу въ школу къ Николаю Спиридоновичу.

— Колѣ и Антошѣ нужно сначала сшить теплыя пальто на зиму,—отвѣтила предусмотрительно Евгенія Яковлевна.—Нужно будетъ послать за отцомъ Антоніемъ: онъ сошьетъ и дешево, и скоро...

За о. Антоніемъ послали въ тотъ же день, а вечеромъ уже велись съ нимъ серьезные переговоры относительно матеріи, подкладки, фасона, цѣны за работу и т. п.

О. Антоній былъ, что называется теперь,—личность темная. Никто не зналъ, откуда онъ и кто онъ. Явился онъ въ Таганрогъ изъ невѣдомыхъ мѣстъ въ видѣ странника съ посохомъ въ рукахъ и съ котомкою за плечами. Въ такомъ видѣ онъ и одинъ прекрасный іюльскій вечеръ вошелъ въ лавку къ Павлу Егоровичу и попросилъ ночлега. Будучи человѣкомъ религіознымъ и добрымъ, Павелъ Егоровичъ не отказалъ, и о. Антоній былъ оставленъ ночевать. За ужиномъ онъ разсказалъ столько

назидательнаго и чудеснаго о святыхъ мѣстахъ, что его на утро попросили остаться обѣдать. Онъ согласился и въ теченіе дня помогъ кому-то чѣмъ-то въ хозяйствѣ, и съ той поры получилъ право приходить, когда ему вздумается. Паспорта у него не спрашивалъ никто, зла онъ никому не дѣлалъ, ни въ чемъ дурномъ замѣченъ не былъ и, кромѣ того, объявилъ себя портнымъ, правда, плохимъ, но зато очень дешевымъ. Впослѣдствіи онъ исчезъ изъ Таганрога такъ же неизвѣстно куда, какъ и пришелъ неизвѣстно откуда.

Процедура съ шитьемъ двухъ дѣтскихъ пальто вышла долгая и нѣсколько напомнила гоголевскую „Шинель", но кончилась благополучно, хотя и не безъ передѣлокъ и поправокъ. Два не по росту длинныхъ пальто съ уродливыми капюшонами и длинными рукавами были сшиты—и Коля, и Антоша, послѣ молитвы „о еже хотящимъ учитися", торжественно отведены въ греческую школу. Кефалонецъ, потирая отъ удовольствія руки, тутъ же занесъ въ списки учениковъ два новыхъ имени:

„Николаосъ Тсехофъ" и „Антоніосъ Тсехофъ".

Коля—это старшій братъ Антона Павловича, художникъ, обнаруживавшій недюжинный талантъ, но рано умершій такъ же, какъ и Антонъ Павловичъ, отъ чахотки. Оба брата ходили въ школу вмѣстѣ, оба тянули въ ней безполезную лямку и оба испытывали тѣ прелести, о которыхъ рѣчь впереди.

III.

У грековъ нѣтъ звуковъ „ж", „ч", „ш" и „щ". Поэтому Антонъ Павловичъ Чеховъ превратился, какъ уже сказано, въ Тсехофа и такъ и ходилъ подъ этою кличкой до самаго выхода изъ школы. Товарищами его оказались ученики тоже съ не особенно удобоваримыми фамиліями: Вогазіаносъ, Ликіардопулосъ, Фокіакисъ, Ликацасъ, Макрасъ, Антонопулосъ и т. д. Въ большинствѣ случаевъ это были: Герасимы, Спиридоны, Георгіи, Евлампіи и Константины. Николаи и Иваны встрѣчались значительно рѣже. Все это былъ типичный черномазый и горбоносый народъ. Будущій русскій писатель сразу очутился въ какомъ-то новомъ и чуждомъ по нравамъ и языку мірѣ. Кругомъ него говорили всѣ по-гречески, задавали вопросы по-гречески и отвѣчали на его русскіе вопросы тоже на этомъ языкѣ. Очутившись столь неожиданно въ этой чуждой средѣ, Антонъ Павловичъ—какъ онъ самъ разсказывалъ послѣ—сразу опѣшилъ и

струсилъ, и это чувство страха значительно возросло въ немъ послѣ того, какъ одинъ изъ учениковъ пятаго класса—Елефтеріосъ Дикіакисъ, подойдя къ нему, для перваго знакомства, взялъ его за чубъ и пребольно стукнулъ носомъ о парту.

Ученіе началось съ того, что Николай Спиридоновичъ, проводивъ съ поклонами Павла Егоровича до дверей класса, посадилъ обоихъ новыхъ учениковъ на самую первую скамью, т.-е. въ приготовительный классъ, положилъ передъ каждымъ изъ нихъ по тоненькой книжечкѣ подъ заглавіемъ: „Неонъ Алфавитаріонъ", т.-е. „Новая азбука", и сказалъ:

— Завтра нада приносити за каздая книзка 20 копѣйкъ. Сказите это васа папаса. А типеръ вазмите книзка и уцыте: альфа, вита, гамма, дельта, эпсилонъ...

Преподавъ такое наставленіе, Николай Спиридоновичъ заложилъ руки въ карманы панталонъ и медленно отправился въ свою жилую половину, которая отдѣлялась отъ класса одной только дверью. По дорогѣ онъ замѣтилъ, что два ученика третьяго класса—Ликіардопулосъ и Пиратисъ—не смотрѣли въ книжку, а о чемъ-то оживленно спорили между собою, и тотчасъ же принялъ мѣры. Взявъ каждаго ученика за чубъ, онъ нѣсколько разъ стукнулъ ихъ головы висками другъ о друга и, выбранившись на греческомъ діалектѣ, пошелъ далѣе.

Пока онъ проходилъ по классу, вся школа, состоявшая изъ шестидесяти или семидесяти учениковъ, прилежно читала и зубрила; но лишь только онъ скрылся за своею дверью, какъ сразу же поднялся громкій говоръ и затѣялась возня. Молодыя силы, насильственно запертыя въ четыре стѣны и предоставленныя самимъ себѣ, рвались наружу. Тутъ были прыжки и зуботычины и всякаго рода шалости. Учитель не показывался изъ своихъ аппартаментовъ часа полтора, и только раза два, когда шумъ въ классѣ дѣлался ужъ очень громкимъ, грозно стучалъ въ свою дверь изнутри. Тогда сразу все смолкало и затихало, и среди учениковъ пробѣгалъ трусливый шопотъ:

— Дидаскалосъ! Дидаскалосъ! (Учитель!)

Время приближалось къ полудню. Новички, братья „Тсехофы", уже успѣли къ этому времени и натерпѣться отъ своихъ товарищей всякихъ толчковъ и пинковъ, и проголодаться, но заданнаго урока не выучили. Оба они тупо смотрѣли въ свои книжки и ровно ничего не понимали въ мудреныхъ буквахъ греческой азбуки. На ихъ грустное положеніе не откликнулся никто.

Наконецъ, вышелъ изъ своей двери учитель. Все затихло и замерло.

— Встаньте и читайте молитву!—скомандовалъ онъ по-гречески.

Ученики быстро поднялись и, стоя на своихъ мѣстахъ, оборотились лицомъ къ задней стѣнѣ, близъ которой висѣла въ углу крохотная, едва замѣтная иконка.

— Спиридонъ Фекіакисъ, читай сегодня ты!

Вызванный ученикъ прочелъ по-гречески „Отче нашъ“ и еще какую-то молитву въ стихахъ. На половинѣ этой второй молитвы учитель остановилъ его бранью, вовсе не соотвѣтствовавшей религіозному настроенію, грознымъ окрикомъ:

— Врешь! Не такъ! Герасимосъ Вогазіаносъ, читай ты!

Второй ученикъ докончилъ прерванное чтеніе. Пока онъ читалъ, глаза учителя метали искры на Фекіакиса, который проштрафился ошибкою въ молитвѣ.

— Къ полукругамъ!—раздалась команда.

Ученики вылѣзли изъ-за партъ, и каждый классъ, за исключеніемъ самаго старшаго, пятаго, направился въ свой опредѣленный уголъ. Въ углахъ были устроены особыя педагогическія приспособленія. Отъ одной стѣны до другой, на высотѣ аршина отъ пола шла выгнутая дугой желѣзная круглая полоса, отмежевывавшая четверть окружности, центръ которой находился въ самомъ углу. Ученики размѣстились у этихъ полосъ снаружи, лицами въ уголъ и спинами къ серединѣ комнаты. Когда это было сдѣлано, учитель вызвалъ четверыхъ учениковъ старшаго класса и отправилъ ихъ по одному въ каждый уголъ. Эти старшіе ученики, очень польщенные оказаннымъ имъ почетомъ, пролѣзли подъ полосами въ пространство между угломъ и желѣзомъ и, очутившись лицомъ передъ младшими товарищами, тотчасъ же приняли важную и строгую осанку и начали спрашивать уроки.

Въ классной комнатѣ, у передней стѣны, лицомъ къ партамъ стояла на возвышеніи полукруглая черная деревянная каѳедра со стуломъ внутри. Вокругъ этой каѳедры стали полукругомъ ученики пятаго класса—здоровенные великовозрастные молодцы, а на стулѣ помѣстился учитель. Здѣсь тоже началось спрашиваніе уроковъ. Но передъ этимъ провинившемуся во время молитвы Спиридону Фекіакису было сдѣлано должное внушеніе. Кефалонецъ подозвалъ его къ каѳедрѣ и, держа въ рукѣ толстую линейку, приказалъ по-гречески:

— Протягивай руку!

Фекіакисъ заревѣлъ.

— Протягивай руку!—уже грозно крикнулъ Вучина.

Виноватый, не переставая ревѣть, робко и опасливо протянулъ руку ладонью вверхъ. Началась игра кошки съ мышкой. Кефалонецъ взмахивалъ линейкою въ воздухѣ, съ удовольствіемъ нацѣливался ею и дѣлалъ видъ, что хочетъ ударить по ладони. Фекіакисъ всякій разъ нервно отдергивалъ руку назадъ, но, повинуясь новымъ грознымъ окрикамъ, долженъ былъ протягивать ее снова впередъ. Наконецъ, вдоволь натѣшившись, Николай Спиридоновичъ отсчиталъ нѣсколько очень горячихъ ударовъ, отъ которыхъ не только покраснѣла, но и вспухла ладонь, и отослалъ плачущаго ученика на мѣсто.

Занятія въ углахъ тянулись около часа. У учениковъ, въ томъ числѣ и у обоихъ новичковъ, давно уже устали и отекли ноги. Занимавшійся съ приготовительнымъ и съ первымъ классомъ старшій ученикъ прямо объявилъ на русскомъ языкѣ Антону Тсехофу:

— Ты, свиня, ницево ни знаисъ. Ты—новый. Тебе я ни буду спросить урока.

Уроки во всѣхъ четырехъ углахъ были уже давно спрошены у всѣхъ, и ученики съ томленіемъ поглядывали на каѳедру. Тамъ трое верзилъ старшаго класса стояли на полу на колѣняхъ, а Николай Спиридоновичъ, сидя на своемъ стулѣ и положивъ каблукъ правой ноги на колѣно лѣвой, молчалъ, ковырялъ перышкомъ въ зубахъ и съ равнодушіемъ плотно позавтракавшаго и сытаго человѣка глядѣлъ раздвоеннымъ и ничего не выражавшимъ взглядомъ на окно, сквозь которое былъ виденъ кусочекъ моря, противоположный берегъ залива и надъ нимъ—полоска голубого, безоблачнаго неба. Созерцаніе это, должно быть, очень нравилось ему, потому что прошло еще довольно много времени прежде, чѣмъ онъ вышелъ изъ забытья, очнулся и скомандовалъ:

— Маршировка вокругъ класса!..

Ученики, начиная съ самыхъ младшихъ, потянулись гуськомъ вдоль партъ. По мѣрѣ того, какъ они, выстукивая ногами, подвигались впередъ, къ нимъ присоединялись постепенно ученики изъ прочихъ угловъ и, въ концѣ концовъ, къ самому хвосту присоединился и пятый классъ, за исключеніемъ тѣхъ, которые стояли на колѣняхъ. Они такъ и остались стоять. Марширующіе, стуча, какъ лошади, обошли вокругъ партъ три раза и затѣмъ, опять-таки по командѣ, усѣлись по мѣстамъ.

— Достаньте ваши тетради и пишите чистописаніе! — послѣдовалъ приказъ.

У новичковъ еще не было ни тетрадей, ни перьевъ—и они

остались сидѣть, сложа руки. Прочіе же ученики, безъ различія возрастовъ и классовъ, достали тетради, гусиныя перья, чернила и греческія прописи и принялись за работу. Въ воздухѣ повисъ скрипъ болѣе полусотни перьевъ. Вучина, окинувъ комнату строгимъ взглядомъ, ушелъ опять къ себѣ. Вмѣстѣ съ его уходомъ прекратилось и чистописаніе. Но возни и дракъ уже не было. Ученики были утомлены и голодны. Одни, чтобы убить какъ-нибудь время, дѣйствительно царапали перьями по бумагѣ, а другіе просто сидѣли, уныло повѣсивъ головы или положивъ ихъ на парты.

Время тянулось безконечно долго. У мелковозрастныхъ мальчугановъ приготовительнаго и перваго класса отъ голода и отъ истомы на лицахъ выступила блѣдность. Но до этого дѣла не было никому. Гдѣ-то на половинѣ учителя часы, наконецъ, пробили чуть слышно три, и только тогда на порогѣ входныхъ дверей показалась растрепанная и грязная фигура хохлушки-кухарки и повелительно произнесла:

— Ходыть до дому! Миколай Спиридонычъ вілівъ, що-бъ вы тікали до дому!

Ученики гурьбою и съ шумомъ, давя другъ друга въ дверяхъ, бросились въ обширную переднюю, гдѣ висѣло верхнее платье, и быстро разбѣжались. Въ классѣ остались только печальныя колѣнопреклоненныя фигуры трехъ старшихъ учениковъ. Они были оставлены безъ обѣда на неопредѣленно долгое время, потому что Николай Спиридоновичъ, послѣ своего обѣда, имѣлъ обыкновеніе спать и просыпался въ разное время—когда Богъ на душу положитъ...

Истомленные и голодные братья съ трудомъ доплелись до дома. У обоихъ отъ пережитыхъ ощущеній такъ болѣли головы, что они ничего не могли ѣсть. Первый визитъ въ школу произвелъ на нихъ далеко не веселое впечатлѣніе.

— Надо будетъ давать дѣтямъ съ собою по куску хлѣба,— рѣшила съ материнскою заботливостью Евгенія Яковлевна и, покачавъ грустно головою, прибавила:—Право, лучше было бы ихъ въ гимназію отдать, благо она — подъ бокомъ. А съ этой школой отъ одной только ходьбы можно захворать. Шутка ли, ходить каждый день такую даль — къ Греческой церкви... Тутъ и у взрослаго ноги заболятъ...

IV.

Николай Спиридоновичъ Вучина, или—въ греческомъ произношеніи—Николаосъ Вутсинасъ, по его собственнымъ словамъ, родился въ Кефалоніи и въ Россію прибылъ „безъ панталоніа“ искать счастія, которое никакъ не давалось ему въ руки на родинѣ. Получилъ ли онъ хоть какое-нибудь образованіе — осталось навсегда тайною. Точно также никто изъ таганрожцевъ не зналъ, когда и въ какомъ видѣ онъ вступилъ впервые на русскую землю. Всѣ узнали его уже прямо учителемъ греческой школы, точно онъ именно учителемъ, а ни кѣмъ другимъ, свалился прямо съ облаковъ.

Съ внѣшней стороны это былъ высокаго роста, рыжій, бородатый, типичный грекъ съ рѣзкими и угловатыми движеніями, съ южнымъ сангвиническимъ темпераментомъ, способный быстро воспламеняться, свирѣпо вращать бѣлками глазъ и изрыгать на своемъ родномъ нарѣчіи всякія отборныя словеса. По крайней мѣрѣ, школа наслушалась этихъ словесъ достаточно. Весьма возможно, что въ душѣ онъ, можетъ быть, былъ и добрымъ человѣкомъ, но невоспитанность и темпераментъ дѣлали его подчасъ очень жестокимъ. Это тоже многіе ученики школы испытали на себѣ. Учитель онъ былъ вообще плохой, съ весьма узкимъ кругозоромъ и почти съ полнымъ отсутствіемъ преподавательской жилки. Глядя на него и на его занятія въ школѣ со стороны, можно было подумать, что онъ несетъ на своихъ плечахъ бремя преподавательскихъ заботъ только потому, что это самое бремя возложено на него его покровителями-меценатами. Еслибы его, когда онъ былъ еще „безъ панталоніа“, меценаты посадили клэркомъ въ какую-нибудь хлѣбную контору, то онъ и тамъ чувствовалъ бы себя такъ же, какъ чувствовалъ въ школѣ. Былъ бы лишь обезпеченъ кусокъ хлѣба.

Все-таки, при всей своей ограниченности, онъ былъ достаточно уменъ для того, чтобы держаться за этотъ кусокъ какъ можно крѣпче. Передъ меценатами онъ преклонялся и лебезилъ; родителей увѣрялъ, что ихъ дѣти учатся прекрасно, умѣлъ съ увлеченіемъ потолковать о синтаксисѣ, о величіи современной Греціи и о великодушіи и благородствѣ меценатовъ, и самыми лучшими воспитательными средствами считалъ оплеухи, щелчки по головамъ и чуть ли не инквизиціонные пріемы. Одною изъ самыхъ несимпатичныхъ сторонъ его характера было то, что,

наказывая ученика, онъ увлекался, входилъ во вкусъ и даже наслаждался страданіями своей жертвы.

Занимался онъ съ учениками очень мало и старался сводить все преподаваніе къ разъ навсегда установившейся формѣ и къ установленному числу часовъ въ сутки. Ученики должны были высиживать ежедневно отъ 9-ти до 3-хъ, а вопросъ объ ихъ успѣхахъ интересовалъ его мало. Изрѣдка онъ подсаживался къ какому-нибудь ученику и спрашивалъ его урокъ. Но такъ какъ учениковъ было около семидесяти, а онъ былъ одинъ, то и не было никакого дива въ томъ, что какой-нибудь Герасимосъ Магуласъ или Александросъ Ликацасъ по четыре и по пяти мѣсяцевъ сидѣли надъ одной и тою же страницей раскрытаго учебника, нисколько не подвигаясь впередъ.

Вутсинасъ былъ холостъ и жилъ одиноко, но всегда держалъ у себя женскую прислугу, которую мѣнялъ часто и присутствіе которой тутъ же рядомъ, по сосѣдству съ классной комнатой, немало волновало старшій пятый классъ. Великовозрастные дѣтины всегда находили способы пробираться въ кухню своего дидаскала (учителя) и затѣмъ ухарски разсказывали о своихъ похожденіяхъ, а подростки слушали ихъ, разинувъ рты и захлебываясь...

На второй день своего поступленія братья Чеховы явились въ школу съ книжками и двумя двугривенными за нихъ, но безъ знанія греческой азбуки. Учитель подсѣлъ къ нимъ, какъ къ новичкамъ, и, увидѣвъ, что ни одинъ изъ нихъ не усвоилъ названій: альфа, вита, гамма, дельта и т. д., сокрушенно проговорилъ:

— Ни знаись урокъ... Ни харасо, ни харасо!.. Нада уцйца (учиться)...

Высказавъ это соболѣзнованіе, онъ отошелъ къ другимъ ученикамъ и ровно двѣ недѣли не обращалъ никакого вниманія на новичковъ, а тѣ столько же времени тупо просидѣли надъ раскрытыми азбуками. Просвѣтилъ ихъ помощникъ Вучины—нѣкто Спиро.

По ремеслу Спиро былъ маклеръ по хлѣбной части и справлялъ кое-какія порученія греческихъ купцовъ въ таможнѣ по очисткѣ товаровъ пошлиною. Являлся онъ въ школу довольно рѣдко и занимался съ учениками то ариѳметикой, то греческимъ чтеніемъ, то чистописаніемъ. Урокъ ариѳметики заключался въ томъ, что онъ всей школѣ сразу задавалъ задачи на правило сложенія и далѣе этого правила не шелъ. Человѣкъ онъ былъ добродушный, но небогатый образованіемъ и весьма скверно

говорилъ по-русски. Ему-то Николай Спиридоновичъ и поручилъ заняться съ двумя новичками. Благодаря лишь ему, они кое-какъ сладили съ азбукою, но поладить съ своеобразнымъ произношеніемъ буквы „ѳита" не могли никакъ. Ихъ русскіе рты не поддавались греческой ломкѣ и не повиновались. Спиро доходилъ въ своемъ усердіи чуть не до бѣлаго каленія, оттягивалъ своимъ большимъ пальцемъ нижнюю губу Антона Павловича книзу и приказывалъ:

— Полозй языка на зуба и скази: ѳита!..

Какъ ни силился злополучный новичокъ совладать съ греческимъ произношеніемъ — ничего у него не выходило. Спиро бился, бился и бросилъ. Братья Тсехофы были опять на нѣсколько мѣсяцевъ брошены и предоставлены самимъ себѣ. Въ школу они ходили аккуратно, каждый день до утомленія высиживали положенное число часовъ, но къ концу первой половины академическаго года дальше чтенія слоговъ не ушли.

За этотъ промежутокъ времени Павелъ Егоровичъ, чтобы освѣдомиться объ успѣхахъ своихъ сыновей, одинъ разъ побывалъ въ школѣ.

— О, васи сины харасо, дазе оцень харасо уцица!—доложилъ ему Николай Спиридоновичъ.

Павелъ Егоровичъ, ничего не смыслившій въ греческомъ языкѣ, повѣрилъ на слово и ушелъ домой вполнѣ успокоенный и довольный. Ему по дорогѣ уже грезились гдѣ-то на горизонтѣ, въ туманной дали будущаго, мѣста въ конторахъ: онъ въ мечтахъ уже видѣлъ своего Колю клэркомъ въ конторѣ у Вальяно, а Антошу—въ конторѣ у Скараманга...

Вучина же, чтобы еще болѣе укрѣпить отца въ увѣренности, что его дѣти преуспѣваютъ, въ тотъ же день выдалъ каждому изъ нихъ по наградѣ. Это были маленькіе четыреугольные листочки зеленоватой бумаги, называвшіеся „вравіонъ" (отъ слова: „браво"). На этихъ листочкахъ по-гречески были напечатаны прилагательныя, обозначавшія разныя добродѣтели. Коля принесъ домой листочекъ съ надписью: „эвсевисъ", т.-е. „благочестивый", а Антоша—„эпимелисъ", т.-е. „прилежный". Павелъ Егоровичъ показалъ эти награды своимъ лавочнымъ завсегдатаямъ, и тѣ поспѣшили увѣрить его, что онъ прекрасно сдѣлалъ, что отдалъ дѣтей въ школу, а не въ гимназію, и что лучше греческой школы въ Таганрогѣ ни единаго учебнаго заведенія нѣтъ.

V.

Въ тотъ самый день, когда Павелъ Егоровичъ посѣтилъ школу, Коля и Антоша, вернувшись домой, разсказали за вечернимъ чаемъ, что учитель поставилъ на колѣни ученика Фекіакиса. Но на этотъ разсказъ ни Павелъ Егоровичъ, ни Евгенія Яковлевна, занятые своими мыслями и дѣлами, не обратили особеннаго вниманія. Евгенія Яковлевна мелькомъ лишь освѣдомилась, за что именно ученикъ былъ наказанъ, и, узнавъ, что у него былъ найденъ табакъ, нравоучительно проговорила:

— И за дѣло. Рано ему еще курить... Смотрите, вы у меня не курите, когда выростете...

На дѣлѣ же въ школѣ произошло слѣдующее событіе. За полчаса до прихода Павла Егоровича, Вучина, выйдя изъ своихъ аппартаментовъ, съ какимъ-то особеннымъ выраженіемъ лица и особенной походкой хищнаго звѣря направился прямо къ партѣ пятаго класса и, схвативъ семнадцатилѣтняго Фекіакиса за шиворотъ, молча приподнялъ его на ноги и приказалъ:

— Покажи пальцы!

Застигнутый врасплохъ, Фекіакисъ покраснѣлъ и въ одинъ мигъ спряталъ обѣ руки за спину, но учитель круто вывернулъ ихъ, разжалъ сомкнутые въ кулаки пальцы, внимательно осмотрѣлъ ихъ и грозно крикнулъ:

— Фумàрисъ, анаѳемà-су! Ты куришь, анаѳема!

— Охи! Ма то Ѳеѻ óхи! Нѣтъ! Ей Богу, нѣтъ!—отвѣтилъ струсившій ученикъ, и въ отвѣтъ получилъ два полновѣсныхъ удара по лицу.

— Показывай карманы! Дьяволъ!

И, не давая малому пошевелиться и опомниться, учитель быстро, обѣими руками залѣзъ ему въ карманы панталонъ и свирѣпо выворотилъ ихъ наружу. Изъ кармановъ посыпались гвозди, обрывки веревочки, камешки, пробки и корка хлѣба, но табаку въ нихъ не оказалось. Вучину это нисколько не смутило.

— Показывай, анаѳема, карманы сюртука!

На обыскиваемомъ былъ надѣтъ старый, поношенный сюртукъ съ отцовскаго плеча, застегнутый на пуговицы до верху. Услышавъ приказъ учителя, Фекіакисъ сильно смутился и судорожно прижалъ обѣ руки къ пуговицамъ.

— Ага!—вскричалъ съ торжествомъ Вучина.—Прячешь!

Ударивъ малаго кулакомъ по рукамъ, онъ однимъ рѣзкимъ

движеніемъ разстегнулъ сюртукъ и распахнулъ его. Фекіакисъ смутился еще болѣе и громко заревѣлъ, призывая всю вселенную въ свидѣтели, что онъ не куритъ. Распахнутый сюртукъ обнаружилъ передъ всѣмъ классомъ тайну бѣдняка: на немъ совсѣмъ не было сорочки, и только на шеѣ былъ повязанъ сложенный въ нѣсколько разъ коленкоровый женскій головной платокъ. Но учителя эта нагота не смутила нисколько. Онъ храбро залѣзъ рукою во внутренніе боковые карманы, но и тутъ потерпѣлъ неудачу: рука его свободно проваливалась подъ подкладку до самаго низа фалдъ. Кармановъ въ сюртукѣ не было: были только однѣ бездонныя дыры. Такимъ же манеромъ были обысканы и задніе карманы, но и тамъ оказались такія же дыры.

Съ лица учителя сразу сбѣжало уже заранѣе подготовленное торжествующее выраженіе и онъ уже начиналъ чувствовать себя неловко передъ всѣми учениками, съ любопытствомъ и страхомъ слѣдившими за происходившей сценой. Но вдругъ его осѣнила счастливая мысль, и на лицѣ показалось прежнее выраженіе. Онъ, какъ коршунъ, набросился на шейный платокъ Фекіакиса, быстро развязалъ узелъ, сдернулъ съ шеи и, разложивъ у себя на колѣнѣ, сталъ разворачивать его складки. Фекіакисъ поблѣднѣлъ.

Увы! Въ складкахъ платка оказались табакъ и папиросная бумага. Учитель съ неописуемымъ торжествомъ поднялъ эти трофеи театральнымъ жестомъ вровень съ своей головой и показалъ всему классу, какъ будто желая оправдаться въ произведенномъ насиліи и обыскѣ.

— Принесите лѣстницу!—скомандовалъ онъ.

Двое услужливыхъ учениковъ-подхалимовъ, вскочивъ со своихъ мѣстъ и сбивая отъ усердія другъ друга съ ногъ, бросились опрометью вонъ изъ класса и черезъ полминуты не безъ труда приволокли изъ кухни переносную, стоячую лѣстницу о трехъ ступеняхъ, съ помощью которой кухарка закрывала у печей вьюшки. Привычнымъ движеніемъ лѣстница была установлена на серединѣ комнаты, передъ каѳедрой.

— На колѣни, на вторую ступень! — скомандовалъ учитель инквизиторскимъ тономъ.

Фекіакисъ, застегивая застѣнчиво пуговицы сюртука, пошелъ молча къ лѣстницѣ, понуривъ голову, какъ приговоренный къ смерти, и всталъ колѣнями на вторую ступеньку.

— Подайте штрафныя дощечки!

Тѣ же двое подхалимовъ, радуясь возможности прислужиться, сбѣгали въ комнату Вучины и вернулись оттуда съ двумя чер-

ными дощечками, сквозь которыя были продѣты шнурки. На одной изъ нихъ учитель собственноручно написалъ мѣломъ: „Куритъ“, а на другой — бранное слово. Одна изъ дощечекъ была повѣшена Фекіакису на грудь, а другая — на спину. Окончивъ эту процедуру, учитель отошелъ на нѣсколько шаговъ назадъ и полюбовался фигурою казнимаго.

— Этого мало, — произнесъ онъ. — Принесите изъ кухни кочергу!

Кочерга была принесена и подана.

— Принесите изъ моей комнаты съ рукомойника полотенце!

Полотенце было подано, и съ помощью его кочерга была повѣшена за спиною наказуемаго на подобіе солдатскаго ружья. Вучина полюбовался и этой картиной. Въ глазахъ его уже стало мелькать увлеченіе.

— Подними, анаѳема, правую руку кверху и, не переставая, двигай указательнымъ пальцемъ! Теперь ты будешь знать, какъ курить...

Сгибать и разгибать непрерывно палецъ—это чисто инквизиціонная пытка. Въ этомъ каждый легко можетъ удостовѣриться на опытѣ. Несчастный Фекіакисъ уже черезъ пять минутъ со страданіемъ на лицѣ опустилъ отекшую и омертвѣвшую руку; но кефалонецъ далъ виновному подзатыльникъ и собственноручно придалъ рукѣ прежнее положеніе.

Прошло еще нѣсколько минутъ. Обезсилѣвшая рука три или четыре раза опускалась, но учитель неумолимо поднималъ ее опять вверхъ.

— Можете меня убить, но я дольше не могу держать, — проговорилъ со стономъ Фекіакисъ.

— Врешь, анаѳема! Я тебя научу курить...

— Дидаскале (Учитель)! Кто-то идетъ!—заявилъ одинъ изъ учениковъ, показывая на дворъ рукою.

Вучина выглянулъ въ окошко. По двору, по направленію къ школѣ, шелъ Павелъ Егоровичъ.

— Убирайся вонъ, скотина! Садись на мѣсто! — крикнулъ Вучина Фекіакису.

Въ одинъ мигъ исчезли и кочерга, и штрафныя доски и лѣстница. Фекіакисъ сидѣлъ на своемъ мѣстѣ и потряхивалъ онѣмѣвшей рукой. Николай Спиридоновичъ въ это время стоялъ уже около двери съ самой привѣтливой улыбкой и, потирая отъ удовольствія руки, встрѣчалъ входящаго Павла Егоровича.

— Оцень пріятна! Оцень пріятна! Позалуйте... Бакорнѣйсе прасу...

VI.

Наступили рождественскія вакаціи. У Павла Егоровича вечеркомъ на рождественскихъ святкахъ собрались гости, и ему вздумалось прихвастнуть передъ ними познаніями своихъ дѣтей въ греческомъ языкѣ. Онъ позвалъ Колю и Антошу и велѣлъ имъ принести свои книжки и прочесть что-нибудь при гостяхъ. Гости изъявили желаніе послушать и, какъ водится, приготовились заранѣе похвалить изъ вѣжливости прилежныхъ мальчиковъ. Но вмѣсто ожидаемаго эффекта получилось полное огорченіе для родительскаго сердца. Коля еще кое-какъ прочелъ по складамъ два слова, а Антоша не могъ сдѣлать даже и этого, и только пыхтѣлъ отъ напряженныхъ усилій прочесть. Павелъ Егоровичъ былъ пораженъ.

— Полгода ходите въ школу, а даже и читать не научились?!—воскликнулъ онъ.

— Намъ въ школѣ никто не показываетъ,—отвѣтили мальчики.

Начались на эту тему разговоры. Павелъ Егоровичъ обвинилъ дѣтей въ лѣности и тутъ же, при гостяхъ, сдѣлалъ имъ выговоръ. Коля и Антоша ушли спать въ слезахъ. Ночью Антоша во снѣ вздрагивалъ и часто просыпался. Ему припомнилось происшествіе съ учениками Константиномъ Пиратисомъ и Александромъ Ликацасомъ. Оба эти мальчугана одно время неисправно посѣщали школу и не являлись въ классъ дня по три. Учитель отмѣчалъ ихъ въ журналѣ отсутствующими, но особеннаго значенія этому отсутствію не придавалъ, думая, что они больны.

Вдругъ въ одинъ прекрасный день отворяется дверь классной комнаты и въ нее входитъ дюжій, грубый матросъ и вводитъ за шивороты обоихъ учениковъ. Войдя, онъ первымъ дѣломъ бросаетъ подъ ноги удивленному Вучинѣ горсть орѣховъ и нѣсколько рожковъ и затѣмъ разражается по-гречески цѣлымъ потокомъ упрековъ.

— Развѣ я затѣмъ посылаю къ тебѣ въ школу своего племянника Константина, чтобы онъ шлялся по гавани и кралъ изъ мѣшковъ орѣхи и рожки? Развѣ, Никола, я тебѣ за это деньги плачу? Я тебѣ плачу свои кровные, трудовые рубли за то, чтобы ты училъ его и смотрѣлъ за нимъ, а ты его распустилъ такъ, что я сейчасъ лично самъ поймалъ его вмѣстѣ съ этимъ мальчишкой въ гавани за кражею... Если ты не накажешь его, то

накажу я самъ. Я имѣю на это право: я—его дядя. Вели подать хорошую веревку!..

Вучина поблѣднѣлъ отъ этихъ упрековъ и разозлился. Заворочавъ бѣлками, онъ въ свою очередь наговорилъ матросу колкостей и упрекнулъ его возраженіемъ, что не школа сдѣлала его племянника воромъ, а домашнее воспитаніе. Два грека съ пылкимъ темпераментомъ сцѣпились.

— Подай хорошую веревку!—настаивалъ матросъ.—Этого, другого мальчишку наказывай ты, потому что онъ мнѣ—чужой, а племянника я выдеру самъ. Подай мнѣ веревку!..

— Принесите веревку!—приказалъ учитель.

Но никто изъ учениковъ не шевельнулся. Весь классъ, предчувствуя недоброе, сталъ блѣденъ. Не шевельнулись даже и всегда готовые къ услугамъ ученики-подхалимы. Кефалонецъ отдернулъ виноватаго Ликацаса за руку и швырнулъ его въ уголъ, вышелъ и скоро вернулся съ толстой веревкой, на которой вѣшаютъ для просушки бѣлье.

— Нà, возьми!—швырнулъ онъ ее матросу.

Матросъ, не выпуская племянника, поднявъ веревку, крѣпко сжалъ одной рукою шиворотъ и шею мальчика, а другою принялся жестоко обрабатывать несчастное тѣло своего родственника. Экзекуція отличалась такимъ варварствомъ, что весь классъ въ одинъ голосъ закричалъ:

— Довольно! Довольно!

Почти всѣ плакали. Учитель въ свою очередь крикнулъ:

— Довольно! Убьешь!

Но расходившагося грека урезонить было нелегко. Пришлось тоже прибѣгнуть къ силѣ. Вучина и старшіе ученики отняли у него и веревку, и племянника. Брошенный дядею мальчуганъ лежалъ на полу безъ движенія. Изо рта и изъ носа у него сочилась кровь.

— Убилъ!—разнеслось по классу.

Учитель тоже поблѣднѣлъ и крикнулъ матросу:

— Ты его убилъ! Ты осквернилъ мою школу!..

Вокругъ злополучнаго мальчугана столпилась почти вся школа, блѣдная, испуганная и трепещущая. Матросъ тоже смотрѣлъ тупо и съ недоумѣніемъ на неподвижное тѣло. Вучина въ волненіи хрустѣлъ пальцами.

— Убилъ, убилъ, убилъ...—стоялъ въ воздухѣ шопотъ.

Ни младшіе, ни старшіе не знали, что дѣлать. Прошло минутъ пять. Избитый мальчикъ глубоко вздохнулъ и пошевелилъ рукою. Его сейчасъ же подняли и посадили на конецъ парты.

Онъ осмотрѣлся мутными глазами и, положивъ руки на парту, а голову на руки, затихъ. Кто-то догадался принести воды. Ему дали сдѣлать глотокъ изъ ковша, а остальное вылили на голову. Понемногу онъ началъ приходить въ себя.

Матросъ, не говоря ни слова, надвинулъ на голову шапку, энергично плюнулъ на полъ и вышелъ. Вучина, чтобы замять скандалъ и дать общему настроенію другое направленіе, проявилъ необычайную энергію и началъ спрашивать у учениковъ уроки съ такимъ вниманіемъ, съ какимъ, казалось, никогда еще не спрашивалъ. Черезъ часъ все пришло въ норму. Константинъ Пиратисъ очнулся и оправился. Его тотчасъ же отпустили домой. Занятія пошли своимъ порядкомъ. Кефалонецъ, окончивъ спрашиваніе уроковъ, задалъ всѣмъ чистописаніе и уже хотѣлъ уходить, по обыкновенію, къ себѣ, но тутъ вдругъ вспомнилъ, что есть еще другой виноватый въ томъ же грѣхѣ, но еще не понесшій заслуженнаго наказанія—Александросъ Ликацасъ.

Оставить его безъ наказанія было невозможно, да кстати вышло бы и несправедливо: одного чуть не убили до смерти, а другому все это сойдетъ съ рукъ даромъ! Нѣтъ. Такъ нельзя. Нужно, чтобы и онъ почувствовалъ, какъ опасно манкировать уроками. Надо, чтобы и онъ получилъ возмездіе...

Но какое и въ какомъ видѣ? Поставить на колѣни на лѣстницу съ позорными дощечками и кочергою—старо. Оставить безъ обѣда—тоже старая исторія. Нужно что-нибудь поновѣе и повнушительнѣе, чтобы почувствовала вся школа.

Николай Спиридоновичъ задумался. Рѣшеніе задачи, однакоже, подвернулось скоро. Изобрѣтательность сдѣлала свое дѣло. Не долѣе, какъ черезъ пять минутъ, были принесены три полотенца. Ихъ скрутили жгутами, обвязали вокругъ таліи Ликацаса и въ такомъ видѣ повѣсили его на оконной ставнѣ, зацѣпивъ петлю полотенца за ея верхушку. Вышло и назидательно, и строго, и безвредно для здоровья. Виноватый никакихъ увѣчій и членовредительствъ не претерпѣлъ, но страха натерпѣлся достаточно. Это было видно уже изъ того, что онъ, ревѣвшій при началѣ экзекуціи во всю глотку, очутившись на воздухѣ, затихъ и лицо его изображало одинъ лишь сплошной и неописуемый ужасъ. Пробылъ онъ въ висячемъ положеніи не болѣе двухъ-трехъ минутъ, но онѣ показались ему вѣчностью...

Будетъ помнить долго...

VII.

Но не всегда кефалонецъ оказывался строгъ. Бывали недѣли, когда онъ былъ кротокъ и добръ и не только не отжаривалъ учениковъ по рукамъ линейкою и не давалъ имъ оплеухъ, но даже снисходилъ до того, что поглаживалъ нѣкоторыхъ мальчугановъ по головкѣ. Чѣмъ вызывались эти приливы кротости — не зналъ никто. Вся школа въ такіе „добрые" промежутки оживала и дышала свободнѣе.

Но юныя натуры всегда остаются юными, и отъ шалостей молодежь не отказывается никогда. Въ одинъ изъ такихъ добрыхъ промежутковъ ученики пятаго класса совершили выходку, испортившую все дѣло и повернувшую настроеніе учителя опять на старый строгій ладъ.

Одна изъ дверей классной комнаты вела въ то необходимое помѣщеніе, безъ котораго не обходится ни одно жилье. Этимъ помѣщеніемъ пользовались одинаково какъ ученики, такъ и учитель, но только учитель держалъ свое отдѣленіе на замкѣ.

Въ одинъ довольно пасмурный и нагонявшій угрюмое настроеніе день помощникъ учителя — Спиро, побывавъ въ этомъ мѣстечкѣ, подошелъ къ Николаю Спиридоновичу и сказалъ по-гречески:

— Пойдемъ-ка, я тебѣ покажу нѣчто интересное.

Вслѣдъ за этимъ они оба удалились туда, откуда только-что вышелъ Спиро, и менѣе, чѣмъ черезъ пять секундъ, Вучина вылетѣлъ, взбѣшенный до нельзя.

— Кто осмѣлился написать?—закричалъ онъ, вращая бѣлками.

Отвѣта не послѣдовало.

— Вы молчите? Хорошо же!—прошипѣлъ онъ, захлебываясь отъ гнѣва.—Это сдѣлалъ кто-нибудь изъ пятаго класса... Я найду виноватаго... Антонопулосъ, ступай къ доскѣ и напиши слово: „дидаскалосъ" (учитель).

Антонопулосъ исполнилъ это. Учитель всмотрѣлся въ его почеркъ и сбѣгалъ свѣриться.

— Что тамъ такое написано?—освѣдомились встревоженные ученики у Спиро.

— Тамъ какая-то скотина написала на стѣнѣ мѣломъ: „Дидаскалосъ треллосъ" (учитель—дуракъ),—отвѣтилъ добродушный Спиро.

Возвратившійся съ ревизіи учитель сталъ вызывать поочe-

редно къ доскѣ остальныхъ учениковъ, прихватывая кое-кого и изъ четвертаго класса.

— Вогазіоносъ, напиши ты „дидаскалосъ"!.. Діамандидисъ, иди ты и напиши то же слово... Магуласъ, пошелъ къ доскѣ ты...

Всѣ писали, и учитель, съ тщательностью эксперта, свѣрялъ почерки и старался открыть виновнаго. Одинъ изъ учениковъ, памятуя фразу, произнесенную устами Спиро, вздумалъ было написать ее цѣликомъ, но лишь только вывелъ первыя три буквы: „трел..." (дур...), какъ сподобился пощечины.

Перебравъ и сличивъ всѣ почерки и сбѣгавъ еще разъ пять или шесть свѣрить съ подлинною фразою, кефалонецъ рѣшилъ, что дерзкимъ злоумышленникомъ долженъ быть не кто иной, какъ Фекіакисъ. Напрасно бѣдняга божился и клялся, что онъ не писалъ ни одной буквы и что его почеркъ совсѣмъ иной. На него посыпались оплеухи и щелчки безъ счета. Онъ едва успѣвалъ прикрывать голову руками.

Но оскорбленіе не могло быть смыто однѣми только колотушками. Оно было слишкомъ глубоко. Немезида требовала мщенія, соотвѣтствующаго винѣ. Фекіакиса увѣшали позорными досками, привязали къ спинѣ накрестъ кочергу и ухватъ и въ такомъ видѣ поставили на стулъ, какъ на лобное мѣсто, передъ каѳедрой. Такъ онъ простоялъ до самаго конца дневныхъ занятій въ школѣ. Въ этотъ день учениковъ распустили по домамъ не всѣхъ сразу, а по одиночкѣ. Каждаго ученика въ отдѣльности Спиро и Вучина подводили къ виновнику и приказывали:

— Скажи: „мерзавецъ" и плюнь ему въ лицо.

Ученики въ точности выполняли приказъ, и только послѣ этого ихъ выпускали въ переднюю одѣваться. Антонъ Павловичъ тоже исполнилъ этотъ обрядъ оплеванія и долго потомъ помнилъ его, хотя и не любилъ вспоминать о немъ, какъ о гнусномъ надругательствѣ надъ человѣкомъ изъ чувства личной мести.

Фекіакисъ простоялъ на стулѣ трое сутокъ. Его отпускали домой только на одинъ часъ пообѣдать. Вся эта печальная исторія закончилась еще болѣе печальнымъ финаломъ. Вскорѣ послѣ этого происшествія вышелъ изъ школы самый старшій по возрасту ученикъ, двадцатилѣтній Антонопулосъ. Ему стало уже не въ моготу сидѣть на школьной скамьѣ. Уходя и прощаясь съ товарищами, онъ съ злымъ смѣхомъ заявилъ:

— А вѣдь эту фразу: „дидаскалосъ треллосъ" написалъ не Фекіакисъ, а я...

Кефалонецъ заскрежеталъ зубами, но уже было поздно. Антонопулосъ уже не былъ ученикомъ школы и въ случаѣ све-

денія личныхъ счетовъ могъ бы постоять за себя и отвѣтить съ лихвою...

Зимніе мѣсяцы прошли. Запахло весною—ароматною южною весною. Скоро въ садахъ зацвѣли тюльпаны и сирень. Приближались экзамены. Павелъ Егоровичъ ждалъ ихъ съ нетерпѣніемъ, и былъ вполнѣ увѣренъ, что Коля и Антоша перейдутъ въ слѣдующій классъ. Но на дѣлѣ оказалось, что они въ теченіе всего года не только не учили таинственнаго „синтаксиса", но даже и не научились по гречески ни читать, ни писать. Мечтамъ о конторѣ не суждено было осуществиться. Онѣ разлетѣлись, какъ дымъ. Евгенія Яковлевна, стоявшая за гимназію, и знакомые педагоги взяли верхъ. Павелъ Егоровичъ вздохнулъ и ближайшей же осенью облекъ дѣтей въ гимназическіе мундиры. Антоша поступилъ въ приготовительный классъ.

Незадолго до смерти Антона Павловича я былъ въ Ялтѣ и сидѣлъ въ его кабинетѣ. Толковали о многомъ и, между прочимъ, вспоминали старину. Антонъ Павловичъ тогда собирался за границу, въ Баденвейлеръ. Онъ былъ веселъ и хорошо настроенъ. Предстоящая поѣздка ему улыбалась. Во время разговора принесли почту—объемистый пукъ газетъ, книгъ и писемъ. Отложивъ газеты въ сторону, Антонъ Павловичъ сталъ пересматривать присланныя ему книги и, раскрывъ одну изъ нихъ, засмѣялся своимъ тихимъ, добродушнымъ смѣхомъ.

— Вотъ меня и на греческій языкъ перевели; издатель книжку прислалъ,—сказалъ онъ.—Повидимому, и біографію приложили. Посмотри-ка, что̀ такое обо мнѣ пишутъ... Ты вѣдь еще помнишь греческій языкъ.

Первыя же переведенныя строки біографіи заставили его еще разъ засмѣяться. Тамъ значилось, что Антонъ Павловичъ происходилъ изъ духовной семьи и что отецъ его былъ—пѣвчій.

— Ты, однакоже, несмотря на свои старые годы, все еще помнишь греческій языкъ,—сказалъ онъ.—А вотъ я такъ совсѣмъ не знаю его, хотя тоже когда-то учился въ греческой школѣ. Не люблю я вспоминать о ней. Много испортила она моихъ дѣтскихъ радостей... Интересно было бы знать, живы ли еще Вучина и Спиро?...

Разговоръ перешелъ на воспоминанія. И это былъ одинъ изъ послѣднихъ нашихъ разговоровъ въ Ялтѣ.

А. С—ой.

Удѣльная.—1906.

РЖАВЧИНА

РАЗСКАЗЪ.

I.

Съ чего это началось, дьяконъ Сухановъ самъ едва-ли могъ бы сказать. Началось съ какой-то смутной тоски, съ ощущенія скуки, недовольства, какъ это всегда бывало съ нимъ по веснѣ. Но на этотъ разъ тоска была острѣе, раздраженіе больнѣе, и стремленіе перемѣнить мѣсто, забыться, закрыть глаза, куда-то уйти отъ самого себя становилось мучительно.

Отецъ Суханова былъ запойный алкоголикъ, потомъ сошелъ съ ума, и, вспоминая разсказы матери, дьяконъ зналъ, что, очевидно, это у него наслѣдственное. Отецъ также, до самой смерти, каждую весну впадалъ въ это „Саулово" настроеніе, и бросалъ свою дьяконскую службу, и уходилъ на берегъ разливавшейся рѣки къ крючникамъ и пьянствовалъ съ ними по цѣлымъ недѣлямъ.

Сына миновала эта страсть, и онъ никогда не пилъ много. Но перешли нервность, возбужденность, странности. Въ семинаріи онъ долго страдалъ безсонницею, и бывало такъ, что иногда цѣлую недѣлю онъ спалъ въ ночь только по два, по три часа. Образовалась почти привычка, и онъ не чувствовалъ себя наутро ни усталымъ, ни разбитымъ. Только было скучно и какъ-то жутко, было почему-то стыдно кому-нибудь разсказать объ этомъ, пожаловаться, и онъ чувствовалъ себя маленькимъ, слабымъ, одинокимъ...

Безсонница прошла. Ухнула въ забвеніе семинарія. Теперь она даже не снится дьякону. Если отсчитать ровно девятнад-

цать лѣтъ, то будетъ тотъ годъ, когда инспекторъ, отпуская его и еще нѣсколькихъ его товарищей до окончанія курса, говорилъ имъ напутствіе про „фабрику жизни“. Теперь, когда онъ наканунѣ сорокового, эта „фабрика“ для него уже не загадка. Онъ наслушался грохота ея колесъ, свиста ремней, шума и стоновъ. И тотъ кусочекъ счастья, какой ему удалось урвать, былъ маленькій, незавидный, ничтожный. Жена умерла черезъ годъ, и изъ прежняго пришлось перепроситься въ другой приходъ. Онъ бѣжалъ отъ недавняго гнѣзда, отъ воспоминаній, а за нимъ по слѣдамъ гналась тѣнь маленькой женщины, похожей на ребенка, съ словно укоряющими невинными глазами. Его перевели въ городокъ, и здѣсь, черезъ два года, онъ можетъ справить свой двадцатилѣтній юбилей.

Здѣсь, на берегу Neряхи, все знакомо, близко, привычно и—скучно. Все заведено, какъ въ шарманкѣ, и надо думать, что на „фабрикѣ жизни“ этотъ городокъ, маленькій, сѣрый, пыльный,—одинъ изъ самыхъ тихихъ уголковъ, какіе только можно придумать. Съ окраинъ, гдѣ кряхтятъ машины заводовъ, утромъ и вечеромъ, напоминая что-то забытое, тоскливое, несутся унылые гудки, и хочется закрыть уши, чтобы ихъ не слышать. Почти половина населенія—старовѣры, суровые, замкнутые, и кажется, что въ ихъ душахъ такъ же неуютно и угрюмо, какъ въ ихъ закоптѣлыхъ молельняхъ, придавленныхъ низкими потолками.

Интеллигенціи въ городѣ немного, и она живетъ несплоченно, въ одиночку. Когда дьяконъ выписалъ изъ „губерніи“ нѣмецкій самоучитель, всѣ, кто узналъ объ этомъ, не могли понять, зачѣмъ ему могъ понадобиться здѣсь нѣмецкій языкъ, а „начальство“ Суханова, старый протопопъ Алтайскій, юмористически покрутилъ головой и сказалъ:

— Чудило-мудрило нашъ дьяконъ!

II.

Весна была ранняя, трогательная, ласковая, съ застѣнчивыми, улыбающимися утрами, съ грустными вечерами, долго не сдающимися ночи, словно бы имъ хотѣлось подсмотрѣть что-то заманчивое и тайное, что̀ несла съ собою ночь...

Рано, когда еще на Неряхѣ не нарушился санный путь, пріѣхали изъ Кіева курсистка-дочь и студентъ-сынъ Алтайскаго. Занятія были прерваны, а студентъ, оказывалось, былъ опять „высланъ“, какъ это случилось съ нимъ и годъ назадъ, и еще раньше...

И вѣсти отовсюду были особенныя. Словно какая лихорадка охватывала жизнь кругомъ, — вверхъ по рѣкѣ и книзу. Стали получаться странныя, пугающія телеграммы въ газетахъ, и гулъ городскихъ волненій, какъ далекій громъ, отражался въ тихихъ селахъ. Грозили евреямъ погромомъ. По заводамъ шло броженіе. Вездѣ подъ городомъ рабочіе ждали повода и начинали волненія, били стекла директорскихъ квартиръ, бросали работу и шли въ городъ, „въ куски". Самую газетку, какую давно выписывалъ Сухановъ, нельзя уже было узнать. Точно того, кто раньше, робкій и сонный, разсказывалъ ему про то, чтò дѣлается на свѣтѣ, теперь смѣнилъ кто-то другой, грозный и гнѣвный, находившій для своихъ мыслей яркія и обжигающія слова, за которыя иногда вчужѣ становилось страшно впечатлительному дьякону, и его безпричинно, безповодно охватывали какая-то робость и тревога...

Старикъ Алтайскій, самъ не выписывавшій газетки и одолжавшійся ею у дьякона, бранилъ рабочихъ, говорилъ, что теперь пошло распущенное и избалованное поколѣніе, и что скоро онъ ничего не будетъ понимать.

— Прежде, голубь, барщина была—терпѣли,— говорилъ онъ,— а ноньче малаго не хотятъ потерпѣть. А Христосъ не терпѣлъ? Ты думалъ, такъ сразу и сталъ богатъ? Нѣтъ, ты потрудись, голубь, попотѣй. А почему? Потому, что сами родители балуютъ. Намедни работниковъ сынишка, смотрю, булку жретъ. Ахъ, ты, каналья! Нѣтъ, голубь, я въ дѣтствѣ булки не зналъ. Не зналъ булки. Вмѣсто булки-то я вонъ чтò видѣлъ.

И Алтайскій складывалъ кукишъ, сальный и красный, съ искривленнымъ и желтымъ, какъ кость, ногтемъ. И онъ не лгалъ. Въ его домѣ и посейчасъ не было въ заводѣ бѣлаго хлѣба, и отъ воскресенья до среды дотягивались сухія просвиры, хотя теперь несомнѣнно о. Ефимъ былъ уже богатъ, имѣлъ денежныя бумаги, и каждый май не безъ волненія приходилъ къ Суханову за газетой и искалъ въ ней, не принесли ли ему его билеты выигрыша.

Часто, при дьяконѣ, къ о. Ефиму приходили мужики, жаловались на безработицу и просили. Старикъ долго читалъ имъ нотацію и обиднымъ, насмѣшливымъ тономъ обвинялъ ихъ въ развратѣ, пьянствѣ, непокорствѣ и зависти.

— Тебѣ отчего тошно жить?—горячился онъ, наступая на мужика, стоявшаго безъ шапки:—отъ зависти! Не иначе, какъ отъ зависти. Ты, вотъ, смотришь на меня и завидуешь, зачѣмъ-де срѣтенскій попъ въ таратайкѣ ѣздитъ, а я пѣшъ хожу! Такъ

вѣдь срѣтенскій-то попъ сколько учился, дурья твоя голова! Сколько времени я лямку-то несъ! Вонъ у земскаго-то какая колясочка. Конфетка. А я не завидую. Смотрю и не завидую. Звѣзда отъ звѣзды разнствуетъ. Не говорю, какъ ты: не стану работать. Нѣ-ѣтъ, голубь, я работаю. Въ потѣ лица, голубь. Вὸ руки-то какія!

Мужикъ обыкновенно такъ же долго молчалъ, тяжело и угрюмо, какъ о. Ефимъ хвалилъ себя, свое воздержаніе и вытаскивалъ изъ памяти заученные тексты о терпѣніи. Дьяконъ, мягкій и чуткій, слушалъ, и ему становилось неловко передъ мужикомъ за Алтайскаго, за Христа, котораго онъ тревожилъ, за несоотвѣтствіе до смѣшного этихъ длинныхъ рѣчей той горбушкѣ, которую потомъ выносила нищимъ попова работница.

Участились посѣщенія безработными и дьяконскаго дома. И все, чтὸ приходило, всегда было такое темное, старое, нищее и безпомощное, что Суханову становилось не по себѣ послѣ такихъ встрѣчъ. Дьяконъ говорилъ съ ними, и старая правда, которую съ словами Христа въ рукахъ отстаивалъ Алтайскій, черезъ полицейскихъ утверждалъ исправникъ, противъ которой въ старину робко и слабо, а теперь все громче поднимала голосъ газетка,—впервые ставилась у него подъ сомнѣніе.

Въ этотъ годъ, когда, по веснѣ, у дьякона опять начались безсонницы и странная, глухая тоска въ желудкѣ,—въ еще холодныя и темныя мартовскія ночи онъ долго переворачивался съ боку на бокъ, думая все объ этихъ чужихъ и голодныхъ людяхъ, пьющихъ и завидующихъ, какъ казалось о. Ефиму, и эти мысли были неотвязны, укоризненны и мучительны...

III.

Жизнь не шла, а летѣла на широко разбросанныхъ крыльяхъ, съ испуганнымъ трагическимъ лицомъ, и ломала старое съ дерзновеніемъ и гнѣвомъ. Газетка вдругъ окрасилась кровью. Дѣйствительность стала полна тѣмъ жестокимъ и необыкновеннымъ, чтὸ до сихъ поръ Сухановъ читалъ только въ разсказахъ и романахъ изъ иностранной жизни. Та „крамола“, объ уничтоженіи которой по обязанности молился дьяконъ за обѣднями, не давая себѣ яснаго отчета, о чемъ онъ молится, которую въ бесѣдахъ съ нимъ проклиналъ Алтайскій,—росла и дѣлала свое дѣло и—странно—находила себѣ теперь друзей и защиту тамъ, гдѣ этого никакъ нельзя было ожидать. Какъ вода, она просачивалась

всюду, и ужъ отецъ ли Ефимъ не имѣлъ противъ нея гнѣва и слова,—и вотъ она въ его собственной семьѣ, въ лицѣ его кровнаго сына, котораго онъ не могъ уберечь. Онъ ли не говорилъ съ амвона о терпѣніи и покорствѣ,—и все кругомъ глухо ропщетъ и бурлитъ, и вслухъ говоритъ то, о чемъ недавно не смѣло думать...

Стаяли снѣга. Подсохла земля. Поповка съ своей церковкой стояла такая чистенькая, словно бы кто-то старательно подмылъ ее къ празднику, протеръ полотенцемъ каждый камень на дорогѣ и каждую вѣточку на березкахъ въ церковной оградѣ. Проголодавшаяся рыба засновала въ Неряхѣ, и вечерами подолгу дьяконъ сидѣлъ на своемъ излюбленномъ мѣстѣ на берегу, перекладывая удочку изъ одной затекшей руки въ другую. И потому, что здѣсь было совершенно тихо и можно было поручиться, что на версту кругомъ нѣтъ никого, кромѣ рыбы и птицы, было необыкновенно удобно думать о чемъ-нибудь отвлеченномъ, о старыхъ философахъ, великихъ людяхъ и прочитанныхъ книгахъ.

Однажды, когда Сухановъ такъ сидѣлъ и думалъ, надъ его ухомъ скоро послышался молодой, бодрый голосъ:

— Почтеніе отцу дьякону!

Дьяконъ вздрогнулъ, опустилъ удочку и оглянулся. На берегу стоялъ молодой человѣкъ, въ синей рубашкѣ, въ широкополой мягкой шляпѣ. Изъ-за толстыхъ стеколъ стального пенснэ смотрѣли до напряженности широко раскрытые, какъ бываетъ у сильно дальнозоркихъ и глухихъ, молодые, но странно печальные глаза. Угловатымъ движеніемъ обѣихъ рукъ, можетъ быть скрывая смущеніе, онъ поправилъ пенснэ и протянулъ руку Суханову.

Это былъ „поповъ сынъ", какъ его звали въ городкѣ, и дьяконъ сразу узналъ его. Онъ засталъ его еще младенцемъ, когда-то носилъ его на рукахъ, возился съ нимъ, дѣлалъ ему свистульки и лодочки. На его глазахъ мальчикъ выросъ, прошелъ семинарію, поступилъ въ университетъ. Сухановъ смотрѣлъ на него, думалъ о томъ, что почти такимъ могъ бы быть его сынъ, умершій по первому году, и при мысли объ этомъ, при воспоминаніи его ранняго дѣтства, когда дьяконъ носилъ малютку на рукахъ и, шутя, пугалъ мать, что закинетъ его на шкапъ или на печку,—въ его груди рождалось какое-то теплое и грустно-трогательное чувство.

— Ефимычу почетъ и уваженіе!—воскликнулъ Сухановъ, и его густыя рыжія брови, нависшія пучками, радостно взлетѣли.— Гордый вы нонче, Ефимычъ, стали. Слышу, пріѣхали, а нѣтъ

чтобы къ дьякону заглянуть. Пускай-молъ дьяконъ первый съ визитомъ придетъ. Чего это похудали такъ? Присосѣживайтесь.

— Поправлюсь, Николай Егорычъ, дайте срокъ. И къ вамъ зайду,—какъ не зайти. Пофилософствуемъ.

— Смотрите, какого я Карпа Иваныча уловилъ.

— Карпъ здоровый. Однако, здорово вы ему и пасть разорвали.

— Апостолы, Ефимычъ, рыбу ловили.

— Ну, положимъ, ловить-то ловили, но рта рыбѣ не разрывали, какъ вы этому сердягѣ.

Дьяконъ взглянулъ въ ведерко на карпа, съ сердитымъ видомъ двигавшаго разорваннымъ ртомъ, и смущенно сказалъ:

— Оно дѣйствительно, апостолы мрежей, а не удой. Однако, можетъ быть, и удой ловили. И ужъ ежели это не безобидно, такъ тогда что же и останется? Это, чай, не медвѣдя поддѣть на рогатину.

— А ежели бы васъ этакъ за челюсть!..

— Вотъ сравнили гвоздь съ панихидой!.. Чай, я человѣкъ, а не рыба. Да вы, извините, сами-то пашковецъ, что-ли, какой, аль толстовецъ? Ни мяса, ни рыбы не ѣдите? Вегетарьянствуете?

— Къ сожалѣнію, ѣмъ и рыбу, и мясо. Я вотъ не люблю только, когда всякую дрянь Христомъ да апостолами прикрываютъ. Вы мнѣ отца напомнили. Словно это липкій пластырь какой для прорѣхъ. Накрылъ человѣкъ и спокоенъ. Ножи благословляете, знамена освящаете, на казнь напутствуете. Пустякъ—рыба, удочка. А важно то, что вы тутъ весь, какъ въ совочкѣ, съ этой ссылкой на апостоловъ. Надо, отецъ дьяконъ, честно думать.

— Вотъ мы не успѣли свидѣться, а ужъ воюемъ. Экая вы какая заноза, Ефимычъ!

— Такая, видно, наша планида. Вы не сердитесь. Это я любя. А я къ вамъ, въ самомъ дѣлѣ, можетъ, сегодня же. Мнѣ отдушина нужна. Дома у меня,—онъ помахалъ пальцемъ въ воздухѣ и поморщился,—атмосфера пахнетъ горизонтомъ, какъ въ семинаріи говорили. Дышать нечѣмъ.

— Все съ папашей сражаетесь?

— Пересталъ со мной разговаривать. Въ молчанку играемъ...

Идя домой, съ ведеркомъ въ рукѣ и лесками на плечѣ, и позже — не разъ въ этотъ вечеръ, когда студентъ Алтайскій все-таки не собрался къ дьякону,—Сухановъ возвращался мыслью къ этой встрѣчѣ и разговору. Въ его душѣ точно остались ко-

лючки. И Сухановъ не могъ не чувствовать, что правда не на его сторонѣ. Разумѣется, мучается рыба, но почему же это никогда не сознавалось раньше такъ ясно и внятно, пока не пришелъ юноша и не сказалъ этого всѣми словами? Да, съ лѣтами, притупляется впечатлительность жизни. Юность болѣе чутка къ правдѣ, къ добру, къ боли. Только зачѣмъ она такъ порывисто рветъ съ прошлымъ и отходитъ отъ старой правды отцовъ, какъ отошелъ Алтайскій-сынъ отъ правды Ефима!

„А что̀, однако, если и тамъ правъ не о. Ефимъ, а онъ со своей молодой правдой?“—гдѣ-то глубоко шарахнулась и тревожно замерла мысль.

И странно, эта мысль была случайная, съ вѣтру, но она несла съ собою какое-то глухое и неясное безпокойство и не отставала отъ дьякона, какъ назойливая муха.

IV.

Студентъ пришелъ къ дьякону на другой день, и вышло какъ-то такъ само собою, что они заговорили о самомъ теперь интересномъ для Суханова,—о безпокойствѣ жизни, охватывавшемъ всѣхъ, о розни старыхъ и молодыхъ и о томъ, что земной шаръ сталъ вертѣться скверно.

Дьяконъ ставилъ самоваръ, наливалъ воду, а студентъ разсказывалъ ему о томъ, что̀ самъ видѣлъ въ большомъ взволнованномъ городѣ, и то, что̀ Сухановъ читалъ въ газетахъ, въ этомъ разсказѣ выступало ярче и страшнѣе, облекалось въ кровавыя краски.

Самъ студентъ сидѣлъ передъ дьякономъ исхудавшій и желтый, и обычныя шутки Суханова надъ высылкой и „сидѣньемъ“, какими онъ всегда встрѣчалъ „попова сына“, не соскользнули съ языка. И все вмѣстѣ, и видъ юноши, и то мрачное и жестокое, что̀ сейчасъ, судя по газетамъ, встрѣчало молодежь въ жизни, чѣмъ старина силилась отстоять себя,—будило въ душѣ Суханова чувство какой-то трогательной жалости и къ гостю, и ко всѣмъ молодымъ побѣгамъ, такъ дерзко и упрямо тянувшимъ въ сторону отъ родного ствола.

Юноша говорилъ взволнованно и нервно о старыхъ устояхъ и о той новой мечтѣ, которую исповѣдывала съ нимъ молодая Россія. И его, и тѣхъ, кто шелъ съ нимъ, можно было обвинять въ задорѣ, въ увлеченіи, въ крайностяхъ, но что̀ было несомнѣнно — это то, что здѣсь было несравнимо больше идеа-

лизма, самоотверженности, чѣмъ тамъ, на другой сторонѣ, стоявшей за старый законъ. Дьяконъ смотрѣлъ въ некрасивое, плебейское лицо Алтайскаго, въ его точно испуганные умные глаза, слушалъ его голосъ, еще юношескій, но увѣренный и точно властный, и чувствовалъ, что передъ нимъ какъ бы вѣрующій какой-то новой религіи, окрыляющей на дерзновеніе, на мученичество, на исповѣданіе, какъ когда-то его собственная вѣра окрыляла человѣчество подъ римскимъ небомъ, въ стѣнахъ Колизея...

— Поставьте себя на мѣсто сильныхъ,—говорилъ студентъ, мѣряя шагами столовую дьякона,—и вы увидите, что передъ вами такое искушеніе, противъ котораго почти не устоять обыкновенной душѣ. О, это соблазнительно: ѣсть на золотѣ, жить въ палатахъ, имѣть обезпеченныя семьи до третьяго колѣна. Кто знаетъ, можетъ быть, и вы тогда впились бы зубами въ свою собственность и, истекая кровью, отстаивали бы тотъ строй, какой обезпечиваетъ за вами земной рай. Нѣтъ, дьяконъ, можетъ быть, землетрясеніе не заставило бы ихъ опомниться. Падутъ кровавыя звѣзды съ неба на землю, и солнце обратится во тьму,— но они будутъ держаться за свое. Подѣлить рай земли всѣмъ должны мы, нищіе. У насъ нѣтъ ничего и мы ничего лично себѣ не ищемъ. Мы безкорыстны, Николай Егорычъ, и въ этомъ наша сила. Дѣвушка двадцати лѣтъ, которой бы только жить, любить да радоваться, вступается за судьбу незнакомаго, никогда не виданнаго человѣка, котораго оскорбила власть, и стрѣляетъ въ эту власть, чтобы закричать на весь міръ, какъ мы безправны. Сегодня,—Алтайскій подошелъ къ отрывному календарю на стѣнѣ,— мученицы Дросиды, и еслибы вы служили, вы читали бы ей канонъ. Я не знаю, какъ она славила своего Христа, но, знаете, дьяконъ, будетъ время, когда къ этимъ мученицамъ кротости будутъ присоединены мученицы и мученики дерзновенія, которые помогали человѣчеству возстановить справедливость того же Христа, когда люди ее запрятали по тюрьмамъ, распяли на крестахъ, да еще прикрываясь тѣмъ же Христовымъ именемъ. И тогда помянутъ вотъ и ту, про которую я вамъ говорю, искалѣчившую всю свою жизнь своимъ подвигомъ.

— А такая была, что-ль, въ самъ-дѣлѣ?

— Много ихъ было, дьяконъ. И одна изъ нихъ жива посейчасъ.

— И что-жъ, по вашему, она такъ того и не знала, за кого заступалась?

— Не знала.

— Оставьте, Ефимычъ!

— Это доказано, Николай Егорычъ. И судившіе ее этого не отрицали. И потому они не могли сказать: „она виновна!"

— А я вамъ скажу, она ему была любовницей. Такъ и запишите. Вѣрнѣе будетъ.

— Какой вы отвратительный циникъ!—взвизгнулъ какимъ-то не своимъ голосомъ студентъ.—Какъ вамъ не стыдно!.. Я не хочу съ вами больше разговаривать...

Онъ машинально оттолкнулъ отъ себя стаканъ съ чаемъ, отъ порывистаго движенія плеснувшимся на блюдечко. Съ огородовъ подошла тьма, и въ столовой было настолько темно, что дьяконъ не видѣлъ, вспыхнуло ли лицо гостя. Только по его выкрику онъ почувствовалъ, что тотъ въ самомъ дѣлѣ обидѣлся. Студентъ нескладно совался по комнатѣ, очевидно, отыскивая шляпу.

— Да чего-жъ вы осерчали, ей-Богу!—примирительно сказалъ дьяконъ.—Не сестру вашу я обидѣлъ. Хоть убейте,—въ толкъ не возьму.

— О, вамъ это гдѣ же понять!—злымъ голосомъ отвѣтилъ Алтайскій.—Вѣрно! Не жена, не любовница и не родная дочь. Такіе, какъ вы съ отцомъ, только родню любятъ. Для родни взятки брать станутъ. Только, дьяконъ, вспомните: „Аще любите любящихъ васъ,—кую мзду имате?" Вѣдь этакъ и мытари любятъ. Не про васъ ли сказано?..

Шляпа была наконецъ въ его рукахъ. Онъ выкрикнулъ: „прощайте" и, не подавъ руки хозяину, вышелъ.

Самоваръ шумѣлъ на столѣ. Но стаканъ Алтайскаго стоялъ только-что тронутый. Пить приходилось одному. Вдругъ тоскливо сдѣлалось Суханову. Опять одинъ на весь вечеръ, на всю ночь, какъ всю жизнь...

Онъ высунулся въ окно и крикнулъ тихо и потомъ громче: „Ефимычъ!" Но пуста и мертва была улица. Воздухъ стоялъ такой неподвижный, что, казалось, еслибы вынести на улицу свѣчку, онъ не колыхнулъ бы ея пламени. Даже шаговъ студента не было слышно....

V.

Сухановъ уже готовился ложиться спать, когда кто-то забарабанилъ въ стекло. Стучался недавній гость. Онъ стоялъ съ широко улыбающимся лицомъ и, явно, хотѣлъ что-то сказать дьякону.

— Что̀, горячка, отошли?

— Ну васъ къ шуту, дьяконъ! Темный вы человѣкъ,—чтò съ васъ возьмешь. Я вотъ вамъ книжку принесъ. Почитайте, тогда сами увидите. А завтра мнѣ—въ собственныя руки. Да не всякому кажите.

— Гм! Понимè. Вы, чай, этого добра понавезли изрядно?

— Есть малость. А завтра — утро вечера мудренѣе—я къ вамъ приду и поговоримъ.

— Будемъ поспорить.

Въ рукахъ Суханова была маленькая, мелко напечатанная брошюра. На листкахъ точно изъ папиросной бумаги просвѣчивалъ шрифтъ съ обратной страницы. Отъ обложки остался только зеленый слѣдъ у корешка. На первой страничкѣ, надъ текстомъ, стояла рукописная надпись: „Процессъ Вѣры Засуличъ“.

Сухановъ заплелъ на ночь свои рыжія кудри, раздѣлся и легъ съ книжкой. Поначалу чтеніе только затрогивало его любознательность. Что-то далекое, смутное когда-то долетѣло до его сознанія отъ нашумѣвшаго дѣла, и было пріятно узнавать его въ подробностяхъ, которыя почему-то считали нужнымъ скрывать. Но мало-по-малу содержаніе книжки, рѣзкой и называвшей вещи своими именами, стало его захватывать почти до волненія. Въ поступкѣ дѣвушки, о которомъ ему говорилъ Алтайскій и о которомъ теперь, уже безъ недовѣрія, читалъ онъ, было въ самомъ дѣлѣ что-то трогательное, молодое и прекрасное, какъ подвигъ. Изъ своего времени, отъ судей въ мундирахъ, изъ залы столичнаго суда хотѣлось перенести этотъ разсказъ въ далекія времена былой доблести, къ людямъ въ тогахъ и туникахъ, въ языческій Римъ или въ первые дни христіанства. Такія, какъ она, дерзали тогда и, отстаивая свою правду, такъ же безбоязненно, не прячась, шли подъ судъ, на смерть и въ темницы. Тогда бы ее назвали праведницей. Здѣсь ей вынесли только оправдательный приговоръ. Но, очевидно, и это оправданіе признали не всѣ, если даже объ ея дерзновеніи „не дозволено“ говорить вслухъ.

Маленькая, пухлая брошюрка взволновала Суханова. Шелъ уже второй часъ ночи, когда онъ окончилъ ее и погасилъ свѣчу. Въ комнатѣ было не темно, а черно. Сна не было ни въ одномъ глазѣ. Дьякону представлялись большія бѣлыя залы, чистыя и холодныя, какъ въ городской больницѣ, онъ видѣлъ судей присяжныхъ, только-что прочитанныя слова защитника звенѣли въ ушахъ...

„Чтò для нея былъ человѣкъ, за котораго она заступилась?—повторялъ онъ.—Не былъ родственникъ, другъ, не былъ знако-

мый. Она никогда не видѣла его, не знала. Но развѣ для того, чтобы возмутиться видомъ нравственно-раздавленнаго человѣка, чтобы придти въ негодованіе отъ позорнаго глумленія надъ беззащитнымъ, нужно быть сестрой, женой?

„Присяжные!.. Здѣсь, въ этой залѣ суда, были женщины, смертью мстившія своимъ соблазнителямъ, были женщины, обагрявшія руки въ крови измѣнившихъ имъ любимыхъ людей или своихъ болѣе счастливыхъ соперницъ. Эти женщины выходили отсюда оправданными. То былъ судъ правый, откликъ суда божественнаго, который взиралъ на внутренній смыслъ дѣяній... Въ первый разъ здѣсь является женщина, для которой въ преступленіи не было личныхъ интересовъ, личной мести,—женщина, которая съ своимъ преступленіемъ связала борьбу за идею во имя того, кто былъ ей только собратомъ по несчастію всей ея молодой жизни.... Да совершится ваше правосудіе!..“

„Суди и ты!“—словно бы говорилъ дьякону какой-то голосъ, и онъ чувствовалъ, что и его уста, еслибы даже за это пришлось пострадать, ни минуты не замедлили бы произнести оправданіе, какъ не поколебались тѣ, что сказали тогда: „невиновна!“ Было странное противорѣчіе между тѣмъ кроткимъ ученіемъ, которому всю жизнь служилъ онъ, и этимъ оправданіемъ подъявшей мечъ, но—странно—совѣсть молчала, не возражала, соглашалась съ этимъ противорѣчіемъ. Да, прекрасны тѣ, подставляющіе свою ланиту подъ ударъ. Но прекрасны и эти, подвергающіе риску собственную жизнь ради заступничества за заушаемыхъ. И на минуту дьякону показалось, что въ самомъ дѣлѣ уже не такъ велика бездна разномыслія между нимъ и тѣми, отъ кого идетъ этотъ юноша, на мѣсто старой четьи-минеи мечтающій создать новую исторію сказаній о дерзновенныхъ праведникахъ...

Маятникъ отчеканивалъ удары сочно и отчетливо. Точно онъ былъ живой и ему доставляло удовольствіе сознавать, что все уже спитъ и только онъ стоитъ на чередѣ и не опускаетъ отмѣтить ни одной секунды, скользящей въ вѣчность. Дьяконъ слышалъ, какъ пробило три, четыре и пять. Хотѣлось подыскать объясненіе безсонницѣ, придумать ея причины, точно отъ этого могло стать легче. Но онъ не пилъ на ночь чаю, не спалъ днемъ, не могъ жаловаться на нездоровье. Было одно давнишнее и жуткое объясненіе, — что-то расклеивается въ головѣ, слабѣютъ какія-то клѣточки, ослабѣваютъ связки...

Темнота словно сжалась и, крадучись, уползла въ углы. Въ щели ставни уже протискивался соскучившійся свѣтъ...

Дьяконъ вздохнулъ громко и глубоко, подавилъ рукой темя, гдѣ стояла глухая, ноющая боль, положилъ на себѣ широкій крестъ и сталъ одѣваться...

VI.

Съ этого дня установились для Суханова два обстоятельства,—началась его большая дружба съ сыномъ Алтайскаго, глубокая и серьезная, совсѣмъ отличная отъ прежнихъ дружелюбныхъ отношеній старѣющаго человѣка къ молодому,—и стали обычнымъ явленіемъ безсонницы.

Чаще случалось такъ, что пока было темно, дьяконъ засыпалъ на часъ или два, просыпался большею частью отъ испуга, почти въ кошмарѣ и съ крикомъ, и уже не могъ больше забыться ни на минуту до утра. Онъ лежалъ безъ злобы, безъ раздраженія, спокойно мирясь съ болѣзнью, часовъ до четырехъ, и тогда вставалъ, начиналъ сшивать на самодѣльномъ станкѣ книгу подъ переплетъ или выпиливать что-нибудь изъ тонкаго, жалобно скрипѣвшаго дерева. Иногда наутро нельзя было сказать, заснулъ ли дьяконъ хоть на минуту,—такъ было мгновенно, легко и странно забвеніе.

Сухановъ лежалъ съ открытыми глазами, вонзенными въ тьму, вспоминалъ прошлое, думалъ о прочитанныхъ книгахъ. Эти безсонницы напоминали ему тѣ, что были давно въ семинаріи, когда онъ такъ же смотрѣлъ въ сѣрый потолокъ, съ завистью прислушиваясь къ разнообразному храпу и дыханію полъсотни спящихъ товарищей, или вглядывался черезъ открытое окно тихаго корридора въ большой семинарскій садъ, который стоялъ, не шевелясь, словно онъ былъ залитъ не воздухомъ, а стекломъ.

Утра были тоскливѣе ночи. Этой тоскѣ нельзя было подыскать никакой прямой причины, какъ нельзя было ничѣмъ объяснить и какой-то глухой тяжести, почти боли въ животѣ. Сухановъ проѣхался къ доктору. Тотъ внимательно освидѣтельствовалъ его и нашелъ, что дьякону это только кажется отъ мнительности, и посовѣтовалъ не обращать на желудокъ вниманія. Временами и боль темени, и эта тяжесть въ желудкѣ прекращались, но по утрамъ никогда не прекращалась тоска, дьяконъ казался себѣ больнымъ, всѣмъ чужимъ, никѣмъ не любимымъ, было словно чего-то страшно, точно томило предчувствіе. Каждый разъ, когда нужно было служить, уже задолго до всенощной, до обѣдни, дьяконъ настраивался нервно, словно ожидая,

что вотъ сейчасъ кто-то войдетъ и скажетъ что-то страшное, непріятное, можетъ быть, объявитъ несчастіе.

И съ этого же дня Сухановъ сталъ каждый день видѣться со студентомъ. Вечерами они сходились и долго, не зажигая огня, говорили, похожіе въ темнотѣ на заговорщиковъ. Нужно было со стороны дьякона только желаніе подойти къ той области думъ, къ которой его звалъ студентъ и которой онъ раньше сторонился, чтобы она захватила его глубоко и повелительно. То, что прежде казалось Суханову почти великимъ, возвышеннымъ, теперь, послѣ разоблаченій, какія раньше не могли до него доходить, стояло ничтожное, злое, часто забрызганное кровью. Медаль повертывалась другой стороною, и, отвертываясь отъ однихъ, приходилось оправдать тѣхъ, кто прежде былъ осуждаемъ.

Алтайскій доставалъ откуда-то книжки и книги, въ которыхъ все было ново для дьякона. Онѣ были напоены дерзновеніемъ и осужденіемъ, и теперь онъ вѣрилъ, что люди, про которыхъ здѣсь разсказывалось, могли дѣйствительно полагать свою жизнь не только за сестеръ и братьевъ. Его звало новое, свободное царство пламенныхъ людей, лелѣявшихъ мечту о золотомъ вѣкѣ на землѣ и ради мечты превращавшихъ свою жизнь въ сплошной адъ. Тѣ, кто писали объ этихъ людяхъ, говорили о нихъ съ благоговѣйнымъ восторгомъ, но если даже въ ихъ разсказахъ было преувеличеніе любви,—дѣла тѣхъ оставались неотрицаемымъ фактомъ. Въ напряженіи ихъ воли, въ ихъ страданіяхъ, ссылкахъ и заточеніяхъ въ страшныхъ каменныхъ мѣшкахъ было что-то отъ стараго подвижничества. И даже если руки нѣкоторыхъ изъ нихъ были когда-то забрызганы кровью, безмѣрность ихъ страданія дѣлала ихъ изъ преступниковъ мучениками.

Иногда ночью Сухановъ представлялъ себя на мѣстѣ этихъ орловъ, посаженныхъ въ клѣтки, на мѣстѣ дѣвушекъ, которыхъ отрывали отъ жизни, отъ любви, отъ цвѣтовъ и полей, отъ смѣха и пѣсенъ, и задѣлывали въ камень,—и становилось жутко. Разъ онъ очень удивилъ студента, вернувъ ему одну изъ книжекъ недочитанной.

— Не могу, Ефимычъ, возьмите. Меня это разстраиваетъ. Я больной человѣкъ, Ефимычъ. Знаете, я и газету пересталъ читать. Не могу. Въ крови она.

— О, конечно, такъ спокойнѣе, — закрыть глаза и не видѣть. Моя хата съ краю. Отчиталъ ектенію объ истребленіи крамолы супостатовъ, да и пошелъ рамочки выпиливать...

Гнѣвно расширившіеся глаза Алтайскаго точно хотѣли съѣсть Суханова. Но имъ отвѣтилъ такой усталый, такой тоскующій,

такой явно больной взглядъ, что студенту вдругъ стало жалко дьякона и стыдно за свою насмѣшку.

— Нездоровится, что-ли, въ самомъ дѣлѣ, Николай Егорычъ?— другимъ голосомъ спросилъ онъ.—Такъ вы бы полечились! Опять, видно, не спали?

Дьяконъ молча качнулъ головой, и глаза его устало сомкнулись подъ выпуклыми стеклами очковъ.

— А бромъ мой пили?

— Пилъ.

— Не дѣйствуетъ?

Сухановъ грузно вздохнулъ.

— Не дѣйствуетъ.

VII.

На Пасхѣ въ городѣ, какъ предсказывали, разразился погромъ. Были убійства. Въ больницу навезли раненыхъ евреевъ. Въ городъ пріѣхала казацкая сотня.

Все было полно раскатистымъ гуломъ встряхнувшаго городъ событія. Церковныя службы были радостны, служили въ бѣлыхъ ризахъ, при открытыхъ царскихъ вратахъ, тропари въ церкви звенѣли весело, какъ пѣсни. Но для дьякона это только подчеркивало ужасъ совершившагося. Всюду, куда онъ и старикъ Алтайскій заѣзжали по приходу, рѣчь шла объ одномъ. Очевидцы въ десятый разъ разсказывали ужасы, и такъ какъ это говорили очевидцы, то истязанія вставали въ умѣ во всей яркости жестокости и звѣрства. Дьяконъ уходилъ изъ дома, а въ глазахъ его все стояли картины, какъ двое стражниковъ терзали еврея, вцѣпившись въ его длинные волосы, какъ казакъ взмахнулъ саблей надъ старовѣрскимъ мальчишкой мясникомъ и „такъ и срѣзалъ самую маковку головы тоненькой плиточкой“.

Еслибы не было неловко и странно, хотѣлось бы попросить разсказывавшихъ замолчать, и было чудовищно слышать, какъ смѣялись надъ мясникомъ, а о. Ефимъ, сдерживая усмѣшку, дѣлалъ замѣчаніе, что теперь мальчишка получилъ тонзуру, какъ католикъ. „Соблюдая политику“, Алтайскій осуждалъ погромъ, но наединѣ съ дьякономъ успѣлъ сказать не разъ, что,—„грѣшный человѣкъ“,—онъ не долюбливаетъ ни еврея, ни старовѣра. И по связи мысли съ евреями, съ деньгами, съ процентами, онъ жаловался на паденіе ренты, вспоминалъ запугиванья газетной статьи насчетъ русскихъ финансовъ и говорилъ это съ увлече-

ніемъ и внезапной серьезностью, выдававшей, что вопросъ близокъ ему и тревожитъ его.

Отъ передвиженія, отъ нѣсколькихъ выпитыхъ рюмокъ, отъ резонерства о. Ефима дьяконъ какъ-то ослабѣвалъ и умолкалъ. Алтайскій искупалъ его молчаливость и говорилъ всю дорогу, скользя отъ погрома къ рентѣ, отъ ренты къ защитѣ собственности. „Послѣдній человѣкъ, кто собственности не имѣетъ и не хочетъ. Само собой, ему одно остается,—въ брынскій лѣсъ идти да грабить...“ И мысль вдругъ перескакивала на „смутьяновъ“, на сына, и о. Ефимъ начиналъ бранить его, съ захватомъ и жадностью.

— Кто мнѣ жизнь отравилъ?—восклицалъ онъ такъ громко, что возница, вздрогнувъ, шлепалъ кнутомъ лошадь, думая, что сѣдокъ недоволенъ его ходомъ: — родной сынъ! Нѣтъ у меня сына, дьяконъ... Отрицаюсь! Въ кого такого подлеца уродилъ! Вскую мя отринулъ еси... И дочь, видно, отъ него наслушалась. Что̀ говоритъ! Что̀ говоритъ!

Онъ почти кричалъ, и еслибы кто слышалъ ихъ, можно было бы подумать, что Алтайскій разноситъ дьякона. Но дорога была окаймлена полемъ, было тихо, никто ихъ не слышалъ. Сухановъ слушалъ его, поникшій и грустный, и только разъ, когда о. Ефимъ разразился цѣлымъ припадкомъ гнѣва, онъ вспыхнулъ и весь задрожалъ.

— Вы не должны такъ говорить о вашемъ сынѣ!—вдругъ, неожиданно для самого себя, выкрикнулъ онъ.—Они справедливые, безкорыстные, честные. Они лучше насъ, и намъ никогда не быть такими... Гордиться надо такимъ, о. Ефимъ.

— Те-те-те, вонъ вы какъ запѣли!—и о. Ефимъ въ непритворномъ изумленіи такъ и откачнулся вбокъ отъ Суханова.— Благотворное вліяніе сыночка. Поздравляю. Салютую. Оно какъ разъ духовному лицу такое пристало...

— Оставьте меня, о. Ефимъ!

Дьяконъ словно простоналъ. Голосъ его былъ глухъ и страненъ, какъ звукъ надтреснутаго колокола. Алтайскій покосился на его профиль и увидѣлъ глазъ дьякона, весь утонувшій въ слезѣ. Рука, державшая узелокъ на колѣняхъ, дрожала, и мелкой дрожью дрожали на головѣ кудри. О. Ефимъ неодобрительно повелъ головой и не сказалъ ни слова.

VIII.

...Кругомъ шла вакханалія раздора и крови. Два врага сцѣпились лицомъ къ лицу и боролись, и неистовствовали. Одинъ наводилъ ужасъ тюрьмами и казнями, другой отвѣчалъ кровью же, огнемъ и казнями по таинственнымъ, не объявляемымъ впередъ приговорамъ.

На окраинахъ города безчинствовали казаки. Въ уѣздѣ горѣли имѣнія. Въ полдень и ночами вдругъ бухалъ набатъ и откуда-нибудь, изъ-за веселыхъ зеленыхъ яблонь или вишень тянулись къ небу злые и безформенные столбы пламенѣющаго дыма. Казацкій офицеръ часто сидѣлъ у Алтайскаго въ гостяхъ. О. Ефимъ поилъ его коньякомъ, чтобы можно было разсчитывать на него „при случаѣ“.

Дьяконъ нѣкоторое время не читалъ газетъ, но скоро не могъ устоять передъ своимъ жуткимъ любопытствомъ. Онъ уходилъ въ печатный листокъ, по виду такой же безобидный, какъ всегда, и поднимался отъ него разстроенный, придавленный и потерявшійся, съ рѣшимостью не брать его въ руки завтра. И завтра опять жадно проглатывалъ его, какъ мнительный больной, которому запрещаютъ разсматривать свою рану и который не можетъ преодолѣть соблазна.

Погромъ и пожаръ обратили пригородъ въ сборище нищихъ. Студентъ Алтайскій дневалъ и ночевалъ тамъ. Дьяконъ посѣтилъ еврейскій кварталъ и весь содрогнулся. Наутро, еще весь раздавленный вчерашними впечатлѣніями, онъ пришелъ къ о. Ефиму.

— Вотъ что̀, о. протопопъ, — я у васъ въ долгъ попрошу.

— Нашелъ богатѣя! Что жъ это вы, дьяконъ, — женитесь, что-ли?—Протопопъ звалъ Суханова то на *ты*, то на *вы*, смотря по настроенію.

— Нужно, о. Ефимъ. Я васъ не часто этимъ безпокою.

— Да знаю, голубь. И нѐ изъ чего часто-то. Значитъ, безъ указанія надобности?

— Ужъ лучше такъ.

Алтайскій прищурилъ глазъ.

— И много?

— Надо бы много, да не дадите.

— Вѣрно сказалъ, голубь. Такъ дѣла плохи, такъ плохи... Синюху, что-ли?

— Надо бы, о. протопопъ, красненькую... Прямо такъ отъ заслуженныхъ и отчисляйте въ погашеніе...

О. Ефимъ вдругъ сталъ сосредоточенъ и даже суровъ. Онъ долго жаловался на обѣднѣніе, на нехватки, на мужиковъ. Риску почти не было, но не было и никакой пользы давать дьякону. Поторговавшись, онъ отсчиталъ десятокъ изношенныхъ рублевокъ, ласково разгладилъ ихъ на столѣ и осторожно, какъ сокровище, вручилъ ихъ Суханову.

— Налетай!

Уходя, дьяконъ по обычаю поцѣловалъ протопопову руку и, на минуту задержавшись въ сѣнцахъ, сказалъ:

— Бѣда, о. Ефимъ, въ пригородѣ. Ахъ, какая бѣда! Недоумѣваетъ умъ и языкъ. Такая нищета, такая!... Ежели бы вотъ вамъ поученіе сказать, чтобъ помогли, значитъ,—то-то бы сурьезно было...

О. Ефимъ юмористически отмахнулъ руки назадъ и отвѣсилъ поклонъ.

— Вотъ спасибо, дьяконъ, за нравоученіе. Очень васъ благодарствую. Только, видишь ли, я не жидовскій попъ. Это ужъ вы такія поученія сказывайте. Сережку въ помощники возьми. А у меня своя есть паства голодная. Собственный дьяконъ въ долгъ проситъ.

IX.

Трудно сказать, больше удивился или возмутился Алтайскій, когда узналъ, что занятыя деньги, вымѣненныя на мѣдь у старосты, Сухановъ роздалъ пострадавшимъ отъ погрома. Не меньше удивился онъ, когда ему разсказали, что въ городѣ образовался самодѣльный комитетъ помощи, и въ него вошелъ дьяконъ, и гдѣ-то ходилъ со своей шляпой, въ которую доброхоты клали деньги. Какъ всегда, въ погромѣ винили власть, комитетъ составился помимо власти, и потому Алтайскому казалось нелѣпымъ и неумѣстнымъ, что тутъ путался его сослуживецъ.

О. Ефимъ присматривался къ дьякону и замѣчалъ, что все въ немъ измѣнилось и стало страннымъ. Онъ измѣнилъ своему прежнему домосѣдству, своимъ книгамъ, огороду, столярству. Теперь его можно было въ любое время встрѣтить на улицѣ, на площади у церкви. Прежде молчаливый, дьяконъ шумно говорилъ, волнуясь и размахивая руками. При встрѣчахъ съ Алтайскимъ онъ какъ-то жадно вступалъ въ разговоръ, и разго-

воръ былъ всегда одинъ,—о тревожномъ днѣ, о злѣ на землѣ, объ обиженныхъ, за которыхъ пора заступиться.

Въ томъ, какъ онъ теперь „сослужилъ“ за богослуженіемъ, ходилъ, говорилъ, была какая-то восторженная повышенность, какая-то торопливость, и было похоже, что онъ къ чему-то точно прислушивается. „Не сталъ ли дьяконъ выпивать по отцову примѣру?“ —задалъ себѣ вопросъ Алтайскій и насторожился. Но дыханіе не выдавало вина, и отъ предложеннаго какъ-то протопопомъ съ искусительными цѣлями стаканчика Сухановъ отказался рѣшительно.

Какъ-то разъ, прослушавъ длинный монологъ дьякона на знакомую тему—о жестокихъ дняхъ, обнищавшемъ мужикѣ, глухой къ народу бюрократіи, о. Ефимъ чмокнулъ языкомъ, вздохнулъ и сказалъ:

— Ахъ, голубь, голубь! Еще годъ назадъ мы съ тобой и словъ такихъ мудреныхъ не знали, а теперь—нà поди. Чтò съ тобой, дьяконъ, приключилось? Боюсь за тебя. За санъ, за санъ твой боюсь, голубь.

— Не бойтесь!—восторженно и страстно воскликнулъ Сухановъ.—Не бойтесь, а радуйтесь. Я слѣпъ былъ и вотъ прозрѣлъ. Пришелъ человѣкъ и сотворилъ бреніе, и слетѣло бѣльмо. Изъ Савла Павломъ сталъ. Кого гналъ, тѣмъ руку протягиваю.

— Вонъ оно куда пошло. А какъ же вы меня, о. дьяконъ, изволите понимать? Я, небось, все еще слѣпенькій?

— Вы, о. Ефимъ... Вы еще въ полъ-глаза смотрите. Видите человѣки, яко древіе ходящія... Но и вы узрите.. Всякому это въ свой часъ придетъ, и нельзя сразу. Кабы всѣ сразу увидѣли, стало бы на землѣ царство небесное. Прозрѣлъ и благодарю Бога!..

Сухановъ устремилъ глаза вдаль на багряную полосу заката, будто бы тамъ именно и былъ Богъ, и широко перекрестилъ грудь.

Алтайскій смотрѣлъ на него, и во взглядѣ стараго протопопа былъ прямой испугъ. Никогда еще такимъ горящимъ, пламенѣющимъ не видѣлъ онъ дьякона. О. Ефимъ похлопалъ его по плечу.

— Вотъ чтò, голубь, вы съ Сережкой пріятели. Попросика его, пущай тебя пощупаетъ. Да нѣмецкія-то книжки свои брось. Не хорошъ ты, по-моему.

— Не бойтесь. Съ ума не сойду!—засмѣялся Сухановъ.

X.

Въ самомъ дѣлѣ, онъ былъ теперь оживленъ, веселъ, часами почти счастливъ. Подъ свѣтомъ мысли, что онъ теперь не тотъ, прежній и эгоистичный, радовавшійся рублямъ за свадьбы и двугривеннымъ за прошенія, что онъ „прозрѣлъ“, — чувствовалось такъ, какъ еслибы за плечами росли крылья. Тогда забывались и безсонная ночь, и боль въ головѣ, и ноющій желудокъ, вѣрилось въ силы молодыхъ борцовъ, въ новую жизнь, и хотѣлось говорить объ этомъ все равно кому.

Если удавалось заснуть, сны были всегда странно сложны. Сухановъ сознавалъ, что онъ спитъ и видитъ сонъ и вотъ проснулся. Было ясно, что теперь уже не сонъ, но и это на самомъ дѣлѣ былъ сонъ, и потому ужасъ сновидѣнія былъ потрясающъ и разрѣшался воплемъ. И какая-то тяжелая навязчивость была въ снахъ. Они противъ воли вспоминались днемъ, какъ-то сопоставлялись съ дѣйствительностью, врѣзались въ нее и путались. И случалось такъ, что часто онъ долженъ былъ нѣкоторое время и съ напряженіемъ соображать, относилось ли то, что̀ онъ вспоминалъ, къ сну, или было наяву.

Но стоило явиться малѣйшей непріятной мелочи жизни, ничтожному слуху, газетному извѣстію, чтобы дьяконъ разстраивался на весь день. Дѣло валилось изъ рукъ, словно онъ былъ со страшнаго похмелья. Пробуждались раздражительность, обидчивость, иногда гнѣвность. Онъ ложился на постель и сейчасъ же вскакивалъ и начиналъ ходить по кабинету взадъ и впередъ, скрестивъ на груди руки, не замѣчая усталости.

Разъ въ продолженіе трехъ дней не явился домой студентъ Алтайскій. Потомъ заѣхалъ къ о. Ефиму исправникъ и заявилъ ему, что сынъ арестованъ. Протопопъ погасъ, осунулся, но, казалось, еще больше былъ потрясенъ Сухановъ. На другой день вечеромъ онъ поднялся къ Алтайскому, весь дрожащій. Противъ протопопова дома закатъ отражался въ стеклахъ церкви, и можно было подумать, что она внутри вся полна пламенемъ. Сухановъ порывисто вбѣжалъ по скрипучей лѣсенкѣ къ протопопу. Въ рукахъ его была газета.

— О. протопопъ, что̀ же это такое!.. Вотъ тутъ. Прочтите скорѣе.

О. Ефимъ встревоженно прочиталъ показанное. Сообщалось, что гдѣ-то, въ провинціи, были заключены въ тюрьму священникъ

и дьяконъ за какія-то выраженія несочувствія войскамъ. Старикъ прочиталъ замѣтку, отбросилъ газету и недовольно взглянулъ на дьякона, который въ безпомощной позѣ, весь осѣвшій и похожій на мѣшокъ, сидѣлъ въ креслѣ, съ упавшими руками.

— А! вѣчно ты, дьяконъ, переполошишь. Я думалъ, что-нибудь съ Сергѣемъ или нивѣсть что... А ему вонъ изъ-за чего вздумалось въ набатъ бить.

— Какъ вздумалось, о. Ефимъ!.. Ежели мы имъ чужіе, такъ кому жъ они близки? Какъ же это такъ архіерей не вступится! Вы только вообразите себѣ,—съ убійцами, съ мокрицами...

— Давно замѣчаю, что ты сталъ что-то ужъ очень сильно воображать.

— Вѣдь это *мы* могли быть... Вы, я...

— Ну, не я, дьяконъ. Куда меня не спрашиваютъ — я не суюсь. Какая попу политика! Вотъ ты блюди, како опасно ходишь!

Взглядъ Суханова метнулся въ испугѣ.

— Что вы этимъ хотите сказать?

— То именно, что сказалъ. По крутому бережку, голубь, идешь,—не ввались. Ты, вонъ, слышно, на какихъ-то собраніяхъ бывалъ?

— Бывалъ.

— Даже что-то такое болталъ...

— Я, о. протопопъ, отъ писанія призывалъ.

— То-то и оно, отъ писанія. А рядомъ-то съ тобой такіе, небось, какъ Сергѣй демосѳенствовали.

— Гм! Какъ вамъ сказать...

— Вотъ то-то и есть, голубь. Коли духовное лицо на эту линію пошло, такъ твоему попу не резонъ удивляться, если ему придется тебѣ вонъ туда хлѣбъ-соль посылать...

И о. Ефимъ протянулъ руку къ окну, въ сторону отъ церкви, гдѣ тянулось буро-кирпичное, низкое, точно осѣвшее зданіе острога...

XI.

Старикъ не замѣтилъ, но его слова словно ушибли Суханова. Глаза его вдругъ погасли, голова вдвинулась въ плечи.

Дьяконъ хотѣлъ что-то сказать, но подавился словомъ и едва сумѣлъ попрощаться. Онъ шелъ сюда за утѣшеніемъ, а уходилъ весь сотрясенный. Мысль, жуткая, далекая и едва шевелившаяся гдѣ-то въ глубинѣ, оказывалось, уже ясно сознанная, опредѣленная, округленная стояла предъ чужимъ умомъ, и о. Ефиму даже

на минуту не кажется невозможнымъ или страннымъ сопоставить имя его, тихаго дьякона съ береговъ тихой Неряхи, съ именами тѣхъ двухъ, валяющихся сейчасъ тамъ, далеко, на подстилкахъ изъ вонючей соломы...

Страшная мысль, которая вытекала отсюда, была навязчива, неотступна и докучлива. Сухановъ уже ничѣмъ не могъ заглушить ее, отвязаться отъ нея. Она извивалась и прыгала, какъ мячикъ, и подставлялась ему всѣми боками. Дьякону уже живо представлялось, какъ звякнетъ его колокольчикъ, какъ къ нему „пріѣдутъ", „возьмутъ" его, и онъ пойдетъ по двору, потомъ мимо ограды и церкви, мимо захудалаго „гостинаго двора", мимо каланчи, по мосткамъ, засыпаннымъ овсомъ и соломой, подъ взглядами любопытныхъ. Лишь теперь, когда душа трепетно искала, за кого бы ухватиться, кѣмъ прикрыться, онъ почувствовалъ, какъ всегда онъ былъ одинокъ, далекъ всѣмъ, вплоть до церковнаго сторожа, приносившаго ему обѣдъ, застилавшаго постель. И отецъ Ефимъ отречется отъ него съ тѣмъ же спокойнымъ и холоднымъ любопытствомъ, какъ всѣ, и скажетъ: „не знаю человѣка!.."

Минутами, въ страшной потугѣ стряхнуть съ себя свой страхъ, Сухановъ задумывался надъ тѣмъ, въ чемъ же, въ сущности, его преступленіе. Преступленія не было, но сейчасъ же вмѣсто успокаивающей логики ума выступала какая-то другая, болѣе повелительная логика чувства, убѣждавшая, что страхъ не преувеличенъ, и что *это* не сойдетъ *такъ*. И было странно, до чего безнадежно и безповоротно погасло вдругъ то чувство обновленія, какое наполняло его еще такъ недавно...

Ночь была безконечна. Обливаясь потомъ, Сухановъ лежалъ, почти не двигаясь, пронзая тьму глазами, въ которыхъ не было сна. Проснулись мухи и зажужжали, въ четыре часа что-то брякнуло на дворѣ... Рано утромъ, самъ не зная зачѣмъ, онъ прошелъ на вокзалъ. Спали въ повалку мужики, но уже гремѣли маленькія станціонныя телѣжки съ движущимися въ любую сторону тяжелыми колесами, какъ у той колесницы, которую видѣлъ Іезекіиль. Бросилось въ глаза росписаніе поѣздовъ, и дьяконъ жадно, словно его осѣнило, замѣтилъ, во сколько часовъ поѣзда приходятъ въ Кіевъ и бѣгутъ оттуда дальше. Точно это нужно было „на случай". Чтобы кто-нибудь не обратилъ на это вниманія, Сухановъ съ дѣланнымъ равнодушіемъ такъ же остановился у аншлага приглашавшаго не мучить животныхъ, и у объявленія о калошахъ новой фирмы.

Уже уходя со станціи, Сухановъ столкнулся съ регентомъ

второй городской церкви, Астаховымъ. Это былъ извѣстный всему городу чудакъ и запивоха. Съ дьякономъ онъ всегда говорилъ не иначе, какъ балагуря; вѣроятно, такъ говорилъ и со всѣми; и потому, что это повторялось изо дня въ день, и за цѣлый годъ съ этимъ взрослымъ, расплывшимся и распившимся человѣкомъ не удавалось сказать и десяти серьезныхъ и дѣльныхъ словъ,—становилось непріятно съ нимъ встрѣчаться, дѣлать улыбающееся лицо и отвѣчать въ тонъ его балагурству.

Регентъ шумно приблизился къ дьякону, долго трясъ ему руку, пощупалъ матерію рясы, сострилъ что-то насчетъ доходности его прихода.

— А батя-то, батя-то какъ? Сынокъ-то его, того гляди, боголѣпно въ крѣпости прославится (онъ намекалъ на совершенно опредѣленную „крѣпость“). За что это его, о. дьяконъ, ахнули,—скажите на милость?

— Кто жъ его знаетъ! Самому отцу невдомёкъ.

— Ну, полно!.. Какъ не знаете. Вы ему пріятель такой. Вотъ я ужò на васъ архіерею жалобу настрочу. Неряхинскій, молъ, дьяконъ съ революціонерами якшается. Что вы думаете? Вотъ Богъ, напишу!..

Астаховъ съ недоумѣніемъ увидѣлъ, какъ Суханова словно метнуло отъ него въ сторону. Дьяконъ почти побѣжалъ по платформѣ. Можно было подумать, что онъ завидѣлъ кого-то, съ кѣмъ не хотѣлъ встрѣчаться. Но никого не было, и регентъ напрасно обвелъ глазами окружность.

XII.

Была суббота. Вечеромъ полагалась всенощная. Но уже послѣ вечерни Сухановъ подошелъ къ о. Ефиму и сказалъ:

— О. протопопъ, я васъ прошу отслужить сегодня всенощную безъ меня. Я не могу. Я, извините, совсѣмъ боленъ.

— Что съ тобой, голубь?

— Самъ не знаю, о. протопопъ. Я разстроился. У меня, слышите, даже голосъ дрожитъ.

Онъ понизилъ голосъ и совсѣмъ трепетно сказалъ:

— На меня, о. протопопъ, архіерею жалоба послана.

— Что такое?

— Регентъ косьмодемьянскій... Сегодня самъ проговорился. Я, говоритъ, на тебя напишу. Да чего—напишу, ужъ написалъ навѣрняка. Извольте его сами спросить...

— Пустой человѣкъ Астаховъ... И самъ ты пустяки какіе-то говоришь...

— Вотъ вы увидите, какіе это пустяки. Это мой конецъ подошелъ.

— Нездоровъ ты, дьяконъ, я вотъ что̀ тебѣ скажу. Лихорадитъ тебя. Поди-ка ты, напейся малины да и завернись съ головой. Завтра-то къ обѣднѣ и встанешь, какъ стеклышко.

...Однако, и обѣдню Алтайскому пришлось служить одному. Дьяконъ прислалъ набросанную дрожащей рукой записку о болѣзни. Кое-кто изъ прихожанъ, замѣтившихъ отсутствіе Суханова вчера и сегодня, навѣдались къ нему. Церковный сторожъ отвѣтилъ имъ, что дьяконъ боленъ и проситъ не обидѣться, — принять не можетъ.

Вечеромъ протопопъ спровѣдалъ Суханова, который поднялся съ постели, но былъ еле живъ. Его лицо казалось еще болѣе осунувшимся, и самъ онъ похожъ въ темной комнатѣ на тѣнь. На шахматномъ столикѣ лежала невынутая изъ бандероли газета.

— Все-то вы, дьяконъ, ходите, хоть бы сѣли.

— А я вотъ, о. Ефимъ, такъ и цѣлый день, и всю ночь. Лежать хуже,—мысли одолѣваютъ.

— И съ чего ты этакъ развинтился? Хоть бы огонь зажегъ. Что̀ у тебя собственно? Голова?

— Голова болитъ, только это что̀! У меня душа болитъ, и я весь сломался. Разъ я видѣлъ, крыса такъ съ дома шлепнулась. Хрясть объ камень, — такъ вся и размякла. Подергала ногами и сдохла. Та̀къ вотъ и я. Не по спинѣ грузъ поднялъ и надсѣлся. Думалъ новой жизнью жить, новыя житія писать, а вонъ что̀ вышло! Подъ самый корешокъ въ самомъ началѣ подсѣкли.

— А я регента видѣлъ, — сочинилъ Алтайскій.—Все ты выдумалъ, голубь. Никакой онъ жалобы и не думалъ.

Дьяконъ пересталъ маршировать, съ тревогой прислушался и улыбнулся хитрой улыбкой.

— Отрицается!

— Само собой, и не думалъ.

— Ну, еще бы! Онъ бы теперь дорого далъ, чтобы не проговориться. Да ужъ поздно.—Онъ сдѣлалъ таинственное лицо и тихо пояснилъ протопопу:—Отъ него-то, о. Ефимъ, и „начало болѣзнемъ“. Онъ не собирается писать, а ужъ давно написалъ. Въ политической неблагонадежности меня обвиняетъ. Онъ — провокаторъ. Теперь ужъ все потеряно.

— Это какъ же тебя осѣнило?

— Ужъ не спрашивайте, откуда,—не могу сказать. Навѣр-

няка и исправнику послано. А мнѣ прежде-то и невдомёкъ. Только, замѣчаю, всѣ ко мнѣ какъ-то перемѣнились. Третьяго дня аптекаря подослали,—подъ ручку подхватилъ и выпытывалъ. Еще какъ Охрема моего (это былъ церковный сторожъ) не подкупили. Спасибо, честный человѣкъ попалъ. Прошлую всенощную какой-то незнакомецъ у праваго клироса всю службу за мной наблюдалъ. Слѣдятъ, понимаете, не пропускаю ли я про царствующій домъ...

О. Ефимъ съ безнадежностью покачалъ головой на ахинею дьякона и спокойно спросилъ:

— Какая ноньче недѣля, голубь?

— О слѣпомъ.

— А какой гласъ поемъ?

— Осьмый.

— О всемъ здраво мыслишь, а про регента экую чушь порешь! Бери-ка ты, дьяконъ, отпускъ да съѣзди къ родственникамъ. Есть вѣдь, чай, у тебя родственники?

— Нѣту, о. протопопъ. Я на всемъ бѣломъ свѣтѣ одинъ. Кабы не одинъ былъ, не проглотили бы меня такъ просто.

— Развлечься тебѣ надо, раздуматься.—О. Ефимъ попытался беззаботно улыбнуться.—А что̀, вѣдь ты въ шашки большой мастакъ. Семъ-ка, я огонька зажгу, да и сразимся.

Дьяконъ не возразилъ, но и не оживился. Какъ-то апатично онъ смотрѣлъ, какъ о. Ефимъ зажегъ лампу, апатично сѣлъ къ столику. Обыкновенно болѣе сильный, чѣмъ Алтайскій, на этотъ разъ онъ игралъ, какъ пьяный, разсѣянно, неумѣло, словно поддаваясь нарочно. Разъ даже онъ взялъ свою шашку своею же шашкой. О. Ефимъ хотѣлъ повернуть это въ шутку и сдѣлалъ видъ, что хохочетъ, но поднялъ глаза на Суханова и увидѣлъ такое страдальческое лицо, такъ болѣзненно взлетѣвшія пучки рыжихъ бровей, такую жуткую дрожь во всѣхъ чертахъ, что смѣхъ его мгновенно оборвался, а продолженіе игры стало совершенно невозможнымъ.

— Ну, что̀ же я съ тобой стану дѣлать, дьяконъ!—вырвалось у него.

— Разстроенъ я, отецъ Ефимъ, не могу играть. Не нудьте. До шашекъ ли въ такіе дни! Можетъ, мнѣ сейчасъ Богъ знаетъ какой приговоръ подписываютъ. Ахъ, отче, отче, ржавчина по мнѣ пошла. Сидѣть бы мнѣ было незамѣтно да въ тихой рѣкѣ удить тихую рыбу. А меня вонъ куда устремило,—въ бурю. А я маленькій, слабый, больной. Заржавѣлъ—и въ ломъ. Только золото да серебро не ржавѣетъ. Вонъ вашъ сынъ—тотъ устоитъ

и его такъ скоро не сломаютъ. Мы—слабое, усталое поколѣніе, и намъ надо поскорѣй умирать. А тоска-то какая, отецъ протопопъ! Вѣдь я новой земли и новаго небесе чаялъ! Думалъ, новая звѣзда поведетъ новыхъ волхвовъ! А что̀ вышло-то, что̀ вышло, отецъ Ефимъ!

Сухановъ облокотилъ руки о столикъ, спряталъ въ ладони голову и всѣмъ корпусомъ запрыгалъ въ сухихъ рыданіяхъ. О. Ефимъ порывисто поднялся, прижался къ нему тѣломъ сзади, возложилъ на горячую, начинавшую плѣшивѣть голову руки и, чувствуя мурашки на своей спинѣ, растерянно зашепталъ:

— Успокойся, дьяконъ!.. Голубь мой, успокойся!..

XIII.

Алтайскій немедленно снарядилъ посылку за докторомъ, но тотъ былъ въ уѣздѣ, и его ждали домой только наутро.

А когда надъ огородами небо стало асфальтовымъ, и о. Ефимъ уже совсѣмъ собирался спать, къ нему постучался дьяконъ. Онъ былъ въ старой шляпѣ, которую носилъ лѣтъ пять назадъ; рыжія кудри были гладко причесаны; его взглядъ блуждалъ.

Сухановъ сѣлъ и долго мялся, прежде чѣмъ Алтайскій понялъ, что̀ ему нужно. Не ночевать же пришелъ дьяконъ? Но когда, „изъ политики", о. Ефимъ предложилъ ему остаться, Сухановъ такъ сразу и радостно согласился, что стало ясно,—только за этимъ онъ и пришелъ. И о. Ефимъ понялъ, что ему страшно одному дома, и самому ему стало жутко за гостя.

— А что̀ это ты, дьяконъ, такимъ фертомъ?

Сухановъ встрепенулся.

— А правда, меня не сразу и признаешь? Можно подумать, что какой заѣзжій дьяконъ!

Алтайскій догадался, что это ему нравится, и поддакнулъ.

— У *нихъ* рѣшено меня сегодня взять, — таинственно наклонился Сухановъ къ о. Ефиму.—Ставятъ въ связь съ дѣломъ Сергѣя Ефимыча. Архіерей ужъ отступился,—все покончено. Какъ тонко подвели,—комаръ носу не подточитъ. А у васъ я только до утра.

Дьякона уложили въ кабинетѣ. О. Ефимъ слышалъ, какъ онъ долго не ложился и ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Когда онъ стихъ, протопопъ пріотворилъ дверь и взглянулъ въ щелочку. Сухановъ сидѣлъ на корточкахъ въ углу и словно чего-то искалъ.

— Чего не спишь, полунощникъ?

— Ключъ... Ключъ ищу отъ квартиры. Куда задѣвалъ, не помню.

Ночь была вся безпокойная и жуткая. О. Ефиму вдругъ неотступно стало казаться, что Сухановъ что-то сдѣлаетъ надъ собой, что это онъ искалъ веревки. Онъ легъ въ сосѣдней комнатѣ, и въ дремѣ ему чудились и заставляли его вздрагивать какіе-то шорохи и стуки въ кабинетѣ. Заснулъ онъ неожиданно и спалъ, вѣроятно, недолго. Точно стукъ двери гдѣ-то далеко, внизу, разбудилъ его. Въ кабинетѣ было тихо. Онъ снова на цыпочкахъ подошелъ къ двери, пріотворилъ ее, прислушиваясь къ дыханію Суханова.

Но диванъ былъ пустъ. И въ кабинетѣ не было ни души. Дьяконъ ушелъ навсегда...

А. Измайловъ-Смоленскій.

ЗЕМЕЛЬНЫЙ ВОПРОСЪ

И

ЕКАТЕРИНИНСКАЯ КОММИССІЯ

Матеріалъ для исторической параллели.

I.

Тотъ вопросъ, который всего больше озабочивалъ нашу Государственную Думу перваго созыва 1906 года,—вопросъ, который, сообразно съ требованіями времени, въ ея законодательной дѣятельности поставленъ былъ во главу угла, — аграрный вопросъ,—лѣтомъ 1767 года, при открытіи (30-го іюля) знаменитой екатерининской „Коммиссіи о сочиненіи проекта Новаго Уложенія", не могъ, конечно, имѣть такого же значенія. Болѣе того: является даже сомнѣніе, существовало ли, собственно говоря, тогда, въ эпоху расцвѣта крѣпостного права и быстраго территоріальнаго роста Россіи, что-нибудь похожее на то, что для насъ теперь звучитъ такъ многозначительно—аграрный вопросъ!..

Безъ сомнѣнія, для самой Екатерины II, которая щедро надѣляла своихъ любимцевъ „латифундіями", такъ же, какъ и для ея правительства, да въ сущности и для депутатовъ (по крайней мѣрѣ—большинства ихъ), со всѣхъ концовъ съѣзжавшихся въ первопрестольную для „сочиненія" новыхъ законовъ, на мѣсто запутанныхъ и устарѣлыхъ [1]),—для нихъ такого рокового во-

[1]) Важнѣйшія данныя о Коммиссіи см. въ Сб. Русскаго Историческаго Общества. Т. IV, VIII, XIV, XXXII и XXXVI; также у Латкина, „Законод. ком.", т.

проса не существовало. На очереди стояли другія задачи, и нарочитое вниманіе законосовѣщательнаго органа, какъ и надо было ожидать, руководителями его направлено было на разработку правъ „благородныхъ", далѣе — на законоположенія о юстиціи (неудовлетворительность которой составляла одно изъ самыхъ больныхъ мѣстъ въ существованіи тогдашняго россійскаго обывателя), о помѣстьяхъ и вотчинахъ, о торгово-промышленномъ сословіи. Что же касается крестьянства, оно входило въ разсчеты и соображенія заправилъ Коммиссіи менѣе всего—и въ занятіяхъ ея стояло на послѣднемъ планѣ.

Хотя, на ряду съ разными законопроектами, одною изъ многочисленныхъ частныхъ коммиссій составленъ былъ и проектъ крестьянскихъ правъ (правда, безъ предварительнаго обсужденія относящихся сюда законовъ въ общихъ засѣданіяхъ, чего удостоились другіе), но этому проекту до общаго или „большого" собранія депутатовъ добраться не удалось. Даже главная частная коммиссія—дирекціонная,—черезъ которую должны были пройти сперва вновь выработанные законопроекты, не потрудилась заняться его разсмотрѣніемъ и дальнѣйшимъ движеніемъ.

Относительно „большого собранія" мы едва-ли погрѣшимъ противъ истины, если скажемъ, что крестьянству оставалось разсчитывать лишь на случайное, такъ сказать, попутное къ себѣ вниманіе общихъ депутатскихъ засѣданій. И въ самомъ дѣлѣ: еслибы, напр., не домогательства купеческихъ и казачьихъ представителей о распространеніи права владѣть крѣпостными на эти сословія, то, пожалуй, и не заговорили бы гг. депутаты о жестокости торга людьми въ розницу безъ земли. Еслибы не мнѣніе Сухопрудскаго (г. Угличъ) о причинахъ крестьянскихъ побѣговъ, а главное — еслибы не трезвое и благородное предложеніе Коробьина (козловск. у.) о мѣрахъ противъ этихъ побѣговъ и еслибы также не нѣкоторыя статьи проекта правъ дворянства, — то могло бы и не быть въ Коммиссіи изслѣдованія столь деликатнаго въ серединѣ XVIII-го вѣка вопроса объ отношеніяхъ помѣщиковъ къ своимъ людямъ и объ ограниченіи помѣщичьей власти.

Точно также и казенные, или государственные въ широкомъ смыслѣ, крестьяне дѣлались предметомъ обсужденія въ большомъ собраніи только благодаря той или иной оказіи. Напр., еслибы отобранныя для прочтенія въ общихъ засѣданіяхъ депутатскія инструкціи, или наказы, оказались не крестьянскими, а дворянскими или городскими [1]), то и не было бы, навѣрное, тѣхъ любопытныхъ

[1]) „Разобрать наказы по матеріямъ и сдѣлать выписки" высочайше поручено было особой частной коммиссіи. Большому собранію полагалось разсмотрѣть уже эти

и для даннаго времени весьма характерныхъ депутатскихъ рѣчей, заявленій, замѣчаній, предложеній, которыя въ связи съ крестьянскими наказами раскрываютъ передъ нами, что тамъ, на мѣстахъ, въ различныхъ закоулкахъ провинціи, въ разсматриваемую эпоху расцвѣта крѣпостного права и территоріальнаго роста Россіи, поземельныя осложненія душили понемногу „свободнаго" сельскаго обывателя и что уже тогда симптоматически зрѣлъ этотъ—нынѣ одинъ изъ „проклятыхъ вопросовъ"—аграрный вопросъ.

Такимъ образомъ, именно потому, что изъ общей массы наказовъ выхвачены были крестьянскіе, часть засѣданій Коммиссіи (VIII—XXI, слѣдовательно, 14 изъ 204) посвящена была нуждамъ и потребностямъ свободнаго отъ помѣщичьей опеки сельскаго населенія. Оговариваемся, что въ дальнѣйшемъ будемъ имѣть въ виду только эту часть крестьянства: черносошныхъ крестьянъ, пахотныхъ солдатъ, отчасти и однодворцевъ, а также ясачныхъ и такъ называемыхъ новокрещенъ (крещеные инородцы). Ибо только эти разряды земледѣльцевъ призваны были, черезъ своихъ представителей, къ участію въ трудахъ Коммиссіи, и, значитъ, наказы могли исходить лишь изъ ихъ среды [1]).

Прочитанныя депутатскія инструкціи говорятъ о многообразныхъ затрудненіяхъ, лишеніяхъ и стремленіяхъ крестьянской массы. Не вдаваясь въ подробный и всесторонній анализъ богатаго содержанія этихъ наказовъ, мы — согласно поставленной нами задачѣ — остановимся на одномъ только пунктѣ, а именно, на заявленіяхъ о земельной нуждѣ и на пожеланіяхъ, изъ этой нужды вытекающихъ. Знаменательно, что изъ двѣнадцати, можно сказать, первыхъ попавшихся крестьянскихъ наказовъ, относя-

извлеченія, приведенныя въ систему. Такое ознакомленіе съ содержаніемъ наказовъ было бы, конечно, и цѣлесообразнѣе, и продуктивнѣе. Между тѣмъ общее собраніе, не дожидаясь результатовъ дѣятельности спеціальной коммиссіи, само взялось за чтеніе наказовъ, производя этимъ кратковременнымъ и безпорядочнымъ чтеніемъ такое впечатлѣніе, словно за наказы ухватились, чтобы лишь занять чѣмъ-нибудь собравшихся депутатовъ, до подготовки болѣе подходящихъ матеріаловъ (См. Сб. Р. И. О., IV, 69 и 137). Затѣмъ — остается невыясненнымъ, въ силу чего выборъ (если только онъ былъ) палъ на наказы крестьянскіе и чему обязаны были двѣнадцать прочитанныхъ наказовъ предпочтеніемъ, оказаннымъ имъ предъ другими, однородными (а ихъ въ общемъ насчитывалось нѣсколько сотъ). Наконецъ, поражаетъ то полное забвеніе, которому преданы были наказы большимъ собраніемъ въ дальнѣйшей его полуторагодичной дѣятельности. Однимъ словомъ, планомѣрности въ чтеніи наказовъ не видно.

[1]) Въ общихъ засѣданіяхъ поднимался вопросъ о землѣ и въ отношеніи частновладѣльческихъ крестьянъ—между прочимъ, по иниціативѣ упомянутаго Коробьина, вызвавшаго пренія объ освобожденіи крестьянъ (Сб. Р. И. О., т. XXXII).

щихся къ приволжскому и пріуральскому краю (въ предѣлахъ нынѣшнихъ губерній: казанской, симбирской, саратовской, самарской, уфимской, пермской и оренбургской) и къ юго-восточному району олонецкой губ. (каргоп. у.), всего-на-всего лишь *одинъ* ни прямо, ни косвенно не жалуется на земельную тѣсноту. Въ остальныхъ же столь знакомый намъ трагическій вопль: „маловато землицы!"—прорывается болѣе или менѣе сильно и скорбно [1]). А во время преній обнаружилось со словъ нѣкоторыхъ депутатовъ (Кипенскій, стр. 101, Ишбулатовъ, стр. 106), чьи наказы вниманія не удостоились, что въ ихъ мѣстностяхъ—такая же бѣда...

Обыкновенно съ этого — съ указанія на малоземелье, какъ на самое важное зло—и начинаются наказы. Единодушно, опредѣленно и рѣшительно, почти въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ, крестьяне разныхъ губерній заявляютъ о томъ, что они терпятъ большой недостатокъ въ пахотной землѣ, или сѣнокосахъ, или же въ лѣсѣ, а чаще—во всемъ, и что имѣющіяся у нихъ угодья — прибавляютъ иные наказы—весьма плохого качества. Вотъ примѣры. Каргопольскіе черносошные крестьяне доводятъ до свѣдѣнія Коммиссіи, что во всѣхъ волостяхъ ихъ уѣзда пашенная земля по большей части песчаная и глиняная, находится между болотными и мокрыми мѣстами и, *по числу душъ, въ количествѣ крайне недостаточномъ;* поэтому и хлѣба засѣвается весьма мало, но... и мало посѣянный хлѣбъ часто вызябаетъ (статья 1). Наказъ уфимскихъ крещеныхъ татаръ представляетъ, что въ участкѣ, отведенномъ подъ ихъ селенія, пахотной земли и сѣнныхъ покосовъ, а также и лѣсу для дровъ и бревенъ—*у нихъ весьма недостаточно*; хотя они имѣютъ купленныя ими и взятыя на оброкъ у башкиръ земли, *но также въ маломъ количествѣ* (ст. 2). Въ такомъ же родѣ составлены и другіе наказы.

Особый интересъ заключается въ наказахъ сызранскомъ, саратовскихъ и одномъ изъ казанскихъ. Сызранскіе пахотные солдаты считаютъ количество отведенной имъ земли (по 60 дес. на дворъ, полагая въ немъ 4 души), сравнительно съ пожалованными ихъ предкамъ участками (по 20—30 четвертей, т.-е. по 30 — 45 дес. на человѣка), недостаточнымъ, а между тѣмъ даже и эта земля, по словамъ пахотныхъ солдатъ, не вся въ ихъ распоряженіи: многіе помѣщики пользуются ихъ пашнями, покосами и рыбными ловлями, наравнѣ съ владѣльцами (ст. 1 и 8).

---

[1]) Тамъ же, IV, стр. 69—71, 81, 87, 92—93, 94—95, 104, 107, 108, 113—114, 124 и 132.

Ту же жалобу, только подробнѣе изложенную, встрѣчаемъ мы и въ наказахъ саратовскихъ черносошныхъ крестьянъ и пахотныхъ солдатъ. Они показали (ст. 1 и 2), что офицеры, городовые дворяне, купцы и приказные служители со своими крѣпостными, а отчасти и иностранные поселенцы, самовольнымъ захватомъ лучшихъ пашенныхъ и сѣнокосныхъ мѣстъ, пастбищъ и лѣсныхъ угодій стѣснили коренныхъ жителей до такой степени, что для прокормленія своего скота тѣ вынуждены нанимать луга въ своемъ же, имъ въ 1701 году въ полное владѣніе отведенномъ округѣ, у указанныхъ лицъ. Сверхъ того, эти послѣдніе запрещаютъ крестьянамъ пользоваться лѣсомъ и причиняютъ разнаго рода обиды. Какъ тѣ, такъ и другіе проводятъ поэтому въ наказахъ своихъ требованіе, чтобы всѣхъ посторониихъ, какого бы они чина и званія ни были, изъ принадлежащихъ крестьянамъ мѣстъ свести и впредь къ селенію не допускать (ст. 7 и 8).

Одинъ изъ выслушанныхъ депутатами наказовъ содержитъ въ себѣ подобное обвиненіе по адресу заводскаго населенія: казанскіе вотяки-новокрещены въ ст. 3 докладываютъ, что жители желѣзныхъ и мѣдиплавильныхъ заводовъ вырубаютъ въ ихъ дачахъ лѣсъ, пользуются ихъ землею, покосами и рыбными ловлями и черезъ это „приводятъ ихъ въ крайнюю скудость".

Заставляетъ призадуматься маленькая подробность, общая нѣкоторымъ инородческимъ наказамъ. Это — нежеланіе „новокрещенъ", чтобы къ ихъ селеніямъ приписывали вновь крестившихся, которымъ они просятъ отвести участки особо отъ нихъ (казан. и уфим. у.). Только аграрныя затрудненія или боязнь ихъ въ ближайшемъ будущемъ могли продиктовать земледѣльцамъ такого свойства ходатайство.

Приведемъ въ заключеніе еще нѣсколько ходатайствъ, достаточно говорящихъ за себя. Черносошные каргопольскаго уѣзда добиваются разрѣшенія: 1) вырубать прилегающій къ полямъ мелкорослый лиственный лѣсъ для разведенія хлѣбопашества, и 2) селиться въ лѣсныхъ мѣстахъ на землѣ, удобной для хлѣбопашества и отстоящей отъ волостей въ такомъ далекомъ разстояніи (10—30 верстъ), что ѣздить туда только для пашни невозможно (ст. 2 и 7). Саратовскіе пахотные солдаты просятъ отдать имъ всю землю саратовскаго округа, отведеннаго въ ихъ владѣніе еще въ 1700 году (ст. 1). Казанскіе ясачные крестьяне высказываютъ нужду въ болѣе правильномъ надѣленіи ихъ земельными участками (ст. 2, 3 и 4).

II.

Какъ же отозвались на эти заявленія г.г. депутаты—представители правительственныхъ учрежденій, дворянства, городовъ, крестьянскаго населенія, инородцевъ и казачьихъ войскъ? Само собою разумѣется, что наибольшее участіе въ обсужденіи земельнаго вопроса приняли дворянскіе и правительственные депутаты — представители землевладѣльческаго класса. Депутаты отъ городовъ только изрѣдка вставляли свое слово; это же надо сказать и относительно казачьихъ выборныхъ, а что касается самихъ крестьянскихъ избранниковъ, тѣ старались посильно, хотя и не всегда дружно, поддержать голосъ забитой деревни [1]).

Прежде всего кидается въ глаза чрезвычайная осторожность, даже можно сказать недовѣріе,—то скрытое, то явное,—съ какимъ собраніе встрѣчало крестьянскія показанія. Депутаты въ своихъ рѣчахъ и письменныхъ мнѣніяхъ постоянно напоминаютъ о необходимости точныхъ дополнительныхъ свѣдѣній и достовѣрныхъ справокъ (Баскаковъ, тамъ же, стр. 76; Самойловъ, 79; Карташовъ, 83; Алишевскій, 85), съ передачей притомъ вопроса на тщательное разсмотрѣніе особой коммиссіи (графъ Воронцовъ, 73; баронъ Вольфъ, 85; Жуковъ, Реткинъ, Позняковъ, 117); разслѣдованій на мѣстѣ черезъ спеціалистовъ (Толмачевъ, 74); обстоятельныхъ объясненій отъ депутата, представившаго данный наказъ (Вонифантьевъ, 78; Безгинъ, 100; Жуковъ, 117); даже, наконецъ, засвидѣтельствованія мѣстнаго начальства (бар. Вольфъ, 85). Въ наказахъ искали противорѣчій (гр. Воронцовъ, 73; Бурцовъ, 92); сомнѣнію откровенно подвергались и основательность, и искренность жалобъ (гр. Воронцовъ, 73; бар. Вольфъ, Степановъ, 76; Мордвиновъ, 83; Рооде, 89; Карташовъ, 102); но мало этого: на наказы посыпались и опроверженія (о вѣскости ихъ не беремся судить).

Такъ, деп. новгородскаго дворянства Мордвиновъ категорически отрицалъ возможность какихъ бы то ни было земельныхъ затрудненій у казанскихъ ясачныхъ крестьянъ; далѣе, опровергнуты были (и даже полуоффиціально—депутатами отъ канцеляріи опекунства иностранныхъ и бергъ-коллегіи) факты захвата

---

[1]) Тамъ же, стр. 73 — 137. Не лишне будетъ добавить, что въ описываемое время (20 авг.—11 сент. 1767 г.) въ Коммиссіи могло засѣдать не болѣе 500 лицъ (изъ 563), въ томъ числѣ, приблизительно, прав. д. 27, двор. 142, гор. 190, крест. 79, каз. 35, иновѣр. 27. Остальные депутаты прибыли послѣ.

1) крестьянскихъ земельныхъ угодій подъ Саратовомъ колонистами и 2) крестьянскаго лѣса въ казанскомъ уѣздѣ разными заводами. Нѣчто вродѣ опроверженія сдѣлалъ и представитель г. Бахмута, Селивановъ (стр. 117) и др.

Впрочемъ, сами крестьянскіе депутаты укрѣпляли критическое отношеніе Коммиссіи къ содержанію прочитанныхъ наказовъ. Олонецкій депутатъ Вонифантьевъ представилъ, что по его свѣдѣніямъ земли въ каргопольскомъ уѣздѣ *весьма годны для хлѣбопашества* и ихъ находится тамъ *въ достаточномъ количествѣ*. Это подтверждается, по мнѣнію Вонифантьева, тѣмъ, что каргопольскій уѣздъ, за домашнимъ потребленіемъ, снабжаетъ своимъ хлѣбомъ жителей олонецкаго уѣзда. А на приглашеніе его потребовать отъ каргопольскаго депутата Бѣлкина обстоятельныхъ свѣдѣній, этотъ послѣдній объявилъ лишь то, что въ волости, гдѣ онъ самъ живетъ, и въ ближайшихъ къ ней *не употребляютъ въ пищу коры и травы, называемой вахка, какъ о томъ написано въ данномъ ему наказѣ*... Ясно, что такого рода „представленія" и „объясненія" могли только подорвать авторитетъ наказовъ, къ вящшему торжеству предубѣжденныхъ и оппозиціонно настроенныхъ депутатовъ.

Объ осмотрительности депутатовъ при обсужденіи земельнаго вопроса свидѣтельствуетъ также и условная форма, въ которую большею частью облекались предложенія въ благопріятномъ для крестьянъ смыслѣ. Наиболѣе прямолинейно въ этомъ направленіи, и почти въ принципіальномъ духѣ, высказались: Карташовъ (ревизіонъ-коллегія) и Бекишевъ (г. Тара, тобольской губ. [1]); купецъ), но и у нихъ не обошлось безъ оговорки: „*если по числу душъ*—заявляетъ первый изъ нихъ—*окажется недостатокъ земли*, то оною надо ихъ, крестьянъ, удовольствовать". Такого же характера было мнѣніе и Бекишева (см. стр. 85).

Отмѣчая строго критическое отношеніе большого собранія—главнымъ образомъ, депутатовъ-дворянъ—къ фактамъ, изложеннымъ въ наказахъ, мы должны кстати коснуться обмѣна мыслей по поводу нѣкоторыхъ крестьянскихъ пожеланій. Эта часть дебатовъ имѣетъ право на наше вниманіе и сама по себѣ, такъ какъ темой для нея послужили ходатайства, вызванныя нуждой въ землѣ. Но въ данномъ случаѣ цѣнность нижеприводимыхъ

[1]) Тогда сибирск. губ. Губерніи екатерининскаго времени, съ ихъ подраздѣленіемъ на провинціи и уѣзды, и нынѣшнее административное дробленіе Россіи—двѣ вещи разныя. Не совпадаютъ не только границы, но часто даже самыя названія. Во избѣжаніе неясностей мы, при обозначеніи губерній, будемъ отдавать предпочтеніе, гдѣ это нужно, современнымъ опредѣленіямъ.

депутатскихъ сужденій увеличивается, благодаря ихъ психологическому и идейному интересу, благодаря тому, что эти сужденія до извѣстной степени объясняютъ отмѣченную нами предвзятую критическую точку зрѣнія на крестьянскія заявленія.

Въ Грановитой палатѣ, гдѣ въ описываемый моментъ засѣдала екатерининская „Государственная Дума“ (до переѣзда въ Петербургъ, въ Зимній дворецъ), раздались фразы, очень типичныя въ устахъ представителей помѣщиковъ-крѣпостниковъ, не умѣвшихъ приложить къ вольному сельскому жителю иной мѣрки, кромѣ той, какой они привыкли мѣрить „своихъ“ людей. Эта „партія“ въ Коммиссіи мало довѣряла не одной только фактической сторонѣ крестьянскихъ наказовъ: недовѣріе иные депутаты открыто, не стѣсняясь, распространяли и на само крестьянство, бросая тѣнь на его трудоспособность и трудолюбіе, и такимъ образомъ, своими нелестными для цѣлаго сословія отзывами, предрѣшали отчасти аграрный вопросъ.

Земельная тѣснота и постоянный недородъ побудили каргопольцевъ просить о сбавкѣ подушнаго платежа и объ устройствѣ у нихъ казенныхъ хлѣбныхъ магазиновъ, изъ которыхъ бѣдные крестьяне могли бы получать въ весеннее время хлѣбъ съ возвратомъ послѣ урожая (ст. 1). Эти pia desideria получили въ большомъ собраніи довольно сильный отпоръ. Первый же ораторъ, графъ Воронцовъ (шлиссельбургск. уѣзда), заявилъ, что „жители каргопольскаго уѣзда безъ отягощенія могутъ платить государственную подать“. Лихвинскій депут. Глѣбовъ назидательно прибавилъ къ этому, что каргопольскимъ крестьянамъ надо заботиться не объ уменьшеніи податей, а „объ усугубленіи труда надъ хлѣбопашествомъ“. Депут. любимскаго дворянства (яросл. губ.) Толмачевъ выразился еще яснѣе: „не слѣдуетъ уменьшать податей, дабы тѣмъ не отвратить земледѣльцевъ отъ хлѣбопашества“.

Съ такимъ же несочувствіемъ относились депутаты къ однородному ходатайству и другихъ наказовъ [1]). Воронежскій представитель Титовъ, хотя и соглашается на нѣкоторое послабленіе, однако тутъ же считаетъ нужнымъ „за всѣми государственными крестьянами учредить смотрителей въ званіи экономовъ, которые бы ихъ *поощряли* къ хлѣбопашеству“, конечно, съ тою цѣлью, чтобы обезпечить поступленіе податей... Съ названнымъ депута-

---

[1]) Лишь весьма немногіе входили въ положеніе выбивающихся изъ силъ крестьянъ. Выдѣляется здѣсь предложеніе д. Рошковича ввести, въ интересахъ бѣднѣйшихъ, прогрессивный подоходный налогъ, правда—слишкомъ ужъ *прогрессивный*: „съ нѣкоторыхъ душъ окладъ убавить, а на другія, болѣе достаточныя, увеличить такимъ образомъ, чтобы *четвертая доля* съ получаемой ими прибыли обращалась въ казну“.

томъ, надо полагать, былъ вполнѣ солидаренъ кн. М. Щербатовъ (яросл. двор.), высказавшій по другому поводу въ Коммиссіи оригинальную мысль: „Россія есть сѣверное государство, то-есть холодное, въ которомъ, слѣдовательно, *земледѣльцевъ должно понуждать къ работѣ*“ (XXXVI, 29). Умѣстно будетъ привести здѣсь его же замѣчаніе на ст. 12 наказа сызранскихъ пахотныхъ солдатъ, просившихъ объ отмѣнѣ запрещенія строиться въ городахъ. Кн. Щербатовъ нашелъ полезнымъ оставить это запрещеніе въ силѣ для того, чтобы пахотные солдаты не отлучались изъ своихъ селеній, а *болѣе упражнялись въ земледѣліи*. Въ противовѣсъ такому воззрѣнію представитель архангельскихъ крестьянъ Чупровъ въ своемъ мнѣніи — значительно позже — удачно почерпнулъ изъ екатерининскаго Большого Наказа слѣдующее соображеніе, весьма поучительное для многихъ депутатовъ: „крестьяне вмѣняютъ себѣ земли въ удовольствіе, а не въ удрученіе“ (XXXII, 503)...

Мечтанія каргопольцевъ о запасныхъ хлѣбныхъ магазинахъ, нашедшія убѣжденнаго сторонника въ лицѣ депутата отъ ревизіонъ-коллегіи Карташова (предложеніе его о повсемѣстномъ устройствѣ такихъ магазиновъ, стр. 77), вызвали полное неодобреніе новгородскаго представителя Веригина: „запасныхъ магазиновъ вовсе не должно быть, ибо крестьяне — по его увѣренію — ослабѣютъ отъ размноженія хлѣбопашества, а нѣкоторые и совсѣмъ отъ него отстанутъ, если будутъ полагать надежду на заготовленный казною хлѣбъ“.

Но особенно, должно быть, не понравился каргопольскій наказъ депутату отъ верейскаго дворянства Степанову, который отнесся къ его составителямъ очень сурово: „крестьяне каргопольскаго уѣзда лѣнивы и отягощены, уторoплены (?) и упорны“. Если же у нихъ недостаточный урожай въ хлѣбѣ, то имъ полезнѣе — внушаетъ онъ вслѣдъ за этой характеристикой — заниматься хлѣбопашествомъ, чѣмъ другими промыслами; поэтому и не слѣдуетъ увольнять ихъ отъ работъ съ апрѣля (sic). Этотъ дворянскій представитель, повидимому, полагалъ, что стоитъ только крестьянамъ то или другое запретить и въ то же время приказать имъ быть прилежными пахарями, какъ уже благополучіе крестьянское налажено...

Рѣзкія выраженія Степанова, въ которыхъ сквозитъ не одно лишь недовѣріе, но и чувство непріязни къ „подлому народу“ дали поводъ къ маленькому инциденту. По выслушаніи очередныхъ мнѣній, слова попросилъ графъ Г. Орловъ, копорскій депутатъ (петербургской губерніи), интимный другъ Екатерины.

„Верейскій депутатъ отъ дворянства г. Степановъ—началъ онъ—въ возраженіи своемъ сдѣлалъ два противорѣчія: во-первыхъ, назвалъ крестьянъ каргопольскаго уѣзда лѣнивыми и отягощенными, чего вмѣстѣ быть не можетъ, и во-вторыхъ—утопленными и упорными, каковыя свойства также одно съ другимъ не согласуются. Подобныя названія, относящіяся ко всѣмъ вообще крестьянамъ, не должны быть употребляемы при обсужденіи дѣла, и я полагаю, что выраженія сіи, обращенныя въ порицаніе всѣхъ крестьянъ, были помѣщены по ошибкѣ писца, а не по мнѣнію депутата“ [1]).

Депутаты-дворяне вообще не скупились на сильныя выраженія и грубыя аттестаціи по адресу крестьянъ—не однихъ только безотвѣтныхъ крѣпостныхъ, но и государственныхъ. Такія выходки не всегда, однако, оставались безъ надлежащей отповѣди со стороны крестьянскихъ представителей: достаточно сослаться хотя бы на возраженіе Чупрова Бровцыну (XXXII, стр. 503).

Впрочемъ, депутаты-крестьяне осмѣлѣли настолько лишь впослѣдствіи. Вначалѣ же, въ то время, когда разсматривались наказы, они, не успѣвъ еще освоиться со своимъ положеніемъ въ Коммиссіи, или скромно молчали въ отвѣтъ на „господскія“ нападки, или же поступали такъ, точно они считали своимъ долгомъ смягчать статьи наказовъ, причинявшія кому-либо изъ депутатовъ неудовольствіе. Такое впечатлѣніе производятъ, напр., разъясненія Вонифантьева и Бѣлкина (каргопольскаго депутата) на каргопольскій наказъ, которому, въ качествѣ перваго изъ доложенныхъ собранію, пришлось выдержать самый энергичный натискъ.

Кромѣ этихъ двухъ, по поводу каргопольскаго наказа выступилъ еще одинъ крестьянинъ—вышеупомянутый Чупровъ (значитъ, всего *трое* изъ *двадцати-шести* лицъ, обсуждавшихъ названный наказъ). Чупровъ потомъ оказался однимъ изъ наиболѣе видныхъ выразителей интересовъ своего сословія въ Коммиссіи, но въ данномъ случаѣ онъ ничего не сумѣлъ возразить многочисленнымъ оппонентамъ. На первый разъ онъ лишь робко поддержалъ кое-какія незначительныя требованія каргопольскихъ крестьянъ, и самымъ интереснымъ мѣстомъ въ его рѣчи было,

---

[1]) По предложенію гр. Орлова, собраніе призвало Степанова къ объясненію, которое тотъ обѣщалъ сообщить письменно. Требуемое онъ исполнилъ черезъ двѣ недѣли, но отвѣта Степанова въ напечатанныхъ матеріалахъ не имѣется. Не лишне отмѣтить, что иниціативу протеста, дѣлающаго честь его автору, взялъ на себя одинъ изъ депутатовъ, а не самъ предсѣдатель, или „маршалъ“ Коммиссіи А. И. Бибиковъ, какъ слѣдовало бы ожидать.

пожалуй, нижеслѣдующее изреченіе: „Если ловлю дозволить во всякое время, то звѣрей и птицъ не убавится, а если запретить, то не прибавится, потому что уменьшеніе и умноженіе состоитъ во власти Всемогущаго Бога“.

Такимъ образомъ, дебютъ крестьянскихъ депутатовъ въ большомъ собраніи нельзя назвать удачнымъ, и выступленіе ихъ — увы!—даже плохо гармонировало съ ходатайствами наказа. Однако, они скоро овладѣли ролью, и уже на ближайшихъ засѣданіяхъ— какъ увидимъ сейчасъ—изъ ихъ числа выдвинулось нѣсколько дѣльныхъ и бойкихъ защитниковъ крестьянскихъ стремленій, что сразу же повело къ нѣкоторому конфликту. На этотъ разъ уже самъ маршалъ подалъ примѣръ достодолжнаго отношенія къ провинившемуся депутату, и для послѣдняго инцидентъ едва не закончился очень скандально.

III.

Вдохновителемъ выборныхъ отъ крестьянъ на болѣе рѣшительный образъ дѣйствій въ Коммиссіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ, отчасти, и яблокомъ раздора, послужилъ сызранскій наказъ. Припомнимъ, о чемъ извѣщали и о чемъ хлопотали сызранскіе пахотные солдаты.

По новой межевой инструкціи (1766 г.) пахотнымъ солдатамъ и однодворцамъ положено отвести земли по 60 дес. на дворъ, иначе говоря—приблизительно по 15 дес. на душу, тогда какъ предкамъ ихъ было пожаловано по 30—45 дес. на человѣка. Это ограниченіе пахотные солдаты считаютъ для себя тѣмъ болѣе стѣснительнымъ, что на принадлежащихъ имъ дачахъ живетъ немало помѣщиковъ и пользуется пахотной землей, покосами и рыбными ловлями наравнѣ съ владѣльцами. Кромѣ того, инструкція, во вредъ пахотнымъ солдатамъ, нарушаетъ прежніе правительственные указы, по которымъ никому не дозволено покупать и ни за кѣмъ не дозволено закрѣплять участковъ однодворческихъ и старыхъ службъ служилыхъ людей. Посему сызранскіе пахотные солдаты просятъ свести тѣхъ помѣщиковъ съ ихъ земель.

Эти статьи (1 и 8), вмѣстѣ съ тожественною частью саратовскихъ наказовъ (см. выше), вызвали въ большомъ собраніи наиболѣе оживленныя пренія по аграрному вопросу (насколько, конечно, терминъ „пренія“ примѣнимъ къ „Коммиссіи для сочиненія проекта Новаго Уложенія“, гдѣ мнѣнія и возраженія подавались въ большинствѣ случаевъ письменно). Починъ при-

надлежитъ ярославскому депутату князю М. М. Щербатову, извѣстному историку, самому выдающемуся дѣятелю въ екатерининской Коммиссіи.

„Пахотнымъ солдатамъ — заявилъ кн. Щербатовъ — весьма достаточно 60 дес. земли на каждый дворъ, состоящій въ четырехъ душахъ. Если даже допустить, что въ которомъ либо дворѣ оказались бы всѣ четверо полные работники, то и въ такомъ случаѣ невозможно, чтобы нѣкоторая часть земли не осталась впустѣ. Хотя пахотные солдаты и говорятъ, что въ прежнее время имъ давалось земли въ бо̀льшемъ количествѣ, но на это они не представили никакихъ доказательствъ. Когда бы они имѣли крѣпости на данныя имъ земли, то по межевой инструкціи уменьшеніе у нихъ земли было бы невозможно. Если же они считаютъ правомъ своимъ глазомѣрный отводъ, то право это не имѣетъ никакого основанія, ибо поселяющимся на пустыхъ мѣстахъ людямъ дается земли безъ мѣры; но при умноженіи народонаселенія количество это должно ограничиваться, что̀ нынѣ и дѣлается“.

Любопытно, что кн. Щербатовъ, составившій пространныя и обстоятельныя возраженія почти на всѣ 12 статей сызранскаго наказа, статью 8-ую (требованіе свода съ крестьянской земли незаконно пользующихся ею помѣщиковъ) прошелъ полнымъ молчаніемъ. Зато этой статьей воспользовался крестьянскій представитель Кипенскій, чтобы въ подкрѣпленіе горькой мужицкой правды, замалчиваемой депутатами-землевладѣльцами, повѣдать собранію про такія же точно обиды, чинимыя помѣщиками его землякамъ. Кипенскій разсказалъ, что и у нихъ, въ казанскомъ уѣздѣ, на ихъ однодворческихъ земляхъ, пожалованныхъ еще дѣдамъ, тоже живутъ многіе помѣщики со своими крестьянами [1]), *завладѣвъ болѣе чѣмъ половиною земель*; но по какимъ крѣпостямъ или записямъ они это дѣлаютъ, о томъ не объявляютъ. И проживая вмѣстѣ съ ними, однодворцами, также причиняютъ имъ большія обиды, травятъ своимъ скотомъ ихъ

[1]) И въ наказахъ, и въ депутатскихъ заявленіяхъ, при описаніи ненормальныхъ поземельныхъ отношеній между помѣщиками и казенными крестьянами, упоминаются также частновладѣльческіе крестьяне, и упоминаются не спроста. Помѣщики въ этихъ и подобныхъ случаяхъ навязывали своимъ людямъ очень опредѣленную роль, которую уясняетъ намъ одинъ изъ крестьянскихъ депутатовъ, Масловъ (курской губ.): „Многіе владѣльцы, умышляя къ отнятію у другихъ владѣльцевъ недвижимаго имѣнія, посылаютъ своихъ крестьянъ къ запахиванію чужихъ земель, къ выкошенію сѣнныхъ покосовъ, къ вырубкѣ лѣсныхъ угодій, а иные усильно въ чужихъ дачахъ селятъ деревни и слободы“ (XXXII, 514).

хлѣбъ и толочатъ сѣнные покосы. Поэтому — полагаетъ Кипенскій — „не лучше ли будетъ, какъ о томъ написано и въ наказѣ пахотныхъ солдатъ, разселить ихъ съ помѣщиками и крестьянами и... тѣхъ владѣльцевъ, у коихъ крѣпостей не окажется, выселить на ихъ прежнія мѣста. Этимъ способомъ пахотные солдаты были бы удовлетворены, и не было бы остановки въ платежѣ положеннаго на нихъ оклада".

Интересно также сопоставить съ рѣчью кн. Щербатова мнѣніе другого крестьянскаго представителя, отъ тамбовскихъ однодворцевъ, Веденеева, который замѣтилъ очень толково, что, согласно съ 1-мъ пунктомъ XIX гл. упомянутой инструкціи, надлежало бы жалованныя предкамъ пахотныхъ солдатъ земли утвердить за послѣдними въ потомственное владѣніе. Положеніе же на каждый дворъ 60 дес. противно 2-му пункту, потому что въ семъ пунктѣ сказано: поселившимся однодворцамъ и прежнихъ службъ служилымъ людямъ *безъ дачъ*, на порожнихъ государственныхъ земляхъ и дикихъ поляхъ, полагать означенную пропорцію, а не тѣмъ, которые *уже живутъ въ дачахъ*, и которые сохраняютъ право свое на землю по окружнымъ выписямъ.

Послѣ кн. Щербатова противъ первой статьи обсуждаемаго наказа выступилъ Офросимовъ (ливен. двор., орлов. губ.). По его словамъ, хотя предкамъ пахотныхъ солдатъ и давались изъ дикихъ полей и порожнихъ земель по 20-ти и по 30-ти четв. (30—45 дес.), но не на одного человѣка, а, кажется (sic), на цѣлыя семьи и только въ пользованіе, а не въ полное владѣніе; слѣдовательно, они должны быть довольны тѣмъ надѣломъ, который опредѣленъ по межевой инструкціи. *Они же спорятъ о томъ по одной своей застарѣлой зависти* [1]).

Мнѣніе Офросимова оспаривалъ крестьянскій депутатъ—елецкій—Давыдовъ. Присоединившись къ толкованію Веденеева, онъ, далѣе, объяснялъ, что однодворческія дачи, въ сравненіи съ населеніемъ, становятся уже тѣсны, кромѣ, можетъ быть, весьма немногихъ мѣстъ, ибо прошлыя ревизіи показываютъ, что число душъ постоянно увеличивается.

---

[1]) Крестьянскимъ представителямъ черезъ три засѣданія довелось вторично принять по адресу своего сословія упрекъ въ завистливости, на этотъ разъ изъ устъ депутата отъ купечества. Разбирая жалобу саратовскихъ черносошныхъ крестьянъ на утѣсненія отъ колонистовъ, разведшихъ на лучшихъ крестьянскихъ участкахъ свои яблоневые сады, деп. Селивановъ выразился такъ: „Они, черносошные крестьяне, заражены будучи завистью и увидя процвѣтающій вновь введенный въ Россію плодъ, можетъ быть укоряя свое въ томъ нерадѣніе, непщуютъ роптаніемъ".

Но и заявленіе Давыдова не осталось въ свою очередь безъ возраженія. Другой представитель орловскаго дворянства (кромскаго уѣз.), Похвисневъ, поддерживая своего товарища Офросимова, замѣтилъ, что едва-ли число душъ отъ однихъ только новорожденныхъ можетъ увеличиться до такой степени, какъ упоминаетъ въ своемъ „голосѣ“ Давыдовъ. Скорѣе можно предположить, что быстрое увеличеніе народонаселенія произошло отъ перехода въ елецкую провинцію жителей изъ другихъ уѣздовъ, по случаю значительнаго въ оной пространства свободной земли. Но если даже и допустить, что число душъ увеличилось вдвое, т.-е., что каждый дворъ состоитъ не изъ 4, а изъ 8 душъ, то и тогда 60 дес. земли на дворъ будетъ весьма достаточно.

Давыдовъ взялся возразить еще одному дворянскому депутату, отстаивая неотчуждаемость однодворческихъ земель, хотя бы и спорныхъ или находящихся уже въ пользованіи у помѣщиковъ. Но это второе его выступленіе оказалось каплей, переполнившей чашу терпѣнія обоянскаго представителя (курской губ.), Глазова. Чувства, обуревавшія послѣдняго подъ впечатлѣніемъ того, что творилось на его глазахъ въ Коммиссіи, искали выхода—и нашли этотъ выходъ въ поданномъ предсѣдателю мнѣніи на „голосъ“ деп. Давыдова.

Къ сожалѣнію, этотъ замѣчательный въ своемъ родѣ документъ не сохранился, такъ какъ былъ возвращенъ автору. Нѣтъ даже возможности передать его содержаніе, но зато въ отчетѣ, или „дневной запискѣ“ 15-го засѣданія, когда мнѣніе Глазова было прочитано, имѣется нѣсколько краснорѣчивыхъ строкъ, достаточно освѣщающихъ произведеніе названнаго депутата: „Хотя сіе возраженіе состоитъ изъ 23 большихъ страницъ, однако трудно найти въ немъ единый порядочный періодъ; вездѣ мысли спутаны и темны, каждое почти выраженіе неприлично; но сіи недостатки кажутся нечувствительны предъ прочими непристойностями, которыми избыточествуетъ оное сочиненіе. Депутатъ обоянскій бранитъ безъ малѣйшаго смягченія депутата елецкаго (Давыдова), развратное ему приписываетъ мнѣніе, поноситъ всѣхъ черносошныхъ крестьянъ; наконецъ, отдалясь отъ своего предлога (предмета), ругаетъ каргопольскій наказъ и говоритъ, что надлежитъ его сжечь, а депутата каргопольскаго (Бѣлкина), который, истину всему предпочедъ, доказалъ, что въ послѣднемъ чинѣ можно думать благородно, желаетъ онъ лишить депутатскаго знака и всѣхъ депутатскихъ выгодъ“.

Должно быть, измышленія Глазова вызвали въ собраніи очень

повышенное настроеніе, ибо маршалъ остановилъ чтеніе на 9 страницѣ, „зане въ собраніи надлежащее благочиніе могло бы совсѣмъ быть нарушено". Конечно, такому странному возраженію свойственно было произвести смѣхъ, соблазнъ и негодованіе, чтò и совершилось.

Затѣмъ предсѣдатель, объявивъ, что такія оскорбительныя слова противны XV ст. обряда управленія Коммиссіей, по каковой статьѣ депутатъ, другого въ собраніи обидѣвшій, наказывается пенею или исключеніемъ — либо на время, либо навсегда, — пригласилъ собраніе высказаться по поводу случившагося. Сначала было предложено (представителемъ бергъ-коллегіи монетнаго департамента) вовсе исключить Глазова изъ числа депутатовъ, и это требованіе поддержали многіе. Но потомъ, послѣ того какъ взрывъ общаго негодованія прошелъ, группой депутатовъ-дворянъ внесено было новое предложеніе: въ виду того, что Глазовъ погрѣшилъ въ первый разъ, ограничить наказаніе публичнымъ извиненіемъ, пенею въ 5 рублей и, сверхъ этого, возвращеніемъ ему его „голоса". Одинъ изъ внесшихъ предложеніе пояснилъ, что чѣмъ снисходительнѣе будемъ мы судить нашихъ товарищей, тѣмъ угоднѣе это будетъ Е. И. В.; было высказано также, что когда поданный депутатомъ голосъ возвращается ему обратно, то и сіе онъ долженъ считать немалымъ для себя стыдомъ.

Тогда маршалъ призналъ нужнымъ выяснить отношеніе собранія къ Глазову баллотировкой, которая и дала слѣдующій результатъ: за первое предложеніе шаровъ было положено 105, а за второе—болѣе милостивое—323. Приходится подчеркнуть, что это былъ самый крупный и едва-ли не единственный осязательный результатъ дебатированія земельнаго вопроса въ екатерининской Коммиссіи...

Вернемся къ прерваннымъ преніямъ. Выше мы отмѣтили игнорированіе кн. Щербатовымъ восьмой статьи сызранскаго наказа. Однако, послѣ того, какъ ему пришлось вскорѣ выслушать такое же ходатайство саратовскихъ черносошныхъ крестьянъ, ярославскій депутатъ рѣшилъ наконецъ коснуться этого предмета. Но коснулся онъ его какъ-то вскользь, ограничившись замѣчаніемъ, что ходатайство о сводѣ тѣхъ, которые на указанной землѣ уже поселились, кажется несправедливымъ и клонится къ уменьшенію народонаселенія въ тѣхъ многоземельныхъ мѣстахъ. Болѣе основательно вооружился противъ желанія крестьянъ деп. Жуковъ (арзам. двор.), выставляя на видъ то, что удовлетвореніе ихъ разоритъ многихъ, кому хутора на тѣхъ земляхъ достались черезъ покупку.

Таковъ былъ взглядъ представителей землевладѣльцевъ на поднятый сызранскимъ наказомъ щекотливый вопросъ. Понятно, крестьянскіе депутаты смотрѣли на дѣло съ другого конца. Истолкователями ихъ понятій явились уже знакомый намъ Веденеевъ и Ѳефиловъ (воронеж. губ.).

Мнѣніе Веденеева заключалось въ слѣдующемъ. Ежели дѣйствительно справедливо, что въ округѣ саратовскихъ крестьянъ, какъ они показываютъ, лица разныхъ званій переселили переведенныхъ ими изъ другихъ мѣстъ крестьянъ, то это сдѣлано въ противность существующихъ узаконеній и состоявшейся инструкціи о размежеваніи земель. Въ особенности это касается купцовъ и приказныхъ служителей, которые владѣть недвижимыми (населенными) имѣніями права не имѣютъ. Принимая это въ основаніе и утверждаясь на томъ, что саратовскіе крестьяне имѣютъ на тотъ округъ грамоту, слѣдуетъ вновь поселенныхъ на ихъ земляхъ людей и крестьянъ свести и притомъ изслѣдовать, почему сіи люди и крестьяне, оказавшіеся во владѣніи лицъ означенныхъ званій, не были въ силу указовъ проданы въ положенный срокъ, а остались за сими лицами. А вотъ мнѣніе Ѳефилова: постороннихъ, поименованныхъ въ 1-ой статьѣ (рѣчь шла о наказѣ саратовскихъ пахотныхъ солдатъ) разнаго званія лицъ, которыя завели тамъ себѣ хутора и хлѣбопашество и завладѣли всякими угодіями, отъ владѣнія на той землѣ отстранить и впредь къ оному не допускать. Это тѣмъ болѣе слѣдуетъ исполнить, что поименованныя лица, какъ-то: батальонные офицеры, низовой соляной конторы секретари и приказные служители, по содержанію себя довольнымъ денежнымъ жалованьемъ, могутъ прожить и не имѣя хуторовъ, пашни и сѣнныхъ покосовъ.

Разсужденія и доводы Веденеева наводятъ на мысль, что представители купечества въ Коммиссіи не могли не быть заинтересованы въ разсматриваемомъ вопросѣ. Откликнулись ли они? Откликнулись и, надо отдать имъ справедливость, безпристрастно.

Депутатъ Селивановъ, взглянувшій на наказъ саратовскихъ черносошныхъ крестьянъ вообще не особенно благосклонно (это усматривается, напр., изъ послѣдняго нашего примѣчанія), по поводу заявленія ихъ о переводѣ дворянами и прочими лицами своихъ крестьянъ на „смежныя съ ними (черносошными крестьянами) земли“, выразилъ необходимость освѣдомиться, на какомъ основаніи переведены эти крестьяне. И если переселеніе сдѣлано посредствомъ самовольнаго завладѣнія, то передать такой поступокъ на разсмотрѣніе самой Коммиссіи. Предложеніе Портнова (г. Саратовъ) было еще категоричнѣе: для прекращенія

утѣсненій, причиняемыхъ саратовскимъ „гражданамъ“ (т.-е. черносошнымъ крестьянамъ) отъ лицъ разныхъ состояній, оставить во владѣніи сихъ „гражданъ“ данный имъ саратовскій округъ попрежнему, безъ всякаго отмежеванія.

IV.

До сихъ поръ мы сталкивались почти исключительно съ отрицательнымъ отношеніемъ депутатовъ-дворянъ къ прочитаннымъ наказамъ. Теперь постараемся выяснить, въ чемъ проявился болѣе вдумчивый и серьезный, болѣе сочувственный взглядъ представителей этой группы—преобладавшей въ Коммиссіи если и не количественно, то качественно — на крестьянское земельное положеніе.

Первый затронулъ по существу вопросъ о малоземельи казенныхъ крестьянъ (въ частности — каргопольскихъ) Толмачевъ. Въ цѣляхъ увеличенія площади годной земли онъ предложилъ отправить въ каргопольскій уѣздъ „знающаго инженера“, который могъ бы, во-первыхъ, показать крестьянамъ способъ обращенія болотистыхъ мѣстъ въ удобныя для пашни и сѣнокоса, и вовторыхъ, узнать, дѣйствительно ли черносошные крестьяне означеннаго уѣзда отъ расчистки земель могутъ на будущее время находиться въ довольствѣ. Если же, по доставленіи тѣмъ инженеромъ достовѣрныхъ свѣдѣній, паче чаянія, земли окажется недостаточное количество, то правительство сообразно съ тѣмъ можетъ принять и надлежащія мѣры.

Какія же мѣры деп. Толмачевъ признавалъ надлежащими? На эту тему онъ не сталъ распространяться, а только поддержалъ въ своей рѣчи желаніе крестьянъ селиться въ лѣсныхъ мѣстахъ, далеко отстоящихъ отъ волостей: „для соблюденія экономіи надлежитъ дозволить селиться во всякихъ мѣстахъ“. Подобное мнѣніе подалъ и Глѣбовъ: „просьба крестьянъ селиться въ лѣсахъ, по причинѣ скудости земель при деревняхъ, кажется, не можетъ подлежать препятствію“. Зато другіе депутаты попытались развить эту мысль.

Карташовъ (а также представитель Енисейска Самойловъ) рекомендовалъ переселеніе на лучшія „порожнія“ земли; росто скій депутатъ Языковъ, въ качествѣ „надлежащей мѣры“, пс лагалъ возможнымъ по усмотрѣнію переводить изъ малоземел ныхъ деревень по нѣскольку домовъ туда, гдѣ есть излишек земли, а планъ Рошковича (бахмут. двор.) былъ еще обстоятел

нѣе. „Если количество земли, которымъ донынѣ пользуются каргопольскіе жители, не достигаетъ до 36 дес. доброй земли на семью, то на каждую изъ нихъ отмѣрить участокъ въ это количество; тѣхъ же, кому такого надѣла не достанетъ, перевести въ другія мѣста, не отдаленныя, но годныя для хлѣбопашества. При этомъ слѣдуетъ соблюсти, чтобы оставшіеся жители помогли въ постройкѣ домовъ тѣмъ, которые будутъ назначены къ переселенію".

Переселеніе одобрялось и другими депутатами, и только одинъ голосъ раздался, хотя и не противъ такого проекта, но, по крайней мѣрѣ, противъ широкаго его примѣненія: судиславскій (костром. губ.) представитель Баскаковъ настаивалъ на безполезности перевода малоземельныхъ *безъ крайней нужды* на другія мѣста. Какое значеніе придавалось переселеніямъ, видно отчасти изъ замѣчанія казачьяго депутата Бурцова на наказъ уфимскихъ государственныхъ крестьянъ. Въ наказѣ этомъ Бурцовъ нашелъ вотъ какого рода противорѣчіе: крестьяне объявляютъ, что пахотной земли у нихъ недостаточно, а между тѣмъ они желаютъ остаться тамъ же, гдѣ нынѣ живутъ.

Говоря о депутатскихъ предложеніяхъ по переселенческому вопросу, нельзя оставить безъ вниманія „поправку", внесенную Козицкимъ, депутатомъ отъ канцеляріи опекунства иностранныхъ. Онъ, какъ это и подобаетъ „опекуну иностранныхъ", счелъ за нужное напомнить, что при занятіи пустопорожнихъ мѣстъ необходимо принять такія мѣры, чтобы удобныя земли могли достаться какъ черносошнымъ крестьянамъ, упражняющимся въ хлѣбопашествѣ, такъ и приходящимъ туда чужестранцамъ, занимающимся преимущественно рыбною ловлею [1])...

О необходимости удовлетворить „какъ-либо" крестьянъ лѣсомъ—и для построекъ, и для топлива—въ большомъ собраніи,

[1]) Какъ Козицкій, будучи чиновникомъ, по долгу службы заботился о лицахъ, опекаемыхъ его вѣдомствомъ, такъ нѣкоторые представители дворянства не упускали случая замолвить слово за обиженныхъ судьбою членовъ своего сословія, и въ отвѣтъ на вопросъ о крестьянскомъ малоземельи выдвигали вопросъ о малоземельи помѣщичьемъ. Пользу отъ переселеній признавалъ вмѣстѣ съ другими и Похвисневъ но изъ дальнѣйшихъ его словъ мы узнаемъ, *чья собственно польза* имѣлась тутъ въ виду: предложивши перевести однодворцевъ изъ своего, кромскаго уѣзда, бѣднаго землею, на новыя мѣста, Похвисневъ предлагаетъ затѣмъ земли этихъ однодворцевъ, по переселеніи ихъ, *продать малоземельнымъ помѣщикамъ*. Еще примѣръ: Мордвиновъ отрицалъ нужду казанскихъ ясачныхъ крестьянъ въ оброчныхъ земляхъ, но тутъ же онъ раскрываетъ свои карты, когда полагаетъ „за лучшее эти оброчныя земли, за удовлетвореніемъ ясачныхъ крестьянъ, *продать желающимъ дворянамъ*, которые, по тѣснотѣ своихъ дачъ, могли бы перевести туда своихъ крестьянъ".

строго говоря, не оказалось двухъ мнѣній: слишкомъ хорошо, какъ видно, всѣмъ было извѣстно то „напрасное отягощеніе“, на которое жаловались наказы. Заглянемъ хотя бы въ наказъ казанскихъ новокрещенъ. Статьи 3 и 4 гласятъ, что имѣющійся въ ихъ дачахъ лѣсъ, негодный для кораблестроенія, имъ запрещено рубить безъ заклейменія казанскою адмиралтейскою конторою; но такъ какъ они постоянно въ немъ нуждаются для домашнихъ своихъ подѣлокъ, то для разрѣшенія рубки означеннаго лѣса они принуждены бываютъ ѣздить въ отдаленный отъ нихъ губернскій городъ; для клейменія же дозволенныхъ къ рубкѣ деревъ присылаются нарочные на ихъ счетъ.

Такъ—коротко и просто—изображаютъ инородческіе крестьяне свое безвыходное положеніе, и показанія этого и другихъ наказовъ нашли яркое подтвержденіе въ рѣчахъ депутатовъ—одинаково какъ крестьянскихъ, такъ и дворянскихъ (см., напр., стр. 103 и 129). Но хотя дворянскими представителями и сознавалась, болѣе или менѣе, нужда въ упорядоченіи для крестьянъ пользованія лѣсомъ, навстрѣчу настойчивымъ ходатайствамъ деревенскихъ обывателей они шли съ обычной осторожностью, подозрительностью, формализмомъ и притомъ съ постоянными указаніями на опасность, угрожающую яко-бы интересамъ флота, государственнаго кораблестроенія.

Остановимся на двухъ, болѣе разумныхъ и радикальныхъ, предложеніяхъ этой категоріи — Карташова и кн. Щербатова. Первый посовѣтовалъ дѣлить лѣсъ, который не можетъ быть годнымъ къ строенію судовъ, на 15 частей и дозволить пользоваться ежегодно лишь одной изъ этихъ частей. Второй неоднократно убѣждалъ „не родъ дерева и не мѣстà запрещать, но хранить деревья, обозначивъ ихъ; ибо отъ общаго запрещенія многіе крестьяне, не имѣя другого лѣса, кромѣ дубоваго, вовсе не имѣютъ для себя топлива“. Посему предлагаетъ онъ деревья, годныя и подающія надежду на хорошій ростъ, заклеймить, прочія же позволить рубить.

Намъ остается еще сказать нѣсколько словъ по поводу одного изъ ходатайствъ каргопольскаго наказа, вѣрнѣе—по поводу пріема, оказаннаго этому ходатайству въ большомъ собраніи. Каргопольцы добивались того, чтобы запрещеніе крестьянамъ продавать и мѣнять свои надѣлы было отмѣнено. Многіе—исключительно дворянскіе представители — упомянули объ этой статьѣ наказа въ своихъ мнѣніяхъ, и почти всѣ они рѣшительно воспротивились требуемой отмѣнѣ.

Въ данномъ случаѣ, расходясь съ крестьянами, депутаты

стали на вполнѣ правильную точку зрѣнія: совершенно основательно утверждали нѣкоторые изъ нихъ, что или сами продавшіе, или потомки ихъ, „могутъ обнищать и обратиться къ праздности". Это, впрочемъ, прекрасно понимали и тѣ депутаты, которые въ принципѣ были согласны съ каргопольскимъ наказомъ. Кн. Щербатовъ, не отвергая просьбы крестьянъ, придаетъ однако большое значеніе частичному запрещенію отчуждать крестьянскіе земельные участки: „дабы земледѣліе не оскудѣвало, слѣдуетъ наблюдать, *чтобы продающій свою землю оставлялъ за собою такой изъ нея участокъ, который былъ бы достаточенъ для его прокормленія*; въ противномъ случаѣ всякій будетъ стараться доставать себѣ пропитаніе посредствомъ ловли звѣрей, и тогда земля останется невоздѣланною" [1]). Его единомышленникъ Глѣбовъ, замѣтивъ, что для государства полезно дозволить продажу и закладъ земель между черносошными крестьянами и купцами, *проживающими въ одномъ уѣздѣ,* высказался за отмѣну запрещенія, однако съ тѣмъ ограниченіемъ, чтобы половникъ (безземельный), продавецъ или закладчикъ *могъ во всякое время выкупить свою землю.*

Депутаты, возставшіе противъ ходатайства каргопольскаго наказа, были, конечно, правы, но съ другой стороны—вѣдь и крестьянинъ не зря же, не по доброй волѣ, не изъ прихоти искалъ возможности разстаться со своимъ клочкомъ земли: горькая нужда доводила его до этого. „Между крестьянами—объясняетъ наказъ — есть много такихъ, которые несостоятельны ко владѣнію земельными своими участками, а слѣдовательно и къ платежу подушныхъ денегъ". Съ такимъ фактомъ надо было непремѣнно считаться и... нѣсколько серьезнѣе, чѣмъ это сдѣлали кн. Щербатовъ и Глѣбовъ, успокоившіеся на предложеніяхъ слишкомъ палліативнаго характера, или Баскаковъ, который придумалъ для крестьянъ слѣдующее „облегченіе": тѣ, кто не въ состояніи обработывать своего участка, пусть отдадутъ его въ кортому (т.-е., въ аренду) „семьянистымъ людямъ".

На этомъ можемъ покончить съ изслѣдованіемъ аграрнаго вопроса въ екатерининской Коммиссіи. Въ дальнѣйшемъ, если большое собраніе и возвращалось къ поземельному положенію казенныхъ и ясачныхъ крестьянъ, то довольствовалось обыкновенно мимолетными экскурсіями въ эту область. Надо приба-

---

[1]) Характерно, что ярославскій представитель больше печется объ интересахъ земледѣлія, чѣмъ самихъ крестьянъ, точно не на нихъ прежде всего отразится значевно лишеніе земли.

вить также, что мнѣнія и предложенія, съ которыми мы познакомились, особаго практическаго значенія въ жизни не возымѣли, и за ними остается только ихъ историческій и теоретическій интересъ.

Такимъ образомъ, въ теченіе нѣсколькихъ засѣданій, г.г. депутаты судили-рядили о крестьянскихъ „нуждахъ и чувствительныхъ недостаткахъ", но, къ сожалѣнію, большинство отнеслось къ дѣлу черезчуръ эгоистично и черезчуръ формально, мало углубляясь въ суть вопроса и далеко не исчерпавъ предмета. А потомъ большое собраніе съ легкимъ сердцемъ и, должно быть, съ сознаніемъ исполненнаго долга перешло къ очереднымъ дѣламъ (и прежде всего, разумѣется, къ разсмотрѣнію правъ „благородныхъ"), наказы же крестьянскіе были позабыты.

П. Кудряшовъ.

ПИРАТЪ

РОМАНЪ.

„Gorri le Forban". Roman par *André Lichtenberger*. Paris. Calmann-Lévy. 1906

I.

Пурпурное солнце закатывалось на огненномъ небѣ. Бискайскій заливъ походилъ на лазурное озеро. Борьба съ бурями и метелями осталась далеко позади въ холодныхъ сѣверныхъ моряхъ. Вѣялъ теплый вѣтерокъ, и, распустивъ паруса, „Denak-Bat" несся по волнамъ, подобно громадному утомленному лебедю, уже близкому къ цѣли своего плаванія. Позади шкуны вился серебристый слѣдъ, впереди на горизонтѣ ничего нельзя было разглядѣть, но за лиловымъ вечернимъ туманомъ чувствовалась еще невидимая для глазъ—священная земля предковъ, лежавшая между моремъ и Пиренеями, благоуханная земля, поросшая дубами, виноградниками, маисомъ,—земля басковъ. Она состояла изъ семи провинцій, отдѣленныхъ границею, четыре изъ нихъ принадлежали испанцамъ, три остальныхъ признавали своимъ властелиномъ Людовика XV Возлюбленнаго. Съ незапамятныхъ временъ сыны ихъ говорили на одномъ и томъ же языкѣ и во всѣхъ нихъ жилъ единый духъ: они одинаково стояли за свои права, какъ противъ „его католическаго величества", такъ и противъ „христіаннѣйшаго короля". „Denak-Bat"—*всѣ какъ одинъ*—таковъ девизъ племени басковъ; такъ называлась и стройная шкуна, охотившаяся за китами у береговъ Гренландіи и уносившая теперь моряковъ къ ихъ женамъ и невѣстамъ, къ старымъ, носящимъ вѣчный трауръ матерямъ, къ холмамъ, поросшимъ верескомъ, къ церквамъ съ деревянными галереями, къ

залитымъ солнцемъ кладбищамъ, гдѣ чувствуется близкое присутствіе Бога.

Еще нѣсколько часовъ—и корабль войдетъ въ родную гавань, и на пристани древняго Lohitzun, который французы называютъ Сенъ-Жанъ-де-Люцъ, толпа стариковъ, женщинъ и товарищей радостно встрѣтитъ возвращеніе смѣлыхъ моряковъ. Она не замѣтитъ ни на ихъ лицахъ, ни на самомъ суднѣ слѣдовъ перенесенныхъ испытаній. Мудрый человѣкъ долженъ быть стойкимъ; такова воля капитана Горрѝ, и экипажъ его гордится тѣмъ, что „Denak-Bat" имѣетъ при возвращеніи такой же щеголеватый видъ, какъ и при своемъ отплытіи. Людямъ пришлось многое вынести! Что̀ же изъ того? Ни одинъ богатый домъ или королевскій корветъ не могутъ казаться наряднѣе, чѣмъ эта шкуна, охотившаяся за китами, а быть можетъ—и за другою дичью. Ея бока похожи на тонкіе бока гончей собаки, и пушки подъ покрывалами изъ брезента всегда готовы оскалить зубы, если на это будетъ воля Божія и приказаніе Горрѝ.

Съ голыми ногами и обнаженною на вѣтру грудью, Жоречъ изъ Молеона, сидя верхомъ на мачтѣ, громко распѣвалъ заунывную и вмѣстѣ съ тѣмъ—задорную пѣсню.

„Вотъ мечта моряка. На балконѣ стоитъ, жениха ожидаетъ невѣста. Это правда, о томъ мнѣ священникъ писалъ. Да хранитъ тебя Богъ, нашъ отецъ Элиссэ, и твои неуклюжіе пальцы, что̀ водили перомъ. Да хранитъ тебя Богъ и невѣста моя, если только меня въ самомъ дѣлѣ ты ждешь, а не рыжаго ждешь Ойярзуна, что̀ служилъ королю и въ отчизну спѣшитъ съ золотою казною-добычей. Сердце больно щемитъ. Ахъ, вѣрна ли она? Такъ мечтаетъ морякъ. И поетъ онъ: ой, горе, ой-ой!"

Эйнце, Эгюи и другіе, мывшіе внизу кубрикъ, подхватили припѣвъ. Арріагъ, старшій, лукаво покачалъ головою. Прислонившись къ снастямъ, онъ наблюдалъ за молодежью, между тѣмъ какъ его твердыя, подобныя щупальцамъ краба руки ловко управлялись съ иглою: онъ чинилъ свою праздничную рубашку, цѣдя сквозь зубы насмѣшливыя слова.

— Ты знаешь, Ганикъ, что у дѣвушекъ голова легко кружится, и онѣ любятъ слушать прохожихъ. Господинъ въ шляпѣ скажетъ имъ: „здравствуйте!"—и онѣ уже виснутъ у него на шеѣ. Это не помѣшаетъ, конечно Маріаннѣ увѣрять тебя при выходѣ изъ церкви послѣ обѣдни, что она все время о тебѣ думала, и ты ей повѣришь.

Выходка старика всѣхъ разсмѣшила, и Жоречъ первый расхохотался. Онъ весело возразилъ.

— Въ твои времена, Арріагъ, вѣрно, было по другому, иначе ты бы не женился.

Старикъ сплюнулъ, откусилъ нитку и подмигнулъ.

— Съ Евиной поры мужчины и женщины одинаковы. Свадьба— это то, что̀ бываетъ на другой день послѣ хорошей погоды. Кто не помнитъ этого въ двадцать лѣтъ, будетъ помнить весь вѣкъ.

Люди снова разсмѣялись, но насмѣшникъ обратился на этотъ разъ къ рослому красавцу Дюару, который усердно теръ масляною тряпкою пушку. Его какъ бы вылитая изъ бронзы шея и обнаженныя руки напоминали античную статую. За красоту онъ былъ избранъ на роль царя Давида въ осенней пасторали, и его пренебрежительная усмѣшка говорила, что онъ не страшится женскихъ измѣнъ.

— Нашъ царь Давидъ изъ Лухоссоа—конечно, не въ счетъ... Онъ такъ же увѣренъ въ добродѣтели своей будущей жены, какъ тотъ добрый юноша, который собирался жениться.

— А что̀ же случилось съ этимъ юношей?—спросилъ Пейрутонъ.

Надо быть беарнцемъ для того, чтобы не знать этой исторіи, но никто такъ не умѣлъ разсказывать ее, какъ Арріагъ, поэтому всѣ столпились вокругъ него. Туалетъ шкуны былъ оконченъ— отъ ахтеръ-штевеня до форъ-штевеня. Солнце зашло. Послѣдніе лучи его освѣтили смуглыя лица людей, ввалившіеся виски, удлиненные носы, выдающіеся подбородки. Появились изъ кармановъ трубки, нѣкоторые изъ моряковъ занялись починкою, другіе растянулись на жесткихъ доскахъ палубы. Польщенный общимъ вниманіемъ, Арріагъ переложилъ жвачку за другую щеку. Слушатели уже заранѣе посмѣивались, предвкушая интонаціи и ужимки разсказчика.

И Арріагъ разсказывалъ подъ общій хохотъ... Сыпались шуточки. Толстый Эйбаръ хлопалъ себя по бедрамъ. Но беарнецъ скорчилъ гримасу. Найдись у нихъ въ Беарнѣ такой пономарь, парни живо свернули бы ему шею.

Люди нахмурились. У басковъ подсмѣиваются надъ женщинами и попами, но только—промежъ себя. Въ семьѣ голосъ матери имѣетъ такія же права, какъ и голосъ отца, а священникъ пользуется неменьшимъ уваженіемъ, чѣмъ синдикъ. Кто-то своевременно перемѣнилъ разговоръ, спросивъ: правда ли, что капитанъ ихъ готовился стать священникомъ? Снова всѣ обернулись къ Арріагу. Онъ и Ларральдъ были старше всѣхъ на суднѣ и ходили въ море еще съ отцомъ Горри въ то время, какъ жена

его, Граціанна Горри, кормила грудью здороваго мальчугана — нынѣшняго капитана „Denak-Bat“.

Помолчавъ съ минуту, Арріагъ соблаговолилъ заговорить. Это правда. Манекъ Горри воспитывался въ семинаріи въ Ларрессоръ, и былъ товарищемъ преподобнаго Дитюрбида, нынѣ священствующаго въ Оссэ. Черезъ два мѣсяца его должны были посвятить въ помощники діакона, а затѣмъ ему предстояло постричься въ попы въ Аскэнѣ.

Молодежь расхохоталась, подталкивая другъ друга локтемъ. Горри, пиратъ Горри, какъ прозвали его въ Байоннѣ.

— Здорово, нечего сказать! Горри — попомъ въ Аскэнѣ.

— Это было бы на руку китамъ! — предположилъ Жорéчъ.

— А таможеннымъ — тѣмъ болѣе.

— И англичанамъ тоже.

Горри собственноручно заострожилъ болѣе трехъ-сотъ китовъ. Въ виду того, что король, слѣдуя дурнымъ совѣтамъ, желалъ ограничить исконныя права басковъ, Горри не разъ ухитрялся обманывать бдительность его слугъ и провозить грузы табаку. Но самою громкой своею славою Горри былъ обязанъ англичанамъ. Въ великой войнѣ, служащей темою для разговоровъ зимою за лущеніемъ маиса, онъ, еще въ юности, сравнялся съ знаменитѣйшими изъ корсаровъ. За четыре года онъ захватилъ 26 кораблей и среди нихъ одинъ—въ триста тоннъ вмѣстимостью.

Эти отвѣты не удовлетворили, однако, любопытнаго беарнца. Человѣкъ не бросаетъ, ни съ того, ни съ сего, избранное имъ занятіе. Не замѣшалась ли тутъ женщина?

— Поди-ка, спроси у него самого! — насмѣшливо проговорилъ Арріагъ. Пейрутонъ обратился къ Шабатэну, сильному какъ быкъ, но подъ низкимъ лбомъ котораго мало оказывалось мѣста для мозговъ.

— Объясни намъ, разумникъ, почему капитанъ не пошелъ въ попы?

Шабатэнъ покачалъ головою и, сдѣлавъ неопредѣленный жестъ въ пространствѣ, пробормоталъ:

— Моря ему захотѣлось.

Всѣ разсмѣялись, но, быть можетъ, уста Шабатэна изрекли самое истину.

Уже болѣе трехъ вѣковъ всѣ члены семьи Горри были моряками, море призывало ихъ. Жажда приключеній рождалас въ нихъ вмѣстѣ съ жизнью. Уголокъ земли у подножія Пиренейскихъ горъ — вотъ владѣнія баска. Напрасно юный семинаристъ искалъ убѣжища въ церкви, призывъ предковъ слышалс

ему въ звонѣ колоколовъ, и у подножія алтаря его преслѣдовалъ шумъ волнъ.

Матросы заговорили о домѣ, о предстоящихъ празднествахъ, кто-то сталъ насвистывать мотивы „fandango". Жоречъ, Дюаръ, 討игойенъ—мгновенно вскочили на ноги и, подбоченившись, принялись выплясывать босыми ногами по палубѣ. Другіе, образовавъ кругъ, хлопали въ тактъ въ ладони, аккомпанируя напѣву. Передъ всѣми носились призраки будущихъ увеселеній въ родномъ селѣ, на свободной гордой землѣ басковъ, надъ которою не властенъ и самъ король Франціи, ведущій съ нею торговыя сношенія.

И вдругъ, заглушая смѣхъ и хлопанье, раздался откуда-то звучный мужской голосъ:

— Браво, дѣти мои!

Моряки поднесли руку къ берэтамъ, привѣтствуя капитана, обходившаго корабль съ Ларральдомъ, своимъ помощникомъ.

Манеку Горри, полновластному властелину на шкунѣ „Denak-Bat", было тридцать-два года. Въ немъ сохранился чистѣйшій типъ баска со всѣми его особенностями. Подъ низкимъ лбомъ, съ выступающими выпуклостями бровей, глубоко сидѣли сѣрые, стального оттѣнка глаза. Въ минуты спокойствія они казались нѣсколько тусклыми, но подъ вліяніемъ волненія и гнѣва мгновенно загорались. Носъ былъ орлиный, удлиненный, изгибъ рта съ тонкими губами—говорилъ о волѣ и осмотрительности; улыбка, рѣдко появлявшаяся на его губахъ, имѣла оттѣнокъ жестокости. Его острый подбородокъ былъ совершенно гладкій, также какъ и худыя щеки. Парика онъ не носилъ, и его короткіе волосы уже серебрились на вискахъ подъ берэтомъ. Маленькая голова сидѣла на могучей шеѣ. Манекъ Горри былъ одѣтъ въ бѣлую открытую рубашку, куртку изъ сукна и панталоны со стальными пуговицами. Рукава были обшиты галуномъ, а за краснымъ шолковымъ поясомъ, обхватывавшимъ стройный станъ, сверкала серебряная насѣчка пистолета; его узкія длинныя ноги были обуты въ бѣлые штиблеты. Когда онъ шелъ, останавливался, оборачивался или наклонялся, въ его малѣйшихъ движеніяхъ чувствовалась мощная грація человѣка, привыкшаго съ дѣтства гоняться за мотыльками вдоль крутыхъ скалъ, бросать мячъ, а по вечерамъ—безумно плясать передъ знатоками. Онъ походилъ на старинное чеканное изображеніе, на монаха-аскета, писаннаго кистью Гойи, или на абруццскаго бандита: въ общемъ въ немъ чувствовался крестьянинъ, въ которомъ текла кровь цезарей.

Манекъ Горри, не спѣша, обвелъ все кругомъ проница-

тельнымъ взоромъ. Глаза его, пронизывавшіе мракъ, скользнули по мачтамъ и реямъ, проникли въ жерла пушекъ и въ души людей, у которыхъ невольно пробѣжалъ холодокъ по спинѣ. Но сегодня капитанъ былъ въ хорошемъ настроеніи. Онъ улыбнулся и, потрепавъ Арріага по плечу, громко проговорилъ:

— Молодцы! Славно поработали.

Лица просіяли. Манекъ Горри не былъ щедръ на похвалы, люди боялись его и восхищались имъ. По происхожденію онъ былъ равнымъ имъ, и поэтому славу его они считали своею. Они уважали его, въ виду его превосходства надъ ними во многихъ отношеніяхъ и еще потому, что онъ зналъ многое такое, о чемъ они не имѣли понятія.

Горри прибавилъ, указывая пальцемъ въ даль:

— Маякъ Бретонскаго мыса вонъ въ той сторонѣ. Кто укажетъ его, тотъ найдетъ въ трюмѣ боченокъ вина изъ Бангорри, который онъ можетъ распить съ товарищами.

Люди кинулись къ выбленкамъ и марселямъ, разсыпались вдоль сѣтей у бортовъ; они заранѣе облизывались при мысли объ угощеніи, притомъ Бретонскій мысъ—всего въ нѣсколькихъ миляхъ отъ дому.

Обходъ былъ конченъ; Манекъ Горри усѣлся на кормѣ. За шкуною море журчало и убѣгало въ даль. Спустилась тьма, и звѣзда пастуховъ Artizarra или—какъ французы зовутъ ее—Венера, взошла на горизонтѣ. Солнце давно уже закатилось, но пурпуровыя полосы еще пылали тамъ, гдѣ оно исчезло.

— Чудный закатъ. Завтра будетъ хорошая погода.

Ларральдъ, помощникъ, сѣлъ рядомъ съ капитаномъ. Нѣсколько приземистый, съ менѣе жесткимъ взглядомъ, онъ походилъ на Горри, какъ старшій братъ. Подобно Арріагу, онъ также знавалъ Горри-отца. Съ тѣхъ поръ какъ Манекъ сталъ ходить въ море, Ларральдъ уже два раза спасъ ему жизнь, и капитанъ отплатилъ ему тѣмъ же.

Не поворачивая головы, корсаръ сказалъ:

— Въ вёдро ли, въ дождь ли, родной край всегда милъ для возвращающихся домой.

— Въ вёдро или въ дождь, но я знаю въ Сибуррѣ кое-кого, въ чьемъ сердцѣ взойдетъ завтра солнце, — возразилъ старикъ, и такъ какъ капитанъ ничего не отвѣтилъ, онъ продолжалъ, лукаво подмигнувъ:

— Еслибы Граціанна Горри знала, чье судно войдетъ завтра въ гавань, она не заснула бы всю ночь, но и въ домѣ Мендіондо кое-кому тоже не спалось бы сегодня.

На этотъ разъ вѣки капитана дрогнули, и будь ночь менѣе темна, можно было бы видѣть, какъ покраснѣли его бронзовыя щеки. Онъ отвѣтилъ съ серьезною улыбкой:

— Кудахтаютъ лишь куры, Ларральдъ, пѣтухи же молчатъ и слѣдятъ за ястребомъ.

Но видно было, что Горри не сердится. Ларральдъ набилъ трубку и проговорилъ отечески-ворчливымъ тономъ:

— Развѣ я не знаю, что ты женишься на наслѣдницѣ Мендіондо? Отецъ твой имѣлъ ко мнѣ больше довѣрія, и я первый узналъ, что родители Граціанны берутъ его въ зятья.

Упрекъ стараго товарища тронулъ сердце Горри, онъ тихо отвѣтилъ:

— Къ чему болтать? Какъ могъ я сказать, что женюсь на Хуанѣ Мендіондо? Еслибы я даже рѣшилъ посвататься, она вольна отказать мнѣ. Она—наслѣдница многихъ земель, и говорятъ, что у отца Мендіондо есть сундукъ, полный золота. А я—простой рыбакъ.

Гордое торжество, прозвучавшее въ этихъ словахъ, противорѣчило ихъ скромности. Старикъ усмѣхнулся.

— Дай Богъ, чтобы у Франціи и у ея короля оказалось больше такихъ рыбаковъ въ томъ случаѣ, если придется закинуть удочку за англичанами!

Отецъ Мендіондо знаетъ, что если дочь его выйдетъ за Горри, вся честь—на ихъ сторонѣ.

Горри промолчалъ. Въ сущности онъ думалъ то же самое.

28-го сентября 1744 г. Рамонъ Горри, королевскій корсаръ, попалъ на англійскій трехмачтовый корабль. Ему снесло голову ядромъ при первомъ залпѣ. Двадцати-лѣтній Манекъ стоялъ рядомъ съ отцомъ на палубѣ „Denak Bat“. Онъ поднялъ свистокъ и рупоръ покойнаго. Два часа спустя, „Denak Bat“ велъ за собою свой призъ, и въ донесеніи оставалось лишь замѣнить имя Рамонъ—Манекомъ. Въ теченіе четырехъ послѣдующихъ лѣтъ у знаменитаго корсара Аранедера явился соперникъ въ лицѣ того, кого прозвали „маленькимъ кюрэ“.

Въ хижинахъ басковъ и на палубѣ британскихъ судовъ имя Манека Горри стало знаменитымъ. И все же по временамъ его мужская гордость возмущалась при мысли о женитьбѣ на богачкѣ. Среди зловѣщихъ мелей, тумановъ и бурь, не проходило дня безъ того, чтобы онъ не видѣлъ улыбавшагося ему нѣжнаго лица Хуаны Мендіондо такимъ, какимъ онъ видѣлъ его на прощанье. Мысленно онъ снова провожалъ ее съ танцевъ домой, на глазахъ у стариковъ. Какъ она была хороша со своею тонкой

таліей, въ своей мантильѣ и короткой юбочкѣ! Они говорили о разныхъ вещахъ, и мало-по-малу она становилась печальной. Вдругъ она спросила: „Когда же вы вернетесь?“ Онъ отвѣтилъ: „Года черезъ два, а быть можетъ—никогда!“ Она сдѣлала движеніе: „Не говорите этого!“ И ея ручка, лежавшая на его рукавѣ, дрогнула. Затѣмъ она прибавила: „А если вы вернетесь, то затѣмъ снова уѣдете?“ Онъ отвѣтилъ: „Кто знаетъ? Можетъ быть и нѣтъ, если вы скажете мнѣ, чтобы я остался“. Тогда она чуть слышно прошептала: „Я надѣюсь, что вы останетесь?“ Они ничего болѣе не сказали другъ другу, но продолжали идти рядомъ, какъ послушныя дѣти...

Въ утро отъѣзда, когда уже поднимали якорь, запыхавшійся мальчуганъ принесъ Горри пакетикъ, въ которомъ оказался на шолковомъ шнуркѣ освященный образокъ Санъ-Яго ди Кампостелла. На бумажкѣ было написано: „Отъ Хуаны Мендіондо“.

Эту святыню Горри постоянно носилъ на шеѣ; онъ хранилъ и бумажку, покуда она не истлѣла отъ сырости.

Ларральдъ прервалъ его мечтанія.

— Объ одномъ я сожалѣю, Горри, что, женившись, ты бросишь море. Слезы жены дѣлаютъ человѣка слабымъ.

Бросить море?—Горри пожалъ плечами. Когда-то онъ собирался сдѣлать это—не ради женщины, но ради самого Господа Бога, и—не могъ. Онъ задохнулся бы въ домѣ Сенъ-Жанъ-де-Люцъ или въ Сибуррѣ. Въ сердцѣ басковъ любовь къ родному краю и семьѣ глубоко пустила корни, но они бываютъ ему еще дороже по возвращеніи.

— Жена моряка—вдова по вечерамъ. Если любишь Хуану Мендіондо, брось море. Ей меньше придется плакать.

Горри молчалъ. Нѣтъ, онъ не откажется отъ дѣвушки. Онъ знаетъ теперь—лучше, чѣмъ при отъѣздѣ,—какъ она ему необходима. Она нужна ему для того, чтобы онъ могъ жить, какъ нужно было, а въ морѣ нуженъ былъ Богъ. Безумное желаніе вдругъ охватило его, въ груди что-то вспыхнуло при мысли, что ею можетъ овладѣть другой.

— Пусть Хуана Мендіондо плачетъ. На что̀ же даны глаза женщинѣ?!

Ларральдъ замолчалъ. Тонъ капитана удивилъ его; онъ догадывался о его любви, но не зналъ, насколько она сильна. Необычайная размягченность настроенія и обстановка вырвали у него это признаніе. Ютившіеся среди снастей, матросы запѣли. Съ марсели снова послышался жалобно-насмѣшливый припѣвъ

„Вѣрна ли невѣста моя? Сжимается сердце тоской. Ой, горе мнѣ, горе, ой—ой!“

— Слышите?—шепнулъ Ларральдъ.

Но капитанъ улыбнулся. Хуана не такова, какъ другія. Она ждетъ его, завтра онъ будетъ съ нею.

— Ларральдъ, человѣкъ долженъ имѣть свой домашній очагъ для того, чтобы отчій домъ его не перешелъ въ чужія руки. И онъ долженъ имѣть жену, иначе онъ станетъ жить въ грѣхѣ.

— Горри, ты заслужилъ отпущеніе грѣховъ за то, что истреблялъ еретиковъ. Можешь со спокойной совѣстью предаваться разгулу.

Горри покачалъ головою. Онъ встрѣчалъ женщинъ всѣхъ цвѣтовъ — бѣлокожихъ, желтокожихъ, краснокожихъ, чернокожихъ; подъ всѣми широтами чувства его брали верхъ надъ разумомъ. Но теперь все кончено, для него существуетъ одна только женщина.

— Я люблю Хуану Мендіондо, но она—дочь своего народа и не помѣшаетъ мужу быть мужчиной.

Нѣтъ, ни она, ни даже онъ самъ не будутъ въ силахъ этому помѣшать, какъ только онъ услышитъ грохотъ барабановъ по улицамъ и скрипъ снастей на судахъ, готовящихся къ экспедиціи. Ему вспомнилось, какъ тринадцать лѣтъ тому назадъ онъ, юный семинаристъ Манекъ Горри, пріѣхалъ проститься съ капитаномъ Рамономъ. Вспомнилась ихъ прогулка по шумѣвшему и веселившемуся городу, среди толкотни людей, грохота пушекъ, той атмосферы общаго безумія, которая мало-по-малу овладѣла имъ. А за нею послѣдовала полная отчаянія ночь, когда онъ метался по своей постели, рыдалъ, тщетно молился, и кончилъ тѣмъ, что, написавъ покаянное письмо настоятелю, тайкомъ отплылъ на „Denak-Bat“, спрятавшись въ трюмѣ, какъ воришка.

Тамъ, гдѣ оказался безсиленъ Богъ, неужели побѣдитъ женщина? Онъ не можетъ бросить ни моря, ни Хуаны, и ей придется плакать.

Онъ прошепталъ со вздохомъ:

— Сердце человѣка слишкомъ полно. Пусть будетъ что̀ будетъ.

Къ чему понапрасну мудрствовать? Гордый своею волею человѣкъ—не знаетъ, что̀ съ нимъ случится завтра? Онъ—игралище невѣдомыхъ силъ.

Потянулись часы. Подобно ночной птицѣ, „Denak-Bat“ скользилъ по чернымъ волнамъ. По мѣрѣ приближенія къ родной землѣ, сердца̀ смягчались, и на суднѣ раздались пѣсни, какія

можно услышать лишь на морѣ: пѣсни о любви и смерти. Онѣ однообразны, нѣжны и заунывны.

Но вдругъ прозвучалъ голосъ вахтеннаго:

— Огни!

Всѣ вскочили на ноги, принялись вглядываться, Ганикъ Этчегойенъ кубаремъ скатился на палубу.

— Вотъ!

Онъ былъ правъ. Это—зеленые огни маяка, это—земля. Конецъ лишеніямъ и усталости, конецъ плаванію по коварнымъ волнамъ!

Вотъ она—родная мать-земля. Не одна загорѣлая щека увлажилась слезою.

Но тутъ снова раздался голосъ капитана:

— Помолимся въ вышнихъ Богу!

Свѣтъ факеловъ озарилъ стриженыя головы, упрямые лбы, бронзовыя лица съ глубокими складками.

Стоя близъ пушки, Горри обнажилъ голову и, сложивъ руки, набожно произнесъ молитву.

Онъ поручилъ Господу душу Хозе Берропдо, унесеннаго въ Исландіи шкваломъ, и вознесъ Богу благодарность за милости Его. Онъ поддержалъ ихъ въ дни испытанія, послалъ имъ добычу и приводитъ ихъ нынѣ домой здравыми и невредимыми. Да будетъ благословенно имя Господне. Онъ прощаетъ рыбакамъ ихъ согрѣшенія. Аминь.

Люди стали усиленно креститься. Пейрутонъ, взглянувъ на серьезное, полное благоговѣнія лицо капитана, прошепталъ на ухо Жоречу:

— А изъ него вышелъ бы добрый попъ!

На передней части судна идетъ дымъ коромысломъ. Чарки переходятъ изъ рукъ въ руки. Изъ кармановъ появились на свѣтъ табакерки, карты, флейты—въ перемежку съ четками. Въ эту ночь дисциплинѣ полагается спать, праздникъ продлится до зари.

Манекъ Горри, завернувшись въ плащъ, прилегъ на кормѣ позади нактоуза. Его душа сливается съ душою его родины. Голоса моряковъ, отрывки пѣсенъ, доносящіеся до него, приближаютъ его къ землѣ басковъ. Тамъ ждутъ его Хуана Мендіондо а также мать его Граціанна, сверкающія надъ его головой звѣзды—тѣ же самыя, что̀ сіяли имъ въ прощальный часъ.

Безконечная нѣжность переполняетъ душу Горри. Онъ чувствуетъ себя нѣжнымъ и добрымъ, великая радость разливаетъ

въ его сердцѣ благоуханіе. Пиратъ Горри засыпаетъ съ безмятежною улыбкою на устахъ.

Похожіе при свѣтѣ факеловъ на красныхъ чертей, матросы пляшутъ „mutchico“ подъ рѣзкіе звуки „chiroula“, которымъ вторитъ однообразный ропотъ волнъ.

II.

Шевалье приподнялся, отирая лобъ.

— Не будетъ ли это сѣдалище слишкомъ недостойно столь очаровательнаго бремени?

Галантнымъ движеніемъ онъ указывалъ m-lle Коризандѣ на подобіе кресла, искусно сооруженное имъ изъ песку. Оно было удобно закруглено и приспособлено для фигуры хорошенькой актрисы, отличавшейся нѣкоторою полнотою. Ручки и спинка кресла были прикрыты его собственнымъ плащомъ, и даже вырыта ямка, въ которую она могла бы поставить ножки.

Бѣленькая, розовая и бѣлокурая, m-lle Коризанда поднесла къ глазамъ черепаховый лорнетъ, чтобы разглядѣть работу своего поклонника. За то время, покуда она раздѣвалась, погружалась въ море, обтиралась, душилась и снова наряжалась, онъ не пожалѣлъ трудовъ. Его побагровѣвшее лицо и выказанное имъ искусство тронули сердце актрисы. Она протянула ему свою обнаженную ручку и опустилась на красный плащъ, любезно проговоривъ:

— Четверо семилѣтнихъ мальчугановъ—и тѣ бы не сдѣлали лучше. Не правда ли, отецъ мой?—Капуцинъ поклонился, сложивъ руки на животѣ.

Шевалье съ тою же галантностью продолжалъ:

— Сознаю, насколько такая похвала лестна для меня, но какова ваша несправедливость! Награду, въ которой вы не отказали бы этимъ дѣтямъ — о ней уста мои почти не дерзаютъ молить...

M-lle Коризанда весело поглядѣла на шевалье де-Тремиссана, королевскаго лейтенанта, присланнаго для осмотра укрѣпленій Сенъ-Жанъ-де-Люцъ. Парикъ у него съѣхалъ на лѣвое ухо, и пудра съ него осѣла пятнами на багровыхъ щекахъ. Кружевное жабо намокло, а локти камзола цвѣта „puce“ и колѣна панталонъ амарантоваго цвѣта были запачканы пескомъ и водорослями. Для того, чтобы обсушить руки, онъ неловко махалъ ими въ воздухѣ.

M-lle Коризанда удостоила надъ нимъ сжалиться.

— Я не желаю быть несправедливой, только бы церковь не осудила меня. Отецъ Мениссье!

Капуцинъ сидѣлъ поодаль и перебиралъ свои четки. Онъ повернулся, поправилъ рясу на своихъ голыхъ ногахъ, и взорамъ бесѣдовавшихъ предстало его круглое лицо съ голубыми глазами, которое безъ окаймлявшей его бородки походило бы какъ двѣ капли воды на лицо здоровеннаго младенца.

— Отецъ Мениссье, мы разбираемъ вопросъ совѣсти. За сооруженіе этого кресла шевалье проситъ поцѣлуй.

— Четыре поцѣлуя, — поправилъ шевалье, — вы сказали: четверо мальчишекъ.

— Четыре поцѣлуя. Могу ли я дать ему эти поцѣлуи, не совершивъ при этомъ грѣха?

Капуцинъ кашлянулъ, поглядѣлъ на свой оттопыренный большой палецъ, на море, пропустилъ между пальцевъ горсть песку и проговорилъ нѣжнымъ, тонкимъ голосомъ, представлявшимъ забавный контрастъ съ его могучими формами.

— Если съ этимъ не связана никакая плотская мысль, то прикосновеніе вашихъ губъ къ лицу шевалье — не имѣетъ въ себѣ ничего грѣховнаго.

— Подойдите, шевалье, я васъ поцѣлую, — скомандовала м-lle Коризанда съ тою лукавою усмѣшкою, которая, при исполненіи ею роли Селимены, приводила въ восторгъ знатоковъ.

Шевалье, поправивъ шпагу, опустился на колѣни и подставилъ лицо; онъ уже видѣлъ передъ собою лукавыя, чуть тронутыя карминомъ губки и смѣющіеся голубые глаза, но тутъ раздался голосъ капуцина:

— Необходимо также, чтобы и шевалье былъ со своей стороны далекъ отъ всякой плотской мысли.

— Увы, mademoiselle, иначе оно и не можетъ быть. Но эта коричневая ряса мѣшаетъ мнѣ вкусить всю прелесть награды. Удалите ее.

Сжалившись надъ шевалье, имѣвшимъ такой покорный, милозабавный и влюбленный видъ, m-lle Коризанда отправила капуцина собирать камешки. Шевалье зажмурился, душистыя губки коснулись его висковъ, потомъ — щеки, и онъ, забывшись, уже самъ захотѣлъ коснуться ихъ губами, но пощечина, ловко данная хорошенькою ручкою, заставила его открыть глаза.

M-lle Коризанда, строго глядя на него, проговорила не безъ оттѣнка вульгарности:

— Совѣтую вамъ исповѣдаться у отца Мениссье.

— Прекратите эту игру, я страдаю отъ нея. Неужели вы никогда меня не полюбите?

— Кто знаетъ? Я хочу полюбить, но кого полюблю — не знаю: васъ, а можетъ быть — monsieur Кидоржа, — заключила она, повернувъ свою легкомысленную головку къ приближавшемуся толстяку.

Кидоржъ отрицательно покачалъ головою, запустилъ свои толстые волосатые пальцы въ табакерку и, посмотрѣвъ на актрису поверхъ огромныхъ очковъ, произнесъ:

— Mademoiselle, въ виду того, что Силèнъ пользовался благосклонностью нимфъ, я могъ бы, не будучи фатомъ, претендовать на любовь такой красавицы, какъ вы, но, въ виду моей профессіи, я долженъ отказаться отъ надеждъ на взаимность. Никого женщина такъ не ненавидитъ, какъ врачей и философовъ. Первый знакомъ съ несовершенствами ея тѣла, второй — души. А такъ какъ обманъ — ея вторая натура, она предпочитаетъ невѣждъ и глупцовъ.

— Какая невѣжливость! — воскликнула красавица, бросивъ въ лицо дерзкому горсть песку; но тотъ, отряхнувшись, спокойно замѣтилъ, что женщины правды не любятъ. Онъ опустился на песокъ рядомъ съ актрисою и, захвативъ ея ручки своею толстою лапою, вынулъ часы, чтобы выслушать ея пульсъ.

— Потрудитесь не шевелиться.

M-lle Коризанда повиновалась. Лицо его прояснилось. Все идетъ прекрасно. Капризный пульсъ угомонился. Его ускореніе приписывалось сгущенію крови, и другіе врачи, включая всѣхъ знаменитостей, истощили бы паціентку кровопусканіями и прочимъ, между тѣмъ какъ дѣйствіе морскихъ солей оказалось куда благотворнѣе. Отмѣтивъ въ своей записной книжкѣ, что м-lle Коризанда въ семнадцатый разъ погружалась нынче въ море, Кидоржъ, послѣ нѣкоторыхъ замѣчаній медицинскаго характера, продолжалъ:

— Я полагаю, mademoiselle, что, завѣщавъ вамъ свое состояніе, своего врача и духовника, портящаго видъ на море, покойный маркизъ де-Моннеза̀ поступилъ всего разумнѣе, предписавъ вамъ путешествіе къ этимъ мѣстамъ. Не будь на то его послѣдней воли, врядъ-ли мнѣ удалось бы привлечь васъ въ этотъ цѣлебный своимъ горнымъ и морскимъ воздухомъ край.

Согласно завѣщанію маркиза, m-lle Анжель Мишò, по театру — Коризандѣ вмѣнялось въ обязанность проводить его тѣло до мѣста послѣдняго успокоенія въ семейномъ склепѣ маркизовъ де-Моннеза̀, гдѣ оно, набальзамированное, какъ желалъ этого

покойный, было съ почестями предано землѣ. Послѣ исполненія всѣхъ формальностей, m-lle Коризанда вступила во владѣніе зàмкомъ и угодьями, но, вѣроятно, долгое путешествіе и проводы останковъ маркиза разстроили ея нервы, она почувствовала себя нездоровою и послѣдовала совѣту врача расхваливавшаго морскія купанья въ Сенъ-Жанъ-де-Люцъ.

Вотъ какимъ образомъ m-lle Коризанда, въ сопровожденіи доктора, духовника и камеристки, оказалась жилицею стариннаго дома на торговой площади, сосѣдняго съ тѣмъ, въ которомъ жилъ до своего брака Людовикъ XIV.

Эта жизнь, такъ мало походившая на закулисную, быть можетъ показалась бы ей однообразною, несмотря на ученыя разсужденія Кидоржа и веселый нравъ отца Менисссье, несмотря на улыбающееся небо, измѣнчивую красоту моря, живописные обычаи басковъ, на трудолюбивую дѣятельность городка. По счастью, на четвертый день по пріѣздѣ, актриса получила раздушенное письмо, цѣлый снопъ цвѣтовъ и ящикъ съ лакомствами.

Шевалье де-Тремиссанъ, присланный по случаю предстоящей войны, для наблюденія за вооруженіемъ порта, напоминалъ m-lle Коризандѣ о томъ, что онъ имѣлъ честь быть принятымъ въ домѣ маркиза де Монпезà, и смиренно просилъ разрѣшенія ей представиться.

Желая оттѣнить свое новое высокое положеніе въ обществѣ, m-lle Коризанда отослала обратно лакомства и цвѣты, но удостоила принять шевалье, который, получивъ дозволеніе присутствовать при туалетѣ хорошенькой женщины и сопровождать ее въ прогулкахъ, не замедлилъ отчаянно въ нее влюбиться— въ ущербъ своему покою и интересамъ королевской службы.

Еслибы, въ виду нѣкоторой самонадѣянности, свойственной его годамъ и профессіи, у г. де-Тремиссанъ явилась мысль, что театральная красавица не окажется къ нему черезчуръ жестокою, онъ скоро долженъ былъ бы признать свою ошибку. Послѣ нѣскольких недѣль упорной осады, онъ не подвинулся ни на шагъ. То задумчивая, то улыбающаяся, иногда капризная, m-lle Коризанда дозволяла ему прикладываться къ ея ручкамъ, опиралась на его руку, но хотя, казалось, она не безъ сочувствія внимала его словамъ, актриса безжалостно обрывала его, какъ только онъ дѣлалъ попытку перейти отъ словъ къ дѣйствіямъ.

Чѣмъ объяснялась такая сдержанность? М-lle Коризанда—незаконнорожденная дочь незаконнорожденной матери и актриса по профессіи—имѣла о любви странныя и спутанныя понятія.

Нѣсколько грубыхъ эпизодовъ изъ ея ранней юности почти

стушевались у нея въ памяти, заглаженные почтительною нѣжностью маркиза де-Монпеза́, которому она была безусловно вѣрна. Усиленное чтеніе романовъ того времени внушило ей самое высокое понятіе о любви, остававшееся чисто отвлеченнымъ, такъ какъ соціальное положеніе m-lle Коризанды не дозволяло ей мечтать о подобной роскоши.

Смерть маркиза измѣнила положеніе дѣлъ. Ставши богатою, m-lle Коризанда могла отнынѣ располагать собою, и впервые понятіе о любви предстало ей во всей своей полнотѣ и уже не въ чисто литературной формѣ. Въ этомъ климатѣ—одновременно мягкомъ и жгучемъ, подъ вліяніемъ морского вѣтра, распалявшаго кровь,— m-lle Коризанда ощутила тревогу. Во время прогулокъ глаза ея невольно останавливались на стройныхъ смуглыхъ морякахъ и на улыбавшихся имъ дѣвушкахъ съ красными губами. Влюбленные взгляды шевалье пробудили въ ней восхитительное смущеніе. Порою ей вспоминались отрывки изъ „Пѣсни пѣсней“ Соломона: „Я искала своего возлюбленнаго и я не нашла его“.-.

— Я не нашла его!—Всѣми силами души m-lle Коризанда впервые принялась мечтать о мистическомъ женихѣ, о побѣдоносномъ возлюбленномъ, созданномъ геніемъ царя-поэта.

Она поняла, что до сихъ поръ еще не любила, еще не жила, и ее охватила жажда любви — нѣжной и жестокой, неумолимой и властной, единственной, ради которой стоитъ жить.

Казалось бы, самая элементарная справедливость требовала того, чтобы счастливымъ оказался шевалье, отчасти открывшій m-lle Коризандѣ могущество божка-Купидона. Но злокозненность судьбы такова, что подобная мысль показалась актрисѣ почти нелѣпою. Какъ? Этотъ достойный уваженія, благонравный, цвѣтущій молодой человѣкъ явится передъ нею носителемъ высшихъ райскихъ восторговъ? Съ другой стороны, его вниманіе заслуживало нѣкотораго поощренія.

И теперь она въ двадцатый разъ выслушивала его патетическія объясненія въ любви, но вдругъ, въ самомъ интересномъ мѣстѣ, она зѣвнула и нетерпѣливо проговорила:

— Куда дѣвалась эта сумасбродная Нанонъ съ бріошами и фруктами? Я проголодалась.

Кидоржъ задумчиво покачалъ головою.

— Боюсь, что m-lle Нанонъ встрѣтила дорогою какого-нибудь молодца, который, вѣроятно, сказалъ ей, что она очень мила, вслѣдствіе чего она остановилась, чтобы поблагодарить его.

— Пустяки,—возразила m-lle Коризанда,—здѣшніе дикари не говорятъ по-французски. — Это невыносимо! — воскликнула актриса, разрывая зонтикомъ песокъ. — Отецъ Мениссье, скажите Нанонъ, что если она не перестанетъ дурно вести себя, чертенята замучатъ ее въ аду!

Отецъ Мениссье вздохнулъ.

— Опасаюсь, что m-lle Нанонъ будетъ упорствовать въ своихъ заблужденіяхъ до тѣхъ поръ, покуда года не положатъ этому предѣлъ. Но я долженъ сказать, что она очень набожна.

— Я не набожна, но добродѣтельна: вотъ, спросите у шевалье. Чтò лучше?

Г. де-Тремиссанъ печально возвелъ глаза къ небу, а капуцина избавило отъ отвѣта на щекотливый вопросъ появленіе m-lle Нанонъ.

Она приближалась мелкими, быстрыми шагами бѣлой мышки. На рукѣ у нея висѣла корзинка.

Кидоржъ заявилъ, что m-lle Нанонъ нуждается въ снисхожденіи. Бріоши горячи, онѣ такъ и таютъ во рту, а мускатный виноградъ—достоинъ стола боговъ. Притомъ въ этомъ краю добродѣтели приходится упорно защищаться, къ чему она мало приспособлена. Распущенность басковъ очень велика, чтò констатировалъ еще пятьсотъ лѣтъ тому назадъ странникъ Эмери Пикò. Г. де Ланкръ, совѣтникъ парламента въ Бордо, приписываетъ это чрезмѣрному употребленію во всякомъ видѣ яблока—плода, заставившаго первыхъ людей преступить законы Божіи.

— Вѣрю вамъ на слово, monsieur Кидоржъ, но скушайте еще кусочекъ бріоши, покуда добрый отецъ Мениссье не покончилъ съ нею. Я покуда займу его. Отецъ Мениссье, откройте ротъ!

Монахъ повиновался, и m-lle Коризанда, выбравъ вѣтку винограда, принялась общипывать ее и бросать по ягодѣ въ раскрытый ротъ отца Мениссье, удивительно ловко подхватывавшаго ихъ.

— Вы обладаете большими свѣдѣніями о баскахъ. Знакомы вы съ ихъ нарѣчіемъ?

— Это не нарѣчіе, но языкъ—одинъ изъ самыхъ странныхъ въ мірѣ. Корень его теряется во мракѣ, такъ какъ противорѣчивыя свидѣтельства историковъ указываютъ на происхожденіе басковъ отъ дакійцевъ, гунновъ, вандаловъ, саксовъ, готовъ, бургундцевъ, сарматовъ, датчанъ, франковъ, грековъ, финикіянъ и кельтовъ, а также—многихъ другихъ. Языкъ ихъ представляетъ неимовѣрныя трудности, фонетика его такъ сложна и этимологія—запутана, что самъ чортъ сломалъ себѣ на немъ ногу...

— Чортъ?!—ужаснулись актриса и духовникъ.

— Онъ задумалъ научиться языку басковъ, но черезъ семь лѣтъ онъ зналъ только два слова: „Bai“ — да, и „Es“ — нѣтъ, да и тѣ забылъ, лишь только оставилъ Байонну, перейдя мостъ св. Духа.

— Жалкій же это былъ чортъ! Какого вы о немъ мнѣнія, шевалье?

— Mademoiselle, — отвѣтилъ дворянинъ, — еслибы вы знали по-баскски половину того, чтò зналъ онъ, счастію моему не было бы предѣла.

— Фи, какъ это плоско! Разскажите намъ лучше еще что-нибудь о баскахъ, докторъ. Они большіе ханжи, не такъ ли?

— И вмѣстѣ съ тѣмъ — безнравственные люди. Одно уживается у нихъ бокъ-о-бокъ съ другимъ. Они горды, потому что невѣжественны; ничто такъ не убѣждаетъ человѣка въ его собственномъ ничтожествѣ, какъ наука. Они считаютъ себя первымъ народомъ въ мірѣ и презираютъ остальныхъ, не исключая и французовъ. Ихъ поговорки: „чужая страна — волчья страна“, „рыба и гость одинаково нестерпимы черезъ три дня“ — очень характерны. Еще Горацій и Луканъ упоминаютъ объ ихъ жестокости. Но они обладаютъ и положительными качествами. Они безпредѣльно храбры, честны и вѣрны...

— И красивы! — вздохнула Нанонъ, слѣдя взоромъ за двумя смуглыми босоногими, въ разстегнутыхъ на груди рубашкахъ молодцами, которые легкимъ шагомъ поднимались въ гору, таща корзину съ рыбою.

Поднявъ глаза, m-lle Коризанда замѣтила бѣлую шкуну, мягко скользившую по волнамъ.

— Красивое судно! На немъ пріятно было бы отплыть на островъ Цитеры, гдѣ звучатъ лишь рѣчи любви.

— Mademoiselle, для этого не стоитъ ѣздить такъ далеко. Вы можете слышать ихъ здѣсь въ гавани.

Тѣмъ временемъ докторъ Кидоржъ протиралъ платкомъ вынутую изъ кармана лорнетку.

— Это судно называется „Denak-Bat“, — такъ сказалъ мнѣ сторожъ на пристани. Оно возвращается изъ китоловной экспедиціи послѣ двухлѣтняго отсутствія, и командуетъ имъ нѣкій Горри, слывущій здѣсь въ городѣ за героя.

— Герой? — проговорила m-lle Коризанда съ гримаскою нѣкотораго презрѣнія.

— Въ послѣдней войнѣ Горри, будучи двадцати-лѣтнимъ юношей, покрылъ себя славою, командуя этимъ маленькимъ судномъ. Съ тѣхъ поръ онъ, въ качествѣ пирата и смѣлаго контра-

бандиста, еще болѣе обратилъ на себя вниманіе. Во время сильной снѣжной бури онъ спасъ экипажъ трехъ-мачтоваго судна и повѣсилъ однажды четырехъ англичанъ, заподозрѣнныхъ въ совершеніи насилія надъ баскскою женщиною. Говорятъ, что онъ, кромѣ того, человѣкъ ученый, такъ какъ готовился въ священники. Если вамъ угодно будетъ прогуляться передъ обѣдомъ до гавани, мы можемъ присутствовать при входѣ судна въ пристань, что̀ представитъ нѣкоторый интересъ.

Mademoiselle Коризанда протянула руку шевалье, который, весь сіяющій, помогъ ей подняться.

Общество двинулось впередъ по узкимъ, плохо вымощеннымъ улицамъ; m-lle Коризанда шла между докторомъ и шевалье. За ними слѣдовалъ, бормоча молитвы, капуцинъ, а позади—Нанонъ, погруженная въ мысли о морякахъ, два года лишенныхъ женскаго общества.

Стоя на порогѣ низкихъ, увѣнчанныхъ освященными вѣтвями дверей, рыбаки не удостоивали взглядомъ актрисы, задѣвшей ихъ своими раздушенными юбками, но они крестились при проходѣ отца Мениссье, благословлявшаго ихъ сложенными перстами.

При поворотѣ въ большую улицу, шевалье омрачился. Актриса раскланялась съ барономъ д'Армандариксъ, который вспыхнулъ и просіялъ.

Баронъ былъ очень красивый молодой человѣкъ лѣтъ двадцати-восьми, съ бархатными глазами и ослѣпительными зубами. Въ немъ замѣчалась смѣсь достоинства съ робостью: достоинства—въ виду его происхожденія отъ Карла Великаго и физическихъ его совершенствъ, и робости — вслѣдствіе его полнаго незнакомства съ міромъ за предѣлами Байонны.

Г. де-Тремиссанъ, имѣвшій, въ силу своего положенія, сношенія, съ мѣстною знатью, не могъ не представить его m-lle Коризандѣ. До какой степени этотъ молодой человѣкъ, прочитавшій за всю свою жизнь одинъ романъ, былъ смущенъ этимъ необычайнымъ явленіемъ, можно было видѣть изъ того, какъ онъ мялъ въ рукахъ свою шляпу, стоя на глазахъ у всѣхъ съ непокрытою головою передъ женщиной, профессія которой считалась проклятою, и самое тѣло—недостойнымъ погребенія въ освященной землѣ.

M-lle Коризанда, угадывая подъ его неловкими манерами пылкую и чистую натуру, не безъ интереса присматривалась къ нему, слушая его застѣнчивыя извиненія въ томъ, что онъ, кажется, задержалъ ихъ? Она даже разсердилась на шевалье, некстати напомнившаго, что они опоздаютъ къ приходу судна.

Прощаясь, она выразила надежду, что въ скоромъ времени баронъ посѣтитъ ее, и они разстались.

— Какого вы о немъ мнѣнія?—обратилась она къ доктору, когда свита ея двинулась впередъ.

— Сударыня, это—красивое животное,—отнюдь не желаю его оскорбить такимъ опредѣленіемъ. Зовутъ его Менотоксъ,—что̀ тоже не совсѣмъ обыкновенно,—а пламя, вспыхивающее въ его глазахъ...

— Обѣщаетъ супружеское счастіе помолвленной съ нимъ дѣвицѣ, носящей какое-то варварское имя,—подхватилъ тонкій голосъ шевалье.

— Что̀ же общаго между бракомъ и любовью?—воскликнула актриса. — Неужели вы, человѣкъ воспитанный, шевалье, усматриваете между ними какую-нибудь связь?

Г. де-Тремиссанъ поклонился.

— Я говорилъ относительно этого молодого человѣка. Докторъ Кидоржъ объяснитъ вамъ, насколько въ этой отсталой странѣ уважаются брачныя узы. Отказъ отъ руки невѣсты, равно какъ и невѣрность по отношенію къ женѣ—опозорили бы барона въ глазахъ цѣлаго края.

Докторъ не безъ восхищенія поглядѣлъ въ сторону шевалье, дивясь тому, какъ любовь изощряетъ наименѣе поворотливые мозги.

Но они уже перешли площадь Людовика XIV-го. Мачты стоявшихъ въ гавани кораблей виднѣлись рядомъ съ домами, и все вниманіе общества сосредоточилось на представившемся ему зрѣлищѣ.

III.

Въ тѣ времена городокъ Сенъ-Жанъ-де-Люцъ, хотя и утратившій свое первоначальное значеніе, былъ все же очень оживленъ.

Конечно, оттуда уже не отплывали сотнями суда на ловлю китовъ и бѣлуги до самыхъ береговъ Новой-Земли и Гренландіи, открывая такимъ образомъ Америку за много вѣковъ до Христофора Колумба. Тѣмъ не менѣе, въ гавани его всегда находила пріютъ многочисленная легкая флотилія, создавшая отважную и жадную до всякой добычи породу моряковъ.

Городокъ особенно оживился съ появленіемъ курьера, привезшаго давно желанную вѣсть о войнѣ съ англичанами. На мирныхъ улицахъ чувствовалось лихорадочное возбужденіе, всюду виднѣлись пестрыя толпы людей. Изъ низенькихъ дверей появля-

лись фигуры съ загорѣлыми лицами, съ пистолетами и кинжалами за поясомъ. Они прибывали со всѣхъ концовъ родной земли—въ красныхъ, синихъ, черныхъ берэтахъ, съ перекинутыми черезъ плечо куртками, въ порванныхъ штанахъ, босоногіе, съ твердыми какъ дерево ногами. Въ узкихъ улицахъ, подъ балконами, усѣянными молчаливыми женщинами и дѣтьми, раздавалось громыханье телѣгъ и пушекъ, ржанье лошадей, муловъ, быковъ, бряцанье сабель и мушкетовъ, рѣзкіе призывы тамбурина и мѣстныхъ флейтъ, топотъ людей. И все это стремилось къ гавани. Тамъ—шумная и крикливая, но дисциплинированная и ловкая, подобная муравьямъ, масса рабочихъ суетилась на судахъ: вчера еще—китоловныхъ, сегодня—боевыхъ корсарскихъ. Трюмы съ удивительною быстротою нагружались порохомъ, пулями, ядрами, мушкетами, бочками воды и съѣстныхъ припасовъ. Жерла каронадъ сіяли на солнцѣ. Крики, приказанія, свистки, пѣсни—сливались въ общій гулъ. Городокъ, словно по мановенію волшебнаго жезла, пробуждался отъ спячки къ лихорадочной жизни: такъ хищный звѣрь потягивается, зѣваетъ и бьетъ себя хвостомъ по бедрамъ, прежде чѣмъ кинуться на добычу.

M-lle Коризанда и ея свита не безъ труда пробрались въ толпѣ до террасы, возвышавшейся надъ свайною перемычкою, къ которой долженъ былъ пристать корабль. Одинъ изъ сторожей, узнавъ королевскаго лейтенанта, поспѣшилъ очистить имъ мѣсто, что̀ дало имъ возможность перевести духъ.

Головы женщинъ съ тревогою были обращены къ морю. Однѣ изъ нихъ—въ черныхъ платкахъ—принадлежали старухамъ матерямъ, ожидавшимъ сыновей. Тутъ же виднѣлись пестрые головные уборы и мантильи молодыхъ женщинъ, непокрытыя, съ заплетенными въ косы или завитыми волосами головы дѣвушекъ. Тамъ и сямъ слышался нервный смѣхъ, веселое или рѣзкое слово. Оборванные мальчишки гонялись другъ за другомъ. Коегдѣ царило тяжелое молчаніе. Всѣ ли вернутся домой?

Поодаль виднѣлась группа дѣвицъ изъ Сибурры, готовыхъ за серебряную монету пріютить перваго встрѣчнаго, не имѣющаго своего собственнаго домашняго очага.

Въ толпѣ прокатился гулъ. Не обращая вниманія на свистки боцмановъ, люди бросили работу; нѣкоторые полѣзли на мачты стоявшихъ недвижно судовъ.

— Это „Denak-Bat“,—сказалъ Кидоржъ.

Шкуна со спущенными парусами входила въ гавань, сопровождаемая облѣпившими ее лодками. И по мѣрѣ ея приближенія волна радости разливалась въ народѣ. Головы обнажались,

платки мелькали въ воздухѣ, шумъ возрасталъ и изъ груди вырывались крики, среди которыхъ постоянно повторялось:—Горрѝ!

Съ судна бросили канатъ; оно медленно подходило къ берегу, и актриса съ любопытствомъ разглядывала смуглыя лица моряковъ, махавшихъ берэтами въ отвѣтъ на привѣтствія. Они улыбались широкою улыбкою, подъ которою скрывали свое волненіе. Глаза ихъ искали дорогихъ лицъ, и порою въ толпѣ раздавался громкій крикъ радости и любви. Конецъ страданіямъ разлуки!

Лишь одинъ человѣкъ продолжалъ сидѣть неподвижно на скамьѣ у кормы, отвѣчая серьезною улыбкой на привѣтствія. За исключеніемъ галуна на рукавѣ, костюмъ его былъ такой же, какъ у прочихъ моряковъ. Онъ слѣдилъ за маневрированіемъ и время отъ времени спокойнымъ голосомъ отдавалъ приказанія.

Докторъ Кидоржъ положилъ руку на плечо погонщика муловъ.

— Горри?

Тотъ поднялъ голову и осклабился, показывая бѣлые зубы.

— Горри, baï Горри!

Шкуна причалила, люди кинулись къ ней, но сторожа, оттѣснивъ толпу, стали хлопотать о томъ, чтобы высадка совершалась въ порядкѣ. Перебросили мостки, Ларральдъ уже занесъ было на нихъ ногу, но вдругъ все стихло. Толпа опустилась на колѣни, словно вѣтеръ пронесся надъ нею, нагибая головы; на палубѣ судна люди тоже сняли берэты и склонили колѣни: приближался священникъ съ крестомъ; онъ напутствовалъ ихъ въ дальнее плаваніе, онъ же первый встрѣтилъ ихъ по возвращеніи.

Едва лишь моряки ступили на землю, какъ толпа поглотила ихъ: раздавались восклицанія, смѣхъ, рыданія. Видно было, какъ нѣкоторые уходили, окруженные стариками, женщинами, дѣтьми, цѣплявшимися за ихъ одежду.

M-lle Коризанда и ея спутники также были подхвачены общимъ порывомъ. Покуда моряки проходили по сходнямъ, актриса, ставшая нынче зрительницей, привѣтствовала голосомъ и движеніемъ руки отважныхъ искателей приключенія.

Несмотря на радость возвращенія и близкое свиданіе съ милыми сердцу, среди нихъ не нашлось ни одного, который не взглянулъ бы на стоявшую на возвышеніи хорошенькую женщину и не отвѣтилъ бы ей неловкимъ поклономъ.

— Молодцы!—замѣтилъ Кидоржъ.

— Ужъ именно!—согласилась Нанонъ.

— Славные бы солдаты вышли изъ нихъ!—выразилъ свои впечатлѣнія шевалье.

— Но все-таки они мужики!—воскликнула актриса, и не-

терпѣливо прибавила:—А что же не сходитъ ихъ капитанъ, этотъ Горри, какъ вы его называете?

Безумный смѣхъ раздался въ народѣ. Гойечъ изъ Бидора, проходя по сходнямъ, сдѣлалъ отчаянный прыжокъ и упалъ, какъ бомба, среди тѣснившихся на набережной. Двое-трое товарищей послѣдовали его примѣру.

Смѣхъ усилился, когда позади нихъ показался Арріагъ, котораго двадцать лѣтъ зналъ весь городъ. Какъ онъ ни крѣпился, грубое лицо его расплывалось до ушей въ радостную улыбку.

Горри ступилъ послѣднимъ. Поднялась цѣлая буря; народъ единодушно привѣтствовалъ своего героя. Увлеченная помимо воли, опьяненная общимъ энтузіазмомъ, m-lle Коризанда изо всѣхъ силъ захлопала въ ладоши:

— Браво, Горри! Да здравствуетъ Горри!

Но человѣкъ съ серебрившимися висками даже не поднялъ глазъ. Въ три прыжка онъ очутился на землѣ и обнялъ священника.

— У него нѣтъ вкуса,—замѣтилъ Кидоржъ.—Я предпочелъ бы привѣтъ хорошенькой женщины—объятіямъ попа.

Онъ предложилъ руку m-lle Коризандѣ и приготовился съ помощью шевалье очищать ей дорогу, какъ вдругъ безумное рыданіе приковало ихъ къ мѣсту. Молодая женщина, съ которою было двое дѣтей, отчаянно билась и рыдала на землѣ. Ее окружили, слышались соболѣзнованія. Мужъ ея потонулъ.

— Бѣдняжка!—воскликнула актриса, и уже собиралась подойти къ ней, когда кто-то такъ грубо толкнулъ ее, что она вскрикнула. Поспѣшно пробираясь въ толпѣ, шелъ Манекъ Горри, сопровождаемый священникомъ. Они вдвоемъ подняли несчастную, жали ей руки и, вполголоса повторяя ей слова утѣшенія, помогли ее увести.

Вдова покорно слѣдовала за ними; она продолжала рыдать, но сочувствіе капитана и священника облегчало ей скорбь.

Когда общество выбралось на главную улицу, шевалье замѣтилъ исчезновеніе Нанонъ, но отецъ Мениссье кротко замѣтилъ, что онъ видѣлъ ее дружески бесѣдующей съ юнгою, котораго никто не пришелъ встрѣтить.

— А у этого пирата есть сердце,—сказалъ Кидоржъ.

Но m-lle Коризанда, потирая локоть, заявила, что онъ невѣжа и у него отталкивающее лицо.

IV.

По длинной бѣлой дорогѣ, между двухъ рядовъ тополей, два человѣка шли рядомъ—легкими увѣренными шагами. Они молчали, но оба чувствовали одинаково. Вечерняя тишина обвѣвала ихъ невыразимой нѣжностью и умиротвореніемъ, чѣмъ-то роднымъ и близкимъ. Они пошли пѣшкомъ, какъ простые крестьяне, для того, чтобы чувствовать подъ ногами родную почву.

Ноздри ихъ расширялись, вдыхая ароматъ полевыхъ травъ, а глаза радостно останавливались на знакомыхъ очертаніяхъ. Въ лиловомъ небѣ застыли обрывки пурпуровыхъ облаковъ. Имъ попадались по дорогѣ запряженные въ ярмо быки; погонщики привѣтствовали пѣшеходовъ на родномъ языкѣ. Гдѣ-то по деревнѣ зазвонили въ колокола.

Путники остановились. Вотъ перекрестокъ. Здѣсь дороги ихъ расходились.

— За эти два года мы сегодня впервые будемъ ночевать не подъ одною кровлею,—выговорилъ Ларральдъ.

Въ его грубомъ голосѣ чувствовалось волненіе. Горри взялъ его руку и подержалъ ее въ своей. Въ минуту разлуки они хотѣли бы сказать другъ другу, что оба они были вѣрны своему долгу, что они забыли о мелкихъ ссорахъ и рѣзкихъ словахъ, неизбѣжныхъ въ тяжелыя минуты, что между ними существуютъ лишь безупречно товарищескія отношенія, неразрывныя братскія узы. Они молчали, но и безъ словъ понимали другъ друга. Капитанъ предложилъ:

— Зайди къ намъ въ домъ. Мать будетъ рада тебя видѣть, и ты выпьешь стаканчикъ за наше здоровье.

Но Ларральдъ покачалъ головою.

— Въ часъ возвращенія на родину чужой человѣкъ—лишній между матерью и сыномъ. Поклонись отъ меня Граціаннѣ; я зайду къ вамъ на недѣлѣ.

Онъ прибавилъ съ оттѣнкомъ сожалѣнія:

— Видѣлъ приготовленія въ гавани? Два корсара уже отплыли! Ты не знаешь, когда „Denak-Bat“ выйдетъ въ море?

Горри улыбнулся въ темнотѣ. Нѣтъ, онъ не знаетъ. Но онъ не пожелалъ огорчить старика.

— Быть можетъ, скорѣе, чѣмъ ты думаешь. Мы потолкуемъ объ этомъ, когда ты зайдешь къ намъ.

Ларральдъ былъ тронутъ; глаза его затуманились, и онъ хрипло прошепталъ:

— Не обращай вниманія на стараго болтуна, и насладись своимъ счастьемъ. Человѣкъ живетъ только одинъ разъ.

Горри, свернувъ съ большой дороги, вступилъ на каменистую тропинку, по которой онъ поднимался и спускался съ дней своего дѣтства. Этою тропинкой онъ ходилъ въ школу, останавливаясь для того, чтобы срывать спѣлыя ягоды шелковицы. По ней онъ шелъ въ бурный день за гробомъ дѣда, по ней же радостно отправлялся въ семинарію. Этою тропинкой онъ убѣжалъ изъ дому въ безумную ночь, когда кровь огнемъ кипѣла у него въ жилахъ и когда, оставивъ дома свое семинарское платье, онъ спѣшилъ укрыться въ трюмѣ „Denak-Bat". По ней онъ спускается каждый разъ послѣ прощанія со старухою матерью, по ней поднимается по возвращеніи въ родной край. Сейчасъ за поворотомъ онъ увидитъ старинный домъ Горри. Радость наполнила его грудь. Изъ дома Горри виденъ и домъ Мендіондо. Сегодня же вечеромъ онъ зайдетъ повидать Хуану.

Вотъ и поворотъ, а за нимъ—бѣлый домъ, старый домъ съ выступающею впередъ крышею, деревянный балконъ котораго обращенъ къ востоку. Узкія окна заперты ставнями, но дверь полуотворена. На каменной притолокѣ виднѣется полустертая надпись: „Домъ этотъ построенъ Хозе Горри на вывезенныя изъ Индіи деньги. Онъ не можетъ быть ни проданъ, ни заложенъ. 1505". Пониже—девизъ Горри: „Человѣкъ блуждаетъ, но Господь ведетъ его". Тутъ же въ нишѣ виднѣлась статуя Пресв. Дѣвы, осѣненная вѣтвями.

Въ сумракѣ ночи путникъ смотрѣлъ растроганнымъ взоромъ на свое безмолвное жилище. И мысленно его пылкая и страстная воля мгновенно населила его: скоро здѣсь появится молодая жена, дѣти, которыя будутъ встрѣчать отца по вечерамъ у порога. Въ большой залѣ господа и слуги сядутъ за одинъ столъ, души ихъ соединятся въ общей молитвѣ.

Одно изъ оконъ было освѣщено,—очевидно, Граціанна Горри не спала. Сынъ захотѣлъ обрадовать ее неожиданнымъ появленіемъ, но послышался лай; на порогѣ появился волкодавъ съ грубою шерстью.

— Рондо!

Собака подошла, поджавъ хвостъ и обнюхивая воздухъ, но вдругъ она съ радостнымъ визгомъ кинулась къ нему. Темный силуэтъ женщины обрисовался въ амбразурѣ двери. За эти два года Граціанна не сгорбилась, но глаза ея стали хуже видѣть.

— Здравствуй, мать. Вотъ и я.

У старухи вырвалось сдавленное восклицаніе:

— Пречистая Дѣва, возможно ли это?!..

Она охватила его длинными, худыми руками, и сынъ, виски котораго уже серебрились, склонился на грудь матери. Даже въ ласкахъ они сохраняли всегда сдержанность, свойственную сильнымъ натурамъ.

Сопровождаемые неистово прыгавшимъ Рондо, они вошли въ большую залу. Горри сѣлъ у очага въ отцовскомъ креслѣ. Граціанна зажгла вторую свѣчу и съ серьезною нѣжностью глядѣла сыну въ глаза. Онъ не измѣнился, перенесенныя имъ испытанія прошли для него безслѣдно.

Мать его тоже осталась прежнею—съ ея гладко причесанными волосами, остроконечнымъ чернымъ чепцомъ, съ ея великолѣпными темными глазами, длиннымъ носомъ, острымъ подбородкомъ, съ ея большими испанскими серьгами, съ платкомъ, повязаннымъ крестъ-на-крестъ на плоской груди и заколотымъ золотою бабушкиною брошкой. Только пальцы ея, державшіе свѣчу, дрожали нѣсколько болѣе. Она повторяла:

— Манекъ! Маленькій мой Манекъ! Да будетъ благословенна Пресвятая Дѣва!

Но тутъ же она упрекнула себя за недогадливость. Мальчикъ проголодался, а она болтаетъ по пустому.

— Сиди, я сейчасъ подамъ тебѣ закусить.

Манекъ слѣдилъ глазами за матерью, ходившею взадъ и впередъ по комнатѣ, въ которой протекло его дѣтство. И здѣсь ничто не измѣнилось. Надъ высокимъ очагомъ, гдѣ мать раздуваетъ уголья, висятъ гирлянды краснаго перцу и луку. На полкѣ разставлена та же фаянсовая посуда, которою интересовался маленькій Манекъ. Полъ и стѣны безукоризненной чистоты. Шкафъ занимаетъ прежнее мѣсто, обѣ кропильницы наполнены святою водой. Только на стѣнахъ прибавилось нѣсколько картинъ духовнаго содержанія, и въ комнатѣ стоитъ знакомый запахъ натертаго воскомъ пола, лаванды и стряпни.

Мать поставила передъ Горри бутылку вина, остатки дымящейся похлебки, блюдо маринаду и хлѣбъ.

— Кушай.

— А ты развѣ не поужинаешь со мною?

Нѣтъ, она уже поужинала, притомъ женщинѣ подобаетъ служить хозяину дома, а не раздѣлять его трапезу. Но такъ какъ онъ настаивалъ и ей будетъ удобнѣе видѣть его, она согласилась сѣсть насупротивъ сына, радостно слѣдя за тѣмъ, какъ онъ ужиналъ, — спѣша перемѣнить тарелку, налить ему вина.

Когда первый голодъ былъ удовлетворенъ, они стали бесѣ-

довать—не о чемъ попало, но обстоятельно, какъ люди, знающіе цѣну словамъ. Какова была ловля? Граціанна имѣла однажды извѣстія о „Denak-Bat“ отъ Гуттьереца, капитана „Чайки“, нарочно зашедшаго ей сказать, что суда обмѣнялись привѣтами у береговъ Исландіи. Но это было уже полтора года тому назадъ.

Горри отвѣчалъ кратко. Ничего особаго не было, только холодъ сильно давалъ себя чувствовать, пришлось преслѣдовать китовъ до самой Гренландіи; прошли времена, когда ихъ ловили чуть не по близости отъ Сенъ-Жанъ-де-Люца. Приходилось также глядѣть въ оба—изъ-за пловучихъ льдинъ, грозившихъ опрокинуться или затереть корабль. Но таково уже ихъ ремесло. Старуха соглашалась съ нимъ. Доволенъ ли Горри?—Ничего себѣ. —А всѣ ли вернулись?

Увы, нѣтъ! Хозе Берроидо снесло въ море. Граціанна перекрестилась. Бѣдная жена его! Манекъ навѣститъ ее? Такова жизнь. Сегодня—одинъ, завтра—другой, на все—воля Божья.

Наливъ себѣ рюмку, Горри сталъ въ свою очередь ее разспрашивать, щелкая поданные на дессертъ орѣхи. Что̀ у нихъ новаго? О войнѣ онъ уже слышалъ. Что̀ дѣлается у нихъ въ домѣ, у сосѣдей?

Старуха отвѣчала съ тою же дѣловитостью. Жатва въ прошломъ году была очень хороша. Двадцать бочекъ вина, пятьдесятъ—сидру, двѣсти мѣръ маиса. Но въ нынѣшнемъ году, кажется, сборъ будетъ менѣе обиленъ. Затѣмъ послѣдовали подробности о родственникахъ: у этихъ—убыль въ семействѣ, у тѣхъ—прибавленіе. У Дечара—большая радость: ихъ сынъ рукоположенъ въ священники.

Граціанна замолчала. Она долго не могла простить сыну его отказа отъ священства, но, простивъ его по истеченіи четырехъ лѣтъ, она уже ни разу его не упрекала, хотя въ глубинѣ души не переставала сокрушаться.

Горри, набивъ трубку, освѣдомился равнодушнымъ тономъ:

— А что̀ новаго у сосѣдей? У Мендіондо всѣ ли здоровы?

Старуха, опустивъ глаза, отвѣтила:

— У нихъ горе. Вотъ уже полгода, какъ самъ Мендіондо умеръ отъ простуды.

Горри омрачился. Какая утрата для его жены и для дочери—тоже! Хуана, вѣроятно, очень огорчена?

— Хуана была поддержкою для матери. Она славная дѣвушка.

Сынъ съ удовольствіемъ выслушалъ эту похвалу. Не открыться ли матери? Она будетъ счастлива, услыхавъ о его же-

нитьбѣ на дѣвушкѣ, которую она сама уважаетъ. Но прежде чѣмъ онъ успѣлъ открыть ротъ, старуха проговорила, не поднимая глазъ отъ стола:

— Кажется, она выходитъ замужъ. Г-жа Мендіондо заходила къ намъ—объявить объ этомъ.

Хуана выходитъ замужъ? Хуана? Вѣрно, матери пригрезилось? Но нѣтъ. Она изумленно глядитъ на него. Это правда. Хуана, такъ ласково говорившая съ нимъ, Хуана, приславшая ему образокъ, Хуана съ ея нѣжнымъ лицомъ—станетъ женою другого! Она отдастъ руку другому, она раздѣлитъ его ложе!.. Она...

Горри поднялся. Кровь кипѣла у него въ жилахъ, зубы скрежетали. Онъ пошатнулся, какъ пьяный, ударилъ кулакомъ по столу, у него сорвалось проклятіе.

Старуха вздрогнула, перекрестилась, она съ укоромъ взглянула на него. Но лицо ея сына было такъ искажено, что она замерла на мѣстѣ, пораженная испугомъ.

— Манекъ!

Онъ не слышалъ ее. Волна проклятій поднялась къ его губамъ. Онъ отшвырнулъ стулъ и заходилъ по комнатѣ тяжелыми шагами; грудь его высоко поднималась, кулаки были сжаты. Она выходитъ замужъ! Она, чей образъ онъ носилъ въ сердцѣ, измѣнила ему. Какъ счастливъ Хозе Берропдо! Ему уже не измѣнятъ.

— Развѣ она дала тебѣ обѣщаніе?

Онъ злобно пожалъ плечами. Развѣ идущій въ море рыбакъ вправѣ требовать обѣщанія? Но есть слова и взгляды, которые связываютъ сильнѣе, чѣмъ клятвы. Неужели мать ничего не подозрѣвала? Вѣдь она боялась заговорить съ нимъ о Мендіондо.

Она, дѣйствительно, подозрѣвала кое-что, но не думала, что сынъ ея такъ дорожитъ Хуаною. Мало ли дѣвушекъ въ здѣшнемъ краю?

Не мало, конечно! И тѣ, что̀ зазываютъ къ себѣ по вечерамъ моряковъ,—пожалуй, самыя лучшія. Онн, по крайней мѣрѣ, не лгутъ. Негодяйка! Бранныя слова готовы были сорваться съ его губъ, но Граціанна заступилась за дѣвушку. Если съ ея стороны не было дано обѣщанія, она могла считать себя свободною. Быть можетъ, Манекъ не такъ понялъ ея слова? Два года—долгій срокъ. Притомъ родные такъ настаивали—и не мудрено. Отъ подобнаго брака нельзя отказываться дѣвушкѣ ея сословія.

— За кого же она выходитъ?

За молодого барона д'Армандариксъ, владѣльца зáмка, представителя одного изъ знатнѣйшихъ родовъ? Вотъ какъ! За человѣка благороднаго происхожденія! Но развѣ не всѣ баски благородной крови? Онъ самъ, какъ и послѣдній изъ его матросовъ, равны этому щеголю. Быть можетъ, тамъ, въ Гаскони, во Франціи, они считаются людьми другой породы. И если Горри и баронъ столкнутся на пути, послѣдній долженъ уступить мѣсто первому, какъ старшему изъ нихъ двоихъ. Если же онъ заупрямится...

И корсаръ рѣшительнымъ движеніемъ схватился за рукоять торчавшаго у него за поясомъ пистолета.

Старуха испугалась. Она уже отвыкла отъ гнѣва мужчинъ, и бѣшенство сына глубоко потрясло ее. Руки ея дрожали въ то время, какъ она пыталась его утѣшить. Пусть онъ успокоится, пусть придетъ въ себя. Нельзя обижать сироту, отецъ которой дѣлалъ имъ одно добро... Надо уважать волю Божію.

— Воля Божія? Большое Ему дѣло до насъ!—Съ губъ Горри срывались богохульства; онъ потрясалъ кулакомъ, грозя Младенцу и Мадоннѣ. Старуха попятилась отъ него въ ужасѣ. Не вселился ли въ него самъ сатана? Онъ обезумѣлъ, глаза его дико горятъ и блуждаютъ...

— Замолчи, замолчи!

Крикъ матери заставилъ Горри остановиться. Бѣшенство его сразу упало при видѣ ея измѣнившагося лица, онъ испугался своихъ словъ, сердце его похолодѣло. Онъ произнесъ хулу на Господа! Все закружилось передъ нимъ. Онъ ухватился за шкафъ, чтобы не упасть, провелъ рукою по лбу. Куда дѣвались его мечты? Вотъ каково его возвращеніе въ родной домъ! Онъ обвелъ комнату блуждающимъ взоромъ, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и поднялъ свой берэтъ.

— Куда ты?

Онъ неопредѣленно повелъ рукою. Ему нужно выйти на воздухъ. Пусть она не тревожится, онъ скоро вернется.

Мать не посмѣла его разспрашивать. Бѣдный сынъ ея! Онъ утратилъ разсудокъ, но Господь тронется мольбами матери. Граціанна преклонила колѣни передъ изображеніемъ Мадонны и стала молиться.

Горри быстрыми шагами спускался съ тропинки. Вотъ чтò ждало его! Опять имъ овладѣли жестокія, мстительныя мысли. Онъ останавливался, топая ногою, сжимая кулаки, произнося безсвязныя слова, но уже не богохульствовалъ, и затѣмъ снова шелъ впередъ въ темнотѣ.

Вдругъ онъ услышалъ голоса. Безсознательно онъ пришелъ въ Сенъ-Жанъ-де-Люцъ и былъ уже на мосту. Вотъ первые дома города, встрѣчаются люди, слышны звуки флейтъ и тамбуриновъ, съ площади несется гулъ толпы...

Горри мгновенно овладѣлъ собою. Первый взрывъ отчаянія миновалъ. Гордость не позволяла ему обнаружить его страданія. Онъ снова надѣлъ личину безстрастія, сорванную съ его лица скорбью, и, засунувъ руки въ карманы, пошелъ впередъ небрежною походкою, смѣшавшись съ толпою гуляющихъ.

Тутъ было все народонаселеніе городка: рыбаки, погонщики, торговцы, крестьяне, рабочіе. Все это—въ разстегнутыхъ рубашкахъ, въ курткахъ, переброшенныхъ черезъ плечо, въ берэтахъ набекрень—двигалось и шумѣло. Были тутъ и дѣвушки въ пестрыхъ платкахъ или простоволосыя, смуглыя дѣвушки съ дерзкимъ взглядомъ, граціозныя въ своихъ лохмотьяхъ, бродившія попарно. По случаю хорошей погоды появились и буржуа съ женами.

По близости отъ бывшаго дома Людовика XIV-го толпа была особенно густа. Тамъ на пустыхъ бочкахъ настлали помостъ изъ досокъ, на которомъ помѣстились трое музыкантовъ. Тамбурины, гитара и „chiroula" наигрывали мотивъ фанданго.

Горри подошелъ, расталкивая толпу локтями; многіе узнали его, приподняли берэты; его пропустили въ первый рядъ. Среди танцоровъ онъ узналъ нѣкоторыхъ изъ своихъ матросовъ. Съ блестящими глазами и пылающимъ лицомъ, они всѣ отдавались ритму танца. Пережитыя страданія были позабыты... Горри вздохнулъ.

— Капитанъ! послѣ китовъ—поохотиться за бѣлугою, что-ли?

Арріагъ показывалъ капитану насмѣшливымъ движеніемъ подбородка на высокую, худощавую дѣвушку съ кроваво-красными губами, огненные зрачки которой впивались въ корсара.

Горри улыбнулся старику; глаза всѣхъ обратились на него; пришлось пожать руки стоявшимъ по близости. Между прочимъ, къ нему подошелъ судохозяинъ, г. Лаланнъ, одинъ изъ собственниковъ „Denak-Bat".

— Счастливъ видѣть васъ, monsieur Горри! Каковы результаты?

Отвѣты капитана, видимо, удовлетворили хозяина. Взоръ его оживился.—А что̀, послѣ китовъ, не попробовать ли имъ, дѣйствительно, другой ловли: поохотиться—не за красавицами, а за англичанами?

Два часа тому назадъ, Горри отвѣтилъ бы отказомъ, но теперь—другое дѣло. Онъ сказалъ г. Лаланну, что зайдетъ къ

нему завтра въ контору, переговорить о дѣлахъ, и хотѣлъ уже идти обратно, какъ вдругъ до его плеча кто-то дотронулся.

— Monsieur Горри, поздравляю васъ съ возвращеніемъ.

Съ сіяющимъ лицомъ, съ искреннею радостью въ своихъ прекрасныхъ глазахъ, баронъ д'Армандариксъ протягивалъ ему руку. Машинально Горри подалъ ему свою, которую тотъ нѣсколько разъ пожалъ. Доволенъ ли monsieur Горри своею экспедиціей? Долго ли пробудетъ на родинѣ?

Отвѣчая односложно на вопросы молодого человѣка, Горри старался сдержать безумное біеніе своего сердца. Этотъ человѣкъ отнялъ у него Хуану. Челюсти моряка свело отъ бѣшенства, имъ овладѣвало желаніе убить собесѣдника, и въ то же время онъ чувствовалъ, что не убьетъ. Открытое, честное лицо молодого человѣка внушало уваженіе. Горри противъ воли находился подъ впечатлѣніемъ того почтительнаго чувства, которое искони питали всѣ Горри изъ Сибурры къ владѣльцамъ зàмка Армандариксъ. Всѣ баски—благородной крови, но бароны были первыми людьми въ краю.

— Monsieur Горри, позвольте васъ представить одной достойной уваженія дамѣ, которой извѣстно о вашихъ подвигахъ.

Дамѣ? Горри невольно подумалъ о Хуанѣ; но врядъ-ли она придетъ сюда. Тѣмъ не менѣе, сердце его болѣзненно стучало, покуда онъ шелъ за молодымъ человѣкомъ. Баронъ д'Армандариксъ провелъ его во дворикъ, гдѣ, въ тѣни платановъ, сидѣла на скамьѣ молодая женщина, рядомъ съ которою помѣщались одѣтый въ черное толстякъ и капуцинъ.

— Mademoiselle, вотъ нашъ знаменитый Манекъ Горри, чудесно избавившійся отъ преслѣдованія англичанъ. Капитанъ, представляю вамъ m-lle Коризанду, актрису театра Принцессы, желающую выслушать изъ вашихъ устъ разсказъ о вашихъ геройскихъ дѣлахъ.

Это была не Хуана, и Горри равнодушно поклонился. Ему вспомнилось, что при высадкѣ онъ замѣтилъ въ толпѣ эти кружева и оборки. Но почему баронъ ухаживаетъ за подобною женщиной?

M-lle Коризанда выразила корсару свое удовольствіе по поводу знакомства съ нимъ. Онъ спокойно глядѣлъ на нее. Она хороша собою, очень бѣла, отъ нея исходятъ одуряющія благоуханія; съ нею можно провести вечеръ. Онъ знавалъ подобныхъ женщинъ въ Бордо, съ тою разницею, что у этой менѣе грубый голосъ и не такія рѣзкія манеры.

Г. де-Тремиссанъ, докторъ Кидоржъ, капуцинъ—поочередно

раскланялись съ корсаромъ. Актриса, усадивъ его рядомъ съ собою, начала задавать ему вопросы. Онъ отвѣчалъ отрывисто и разсѣянно, глядя въ пространство.

И вдругъ ему показалось нестерпимо быть здѣсь, рядомъ съ этою дѣвушкою. Рѣзко прервавъ m-lle Коризанду на половинѣ фразы, онъ поднялся, пробормотавъ какое-то извиненіе. Она остановилась, чувствуя нѣкоторое удивленіе.

— Вы устали?

— У меня горе.

Глаза ихъ встрѣтились. Актриса вздрогнула подъ пронизавшимъ ее острымъ, какъ сталь, взглядомъ. Оправившись, она сказала просто:

— Надѣюсь, что мы будемъ друзьями. Я была бы счастлива, еслибы могла облегчить ваше горе.

Онъ покачалъ головою. У проститутокъ зачастую встрѣчается доброе сердце, но ихъ не берутъ въ повѣренныя. Раскланявшись, онъ исчезъ въ толпѣ.

Медленнымъ, усталымъ шагомъ шелъ онъ домой при мерцаньи звѣздъ. Онъ весь переполненъ былъ горечью, душа его была отравлена. Въ теченіе двухъ лѣтъ онъ боролся, молился, переносилъ испытанія, поддерживаемый одною надеждою, и при первомъ же словѣ она угасла, какъ задутая вѣтромъ свѣча. И послѣ этого Бога еще зовутъ милосерднымъ? А вдругъ?.. по тѣлу его пробѣжала дрожь... Что̀ если Богъ милосердія есть въ то же время Богъ, не признающій измѣны? Горри обѣщалъ посвятить себя Богу, но измѣнилъ ему ради земной любви? Не возмездіе ли это?

Окна большой залы были освѣщены. Мать его не спала; она молилась, преклонивъ колѣни передъ Распятіемъ.

V.

Умеръ старикъ Бертранъ Дюаръ, и на похороны его собралось множество народа изъ окрестностей. Горри также явился отдать послѣдній долгъ усопшему, и по окончаніи обряда, наполнившаго его душу торжественно-умиленнымъ чувствомъ, онъ не могъ уклониться отъ участія въ заупокойной трапезѣ. За неимѣніемъ мѣста въ комнатахъ, пришлось накрыть столы передъ домомъ на свѣжемъ воздухѣ. Всѣ кушали съ аппетитомъ и оживленно разговаривали. Это—не обида покойному. Одинъ уходитъ, другіе остаются—таковъ законъ природы.

Горри не былъ голоденъ. Сидя поодаль подъ лавровымъ кустомъ, онъ разсѣянно смотрѣлъ на тропинку. Солнце сѣло. И на душѣ у него было безрадостно, но тихо. Черезъ три недѣли жизнь пойдетъ своимъ чередомъ безъ него; „Denak-Bat" вооружается, и, быть можетъ, на этотъ разъ онъ уже не вернется.

Листва зашевелилась. Горри обернулся. Къ нему приближалась стройная фигура въ черномъ. Траурный чепецъ обрамлялъ лицо Мадонны въ ореолѣ блѣдно-золотистыхъ волосъ. Корсаръ вздрогнулъ. Хуана Мендіондо тихо заговорила съ нимъ.

— Я искала васъ, Манекъ Горри. Могу я присѣсть рядомъ съ вами?

Онъ подвинулся, Хуана сѣла. Въ своей траурной одеждѣ она казалась еще болѣе хрупкою, почти безплотной. Горри уже не испытывалъ гнѣва, но какое-то чувство не то уваженія, не то неловкости, безконечно мучительное. Молодая дѣвушка также была взволнована, руки ея мяли длинные стебли травы, но Горри замѣтилъ подъ ея черными митэнками ярко блеснувшій дорогой перстень. Хуана невольно прикрыла руку концомъ косынки, словно угадывая его мысли.

— Я надѣялась, что вы придете къ намъ, Манекъ.

Онъ покачалъ головою. Учтивость требовала того, чтобы онъ посѣтилъ Мендіондо, но онъ не могъ этого сдѣлать.

— Я угадала, что вы не придете. Вѣдь я не ошиблась?

Онъ молча наклонилъ голову. Дѣвушка заволновалась.

— Манекъ, я хотѣла бы, чтобы вы не презирали меня. Позвольте мнѣ все разсказать вамъ.

Когда отецъ ея заболѣлъ, онѣ съ матерью сразу догадались, что тутъ дѣло не въ одной болѣзни. Къ нимъ сталъ заглядывать какой-то человѣкъ подозрительной наружности; къ удивленію Хуаны, мать ея о чемъ-то съ нимъ шепталась; однажды Хуана разслышала рыданія, угрозы. Въ эту ночь отецъ едва не умеръ. Два дня спустя, къ нимъ явился впервые баронъ д'Армандариксъ; онъ заперся наединѣ съ больнымъ, и послѣ его ухода Хуана нашла отца преображеннымъ: онъ плакалъ отъ радости. Съ тѣхъ поръ баронъ сталъ часто бывать у нихъ, и при уходѣ обмѣнивался съ Хуаною нѣсколькими словами. Такъ продолжалось цѣлый мѣсяцъ. Однажды онъ привезъ имъ какую-то бумагу, и отецъ, уже совсѣмъ ослабѣвшій, приподнялся, чтобы поблагодарить молодого человѣка и прошептать: „Неужели я умру, не отдавъ вамъ своего долга?" А баронъ, взглянувъ на нее, сказалъ: „Если вы желаете, я буду вашимъ должникомъ". Три дня спустя, онъ попросилъ ея руки. Умирающій черезъ силу проговорилъ:

„Баронъ желаетъ жениться на тебѣ. Онъ уплатилъ нашъ долгъ и спасъ честь нашей семьи“.

Хуана смолкла на минуту, и затѣмъ прошептала:

— Манекъ Горри, мы не были помолвлены.

Онъ снова кивнулъ головою, какъ бы соглашаясь съ нею. Быть можетъ, на его мѣстѣ другой влюбленный напомнилъ бы о правахъ любви, но у басковъ честь, долгъ, отцовская власть—имѣютъ преимущество надъ чувствомъ.

— Вы не имѣли права отказать.

Онъ ощутилъ облегченіе при мысли, что ему не придется презирать ее, но ему хотѣлось знать еще одно, и онъ тихо спросилъ:

— Значитъ, вы не любили его?

Лицо Хуаны вспыхнуло, съ секунду она колебалась, но затѣмъ мужественно взглянула ему въ лицо.

— Тогда еще не любила.

Горри опустилъ голову. Теперь она любитъ его. Все кончено. Чаша выпита до дна, но горькаго осадка нѣтъ. Хуана не солгала, она благородна и смѣла, она была бы достойною его женою.

Впервые глаза его затуманились, но онъ твердо сказалъ:

— Будьте счастливы.

— Благодарю.

Руки ихъ встрѣтились, и усиліе, которымъ онъ побѣдилъ возмущеніе, въ немъ бушевавшее, наполнило его сердце радостью жертвы. Пусть сердце его обливается кровью, но онъ побѣдилъ искушеніе. Хуана будетъ женой другого. Чтὸ же изъ того? Она уже принадлежитъ ему. Жертва принесена.

— Хуана, я буду молиться за васъ.

— Да, помолитесь за меня.

Чтὸ значитъ это волненіе, эта блѣдность? Глаза ея устремлены вдаль, она что-то увидѣла... Манекъ наклонился впередъ, брови его были сдвинуты...

Опять эта женщина? Онъ уже не въ первый разъ встрѣчаетъ ее, и она ищетъ случая съ нимъ заговорить; только-что сейчасъ онъ видѣлъ ее въ церкви. Теперь она жеманится, волоча по камнямъ свое шолковое платье, а рядомъ съ нею идетъ человѣкъ, до такой степени ею увлеченный, что онъ ничего не видитъ вокругъ себя. Это—Менотоксъ д'Армандариксъ.

Онъ прошелъ мимо невѣсты, даже не замѣтивъ ее. Глаза Хуаны сдѣлались влажны; она кусала губы для того, чтобы не разрыдаться. Горри спросилъ:

— Хотите, я позову его?

— Лучше умереть!

Ея слова оказались сильнѣе ея воли, гордость измѣнила ей, и слеза за слезою покатились по ея щекамъ. Горри слѣдилъ взоромъ за гуляющими, онъ услышалъ смѣхъ актрисы, и гримаса презрѣнія тронула его губы. Онъ поднялся, положилъ руку на плечо молодой дѣвушки и проговорилъ очень кроткимъ братскимъ голосомъ:

— Довѣрьтесь мнѣ. Положитесь на Горри.

На открытой сценѣ мѣстечка Jaгe шло представленіе пасторали, на которое ежегодно собираются любители зрѣлищъ— отъ Молеонъ до Андэ; по праздничному одѣтые, готовые развлекаться и поучаться, они располагаются на скамьяхъ, разставленныхъ по всей площади, обращенной въ театральный залъ. Многимъ приходится стоять.

Сцена устроена изъ досокъ, настланныхъ на пустыя бочки; она убрана матеріями, цвѣтами, лентами и прислонена къ дому, окна котораго служатъ дверями. Въ одномъ изъ оконъ видны представители добраго начала: ангелы въ лазоревыхъ одѣяніяхъ, паладины, жены ихъ, Карлъ Великій, герои мистеріи. Другое отведено одѣтымъ въ красное чертямъ, англичанамъ, маврамъ, олицетворяющимъ злое начало. Всѣ роли исполняются—во избѣжаніе соблазна—мужчинами.

Взрывъ смѣха и рукоплесканій привѣтствуетъ актеровъ. Добродѣтельные персонажи спускаются на сцену по лѣстницѣ, адскіе духи выкидываютъ всевозможныя штуки, затѣмъ одни уходятъ направо, другіе — налѣво. Остается лишь исполнитель пролога.

— Добрые люди,—обращается онъ къ публикѣ,—пошли вамъ Господь терпѣнія для того, чтобы выслушать насъ!

Онъ излагаетъ сюжетъ пьесы, добавивъ къ нему нѣсколько разсужденій моральнаго характера. Режиссеръ подаетъ знакъ, спектакль начинается. Передъ зрителями развертывается чудесная эпопея Карла Великаго и его рыцарей, проявляющихъ свое мужество и героизмъ среди самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ; тщетно мавры и англичане употребляютъ противъ нихъ всѣ свои ухищренія. Въ самыя опасныя минуты ангелы являются къ нимъ на помощь; злые падаютъ одинъ за другимъ, и энтузіазмъ публики таковъ, что сторожамъ приходится во все горло кричать: „Тише! Тише!“ Добродѣтель торжествуетъ, порокъ проваливается въ преисподнюю.

Покуда распорядители обходили ряды съ тарелочкой и скамьи

отодвигались для того, чтобы очистить мѣсто для предстоящихъ танцевъ, m-lle Коризанда благодарила барона за то, что онъ привелъ ее на это развлеченіе.—Не показалась ли ей игра деревенскихъ актеровъ черезчуръ грубою?—Ничуть, напротивъ она восхищена ихъ искренностью и непосредственностью.

Прекрасный день располагалъ красавицу къ снисходительности. Общее вниманіе льстило ей, а рыцарское соревнованіе шевалье и барона поднимало ея настроеніе. Отправивъ отца Мениссье на поиски непостижимо исчезнувшей Нанонъ, она оперлась на руку барона и стала медленно подниматься съ нимъ по тропинкѣ, между тѣмъ какъ шевалье шелъ позади, свирѣпо разбрасывая камешки кончикомъ своей трости.

На поворотѣ тропинки сидѣвшій подъ деревомъ человѣкъ такъ быстро вскочилъ на ноги, что m-lle Коризанда вскрикнула отъ испуга.

— Развѣ вы не узнаете monsieur Горри?—спросилъ баронъ.

Хотя Горри былъ принятъ какъ равный въ лучшихъ домахъ, онъ всегда носилъ національный костюмъ: красный берэтъ и того же цвѣта шолковый поясъ, бѣлую рубашку безъ галстука, обнажавшую мускулистую шею и застегнутую серебряной пряжкой, панталоны изъ сукна и бѣлые штиблеты; на рукѣ у него висѣла на шнуркѣ окованная желѣзомъ трость „makhila“.

M-lle Коризанда сдѣлала движеніе досады; она была обижена тѣмъ, что онъ, очевидно, избѣгалъ ее, и находила его безобразнымъ; ее смущалъ взоръ его слегка косившихъ глазъ, разсматривавшихъ ее въ эту минуту. Но въ своемъ простомъ костюмѣ онъ былъ изященъ съ оттѣнкомъ какой-то хищной граціи, что невольно привлекло ея вниманіе, и она рѣшила, что не слѣдуетъ проявлять мелочной обидчивости.

— Monsieur Горри, если я не пугаю васъ сегодня, можетъ быть вы не откажетесь выпить съ моими друзьями стаканъ манзаниллы?

Не отвѣчая ей, корсаръ обратился къ барону.

— Меня послали къ вамъ m-lle Мендіондо и ея мать. Онѣ ждутъ васъ близъ гостинницы Шабіола.

Баронъ густо покраснѣлъ, онъ колебался. Но Горри спокойно продолжалъ:

— Надѣюсь, что m-lle Коризанда васъ извинитъ и позволитъ мнѣ предложить ей мое общество?

Баронъ въ нерѣшимости взглянулъ на актрису, но, оскорбленная его неловкостью и властнымъ тономъ корсара, она сказала сухо:

— Если васъ ждутъ, ступайте же.

Д'Армандариксъ, пробормотавъ сконфуженно какія-то извиненія, удалился поспѣшными шагами; шевалье проводилъ его взоромъ не безъ чувства удовлетворенія. Но m-lle Коризанда, вспомнивъ свое искусство, улыбнулась презрительною улыбкою и проговорила тономъ Роксаны:

— Удивляюсь, monsieur, что, имѣя къ барону такое важное порученіе, вы ждали его на дорогѣ.

Манекъ хладнокровно разсматривалъ актрису: она—недурна собою, нѣсколько тщедушна, слишкомъ раздушена. Неужели изъ-за нея Менотоксъ пренебрегаетъ своею невѣстою?

— Могу ли я ожидать, что вы разъясните мнѣ?..

— Mademoiselle Мендіондо не давала мнѣ порученія, но я подумалъ, что мѣсто ея жениха возлѣ нея, а не возлѣ васъ. Притомъ я хотѣлъ говорить съ вами.

У m-lle Коризанды отъ гнѣва раздулись ноздри, но она отвѣтила тономъ знатной дамы:

— Несмотря на пробѣлы вашего образованія, вы должны были бы знать, что каждый, кого я удостоиваю моимъ обществомъ, долженъ считать за честь — быть возлѣ меня. И барону ближе объ этомъ судить, чѣмъ вамъ. А теперь я не безъ любопытства ожидаю сообщеній, которыми вамъ угодно почтить меня.

Горри такъ рѣзко опустилъ руку на плечо актрисы, что она попятилась.

— Вотъ что̀. Я не воспитанъ, это правда. Поэтому не удивляйтесь, если я выскажусь безъ обиняковъ. Вамъ не слѣдуетъ посѣщать барона д'Армандарикса; онъ помолвленъ съ молодою дѣвушкой, вполнѣ его достойной. Пусть другіе ухаживаютъ за вами, а не онъ. Понимаете?

Слова его были такъ далеки отъ того, что̀ m-lle Коризанда могла себѣ представить, что она чуть не задохнулась. Этотъ неописанный грубіянъ принимаетъ ее, кажется, за продажную женщину? Краска гнѣва прилила къ ея щекамъ, и она проговорила тономъ Роксаны, къ которому примѣшивалось достоинство рода Мишо̀:

— Съ чего вы взяли, что я завлекаю барона? Вы еще болѣе дерзки, чѣмъ глупы.

Въ сѣрыхъ глазахъ корсара вспыхнули искры, но она безъ страха выдержала его взглядъ.

— Не будемъ играть словами. Такая женщина, какъ вы, отлично знаетъ, какъ можно завлечь или оттолкнуть мужчину. Когда сегодня баронъ вернется къ вамъ, пусть это будетъ въ послѣдній разъ. Обѣщайте мнѣ это.

Дерзость подобнаго требованія взбѣсила m-lle Кориванду. Она искала: чѣмъ бы ей запустить въ этого неуча, но, не найдя подъ рукою метательнаго снаряда, могла только проговорить:

— А если я откажусь?

— Если вы откажетесь?..

Горри неожиданно улыбнулся—лукавою, почти мальчишескою улыбкою.

— Ну, въ такомъ случаѣ я заставлю васъ повиноваться мнѣ.

Онъ хотѣлъ схватить ее за руку, но испуганная актриса крикнула:

— Шевалье, помогите! Меня оскорбляютъ!

Г. де-Тремиссанъ поспѣшно подошелъ, положивъ руку на эфесъ шпаги. Горри почувствовалъ облегченіе, увидѣвъ передъ собою мужчину. Онъ хотѣлъ быть менѣе грубымъ, но дерзость этой особы взбѣсила его. M-lle Коризанда, обратившаяся въ фурію, взвизгивала:

— Посмѣйте повторить ваши оскорбленія передъ шевалье! Вы не посмѣете, дерзкій негодяй!

Горри пожалъ плечами.

— Я предложилъ этой дамѣ—быть можетъ, въ нѣсколько рѣзкой формѣ—прекратить знакомство съ барономъ. Развѣ это ужъ такъ нелѣпо?

Шевалье внимательно посмотрѣлъ на баска и актрису; онъ совсѣмъ не находилъ этого совѣта нелѣпымъ, но m-lle Коризанда продолжала вопить. Если онъ любитъ ее, онъ долженъ за нее заступиться, и шевалье, осчастливленный подобнымъ обращеніемъ, проговорилъ воинственнымъ тономъ:

— Въ виду того, что mademoiselle считаетъ себя оскорбленной, вы обязаны передъ нею извиниться.

Горри, потерявъ терпѣніе, крикнулъ:

— Я думалъ, что вы—возлюбленный этой женщины, но, можетъ быть, вы при ней состоите для услугъ?

Съ секунду шевалье стоялъ съ разинутымъ ртомъ, затѣмъ, весь побагровѣвъ, онъ кинулся съ обнаженною шпагою на обидчика, но Горри отступилъ на шагъ, покрутилъ въ воздухѣ своею страшною тростью, которая тяжело опустилась на руку шевалье, и черезъ мгновеніе тотъ уже лежалъ на землѣ, корчась отъ боли, съ перебитою кистью руки. M-lle Коризанда страшно вскрикнула, а Горри, хладнокровно поднявъ шпагу шевалье, переломилъ ее о колѣно, бросилъ осколки ея въ траву, и повторилъ:

— Помните, что я запретилъ вамъ видаться съ барономъ.

Онъ повернулся и исчезъ. Это было уже слишкомъ. M-lle

Коризанда, безсильно потрясая кулаками, прислонилась къ дереву, подъ которымъ лежалъ почти лишившійся чувствъ шевалье.

Южный вѣтеръ стихъ, нечѣмъ было дышать, и вода казалась черною при свѣтѣ яркихъ звѣздъ. Въ воздухѣ чувствовалось приближеніе грозы, по временамъ на горизонтѣ сверкали зарницы. Хорошая погода для того, чтобы завтра выйти въ море.

„Denak-bat“ покачивался, стоя на якоряхъ, подобно нетерпѣливому коню, грызущему удила. Все готово. Горри простился съ судохозяиномъ и обѣщалъ ему быть осторожнымъ. Кампанія началась несчастливо: два судна изъ Сенъ-Жанъ-де-Люцъ уже были захвачены англичанами, и не далѣе какъ сегодня „Мари-Жанна“, вышедшая два мѣсяца тому назадъ такою кокетливою и нарядною, вернулась въ гавань съ сильнымъ креномъ со стороны бакборта, съ изорванными парусами, поломанными снастями и половиною экипажа. Такимъ, быть можетъ, вернется и „Denak-Bat“, если только онъ вернется. Но не все ли равно? А покуда матросы, получившіе подъемныя, кутятъ во всю, и въ городѣ звучатъ мотивы фанданго, наигрываемые бродячими оркестрами.

M-lle Коризанда со своею свитой также собралась въ экспедицію: ей вздумалось посѣтить мѣстную колдунью. Все это время она чувствовала себя побѣдительницею, и, на зло Горри, чаще, чѣмъ когда-либо, показывалась подъ-руку съ барономъ. Она даже посѣтила зàмокъ его предковъ. Раздумывая о странномъ поведеніи пирата, она пыталась объяснить его лестнымъ для себя образомъ, дававшимъ ключъ къ чрезмѣрной дерзости этого первобытнаго человѣка, охваченнаго дикою страстью къ женщинѣ, стоявшей неизмѣримо выше его.

Шевалье, влюбленный еще болѣе прежняго, явился въ назначенный часъ; онъ до сихъ поръ носилъ руку на перевязи. M-lle Коризанда нетерпѣливо спросила:

— Эта женщина насъ ожидаетъ? Отлично. Отецъ Мениссье, докторъ, Нанонъ, готовы ли вы?

Шевалье предложилъ ѣхать въ экипажѣ. Актриса отвергла его предложеніе. Развѣ можно отправляться на шабашъ къ вѣдьмѣ иначе какъ на метлѣ? За неимѣніемъ метлы, они пойдутъ пѣшкомъ, докторъ можетъ дорогою философствовать, чтобы сократить время, а отецъ Мениссье будетъ освѣщать имъ путь фонаремъ.

Они миновали послѣдніе городскіе дома и свернули на тропинку, шедшую между изгородей. Звѣзды трепетно мерцали, воздухъ былъ тяжелый, грозовой. Гдѣ-то пропѣлъ пѣтухъ.

Шевалье, которому мерещились всевозможныя опасности, совѣтовалъ вернуться. M-lle Коризанда разсмѣялась. Если онъ боится, Нанонъ можетъ проводить его домой. Но вотъ и жилище сивиллы. Актриса рѣшительно постучала дверным молоткомъ, имѣвшимъ форму совы. Старуха провела ихъ въ низенькую комнату, въ которой не замѣчалось никакихъ слѣдовъ колдовства, ни череповъ, ни костей, ни котловъ съ зельемъ и прочихъ аттрибутовъ черной магіи.

— Да это похоже на обыкновенный домъ, — прошептала разочарованная актриса.

— Не уйти ли намъ?—спросилъ шевалье, которому не нравилось это гаданье.

Старуха, не обращая на нихъ вниманія, что-то бормотала, сидя на корточкахъ передъ огнемъ. Но вдругъ она указала костлявымъ пальцемъ на ручку m-lle Коризанды, лежавшую на колѣняхъ актрисы, и проговорила по-французски:

— Хорошенькая ручка.

Она бросила на огонь горсточку душистаго порошку, напоминавшаго запахъ ладана, и, присѣвъ на полу возлѣ актрисы, положила на свою темную сморщенную ладонь ея бѣлорозовую ручку.

— Богатая рука... Счастливая рука... Ха! ха! Мужчины бѣгаютъ, женщины ревнуютъ...

Глаза ея засверкали, она заговорила на своемъ родномъ языкѣ съ удивительною быстротою.

— Много мы поняли, нечего сказать!—усмѣхнулся докторъ.

M-lle Коризанда нетерпѣливо прервала колдунью:

— Я васъ не понимаю. Отвѣтьте мнѣ на одинъ вопросъ... Любовь—вы понимаете это слово? Я никогда не любила... Полюблю ли я когда-нибудь?

Губы старухи шевелились, она низко склонилась надъ рукою и вдругъ, выпрямившись, ткнула молодую женщину пальцемъ въ грудь и разсмѣялась.

— Лжешь. Мюргюи нельзя обмануть! Мюргюи читаетъ въ сердцахъ. Ты любишь.

Актриса пожала плечами, но старуха еще настойчивѣе повторила:

— Любишь, любишь, любишь!

Отъ запаха куреній и масла можно было задохнуться. Шевалье сунулъ двѣ золотыхъ монеты въ руку старухи, и общество двинулось къ выходу. На дворѣ порывомъ вѣтра загасило фонарь; покуда они были у колдуньи, буря разыгралась, небо оку-

талось густыми тучами, вѣтеръ срывалъ листья съ деревъ. Кидоржъ, послѣ неудачныхъ попытокъ засвѣтить фонарь, первый пошелъ впередъ; за нимъ слѣдовалъ близорукій шевалье, онъ бранился и ворчалъ; Нанонъ хныкала; отецъ Мениссье кротко утѣшалъ ее. Актриса, погруженная въ свои мысли, молчала. Но вдругъ шевалье остановился.

— Мы сбились съ дороги.

— Я попалъ въ болото,—закричалъ Кидоржъ.

Отецъ Мениссье вызвался пойти поискать проводника. Кидоржъ, увязившій въ грязи свой башмакъ, ругался какъ язычникъ.

Черезъ нѣсколько минутъ послышались шаги.

— Отецъ Мениссье, это вы?

Прежде чѣмъ она успѣла повторить свой вопросъ, двѣ сильныхъ руки обхватили актрису. Она хотѣла крикнуть на помощь, отбиваться, но ей заткнули ротъ платкомъ, завернули во что-то съ головой и понесли. Ей показалось, что она задыхается, умираетъ, и она непритворно лишилась сознанія.

Съ франц. О. Ч.

ВОПРОСЫ ИСКУССТВА

ВЪ

СОВРЕМЕННЫХЪ ЕГО ОТРАЖЕНІЯХЪ

Окончаніе *).

VI.

Лозунгомъ новаго пониманія искусства стало, какъ мы видѣли, освобожденіе его отъ какой бы то ни было служебной роли. Старое дѣленіе на искусство для искусства и искусство для жизни теряло свой смыслъ съ той точки зрѣнія, которая утверждала принципъ „превращенія жизни въ красоту". Намѣчалось, такимъ образомъ, два момента, изъ которыхъ первый дѣлалъ искусство самоцѣльнымъ, а второй настолько сливалъ и вливалъ его въ жизнь, что самоцѣльность искусства претворялась въ самоцѣльность жизни — въ новомъ эстетическомъ міропониманіи. Старый завѣтъ — „жизнью пользуйся живущій"—расширяется и углубляется, главнымъ образомъ, смѣлымъ и яснымъ противоположеніемъ своего „я" всѣмъ стихіямъ міра, счастью и мукамъ, борьбѣ и замиранью, тому, что̀ творится внѣ насъ, и тому, что̀ составляетъ „музыку души", ея ощущенія, радости и тревоги. Расширенный и вмѣстѣ крайній индивидуализмъ, развившійся въ этомъ направленіи, не терпитъ никакихъ догмъ и запретовъ для мысли и чувства:—я открытъ міру, и міръ долженъ быть открытъ для меня,—говоритъ онъ:—его звуки и краски—

*) См. выше: мартъ, стр. 278.

мои, а то, чѣмъ полна моя душа, ея отраженья, мои пѣсни— лишь бы онѣ были прекрасны — я отдаю міру беззаботно и вольно: я хочу, чтобы міръ былъ свободенъ такъ же, какъ свободенъ я въ своемъ воспріятіи и пониманіи его... Бальмонтъ, наиболѣе экспансивный поэтъ послѣдняго десятилѣтія, выразилъ существо эстетическаго индивидуализма этого рода символами всеобъемлемости и безбрежности: „Огонь, Вода, Земля и Воздухъ—четыре царственныя Стихіи, съ которыми неизмѣнно живетъ моя душа въ радостномъ и тайномъ соприкосновеніи. Ни одного изъ ощущеній я не могу отдѣлить отъ нихъ, и помню о ихъ Четверогласіи всегда... Я люблю всѣ Стихіи равно, хотя по разному. И знаю, что каждая стихія бываетъ ласкающей, какъ колыбельная пѣсня, и — страшной, какъ шумъ приближающихся вражескихъ дружинъ, какъ взрывы и раскаты дьявольскаго смѣха.

„Вода нѣжнѣе Огня, оттого что въ ней женское начало, нѣжная влажная всевоспринимаемость. Огонь не такъ нѣженъ, порой, но онъ сильнѣе, сложнѣй и страшнѣе, онъ сокровеннѣй и проникновеннѣе. Въ Воздухѣ тонутъ взоры, и душа уносится къ Вѣчному, въ бѣлое Царство Безтѣлесности. Земля роднѣй намъ всѣхъ другихъ Стихій—высотъ и низинъ — и къ ней радостно прильнуть съ дрожаніемъ счастья въ груди и съ глухимъ сдавленнымъ рыданіемъ.

„Всѣ Стихіи люблю я, и ими живетъ мое творчество“...

Поэтъ, любящій „всѣ стихіи“, могъ слагать не только гимны солнцу, красотѣ и веснѣ, но и смотрѣть на себя, какъ на ткача вѣчной нити:

Межъ прошлымъ и будущимъ нить
Я тку неустанной проворной рукою:
Хочу для грядущихъ столѣтій покорно и честно служить
Борьбой, и трудомъ, и тоскою,—

Тоскою о томъ, чего нѣтъ,
Что дремлетъ пока, какъ цвѣтокъ подъ водою,
О томъ, что когда-то проснется чрезъ многія тысячи лѣтъ,
Чтобъ вспыхнуть падучей звѣздою.

Есть много не сказанныхъ словъ
И много созданій, не созданныхъ нынѣ,—
Ихъ столько же, сколько песчинокъ среди безконечныхъ песковъ,
Въ нѣмой аравійской пустынѣ...

Конечно, для того, чтобы видѣть, съ вершины своего „я“, и „выси горъ“, и глубокія низины четвертой стихіи, Земли, и солнце, и ничѣмъ не стѣсняемый кругозоръ,— поэтъ долженъ

былъ создать своему „я“ высокій, недосягаемый пьедесталъ, чтобы быть ближе къ вѣчности безпредѣльнаго неба и выше высей земли. Отсюда—самовозвеличеніе, самообожествленіе, доходящее у нѣкоторыхъ представителей современной поэзіи до кривлянія и уродства.

Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, поэтъ привязанъ къ землѣ, онъ слышитъ ея крики, и мольбы и стоны, и въ то время, какъ душа его тянется къ небу и солнцу, въ умѣ рождается полный неразрѣшимаго трагизма, извѣка скорбный вопросъ:

Господь, Господь, внемли, я плачу, я тоскую,
Тебѣ молюсь въ вечерней мглѣ.
Зачѣмъ ты даровалъ мнѣ душу неземную—
И приковалъ меня къ землѣ?

Тотъ, у кого родился такой вопросъ, не успокоится на плѣнительной передачѣ душевныхъ ощущеній, на гимнахъ красотѣ и любви, на „увѣковѣченіи мгновеній“. Часть творчества его неминуемо окрасится трагизмомъ порыва къ разрѣшенію этого по-истинѣ непосильнаго для человѣчества противорѣчія между землей и небомъ, матеріей и духомъ, которое порождаетъ мучительные призраки свѣта и мрака въ душѣ, не мирящейся съ сумерками обыденности и „мѣщанства“. Новѣйшему Фаусту, къ тому же одаренному поэтической душой, труднѣе, чѣмъ одно или нѣсколько столѣтій назадъ, когда его могли поддерживать надежды на успѣхи алхиміи или дьявольскія чары; теперь и чарами Гретхенъ не заставить поэта продать свою душу, если только въ этой душѣ горитъ или даже теплится вопросъ: „зачѣмъ?“—въ ея блужданіяхъ между землей и небомъ.

Чуткій поэтъ будетъ съ неменьшей напряженностью отыскивать красоту живой „динамической“ современности, чѣмъ статику ея отраженій въ своей душѣ. Съ такимъ же біеніемъ сердца онъ будетъ прислушиваться къ шуму городовъ и гулу орудій, какъ и къ тѣмъ грезамъ, которыя создадутъ въ его душѣ міръ воздушныхъ и нѣжныхъ призраковъ, или къ тѣмъ мукамъ, которыя заполонятъ сердце отчаяніемъ и мракомъ. И творчествомъ своимъ онъ не только будетъ „превращать жизнь въ красоту“, но и вносить красоту въ жизнь. И поэзія его будетъ стихійно - отзывчива, какъ сама жизнь. Она безразлична къ добру и злу, къ правдѣ и лжи, къ добродѣтели и пороку. „Я не обрывъ, не тьма, а вольный сынъ мечты“,—говоритъ современный поэтъ. Если онъ истинный сынъ Аполлона, пѣсни его подхватятъ люди, и каждый изъ нихъ выберетъ себѣ то, на что отзовется его душа:

Смотри, какъ звѣзды въ вышинѣ
Свѣтло горятъ тебѣ и мнѣ.
Онѣ не думаютъ о насъ,
Но свѣтятъ намъ въ полночный часъ.

Прекрасенъ ими небосклонъ,
Въ нихъ вѣченъ свѣтъ, и вѣченъ сонъ;
И кто ихъ видитъ—жизни радъ,
Чужою жизнію богатъ.

Истинное творчество должно обогащать жизнь красотой, проникновенностью, новыми „прорывами" мысли и чувства, чрезъ которые въ душу, опутанную тиной повседневности и борьбы, проглянутъ солнечные лучи „радости жизни" и вызовутъ порывъ ея наибольшей напряженности и полноты. Въ этомъ „обогащеніи" жизни и заключается важнѣйшая задача искусства. Но, конечно, не у всякаго современнаго поэта творчество ведетъ къ „обогащенію".

Затѣмъ, есть еще одинъ признакъ у современнаго пониманія искусства, который налагаетъ на него рѣзкій отпечатокъ: стремленіе отдѣлить личность поэта, художника отъ того, что̀ онъ поетъ. Пѣсни его—пѣсни стихій міра: въ нихъ—порывы вѣтра, „полнозвучное" пѣнье моря, „горѣнье" солнца, скорби земли. Въ символахъ, преображенныхъ душой поэта, — онъ самъ, весь въ многоцвѣтности и „изломахъ" своей души, въ ея красотѣ и безобразіи. Душа эта передъ вами—она побѣждаетъ вашу душу или не „пріемлется" ею, но эта душа — поэта, не человѣка. Человѣкъ взлелѣялъ въ себѣ поэта, и поэтъ вышелъ къ вамъ, думая о своихъ пѣсняхъ, нерѣдко, болѣе, чѣмъ о тѣхъ, кто будетъ его читать или слушать открытый и замкнутый, безпечный и боготворящій поэтическій огонь своей души. Онъ, какъ его стихъ,—„для всѣхъ и ничей". Но не судите по его стихамъ о томъ, каковы его нравственныя качества. Не забывайте, что онъ сказалъ:

Все равно мнѣ, человѣкъ плохъ или хорошъ,
Все равно мнѣ, говорить правду или ложь...

Отрицайте или „признавайте" поэта, уноситесь съ нимъ мечтой, сочувствуйте его печалямъ, выражайте тоску вашей души его словами, смѣйтесь съ нимъ или надъ нимъ — это ваш право, но не дѣлайте сопоставленій, чтобы доказать противорѣчія его убѣжденій, несогласованность его настроеній въ отно шеніи къ самымъ, подчасъ, кореннымъ вопросамъ современност и жизни.

Одинъ и тотъ же поэтъ можетъ говорить о своемъ желаніи служить грядущимъ столѣтіямъ „покорно и честно“,—съ борьбой и трудомъ и тоскою... Рѣзвившійся еще вчера до ребячества, отвергавшій все, кромѣ любви и наслажденій, поэтъ можетъ бросить свой „самовлюбленный“ стихъ въ разгаръ внутренней борьбы, загремѣть грозой негодованія и гнѣва. Берите и эти пѣсни, какъ пѣсни, съ которыми—если онѣ воспламенятъ васъ—вы можете броситься въ битву, но не говорите объ искусственности или искренности порыва самого поэта.

Поэтъ самъ баюкаетъ, очаровываетъ себя своими же стихами, онъ „упивается“, по слову Пушкина, ихъ гармоніей, онъ въ нихъ влюбленъ, бредитъ ими и перевоплощаетъ въ нихъ себя и весь отдается имъ. Въ ихъ измѣнчивости — вѣчная сказка поэзіи, обманы души, призраки воображенія, очарованность чувства. Помните у Алексѣя Толстого пьесу, полную символовъ, раскрываемыхъ — лишь въ наши дни — современнымъ пониманіемъ искусства:

Онъ водилъ по струнамъ. Упадали
Волоса на безумныя очи.
Звуки скрипки такъ дивно рыдали,
Раздаваясь въ безмолвіи ночи.
Ихъ разсказъ упоительно-лживый
Развивалъ невозможную повѣсть,
И змѣинаго цвѣта отливы
Волновали и мучили совѣсть...

И въ отвѣтъ „упоительно-лживому разсказу“ въ душѣ тѣхъ, кто слышали его, поднималась правда *ихъ* жизни, терзалась правда *ихъ* совѣсти, загорались огоньки ихъ воспоминаній о томъ, что̀ было и—увы!—не вернется вновь.

Обвиняющій слышался голосъ,
И рыдали въ отвѣтъ оправданья,
И безсильная воля боролась
Съ возростающей бурей желанья;
И въ туманныхъ волнахъ рисовались
Берега позабытой отчизны,
Неземныя слова раздавались
И манили назадъ съ укоризной;
И такъ билося сердце тревожно,
Такъ ему становилось понятно
Все блаженство, что̀ было возможно
И потеряно такъ невозвратно.
И къ себѣ безпощадная бездна
Свою жертву, казалось, тянула,

А стезею лазурной и звѣздной
Ужъ полнеба луна обогнула.
Звуки пѣли, дрожали такъ звонко,
Замирали и пѣли сначала...

Но о томъ, кто очаровалъ и измучилъ нашу душу своей „невозможной повѣстью", — что̀ знаемъ мы о немъ изъ пьесы Алексѣя Толстого? Одинъ — случайный и — фатальный — признакъ:

Бѣглымъ пламенемъ синяя жженка
Музыканта лицо освѣщала...

Дѣло не въ немъ, а въ его душѣ, въ его смычкѣ, въ волшебномъ смычкѣ истиннаго искусства, которымъ артистъ выражаетъ себя, свои грезы, призраки, все, чѣмъ онъ хочетъ обмануть себя и другихъ. И само искусство является тѣмъ инструментомъ, которымъ, съ бо̀льшимъ или мѐньшимъ напряженіемъ чувства, мастерствомъ, техникой, виртуозностью владѣетъ поэтъ. И можно ли говорить о добродѣтеляхъ віолончели или порочности скрипки? И обязательно ли любителю музыки интересоваться направленіемъ гражданскихъ чувствъ композитора, если онъ не дѣлаетъ ихъ — по своей волѣ и призванію — содержаніемъ своей пьесы?

И вмѣстѣ съ тѣмъ, искусство — не только віолончель или скрипка...

VII.

Такимъ образомъ, искусство есть все-таки средство? Да, средство для выраженія претворенной въ душѣ художника красоты жизни, но нѣкоторые поэты дѣлаютъ его цѣлью, и это полагаетъ извѣстное различіе между двумя категоріями; одни — крайніе индивидуалисты въ напряженныхъ исканіяхъ новыхъ сторонъ жизни, еще не превращенныхъ въ красоту поэзіи, другіе — искатели новыхъ формъ для этого превращенія. Болѣе талантливые изъ поэтовъ нашихъ дней, теперь уже, впрочемъ, далеко не новѣйшіе — Бальмонтъ и Брюсовъ — развили въ себѣ способность соединять разносторонность содержанія съ виртуозностью стиха, причемъ у перваго — прекраснѣе форма, у второго — шире область поэтическихъ наблюденій. Въ одномъ изъ оригинальнѣйшихъ своихъ стихотвореній, гдѣ поэтъ именно воплощаетъ себя въ стихѣ, и говоритъ (что̀ нужно особенно замѣтить) отъ имени стиха, — Бальмонтъ выразилъ внутреннее тяготѣніе русскаго стиха къ музыкѣ:

Я—изысканность русской медлительной рѣчи,
Предо мною другіе поэты—предтечи,
Я впервые открылъ въ этой рѣчи уклоны,
Перепѣвные, гнѣвные, нѣжные звоны...
Я—внезапный изломъ,
Я—играющій громъ,
Я—прозрачный ручей,
Я—для всѣхъ и ничей.
Вѣчно юный, какъ сонъ,
Сильный тѣмъ, что влюбленъ
И въ себя, и въ другихъ,
Я—изысканный стихъ.

Авторъ одной изъ статей о лирикѣ Бальмонта, И. Ѳ. Анненскій, дѣлаетъ, въ своей „книгѣ отраженій“ (въ свое время отмѣченной нами), анализъ этого стихотворенія, гдѣ, между прочимъ, говоритъ о томъ, какъ было принято это стихотвореніе тѣми, кому, по его мнѣнію, недостало эстетическаго развитія. „Между тѣмъ, стихотвореніе ясно до прозрачности и можетъ показаться бредомъ величія только тѣмъ людямъ, которые не хотятъ видѣть этой формы помѣшательства за банальностью романтическихъ формулъ“. Стихъ—это „*новое яркое слово*, падающее въ море вѣчно-творимыхъ“.

Затѣмъ, г. Анненскій останавливается на опредѣленіи тѣхъ средствъ, которыя находятся въ рукахъ представителей современнаго направленія въ искусствѣ. Старые художественные пріемы,—эта „тяжелая романтическая арматура“, годная для Манфреда и трагическаго Наполеона,—могутъ ли они выразить, напримѣръ, Меттерлинковское „я“, которое стремится раствориться, разлиться въ цѣломъ мірѣ? Какъ проявить это „я“—„среди природы, мистически ему близкой и кѣмъ-то больно и безцѣльно сцѣпленной съ его существованіемъ“?

Въ отвѣтѣ автора на этотъ вопросъ—психологическое объясненіе музыкальной тенденціи русскаго стиха. „Для передачи этого „я“,—говоритъ г. Анненскій,—нуженъ болѣе бѣглый языкъ намековъ, недосказовъ, символовъ: тутъ нельзя понять всего, о чемъ догадываешься, ни объяснить всего, что̀ прозрѣваешь или что̀ болѣзненно въ себѣ ощущаешь, но для чего въ языкѣ иногда не найдешь и слова. Здѣсь нужна музыкальная потенція слова, нужна музыка уже не въ качествѣ метронома, а для возбужденія въ читателѣ творческаго настроенія, которое должно помочь ему опытомъ личныхъ воспоминаній, интенсивностью проснувшейся тоски, нежданностью упрековъ, восполнить недосказанность пьесы и дать ей хотя и болѣе узко-интимное и субъектив-

ное, но и болѣе дѣйственное значеніе. Музыка символовъ поднимаетъ чуткость читателя: она дѣлаетъ его какъ бы вторымъ, отраженнымъ поэтомъ. Но она будетъ казаться только безсмыслицей, если, читая новаго поэта, мы захотимъ сохранить во что бы то ни стало привычное намъ пассивное состояніе, ждущее готовыхъ наслажденій. Но мнѣ кажется, что новая символическая поэзія имѣетъ для насъ и не одно прямое, непосредственное, а еще и ретроспективное значеніе.

„Развивая насъ эстетически, она дѣлаетъ для насъ интереснѣе и поэзію нашихъ корифеевъ; мы научаемся видѣть въ старой поэзіи новые узоры и черпать изъ нея болѣе глубокія откровенія.

„Новая поэзія прежде всего учитъ насъ цѣнить слово, а затѣмъ *учитъ синтезировать* поэтическія впечатлѣнія, отыскивать „я“ поэта“, — т.-е., рефлекторнымъ путемъ, наше собственное „я“, просвѣтленное въ сложныхъ сочетаніяхъ поэтическаго созданія“.

Женственность, нѣжность,—вотъ, между прочимъ, свойства, отмѣчаемыя г. Анненскимъ прежде всего въ лирикѣ Бальмонта. Бальмонтъ—виртуозъ не только грубо понимаемой внѣшней, но внутренней интуитивной формы выраженія его „музыки души“, и въ вопросѣ о стремленіи поэзіи слова приблизиться къ поэзіи звука — музыкѣ — Бальмонтъ занимаетъ первое мѣсто среди современныхъ русскихъ поэтовъ.

Но въ смыслѣ содержанія, въ смыслѣ отраженія интересовъ окружающей дѣйствительности, гораздо разнообразнѣе Брюсовъ. Ему принадлежитъ заслуга расширенія круга тѣхъ явленій жизни, которыя еще не „превращались въ красоту“ поэтическаго изображенія. Въ этомъ отношеніи большое вліяніе на Брюсова оказалъ, можно думать, Верхарнъ, надъ переводомъ стиховъ котораго онъ работаетъ съ такимъ усердіемъ и съ такимъ усиліемъ въ борьбѣ съ трудностями неукротимо-капризнаго оригинала. Въ расширенномъ кругѣ поэтическихъ наблюденій Брюсова впечатлѣнія, выносимыя имъ изъ книгъ старыхъ и новыхъ, занимаютъ очень видное мѣсто. Въ одной изъ своихъ пьесъ (Tertia vigilia, 1900) поэтъ изображаетъ дни запустѣнья, когда оскудѣютъ земныя силы, а „наши башни, города, твердыни постигнетъ голосъ страшнаго суда“ — суда исторіи, — явится межъ людей „смѣльчакъ“, который войдетъ въ опустѣлый городъ и подниметъ завѣсу прошлаго:

Прочтя названья торжищъ и святилищъ,
Узнавъ по надписямъ за ликомъ ликъ,

Пришлецъ проникнетъ въ глушь книгохранилищъ,
Откроетъ тайны древнихъ нашихъ книгъ.

И дни и ночи будетъ онъ въ тревогѣ
Впивать вѣщанья, скрытыя въ пыли,
Исканья истины, мечты о Богѣ,
И пѣсни, гимны сладостямъ земли.

И—вопреки столь распространившемуся въ наши дни принципу людей „нынѣшняго дня“ и искателей „забвенья, только забвенья“ на пирѣ во время чумы—поэтъ озабоченъ одной думой: пусть онъ, этотъ будущій вопрошатель о нашей жизни, узнаетъ, что жизнь его, поэта, не прошла безслѣдно:

Желанный другъ невѣдомыхъ столѣтій!
Ты весь дрожишь, ты потрясенъ былымъ!
Внемли же мнѣ, о, слушай строки эти!
Я былъ, я мыслилъ, я прошелъ, какъ дымъ...

Это обращеніе къ пришельцу, эта мольба души, хватающейся за призракъ, за мечту, чтобы выразить протестъ противъ неумолимаго закона судьбы, обрекающей уничтоженью все, что пережилъ и перечувствовалъ „мыслящій“ человѣкъ, — особенно характерны для Брюсова. Отпечатокъ мысли, раздумья, нерѣдко— изученія, лежитъ на всемъ, о чемъ пишетъ Брюсовъ. Въ прежніе годы и онъ иногда сбивался на игру „переплесковъ и перезвоновъ“, но въ нихъ не было звенящей легкости Бальмонтовскаго стиха, и языкъ, вѣрный другъ всякаго истиннаго поэта, тотчасъ же обличалъ вычуры подчеркнутой „модернизаціи“; чуткій поэтъ не застылъ въ маскѣ непонятаго величія, но продолжалъ искать свое поэтическое „я“, независимое, углубленно-индивидуальное, не легко покидающее свою одинокую затаенность и, вмѣстѣ съ тѣмъ, тянущуюся къ людямъ и свѣту (луны). Результатомъ этихъ исканій явился обширный и разнообразный міръ поэтическихъ образовъ, раздумій, воспоминаній и грёзъ.

Поэтъ переносится мечтой въ образы давно минувшаго и наполняетъ ихъ настроеніями современности, которыя онъ не только переживаетъ, но медлительно передумываетъ, какъ бы изучаетъ ихъ, превращая въ объектъ точнаго знанія. Брюсовъ такъ свѣтится въ своемъ полетѣ къ тѣни Данте:

Давно плѣнилъ мое воображенье
Угрюмый образъ изъ далекихъ лѣтъ,
Онъ—одиночества живое воплощенье.

Я вижу годы, какъ безумный бредъ
Людей, принявшихъ снова видъ звѣриный,
Я слышу вой во славу ихъ побѣдъ.

(То съ гвельфами боролись гибеллины!)
И въ эти годы съ ними жилъ и онъ,
На всей землѣ прообразъ нашъ единый...

И заключительный стихъ:

Воистину ты долго жилъ—въ аду!

Мечтательность Брюсова—не безпредѣльная, не расплывчатая; напротивъ, и въ мечтахъ онъ любитъ „вѣрность линій", опредѣленность, извѣстную „вѣскость". Оттого мечты его не тонутъ въ неясной ощущаемости чего-то эстетически-пережитого и переданнаго въ грустной красотѣ одинокой думы. Такая мечта не долго витаетъ въ безбрежностяхъ вселенной, въ безпредѣльностяхъ морей и степи: ей мила законченность, рельефъ, ей вѣдома поэзія городовъ и шумной людской толпы, стихійно-усложненная жизнь которой даетъ больше простора размышленіямъ, углубленіямъ, сопоставленіямъ того, чтò было, съ тѣмъ, чтò есть, и вѣянью „многоликаго ужаса" надъ трепетомъ жизни жалкой и дикой.

Жизнь тянется къ Брюсову не съ того дня, когда завершился въ немъ процессъ самосознанья. Онъ всматривается въ весь пройденный ею путь и тайны ея представляются ему прежде всего—„древними тайнами":

Небо древнимъ тайнамъ внемлетъ...

Онъ любитъ холодный свѣтъ луны и пламя газовыхъ рожковъ, и громады домовъ и площади, залитыя народомъ—„люди, какъ призраки странные",—и „огни электрическихъ конокъ", но среди жизни, шума, суеты большого города, среди его особыхъ чувствъ и настроеній, поэтъ часто погруженъ въ воспоминанія о прошломъ:

Луна вдоль улицъ проводила грани,
Дѣлясь со мракомъ,
А клубы дыма, прихотливымъ знакомъ
Надъ крышей вставъ, терялися въ туманѣ.
Я шелъ. *Мечта свободная* шептала
О Мараѳонѣ
О Фидіи, Периклѣ, о Платонѣ...
А пламя газовыхъ рожковъ дрожало.

Брюсовъ не хочетъ отдать забвенью того изъ жизни отдаленныхъ вѣковъ, чтò отмѣчено мыслью, достойной быть переданной потомкамъ. Преходящее въ вѣчномъ—туманныя тѣни надъ моремъ,—„волны приходятъ и волны уходятъ". И поэтъ обвѣянъ этими тѣнями прошлаго:

Много столѣтій близъ отмели дикой
Дремлютъ въ развалинахъ римскія стѣны,
Слушаютъ чаекъ протяжные крики,
Смотрятъ на бѣлое кружево пѣны...

Въ думахъ о прошломъ—не однѣ конкретныя картины, не одни яркіе красочные образы, —напротивъ, красочное кажется страннымъ его душѣ, а „страстямъ—въ душѣ отвѣта нѣтъ; поэтъ позналъ въ нихъ—„нездѣшній свѣтъ", постигъ „древнія тайны" о вѣчномъ; въ думахъ о прошломъ—осмысленіе настоящаго, истинное его постиженіе.

„Ничтоженъ міръ", „жалокъ человѣкъ"—неутѣшительное міросозерцаніе, но въ то же время, что мы знаемъ лучше міра и прекраснѣе человѣка? Онъ—мѣра вещей. Все для него—свобода, искусство, вѣра въ грядущее. Поэтъ (въ 1901 г.) довольно мрачно рисовалъ картину будущаго. Позже („Вѣнокъ", 1906 г.) Брюсовъ не заглядываетъ такъ далеко въ мракъ неизвѣстности и выражаетъ вѣру въ побѣду „вольнаго" человѣка:

Свершатся сроки: загорится вѣкъ,
Чей лучъ блеститъ на быстринѣ столѣтій,
И твердо станетъ вольный человѣкъ
Предъ ликомъ неба на своей планетѣ...

Вѣра въ побѣдную мощь человѣка еще увѣреннѣе звучитъ въ одномъ изъ послѣднихъ стихотвореній Брюсова—„Хвала человѣку" („Современный міръ", 1907):

Молодой морякъ вселенной,
Міра древній дровосѣкъ,
Неуклонный, неизмѣнный,
Будь прославленъ, Человѣкъ...

Эти отдѣльныя общія черты поэтическаго міросозерцанія Брюсова мы приводимъ только для того, чтобы обнаружить коренное свойство его творчества: серьезную, холодную вдумчивость. Но вдумчивость особаго рода: она—не результатъ непосредственныхъ впечатлѣній, только *отраженныхъ* душой художника, она—глубокій лиризмъ его души, пробивающійся наружу въ почти эпической формѣ. Въ одной изъ книжекъ „Сѣверныхъ цвѣтовъ" Брюсовъ проводитъ параллель между двумя порядками чувствъ: внѣшнихъ, поверхностныхъ и болѣе глубокихъ—„глубинныхъ". Люди обычно живутъ поверхностными чувствами, а болѣе глубокихъ, тайныхъ, боятся, закрываютъ на нихъ глаза". О внѣшнихъ чувствахъ можно говорить краснорѣчиво, убѣдительно, для нихъ существуютъ готовыя, какъ бы

подсказанныя слова; они—достояніе внѣшней поэзіи (представителями въ русской поэзіи Брюсовъ называетъ А. Толстого, Майкова, Полонскаго). „Глубинныя чувства безмолвны; о нихъ-то сказано: „мысль изреченная есть ложь". Поэтъ, осмѣливающійся заглянуть въ глубь души, видитъ бездны и ужасы. У насъ отваживались на это Тютчевъ, Достоевскій, Фетъ"... Брюсовъ также поэтъ по преимуществу „глубинныхъ" чувствъ, но они не такъ безнадежно глубоки, чтобы въ нихъ гасла вѣра въ свѣтлое будущее человѣчества; они далеко и не поверхностнаго порядка,—иначе они свободнѣе выливались бы наружу и явственнѣй обнаруживали свои связи съ живой современностью.

Въ „Вѣнкѣ" есть цѣлый отдѣлъ стихотвореній, посвященныхъ современности. Въ одномъ изъ нихъ изображаются два момента, весьма знаменательныхъ въ развитіи міросозерцанія Брюсова. Первый моментъ: поэтъ—въ эпоху мрачной реакціи и общественнаго застоя:

Когда не видѣлъ я ни дерзости, ни силъ,
Когда всѣ подъ ярмомъ клонили молча выи,
Я уходилъ въ страну молчанья и могилъ,
Въ вѣка загадочно-былые.
Какъ ненавидѣлъ я всей этой жизни строй,
Позорно-мелочный, неправый, некрасивый,
Но я на зовъ къ борьбѣ лишь хохоталъ порой,
Не вѣря въ робкіе призывы...

Но, вотъ, надъ страной пронеслась боевая волна. Поэтъ не можетъ остаться равнодушнымъ:

Но чуть заслышалъ я завѣтный зовъ трубы,
Едва раскинулись огнистыя знамена,
Я—отзывъ вамъ кричу, я—пѣсенникъ борьбы,
Я вторю грому съ небосклона...

Стихотвореніе помѣчено 1903 г. Въ слѣдующемъ году Брюсовъ пишетъ нѣсколько пьесъ, имѣющихъ отношеніе къ событіямъ на Дальнемъ Востокѣ. Стихотворенія эти—не лучшія въ книгѣ; „глубинность" чувствъ, очевидно, слишкомъ дорогой матеріалъ, чтобы расходовать его на обращенія „къ согражданамъ", перенесенныя — что̀ очень характерно для Брюсова — въ римскую обстановку:

Теперь не время буйнымъ спорамъ,
Какъ и веселымъ звонамъ струнъ.
Вы, ликторы, закройте форумъ!
Молчи, неистовый трибунъ!

Здѣсь и „Цусима“, и „Юлій Цезарь“, и „знакомая пѣснь“, которую пѣли Гармодій и позже Брутъ... Въ августѣ 1905 г., передъ знаменитой „эпохой довѣрія“, Брюсовъ мечетъ громъ и молніи на „консуловъ“ и „сенатъ“, и не всякій цензоръ догадался бы, что среди консуловъ засѣдалъ и Плеве, и Треповъ, а Римъ, подобно сѣверной Пальмирѣ, былъ объявленъ на военномъ положеніи.

Они кричатъ: за нами право!
Они клянутъ: ты бунтовщикъ,
Ты поднялъ стягъ войны кровавой,
На брата брата ты воздвигъ!

Но вы, что сдѣлали вы съ Римомъ,
Вы, консулы, и ты, сенатъ!
О вашемъ гнетѣ нестерпимомъ
И камни улицъ говорятъ...

Въ октябрѣ 1905 г., Брюсовъ пишетъ стихотвореніе „Ликъ Медузы“, по характеру—привѣтственный гимнъ, начинающійся словами:

Ликъ Медузы, ликъ грозящій
Всталъ надъ далью темныхъ дней.
Взоръ—кровавый, взоръ горящій,
Волоса—сплетенья змѣй.
Это—хаосъ...

Послѣднія пьесы проникнуты поэзіей кипучей борьбы. Современность отвоевала поэта у „былыхъ вѣковъ“ и заронила въ „глубинныя“ чувства настроеніе боевой рѣшимости и готовности отвѣчать на вызовъ дня.

VIII.

Но мы вовсе не дѣлаемъ Брюсова по преимуществу поэтомъ-гражданиномъ, поэтомъ-борцомъ. Если одна ласточка не дѣлаетъ весны, то не дѣлаетъ ея и цѣлый десятокъ, если на дворѣ морозъ, а солнце только свѣтитъ, да не грѣетъ. Мы отмѣтили здѣсь фактъ, имѣющій особое значеніе въ исторіи творчества поэта, прежде равнодушнаго къ общественно-политическимъ интересамъ, а затѣмъ захваченнаго настроеніями тревожныхъ дней. Но кто же изъ современныхъ художниковъ и поэтовъ не былъ захваченъ ими?

И отклики на современность не противорѣчатъ тому взгляду на искусство, который былъ такъ отчетливо заявленъ Брюсовымъ

въ предисловіи къ книгѣ его стиховъ, вышедшей въ 1900 г. „Было бы невѣрно видѣть во мнѣ,—писалъ онъ тогда,—защитника какихъ-либо обособленныхъ взглядовъ на поэзію. Я равно люблю и вѣрныя отраженія зримой природы у Пушкина или Майкова, и порыванія выразить сверхчувственное, сверхземное у Тютчева или Фета, и мыслительныя раздумья Баратынскаго, и страстныя рѣчи гражданскаго поэта, скажемъ—Некрасова. Я называю всѣ эти созданія однимъ именемъ поэзіи, ибо конечная цѣль искусства—выразить полноту души художника. Я полагаю, что задачи „новаго искусства", для объясненія котораго построено столько теорій,—даровать творчеству полную свободу. Художникъ самовластенъ и въ формѣ своихъ произведеній, начиная съ размѣра стиха, и во всемъ объемѣ ихъ содержанія, кончая своимъ взглядомъ на міръ, на добро и зло. Попытки установить въ новой поэзіи незыблемые идеалы и найти общія мѣрки для оцѣнки—должны погубить ея смыслъ. То было бы лишь смѣной однѣхъ узъ на новыя. Кумиръ Красоты столь же бездушенъ, какъ кумиръ Пользы".

Намъ выше приходилось уже останавливаться на нѣкоторыхъ мотивахъ лирики Брюсова по поводу „Вѣнка"; не является случайной, въ циклѣ его поэтическихъ отраженій, и его книга переводовъ Верхарна. Среди тѣхъ и другихъ—красивыя строфы, красивыя мысли, но въ нихъ нѣтъ непосредственности, когда стихи, какъ пѣсни, сами льются изъ души; можетъ быть, именно „глубинность" чувствъ, владѣющихъ поэтомъ, и служитъ причиной, что настроенія и ὀбразы не всегда сохраняютъ свою свѣжесть, проходя сквозь призму начитанности, „поэтической учености" Брюсова. О лирикѣ Брюсова рядъ мѣткихъ и цѣнныхъ замѣчаній сдѣлалъ г. Н. Поярковъ въ книгѣ своей „Поэты нашихъ дней",—книгѣ, исходящей изъ лагеря „своихъ" и потому интересной съ извѣстной точки зрѣнія. Сравнивая Бальмонта съ Брюсовымъ, г. Поярковъ говоритъ: „Брюсовъ болѣе сдержанъ, спокоенъ, но зато его поэзія глубже поэзіи Бальмонта. Брюсовъ скупѣе въ словахъ и признаніяхъ, болѣе внимателенъ къ внѣшности стиха и красотѣ ὀбразовъ. Удѣльный вѣсъ всѣхъ послѣднихъ книгъ Брюсова гораздо тяжелѣе и цѣннѣе сборниковъ Бальмонта, гдѣ много лишнихъ, ненужныхъ стихотвореній. Но необузданность Бальмонта и сдержанность Брюсова имѣютъ одну цѣль—восхваленіе радости бытія. Конечно, въ поэзіи и Бальмонта, и Брюсова встрѣчаются мѣста, проникнутыя пессимизмомъ,—въ общемъ это—кочевыя тучки, ненадолго омрачающія

свѣтлую лазурь"... Это, впрочемъ, едва-ли такъ: поэзіи Брюсова далеко до жизнерадостности Бальмонта.

Подъ вліяніемъ Бальмонта и Брюсова образовалась цѣлая стая „молодыхъ", изъ которыхъ инымъ, однако, минуло уже за сорокъ. Они разлетѣлись въ разныя стороны и всѣ славятъ, каждый на свой ладъ, все ту же свободу искусства, которая даетъ имъ широкій просторъ для всевозможнаго выраженія своего „я". И надо отдать имъ полную справедливость: никогда еще всевозможныя „я" не раскрывались такимъ всевозможнымъ образомъ, какъ въ наши дни. На нѣкоторыхъ проявленіяхъ этихъ „я" въ современной поэзіи мы остановимся нѣсколько позже, а пока — отмѣтимъ характерную черту въ новѣйшемъ пониманіи свободы искусства, какъ оно выражается, въ коллективной формѣ, у руководителей назрѣвающихъ теченій художественнаго творчества. Возьмемъ, напримѣръ, редакціонное заявленіе журнала, посвященнаго по преимуществу искусству—„Золотое руно".

Оно также стоитъ за свободу искусства. Но — увы! — въ заявленіи редакціи звучитъ нотка какой-то тревоги, озабоченности, отчего и самая свобода искусства, роскошно провозглашенная золотыми буквами на дивной мѣловой бумагѣ, смотритъ какою-то озабоченной свободой. „И Господа, и Дьявола хочу прославить я!"—писалъ когда-то Брюсовъ. Хочу!—и все тутъ, и разступись передъ нимъ небо и земля. „Хочу быть дерзкимъ, хочу быть смѣлымъ!"—капризно повторялъ Бальмонтъ—и давалъ волю своему порыву. О, какъ это было недавно и, вмѣстѣ, какъ давно! Прежде въ это „хочу" вплетались солнечные лучи, звенящіе ручьи, тайны упоеній и сказки лунныхъ ночей. Теперь примѣшиваются другіе мотивы. „Въ грозное время мы выступаемъ въ путь, — говоритъ редакція художественнаго журнала. — Кругомъ кипитъ бѣшенымъ водоворотомъ обновляющаяся жизнь. Въ грохотъ борьбы, среди неотложныхъ вопросовъ, выдвигаемыхъ днями, и кровавыхъ отвѣтовъ, что даетъ на нихъ наша русская дѣйствительность, для многихъ Вѣчное меркнетъ и отходитъ вдаль.

„Мы сочувствуемъ всѣмъ, кто работаетъ для обновленія жизни, мы не отрицаемъ также ни одной изъ задачъ современности, но мы твердо вѣримъ, что жить безъ Красоты нельзя и, вмѣстѣ съ свободными учрежденіями, надо завоевать для нашихъ потомковъ свободное, яркое, озаренное солнцемъ творчество, влекомое неутомимымъ исканьемъ, и сохранить для нихъ Вѣчныя цѣнности, выкованныя рядами поколѣній". И редакція развертываетъ знамя искусства „вѣчнаго, единаго, символичнаго, свободнаго"—во имя „той же новой грядущей жизни".

ства, г. Бенуа расплывается въ лабиринтѣ общихъ мѣстъ. Исходя изъ той мысли, что индивидуализмъ есть ересь, онъ ставитъ ему въ вину отвлеченіе творчества отъ свободы и свѣта. „Подъ свободой я подразумѣваю,—говоритъ г. Бенуа,—мистическое начало вдохновенія, т.-е. „свободное подчиненіе“ верховному сверхчеловѣческому началу. Подъ свѣтомъ же я подразумѣваю все, что̀ составляетъ смыслъ и прелесть творчества: исканіе и угаданіе красоты, прозрѣніе въ сокровенный смыслъ вещей, откровеніе того, что̀ принято называть поэзіей. Безъ этихъ началъ художественное творчество сводится къ механической выправкѣ, къ научному изслѣдованію и, наконецъ, къ хаотическому дилеттантизму.

Но „мистическое начало“ вдохновенія—это не свобода, это—психо-физіологія творчества, у котораго свои законы, а дѣйствіе послѣднихъ совершается внѣ категорій свободы или рабства. Но свободное подчиненіе верховному сверхчеловѣческому началу не можетъ быть понимаемо въ смыслѣ слѣпого, стихійнаго подчиненія: оно, безъ сомнѣнія, представляетъ собою—и это совпадаетъ съ мыслью г. Бенуа—осмысленіе „свободнаго подчиненія“ высшему началу, т.-е. свободный выборъ той формы, въ которой съ наибольшей полнотой выразится мое, разумомъ моимъ одобренное, моимъ чувствомъ допущенное признаніе моего подчиненія—чему-то высшему, сверхчеловѣческому — Богу, абсолюту, духу, матеріи, чему-то, что̀ опредѣляетъ мою, въ концѣ концовъ, свободную „несвободность“. Въ круговращеніи этого понятія въ вихрѣ жизненнаго процесса и можно участвовать или механически—однимъ, такъ сказать, бытомъ, однимъ существованіемъ, или сознательно—мыслью, обожженнымъ, обостреннымъ чувствомъ, огнемъ порыва, словомъ—жизнью, съ ея радугой и грозой. И задача искусства—сдѣлать существованіе жизнью и озарить ее блескомъ красоты. Внѣ этихъ путей есть еще весьма обычный—срединный: тусклые будни и будничные праздники,—у людей, идущихъ этимъ путемъ, чувствительность къ яркимъ ощущеніямъ притуплена, а горечи падаютъ съ обѣихъ сторонъ и у людей психически-неустойчивыхъ создаютъ невозможное положеніе, отраженное у Леонида Андреева,—между страхомъ смерти и ужасомъ быта, не перешедшаго въ жизнь. Кто осмыслилъ свое существованіе, тотъ неминуемо ищетъ красоты въ полнотѣ жизненнаго напряженія, не боится ни мукъ творчества, ни мукъ жизни. Это выразилъ Бальмонтъ:

Мнѣ желанна боль и съ болью *красота*,
И въ раскрытости, въ разорванности чувства
Дышутъ бури, свѣтятъ молніи искусства...

Осмысленіе же своего „я“ съ точки зрѣнія той формы, въ которой человѣкъ можетъ дѣйствительно, а не мнимо-свободно установить свое отношеніе къ высшему началу, являясь опредѣляющимъ принципомъ истинной жизни, есть основное, неизбѣжное условіе красоты жизни.

Красота—богъ искусства.

Г-нъ Бенуа посвящаетъ ей восторженный гимнъ. „Красота есть то откровеніе божественнаго начала, которое въ настоящее время представляется наиболѣе разительнымъ, категоричнымъ. Красота есть та Тайна, которая наименѣе объяснима и въ то же время наиболѣе ясна. Красота есть послѣдняя путеводная звѣзда въ тѣхъ сумеркахъ, въ которыхъ пребываетъ душа современнаго человѣчества. Расшатаны религіи, философскія системы разбиваются другъ объ друга, и въ этомъ чудовищномъ смятеніи у насъ остается одинъ абсолютъ, одно безусловно-божественное откровеніе — это красота. Она должна вывести человѣчество къ свѣту, она не дастъ ему погибнуть въ отчаяніи. Красота намекаетъ на какія-то связи „всего со всѣмъ“, и она обѣщаетъ, что будетъ дана разгадка всѣмъ противорѣчіямъ до сихъ поръ бывшихъ откровеній“.

И все это—какъ было, такъ будетъ. Но прошлымъ однимъ жить не можетъ человѣкъ. Объ этомъ есть граціозная „поэтическая формула“ у Ѳедора Соллогуба:

Все хочетъ пѣть и славить Бога,
Заря, и ландышъ, и ковыль,
И лѣсъ, и поле, и дорога,
И вѣтромъ зыблемая пыль.
Они зовутъ за словомъ слово,
И пѣсню ихъ изъ вѣка въ вѣкъ
Въ иныхъ созвучьяхъ слышитъ снова
И повторяетъ человѣкъ.

Но въ своемъ культѣ красоты г. Бенуа обращаетъ взоры не къ будущему, а къ прошлому. Въ будущемъ онъ провидитъ лишь обѣщаніе разгадки противорѣчій прежнихъ откровеній, и „абсолютъ“ его становится мало абсолютнымъ. Приводимые имъ примѣры конкретныхъ воплощеній красоты обнаруживаютъ тотъ кругъ явленій, на который распространилось ея дѣйствіе. Этотъ кругъ явленій весьма типиченъ. „Велико и прекрасно было искусство древности“... „Аполлонъ и Діонисъ... отсутствіе эстетики въ евангеліи... но, напротивъ, послѣдующее развитіе христіанства проникнуто глубоко-эстетическимъ духомъ“... „Въ настоящее время католицизмъ, можно сказать, держится однимъ

эстетизмомъ, и красота—его послѣдняя (но столь могущественная!) крѣпость".

По отношенію къ „абсолютной" красотѣ такое суженіе ея понятія является несомнѣнной художественной ересью. Красота г. Бенуа — красота музеевъ, картинныхъ галлерей, выставокъ, художественныхъ собраній, красота исторической любознательности, сочетавшейся съ изысканной, выхоленной аристократичностью вкуса. Это—высокая, необходимая, но въ то же время—*частная* красота. Отвлекать ее и придавать абсолютное значеніе равносильно утвержденію, впрочемъ уже высказывавшемуся въ литературѣ, что въ творчествѣ новыхъ идей нѣтъ ни одной, которая не была бы завѣщана древностью. Тайна красоты, попавшей въ музей—уже разгаданная, пойманная, зарегистрованная тайна. Она можетъ служить безконечнымъ поводомъ къ философскимъ и поэтическимъ концепціямъ, порождать цѣлыя симфоніи эстетическихъ переживаній, но сама она—уже мертвая красота, воскрешаемая лишь отраженіями человѣческаго духа. Музей безъ живыхъ людей—кладбище, и художественная выставка, безъ тѣхъ, кто умѣетъ читать ее, словно музыкантъ по нотамъ,—праздная и жалкая затѣя.

Но „абсолютную" красоту можно постигнуть только *живымъ* духомъ *живыхъ* людей. Жизнь — ея музей, ея вѣчно мѣняющаяся выставка, ея симфонія, ея воплощеніе, одна изъ ея величайшихъ тайнъ, раскрывающихся въ творчествѣ. Притомъ жизнь реальная, какъ бы ни понимать эту реальность—въ „духѣ" или „матеріи", жизнь, которую мы не только понимаемъ разумомъ или воспріемлемъ чувствами, но и осуществляемъ волей. Воля, дающая высшую напряженность нашему жизнеощущенію, обусловливаетъ его полноту и толкаетъ мысль и чувство на исканіе новыхъ, еще непостигнутыхъ сознаній и ощущеній, преображеніе которыхъ въ красоту—задача художника. Напряженность жизнеощущенія, высшая его интенсивность—необходимое условіе творчества. Душа должна быть натянута, какъ струна, чтобы вибрировать, отражая то, что проносится на высотѣ сознанія или раздается въ глубинѣ вѣчно обновляющихся въ борьбѣ ощущеній. Напряженность порыва — опредѣленный моментъ, высшая степень радости—энтузіазмъ творческихъ неожиданностей, „откровеній", высшая степень страданія, скорби — родникъ протеста, бунта противъ „быта", застоя, во имя напряженностей грядущаго, высшая степень чувства—страсть, недаромъ названная „грозой жизни"... И въ сущности, каждый изъ людей—художникъ, у каждаго—жажда творческихъ отраженій своего „я",

но не каждому дано постигать красоту замираній на высотахъ тѣхъ молній и „разорванностей чувства“, въ которыхъ сосредоточивается весь смыслъ, вся радость, весь трепетъ бытія въ которомъ, вмѣстѣ съ „болью“, рождается „красота“...

Красота — богъ не только искусства, но и жизни. Вѣрнѣе: потому она является богомъ искусства, что ранѣе—она обожествляетъ жизнь и, въ свою очередь, эту обожествленную жизнь заставляетъ не застаиваться въ самоослѣпленіи, но, напротивъ, увлекаетъ впередъ, къ чему-то еще безконечно-высшему. Она сама—лишь „символъ безконечный того, что̀ намъ постигнуть не дано“...

Жизнь затаила въ себѣ красоту, и потому чѣмъ внимательнѣе всматриваться въ нее, чѣмъ шире раздвигать кругъ своихъ наблюденій, чѣмъ выше цѣнить каждую деталь жизни, воспринятой нашимъ сознаніемъ, и чѣмъ больше вносить волевого элемента въ жизненныя комбинаціи, неизбѣжно создаваемыя и разрушаемыя нами, — тѣмъ богаче матеріалъ, который творческая рука „преобразитъ“ въ красоту. Замѣтьте—красоту, которая до того была затаена въ жизни. Не красота управляетъ жизнью, а жизнь, какъ одну изъ величайшихъ своихъ тайнъ, содержитъ въ себѣ красоту.

И потому мало одной красоты, чтобы поддержать жизнь, какъ мало одной стихіи, чтобы поддержать міръ. Вначалѣ былъ хаосъ, но, по слову божественнаго Промысла, раздѣлились стихіи, и образовалась гармонія мірозданія. Искусство беретъ на себя роль Промысла въ „гармонизаціи“ творческихъ силъ. Оно вноситъ въ нихъ раздѣленіе и прежде всего извлекаетъ красоту, освобождаетъ ее отъ нераздѣльнаго сосуществованія съ другими силами. Въ этомъ процессѣ, освобождающемъ красоту отъ безраздѣльнаго, трудно различимаго сосуществованія съ моралью, религіей, догмой политическаго или общественнаго катехизиса роль искусства поистинѣ огромна. Что̀ прежде смутно сознавалось и доказывалось логическими доводами, теперь облекается въ ясныя, осязательныя формы. Красота католицизма, безотносительно къ его реакціонному характеру, это—красота увяданія, упадка, красота порока, красота дьявола, красота безобразнаго, чудовищнаго, отвратительнаго; во всемъ можетъ быть открыта своя красота, какъ прежде открывали ее въ религіи, добродѣтели, морали, цѣлесообразности и т. д. Красота — сама по себѣ, безъ подпорокъ и заслонокъ. Ей ставятся алтари, ее возводятъ на пьедесталъ искусства.

Красота—освобожденная, яркая, независимая—вотъ лозунгъ современныхъ художниковъ. Красота не въ банальной правиль-

ности линій и формъ, не въ тривіальности непосредственныхъ отраженій природы и людей, но въ томъ, въ чемъ ощущаетъ ее душа художника — въ намекахъ, символахъ, шорохахъ и тайнахъ самоощущенія, въ безднахъ самопогруженія, въ ужасахъ паденья, въ разрушеніи всѣхъ граней между „нельзя“ и „можно“. Казалось бы, современнымъ художникамъ остается возликовать и строить храмъ славы.

Но художники не ликуютъ, или, если и ликуютъ, то лишь самые легкомысленные, которые ликовали бы и въ томъ случаѣ, еслибы они и не были художниками. Большинство же, какъ ихъ ни приглашаетъ г. Бенуа замкнуться въ религіозную общину и забыть объ „утилитарныхъ цѣляхъ борьбы противъ существующихъ негодныхъ порядковъ“, чувствуетъ, что такъ или иначе, а съ красотой и искусствомъ въ нашей россійской обстановкѣ не все благополучно. Во-первыхъ, насколько искусство можетъ быть свободнымъ, пока все окружающее несвободно? Насколько оно можетъ быть здорово, когда кругомъ все проникнуто запахомъ разложенія и крови? И нѣтъ ли какихъ-либо внутреннихъ связей между „климатомъ“ россійской дѣйствительности и тѣми больными, безумными и рахитическими, чахлыми произведеніями, которыми наполняется галлерея современнаго искусства?

Во-вторыхъ, хотя красота и объявляется универсальнымъ средствомъ обращенія человѣчества на истинный путь спасенія, но это ей оказывается не подъ-силу. Красоты одной мало. Такъ какъ видовъ пониманія или, вѣрнѣе, постиженія красоты можетъ быть столько, сколько людей, занимающихся или интересующихся искусствомъ, то, оказывается, она не только не соединяетъ, а, пожалуй, разъединяетъ людей, отъ чего прежде всего страдаютъ сами художники. Здѣсь мы должны всецѣло повѣрить г. Бенуа, и то, что̀ онъ говоритъ о художникахъ, является для насъ самымъ цѣннымъ въ его интересной статьѣ. Исходя изъ той мысли, что все въ жизни держится и строится соединеніемъ и подчиненіемъ, а не разъединеніемъ и бунтомъ, г. Бенуа видитъ горе современнаго искусства въ томъ, что оно разобщено и проявляетъ стремленіе разбрестись. „На самомъ дѣлѣ получился обманъ“...

„Художникъ въ былыя времена жилъ въ пріобщеніи со всѣмъ обществомъ и былъ самымъ яркимъ выразителемъ идеаловъ своего времени. Современный художникъ неизбѣжно остается дилеттантомъ, бьющимся обособиться отъ другихъ, дающимъ жалкія крохи того, что̀ онъ считаетъ „своимъ личнымъ“, и что̀ является, помимо его сознанія, все же отраженіемъ окружающихъ вліяній, но отраженіемъ слабымъ и замутненнымъ. Безъ вліянія монада еди-

безличнаго „я“ все равно ничего не можетъ создать, а потому ученіе, противящееся этимъ вліяніямъ (безъ которыхъ не можетъ быть творчества), и должно быть названо ересью, такъ какъ оно ведетъ къ атрофированію художественной воспріимчивости и, слѣдовательно, къ гибели искусства. Строго проведенный индивидуализмъ есть абсурдъ, ведущій не къ развитію человѣческой личности, а къ ея одичанію“.

Но вотъ что г. Бенуа сказалъ на той же страницѣ, выше: „Все должно держаться, сообщаться, любить другъ друга, зависѣть одно отъ другого“. *Любить другъ друга*—чудныя слова! Ихъ то и нѣтъ въ современномъ катехизисѣ искусства, *рядомъ съ красотой*. И г. Бенуа превосходно обнаружилъ это. Оттого современное искусство, культивируя только красоту, не согрѣваетъ людей. Оттого поэзія Бунина холодна, какъ ледъ, и узко-себялюбива. Оттого Брюсовъ и Бальмонтъ начинаютъ участливо отдаваться „міру сему“, потому что область своихъ „преображеній“ они не могутъ ограничить однимъ холоднымъ блескомъ красоты. Оттого нѣкоторые художники наполняются „духомъ бѣсовской гордыни“ и въ извѣстной степени дичаютъ...

Индивидуализмъ здѣсь не причемъ. Согрѣйте его любовью такъ же, какъ вы стремитесь озарить его лучами красоты, и онъ не побѣжитъ отъ людей, но, напротивъ, всю силу своей жизненной напряженности обратитъ на дѣйственное „преображеніе“ другой, сосѣдней, обособленно-постигаемой силы—красоты—въ жизнь, содѣйствуя ея строительству и скрѣпленію людей въ одинъ братскій союзъ. И, не заносясь передъ другими силами, ведущими людей къ той же цѣли, передъ принципами индивидуальной этики утилитаризма и труда, въ какихъ бы формахъ онъ ни выражался, искусство облегчитъ и осмыслитъ „дружество“ совмѣстной работы и область матеріи озаритъ свѣтомъ *идеальнаго* духа.

Значитъ, цѣль искусства та же, на которую указалъ Толстой, требуя, чтобы оно служило дѣлу соединенія людей? Нѣтъ: Толстой настаивалъ на проведеніи своего идеала *непосредственно* въ жизнь и требовалъ, чтобы искусство, какъ ремесло, какъ и всѣ прочіе *навыки* человѣческой дѣятельности, служило намѣченной имъ цѣли, служило *прозаически*, механическимъ образомъ. Это не въ природѣ искусства. Оно служитъ жизни средствомъ проведенія въ нее началъ того или иного порядка, претворяя ихъ *поэтически* въ красоту и эту красоту разсѣивая въ жизни, отчего и сама жизнь становится преображенной. Для цѣлей раціональнаго строительства жизни *желательно* (но для искусства необязательно), чтобы эти идеи были высшаго порядка, чтобы

онѣ вели къ миру и единенію людей. Но это могутъ быть и не „идеи“ въ строгомъ смыслѣ этого слова. Это могутъ быть—фантазіи, сны, капризы, невнятное, странное, дикое, и если въ выраженіи ихъ скажется красота, они становятся произведеніями искусства. Разница будетъ только въ томъ, что ихъ—поймутъ или не поймутъ люди, сберегутъ въ душѣ или отбросятъ, очаруются или отвернутся. Одни будутъ искать жизнь въ красотѣ изображенія, другіе—красоту въ изображеніи жизни. Свобода воспринимающаго и свобода творца одинаковы. И роль искусства остается неизмѣнной.

IX.

Такимъ образомъ, искусство есть то *средство*, тотъ *инструментъ*, который „преображаетъ въ красоту“ отраженія и переживанія человѣческаго духа. И вмѣстѣ съ тѣмъ, не только средство, не только инструментъ, но и творческая воля, сообщающая внутреннему „я“, „самоцѣльной личности“ высшую степень напряженности, доводящая развитіе той стороны духа, которая стремится къ своему воплощенію въ искусствѣ, до ея кульминаціоннаго пункта...

Искусство безразлично къ приносимой имъ пользѣ или вреду, злу или добру, безразлично ко всякой догмѣ. Это по природѣ своей самоцѣльная творческая сила, которая, становясь средствомъ въ рукахъ художника, можетъ окрашиваться тѣмъ или инымъ чувствомъ, заражаться идеей, но можетъ, въ области поэзіи, ограничиваться и сферой безкрасочныхъ, неясныхъ представленій, намеками пробуждающихъ волну представленій иного порядка, напримѣръ, звукового, гдѣ преимущественное вниманіе сосредоточивается на пѣвучести, ритмѣ, гармоніи, и, дѣйствительно, въ исторіи поэзіи (новой, какъ и старой, русской и иностранной) есть значительное количество произведеній (въ стихахъ и прозѣ), въ которыхъ музыкальный элементъ подавляюще превосходитъ, въ количественномъ и качественномъ отношеніи, элементъ чувственныхъ представленій.

Будучи, по природѣ своей, безразлично къ морали и „устроенію земного существованія“, искусство, въ силу своего безразличія, ничего не отрицаетъ и не утверждаетъ въ жизни. Но, воплощаясь въ формѣ, въ конкретномъ произведеніи, оно допускаетъ сосуществованіе съ красотой—другихъ элементовъ человѣческаго духа (чувствъ и идей такъ называемаго высшаго и низшаго порядка), но не обязывается служить имъ. На практикѣ оно

почти не можетъ обойтись безъ нихъ и входитъ, вольно и невольно, въ безконечныя соотношенія съ идеями философіи, гражданственности, этики и т. д. Но пріоритетъ красоты обусловливаетъ свободный выборъ отдѣльныхъ матеріаловъ для художественной „постройки“.

Искусство слито съ жизнью, влито въ присущіе человѣчеству способы и навыки жизнеощущенія, служа различными сторонами своей многогранности просвѣтлѣнію, „радости бытія“, его сознательности и полнотѣ. Какъ бы искусство ни сторонилось отъ такъ называемой „дѣйствительной жизни“, оно не можетъ, на практикѣ, обособиться отъ нея... На какія бы высоты ни забирался художникъ въ своемъ творчествѣ, онъ не перестаетъ быть человѣкомъ, котораго тянетъ къ людямъ, къ „пріобщенію“, какъ говоритъ г. Бенуа, и устраненіе отъ этого „пріобщенія“ и художественныхъ интересовъ ведетъ, по его же авторитетному наблюденію, къ разброду и одичанію въ сферѣ искусства. Только горниломъ для ихъ творческаго паѳоса должны быть не „храмы“ съ ихъ священными реликвіями, а самая гуща той повседневной человѣческой жизни, которая такъ нуждается въ „преображенной красотѣ“.

Только суживая понятіе красоты до священныхъ реликвій, можно говорить, что жизнь и красота—„два лика единой тайны“. Но жизнь поражаетъ многообразіемъ тайнъ, и красота — не единственная среди нихъ. То, что сказано у г. Маковскаго въ упомянутой нами книгѣ: „Страницы художественной критики“, о взаимныхъ отношеніяхъ искусства и жизни, въ высшей степени знаменательно: „Жизнь должна быть тѣмъ, чѣмъ суждено: страданіемъ, усиліемъ, жаждой счастья, пользы, святости. Пусть люди стремятся къ жизненнымъ цѣлямъ, къ соціальнымъ идеаламъ, къ осуществленію на землѣ „любви и добра“. Чѣмъ стихійнѣе, тѣмъ лучше. Не опроверженіе красоты опасно для искусства,— опасно оскудѣніе жизни. Когда бѣднѣетъ содержаніе жизни и ея временныхъ цѣлей, бѣднѣютъ и силы творчества“...

„Я не могу постичь прекрасное,—говоритъ Анатоль Франсъ въ своемъ „Саду Эпикура“,—внѣ его зависимости отъ времени и мѣста, и потому всякое произведеніе нравится мнѣ только тогда, когда я улавливаю его связь съ жизнью, и эта связь меня наиболѣе привлекаетъ. Грубая глиняная посуда Гиссарлика заставила меня полюбить Иліаду; и я тѣмъ больше цѣню Божественную Комедію, что знакомъ съ флорентійской жизнью XIII вѣка. Въ артистѣ я ищу человѣка, и только человѣка“.

Современные художники едва-ли хотятъ, чтобы въ нихъ за-

бывали „человѣка“, но они требуютъ для своихъ произведеній художественной оцѣнки, независимой отъ соотношеній съ личностью творцовъ. Они охотно освобождаютъ себя отъ ореола учительства и проповѣдничества и только въ отдѣльныхъ случаяхъ довольствуются скромной ролью прорицателей или волхвовъ.

Затѣмъ, какъ ни оглядывается современный художникъ-эстетъ на тѣ эпохи, когда создавались дошедшія до насъ священныя реликвіи красоты, какъ ни грустить объ античномъ мірѣ или о среднихъ вѣкахъ, выражая эту грусть звучными стихами,—символической картиной или „мечтой въ мраморѣ“,—воплощеніе замысла говоритъ о стремленіи закрѣпить преходящее состояніе духа „навѣки“ и тѣмъ послужить обогащенію жизни „вѣчной красотой“. Это, къ сожалѣнію, не всякому удается, но самое стремленіе вытекаетъ изъ того не поддающагося раціонализаціи культа красоты, который обнимаетъ собою „мистическое“, ирраціональное начало вдохновенія и является для художника „религіей красоты“, источникомъ его вѣры и жажды идеала.

У кого есть эта жажда идеала, у кого есть мечта объ иномъ, идеальномъ мірѣ, тотъ не удержитъ въ себѣ самопроизвольнаго, естественнаго порыва приблизиться къ нему, озарить его блескомъ свое творчество и воплотить въ немъ свое тяготѣніе къ идеалу. И такъ какъ нѣтъ иныхъ путей, иныхъ средствъ воплотить свои идеальныя стремленія, кромѣ тѣхъ, которыя раскрываются въ жизни, то художникъ невольно, въ мѣру своей чуткости, въ своемъ свободномъ творчествѣ воплощаетъ „пріемлемые“ имъ ея идеальные порывы.

X.

Искусство провозгласило принципъ самой широкой свободы—и хотя добилось ея теоретическаго признанія, но на практикѣ осуществленіе ея не обошлось безъ нѣкоторыхъ недоразумѣній. Оказалось, что свобода, воплощаемая конкретно, подчиняется сама какимъ-то внутреннимъ императивамъ, и, насилуя творческій процессъ освобожденіемъ отъ чувства цѣлесообразности и гармоніи, она превращаетъ художника въ раба несознанныхъ ощущеній, безформенныхъ образовъ, инстинктовъ, еще не ставшихъ достояніемъ интеллекта. Если по своей природѣ художникъ (чаще, можетъ быть, чѣмъ представитель иной профессіи) и бываетъ „анархистомъ“, то анархизмъ его сразу кончается, какъ только въ подготовительной ступени творчества опредѣ-

ляется „свободный выборъ“ творческихъ элементовъ и начинается созидательная работа. Оказалось, что въ этой работѣ не всякій вздохъ — мечта о невозможномъ, не всякій творческій „обрывокъ“ или „обломокъ“—символъ, не всякій намекъ рождаетъ „вѣчную цѣнность“, какъ и не всякій кусокъ мрамора, хотя бы и паросскаго, хранитъ на себѣ отблескъ божественной красоты. Оказалось, наконецъ, что если художникъ свободенъ въ выборѣ образовъ, идей, настроеній и отраженій, то и художественная оцѣнка не обязана только „объяснять“ или „дополнять“ художника или „развивать“ его идеи, или „опровергать“ ихъ, но и быть такимъ же „свободнымъ творчествомъ“, разсчитаннымъ на непосредственный эстетическій эффектъ, аналогичный—тому, какой возбуждаетъ предметъ созерцанія.

И красота стала лишь „мыслиться“ отдѣльно, какъ основной признакъ искусства. Неотдѣлимая отъ звука, образа, чувства, она вступаетъ въ возможныя сочетанія съ другими силами человѣческаго духа, то подчиняя ихъ себѣ (напр. *прекрасный* моральный подвигъ), то свободно, самоцѣльно подчиняясь имъ (произведеніе искусства, *проникнутое* любовью къ людямъ), то наполняясь сложнымъ жизненнымъ содержаніемъ, которое только въ ней, въ красотѣ, выраженной искусствомъ, осмысливаетъ таящіяся въ „формахъ преходящаго“ „вѣчныя цѣнности“. Но освобожденная отъ всякихъ соотношеній съ началами этики и практическихъ задачъ жизни, красота современныхъ произведеній искусства сосредоточивается на виртуозности формы, которая, въ области словеснаго искусства, проявляетъ наклонность брать, по силѣ художественнаго впечатлѣнія, перевѣсъ надъ внутреннимъ содержаніемъ, и стремится къ возбужденію ощущеній, вызываемыхъ музыкой.

Радость бытія въ общемъ смыслѣ не должна быть понимаема, какъ радость - наслажденіе. Наслажденіе жизнью еще не есть ея полнота. „Человѣкъ ищетъ въ сущности не страданій и не радости, а просто жизни“.

Эти слова написалъ Оскаръ Уайльдъ въ своей парадоксальной и любопытной статьѣ—„The soul of man under socialism“ (русскій переводъ подъ заглавіемъ „Соціализмъ и душа человѣка“, Спб., 1907). Да, человѣкъ ищетъ „просто жизни“, ищетъ—и не всегда находитъ. „Онъ стремится жить,—продолжаетъ О. Уайльдъ,—жить интенсивно, полно и совершенно. Когда ему удается достигнуть этого, не совершая насилія надъ другими и самъ не подвергаясь ему, и когда всякая его дѣятельность будетъ радостна, тогда онъ станетъ здоровѣе, сильнѣе,

культурнѣе и оригинальнѣе. Радость—это печать природы, знакъ ея согласія. Когда человѣкъ счастливъ, онъ въ гармоніи самъ съ собой *и со всѣмъ окружающимъ*"...

Наряду съ соціализмомъ, призваннымъ облегчить „матеріальную" борьбу человѣчества, индивидуализмъ стремится въ своемъ развитіи къ идеалу совершенной человѣческой личности, воспринимающей бытіе наиболѣе полно всѣмъ напряженіемъ воли, мысли, чувства. Искусство вводитъ въ развитіе индивидуализма эстетическое начало: красота, воспринятая свободно и самоцѣльно индивидуалистически-развитой личностью, послужитъ ей лучшимъ критеріемъ, чѣмъ всѣ искусственно-преподанныя наставленія морали и долга,—но, замѣтимъ, при условіи, если рѣшающимъ критеріемъ поступковъ человѣка будетъ любовь—къ жизни и къ людямъ. Это двѣ силы, равно объемлющія міръ: одна посылаетъ блескъ и свѣтъ, другая—тепло, и только на ихъ равновѣсіи держится гармонія человѣческаго счастья.

Въ своихъ примѣрахъ мы старались останавливаться по преимуществу на произведеніяхъ болѣе „здороваго искусства", но есть и искусство больное, маніакальное, безумное, утверждающее не радостное и полное бытіе, а скрытые въ немъ ужасы, провалы, бездны, неизвѣстности, всѣ градаціи „ущерба" жизни, приводящія къ ея полному отрицанію. Съ точки зрѣнія „свободы искусства" всѣ предметы равны. Объективно я признаю художникомъ всякаго, о комъ на вопросъ—*какъ* создалъ онъ свое произведеніе?—я могу сказать: „дивно, божественно, вдохновенно"... Но субъективно, всмотрѣвшись въ конкретное содержаніе художественнаго творенія, или воспринявъ его символику непосредственнымъ чувствомъ, я могу сказать, нимало не нарушая моего пониманія свободы искусства: „Да, художникъ великолѣпно, какъ истинный мастеръ своего дѣла, создалъ нѣчто, само по себѣ отвратительное". И я или посмѣюсь, или вознегодую на стихотвореніе, картину, пьесу, и оставлю за собою право судить о нихъ съ точки зрѣнія того чувства, какое они возбудили во мнѣ.

Освобожденіе искусства отъ морали... Еще Гегель добивался его, но только послѣ Ницше писатели, въ частности, цѣлымъ направленіемъ, стали его осуществлять, но осуществленіе это, можетъ быть, не дошло еще до своего полнаго развитія, потому что на молодыхъ нашихъ художникахъ, доводящихъ свое пониманіе свободы до геркулесовыхъ столбовъ, не всегда замѣтно сознаніе всей серьезности своего положенія. Догмы морали, религіи, утилитаризма, общественныхъ наукъ налагали путы на творчество прежнихъ художниковъ и поэтовъ, но онѣ же снимали съ нихъ

извѣстную долю отвѣтственности за *направленіе* ихъ произведеній. Теперь же освобожденіе отъ всякихъ догмъ ставитъ передъ художникомъ трудную проблему такъ владѣть этой свободой, чтобы она, давая возможно полное выраженіе художественному индивидуализму, вносила въ жизнь красоту, а не безобразіе, увлекала и волновала мечтой о безконечной символикѣ жизненныхъ тайнъ, но не погружала въ тину низменныхъ инстинктовъ, изъ которыхъ человѣчество и безъ того выпутаться не можетъ. Многіе софисты нашего времени, прикрываясь „свободой искусства", стали, „съ самодовольствомъ рѣзвящихся фавновъ, наизнанку вывертывать на полотнѣ и въ стихахъ свое „я", не заботясь о коренномъ, „вѣчномъ" требованіи искусства,—чтобы изображеніе этихъ „я" было общечеловѣчески-интересно. Содержаніе же многаго изъ того, что̀ преподносится намъ въ видѣ самоновѣйшихъ произведеній свободнаго искусства, отличается несомнѣнной вздорностью, психопатіей, мертвечиной, наклонностью къ галлюцинаціямъ, за которыми, однако, не видно божества. Но зато сами такіе поэты стали богами, и требуютъ себѣ поклоненія, въ которомъ имъ не отказываютъ трусливые и слабохарактерные люди, боящіеся прослыть не понимающими тѣхъ откровеній, надъ которыми должны были бы смѣяться сами правовѣрные и хитроумные авгуры...

Нѣсколько болѣе талантливые изъ поэтовъ новаго искусства не „постыдились" признаться, что они отдали все свое творчество жизни, почерпая изъ нея, подобно древнему Антею отъ прикосновенія къ матери-землѣ, живительные соки обновленія и духовныхъ силъ. Есть такіе и изъ „молодыхъ"; но пока они „развиваются" и ростутъ, при своемъ божественномъ происхожденіи, не по днямъ, а по часамъ, вокругъ нихъ (менѣе граціозно, чѣмъ ліаны) вьются цѣлыя стаи поэтовъ и поэтиковъ, чьей музѣ, подрумяненной чужими румянами и претенціозной, едва-ли овладѣть когда-либо той высшей „свободой искусства", которая поможетъ сдѣлать „выявленіе" „я" не только божественнымъ, но и человѣчески-интереснымъ.

Пусть же они берутъ примѣръ съ тѣхъ представителей новаго искусства, которые расширили содержаніе своей поэзіи до освобожденія отъ всего, не только мѣшавшаго свободѣ ихъ творчества, но и отъ вреднаго вліянія кружковщины, которая самимъ поэтамъ не всегда даетъ возможность отличить мелочное украшеніе отъ истиннаго таланта. Когда же истинные таланты обнаружатся и найдутъ свою дорогу, возстановится и какъ будто затерянная гдѣ-то связь съ широкими традиціями русской литературы...

Евг. Ляцкій.

ДРЕМЛЮЩІЯ ДУШИ

Три разсказа Артура Шницлера.

— Arthur Schnitzler. Dämmerseelen. Novellen. Berlin, 1907 (S. Fischer, Verlag).

I.

Новая пѣсня.

— Не моя это вина, господинъ фонъ-Брейтенедеръ... Ужъ пожалуйста! Этого никто не можетъ сказать.

Карлу Брейтенедеру казалось, что эти слова доходятъ до него откуда-то издалека, хотя онъ отлично зналъ, что человѣкъ, произносившій ихъ, шелъ рядомъ съ нимъ; онъ даже чувствовалъ винный паръ, окутывавшій эти слова. Но онъ ничего не отвѣтилъ. Онъ не могъ пускаться въ какія-либо препирательства; его слишкомъ потрясло страшное событіе этой ночи, онъ усталъ, и ему хотѣлось только остаться одному и подышать свѣжимъ воздухомъ. Поэтому онъ и не пошелъ домой, а отправился дальше по безлюдной улицѣ въ предутренній часъ, направляясь за городъ, къ лѣсистымъ холмамъ, которые выступали изъ легкаго майскаго тумана. Но его охватывала ежеминутно дрожь, пронизывавшая его съ головы до ногъ, и онъ не чувствовалъ прелести утренней прохлады, которая обыкновенно освѣжала его, когда онъ выходилъ на воздухъ послѣ безсонныхъ ночей. У него неустанно стояло передъ глазами страшное зрѣлище, отъ котораго онъ убѣжалъ.

Человѣкъ, который шелъ рядомъ съ нимъ, вѣроятно только-что нагналъ его. Что̀ ему нужно отъ него?.. Почему онъ оправ-

дывается?.. и почему именно передъ нимъ?.. Онъ и не думалъ упрекать вслухъ старика Ребая, хотя зналъ, что онъ—главный виновникъ того, что̀ случилось. Онъ взглянулъ на него—и ужаснулся его виду. Черный сюртукъ былъ смятъ и весь въ пятнахъ, одна пуговица оторвалась, другія едва держались; въ петличкѣ торчалъ стебелекъ съ увядшимъ цвѣткомъ. Вчера вечеромъ Карлъ видѣлъ этотъ цвѣтокъ еще свѣжимъ. Съ этой же гвоздикой въ петлицѣ Ребай сидѣлъ у дребезжащаго піанино и аккомпанировалъ всей „труппѣ Ладенбауэръ", какъ онъ это дѣлалъ вотъ уже скоро тридцать лѣтъ. Маленькій ресторанъ былъ переполненъ, столы и стулья стояли даже въ садикѣ: въ этотъ вечеръ—какъ напечатано было черными и красными буквами на большихъ желтыхъ афишахъ—должно было состояться „первое выступленіе дѣвицы Маріи Ладенбауэръ, по прозванію „бѣлый дроздъ", послѣ выздоровленія отъ тяжкой болѣзни".

Карлъ вздохнулъ полной грудью. Стало совсѣмъ свѣтло, и онъ съ Ребаемъ были уже не одни на улицѣ. За ними, а также изъ боковыхъ улицъ, даже изъ лѣса навстрѣчу имъ, стали появляться гуляющіе. Теперь только Карлъ вспомнилъ, что сегодня—воскресенье. Онъ былъ доволенъ, что нѣтъ необходимости идти въ городъ, хотя, конечно, его отецъ на этотъ разъ простилъ бы ему, если бы онъ не явился на работу и въ будни. Въ старинной токарной мастерской на Андерштрассе работа отлично шла и безъ него; отецъ же его хорошо зналъ, что онъ во̀-время остепенится—какъ всѣ Брейтенедеры. Дружбу съ Маріей Ладенбауэръ онъ, правда, не одобрялъ.—Ты можешь, конечно, дѣлать, что̀ хочешь,—мягко сказалъ онъ однажды Карлу,—я тоже былъ молодъ въ свое время. Но я не водилъ знакомства съ семьями моихъ случайныхъ подругъ. Я слишкомъ уважалъ себя для этого.

Почему онъ не послушался отца?—думалъ теперь про себя Карлъ;—это бы спасло его отъ многаго. Но онъ очень привязался къ Маріи. У нея былъ такой кроткій характеръ, она такъ нѣжно и такъ тихо любила его, и когда они ходили гулять подъ-руку, никто бы не принялъ ее за такую, которая уже кое-что пережила на своемъ вѣку. Къ тому же въ домѣ у ея родителей было не менѣе прилично, чѣмъ въ любой почтенной семьѣ. Квартира содержалась въ большой чистотѣ, на этажеркѣ разставлены были книги; часто приходилъ въ гости братъ старика Ладенбауэра, служившій по городскому управленію, и тогда говорили объ очень серьезныхъ вопросахъ: о политикѣ, о городскихъ выборахъ. По воскресеньямъ Карлъ игралъ у нихъ иногда въ тарокъ со старикомъ Ладенбауэромъ и съ сумасшедшимъ Іедекомъ, тѣмъ са-

мымъ, который вечеромъ одѣвался клоуномъ и исполнялъ вальсы и марши на стаканахъ и тарелкахъ. А когда Карлъ выигрывалъ, ему сейчасъ же уплачивали деньги, что вовсе не всегда случалось, когда онъ игралъ въ карты въ своемъ кафе. Въ нишѣ, у окна съ картинками на стеклѣ, изображавшими швейцарскіе пейзажи, сидѣла блѣдная, сухая жена Іедека, которая по вечерамъ, во время представленій, декламировала скучныя стихотворенія; она болтала съ Маріей и при этомъ почти непрерывно кивала головой. А Марія переглядывалась съ Карломъ, улыбаясь ему, или подсаживалась къ нему и смотрѣла ему въ карты. Братъ ея служилъ приказчикомъ въ большомъ магазинѣ, и когда Карлъ угощалъ его сигарой, онъ всегда тотчасъ же отплачивалъ ему за любезность тѣмъ же. Иногда онъ приносилъ сестрѣ, которую очень любилъ, сласти въ подарокъ. И уходя, онъ всегда говорилъ съ томнымъ видомъ:—Я, къ сожалѣнію, долженъ уйти; меня ждутъ...

Конечно, пріятнѣе всего было Карлу оставаться наединѣ съ Маріей. Онъ вспоминалъ теперь то утро, когда онъ шелъ съ ней по этой же дорогѣ, направляясь въ тихо шумѣвшій лѣсъ на холмѣ. Они оба очень устали, такъ какъ пришли прямо изъ кафе, гдѣ сидѣли до утра со всей компаніей исполнителей народныхъ пѣсенъ; они легли подъ вязомъ, на краю лужайки и заснули. Проснувшись среди знойной тишины полудня, они прошли еще дальше въ лѣсъ, весь день болтали и смѣялись, сами не зная почему, и только поздно вечеромъ онъ привелъ Марію обратно въ городъ къ самому представленію. Такихъ пріятныхъ воспоминаній у Карла было довольно много. Оба они жили беззаботно, не думая о будущемъ. Въ началѣ зимы Марія вдругъ заболѣла. Докторъ строго запретилъ навѣщать ее кому бы то ни было: болѣзнь ея была воспаленіемъ мозга, или чѣмъ-то въ этомъ родѣ, и нужно было избѣгать всякаго волненія. Карлъ сначала ходилъ каждый день справляться о состояніи Маріи, потомъ, такъ какъ болѣзнь затянулась, приходилъ черезъ день или черезъ два дня. Прошло довольно много времени, и однажды, когда Карлъ пришелъ къ Ладенбауэрамъ, мать Маріи встрѣтила его словами:—Сегодня вы можете зайти къ ней, господинъ фонъ-Брейтенедеръ. Только, пожалуйста, будьте осторожны, не говорите...—О чемъ?—тревожно спросилъ Карлъ.—Развѣ что-нибудь случилось?...—Да, съ глазами ея плохо... Нѣтъ никакой надежды.—Какъ такъ?—Она ничего не видитъ. Это осталось отъ болѣзни. Но она еще не знаетъ, что это неизлечимо. Такъ вы ужъ будьте осторожны, чтобы она не догадалась.

Тогда Карлъ пробормоталъ нѣсколько словъ и ушелъ. Ему сдѣлалось вдругъ страшно увидѣть Марію. Ему казалось теперь, что онъ ничего такъ не любилъ въ ней, какъ ея глаза. Они были такіе свѣтлые и такъ нѣжно улыбались ему. Онъ сказалъ, что придетъ на слѣдующій день, но не пришелъ ни на слѣдующій день, ни черезъ два дня. Онъ все откладывалъ свое посѣщеніе, рѣшивъ про себя, что повидается съ ней уже тогда, когда она примирится со своимъ несчастьемъ. Потомъ такъ случилось, что онъ долженъ былъ уѣхать по дѣламъ; отецъ уже давно настаивалъ на этой поѣздкѣ. Карлъ побывалъ въ разныхъ мѣстахъ, въ Берлинѣ, въ Дрезденѣ, въ Кельнѣ, въ Лейпцигѣ. Разъ онъ написалъ открытое письмо матери Маріи, въ которомъ сказано было, что онъ придетъ къ нимъ, какъ только вернется, и что онъ шлетъ поклонъ Маріи.

Онъ вернулся весной, но къ Ладенбауэрамъ не заходилъ — не могъ рѣшиться. Конечно, онъ съ каждымъ днемъ все меньше думалъ о Маріи и рѣшилъ окончательно забыть о ней. Вѣдь онъ былъ у нея не первый и не единственный. Никакихъ извѣстій о ней до него не доходило, и онъ постепенно успокоился и почему-то иногда воображалъ себѣ, что Марія живетъ въ деревнѣ у родственниковъ, о которыхъ она ему разсказывала.

И вотъ вчера вечеромъ — онъ направлялся къ знакомымъ, которые жили въ этой мѣстности, — онъ случайно прошелъ мимо ресторана, гдѣ обыкновенно происходили представленія „труппы Ладенбауэръ“. Погруженный въ свои мысли, онъ уже было прошелъ мимо, какъ вдругъ ему бросилась въ глаза желтая афиша, и онъ сообразилъ, гдѣ очутился. У него сжалось сердце прежде еще, чѣмъ онъ прочелъ афишу. А потомъ, когда онъ увидѣлъ извѣщеніе красными и черными буквами о „первомъ выступленіи Маріи Ладенбауэръ, по прозванію „бѣлый дроздъ“ послѣ ея выздоровленія“, онъ остановился и не могъ шевельнуться. Въ эту минуту подлѣ него очутился точно выросшій изъ-подъ земли старикъ Ребай: сѣдая, взъерошенная голова его была непокрыта, онъ держалъ въ рукѣ свой потертый цилиндръ, и въ петличкѣ торчалъ свѣжій цвѣтокъ. Онъ поздоровался съ Карломъ. — А, господинъ фонъ-Брейтенедеръ, — вотъ сюрпризъ! — воскликнулъ онъ. — Вы, надѣюсь, почтите насъ сегодня своимъ посѣщеніемъ? Фрейлейнъ Марія будетъ внѣ себя отъ радости, когда узнаетъ, что прежніе друзья не забыли ее. Бѣдняжка! Много мы горя вынесли изъ-за нея, господинъ фонъ-Брейтенедеръ. Но теперь она успокоилась. — Онъ продолжалъ говорить, и Карлъ не двигался съ мѣста, хотя ему очень хотѣлось поскорѣе уйти. Но вдругъ въ

— Вотъ тутъ маленькій садикъ,—сказалъ Ребай, и Карлъ вздрогнулъ. Было свѣтлое солнечное утро, улица была залита солнцемъ и уже началось праздничное оживленіе. — Зайдемте сюда,—продолжалъ Ребай.—Тутъ можно посидѣть и выпить по стаканчику вина. Меня томитъ жажда—сегодня будетъ жаркій день.

— Очень даже жаркій,—сказалъ кто-то за ними.

Брейтенедеръ обернулся. Какъ, и онъ побѣжалъ за нимъ?.. Что̀ ему нужно? Это былъ сумасшедшій Іедекъ. Его звали сумасшедшимъ въ шутку, но онъ былъ дѣйствительно близокъ къ настоящему сумасшествію. За нѣсколько дней до того онъ угрожалъ своей жалкой, блѣдной женѣ, что убьетъ ее, и непонятно было, почему его оставляютъ на свободѣ. Теперь, когда онъ шелъ рядомъ съ Брейтенедеромъ, онъ казался настоящимъ карликомъ. Съ желтаго лица выглядывали широко раскрытые, сверкающіе непонятной веселостью глаза; на головѣ у него была сѣрая мягкая шляпа съ вылинявшимъ перомъ,—ее хорошо знали во всемъ городѣ,—а въ рукѣ онъ держалъ тоненькую палку. Вдругъ, опередивъ остальныхъ, онъ быстро вбѣжалъ въ маленькій садикъ ресторана, сѣлъ на деревянную скамью, прислоненную къ домику, рѣзко ударилъ палкой по зеленому деревянному столу и позвалъ кельнера. Карлъ и Ребай послѣдовали за нимъ. Вдоль зеленой деревянной рѣшетки улица тянулась дальше вверхъ, мимо маленькихъ, грустныхъ виллъ, и терялась въ лѣсу.

Кельнеръ принесъ вина. Ребай положилъ цилиндръ на столъ, провелъ рукой по сѣдымъ волосамъ, потомъ, по привычкѣ, погладилъ себя обѣими руками по гладкимъ щекамъ, отодвинулъ стаканъ Іедека и наклонился черезъ столъ къ Карлу.

— Вѣдь я не какой-нибудь дуракъ, господинъ фонъ-Брейтенедеръ,—сказалъ онъ.—Я знаю, что̀ дѣлаю. Какъ же говорить, что я виноватъ?.. Знаете, для кого я писалъ куплеты въ молодости? Для знаменитаго комика Матраса. Это не шутка! И они производили фуроръ. Я сочинялъ и музыку, и слова. И много моихъ куплетовъ вставлены въ разные водевили.

— Не трогайте мой стаканъ! — сказалъ Іедекъ и захихикалъ.

— Выслушайте меня, господинъ фонъ-Брейтенедеръ, — сказалъ Ребай и снова отодвинулъ стаканъ Іедека. — Вы меня знаете,—знаете, что я—честный человѣкъ. Въ моихъ куплетахъ никогда нѣтъ ничего неприличнаго, никакихъ сальностей... Тѣ куплеты, за которые осудили старика Ладенбауэра,—не мои... Мнѣ теперь шестьдесятъ-восемь лѣтъ, господинъ фонъ-Брейтенедеръ,—

это вѣдь что-нибудь да значитъ. И знаете, какъ давно я состою въ труппѣ Ладенбауэра? Я вступилъ въ нее еще при Эдуардѣ Ладенбауэрѣ, основавшемъ труппу. Марію я знаю со дня ея рожденія. Я двадцать-девять лѣтъ служу у Ладенбауэровъ—въ мартѣ будетъ мой юбилей. И я не кралъ мелодій—всѣ онѣ мои—и музыка, и слова. А знаете, сколько моихъ пѣсенъ теперь играютъ шарманки?—Восемнадцать!.. Правду я говорю, Іедекъ?

Іедекъ все время беззвучно смѣялся, широко раскрывъ глаза. Онъ придвинулъ къ себѣ всѣ три стакана и началъ легко проводить пальцемъ по краямъ. Раздалась трогательная, нѣжная мелодія, напоминавшая далекіе звуки гобоя и кларнета. Брейтенедеръ восхищался всегда музыкальностью Іедека, но на этотъ разъ звуки эти были ему невыносимы. У другихъ столовъ стали прислушиваться, и нѣкоторые одобрительно кивали головой; одинъ толстый господинъ сталъ даже апплодировать. Но вдругъ Іедекъ отставилъ всѣ три стакана, скрестилъ руки на груди и устремилъ глаза на улицу. По ней шли теперь, по направленію къ лѣсу, множество гуляющихъ. У Карла стало рябить въ глазахъ. Ему казалось, что воздухъ задернутъ сѣтью паутины, и за нею толпа людей приплясываетъ и уносится куда-то вверхъ. Онъ сталъ тереть себѣ глаза и лобъ, чтобы очнуться. Вѣдь онъ не виноватъ! Случилось страшное несчастіе, но вѣдь не по его винѣ. И вдругъ онъ вскочилъ: стоило ему вспомнить о случившемся, какъ ему казалось, что у него разрывается сердце.

— Пойдемъ!—сказалъ онъ.

— Да, выйдемъ на воздухъ,—отвѣтилъ Ребай.

Іедекъ вдругъ разозлился, неизвѣстно почему. Онъ сталъ передъ столомъ, у котораго сидѣли двое мирныхъ людей, сталъ размахивать палкой по воздуху и кричать:

— Да тутъ чортъ ногу сломитъ!

Сидѣвшіе смутились и пробовали его успокоить. Другіе смѣялись и думали, что онъ пьянъ.

Брейтенедеръ и Ребай вышли на улицу, и Іедекъ, успокоившись, побѣжалъ въ припрыжку за ними. Онъ снялъ свою сѣрую шляпу, повѣсилъ ее на палку и понесъ палку съ шляпой черезъ плечо. Свободной рукой онъ посылалъ привѣтствія небу.

— Не думайте, что я собираюсь оправдываться, — сказалъ Ребай.—У меня нѣтъ никакого основанія. Никакого. У меня были самыя лучшія намѣренія,—это всякій скажетъ. Вѣдь я самъ разучивалъ съ ней пѣсню... Да, самъ. Я началъ учить ее, когда она сидѣла еще съ повязкой на глазахъ. И знаете, какъ это

пришло мнѣ въ голову?.. Несчастіе, конечно, большое, подумалъ я, но все-таки не все еще потеряно. У нея хорошій голосъ, красивое лицо... Я сказалъ это и матери, которая была въ полномъ отчаяніи. „Фрау Ладенбауеръ,—сказалъ я ей,—еще не все потеряно—вотъ увидите. И знаете ли, теперь, когда есть институты для слѣпыхъ, гдѣ ихъ даже учатъ читать и писать, нечего приходить въ отчаяніе... И вотъ еще что̀ я вамъ скажу: у меня есть одинъ знакомый—онъ ослѣпъ въ двадцать лѣтъ. И ему каждую ночь снятся фейерверки"...

Брейтенедеръ разсмѣялся.

— Это вы въ серьезъ говорите?—спросилъ онъ.

— Да ну васъ! — грубо отвѣтилъ Ребай. — Что̀ же, по вашему, я долженъ убить себя, что̀-ли? Да почему? У меня было немало горя въ жизни, увѣряю васъ. Или, по вашему, это настоящая жизнь, господинъ фонъ-Брейтенедеръ, когда человѣкъ, который когда-то писалъ пьесы для сцены, какъ я въ молодости, въ шестьдесятъ-восемь лѣтъ дошелъ до того, что долженъ аккомпанировать на дрянномъ піанино хриплымъ пѣвцамъ... За жалкіе гроши. Знаете, сколько я получаю за пѣсню? Вы бы удивились, господинъ фонъ-Брейтенедеръ, еслибы я вамъ сказалъ.

— Но вѣдь ихъ играютъ шарманки,—сказалъ Іедекъ.

— Чего вы отъ меня хотите?—крикнулъ Брейтенедеръ. Ему казалось, что оба человѣка преслѣдуютъ его, неизвѣстно почему. Что̀ у него съ ними общаго?

Но Ребай продолжалъ:

— Я хотѣлъ создать ей положеніе въ жизни... Понимаете ли? Создать на̀-ново положеніе въ жизни... Именно этой новой пѣснью... Именно этой пѣснью. Или, по вашему, пѣсня не хорошая, не трогательная?

Іедекъ вдругъ схватилъ Брейтенедера за рукавъ, поднялъ указательный палецъ лѣвой руки, требуя вниманія, вытянулъ губы и сталъ свистать. Онъ насвистывалъ мелодію новой пѣсни, которую Марія Ладенбауэръ, по прозванію „бѣлый дроздъ", пѣла въ этотъ вечеръ. Онъ просвисталъ ее въ совершенствѣ. Это былъ тоже одинъ изъ его талантовъ.

— Дѣло не въ мелодіи,—сказалъ Брейтенедеръ.

— Вотъ какъ!—вскрикнулъ Ребай. Они всѣ шли очень быстро, почти бѣгомъ, хотя дорога поднималась вверхъ.—Вотъ какъ, господинъ фонъ-Брейтенедеръ!.. По вашему, всему виной слова?.. Да что̀ вы, Господи помилуй, вѣдь въ словахъ сказано только то, что̀ Марія сама знала. Въ нихъ нѣтъ ничего, чего бы Марія не знала сама... Когда я разучивалъ съ ней пѣсню у нея

въ комнатѣ, она даже ни разу не заплакала. Она только сказала: „Какая печальная пѣсня, господинъ Ребай, но и какая красивая!“... „Красивая!“—сказала она. Ну, конечно, пѣсня печальная, господинъ фонъ-Брейтенедеръ, а судьба Маріи развѣ не печальная? Не могъ же я написать для нея веселую пѣсню, послѣ всего, что̀ случилось.

Они входили въ лѣсъ. Сквозь вѣтви блистало солнце; изъ за кустовъ доносились смѣхъ и говоръ. Они шли втроемъ, рядомъ, и такъ быстро, точно каждый хотѣлъ убѣжать отъ своихъ спутниковъ. Вдругъ Ребай снова заговорилъ:

— А публика-то, чортъ возьми! Развѣ она не апплодировала изо всѣхъ силъ? Я зналъ заранѣе, что успѣхъ будетъ огромный. И ей это было пріятно... У нея все лицо озарилось улыбкой, и послѣднюю строфу пришлось повторить. Она такая трогательная! Когда я ее придумалъ, у меня самого стояли слезы въ глазахъ. Самое трогательное—это намекъ на ту пѣсню, которую она всегда поетъ...

И онъ запѣлъ или, вѣрнѣе, прочиталъ, выдѣляя риѳмы на подобіе органныхъ звуковъ:

„Какъ было на свѣтѣ мнѣ прежде все *мило*!
Какъ солнце въ лѣсу и въ лугахъ мнѣ *свѣтило*!
Какъ съ милымъ я въ праздникъ далеко *гуляла*;
Его изъ любви лишь за руку *держала*.
Теперь ужъ ни солнца, ни звѣздъ *не видать*.
Мнѣ счастья и радости больше *не знать*!“

— Довольно!—крикнулъ Брейтенедеръ.—Я вѣдь слышалъ...

— Что жъ, по-вашему, не хороша пѣсня?—сказалъ Ребай, размахивая цилиндромъ.—Не много теперь найдется людей, которые могутъ сочинить такую трогательную пѣсню. А мнѣ старикъ Ладенбауэръ заплатилъ за нее пять гульденовъ... Вотъ каковы мои гонорары, господинъ фонъ-Брейтенедеръ. И притомъ еще я разучилъ съ ней пѣсню.

Іедекъ опять поднялъ указательный палецъ и тихо пропѣлъ припѣвъ:

„О, Боже, какъ горько весны не видать!..“

— Изъ-за чего же, спрашиваю я!..—воскликнулъ Ребай.—Изъ-за чего?.. Сейчасъ послѣ того какъ она спѣла, я зашелъ къ ней... Правда вѣдь, Іедекъ?.. Она сидѣла, весело улыбалась и пила свой стаканчикъ вина. А я погладилъ ее по головѣ и сказалъ: „Вотъ видишь, Марія, какъ всѣмъ понравилось! Теперь, навѣрное, къ намъ будутъ приходить изъ города. Эта пѣсня прославитъ тебя. Ты такъ хорошо поешь“... Ну, и тамъ все такое,

что̀ говорится въ такихъ случаяхъ. И хозяинъ тоже вошелъ и поздравилъ ее. И цвѣты ей принесли—не отъ васъ, господинъ фонъ-Брейтенедеръ... Все шло какъ слѣдуетъ... Такъ почему же во всемъ виновата моя пѣсня? Что̀ за глупости!

Вдругъ Брейтенедеръ остановился и схватилъ Ребая за плечи.

— Почему вы ей сказали, что я пришелъ? Почему? Вѣдь я васъ просилъ не говорить.

— Оставьте меня въ покоѣ. Я ей не говорилъ. Она, навѣрное, узнала отъ стариковъ.

— Нѣтъ,—сказалъ Іедекъ, отвѣшивая учтивый поклонъ,—это я взялъ на себя смѣлость, господинъ фонъ-Брейтенедеръ,—это я позволилъ себѣ сообщить ей о томъ, что вы въ залѣ. Я зналъ, что вы пришли, и поэтому сказалъ ей. Во время болѣзни она постоянно справлялась о васъ; вотъ почему я и сказалъ ей: „Тутъ господинъ фонъ-Брейтенедеръ. Онъ стоялъ у фонаря, сказалъ я ей, и ему очень понравилось".

— Вотъ какъ!—сказалъ Брейтенедеръ. У него сжалось горло, и онъ отвелъ глаза, такъ какъ не могъ выдержать упорнаго взгляда Іедека. Онъ въ изнеможеніи опустился на скамью, къ которой они подошли, и закрылъ глаза. Ему вдругъ представилось, какъ онъ сидѣлъ въ садикѣ и услышалъ голосъ фрау Ладенбауэръ: „Марія кланяется вамъ,—сказала она,—и спрашиваетъ, не пойдете ли вы съ нами ужинать послѣ представленія?" Ему вдругъ стало легко на душѣ—точно Марія ему все простила. Онъ выпилъ вино и заказалъ себѣ другое, лучшее. Онъ пилъ очень много, и ему сдѣлалось весело. Онъ съ искреннимъ удовольствіемъ выслушалъ дальнѣйшіе нумера программы, аплодировалъ вмѣстѣ со всѣми, и когда представленіе кончилось, пошелъ въ самомъ лучшемъ настроеніи черезъ залу въ отдѣльную комнату ресторана; тамъ онъ направился къ угловому круглому столу, за которымъ обыкновенно вся компанія ужинала послѣ представленія. Тамъ уже сидѣло нѣсколько людей: Вигель-Вагель, Іедекъ съ женой, какой-то господинъ въ очкахъ, незнакомый Карлу; всѣ они поздоровались съ нимъ и, повидимому, не очень удивились его появленію. Вдругъ онъ услышалъ за спиной голосъ Маріи:

— Я сама пройду, мама, я знаю дорогу.—Онъ не рѣшился обернуться, но вотъ она уже сѣла рядомъ съ нимъ и сказала:—Здравствуйте, господинъ фонъ-Брейтенедеръ,—какъ поживаете?—И потомъ она сѣла ужинать. Ей давали все разрѣзаннымъ на маленькіе кусочки, и вся компанія была въ самомъ веселомъ настроеніи—точно ничто не измѣнилось.—Сегодня сошло удачно,—

сказалъ старикъ Ладенбауэръ.—Настанутъ опять хорошія времена.— Жена Іедека говорила о томъ, что, по общему отзыву, голосъ Маріи гораздо лучше звучитъ, чѣмъ прежде, а Вигель-Вагель поднялъ стаканъ и провозгласилъ:—За здоровье исцѣлившейся!— Марія подняла стаканъ, всѣ чокнулись съ ней, и Карлъ тоже прикоснулся своимъ стаканомъ къ ея стакану. Ему показалось тогда, что ея мертвый взглядъ проникаетъ въ его глаза, и что она можетъ взглянуть глубоко въ его душу. Былъ также и ея братъ, весьма изящно одѣтый, и предложилъ Карлу сигару. Веселѣе всѣхъ была Илька; ея поклонникъ, толстый молодой человѣкъ, съ выраженіемъ озабоченности на лицѣ, сидѣлъ противъ нея и оживленно разговаривалъ со старикомъ Ладенбауэромъ. Жена Іедека не снимала желтаго лѣтняго пальто, и все смотрѣла куда-то въ уголъ, гдѣ ничего не было видно. Два-три раза подходили люди съ сосѣдняго стола и поздравляли Марію. Она отвѣчала мило и кротко, какъ всегда; казалось, что ничто не измѣнилось. Вдругъ она обратилась къ Карлу: — Почему вы такъ молчаливы? — спросила она. Тогда только онъ замѣтилъ, что сидѣлъ все время, не раскрывая рта. Онъ вдругъ сталъ оживленно говорить, принялъ участіе въ общей бесѣдѣ, и только Маріи не сказалъ ни единаго слова. Ребай вспоминалъ о счастливомъ времени, когда онъ писалъ куплеты для Матраса, разсказалъ содержаніе фарса, написаннаго имъ тридцать-пять лѣтъ тому назадъ, и самъ представилъ всѣ роли. Больше всего всѣ хохотали, когда онъ сталъ представлять чеха-музыканта. Въ часъ всѣ поднялись. Мать Маріи взяла ее подъ-руку. Всѣ смѣялись, кричали... Всѣ уже свыклись съ тѣмъ, что для Маріи весь міръ погруженъ въ мракъ. Карлъ пошелъ рядомъ съ фрау Ладенбауэръ. Она добродушно разспрашивала его о разныхъ вещахъ, о томъ, что̀ дѣлается у него въ семьѣ, о его путешествіи; Карлъ сталъ торопливо разсказывать обо всемъ, что̀ видѣлъ въ разныхъ городахъ, въ особенности о театрахъ и кафе-концертахъ. При этомъ онъ внутренно удивлялся, какъ это Марія твердо идетъ подъ-руку съ матерью и какъ спокойно и весело она слушаетъ его разсказы. Потомъ они всѣ зашли въ душное кафе, гдѣ въ этотъ часъ ночи было уже почти пусто. На этотъ разъ всѣхъ угощалъ толстый другъ венгерки Ильки. Тамъ, среди шума и гама, Марія подсѣла совсѣмъ близко къ Карлу, какъ въ прежнее время, такъ что онъ чувствовалъ теплоту ея тѣла. И вдругъ она дотронулась до его руки и стала ее гладить, не произнося ни слова. Ему такъ хотѣлось сказать ей что-нибудь... что-нибудь милое, утѣшающее,—но онъ не могъ... Онъ взглянулъ на нее,

и опять ему показалось, точно что-то глядитъ на него изъ ея глазъ. Но это былъ не человѣческій взглядъ, а что-то страшное, чужое, чего онъ прежде не зналъ; его охватилъ ужасъ,—точно рядомъ съ нимъ сидѣлъ призракъ... Рука ея задрожала и тихонько отдалилась отъ него; она тихо сказала: — Почему ты боишься? Я вѣдь та же самая.—Онъ не могъ ничего отвѣтить ей, и сейчасъ же заговорилъ съ другими. Черезъ нѣсколько времени раздался вдругъ голосъ:—Гдѣ же Марія?—Это спрашивала фрау Ладенбауэръ. Тогда всѣ замѣтили, что Марія исчезла. — Гдѣ же Марія?—спрашивали со всѣхъ сторонъ. Нѣсколько человѣкъ встали; старикъ Ладенбауэръ сталъ у дверей кафе и крикнулъ на улицу:—Марія!—Всѣ были взволнованы и говорили въ перемежку. Одинъ сказалъ: — Какъ можно было позволить ей встать и уйти?—Вдругъ со двора раздался крикъ:—Принесите фонари!—И опять раздался чей-то голосъ, крикнувшій:—Господи Іисусе!—Это былъ опять голосъ старой фрау Ладенбауэръ. Всѣ кинулись черезъ маленькую кухню кафе во дворъ. Уже начинало свѣтать. Внутри стараго одноэтажнаго дома шла вокругъ всего двора деревянная галерея. Тамъ, нагнувшись надъ перилами, стоялъ человѣкъ безъ сюртука съ зажженной свѣчой въ рукахъ и глядѣлъ внизъ. За нимъ появились двѣ женщины въ ночныхъ костюмахъ, и кто-то другой бѣжалъ внизъ по скрипѣвшей лѣстницѣ. Вотъ что̀ Карлъ увидѣлъ прежде всего. Потомъ что-то промелькнуло передъ его глазами, кто-то поднялъ бѣлую кружевную шаль и снова выпустилъ ее изъ рукъ. Онъ слышалъ, какъ говорили рядомъ съ нимъ: — Все равно, ничто не поможетъ... Она уже лежитъ безъ движенія!.. Пойдите же за докторомъ!.. За каретой скорой помощи... послать за полиціей!..—Всѣ шептались другъ съ другомъ; нѣкоторые выбѣжали на улицу, и за одной фигурой Карлъ сталъ невольно слѣдить глазами: это была жена Іедека въ желтомъ пальто. Она съ отчаяніемъ прижала обѣ руки ко лбу, потомъ убѣжала и уже не возвращалась. За Карломъ толпились люди. Ему пришлось толкаться локтями назадъ, чтобы не упасть на фрау Ладенбауэръ, которая стояла на колѣняхъ на землѣ, держала обѣ руки Маріи въ своихъ, раскачивала ихъ изъ стороны въ сторону и кричала:—Да скажи, наконецъ, хоть слово, скажи!..—Тогда пришелъ наконецъ съ фонаремъ привратникъ въ коричневомъ халатѣ и въ туфляхъ. Онъ посвѣтилъ лежащей въ лицо и сказалъ:—Вотъ несчастье-то! Она упала вѣдь какъ разъ головой о край колодца.—И тутъ Карлъ увидѣлъ, что Марія лежала распростертая у каменнаго края колодца. Вдругъ появился внизу человѣкъ, стоявшій на балконѣ.—Я услышалъ шумъ

минутъ пять тому назадъ, не больше,—сказалъ онъ. Всѣ глядѣли на него, и онъ все повторялъ:—Еще пяти минутъ не прошло, какъ я слышалъ шумъ... — Какъ же она пробралась на верхъ? шопотомъ спросилъ кто-то за Карломъ. — Да что тутъ удивительнаго? — отвѣтилъ другой: — домъ этотъ она отлично знала; прошла ощупью черезъ кухню, потомъ черезъ лѣстницу наверхъ, а тамъ черезъ перила внизъ. Не такъ это трудно!—Такъ шептали вокругъ Карла, но онъ не узнавалъ голосовъ, хотя навѣрное говорили все его знакомые. Онъ даже не обернулся. Гдѣ-то по сосѣдству закричалъ пѣтухъ. Карлу казалось, точно все происходитъ во снѣ. Привратникъ поставилъ фонарь на край колодца; мать кричала: —Когда же придетъ докторъ?—Старикъ Ладенбауэръ поднялъ голову Маріи, такъ что свѣтъ фонаря падалъ ей прямо въ лицо. Тогда Карлъ увидѣлъ совершенно ясно, какъ у нея зашевелились ноздри, дрогнули губы и какъ открытые мертвые глаза взглянули на него прежнимъ взглядомъ. Онъ увидѣлъ также, что мѣсто, съ котораго приподняли голову Маріи, было влажное и красное. Онъ крикнулъ:—Марія! Марія!—Но никто его не слышалъ, и онъ самъ не слышалъ себя. Человѣкъ наверху, на галереѣ, все еще стоялъ, нагнувшись надъ перилами; двѣ женщины стояли рядомъ съ нимъ, точно глядѣли на представленіе изъ ложи. Сизый утренній свѣтъ разлился по двору. Фрау Ладенбауэръ положила голову Маріи на сложенную кружевную шаль; Карлъ стоялъ неподвижно и глядѣлъ внизъ. Стало уже совсѣмъ свѣтло. Карлъ увидѣлъ, что уже ничто не шевелилось въ лицѣ Маріи; только капли крови стекали со лба и съ волосъ по щекамъ, медленно скользили по шеѣ и падали на влажныя плиты двора. Онъ понялъ, что Марія умерла...

Карлъ открылъ глаза, какъ бы пытаясь отряхнуть тяжелый сонъ. Онъ сидѣлъ одинъ на скамьѣ, и увидѣлъ, какъ Ребай и сумасшедшій Іедекъ быстро мчались внизъ по дорогѣ, по которой они поднимались втроемъ. Они, повидимому, очень оживленно о чемъ-то говорили, сильно размахивая руками, и палка Іедека вырисовывалась тонкой линіей на горизонтѣ. Они шли все быстрѣе, окруженные легкимъ облакомъ пыли. Вокругъ природа сіяла въ солнечномъ свѣтѣ, а внизу сверкалъ городъ въ дрожащемъ утреннемъ туманѣ.

II.

Предвѣщаніе.

1.

Недалеко отъ Боцена, на небольшой высотѣ, въ лѣсу, находится едва видное съ проѣзжей дороги, маленькое помѣстье барона фонъ-Шотенега. Меня познакомилъ съ барономъ одинъ пріятель, который живетъ уже десять лѣтъ въ Меранѣ, и котораго я встрѣтилъ тамъ осенью. Барону было тогда лѣтъ около пятидесяти, и онъ занимался, какъ дилеттантъ, разными искусствами. Онъ хорошо игралъ на скрипкѣ и роялѣ, занимался немного композиторствомъ, а также недурно рисовалъ. Въ прежнее время онъ болѣе всего увлекался сценическимъ искусствомъ. Говорили, что въ ранней молодости онъ подъ вымышленнымъ именемъ игралъ нѣсколько лѣтъ на маленькихъ сценахъ въ Германіи. Но потомъ, можетъ быть вслѣдствіе упорнаго сопротивленія отца, или же въ виду недостаточнаго таланта, баронъ отказался отъ этой дѣятельности и успѣлъ еще во-время поступить на государственную службу, слѣдуя традиціямъ своей семьи... Онъ прослужилъ болѣе двадцати лѣтъ добросовѣстно, хотя и безъ воодушевленія. Послѣ смерти отца онъ вышелъ въ отставку, и тогда только выяснилось, до чего въ немъ ещé была сильна его юношеская любовь къ театру. Онъ отдѣлалъ нá-ново свою виллу на Гутшнабергѣ, и тамъ собирался въ особенности лѣтомъ и осенью все болѣе и болѣе разроставшійся кругъ мужчинъ и дамъ, любителей сцены, и при ихъ содѣйствіи баронъ ставилъ легкія для исполненія пьесы, или живыя картины. Его жена, родомъ изъ старой тирольской бюргерской семьи, не раздѣляла страсти своего мужа, но она была умная женщина и не противилась его увлеченію, тѣмъ болѣе, что оно привлекало многочисленное общество въ ихъ замокъ, и ей это было пріятно. Правда, общество, собиравшееся у барона, могло казаться не очень избраннымъ для строгихъ критиковъ, но даже тѣ гости которые по рожденію и воспитанію склонны были питать общественные предразсудки, ничего не имѣли противъ нѣкоторой пестроты баронскаго круга. Спектакли въ замкѣ служили для этого достаточнымъ оправданіемъ, и, кромѣ того, безупречная репутація баронской четы устраняла всякое подозрѣніе въ воль-

ности нравовъ. Среди другихъ, которыхъ я уже не помню, я встрѣчалъ въ замкѣ одного молодого графа, служившаго въ инсбрукскомъ полку, капитана генеральнаго штаба съ женой и дочерью, опереточную пѣвицу изъ Берлина, фабриканта ликеровъ изъ Боцена съ двумя сыновьями, барона Мейдольта, только-что вернувшагося изъ кругосвѣтнаго путешествія, одного бывшаго актера императорскаго театра, графиню Сайму, которая была актрисой до замужества, съ дочерью, и датскаго художника Петерсена.

Въ самомъ замкѣ жили только немногіе изъ гостей. Изъ другихъ, одни жили въ Боценѣ, другіе въ скромной гостинницѣ на большой дорогѣ, у поворота въ помѣстье барона. Но послѣ полудня весь кружокъ обыкновенно собирался въ замкѣ, и тогда, подъ режиссерствомъ бывшаго придворнаго актера, или же самого барона, который самъ никогда не участвовалъ въ спектакляхъ, начинались репетиціи, длившіяся обыкновенно до поздняго вечера. Сначала онѣ происходили среди шутокъ и смѣха, потомъ становились болѣе серьезными по мѣрѣ приближенія дня спектакля. Смотря по погодѣ, по настроенію и по степени подготовленности, и всегда въ соотвѣтствіи съ мѣстомъ дѣйствія въ пьесѣ, спектакли устраивались или на лугу у лѣса, за садомъ замка, или же въ верхнемъ этажѣ замка, въ залѣ съ тремя большими сводчатыми окнами.

Когда я въ первый разъ пріѣхалъ къ барону, я намѣревался только пріятно провести день на новомъ мѣстѣ, среди новыхъ людей. Но, какъ это иногда бываетъ, когда человѣкъ странствуетъ безъ цѣли, совершенно свободный, и когда, кромѣ того, начинаешь стариться, и никакія сильныя привязанности не тянутъ домой, я поддался просьбамъ барона остаться у него подольше. Вмѣсто одного дня прошло два, три дня и больше, и такимъ образомъ я, къ моему собственному удивленію, прожилъ до глубокой осени въ замкѣ, гдѣ мнѣ отвели на маленькой башнѣ уютную комнату съ видомъ на долину. Это первое пребываніе въ помѣстьи барона оставило во мнѣ пріятное воспоминаніе, тѣмъ болѣе, что, несмотря на шумъ и веселье вокругъ меня, я самъ проводилъ время въ тишинѣ, мало общался съ гостями, и значительную часть времени бродилъ одинъ по лѣсу, занятый своими мыслями и своей работой. Даже то обстоятельство, что баронъ изъ вѣжливости предложилъ поставить у себя одну мою пьесу, не нарушило спокойствія моей жизни, такъ какъ никто не обращалъ вниманія на автора. Я съ интересомъ ждалъ спектакля, такъ какъ исполненіе пьесы на зеленомъ лугу, подъ

открытымъ небомъ, осуществляло столь же поздно, какъ и неожиданно, скромную мечту моей молодости.

Оживленіе въ замкѣ постепенно утихало, такъ какъ лѣтнія каникулы многихъ гостей, большею частью людей занятыхъ какимъ-нибудь дѣломъ, приходили къ концу, и только изрѣдка наѣзжали друзья, живущіе по близости. Только тогда я вступилъ въ болѣе близкое общеніе съ барономъ, и къ моему удивленію, оказалось, что онъ гораздо болѣе скроменъ, чѣмъ обыкновенно бываютъ дилеттанты. Онъ ничуть не заблуждался относительно чисто салоннаго дилеттантскаго характера спектаклей въ замкѣ. Но такъ какъ ему не удалось въ теченіе жизни серьезно отдаться сценѣ, то онъ удовлетворялся отблескомъ искусства, озарявшимъ невинныя театральныя затѣи въ замкѣ; и кромѣ того, онъ радовался тому, что тутъ не было и тѣни дрязгъ, связанныхъ съ профессіональнымъ театральнымъ дѣломъ.

Однажды, во время прогулки, онъ высказалъ желаніе, чтобы на его сценѣ, подъ открытымъ небомъ, представлена была пьеса, предназначенная для исполненія среди живой природы. Это желаніе случайно совпадало съ однимъ замысломъ, который я уже давно хотѣлъ выполнить, и я поэтому обѣщалъ барону написать такого рода пьесу.

Вскорѣ послѣ того я покинулъ за́мокъ.

Въ началѣ слѣдующей весны, я уже послалъ барону пьесу, соотвѣтствующую его желаніямъ, и прибавилъ нѣсколько словъ о сохранившихся у меня пріятныхъ воспоминаніяхъ о минувшей осени. Вскорѣ я получилъ отвѣтъ отъ барона; онъ благодарилъ за пьесу и приглашалъ провести у него слѣдующую осень. Я провелъ лѣто въ горахъ, и въ началѣ сентября, при наступленіи осенней прохлады, поѣхалъ на Гардское озеро, не думая о томъ, что это по близости отъ замка барона фонъ-Шотенега. Теперь мнѣ даже кажется, что я въ то время совершенно забылъ о маленькомъ замкѣ и обо всемъ, что̀ тамъ происходило. Но вдругъ я получилъ восьмого сентября, изъ Вѣны, письмо барона, пересланное мнѣ оттуда. Баронъ нѣсколько удивлялся тому, что не имѣетъ вѣстей отъ меня, сообщалъ, что девятаго сентября состоится представленіе маленькой пьесы, которую я ему послалъ весной, и просилъ непремѣнно пріѣхать къ спектаклю. Баронъ писалъ, что мнѣ, навѣрное, особенно понравятся дѣти, участвующія въ пьесѣ; они уже теперь все время бѣгаютъ въ своихъ прелестныхъ костюмахъ и рѣзвятся на лугу. Главная роль,—сообщалъ онъ мнѣ далѣе,—перешла, вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, къ его племяннику, Францу фонъ-Умпрехту, ко-

торый, какъ я вѣроятно помню, участвовалъ минувшей осенью два раза въ живыхъ картинахъ, а теперь обнаруживаетъ большія сценическія способности.

Я уѣхалъ съ ближайшимъ поѣздомъ, прибылъ вечеромъ въ Боценъ и пріѣхалъ въ самый день спектакля въ зàмокъ, гдѣ меня очень ласково встрѣтили баронъ и его жена. Я засталъ въ замкѣ и другихъ старыхъ знакомыхъ: придворнаго актера, графиню Сайму съ дочерью, Франца фонъ-Умпрехта съ его красавицей-женой, а также четырнадцатилѣтнюю дочь лѣсника, которая должна была прочесть прологъ къ моей пьесѣ. Днемъ былъ большой пріемъ въ замкѣ, а вечеромъ на спектаклѣ должны были присутствовать болѣе ста зрителей — не только гости барона, но и публика изъ окружающихъ мѣстъ, такъ какъ на этотъ разъ, какъ уже часто до того, доступъ къ мѣсту представленія былъ свободный для всѣхъ. Кромѣ того, приглашенъ былъ маленькій оркестръ изъ профессіональныхъ музыкантовъ, вызванныхъ изъ Боцена, и нѣсколькихъ любителей. Они должны были исполнить увертюру Вебера и кромѣ того, во время антрактовъ, нѣсколько композицій самого барона.

За обѣдомъ всѣ были очень веселы; только Умпрехтъ казался мнѣ болѣе молчаливымъ, чѣмъ другіе. Я обратилъ вниманіе на то, что онъ нѣсколько разъ поглядывалъ на меня, иногда дружелюбно, иногда пугливо, и при этомъ ни разу не заговорилъ со мной. Мнѣ его лицо казалось сначала совершенно незнакомымъ, и потомъ только я вдругъ вспомнилъ, что минувшей осенью онъ участвовалъ въ одной изъ живыхъ картинъ: онъ сидѣлъ въ монашескомъ платьѣ передъ шахматами, облокотившись на столъ. Я спросилъ его, не ошибаюсь ли я. Онъ почти смутился, когда я заговорилъ съ нимъ; баронъ отвѣтилъ за него и сталъ шутить по поводу неожиданно открывшагося у его племянника сценическаго таланта. Тогда Умпрехтъ очень странно засмѣялся, потомъ быстро поглядѣлъ въ мою сторону, точно устанавливая какое-то взаимное пониманіе между нами. Я совершенно не могъ объяснить себѣ этого взгляда, но съ этой минуты онъ опять старался не глядѣть въ мою сторону.

2.

Вскорѣ послѣ обѣда я ушелъ къ себѣ въ комнату. Тамъ я опять подошелъ къ открытому окну, какъ часто дѣлалъ это въ прошломъ году, и сталъ глядѣть внизъ, на освѣщенную солн-

цемъ долину; у моихъ ногъ она постепенно расширялась, а вдали становилась такой широкой, что включала въ себя городъ и поля.

Черезъ нѣсколько минутъ раздался стукъ въ дверь. Вошелъ Францъ фонъ-Умпрехтъ. Онъ остановился у двери и сказалъ мнѣ смущенно:—Простите, если я вамъ мѣшаю.—Потомъ онъ подошелъ ближе и продолжалъ: — Но если вы согласитесь выслушать меня въ теченіе четверти часа, то я увѣренъ, что вы не будете сердиться на меня за то, что я пришелъ.

Я попросилъ его сѣсть, но онъ не обратилъ вниманія на мои слова, а продолжалъ говорить съ большой живостью:—Дѣло въ томъ,—сказалъ онъ,—что я самымъ страннымъ образомъ оказался вашимъ должникомъ, и чувствую себя обязаннымъ принести вамъ благодарность.

Такъ какъ я былъ увѣренъ, что слова Франца фонъ-Умпрехта относились къ его роли, и такъ какъ они показались мнѣ слишкомъ учтивыми, то я пытался отклонить его благодарность; но Умпрехтъ тотчасъ же прервалъ меня: — Вы не можете понять, о чемъ я говорю,—сказалъ онъ.—Я васъ очень прошу выслушать меня.

Онъ сѣлъ на подоконникъ, скрестилъ ноги, и съ явнымъ желаніемъ говорить какъ можно спокойнѣе, началъ свой разсказъ:—Я теперь помѣщикъ, какъ вамъ, быть можетъ, извѣстно,—сказалъ онъ,—но до того я былъ военнымъ. Въ то время, десять лѣтъ тому назадъ,—*сегодня* какъ разъ исполнилось десять лѣтъ — произошло непонятное приключеніе, отбросившее тѣнь на всю мою жизнь до настоящей минуты. Сегодня оно, помимо вашей воли и безъ вашего содѣйствія, — но все же благодаря вамъ—приходитъ къ концу. Между нами существуетъ странная связь, столь же необъяснимая вѣроятно для васъ, какъ и для меня; знайте, по крайней мѣрѣ, о томъ, что она существуетъ. Такъ вотъ что̀ произошло. Мой полкъ стоялъ тогда въ глухомъ польскомъ мѣстечкѣ. Служба была нетяжелая и отнимала мало времени, а въ качествѣ развлеченій не было ничего, кромѣ пьянства и игры въ карты. Возможно было, что полкъ простоитъ тамъ нѣсколько лѣтъ,—и далеко не всѣ изъ насъ способны были не падать духомъ при такихъ обстоятельствахъ. Одинъ изъ моихъ лучшихъ друзей застрѣлился на третій мѣсяцъ послѣ того, какъ насъ перевели туда. Другой товарищъ, очень милый офицеръ до того, вдругъ сталъ пить, сдѣлался грубымъ, вспыльчивымъ, почти невмѣняемымъ, и у него вышелъ скандалъ съ мѣстнымъ адвокатомъ, послѣ чего ему пришлось выйти изъ полка. Капитанъ

моего батальона былъ женатъ и сдѣлался — не знаю, имѣя ли на это основаніе, или нѣтъ, — такъ ревнивъ, что однажды выбросилъ свою жену изъ окна. Она страннымъ образомъ осталась цѣла и невредима, онъ же умеръ въ сумасшедшемъ домѣ. Одинъ изъ самыхъ молодыхъ офицеровъ, очень милый и необыкновенно глупый юноша, вдругъ вообразилъ, что понимаетъ философію, сталъ изучать Канта и Гегеля, и училъ цѣлыя страницы изъ нихъ наизусть. Что касается меня, то я только страшно скучалъ; иногда, лежа днемъ на кровати, я думалъ, что сойду съ ума. Наши казармы стояли за деревней, состоявшей приблизительно изъ тридцати разбросанныхъ хижинъ. Ближайшій городъ, куда ѣзды верхомъ было болѣе часа, былъ грязный, отвратительный, вонючій; населеніе было главнымъ образомъ еврейское. Конечно, приходилось имѣть дѣло съ евреями,—трактирщикъ былъ еврей, содержатель кафе, сапожникъ—тоже евреи. Само собой разумѣется, что мы оскорбляли ихъ на каждомъ шагу. Мы были особенно раздражены противъ нихъ вслѣдствіе того, что въ нашемъ полку служилъ одинъ принцъ, а онъ необыкновенно вѣжливо отвѣчалъ на поклонъ всякому еврею—ужъ не знаю, ради шутки, или изъ особой симпатіи къ нимъ. Кромѣ того, онъ съ явной преднамѣренностью покровительствовалъ нашему полковому врачу, который тоже несомнѣнно былъ еврейскаго происхожденія. Я бы вамъ не разсказывалъ этого, еслибы не то, что именно этотъ капризъ принца и свелъ меня съ человѣкомъ, который такъ таинственно установилъ связь между мной и вами. Человѣкъ этотъ былъ фокусникъ, сынъ еврея-кабатчика изъ сосѣдняго польскаго городка. Мальчикомъ онъ попалъ куда-то въ магазинъ въ Лембергъ, оттуда въ Вѣну, и у кого-то научился нѣсколькимъ карточнымъ фокусамъ. Онъ усовершенствовался въ этомъ искусствѣ, научился еще многимъ другимъ фокусамъ и достигъ того, что могъ странствовать по свѣту и выступать съ успѣхомъ на разныхъ кафе-шантанныхъ сценахъ. Лѣтомъ онъ всегда уѣзжалъ на родину, къ родителямъ. Тамъ онъ никогда не выступалъ, и такимъ образомъ я увидѣлъ его впервые на улицѣ, и сразу обратилъ вниманіе на его странную внѣшность. Онъ былъ маленькій, худой, безбородый человѣкъ лѣтъ тридцати, одѣтый съ смѣшнымъ франтовствомъ, совершенно не по сезону. Онъ расхаживалъ по городу въ черномъ сюртукѣ и носилъ великолѣпно расшитые шолковые жилеты. При сильномъ солнечномъ свѣтѣ у него всегда было темное пенснэ на носу.

Однажды мы сидѣли—насъ было человѣкъ пятнадцать-шест-

надцать, послѣ ужина, въ казино, какъ всегда у нашего длиннаго стола. Ночь была душная, и окна стояли открытыя. Нѣсколько товарищей стали играть, другіе прислонились къ окну и болтали, остальные молча пили и курили. Тогда явился дежурный капралъ и доложилъ о прибытіи фокусника. Мы сначала удивились. Фокусникъ подошелъ къ намъ, держась съ достоинствомъ, и сказалъ съ легкимъ акцентомъ нѣсколько вступительныхъ словъ, выражавшихъ благодарность за то, что его пригласили. Онъ обращался съ этими словами къ принцу, который подошелъ къ нему и—конечно, на зло намъ всѣмъ—крѣпко пожалъ ему руку. Фокусникъ принялъ это какъ должное и сказалъ, что покажетъ сначала нѣсколько карточныхъ фокусовъ, а затѣмъ уже перейдетъ къ опытамъ магнетизма и къ хиромантіи. Едва онъ сказалъ это, какъ нѣкоторые изъ нашихъ товарищей, сидѣвшихъ въ углу за картами, вдругъ увидѣли, что у нихъ исчезли всѣ карты съ фигурами. По знаку фокусника, карты эти влетѣли обратно въ окно. И другіе фокусы, которые онъ показалъ послѣ того, были очень забавны и превосходили по ловкости все, что̀ я видѣлъ до того. Еще болѣе поразительными показались мнѣ магнетическіе опыты, которые онъ сталъ производить послѣ того. Мы даже испугались, когда одинъ молодой офицеръ, усыпленный фокусникомъ, сталъ исполнять его приказанія; онъ сначала выскочилъ въ открытое окно, пробрался по гладкой стѣнѣ на крышу, у самаго края ея обошелъ весь четыреугольникъ и затѣмъ спустился на дворъ. Когда онъ, наконецъ, спустился на землю, все еще не проснувшись, полковникъ сказалъ фокуснику: — „Знаете, еслибы онъ сломалъ себѣ шею, вы бы не ушли живымъ изъ казармы". Я никогда не забуду презрительнаго взгляда, которымъ еврей безмолвно отвѣтилъ на эти слова. Потомъ онъ медленно сказалъ:—„Хотите, господинъ полковникъ, чтобы я прочелъ въ линіяхъ вашей руки, когда *вы*—живымъ или мертвымъ—покинете казармы?" Я не знаю, что̀ полковникъ или мы отвѣтили бы ему на такое дерзкое предложеніе въ другомъ случаѣ, но всѣ были такъ возбуждены, что̀ полковникъ протянулъ руку фокуснику и, слегка имитируя его жаргонъ, сказалъ: „Ну, читайте!" Все это происходило во дворѣ, и загипнотизированный офицеръ все еще стоялъ у стѣны съ распростертыми руками, точно распятый. Фокусникъ взялъ руку полковника и сталъ внимательно изучать линіи. „Ну, что̀ прочелъ, еврей?" спросилъ одинъ сильно подвыпившій офицеръ. Фокусникъ слегка обернулся и сказалъ серьезнымъ тономъ: „Мое артистическое имя—Марко Поло". Принцъ положилъ еврею руку на плечо и

сказалъ: „У друга моего, Марко Поло, острые глаза“.—„Ну, что же вы видите?“ спросилъ полковникъ болѣе вѣжливымъ тономъ. „Вы хотите, чтобы я сказалъ?“ спросилъ Марко Поло. „Мы не можемъ заставить васъ говорить“, сказалъ принцъ. „Говорите!“ сказалъ полковникъ. „Я предпочелъ бы не говорить“, отвѣтилъ Марко Поло. Полковникъ громко разсмѣялся. „Да ну, валяйте! Не такъ ужъ это страшно. А если и страшно, то вѣдь вовсе не значитъ, что это вѣрно“. „Это очень страшно,—сказалъ фокусникъ,—и къ тому же вѣрно. Всѣ замолчали.

„Ну, такъ что же?“ спросилъ полковникъ. „Вамъ уже не придется больше страдать отъ холода“, отвѣтилъ Марко-Поло. „Какъ?—воскликнулъ полковникъ:—развѣ нашъ полкъ переведутъ, наконецъ, въ Риву?“—„Про полкъ я ничего не прочелъ, господинъ полковникъ; я только вижу, что къ осени васъ уже не будетъ въ живыхъ“. Полковникъ засмѣялся, но всѣ другіе молчали. Увѣряю васъ, намъ всѣмъ казалось, что полковника въ эту минуту приговорили къ смерти. Вдругъ кто-то намѣренно громко засмѣялся, другіе стали смѣяться вслѣдъ за нимъ, и всѣ мы шумно и весело вернулись въ казино. „Ну, что же?—воскликнулъ полковникъ.—Моя судьба извѣстна. А изъ васъ, господа, никто не хочетъ узнать свою судьбу?“ Одинъ крикнулъ какъ бы шутя: „Нѣтъ, мы не желаемъ ничего узнавать“. Другой вдругъ заявилъ, что противъ такихъ предвѣщаній слѣдуетъ протестовать во имя религіозныхъ убѣжденій, а одинъ поручикъ заявилъ, что такихъ людей, какъ Марко Поло, слѣдуетъ сажать на всю жизнь въ тюрьму. Принцъ стоялъ съ однимъ изъ нашихъ старшихъ товарищей въ углу и курилъ. Я слышалъ, какъ онъ сказалъ: „Гдѣ же собственно начинается чудо?“ Тѣмъ временемъ я подошелъ къ Марко Поло, который уже собирался уходить, и сказалъ ему неслышно для другихъ: „Предскажите мнѣ мою судьбу“. Онъ какъ-то машинально взялъ мою руку и сказалъ: „Тутъ ничего не видно“. Я замѣтилъ, что масляныя лампы стали горѣть болѣе тускло, и линіи моей руки точно дрожали. „Пойдемте во дворъ, господинъ поручикъ. Я предпочитаю лунный свѣтъ“. Онъ взялъ меня за руку, и я послѣдовалъ за нимъ черезъ открытую дверь на воздухъ.

Вдругъ у меня промелькнула странная мысль. „Послушайте, Марко Поло,—сказалъ я:—если вы умѣете пророчить только такъ, какъ вы пророчили нашему полковнику, то я отказываюсь“. Онъ выпустилъ мою руку и улыбнулся. „Вы испугались, господинъ поручикъ?“ Я быстро обернулся, чтобы посмотрѣть, не слышитъ ли насъ кто-нибудь. Но мы уже вышли изъ воротъ нашихъ ка-

зармъ и очутились на дорогѣ, которая вела въ городъ. „Я хочу знать что-нибудь болѣе опредѣленное,—сказалъ я.—Слова можно толковать самымъ различнымъ образомъ". Марко Поло взглянулъ на меня. „Чтò же вы желаете, господинъ поручикъ? Хотите видѣть портретъ вашей будущей супруги?"—„А вы бы могли показать?" Марко Поло пожалъ плечами. „Возможно бы... возможно бы..." — „Но я этого вовсе не желаю, — прервалъ я его. — Я бы хотѣлъ знать, чтò будетъ со мной черезъ много времени, — скажемъ, черезъ десять лѣтъ". Марко Поло покачалъ головой. „Этого я не могу сказать... Но, можетъ быть, я могу показать нѣчто другое?"—„Что?" — „Я могу вамъ показать, какъ на картинѣ, какой-нибудь отдѣльный моментъ вашей будущей жизни, господинъ поручикъ". Я не сразу понялъ его. „Чтò вы хотите этимъ сказать?" — „Я хочу сказать, что покажу вамъ моментъ изъ вашей будущей жизни тутъ, гдѣ мы стоимъ".—„Чтò это значитъ?" — „Вы мнѣ только скажите, господинъ поручикъ, какой именно моментъ". Я не совсѣмъ его понялъ, но сильно заинтересовался. „Хорошо,—сказалъ я,—если вы можете это сдѣлать, то я хочу видѣть, чтò будетъ со мной черезъ десять лѣтъ въ эту самую секунду... Понимаете вы меня, Марко Поло?"—„Понимаю, господинъ поручикъ", сказалъ Марко Поло и пристально взглянулъ на меня. И вдругъ онъ исчезъ... Но исчезла и казарма, которая только-что сверкала въ лунномъ свѣтѣ, и всѣ эти жалкія хижины, разсыпанныя по долинѣ и озаренныя луной,—и я увидѣлъ себя такимъ, какимъ иногда видишь себя во снѣ... увидѣлъ себя на десять лѣтъ старше, съ круглой русой бородой, съ шрамомъ на лбу, лежащимъ на носилкахъ среди луга; около меня стояла на колѣняхъ прекрасная женщина съ рыжими волосами, закрывъ лицо руками; рядомъ съ ней стояли дѣвочка и мальчикъ; за лугомъ былъ темный лѣсъ, и два человѣка стояли по близости съ факелами...

— Вы поражены,—не правда ли, вы поражены?

Я, дѣйствительно, былъ крайне изумленъ, потому что то, чтò изображалъ мнѣ Умпрехтъ, совершенно совпадало съ заключительной картиной моей пьесы, которая должна была закончиться въ десять часовъ вечера, и въ которой онъ долженъ былъ исполнять роль умирающаго героя.

— Вы сомнѣваетесь,—продолжалъ Умпрехтъ,—и я менѣе всего на это обижаюсь. Но вашимъ сомнѣніямъ скоро наступитъ конецъ.

Умпрехтъ опустилъ руку въ карманъ сюртука и вынулъ запечатанный конвертъ.—Пожалуйста прочтите, чтò написано на оборотной сторонѣ. — Я прочелъ вслухъ: „Запечатано нота-

ріальнымъ порядкомъ 4 января 1859 года; распечатать 9 сентября 1868 года". Подъ этимъ стояла подпись хорошо знакомаго мнѣ лично нотаріуса, доктора Артинера въ Вѣнѣ.

— 9-ое сентября сегодня,—сказалъ Умпрехтъ. —Сегодня какъ разъ исполнилось десять лѣтъ со времени таинственнаго предвѣщанія Марко Поло, которое разрѣшается, хотя и не разъясняется, именно такимъ образомъ: изъ года въ годъ точно какая-то капризная судьба тѣшилась надо мной, и возможность осуществленія предсказаннаго мнѣ колебалась самымъ страннымъ образомъ, иногда какъ будто превращаясь въ грозную дѣйствительность, потомъ совершенно разсѣиваясь, опять превращаясь въ неотвратимую правду, затѣмъ исчезая, возвращаясь... Но дайте мнѣ досказать вамъ все, чтò было. Самое видѣніе продолжалось не болѣе одной секунды, ибо когда оно разсѣялось, я еще слышалъ долетающій изъ казармы громкій взрывъ смѣха одного изъ офицеровъ—тотъ же, который слышалъ до видѣнія. И опять передо мной стоялъ Марко Поло съ улыбкой на губахъ — самъ не могу сказать, грустной ли, или насмѣшливой; онъ снялъ цилиндръ и сказалъ: „Прощайте, господинъ поручикъ; надѣюсь, вы довольны мною?" Съ этими словами онъ повернулся и медленно зашагалъ по дорогѣ по направленію къ городу. На слѣдующій день онъ уѣхалъ.

Моя первая мысль, когда я направился обратно въ казарму, была та, что Марко Поло, съ помощью какого-нибудь скрытаго помощника, устроилъ оптическую иллюзію видѣнія при помощи зеркалъ. Когда я вошелъ во дворъ, я, къ ужасу моему, увидѣлъ, что загипнотизированный офицеръ все еще стоялъ въ позѣ распятаго у стѣны. О немъ, очевидно, совершенно забыли. Я слышалъ, какъ всѣ другіе взволнованно говорили и спорили внутри казармы. Я схватилъ его за руку; онъ тотчасъ же проснулся, не выразилъ никакого удивленія и никакъ не могъ понять, почему всѣ офицеры полка такъ взволнованы. Я самъ съ какимъ-то затаеннымъ бѣшенствомъ вмѣшался въ общій возбужденный разговоръ о странности всего, чтò произошло на нашихъ глазахъ, и говорилъ не умнѣе другихъ. Вдругъ полковникъ воскликнулъ: „Послушайте, господа, я держу пари, что доживу до будущей весны. Сорокъ-пять противъ одного! Хотите?" —обратился онъ къ одному изъ нашихъ товарищей, игроку и любителю всякихъ пари. Тотъ, очевидно, охотно принялъ бы предложеніе, но считалъ неприличнымъ держать пари на смерть полковника съ нимъ самимъ, и потому съ улыбкой молчалъ. Потомъ онъ, вѣроятно, пожалѣлъ объ этомъ. Черезъ двѣ недѣли, на второе утро большихъ маневровъ, нашъ полковникъ упалъ съ лошади и умеръ

на мѣстѣ, и мы всѣ при этомъ замѣтили, что это насъ не удивило, что мы какъ будто бы этого ждали и знали, что такъ будетъ. Я же только съ того времени и сталъ думать съ нѣкоторой тревогой о ночномъ предвѣщаніи, про которое почему-то никому ничего не сказалъ. Только на Рождествѣ, когда я уѣзжалъ въ отпускъ въ Вѣну, я разсказалъ о предвѣщаніи Марко Поло одному товарищу, нѣкоему Фридриху фонъ-Гуланту.—Вы, можетъ быть, слышали о немъ? Онъ писалъ красивые стихи и умеръ молодымъ...

Вмѣстѣ съ нимъ я и составилъ планъ, который вы найдете въ этомъ конвертѣ. Онъ считалъ, что такіе факты не должны пропадать для науки,—все равно, окажется ли предсказаніе истиннымъ или ложнымъ. Съ нимъ я отправился къ нотаріусу Артинеру, на глазахъ котораго вложилъ планъ въ конвертъ. Въ канцеляріи нотаріуса конвертъ хранился до сихъ поръ, и только вчера онъ былъ, по моему желанію, присланъ мнѣ сюда. Я долженъ сознаться, что серьезное отношеніе Гуланта ко всему этому происшествію сначала нѣсколько разстроило меня; но такъ какъ я его никогда больше въ жизни не видалъ, — онъ скоро послѣ того умеръ,—то вся исторія начала казаться мнѣ смѣшною. Прежде всего, мнѣ стало ясно, что моя судьба вполнѣ въ моихъ рукахъ. Ничто въ мірѣ не могло заставить меня лежать на носилкахъ девятаго сентября 1868 года, въ десять часовъ вечера. Нужно было только избѣгать лѣсовъ и луговъ, не жениться на рыжей женщинѣ, не имѣть дѣтей. Единственное, чего я, пожалуй, не могъ бы избѣгнуть,—это какое-нибудь несчастье или дуэль, отъ которой у меня могъ бы остаться шрамъ на лбу. Я успокоился на время.—Черезъ годъ послѣ предсказанія я женился на моей теперешней женѣ, а вскорѣ послѣ того вышелъ въ отставку и занялся сельскимъ хозяйствомъ. Я осмотрѣлъ нѣсколько маленькихъ имѣній и—какъ это ни смѣшно—подыскивалъ такое помѣстье, въ которомъ не было бы луга, похожаго на тотъ, который я видѣлъ во снѣ. Такъ я называлъ для своего успокоенія мое видѣніе. Я уже рѣшилъ купить одну понравившуюся мнѣ землю, какъ вдругъ моя жена получила въ наслѣдство имѣніе въ Каринтіи, съ великолѣпнымъ охотничьимъ паркомъ. Осматривая наши новыя владѣнія, я пришелъ къ лугу, слегка покатому и окруженному лѣсомъ, и онъ показался мнѣ похожимъ на мѣстность, которой мнѣ слѣдовало, быть можетъ, опасаться. Я нѣсколько испугался. Моей женѣ я не разсказывалъ о предсказаніи: она такъ суевѣрна, что я, навѣрное, отравилъ бы ей всю жизнь—съ сегодняшняго дня,—прибавилъ онъ

съ улыбкой облегченія.—Я не могъ поэтому сообщить ей о моихъ опасеніяхъ, но я успокоилъ себя самъ, рѣшивъ, что ничто не заставитъ меня жить у себя въ имѣніи въ сентябрѣ 1868 года.

Въ 1860 году у меня родился сынъ. Уже въ первые годы его жизни я сталъ находить въ его чертахъ сходство съ мальчикомъ, явившимся мнѣ во снѣ; иногда сходство исчезало, потомъ проявлялось яснѣе; теперь я вполнѣ увѣренъ, что мальчикъ, который сегодня, въ десять часовъ вечера, будетъ стоять у моихъ носилокъ, вполнѣ похожъ на мальчика въ моемъ видѣніи. Дочери у меня нѣтъ. Но три года тому назадъ умерла сестра моей жены, вдова, жившая въ Америкѣ, и оставила дочку. По просьбѣ моей жены, я поѣхалъ въ Америку и взялъ дѣвочку, съ тѣмъ, чтобы поселить ее у насъ. При первомъ взглядѣ на нее, я увидѣлъ, что она похожа на дѣвочку изъ видѣнія. У меня даже явилась мысль оставить ребенка гдѣ-нибудь вдали, у чужихъ людей. Конечно, я сейчасъ же подавилъ въ себѣ столь неблагородную мысль, и мы взяли дѣвочку къ себѣ. Я опять успокоился, несмотря на увеличивающееся сходство дѣтей съ дѣтьми пророческаго видѣнія, и вообразилъ себѣ, что, можетъ быть, меня обманываетъ память, не сохранившая точнаго представленія о дѣйствующихъ лицахъ моего сна.

Жизнь моя протекала нѣсколько времени въ полномъ спокойствіи. Я даже почти пересталъ вспоминать о странномъ вечерѣ въ польскомъ захолустьи, какъ вдругъ, два года тому назадъ, меня потрясло новое предостереженіе судьбы. Мнѣ пришлось уѣхать на нѣсколько мѣсяцевъ. Когда я вернулся, моя жена вышла мнѣ навстрѣчу съ рыжими волосами, и сходство ея съ женщиной изъ сновидѣнія казалось полнымъ,—тѣмъ болѣе, что лица женщины я не видѣлъ. Я скрылъ мой испугъ подъ маской гнѣва. Я даже нарочно преувеличивалъ свой гнѣвъ, потому что у меня вдругъ явился безумный планъ: если я уѣду отъ жены и дѣтей, то всякая опасность исчезнетъ, и я этимъ одурачу судьбу. Моя жена стала плакать, умолять меня о прощеніи и объяснила мнѣ причину своей затѣи. Годъ тому назадъ, когда мы были въ Мюнхенѣ, я на одной выставкѣ очень восхищался портретомъ рыжеволосой красавицы, и моя жена уже тогда рѣшила выкрасить волосы въ рыжій цвѣтъ, чтобы уподобиться женщинѣ на портретѣ. Я сталъ умолять ее, чтобы она какъ можно скорѣе возстановила естественный темный цвѣтъ своихъ волосъ, и когда ей это удалось сдѣлать, я опять успокоился. Я убѣдился, что моя судьба попрежнему въ моей власти. Все, что̀ произошло до того, объяснялось самымъ естественнымъ

образомъ... Развѣ у тысячи другихъ людей нѣтъ помѣстья съ лугами и лѣсами, нѣтъ жены и двоихъ дѣтей?.. Единственное, что̀ могло бы испугать суевѣрнаго человѣка, еще не подтвердилось—до зимы этого года: я говорю о шрамѣ, который красуется теперь у меня на лбу. Я не трусъ, повѣрьте мнѣ; я дважды дрался на дуэли, служа въ полку,—и на очень опасныхъ условіяхъ,—и дрался еще разъ восемь лѣтъ тому назадъ, вскорѣ послѣ моей женитьбы, когда уже вышелъ въ отставку. Но въ прошломъ году, когда одинъ господинъ сталъ требовать у меня объясненій по какому-то пустяшному поводу—изъ-за недостаточно вѣжливаго поклона, я предпочелъ—Умпрехтъ слегка покраснѣлъ—извиниться. Дѣло уладилось, конечно, самымъ корректнымъ образомъ, но я все-таки увѣренъ, что предпочелъ бы все-таки дуэль, еслибы меня не охватилъ безумный ужасъ, что мой противникъ ранитъ меня въ лобъ, и что у судьбы будетъ новый козырь въ рукахъ. Но, видите, ничто не помогло: у меня все-таки шрамъ на лбу. И въ ту минуту, когда я былъ раненъ въ лобъ, я глубже всего почувствовалъ свою безпомощность. Дѣло происходило зимой; я ѣхалъ съ нѣсколькими людьми, совершенно мнѣ незнакомыми, по желѣзной дорогѣ, между Клагенфуртомъ и Вилахомъ. Вдругъ зазвенѣли оконныя стекла, и я почувствовалъ боль во лбу. Одновременно раздался стукъ отъ паденія на полъ чего-то твердаго. Я прежде всего схватился за лобъ—онъ былъ весь въ крови; я быстро наклонился и поднялъ съ пола острый камень. Пассажиры въ купэ повскакали съ мѣстъ.—Что̀ случилось?—крикнулъ кто-то.—Увидавъ у меня кровь на лбу, всѣ засуетились вокругъ меня. Одинъ только господинъ—я вижу это какъ теперь—откинулся вглубь своего углового сидѣнья. На слѣдующей станціи принесли воду, желѣзнодорожный врачъ сдѣлалъ перевязку, но я, конечно, не боялся, что умру; я зналъ, что рана заживетъ, но что останется шрамъ. Въ вагонѣ завязался общій разговоръ: всѣ стали разсуждать о томъ, было ли это намѣренное покушеніе, или простое мальчишество. Господинъ въ углу сидѣлъ и молча глядѣлъ въ пространство. Въ Вилахѣ я вышелъ. Вдругъ сидѣвшій въ углу подошелъ ко мнѣ и сказалъ:—Камень направленъ былъ въ меня.—Прежде, чѣмъ я могъ одуматься, онъ исчезъ. Я такъ никогда и не могъ разузнать, кто это былъ. Можетъ быть сумасшедшій, страдавшій маніей преслѣдованія, можетъ быть человѣкъ, имѣвшій основаніе предполагать, что его кто-нибудь преслѣдуетъ, оскорбленный мужъ или братъ; и я, можетъ быть, его спасъ именно тѣмъ, что мнѣ опредѣлено было имѣть шрамъ на лбу... Какъ знать?.. Черезъ нѣсколько недѣль

шрамъ красовался у меня на лбу на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ я его видѣлъ въ своемъ видѣніи. И я все болѣе ясно чувствовалъ, что веду неравную борьбу съ невѣдомой силой, и съ возрастающей тревогой ждалъ, что наступитъ день, когда исполнится послѣдняя часть предсказанія.

Весной мы получили приглашеніе отъ дяди пріѣхать сюда. Мнѣ очень не хотѣлось ѣхать: ничего опредѣленнаго у меня не сохранилось въ памяти, но все же именно въ его помѣстьи могло оказаться проклятое мѣсто, которое я видѣлъ во снѣ. Но жена моя не поняла бы причины моего отказа, и я поэтому рѣшилъ пріѣхать сюда съ ней и дѣтьми уже въ началѣ іюля, но съ твердымъ намѣреніемъ какъ можно скорѣе уѣхать куда-нибудь на югъ, въ Венецію или на Лидо. Вскорѣ послѣ нашего пріѣзда зашелъ разговоръ о вашей пьесѣ. Дядя сказалъ, что въ ней есть двѣ маленькія дѣтскія роли, и предложилъ ихъ моимъ дѣтямъ. Я ничего не имѣлъ противъ этого. Тогда было рѣшено, что героя будетъ играть профессіональный актеръ. Черезъ нѣсколько дней, мною овладѣлъ ужасъ, что я опасно заболѣю и не смогу уѣхать. Поэтому я объявилъ въ тотъ же вечеръ, что уѣзжаю на слѣдующій день на морскія купанья. Я долженъ былъ обѣщать, что вернусь въ началѣ сентября. Но какъ разъ въ это же время пришло письмо отъ актера, который подъ какимъ-то пустяшнымъ предлогомъ отказался отъ исполненія главной роли. Дядя попросилъ меня прочесть пьесу и сказать, кому бы изъ нашихъ знакомыхъ, по-моему, можно было предложить эту роль. Я взялъ пьесу, уходя къ себѣ въ комнату, и прочелъ ее. Вы можете представить себѣ, что̀ произошло со мной, когда я дошелъ до конца и увидѣлъ дословное изображеніе того́, что̀ было предсказано мнѣ на девятое сентября этого года. Я едва дождался утра, и поспѣшилъ къ дядѣ, чтобы сказать ему, что готовъ самъ сыграть главную роль. Я очень боялся отказа. Съ той минуты, какъ я прочелъ пьесу, мнѣ показалось, что я въ полной безопасности, но я чувствовалъ также, что если у меня отнимутъ возможность играть въ вашей пьесѣ, я опять буду брошенъ на съѣденіе невѣдомой силѣ. Дядя мой тотчасъ же согласился, и я успокоился. Съ тѣхъ поръ мы репетируемъ каждый день, и я уже разъ пятнадцать или двадцать проходилъ послѣднюю сцену. Итакъ, сегодня вечеромъ, въ десять часовъ я буду лежать на носилкахъ, молодая графиня Сайма съ ея дивными рыжими волосами опустится на колѣни передо мной, закрывъ лицо руками, а дѣти будутъ стоять по обѣ стороны отъ меня.

Въ то время, какъ Умпрехтъ произносилъ эти слова, глаза

мои снова упали на конвертъ, лежавшій на столѣ еще запечатаннымъ. Умпрехтъ улыбнулся.

— Ахъ, да, я еще не представилъ вамъ доказательствъ,— сказалъ онъ, и сломалъ печать. Изъ конверта выпала сложенная бумага. Умпрехтъ развернулъ ее и разложилъ на столѣ. Передо мной лежалъ точный, какъ бы составленный мной самимъ, планъ заключительной сцены пьесы. Задній планъ былъ слегка зачерченъ и обозначенъ подписью—„лѣсъ". Приблизительно въ срединѣ плана была черта, и на ней изображена была мужская фигура; надпись гласила: „носилки". Подъ другими фигурками были подписи красными чернилами: „рыжая женщина", „мальчикъ", „дѣвочка", „люди съ факелами", „человѣкъ съ поднятыми руками". Я обернулся къ Умпрехту:

— Чтò значитъ „человѣкъ съ поднятыми руками"?—спросилъ я.

— Объ этомъ,—нерѣшительно сказалъ Умпрехтъ,—я почти забылъ. Въ моемъ видѣніи былъ также ярко освѣщенный свѣтомъ факела старый, лысый человѣкъ, гладко выбритый, съ очками, съ темно-зеленымъ шарфомъ вокругъ шеи, съ поднятыми руками и широко раскрытыми глазами.

На этотъ разъ я былъ ошеломленъ.

Мы помолчали, потомъ я спросилъ съ нѣкоторой тревогой:

— Кто же это могъ бы быть, по-вашему?

— Я предполагаю, — спокойно сказалъ Умпрехтъ, — что кто-нибудь изъ зрителей, а можетъ быть кто-нибудь изъ слугъ дяди, или кто-нибудь изъ крестьянъ, почему-либо начнетъ сильно волноваться въ концѣ представленія и, можетъ быть, бросится на сцену... Или же судьба такъ устроитъ, что какой-нибудь вырвавшійся изъ больницы сумасшедшій появится тутъ, на сценѣ, въ тотъ моментъ, когда я буду лежать на носилкахъ.—Меня вѣдь уже никакія случайности не могутъ удивить.

Я покачалъ головой.

— Чтò вы сказали?.. Лысый, очки, зеленый шарфъ? Теперь все это представляется мнѣ еще болѣе страннымъ, чѣмъ прежде. Тотъ человѣкъ, котораго вы видѣли въ вашемъ снѣ или видѣніи, дѣйствительно, долженъ былъ появиться въ заключительной сценѣ: это—сумасшедшій отецъ жены, о которомъ идетъ рѣчь въ первомъ дѣйствіи; въ первоначальной редакціи пьесы онъ долженъ былъ выбѣжать на сцену въ моментъ катастрофы.

— А шарфъ и очки?

— Ихъ бы актеръ могъ надѣть по собственному усмотрѣнію,—вы не думаете?

— Возможно.

Насъ прервали. Жена Умпрехта прислала за мужемъ; ей нужно было повидаться съ нимъ до представленія; онъ ушелъ. Я еще нѣсколько времени внимательно разсматривалъ планъ сцены, оставленный у меня на столѣ.

3.

Вскорѣ меня потянуло на мѣсто, гдѣ должно было происходить представленіе. Оно было расположено за зàмкомъ и отдѣлено отъ него небольшимъ садомъ. Тамъ, гдѣ садъ кончался низкимъ заборомъ, поставлены были десять длинныхъ скамеекъ; передніе ряды были покрыты темно-красными коврами. Передъ первой скамейкой стояло нѣсколько пюпитровъ и стульевъ; занавѣси не было. Сцена отдѣлена была отъ мѣстъ для зрителей двумя стоящими по бокамъ соснами; справа отъ сцены были кусты, за которыми стояло невидимо для зрителей удобное кресло, предназначавшееся для суфлера. Слѣва было пустое пространство и открывался видъ на долину. Задній планъ сцены составляли высокія деревья: они были тѣсно сдвинуты по срединѣ, а съ боковъ выползали изъ тѣни узкія дорожки. Дальше въ глубинѣ лѣса, среди искусственной прогалины поставлены были столъ и стулья. Тамъ актеры ждали момента выхода на сцену. Для освѣщенія сцены поставлены были со стороны сцены и мѣстъ для зрителей въ видѣ кулисъ высокіе старинные канделябры съ гигантскими свѣчами. За кустами справа устроено было на воздухѣ помѣщеніе для бутафорскихъ принадлежностей. Тамъ я увидѣлъ, кромѣ разныхъ мелкихъ предметовъ, нужныхъ для пьесы, носилки, на которыхъ Умпрехтъ долженъ былъ умереть въ концѣ пьесы. Когда я проходилъ по лугу, онъ былъ мягко озаренъ вечернимъ солнцемъ... Я думалъ о разсказѣ Умпрехта. Сначала мнѣ показалось, что Умпрехтъ—просто мистификаторъ, и всю эту исторію выдумалъ и подготовилъ, можетъ быть даже съ чьей-нибудь помощью, съ цѣлью произвести эффектъ. Я считалъ возможнымъ даже, что подпись нотаріуса была поддѣльная. Особенно подозрительнымъ показался мнѣ неизвѣстный человѣкъ съ поднятыми руками, съ которымъ Умпрехтъ вошелъ, быть можетъ, въ соглашеніе. Но мои сомнѣнія разрушались тѣмъ, что этотъ человѣкъ входилъ въ мой первоначальный замыселъ, о которомъ никто, кромѣ меня, не могъ знать. И кромѣ того, у меня осталось самое хорошее впечатлѣніе объ Умпрехтѣ, и мнѣ трудно

было заподозрить его во лжи. При всей неправдоподобности, почти дикости его разсказа, я какъ-то не сомнѣвался въ томъ, что онъ говоритъ правду. Можетъ быть, я вѣрилъ ему изъ глупаго чувства гордости. Мнѣ пріятно было сознавать себя исполнителемъ высшей воли.

Тѣмъ временемъ подлѣ меня началось движеніе; изъ замка явились слуги, стали зажигать свѣчи; люди изъ окрестностей, нѣкоторые въ крестьянскомъ платьѣ, медленно поднимались вверхъ по холму и скромно становились около скамеекъ. Вскорѣ появилась хозяйка дома съ нѣсколькими мужчинами и дамами; они сѣли въ мѣста для зрителей. Я подсѣлъ къ нимъ и сталъ разговаривать съ прошлогодними знакомыми. Явился оркестръ и занялъ мѣста. Составъ инструментовъ былъ довольно необычайный: двѣ скрипки, віолончель, альтъ, контрабасъ, флейта и гобой. Они сейчасъ же начали играть,—очевидно, явившись слишкомъ рано,—увертюру Вебера. Совсѣмъ впереди, вблизи оркестра, стоялъ старый крестьянинъ, совершенно лысый, и вокругъ шеи у него обмотанъ былъ темный платокъ. Можетъ быть, по рѣшенію судьбы, подумалъ я, именно онъ потомъ вынетъ очки изъ кармана, сойдетъ съ ума и побѣжитъ на сцену. Дневной свѣтъ совершенно потухъ, пламя высокихъ свѣчей качалось, такъ какъ поднялся легкій вѣтеръ. За кустами началось оживленіе; исполнители пришли окольными дорожками на сцену. Теперь только я подумалъ объ остальныхъ исполнителяхъ и вспомнилъ, что не видѣлъ еще никого, кромѣ Умпрехта, его дѣтей и дочери лѣсника. Я услышалъ громкій голосъ режиссера и смѣхъ молодой графини Саймы. Оркестръ началъ играть, потомъ выступила дочь лѣсника и прочла прологъ. Содержаніе пьесы составляла судьба человѣка, охваченнаго внезапнымъ влеченіемъ къ далекимъ странствіямъ и приключеніямъ. Онъ оставляетъ семью, не попрощавшись ни съ кѣмъ, но въ теченіе одного дня переживаетъ столько огорченій и разочарованій, что хочетъ вернуться прежде, чѣмъ жена и дѣти замѣтятъ его отсутствіе. Но послѣднее приключеніе, которое онъ переживаетъ на возвратномъ пути, заканчивается тѣмъ, что его смертельно ранятъ, и онъ возвращается къ покинутой семьѣ уже умирающимъ: для жены и дѣтей его смерть—неразрѣшимая загадка.

Представленіе началось; исполнители толково передавали свои роли, и я съ удовольствіемъ слѣдилъ за простымъ изображеніемъ простыхъ происшествій. Вначалѣ я совсѣмъ пересталъ думать о разсказѣ Умпрехта. Когда кончилось первое дѣйствіе, снова заигралъ оркестръ; но его никто не слушалъ. На всѣхъ скамьяхъ

шелъ оживленный разговоръ. Я самъ не садился, а стоялъ, невидимо для другихъ, съ лѣвой стороны, откуда дорога спускалась внизъ въ долину. Начался второй актъ. Вѣтеръ нѣсколько усилился, и мерцающее освѣщеніе соотвѣтствовало настроенію пьесы. Исполнители снова исчезли въ лѣсу, и опять заигралъ оркестръ. Тогда я случайно взглянулъ на флейтиста; у него было гладко выбритое лицо и онъ былъ въ очкахъ. Но у него были длинные сѣдые волосы, и никакого шарфа я не видѣлъ на немъ. Оркестръ умолкъ, и на сцену вышли исполнители. Тогда я вдругъ замѣтилъ, что флейтистъ, положившій свою флейту передъ собой на пюпитръ, опустилъ руку въ карманъ, вынулъ длинный зеленый шарфъ и обмоталъ имъ шею. Меня это сильно поразило. Черезъ минуту на сцену вышелъ Умпрехтъ; я увидѣлъ, какъ взглядъ его вдругъ остановился на флейтистѣ. Онъ замѣтилъ зеленый шарфъ и на минуту запнулся. Но, быстро оправившись, онъ продолжалъ свою роль безъ запинки. Я спросилъ сидѣвшаго рядомъ со мной просто одѣтаго юношу, не знаетъ ли онъ, кто этотъ флейтистъ; оказалось, что онъ—школьный учитель изъ Кальтерна. Представленіе продолжалось, близился конецъ. Дѣти, мальчикъ и дѣвочка, метались по сценѣ, шумъ изъ лѣса доносился все громче и громче, слышались крики и оклики. Очень кстати пришлось то, что какъ разъ въ это время усилился вѣтеръ. Наконецъ, внесли на носилкахъ Умпрехта, изображавшаго умирающаго искателя приключеній. Дѣти бросились къ нему, люди съ факелами неподвижно стояли по сторонамъ. Жена выбѣжала на сцену позже другихъ и бросилась съ выраженіемъ безумнаго ужаса къ мужу. Онъ хочетъ еще разъ раскрыть губы, пробуетъ подняться, но—какъ и полагалось по роли—не можетъ. Въ эту минуту поднимается страшный вѣтеръ, грозящій потушить факелы. Я вижу, какъ кто-то въ оркестрѣ вскакиваетъ съ мѣста: это флейтистъ, и, къ ужасу моему, у него совершенно голый черепъ, такъ какъ его парикъ унесло вѣтромъ. Поднявъ кверху руки, съ зеленымъ шарфомъ вокругъ шеи, онъ бросается на сцену. Я невольно гляжу на Умпрехта. Взоръ у него окаменѣвшій и прикованъ къ флейтисту. Онъ хочетъ что-то сказать—очевидно, не можетъ, и откидывается назадъ. Многіе еще полагаютъ, что это входитъ въ его роль; я же самъ не знаю, какъ объяснить это движеніе, а тѣмъ временемъ флейтистъ мчится мимо носилокъ, все еще въ погонѣ за своимъ парикомъ, и исчезаетъ въ лѣсу. Умпрехтъ уже не поднимается; новый порывъ вѣтра тушитъ одинъ изъ двухъ факеловъ; нѣсколько людей въ переднихъ рядахъ начинаютъ тревожиться; я

слышу голосъ барона: „Тише! тише!“ Опять наступаетъ тишина—порывъ вѣтра улегся, но Умпрехтъ продолжаетъ лежать, вытянувшись, не двигается и не шевелитъ губами. Графиня Сайма вскрикиваетъ—всѣ, конечно, думаютъ, что и это относится къ пьесѣ. Но я проталкиваюсь впередъ, бѣгу на сцену, слышу, что за мной началась тревога; многіе поднимаются, идутъ за мной; вокругъ носилокъ толпятся люди... Чтò случилось? Я выхватываю факелъ у одного изъ факельщиковъ и освѣщаю лицо лежащаго... Я его трясу, разрываю на немъ платье. Тѣмъ временемъ подходитъ врачъ, щупаетъ пульсъ Умпрехту, прикладываетъ ухо къ его сердцу, проситъ всѣхъ отойти и шепчетъ что-то барону... Жена Умпрехта проталкивается впередъ, кричитъ, бросается къ мужу; у дѣтей—растерянный видъ; они ничего не понимаютъ. Всѣ смотрятъ, не могутъ повѣрить тому, чтò случилось... Но проходитъ нѣсколько минутъ, и всѣ узнаютъ, что Умпрехтъ внезапно умеръ, лежа на носилкахъ, на которыхъ его внесли на сцену.

Я въ тотъ же вечеръ спустился въ долину, потрясенный ужаснымъ событіемъ. Я не могъ рѣшиться войти снова въ замокъ. Съ барономъ я свидѣлся на слѣдующій день въ Боценѣ. Я разсказалъ ему исторію Умпрехта, какъ онъ передалъ мнѣ ее самъ. Баронъ не хотѣлъ вѣрить. Я вынулъ свой бумажникъ и показалъ ему таинственный листокъ съ планомъ. Онъ съ удивленіемъ, почти съ ужасомъ взглянулъ на меня и вернулъ мнѣ его—листокъ былъ совершенно бѣлый и на немъ не было ничего нарисовано... Я дѣлалъ попытки разыскать Марко Поло; но единственное, чтò я узналъ о немъ, это то, что онъ три года тому назадъ выступалъ въ одномъ гамбургскомъ низкопробномъ кафе-шантанѣ. Самое непонятное для меня во всемъ этомъ то, что школьный учитель, побѣжавшій тогда за своимъ парикомъ въ лѣсъ, совершенно исчезъ, и даже его трупъ нигдѣ не былъ найденъ.

Послѣсловіе издателя.

Автора вышеизложеннаго разсказа я лично не зналъ. Онъ въ свое время былъ извѣстный писатель, но потомъ былъ забытъ и умеръ лѣтъ десять тому назадъ; ему было около шестидесяти лѣтъ. Все, чтò осталось отъ него, перешло къ названному въ разсказѣ меранскому другу молодости, а отъ него—къ одному врачу. Съ послѣднимъ я познакомился въ прошлую зиму въ Меранѣ, бесѣдовалъ съ нимъ о разныхъ темныхъ вопросахъ

науки, о внушеніи на разстояніи и о предсказаніяхъ; онъ и передалъ мнѣ, для обнародованія, напечатанную мною теперь рукопись. Я бы охотно счелъ содержаніе ея простымъ вымысломъ, еслибы не то, что врачъ, какъ видно по разсказу, самъ присутствовалъ при описанномъ въ концѣ спектаклѣ съ его трагическимъ исходомъ, и лично зналъ исчезнувшаго школьнаго учителя. Что же касается Марко Поло, то я отлично помню, что видѣлъ въ ранней молодости его имя на одной афишѣ. Оно осталось у меня въ памяти, потому что я какъ разъ тогда собирался читать сочиненіе знаменитаго путешественника, носившаго это имя.

III.

Чужая.

Когда Альбертъ проснулся въ шесть часовъ утра, жены его уже не было въ комнатѣ. На столѣ лежала записка, и Альбертъ прочелъ въ ней слѣдующія слова: „Милый другъ, я встала раньше тебя. Прощай. Я ухожу. Вернусь ли, не знаю. Прощай. Катерина“.

Альбертъ выпустилъ записку изъ рукъ и покачалъ головой. Вернется ли она сегодня, или нѣтъ—ему все равно. Онъ не удивлялся ни содержанію, ни тону письма. Оно только явилось раньше, чѣмъ онъ ожидалъ. Все счастье длилось только двѣ недѣли. Не все ли равно? Онъ былъ готовъ.

Онъ медленно подошелъ къ окну и раскрылъ его. Городъ Инсбрукъ лежалъ въ утреннемъ сіяніи, а вдали вырисовывались въ голубомъ свѣтѣ хмурыя скалы. Альбертъ скрестилъ руки на груди и сталъ глядѣть вдаль. У него было тяжело на сердцѣ. Онъ думалъ о томъ, что всякая подготовленность, и даже принятое заранѣе рѣшеніе, не облегчаютъ тяжести судьбы, а только даютъ возможность нести ее съ большимъ достоинствомъ. Онъ еще колебался съ минуту. Но чего ждать? Не лучше ли покончить сейчасъ? Вѣдь даже любопытство, терзавшее его теперь, было измѣной себѣ. Судьба его должна исполниться. Она уже была рѣшена, когда, два года тому назадъ, во время танцевъ, впервые коснулось его лица холодное дыханіе загадочныхъ устъ.

Онъ вспоминалъ теперь, какъ въ ту ночь онъ возвращался домой со своимъ другомъ Викентіемъ. Онъ вспоминалъ все, что̀ тогда разсказывалъ Викентій, и ему ясно слышался нѣжный тонъ дружескаго предупрежденія. Викентій зналъ многое о Ка-

теринѣ и ея семьѣ. Отецъ ея былъ полковникъ артиллерійскаго полка; во время похода въ Боснію онъ получилъ баронскій титулъ и палъ отъ пули инсургента. Братъ ея служилъ въ кавалеріи и быстро спустилъ свое наслѣдство; впослѣдствіи мать пожертвовала все свое состояніе, чтобы спасти сына, но и это не помогло: вскорѣ послѣ того молодой офицеръ застрѣлился. Тогда баронъ Масбургъ, котораго считали женихомъ Катерины, пересталъ бывать въ домѣ. Это приводили въ связь не только съ тѣмъ, что семья обѣднѣла, но и съ очень странной сценой, которая произошла во время похоронъ. Катерина, рыдая, упала въ объятія одного совершенно незнакомаго ей до того товарища брата—точно онъ былъ ея другъ или мужъ. Черезъ годъ она внезапно увлеклась знаменитымъ органистомъ Банетти. Онъ уѣхалъ изъ Вѣны прежде, чѣмъ она успѣла лично познакомиться съ нимъ. Но однажды она сказала матери, что видѣла во снѣ, какъ Банетти вошелъ къ нимъ въ комнату, сыгралъ на роялѣ фугу Баха, потомъ упалъ на полъ и тутъ же умеръ; въ это время раскрылся потолокъ, и рояль поднялся вверхъ къ небу. Въ тотъ же день пришло извѣстіе, что Банетти въ одной маленькой ломбардской деревушкѣ упалъ съ церковной башни на кладбищѣ, и его подняли мертвымъ у подножія креста. Вскорѣ послѣ того у Катерины стали обнаруживаться признаки душевной болѣзни, и она впала въ глубокую меланхолію. Только настоятельные протесты матери и ея твердая вѣра въ выздоровленіе Катерины удержали врачей отъ того, чтобы помѣстить ее въ лечебницу. Катерина провела цѣлый годъ въ полномъ уединеніи и молчаніи. Только по ночамъ она иногда поднималась съ постели и пѣла простыя пѣсенки, какъ въ прежнее время. Но постепенно, къ удивленію врачей, она стала выходить изъ своего подавленнаго состоянія. Въ ней воскресала жизнь и даже любовь къ развлеченіямъ. Вскорѣ она стала принимать приглашенія, бывала сначала въ тѣсномъ кругу знакомыхъ, потомъ стала много выѣзжать, и когда Альбертъ встрѣтилъ ее на балу Бѣлаго Креста, она показалась ему такой спокойной и нормальной, что онъ не могъ вполнѣ повѣрить разсказамъ о ней своего пріятеля.

Альбертъ фонъ-Вебелингъ, который до того мало бывалъ въ свѣтѣ, могъ, однако, легко проникнуть, благодаря своему имени и положенію вице-секретаря въ одномъ изъ министерствъ, въ кругъ Катерины. Съ каждой новой встрѣчей его влеченіе къ ней усиливалось. Катерина одѣвалась всегда просто, но ея фигура и, въ особенности, совершенно особая царственная манера накло-

нять, голову, слушая говорившихъ съ нею, придавали ей необычайно величественный видъ. Она говорила немного, и часто въ обществѣ сидѣла, устремивъ глаза куда-то въ недоступную для другихъ даль. Къ молодымъ людямъ она относилась нѣсколько пренебрежительно, и предпочитала бесѣдовать съ пожилыми людьми съ установившимся общественнымъ положеніемъ или громкимъ именемъ. Черезъ годъ послѣ перваго знакомства Альберта съ нею, стали поговаривать о томъ, что она невѣста графа Румингсгауза, который только-что вернулся изъ экспедиціи въ Тибетъ и Туркестанъ. Тогда Альбертъ ясно понялъ, что день, въ который Катерина выйдетъ замужъ за другого, будетъ послѣднимъ днемъ его жизни. Проживъ до тридцати лѣтъ совершенно спокойно, онъ вдругъ понялъ, въ какое безуміе можетъ ввергнуть самаго разсудительнаго человѣка сильная страсть. Онъ былъ твердо убѣжденъ въ своемъ полномъ ничтожествѣ сравнительно съ Катериной. У него было довольно приличное состояніе, и онъ могъ жить очень хорошо на положеніи холостяка, но богатства онъ не ожидалъ ни съ какой стороны. Ему предстояла обезпеченная, но не очень блестящая карьера. Онъ одѣвался вполнѣ корректно, но безъ всякаго шика, говорилъ недурно, но ничего значительнаго никогда не высказывалъ; къ нему хорошо относились, но онъ ничѣмъ не выдѣлялся. Онъ чувствовалъ поэтому, что такое загадочное существо, какъ Катерина, живущая въ какомъ-то другомъ мірѣ, должна была снизойти къ нему, принявъ его любовь; онъ же, съ своей стороны, готовъ былъ бы во всякомъ случаѣ дорого заплатить за незаслуженное счастье. Въ виду своей готовности къ жертвѣ, онъ и сталъ считать себя достойнымъ Катерины. Однажды онъ узналъ, что графъ уѣхалъ въ Галицію, не сдѣлавъ предложенія. Тогда, съ внезапной рѣшимостью, которая, въ сущности, противорѣчила его характеру, онъ отправился къ Катеринѣ.

Какимъ далекимъ казался ему теперь тотъ часъ!

Онъ опять увидѣлъ передъ собой ихъ комнату, большую, съ низкимъ, сводчатымъ потолкомъ, съ старой, но хорошо сохранившейся мебелью, увидѣлъ одинокое темнокрасное кресло у окна, открытый рояль и ноты на немъ, круглый столъ краснаго дерева, на немъ альбомъ съ перламутровой крышкой и вазу для визитныхъ карточекъ изъ саксонскаго фарфора. Онъ вспомнилъ также, какъ взглянулъ внизъ, на большой проходной дворъ, по которому какъ-разъ проходило много людей изъ церкви насупротивъ; было Вербное воскресенье. При звонѣ колоколовъ, Катерина и ея мать вышли изъ сосѣдней комнаты, повидимому, не

такъ удивившись его посѣщенію, какъ онъ ожидалъ. Катерина любезно выслушала его и приняла его предложеніе такъ же просто, какъ еслибы онъ ее пригласилъ пойти на балъ. Мать сидѣла на диванѣ и любезно улыбалась, по привычкѣ людей, которые плохо слышатъ; отъ времени до времени она подносила къ уху маленькій черный шолковый вѣеръ. Во время всего разговора въ прохладной, тихой комнатѣ, у Альберта было чувство, точно онъ попалъ въ мѣстность, гдѣ долго бушевала буря и гдѣ теперь все дышетъ жаждой успокоенія... И когда онъ, потомъ, спустился внизъ по лѣстницѣ, у него не было радости въ душѣ; онъ только чувствовалъ, что вступилъ въ какую-то полную чудесъ, но очень смутную и тревожную пору своей жизни. И когда онъ потомъ ходилъ весь день по улицамъ, по садамъ и аллеямъ, подъ весеннимъ небомъ, проходя мимо веселыхъ и беззаботныхъ людей, онъ чувствовалъ, что уже не принадлежитъ къ ихъ числу, что имъ овладѣла другая, особенная судьба.

Онъ сталъ приходить каждый вечеръ въ гостиную со сводчатымъ потолкомъ. Катерина иногда пѣла пріятнымъ голосомъ, но почти безъ всякаго выраженія. Пѣла она большею частью итальянскія народныя пѣсни, и онъ аккомпанировалъ ей на роялѣ. Потомъ онъ часто стоялъ съ ней до поздняго вечера у окна, глядѣлъ внизъ, на тихій дворъ, гдѣ уже зеленѣли деревья. Въ хорошую погоду онъ иногда встрѣчался съ ней въ Бельведерскомъ саду. Онъ, обыкновенно, уже заставалъ ее тамъ: она сидѣла и слѣдила за игрой дѣтей. При его появленіи она поднималась, и они гуляли по дорожкамъ, освѣщеннымъ солнцемъ. Сначала онъ разсказывалъ иногда о своей прежней жизни, о дѣтствѣ въ родительскомъ домѣ въ Грацѣ, о студенческомъ времени въ Вѣнѣ, о лѣтнихъ путешествіяхъ, и самъ удивлялся при этомъ блѣдности своей прежней жизни. Можетъ быть, это чувство вызывалось тѣмъ, что Катерина не обнаруживала ни малѣйшаго интереса къ его разсказамъ. Въ то время, какъ Альбертъ былъ ея женихомъ, Катерина вела себя очень странно. Такъ, напримѣръ, Альбертъ встрѣтилъ однажды въ полдень свою невѣсту на площади св. Стефана въ сопровожденіи изящнаго господина въ траурѣ, котораго онъ никогда прежде не видалъ. Альбертъ остановился, очень удивленный, но Катерина холодно поклонилась ему и прошла дальше съ чужимъ господиномъ. Альбертъ шелъ за ней нѣсколько времени; господинъ сѣлъ въ коляску, ожидавшую его на углу одной улицы, и уѣхалъ. Катерина пошла домой. Когда Альбертъ спросилъ ее вечеромъ, кто былъ этотъ господинъ, она удивленно взглянула на него, назвала

совершенно неизвѣстное польское имя, ушла къ себѣ въ комнату и уже не показывалась въ теченіе всего остального вечера. Въ другой разъ ему пришлось долго ждать ее, и она вернулась домой уже въ десять часовъ, съ букетомъ полевыхъ цвѣтовъ въ рукахъ, и разсказала, что была за городомъ. Цвѣты она выбросила въ окно. Разъ она пошла съ Альбертомъ на выставку картинъ и долго стояла съ нимъ передъ пейзажемъ, изображавшимъ дикую гористую мѣстность, надъ которой проносятся бѣлыя облака. Нѣсколько дней спустя, она говорила объ этой мѣстности такъ, точно дѣйствительно ходила по ней ребенкомъ, въ сопровожденіи своего покойнаго брата. Сначала Альберту показалось, что она шутитъ, но постепенно онъ убѣдился, что картина какъ бы ожила для нея въ воспоминаніи. Тогда онъ почувствовалъ, какъ его удивленіе переходитъ въ болѣзненный страхъ. Но чѣмъ болѣе ускользала отъ него ея загадочная сущность, тѣмъ безнадежнѣе и безудержнѣе становилось его чувство къ ней. Иногда ему удавалось вызвать ее на разсказы объ ея дѣтствѣ и ранней юности. Но все, о чемъ она говорила, разсказы о дѣйствительныхъ событіяхъ и передача смутныхъ грезъ, сливалось въ одномъ смутномъ свѣтѣ, и Альбертъ не зналъ, кто сильнѣе запечатлѣлся въ ея памяти, тотъ ли органистъ, который упалъ съ церковной башни, или молодой итальянскій принцъ, проѣхавшій разъ верхомъ мимо нея въ Пратерѣ, или Ванъ-Дэйковскій юноша, портретъ котораго она видѣла еще дѣвушкой въ Лихтенштейновской галереѣ. Теперь ее тоже влекло къ какимъ-то невѣдомымъ, неопредѣленнымъ цѣлямъ, и Альбертъ чувствовалъ, что онъ для нея не имѣлъ бо́льшаго значенія, чѣмъ какой-нибудь случайный знакомый, съ которымъ она прошлась подъ-руку по залѣ на какомъ-нибудь вечерѣ. И такъ какъ у него не было силы вывести ее изъ ея туманной жизни, то онъ чувствовалъ, какъ его охватываетъ одурманивающее вліяніе ея загадочнаго существа, и какъ онъ самъ начинаетъ думать и дѣйствовать наперекоръ благоразумію и требованіямъ обыденной жизни. Онъ началъ съ того, что, дѣлая покупки для ихъ будущаго дома, сильно вышелъ изъ предѣловъ своего бюджета. Затѣмъ онъ подарилъ своей невѣстѣ много драгоцѣнностей. А въ день передъ свадьбой онъ купилъ маленькій домикъ въ предмѣстьи, который ей понравился во время прогулки, и въ тотъ же вечеръ преподнесъ ей купчую, сдѣланную на ея имя. Она принимала все это съ такой же любезностью и спокойствіемъ, какъ до того приняла его предложеніе руки. Она, навѣрное, считала его болѣе богатымъ, чѣмъ онъ былъ въ дѣйствительности. Вначалѣ Альбертъ думалъ-было поговорить съ ней о

своихъ денежныхъ средствахъ. Но потомъ онъ сталъ откладывать этотъ разговоръ со дня на день, и наконецъ рѣшилъ, что не стоитъ говорить. Она сама говорила о своемъ будущемъ вовсе не какъ человѣкъ, передъ которымъ лежитъ опредѣленный путь; напротивъ того, казалось, что всѣ возможности открыты ей попрежнему, и ничто въ ея поведеніи не указывало на внутреннюю или внѣшнюю связанность. Альбертъ понялъ, что ему предстоитъ очень невѣрное и короткое счастье; но все, что наступитъ, когда Катерина исчезнетъ для него, лишено было для него всякаго значенія. Жизнь безъ нея казалась ему какъ-то совершенно немыслимой, и онъ твердо рѣшилъ покончить съ собой, когда она его покинетъ. Это рѣшеніе было его единственной опорой въ теченіе всего дальнѣйшаго времени.

Въ то утро, когда Альбертъ пріѣхалъ за Катериной, чтобы повезти ее къ вѣнцу, она была ему столь же чужой, какъ въ вечеръ ихъ перваго знакомства. Послѣ свадьбы они уѣхали въ горы, ѣздили по долинамъ, освѣщеннымъ южнымъ солнцемъ, гуляли по берегамъ безмятежныхъ озеръ, бродили по глухимъ дорожкамъ шумящихъ лѣсовъ. Они стояли у многихъ оконъ, глядѣли внизъ на тихія улицы зачарованныхъ городовъ, устремляли взоры вдоль теченія таинственныхъ рѣкъ, глядѣли на нѣмыя горы, надъ которыми расплывались серебряныя облака. Они говорили о будничныхъ интересахъ, какъ другія молодыя пары, гуляли подъ-руку, останавливались передъ зданіями и передъ окнами магазиновъ, обсуждали покупки, улыбались, чокались стаканами вина и засыпали сномъ счастливыхъ. Иногда она оставляла его одного гдѣ-нибудь въ залѣ ресторана, гдѣ чувствовалась вся печаль одиночества, или на каменной скамьѣ въ саду, среди людей, радующихся лѣтнему благоуханію, или въ высокой залѣ картинной галереи, передъ темной картиной ландскнехта или Мадонны,— и въ эти часы онъ никогда не зналъ, вернется ли къ нему Катерина, или нѣтъ. И въ сердцѣ его жило ясное чувство, что ничто не измѣнилось со времени ихъ первой встрѣчи, что она такъ же свободна, какъ всегда, и что онъ всецѣло въ ея власти.

Вотъ почему ея исчезновеніе послѣ двухъ недѣль свадебнаго путешествія, также какъ ея странное письмо, потрясли его, но ничуть не изумили. Ему казалось, что онъ унизилъ бы и себя и ее, еслибы сталъ разузнавать о причинѣ ея ухода. Что отняло ее у него,—капризъ ли, или какой-нибудь сонъ, или живой человѣкъ—это ему было безразлично. Онъ ничего не зналъ, и ему не нужно было ничего знать, кромѣ того, что она уже не принадлежитъ ему. Можетъ быть даже хорошо, что неотврати

мое произошло такъ скоро. Послѣ покупки дома у него не осталось уже никакихъ денегъ, а на его маленькое жалованье они не могли жить вдвоемъ. Говорить же съ ней о сокращеніи расходовъ и о будничныхъ заботахъ онъ ни въ какомъ случаѣ не могъ. На минуту у него мелькнула мысль сказать ей что нибудь на прощанье. Онъ взглянулъ на ея записку, и ему захотѣлось написать два слова на чистой страницѣ, чтобы объяснить свой поступокъ. Но онъ ясно почувствовалъ, что Катерину это нисколько не интересовало, и отказался отъ своего намѣренія. Онъ взялъ сакъ-вояжъ, положилъ въ карманъ маленькій револьверъ и рѣшилъ отправиться куда-нибудь за городъ, чтобы съ достоинствомъ выполнить свое рѣшеніе.

Темно-синее лѣтнее небо высилось надъ городомъ и въ воздухѣ было уже душно. Альбертъ вышелъ изъ отеля. Онъ не прошелъ и ста шаговъ, какъ увидѣлъ передъ собой Катерину. Она держала въ рукѣ сѣрый шолковый зонтикъ и медленно шла по улицѣ. Первымъ движеніемъ Альберта было свернуть въ другую улицу; но какая-то сила, болѣе властная, чѣмъ всѣ его разсужденія и рѣшенія, заставила его замедлить шаги, чтобы узнать правду, къ которой онъ, какъ ему за минуту передъ тѣмъ казалось, былъ совершенно равнодушенъ. Онъ даже испугался, какъ бы она не обернулась и не увидала его. Она прошла черезъ дворцовый садъ, и онъ послѣдовалъ за нею на нѣкоторомъ разстояніи. Вотъ она вошла въ придворную церковь, двери которой были раскрыты. Онъ остановился у входа въ глубокой тѣни, и увидѣлъ, какъ Катерина медленно прошла по срединѣ между темными статуями героевъ и королевъ. Вдругъ она остановилась. Альбертъ отошелъ отъ того мѣста, гдѣ онъ до того стоялъ, и пробрался за гробницу императора Максимиліана, занимающую центръ церкви; Катерина недвижно стояла передъ статуей Теодориха. Опершись лѣвой рукой на мечъ, бронзовый герой глядѣлъ какъ бы изъ вѣчности въ пространство. Въ его позѣ чувствовалась величественная усталость, точно онъ сознавалъ безцѣльность своихъ подвиговъ, и точно вся его гордость утопала въ скорби. Катерина стояла передъ статуей и глядѣла въ лицо королю.

Альбертъ скрывался нѣсколько времени за гробницей, потомъ выступилъ впередъ: Катерина должна была бы услыхать его шаги, но она даже не обернулась и стояла какъ вкопанная на мѣстѣ... Въ церковь приходили туристы, съ красными книжечками въ рукахъ; рядомъ съ ней и за нею говорили, но она ничего не слышала. На минуту стало тише; Катерина продол-

жала стоять, застывшая какъ статуя. Прошло еще четверть часа. Катерина не двигалась съ мѣста.

Альбертъ вышелъ. У входа онъ еще разъ обернулся, и увидѣлъ, какъ Катерина подошла къ статуѣ и коснулась губами бронзовой ноги. Альбертъ поспѣшно ушелъ. Онъ улыбался. Ему пришла въ голову мысль, которая его обрадовала. Онъ могъ сдѣлать еще что-то для любимой женщины, прежде чѣмъ исчезнуть навсегда. Онъ направился въ магазинъ художественныхъ издѣлій и спросилъ, нельзя ли заказать бронзовую статую Теодориха въ естественную величину. Случайно оказалось, что, мѣсяцъ тому назадъ, сдѣлана была такая статуя. Заказчикъ, англійскій лордъ, умеръ, и наслѣдники отказались взять статую. Альбертъ освѣдомился о цѣнѣ. Она, приблизительно, соотвѣтствовала остатку его состоянія. Альбертъ далъ свой вѣнскій адресъ и точно указалъ, гдѣ уполномоченный продавца долженъ поставить статую въ саду ихъ домика. Потомъ онъ вышелъ, быстро прошелъ черезъ городъ, направился въ Игльсъ и тамъ, въ лѣсу, застрѣлился ровно въ полдень.

Катерина черезъ нѣсколько недѣль послѣ того вернулась въ Вѣну. Альберта тѣмъ временемъ похоронили въ семейномъ склепѣ въ Грацѣ. Въ вечеръ своего пріѣзда Катерина долго стояла въ саду передъ статуей, очень красиво поставленной подъ высокими деревьями. Потомъ она прошла къ себѣ въ комнату, написала длинное письмо въ Верону, до востребованія, синьору Андреа Джеральдини. Это было имя господина, который пошелъ за ней, когда она отошла отъ статуи Теодориха Великаго. Было ли это его дѣйствительное имя, Катерина такъ и не узнала, потому что отвѣта на свое письмо не получила.

Съ нѣм. З. В.

ОЗДОРОВЛЕНІЕ РОССІИ

И

СРЕДСТВА КЪ ТОМУ

I.

Здоровье является не только источникомъ благосостоянія, но и регуляторомъ человѣческихъ дѣлъ и поступковъ. Каждый знаетъ по себѣ, насколько характеръ общаго нашего настроенія и наша работоспособность зависятъ отъ состоянія здоровья. При нормальномъ состояніи организма, когда всѣ органы функціонируютъ правильно, мы можемъ быть богаты и энергіей, и охотой къ труду; мало того, при этомъ же условіи, мы будемъ и болѣе разумно смотрѣть на жизнь, и болѣе правильно оцѣнивать окружающую насъ обстановку. Совсѣмъ иная картина получится, если человѣкъ болѣетъ, напр., печенью или имѣетъ хроническій катарръ желудка. Физическій недугъ, вліяя на всю нервную систему, безусловно отразится на поступкахъ и дѣйствіяхъ человѣка. Можно положительно утверждать, что болѣзни печени и желудка (не говоря уже про заболѣванія нервной системы) принесли много зла и несчастія человѣчеству, въ особенности когда этими болѣзнями страдали люди, власть имѣющіе.

Очень возможно, что и переживаемый нами въ настоящее время общественно-бюрократическій психозъ обусловливается въ своемъ развитіи пониженіемъ народнаго у насъ здоровья вообще и появленіемъ значительнаго процента людей съ признаками вырожденія.

Заботами о поддержаніи и сохраненіи какъ своего здоровья, такъ и въ особенности народнаго, мы не можемъ похвалиться и выполняемъ требованія научной гигіены постольку, поскольку они не на-

рушаютъ нашихъ привычекъ. Въ наказаніе за пренебреженіе къ здоровью, природа надѣляетъ насъ болѣзнями, которыя являются не только личнымъ несчастіемъ человѣка, но имѣютъ и серьезное общественное значеніе, такъ какъ чѣмъ больше будетъ процентъ заболѣваемости и смертности среди народонаселенія, тѣмъ меньше будетъ его благосостояніе, а слѣдовательно, будетъ падать и благосостояніе всего государства.

Каждый день болѣзни человѣка, способнаго къ труду, составляетъ матеріальный ущербъ, а смерть его будетъ уже потерей капитала, заключавшагося въ его трудоспособности. Еслибы перевести на деньги и подсчитать, сколько пропадаетъ въ Россіи ежегодно рабочей силы, вслѣдствіе болѣзней и смертности, то навѣрное получилась бы огромная цифра. Статистика показываетъ, что нѣтъ въ Европѣ другой такой несчастной страны, гдѣ бы каждый годъ болѣло и умирало столько людей, какъ въ Россіи. Въ теченіе, напр., 1903 года умерло въ Россіи 3.350.594 человѣка, т.-е. изъ каждой тысячи жителей умерло 29,1 чел. Такой смертности среди населеній нѣтъ ни въ Германіи, ни въ Англіи, ни во Франціи, ни въ Испаніи... Истинно-культурныя страны уже поняли и оцѣнили значеніе народнаго здравія, а потому и заботятся о его охраненіи. Благодаря разумнымъ и настойчивымъ мѣрамъ, онѣ достигли желаннаго результата: народъ тамъ и меньше болѣетъ, и дольше живетъ, чѣмъ у насъ. — Признать, что печальное состояніе Россіи, въ отношеніи огромнаго процента заболѣваемости и смертности ея населенія, зависитъ отъ какихъ-либо исключительныхъ, а главное, неустранимыхъ, причинъ, совсѣмъ нельзя: ничего подобнаго нѣтъ, а все объясняется присущей намъ халатностью, некультурностью и — что особенно важно — незнакомствомъ съ основными медицинскими знаніями... Ни въ чемъ не сказывается такъ печально отсутствіе народнаго воспитанія и образованія, какъ именно въ сбереженіи здоровья, которое мы, пока „имѣемъ, не хранимъ, а потерявъ, плачемъ"...

II.

Человѣкъ, подобно всему живущему, есть рабъ окружающихъ его жизненныхъ условій. Если растеніе гибнетъ, когда негодна для него почва, когда нѣтъ влаги, свѣта; если животное, лишенное ухода и правильнаго питанія, мельчаетъ въ своей породѣ, болѣетъ и дохнетъ, то тоже самое происходитъ и съ человѣкомъ: больные родители родятъ больныхъ дѣтей, а плохія условія жизни, плохое питаніе и неправильный трудъ вызываютъ болѣзни, истощеніе и — смерть. Какія бы теоріи происхожденія болѣзней ни существовали въ наукѣ,

но истина, гласящая, что „человѣкъ есть то, что онъ ѣстъ, что пьетъ, чѣмъ дышетъ и какъ живетъ“, всегда останется непреложной. Необходимо только указать и на значеніе закона наслѣдственности, т.-е. отъ какой семьи—больной или здоровой—происходитъ человѣкъ. Поставьте человѣка, родившагося отъ здоровыхъ родителей, въ правильныя, нормальныя условія жизни, и онъ навѣрное проживетъ чуть-ли не вѣкъ Маѳусаила. Человѣческій организмъ такъ мудро и такъ прочно устроенъ, что лишь поразительное наше неряшество (если такъ можно выразиться) и невѣжество сокращаютъ продолжительность нашей жизни. Проводя параллель между человѣческимъ организмомъ и хотя бы какимъ-нибудь растеніемъ, мы видимъ, что и тотъ, и другой,—какъ живые организмы,—требуютъ для нормальнаго своего произрастанія прежде всего здоровыхъ сѣмянъ и хорошей почвы. Какъ отъ плохого зерна не уродится хорошаго растенія, такъ точно и отъ больныхъ родителей не можетъ быть здоровыхъ дѣтей. Эта простая истина, несмотря на ея безспорное значеніе для людей, тѣмъ не менѣе игнорируется ими. Такой индифферентизмъ къ требованіямъ науки ведетъ обычно къ печальнымъ послѣдствіямъ; но люди хотя и льютъ слезы, и проклинаютъ судьбу, а все-таки творятъ одно и то же преступленіе—заключеніе браковъ между больными лицами. Казалось бы, чего проще: разъ кто хочетъ жениться или выйти замужъ, пойди къ врачу и спроси, имѣешь ты, по состоянію своего здоровья, на это право или нѣтъ. Поступить честно и добросовѣстно въ столь серьезномъ дѣлѣ, какъ бракъ, есть долгъ каждаго порядочнаго человѣка, а между тѣмъ у насъ этого нѣтъ. У насъ завѣдомый сифилитикъ можетъ жениться на молодой, здоровой дѣвушкѣ, или дѣвушку, происходящую изъ чахоточной семьи и имѣющую уже признаки этой болѣзни, выдаютъ замужъ, не думая о послѣдствіяхъ подобнаго преступленія. Сколько вообще безнравственныхъ поступковъ совершается въ брачныхъ дѣлахъ, и притомъ нерѣдко сознательно,—трудно и сказать! Выдаютъ замужъ и женятся, напр., люди, совершенно неспособные къ брачной жизни. Семья, гдѣ сумасшествіе составляетъ наслѣдственный порокъ, переходящій изъ поколѣнія въ поколѣніе и притомъ по прямой нисходящей линіи, выдаетъ замужъ и женитъ своихъ дѣтей, предоставляя послѣднимъ плодить идіотовъ, дегенератовъ и вообще негодныхъ къ жизни людей. Изъ ряда причинъ, въ силу которыхъ послѣдствіемъ брака является больное потомство, первое мѣсто надо отвести сифилису. Не такъ давно еще было время, когда говорить громко о сифилисѣ считалось непристойнымъ. Смотрѣли на эту сильно распространенную болѣзнь какъ на что-то позорное, указывающее на безнравственное поведеніе заболѣвшихъ ею. Но времена измѣнились, да и мы теперь знаемъ, что процентъ заболѣваемости сифилисомъ отъ „разврата“

много меньше того, который получается отъ внѣполового зараженія, путемъ передачи болѣзни черезъ пищу, стаканъ, папиросу и т. д. или по наслѣдству. Вслѣдствіе широкаго распространенія болѣзни указываемымъ путемъ, когда не только страдаютъ отдѣльныя лица, но поражается населеніе цѣлыхъ селъ и деревень, становится необходимымъ говорить о ней открыто и призывать общество къ борьбѣ съ страшнымъ недугомъ. Каждый заболѣвшій сифилисомъ является хранителемъ въ себѣ специфическаго яда и способенъ передать его и женѣ, и дѣтямъ, и послѣдующимъ даже поколѣніямъ. Отражаясь на потомствѣ, болѣзнь эта дѣлаетъ послѣднее и физически неустойчивымъ, и нравственно неуравновѣшеннымъ, служа при этомъ и непосредственной причиной психическихъ заболѣваній. Протекая въ большинствѣ случаевъ медленно, болѣзнь не щадитъ ни одного органа въ человѣческомъ тѣлѣ; вотъ почему сифилитики и должны вступать въ бракъ только съ разрѣшенія врача-спеціалиста. Къ какимъ послѣдствіямъ ведетъ бракъ, при которомъ не было выполнено указываемое требованіе, можно видѣть хотя бы изъ слѣдующаго случая, бывшаго въ моей практикѣ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, я жилъ въ Москвѣ и лѣто проводилъ въ дачной мѣстности, излюбленной москвичами. Помню, что въ одинъ изъ іюньскихъ вечеровъ къ моей дачѣ подъѣхали въ собственномъ экипажѣ двое молодыхъ людей. Каждому изъ нихъ на видъ можно было дать лѣтъ двадцать-два—двадцать-пять. Называли они себя „Коко" и „Жоржъ". „Коко" оказался женатымъ на своей милой кузинѣ „Софи". Свадьба была всего нѣсколько недѣль, и вотъ „бѣдная Софи" заболѣла... „Вы понимаете, докторъ, какъ я страдаю и мучаюсь болѣзнью моей жены, и не могу себѣ представить, почему и отчего она заболѣла",—говорилъ мнѣ Коко, раскуривая дорогую сигару... Чѣмъ больна его жена и какіе симптомы болѣзни, Коко мнѣ не сказалъ, а просилъ меня объ одномъ—„не пугать его жены". Жоржъ, пріятель Коко, уступилъ мнѣ мѣсто въ экипажѣ, и мы отправились на дачу младоженовъ. Помню, какъ сейчасъ, что это была небольшая, вся въ цвѣтахъ и мило обставленная дача. Въ розовой спальнѣ, подъ розовымъ одѣяломъ, я увидѣлъ молоденькую женщину, конфузившуюся посторонняго человѣка и съ трудомъ рѣшившуюся отвѣчать на мои вопросы. Она мнѣ разсказала, что, годъ тому назадъ, кончила курсъ въ институтѣ, что она — единственный ребенокъ у своей матери, что „мамочка очень любитъ ее" и очень довольна, что „я вышла замужъ за своего кузена Коко".

Изслѣдовавъ подробно больную, я пришелъ къ печальному выводу: молодая женщина была заражена сифилисомъ... Сдѣлавъ, что̀ было нужно, и не сказавъ, конечно, ни слова самой больной о характерѣ

ея болѣзни, я спросилъ Коко о его здоровьи, на что и получилъ отвѣтъ, что „онъ чувствуетъ себя прекрасно“. Желая знать истину, я попросилъ его пріѣхать ко мнѣ на городскую квартиру, гдѣ обѣщалъ подробно выяснить ему болѣзнь его жены. На другой день онъ явился ко мнѣ, и я заставилъ его дать себя изслѣдовать. Худой, тщедушный, истасканный субъектъ имѣлъ характерные признаки такъ называемаго кондиломатознаго сифилиса и, женившись въ такомъ состояніи, заразилъ внѣ всякаго сомнѣнія свою жену.

Дальнѣйшая судьба семьи этой была очень печальна. Мать, узнавъ о болѣзни дочери, съ горя заболѣла и умерла. „Бѣдная Софи“ бросила своего „Коко“, долго лечилась, родила больного ребенка и кончила свое существованіе гдѣ-то на провинціальной сценѣ. Такъ погибла жизнь трехъ субъектовъ: матери, дочери и внучки, и причиной гибели послужилъ „милый кузенъ Коко“, горячо любившій свою „бѣдную Софи“ и наградившій ее сифилисомъ.

Случаевъ, подобныхъ описанному,—много, и они встрѣчаются въ практикѣ чуть ли не каждаго врача, но о нихъ обыкновенно молчатъ, а между тѣмъ, въ цѣляхъ охраненія здоровья нашихъ дѣтей и здоровья общества, необходимо настойчиво повторять: „Отцы и матери, жалѣйте вашихъ дѣтей и помните, что лишь здоровая во всѣхъ отношеніяхъ семья можетъ быть разсадникомъ здоровыхъ гражданъ! Бракъ вашихъ дѣтей представляетъ очень нерѣдко большую для нихъ опасность, а потому и требуйте, чтобы женихъ и невѣста передъ вступленіемъ ихъ въ бракъ были осмотрѣны компетентнымъ врачомъ... Повѣрьте, что такой осмотръ худого ничего не сдѣлаетъ, а пользу принесетъ огромную“... Лично я глубоко убѣжденъ въ цѣлесообразности такихъ осмотровъ и вѣрю, что если они широко будутъ практиковаться, то число сифилитиковъ и дегенератовъ несомнѣнно уменьшится, а вмѣстѣ съ этимъ поубавится и горя семейнаго, котораго слишкомъ уже много у насъ.

Едва-ли можно серьезно возражать противъ предлагаемыхъ мною медицинскихъ осмотровъ жениха и невѣсты. Какъ бы ни была сильна любовь у желающихъ вступить въ бракъ, я убѣжденъ, что благоразуміе ихъ самихъ и вліяніе старшихъ всегда одержатъ верхъ и не дадутъ погибнуть молодой жизни. Съ поднятіемъ культуры русскаго народа и устройствомъ общественной жизни на иныхъ, болѣе разумныхъ началахъ,—вопросъ о бракѣ несомнѣнно видоизмѣнится и въ направленіи, желательномъ съ точки зрѣнія медицины. Допуская предположеніе, что наступитъ время, когда брачныя узы будутъ заключаться лишь между здоровыми людьми, можно быть увѣреннымъ, что въ результатѣ такихъ браковъ явится крѣпкое, здоровое поколѣніе, которое и не будетъ уже давать такого процента заболѣваемости и смертности, какъ теперь.

Серьезное значеніе для брака имѣетъ и болѣзнь—бугорчатка или чахотка. Завѣдомо чахоточные больные, съ упадкомъ питанія и силъ, не должны мечтать о бракѣ, такъ какъ онъ ничего хорошаго имъ не дастъ. Тѣ же больные бугорчаткой, у которыхъ болѣзнь существуетъ въ зачаточномъ видѣ, вступая въ бракъ, должны знать, что дѣти ихъ будутъ требовать особенно тщательнаго ухода и воспитанія. Борьба съ жизнью и ея невзгодами для такихъ дѣтей—задача очень трудная, и нерѣдко они гибнутъ отъ той же чахотки.

Резюмируя сказанное, получимъ такой выводъ: усиленная заболѣваемость и смертность въ Россіи, а равно годъ отъ года увеличивающійся процентъ психическихъ заболѣваній, стоятъ, между прочимъ, въ зависимости и отъ неправильныхъ браковъ. Мы не заботимся ни о хорошихъ сѣменахъ, ни о хорошей почвѣ, за что жизнь и казнитъ насъ жестоко. Какъ бы ни была тяжела борьба съ жизнью, какихъ бы затратъ и силъ, и энергіи она ни требовала,—люди съ здоровой физической организаціей и здоровой нервной системой перенесутъ борьбу стоически и побѣда скорѣе будетъ за ними, но такіе люди родятся и воспитываются только въ здоровыхъ семьяхъ. Больная же семья даетъ неврастениковъ и дегенератовъ, вообще тѣхъ людей, которые служатъ лишь балластомъ для общества и вносятъ въ его жизнь сумбуръ, лишенія и невзгоды...

III.

Выше было сказано, что человѣкъ есть рабъ окружающихъ его жизненныхъ условій, вліяющихъ не только на его физическое благосостояніе, но и на складъ ума и характера. Наиболѣе нагляднымъ примѣромъ этого служитъ непосредственная зависимость людского организма отъ пищи и питья. Живя и работая, физически или умственно, мы всегда расходуемъ свои силы, которыя суть не что иное, какъ продуктъ жизнедѣятельности тканей нашего тѣла, причемъ при всякой работѣ происходитъ потеря тканей, требующая возмѣщенія ихъ. Путемъ питанія мы возстановляемъ потери, понесенныя нашимъ организмомъ; при этомъ понятно, что чѣмъ здоровѣе и лучше будетъ пища, тѣмъ и силъ и здоровья у человѣка станетъ больше. Въ этомъ случаѣ и люди, и животныя, и растенія, подчиняются одному и тому же закону: все крѣпнетъ, ростетъ и множится лишь при хорошемъ питаніи. Кормя лошадь или корову соломой съ крыши избъ, нельзя разсчитывать на работу лошади и удой молока у коровы; точно такъ же и человѣкъ, питаясь лебедой или однимъ картофелемъ, не будетъ отличаться ни крѣпостью здоровья, ни способностью къ работѣ. Велик

было бы счастье на землѣ, еслибы каждый человѣкъ всегда былъ обезпеченъ пищею, т.-е. имѣлъ бы ее въ необходимомъ для него количествѣ и должнаго качества. Къ сожалѣнію, этого нѣтъ, и мы видимъ рѣзкія крайности: одни болѣютъ отъ чрезмѣрнаго питанія, а другіе—отъ голода. Человѣкъ постоянно голодающій живетъ на счетъ своего организма и, истощая его, обрекаетъ себя на гибель, такъ какъ ослабленный организмъ становится мало устойчивымъ и восприимчивымъ къ всевозможнымъ болѣзнямъ. Вотъ почему, между прочимъ, умираетъ у насъ такъ много дѣтей въ раннемъ возрастѣ и вообще людей мало обезпеченныхъ, бѣдныхъ. Вслѣдствіе голода понижается работоспособность людей и появляется на свѣтъ Божій негодное потомство. Казалось бы, обществу и государству не слѣдовало забывать, что, допуская хроническое голоданіе русскаго народа, не только создаютъ причины для истощенія и болѣзней, но и для упадка общаго государственнаго благосостоянія. Что русскій человѣкъ вообще, а крестьяне въ особенности, питаются неправильно, это едва-ли подлежитъ сомнѣнію. Люди болѣе или менѣе обезпеченные отличаются у насъ удивительною склонностью къ питанію мясомъ и ѣдятъ его не только ежедневно, но и не одинъ разъ въ день. Такая „кровожадность" и не полезна, и не цѣлесообразна. Что мясо, по своему химическому составу, является наиболѣе пригоднымъ питательнымъ матеріаломъ, это—вѣрно, но нужно помнить, что чрезмѣрное, усиленное потребленіе его можетъ вызывать рядъ серьезныхъ разстройствъ въ организмѣ человѣка. Обильныя „яства" и „питія", при малоподвижности русскаго человѣка и отсутствіи физической дѣятельности, въ концѣ концовъ даютъ значительный контингентъ больныхъ печенью, желудочно-кишечнымъ катарромъ, почками и т. д. Эти искусственно привитыя болѣзни, благодаря неправильному питанію и общему складу жизни, огорчая носителей ихъ, несомнѣнно отражаются и на дѣятельности послѣднихъ, такъ какъ—mens sana in corpore sano, а при больной печени или желудкѣ будетъ одна грусть.

Что̀ же ѣстъ у насъ народъ? Да все то, что̀ найдется у него подъ руками: выбора нѣтъ. Понятно, тутъ уже не можетъ быть и рѣчи о „переѣданіи", а правильнѣе сказать, что огромная масса нашего народа отличается хроническимъ голоданіемъ. Мясо для крестьянъ—непозволительная роскошь, и объ „убоинѣ" они могутъ лишь мечтать. Обычно крестьянинъ ѣстъ черный хлѣбъ, картофель, огурцы, капусту, иногда рыбу и т. д. Словомъ, онъ—вынужденный вегетаріанецъ, и въ этомъ не было бы бѣды, еслибы народъ всегда былъ обезпеченъ и подобной пищею. Но горе въ томъ, что и тутъ судьба (сошлемся на нее) преслѣдуетъ народъ, лишая его даже хлѣба и другихъ про-

стыхъ продуктовъ. Голодъ въ Россіи становится заурядныиъ явленіемъ, къ народному несчастію начинаютъ какъ будто привыкать, и мѣры борьбы съ общественнымъ недугомъ не выходятъ уже изъ рамокъ обыденныхъ мѣръ. По совѣсти говоря, нужно прямо удивляться выносливости вообще русскаго человѣка, способнаго въ однихъ случаяхъ ѣсть и пить, когда угодно и сколько угодно, а въ другихъ—вѣчно не доѣдать, голодать и, тѣмъ не менѣе, нести тяжелое бремя упорнаго труда. Будь нашъ крестьянинъ всегда обезпеченъ даже неприхотливою своею пищею, навѣрное онъ чувствовалъ бы себя много счастливѣе, чѣмъ теперь, а главное, онъ былъ бы крѣпче и въ физическомъ отношеніи. Хорошій черный хлѣбъ, капуста, огурцы, квасъ, молоко, масло и т. д., отпускаемые на каждаго человѣка въ необходимомъ для него количествѣ, могутъ поддерживать его жизнь и здоровье. Къ сожалѣнію, нашъ народъ, какъ уже сказано, вѣчно не доѣдаетъ и, питаясь нерѣдко дубовой корой и лебедой, теряетъ силы, здоровье и хирѣетъ.

На почвѣ хроническаго голоданія и питанія очень нерѣдко неудобоваримыми или, вѣрнѣе, непозволительными веществами, ежегодно происходятъ массовыя заболѣванія среди населенія, уносящія обильныя количества жертвъ. Эти жертвы, это—значительное число людей, умирающихъ отъ голоданія, должны служить укоромъ нашему обществу, считающему себя хотя и христіанскимъ, но не слѣдующему, однако, по заповѣди Христа: „люби ближняго, какъ самого себя“. Улучшите питаніе русскаго народа, освободите его отъ голодовки, и онъ сторицею заплатитъ за это! Сытый становится человѣкомъ довольнымъ, жизнерадостнымъ и работоспособнымъ, голодный—наоборотъ—всегда недоволенъ, всегда раздраженъ, обиженъ и обезсиленъ. Надо понять, что̀ значитъ голодъ, и испытать самому душевное состояніе человѣка, обреченнаго на постоянную нужду и заботу о кускѣ хлѣба. При подобныхъ условіяхъ даже и тѣ люди, которыхъ надо назвать вполнѣ уравновѣшенными, становятся несчастными и опасными, какъ для самихъ себя, такъ и для окружающихъ...

Что голоданіе, а въ зависимости отъ него усиленныя заболѣваемость и смертность русскаго народа есть явленіе противоестественное, ненормальное—доказывать, по-моему, было бы излишне: вѣдь не созданы же люди, на самомъ дѣлѣ, съ такимъ предопредѣленіемъ, чтобы одни изъ нихъ обѣдали по два раза въ день, а другіе—сосали свою лапу и закусывали дубовой корой. Полнаго равенства людей быть, конечно, не можетъ, и подвести все въ жизни подъ одинъ знаменатель нельзя; но чтобы всѣ были сыты и обезпечены отъ голода,—этого требуетъ и простая логика, и общегосударственная польза.

Причины, вызывающія усиленную заболѣваемость и смертность въ Россіи, лежатъ въ насъ самихъ, и онѣ не есть что-то роковое, неустранимое, а наоборотъ—стóитъ приложить энергію и ихъ не будетъ. Неправильное и недостаточное питаніе крестьянскаго населенія служитъ, напримѣръ, одной изъ главныхъ причинъ и для появленія, и для развитія многочисленныхъ болѣзней въ массѣ народа, а потому, если причина эта будетъ удалена, то несомнѣнно въ Россіи уменьшится процентъ смертности и заболѣваемости. Надо же вѣрить, что наступитъ и въ Россіи то счастливое и справедливое время, когда всѣ будутъ сыты, и вотъ тогда можно будетъ уже толковать и съ самимъ крестьяниномъ о научныхъ требованіяхъ въ вопросахъ питанія; теперь же слѣдуетъ позаботиться, кому слѣдуетъ, объ удовлетвореніи самой насущной его потребности—избавиться отъ голода, и сдѣлать это необходимо теперь же, сейчасъ, такъ какъ голодъ, во-первыхъ, плохой совѣтникъ, а во-вторыхъ—могучій агентъ для такихъ поступковъ и дѣйствій голодныхъ людей, которые могутъ быть чреваты послѣдствіями...

IV.

Для сбереженія здоровья и продленія жизни имѣетъ серьезное значеніе чистота, касающаяся какъ самого человѣка, такъ и окружающей его обстановки. Еслибы понятіе о чистотѣ было присуще нашему народу, а главное, еслибы онъ имѣлъ средства для достиженія ея, то тогда и Россія по праву заняла бы мѣсто среди культурныхъ европейскихъ странъ. Но русскій народъ, хотя и вынесъ на своихъ плечахъ много разнообразныхъ бѣдствій и частью отъ нихъ освободился, не можетъ до сихъ поръ сбросить съ себя той вѣковой грязи, которая его окружаетъ и въ которой онъ гибнетъ. Винить въ этомъ народъ, конечно, нельзя: онъ живетъ традиціями, а охотниковъ учить его уму-разуму было немного; потому и неудивительно, что онъ до сихъ поръ не отдаетъ себѣ яснаго отчета въ значеніи той грязи, въ которой утопаетъ онъ самъ и вся Россія, съ ея городами, селами и деревнями. Оздоровить Россію—значитъ очистить ее и отъ грязи. Не слѣдуетъ, конечно, думать, что рѣчь идетъ только о грязи на дворахъ и на улицахъ; нѣтъ—грязь у насъ вездѣ и всюду. Грязны люди, ихъ платье, жилища, воздухъ, вода, пища,—словомъ, весь укладъ нашей россійской жизни носитъ отпечатокъ грязи. Вѣдь это—не секретъ, что русскій человѣкъ моется рѣдко и скверно. Безошибочно можно утверждать, что изъ всѣхъ европейскихъ странъ въ Россіи менѣе всего расходуется ежегодно мыла, а между тѣмъ гигіена тѣла, т.-е. постоянная чистота его, есть необходимое условіе

для поддержанія здоровья. Вода и мыло должны быть для каждаго культурнаго человѣка такою же почти потребностью, какъ пища и питье, но примѣнить это требованіе къ нашему народу нельзя, ибо онъ бѣденъ, не культуренъ, а потому и грязенъ. Есть цѣлый рядъ накожныхъ болѣзней, поражающихъ у насъ каждый годъ сотни тысячъ людей и зависящихъ всецѣло въ своемъ распространеніи отъ грязи русскаго человѣка. Достаточно указать, напр., на болѣзнь чесотку, которая даетъ огромный процентъ заболѣваній и наблюдается только въ Россіи; въ Европѣ ея почти нѣтъ. По степени распространенія этой болѣзни можно судить, какъ велика бѣдность, грязь и неряшливость нашего народа. Еслибы послѣдній могъ широко пользоваться баней и мыломъ, то это и было бы лучшимъ средствомъ для избавленія его отъ чесотки и другихъ накожныхъ болѣзней. Но это пожеланіе, самое естественное и простое, остается, къ сожалѣнію, пока невыполненнымъ, и грязь, вѣками скопленная Россіей, уничтожится, вѣроятно, не скоро еще...

О жилыхъ помѣщеніяхъ нашихъ крестьянъ и вообще рабочихъ много говорить не приходится, такъ какъ тотъ, кто ихъ видѣлъ, знаетъ, что это за убогія жилища; кто же никогда ими не интересовался, тотъ, пожалуй, и не повѣритъ, что въ XX-мъ вѣкѣ масса русскаго населенія проводитъ большую часть своей жизни въ такихъ жилищахъ, въ которыхъ способны дохнуть и безсловесныя животныя. Грязь, отсутствіе мало-мальски чистаго воздуха, скученность, тѣснота, обиліе всякихъ паразитовъ и тѣсное единеніе людей съ животными—вотъ характерные признаки жилья нашего народа. Можно ли удивляться, что, живя при такихъ поразительно скверныхъ условіяхъ, люди усиленно болѣютъ и умираютъ. Сживаясь съ грязью и привыкая къ ней, русскій человѣкъ какъ будто не хочетъ и понимать, какого злого врага имѣетъ онъ въ ней, а потому онъ и не заботится ни о чистотѣ питьевой воды, ни о чистотѣ пищевыхъ продуктовъ. Посмотрите на наши рѣки, пруды и колодцы, изъ которыхъ берется вода для внутренняго употребленія,—что они собой представляютъ? Они загажены, загрязнены,—и кѣмъ же? да нами же!—Какъ будто Господь Богъ отнялъ у насъ разумъ и пониманіе того, что чистая, здоровая вода есть насущная потребность для людей. Природа дала намъ обильные, многоводные источники питьевой воды, но мы сумѣли такъ ихъ испортить и загрязнить, что пользуемся уже нездоровой водой и заражаемся и брюшнымъ тифомъ, и другими болѣзнями. Надо полагат[illegible] что человѣческая жизнь гроша мѣднаго не стоитъ въ Россіи, так[illegible] какъ у насъ все направлено къ тому, чтобы дать каждому возмо[illegible]ность какъ можно скорѣе переселиться въ „міръ, гдѣ нѣтъ болѣзне[illegible] и печалей", и ничего или слишкомъ мало дѣлается для охранен[illegible]

здоровья и жизни людей. Наша столица, напр., можетъ служить нагляднымъ примѣромъ полной безпечности къ жизненнымъ интересамъ жителей. Воды, вполнѣ пригодной для внутренняго употребленія, въ Петербургѣ нѣтъ; грязи въ домахъ, дворахъ и на улицахъ—уйма; правильно устроенныхъ жилищъ для рабочихъ нѣтъ; дѣйствительнаго санитарнаго надзора за пищевыми продуктами нѣтъ; больницъ и богаделенъ мало, а тѣ, что имѣются, не заслуживаютъ похвалы. И это—столица! Что же въ другихъ городахъ и удаленныхъ уголкахъ обширной нашей родины! Одно можно сказать: „мерзость запустѣнія". Указываемыя жизненныя условія русскаго народа, противорѣча примитивнымъ требованіямъ общественной гигіены, не могутъ, понятно, не отражаться гибельно на его здоровьи. Вызывая сами по себѣ цѣлый рядъ болѣзней, какъ, напр., болѣзни кожи, желудочно-кишечныя и т. д., онѣ особенно благопріятствуютъ распространенію среди населенія заразныхъ болѣзней (тифовъ, оспы, скарлатины, дифтерита и т. п.). Статистика показываетъ, что нигдѣ въ Европѣ не бываетъ ежегодно такого количества больныхъ заразными болѣзнями, какъ въ Россіи, и мало этого, нѣкоторыя болѣзни, какъ, напр., *сыпной тифъ*, который наблюдается у насъ ежегодно десятками тысячъ случаевъ, въ Европѣ почти не встрѣчается и по очень простой причинѣ: тамъ живутъ, какъ подобаетъ жить культурнымъ людямъ, а мы прозябаемъ и миримся съ грязью...

Такимъ образомъ, настоящее общесанитарное состояніе Россіи крайне печально, и оно не можетъ и не должно оставаться въ такомъ положеніи. Оказывая гибельное вліяніе на населеніе, какъ одна изъ существенныхъ причинъ для усиленной его заболѣваемости и смертности, а слѣдовательно, и уменьшенія народнаго благосостоянія, нынѣшнее общесанитарное состояніе нашей родины требуетъ упорной и настойчивой борьбы съ его недостатками. Устраненіе послѣднихъ будетъ большимъ пріобрѣтеніемъ и счастьемъ для народа и государства.

Часто за ходъ болѣзней и смерть обвиняютъ медицину и врачей, полагая, что данная наука и ея представители должны быть чуть-ли не всесильными: пришелъ къ больному врачъ, увидѣлъ и долженъ побѣдить. Ну, а разъ этого нѣтъ, выходитъ, что и врачъ мало знаетъ, да и сама медицина никуда не годна. Выводъ, понятно, и несправедливъ, и обиденъ... Медицина, какъ наука, несомнѣнно достойна полнаго уваженія, и человѣчество получило отъ нея много добраго и полезнаго. Этотъ багажъ добра былъ бы еще больше, еслибы медицина могла выполнять непосредственную свою задачу, которая состоитъ не въ леченіи болѣзней, а въ предупрежденіи ихъ, т.-е. въ устраненіи причинъ, пагубно дѣйствующихъ на здоровье и жизнь лю-

дей. Чисто лечебная (лекарственная) медицина, очень можетъ быть, и несовершенна, подчасъ даже и ненаучна, но зато тѣ медицинскія истины, которыя составляютъ основу науки гигіены (общественной и частной), святы и непоколебимы. Еслибы жизнь людей складывалась согласно указываемымъ истинамъ, то мы имѣли бы совсѣмъ иную картину. Теперь же требованія науки и условія общественной жизни представляютъ двухъ антиподовъ: наука говоритъ объ одномъ, а люди живутъ и дѣйствуютъ наперекоръ ей... При такомъ положеніи дѣлъ, конечно, наука безсильна и не можетъ дать тѣхъ результатовъ, которыхъ мы вправѣ ожидать отъ нея. Да этихъ результатовъ и нѣтъ, несмотря на то, что и правительство, и общественныя установленія усердно старались организовать научную медицинскую помощь населенію. Силъ, энергіи и средствъ матеріальныхъ затрачено немало, но польза получилась относительная, а глядя на процентъ заболѣваемости и смертности нашего населенія, невольно скажешь, что все сдѣланное—не болѣе, какъ палліативъ.

V.

Интересенъ вопросъ, какими же средствами обладаетъ Россія для борьбы съ „недугами“ ея населенія, т.-е. каково богатство у насъ врачей, больницъ и вообще лечебныхъ заведеній. Отвѣтъ на это мы имѣемъ въ отчетѣ, изданномъ въ прошломъ году министерствомъ внутреннихъ дѣлъ (Отчетъ о состояніи народнаго здравія и организаціи медицинской помощи въ Россіи за 1903 годъ). Оказывается, что за указанный годъ общее число гражданскихъ врачей у насъ было 17.656. Если раздѣлить цифру народонаселенія Россіи на число врачей, то, приблизительно, получится, что на каждаго врача приходится 7.930 человѣкъ. Эта цифра наглядно свидѣтельствуетъ о крайне недостаточномъ числѣ врачей въ Россіи, что̀ и подтверждаетъ отчетъ министерства, говоря: „относительное къ населенію число врачей въ Россіи слишкомъ въ два раза меньше, чѣмъ въ Венгріи, и въ 5, 7 разъ меньше, чѣмъ во Франціи и Англіи“.

Общихъ больницъ, предназначенныхъ для пользованія всѣхъ классовъ населенія и для всѣхъ формъ болѣзней, имѣлось въ 1903 году, какъ видно изъ того же отчета, 4.278 и въ нихъ всего 87.489 кроватей, т.-е. одна кровать приходится на 1.600 жителей, изъ которыхъ, какъ сказано выше, ежегодно умираетъ 29,1% (pro mille). По словамъ министерскаго отчета, „количество больничныхъ кроватей у насъ въ 2, 3 раза меньше, чѣмъ въ Венгріи и Австріи, и въ 5, 8 разъ меньше, чѣмъ во Франціи и Даніи“. Наша удивительная бѣд-

ность въ дѣлѣ оказанія больничной помощи населенію еще рѣзче сказывается, если обратить вниманіе на число спеціальныхъ лечебныхъ учрежденій. Всѣхъ больницъ, напр. для душевно-больныхъ, имѣется въ Россіи 120, съ 26.558 штатными въ нихъ кроватями, а родильныхъ домовъ — 500, съ 3.500 кроватями. Вотъ въ какихъ цифрахъ рисуется наше россійское богатство въ медицинскомъ отношеніи, и, ознакомившись съ нимъ, по истинѣ можно сказать, что велико къ намъ милосердіе Божіе, если мы до сихъ поръ остаемся еще живы! Для иллюстраціи того, каково положеніе въ Россіи лицъ, заболѣвшихъ какою-либо серьезною болѣзнью, я приведу слѣдующія данныя, взятыя изъ оффиціальнаго источника, и хотя эти данныя относятся къ 1895 году, но онѣ остаются такими же и въ нынѣшнемъ году, ибо причины, вызывающія ихъ, до сихъ поръ не устранены.

По постановленію с.-петербургскаго губернскаго собранія, въ 1895 году была произведена врачами-психіатрами перепись душевнобольныхъ въ губерніи. Результатъ переписи показалъ, что еще въ 1895 году, когда были иныя, болѣе спокойныя времена, подлежали „обязательному пріему въ больницу 380 человѣкъ“ и „не могли обойтись безъ больницы 424 человѣка“,—словомъ, 802 человѣка душевнобольныхъ должны были находиться въ больницѣ, но такъ какъ таковой въ петербургской губерніи не было и *нѣтъ*, то наблюденіе, уходъ и содержаніе больныхъ предоставлены окружающимъ ихъ. По описанію тѣхъ же врачей-психіатровъ, уходъ за больными былъ таковъ: сидѣли на цѣпи 18 человѣкъ; связывали, били и запирали 165 человѣкъ; бродяжничали 65 человѣкъ; назначался караулъ въ 16 случаяхъ и безъ всякаго надзора находились 362 человѣка, и т. д. Занесенъ, между прочимъ, и такой фактъ, что „мать жалуется на свою бѣдность, которая мѣшаетъ ей купить цѣпь, чтобы приковать больного сына и тѣмъ избавить его отъ побоевъ...“ „Многія слабоумныя дѣвушки“,—говорится въ докладѣ управы,—„неизвѣстно кѣмъ изнасилованныя, имѣютъ дѣтей, а одна изъ нихъ, не имѣя пристанища, нищенствуетъ въ сопровожденіи двухъ малолѣтнихъ дѣтей, а третьяго носитъ на рукахъ, причемъ мать и дѣти покрыты папулезной сифилитической сыпью...“

Хотя указываемые факты и относятся, какъ я уже сказалъ, къ 1895 году, но смѣю завѣрить, что положеніе душевно-больныхъ въ столичной губерніи съ того времени нисколько не улучшилось, такъ какъ петербургское земство, дебатируя съ 1875 года вопросъ о постройкѣ больницы для душевно-больныхъ, до настоящаго времени таковой не построило, а слѣдовательно, уходъ за больными и не могъ измѣниться и остался тѣмъ же, какимъ былъ и въ 1895 году. Переходъ отъ с.-петербургской губерніи къ столицѣ очень близокъ, и

если ознакомиться съ столичными городскими больницами (и общими, и спеціальными), то тогда только поймешь, почему нашъ народъ питаетъ такую непріязнь къ больницамъ и бѣжитъ отъ нихъ, какъ (съ позволенія сказать) „чортъ отъ ладана".

Мало того, что у насъ недостатокъ въ больницахъ и много людей умираетъ только за отсутствіемъ послѣднихъ и правильнаго ухода и леченія,—мы сумѣли такъ поставить дѣло и въ имѣющихся больницахъ, что послѣднія не выполняютъ своего назначенія.

Стоитъ осмотрѣть, напримѣръ, городскія больницы въ Петербургѣ и ознакомиться съ царящими въ нихъ поразительными безпорядками, чтобы понять, какъ бѣдно и ничтожно у насъ дѣло медицинской помощи народу.

Пусть не заподозритъ меня читатель въ особомъ пессимизмѣ и желаніи придать всему мрачную окраску. Я пишу на основаніи фактовъ и личнаго подробнаго знакомства съ постановкой медико-санитарнаго дѣла въ Россіи. Дѣло это, имѣющее столь серьезное значеніе для народнаго здравія, настойчиво требуетъ реформъ. Если мы дорожимъ нашей родиной и ея будущимъ, то прямой нашъ долгъ и священная обязанность—сохранять здоровье и жизнь населенія. Никакихъ средствъ, ни матеріальныхъ, ни моральныхъ, жалѣть на это не слѣдуетъ: здоровье народа—источникъ его благосостоянія, и затраченный капиталъ на оздоровленіе Россіи вознаградится съ большими процентами.

Уменьшить процентъ смертности среди населенія и охранить его отъ усиленной заболѣваемости — будетъ большимъ выигрышемъ въ экономіи государства, о чемъ забывать и не слѣдуетъ. Можно искренно сожалѣть, что заботы объ охраненіи народнаго здравія „почему-то" не обращаютъ на себя того вниманія, которое должно быть имъ удѣлено...

Начальническая опека, подъ которой протекала жизнь русскаго народа, сказалась, конечно, и въ дѣлѣ охраненія его здоровья. Сколько разнообразныхъ инстанцій, учрежденій и лицъ или спеціально приставлены къ этому дѣлу, или вѣдаютъ его въ числѣ другихъ своихъ обязанностей! Первенствующая роль въ заботахъ о здравіи населенія принадлежитъ, какъ извѣстно, министру внутреннихъ дѣлъ, при которомъ имѣется управленіе главнаго врачебнаго инспектора, какъ центральное учрежденіе, вѣдающее медицинскими дѣлами; затѣмъ при министрѣ же существуетъ и другое высшее ученое учрежденіе—медицинскій совѣтъ, состоящій изъ людей науки и знаній. Въ каждой губерніи *„пещись о народномъ здравіи"* обязанъ губернаторъ, отъ котораго законъ требуетъ „прекращать эпидеміи", „призрѣвать больныхъ, убогихъ и сирыхъ", вообще заботиться, чтобы жители ввѣрен-

ной ему губерніи были „цѣлы, здравы, невредимы и играли на свирѣляхъ“... Для выполненія этихъ требованій губернатору даны власть и право приказывать, но средствъ для исполненія не указывается,— такъ что здоровье и жизнь населенія должны оберегаться — не фактическимъ улучшеніемъ жизненной обстановки населенія, а „неукоснительнымъ лишь исполненіемъ бумажныхъ предписаній начальства“. Въ распоряженіи губернаторовъ состоятъ при губернскихъ правленіяхъ врачебныя управленія, предназначенныя „вѣдать“ и медицину, и санитарію въ губерніи. Во главѣ этихъ управленій поставленъ врачебный инспекторъ, персона V-го класса, не лишенная также права „приказывать“ и „требовать“. Затѣмъ въ каждомъ уѣздѣ существуетъ по одному, а въ нѣкоторыхъ и по два, уѣздному врачу, которые по существующему закону (т. XIII, изд. 1892 г. Врач. Уставъ) обязаны „мертвыя тѣла вскрывать“ и „медицинскую помощь оказывать“, и „бдительно заботиться вообще о жителяхъ уѣзда“... Каждый полицейскій чинъ, начиная съ исправника и кончая сотскимъ, обязаны, по закону, также заботиться о народномъ здравіи и „пресѣкать всякія повальныя заболѣванія не только у людей, но и у животныхъ“...

Казалось бы, что при такомъ богатствѣ и разнообразіи учрежденій и лицъ, обязываемыхъ закономъ „опекать народное здравіе“, послѣднее должно бы быть блестящимъ, а между тѣмъ дѣйствительность показываетъ совсѣмъ иное. Такой контрастъ объясняется очень просто: весь строй существующей правительственной медицины, основывающійся на теперешнемъ законѣ—„Врачебномъ Уставѣ“, составленномъ въ былыя времена,—окончательно не выдерживаетъ критики. Указываемый строй—не живой, а мертвый, и состоитъ изъ одних бумажныхъ циркуляровъ и предписаній. Жизнь, съ ея потребностями, далеко ушла впередъ, а мы все еще продолжаемъ вѣрить, что такое живое дѣло, какъ народное здоровье, можно охранять устарѣлымъ закономъ и „предписаніями начальства“.

Требованія врачебнаго устава, которымъ руководствуется и начальство, придаютъ усиліямъ послѣдняго въ борьбѣ, напр., съ какою-нибудь эпидеміей, прямо комическій характеръ. Вотъ картинка съ натуры, рисующая, что̀ дѣлаетъ начальство, когда гдѣ-нибудь въ губерніи появилась эпидемія. Полиція доноситъ губернатору; губернаторъ чрезъ врачебное отдѣленіе предлагаетъ исправнику или полиціймейстеру принять „неукоснительно всѣ мѣры“; исправникъ предписываетъ становому. Врачебный инспекторъ „пишетъ“ уѣздному врачу,— словомъ, начальство „предписываетъ“, „предлагаетъ“ и „проситъ“, но активнаго участія въ борьбѣ съ эпидеміей не принимаетъ, ибо у него для этого никакихъ денежныхъ средствъ нѣтъ... Вся бумажная траги-

комедія прекращается тогда лишь, когда получится донесеніе исправника съ стереотипной фразой: „болѣзнь прекращена и дезинфекція произведена". Невольно напрашивается вопросъ: къ чему же и зачѣмъ все это? Я понимаю, что безъ начальства жить нельзя, но для чего же ставить самое начальство въ какое-то странное положеніе: дать ему власть, права и обязанности, и лишить возможности практическаго осуществленія его задачъ. Еслибы сосчитать и собрать во едино всю ту массу „циркуляровъ", „предложеній", „предписаній", которыми такъ щедро и такъ охотно благодѣтельствовало и высшее, и низшее начальство русскій народъ, то, право, въ ужасъ можно впасть отъ этой грандіозной Сизифовой работы! Начальство хотѣло все „упорядочить"; всему „преподать" надлежащія указанія и писало, не жалѣя трудовъ, бумаги и чернилъ... Пишетъ оно, впрочемъ, и теперь, и, надо полагать, все еще вѣритъ въ силу и значеніе своихъ циркуляровъ, о чемъ и нельзя не сожалѣть. Привычка, какъ говорятъ, „свыше намъ дана", да и врядъ-ли „старыя птицы способны запѣть новыя пѣсни"...

Говоря о полной непримѣнимости существующаго врачебнаго устава къ требованіямъ современной жизни, а также и необходимости крупной реформы во всемъ строѣ правительственной медицины, я не считаю себя вправѣ умолчать и о недостаткахъ общественной медицины (земской и городской),—недостаткахъ, которые, впрочемъ, далеко не всегда зависятъ отъ доброй воли самихъ земствъ и городовъ. Самый серьезный недостатокъ земской медицины состоитъ, какъ было указано выше, въ крайней ограниченности числа врачей и больницъ: ни то, ни другое не отвѣчаютъ потребностямъ населенія. Затѣмъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, земскія и городскія больницы, по ихъ устройству, обстановкѣ и общему веденію въ нихъ дѣлъ, сильно и даже очень отступаютъ отъ требованія благоустроенныхъ учрежденій. Существеннымъ недостаткомъ служитъ также и отсутствіе при многихъ больницахъ отдѣленій для заразныхъ больныхъ. Незавиднымъ также является положеніе земскихъ врачей, какъ „вольно-служащихъ" лицъ въ земствѣ: неупроченное ихъ положеніе нерѣдко создаетъ разнаго рода конфликты и притомъ на почвѣ личныхъ даже отношеній, а это ведетъ къ уходу врачей со службы, что̀ и для нихъ, и для жителей ихъ участка, крайне нежелательно.

V.

Позволяю себѣ думать, что кратко очерченное мною грустное настоящее медико-санитарное положеніе Россіи убѣждаетъ каждаго въ

настойчивой необходимости реформъ въ столь серьезномъ дѣлѣ. Какъ же подойти къ разрѣшенію этого вопроса?

Раздавались когда-то и въ спеціальной нашей врачебной и общественной прессѣ голоса за необходимость учрежденія у насъ министерства народнаго здравія и, конечно, съ генераломъ во главѣ его. Вѣроятно, по привычкѣ, привитой намъ столѣтіями, хотѣли и въ данномъ случаѣ видѣть свѣтъ въ созданіи новаго бюрократическаго учрежденія; но едва-ли послѣднее необходимо и цѣлесообразно. Нельзя ли скорѣе подумать о томъ, какъ бы намъ, при заботахъ о сбереженіи собственнаго здоровья и жизни, совсѣмъ обойтись безъ опеки начальства?

Переживаемый въ настоящее время политическій кризисъ несомнѣнно пройдетъ, и послѣ бури наступитъ же и у насъ тишина. Какъ, въ какомъ направленіи измѣнится при этомъ строй жизни—угадать не легко; можно только надѣяться, что мы получимъ свободное и широкое самоуправленіе и что „строгая опека“ начальства, если и не будетъ совсѣмъ снята, то навѣрное не станетъ уже лишать насъ самодѣятельности

Пользуясь въ предѣлахъ разумной свободы правами россійскихъ гражданъ, общество сумѣетъ понять, гдѣ и въ чемъ коренятся общественные недуги, и оцѣнить по достоинству такія анормальныя явленія въ жизни населенія, какъ хроническое голоданіе, отсутствіе образованія и воспитанія народа, и, какъ слѣдствіе всего этого, невозможно-плохое общесанитарное состояніе Россіи. Разъ все это будетъ понято, то, несомнѣнно, и будутъ приняты широкія и энергичныя мѣры къ оздоровленію нашей родины. „Препонъ“ къ проведенію такихъ мѣръ быть не должно, и никакое начальство не будетъ имѣть права запретить учить народъ уму-разуму и заботиться о его питаніи. Народъ же долженъ учиться и притомъ не только изъ книжекъ, а необходима для него *живая рѣчь* и притомъ подкрѣпляемая опытами, картинками и т. д. Лишь такимъ путемъ научныя истины, часто повторяемыя, войдутъ въ жизнь народа и дадутъ желанный результатъ. Заря святого, истиннаго просвѣщенія прорѣжетъ тьму народную, разъ даны будутъ для этого средства, и своимъ тепломъ она согрѣетъ и оживитъ обездоленную массу, а свѣтомъ разума уничтожитъ, между прочимъ, и тѣ причины и условія, которыя породили теперешнюю общественную и правительственную анархію. Безъ широко и свободно поставленнаго общественнаго самоуправленія и безъ свободы вообще,—оздоровленія Россіи ожидать придется очень и очень долго.

Сотни лѣтъ мы жили подъ „опекой“ начальства, которое, какъ сказано, не жалѣло циркуляровъ и предписаній объ „улучшеніи санитарнаго состоянія населенныхъ мѣстъ“, но путнаго отъ такихъ бу-

мажныхъ распоряженій достигнуто черезчуръ мало. Ясно такимъ образомъ, какъ Божій день, что спасти Россію, т.-е. обезпечить ея населенію здоровье и жизнь, могутъ не циркуляры, а лишь живая дѣятельность самого общества.

Настоятельной потребностью, какъ conditio sine qua non, является капитальная переработка нынѣшняго врачебнаго устава. Покрытый отъ „старозавѣтности" плѣсенью, дикій по содержанію и отчасти зловредный для современной жизни, уставъ этотъ можетъ быть лишь достояніемъ архива, а взамѣнъ его необходимо составить иное обще-санитарное законодательство, вполнѣ отвѣчающее настоящимъ условіямъ жизни. Что̀, именно, будетъ содержать это законодательство и на что̀, въ интересахъ народнаго здравія, должно быть обращено серьезное вниманіе,—это, конечно, требуетъ большого труда, знаній и опытности. Одно только и можно сказать, что выработать такое законодательство возможно лишь при участіи самого общества, въ лицѣ его представителей. При этомъ условіи оно будетъ ясно, просто и, главное, въ немъ не будетъ серьезнаго недостатка—стремленій начальства все „регламентировать" и „все упорядочить".

Съ изданіемъ санитарнаго законодательства, взамѣнъ врачебнаго устава, исчезнетъ, между прочимъ, и рѣзкое раздѣленіе врачей на правительственныхъ и состоящихъ на общественной службѣ, принесшее немало горя какъ самимъ врачамъ, такъ и обществу. До сихъ поръ можно наблюдать, напр., странное отношеніе между собой врачей правительственныхъ и земскихъ. Вѣроятно, мѣсто службы настолько вліяетъ на врачей, что одни изъ нихъ, состоя на правительственной службѣ (инспекторы, помощники ихъ, уѣздные врачи), дѣлаются истыми чиновниками, съ претензіею „пресѣкать" и „поучать", а другіе, работая въ земствахъ, остаются представителями свободной профессіи, не терпящей бюрократизма. Указываемый фактъ отсутствія коллегіальныхъ и добрыхъ отношеній между правительственными и земскими врачами былъ и есть, и онъ исчезнетъ тогда лишь, когда положеніе всѣхъ врачей будетъ уравнено.

При условіи широкой самодѣятельности общества, когда на органахъ его самоуправленія будетъ лежать отвѣтственность передъ закономъ и обществомъ за правильность организаціи медико-санитарнаго дѣла, едва-ли нужна будетъ нынѣшняя правительственная медицина. Главное вѣдь назначеніе послѣдней —„опекать", „наставлять" и „поучать", и дѣлаетъ она все это только бумажнымъ путемъ. Надо думать, что въ близкомъ будущемъ ничего подобнаго уже не потребуется, такъ какъ общество само сумѣетъ выбрать врача, судить о его работѣ и заботиться вообще о правильной постановкѣ медицинскаго дѣла. Такимъ образомъ, для той роли, которую играетъ теперь

правительственная медицина, она станетъ ненужной, а потому составъ и строй губернскихъ врачебныхъ отдѣленій несомнѣнно должны рѣзко измѣниться. Архаическій, напр., институтъ уѣздныхъ врачей не можетъ существовать больше: онъ безполезенъ для дѣла и во всѣхъ отношеніяхъ неблагопріятенъ для врачей, занимающихъ эти должности. Дѣятельность уѣздныхъ врачей и теперь, при недостаточно даже широкой постановкѣ общественной медицины, ограничивается одними лишь судебными и медико-полицейскими дѣлами, а потому взамѣнъ ихъ и должны быть судебные врачи, вполнѣ подготовленные къ спеціальной функціи и вѣдающіе только это дѣло.

Что касается вопроса о томъ, необходимо ли въ интересахъ дѣла центральное медицинское управленіе, то мнѣ думается, что не будетъ большой ошибкой отвѣтить такимъ образомъ: никакого министерства народнаго здравія или иного какого-либо управленія, съ тенденціей „все упорядочить", не нужно.

Продуктивность дѣятельности подобныхъ центральныхъ учрежденій въ вопросахъ объ охраненіи народнаго здравія настолько мала, что едва-ли придется сожалѣть объ ихъ отсутствіи. Остаться нетронутымъ долженъ медицинскій совѣтъ, какъ высшій ареопагъ. Будучи свободнымъ собраніемъ ученыхъ людей, медицинскій совѣтъ долженъ быть вершителемъ медико-санитарныхъ вопросовъ и иниціаторомъ проведенія въ общественную жизнь научно-практическихъ требованій.

Всякая реформа, какъ бы она ни была цѣлесообразна, всегда найдетъ много недовольныхъ, а въ особенности если ею затрогиваются интересы отдѣльныхъ лицъ. Высказываясь за полную передачу медико-санитарнаго дѣла въ Россіи самому обществу и за обязательную замѣну нынѣшняго врачебнаго устава вновь составленнымъ санитарнымъ законодательствомъ, я, вѣроятно, не избѣгну критики, а въ особенности по вопросу о необходимости реформы правительственной медицины. Указываемый пунктъ, во-первыхъ, для многихъ жизненный, а во-вторыхъ, вообще не легко разстаться съ „положеніемъ и властью" и добровольно выпустить ихъ изъ своихъ рукъ.

VI.

Вполнѣ убѣжденный, что существующія нынѣ „Положенія" о земскомъ и городскомъ самоуправленіи подвергнутся капитальной реформѣ и выльются въ формѣ дѣйствительно свободныхъ учрежденій, я позволю себѣ высказать нѣсколько соображеній о томъ, какъ при указываемыхъ условіяхъ могло бы быть организовано медико-санитарное дѣло. Основываясь на опытѣ русско-японской войны, когда обще-

земская организація медицинской помощи больнымъ и раненымъ воинамъ дала блестящіе результаты, мнѣ представляется прежде всего вполнѣ допустимымъ, чтобы принципъ общественной взаимопомощи существовалъ и въ мирное время. Отчего бы не образовать, путемъ взаимныхъ соглашеній земствъ и городовъ, отдѣльный общероссійскій фондъ, спеціально предназначенный на оздоровленіе Россіи? Какъ устроить этотъ фондъ и на какихъ условіяхъ, это — вопросы, подлежащіе обсужденію земствъ и городовъ. Что же касается необходимости указываемаго фонда и цѣли его назначенія, то онѣ вытекаютъ изъ слѣдующихъ соображеній. Усиленная заболѣваемость и смертность въ Россіи, нанося матеріальный убытокъ государству, не безразличны вѣдь и для каждаго изъ насъ, такъ какъ никто не гарантированъ отъ возможности заболѣть и умереть, а слѣдовательно, въ интересахъ даже самоохраненія, мы обязаны принимать—въ той или въ другой мѣрѣ — участіе въ оздоровленіи Россіи. Принципъ viribus unitis — особенно важенъ въ этомъ дѣлѣ. Наша родина и велика, и разнообразна; въ ней есть богатыя земства и богатые города, и есть, наоборотъ, такіе пункты, гдѣ немало и голодныхъ, и холодныхъ людей.

Жители же тѣхъ и другихъ мѣстностей—наши вѣдь сограждане, а слѣдовательно, общественная помощь и должна бы быть для всѣхъ одинакова. Въ настоящее же время мы видимъ, напр., что изъ двухъ, соприкасающихся своими границами, уѣздныхъ земствъ, одно, обладая средствами, имѣетъ и школы, и богато выстроенныя больницы, и т. д., а сосѣднее влачитъ свое существованіе и разсчитывать на помощь сосѣда не можетъ, ибо нѣтъ общественной солидарности, отсутствіе которой особенно рѣзко сказывается при развитіи эпидемій. При нынѣшнихъ порядкахъ, ни города, ни земства, даже сосѣдніе, не придутъ на помощь населенію другого уѣзда при появленіи эпидеміи. Выходитъ такъ: „всякъ за себя, а Богъ за всѣхъ". Такая разрозненность и наше нежеланіе понять, что сила—въ „единеніи", несомнѣнно вредятъ дѣлу. Будь же солидарность, а главное, еслибы существовалъ проектируемый мной общероссійскій земскій и городской фондъ, дѣло обстояло бы иначе. Тогда, гдѣ бы ни появилась эпидемія, сосѣдніе земства и города обязательно приходили бы на помощь, посылая врачей, медикаменты и всѣ остальныя необходимыя средства. При такихъ условіяхъ навѣрное не умирало бы у насъ каждый годъ столько народа, какъ теперь.

Затѣмъ, тотъ же обще-земскій фондъ далъ бы возможность покрыть Россію и сѣтью больницъ, изоляціонныхъ (для заразныхъ больныхъ) бараковъ и другихъ лечебныхъ заведеній, но при условіи, что всѣ эти учрежденія будутъ построены безъ претензій на ненужную роскошь, а будутъ отличаться чистотой, обиліемъ свѣта и воздуха,

удобствами для больныхъ и простотой въ обстановкѣ. На эту сторону дѣла слѣдуетъ обратить серьезное вниманіе, такъ какъ за послѣднее время стало замѣчаться у нѣкоторыхъ нашихъ общественныхъ самоуправленій желаніе строить не больницы, а какіе-то дворцы и палаты, стóящіе огромныхъ общественныхъ денегъ и мало приносящіе пользы населенію.

Завѣдуя совершенно самостоятельно медицинской частью въ предѣлахъ своего района, земства и города обязаны, конечно, будутъ руководствоваться санитарнымъ законодательствомъ и отвѣчать передъ закономъ за неисполненіе его. Право приглашать врачей на службу и увольнять ихъ -- должно всецѣло принадлежать общественнымъ управленіямъ, и никакихъ разрѣшеній для этого со стороны начальства, какъ дѣлается теперь, не требуется. Количество врачей и больницъ въ уѣздахъ и городахъ опредѣляется на земскихъ и городскихъ собраніяхъ числомъ жителей и мѣстными условіями, при чемъ, за неимѣніемъ собственныхъ средствъ, земства и города обращаются за помощью въ общероссійскій фондъ, находящійся всецѣло въ распоряженіи общественныхъ управленій. Вся такъ-называемая фабричная и заводская медицина, существующая въ настоящее время большею частью лишь на бумагѣ, должна перейти въ вѣдѣніе земствъ и городовъ. Это—безусловное требованіе, необходимое въ интересахъ народнаго здравоохраненія. Необходимо также, чтобы тѣ уѣздные города, которые не имѣютъ ни собственныхъ больницъ, ни собственныхъ врачей, обязательно входили въ соглашеніе съ мѣстнымъ земствомъ по вопросу о медицинской помощи городскому населенію.

Какъ всякое общественное дѣло, такъ и земско-медицинское, должно быть доступно общественному контролю, и никакихъ, понятно, тайнъ въ немъ быть не можетъ.

Помимо правильно и широко организованной лечебной медицины, общественныя самоуправленія обязаны будутъ обратить возможно серьезное вниманіе и на санитарное состояніе населенныхъ мѣстностей. Поле дѣятельности тутъ широкое, но работа трудная, такъ какъ успѣхъ ея состоитъ въ зависимости и отъ экономическаго благосостоянія мѣстнаго населенія, и отъ степени его культуры. Естественно, что возлагать всецѣло надежду на одно земство и разсчитывать, что оно въ состояніи будетъ и улучшить матеріальное положеніе населенія, и поднять его культуру, было бы ошибочно; но что земство, при иной его постановкѣ, много полезнаго и хорошаго можетъ сдѣлать въ указываемомъ направленіи,—въ этомъ нельзя сомнѣваться. При содѣйствіи земствъ народное образованіе несомнѣнно будетъ прогрессировать, а вмѣстѣ съ этимъ скорѣе и легче будутъ усвоиваться народомъ и требованія общественной гигіены. Онъ на-

учится и мыться, и чиститься, и будетъ понимать значеніе научныхъ истинъ для здоровья и жизни. Постройка общественныхъ бань, домовъ для рабочихъ, улучшеніе жилыхъ крестьянскихъ помѣщеній, охраненіе источниковъ питьевой воды, дѣйствительный контроль надъ пищевыми продуктами и т. д.,—все это, имѣя существенное значеніе для охраненія народнаго здравія, можетъ быть выполнено постепенно, и земствами, и городами. Нужна только энергія и дѣйствительное желаніе придти на помощь меньшему брату. При практическомъ осуществленіи указываемыхъ пожеланій, общественныя самоуправленія не могутъ, конечно, обойтись безъ людей съ спеціальными знаніями, т.-е. санитарныхъ врачей, которые и должны быть въ каждомъ большомъ городѣ и уѣздѣ.

Съ измѣненіемъ условій постановки земско-медицинскаго дѣла, должно измѣниться и положеніе земскихъ (или вообще) врачей. До настоящаго времени врачи не представляютъ, къ сожалѣнію, тѣсно сплоченной профессіональной корпораціи, которая имѣла бы значеніе для ихъ объединенія и моральнаго воздѣйствія другъ на друга. Въ виду этого и желательно, чтобы въ каждой губерніи былъ союзъ врачей (только профессіональный), и въ число его членовъ обязательно должны входить всѣ врачи, проживающіе въ данномъ мѣстѣ. Указываемый союзъ имѣетъ своею задачею оказывать всевозможную помощь своимъ сочленамъ, но, вмѣстѣ съ этимъ, онъ же есть и судья поступковъ и вообще дѣятельности врачей. Товарищескій, нелицепріятный судъ чести будетъ имѣть большое значеніе, и такъ какъ отказываться отъ него нельзя, то несомнѣнно онъ и будетъ регулировать дѣятельность врачей въ предѣлахъ ихъ спеціальной этики (если она есть) и обычныхъ нравственныхъ требованій. Союзъ заботится о предоставленіи мѣстъ службы своимъ сочленамъ и принимаетъ отвѣтственность за рекомендуемое лицо. Поступая на службу въ земство или въ городскія больницы, врачъ обязанъ подчиняться требованіямъ, предъявляемымъ къ нему органами самоуправленія, и не забывать, что онъ, какъ представитель науки, имѣющей тѣсное отношеніе къ людямъ, можетъ быть великъ и славенъ одними своими серьезными спеціальными знаніями и отзывчивостью на призывъ страждущихъ. На всѣхъ врачей надо смотрѣть, какъ на воиновъ, охраняющихъ людей. Въ борьбѣ съ болѣзнями, они очень нерѣдко дѣлаются и сами жертвами послѣднихъ и, умирая, оставляютъ (обычное явленіе) свои семьи безъ всякихъ средствъ къ жизни. Мириться съ такимъ печальнымъ явленіемъ нельзя и слѣдуетъ озаботиться объ улучшеніи матеріальнаго положенія врачей.

При потерѣ работоспособности, вслѣдствіе болѣзни или старости, врачъ не долженъ быть выброшенъ на улицу, а долженъ получать

пенсію. Служба въ земствѣ и въ городскихъ управленіяхъ — та же служба, что и отъ правительства, и почему чиновники-врачи обезпечиваются пенсіей, а земскіе нѣтъ,—остается непонятнымъ. Ссылаться на существующій законъ и отсутствіе достаточнаго пенсіоннаго капитала едва-ли позволительно: законъ подлежитъ измѣненію, а для пенсій должны быть изысканы средства.

Зачетъ службы земскихъ и другихъ врачей для пенсіи начинается съ момента поступленія на службу, и гдѣ бы, въ какой губерніи и земствѣ, врачъ ни состоялъ на службѣ, послѣдняя идетъ въ зачетъ. Вести регистрацію врачей будутъ и ихъ союзы, и органы общественнаго самоуправленія, и ошибки тутъ быть не можетъ.

Едва-ли можно сомнѣваться, чтобы общественныя самоуправленія, пользуясь широкой свободой, не сумѣли установить у себя болѣе правильный ходъ дѣлъ, чѣмъ теперь, въ особенности если и само общество станетъ болѣе отзывчивымъ къ общественнымъ интересамъ. Но такъ какъ безъ начальства жить вѣдь нельзя, то пусть оно и слѣдитъ за исполненіемъ общественными установленіями требованій санитарнаго законодательства и привлекаетъ къ законной отвѣтственности лицъ, виновныхъ въ неисполненіи его. Зато никакихъ уже предложеній, вытекающихъ якобы изъ „мѣстныхъ интересовъ", а равно и „личныхъ усмотрѣній начальства", быть не должно: долженъ быть только ясный и точный законъ и наказаніе за неисполненіе его. Вотъ противъ этого положенія грѣшатъ многіе земства и города, издавая цѣлый ворохъ всевозможныхъ обязательныхъ постановленій для мѣстныхъ жителей. Разобраться въ этихъ постановленіяхъ, отличающихся нерѣдко поразительною регламентаціею, подчасъ очень трудно, а потому онѣ и остаются мертвой буквой. Населеніе такъ привыкло ихъ нарушать и не исполнять, что потеряло, кажется, всякое уваженіе къ обязательнымъ постановленіямъ и не желаетъ признавать ихъ за законъ. Съ изданіемъ новаго санитарнаго законодательства, надо полагать, уменьшится число обязательныхъ постановленій, такъ какъ они будутъ прямо излишни. Истина старая, что обязательными постановленіями, циркулярами, предписаніями и т. д. особой пользы не принесешь. Составлять и издавать обязательныя постановленія, зная культуру нашего народа,—только лишній трудъ, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ эти постановленія остаются мертвой буквой. Надо образовать и воспитать населеніе, вселить въ немъ уваженіе къ закону и научить его понимать значеніе предъявляемыхъ къ нему требованій,—тогда и обязательныя постановленія будутъ имѣть смыслъ.

Большое значеніе въ дѣлѣ охраненія общественнаго здоровья имѣетъ санитарный надзоръ, какъ контроль за выполненіемъ всѣми

и каждымъ требованій закона. Правильно его организовать и сдѣлать фактическимъ—задача весьма серьезная и необходимая въ интересахъ жителей. Хотя санитарный надзоръ имѣется и теперь у насъ, но едва-ли можно считать его цѣлесообразнымъ. „У семи нянекъ", какъ говорится, „дитя всегда безъ глазъ". Такъ и у насъ, при обиліи лицъ, имѣющихъ право дѣлать санитарные осмотры, послѣдніе и не даютъ должныхъ результатовъ. Въ уѣздахъ санитарные осмотры производятъ: земскій санитарный врачъ, земская санитарная коммиссія, уѣздный исправникъ съ уѣзднымъ врачомъ, чины вообще полиціи и особенно урядникъ. Кромѣ этого, имѣютъ законное право производить тѣ же осмотры и члены врачебнаго отдѣленія. Всѣ эти „надсмотрщики", являясь къ обывателю, предъявляютъ ему рядъ требованій, которыя могутъ быть діаметрально противоположны, въ виду извѣстныхъ взаимныхъ отношеній между лицами правительственными и земскими. Неудивительно, что обыватель „сбитъ съ толку" подобными требованіями и дѣлаетъ санитарію лишь для „отвода глазъ". Затѣмъ, фактическаго и постояннаго надзора за пищевыми продуктами нѣтъ; если же онъ и дѣлается, то развѣ иногда налетомъ, и толку, понятно, даетъ мало. Съ такимъ же успѣхомъ, какъ и въ уѣздахъ, дѣйствуетъ санитарный надзоръ и въ столицахъ, и въ большихъ губернскихъ городахъ.

Справедливость такого мнѣнія можемъ подтвердить мы, проживающіе въ столицѣ и испытывающіе на себѣ отсутствіе фактическаго санитарнаго надзора. Правильная постановка послѣдняго—дѣло близкаго будущаго, но слѣдовало бы принять и теперь нѣкоторыя неотложныя мѣры. Что касается земствъ и уѣздныхъ городовъ, то санитарія въ этихъ мѣстахъ должна бы принадлежать земскому санитарному надзору, съ предоставленіемъ ему права приглашать, по его усмотрѣнію, къ участію въ осмотрѣ представителя полиціи, но не какъ компетентное лицо, а только какъ полицейскую власть. Подборъ санитарныхъ попечителей, играющихъ роль санитарныхъ инспекторовъ, необходимъ возможно тщательный, и притомъ изъ людей, дѣйствительно желающихъ работать. На должность санитарныхъ врачей нельзя назначать каждаго врача, изъявившаго на это желаніе, а нужно выбирать врача-гигіениста, подготовленнаго къ своей спеціальной дѣятельности. У каждаго санитарнаго врача должна быть лабораторія, хотя бы для производства самыхъ необходимыхъ анализовъ, такъ какъ санитарить съ помощью „носа", какъ дѣлается теперь, и примитивно, и мало полезно. Санитарный врачъ долженъ сумѣть объединить вокругъ себя санитарныхъ попечителей и быть для нихъ наставникомъ и руководителемъ; онъ же, главнымъ образомъ, служитъ и проводникомъ въ населеніе здравыхъ понятій и требованій

гигіены. Дѣятельность для врача—широкая и благодарная, а потому и требуются для нея люди знаній, опыта и такта.

Что касается столицъ и большихъ губернскихъ городовъ, то санитарный надзоръ въ нихъ долженъ быть особенно тщательнымъ. Городскому управленію не слѣдуетъ скупиться въ этомъ отношеніи и бояться большихъ расходовъ, которые несомнѣнно вознаградятся, разъ будетъ достигнуто оздоровленіе города. Право полиціи производить санитарные осмотры слѣдовало бы совсѣмъ ограничить, а имѣть для этого опредѣленный штатъ врачей и ихъ помощниковъ — санитарныхъ инспекторовъ. Каждый санитарный врачъ долженъ имѣть подъ своимъ наблюденіемъ извѣстный районъ города и, получая вполнѣ обезпеченное содержаніе, обязанъ всецѣло посвятить себя дѣлу санитаріи, не занимаясь уже ни частной практикой, ни другими служебными обязанностями. Помимо центральной городской химической лабораторіи, необходимы филіальныя отдѣленія ея, чтобы дать возможность каждому санитарному врачу пользоваться ими. Требованія санитарныхъ врачей, разсмотрѣнныя ихъ коллегіей и признанныя неотложными, должны приводиться городскимъ управленіемъ немедленно въ исполненіе.

Для улучшенія общаго санитарнаго состоянія въ Россіи имѣли бы также значеніе санитарныя попечительства и общества мѣстнаго благоустройства, при условіи, конечно, что во главѣ этихъ учрежденій будутъ люди дѣла и знаній. Привлечь самихъ членовъ общества къ разработкѣ санитарныхъ вопросовъ, въ качествѣ активныхъ дѣятелей, было бы въ высокой степени полезно.

Прогресса въ санитарномъ отношеніи у насъ пока нѣтъ: мы остановились какъ бы на точкѣ замерзанія и непозволительно относимся къ серьезному вопросу объ охраненіи народнаго здравія. Повторяю,— оздоровленіе Россіи можетъ быть достигнуто лишь при широко поставленномъ общественномъ самоуправленіи и содѣйствіи общества. Время для россійской халатности, когда нѣкоторымъ жилось удобно, а многимъ скверно, проходитъ, и наступаетъ другой періодъ, требующій нашей самодѣятельности, и надо вѣрить, что при этомъ условіи—лучшее будущее скорѣе будетъ достигнуто въ Россіи.—А. К—овъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 апрѣля 1907.

Пренія въ Государственной Думѣ о военно-полевыхъ судахъ.—Формальныя возраженія противъ законопроекта, внесеннаго партіей народной свободы.—Рѣчь П. А. Столыпина по существу спорнаго вопроса.—Заявленіе сорока-одного депутата.—Агитація реакціонной печати.—Роспускъ Думы или перемѣна министерства?—К. П. Побѣдоносцевъ †.—Убійство Г. Б. Іоллоса.

До крайности тяжелое впечатлѣніе производитъ результатъ преній, происходившихъ въ Государственной Думѣ по вопросу о военно-полевыхъ судахъ. Какъ легко было сдѣлать ихъ совершенно ненужными, объявивъ, въ министерской декларацiи, что правительство не только не станетъ обращаться къ Думѣ съ предложеніемъ продлить дѣйствіе ненавистнаго учрежденія, но не намѣрено больше имъ пользоваться и признаетъ его фактически несуществующимъ! При отсутствіи такого заявленія, Государственная Дума не могла пассивно выжидать окончанія двухмѣсячнаго срока, по истеченіи котораго временныя правила о военно-полевыхъ судахъ сами собою должны потерять свою силу. Ея молчаніе возложило бы на нее нравственную отвѣтственность за каждый исполненный, на ея глазахъ, приговоръ военно-полевого суда. Изъ ея среды, поэтому, необходимо долженъ былъ выйти законопроектъ, направленный къ немедленной отмѣнѣ военно-полевыхъ судовъ. Провести его черезъ всѣ фазисы законодательной процедуры съ такою быстротою, чтобы онъ сталъ закономъ раньше 20-го апрѣля, было вполнѣ возможно, при условіи безмолвнаго содѣйствія министерства: послѣднему стоило только не настаивать на соблюдені мѣсячнаго срока, опредѣленнаго статьею 56-ою Учр. Государственно Думы. Болѣе чѣмъ вѣроятнымъ казался сначала именно такой исход кампаніи, предпринятой по инициативѣ партіи народной свободы. Трудн было ожидать, что министерство, отказавшееся, повидимому, отъ пс

пытки узаконить существованіе военно-полевыхъ судовъ—въ декларацiи о нихъ не было сказано ни слова,—захочетъ отсрочить на короткое время ихъ неизбѣжное исчезновеніе. Случилось, однако, именно неожиданное: предсѣдатель совѣта министровъ противопоставилъ законопроекту, прежде всего, возраженія чисто формальнаго свойства. Смыслъ ст. 56-ой совершенно ясенъ: она имѣетъ въ виду обезпечить за министерствомъ возможность всесторонняго ознакомленія съ законопроектами, исходящими отъ членовъ Государственной Думы. Мѣсячный промежутокъ времени между извѣщеніемъ министерства и слушаніемъ законопроекта установленъ именно и исключительно съ этою цѣлью. Никакой надобности въ его соблюденіи нѣтъ и быть не можетъ, разъ что рѣчь идетъ только объ уничтоженіи временныхъ правилъ, самимъ министерствомъ предназначенныхъ къ отмѣнѣ... Кромѣ ссылки на мѣсячный срокъ, П. А. Столыпинъ старался доказать, что въ порядкѣ, указанномъ ст. 56-ой Учр. Государств. Думы, не могутъ быть отмѣняемы временныя правила, изданныя на основаніи ст. 87-ой основныхъ законовъ. Мы думаемъ, наоборотъ, что къ отмѣнѣ временной мѣры, *равносильной закону*, можно идти тѣмъ же путемъ, какъ и къ отмѣнѣ закона. Слишкомъ странно было бы создавать для временныхъ правилъ такую охрану, какою не пользуется постоянный законъ.

Отказъ министерства отъ немедленнаго прекращенія дѣйствія военно-полевыхъ судовъ былъ неожиданнымъ и потому, что принципіальныхъ защитниковъ эти суды не встрѣтили даже въ средѣ крайней правой, а къ ихъ рѣшительнымъ противникамъ примкнула такая умѣренно-либеральная партія, какъ союзъ 17-го октября. Лидеръ этой партіи во второй Государственной Думѣ, профессоръ Капустинъ, не повторилъ ошибки, сдѣланной, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, А. И. Гучковымъ: онъ не нашелъ ни оправданія, ни извиненія для суда, идущаго въ разрѣзъ съ „правдой и милостью", для суда, „исключающаго справедливость". Военно-полевые суды, по словамъ г. Капустина, были встрѣчены всеобщимъ несочувствіемъ; примѣненіе ихъ— „терзаніе для русскихъ людей". Такъ далеко не шли, конечно, ораторы союза русскаго народа и другихъ аналогичныхъ группъ: но и они признавали, что въ военно-полевыхъ судахъ всегда возможны печальныя судебныя ошибки — и они увѣряли, что съ правой стороны никто не сочувствуетъ „жестокому орудію", какимъ являются эти суды. Сидящій въ ихъ рядахъ епископъ Евлогій прямо заявилъ, что съ христіанской точки зрѣнія не можетъ быть одобрено *никакое* насильственное отнятіе жизни, никакое пролитіе крови. Все, такимъ образомъ, благопріятствовало созданію почвы, на которой могло бы установиться хотя бы минутное согласіе между министерствомъ и Думой. Предсѣдатель совѣта министровъ не захотѣлъ вступить на эту

почву. Онъ провозгласилъ право и обязанность государства принимать, когда оно находится въ опасности, самые строгіе, самые исключительные законы, чтобы оградить себя отъ распада. „Когда домъ горитъ“,—воскликнулъ П. А. Столыпинъ,—„вы вламываетесь въ чужія квартиры, ломаете двери, ломаете окна... Когда на васъ нападаетъ убійца, вы его убиваете... Состояніе необходимой обороны доводило государство не только до усиленныхъ репрессій, но и до подчиненія всѣхъ произволу одного человѣка, до диктатуры... Бываютъ роковые моменты, когда надлежитъ выбирать между цѣлостью теорій и цѣлостью отечества“.

Итакъ, юридической основой учрежденія военно-полевыхъ судовъ выставляется, съ одной стороны, принадлежащее государству право необходимой обороны, съ другой—стихійность грозящаго зла. Не происходитъ ли здѣсь смѣшеніе областей, существенно различныхъ? Понятіе о необходимой оборонѣ выработано уголовнымъ правомъ для частныхъ лицъ, въ виду тѣхъ исключительныхъ случаевъ, когда единственнымъ средствомъ самосохраненія является самозащита. Для того, чтобы она *законно* могла быть пущена въ ходъ, нужны, безусловно нужны два условія: настоятельность серьезной опасности и невозможность предотвратить ее обращеніемъ къ власти. Убить, по праву необходимой обороны, можно только того, кто *въ данный моментъ* посягаетъ на чужую жизнь и не можетъ быть остановленъ иначе какъ смертью. Нельзя осуществлять это право, когда опасность миновала: нельзя убивать, въ силу необходимой обороны, связаннаго, пойманнаго злоумышленника, хотя бы умыселъ его и былъ уже приведенъ въ исполненіе. Отсюда ясно, что къ государству понятіе о необходимой оборонѣ, въ обычной его формѣ, вовсе непримѣнимо. Государство, по отношенію къ отдѣльнымъ лицамъ, располагаетъ такими силами, такими способами дѣйствія, которые устраняютъ надобность въ экстраординарныхъ мѣрахъ. Въ его рукахъ правильно организованный, правильно функціонирующій судъ; въ его рукахъ легальныя формы исполненія судебныхъ приговоровъ. Отступая отъ этихъ формъ, прибѣгая къ суррогатамъ суда, оно совершаетъ, говоря языкомъ криминалистовъ, явное превышеніе необходимой обороны—превышеніе заранѣе обдуманное, заранѣе подготовленное и потому совершенно неизвинимое. О государственной оборонѣ можетъ идти рѣчь только тогда, когда существующій порядокъ становится предметомъ открытыхъ *коллективныхъ* посягательствъ; но въ такихъ случаяхъ на защиту государства выступаетъ уже не судъ, а вооруженная сила... Невѣрно и другое сравненіе, выдвинутое въ рѣчи предсѣдателя совѣта министровъ. Если при тушеніи пожара вламываются въ чужія

квартиры, ломаютъ двери и окна, то вѣдь это позволительно и допустимо лишь въ мѣрѣ дѣйствительной необходимости и въ виду несомнѣнной опасности промедленія. Ничего подобнаго мы не видимъ въ сферѣ дѣйствія военно-полевыхъ судовъ. Образуется военно-полевой судъ только тогда, когда преступленіе уже совершилось, а преступникъ находится въ рукахъ власти. Спѣшить и жертвовать, ради спѣха, всѣми гарантіями правосудія нѣтъ, слѣдовательно, никакой надобности; ничѣмъ не вызываемую торопливость можно сравнить не съ тушеніемъ пожара, а съ ломкой постройки, когда пожаръ уже потушенъ... Мы не вѣримъ въ спасительность диктатуры, не вѣримъ въ нее въ особенности тогда, когда волненія и смуты коренятся—какъ теперь у насъ—въ глубинахъ народной жизни; но даже при диктатурѣ не должно быть мѣста для судовъ, не имѣющихъ въ себѣ ничего судебнаго. Они угрожаютъ не „цѣлости теорій“, а неприкосновенности началъ, на которыхъ держится нормальный государственный строй.

Допустимъ, однако, что военно-полевые суды принадлежатъ къ числу средствъ необходимой обороны, къ числу способовъ тушенія пожара. Остается еще доказать ихъ цѣлесообразность. Плохой обороной была бы стрѣльба на угадъ, съ рискомъ убить или ранить не настоящихъ виновниковъ нападенія, а людей совершенно къ нему непричастныхъ; плохой противопожарной мѣрой было бы накопленіе горючихъ веществъ въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ пылающимъ костромъ. Въ области политической профилактики столь же негоднымъ орудіемъ борьбы является учрежденіе военно-полевыхъ судовъ. Полугодичный опытъ не оставляетъ никакихъ сомнѣній въ полнѣйшей ихъ безполезности. Число преступленій, къ предупрежденію которыхъ они направлены, отнюдь не клонится къ уменьшенію; неизмѣнной остается и смѣлость террористическихъ замысловъ, и рѣшительность ихъ исполненія. Устрашающаго дѣйствія перспектива быстраго и неизбѣжнаго смертнаго приговора не производитъ уже потому, что съ опасностью для жизни сопряжено, сплошь и рядомъ, самое совершеніе убійства или „экспропріаціи“. Неопровержимымъ аргументомъ противъ военно-полевой юстиціи служитъ ужасающая цифра казней, значащаяся въ ея пассивѣ; ихъ не могло бы быть такъ много, еслибы хоть сколько-нибудь оправдались надежды, возлагавшіяся на новый видъ якобы-судебной расправы. Ничѣмъ не выкупается, такимъ образомъ, ея жестокость, ничѣмъ не уравновѣшиваются вызываемыя ею злобныя и мстительныя чувства. Эту сторону дѣла совершенно упустилъ изъ виду предсѣдатель совѣта министровъ. Признавая, что „кровавый бредъ не пошелъ еще на убыль“, онъ выразилъ увѣренность, что нельзя подавить его „обыкновеннымъ способомъ“, черезъ

посредство „обыкновенныхъ установленій"—но не сказалъ ни слова въ подтвержденіе цѣлесообразности *необыкновенныхъ* способовъ борьбы, примѣняемыхъ *необыкновенными* установленіями. Съ такимъ пробѣломъ аргументація въ пользу военно-полевыхъ судовъ теряетъ, очевидно, всякое значеніе... Суровая временная мѣра—говоритъ П. А. Столыпинъ—„должна сломить преступную волну, должна сломить уродливыя явленія и отойти въ вѣчность". А если она ничего не сломила и ничего сломить не въ силахъ? Сколько же времени долженъ продолжаться экспериментъ, опасность котораго для народныхъ нравовъ чувствуетъ и самъ ораторъ?..

Заключительныя слова предсѣдателя совѣта министровъ не даютъ полной увѣренности въ томъ, что на разсмотрѣніе Думы не будетъ внесенъ, до 20-го апрѣля, законопроектъ, направленный къ сохраненію, въ той или другой формѣ, военно-полевыхъ судовъ. „Мы хотимъ вѣрить" — воскликнулъ П. А. Столыпинъ, обращаясь къ членамъ Думы, — „что отъ васъ, господа, мы услышимъ слово умиротворенія, что вы прекратите кровавое безуміе. Мы вѣримъ, что вы скажете то слово, которое заставитъ насъ всѣхъ стать не на разрушеніе историческаго зданія Россіи, а на пересозданіе, переустройство его и украшеніе. Въ ожиданіи этого слова правительство приметъ мѣры для того, чтобы ограничить суровый законъ самыми исключительными случаями самыхъ дерзновенныхъ преступленій, съ тѣмъ, чтобы, когда Дума толкнетъ Россію на спокойную работу, законъ этотъ палъ самъ собою — путемъ невнесенія его на утвержденіе законодательнаго собранія". Итакъ, упраздненіе военно-полевыхъ судовъ обѣщано условно: сначала Дума должна исполнить то, чего ожидаетъ отъ нея П. А. Столыпинъ—и только потомъ правительство откажется отъ оружія, которое оно создало для себя въ періодъ междудумья. Объясненіемъ и дополненіемъ къ рѣчи предсѣдателя совѣта министровъ служитъ внесенное, вслѣдъ за нею, заявленіе сорока-одного депутата (конечно—изъ среды правыхъ партій). „Стремящіеся отмѣнить военно-полевые суды" — гласитъ это заявленіе—„могутъ добиваться этого изъ двухъ соображеній: или изъ высоко гуманныхъ теоретическихъ побужденій, или изъ простого желанія отдалить или уменьшить наказаніе революціонерамъ. Для того, чтобы снять обвиненіе съ Гос. Думы въ томъ, что она покровительствуетъ революціонному террору, поощряетъ бомбометателей и старается имъ предоставить возможно большую безнаказанность, Госуд. Дума обязана, говоря объ отмѣнѣ военно-полевыхъ судовъ, одновременно высказать ясно, откровенно и категорично, какъ она смотритъ на непрекращающіяся убійства слѣва. А потому мы предлагаемъ принять нижеслѣдующее постановленіе: въ виду того, что количество политическихъ убійствъ увеличивается, убиваютъ членовъ пра-

вительства, общественныхъ дѣятелей, мирныхъ жителей, женщинъ и дѣтей; въ виду того, что подъ видомъ политическихъ экспропріацій происходитъ открытый грабежъ, причемъ грабятъ казначейства, почту, общественныя кассы, частныхъ лицъ всѣхъ сословій и состояній, причемъ падаетъ безвинно множество жертвъ; въ виду того, что убійцами становятся даже дѣти, и вся жизнь страны парализована революціоннымъ терроромъ,—Госуд. Дума считаетъ необходимымъ выразить свое глубокое порицаніе и негодованіе всѣмъ революціоннымъ убійствамъ и насиліямъ, находя, что никакая работа правительства и Госуд. Думы не можетъ быть плодотворною, пока въ странѣ нѣтъ безопасности, царствуетъ безпросвѣтный терроръ и невинная кровь льется рѣкой".

Еслибы искусство, въ политикѣ, было равносильно коварству, авторамъ только-что приведеннаго заявленія нельзя было бы отказать въ извѣстномъ мастерствѣ. Трудно было найти лучшее средство раздражить Думу, углубить пропасть, отдѣляющую ее отъ правительства, навязать ей роль, въ сущности ей совершенно чуждую. Уже во время чтенія заявленія слышались негодующіе возгласы: „это оскорбленіе Думы"! Оскорбительно, въ самомъ дѣлѣ, предположеніе, что Дума *можетъ* покровительствовать террору, можетъ поощрять бомбометателей; оскорбительно приглашеніе высказаться противъ террора не ради того, чтобы способствовать его прекращенію, а ради того, чтобы снять съ Госуд. Думы никѣмъ, кромѣ горсти реакціонеровъ, не взводимое на нее обвиненіе. Разсчетъ заявителей былъ, очевидно, таковъ: съ проектированной ими резолюціей Дума, ограждая свое достоинство, конечно не согласится — а отказъ ея будетъ выставленъ какъ доказательство ея сочувствія террористамъ. Если же, паче чаянія, Дума окажется сговорчивой, то для нея разставлена еще ловушка: въ концѣ резолюціи выражена мысль, что пока не прекратился терроръ, до тѣхъ поръ не можетъ быть плодотворной совмѣстная работа правительства и Думы. Согласясь съ этою мыслью, Дума произнесла бы сама себѣ смертный приговоръ: неизбѣжнымъ, по ея собственному признанію, оказался бы ея роспускъ...

Какъ ни хитро задуманъ планъ, выразившійся въ заявленіи сорока-одного депутата, опаснымъ онъ сдѣлался бы только въ такомъ случаѣ, еслибы Думѣ пришлось *немедленно* отозваться на брошенный ей вызовъ. Въ пылу гнѣва у большинства Думы могли бы вырваться слова, допускающія перетолкованіе; но, освободясь изъ-подъ власти перваго впечатлѣнія, оно съумѣетъ дать надлежащій отпоръ назойливому требованію. Найдетъ оно—мы въ этомъ убѣждены—подходящую формулу и для отвѣта на вопросъ, поставленный П. А. Столыпинымъ. Матеріалы для такого отвѣта имѣются уже въ рѣчахъ, произнесен-

ныхъ по поводу законопроекта объ отмѣнѣ военно-полевыхъ судовъ. Отрицательно отнеслись къ революціонному террору не только представители сравнительно умѣренныхъ партій (С. Н. Булгаковъ, В. Д. Кузьминъ-Караваевъ), но и многіе ораторы крайней лѣвой. „Мы осуждаемъ желаніе проливать кровь“ — воскликнулъ одинъ изъ членовъ соціалъ-демократической группы. „Мы, соціалъ-революціонеры“ — читаемъ мы въ рѣчи г. Архангельскаго,—„пришли сказать, что страшно тоскуемъ по мирной работѣ; мы съ трепетомъ ждемъ наступленія момента, когда намъ будетъ предоставлена возможность мирной культурной работы“. Возможно ли, въ виду такихъ заявленій, поднимать старый вопросъ объ *очереди*, въ какой должны разоружиться борющіяся стороны? Не ясно ли, что упраздненіе военно-полевыхъ судовъ не должно быть обусловливаемо прекращеніемъ террористическихъ актовъ? Первое всецѣло зависитъ отъ правительства; послѣднее лишь въ весьма незначительной степени зависитъ отъ Государственной Думы. Ея призывъ можетъ прозвучать безслѣдно, если ему не будетъ предпосланъ рѣшительный поворотъ въ образѣ дѣйствій власти. Успѣшно „толкнуть Россію на путь спокойной работы“ Дума будетъ имѣть возможность только тогда, когда, почином̀ъ административныхъ сферъ, устранено будетъ все заграждающее доступъ къ этому пути и влекущее, тѣмъ самымъ, въ противоположную сторону.

Предположимъ теперь, что *слово*, котораго П. А. Столыпинъ ожидаетъ отъ Государственной Думы, не будетъ сказано ею вовсе, или будетъ сказано въ формѣ, не соотвѣтствующей желаніямъ министерства. Изъ рѣчи премьера можно заключить, что онъ будетъ настаивать, въ такомъ случаѣ, на сохраненіи военно-полевыхъ судовъ. Не подлежитъ, однако, никакому сомнѣнію, что дѣйствіе ихъ можетъ быть продлено лишь на очень короткое время. Если проекта, ихъ узаконяющаго, до 20-го апрѣля внесено не будетъ, они должны исчезнуть съ истеченіемъ этого дня; если проектъ будетъ внесенъ, то Государственная Дума не замедлитъ, конечно, отклонить его, и юридическая смерть военно-полевыхъ судовъ будетъ отсрочена всего на какую-нибудь недѣлю. Бòльшая долговѣчность можетъ быть доставлена имъ исключительно однимъ путемъ: путемъ роспуска Думы. Неужели, однако, цѣнность ихъ, въ глазахъ министерства, столь велика, что оно рѣшится, ради ихъ сохраненія, прибѣгнуть къ такому героическому средству? Неужели для министерства неясно, что отъ дѣятельности военно-полевыхъ судовъ оно не выиграло ровно ничего — и очень много проиграло?.. Вторично, въ теченіе одного года, распустить Думу, значило бы предпринять опасную игру—тѣмъ болѣе опасную, чѣмъ менѣе вѣскимъ былъ бы ближайшій ея поводъ. Чтобы оправдать или хотя бы извинить новый періодъ бездумья, нужно было бы нѣчто

несравненно болѣе важное, чѣмъ отказъ Думы сказать вымогаемое у нея слово, въ вымогаемой формѣ.

Что въ основѣ вымогательства, какимъ является, въ сущности, заявленіе „сорока-одного", лежитъ надежда добиться роспуска Думы—это болѣе чѣмъ вѣроятно. Внѣ Думы единомышленники крайней правой совершенно открыто стремятся именно къ этой цѣли. Въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" появляется статья, озаглавленная: „Долой Думу!" Предсѣдатель московскаго союза русскаго народа и русской монархической партіи, г. Грингмутъ, посылаетъ Государю и печатаетъ во всеобщее свѣдѣніе телеграмму, умоляющую „положить предѣлъ великому соблазну, которымъ нынѣ является Государственная Дума, и предать ее той же судьбѣ, какая справедливо постигла первую Думу". Нѣтъ такой неправды, передъ которою отступала бы ничтожная кучка людей, осмѣливающихся говорить отъ имени „всего русскаго народа". Дума, по ихъ словамъ—это „бунтарскій митингъ", каждое засѣданіе котораго усиливаетъ революціонное броженіе; это—собраніе „гнусныхъ измѣнниковъ-инородцевъ и русскихъ предателей, подъ водительствомъ Головина призывающихъ народъ къ вооруженному возстанію"; это—„шайка разбойниковъ, готовящихъ гибель Россіи и русской народности". Всѣ эти злобныя выкликанья раздаются въ то время, когда большинство Думы даетъ длинный рядъ доказательствъ своей сдержанности и своего благоразумія, молча выслушивая декларацію министерства, вводя въ надлежащія рамки вопросъ о помощи голодающимъ и безработнымъ, отказываясь приступать ab irato къ обсужденію перваго запроса о неправильныхъ дѣйствіяхъ администраціи, усердно обсуждая способы ускоренія и упорядоченія парламентской процедуры. Уже теперь совершенно ясно, что Дума безотлагательно приступитъ къ разсмотрѣнію бюджета и министерскихъ законопроектовъ, съ желаніемъ достигнуть, на этой почвѣ, положительныхъ результатовъ. Совершенно ясно, что большинство Думы хочетъ работать, а не заниматься агитаціей. Въ раскрытіи административныхъ злоупотребленій оно видитъ свою прямую, но не единственную и даже не главную задачу; оно сознаетъ и чувствуетъ свое призваніе къ законодательному творчеству. Если съ ораторской трибуны раздается порой рѣзко враждебное существующему порядку слово, если въ средѣ депутатовъ есть группы, не такъ, какъ большинство, понимающія назначеніе Думы, то вѣдь иначе и быть не можетъ: разъ-что революціонныя стремленія существуютъ въ странѣ, они не могутъ не находить отголоска въ Думѣ—но здѣсь они тотчасъ же встрѣчаютъ противовѣсъ и отпоръ и, выражаясь открыто, теряютъ именно потому часть своей зажигательной силы. Только въ Россіи, гдѣ еще не успѣли исчезнуть „привычки рабства", гдѣ еще недавно „царила вѣковая тишина"—только въ Рос-

сіи можно приходить въ ужасъ отъ громкаго выраженія крайнихъ мнѣній, естественнаго и неизбѣжнаго въ конституціонномъ государствѣ.

И что̀ же виднѣется впереди, за желаннымъ для реакціонеровъ роспускомъ Думы? Если останется въ силѣ дѣйствующій избирательный законъ—а онъ не можетъ не остаться въ силѣ, пока чтится святость торжественныхъ обѣщаній,—то гдѣ основаніе предполагать, что третья Дума окажется болѣе покладистой, чѣмъ вторая? Найдутся ли какіе-нибудь новые способы избирательной борьбы, болѣе дѣйствительные, чѣмъ сенатскія разъясненія, административныя высылки, произвольныя запрещенія и уголовныя преслѣдованія? Увеличится ли устрашительное дѣйствіе военно-полевыхъ или иныхъ чрезвычайныхъ судовъ? Гдѣ и въ комъ почерпнетъ новую силу бюрократическое творчество? Къ прежнимъ недугамъ, глубоко коренящимся въ государственномъ и общественномъ организмѣ, не прибавятся ли другіе, еще болѣе тяжкіе? Не ясно ли, что въ концѣ концовъ все-таки придется достроить, во всемъ его объемѣ, конституціонное зданіе, основы котораго заложены 17-го октября 1905 года? Не ясно ли, что съ каждой отсрочкой, съ каждымъ перерывомъ, съ каждымъ шагомъ назадъ все труднѣе и труднѣе становится мирное окончаніе этой постройки? И если наступитъ моментъ, когда станетъ очевидной невозможность совмѣстной работы Думы и министерства, то неужели изъ двухъ выходовъ—роспуска Думы и перемѣны министерства — будетъ выбранъ именно тотъ, который грозитъ несравненно бо̀льшими опасностями и усложненіями? Роспускъ Думы былъ бы новымъ „скачкомъ въ темноту"; призывъ къ власти людей, надъ которыми не тяготѣетъ прошлое, знаменовалъ бы собою рѣшимость использовать данныя условія, въ видахъ достиженія опредѣленной, для всѣхъ ясной и вполнѣ реальной цѣли.

Мы только-что упомянули о прошломъ, тяготѣющемъ надъ министерствомъ П. А. Столыпина. Не будь этого прошлаго, совершенно инымъ могло бы быть впечатлѣніе отъ министерской деклараціи, прочитанной 6-го марта. Многое обѣщая, она не вызываетъ довѣрія—не вызываетъ его именно потому, что слишкомъ велико различіе между словами и дѣлами министерства. Въ деклараціи говорится, напримѣръ, о законопроектѣ, обезпечивающемъ неприкосновенность личности—обезпечивающемъ ее въ той же мѣрѣ, какая обычно принята въ правовыхъ государствахъ. Вслѣдъ за тѣмъ предусматривается возможность отклоненій, „допустимыхъ при введеніи, во время войны или народныхъ волненій, исключительнаго положенія". Исторія послѣднихъ мѣсяцевъ свидѣтельствуетъ о томъ, что „исключительное положеніе" очень легко можетъ превратиться въ общее, обыкновен-

ное, захватывающее собою значительно бо́льшую часть государства. Гдѣ же гарантія противъ повторенія подобныхъ превращеній? Объявленіе мѣстностей на военномъ или исключительномъ положеніи ст. 15-ая основн. зак. предоставляетъ Государю Императору. Изъ деклараціи не видно, чтобы министерство намѣревалось предложить Думѣ измѣненіе этого постановленія, въ смыслѣ благопріятномъ для народной свободы. Нѣтъ основанія предполагать, что условіемъ временной пріостановки дѣйствія правилъ, ограждающихъ неприкосновенность личности, будетъ признано—какъ въ Англіи для пріостановки дѣйствія „Habeas corpus"—согласіе законодательнаго собранія. Предупредить безмѣрно широкое пользованіе чрезвычайною властью можетъ, затѣмъ, только министерство, проникнутое уваженіемъ къ праву и сознаніемъ нравственной отвѣтственности своей передъ народомъ. Только оно способно воздержаться отъ легкомысленныхъ представленій, вызванныхъ страхомъ передъ преувеличенною опасностью или просто желаніемъ освободиться отъ стѣсненій, налагаемыхъ закономъ; только оно способно установить правильное толкованіе понятія о „народныхъ волненіяхъ", проводящее рѣзко-опредѣленную черту между случайными вспышками и настоящимъ пожаромъ. *Такимъ* министерствомъ кабинетъ П. А. Столыпина очевидно быть не можетъ. Отрѣшиться отъ привычки къ произволу, ничѣмъ не сдерживаемому и ни передъ чѣмъ не отступающему, онъ не въ силахъ; не могутъ одни и тѣ же лица являться сегодня—нарушителями, завтра—охранителями закона. Самые крупные дары теряютъ свою цѣнность, когда ихъ несетъ министерство, болѣе полугода управлявшее съ помощью унаслѣдованной чрезвычайной охраны и созданныхъ имъ самимъ военно-полевыхъ судовъ.

Другимъ источникомъ затрудненій является для министерства длинный рядъ правилъ, изданныхъ имъ на основаніи ст. 87 зак. основныхъ. Еслибы они были внесены въ Думу въ видѣ обыкновенныхъ законопроектовъ, защита ихъ была бы несравненно легче и проще: нужно было бы только доказывать ихъ цѣлесообразность, а не оправдывать поспѣшное введеніе ихъ въ дѣйствіе. Въ деклараціи нѣтъ ни одного слова, которымъ ограничивалось бы право Думы отклонить то или другое временное правило: но въ оффиціальной печати были сдѣланы попытки въ этомъ направленіи, и онѣ не могли не оставить слѣда въ настроеніи Думы. Совершенно свободно могъ бы отнестись ко всему сдѣланному подъ прикрытіемъ ст. 87-ой только новый кабинетъ, ничѣмъ не связанный съ своими предшественниками. Ничто не мѣшало бы ему установить, по соглашенію съ Думой, такое толкованіе ст. 87-ой, которое предупредило бы, на будущее время, возможность произвольнаго ея примѣненія. Ему не было бы надобности утверждать, что по-

нятіе о *чрезвычайныхъ обстоятельствахъ* обнимаетъ собою такіе вѣковые факты народной жизни, какъ общинное землевладѣніе, а къ числу *безотлагательно необходимыхъ* мѣръ принадлежитъ разрѣшеніе закладывать надѣльныя земли; незачѣмъ было бы отождествлять ограниченія въ распоряженіи землею съ *закрѣпощеніемъ личности...* Рано или поздно не можетъ не возникнуть въ Думѣ вопросъ о правильности сенатскихъ разъясненій, путемъ которыхъ, по инициативѣ П. А. Столыпина, сотни тысячъ гражданъ были лишены избирательнаго права. И къ этому вопросу министерство, не прибѣгавшее къ помощи сената, могло бы отнестись совершенно иначе, чѣмъ министерство, широко пользовавшееся ею... Громадную роль въ дѣятельности второй Думы, какъ и въ дѣятельности ея предшественницы, долженъ съиграть аграрный вопросъ. Для него прошла пора полумѣръ и палліативовъ, дальше которыхъ, судя по тексту декларации и по всему предшествовавшему ей, не намѣрено идти министерство П. А. Столыпина. И въ этой области не нынѣшнему кабинету суждено найти исходъ, достаточно широкій и вмѣстѣ съ тѣмъ справедливый. Не отъ него, точно также, можно ожидать тѣхъ преобразованій въ основныхъ законахъ и, специально, въ составѣ Государственнаго Совѣта, безъ которыхъ останется незавершеннымъ новый политическій строй Россіи. Не отъ него русскій народъ можетъ получить всеобщее избирательное право, къ которому неудержимо тяготѣетъ наша политическая жизнь.

Мыслима ли, однако, въ настоящую минуту перемѣна министерства? Къ отрицательному отвѣту на этотъ вопросъ склоняются не одни только систематическіе сторонники П. А. Столыпина. „Не откуда взять другое министерство"—говоритъ, напримѣръ, князь Е. Н. Трубецкой;—„во второй Думѣ не оказалось той партіи или той группы партій, которой было бы подъ силу взять власть въ свои руки". Нѣтъ ли здѣсь нѣкотораго несоотвѣтствія между посылкой и заключеніемъ? Если и считать доказанною невозможность *думскаго министерства*, то слѣдуетъ ли отсюда, что нельзя замѣнить кабинетъ П. А. Столыпина другимъ, члены котораго были бы взяты отчасти—или даже исключительно—не изъ среды Думы? Нимало не сомнѣваясь въ томъ, что въ концѣ концовъ должно образоваться и образуется именно думское министерство, мы полагаемъ, что теперь большимъ шагомъ впередъ былъ бы призывъ къ власти лицъ, не солидарныхъ ни съ однимъ изъ трехъ послѣднихъ кабинетовъ,—лицъ, которыхъ ничто не влекло бы обратно къ тому берегу, которымъ ничто не мѣшало бы вступить на истинно-конституціонный путь, указанный 17-го октября 1905-го года. Само собою разумѣется, что этимъ не были бы развязаны всѣ запутанные узлы, не были бы устранены всѣ годами и десятилѣтіями на-

громожденныя преграды—но Россія могла бы, наконецъ, вздохнуть свободно и съ довѣріемъ взглянуть на будущее.

Исполнить свою задачу „переходный" кабинетъ оказался бы въ силахъ, конечно, только при поддержкѣ большинства Государственной Думы. Пріобрѣсти эту поддержку было бы, можетъ быть, не совсѣмъ легко, но мы не сомнѣваемся въ томъ, что элементовъ для нея нашлось бы достаточно. Если уже теперь такъ ясно выступаетъ на видъ, въ средѣ депутатовъ, желаніе производительной работы, то съ устраненіемъ препятствій, коренящихся въ воспоминаніяхъ о междудумьѣ, оно получило бы неотразимую силу. Крайняя лѣвая не отказалась бы отъ своихъ конечныхъ цѣлей, но отложила бы стремленіе къ нимъ до другого, болѣе или менѣе отдаленнаго времени. Практическія задачи, которыя раскрылись бы передъ Думой, были бы такъ заманчивы, такъ высоки, что надолго бы поглотили всю ея энергію. Изсякли бы, за отсутствіемъ новыхъ поводовъ, источники раздраженія и злобы. Освободительное движеніе, возвратясь въ свое естественное русло, потеряло бы свой разрушительный характеръ... Намъ могутъ сказать, что мы тѣшимъ себя пустыми, несбыточными мечтами. Мы отвѣтимъ на это, что недостижимымъ, къ несчастію, можетъ оказаться первое звено мысленно проводимой нами цѣпи: образованіе прогрессивнаго министерства—но еслибы оно осуществилось, то къ нему сами собою примкнули бы всѣ остальныя.

Въ лицѣ К. П. Побѣдоносцева сошелъ въ могилу одинъ изъ главныхъ представителей эпохи, наслѣдство которой, хотя и предназначенное къ ликвидаціи, все еще лежитъ тяжкимъ бременемъ на русской народной жизни. Вліяніемъ покойнаго, больше чѣмъ какимъ бы то ни было другимъ, предопредѣлялось, въ теченіе цѣлой четверти вѣка, направленіе нашей внутренней политики. Сравниться съ нимъ, въ этомъ отношеніи, могли только гр. Д. А. Толстой и В. К. Плеве; но дѣятельность ихъ обоихъ—ставшая, притомъ, возможной лишь на почвѣ, воздѣланной К. П. Побѣдоносцевымъ,—была менѣе продолжительна и обнимала собою менѣе обширную область. Для такихъ людей, какъ К. П. Побѣдоносцевъ, немедленно послѣ ихъ кончины „настаетъ потомство", начинается исторія; формула: „de mortuis nil nisi bene" непримѣнима къ нимъ уже потому, что ихъ переживаютъ идеи, которымъ они служили, цѣли, къ которымъ они стремились. Панегирики умершему, какими переполнена теперь реакціонная печать, не только фальшивы: они опасны, такъ какъ вмѣстѣ съ *лицомъ* превозносится *система*. *Восхваленію* необходимо противопоставить *обсужденіе*, хотя бы оно и принимало характеръ осужденія. Для насъ это особенно

удобно потому, что противъ К. П. Побѣдоносцева мы выступали много разъ въ періодъ наибольшей его силы и власти.

Двадцать пять лѣтъ сряду К. П. Побѣдоносцевъ находился во главѣ „вѣдомства православнаго исповѣданія“, т.-е. состоялъ оберъ-прокуроромъ св. синода. Не имъ создана поразительная аномалія, обратившая *церковь* въ *вѣдомство*, внесшая оффиціальность и формализмъ туда, гдѣ они всего менѣе умѣстны; но она доведена имъ до небывалаго обостренія, до крайнихъ предѣловъ. Его предшественники, даже наиболѣе вліятельные, довольствовались внѣшнимъ господствомъ надъ служителями церкви; онъ же стремился подчинить себѣ внутреннюю жизнь духовенства, а черезъ нее—и внутреннюю жизнь народа. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые, по выраженію поэта (А. М. Жемчужникова), соединяютъ „презрѣнье къ русскимъ гражданамъ съ подобострастіемъ передъ Русью“. „Навязываемое русскому народу просвѣщеніе, съ его современными европейскими воззрѣніями и задачами“, — сказано въ одномъ изъ отчетовъ синодальнаго оберъ-прокурора, — „народъ воспринимаетъ неохотно, ища въ наукѣ или школѣ только одного, что̀ близко къ его религіознымъ идеаламъ и стремленіямъ. Но, являясь великимъ народомъ вообще, народъ нашъ въ обычной своей жизни предается нерѣдко и немало то лѣности, праздности и сонливости, то шумному разгулу... По преданію и привычкѣ русскій человѣкъ предается слабостямъ и порокамъ, противнымъ христіанской нравственности, будучи способенъ, однако, возрождаться нравственно при первомъ сильномъ вліяніи на него божественной благодати. Опаснѣе для него увлеченіе со стороны лжеученій всякаго рода, противныхъ евангельскому ученію вообще и православію въ частности“. Съ идеализаціей народа, какъ цѣлаго, идетъ, такимъ образомъ, рука-объ-руку развѣнчиванье единицъ, его составляющихъ. Передъ массой можно преклоняться, но отдѣльныхъ людей, неустойчивыхъ и слабыхъ, нужно оберегать отъ „увлеченій“—оберегать извнѣ, помимо ихъ воли, такъ какъ они сами постоять за себя не въ силахъ. Отсюда цѣлый рядъ мѣръ, направленныхъ и противъ „лжеученій“, и противъ „европейскаго просвѣщенія“. Замѣнить и по возможности упразднить послѣднее должны были церковно-приходскія школы, насаждаемыя сверху и усердно обращаемыя въ орудіе борьбы съ свѣтскимъ начальнымъ обученіемъ. На распространеніе ихъ шли значительныя средства изъ государственной казны, очень скупой, въ то же время, на ассигновки въ пользу другихъ видовъ народной школы... Искорененія „лжеученій“ руководитель церковнаго „вѣдомства“ меньше всего ожидалъ отъ самой церкви. Въ его словахъ никогда не переставалъ звучать призывъ къ „свѣтской рукѣ“, къ полицейскимъ репрессіямъ и уголовнымъ карамъ. Если въ началѣ его управленія со-

стоялся льготный для раскольниковъ законъ 3-го мая 1883 года, то едва-ли это было сдѣлано по его иниціативѣ или по его желанію. Съ перваго же года послѣ введенія въ дѣйствіе новыхъ правилъ отчеты оберъ-прокурора наполняются то сомнѣніями въ ихъ пользѣ, то прямыми указаніями на приносимый ими вредъ. *Весьма опасною* сектою признается даже такъ называемый австрійскій толкъ, наиболѣе близкій къ православію. Раскольническія моленныя провозглашаются разсадниками дерзости и упорства. Предметомъ усиленныхъ нападеній становятся даже домашнія молитвенныя собранія, устраиваемыя сектантами. Правила 1894-го года возводятъ общую молитву штундистовъ на степень уголовнаго проступка. Къ началу XX-го вѣка законъ 1883-го года оказывается почти вовсе потерявшимъ силу. Старообрядцамъ приходится ходатайствовать не о дальнѣйшемъ его развитіи, а о болѣе точномъ его соблюденіи. Во многихъ мѣстахъ число неразрѣшенныхъ моленныхъ превышаетъ число разрѣшенныхъ въ 12—15 разъ, ясно свидѣтельствуя о томъ, что терпимость къ расколу существуетъ только на бумагѣ... Какъ въ области раскола и сектантства, такъ и въ области иновѣрныхъ исповѣданій съ неумолимою прямолинейностью проводится желѣзное начало: *законъ россійскаго государства не признаетъ отпаденія отъ православія*. Православными считаются милліоны людей, не исповѣдующихъ или даже никогда не исповѣдывавшихъ православнаго ученія, но числящихся почему-либо въ церковныхъ спискахъ. Таковы „уклонившіеся“ въ расколъ или секту и ихъ дѣти, воспитанные въ новыхъ вѣрованіяхъ своихъ родителей; таковы „упорствующіе“ (бывшіе уніаты) въ Царствѣ Польскомъ; таковы остзейскіе эсты и латыши, возвратившіеся въ лютеранизмъ; таковы новокрещенцы изъ татаръ или осетинъ; таковы сибирскіе инородцы, которыхъ притягиваетъ къ себѣ обратно буддизмъ. „Противорѣчіе между формой и фактомъ“ — говорили мы по этому поводу осенью 1904-го года, когда еще не поколебался старый порядокъ,—„влечетъ за собою не только рядъ стѣсненій, тягостныхъ для религіознаго чувства, но и ограниченіе гражданскихъ правъ, неопредѣленность юридическихъ отношеній. Иновѣрцы, именуемые православными, не хотятъ обращаться къ православному духовенству, которое считаютъ для себя чужимъ — а искать помощи у духовныхъ лицъ исповѣданія, имъ близкаго и дорогого, они не въ правѣ. Представителямъ иновѣрнаго духовенства приходится выбирать между отказомъ въ просьбахъ, исполненіе которыхъ они признаютъ своимъ священнымъ долгомъ—и нарушеніемъ закона, грозящимъ уголовною отвѣтственностью и даже потерею духовнаго сана. Основываются новыя семьи, не освященныя бракомъ; дѣти остаются некрещеными и никуда не записанными; больные, умирающіе лишены религіознаго утѣшенія“. Другія черты картины — заточеніе, безъ суда, въ мона-

стырскихъ тюрьмахъ, отобраніе дѣтей у сектантовъ, закрытіе католическихъ монастырей и костеловъ, сопровождавшееся иногда конфискаціей ихъ имущества. И при всемъ этомъ объявлялось во всеуслышаніе, что „нигдѣ въ Европѣ инославныя и даже нехристіанскія исповѣданія не пользуются столь широкою свободою, какъ посреди русскаго народа“ [1])!

Такова была работа К. П. Побѣдоносцева въ св. синодѣ. Никакихъ побѣдъ, даже кажущихся, ему одержать не удалось. Скорѣе окрѣпли, чѣмъ ослабѣли тѣ силы, противъ которыхъ онъ боролся; скорѣе ослабѣло, чѣмъ окрѣпло положеніе православной церкви, на защиту которой онъ выступалъ. Гоненіе закаляло гонимыхъ, отнюдь не возвышая гонителей. Исканіе внѣшнихъ точекъ опоры не могло служить источникомъ внутренняго подъема. По истинѣ роковымъ для Россіи было то обстоятельство, что излюбленная К. П. Побѣдоносцевымъ политика единообразія, поддерживаемаго принужденіемъ, распространилась далеко за предѣлы спеціально ввѣреннаго ему „вѣдомства“. Она, въ значительной степени, предрѣшила исходъ колебаній, наполняющихъ собою первые два мѣсяца царствованія императора Александра III-го; она наложила свою печать на періодъ контръреформъ, достигшій своего кульминаціоннаго пункта на рубежѣ 80-хъ и 90-хъ годовъ; она восторжествовала еще разъ въ моментъ осужденія „безсмысленныхъ мечтаній“ и не переставала тяготѣть надъ страною до тѣхъ поръ, пока все сдавленное ею не вырвалось наружу съ силой, прямо пропорціональной интенсивности и продолжительности давленія. Отрицая „европейскія воззрѣнія и задачи“, эта политика поддерживала вѣру въ единоспасительность стараго порядка, давно отжившаго свое время; отправляясь отъ мысли о безнадежной дряблости русскихъ людей, она видѣла въ нихъ только объектъ опеки и полицейской охраны... Установить съ точностью предѣлы и формы вліянія К. П. Побѣдоносцева на общій ходъ государственнаго управленія можетъ только исторія, для которой нѣтъ государственныхъ тайнъ; но въ существованіи и свойствѣ этого вліянія уже теперь не можетъ быть никакихъ сомнѣній. Въ видѣ примѣра, далеко не самаго характернаго, укажемъ на то, что противодѣйствіемъ К. П. Побѣдоносцева было задержано почти на десять лѣтъ изданіе закона о вознагражденіи рабочихъ, потерпѣвшихъ отъ несчастныхъ случаевъ, и предупреждено изданіе закона о разлученіи супруговъ.

Подспорьемъ дѣятельности К. П. Побѣдоносцева, какъ государственнаго человѣка, служила дѣятельность его, какъ публициста.

[1]) Слова К. П. Побѣдоносцева въ отвѣтѣ, данномъ имъ въ 1888 г. на адресъ швейцарскаго евангелическаго союза.

Его „Московскій Сборникъ“ имѣетъ значеніе не столько самъ по себѣ, сколько въ качествѣ матеріала для характеристики автора. Обнародованный въ самый разгаръ кампаніи противъ суда присяжныхъ, онъ подливалъ воду на эту мельницу: онъ говорилъ о „быстро образовавшейся толпѣ адвокатовъ“, движимой „интересомъ самолюбія и корысти“, о „пестромъ стадѣ присяжныхъ“, которому „недоступно сознаніе долга судьи“. О своихъ бывшихъ товарищахъ по составленію судебныхъ уставовъ К. П. Побѣдоносцевъ отзывался такъ: „многіе, вводя учрежденіе суда присяжныхъ, только слышали звонъ, да не знали, гдѣ онъ; неразумно и легкомысленно было вѣрять приговоръ о винѣ подсудимаго народному правосудію, не обдумавъ практическихъ мѣръ и способовъ, какъ его поставить въ надлежащую дисциплину“... Критическій моментъ, вмѣстѣ съ судомъ присяжныхъ, переживала въ то время и печать. Если не прямо, то косвенно „Московскій Сборникъ“ высказывался за модный въ то время взглядъ, обращавшій свободу слова въ привилегію оффиціально удостовѣренной благонадежности. „Московскій Сборникъ“ подавалъ руку „Московскимъ Вѣдомостямъ“.

„Эпоха, созданная идеями Побѣдоносцева“—читаемъ мы въ одномъ изъ его некрологовъ, — „есть эпоха императора Александра III-го“. Съ этимъ мы готовы согласиться—но выводъ, дѣлаемый нами отсюда, прямо противоположенъ тому, къ которому приходятъ преемники Каткова. То, что̀ они называютъ „временемъ величія и славы Россіи“, является, въ нашихъ глазахъ, временемъ подготовки бѣдствій, испытываемыхъ русскимъ народомъ.

Убійство Григорія Борисовича Іоллоса, произведя потрясающее впечатлѣніе на все русское общество, особенно болѣзненно отозвалось въ сердцахъ всѣхъ тѣхъ, кто близко зналъ покойнаго. Только они могутъ оцѣнить всю тяжесть потери, понесенной, въ лицѣ убитаго, русскою литературой и русской наукой. Какъ авторъ „Писемъ изъ Берлина“, въ теченіе двухъ десятилѣтій служившихъ украшеніемъ „Русскихъ Вѣдомостей“, Г. Б. Іоллосъ былъ хорошо извѣстенъ широкимъ кругамъ читающей публики; но онъ не сказалъ въ нихъ своего послѣдняго слова, не развернулъ всего запаса своихъ мыслей и знаній. Съ глубокими и разносторонними свѣдѣніями въ области политической экономіи и государственнаго права онъ соединялъ выдающійся организаторскій талантъ, проявившійся съ большою яркостью въ короткій періодъ участія его въ редактированіи „Русскихъ Вѣдомостей“. Широкое поле для примѣненія этого таланта открылось бы для Г. Б. въ Государственной Думѣ, еслибы дѣятельность его въ ней была болѣе

продолжительна. Въ бюджетной коммиссіи первой Думы онъ сразу занялъ видное мѣсто. Несмотря на вынужденный перерывъ въ его парламентской карьерѣ, его ожидало блестящее будущее; полный силъ, не достигшій еще пятидесятилѣтняго возраста, онъ могъ бы оставить глубокій слѣдъ въ русской политической жизни. Какъ и покойный Герценштейнъ, онъ служилъ нагляднымъ опроверженіемъ антисемитическихъ предразсудковъ. Немного найдется коренныхъ русскихъ, которые превосходили бы его преданностью Россіи.

Кто, почему и для, чего убилъ Іоллоса—это вопросъ, на который можетъ отвѣтить только судъ. Между попытками предрѣшить его насъ поразила одна, своею колоссальною нелѣпостью. Въ „Новомъ Времени" (№ 11140) появилось письмо, авторъ котораго, „Правый", выражаетъ убѣжденіе, что убійство Іоллоса, какъ и убійство Герценштейна — „дѣло кружка богатыхъ вѣрующихъ евреевъ, ведущихъ военную кампанію, посредствомъ военныхъ агентовъ, заразъ и противъ русскихъ патріотическихъ партій, *и противъ своихъ собственныхъ ренегатовъ*". Но на самомъ дѣлѣ, какъ извѣстно, Г. Б. Іоллосъ до конца не оставлялъ религіи своихъ предковъ... Другой мотивъ, приводимый въ подтвержденіе возмутительной догадки—полнѣйшая „неизвѣстность" Іоллоса какъ вообще, такъ и въ особенности въ Москвѣ. На самомъ же дѣлѣ, какъ мы уже сказали, авторъ „Писемъ изъ Берлина" давно пользовался почетною извѣстностью, а интеллигентному московскому обществу былъ хорошо знакомъ и какъ одинъ изъ редакторовъ популярнѣйшей московской газеты. Что̀ же сказать, затѣмъ, объ авторѣ вышеупомянутаго письма и о газетѣ, печатающей его безъ всякой оговорки? Такое ли теперь время, чтобы взводить чудовищныя обвиненія на „богатыхъ вѣрующихъ евреевъ"? Неужели руками юдофобствующихъ публицистовъ накоплено еще слишкомъ мало горючаго матеріала для устройства еврейскихъ погромовъ, для травли милліоновъ русскихъ гражданъ?

Какъ нельзя болѣе чувствительна потеря Г. Б. Іоллоса для нашего журнала, къ редакціи котораго онъ стоялъ очень близко и въ которомъ сотрудничалъ съ 1895-го года. Вотъ перечень его статей, иногда подписанныхъ полнымъ его именемъ, иногда — буквами Г. Б.: „Письма изъ Германіи" (1895, іюль и ноябрь); „Государственные финансы Германіи" (1896, январь); „Законодательство о печати въ Германіи" (1896, мартъ); „Биржевая реформа въ Германіи" (1896, іюль); „Народная школа въ Берлинѣ" (1896, октябрь); „Министерство земледѣлія и аграріи" (1896, ноябрь); „Эрнстъ Энгель" (1897, февр.); „Общественное самоуправленіе въ Берлинѣ" (1897, апрѣль); „25 лѣтъ соціальной политики" (1897, декабрь); „Столѣтіе газеты Allgemeine Zeitung" (1898, февр.); „Результаты условнаго осужденія" (1898, апр.); „Изъ жизни рабочаго населенія въ Берлинѣ" (1898, май); „Финансы Гер-

маніи" (1898, іюль); „Бисмаркъ" (1898, сентябрь, и 1899, янв.); „Школа и народная промышленность въ Германіи" (1899, май); „Промышленная Германія" (1899, дек.); „Торговые договоры и пошлины на хлѣбъ" (1901, ноябрь).—Въ „Литературномъ Обозрѣніи" августовской книги „Вѣстника Европы" за 1904 г. мы помѣстили подробный разборъ „Писемъ изъ Берлина", вышедшихъ тогда отдѣльной книжкой.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 апрѣля 1907.

I.

— Кириллъ. Одиннадцать дней на „Потемкинѣ". Спб. 1907. Ц. 1 р.

Русскій народъ просыпается, но еще не очнулся окончательно отъ тяжелаго сна; оттого-то текущая жизнь, съ ея драмами, ужасами и несообразностями, похожа скорѣе на сонъ, чѣмъ на дѣйствительность. Однимъ изъ высоко драматическихъ эпизодовъ этого „сна наяву" было возмущеніе броненосца „Князь Потемкинъ Таврическій" и его эмиграція изъ предѣловъ Россіи, о которыхъ разсказываетъ въ книжкѣ, названной въ заголовкѣ этой замѣтки, одинъ изъ участниковъ драмы. Помимо своего значенія, какъ показателя слишкомъ ранняго распространенія революціонныхъ идей въ средѣ, которая, казалось бы, должна быть затронута ими напослѣдокъ,—исторія возставшаго броненосца представляетъ интересъ въ томъ отношеніи, что въ ней, какъ въ микроскопѣ, отражается цѣлая стадія политическаго развитія всего нашего народа. Мы видимъ, какъ порядки военнаго режима въ старой бюрократической Россіи порождали неминуемое недовольство во флотѣ; какъ это стихійное настроеніе постепенно преобразовывалось въ чувство болѣе или менѣе сознательнаго возмущенія и протеста; какъ понятія матросовъ о своемъ спеціальномъ дѣлѣ и горѣ расширяются и охватываютъ уже вопросъ всероссійскаго угнетенія и безправія; какъ на почвѣ энтузіазма, возбуждаемаго наплывомъ совершенно новыхъ для солдатскаго ума великихъ освободительныхъ идей, возникаетъ мысль объ активномъ участіи арміи въ освобожденіи страны; какъ не то случайныя, не то необходимыя обстоятельства, вызвали частичное „выступленіе" „Потемкина" ранѣе условленнаго момента возстанія

всего черноморскаго флота; какъ въ полуреволюціонномъ, полуконсервативномъ экипажѣ „Потемкина" съ первыхъ же дней возмущенія проявляется глухой антагонизмъ двухъ теченій; какъ неоднородно настроенный экипажъ судна, подъ вліяніемъ различныхъ обстоятельствъ проявляетъ то пылкое революціонное возбужденіе, ту настоящую панику, приведшую къ бѣгству въ Румынію и отказу отъ затѣяннаго дѣла, совершенно неизбѣжному при томъ состояніи политическаго сознанія нашего народа, какое было ему свойственно два года тому назадъ.

Открытые политическіе протесты нашего общества и рабочихъ проявились у насъ, какъ извѣстно, лишь съ началомъ новаго вѣка, а признакомъ неспокойнаго настроенія крестьянскихъ массъ были аграрныя волненія 1902 г. Приблизительно около этого же времени начинается и развитіе политическаго волненія среди матросовъ черноморскаго флота. „Въ короткій промежутокъ пяти-шести лѣтъ чувство собственнаго достоинства (въ матросской средѣ) сильно выросло,— говоритъ авторъ въ книжкѣ, насъ теперь интересующей. — Старые матросы („Потемкина") 5-го и 6-го годовъ отзывались о молодыхъ товарищахъ 1-го и 2-го годовъ съ нѣкоторымъ недовѣріемъ", вызывавшимся тѣмъ, „что старики судили о новобранцахъ по тѣмъ взглядамъ, которые они сами имѣли, когда поступали на службу". Въ общемъ это недовѣріе было, конечно, основательно, потому что два-три года назадъ политическое сознаніе въ массѣ народа, поставлявшаго рекрутъ, только-что пробуждалось. Но уже и въ то время наблюдались замѣтныя отступленія отъ общаго тона новобранцевъ, обусловливавшіяся тѣми процессами развитія политическаго сознанія, которые совершались въ массахъ. „Часто случалось, что молодые новобранцы принимали уже участіе въ стачкѣ и поступали въ армію съ другими взглядами и чувствами, чѣмъ ихъ предшественники. Крайне характернымъ для психологіи новыхъ поколѣній является слѣдующій фактъ. Новобранцы 1904 г. экипажа „Кн. Потемкина"—прежде, чѣмъ давать присягу, предъявили извѣстныя требованія къ начальству".

Зародившаяся въ матросахъ протестующая мысль естественно направилась прежде всего на обстановку быта самихъ матросовъ. Унизительное положеніе матроса передъ офицеромъ, не признававшимъ чувства его человѣческаго достоинства, и злоупотребленія въ дѣлѣ содержанія матросовъ, отражавшіяся болѣе всего на пищѣ, которою кормили послѣднихъ, давали богатый матеріалъ для критики и возмущенія матросовъ порядками ихъ военнаго быта. Антагонизмъ солдатъ и офицеровъ представлялъ такую же благодарную почву для развитія духа протеста во флотѣ, какую въ фабричномъ мірѣ игралъ антагонизмъ рабочихъ и мастеровъ или фабрикантовъ, а въ деревнѣ

антагонизмъ крестьянъ и помѣщиковъ или полиціи. „До матросовъ доходили слухи, что гдѣ-то—не то въ Швейцаріи, не то во Франціи—отношенія между начальствомъ и подчиненными совершенно другія. Съ особеннымъ упорствомъ они обращались за свѣдѣніями на этотъ счетъ къ нѣкоторымъ болѣе доступнымъ офицерамъ... Но что могли они имъ отвѣтить?.. Среди матросовъ особенно горячо обсуждался вопросъ объ отношеніяхъ между солдатами и офицерами". Развитіе сознанія матросовъ не могло, конечно, остановиться на критикѣ отношеній военной службы уже потому, что эти отношенія отражали общій нашъ политическій строй; не могли матросы и уединиться отъ сношеній съ политическими агитаторами внѣ военной среды, потому что движеніе среди матросовъ и зародилось-то подъ вліяніемъ общаго возбужденія. Рано или поздно матросы должны были вступить въ близкое общеніе съ оппозиціонными элементами гражданскаго міра и искать въ нихъ тѣхъ отвѣтовъ на возникавшіе вопросы, какихъ никто не могъ имъ дать на кораблѣ или въ казармѣ. „Многіе матросы слышали уже о соціалъ-демократіи, когда работали при постройкѣ судна на Николаевской верфи. Работая подъ одной крышей, они неизбѣжно соприкасались съ вольными рабочими, изъ которыхъ многіе уже были затронуты соціалистической пропагандой". Отсюда—одинъ шагъ до установленія правильныхъ сношеній матросовъ и политическихъ пропагандистовъ, которые дѣйствовали въ южныхъ портахъ подъ знаменемъ соціалъ-демократіи. Политическіе агитаторы воздѣйствовали на матросовъ, во-первыхъ, путемъ собраній—мелкихъ, называемыхъ „летучками", и крупныхъ—„массовокъ", устраивавшихся за городомъ, въ лѣсу, на которыхъ присутствовали матросы всѣхъ пятидесяти военныхъ судовъ Севастополя, въ количествѣ отъ нѣсколькихъ десятковъ до 300—400 человѣкъ одновременно; во-вторыхъ, путемъ печати, преимущественно нарочно составляемыхъ для этого прокламацій, касавшихся и спеціально матросскаго быта, и русскаго политическаго режима вообще. Этихъ вліяній партіи было, конечно, недостаточно для политическаго воспитанія тысячныхъ массъ; такое воспитаніе происходило путемъ самостоятельнаго переваривания въ матросской средѣ всѣхъ впечатлѣній отъ внѣшняго міра и обрывковъ политическихъ идей, доходившихъ до солдатъ съ клочкомъ газеты или дозволенной книжкой. Но внѣшніе пропагандисты придавали „неопредѣленному недовольству матросовъ политическій характеръ и популяризировали среди нихъ лозунги соціалистической программы-минимумъ".

Чувство протеста послѣ этого стало болѣе и болѣе принимать активную форму. „Слова переходили въ дѣйствія, коллективные протесты сдѣлались частымъ явленіемъ; ихъ подавали обыкновенно вечеромъ, послѣ молитвы передъ сномъ. Послѣ этой церемоніи матросы

не расходились, несмотря на команду вахтеннаго офицера. Начинался общій ропотъ. Тогда одинъ изъ болѣе смѣлыхъ въ заднихъ рядахъ выкрикивалъ тѣ или иныя требованія. Когда все было сказано, матросы расходились". 3-го ноября 1904 г., протесты матросовъ приняли форму мятежа. „Солдаты, призванные изъ сосѣднихъ казармъ, отказались стрѣлять; но матросы и унтеръ-офицеры—ученики судна „Память Меркурія"—нѣсколькими залпами разсѣяли бунтовщиковъ". Японская война подлила масла въ огонь. Неудачи военныхъ дѣйствій матросы приписывали неспособности и трусости начальства, а „потерявъ всякій авторитетъ, послѣднее перестало внушать страхъ и уваженіе. Возраженія на замѣчанія офицера—серьезный проступокъ противъ дисциплины—сдѣлались дѣломъ обычнымъ. Акты неповиновенія были нерѣдки и—что еще болѣе характерно—матросы старались шумно обнаруживать свое одобреніе неповиновавшимся". Въ это время въ матросской средѣ и возникла идея о вооруженномъ возстаніи. „Уже во время бунта 3-го ноября матросы обращались въ соціалъ-демократическій комитетъ съ вопросомъ—будетъ ли своевременно превратить мятежъ въ организованное возстаніе. Комитетъ совѣтовалъ отложить возстаніе до болѣе благопріятнаго момента". Мысль эта получила новое возбужденіе послѣ событій въ Петербургѣ 9—12 января. „Еслибы у насъ явился попъ Гапонъ,—говорили матросы,—то правительство не отдѣлалось бы такъ легко". Идея возстанія начала, съ одной стороны, „дебатироваться и пропагандироваться на всѣ лады", съ другой—разрабатываться центральнымъ комитетомъ матросовъ, совмѣстно съ представителями отъ революціонеровъ всѣхъ судовъ, въ ея практическомъ осуществленіи. При разработкѣ этой идеи возникали всевозможныя сомнѣнія не только частнаго, но и общеполитическаго характера, вплоть до возбужденія вопроса—не вызоветъ ли возстаніе раздробленія Россіи? Матросы „Потемкина" отправили въ севастопольскій комитетъ письмо съ требованіемъ отвѣта на всѣ вопросы, вызывавшіе сомнѣніе. Идея возстанія получила новый толчокъ послѣ пораженія при Цусимѣ и извѣстія о казни сорока матросовъ эскадры Небогатова. „Если намъ суждено умирать,—говорили матросы,—то вмѣсто того, чтобы пасть отъ руки начальства или японцевъ,—пожертвуемъ жизнью за освобожденіе Россіи". Обсужденіе даннаго вопроса было, наконецъ, закончено. Возстаніе назначено было на время большихъ морскихъ маневровъ, въ іюлѣ мѣсяцѣ. Оно должно было начаться арестомъ офицеровъ по сигналу—двухъ ракетъ, пущенныхъ съ палубы броненосца „Екатерина II". Возставшіе должны были овладѣть приморскими крѣпостями и, опираясь на эту базу, поднять югъ Россіи. Планъ этотъ, какъ извѣстно, не осуществился. По случайнымъ причинамъ броненосцу „Потемкинъ" пришлось поднять знамя

возстанія до наступленія условленнаго срока, и описаніемъ высокодраматическаго эпизода, предшествовавшаго этому шагу, мы закончимъ замѣтку, вызванную книгой г. Кирилла.

12-го іюня 1905 г., новый броненосецъ „Потемкинъ“ отправился въ бухту Тендеръ для испытанія его артиллерійскихъ орудій. 13-го, утромъ, матросы замѣтили, что мясо, привезенное ночью и повѣшенное въ прохладномъ мѣстѣ, издаетъ сильную вонь, и при ближайшемъ разсмотрѣніи оказалось кишащимъ червями. Матросы заволновались; окрики начальства на недовольныхъ вмѣстѣ съ заявленіемъ врача, что мясо хорошее и что его нужно только обмыть соленой водой и удалить червивыя мѣста,—подлили масла въ огонь. Перспектива питаться нѣсколько дней мясомъ, которое съ каждымъ днемъ будетъ становиться хуже и хуже, мало улыбалась матросамъ, и они рѣшились выразить протестъ отказомъ ѣсть первый супъ, сваренный изъ загнившаго мяса. Командиръ судна, Голиковъ, собралъ тогда всѣхъ матросовъ, объявилъ, что чашка съ супомъ будетъ отправлена въ главное морское управленіе, напомнилъ, что матросамъ, забывшимъ дисциплину, грозитъ висѣлица, и предложилъ матросамъ, согласнымъ ѣсть супъ, стать въ указанное мѣсто. Три-четыре человѣка послѣдовали его предложенію, остальные оставались неподвижны. Такой же результатъ имѣли и послѣдующія требованія командира... Въ толпѣ начался ропотъ. „Ага, вы не желаете повиноваться; я вамъ покажу! Виновные отъ меня не уйдутъ!“—и приказалъ вызвать караулъ. Опасаясь такихъ послѣдствій этого случая, которыя помѣшаютъ выполненію задуманнаго плана возстанія, одинъ изъ руководителей, матросъ Матющенко, первый вышелъ изъ рядовъ и сталъ на указанное мѣсто. Всѣ послѣдовали его примѣру; но здѣсь произошло нѣчто неожиданное! Старшій офицеръ Гиляровскій, поддержанный затѣмъ Голиковымъ, преградилъ путь послѣднимъ 20—30-ти матросамъ, не успѣвшимъ еще послѣдовать за товарищами, окружилъ ихъ карауломъ и приказалъ принести брезентъ—„бѣлый саванъ, которымъ на военныхъ судахъ покрываютъ приговоренныхъ къ смерти“.

„Рѣшилъ ли Гиляровскій идти до конца? Думалъ ли онъ сыграть комедію, чтобы напугать матросовъ и заставить ихъ выдать зачинщиковъ? Этотъ секретъ онъ унесъ съ собой въ могилу!“—говоритъ авторъ. Матросамъ не было времени изслѣдовать этотъ вопросъ. Они видѣли только косу смерти, занесенную надъ головами двадцати своихъ товарищей, и когда одинъ изъ нихъ, Вакулинчукъ, крикнулъ: „Братья, отчего вы насъ покидаете?“—раздались протестующіе крики, и нѣсколько матросовъ убѣжали. Гиляровскій въ это время приказалъ стрѣлять въ окруженныхъ. Караулъ отказался. „Стрѣляйте!“—скомандовалъ еще разъ Гиляровскій“.—„Не стрѣляйте, мы—братья!“—вос-

кликнулъ опять Вакулинчукъ. Караулъ стоялъ, не поднимая ружей". Гиляровскій вырываетъ ружье изъ рукъ матроса-новобранца и устремляется за Вакулинчукомъ, который тоже, захвативъ ружье, бѣжитъ за башню. Гиляровскій его нагоняетъ и убиваетъ. Оставшіеся на палубѣ офицеры, съ револьверами въ рукахъ, переходили отъ одной группы матросовъ къ другой, грозя убить, если они двинутся съ мѣста. Но въ это время раздались выстрѣлы, показавшіе, что часть матросовъ завладѣла оружіемъ. Произошло всеобщее смятеніе. Офицеры и многіе матросы бросились спасаться въ нижнюю часть броненосца; нѣкоторые, схвативъ спасательные круги, кинулись въ море. Бунтъ сдѣлался общимъ. Шесть офицеровъ и докторъ, одобрившій гнилое мясо, были убиты, остальные арестованы. Броненосецъ оказался въ рукахъ революціонеровъ и объявилъ о рѣшеніи бороться за свободу страны.

II.

— Соціализмъ въ Англіи. Сборникъ статей англійскихъ соціалистовъ, составленный С. Веббомъ. Спб. 1907. Ц. 1 рубль.

Съ идеей современнаго соціализма неразрывно связано представленіе о классовой борьбѣ и организаціи пролетарскихъ массъ. Типическій соціалистическій агитаторъ рисуется намъ въ образѣ соціалъ-демократа, распространяющаго соціалистическія идеи въ переработкѣ К. Маркса. Приступая съ такимъ понятіемъ о предметѣ къ знакомству съ англійскимъ соціализмомъ, мы будемъ очень удивлены проявленіями послѣдняго. Удобнымъ средствомъ составленія общаго понятія о характерѣ англійскаго соціализма можетъ служить книга, названная въ заголовкѣ нашей замѣтки. Книга эта состоитъ изъ двѣнадцати статей англійскихъ соціалистовъ, выбранныхъ изъ соціалистической литературы хорошо извѣстнымъ русской публикѣ Сиднеемъ Веббомъ и изданныхъ въ переводѣ для ознакомленія нѣмецкой публики съ англійскимъ соціалистическимъ движеніемъ. Немало поражаетъ насъ въ сборникѣ уже тотъ фактъ, что авторы статей принадлежатъ не къ одной-двумъ, а къ цѣлымъ шести организаціямъ, причемъ три изъ послѣднихъ даже не объявляютъ соціалистическую программу. Огромное большинство этихъ авторовъ-соціалистовъ принадлежатъ къ среднему и даже къ „высшему" классу общества, и многіе занимаютъ въ немъ выдающееся положеніе. Одинъ недавно возведенъ въ санъ лорда-архіепископа; другой занимаетъ видное мѣсто въ оксфордскомъ университетѣ, главнымъ начальствующимъ лицомъ котораго является маркизъ Сольсбери; третій состоялъ двѣнадцать лѣтъ высшимъ правительственнымъ чиновникомъ и все время велъ активную соціалистическую пропаганду.

Изъ этого читатель можетъ заключить, что англійскіе соціалисты не состоятъ на ножахъ съ правительствомъ, и послѣднее относится къ нимъ съ тою же терпимостью, какъ и къ представителямъ всѣхъ другихъ воззрѣній. Интереснымъ образцомъ этой терпимости служитъ фактъ не только простого участія въ интернаціональномъ соціалистическомъ конгрессѣ въ Лондонѣ въ 1896 г., въ качествѣ делегатовъ, многихъ правительственныхъ чиновниковъ, но и нахожденіе въ числѣ главныхъ организаторовъ конгресса личнаго секретаря консервативнаго министра, нынѣ занимающаго очень важный постъ въ консервативномъ министерствѣ.

Такія миролюбивыя отношенія между защитниками господствующаго порядка вещей и лицами, доказывающими необходимость ниспроверженія послѣдняго, даютъ основаніе полагать, что соціалисты и капиталисты въ Англіи не образуютъ двухъ организованныхъ армій, враждебно стоящихъ другъ противъ друга и высматривающихъ слабыя мѣста противника для нанесенія рѣшительнаго удара. Образованіе такихъ армій—если англійское общество упорствомъ въ отказѣ удовлетворить требованія народа допуститъ развитіе конфликта до этого состоянія—еще впереди. Теперь совершается главнымъ образомъ идейная борьба; а борьба за осуществленіе практическихъ положеній соціализма ведется не подъ яркимъ знаменемъ послѣдняго и не отмежевывается рѣзко отъ усилія рабочаго класса улучшить свое положеніе вообще. Именно миролюбивое отношеніе власти къ распространенію соціалистическихъ, какъ и всякихъ другихъ идей считается одной изъ причинъ отсутствія въ Англіи рѣзкаго отграниченія соціалистовъ и образованія единой строго-дисциплинированной соціалистической партіи. Въ этомъ же отчасти заключается, вѣроятно, и причина слабаго распространенія въ Англіи боевого ученія Маркса о классовой борьбѣ; хозяйственная же теорія названнаго мыслителя признается тамъ лишь одной—далеко не самой вліятельной соціалистической организаціей—соціалъ-демократической партіей, стремящейся, по словамъ Вебба, „походить на свой нѣмецкій образецъ". Мирное теченіе англійскаго соціализма находится въ полномъ соотвѣтствіи съ мирнымъ же настроеніемъ англійскихъ рабочихъ. Очень характернымъ для англійскаго соціалистическаго движенія С. Веббъ считаетъ фактъ слабаго участія въ агитаціи лицъ, вышедшихъ изъ рабочей среды. „Значительная часть англійскихъ соціалистовъ принадлежитъ къ среднимъ классамъ; къ нимъ примыкаетъ нѣсколько лицъ высшихъ классовъ; милліоны же рабочихъ не только подаютъ голоса за консерваторовъ, но и консервативно настроены. Затѣмъ, англійскіе рабочіе не составляютъ однороднаго класса; они распадаются на множество слоевъ,

изъ коихъ каждый рѣзко и опредѣленно понимаетъ свои профессіональные интересы и считаетъ себя выше тѣхъ, кто стоитъ ниже его".

Въ книгѣ „Соціализмъ въ Англіи" мы находимъ, между прочимъ, статьи покойнаго Вильяма Морриса, Сиднея и Беатрисы Веббъ, Гайндмана, Джона Бернса и др.; въ ней же помѣщенъ отчетъ меньшинства—четырехъ рабочихъ-членовъ королевской коммиссіи о наемномъ трудѣ, съ указаніемъ реформъ, „немедленно осуществимыхъ городскими учрежденіями и государствомъ" и способныхъ значительно облегчить положеніе наемнаго труда. Этотъ отчетъ, вмѣстѣ со статьей Джона Бернса „Безработные", даетъ понятіе о ближайшихъ практическихъ требованіяхъ англійскихъ соціалистовъ. Небольшая статья Гайндмана „Переходъ къ соціалъ-демократіи" трактуетъ о болѣе отдаленныхъ требованіяхъ соціализма, относящихся къ тому времени, которое можно считать переходнымъ отъ капиталистическаго строя къ соціалистическому. Требованія эти заключаются въ обращеніи въ государственное или общественное завѣдываніе путей сообщенія, угольныхъ копей и нефтяныхъ источниковъ, затѣмъ—акціонерныхъ предпріятій и т. д. Если назвать еще статью Беатрисы Веббъ, „Отношеніе профессіональныхъ союзовъ къ кооперативнымъ товариществамъ", то мы будемъ имѣть всѣ статьи сборника, касающіяся практическихъ вопросовъ современности. Остальное содержаніе книги посвящено критикѣ современныхъ порядковъ и разъясненію основныхъ понятій соціализма. Въ статьѣ „Истинный и ложный соціализмъ" Сидней Веббъ указываетъ на успѣхи идеи коллективизма въ Англіи и на задачу современныхъ соціалистовъ—выработать „систему политическаго мышленія" и „въ подробномъ изложеніи ярко очерченной схемы ясно указать, къ чему мы стремимся и куда мы идемъ"... „Чтобы добиться этой ясности, необходимо критиковать всякій планъ, носящій слѣды ложнаго коллективизма, одурманивающаго сознаніе"; и въ своей статьѣ Веббъ критически разбираетъ различныя системы „ложнаго соціализма", къ которому онъ относитъ проекты организацій земледѣльческихъ общинъ, производительныхъ товариществъ, мелкой крестьянской собственности, квартиръ, сдаваемыхъ въ наемъ рабочимъ за плату, покрывающую издержки сооруженія и проценты на капиталъ, и т. д. „Мы, соціалисты,—говоритъ онъ,—не стремимся къ тому, чтобы передать предпріятія опредѣленной отрасли промышленности въ руки тѣхъ рабочихъ, которые въ данный моментъ заняты въ ней. Мы стремимся къ тому, чтобы расширить общественную организацію производства подъ контролемъ центральнаго или мѣстнаго управленія, въ интересахъ всего общества". Равнымъ образомъ, соціализмъ не полагаетъ облагодѣтельствовать нѣкоторыхъ рабочихъ, отдавъ имъ, напр., на вышеуказанныхъ условіяхъ квартиры и подаривъ имъ, такимъ образомъ, въ

Лондонѣ земельную ренту въ 320 милл. ф. ст. „Соціалистическое государственное управленіе будетъ требовать за пользованіе землей и квартирой ренту по справедливой хозяйственной оцѣнкѣ; эта рента будетъ употребляться на удовлетвореніе потребностей всего общества".

Въ статьѣ Блэчфорда доказывается, что обвиненія соціализма, высказанныя въ папской энцикликѣ, свидѣтельствуютъ лишь о недостаточномъ знакомствѣ папы съ этимъ ученіемъ, и раскрываются противорѣчія въ ученіи самого папы о примиреніи интересовъ капитала и труда. Въ статьѣ „Церковь и соціализмъ" указывается на согласіе ученія соціализма съ идеалами евангелія. „Современные проповѣдники (духовные)—говоритъ авторъ (архіепископъ)—обязаны вести пропаганду истиннаго соціализма". Въ двухъ статьяхъ сборника опровергается обвиненіе соціализма въ томъ, что онъ интересуется лишь матеріальной стороной жизни, и забываетъ болѣе высокій идеалъ. Авторы утверждаютъ, напротивъ того, что лишь „научный соціализмъ заботится о томъ, чтобы люди стремились къ болѣе высокимъ цѣлямъ, чѣмъ чувственныя наслажденія"; но онъ понимаетъ, что стремленіе къ болѣе высокому можетъ осуществиться лишь послѣ того, какъ человѣкъ удовлетворитъ свои матеріальныя потребности, и что для правильнаго развитія человѣка необходимо планомѣрное употребленіе матеріальныхъ средствъ этого развитія, что̀ можетъ быть осуществлено лишь обращеніемъ ихъ въ общественное завѣдываніе: „соціализмъ неразрывно связанъ съ идеей качественнаго подбора и конкурренціи, со стремленіемъ такъ высоко поднять весь механизмъ, всю цѣль и весь смыслъ промышленнаго труда, чтобы предоставить какъ можно больше свободы человѣку и развитію его способностей".

III.

— А. В. Погожевъ. Учетъ численности и состава рабочихъ въ Россіи. Матеріалы по статистикѣ труда. Изданіе Императорской Академіи Наукъ. Спб. 1906 г., стр. XXVI + 107 + 224. Ц. 5 р.

Авторъ этого труда, извѣстный статистикъ московскаго земства, немало работавшій на полѣ изслѣдованій промышленнаго быта, въ послѣдніе годы занятъ былъ подготовительными работами для учрежденія при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, по примѣру другихъ государствъ, особаго бюро или комитета статистики труда. Результатомъ этихъ работъ было превосходное изданіе, названное нами выше, появленію котораго въ свѣтъ мы обязаны не администраціи, поручившей А. В. Погожеву кропотливую работу учета численности рабочихъ, а нашей Академіи Наукъ, удѣлившей изъ своихъ скромныхъ средствъ сумму

на это роскошное изданіе, съ массою таблицъ и діаграммъ. Авторъ поставилъ себѣ задачу изучить и цѣлесообразно скомбинировать весь оффиціальный матеріалъ по статистикѣ рабочихъ въ Россіи, и чтобы обезпечить полную свободу комбинированія такъ или иначе статистическихъ данныхъ, онъ началъ съ составленія карточекъ для каждаго промышленнаго предпріятія, когда-либо зарегистрированнаго учрежденіями, собирающими о нихъ свѣдѣнія. Изученіе всѣхъ этихъ матеріаловъ только подтвердило давнишнее мнѣніе и самого автора, и другихъ русскихъ экономистовъ, о невозможности на основаніи имѣющихся данныхъ „въ точности опредѣлить общую численность рабочаго населенія въ Россіи", и о томъ, что „только правильная, европейски организованная промышленная перепись можетъ вывести нашу промышленную статистику изъ ея хаотическаго состоянія". На этомъ основаніи и свое изслѣдованіе авторъ называетъ лишь „примѣрнымъ или схематическимъ выясненіемъ научнаго и практическаго значенія статистики труда". Правильно организованная промышленная перепись, о которой мечтаетъ авторъ, не можетъ, однако, доставить всѣ свѣдѣнія для статистики труда. Промышленная перепись имѣетъ свои опредѣленныя задачи и интересуется рабочими, не ради ихъ самихъ, а сообразно тому значенію, какое имъ принадлежитъ въ производствѣ. Статистика же труда задается цѣлью изученія вопроса о трудящихся, какъ слоѣ населенія, съ опредѣленной физіономіей, нуждами и условіями быта, и должна прибѣгать поэтому къ спеціальнымъ изслѣдованіямъ въ дополненіе къ даннымъ, почерпаемымъ изъ промышленной статистики, общихъ переписей населенія, отчетовъ фабричныхъ инспекторовъ, сообщеній рабочихъ союзовъ и т. д. У насъ нѣтъ еще учрежденія, вѣдающаго статистику труда съ вышеопредѣленнымъ содержаніемъ. Но что вопросъ о такомъ учрежденіи стоитъ на ближайшей очереди—свидѣтельствуетъ фактъ предположенія созданія бюро труда при министрѣ внутреннихъ дѣлъ, Плеве. Ради приближенія момента осуществленія этой идеи, А. В. Погожевъ и взялъ на себя разработку существующихъ матеріаловъ о численности рабочихъ. Часть исполненнаго имъ труда и составляетъ содержаніе разсматриваемой книги.

Книга эта состоитъ изъ текста, діаграммъ и таблицъ. Въ текстѣ, кромѣ того, помѣщено много таблицъ, имѣющихъ сводный или итоговый характеръ. Приложенія состоятъ изъ трехъ отдѣловъ или таблицъ. Наиболѣе мѣста отведено таблицамъ о числѣ предпріятій и занятыхъ ими рабочихъ по каждому подраздѣленію или виду производства въ каждомъ городѣ и уѣздѣ каждой губерніи и области европейской и азіатской Россіи, съ приведеніемъ погубернскихъ итоговъ для крупныхъ группъ производствъ и итога всѣхъ производствъ для губерніи. Видовыя и групповыя данныя указаны по двумъ источникамъ, а общій

итогъ по всѣмъ производствамъ каждой губерніи — по пяти источникамъ, обнимающимъ 1900—1903 годы. Эти таблицы даютъ всѣмъ возможность составлять изъ уѣздовъ и городовъ любые промышленные районы для любого вида или рода производства. Авторъ находитъ, правда, что уѣздъ представляетъ слишкомъ крупную территоріальную единицу, и что поволостная группировка промышленныхъ предпріятій лучше способствовала бы „выясненію вопроса объ условіяхъ концентраціи капиталистическихъ и кустарно-капиталистическихъ производствъ, а также о профессіонально-бытовыхъ особенностяхъ въ отдѣльныхъ промышленныхъ центрахъ, въ связи съ изслѣдованіемъ различныхъ типовъ этихъ послѣднихъ". Но такая группировка данныхъ промысловой статистики есть дѣло будущаго. Другіе два отдѣла или таблицы „Приложеній" заключаютъ тѣ же свѣдѣнія, т.-е. о числѣ предпріятій и занятыхъ ими рабочихъ, но въ болѣе общей группировкѣ и для территорій цѣлой губерніи или области. Таблица II приводитъ эти свѣдѣнія (по тремъ источникамъ) для каждой изъ 13-ти крупныхъ группъ, на которыя разбиваются всѣ производства въ изданіяхъ министерства финансовъ. Таблица I заключаетъ данныя (двухъ источниковъ) о числѣ всѣхъ предпріятій и занимаемыхъ ими рабочихъ въ городахъ (всѣхъ вмѣстѣ) и уѣздахъ (тоже) каждой губерніи по группамъ, обнимающимъ предпріятія съ числомъ рабочихъ до 10-ти, отъ 10-ти до 49-ти, отъ 50-ти до 99-ти и т. д. Таблицы II и III характеризуютъ различныя наши губерніи (и болѣе крупные районы) со стороны матеріальнаго содержанія промышленной дѣятельности. Таблица I позволяетъ судить о степени концентраціи промышленной дѣятельности въ томъ или другомъ районѣ.

Текстовая часть труда г. Погожева состоитъ изъ трехъ главъ. Въ первой производится критическая оцѣнка имѣющихся матеріаловъ о численности рабочихъ; во второй и третьей—анализируются данныя этихъ матеріаловъ. Главнымъ матеріаломъ для анализа служили свѣдѣнія, собранныя министерствомъ внутреннихъ дѣлъ въ 1902 г. Намъ неизвѣстенъ способъ собиранія и провѣрки этихъ свѣдѣній, и нельзя сказать, поэтому, насколько они достовѣрны. Но очевидное преимущество ихъ передъ другими матеріалами (которые также подверглись разработкѣ А. В. Погожева) заключается въ полнотѣ. Этого не слѣдуетъ, однако, понимать слишкомъ широко. Какъ данныя 1902 г., такъ и другія свѣдѣнія, разработанныя г. Погожевымъ, обнимая болѣе или менѣе полно крупныя предпріятія большей части отраслей промышленности, лишь случайно коснулись горныхъ заводовъ и производствъ, облагаемыхъ акцизами. Эти-то неполныя данныя и составили матеріалъ, опредѣленнымъ образомъ сгруппированный въ „Приложеніяхъ", по таблица II—распредѣленіе предпріятій по крупнымъ группамъ

производствъ — пополнена заимствованными изъ другихъ источниковъ свѣдѣніями о горной промышленности. Дополнена ли она также свѣдѣніями о производствахъ, обложенныхъ акцизомъ, и можно ли ее поэтому считать обнимающей всѣ промышленныя отрасли — сказать не беремся. Правда, на стр. 34 текста поминается о составленіи „особой сводной таблицы данныхъ по губерніямъ, съ исключеніемъ случайно зарегистрированныхъ горныхъ заводовъ и обложенныхъ акцизомъ заведеній, съ замѣной ихъ общими итогами изъ отчетовъ горнаго департамента и главнаго управленія неокладныхъ сборовъ за 1902 г.". Но есть ли это таблица II „Приложеній" — въ книгѣ не говорится. И хотя общій итогъ рабочихъ таблицы II близко подходитъ къ цифрѣ, приведенной на стр. 35 текста, какъ общеимперской суммѣ фабрично-заводскихъ рабочихъ, опредѣлившейся послѣ поправокъ, о которыхъ только-что шла рѣчь,—но, основываясь на нѣкоторыхъ соображеніяхъ, мы склонны объяснить это совпаденіе случайными обстоятельствами, распространяться о которыхъ здѣсь неумѣстно.

Недоумѣніе читателя возбуждаютъ и нѣкоторыя таблицы, находящіяся въ текстѣ. На стр. 42—46, напр., указывается на то, что въ числѣ 1.890 тыс. рабочихъ, обнятыхъ изслѣдованіемъ 1902 г., находятся 710 тыс. рабочихъ, занятыхъ въ предпріятіяхъ, имѣющихъ не менѣе 1.000 рабочихъ каждое. На стр. 59, общее число рабочихъ въ такихъ крупныхъ предпріятіяхъ опредѣлено уже въ 980 тыс. Возрастаніе на 270 тыс. было слѣдствіемъ того, что число этихъ рабочихъ въ послѣднемъ исчисленіи составлено по даннымъ нѣсколькихъ источниковъ, относящихся къ различнымъ моментамъ періода 1900—1902 гг., причемъ для каждаго заведенія бралась цифра того источника, гдѣ показано наибольшее число рабочихъ. Такой методъ опредѣленій числа рабочихъ, быть можетъ, и заслуживаетъ вниманія; но тогда возникаетъ вопросъ, почему онъ примѣненъ къ опредѣленію численности рабочихъ лишь въ самыхъ крупныхъ, а не во всѣхъ фабрично-заводскихъ предпріятіяхъ. На стр. 71 и 73, данныя 1902 г. распредѣляются между 13-ью крупными группами производствъ, въ числѣ коихъ отсутствуютъ горные заводы, потому что они попадали въ эти матеріалы случайно (стр. 34); но на стр. 91 — 92 къ 13-ти группамъ присоединены еще двѣ,—горные заводы и производства,—обложенныя акцизомъ,—и для составленія этихъ новыхъ группъ урѣзаны нѣкоторыя старыя. При этомъ оказывается, что „случайно" зарегистрированные горные заводы обнимаютъ 233 тыс. рабочихъ. Не останавливаясь на менѣе важныхъ нашихъ недоумѣніяхъ, закончимъ нашу замѣтку нѣсколькими словами о содержаніи текстовой части разсматриваемаго труда.

Въ этой части изслѣдуются вопросы о томъ, какъ распредѣляются

промышленныя предпріятія и занимаемые ими рабочіе по крупнымъ отдѣламъ промышленности, между городами и уѣздами, между крупными и мелкими предпріятіями (а сравнивая свои данныя со свѣдѣніями г. Ильина, относящимися къ болѣе раннимъ временамъ, г. Погожевъ устанавливаетъ степень быстроты концентраціи русской промышленности); какую долю рабочаго персонала промышленныхъ предпріятій составляютъ мѣстные и пришлые рабочіе; какъ распредѣляется этотъ персоналъ по поламъ и возрастамъ; какъ колеблется число рабочихъ по мѣсяцамъ; какое число рабочихъ отрывается отъ фабричнаго труда для земледѣльческихъ работъ; какое число нерабочихъ членовъ семей находилось при фабрично-заводскихъ рабочихъ, и, наконецъ, приводятся свѣдѣнія о времени основанія 14½ тысячъ промышленныхъ предпріятій. Выводы пріобрѣтаютъ большую наглядность, благодаря картограммамъ.

Послѣ всего, что выше говорилось о содержаніи новаго изслѣдованія А. В. Погожева, излишне что-либо прибавлять о значеніи этого труда въ дѣлѣ научнаго изученія нашего фабричнаго быта. — В. В.

IV.

— Сочиненія Пушкина. Изданіе Императорской Академіи Наукъ. Переписка. Подъ редакціей и съ примѣчаніями В. И. Саитова. Томъ первый (1815—1826). Спб. 1906. Стр. 394—in 8°.

Въ основу академическаго изданія переписки Пушкина положены труды покойнаго Л. Н. Майкова, который, работая надъ изданіемъ сочиненій поэта (первый томъ вышелъ подъ редакціей Майкова—въ двухъ изданіяхъ, слѣдовавшихъ одно за другимъ), собиралъ и его письма и снималъ копіи съ тѣхъ, которыя составляли частную собственность. Настоящій томъ переписки, редактируемый В. И. Саитовымъ, представляетъ явленіе высокаго историко-литературнаго интереса: оно заключаетъ въ себѣ первое наиболѣе полное собраніе писемъ Пушкина и къ Пушкину, за время отъ 1815 по 1826 г., обставленное возможными гарантіями научной точности въ воспроизведеніи текста и сохраненіи мельчайшихъ оттѣнковъ историческаго и субъективнаго характера Пушкинскихъ автографовъ.

Г-нъ Саитовъ пользуется заслуженной извѣстностью опытнаго и внимательнаго редактора, и въ его рукахъ дѣло изданія переписки поставлено, можно думать, на прочную почву. „Преслѣдуя правильност. Пушкинскаго текста и согласуясь съ постановленіемъ Пушкинской Коммиссіи относительно точнаго воспроизведенія ороографіи Пушкина, я,—говоритъ г. Саитовъ,—провѣрилъ письма его, бывшія уж

въ печати, по подлинникамъ или по фотографическимъ копіямъ съ нихъ, если только представлялась какая-либо возможность получить то или другое. Такъ же поступилъ я и съ собраніемъ Леонида Николаевича, который признавалъ необходимымъ сохраненіе только характерныхъ особенностей Пушкинскаго правописанія и пунктуаціи. Къ сожалѣнію, нѣкоторые изъ автографовъ, находившихся въ рукахъ Л. Н. Майкова, оказались уже утраченными; другіе остались недоступными мнѣ по другимъ причинамъ".

Переписку Пушкина г. Саитовъ располагаетъ въ строго хронологическомъ порядкѣ. Отъ предшествующихъ изданій оно отличается, кромѣ введенія Пушкинской орѳографіи, своей, какъ уже сказано выше, сравнительной полнотой. Изданы впервые новыя письма Пушкина, дополнены статьи; наряду съ бѣловыми редакціями приведены полностью и черновыя. Затѣмъ, въ книгѣ нашли себѣ мѣсто не только въ узкомъ смыслѣ „письма" Пушкина, но именно „переписка" его, такъ какъ сюда вошли и письма корреспондентовъ Пушкина. „Текстъ переписки,—говоритъ редакторъ въ предисловіи,—продолжающій непрерывно печататься, будетъ обставленъ историческими, литературными, бытовыми и библіографическими примѣчаніями, которыя въ виду сложности работы появляются въ свѣтъ позднѣе".

Письма Пушкина не только являются важнѣйшимъ матеріаломъ для біографіи поэта, но и заключаютъ въ себѣ величайшую внутреннюю цѣнность. Пушкинъ владѣлъ рѣдкимъ даромъ соединять силу, мѣткость, блескъ выраженія глубоко продуманной мысли съ непосредственностью магическаго зеркала, отражающаго самомалѣйшіе оттѣнки настроенія, желанія, чувства. Въ письмахъ своихъ Пушкинъ раскрывался весь до глубочайшихъ тайниковъ своей души и искренностью своею какъ бы опровергалъ Тютчевское „мысль изреченная есть ложь": Пушкинъ говорилъ всегда и то, *что̀* хотѣлъ, и такъ, *какъ* хотѣлъ—выразить свою мысль, и въ письмахъ достигалъ того же, въ чемъ не имѣлъ соперниковъ въ своихъ сочиненіяхъ, а именно внутренней гармоніи между содержаніемъ и формой. Ни одного изъ этихъ качествъ не имѣютъ письма, обращенныя къ лицамъ оффиціальнымъ и писавшіяся вынужденно (напр., его письма къ Бенкендорфу), и только кое-гдѣ пробивалась сквозь дѣловитость и условную оффиціальность стиля нотка неотразимой ироніи, которую могъ почувствовать тотъ, къ кому она была обращена, но придраться къ ней не было возможности, такъ она была тонка и еле уловима (см., напр., письмо Пушкина къ Бенкендорфу, отъ 29-го ноября 1826).

Изъ числа писемъ, обнародованныхъ впервые, одни имѣютъ біографическое, другія—историко-литературное значеніе. Въ 1816 г., дядя Александра Сергѣевича, В. Л. Пушкинъ, убѣждаетъ его уважать и слу-

шаться Карамзина, говоритъ о Вяземскомъ, о своихъ стихахъ. „Желанія твои сходны съ моими,—пишетъ онъ;—я истинно желаю чтобъ *непокойные* стихотворцы оставили насъ въ покоѣ. Ето случиться можетъ только послѣ *дожжика въ четверіъ*. Я хотѣлъ было отвѣчать на твое письмо стихами, но съ нѣкоторыхъ поръ Муза моя стала очень лѣнива, и ее тормошить надобно чтобъ вышло что-нибудь путное. Вяземскій тебя любитъ и писать къ тебѣ будетъ. Николай Михаиловичь въ началѣ Маія отправляется въ Сарское Село. Люби его, слушайся и почитай. Совѣты такого человѣка послужатъ къ твоему добру, и можетъ быть къ пользѣ нашей словесности. Мы отъ тебя многаго ожидаемъ".

Въ письмѣ А. Е. Измайлова (26 іюня 1818 г.) Пушкинъ извѣщается объ „единогласномъ" избраніи его въ члены „с.-петербургскаго вольнаго общества любителей словесности, науки и художествъ". Въ 1820 г., П. А. Вяземскій пишетъ Пушкину („мой милый Сверчокъ") и А. И. Тургеневу о событіяхъ во Франціи, и письмо это вводитъ въ кругъ идей, владѣвшихъ Пушкинымъ въ эту пору и вдохновлявшихъ его на стихотворенія общественнаго и политическаго свойства: „Что скажешь ты, что скажите вы о французскихъ дѣлахъ? Бери, чертъ его бери; но плохо то, что все обрывается на свободу. Уже подали три проекта законовъ изъ коихъ два подкапываются подъ самое зданіе общественныхъ вольностей, угрожая свободѣ личной и свободѣ мысли. Заварится каша. Опять заведутся Конгрессы, эти кузницы оковъ народныхъ: цари станутъ на сторожѣ, народы потерпятъ, да и выдутъ изъ терпѣнія: а намъ все не легче будетъ. Власть любитъ generaлизировать и тамъ, гдѣ идетъ дѣло о мѣрѣ частной принимать мѣры общія. Вотъ и мое Прадтовское пророчество. Я о Франціи плачу какъ о родной. Ей, всѣ друзья свободы, ввѣрили надежды свои въ ростъ: Боже сохрани отъ втораго банкрутства. Если и тутъ опытность не была въ прокъ, то гдѣ же искать Государственной мудрости на землѣ? Куда дѣвать упованія свои на преобразованіе Россіи? Теперь у насъ ни калачемъ не выманишь Конституціи въ Россіи: развѣ придется отыскивать ее собаками? Какіе получаете Вы французскіе листы? Въ l'Independant, который посылается Вельяшеву—la chaussée, все это дѣло и послѣдствія разсказаны хорошо. Что говоритъ объ этомъ Капо и какъ принято было извѣстіе дворомъ?"

Конецъ этого письма, который мы опускаемъ, свидѣтельствуетъ, какими живыми литературными интересами Пушкинъ былъ соединенъ съ Вяземскимъ въ эту пору, когда онъ съ жаромъ отдавался „всѣмъ впечатлѣньямъ бытія". Въ кругъ тѣхъ же интересовъ вводитъ и письмо Вяземскаго, отъ 30 мая 1820, гдѣ любопытны отзывы о Катенинѣ и

Жуковскомъ, и проскальзываетъ мысль о необходимости журнала „съ нравственною и политическою цѣлію“.

Въ дополненномъ видѣ, сравнительно съ прежними изданіями, помѣщено приведенное письмо Пушкина къ Булгарину, отъ 1 февраля 1824 г. (изъ Одессы). Дополненіемъ является начало письма, въ которомъ Пушкинъ предлагалъ помѣстить въ „Сѣверномъ Архивѣ“ два стихотворенія: „Съ искренней благодарностью получилъ я 1-й нумеръ „Сѣвернаго Архива“, полагая, что тѣмъ обязанъ самому почтенному издателю. Съ тѣмъ же чувствомъ видѣлъ я снисходительный вашъ отзывъ о татарской моей поэмѣ. Вы принадлежите къ самому малому числу тѣхъ литераторовъ, коихъ порицанія или похвалы могутъ быть и должны быть уважаемы“.

Въ письмѣ къ кн. Вяземскому (лѣто 1824, изъ Одессы) Пушкинъ высказываетъ общій взглядъ на то, чѣмъ должна быть литература и—въ его жестокое время—увы!—недосягаемый идеалъ. Въ то же время въ головѣ его зрѣетъ проектъ создать собственный журналъ. „То, что ты говоришь на щетъ журнала, давно уже бродитъ у меня въ головѣ. Дѣло въ томъ что на Воронцова нечего надѣяться. Онъ холоденъ ко всему что не онъ; а Меценатство вышло изъ моды—никто изъ насъ не захочетъ великодушнаго покровительства просвѣщеннаго Вельможи. Это обвѣтшало вмѣстѣ съ Ломоносовымъ. Нынѣшняя наша словесность есть и должна быть благородно-независима. Мы одни должны взяться за дѣло и соединиться. Но бѣда! мы всѣ лѣнтяй на лѣнтяѣ—матеріалы есть, матеріалисты есть, но où est le cul de plomb qui poussera ça? гдѣ найдемъ своего составителя, такъ сказать, своего Каченовскаго?... Еще бѣда: мы всѣ прокляты и разсѣяны по лицу земли — между нами сношенія затруднительны, нѣтъ единодушія; золотое къ стати поминутно отъ насъ выскользаетъ— Первое дѣло: должно приструнить всѣ журналы и держать ихъ въ решпектѣ—ничего легче бъ не было, еслибъ мы были вмѣстѣ и печатали бы завтра что рѣшили бы за ужиномъ вчера; а теперь сообщай изъ Москвы въ Одессу замѣчаніе на какую-нибудь глупость Булгарина, отсылай его къ Бирукову въ П.Б. и печатай потомъ черезъ 2 мѣсяца въ revue des bévues. Нѣтъ, душа моя Асмодей отложимъ попеченіе, далеко кулику до петрова дня“...

Мечтамъ поэта суждено было сбыться, какъ извѣстно, значительно позже, незадолго до его кончины, и то въ обстоятельствахъ весьма далекихъ отъ „независимости литературы“. „Лордъ Уоронцовъ“ былъ первымъ камнемъ преткновенія, о который разбились мечтанія Пушкина. Поэтъ былъ высланъ въ Михайловское, и одно изъ приводимыхъ г. Саитовымъ писемъ А. А. Дельвига превосходно передаетъ ту бережную заботливость, съ какой относились друзья къ поэту, и

то состояніе, въ которомъ находилась въ ту пору русская литература, составлявшая предметъ самыхъ горячихъ преобразовательныхъ мечтаній для Пушкина. „Великій Пушкинъ, маленькое дитя!—пишетъ Дельвигъ уже въ Михайловское,—Иди, какъ шелъ, то-есть, дѣлай, что хочешь; но не сердись на мѣры людей и безъ тебя довольно напуганныхъ! Общее мнѣніе для тебя существуетъ и хорошо мститъ. Я не видалъ ни одного порядочнаго человѣка, который бы не бранилъ за тебя Воронцова, на котораго всѣ шишки упали. Ежели-бъ ты пріѣхалъ въ Петербургъ, бьюсь объ закладъ, у тебя бы цѣлую недѣлю была толкотня отъ знакомыхъ и незнакомыхъ почитателей. Никто изъ писателей русскихъ не поворачивалъ такъ каменными сердцами нашими, какъ ты. Чего тебѣ недостаетъ? Маленькаго снисхожденія къ слабымъ. Не дразни ихъ годъ или два, Бога ради! Употреби получше время твоего изгнанія. Продавъ второе изданіе твоихъ сочиненій, пришлю тебѣ и денегъ и, ежели хочешь, новыхъ книгъ. Объяви только волю — какихъ, и много-ли. Журналы всѣ будешь получать. Сестра, братъ, природа и чтеніе: съ ними не умрешь со скуки. Я развѣ буду навозить ее".

Поэта тянуло въ Петербургъ, но Дельвигъ разочаровываетъ его и изображаетъ атмосферу петербургской жизни самыми мрачными красками. Онъ говоритъ кратко, намеками, но намеки эти очень знаменательны въ самый тяжелый годъ аракчеевщины. Примѣчателенъ и тотъ саркастическій тонъ, въ которомъ Дельвигъ говоритъ о Карамзинѣ и Жуковскомъ: „Нѣтъ ничего скучнѣе теперешняго Петербурга. Вообрази, даже простыхъ шалуновъ нѣтъ! Квартальныхъ некому бить. Мертво и холодно,—или, иначе: свѣжо и прохладно. Съ пріѣзда Воейкова изъ Дерпта и съ появленія Булгарина литература наша совсѣмъ погибла. Подлецъ на подлецѣ подлеца погоняетъ. Ѣздятъ въ Грузино, перебиваютъ другъ у друга случай сдѣлать мерзость, алтынничаютъ. Офицеры занимаются новопривезенными изъ Варшавы темпами. Теперь мѣра всѣхъ артикуловъ вотъ какая: разъ, два, три. Карамзинъ теперь въ отчаяніи. Для него одно щастіе—наслаждаться лицезрѣніемъ нашего великодушнаго и благословеннаго Монарха, а онъ путешествуетъ! Жуковскій, я думаю, погибъ невозвратно для Поэзіи. Онъ учитъ великаго князя Александра Николаевича русской грамотѣ и, не шутя говорю, все время посвящаетъ на сочиненіе азбуки".

Сопоставленія, дѣлаемыя г. Саитовымъ, оказываются, такимъ образомъ, весьма важными именно для опредѣленія того круга мыслей и чувствъ, который отразился въ Пушкинскихъ письмахъ. Они являются драгоцѣннымъ дополненіемъ къ тѣмъ письмамъ, которыя появляются впервые. Однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ въ настоящемъ изданіи является письмо къ Вяземскому, гдѣ Пушкинъ даетъ характеристику

современной ему критики, а затѣмъ вводитъ своего корреспондента въ знаменитую исторію съ Пушкинскимъ аневризмомъ. Поэтъ указывалъ на него, какъ на поводъ ѣхать лечиться на воды, и прибѣгнулъ къ этому поводу, какъ къ самому сильному средству испросить у правительства разрѣшенія покинуть Михайловское заточеніе. Извѣстны письма Пушкина къ Жуковскому по этому поводу, письма, дышащія горечью и сарказмомъ. Вяземскому Пушкинъ подробно разсказываетъ весь ходъ дѣла. Сначала о критикѣ. „Самъ съѣшь!—Замѣтилъ-ли ты что всѣ наши журнальныя Анти-критики основаны на самъ съѣшь? Булгаринъ говоритъ Федорову: Ты лжешь, Фед. говоритъ Булг—у самъ ты лжешь. Пинскій говоритъ Полевому: ты невѣжда, Полевой возражаетъ Пинскому: ты самъ невѣжда. Одинъ кричитъ: ты крадешь! другой: самъ ты крадешь! — и всѣ правы. — Итакъ, самъ съѣшь, мой милый; ты самъ „ищешь полудня въ четырнадцать часовъ"...

„Очень естественно что милость Царская огорчила меня, ибо новой милости не смѣю надѣяться—а Псковъ для меня хуже деревни, гдѣ по крайней мѣрѣ я не подъ присмотромъ полиціи. Вамъ легко на досугѣ укорять меня въ неблагодарности а были бы вы (чего Боже упаси) на моемъ мѣстѣ, такъ можетъ быть пуще моего взбѣлѣнились. Друзья обо мнѣ хлопочутъ а мнѣ хуже да хуже. Сгоряча ихъ проклинаю одумаюсь, благодарю за намѣреніе, какъ Езуитъ, но все же мнѣ не легчѣ. Аневризмомъ своимъ дорожилъ я пять лѣтъ какъ послѣднимъ предлогомъ къ избавленію, ultima ratio libertatis—и вдругъ послѣдняя моя надежда разрушена проклятымъ дозволеніемъ ѣхать лѣчиться въ ссылку! Душа моя, по неволѣ голова кругомъ пойдетъ— Они заботятся о жизни моей; благодарю — но чортъ-ли въ эдакой жизни. Гораздо ужъ лучше отъ не-леченія умереть въ Михайловскомъ".

Столь же любопытно и, можетъ быть, вноситъ новыя черты въ біографію Пушкина тоже впервые обнародованное въ настоящемъ изданіи другое письмо поэта къ Вяземскому, гдѣ онъ проситъ „позаботиться и пріютить очень милую и добрую дѣвушку", которая оказазась въ ожиданіи ребенка... „Ты видишь, что тутъ есть о чемъ написать цѣлое посланіе во вкусѣ Жуковскаго о попѣ; но потомству не нужно знать о нашихъ человѣколюбивыхъ подвигахъ. При семъ съ отеческою нѣжностью прошу тебя позаботиться о малюткѣ"...

Интересна и переписка съ кн. В. Ѳ. Вяземской и А. Н. Вульфъ [?], открывающая цѣлыя неизвѣстныя прежде стороны душевной жизни и личности поэта. Съ большимъ нетерпѣніемъ будемъ ожидать продолженія почтеннаго труда В. И. Саитова и въ особенности его библіографическихъ и историко-литературныхъ примѣчаній.

Изъ мелкихъ открытій по Пушкинской литературѣ за послѣднее время отмѣтимъ появившуюся въ декабрьской книжкѣ „Былого" (1906)

переписку петербургскаго оберъ-полицеймейстера Горголи съ II. Я. Убри (начальникомъ Пушкина по его службѣ въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ) объ одной изъ „предерзостей" Пушкина, и Н. О. Лернера — и „О перевозкѣ тѣла камеръ-юнкера Пушкина для погребенія въ Псковскую губернію" (рядъ документовъ) въ февральской книжкѣ „Русской Старины" (1906).

V.

— Соперники христіанства. Статьи по исторіи античныхъ религій. Проф. Спб. университета Ѳ. Зѣлинскаго. Спб. 1907; стр. 407 in 8°.

Намъ приходилось уже высказывать общій взглядъ на очерки проф. Ѳ. Ф. Зѣлинскаго, по поводу двухъ первыхъ томовъ его статей, объединенныхъ подъ общимъ заглавіемъ „Изъ жизни идей". Глубокое воодушевленіе автора античнымъ міромъ и его культурой придаетъ философско-поэтическій колоритъ его изложенію и, вмѣстѣ съ глубиной эрудиціи и смѣлостью обобщеній, составляетъ отличительную черту его работъ. Настоящій томъ содержитъ непосредственное продолженіе упомянутой серіи. „Подъ „соперниками христіанства" здѣсь разумѣются,—говоритъ авторъ, — тѣ теченія античной религіозной и міросозерцательной мысли, которыя въ большей или меньшей степени удовлетворяли тѣмъ же потребностямъ человѣческой души, какъ и христіанство, и поэтому должны были вступить съ нимъ въ борьбу. Въ этомъ томѣ собраны тѣ изъ нихъ, которыя, будучи исконно греческаго происхожденія, подверглись болѣе или менѣе значительному вліянію либо римскаго, либо восточнаго генія: къ первой группѣ относятся статьи: „Римъ и его религія", „Древнее христіанство и римская философія" и „Античная гуманность"; ко второй — „Гермесъ Трижды-Величайшій", „Елена Прекрасная" и „Умершая наука". Особнякомъ стоитъ послѣдняя, синтетическая статья „Трагедія вѣры", представляющая античную религію въ борьбѣ съ различными теченіями христіанской.

Большинство этихъ статей знакомо читателямъ „Вѣстника Европы"; только двѣ—„Елена Прекрасная" и „Древнее христіанство и римская философія"—напечатаны были въ другихъ журналахъ; статьи „Умершая наука" и „Трагедія вѣры" являются въ значительно измѣненномъ видѣ.

Въ статьѣ „Елена Прекрасная" авторъ возстановляетъ скрытый смыслъ древнѣйшаго международно-европейскаго миѳа о богинѣ вѣчной молодости и красоты, нисходящей на землю, чтобы вмѣшаться въ борьбу темныхъ и свѣтлыхъ силъ, и слѣдить за развитіемъ этого миѳа на греческой почвѣ. Символика развивается въ трехъ направленіяхъ

Елена-мудрость; Елена-луна, владычица чаръ, и Елена-эллинизмъ, воплощеніе эллинской красоты и смѣлости. Эти три элемента жили въ сознаніи греческаго народа въ ту эпоху, когда началась борьба между христіанствомъ и религіями классическаго Запада. Въ образѣ Елены эллинизмъ вторгается въ христіанскую ересь, поднятую Симономъ-Магомъ, который въ Самаріи развиваетъ то движеніе, которое Гарнакъ опредѣляетъ „острою эллинизаціей христіанства". Самый же образъ Елены Прекрасной (воплощеніе мудрости=луны=эллинской красоты и смѣлости) развился изъ народныхъ традицій и воплотился въ такъ называемыхъ „климентинахъ" — древнѣйшемъ романѣ въ христіанской литературѣ. По роману — Симонъ-Магъ и Елена (похищенная имъ у „новаго Менелая" — Досиѳея) разъѣзжаютъ, волхвуютъ и вводятъ людей въ соблазнъ и гибель. Изложеніе автора пролагаетъ чрезвычайно интересные пути и средневѣковымъ сказаніямъ. Разсказавъ о личности Симона-Волхва, „отца всѣхъ ересей", какимъ онъ рисуется въ романѣ, г. Зѣлинскій излагаетъ фабулу романа, который преимущественное вниманіе удѣляетъ, впрочемъ, не Симону, а Клименту, который былъ ученикомъ Петра, а позже — римскимъ папой. Романъ разсказываетъ, что Климентъ былъ сыномъ знатнаго римлянина Фауста; его братъ Фаустинъ былъ пріобщенъ къ еврейской вѣрѣ, затѣмъ сдѣлался ученикомъ Симона-Мага и едва не поплатился за это своей душой. „Его спасаетъ апостолъ Петръ; благодаря его вѣщему дару, разрозненная семья—отецъ и сыновья—соединяются. Но Симонъ не уступаетъ безъ боя; когда его диспуты съ Петромъ кончаются для него неудачей, онъ прибѣгаетъ къ своему сокровенному дару, къ магіи и волшебству. Благодаря его искусству, Фаустъ, отецъ обоихъ братьевъ, измѣняетъ свою наружность, такъ что всѣ принимаютъ его за самого Симона. Но Петръ и эту уловку обращаетъ во вредъ ея автору: въ образѣ Симона Фаустъ отправляется въ Антіохію, гдѣ раньше училъ настоящій Симонъ, и тамъ торжественно отрекается отъ симоніанской ереси, признавая ученія Петра".

„Художественное значеніе романа,—говоритъ авторъ далѣе, — не особенно велико; очевидно, для автора главнымъ было ученіе самого апостола, сама же романическая рамка имѣетъ для него лишь второстепенное значеніе. Все же она для насъ очень интересна; кто умѣетъ отдѣлять идею отъ ея формы, тотъ не можетъ не преклониться передъ пророческимъ духомъ того человѣка, который именно Елену избралъ символомъ эллинской красоты и мудрости въ этомъ послѣднемъ бою, данномъ эллинскими богами за свое царство. Бой былъ ими проигранъ; подъ знаменемъ креста вступило европейское человѣчество въ новую эпоху своего существованія".

Въ эпоху Возрожденія снова становится понятной идея борьбы

античнаго идеала съ христіанскимъ. „Произошелъ новый ожесточенный бой; реформація сразилась съ гуманизмомъ и поборола его. Теперь старинная легенда стала понятна: Фаустинъ - богоискатель, Фаустъ-превращенный — таковъ былъ герой новаго времени. Итакъ, Фаустомъ зовется человѣкъ, грѣховнымъ путемъ стремящійся къ совершенству; этимъ онъ подпадаетъ власти врага-превращателя, воскрешающаго для него Елену, какъ предметъ его пламенныхъ желаній. Фаустъ и Елена—эта чета смѣнила отнынѣ древнехристіанскую чету, Симона и Елену. И эта чета несомнѣнно принадлежитъ дьяволу: духъ реформаціонной реакціи — духъ строгій и нетерпимый, въ его раю нѣтъ мѣста для сверхчеловѣка. Такова была „народная книга о докторѣ Фаустѣ", изданная въ 1587 г.".

Реформація не убила духа Возрожденія, но въ новѣйшемъ культурномъ міросозерцаніи между этими боровшимися прежде силами заключается прочный и плодотворный миръ. „Народность, античность, христіанство—эти три главныя культурныя силы современнаго человѣчества вступили въ союзъ между собою; въ лицѣ Гёте новая Европа окончательно усыновила древняго титана; Гретхенъ, Елена, Mater Gloriosa — послѣдовательно направляютъ Фауста на его пути черезъ борьбу и страданія къ спасенію".

Въ неменѣе интересной статьѣ „Древнее христіанство и римская философія" пр. Зѣлинскій изслѣдуетъ тѣ принципы, изъ-за которыхъ произошло столкновеніе между римской философіей (Цицеронъ) и христіанствомъ (блаж. Августинъ). „Въ сущности,—говоритъ авторъ, — весь антагонизмъ между Цицерономъ и Августиномъ можетъ быть сведенъ къ одной коренной антитезѣ, представляемой различными взглядами того и другого на *цѣнность человѣческой природы*. Цицеронъ и вообще античность ставятъ эту природу очень высоко; Августинъ—очень низко. Если же мы, продолжая наше изслѣдованіе, спросимъ себя далѣе, чѣмъ же объясняется это различіе взглядовъ, то придется отъ логики перейти къ психологіи: оно вытекаетъ не изъ какого-либо другого основного принципа, а изъ основного настроенія античнаго и христіанскаго міра. Основное настроеніе античнаго міра, выражаясь его собственными словами—μεγαλοψυχία, animi magnitudo; буквальный русскій переводъ—„величіе души", не передаетъ требуемаго смысла („великодушіе", конечно, и того менѣе). Μεγαλοψυχία—это настроеніе человѣка, который знаетъ себѣ цѣну и ставитъ себя не выше, но и не ниже того мѣста, котораго онъ достоинъ; у насъ съ понятіемъ исчезло и слово. Напротивъ, основное настроеніе христіанскаго міра — „смиреніе".

Побѣда Августина оказалась лишь теоретической; на практикѣ осуществилось примиреніе античной и спеціально-римской философіи

съ христіанствомъ. Авторъ подчеркиваетъ въ заключительныхъ строкахъ своего очерка, что мы не должны забывать одного: въ девизѣ разумнаго христіанскаго общества — ora et labora—мы обязаны второй частью девиза — labora—римской философіи.

VI.

— Сочиненія А. П. Щапова. Въ 3 томахъ (съ портретомъ). Т. I—II. Спб. Изданіе Пирожкова, 1906, in 8°.

Сочиненія Щапова, разсѣянныя большею частью по многочисленнымъ періодическимъ изданіямъ и брошюрамъ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ, давно уже стали достояніемъ однихъ библіофиловъ. Переизданіе ихъ въ полномъ собраніи сочиненій, предпринятое г. Пирожковымъ, нельзя не привѣтствовать, прежде всего какъ справедливую дань писателю, оставившему замѣтный слѣдъ въ исторіи нашего умственнаго и общественнаго развитія. Исторической любознательности раскрывается широкій просторъ для опредѣленія того „новаго слова", которое внесъ Щаповъ въ общую работу русской общественной мысли своими разнообразными изученіями и темпераментомъ борца-публициста.

Изъ статей перваго тома центральное значеніе для уясненія міросозерцанія Щапова имѣетъ его обширная работа — „Русскій расколъ старообрядства, разсматриваемый въ связи съ внутреннимъ состояніемъ русской церкви и гражданственности въ XVII вѣкѣ и въ первой половинѣ XVIII", и затѣмъ статьи о земствѣ и расколѣ, о земствѣ и сельской общинѣ. Эти статьи намѣчаютъ и развиваютъ тотъ типичный для Щапова и людей Щаповскаго склада кругъ идей, который направлялся преимущественно на вопросъ участія народныхъ массъ въ русской исторической жизни и на роль этого участія въ развитіи областного начала.

Щаповъ первый въ свое время разсмотрѣлъ расколъ не только какъ религіозное, но какъ исторически-бытовое и соціальное явленіе. Въ расколѣ Щаповъ видѣлъ „церковно-гражданскій демократизмъ", „подъ покровомъ мистико-апокалипсическаго символизма, отрицаніе реформы Петра Великаго, возстаніе противъ иноземныхъ началъ русской жизни, вопль противъ имперіи и правительства, смѣлый протестъ противъ подушныхъ переписей, податей „и даней многихъ", противъ рекрутства, крѣпостного права, областного начальства и т. п.— это многознаменательное выраженіе народнаго взгляда на общественный и государственный порядокъ Россіи, проявленіе недовольства

низшихъ классовъ народа, плодъ болѣзненнаго, страдательнаго, раздраженнаго состоянія духа народнаго".

На свою работу Щаповъ смотрѣлъ какъ на первую попытку раскрыть историческія причины появленія и распространенія въ Россіи раскола старообрядства. Въ связи съ этимъ выростали своеобразныя формы исторической жизни народныхъ массъ въ областяхъ религіозной, умственной, нравственной, гражданской. За Щаповымъ пошли въ томъ же направленіи изслѣдователи, какъ Аристовъ, Формаковскій, Андреевъ и др., поставившіе вопросъ объ изученіи раскола на научную почву.

Въ своихъ историческихъ работахъ Щаповъ выдвигалъ на первый планъ значеніе „народосовѣтія" и федеративнаго начала. Въ статьѣ „Земскій соборъ 1648—1649 и собраніе депутатовъ 1767 годовъ" Щаповъ опредѣляетъ важное значеніе земскихъ соборовъ въ „исторіи народной" такимъ образомъ: „Оглядывая бѣглымъ взоромъ всю прошедшую исторію русской земли, начиная отъ Рюриковской закладки государства и до екатерининской первоосновы, организаціи общества,— мы видимъ, что земскія собранія народа представляютъ двигательныя, осново-положительныя или земско-устроительныя явленія въ русской исторіи. Земскимъ собраніемъ и совѣтомъ начинается наша исторія, полагается закладка, первооснова государственнаго союза. Задолго до начала исторіи, по русской землѣ бродили все инородческія—финскія, чудскія племена. Вотъ приходятъ славяне, и изъ починка своего— Славно-Торга, и изъ другого ростка своей исторіи—изъ чудскаго города Ростова, проводятъ, *по землѣ и по водѣ*, свою гостиную или торгово-промышленную и земледѣльческую колонизацію, среди чудскихъ земель и племенъ, основываютъ славяно-русскія земскія общины, области, земли, государства. Не мечъ, а миръ, любовь, совѣтъ и союзъ принесли славяне инородцамъ. И вотъ вступаютъ въ федеративный союзъ съ чудскими инородцами, и вмѣстѣ, дружно, единодушно начинаютъ исторію земскимъ собраніемъ и совѣтомъ 862 года. „Возстали славяне, и кривичи, и чудь, и меря на варяги, и изгнали ихъ за море, и начали сами собою владѣть и города ставить".

Здѣсь характерно, конечно, не научно-историческое обоснованіе вопроса, а его, если можно такъ выразиться, техническое примѣненіе къ идейно-политическимъ теченіямъ начала шестидесятыхъ годовъ. Дальнѣйшее представленіе о ходѣ исторической жизни разсматривается Щаповымъ подъ тѣмъ же угломъ зрѣнія. „При разложеніи родовыхъ общинъ, при слабости, неокрѣплости племенного федеративнаго союза—племенное земское самоуправленіе было нестройно и неблагоустроительно. Нужно было связать племена, для организаціи одного народа, болѣе прочнымъ, соединительнымъ началомъ. И вотъ,

снова славяне, и кривичи, и чудь, и меря сходятся на земскій совѣтъ, и призываютъ князей-собирателей, соединителей племенъ въ одинъ народъ. Началась дальнѣйшая колонизаціонная обстройка областей, организація областныхъ земскихъ общинъ, въ федеративной связи—по землѣ и по водѣ. Стали возникать, путемъ вольно-народнаго, земско-областного самоустройства, починки областныхъ земскихъ совѣтовъ и вѣчей. Долго починки эти свободно росли и крѣпли, и въ корнѣ своемъ, откуда началось и федеративное соединеніе племенъ, и свободное самоустройство и саморазвитіе областей—въ Великомъ Новгородѣ— въ вѣчѣ новгородскомъ начинали уже расцвѣтать въ многозначительныхъ своеобразныхъ формахъ. Но вотъ, по выраженію лѣтописи, настала зима, настало насиліе большое московское, прилетѣлъ многокрылый орелъ, исполненный крылъ и львовыхъ когтей—и зачатки земско-областныхъ, вѣчевыхъ міровъ были побиты. Только корень ихъ уцѣлѣлъ, неискоренимо хранился въ почвѣ народной—въ обычаяхъ народныхъ, особенно въ обычаяхъ сельскихъ міровъ".

Вмѣстѣ съ развитіемъ племенной жизни до формъ областныхъ земскихъ общинъ росла и идея земскихъ собраній и совѣтовъ и возросла до принципа и формы государственнаго земскаго собора и совѣта. Такова была „теорія" Щапова, которая, по его собственному признанію, была его idée fixe до 1863 г. Она составляетъ характерный документъ историко-общественнаго настроенія для своего времени.

Во второмъ томѣ будутъ останавливать на себѣ вниманіе историковъ—статьи Щапова, посвященныя изученію вопросовъ объ „историко-географическомъ распредѣленіи русскаго народонаселенія", и о этнографической и историко-этнографической его организаціи. Въ статьѣ „Общій взглядъ на исторію интеллектуальнаго развитія въ Россіи" (1867) Щаповъ дѣлитъ, реформой Петра В., всю исторію интеллектуальнаго развитія на двѣ части. „Первоначальное всецѣлое занятіе русскаго народа физико-географическимъ или земскимъ самораспредѣленіемъ и самоустройствомъ и починочнымъ физико-экономическимъ самообзаведеніемъ и самообезпеченіемъ—дѣлало невозможнымъ развитіе высшихъ умственныхъ, мыслительныхъ способностей, а обусловливало только первоначальное физико-географическое воспитаніе и дѣтское, первобытное проявленіе низшихъ познавательныхъ способностей—чувствъ, памяти и воображенія. Вслѣдствіе этого, до Петра Великаго въ Россіи не было никакого высшаго интеллектуальнаго развитія, не было и зачатковъ научной, теоретической мысли".

Въ дальнѣйшемъ ходѣ изложенія (статья—„Историческія условія интеллектуальнаго развитія въ Россіи") Щаповъ задается цѣлью прослѣдить „постепенный зародышъ и развитіе въ Россіи, подъ вліяніемъ генія Петра Великаго и западной мысли и науки, новаго, европей-

скаго интеллектуальнаго типа въ Россіи, и тѣ препятствія или противодѣйствія, какія его развитію оказывалъ старый умственный складъ русскаго народа".

Этотъ взглядъ также весьма типиченъ для того міросозерцанія, представителемъ котораго былъ Щаповъ: если онъ не создавалъ эры въ открытіяхъ исторической науки, то будилъ и серьезную научную, и плодотворную общественную мысль: въ его время одно съ другимъ было связано. И многія изъ высказанныхъ имъ идей вошли въ обиходъ культурнаго общества, утративъ связь съ именемъ того, кѣмъ онѣ были высказаны впервые.

Отдѣльно изданное сочиненіе Щапова „Соціально-педагогическія условія развитія русскаго народа" не вошло въ напечатанные тома; надо думать—оно войдетъ въ третій томъ.

Большимъ недочетомъ изданія является отсутствіе въ немъ біографическаго очерка и руководящей статьи. — Евг. Л.

VII.

— Р. Трейманъ. Тираноборцы. Monarchomah(ch?)en. Переводъ съ нѣмецкаго подъ ред. и съ предисловіемъ проф. М. А. Рейснера. Спб. 906; стр. 112 in 8°. Ц. 50 к.

Книжка Треймана посвящена вопросу, равно интересному для спеціалиста по государственному праву и для историка,—вопросу о государственной теоріи группы литературныхъ борцовъ послѣдней четверти XVI вѣка, получившихъ названіе „монархомаховъ". Это ученіе—первое опредѣленное и яркое выступленіе на борьбу съ абсолютными монархіями ученія о народномъ верховенствѣ, о правѣ народовъ опредѣлять свою форму правленія и ее отмѣнять. Въ эту эпоху въ Европѣ совершался колоссальный переворотъ хозяйственныхъ и соціальныхъ отношеній, и на смѣну средневѣковому феодальному строю выступали нарождавшійся капитализмъ, растущіе городскіе классы и средніе слои населенія; въ культурно-религіозной области шло революціонное движеніе реформаціи, а въ области политической обострялась сильная борьба городскихъ и среднихъ сословій противъ абсолютизма королевской власти (религіозныя войны во Франціи, нидерландская и шотландская революціи и т. д.). Въ это время въ литературѣ нѣкоторыхъ странъ (Франціи, Нидерландовъ, Шотландіи, Испаніи) появляется революціонное ученіе „монархомаховъ". Мысль о всемірной монархіи — преемницѣ римской имперіи—постепенно теряетъ свою средневѣковую яркость и силу, идея о единой самодержавной христіанской церкви расшатывается подъ ударами реформаціоннаго дви-

женія,—и основными вопросами государственнаго права въ эту эпоху являются вопросы объ устройствѣ *національныхъ* государствъ и о *границахъ* государственной власти въ дѣлахъ вѣры. Національные государи борются за усиленіе своей абсолютной власти; въ религіозныхъ войнахъ и реформаціонныхъ смутахъ идетъ упорная борьба этихъ государей за подчиненіе церкви и совѣсти подданныхъ подъ свою власть: очень понятно, что ученія монархомаховъ, противоположныя этимъ вожделѣніямъ, получаютъ боевое значеніе. Монархомахи—представители буржуазіи по соціальному положенію и протестанты (и только отчасти іезуиты) по религіи—развиваютъ обширную агитаціонную литературу, играютъ крупную идейную роль въ политической борьбѣ. Начавъ съ идеи объ ограниченности власти государя въ религіозныхъ дѣлахъ своихъ подданныхъ, монархомахи переходятъ къ идеѣ объ ограниченіи королевской власти волею народа и къ теоріи „договоровъ“ народовъ со своими государями; въ пылу борьбы противъ враждебныхъ ихъ требованіямъ „тиранновъ“ они доходятъ до восхваленія убійствъ своихъ царственныхъ враговъ и—что̀ гораздо важнѣе—до юридическаго признанія за народами *права* свергать и убивать нарушающихъ волю и интересы народа государей.

Р. Трейманъ съ большимъ трудолюбіемъ изучилъ сочиненія всѣхъ выдающихся монархомаховъ и изложилъ сжато и въ опредѣленной системѣ всѣ ихъ взгляды на государство и его происхожденіе, на право государей и народовъ на тиранноубійство. Книжка была бы очень полезной въ нашей научной литературѣ, еслибъ... проф. Рейснеръ не имѣлъ странной мысли издать ее въ ложно-популярномъ и совершенно ненаучномъ видѣ. Во-первыхъ, въ книжкѣ выпущено много цѣнныхъ примѣчаній и цитатъ изъ изучаемыхъ авторовъ, что̀, конечно, искажаетъ книгу, не содѣйствуя притомъ и ея общедоступности: въ ней осталось еще много цитатъ, латинскихъ и даже греческихъ. Совершенно непростительнымъ для редактора-ученаго является пропускъ списка сочиненій монархомаховъ и литературы о нихъ (напечатаннаго въ нѣмецкомъ оригиналѣ), что̀, конечно, совершенно обезцѣниваетъ весь научный аппаратъ примѣчаній и дѣлаетъ совсѣмъ невозможнымъ какія бы то ни было справки. Но что̀ хуже всего—это совершенно безграмотный переводъ. Отдѣльныя неточныя или нелитературныя мѣста мы даже затрудняемся привести—пришлось бы перепечатывать фразу за фразой всей книги. „Высокоподнятыя требованія“, „отечественныя государства“, „заборъ противъ произвола“, рядъ искаженій—показываютъ съ очевидностью, что переводчикъ не знаетъ ни предмета, ни нѣмецкаго (да даже и русскаго) языка. Въ утѣшеніе переводчику мы можемъ отмѣтить, что конецъ книжки переведенъ лучше: очевидно, переводъ нѣсколькихъ десятковъ страницъ

принесъ ему пользу и научилъ его разбираться въ нѣмецкихъ словахъ. Мы бы совѣтовали ему и дальше продолжать эти полезныя для него упражненія,—но печатать онъ бы лучше еще подождалъ. Для небрежности изданія характерно, что даже нѣмецкое названіе книги напечатано на заглавныхъ листахъ дважды неграмотно!

Въ обширномъ предисловіи г. Рейснеръ дѣлаетъ попытку поставить все историческое явленіе „монархомаховъ" на почву классовой борьбы, на почву экономической и соціальной эволюціи, пережитой въ Европѣ въ ту эпоху. Онъ правильно отмѣчаетъ (это оттѣнено, впрочемъ, и самимъ авторомъ), что монархомахи, представители выроставшей буржуазіи, стремились къ власти не всего „народа", а лишь среднихъ и высшихъ слоевъ населенія. По поводу самой теоріи о тиранноубійствѣ онъ тоже правъ, говоря, что это ученіе вообще свойственно въ особенности буржуазной психологіи. Но г. Рейснеръ напрасно затушевываетъ то огромное революціонное значеніе, которое имѣло это выступленіе „буржуазной демократіи", третьяго сословія, для исторіи сверженія феодально-абсолютнаго уклада европейскихъ государствъ.—П. Ш—ій.

VIII.

— Г. И. Бобриковъ. Государственность въ современности. Спб. 1907.

Сущность этой книжки можетъ быть выражена въ немногихъ словахъ: старый порядокъ довелъ Россію до позора и истощенія не своими органическими недостатками, а по разнымъ случайнымъ причинамъ, по винѣ отдѣльныхъ распорядителей, вслѣдствіе неудачнаго выбора министровъ, администраторовъ и командировъ въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ; самъ по себѣ этотъ порядокъ превосходенъ, и для благотворнаго дѣйствія его нужно только измѣнить качества, стремленія и понятія правящаго класса посредствомъ настойчивой проповѣди нравственныхъ, патріотическихъ и религіозныхъ идей. Авторъ надѣется убѣдить кого слѣдуетъ, что добродѣтель лучше порока; что умные и старательные чиновники полезны для отечества; что хищники и карьеристы должны проникнуться чувствомъ долга и возвыситься до безкорыстнаго служенія государству, что самодержавіе въ рукахъ Петра Великаго и Екатерины II приноситъ отличные результаты, и что всѣ безпокойные защитники народныхъ правъ и интересовъ обязаны отречься отъ своихъ идеаловъ и подчиниться руководству властей предержащихъ, въ ожиданіи ихъ добровольнаго усовершенствованія и преобразованія. Одни лишь носители власти знаютъ, что̀ нужно народу и какія реформы выведутъ его на спасительный путь; выборное на-

родное представительство отнюдь не должно вмѣшиваться въ предначертанія бюрократіи, дѣйствующей по Высочайшему уполномочію, и если совершаются при этомъ роковыя ошибки, то съ этимъ надо мириться изъ уваженія къ русской государственности.

Авторъ не объясняетъ въ точности, что̀ онъ разумѣетъ подъ сло̀вомъ „государственность"; въ его устахъ это—нѣчто безпощадно-грозное, несовмѣстимое съ свободнымъ развитіемъ народа, но тѣмъ не менѣе обязательное съ точки зрѣнія національнаго патріотизма. Гдѣ населеніе не чувствуетъ надъ собою гнета вооруженной силы, гдѣ различные элементы его живутъ и развиваются свободно, не стѣсняясь,—тамъ государственность ослаблена или уничтожена; величайшія опасности представляются автору въ тѣхъ странахъ и мѣстностяхъ, гдѣ народъ вполнѣ доволенъ своимъ правительствомъ и не ждетъ отъ него крутыхъ мѣръ въ отместку за пользованіе широкой гражданской свободой и равноправіемъ. Если держаться взглядовъ Г. И. Бобрикова, то пришлось бы заключить, что въ самомъ худшемъ положеніи находится „государственность" въ Англіи, и что, пожалуй, вся британская имперія съ ея могуществомъ и міровымъ значеніемъ есть только призракъ, лишенный реальной почвы. У насъ „язва" свободной мѣстной жизни зародилась въ Финляндіи, и оттуда она „стала распространяться на всѣ части и другія окраины государственной территоріи" (стр. 124); между тѣмъ эта же зловредная язва лежитъ въ основѣ всего государственнаго быта Великобританіи и сознательно прививается даже въ странѣ, недавно еще завоеванной оружіемъ послѣ упорной войны,—въ Трансваалѣ. Очевидно, Англія стремится къ гибели; она совершенно не заботится о той государственности, которая такъ волнуетъ г. Бобрикова и его единомышленниковъ,—она предоставляетъ шотландцамъ жить по-шотландски, ирландцамъ—быть ирландскими патріотами, индусамъ—устраивать національные конгрессы, побѣжденнымъ бурамъ—имѣть свое самостоятельное управленіе съ участіемъ бурскихъ генераловъ. Только у насъ понимаютъ, что̀ значитъ „высоко держать государственное знамя, чтобы подъ его сѣнь неудержимо стремились племена и народности" (стр. 125); оттого наше отечество издавна процвѣтаетъ, и всѣ его племена и народности неудержимо стремятся подъ сѣнь генералъ-губернаторовъ и градоначальниковъ, тогда какъ злосчастные англичане осуждены довольствоваться своимъ парламентомъ и своими выборными мѣстными учрежденіями. Какъ бы плохи ни были наши сановники, „руководившіе событіями въ своихъ личныхъ, эгоистическихъ и мелкихъ цѣляхъ", но все-таки они лучше и выше западно-европейскихъ парламентскихъ министровъ. „И, вникая въ сущность современныхъ явленій,—говоритъ Г. И. Бобриковъ,—приходится убѣждаться, что зданіе державы

Россійской стоитъ непоколебимо, что камни его попрежнему прочны и доброкачественны, что русскій народъ попрежнему безпредѣльно преданъ своему православному царю-самодержцу, а крестьянство, купечество и дворянство свято хранятъ завѣты старины,—но что цементъ ослабъ, понемногу разсыпаясь пескомъ. Флотъ погибъ и война проиграна вовсе не потому, что Россія (т.-е. русская самодержавная бюрократія?) будто бы одряхлѣла и ослабѣла, что русскіе люди хуже дрались, а потому, что дѣйствіями ихъ управляли: одеревенѣлая рутина, эгоистическій разсчетъ личнаго честолюбія, отрицательныя качества ума и сердца" (стр. 84—85).

Другими словами, управленіе было не только рутинное, но и прямо недобросовѣстное и преступное, какъ подтверждаетъ авторъ во многихъ мѣстахъ своей книжки, съ указаніемъ соотвѣтственныхъ фактовъ; управляли же и управляютъ разными вѣдомствами исключительно лица, назначенныя Высочайшею властью и пользующіяся особымъ ея довѣріемъ, а потому существующій государственный строй долженъ быть признанъ вполнѣ прочнымъ и доброкачественнымъ. Что касается стремленія къ народной свободѣ и къ конституціоннымъ гарантіямъ, то это есть „своеволіе зла, направленное къ попранію законности и всѣхъ тѣхъ священныхъ началъ, которыми держится всякое общество и которыми всегда была сильна святая Русь" (стр. 2); люди съ красными флагами мечтаютъ о жестокой борьбѣ, „чтобы на развалинахъ стараго міра создался новый, хотя бы съ полнымъ уничтоженіемъ накопленной вѣками цивилизаціи и погибелью всего современнаго общества", (тамъ же). Отъ этихъ ужасовъ спасаетъ страну заботливая правительственная опека, которую и надо сохранить во всей ея неприкосновенности вопреки „понятіямъ сбившагося съ пути общества" (стр. 5). Нечего и думать о допущеніи у насъ политическихъ партій, по заграничному образцу; „нужно благодарить судьбу за сохранившееся единство, хотя и несовершеннаго качества",—единство, при которомъ борьба ведется лишь, съ одной стороны, между правительствомъ и обществомъ, а съ другой—между различными вѣдомствами, между разными придворными вліяніями, между соперниками по карьерѣ и положенію. Конечно, нѣкоторыя второстепенныя реформы необходимы; напримѣръ, въ военномъ министерствѣ „систематически умалялось значеніе генераловъ, даже постоянно урѣзывалась имъ честь отъ войскъ, а размѣръ содержанія прямо ставился въ зависимость отъ министерскаго усмотрѣнія" (стр. 43). Разсужденія Г. И. Бобрикова дышатъ искренней убѣжденностью и добросовѣстностью; они отражаютъ идеи, господствующія въ нашихъ вліятельныхъ сферахъ, и въ этомъ заключается ихъ глубоко-печальный смыслъ.

Л. С.

Въ мартѣ мѣсяцѣ поступили въ Редакцію нижеслѣдующія новыя книги и брошюры:

Андреевъ, В. Н.—Юго-западныя желѣзныя дороги. Кіевъ, 906.

Аріянъ, П.—Первый Женскій Календарь на 1907 годъ. Спб. 907. Ц 1 р. 25 к.

Бобриковъ, Г. И.—Государственность въ современности. Спб. 907. Ц. 75 к.

Бобровъ, Евг. проф.—Дѣла и люди. Собраніе статей. Юрьевъ. 907. Ц. 1 р. 50 к.

Бриксъ, А.—Рѣзаніе металловъ. Строганіе. Спб. 906. Ц. 2 р.

Брянчаниновъ, А. Н.—Междодумье. Вып. I: Сборникъ матеріаловъ для характеристики положенія передъ созывомъ второй Думы. Спб. 907. Ц. 1 р. 50 к.

В., В.—Судьба капиталистической Россіи. Экономическіе очерки Россіи. Спб. 907. Ц. 1 р.

Волковъ, В.—Защита правъ въ Англіи путемъ арбитража. Спб. 907.

Грибовскій, В. М.—Памятники русскаго законодательства XVIII столѣтія. Вып. I: Эпоха Петровская. Спб. 907.

Демчинскій, Б.—Христосъ въ революціи. Фантазія. Спб. 907. Ц. 80 к.

Дицгенъ, Г.—Экскурсіи соціалиста въ область теоріи познанія. Съ нѣм. Б. Вейнбергъ, п. р. П. Дауге. Спб. 907. Ц. 50 к.

Догановичъ, Анна.—Три. Бытовые разсказы. Ц. 40 к.

Жервэ, Ник. — Кадетскіе, юнкерскіе и офицерскіе годы С. Я. Надсона. Очеркъ, съ 3 портр. По воспоминаніямъ его товарища и письмамъ поэта. Спб. 907. Ц. 75 к.

Засуличъ, В. И.—Сборникъ статей. Т. II. Спб. 907. Ц. 2 р. 50 к.

Исаевъ. А,—Индивидуальность и соціализмъ. Спб. 907. Ц. 30 к.

Каменскій, Анат.—Разсказы. Т. I. Спб. 907. Ц. 1 р.

Карѣевъ, Н.—Письма къ учащейся молодежи. Изд. 9-ое. Спб. 907. Ц. 50 к.

Козловъ, П. К. — Монголія и Камъ. Труды экспедиціи Имп. Русск. Геогр. Общества въ 1899—1901 гг. Т. VIII, вып. послѣдній. Спб. 906.

Кокаровъ, М. И.—Труды перваго всероссійскаго съѣзда по педагогической психологіи въ 1906 г. Спб. 906. Ц. 1 р. 20 к.

Картшинъ, А.—Къ вопросу о патолого-гистологическихъ измѣненіяхъ въ здоровой на видъ кожѣ у сифилитиковъ. Спб. 907.

Львовъ, Ал.—Новые земельные законы. Спб. 907. Ц. 20 к.

Мельниковъ (Сибирякъ), Н. К.—Два міра. Къ вопросу объ отдѣленіи церкви отъ государства. Очеркъ. Берлинъ, 907. Ц. 90 к.

Мережковскій, Д.—Трилогія.—Христосъ и Антихристъ. III. Спб. 906. Ц. 3 р.

Митрофановъ, П.—Политическая дѣятельность Іосифа II, ея сторонники и ея враги (1780—1790). Спб. 907. Ц. 3 р.

Мижуевъ, П. Г.—Народные университетскіе дома въ Лондонѣ. Со статьей Сиднея Вебба: „Лондонскій Политехникумъ". 2-е изд. Спб. 907. Ц. 75 к.

Наживинъ, Ив.—Менэ, Тэкелъ, Фаресъ. Романъ. М. 907. Ц. 2 р.

Пановъ, Н. А.—Впередъ! Стихотворенія послѣднихъ лѣтъ. Съ портретомъ автора и факсимиле. Спб. 907. Ц. 50 к.

Пантелеховъ, М.—Тишина и старина. Повѣсть. Спб. 907. Ц. 1 р. 50 к.

Пашинская, Е., и *Де-Турже-Туржанская*, Е.—Безправныя. Очерки и разсказы. Смол. 907. Ц. 50 к.

——— Модная мастерская „Мадамъ Полинъ". Сцена въ 3-хъ дѣйствіяхъ. Смол. 906.

Поповъ, И. И. — Дума народныхъ надеждъ. Очеркъ дѣятельности первой русской Думы и Государственнаго Совѣта. М. 907. Ц. 85 к.

Пясецкій, Л.—Алгебра для среднихъ учебныхъ заведеній. Ч. II: Дроби и уравненія первой степени. Спб. 907. Ц. 25 к.

Ренанъ, Эрнестъ. — Антихристъ. Перев. Е. В. Святловскаго. Спб. 907. Ц. 1 р. 50 к.

Рогедэръ, д-ръ мед.—Для врачей, воспитателей и родителей.—Онанизмъ, причины, сущность, предупрежденіе и леченіе. Полный переводъ съ нѣмецк. д-ра Б. Е. Шехтера. Изд. 2-е, исправленное, кн. магаз. Н. Аскарханова. Спб. Ц. 2 р.

Стасюлевичъ, М.—Исторія среднихъ вѣковъ въ ея писателяхъ и изслѣдованіяхъ новѣйшихъ ученыхъ. III. Періодъ третій: отъ крестовыхъ походовъ до открытія Америки, 1096—1492 гг. Часть первая: Эпоха крестовыхъ походовъ, XII и XIII ст. Отдѣлъ I: Крестовые походы, 1096—1291 гг. 3-е изданіе. Спб. 907. Ц. 3 р. съ пересылкою.

Тайновъ, И. Г. — Международные разсчеты съ основанными на золотѣ и переводныхъ векселяхъ арбитражами и паритетами. Спб. 907. Ц. 5 р.

Унтерманъ, Э.—Антоніо Лабріола и І. Дицгенъ. Съ нѣм. П. Наумовъ, п. р. П. Дауге. Спб. 907. Ц. 25 к.

Шейдъ, проф.—Химическіе опыты для юношества. Перев. Е. Ельчаниновъ. Одесса. 907. Ц. 1 р. 20 к.

— Галлерея шлиссельбургскихъ узниковъ. П. р. Н. Анненскаго, В. Богучарскаго, В. Семевскаго и П. Якубовича. Ч. I. Съ 29 потр. Спб. 907. Ц. 3 р.

— Законы и инструкціи по рыболовству, дополняющіе Уставъ сельскаго хозяйства. Спб. 907.

— Изданія „Посредника: 1) Л. Н. Толстой: I. О жизни. II. О новомъ жизнепониманіи. Ц. 35 к. 2) Въ чемъ моя вѣра? Ц. 40 к. 3) И. П. Ювачевъ (Миролюбовъ). Шлиссельбургская крѣпость. Ц. 80 к. 4) В. Гюго, Осужденный на смертную казнь. Съ франц. Ц. 15 к. 5) Л. Н. Толстой, За что? Разсказъ изъ временъ польскихъ возстаній. Ц. 8 к. М. 907.

— Научно-промысловыя изслѣдованія въ сѣверной части Кавказскаго побережья Чернаго моря и въ Керченскомъ проливѣ. 1902 г. Вып. 1: 1) Н. Бородинъ, Введеніе и общій обзоръ экспедиціи. 2) А. Лебединцевъ, Матеріалы по гидрологіи с.-в. части Чернаго моря. Спб. 906.

— Обзоръ коммерческой дѣятельности юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ за 1895—1904 гг. Первое 10-лѣтіе ю.-з. ж. дорогъ въ казенномъ управленіи. Кіевъ. 906.

— Отзывы наиболѣе распространенныхъ финляндскихъ газетъ по поводу преступнаго распространенія нелѣпыхъ слуховъ „о вооруженіи Финляндіи". Спб. 907.

— Перепись Москвы 1902 года. Ч. I: Населеніе. Вып. 3-й: Населеніе пригородовъ Москвы по занятіямъ, вѣроисповѣданію и родному языку, съ данными о безработныхъ и увѣчныхъ. М. 906.

— Почтово-телеграфная статистика за 1905 годъ. Спб. 907.

— Правописаніе Сербовъ и Болгаръ, славянъ, принявшихъ кириллицу Проектъ 1904 г. по упрощенію русскаго правописанія. Тифл. 907.

— Проекты школьныхъ зданій. Ч. I. Изд. Саратовск. губ. земства. Саратовъ. 907.

— Политическая Энциклопедія. П. р. Л. З. Слопимскаго. Т. I, вып. 4-ый: Выборы—Драга. Спб. 907. Ц. 1 р.

— Статистическій Ежегодникъ Московской губерніи за 1906 годъ. Ч. I. М. 907.

— Украïна. Науковий та литературно-публицистичний щомiсячний журналъ. Рiк перший. Т. I: февраль. У Киïвi. 907.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 апрѣля 1907 г.

Отзывы иностранной печати о русскихъ дѣлахъ. — „Times" о министерской декларацiи нашего премьера. — Причины возможныхъ недоразумѣній. — Проектъ новой Гаагской конференціи. — Замѣчанія проф. Ѳ. Ѳ. Мартенса. — Вопросъ о сокращеніи военныхъ бюджетовъ. — Новое правительство въ Трансваалѣ. — Волненія въ Румыніи.

Заграничная печать съ большимъ вниманіемъ слѣдитъ за дѣятельностью нашей второй Государственной Думы и удѣляетъ много мѣста отчетамъ объ ея засѣданіяхъ. Высказываемыя по этому поводу сужденія о русскихъ дѣлахъ значительно разнятся отъ прошлогоднихъ; русское правительство какъ будто возвысилось въ общественномъ мнѣніи, благодаря „конституціоннымъ" рѣчамъ нашего премьера, и сама Дума представляется болѣе дѣловитою, несмотря на разнородность и искусственную неудовлетворительность ея состава. Такіе авторитетные òрганы, какъ лондонскій „Times", откровенно выражаютъ свое сочувствіе нашимъ министрамъ и серьезно ждутъ отъ нихъ осуществленія необходимыхъ реформъ при помощи Государственной Думы. „Декларація г. Столыпина о политикѣ русскаго правительства, — говоритъ „Times" въ нумерѣ отъ 20-го марта, — весьма замѣчательна по своему содержанію. Премьеръ не только не сказалъ меньше, чѣмъ ожидали, но трудно даже предположить, чтò онъ могъ сказать больше. Онъ возвѣщаетъ цѣлую сѣть мѣропріятій, которыми ни одна область русской жизни не оставляется нетронутою. Онъ не отступаетъ передъ фразами, выражающими сущность этихъ реформъ самымъ недвусмысленнымъ образомъ. Россія, по его словамъ, должна быть преобразована въ конституціонное государство; дѣло идетъ объ установленіи новаго режима. Чтобы русскій премьеръ употреблялъ такія выраженія предъ лицомъ Думы, — это само по себѣ несомнѣнно поучительно, и можно надѣяться, что урокъ не пройдетъ безслѣдно даже для крайнихъ партій. Два года тому назадъ все это казалось бы невозможнымъ; политично ли игнорировать великое значеніе совершившейся перемѣны? Заявленія г. Столыпина указываютъ отчасти на преобразованіе всего существующаго строя. Они имѣютъ въ виду, однако, не революцію, а строго конституціонную эволюцію, исходящую изъ принциповъ, уже установленныхъ въ теоріи манифестомъ 17 октября. Очевидно, г. Столыпинъ держится того взгляда, что новыя условія жизни должны быть осуществлены на дѣлѣ; для этого нужны новые

законы, которыми будутъ обезпечены и проведены обѣщанныя реформы. Весь вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ между государствомъ и частными гражданами долженъ быть разобранъ и выясненъ. Нѣтъ сомнѣнія, что современное состояніе Россіи вполнѣ оправдываетъ г. Столыпина въ его предположеніи, что предстоитъ еще выполнить главную часть преобразовательной работы; онъ сдѣлалъ мужественное усиліе включить ее цѣликомъ въ свою министерскую программу,— по крайней мѣрѣ все то, что̀ могло по справедливости ожидаться отъ правительства. Нѣтъ сомнѣнія, что въ этомъ слѣдуетъ видѣть усиліе добросовѣстнаго и мужественнаго человѣка. Можно даже думать, что онъ взялъ на себя слишкомъ много, и конечно, эта обширная программа составляла бы слишкомъ тяжелое бремя для самаго благонамѣреннаго правительства и парламента. Она носитъ на себѣ, быть можетъ, нѣкоторые слѣды стариннаго славянскаго стремленія къ быстрымъ перемѣнамъ. Но положеніе признается критическимъ, многое спрашивается отъ правительства, и г. Столыпинъ, вѣроятно, поступаетъ разумно, выдвигая одновременно столько задачъ. Остается теперь наблюдать, поддержитъ ли г. Столыпина большинство Думы и дастъ ли оно ему справедливую возможность выполненія реформъ. Это кажется теперь для Россіи единственной надеждой на мирную перемѣну, и въ общемъ признаки могутъ считаться благопріятными. Если Дума сердечно поддержитъ г. Столыпина, она можетъ сдѣлать великое дѣло для Россіи; если же она окажетъ противодѣйствіе и поставитъ ему преграды, то выиграютъ лишь тайные враги прогресса".

Подобные отзывы и совѣты иностранныхъ публицистовъ, особенно такихъ компетентныхъ цѣнителей конституціонализма, какъ англичане, безспорно интересны для русской публики; но они, очевидно, заключаютъ въ себѣ какое-то коренное недоразумѣніе, зависящее отъ малаго знакомства съ нашею печальною дѣйствительностью. Выходитъ какъ будто, что у насъ существуетъ добросовѣстное конституціонное правительство, стремящееся къ крупнымъ государственнымъ преобразованіямъ для пользы страны, и что оно почему-то встрѣчаетъ противодѣйствіе и обструкцію со стороны оппозиціонныхъ партій, которыя, слѣдовательно, не желаютъ ни конституціи, ни мирныхъ реформъ. Иностранцы не знаютъ или упускаютъ изъ виду, что почти вся Россія находится подъ гнетомъ произвола мѣстныхъ и центральныхъ властей, облеченныхъ издавна особыми неограниченными полномочіями, и что это безправное положеніе народа и общества могло бы быть смягчено или отмѣнено въ каждый данный моментъ по доброй волѣ правительства, такъ какъ введеніе и снятіе усиленной или чрезвычайной охраны зависятъ всецѣло отъ правительственной власти; между тѣмъ министерство П. А. Столыпина, подобно предшествовавшимъ ему

кабинетамъ Витте-Дурново и Горемыкина, упорно держится за свои исключительныя полномочія, устраняющія дѣйствіе всякихъ законныхъ гарантій для обывателей, и этотъ ненормальный порядокъ вещей, созданный въ главныхъ чертахъ еще въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, сохраняется во всей его неприкосновенности понынѣ, несмотря на созывъ Государственной Думы. Въ то время какъ премьеръ произноситъ въ Думѣ хорошія слова о правовомъ государствѣ и о господствѣ законности, ежедневно съ разныхъ концовъ Россіи, не исключая столицъ, высылаются административнымъ порядкомъ десятки и сотни русскихъ „гражданъ" въ разныя отдаленныя мѣста, безъ всякаго подобія суда и разбирательства, по секретнымъ, никѣмъ не провѣреннымъ доносамъ и рѣшеніямъ, причемъ сами ссылаемые и ихъ семейства оставляются въ полной неизвѣстности относительно причинъ и мотивовъ этихъ суровыхъ карательныхъ мѣръ. И все это дѣлается отъ имени самого премьера, въ силу занимаемой имъ должности министра внутреннихъ дѣлъ. Какъ совмѣстить или примирить эту практику беззаконія съ доброжелательными заявленіями о законности и о необходимыхъ конституціонныхъ реформахъ, — объ этомъ иностранцы не думаютъ, потому что реальныя особенности нашего государственнаго быта имъ неизвѣстны, и они судятъ о правительствѣ только по публичнымъ рѣчамъ и заявленіямъ министровъ. Если эти многообѣщающія рѣчи вызываютъ у насъ недовѣріе или холодное равнодушіе, то виновато въ этомъ не общественное мнѣніе и не большинство Государственной Думы, а все направленіе нашей внутренней политики, направленной главнымъ образомъ на борьбу съ приверженцами народной свободы и конституціи. Благосклонные совѣты, высказываемые заграничною печатью по поводу нашихъ русскихъ дѣлъ, должны были бы относиться не къ Государственной Думѣ, а къ тѣмъ лицамъ и дѣятелямъ, которые до сихъ поръ не могутъ и не хотятъ разстаться съ преимуществами бюрократическаго самовластья и произвола, вопреки конституціоннымъ реформаторскимъ обѣщаніямъ и заявленіямъ, предназначеннымъ какъ будто скорѣе для иностранной, чѣмъ для отечественной публики.

Внѣшнія и внутреннія невзгоды, выпавшія на долю Россіи за послѣднее время, не мѣшаютъ нашему правительству задаваться широкими планами въ области международныхъ отношеній. Русская дипломатія непремѣнно желаетъ сохранить за собою руководящую роль въ дѣлѣ усовершенствованія и дальнѣйшаго практическаго развитія международнаго права. Въ газетахъ появилось слѣдующее оффиціозное сообщеніе:

„Русскимъ представителямъ заграницею поручено передать пра-

вительствамъ циркулярное сообщеніе о второй Гаагской конференціи. Сообщеніе констатируетъ, что русская программа конференціи 1906 г. принята всѣми державами, и перечисляетъ оговорки, сдѣланныя отдѣльными державами относительно этой программы. Три правительства, а именно: американское, испанское и англійское, предлагаютъ дополнить русскую программу вопросомъ объ ограниченіи вооруженій, а американское, сверхъ того, и вопросомъ о порядкѣ взысканій государственныхъ долговыхъ обязательствъ. Далѣе, рядъ государствъ оговариваетъ свое право вносить самостоятельныя предложенія по вопросамъ, связаннымъ съ русской программой, но ею прямо не указываемымъ. Англійское и японское правительства заявляютъ, что оставляютъ за собою право воздерживаться отъ участія въ тѣхъ преніяхъ по содержанію русской программы, которыя, по ихъ мнѣнію, не способны привести къ удовлетворительнымъ результатамъ. Германія и Австро-Венгрія дѣлаютъ ту же оговорку въ болѣе общей формѣ, намѣреваясь воздерживаться отъ обсужденія всѣхъ вообще вопросовъ, которые не могутъ, въ ихъ глазахъ, получить практическаго разрѣшенія. Русское правительство, дѣлая со своей стороны однородную оговорку, заявляетъ, что сохраняетъ въ силѣ свою прежнюю программу трудовъ конференціи. Въ заключеніе циркулярное сообщеніе указываетъ, что русскому представителю въ Гаагѣ поручено просить голландское правительство разослать окончательныя приглашенія на конференцію, открытіе которой могло бы послѣдовать въ срединѣ предстоящаго іюня".

Представитель нашего министерства иностранныхъ дѣлъ, проф. Ѳ. Ѳ. Мартенсъ, былъ командированъ за-границу съ спеціальною цѣлью подготовить почву для новой Гаагской конференціи, выяснить и точнѣе опредѣлить главнѣйшіе пункты ея программы, предупредить возможныя недоразумѣнія и пререканія и заранѣе условиться съ заинтересованными правительствами для обезпеченія правильнаго хода предположенныхъ работъ. Въ бесѣдѣ съ сотрудникомъ „Temps" профессоръ Мартенсъ высказалъ нѣсколько общихъ замѣчаній, не лишенныхъ интереса. „Отъ многихъ, даже въ Россіи, я слышалъ удивленіе,— замѣтилъ онъ, между прочимъ, —по поводу того, что императорское правительство, несмотря на трудность внутренняго положенія, думаетъ еще о созывѣ въ Гаагѣ уполномоченныхъ сорока-семи державъ. Я могъ бы отвѣтить, что, быть можетъ, наши внутреннія затрудненія на дѣлѣ менѣе значительны, чѣмъ полагаютъ заграницей. Прибавлю, что нашъ императоръ, бывшій иниціаторомъ первой конференціи мира, сохранилъ за собою право продолжать начатое дѣло. Притомъ мы имѣемъ въ этихъ дѣлахъ свои традиціи. Вспомните Екатерину II и лигу вооруженнаго нейтралитета, послужившую основаніемъ декларации 1856 года; вспомните брюссельскую конференцію 1874 года. Мы

гордимся этими пачинаніями. Мы видимъ въ этомъ часть нашего нравственнаго достоянія. И мы полагаемъ, что ничто въ нашихъ современныхъ обстоятельствахъ не препятствуетъ намъ слѣдовать теперь по тому же пути“.

Конечно, какъ оффиціальный представитель русской дипломатіи, Ѳ. Ѳ. Мартенсъ можетъ и отчасти даже обязанъ быть оптимистомъ при оцѣнкѣ нашего современнаго политическаго положенія; но едва-ли онъ имѣлъ основаніе разсчитывать на довѣрчивость иностранцевъ въ такой мѣрѣ, чтобы отрицать прямую связь переживаемаго нами кризиса съ международнымъ вліяніемъ и авторитетомъ Россіи, какъ великой державы. Наши внутреннія затрудненія, которыя такъ умаляетъ профессоръ Мартенсъ, вызваны тяжелыми и грозными ударами несчастной войны, легкомысленно затѣянной нашимъ правительствомъ; а эти удары, раскрывшіе предъ всѣми эфемерность нашего военнаго могущества и несостоятельность всего нашего государственнаго строя, уже никакъ не могутъ считаться безразличными для внѣшней роли и предпріимчивости русской дипломатіи. Послѣ Севастополя, гдѣ мы имѣли дѣло съ цѣлой европейской коалиціею, Россія долго и вполнѣ сознательно воздерживалась отъ активнаго участія въ общей европейской политикѣ; неужели же послѣ Портъ-Артура, Мукдена и Цусимы, послѣ ряда неслыханныхъ нораженій, испытанныхъ нами въ борьбѣ съ небольшою азіатскою державою, и послѣ потери притомъ почти всего нашего флота, мы можемъ еще гордо выступать предъ Европой въ роли устроителей новыхъ международныхъ порядковъ, какъ будто ничего особеннаго съ нами не случилось? Неужели позоръ японской войны не коснулся нашего министерства иностранныхъ дѣлъ и нисколько не повліялъ на самомнѣніе руководителей нашей внѣшней политики? Или у насъ утратилась уже чувствительность къ извѣстнымъ щекотливымъ положеніямъ, и намъ ничего не стоитъ навлекать на себя ядовитые намеки и насмѣшки, къ которымъ невольно можетъ подать поводъ дѣятельное участіе Японіи въ занятіяхъ конференціи, созванной по почину Россіи? Намъ кажется, что, даже при отсутствіи у насъ какихъ-либо внутреннихъ замѣшательствъ и волненій, было обязательно для правительства соблюдать принципъ скромнаго воздержанія въ международныхъ дѣлахъ и не брать на себя инипіативы въ предпріятіи, интересующемъ одинаково всѣ великія и малыя державы. Еслибы послѣ японскаго разгрома наша государственная власть сама вступила на путь коренныхъ реформъ и стала во главѣ прогрессивнаго общественнаго движенія, подобно тому, какъ это было послѣ Севастополя, то можно было бы еще понять готовность обновленной или обновляющейся Россіи возбудить вопросъ объ усовершенствованіи международнаго права; но пока правительство борется

еще съ освободительнымъ движеніемъ собственнаго своего народа и пока этотъ народъ живетъ еще подъ гнетомъ безправія, до тѣхъ поръ забота о реформѣ международнаго права могла быть смѣло предоставлена другимъ, болѣе счастливымъ и дѣйствительно передовымъ культурнымъ націямъ.

Въ программу созываемой Гаагской конференціи входятъ, между прочимъ, болѣе точное регулированіе правилъ и обычаевъ сухопутной войны, ограниченіе правъ воюющихъ сторонъ на морѣ, улучшеніе способовъ мирнаго разрѣшенія международныхъ споровъ и т. п. Русское правительство всегда стояло за смягченіе ужасовъ внѣшней войны, какъ справедливо напоминаетъ Ѳ. Ѳ. Мартенсъ,—но едва-ли удобно хлопотать о такомъ смягченіи въ то самое время, когда въ борьбѣ съ внутренними врагами безпрепятственно практикуются и одобряются мѣры, давно осужденныя международнымъ правомъ войны, какъ, напримѣръ, разрушеніе частныхъ домовъ и имуществъ, или обстрѣливаніе открытыхъ и мирныхъ городовъ, вродѣ Сѣдлеца. Въ значительной части Россіи существуетъ военное положеніе, при которомъ возможны всякія случайности, въ зависимости отъ взглядовъ и усердія отдѣльныхъ командировъ, и потому намъ всего менѣе подобало поднимать вопросы о соблюденіи гуманности на войнѣ, при столкновеніяхъ съ внѣшнимъ непріятелемъ. Съ какой бы точки зрѣнія ни взглянуть на дѣло, имѣть ли въ виду международный престижъ Россіи или ея внутреннее состояніе, во всякомъ случаѣ нельзя не признать, что проектъ созыва новой Гаагской конференціи совершенно некстати выдвинутъ нашей дипломатіею. Однако, этотъ ошибочный шагъ является въ сущности довольно безобиднымъ въ практическомъ отношеніи и не угрожаетъ намъ серьезными практическими послѣдствіями; быть можетъ, онъ даже соотвѣтствуетъ скрытымъ желаніямъ и надеждамъ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ государствъ. Обсужденіе полезныхъ для человѣчества реформъ не приноситъ вреда даже при невозможности достигнуть какихъ-либо положительныхъ результатовъ; этимъ, вѣроятно, руководствовалось британское правительство, предложившее включить въ программу конференціи вопросъ объ ограниченіи вооруженій или военныхъ бюджетовъ. Англійскій премьеръ, сэръ Кемпбелль-Баннерманъ, напомнилъ, что первоначальная идея, побудившая созвать первую Гаагскую конференцію, заключалась именно въ стремленіи положить предѣлъ непрерывно возрастающимъ вооруженіямъ, разорительнымъ для народовъ, и эту мысль онъ предлагаетъ теперь развить и дополнить, придать ей цѣлесообразную практическую форму, чтобы сдѣлать ее предметомъ серьезнаго разсмотрѣнія въ Гаагѣ. Сэръ-Кемпбелль-Баннерманъ отстаивалъ эту идею въ публичныхъ рѣчахъ и даже напечаталъ объ этомъ статью въ новомъ еженедѣльномъ жур-

налѣ „Nation"; въ томъ же духѣ высказывается и президентъ Соединенныхъ штатовъ, Рузевельтъ. Само собою разумѣется, что главныя континентальныя державы Европы, основывающія свое могущество на численности и боевой готовности своихъ армій, смотрятъ на подобные планы, какъ на невинныя мечтанія, хотя ничего не имѣютъ противъ академическаго обсужденія ихъ на международной конференціи; этотъ же отрицательный взглядъ, по словамъ проф. Ѳ. Ѳ. Мартенса, раздѣляется и русскимъ правительствомъ.

Намъ неизвѣстно, по какимъ собственно мотивамъ наша дипломатія отрекается отъ попытки или надежды ограничить военные бюджеты по взаимному соглашенію заинтересованныхъ государствъ; такого рода попытка, даже потерпѣвъ неудачу, возбудила бы общее сочувствіе и послужила бы естественнымъ логическимъ оправданіемъ русской инипіативы созыва конференціи. Россія имѣла бы весьма вѣскія данныя къ тому, чтобы считать безполезнымъ содержаніе чрезмѣрно многочисленной постоянной арміи въ мирное время для цѣлей войны или обороны. Всѣ вооруженныя силы Японіи на сушѣ не превышали 350.000 человѣкъ; эта цифра признавалась максимальною, и она именно и ввела въ заблужденіе наше военное вѣдомство, привыкшее разсчитывать лишь на постоянный обязательный составъ регулярныхъ войскъ. На этомъ разсчетѣ была основана твердая увѣренность въ нашей неминуемой побѣдѣ послѣ доставки на театръ войны четырехсотъ тысячъ солдатъ; ибо тогда вся японская армія въ совокупности была меньше нашей дѣйствующей арміи въ Манчжуріи, и, слѣдовательно, численное превосходство было бы за нами безусловно обезпечено. Въ дѣйствительности, мы постепенно довели общую цифру нашихъ войскъ на театрѣ войны до 700 и даже 800 тысячъ человѣкъ; а японцевъ вездѣ оказывалось больше — и при Лаоянѣ, и при Мукденѣ, и при всѣхъ происходившихъ встрѣчахъ. Имѣя всего около 350.000 солдатъ, Японія выставила противъ насъ, быть можетъ, вдвое больше людей, и повсюду она подавляла насъ не столько численностью, сколько качествомъ и вооруженіемъ своихъ войскъ. Чѣмъ объяснить это странное явленіе? Откуда Японія брала свои огромныя военныя силы, и почему онѣ дѣйствовали противъ насъ такъ успѣшно, даже когда на нашей сторонѣ былъ несомнѣнный численный перевѣсъ? Дѣло въ томъ, что японцы располагали отличными военными кадрами, къ которымъ непрерывно примыкали свѣжія силы резервистовъ и ополченцевъ; регулярныя войска составляли лишь ядро, постоянно пополняемое ополченіемъ, причемъ въ послѣдній періодъ войны привлекались къ военнымъ дѣйствіямъ чуть не старики и подростки. Тѣмъ не менѣе, эти разнородныя по составу военныя силы сражались превосходно, потому что у японцевъ главное вниманіе обращено было на качество

и обиліе вооруженія и на искусство и опытность въ пользованіи артиллеріею. У насъ же, наоборотъ, наибольшее значеніе придавалось численности арміи, и наименьше заботъ посвящалось достоинству и количеству боевыхъ орудій, какъ и умѣлому употребленію ихъ и общему искусству командованія. Оттого, располагая почти милліонною регулярною арміею въ предѣлахъ Азіи, мы оказались безсильными противъ азіатской державы, имѣвшей всего около 350 тысячъ войска. Опытъ японской войны долженъ былъ убѣдить насъ въ томъ, что численное превосходство регулярной арміи далеко не служитъ надежной основою реальнаго военнаго могущества, что гораздо важнѣе обладаніе возможно лучшимъ вооруженіемъ и наличность хорошихъ кадровъ, обильно пополняемыхъ въ случаѣ надобности притокомъ подготовленныхъ ополченцевъ. Мы могли бы съ пользою для дѣла сократить нашъ военный бюджетъ на половину и имѣть лучшую, сильнѣе вооруженную армію, обставленную всѣми усовершенствованіями военной техники,—тогда какъ теперь, при колоссальныхъ военныхъ расходахъ, увеличеніе численности войскъ парализуетъ или крайне затрудняетъ техническую подготовку войскъ, отодвигая на задній планъ вопросъ о качествахъ вооруженія и командованія. Вотъ почему, не только въ интересахъ Россіи и русскаго народа, но и въ интересахъ арміи, наше правительство должно было бы присоединиться къ мысли сэра Кемпбелля-Баннермана и сознательно выступить въ защиту благодѣтельнаго проекта, казавшагося столь утопичнымъ при созывѣ первой конференціи въ 1899 году.

Къ сожалѣнію, у насъ вообще не дѣлалось и не дѣлается никакихъ поучительныхъ выводовъ изъ тяжкихъ испытаній русско-японской войны, и наша дипломатія, насколько можно судить по заявленіямъ Ѳ. Ѳ. Мартенса, остается такою же, какою была до Мукдена и Цусимы: новая Гаагская конференція будетъ для нея только повтореніемъ или продолженіемъ первой. Но Россія теперь—не та, какая была въ 1899 году; она находится въ періодѣ обновленія, и народные интересы пріобрѣли въ ней уже нѣкоторое право гражданства, наряду съ искусственными интересами оффиціально-бюрократическими. При настоящихъ условіяхъ вопросъ о сокращеніи военныхъ бюджетовъ, поднятый Англіею и Соединенными штатами, заслуживалъ бы внимательной и энергической поддержки со стороны Россіи, и было бы въ высшей степени желательно, чтобы по этому важному предмету успѣла своевременно высказаться наша Государственная Дума. Безъ включенія этого жизненнаго вопроса въ программу конференціи послѣдняя получаетъ характеръ какой-то случайной, произвольной затѣи, и русскій починъ въ ея созывѣ не могъ бы быть разумно мотивированъ.

Истинно-англійскіе патріоты нерѣдко выражаютъ свой патріотизмъ въ такихъ формахъ, которыя должны казаться возмутительными нашимъ истинно-русскимъ націоналистамъ. Трансвааль, завоеванный англичанами послѣ долгихъ кровавыхъ усилій, получилъ не только свой особый парламентъ, но и свое особое отвѣтственное министерство, во главѣ котораго поставленъ извѣстный герой бурской войны, генералъ Бота. Недавніе рѣшительные враги Англіи, дѣйствовавшіе противъ нея съ оружіемъ въ рукахъ, свободно живутъ и распоряжаются въ странѣ, выбираются въ депутаты и министры, вмѣсто того, чтобы подвергнуться ссылкѣ въ какія-нибудь отдаленныя мѣста центральной Африки. Крамольные британскіе дѣятели допустили такимъ образомъ потерю Трансвааля для британской короны: Трансвааль представляетъ собою уже не завоеванный край, занятый англійскими войсками и чиновниками, а свободную, самоуправляющуюся область, подъ высшимъ контролемъ британскаго генералъ-губернатора, лорда Сельборна. Недавно граждане Преторіи устроили банкетъ въ честь новаго министерства, причемъ генералъ Бота произнесъ любопытную рѣчь. Оказывается, что бывшій предводитель буровъ, сдѣлавшись главою конституціоннаго кабинета, превратился въ искренняго друга и приверженца Англіи. „Британскіе интересы—сказалъ Бота—будутъ въ полной безопасности въ рукахъ новаго министерства. Всѣ убѣдятся, что трансваальскій кабинетъ будетъ старательно охранять честь британскаго флага, такъ какъ этого требуютъ достоинство и интересы стараго туземнаго населенія. Жители Трансвааля побуждаются къ этому чувствами глубокой благодарности за то, что король и британское правительство оказали необыкновенное довѣріе трансваальскому народу дарованіемъ свободной конституціи. Возможно ли, чтобы буры когда-нибудь забыли подобное великодушіе? Министерство приложитъ всѣ усилія къ тому, чтобы создать единую великую націю, всѣ части которой должны быть проникнуты взаимнымъ уваженіемъ и довѣріемъ. Отвѣтственное правительство установлено и въ Оранжевой колоніи, и кабинетъ будетъ стремиться къ объединенію всей южной Африки". Изложивъ затѣмъ практическую программу своего министерства, генералъ Бота въ заключеніе упомянулъ о своемъ намѣреніи отправиться въ Англію на предстоящую колоніальную конференцію, надѣясь „имѣть случай высказать свои взгляды предъ королемъ, министрами его величества, коллегами изъ другихъ колоній и всѣмъ народомъ британской имперіи".

Трансваальскій парламентъ послѣ непродолжительной сессіи отсрочилъ свои засѣданія до начала іюня. Сессія имѣла чисто-дѣловой характеръ и не давала повода ни къ какимъ конфликтамъ, въ виду существованія полнаго довѣрія между парламентомъ и министерствомъ

Обсуждались проекты мѣстныхъ законовъ, предлагались мѣры для улучшенія быта рабочихъ и для обезпеченія правильнаго развитія горной промышленности, и при этомъ не обнаруживалось уже признаковъ стараго разлада между бурами и англичанами. Послѣ закрытія сессіи городъ Іоганнесбургъ, главный центръ промышленнаго англійскаго населенія, давалъ оффиціальный банкетъ министрамъ, подъ предсѣдательствомъ мэра, при участіи всѣхъ выдающихся мѣстныхъ дѣятелей и въ томъ числѣ представителей оппозиціи. Генералъ Бота, отвѣчая на тостъ, предложенный въ честь министерства, указалъ на важное культурное значеніе Іоганнесбурга, которое должно постоянно возрастать въ будущемъ. „Какъ бы ни расходились мы въ политическомъ отношеніи,—продолжалъ онъ—мы обязаны соціально работать вмѣстѣ, и я не сомнѣваюсь, что въ скоромъ времени мы сойдемся и политически. Теперь, когда мы живемъ подъ однимъ флагомъ и состоимъ подданными одной имперіи, мы должны прекратить наши прежнія распри, забыть наши разногласія, помогать другъ другу въ улаживаніи нашихъ затрудненій. Англичане и буры одинаково преданы теперь британскому флагу. Мы довѣряемъ Британіи, и мы хотимъ, чтобы Британія намъ довѣряла. Намъ нуженъ просторъ, чтобы мы могли устраивать наши собственныя дѣла по своему усмотрѣнію". Рѣчь трансваальскаго премьера была принята всѣми съ живѣйшимъ сочувствіемъ. Не мѣшаетъ напомнить, что Іоганнесбургъ былъ всегда средоточіемъ вражды и протеста англійскихъ поселенцевъ противъ буровъ, что вопросъ о предоставленіи этимъ поселенцамъ избирательныхъ правъ послужилъ главнымъ предметомъ раздора, приведшаго къ войнѣ, и что тамъ же, въ Іоганнесбургѣ, дѣйствовали организаторы знаменитаго неудачнаго набѣга Джемсона на Трансвааль. А въ настоящее время жители Іоганнесбурга чествуютъ бывшихъ враговъ, какъ членовъ правительства, и сотрудникъ покойнаго президента Крюгера, генералъ Бота, заявляетъ о своей преданности британскому флагу, безъ ущерба для своего прежняго бурскаго патріотизма. Заодно съ генераломъ Бота высказываются въ этомъ родѣ и другіе бурскіе патріоты, хотя нѣкоторые, какъ, напримѣръ, извѣстный генералъ Деветъ, не одобряютъ мысли о поѣздкѣ премьера въ Англію для участія въ колоніальной конференціи.

Буры сдѣлались британскими гражданами, не переставъ быть бурами, и подчиненіе британскому владычеству только расширило ихъ права, пріобщивъ ихъ къ широкой самостоятельной политической жизни великобританскихъ колоній. Трансвааль отданъ въ руки лучшихъ туземныхъ дѣятелей, и буры могутъ испытывать только удовлетвореніе, когда подъ покровомъ верховной британской власти управляютъ страною такіе люди, какъ генералъ Бота и его коллеги. Англичане дѣй-

ствуютъ такимъ образомъ не по великодушію или благородству, а въ силу дальновиднаго разсчета, основаннаго на вѣковомъ политическомъ опытѣ: они знаютъ, что ничто такъ прочно не привяжетъ Трансвааля къ Англіи, какъ автономія, позволяющая народу жить и развиваться свободно, безъ всякихъ ненужныхъ стѣсненій. Англія пріобрѣтаетъ при этомъ симпатіи и вѣрность буровъ, безъ обременительныхъ съ своей стороны расходовъ на содержаніе арміи чиновниковъ и солдатъ, безъ опасностей взаимнаго раздраженія и глухого недовольства, безъ мелкихъ и крупныхъ непріятностей, неизбѣжно сопутствующихъ назойливой властной опекѣ надъ иноплеменнымъ народомъ. На этихъ основахъ полной равноправности чужихъ національностей и племенъ держится все грандіозное политическое зданіе британской имперіи.

Въ Румыніи, главнымъ образомъ въ сельскихъ округахъ Молдавіи и затѣмъ Валахіи, возникли крупныя волненія, принимавшія во многихъ мѣстахъ крайне жестокій стихійный характеръ. Озлобленныя толпы крестьянъ нападали, съ одной стороны, на евреевъ и еврейскія лавки, а съ другой—на владѣльческія усадьбы, избивали помѣщиковъ и арендаторовъ, опустошали окрестныя мѣстечки, врывались въ города и осаждали даже такой сравнительно крупный промышленный центръ, какъ Яссы, не останавливаясь предъ прямыми столкновеніями и упорными битвами съ войсками. Значительный отрядъ возставшихъ угрожалъ самой столицѣ, и страшная паника господствовала въ теченіе нѣсколькихъ дней въ Бухарестѣ. Многія культурныя хозяйства уничтожены, помѣщичьи постройки сравнены съ землею, и трудно даже приблизительно опредѣлить размѣры и послѣдствія этого разрушительнаго народнаго урагана, внезапно пронесшагося надъ страною. Поразительныя, безсмысленныя звѣрства совершались не только надъ живыми людьми, но надъ мертвыми; поселяне доходили до такого состоянія, что сами нападали на военные отряды, давали себя разстрѣливать и нерѣдко своею настойчивостью принуждали войско къ отступленію.

Такіе ужасные взрывы народнаго озлобленія нельзя объяснять случайными или временными причинами; очевидно, чувства злобы и отчаянія накоплялись издавна, питаясь невозможнымъ положеніемъ массы малоземельныхъ или безземельныхъ крестьянъ среди обширныхъ и богатыхъ владѣльческихъ имѣній. Огромное большинство всего румынскаго населенія, около 80%, принадлежитъ къ крестьянству, которое до сороковыхъ годовъ находилось въ крѣпостномъ состояніи и потомъ получило свободу безъ земли; крестьяне должны были арендовать землю, большею частью даже не у самихъ владѣльцевъ, а у крупныхъ арендаторовъ-капиталистовъ или посредниковъ, преимуще-

ственно евреевъ, причемъ обязывались обыкновенно платить за аренду не только деньгами, но и работою. Одни такимъ образомъ отбывали барщину въ пользу помѣщика или арендатора, другіе превращались въ подневольныхъ батраковъ, а рядомъ съ нищенствомъ крестьянства расширялись и процвѣтали капиталистическія хозяйства, дававшія нѣкоторый заработокъ только незначительной части мѣстныхъ поселянъ. Правительство принимало разныя мѣры для созданія мелкаго крестьянскаго землевладѣнія; въ шестидесятыхъ годахъ организовано было надѣленіе крестьянъ небольшими поземельными участками изъ бывшихъ монастырскихъ имѣній, а также изъ государственныхъ земель, на началахъ выкупа. Нѣкоторая доля крестьянства нашла при этомъ возможность скромнаго трудового обезпеченія, но большинство оставалось попрежнему въ исключительной зависимости отъ крупныхъ имѣній и ихъ арендаторовъ, отъ степени ихъ нужды въ рабочихъ рукахъ и даже отъ произвола и степени добросовѣстности отдѣльныхъ лицъ. Конечно, право собственности владѣльцевъ строго охранялось существующими законами и не подлежало вообще никакому спору; но, съ другой стороны, является крайне ненормальнымъ и опаснымъ существованіе значительной массы людей, выросшихъ въ сельской обстановкѣ и не знающихъ другой работы, кромѣ земледѣльческой, и въ то же время лишенныхъ возможности приложить свой трудъ къ землѣ, за отсутствіемъ собственнаго или арендуемаго участка, — людей, для которыхъ уже положеніе постояннаго годового работника кажется завиднымъ. Большинство этихъ бѣдствующихъ поселянъ совершенно невѣжественно и безграмотно (до 85%), и объ отысканіи ими какихъ-нибудь заработковъ въ городахъ не можетъ быть и рѣчи. Когда такихъ темныхъ полуголодныхъ сельскихъ бѣдняковъ насчитываются сотни тысячъ, то поневолѣ приходится задумываться надъ судьбою ихъ самихъ и окружающихъ ихъ зажиточныхъ хозяевъ, крупныхъ помѣщиковъ и капиталистовъ. Цѣлые годы проходятъ какъ будто спокойно, но достаточно какого-нибудь случайнаго сцѣпленія ничтожныхъ мѣстныхъ обстоятельствъ, чтобы произошелъ внезапный взрывъ, сразу уничтожающій плоды многолѣтней культуры и вносящій смерть и разрушеніе въ мирную дотолѣ жизнь страны. Одна возможность подобныхъ взрывовъ должна заставить общество и правительство приняться за коренную соціальную реформу, способную гарантировать мирное существованіе и развитіе обездоленныхъ элементовъ населенія. Въ Румыніи довольствовались пока палліативами, и потому въ ней всегда хранится горючій матеріалъ, готовый вспыхнуть при всякомъ подходящемъ случаѣ, въ видѣ анти-еврейскихъ и аграрныхъ волненій.

ГРАФЪ ЛАМЗДОРФЪ

И

„КРАСНАЯ КНИГА"

Скончавшійся 6 марта въ Санъ-Ремо графъ Владиміръ Николаевичъ Ламздорфъ (род. 1845 г.) былъ государственнымъ дѣятелемъ стараго типа. Онъ выросъ, можно сказать, въ придворной атмосферѣ; почти всю свою жизнь онъ провелъ въ дипломатическомъ вѣдомствѣ, съ начала 1897 года былъ товарищемъ министра иностранныхъ дѣлъ, а съ 1900 года — министромъ. Съ его именемъ связывается все то, что̀ дѣлалось въ области нашей внѣшней политики за послѣднее десятилѣтіе; при его ближайшемъ оффиціальномъ участіи подготовлялись событія, приведшія къ пагубной и позорной войнѣ на Дальнемъ Востокѣ. Какъ дипломатъ, онъ отличался миролюбіемъ, разумною осторожностью, склонностью къ необходимымъ уступкамъ и компромиссамъ; но онъ былъ министромъ въ чисто-русскомъ стилѣ, вѣрнымъ „слугою" высшихъ сферъ, покорнымъ исполнителемъ или пассивнымъ свидѣтелемъ чужихъ случайныхъ и перемѣнчивыхъ рѣшеній, иногда совершенно для него самого неожиданныхъ. Всякое такое рѣшеніе было для него обязательно, если оно прикрывалось именемъ верховной власти, хотя бы оно казалось ему опаснымъ или рискованнымъ съ точки зрѣнія интересовъ государства,—ибо онъ не чувствовалъ себя отвѣтственнымъ предъ страною и полагалъ свой высшій служебный долгъ въ старательномъ подчиненіи всемогущимъ закулиснымъ вліяніямъ, каковы бы ни были послѣдствія ихъ для Россіи. Онъ былъ однимъ изъ типическихъ членовъ того правительства, главныя пружины котораго приводятся въ движеніе за кулисами, путемъ таинственныхъ воздѣйствій и интригъ, — того неопредѣленнаго безотвѣт-

ственнаго правительства, которое недавно П. А. Столыпинъ назвалъ въ Государственной Думѣ „чисто-русскимъ". Графъ Ламздорфъ хорошо понималъ ненормальность этого господства невѣдомыхъ случайныхъ вліяній, и онъ выразилъ это свое пониманіе въ особой запискѣ, имѣющей свою исторію.

Въ 1905 году былъ напечатанъ и разосланъ высокопоставленнымъ лицамъ чрезвычайно интересный сборникъ документовъ, записокъ и телеграммъ относительно русско-японскихъ переговоровъ и пререканій, предшествовавшихъ формальному разрыву [1]). Изъ этой „Красной книги" можно было видѣть, во-первыхъ, что внѣшняя политика Россійской имперіи направляется вовсе не министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, а находится въ рукахъ случайныхъ постороннихъ лицъ, откровенно признававшихъ свою полную некомпетентность и даже невѣжество въ вопросахъ международной дипломатіи, и во-вторыхъ, что первые шаги къ рѣшительнымъ воинственнымъ мѣрамъ были задуманы не Японіею, а отечественными закулисными дѣятелями, распоряжавшимися отъ имени Россіи подъ флагомъ „Особаго Комитета Дальняго Востока". Означенный сборникъ былъ вскорѣ изъятъ изъ обращенія вслѣдствіе подробно мотивированнаго протеста министерства иностранныхъ дѣлъ, которое узнало о напечатаніи и содержаніи этого сборника только послѣ появленія его въ свѣтъ. Графъ Ламздорфъ не возражалъ своевременно противъ предоставленія важныхъ дипломатическихъ функцій и полномочій такому некомпетентному лицу, какъ адмиралъ Алексѣевъ; онъ не протестовалъ противъ властнаго вмѣшательства въ иностранную политику такихъ несвѣдущихъ и безцеремонныхъ дѣятелей, какъ контръ-адмиралъ Абаза и г. А. Безобразовъ; онъ самъ участвовалъ въ секретныхъ „политическихъ" совѣщаніяхъ, въ которыхъ руководящая роль принадлежала г. Абазѣ и его единомышленникамъ, стоявшимъ не только за обузданіе „дерзкой" Японіи, но и за соблюденіе „твердаго тона" относительно Англіи и Соединенныхъ Штатовъ; онъ мирился со всѣмъ этимъ фактически, не рѣшался всеподданнѣйше доложить о невозможности такого положенія вещей, не заявлялъ о своей готовности выйти въ отставку въ случаѣ непринятія его взгляда, а напротивъ, прикрывалъ своимъ авторитетомъ грубые пріемы и ошибки самозванныхъ дипломатовъ,—потому что, подобно другимъ нашимъ министрамъ, онъ прежде всего служилъ двору и его „сферамъ", а не Россіи и русскому государству. Онъ не могъ не видѣть, что жизненные интересы Россіи подвергаются страшному риску; но онъ поневолѣ долженъ былъ жертвовать этими инте-

[1]) Важнѣйшія изъ этихъ записокъ и депешъ перепечатаны въ I и II выпускахъ „Политической энциклопедіи", въ статьяхъ о гг. Абазѣ, Алексѣевѣ и Безобразовѣ.

ресами ради того, чтобы не портить своего положенія при дворѣ. Всѣмъ памятна причина послѣдней роковой проволочки въ обѣщанномъ срочномъ отвѣтѣ на японскую ноту: графъ Ламздорфъ не рискнулъ испросить для себя экстренную аудіенцію, сверхъ обычныхъ дней своего всеподданнѣйшаго доклада, и имѣлъ даже неосторожность сослаться на это обстоятельство въ разговорѣ съ японскимъ посланникомъ. Такова была „чисто-русская" точка зрѣнія на обязанности и задачи министровъ. Въ этомъ нельзя винить спеціально графа Ламздорфа, и это слѣдуетъ теперь сказать надъ его свѣжею могилою, въ видѣ смягчающихъ его вину обстоятельствъ: такова политическая школа, которую прошли всѣ такъ-называемые вѣрные слуги престола и отечества. Бисмаркъ также иногда называлъ себя слугою, а Вильгельма I—своимъ господиномъ („Diener meines Herrn"), но онъ былъ изъ тѣхъ слугъ, которые ведутъ за собою своего господина и самостоятельно охраняютъ его высшіе интересы, совпадающіе съ интересами отечества и націи; и ни одинъ прусскій министръ не усомнился бы отказаться отъ своего поста, еслибы ему предстояла необходимость ставить мелочныя придворныя соображенія выше національныхъ и государственныхъ интересовъ. Наши сановники имѣютъ въ этомъ отношеніи другія традиціи, чѣмъ прусскіе ихъ коллеги. Однако, допуская извѣстные факты, даже самые губительные для государства, министры-слуги не терпятъ ихъ огласки, какъ неудобной или вредной для правительства; поэтому и графъ Ламздорфъ, не сдѣлавъ даже попытки помѣшать вторженію непризванныхъ царедворцевъ въ компетенцію своего вѣдомства, энергически протестовалъ противъ обнародованія какихъ-либо документальныхъ свѣдѣній объ этой закулисной сторонѣ отечественной политики. Пусть отсутствіе разумной и отвѣтственной системы управленія доводитъ Россію до величайшихъ бѣдствій, лишь бы только объ этомъ не говорили и не печатали; страшны не столько самые факты, сколько ихъ оглашеніе и обсужденіе,—таковъ былъ всегда типическій взглядъ нашей бюрократіи. Этому „чисто-русскому" пониманію служебнаго долга отдалъ свою дань и покойный графъ В. Н. Ламздорфъ. Нижеслѣдующая „Записка" его представляетъ собою яркую характеристику существующей у насъ правительственной анархіи, и потому она вполнѣ заслуживаетъ того, чтобы удѣлить ей мѣсто на страницахъ нашего журнала.

Л. Слонимскій.

———

Записка по поводу изданнаго Особымъ Комитетомъ Дальняго Востока „Сборника документовъ по переговорамъ съ Японіею 1903—1904 годовъ."

„Возникшая въ началѣ 1904 года—такъ говорится въ „Запискѣ"—война съ Японіею произвела повсюду въ Россіи тяжелое впечатлѣніе, а посему въ средѣ почти всѣхъ классовъ населенія явилось вполнѣ естественное желаніе разобраться въ неожиданно выпавшемъ на долю отечества бѣдствіи. По мѣрѣ того, какъ получались съ театра военныхъ дѣйствій извѣстія о неудачахъ русской сухопутной арміи и флота, общественное мнѣніе все чаще и все настойчивѣе стало обращаться къ правительству съ запросами о томъ—кто виновникъ этой бѣдственной, не вызываемой жизненными потребностями Россіи, войны? Каковы ближайшія причины ея? Была ли возможность предотвратить борьбу съ вѣроломнымъ сосѣдомъ, и если была, то по чьей винѣ не использовались всѣ средства къ устраненію усложненій?

Большинство органовъ русской печати, обсуждая возникновеніе кровавой борьбы на Дальнемъ Востокѣ съ политической точки зрѣнія, стремилось возложить вину на министерство иностранныхъ дѣлъ и его представителей заграницей, будто бы не предвидѣвшихъ надвигавшихся грозныхъ событій и не умѣвшихъ предотвратить разрывъ съ Японіею успѣшнымъ веденіемъ переговоровъ съ нею.

Не довольствуясь нападками на дипломатію, столичная и провинціальная печать воспользовалась появившимися въ заграничныхъ изданіяхъ разоблаченіями о пресловутомъ ялу-цзянскомъ товариществѣ, чтобы предъявить болѣе тяжкія обвиненія по адресу правительства.

Одну изъ причинъ войны эти газеты усмотрѣли именно въ томъ обстоятельствѣ, что нѣкоторыя правительственныя лица принимали непосредственное участіе въ помянутомъ товариществѣ и поставили, во время переговоровъ съ Японіею по корейскимъ дѣламъ, выгоды частныхъ концессіонеровъ выше прямыхъ интересовъ Россіи, указывавшихъ на необходимость отказаться отъ активной политики на сѣверѣ Кореи, во избѣжаніе именно столкновенія съ Японіей.

При этомъ въ общественной средѣ прямо называли по именамъ лицъ, которыя, стоя близко къ Особому Комитету Дальняго Востока, сумѣли пріобрѣсти большое вліяніе и авторитетъ для достиженія, подъ видомъ политическихъ государственныхъ цѣлей, исключительно своихъ матеріальныхъ выгодъ.

Съ намѣреніемъ ли разсѣять таковыя обвиненія, или по какимъ-либо другимъ соображеніямъ, — Особый Комитетъ Дальняго Востока, съ минуты своего учрежденія фактически проявляющій дѣятельность лишь въ составѣ *двухъ лицъ*—управляющаго дѣлами Комитета, контръ-адмирала Абазы и помощника его, тайнаго совѣтника Матюнина,—

издалъ на дняхъ сборникъ подъ заглавіемъ: „Документы по переговорамъ съ Японіей 1903—1904 гг., хранящіеся въ канцеляріи Особаго Комитета Дальняго Востока".

Если изданіе это имѣло дѣйствительно вышеуказанную цѣль, то надо признать, что оно не только не достигло ея, но, кромѣ того, явилось какъ бы подтвержденіемъ распространявшихся слуховъ о двойственной несогласной дѣятельности органовъ правительства, приведшей къ переживаемой нынѣ Россіею бѣдственной войнѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, что̀ представляетъ изъ себя опубликованная комитетомъ Дальняго Востока книжка и въ чемъ заключается ея содержаніе?

Она распадается на двѣ неравныя части, изъ которыхъ первая, въ девять страницъ, составляетъ краткій историческій разсказъ о ходѣ переговоровъ съ Японіею и служитъ, такъ сказать, комментаріемъ ко второй части—сборнику „важнѣйшихъ документовъ".

Нѣтъ надобности долго останавливаться на первой части, представляющей далеко не полное, мало связное и ошибочное толкованіе происходившихъ на Дальнемъ Востокѣ событій.

Самая форма изложенія даетъ неосновательный поводъ предполагать, будто разсказъ является правительственнаго характера сообщеніемъ по политическимъ дѣламъ; авторъ вездѣ говоритъ: мы, наша политика, наши интересы, наши агенты.

Между тѣмъ, взгляды и разсужденія, высказываемые авторомъ обзора, далеко не соотвѣтствуютъ правительственнымъ воззрѣніямъ и посему вызываютъ на каждомъ шагу недоумѣніе.

Такъ, на первой же страницѣ обзора говорится, что „мы войны не отвратили потому, что скрытыя цѣли Японіи оказались лежащими за предѣлами корейскаго вопроса и остаются передъ нами (передъ кѣмъ?) до сихъ поръ скрытыми".

Утвержденіе это тѣмъ болѣе непонятно, что министерство иностранныхъ дѣлъ, вѣдающее дѣлами внѣшней политики, уже съ 1901 года настойчиво обращало вниманіе подлежащихъ вѣдомствъ на истинныя цѣли токійскаго правительства, предупреждая о грозившей Россіи опасности вооруженнаго столкновенія съ Японіею. Подтвержденіемъ этому служатъ документы, хранящіеся въ архивахъ министерства.

Далѣе авторъ продолжаетъ: „вскорѣ по возбужденіи переговоровъ съ Японіею обнаружилось, что притязанія Японіи шли дальше, — но мы (кто?) объясняли это хитростью, дабы выторговать отъ насъ по возможности большія уступки въ корейскомъ вопросѣ, — на каковыя уступки мы были уже заранѣе согласны, но которыхъ сразу мы, конечно, не имѣли основанія обнаруживать".

Всѣ изложенныя соображенія ничего не имѣютъ общаго со взглядами, которыхъ придерживалось министерство иностранныхъ дѣлъ, и могутъ служить лишь доказательствомъ полной неосвѣдомленности Особаго Комитета Дальняго Востока о характерѣ и значеніи переговоровъ съ Японіею.

Наконецъ, говоря (на страницѣ 6-й) о донесеніяхъ „нашихъ" — какъ можно было бы думать „правительственныхъ" агентовъ—авторъ обзора дѣлаетъ, между прочимъ, ссылку на документъ, исходившій отъ повѣреннаго ялу-цзянскаго товарищества.

Относительно второй части разсматриваемой книги, т.-е. коллекціи документовъ, слѣдуетъ прежде всего замѣтить, что подборъ таковыхъ сдѣланъ произвольно и безъ всякой между ними логической связи. На-ряду съ Высочайшими телеграммами и иными первостепенной важности документами помѣщены сообщенія частныхъ лицъ, не имѣющія никакого значенія въ дѣлѣ оффиціальныхъ переговоровъ русскаго правительства съ Японіею, каковы, напримѣръ, телеграмма егермейстера Балашова (№ 4), г. Гинцбурга (№ 14), или чисто личнаго характера телеграмма генералъ-маіора Вогака на имя контръ-адмирала Абазы (стр. 2).

Въ сборникѣ напечатана отвѣтная телеграмма намѣстника на Высочайшее имя отъ 25-го сентября (№ 9), начинающаяся словами: „Всемилостивѣйшую телеграмму Вашего Императорскаго Величества отъ 22-го сентября имѣлъ счастіе получить";—но самой телеграммы Государя Императора отъ 22-го сентября въ книгѣ нѣтъ.

Съ другой стороны (подъ № 24) напечатана депеша министра иностранныхъ дѣлъ на имя намѣстника отъ 13-го января 1904 года, заключающая рядъ весьма существенныхъ вопросовъ; телеграмма же генералъ-адъютанта Алексѣева отъ 15-го января съ отвѣтами на эти вопросы опущена.

За № 32 помѣщено письмо министра иностранныхъ дѣлъ безъ упоминанія о томъ, что оно адресовано не лично контръ-адмиралу Абазѣ, а является циркулярнымъ отношеніемъ министра ко всѣмъ членамъ совѣщанія 15-го января, состоявшагося подъ предсѣдательствомъ великаго князя генералъ-адмирала.

Засимъ въ книгѣ, между прочимъ, отпечатаны нѣкоторые оффиціальные документы въ искаженномъ видѣ и документы апокрифическаго характера.

Наконецъ, слѣдуетъ обратить вниманіе на то крайне прискорбное обстоятельство, что Особый Комитетъ Дальняго Востока счелъ возможнымъ напечатать весьма конфиденціальную собственноручную записку Государя Императора (№ 30) и Высочайшія секретныя депеши, очевидно, не подлежавшія оглашенію,—опубликованіе коихъ въ Сборникѣ, разосланномъ въ нѣсколькихъ сотняхъ экземпляровъ и могущемъ легко попасть на столбцы иностранныхъ изданій [1]), составляетъ государственное преступленіе.

Переходя отъ этихъ общихъ замѣчаній къ разсмотрѣнію нѣкоторыхъ отдѣльныхъ документовъ въ частности, необходимо замѣтить нижеслѣдующее:

Подъ № 1 напечатана телеграмма контръ-адмирала Абазы, въ коей заключается Высочайшее повелѣніе статсъ-секретарю Безобразову передать намѣстнику на Дальнемъ Востокѣ руководящія указанія по корейскому вопросу, съ тѣмъ, чтобы послѣдній, въ свою очередь, снабдилъ соотвѣтствующими инструкціями посланниковъ въ Пекинѣ, Токіо и Сеулѣ.

Означенная телеграмма, *совершенно неизвѣстная министру ино-*

[1]) Опасеніе это оправдалось скорѣе, чѣмъ можно было ожидать: иностранныя, особливо англійскія, газеты уже печатаютъ всяческіе комментаріи по поводу довѣрительныхъ телеграммъ Государя Императора.

странныхъ дѣлъ [1]), была получена статсъ-секретаремъ Безобразовымъ въ Портъ-Артурѣ за нѣсколько дней до начала чрезвычайно важныхъ совѣщаній по корейскимъ дѣламъ, — а между тѣмъ содержаніе ея не было сообщено ни намѣстнику, ни посланникамъ, ни другимъ членамъ совѣщанія.

Документъ за № 3, насколько можно понять его туманные „выводы", отчасти разъясняетъ причины, по которымъ статсъ-секретарь Безобразовъ и воздержался отъ передачи Высочайшихъ предначертаній намѣстнику.

За № 5, подъ страннымъ заголовкомъ: „Высочайше одобренный проектъ русскаго соглашенія 16-го августа 1893 года", помѣщенъ, во-второмъ столбцѣ, *документъ, неизвѣстный ни министру иностранныхъ дѣлъ, ни намѣстнику, ни россійскому посланнику въ Токіо.*

Если предположить, что разсматриваемый документъ, въ коемъ отъ имени Россіи дается обязательство уважать неприкосновенность Китайской имперіи, былъ сообщенъ кѣмъ-либо токійскому кабинету, то станутъ понятны причины неблагопріятнаго поворота въ переговорахъ нашихъ съ Японіею, настойчиво требовавшею, на основаніи яко бы уже даннаго Россіею обязательства, включить въ соглашеніе статьи, касающіяся Маньчжуріи.

Подъ № 11 помѣщенъ искаженный текстъ „отвѣтныхъ предложеній" японскаго правительства 8-го декабря 1903 года, изъ коихъ почему-то опущены весьма существенныя условія, которыя ставила Японія относительно помянутой Китайской области.

Вслѣдствіе сего становится совершенно необъяснимою телеграмма намѣстника, напечатанная вслѣдъ затѣмъ подъ № 12, въ которой говорится о „притязательности требованій японцевъ".

Подъ № 13, неизвѣстно по какимъ соображеніямъ, напечатано одно только мнѣніе контръ-адмирала Абазы, высказанное имъ на происходившемъ въ Царскомъ Селѣ, подъ предсѣдательствомъ Государя Императора, совѣщаніи, и совершенно умалчивается какъ о взглядахъ другихъ членовъ совѣщанія, такъ и о послѣдовавшихъ на ономъ рѣшеніяхъ. Это обстоятельство даетъ тѣмъ болѣе превратное понятіе о такомъ важномъ совѣщаніи, что на страницахъ 4-ой и 5-ой Сборника, гдѣ разъясняется настоящій документъ, указаны три пути, по которымъ контръ-адмиралъ Абаза „предвидѣлъ" разрѣшеніе кризиса, причемъ, какъ нынѣ подтверждаютъ это происшедшія событія, „наиболѣе вѣроятное" предвидѣніе его оказалось совершенно ошибочнымъ.

Если на совѣщаніи въ Царскомъ-Селѣ, вопреки доводамъ контръ-адмирала Абазы, было принято рѣшеніе продолжать переговоры съ токійскимъ правительствомъ, то это вызывалось тѣмъ соображеніемъ, что, въ случаѣ неизбѣжности войны съ Японіей, являлось безусловно желательнымъ насколько возможно отдалить столкновеніе, которое, по мнѣнію какъ намѣстника, такъ и военнаго министра, застигло бы насъ совершенно неподготовленными. Генералъ-адъютантъ Куропаткинъ, напр., находилъ, что не только мѣсяцъ, но недѣля, даже каждый день отсрочки разрыва имѣлъ громадное значеніе для насъ въ этомъ отношеніи.

[1]) Курсивъ вездѣ нашъ.

Само собою разумѣется, что рѣзкій отказъ нашъ въ обсужденіи предложеній японцевъ вызвалъ бы не менѣе рѣзкій ультиматумъ со стороны токійскаго кабинета и ускорилъ бы открытіе военныхъ дѣйствій.

Какъ неясно понималъ представитель Особаго Комитета общее политическое положеніе—свидѣтельствуетъ документъ подъ № 15, изъ котораго видно, что телеграммою отъ 21-го декабря—стало быть, въ минуту надвигавшихся тревожныхъ событій—контръ-адмиралъ Абаза вызывалъ генералъ-адъютанта Алексѣева въ С.-Петербургъ для обсужденія извѣстнаго проекта „Положенія о намѣстничествѣ".

Подъ № 21 помѣщена телеграмма, адресованная генералъ-адъютанту Алексѣеву, которою контръ-адмиралъ Абаза „въ простомъ русскомъ изложеніи безъ дипломатическихъ увертокъ" даетъ намѣстнику совершенно неизвѣстныя министру иностранныхъ дѣлъ политическія указанія, основываясь исключительно на собственномъ толкованіи взглядовъ Государя, „поскольку", говоритъ самъ адмиралъ, „я могъ понять (ихъ) изъ множества разговоровъ съ Его Величествомъ въ теченіе года".

Вотъ какого рода „директивы" предназначались намѣстнику на Дальнемъ Востокѣ 13-го января 1904 года, т.-е. за девять дней до разрыва дипломатическихъ сношеній съ Японіею и открытія военныхъ дѣйствій.

Подъ № 25 напечатана весьма конфиденціальнаго характера телеграмма Государя Императора генералъ-адъютанту Алексѣеву, начинающаяся словами: „имѣйте въ виду для вашего личнаго свѣдѣнія".

Опубликованіе подобныхъ документовъ, открывающихъ тайну сокровенныхъ принципіальныхъ взглядовъ Монарха, составляетъ злоупотребленіе Высочайшимъ довѣріемъ.

Документы подъ №№ 27, 28, 29 и 31 обнаруживаютъ *явленіе, рѣдко встрѣчающееся въ лѣтописяхъ исторіи.* Въ самомъ дѣлѣ, трудно повѣрить, чтобы лицо, совершенно безотвѣтственное въ дѣлахъ внѣшней политики, могло бы вступать помимо и безъ вѣдома министра иностранныхъ дѣлъ въ тайные переговоры съ иностраннымъ представителемъ и, на основаніи сего, самостоятельно принимать чрезвычайной важности политическія рѣшенія.

Между тѣмъ таковы именно были дѣйствія контръ-адмирала Абазы, состоящаго лишь въ званіи управляющаго дѣлами фактически еще не организованнаго „Особаго Комитета Дальняго Востока".

Дабы сдѣлать правильную оцѣнку образа дѣйствій контръ-адмирала Абазы, въ послѣднемъ фазисѣ переговоровъ съ Японіей, надлежитъ предпослать вышеупомянутымъ четыремъ документамъ нижеслѣдующія разъясненія.

Вслѣдъ за полученіемъ отъ японскаго правительства проекта соглашенія 31 декабря 1903 года и по представленіи министромъ иностранныхъ дѣлъ на Высочайшее воззрѣніе доклада, какъ относительно этого документа, такъ и высказанныхъ намѣстникомъ соображеній, Государю Императору благоугодно было назначить подъ предсѣдательствомъ великаго князя генералъ-адмирала особое совѣщаніе, съ участіемъ министровъ—военнаго, иностранныхъ дѣлъ, управляющаго морскимъ министерствомъ и управляющаго дѣлами Особаго Комитета Дальняго Востока,—для обсужденія вопросовъ, связанныхъ съ происходившими между Россіею и Японіею переговорами.

На совѣщаніи, состоявшемся 15 января, между прочимъ, признано было необходимымъ всячески предотвратить вооруженное столкновеніе съ Японіею изъ-за корейскаго вопроса и, въ виду невозможности добиться согласія токійскаго правительства на установленіе нейтральной зоны по 39-ой параллели, сочтено было цѣлесообразнымъ либо совсѣмъ исключить эту статью изъ проекта соглашенія, либо придать ей другую редакцію.

Въ заключеніе было рѣшено совѣщаніемъ повергнуть на всемилостивѣйшее Государя Императора благовоззрѣніе представленный министромъ иностранныхъ дѣлъ проектъ отвѣтныхъ предложеній японскому правительству (безъ статьи о зонѣ) вмѣстѣ съ варіантомъ 5-ой и 6-й статей соглашенія.

При особомъ мнѣніи остался лишь контръ-адмиралъ Абаза, признавшій невозможнымъ дѣлать дальнѣйшія „уступки“ японцамъ и указывавшій посему на необходимость (согласно проектамъ извѣстнаго ялу-цзянскаго лѣсопромышленнаго общества) устройства стратегической позиціи между японцами и нами.

Въ этихъ видахъ, несмотря на доказанную военнымъ министромъ на совѣщаніи полную несостоятельность его проекта, контръ-адмиралъ Абаза настоятельно предлагалъ сохранить статью соглашенія съ Японіей о нейтральной зонѣ, съ замѣною лишь разграничительной линіи по 39-ой параллели—водораздѣломъ, опредѣляемымъ бассейномъ рѣкъ Тумень-улы и Ялу-цзяна съ одной стороны, и рѣками, направляющимися къ югу и востоку—съ другой.

Вышеизложенное особое мнѣніе контръ-адмирала Абазы было включено въ журналъ совѣщанія, на составленіе котораго потребовалось двое сутокъ,—16 и 17 января.

По утвержденіи и подписаніи онаго предсѣдателемъ и всѣми членами совѣщанія, журналъ представленъ былъ великимъ княземъ генералъ-адмираломъ на Высочайшее благовоззрѣніе при личномъ докладѣ въ понедѣльникъ, 19 января.

Между тѣмъ, какъ явствуетъ изъ документа Сборника за № 27, контръ-адмиралъ Абаза рѣшился уже 16 января повергнуть на Высочайшее воззрѣніе критику еще неизвѣстныхъ Государю Императору мнѣній, высказанныхъ на совѣщаніи министрами военнымъ и иностранныхъ дѣлъ.

Мало того, не дождавшись представленія Его Императорскому Величеству журнала совѣщанія, изъ коего видно было бы, что ни предсѣдатель — великій князь, ни остальные члены совѣщанія не согласились съ мнѣніемъ его о „водораздѣлѣ“, контръ-адмиралъ Абаза испросилъ того же 16 января Высочайшее соизволеніе на отправленіе намѣстнику телеграммы (документъ № 28), въ которой именно указывается на ялу-цзянскій водораздѣлъ, какъ на крайній предѣлъ дозволяемой оккупаціи японцами Кореи.

Наконецъ, — и *это дѣйствіе представляется совершенно невѣроятнымъ*,—контръ-адмиралъ Абаза рѣшился, какъ свидѣтельствуетъ документъ № 31, вступить 16 и 17 января въ непосредственные переговоры съ японскимъ посланникомъ и его секретаремъ, сообщивъ имъ свой собственный проектъ о водораздѣлѣ.

Въ чемъ заключалась „очень длинная просьба“, по поводу кото-

рой японскій посланникъ два раза присылалъ къ контръ-адмиралу Абазѣ своего секретаря, изъ сборника документовъ не видно.

Сущность этихъ тайныхъ бесѣдъ съ японскимъ представителемъ и разъясненія, которыя давалъ контръ-адмиралъ Абаза г-ну Курино, такъ и *остались совершенно неизвѣстными министру иностранныхъ дѣлъ*. А между тѣмъ, дѣло происходило за 6 дней до разрыва сношеній съ Японіею.

Спрашивается, не повліяли ли въ значительной мѣрѣ эти обстоятельства на рѣшеніе токійскаго кабинета не дожидаться оффиціальнаго отвѣта императорскаго правительства на его предложенія, разъ японскій посланникъ, которому извѣстно было, что контръ-проектъ русскаго правительства обсуждался въ совѣщаніи 15-го января, уже на другой день освѣдомился о результатахъ этого совѣщанія въ произвольномъ освѣщеніи контръ-адмирала Абазы. Быть можетъ, одного упоминанія о ялу-цзянскомъ водораздѣлѣ было достаточно, чтобы японскій представитель болѣе не сомнѣвался въ намѣреніи Россіи затягивать переговоры съ тѣмъ, чтобы продолжать осуществленіе своихъ стратегическихъ плановъ на Ялу".

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

— Gabriele d'Annunzio. „Piu che l'amore". Tragedia moderna. Milano, 1907 (Frat. Treves, editori). Стр. 300.

Габріэль д'Аннунціо занимаетъ своеобразное положеніе въ современной европейской литературѣ. Это писатель по преимуществу философскій, идеологическій; каждое его новое произведеніе проникнуто смѣлымъ стремленіемъ перестроить понятія, управляющія дѣйствіями и сужденіями людей. Усилія его направлены не на реальную жизнь, а на внутренній міръ человѣка, на созиданіе новыхъ идеаловъ правды и красоты. Но именно въ этомъ своемъ иконоборчествѣ и учительствѣ д'Аннунціо не стоитъ на высотѣ, на которой мнитъ себя—главнымъ образомъ потому, что его смѣлыя идеи лишены оригинальности. Онѣ всегда отголоски литературныхъ вліяній. Въ самомъ началѣ, когда д'Аннунціо возмущалъ консервативную Италію, привыкшую къ слащавому сентиментальному романтизму, своимъ обнаженнымъ, рѣзкимъ и гнѣвнымъ натурализмомъ, онъ былъ только ученикомъ французской натуралистической школы. Когда его стали привлекать сложныя задачи психопатологіи, душевные процессы, связанные съ преступной волей,—онъ былъ всецѣло проникнутъ вліяніемъ Достоевскаго. А въ послѣдніе годы, самые характерные для его творчества, когда онъ писалъ свои символическіе романы и мистическія драмы, вся его проповѣдь торжествующей воли, весь его восторженный культъ личности и обостренный индивидуализмъ, все это—результатъ увлеченія Ницше и ученіемъ о сверхъ-человѣкѣ. Все идейное богатство д'Аннунціо обнаруживаетъ въ немъ не оригинальнаго мыслителя, а чуткаго художника, захваченнаго духовной жизнью каждаго даннаго момента.

И все-таки д'Аннунціо остается большимъ писателемъ,—благодаря индивидуальнымъ чертамъ своего творчества, своему художественному темпераменту, красочности и бурности своей южной фантазіи, убѣдительности своего паѳоса. Онъ часто доходитъ до риторичности, не знаетъ предѣловъ въ своихъ ницшеанскихъ самовосхваленіяхъ, но все же образность и сочность его языка, страстность его идейныхъ переживаній, хотя бы и воспринятыхъ отъ другихъ мыслителей, покоряютъ своей непосредственной силой.

Новѣйшій фазисъ въ творчествѣ д'Аннунціо заключается въ его

увлеченіи народнымъ духомъ, „латинствомъ“. Національная идея новой Италіи заключается для него въ возвратѣ къ античнымъ традиціямъ. Онъ мечталъ создать въ колоссальныхъ размѣрахъ — его фантазія не знаетъ предѣла — національный театръ, въ которомъ современная трагедія сливалась бы съ духомъ античной, перевоплощенной въ современномъ, болѣе свободномъ міропониманіи. Затѣя эта не удалась, театръ д'Аннунціо не осуществился,—и въ результатѣ явилось только нѣсколько новыхъ трагедій д'Аннунціо, написанныхъ для этого театра. Настоящаго успѣха на сценѣ онѣ не имѣли, главнымъ образомъ вслѣдствіе его замысла, направленнаго на переработку античныхъ темъ въ условіяхъ современной жизни. Такова была драма „Огонь подъ спудомъ“ (La Fiaccola sotto il moggio); такова еще болѣе новѣйшая его трагедія „Больше чѣмъ любовь“ (Piu che l'amore). При постановкѣ на сценѣ, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, она вызвала бурные протесты,—и отголоски этого слышатся въ предисловіи къ печатному изданію драмы, вышедшему теперь въ свѣтъ; въ немъ д'Аннунціо говоритъ съ гордымъ гнѣвомъ о своихъ врагахъ, о непонимающей толпѣ, но въ его словахъ чувствуется горечь оскорбленнаго самолюбія.

Основу „Piu che l'amore“ составляетъ идея о карѣ за преступленіе—и въ своемъ предисловіи д'Аннунціо выясняетъ связь своего замысла съ античнымъ пониманіемъ идеи возмездія. Онъ говоритъ о „старыхъ и новыхъ эринніяхъ“. Древнія богини мести, эринніи, безпощадно высасывали кровь изъ своихъ жертвъ; совершенное преступленіе становилось рокомъ, отъ котораго нѣтъ спасенія. Но въ Софокловской трагедіи и въ трагедіи Эврипида грозному бѣшенству эринній противополагается спасительное дѣйствіе ужаса и милосердія: и преступникъ можетъ очистить себя, ставъ выше своего дѣянія своей просвѣтленной душой, и перестаетъ быть только „аттрибутомъ своего преступленія“. Вотъ эту побѣдную волю души д'Аннунціо и прославляетъ въ героѣ своей трагедіи. Въ предисловіи онъ указываетъ на примѣры античныхъ трагедій, въ которыхъ преступники уходятъ прощенными отъ дельфійскаго оракула, и этимъ оправдываетъ и свое отношеніе къ убійцѣ съ благородной душой. Д'Аннунціо обвиняли въ томъ, что онъ прославляетъ убійство, — онъ же доказываетъ, что въ образѣ преступника онъ воплотилъ паѳосъ героической воли, побѣждающей вину. Онъ мысленно представляетъ себѣ ареопагъ античныхъ боговъ, передъ которыми предсталъ бы его преступный герой. Мстительныя эринніи, обезумѣвшія отъ бѣшенства, требуютъ гибели преступника, хотятъ его растерзать. Съ этими криками поэтъ сравниваетъ хоръ негодующей публики, возставшей противъ него за то, что онъ осмѣлился поднять страшный вопросъ о томъ, можетъ ли чело-

вѣкъ побѣдить событія своей духовной силой. Въ его воображаемомъ ареопагѣ молодые боги защищаютъ преступнаго и защищаютъ его не тѣмъ, что смягчаетъ его вину, не тѣмъ, что онъ былъ ослѣпленъ въ своемъ дѣяніи мятежной гордостью. Они видятъ его оправданіе исключительно въ искупающей силѣ ужаса и страданій, черезъ которые онъ прошелъ. Обреченный на вину и на скорбь, онъ страдаетъ не для того, чтобы очиститься отъ преступной страсти, не для того, чтобы воскресить въ себѣ чистоту души, а для того, чтобы осуществить, пройдя черезъ ужасъ и страданіе—„вѣчную радость идущей впередъ жизни". Въ своемъ страданіи онъ накопляетъ напряженность воли, и она продолжаетъ дѣйствовать послѣ него, создавая изобиліе напряженной духовности въ другихъ. Самъ герой долженъ погибнуть, но онъ созидаетъ въ себѣ героическую волю, которая не можетъ быть уничтожена его виной. Его страданіе становится подвигомъ Прометея, и въ немъ всѣ души достигаютъ своего наибольшаго блеска и силы.

Вотъ сложный идейный замыселъ драмы д'Аннунціо; онъ самъ разъясняетъ его въ предисловіи, какъ стремленіе вернуться къ античнымъ темамъ, изобразить борьбу вѣчныхъ законовъ и воли человѣка. Другими словами, оставляя миѳологическій языкъ д'Аннунціо, это драма объ искупленіи. Его герой беретъ на себя „вину міра", совершая преступленіе подъ вліяніемъ слѣпыхъ темныхъ инстинктовъ въ человѣкѣ, и побѣждаетъ свою вину глубокою вѣрой въ творческую волю человѣка.

Этотъ идейный замыселъ разработанъ въ психологической драмѣ, которая разыгрывается главнымъ образомъ между тремя лицами. Герой трагедіи, „искупитель вины человѣчества", Коррадо Брандо, завоеватель по натурѣ; радость его жизни составляютъ опасныя экспедиціи въ невѣдомыя страны; онъ мечтаетъ о томъ, чтобы покорять дикіе народы и возвеличивать славу своей родины. Но онъ осужденъ на бездѣйствіе, трагичное для его духа, потому что жить для него значитъ бороться и побѣждать. Онъ озлобленъ противъ судьбы, мѣшающей ему быть вождемъ, какимъ онъ рожденъ, и проникать въ невѣдомыя страны, носящія не только слѣды исторіи человѣка, но „тайны тысячелѣтій, безъ названія, безъ голоса". Его мятежный и осужденный на бездѣйствіе духъ рождаетъ злые кошмары; онъ мысленно жалѣетъ, что спасъ въ минуту опасности своего бывшаго начальника, изъ-за котораго теперь его не посылаютъ въ африканскія пустыни, куда стремится его душа. Онъ знаетъ, что созданъ быть вождемъ, и не можетъ мириться съ препятствіями, насильно останавливающими его шаги. Это душевное состояніе героя, скованнаго житейскими препятствіями, символизируетъ въ драмѣ трагизмъ человѣчества съ его

неосуществимыми идеалами, которые жизнь разрушаетъ на каждомъ шагу, останавливая творческую волю житейскими препятствіями. Этотъ трагическій разладъ и будитъ въ душѣ Коррадо Брандо спящіе въ немъ низменные инстинкты. Ему нуженъ суррогатъ для утоленія жажды дѣйствія, и онъ предается азартной игрѣ. Это приводитъ его къ преступленію, составляющему искусъ его героической воли. Онъ приходитъ въ игорную залу въ годовщину памятнаго для него дня, который онъ провелъ за два года передъ тѣмъ въ военномъ лагерѣ—„на черномъ материкѣ". Ему грозила опасность завязнуть въ топкой землѣ, и глядя на далекую пустыню вдали, онъ горѣлъ честолюбивыми мечтаніями о завоеваніи далекой страны, и готовъ былъ умереть героической смертью, вспоминая о другихъ, погибшихъ, какъ и онъ. Прошло два года, и, осужденный на бездѣйствіе, онъ вспоминаетъ о чувствахъ и мысляхъ той ночи среди уродливой обстановки игорнаго притона. И тогда у него является безумная мечта: если ему повезетъ въ игрѣ, онъ сможетъ снарядить военную экспедицію и „покорить Африку"—завѣтная цѣль его честолюбиваго патріотизма. Но счастье ему не дается,—онъ проигрываетъ всѣ свои сбереженія; онъ видитъ, какъ накопляется золото у банкомета, отвратительнаго старика съ лысой головой и отвисшими губами. Онъ чувствуетъ непреодолимую ненависть къ нему... А на слѣдующее утро старика находятъ мертвымъ; сначала думаютъ, что смерть произошла отъ разрыва сердца, но потомъ находятъ слѣды удушья: его убили, „не проливъ крови". Въ убійствѣ обвиняютъ его племянника, обиженнаго старикомъ, и вначалѣ никто не подозрѣваетъ, что убійца—Коррадо, который отпраздновалъ годовщину геройской ночи „на манеръ дикарей". Всѣ эти событія произошли до начала трагедіи, центръ которой—психологія Коррадо, поставленнаго передъ страшной проблемой преступленія: въ немъ проснулся дикій звѣрь и толкнулъ его на злодѣяніе—безкорыстное, потому что ему никакихъ благъ для себя не нужно; онъ радъ питаться мясомъ коршуновъ въ пустынѣ и спать въ палаткѣ подъ открытымъ небомъ. Можетъ ли этотъ неискоренимый фактъ уничтожить всю его свѣтлую геройскую жизнь, погибъ ли онъ безвозвратно, обреченъ ли онъ стать жертвой кровожадныхъ и безпощадныхъ эриннiй, или его подниметъ на прежнюю высоту его героическая воля цѣной переживаемаго душевнаго ужаса. Дѣйствіе начинается съ того, что Коррадо приходитъ къ своему другу, Виргинію Веста, не подозрѣвающему о происшедшемъ, и говоритъ ему о трагизмѣ своего бездѣйствія. Виргиній—уравновѣшенный человѣкъ. Онъ—инженеръ, строящій каналы и водные пути. Онъ поэтизируетъ жизнь, видитъ главную ея красоту въ наукѣ, которая для него равна искусству, потому что она преображаетъ жизнь, подчиняетъ природу творческой волѣ человѣка. Онъ

не понимаетъ поэтому нетерпѣливаго геройства Коррадо и совѣтуетъ ему „спокойно выжидать свой часъ“ и готовиться къ дѣйствію, употребивъ свою энергію на обузданіе самого себя. Но Коррадо не можетъ принять совѣтовъ друга, и говоритъ съ озлобленіемъ о жизни, лишающей его возможности проявить себя. Онъ говоритъ ему о своихъ безпокойныхъ снахъ, о соблазнѣ, обуявшемъ его въ игорной залѣ,— и такъ тревожны его слова, столько отчаянія въ его гнѣвѣ противъ жизни, что Виргиній, хотя ничего не знаетъ, все же начинаетъ безпокоиться. Жажду дѣйствія, мучающую Коррадо, его жажду побѣды, онъ считаетъ опасной и смутно чувствуетъ какую-то скрытую еще катастрофу. Онъ пытается еще образумить друга, проповѣдуетъ ему мудрость тихаго созерцанія и доброты,—указывая на маску Бетховена, украшающую его кабинетъ. Бетховенъ для Виргинія—образецъ тихаго любовнаго отношенія къ жизни,—но Коррадо видитъ въ Бетховенѣ лишь титана, въ душѣ котораго вѣчный ураганъ. Виргиній, въ своемъ желаніи успокоить Коррадо, наводитъ его на мысли о любви, которая можетъ привязать его къ жизни и смягчить его гнѣвъ. Но эти слова еще сильнѣе волнуютъ Коррадо. Онъ говоритъ, что знаетъ любовь,—потому что „жить—значитъ не только страдать самому, но и доставлять страданія другимъ“. Больше онъ сказать не можетъ, такъ какъ не можетъ сознаться другу въ своей любви — въ своей тайной связи съ его сестрой, „чистой Маріей“. Коррадо только говоритъ другу, что уѣзжаетъ опять въ пустыню, разбивъ всѣ жизненныя узы. Онъ уходитъ, едва обмѣнявшись нѣсколькими словами съ вошедшей Маріей. Она приходитъ вся благоухающая; въ рукахъ у нея фіалки, сорванныя по дорогѣ домой. Но при видѣ брата и Коррадо она чувствуетъ, что произошло что-то грустное; она спрашиваетъ, почему они оба такъ блѣдны. Тѣнь нависшей надъ ихъ судьбами катастрофы омрачила ихъ всѣхъ. Ее чувствуютъ и два друга, которые приходятъ, какъ всегда, отдохнуть къ Виргинію послѣ работы. Оба они заняты дѣломъ, „безполезнымъ для жизни“. Одинъ, архитекторъ, воскрешаетъ жизнь старинныхъ камней, открываетъ фрески подъ штукатуркой монастырскихъ стѣнъ; другой—врачъ въ больницѣ для неизлечимыхъ. Они приходятъ всегда „согрѣть душу“ у дружескаго очага, но теперь они чувствуютъ, что безмятежность прежнихъ дней прошла, что нѣтъ мира въ комнатѣ, освѣщенной зеленой лампой, всегда такой тихой и безмятежной. Они чувствуютъ близость грознаго рока—и уходятъ опечаленные. Братъ и сестра остаются—и буря разражается въ ихъ душахъ. Они—прежде столь безмятежные и радостные въ своей спокойной привязанности и гармоничной жизни — призваны вдругъ къ героической роли, къ активному страданію. Ихъ влечетъ какой-то голосъ, который долженъ

ихъ преобразить—и навсегда раздѣлить. Оставшись наединѣ съ братомъ, Марія начинаетъ рыдать. Онъ думаетъ, что ее печалитъ судьба ихъ матери, одинокой женщины, ушедшей отъ ихъ отца и теперь брошенной своимъ другомъ. Онъ говоритъ о томъ, чтобы призвать ее къ нимъ—ее и ея ребенка. Марія отвѣчаетъ, что уже позвала мать—и сдѣлала это не только для нея, но и для себя самой, такъ какъ ей нужна поддержка. Виргиній допытывается о причинахъ ея печали и, наконецъ, узнаетъ, въ чемъ ея трагедія. Она сознается въ своей любви къ Коррадо. Это—ударъ для Виргинія, которому тяжело разстаться съ сестрой, хотя тотъ, кого она полюбила, его близкій другъ. Но его ожидаетъ еще болѣе тяжелый ударъ—Марія сознается ему въ своей связи съ Коррадо и въ томъ, что она скоро будетъ матерью. Героическая натура Коррадо вызываетъ героизмъ и въ другихъ: Виргиній, оправившись отъ перваго момента печали и гнѣва, находитъ въ себѣ силу нести самые тяжелые удары. Онъ примиряется съ любовью Маріи къ Коррадо, съ ея подвигомъ любви, который отниметъ ее у него. Онъ остается одинъ, противопоставляя свою волю и силу своего преображающаго страданія власти событій.

Центръ трагедіи—дальнѣйшая судьба Коррадо, разыгрывающаяся во второй части трагедіи. Власть событій, дикій, стихійный актъ жестокости обрекаетъ его на душевную гибель,—но урокъ его жизни въ томъ, что онъ возсоздаетъ утраченную доблесть своей героической волей. Страданія преображаютъ его и даютъ ему мужество и побѣду надъ судьбой. Къ Коррадо, готовому уѣхать, приходитъ Марія. Онъ написалъ ей прощальное письмо, говоря о необходимости уѣхать. Онъ отрѣзалъ себѣ всѣ отступленія, порвалъ всѣ связи, онъ спѣшитъ,—ему нужно превратить позоръ въ подвигъ, искупить геройствомъ преступленіе. Но Марія приходитъ съ новыми словами любви и утѣшенія. Она хочетъ сопровождать его въ пустыню,—но готова и остаться. Она такъ проникнута тѣмъ, что̀ больше любви,—геройской волей, которую онъ же вдохнулъ въ нее,—что говоритъ о страданіи, какъ объ очищающей силѣ. Такъ свѣтла проникающая ее сила, что Коррадо чувствуетъ, какъ въ немъ просыпается надежда. Она даетъ ему то, чего онъ ждалъ отъ уединенія въ пустынѣ. У него явилась надежда возстановить свою душу. Онъ стремился вдаль, чтобы найти себя въ пустынѣ,—но она, Марія,—его „самая далекая земля", какъ онъ ее называетъ; она воскресила его гимномъ надежды. И тогда, когда ея геройское страданіе воскресило его доблесть, она говоритъ ему о томъ, что будетъ матерью. Это для него знакъ побѣды. Онъ не покорится судьбѣ, а сохранитъ и продолжитъ свое геройство—оно будетъ жить и послѣ него въ его ребенкѣ. Усиліе человѣка, его воля, направленная на созиданіе идеальной жизни, не пропадаетъ, а

сохраняется въ жизни міра. Коррадо взялъ на себя тяжесть человѣческихъ паденій и не падетъ подъ ними, а будетъ пробуждать героическую волю къ добру, идя самъ путемъ страданій и доблестной смерти. Марія уходитъ, разставшись съ нимъ навсегда, оставивъ его на его одинокомъ пути. Она сохранитъ себя для его ребенка—наслѣдника его доблести, вытекающей изъ тяжкаго подвига.

Послѣ ухода Маріи, къ нему приходитъ Виргиній. Въ немъ, прежнемъ спокойномъ изслѣдователѣ источниковъ, строителѣ каналовъ, проснулась тоже геройская воля. Онъ пришелъ не проклинать Коррадо, а помочь ему. Онъ прежде всего хочетъ узнать отъ него, онъ ли убійца,—и Коррадо разсказываетъ. Теперь онъ силенъ—онъ не боится своего преступленія, онъ знаетъ, что побѣдитъ свою вину. „Не можетъ вся красота идеальнаго душевнаго міра быть уничтоженной трупомъ стараго ростовщика... жизнь котораго была подобна жизни хищнаго волка“. Человѣкъ, укрѣплявшій всю жизнь свою волю и достигшій ея героическаго совершенства, не можетъ стать „аттрибутомъ своего поступка“. Свершилось чудо преображенія: любовь Маріи, поднявшейся въ своемъ просвѣтленномъ страданіи выше любви, освѣтила его душу. Онъ разсказываетъ о своемъ преступленіи, и ему не важны мотивы, смягчающіе его вину: безкорыстіе его преступленія, то, что золото убитаго старика ему нужно было не для себя. Онъ не хочетъ смириться и искупать вину; передъ нимъ—душевное творчество. Онъ хочетъ „создать своей волей доблесть своей души“ и передать ее потомству. Радость созиданія побѣждаетъ ужасъ страданій. Геройство его уже подняло дргуую душу,—Виргиній тоже готовъ на подвигъ, онъ хочетъ взять вину друга на себя. Но Коррадо не принимаетъ его жертвы—Виргиній нуженъ для спокойнаго теченія жизни, для устроительства ея, а не для новыхъ внутреннихъ побѣдъ духа. Коррадо самъ рѣшитъ свою судьбу, оставшись одинъ съ своимъ вѣрнымъ слугой, привезеннымъ изъ дикихъ странъ. Слуга, играющій въ трагедіи роль античнаго хора, выясняетъ Коррадо его собственную волю. Когда стучатся въ двери и осаждаютъ ихъ,—т.-е. когда приходятъ люди взять Коррадо, какъ заподозрѣннаго убійцу, онъ встрѣчаетъ ихъ съ оружіемъ въ рукахъ. Онъ самъ себѣ судья и будетъ бороться противъ правосудія людей—будетъ создавать свою душу.

Вотъ содержаніе трагедіи, прославляющей не преступленіе, а огонь Прометея, мятежъ противъ каръ, творчество героической воли. Идея не новая: искупленіе вины человѣчества путемъ взятаго на себя преступленія—одна изъ основныхъ трагическихъ темъ въ искусствѣ. Разработана она въ трагедіи д'Аннунціо со свойственнымъ ему паѳосомъ, лишь иногда впадающимъ въ риторизмъ. Но во всѣхъ дѣйствующихъ лицахъ трагедіи чувствуется дыханіе глубокаго трагизма,—

и подвигъ каждаго изъ нихъ изображенъ съ огнемъ и убѣждаетъ въ искупительной силѣ ихъ геройства. — З. В.

II.

— Geschichte der „Frankfurter Zeitung" von 1856 bis 1906. Herausgegeben vom Verlag der „Frankfurter Zeitung". Frankfurt-am-Main, 1906.

Огромный томъ in folio, въ 976 страницъ, красиво отпечатанный на отличной бумагѣ, снабженный именнымъ и предметнымъ указателемъ, съ прекраснымъ портретомъ „директора" Леопольда Зоннеманна, изящно переплетенный, — таковъ внѣшній видъ „Исторіи Франкфуртской Газеты". Содержаніе фоліанта гармонируетъ съ его богатою внѣшностью. Рѣдко книги издаются съ такой тщательностью и любовью. Въ составленіи юбилейной исторіи знаменитой газеты принимали участіе свыше двадцати-пяти лицъ: редакторы, постоянные сотрудники, корреспонденты, вообще лица, близко стоявшія или стоящія къ изданію. Они располагали богатымъ матеріаломъ; его доставили, во-первыхъ, пятьдесятъ годовыхъ комплектовъ самой „Франкфуртской Газеты", затѣмъ — значительный архивъ редакціи и издательства, наконецъ, — личныя воспоминанія авторовъ, изъ которыхъ многіе работали въ газетѣ десятки лѣтъ.

Свою задачу редакція изданія намѣтила широко, справедливо полагая, что исторія большой политической газеты есть, въ извѣстной мѣрѣ, исторія ея времени и не можетъ ограничиться изложеніемъ внѣшней судьбы изданія, эволюціи его литературнаго типа, редакціонныхъ вѣяній и технической организаціи. „Франкфуртская Газета" почти съ самаго ея основанія заняла и продолжаетъ удерживать за собой выдающееся положеніе среди органовъ нѣмецкой и европейской прессы. Въ теченіе полувѣка она отражала на своихъ страницахъ событія міровой политики, государственной жизни Германіи, законодательства, соціальныхъ движеній, народно-хозяйственнаго быта, наконецъ—литературы, науки, искусства. Рано и безповоротно избравъ свое направленіе, газета примкнула къ опредѣленной соціально-политической программѣ и затѣмъ шла въ ногу съ широкимъ демократическимъ движеніемъ, дѣля съ нимъ радости, заботы и—репрессіи. И въ этомъ огромномъ томѣ читатель, дѣйствительно, найдетъ не только жизнеописаніе газеты, но и исторію ея современности. Введеніе характеризуетъ тотъ историческій моментъ въ европейской, нѣмецкой и мѣстной франкфуртской жизни, когда Леопольдъ Зоннеманнъ основалъ „Франкфуртскую Газету", во главѣ которой онъ стоялъ потомъ безсмѣнно полвѣка. Затѣмъ изложеніе распадается на четыре крупныхъ отдѣла,

по періодамъ: 1856—1866, 1866—1879, 1879—1890 и 1890—1906 гг. Участіе выдающихся спеціалистовъ-сотрудниковъ дало возможность детализировать изложеніе, и отдѣльная глава посвящена техническому развитію изданія, характеристикѣ смѣнявшихъ другъ друга редакціонныхъ составовъ, обзору разныхъ отдѣловъ газеты и т. д.; затѣмъ—особо выдѣлены международныя отношенія, законодательство, государственное и народное хозяйство, биржа. Въ каждомъ періодѣ особыя характеристики посвящены событіямъ въ отдѣльныхъ странахъ Европы. И къ свѣдѣнію русскихъ историковъ отмѣтимъ, что въ „Исторіи Франкфуртской Газеты“ они найдутъ немало страницъ, посвященныхъ русскимъ событіямъ. Весьма любопытно читать извлеченія изъ политическихъ обозрѣній и корреспонденцій газеты и слѣдить, какъ на страницахъ свободнаго и демократическаго европейскаго органа отражались и оцѣнивались выдающіеся моменты нашего политическаго движенія 60—70—80—90-хъ годовъ, когда русская печать часто принуждена бывала ихъ замалчивать. Между прочимъ, обозрѣватель не однажды отмѣчаетъ и тѣ гоненія со стороны русской цензуры, какія испытывала „Франкфуртская Газета“, перебираясь черезъ русскую границу. Для русскаго читателя „Франкфуртской Газеты“ безобразная „икра“, покрывающая ея страницы—воспоминаніе не далѣе, какъ вчерашняго дня.

Обозрѣвая въ заключительной главѣ весь пройденный путь, издательство съ чувствомъ большого удовлетворенія констатируетъ, что многое изъ того, что̀ проповѣдывала „Франкфуртская Газета“ со дня ея основанія и что̀ казалось прежде только идеологіей,—потомъ осуществилось въ жизни Германіи и другихъ европейскихъ странъ какъ нормы правового государства и гражданской свободы. Отмѣтимъ in memoriam, что въ теченіе многихъ десятилѣтій эта демократическая газета не уставала твердить, что и для Россіи лучшимъ спасеніемъ отъ „длительнаго крушенія“ было бы введеніе тѣхъ же конституціонныхъ формъ.

Съ такимъ же чувствомъ удовлетворенія редакція подводитъ итоги и матеріальному, и техническому росту газеты. Начавъ свое существованіе въ качествѣ скромнаго биржевого листка, „Франкфуртская Газета“ стоитъ теперь въ ряду самыхъ обширныхъ періодическихъ изданій; ея отдѣлы торговый, политическій, литературный, по богатству матеріала, могли бы смѣло существовать какъ отдѣльныя изданія. Вмѣсто стараго печатнаго станка теперь къ услугамъ редакціи готовы ротаціонныя и наборныя машины—какъ и телеграфъ, телефонъ и кабель.

Излагая полувѣковую исторію политической газеты, составителямъ книги приходилось не разъ провѣрять на историческихъ фактахъ справедливость или ошибочность сужденій и предсказаній „Франкфуртской Газеты“, равно какъ и оцѣнивать взгляды и дѣйствія ея теоретическихъ

и политическихъ противниковъ. Однако, редакція считала необходимымъ писать исторію ad narrandum non ad probandum, и справедливость требуетъ признать, что составители съумѣли избѣжать ненужной полемики и завѣдомой тенденціозности.

Русскій журналистъ просматриваетъ роскошный фоліантъ „Исторіи „Франкфуртской Газеты“ не безъ чувства зависти. Нѣмецкому читателю онъ не можетъ указать подобнаго изслѣдованія по исторіи русской періодической печати.

Намъ припоминается только одна книга, посвященная исторіи газеты, издававшейся въ Россіи, и это была опять *нѣмецкая* газета: Die Geschichte der „St.-Petersburger Zeitung“, 1727—1902 (St.-Petersburg, 1902, IX+256 S.).—Н. К. П—въ.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 апрѣля 1907.

Общій характеръ настроенія второй Государственной Думы.—Перемѣна ролей въ борьбѣ Думы съ министерствомъ.—Поведеніе и грубыя выходки крайнихъ правыхъ.—Походъ „союза русскаго народа" противъ Думы.—Показатели нравовъ.—Къ увольненію отъ службы генерала Суботича.—Проф. Н. П. Вагнеръ †.—П. М. Ковалевскій †.

Фельетонистъ одной газеты не безъ остроумія писалъ недавно, что въ будущихъ учебникахъ исторіи будутъ такія названія: „Дума первая—короткая"; „Дума вторая—осторожная". Осторожность и сдержанность, пока-что̀, дѣйствительно составляютъ главныя характерныя черты второй Государственной Думы.

Созванная хотя и послѣ шести мѣсяцевъ суроваго подавленія эксцессовъ освободительнаго движенія, первая Дума все-таки собралась подъ впечатлѣніемъ побѣды новыхъ идеаловъ надъ старымъ укладомъ государственной и общественной жизни. Побѣда, формулированная въ манифестѣ 17 октября, казалась тогда совершившимся фактомъ, который требуетъ лишь закрѣпленія и логическаго развитія, въ видѣ немедленнаго отказа исполнительной власти отъ старыхъ пріемовъ управленія и немедленнаго уже разрѣшенія мучительно назрѣвшихъ правовыхъ и соціальныхъ вопросовъ. Народъ при первыхъ выборахъ добросовѣстно считалъ, что онъ уже сталъ, черезъ посредство единенія царя съ посылаемыми народомъ представителями, хозяиномъ и распорядителемъ своихъ судебъ. Въ требованіяхъ, предъявлявшихся избирателями избранникамъ, не столько слышалось: „*добивайтесь* земли и воли",—сколько: „*дайте* землю и волю". И вѣрно отражавшіе то, что̀ думало, чувствовало и ощущало населеніе въ тотъ моментъ, члены первой Государственной Думы вошли въ Таврическій дворецъ съ сознаніемъ принятой на себя отвѣтственности за все, что̀ произойдетъ послѣ 27 апрѣля. Это сознаніе руководило ими въ теченіе всѣхъ быстро промелькнувшихъ семидесяти-двухъ дней. Оно продиктовало открытое и безъ обиняковъ обращеніе къ монарху въ отвѣтномъ адресѣ, негодующее выраженіе перваго недовѣрія министерству послѣ деклараціи 13 мая, длинный рядъ рѣзкихъ формулъ перехода къ очереднымъ дѣламъ—по поводу повѣшеній и разстрѣловъ, административныхъ арестовъ и ссылокъ и бѣлостокскаго погрома—и обращеніе къ народу съ призывомъ къ успокоенію, когда было основаніе ожидать, что правительственное сообщеніе отъ 20 іюня

вызоветъ въ крестьянахъ реакцію, обратную предположеніямъ министерства.

Вторая Дума собралась подъ впечатлѣніемъ роспуска первой. Роспускъ и семь мѣсяцевъ междудумья показали, что 17-ое октября было днемъ не наступившаго, а лишь обѣщаннаго перелома,—обѣщаннаго условно и въ неопредѣленномъ будущемъ. Народъ во-очію увидѣлъ и убѣдился, что исходить изъ побѣды идеаловъ свободы и права, какъ изъ совершившагося факта, преждевременно. Онъ уже и въ мысляхъ не имѣлъ говорить при вторыхъ выборахъ своимъ избранникамъ: „*дайте* землю и волю". Народъ имъ говорилъ: „*добивайтесь*". Добивайтесь—значитъ будьте тверды и настойчивы, но главное—не рискуйте потерять возможность добиться, т.-е., другими словами: „берегите Думу". Подъ этимъ лозунгомъ производились выборы, съ нимъ Дума начала 20 февраля свою дѣятельность, и этотъ же наказъ идетъ къ членамъ Думы съ мѣстъ въ крестьянскихъ приговорахъ и въ отдѣльныхъ письмахъ крестьянъ-избирателей. Различно понимаютъ избиратели, зачѣмъ нужно беречь Думу, и различно же понимаютъ это представители народа. Но всѣ—кромѣ тѣхъ, кто вторятъ крику: „долой подлую конституцію",—сходятся въ томъ, что существованіе Думы необходимо беречь. Въ прошломъ году избиратели торопили и подталкивали избранниковъ; ихъ письма были нервны и часто приносили съ мѣстъ ноту укора. Теперь избиратели обычно начинаютъ съ успокоенія и съ заявленія, что они вѣрятъ своимъ представителямъ. Весьма характерныя полуграмотно написанныя строки пришлось намъ читать на-дняхъ: „Народъ вѣритъ въ Думу и надѣется, что только Дума можетъ дать, что хочетъ народъ. Мы съ вами всегда. Одно только насъ и весь народъ волнуетъ, что разгонятъ Думу; только и слышны печальныя слова народа".

Роспускъ первой Думы показалъ, что фактически невелики у членовъ Думы права, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, что далеко не достигаютъ степени величія и лежащія на нихъ обязанности. Во всякомъ случаѣ, ихъ права и обязанности отнюдь не таковы, когда на людей ложится отвѣтственность за все совершающееся. При основномъ лозунгѣ „беречь Думу" нѣтъ мѣста для сознанія отвѣтственности за революціонные террористическіе акты, за столкновенія на аграрной почвѣ и за удары, наносимые экономическому положенію страны политическими забастовками—съ одной стороны—и за казни, произволъ и хроническое превышеніе или бездѣйствіе власти—съ другой. При этомъ лозунгѣ отвѣтственность съуживается до отвѣтственности за свои личныя дѣйствія и никоимъ родомъ не можетъ переходить грани отвѣтственности за совершающееся внутри стѣнъ парламента. Думѣ второго созыва не представило психологически непреоборимой

трудности воздержаться отъ составленія и направленія на Высочайшее имя програмнаго адреса и отъ вотума недовѣрія министерству въ отвѣтъ на декларацію 6 марта. Мало того: въ теченіе цѣлаго мѣсяца Дума не сдѣлала министерству ни одного запроса. Мыслима ли была такая сдержанность въ Думѣ перваго созыва?

Но въ отношеніи глубины заложеннаго въ душу большинства членовъ Думы чувства протеста, вторая Дума ушла даже дальше первой. Она таитъ въ себѣ непримиримый протестъ. Безконечно неправильна, произвольна и противорѣчива наша избирательная система, къ тому же еще подвергшаяся министерскимъ и сенатскимъ „разъясненіямъ". Но что значитъ проснувшійся отъ вѣковой спячки и сознательно вдругъ оглядѣвшійся народъ! Какъ первые выборы дали Думу, съ точностью фотографіи отражавшую нервность, порывистость и вѣру въ наступившее обновленіе, въ связи съ страстной торопливостью видѣть его реализованнымъ, — въ чемъ заключались основныя черты народнаго настроенія прошлаго года,—такъ и вторые выборы превозмогли всѣ препятствія закона и „разъясненій", чтобы одинаково вѣрно отразить черты настроенія настоящей минуты. Военно-полевые суды, городовые съ ружьями, стражники, аресты, ссылки, привлеченія по 126 и 129 статьямъ—чугунной крышкой придавили пары кипѣнія въ котлѣ народнаго горя и стремленія къ свѣту и къ новой правдѣ. Шумъ кипѣнія не выбивается внаружу. Его не слышно. Не выбиваются и клубы пара. Ихъ не видно: лишь вылетаютъ отдѣльныя струйки. Но процессъ не остановился... Такъ и вторая Дума: она сдержанно-спокойна и нетороплива, она не реагируетъ бурно ни на что, въ ней нѣтъ экспансивной вѣры. Психику ея членовъ давитъ чугунная крышка съ начертаннымъ на ней словомъ „роспускъ"...

Любопытно перемѣнились роли во второй Думѣ, сравнительно съ первой, какъ внутри ея самой, такъ и въ соотношеніи между нею и представителями правительства. Первая Дума сразу, какъ только избрала предсѣдателя, повела стремительную аттаку на министерство И. Л. Горемыкина. Она все время нападала—и въ рѣшеніяхъ, принимавшихся подавляющимъ большинствомъ голосовъ, а во многихъ случаяхъ единогласно, и въ рѣчахъ отдѣльныхъ ораторовъ. А правительство—оборонялось. Не только въ деклараціи 13 мая, но даже въ „боевыхъ" рѣчахъ по аграрному вопросу гг. Стишинскаго и Гурко доминирующею была нота обороны, оправданія. Вторая Дума—по крайней мѣрѣ въ теченіе перваго мѣсяца ея существованія—этой ноты не слыхала. Когда 6-го марта г. Столыпинъ говорилъ, что „правительству желательно было бы изыскать ту почву, на которой возможна

была бы совмѣстная работа, найти тотъ языкъ, который былъ бы одинаково намъ понятенъ“, — то чувствовалось, что эти почву и языкъ предсѣдатель совѣта министровъ отнюдь не намѣренъ искать въ воззрѣніяхъ и стремленіяхъ Государственной Думы. „Я утверждаю—говорилъ онъ далѣе,—что Государственной Думѣ волею монарха не дано права выражать правительству неодобреніе, порицаніе и недовѣріе. Это не значитъ, что правительство бѣжитъ отъ отвѣтственности. Безуміемъ было бы полагать, что люди, которымъ вручена была власть, во время великаго историческаго перелома, во время переустройства всѣхъ государственныхъ, законодательныхъ устоевъ, чтобы люди, сознавая всю тяжесть возложенной на нихъ задачи, не сознавали и тяжести взятой на себя отвѣтственности“. Но... „за наши дѣйствія въ эту историческую минуту, — дѣйствія, которыя должны вести не ко взаимной борьбѣ, а къ благу нашей родины, мы точно также, какъ и вы, дадимъ отвѣтъ предъ исторіей“. Только передъ исторіей призналъ себя отвѣтственнымъ представитель исполнительной власти! Закончилъ свою рѣчь П. А. Столыпинъ возгласомъ: „не запугаете“!—по адресу нападокъ на правительство, „ведущихъ къ созданію настроенія, въ атмосферѣ котораго должно готовиться открытое выступленіе“.

Слова: „не запугаете“ должны быть начертаны на знамени каждаго правительства. Иначе оно не будетъ властью. Но какихъ нападокъ не имѣетъ права страшиться правительство? Тѣхъ ли, которыя направлены на правовые устои и на бытіе государства, или также и тѣхъ, объектъ которыхъ составляютъ данныя конкретныя дѣйствія даннаго состава правительства? Думаемъ, что въ конституціонномъ государствѣ не можетъ быть и рѣчи объ отождествленіи государства и правительства. „L'état c'est moi“—не можетъ говорить даже конституціонный монархъ, не только правительство. Прямого смѣшенія государства съ правительствомъ въ словахъ г. Столыпина, впрочемъ, и не было. Онъ, напротивъ, говорилъ: „людямъ свойственно и ошибаться, и увлекаться, и злоупотреблять властью; пусть эти злоупотребленія будутъ разоблачены, пусть они будутъ судимы и осуждаемы“... Но гдѣ ясная граница между разоблаченіемъ злоупотребленій и „нападками, ведущими къ созданію настроенія, въ атмосферѣ котораго *должно* готовиться открытое выступленіе“? Граница, повидимому,—въ подчеркнутомъ словѣ: „должно“, — т.-е., въ намѣренности нападокъ съ цѣлью созданія настроенія для подготовленія открытаго выступленія уже не противъ тѣхъ или иныхъ министровъ, а противъ существующаго государственнаго строя. Кто, однако, компетентенъ устанавливать наличность подобной цѣли въ каждомъ случаѣ конфликта между народными представителями и министерствомъ? Фактически, какъ показалъ опытъ первой Думы, министерство считаетъ себя вполнѣ для этого

компетентнымъ. Теперь у него появился еще конкуррентъ въ лицѣ „союза русскаго народа". И Государственная Дума второго созыва отлично знаетъ, что не рѣзкіе, но малообоснованные призывы, съ крайней лѣвой стороны, вѣрнѣе вызовутъ роспускъ Думы, а спокойныя, конституціонно-безукоризненныя дѣйствія центра. Тому, на кого нападаютъ, никогда не трудно усмотрѣть въ нападкѣ, что она намѣренно ведетъ къ созданію атмосферы, въ которой и т. д.

Семь мѣсяцевъ не разъ свидѣтельствовали, что правительство „смотритъ въ корень". Чѣмъ иначе объяснить преслѣдованія, которымъ подвергались кадеты, какъ не тѣмъ, что ихъ дѣятельность признавалась и признается намѣренно ведущей къ созданію настроенія, въ атмосферѣ котораго зрѣетъ активная революція? „Новое Время", устами гг. Меньшикова и А. Столыпина, уже давно твердитъ о подстрекательствѣ къ политическимъ убійствамъ и о подстрекателяхъ. Оно пока, кажется, только не называло именъ. „Откровенный" членъ Думы г. Шульгинъ позволилъ себѣ перейти и эту пограничную черту политической этики и политическаго приличія. Вотъ выдержка изъ оффиціальнаго стенографическаго отчета о засѣданіи 12-го марта. Г. Шульгинъ обусловливалъ возможность упраздненія военно-полевыхъ судовъ слѣдующими соображеніями: „Разумѣется, если партія народной свободы или какая-нибудь иная предложитъ намъ проектъ, который бы лучше съ корнемъ вырывалъ зло, если они съумѣютъ предложить намъ что-нибудь такое, благодаря чему на висѣлицу будутъ попадать не тѣ несчастные сумасшедшіе маніаки, которыхъ посылаютъ на убійство другіе люди, а будутъ попадать именно тѣ, которые ихъ послали, интеллектуальные убійцы, подстрекатели, умственныя силы революціи, которые пишутъ и говорятъ передъ нами открыто, если будутъ попадать такіе люди, какъ извѣстные у насъ писатели-убійцы, напримѣръ (*голосъ*: Крушеванъ), — нѣтъ не Крушеванъ,—а гуманный и дѣйствительно талантливый писатель В. Короленко, убійца Филонова"!.. Извѣстность В. Г. Короленко освобождаетъ насъ отъ обязанности говорить что-либо по поводу этого гнуснаго извѣта. Мы его отмѣчаемъ, какъ откровенное разоблаченіе тайныхъ мыслей, принадлежащихъ не одному г. Шульгину...

Еще въ день открытія Думы, 20 февраля, П. А. Столыпинъ обратился къ предсѣдателю Думы, Ѳ. А. Головину, съ вопросомъ, когда ему будетъ предоставлено прочесть декларацію министерства. Дума рѣшила, согласно проекту наказа, выработанному первой Думой, прежде всего конституироваться, т.-е. избрать товарищей предсѣдателя, секретаря и его товарищей, затѣмъ разбиться на отдѣлы и провѣрить

полномочія. Днемъ перваго выступленія министерства было назначено 2-ое марта. Но случилось нѣчто неожиданное: въ залѣ засѣданій въ шестомъ часу утра обвалился потолокъ, — случилась, какъ выразился въ видѣнномъ нами письмѣ одинъ крестьянинъ,—„такая м....., что ни въ одной державѣ небывалая". Свою сдержанность Дума характерно проявила и въ отношеніи этого инцидента. Въ засѣданіи 2 марта, открытомъ въ круглой залѣ Таврическаго дворца, раздавались негодующія рѣчи. Но если эти рѣчи и встрѣчали откликъ въ чувствахъ большинства членовъ Думы, то гораздо менѣе по существу вопроса, нежели вслѣдствіе того, что въ круглой залѣ вести засѣданіе было дѣйствительно невозможно, почему казалось, что въ занятіяхъ Думы произойдетъ долгій перерывъ. По счастью, перерывъ продолжался всего четыре дня, а когда затѣмъ, послѣ трехъ засѣданій въ дворянскомъ собраніи, Дума вернулась въ свою залу, обезображенную дощатой потолочной подшивкой, объ обвалѣ никто и не упомянулъ.

И до перерыва, и во время его, лѣвыя партіи неоднократно собирались для установленія единства дѣйствій въ отношеніи министерской деклараціи. Установить полное единство не удалось. Соціалъ-демократы не отказались говорить и внесли мотивированную формулу перехода къ очереднымъ дѣламъ. Всѣ же остальныя фракціи рѣшили промолчать въ отвѣтъ на декларацію и ограничиться простой формулой: „выслушавъ заявленіе предсѣдателя совѣта министровъ, Государственная Дума переходитъ къ очереднымъ дѣламъ". Эта формула и была принята 6 марта подавляющимъ большинствомъ голосовъ. Подобное рѣшеніе нельзя не признать единственно-правильнымъ и согласнымъ съ достоинствомъ Думы выходомъ изъ положенія. Послѣ вотума недовѣрія совмѣстная работа палаты представителей и министерства — конституціонный абсурдъ. Или министерство должно выйти въ отставку, или долженъ послѣдовать роспускъ представителей. Разсчитывать на первое, при данныхъ условіяхъ и обстоятельствахъ, было совершенно наивно. Создавать неизбѣжность второго исхода было бы со стороны Думы, опять при данныхъ условіяхъ и обстоятельствахъ, преступно. Пренія же безъ вотума недовѣрія были ненужны. Соціалъ-демократы считали, что они обязаны высказаться, дабы страна знала, что они осуждаютъ мрачное междудумье и сохраненіе власти въ рукахъ министерства П. А. Столыпина. Неужели не только имъ, но даже кадетамъ, есть надобность показывать и доказывать свое отрицательное отношеніе къ министерству?

На фонѣ рѣчей гг. Церетели и Алексинскаго рѣчи союзниковъ министерства изъ правыхъ фракцій Думы прозвучали съ перваго же раза, 6 марта, крайне безцвѣтно. Но впечатлѣніе было бы еще болѣе

яркимъ, еслибы слѣва вовсе никто тогда не говорилъ. „Ну и союзники у министровъ!“—сказало намъ, послѣ рѣчей въ защиту военно-полевыхъ судовъ г-дъ Крушевана, Шульгина, Пуришкевича, Крупенскаго и графа Бобринскаго, лицо, близко стоящее къ министерству. Да, дѣйствительно, самому злѣйшему врагу грѣшно пожелать такихъ союзниковъ. Говорятъ они въ Думѣ много, и каждая новая ихъ рѣчь все болѣе убѣждаетъ, какую жалкую умственную силу они собой представляютъ. Безнадежная бездарность и полная неосвѣдомленность, переходящая въ грубое невѣжество, такъ и бьютъ изъ-за хлесткихъ, безсодержательныхъ словъ. Зло, но мѣтко, оцѣнилъ по достоинству значеніе рѣчей гр. Бобринскаго и г. Пуришкевича Н. Н. Кутлеръ въ засѣданіи 23 марта. В. Н. Коковцовъ и П. А. Столыпинъ 20 марта рѣзко критиковали рѣчь г. Кутлера по поводу бюджета. 23 марта Н. Н. Кутлеръ имъ подробно возражалъ. А на слова г. Пуришкевича и графа Бобринскаго, которые выступили въ подмогу министру финансовъ, „я—сказалъ онъ—отвѣчу пословицей: куда конь съ копытомъ, туда и ракъ съ клешней“. Дума откликнулась на эту отповѣдь аплодисментами и тѣмъ уничтожающимъ смѣхомъ, которымъ она привыкла уже награждать за ихъ выкрики съ каѳедры г-дъ Пуришкевича и Крушевана.

Смѣхомъ же лѣвая половина Думы обыкновенно реагируетъ на выкрики съ мѣстъ, которыми члены „союза русскаго народа“ позволяютъ себѣ перебивать ненравящихся имъ ораторовъ. Въ первой Думѣ грубые окрики шли съ крайней лѣвой стороны по адресу правительства. Во второй—крайняя лѣвая ведетъ себя въ этомъ отношеніи безупречно. Она спокойно выслушала даже слова г. Щегловитова, назвавшаго „безграничнымъ произволомъ“ заявленіе о запросѣ по дѣлу объ избитомъ полиціей въ г. Красноуфимскѣ членѣ Государственной Думы Сиговѣ. Зато крайняя правая порою прямо неистовствуетъ. Наиболѣе обращаютъ на себя вниманіе графъ Бобринскій и г. Пуришкевичъ, которымъ предсѣдатель уже не разъ напоминалъ о статьѣ 38 учрежденія Государственной Думы, гласящей, что „въ случаѣ нарушенія порядка членомъ Думы онъ можетъ быть удаленъ изъ засѣданія или устраненъ на опредѣленный срокъ отъ участія въ собраніяхъ Думы“. „Многихъ депутатовъ—заявилъ письмомъ въ редакцію „Руси“ (№ 76) одинъ членъ Думы—крайне возмущаетъ и раздражаетъ прямо неприличное поведеніе нѣкоторыхъ представителей съ правыхъ скамей: не довольствуясь частыми выступленіями всей группы правыхъ съ неистовыми воплями и угрожающими жестами,—отдѣльные представители нарушаютъ порядокъ въ теченіе всего засѣданія при рѣчахъ не нравящихся имъ депутатовъ съ лѣвой или изъ центра, безпрестанно выкрикивая насмѣшливо чуть не на всю залу: „такъ!“ „ага!“ „еще бы!“

Особенно отличается въ этомъ отношеніи гр. Бобринскій; различные возгласы или какіе-то нечленораздѣльные звуки вылетаютъ изъ его устъ особенно часто. Для характеристики поведенія гр. Бобринскаго во время рѣчей можетъ служить слѣдующее его замѣчаніе: когда 16-го марта членъ Думы Сиговъ, говоря объ избіеніи полиціей его и члена Думы Ершова, упомянулъ о томъ, что полиція не могла не знать, кто они такіе,—со стороны гр. Бобринскаго послѣдовало такое громогласное замѣчаніе: „какъ же не знать такихъ хулигановъ“. Подобныя же выходки продолжались и во время дальнѣйшей рѣчи г. Сигова. Не найдется ли среди правыхъ кто-нибудь, кто указалъ бы гр. Бобринскому на все неприличіе поведенія его и ему подобныхъ?...

Грубыя выходки противъ политическихъ противниковъ изъ членовъ Думы неприличны и свидѣтельствуютъ, что позволяющіе себѣ ихъ дѣлать не доросли до уваженія чужого мнѣнія и свободы слова. Но неизмѣримо болѣе неприличны такія же выходки по адресу предсѣдателя Думы. Проникшіе въ Думу монархисты разныхъ наименованій перебиваютъ и Ѳ. А. Головина, возражаютъ крикомъ на его замѣчанія, требуютъ, чтобы онъ останавливалъ ораторовъ и т. д. Въ засѣданіи 22-го марта произошелъ слѣдующій инцидентъ. Г. Алексинскій въ своей рѣчи—кстати сказать, чрезвычайно содержательной, умѣло построенной и хорошо сказанной—между прочимъ привелъ выдержку изъ англійскаго журнала „Экономистъ“, гдѣ роспускъ первой Думы былъ названъ вѣроломнымъ актомъ, такъ какъ „русское правительство наканунѣ своего послѣдняго займа опредѣленно обязалось предъ западными капиталистами, что русскіе финансы будутъ подчинены надзору представительнаго учрежденія и что займы не будутъ болѣе производиться безъ санкціи Думы“. Дальнѣйшее изложено въ стенографическомъ отчетѣ петербургскаго телеграфнаго агентства („Товарищъ“, № 223) такъ: „Шумъ на правыхъ скамьяхъ. Деп. *Бобринскій*, обращаясь къ предсѣдателю, заявляетъ: здѣсь было оскорбленіе Величества, мы не можемъ оставаться, мы уходимъ. *Предсѣдатель*: Если кому-нибудь угодно уйти изъ залы засѣданія, это ему не возбраняется. Членъ думы Алексинскій прочелъ то, что̀ было напечатано въ извѣстной газетѣ, и своихъ комментарій къ этому не дѣлалъ. (Правые удаляются изъ залы; аплодисменты лѣвыхъ). Деп. *Алексинскій*. Мало этого, я прочелъ цитату изъ книги, вышедшей въ г. Петербургѣ, изданной петербургскимъ книгоиздателемъ, и, вѣроятно, г-да цензоры, тщательно пересмотрѣвшіе ее и болѣе опытные въ отношеніи цензированія, чѣмъ г. Пуришкевичъ, не допустили бы, еслибы увидѣли тамъ что-либо преступное“.

Болѣе, чѣмъ умѣренное, „Слово“ по поводу этого инцидента написало: „Въ Думѣ вчера произошелъ инцидентъ, который трудно

иначе назвать, какъ революціоннымъ стремленіемъ со стороны крайнихъ правыхъ сорвать Думу. Произошелъ онъ во время рѣчи депутата Алексинскаго, когда ораторъ привелъ отзывъ иностраннаго журнала о роспускѣ первой Думы. Эта демонстрація и этотъ протестъ не особенно удивили присутствующихъ, но это выступленіе правыхъ нельзя назвать иначе, какъ покушеніемъ съ негодными средствами. Цитата, приведенная депутатомъ Алексинскимъ, не заключала въ себѣ ни малѣйшаго намека на верховную власть, и вся Дума могла только недоумѣвать, какое именно выраженіе подразумѣвается правыми, когда они заговорили объ оскорбленіи Величества. Когда же это разъяснилось, то оставалось лишь сожалѣть о недостойной выходкѣ правыхъ революціонеровъ, дерзостно воспользовавшихся именемъ верховной власти для своихъ личныхъ цѣлей—для возстановленія той же самой верховной власти противъ Думы".

Возстановить верховную власть противъ представителей народа дѣйствительно составляетъ задачу въ Думѣ членовъ „союза русскаго народа". И документъ, выдержки изъ котораго мы приводимъ ниже, показываетъ, что эту благородную задачу они поставили себѣ не вслѣдствіе дѣйствій думскаго большинства, а гораздо ранѣе — съ ней они вошли въ составъ высшаго законодательнаго учрежденія страны.

Въ день убійства въ Москвѣ Г. Б. Іоллоса на страницахъ „Русскаго Знамени" появился таинственный черный крестъ подъ заголовкомъ: „Дѣятельность союза русскаго народа". Послѣ того, что разоблачило производящееся финляндскими властями слѣдствіе по дѣлу объ убійствѣ М. Я. Герценштейна, и такъ какъ убійство Г. Б. Іоллоса было совершено противъ дома, гдѣ помѣщается редакція московскаго органа союза, лицомъ, вышедшимъ со двора этого дома,—таинственный крестъ естественно было поставить въ связь съ новымъ актомъ революціоннаго террора справа. Но г. Пуришкевичъ въ бесѣдѣ съ интервьюеромъ отвергъ эту связь и сказалъ, что крестъ означаетъ иное,—что это условный знакъ для провинціальныхъ отдѣловъ союза, смыслъ котораго станетъ для всѣхъ яснымъ черезъ десять дней. Дѣйствительно, въ назначенный срокъ таинственность разъяснилась. Черный крестъ символизировалъ не погромъ и не смерть Г. Б. Іоллоса, а смерть Государственной Думы. Какъ и въ маѣ прошлаго года, изъ всѣхъ щелей, гдѣ ютятся черносотенцы, посыпались телеграммы на Высочайшее имя съ просьбой немедленно „разогнать" Думу.

А черезъ три дня затѣмъ „Рѣчь" (№ 69) напечатала циркуляръ „главнаго совѣта союза русскаго народа", датированный 28 февраля

1907 г. и подписанный г. Пуришкевичемъ. Циркуляръ, по внѣшности, стилю, формѣ и способу изложенія, ничѣмъ не отличающійся отъ произведеній казенныхъ канцелярій, начинается съ изложенія обстоятельствъ „дѣла", затѣмъ содержитъ въ себѣ соображенія и заканчивается предложеніями „къ исполненію". „Личный составъ второй Думы—писалъ г. Пуришкевичъ — представляетъ крайне удручающую картину; о какой-либо созидательной работѣ и рѣчи быть не можетъ. Въ Думѣ болѣе 250 террористовъ различныхъ наименованій и оттѣнковъ: соц.-дем., с.-р. и труд., смотрящихъ на Думу, какъ на мощное средство ускорить самое тяжкое проявленіе революціи въ Россіи и низвергнуть монархію. Роспускъ Думы представляется явленіемъ крайне желательнымъ — необходимымъ и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, ибо затяжной характеръ „работы" Думы ведетъ къ самому пагубному революціонизированію народныхъ массъ, съ думской каѳедры, открыто, на всю Россію, предъ глазами дремлющей власти". Далѣе авторъ циркуляра, подтверждая, какъ фактъ, „что изстрадавшаяся Россія съ возобновленіемъ дѣятельности Думы—этой всероссійской тлетворной говорильни, стала ближе къ новымъ ужасамъ и потокамъ крови, что тронъ Государя нашего Самодержца Всероссійскаго въ опасности", — предлагалъ предсѣдателямъ мѣстныхъ отдѣловъ союза „къ немедленному исполненію": „1) Съ того момента, когда въ органѣ союза — „Русскомъ Знамени"—на первой страницѣ появится знакъ креста—†, тотчасъ же начать обращаться съ настойчивыми телеграммами (копіи всего присылать немедленно въ союзъ—мнѣ) къ Государю Императору и къ предсѣдателю совѣта министровъ Столыпину, и въ этихъ телеграммахъ настойчиво просить и даже требовать: а) немедленнаго роспуска Думы, растлѣвающей народныя массы, а не созидающей народное благосостояніе, и б) измѣненія во что бы то ни стало избирательнаго закона, безъ чего Государственная Дума не окажется трудоспособной, ибо будетъ всегда въ большей своей части состоять изъ общественныхъ отбросовъ и преступниковъ. 2) Въ день роспуска Думы или въ одинъ изъ ближайшихъ дней, обсудивъ положеніе въ составѣ отдѣла, устроить въ самыхъ широкихъ размѣрахъ патріотическую манифестацію послѣ молебна съ выносомъ знамени, а гдѣ его еще нѣтъ, хоругви отдѣла". Въ заключеніе рекомендовалось: „Настоящій циркуляръ главнаго совѣта, по ознакомленіи съ нимъ наиболѣе серьезныхъ членовъ совѣта и отдѣла—сжечь, приступивъ къ выполненію его предложеній въ указанное время".

Нужны ли подробные комментаріи? Нужно ли подчеркивать дату документа — 28-ое февраля, когда Дума имѣла всего три засѣданія, посвященныхъ исключительно образованію президіума и дѣленію на отдѣлы?.. Мы—сторонники самой широкой свободы легальныхъ средствъ

политической борьбы. Мы допускаемъ самое крайнее различіе политическихъ воззрѣній и идеаловъ. Но симмуляція общественнаго мнѣнія въ глазахъ монарха, стоящаго внѣ политическихъ теченій,—симмуляція, идущая отъ члена Думы, именующаго всѣхъ иначе, чѣмъ онъ, мыслящихъ избранниковъ народа преступниками и общественными отбросами, — это нѣчто такое, что̀ знаменуетъ полную утрату политическаго стыда...

Все перепуталось въ переживаемое время всеобщаго хаоса: допустимое съ недопустимымъ, преступное съ похвальнымъ, необходимое съ излишнимъ. И надъ всѣмъ царитъ какое-то озвѣрѣніе. Люди говорятъ на разныхъ языкахъ. Мстительность и злоба—основныя чувства, руководящія ими во всѣхъ случаяхъ столкновенія реальныхъ интересовъ и даже мнѣній. Становиться па чужую точку зрѣнія, а тѣмъ болѣе признавать право на существованіе чужого интереса, противоположнаго „моему", никто не соглашается. Каждый гнетъ одну свою линію. Всѣ ходятъ какъ въ шорахъ, съ умышленно надѣтыми наглазниками, препятствующими смотрѣть въ стороны и оглядываться назадъ.

Тѣ самые люди, которые чуть не съ благоговѣніемъ говорятъ о стачкахъ, съ величайшимъ презрѣніемъ произносятъ слова: „локаутъ". Государственное вмѣшательство въ экономическія стачки рабочихъ, направленныя противъ фабрикантовъ, они считаютъ возмутительно преступнымъ. А вмѣшательства въ стачки фабрикантовъ, направленныя на огражденіе ихъ интересовъ, они требуютъ. Нѣтъ спора, что въ экономической борьбѣ рабочіе слабѣе фабрикантовъ. Но развѣ изъ-за этого возможно забывать, что фабриканты тоже имѣютъ реальные интересы, разрушать которые было бы нелѣпо со стороны государства?

Но еще характернѣе факты, показывающіе путаницу понятій въ другой области отношеній. Въ Смоленскѣ, по окончаніи концерта, когда публика расходилась, гимназистъ Боровиковъ убилъ земскаго начальника Кроллау. Убійцу задержалъ полиціймейстеръ, г. Ломаковскій, которому, какъ описываетъ съ его словъ „Смоленскій Вѣстникъ", послѣ нѣкоторой борьбы удалось овладѣть обѣими руками гимназиста. „И въ этотъ уже моментъ онъ услышалъ сзади себя выстрѣлы, слѣдовавшіе безпрерывно, одинъ за другимъ. Пули летѣли надъ головой и мимо праваго уха полиціймейстера въ Боровикова и несомнѣнно достигали цѣли, ибо Н. Н. Ломаковскій, державшій гимназиста, почувствовалъ, что послѣдній опускается изъ его рукъ на землю и по его тѣлу пробѣгаютъ судороги. Съ усиліемъ полиціймейстеръ разжалъ свои руки, замершія на рукахъ Боровикова, и тутъ только увидѣлъ, что стрѣлялъ въ гимназиста артиллерійскій офицеръ, 3-й арт. бригады подпоручикъ Сорневъ". Какъ можно психологически объяснить посту-

покъ г. Сорнева? И теорія уголовнаго права, и дѣйствующій законъ признаютъ права обороны не только себя, но и третьихъ лицъ. Едва-ли, однако, г. Сорневъ не могъ не видѣть, что условій обороны, при данной обстановкѣ, не было. Нападеніе уже окончилось, преступникъ уже былъ задержанъ. Какая необходимость оправдывала его убійство? Очевидно—никакой. Г. Сорневъ дѣйствовалъ, очевидно, подъ давленіемъ импульса, подсказаннаго освободившимся отъ правовыхъ оковъ голымъ чувствомъ мести. При аналогической обстановкѣ былъ убитъ убійца генерала Лауница. Въ путаницѣ понятій общество зашло такъ далеко, что, приведя примѣръ убійства гимназиста Боровикова, мы невольно вспомнили о необходимости снять съ себя возможное подозрѣніе въ сочувствіи къ кровавой расправѣ революціонеровъ. Мы рѣшительно осуждаемъ всякое революціонное насиліе. Но, осуждая убійцъ, мы не можемъ не ужасаться при видѣ кроваваго самосуда, который свилъ себѣ гнѣздо въ нравахъ общества.

Другой примѣръ заимствуемъ изъ „Московскихъ Вѣдомостей" (цитируемъ по перепечаткѣ изъ № 66 „Руси"). Петербургскій корреспондентъ газеты исправляетъ „неточность" своего сообщенія „о происшествіи съ офицеромъ, *наказавшимъ* 20 февраля студента, подбивавшаго солдатъ къ неповиновенію и къ переходу на сторону „народа". Вчера мнѣ сообщали, что этотъ офицеръ билъ не нагайкой (какихъ, по роду оружія, къ которому этотъ офицеръ принадлежитъ, не полагается и не имѣется), а плашмя, *но побилъ основательно.* Полковой же командиръ, на запросъ своего министра и въ отвѣтъ на таковой со стороны министра юстиціи, будто бы отвѣтилъ, что раздѣляетъ взглядъ послѣдняго на неправильность поступка означеннаго офицера, ибо *обязанность послѣдняго была* бить не плашмя, а остріемъ, и — *либо зарубить бунтовщика, либо его пристрѣлить,* за неисполненіе чего офицеръ этотъ и будетъ подвергнутъ взысканію. По поводу такого отзыва *молодца-командира* мнѣ пришлось слышать пока только похвалы".

Вчитайтесь въ это исправленіе „неточности". Обратите вниманіе на подчеркнутыя слова. Съ готовностью допускаемъ, что корреспондентъ измыслилъ описываемое имъ преступное дѣяніе офицера, составляющее по терминологіи воинскаго устава о наказаніяхъ, кромѣ нанесенія побоевъ, буйство при увеличивающихъ вину обстоятельствахъ, а равно, что онъ также измыслилъ дикій отвѣтъ министрамъ „молодца-командира". Какъ показатель нравовъ, намъ вполнѣ достаточенъ захлебывающійся отъ восторга тонъ корреспондента, отлично, повидимому, знающаго, что власть не сдѣлаетъ его досягаемымъ для недавно изданнаго закона о восхваленіи преступныхъ дѣяній.

Всѣ факты и примѣры далеко, впрочемъ, оставляетъ за собой рас-

поряженіе генерала Думбадзе сжечь домъ, изъ котораго на него было произведено покушеніе. Домъ немедленно былъ сожженъ, а казнѣ, судя по газетамъ, предстоитъ возмѣщеніе убытковъ...

Передъ нами любопытные документы, касающіеся увольненія отъ службы бывшаго туркестанскаго генералъ-губернатора Д. И. Суботича. Они показываютъ, насколько во всѣ стороны—не только вглубь и вширь, но и вверхъ—разросся произволъ. Изъ нихъ ясно видно, что внѣ закона находятся и сами тѣ высшіе администраторы, которые въ ихъ собственной дѣятельности, въ силу закона, стоятъ надъ закономъ.

Д. И. Суботичъ, съ конца 1905 г. состоявшій въ должности туркестанскаго генералъ-губернатора, въ сентябрѣ 1906 г. былъ уволенъ отъ этой должности, съ назначеніемъ членомъ военнаго совѣта, а три мѣсяца спустя—былъ уволенъ вовсе отъ службы, въ отставку. Не находясь въ то время въ Петербургѣ, г. Суботичъ узналъ о своей отставкѣ изъ газетъ и обратился съ письмомъ къ военному министру, прося сообщить ему причины увольненія, безъ истребованія отъ него объясненій, а равно объ условіяхъ увольненія, т.-е. о пенсіи и о правѣ на мундиръ. Между прочимъ, онъ спрашивалъ: „дѣйствительно ли я лишенъ даже эмеритуры, на которую имѣю право за тридцатисемилѣтніе взносы въ кассу“? На это письмо военный министръ отвѣтилъ Д. И. Суботичу, что онъ уволенъ за то, что, будучи генералъ-губернаторомъ, не принималъ мѣръ къ „обузданію революціи“. Далѣе А. Ф. Редигеръ писалъ: „Вы уволены безъ мундира и пенсіи. Не сомнѣваюсь въ томъ, что на эмеритуру вы сохранили право, но утверждать это не рѣшаюсь. Если бы вамъ удалось опровергнуть обвиненіе, то можно было бы возбудить вопросъ о мундирѣ и пенсіи“. Въ виду послѣдней фразы, г. Суботичъ обратился къ военному министру съ новой просьбой: сдѣлать распоряженіе о предъявленіи ему пунктовъ обвиненія, „ибо—писалъ онъ,—не зная ихъ, я лишенъ возможности ихъ опровергать“. На это послѣдовалъ отказъ.

Итакъ, военный генералъ, прослужившій 37 лѣтъ, членъ военнаго совѣта, бывшій генералъ-губернаторъ, уволенъ отъ службы безъ предварительнаго истребованія объясненій, съ лишеніемъ права на выслуженную пенсію изъ государственнаго казначейства и съ уклончивымъ извѣщеніемъ о сохраненіи права на пенсію изъ эмеритальной кассы. Насъ въ данную минуту не столько интересуетъ вопросъ: „за что?“—сколько другой, чисто юридическій: „на какомъ основаніи?“

Всего поразительнѣе заявленіе военнаго министра, что онъ не сомнѣвается въ томъ, что г. Суботичъ сохранилъ право на эмеритуру,

но утверждать этого не рѣшается. Военный министръ не рѣшается утверждать то, въ чемъ онъ не сомнѣвается! Онъ не рѣшается утверждать, дѣйствуетъ ли въ Россійской имперіи и будетъ ли примѣненъ къ г. Суботичу законъ, смыслъ котораго не оставляетъ мѣста для сомнѣній. Согласно правиламъ свода военныхъ постановленій, военно-служащій, который установленнымъ срокомъ службы въ офицерскихъ чинахъ пріобрѣлъ право на полученіе эмеритальной пенсіи, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть лишенъ этого права. Оно сохраняется даже за присужденнымъ къ ссылкѣ въ каторжныя работы съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія, причемъ только осуществленіе его переходитъ на семейство присужденнаго, такъ какъ лишеніе всѣхъ правъ состоянія влечетъ лишеніе правъ имущественныхъ. Иначе, конечно, и быть не можетъ, ибо эмеритура есть видъ страхованія, и право на эмеритальную пенсію создаетъ самъ служащій уплатой части своего содержанія. А военный министръ утверждать этого не рѣшается! Похвальное дѣло—осторожность, но думаемъ, что и для нея есть обязательныя границы...

Немногимъ менѣе поражаетъ въ дальнѣйшемъ отвѣтъ А. Ф. Редигера. Люди вообще привыкли считать, что за опроверженіемъ обвиненія должно слѣдовать оправданіе, а если почему-либо была ранѣе опроверженія обвиненія принята та или другая карательная мѣра, то—признаніе ошибочности ея принятія и возстановленіе неправильно понесшаго кару въ правахъ. Военный же министръ смотритъ иначе. Въ случаѣ, еслибы Д. И. Суботичу удалось опровергнуть обвиненіе, по его мнѣнію, все-таки вопросъ о полномъ возстановленіи въ правахъ не могъ бы быть возбужденъ, а возможно было бы возбудить только вопросъ о пенсіи и о мундирѣ. Но г. Суботичъ пошелъ и на это. Въ результатѣ — отказъ сообщить предметы вызвавшаго кару обвиненія.

Военный дисциплинарный уставъ обходитъ молчаніемъ вопросъ о порядкѣ увольненія отъ службы не по суду генераловъ. Едва-ли, однако, отсюда можно сдѣлать выводъ, что къ генераламъ непримѣнимы постановленія, гарантирующія правильность увольненія штабъ- и оберъ-офицеровъ и гражданскихъ чиновниковъ военнаго вѣдомства. Если законъ ограждаетъ служебные интересы младшихъ служащихъ, то было бы странно отказывать въ огражденіи интересовъ старшихъ. При такомъ толкованіи оказалось бы, что производство въ генералы является, въ данномъ отношеніи, правоограниченіемъ, въ смыслѣ лишенія гарантій, которыя неотъемлемо принадлежали лицу съ момента производства въ первый офицерскій чинъ. Эти гарантіи (ст. 66 дисц. уст.) заключаются въ томъ, что „увольненію отъ службы должно предшествовать: 1) изслѣдованіе, по непосредственному распоряженію

ближайшаго начальника, о проступкѣ и поведенiи виновнаго и 2) предложенiе виновному, съ разрѣшенiя того начальника, отъ котораго зависитъ окончательное рѣшенiе объ увольненiи отъ службы, подать просьбу объ отставкѣ, и, только въ случаѣ непредставленiя имъ въ назначенный начальствомъ срокъ просьбы объ увольненiи, можетъ быть представляемо, по порядку подчиненности, объ увольненiи его отъ службы". Далѣе, тотъ же уставъ (ст. 69) гласитъ: „Офицеры и гражданскiе чины, увольняемые отъ службы по распоряженiю начальства, сохраняютъ право на полученiе выслуженной ими пенсiи, но удостоиваются награжденiя чиномъ и права ношенiя въ отставкѣ мундира не иначе, какъ по ходатайству о томъ начальства".

Мы говорили выше, что не затрагиваемъ вопроса о причинахъ увольненiя г. Суботича. Какiе бы для того ни были причины, возглашенное торжество законности требовало или суда надъ нимъ, или увольненiя его въ административномъ порядкѣ, но со строгимъ соблюденiемъ правилъ, относящихся къ порядку увольненiя и къ юридическимъ послѣдствiямъ. Въ заключенiе не можемъ не отмѣтить одного небольшого эпизода. 27-го октября 1906 г., въ № 11000 „Новаго Времени" была напечатана—подъ заглавiемъ: „Бѣгство старшаго товарища"—корреспонденцiя изъ Ташкента, въ которой авторъ глумился надъ тогда еще генераломъ Суботичемъ по поводу его отъѣзда и затѣмъ въ крайне тенденцiозномъ освѣщенiи описывалъ послѣднiя событiя въ Туркестанѣ, ставя ихъ въ связь съ дѣятельностью уволеннаго генералъ-губернатора. Преемникъ Д. И. Суботича, генералъ Мацiевскiй, немедленно написалъ опроверженiе и послалъ его при письмѣ военному министру. Въ этомъ письмѣ генералъ Мацiевскiй представлялъ на благоусмотрѣнiе военнаго министра рѣшенiе вопроса объ умѣстности напечатанiя опроверженiя и, въ случаѣ согласiя А. Ф. Редигера, просилъ сдѣлать соотвѣтствующее распоряженiе. Такого распоряженiя не послѣдовало.

Въ истекшемъ мѣсяцѣ скончались одинъ за другимъ два нашихъ сотрудника, принимавшихъ въ журналѣ дѣятельное участiе въ семидесятыхъ годахъ: профессоръ, въ здѣшнемъ университетѣ, естественнаго факультета, Николай Петровичъ Вагнеръ и Павелъ Михайловичъ Ковалевскiй, извѣстный въ свое время путешественникъ, художественный критикъ и поэтъ.

Н. П. Вагнеръ скончался 78 лѣтъ отъ роду (р. 1829 г.); Казань была его родиной и мѣстомъ научнаго образованiя: тамъ онъ обучался въ гимназiи и кончилъ курсъ въ тамошнемъ же университетѣ; затѣмъ, прiобрѣтя тѣ ученыя степени, какiя необходимы для полученiя уни-

верситетской каѳедры, онъ читалъ лекціи въ своемъ, казанскомъ университетѣ и въ московскомъ, а кончилъ ординарнымъ профессоромъ петербургскаго университета. Въ области спеціальной науки, зоологіи и сравнительной анатоміи, покойный оставилъ весьма замѣтные слѣды своими изслѣдованіями, открытіями и научными трудами. Все это не мѣшало, однако, обнаружиться и другимъ сторонамъ таланта Н. П—ча: такъ, онъ предпринималъ изданіе научно-художественнаго журнала „Свѣтъ"; оставилъ послѣ себя нѣсколько литературныхъ произведеній, и между такими произведеніями классическія „Сказки Кота-Мурлыки" были бы однѣ достаточны, чтобы на долгое время сохранилась память о немъ въ цѣломъ рядѣ поколѣній дѣтскаго міра. Нашъ журналъ также обязанъ ему сотрудничествомъ въ 70-хъ годахъ; у насъ былъ напечатанъ цѣлый рядъ его статей самаго разнообразнаго содержанія [1]).

П. М. Ковалевскій скончался 83 лѣтъ отъ роду (р. 1823 г.); харьковская губернія была его родиной, а образованіе онъ получилъ въ горномъ корпусѣ, гдѣ и кончилъ курсъ въ 1845-мъ году, но самая служба его по горному вѣдомству была весьма непродолжительна, такъ какъ онъ вышелъ въ отставку въ 1850-мъ году. Цѣлыхъ десять лѣтъ (1850—1859 г.) П. М. странствовалъ по Швейцаріи и Италіи, и возвратившись затѣмъ въ Петербургъ, весь отдался литературному труду: поэзія и художественная критика были его любимыми областями, и очень скоро его произведенія обратили на него всеобщее вниманіе и доставили ему имя. Какъ поэтъ, онъ немало сотрудничалъ въ нашемъ журналѣ въ 70-хъ годахъ, а затѣмъ, послѣ нѣкотораго перерыва, уже въ концѣ 80-хъ годовъ, помѣстилъ у насъ большую повѣсть въ двухъ частяхъ („Опасные люди" и „Передовые люди"), подъ заглавіемъ: „Итоги жизни". Эта повѣсть и въ настоящее время не утратила интереса своею бытовой стороною, и, какъ можно думать, въ ней были заключены и черты изъ собственной жизни самого автора [2]).

---

[1]) Въ 1871 г.: „Куда идетъ зоологія" (дек.). — 1873 г.: „Чувства и ихъ выраженія" (мартъ).—„Пейзажъ и его значеніе въ живописи" (апр.).—1875 г.: „По поводу спиритизма" (апр.). — 1877 г.: „Индивидуальныя измѣненія и ихъ причины и результаты (мартъ).—1888 г.: „Дубовая кора. Изъ записной книги стараго туриста" (дек.).—Эта послѣдняя статья была подписана извѣстнымъ его псевдонимомъ: „Котъ-Мурлыка".

[2]) Въ 1870 г.: Стихотворенія и статьи: 1) Годичная выставка въ Академіи художествъ; 2) Картина Якоби: „Арестъ Бирона".—1871 г.: Стихотворенія.—1872 г.: Стихотворенія.—1873.: Стихотвореніе. — 1876 г.: Стихотворенія. — 1883 г.: „Итоги жизни" (янв., февр., мартъ).

ИЗВѢЩЕНІЯ

I.—Положеніе о премiи имени почетнаго академика Императорской Академіи Наукъ Анатолія Ѳеодоровича Кони.

§ 1. Въ память исполнившагося 40-лѣтія государственной и общественной дѣятельности почетнаго члена и почетнаго академика Императорской Академіи Наукъ, сенатора, тайнаго совѣтника Анатолія Ѳеодоровича Кони однимъ изъ почитателей и бывшихъ сослуживцевъ его по министерству юстиціи внесенъ въ мартѣ мѣсяцѣ 1906 года въ Академію Наукъ капиталъ, для выдачи премій за сочиненія о жизни и дѣятельности лицъ, бывшихъ сотрудниками Императора Александра II въ его великихъ реформахъ или способствовавшихъ ихъ охраненію, правильному осуществленію и практическому развитію.

§ 2. Капиталъ этотъ заключается въ свидѣтельствахъ 4%-ной государственной ренты, на номинальную сумму три тысячи (3000) рублей, съ купонами съ іюня 1906 года. Капиталъ этотъ остается навсегда неприкосновеннымъ и возрастаетъ вслѣдствіе могущихъ быть причисленными къ нему части процентовъ, а также невыданныхъ премій.

§ 3. Премія имени Анатолія Ѳеодоровича Кони состоитъ на первое время изъ пятисотъ (500) рублей и присуждается Академіею Наукъ чрезъ каждое пятилѣтіе изъ суммы процентовъ послѣднихъ пяти лѣтъ.

§ 4. Академія Наукъ присуждаетъ премiи за сочиненія, представленныя самими авторами ихъ; независимо отъ сего, она имѣетъ право присуждать премiи и за такія сочиненія, которыя не были представлены самими авторами къ соисканію. За сочиненіе, признанное вполнѣ удовлетворительнымъ, Академія Наукъ присуждаетъ полную премію въ помянутомъ размѣрѣ; если же такого сочиненія не окажется, то за сочиненія, въ значительной степени отличающіяся учеными достоинствами, могутъ быть присуждаемы половинныя премiи, въ двѣсти-пятьдесятъ (250) рублей каждая.

§ 5. Не присужденныя или почему-либо не выданныя премiи распредѣляются слѣдующимъ образомъ: а) половина ихъ причисляется къ основному капиталу, по мѣрѣ увеличенія котораго отъ причисленія къ нему части процентовъ и половины не присужденныхъ или не выданныхъ премій Академія Наукъ можетъ увеличить размѣръ и число премій, при чемъ въ послѣднемъ случаѣ она имѣетъ право для соисканія такихъ дополнительныхъ премій объявлять особыя задачи по исторіи реформъ царствованія императора Александра II, и б) вторая половина не присужденныхъ или не выданныхъ премій обращается въ особый, имени А. Ѳ. Кони, неприкосновенный капиталъ, и проценты съ этого капитала, по мѣрѣ увеличенія его, предоставляется расходовать, по постановленію Историко-Филологическаго Отдѣленія, на ученыя предпріятія по изученію эпохи реформъ императора Александра II.

§ 6. Къ соисканію премій допускаются только сочиненія на русскомъ языкѣ, появившіяся въ печатномъ видѣ въ предшествовавшее конкурсу пятилѣтіе; сочиненія, уже премированныя Академіею Наукъ или иными учеными учрежденіями, на конкурсъ не принимаются.

§ 7. Дѣйствительные члены и почетные академики Академіи Наукъ не имѣютъ права участвовать въ соисканіи премій.

§ 8. Право на полученіе премій принадлежитъ только авторамъ или ихъ наслѣдникамъ, но отнюдь не издателямъ премированныхъ сочиненій.

§ 9. Преміи присуждаетъ Историко-Филологическое Отдѣленіе Академіи Наукъ, которому предоставляется право приглашать къ разсмотрѣнію представленныхъ на конкурсъ сочиненій постороннихъ лицъ.

§ 10. Назначенныя на конкурсъ сочиненія доставляются въ указанное въ § 9 Отдѣленіе не позже, какъ въ теченіе марта мѣсяца конкурснаго года.

§ 11. Конкурсъ на преміи Анатолія Ѳеодоровича Кони будетъ происходить въ 1911, 1916, 1921, 1926 гг. и т. д. За три мѣсяца до наступленія конкурснаго пятилѣтія Историко-Филологическое Отдѣленіе объявляетъ въ газетахъ о предстоящемъ соисканіи премій.

§ 12. Отчетъ о присужденіи премій и объ ученыхъ предпріятіяхъ Академіи Наукъ на проценты съ неприкосновеннаго капитала имени А. Ѳ. Кони (см. § 5) читается въ торжественномъ засѣданіи Академіи Наукъ 29 декабря конкурснаго года.

§ 13. Постороннимъ рецензентамъ, въ знакъ признательности Академіи, могутъ быть выдаваемы медали, на изготовленіе которыхъ употребляются проценты, оставшіеся отъ суммы, назначенной въ преміи.

§ 14. Право дѣлать измѣненія въ настоящихъ правилахъ предоставляется одной лишь Императорской Академіи Наукъ. Объ измѣненіяхъ въ настоящихъ правилахъ сообщается, лишь для свѣдѣнія, учредителю преміи.

II.—Отъ „Попечительства Трудовой Помощи".

Попечительство о трудовой помощи, состоящее подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны, не успѣло еще закончить всѣхъ предпринятыхъ имъ общественныхъ работъ въ мѣстностяхъ, пострадавшихъ отъ неурожая 1905 г., какъ новое бѣдствіе потребовало вновь самой напряженной дѣятельности всѣхъ учрежденій и благотворительныхъ обществъ, призванныхъ къ оказанію помощи при неурожаяхъ.

Нѣкоторые наши сотрудники по оказанію трудовой помощи (въ бузулукскомъ, вольскомъ, хвалынскомъ и камышинскомъ уѣздахъ), оставшись на мѣстахъ, немедленно же съ половины сентября, насколько позволяли средства, имѣвшіяся въ нашемъ распоряженіи, приступили къ организаціи работъ въ наиболѣе пострадавшихъ селеніяхъ. При этомъ, совершенно исключая даровую помощь, имѣется въ виду доставленіе населенію заработка производствомъ разнообразныхъ работъ

по водоснабженію, улучшенію сельскихъ дорогъ, укрѣпленію овраговъ, облѣсенію песковъ и т. п.; такимъ образомъ оказывается помощь вдвойнѣ, такъ какъ независимо заработка весь трудъ крестьянъ обращается на благоустройство ихъ же родного селенія или на улучшеніе ихъ же угодій.

Широко организованныя послѣ неурожая 1905 г. подобныя работы, а также оказанная помощь различнымъ кустарнымъ производствамъ въ губерніяхъ орловской, рязанской, самарской, саратовской, тамбовской и тульской—встрѣтили повсемѣстно большое сочувствіе со стороны крестьянъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ также постановленія и горячія ходатайства мѣстныхъ уѣздныхъ земскихъ собраній о продолженіи работъ. Къ сожалѣнію средства, которыми располагаетъ нынѣ Попечительство, чрезвычайно ограничены. Запасный капиталъ, образованный для организаціи помощи при народныхъ бѣдствіяхъ, исчерпанъ и въ распоряженіи моемъ имѣется всего 700.000 р., предоставленныхъ Попечительству изъ суммъ, ассигнуемыхъ правительствомъ для борьбы съ послѣдствіями неурожая. Поступившія же непосредственно въ Попечительство ходатайства во много разъ превышаютъ эту сумму. Предстоитъ такимъ образомъ ограничить дѣятельность немногими лишь уѣздами, постоянно въ то же время отказывая нуждающимся въ просьбахъ дать заработокъ и возможность поддержать упадающее хозяйство. Понятно, до чего невыразимо трудно отказывать въ подобныхъ случаяхъ при видѣ дѣйствительной нужды...

Отправляясь въ объѣздъ наиболѣе пострадавшихъ отъ неурожая губерній, чтобы на мѣстахъ обсудить и выяснить возможность наиболѣе цѣлесообразно использовать тѣ небольшія средства, которыми мы располагаемъ и изъ которыхъ уже часть израсходована на производство осеннихъ работъ, обращаемся ко всѣмъ, кто пожелаетъ внести свою лепту для облегченія крестьянской нужды и кому по сердцу *трудовая помощь*, съ просьбою теперь же поспѣшить съ посильными пожертвованіями, не стѣсняясь ихъ размѣрами, какъ бы скромны они ни были. Всѣ указанія относительно направленія пожертвованій въ тѣ или иныя мѣстности, или на тѣ или иныя работы, будутъ въ точности исполнены.

Пожертвованія можно направлять непосредственно къ Главноуполномоченному Общества (С.-Петербургъ, улица Жуковскаго, 27) и въ Канцелярію Комитета Попечительства о трудовой помощи (Надеждинская, 41).

О пожертвованіяхъ печатается въ „Правительственномъ Вѣстникѣ" и въ журналѣ „Трудовая Помощь", а также въ тѣхъ изданіяхъ, въ коихъ будетъ открытъ пріемъ пожертвованій.

Главноуполномоченный Попечительства, статсъ-секретарь *Гагкинъ-Враской.*

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ
ВТОРОГО ТОМА

Мартъ — Апрѣль, 1907.

Книга третья.—Мартъ. стр.

Книга четвертая.—Апрѣль.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

— **Собраніе сочиненій А. Д. Градовскаго.** Томъ седьмой, часть первая. 2-ое изданіе. Спб. 907. Ц. 2 р.

Новое изданіе седьмого тома собранія сочиненій покойнаго профессора петербургскаго университета заключаетъ въ себѣ одну первую часть русскаго государственнаго права—предметъ его университетскаго курса, впервые изданнаго еще въ 1875 году, но и въ настоящее время не утратившаго свое научное значеніе. Въ приложеніяхъ къ этому выпуску помѣщены три его же спеціальныя статьи: „Законъ и административное распоряженіе по русскому праву“, „О судебномъ толкованіи законовъ по русскому праву“, и „О дѣйствіи законовъ во времени“. Въ разработкѣ предмета своего изложенія авторъ держится, какъ извѣстно, господствующаго въ нѣмецкой юридической литературѣ дѣленія на ученіе о государственномъ устройствѣ и объ органахъ управленія. Первая часть третьяго тома трактуетъ исключительно о государственномъ устройствѣ; главнѣйшая его особенность состоитъ въ самомъ широкомъ развитіи, какое дано авторомъ ученію о законѣ.

— **Судьба капиталистической Россіи.** Экономическіе очерки Россіи. В. В. Спб. 907. Ц. 1 р.

Авторъ въ своемъ предисловіи къ настоящей книжкѣ напоминаетъ о ея предшественникѣ,—сборникѣ журнальныхъ статей, изданномъ лѣтъ 25 тому назадъ подъ заглавіемъ „Судьбы капитализма въ Россіи“, гдѣ были впервые высказаны мысли о томъ, что въ условіяхъ нашей дѣйствительности, слагающихся подъ вліяніемъ внутреннихъ и внѣшнихъ факторовъ экономическаго развитія страны, успѣхи капитализма обнаруживаютъ у насъ однѣ разрушительныя тенденціи и въ очень слабой степени проявляютъ тѣ творческія начала, которыми онъ могъ бы загладить вредъ, наносимый имъ народной производительности и народному благосостоянію. Но всѣ эти мысли были тогда высказаны пока теоретически и самый сборникъ посвящался не самому капитализму, въ то время едва начинавшему свое развитіе, а его послѣдствіямъ. Въ настоящее же время накопился богатый фактическій матеріалъ для того, чтобы можно было судить не только о самомъ капитализмѣ у насъ, но и о судьбѣ самой капиталистической Россіи, и потому авторъ настоящихъ экономическихъ очерковъ нашего отечества посвятилъ этому послѣднему предмету свой настоящій трудъ и пришелъ къ заключенію, что одними успѣхами земледѣлія „мы не можемъ обезпечить себѣ достойное положеніе въ ряду цивилизованныхъ странъ“; что намъ необходимо „привлечь къ работѣ всю живую силу народа, вооружить ее механическими силами природы и направить этотъ могущественный аппаратъ на разработку естественныхъ богатствъ, въ цѣляхъ удовлетворенія уже опредѣлившихся и имѣющихъ еще возникнуть потребностей страны“.

— **Босфоръ и Дарданеллы.** С. Горяинова. Спб. 907. Стр. 366. Ц. 2 р.

И до сихъ поръ вопросъ о международномъ значеніи Босфора и Дарданеллъ считается спорнымъ: въ то время, какъ одни истолковываютъ обязательную силу для Россіи международныхъ постановленій, признающихъ упомянутые проливы закрытыми для военныхъ судовъ всѣхъ державъ, другіе оспариваютъ это. Въ силу того, авторъ настоящаго изслѣдованія обратился къ первоисточникамъ и обширной дипломатической перепискѣ прошедшаго столѣтія, и на основаніи того пришелъ къ заключенію, что эти постановленія безусловно обязательны для всѣхъ державъ, подписавшихъ эти постановленія,—что и справедливо: если они стѣсняютъ Россію, то еще болѣе они ограждаютъ ее отъ вторженія иностранныхъ судовъ въ Черное море и обезпечиваютъ безопасность нашихъ береговъ и черноморскаго флота. Къ книгѣ приложены 10 портретовъ лицъ, имѣвшихъ отношеніе къ переговорамъ о проливахъ.

— **Политическая Энциклопедія,** п. р. Л. З. Слонимскаго. Т. I, вып. 4-ый (Аборигены—Драги). Спб. 907. Ц. 12-ти выпусковъ въ трехъ томахъ 9 руб.

Настоящимъ выпускомъ заключается первый томъ этого изданія, поставившаго себѣ цѣлью, въ соотвѣтствіи съ пробужденіемъ въ нашемъ обществѣ сильнаго интереса къ вопросамъ какъ государственной и общественной жизни, такъ и внутренней и внѣшней политики—способствовать усвоенію основныхъ политическихъ понятій, правильное развитіе которыхъ, до самаго послѣдняго времени, не находило благопріятной для себя почвы—напротивъ, встрѣчало препятствія со всѣхъ сторонъ. Вотъ почему это изданіе не ограничивается сообщеніемъ фактическихъ свѣдѣній справочнаго характера, а имѣетъ въ виду объясненіе принципіальнаго значенія трактуемыхъ въ немъ предметовъ и вопросовъ. Въ послѣднемъ выпускѣ читатель встрѣтитъ обширныя руководящія статьи по такимъ предметамъ, какъ напримѣръ: Высочайшія повелѣнія; Вѣротерпимость; Гаагская конференція; Генералъ-губернаторы; Германія, съ многими картами; Гомруль; Городское самоуправленіе; Государственная Дума; Государственный банкъ; Демократія и мн. др.

— **Письма къ учащейся молодежи о самообразованіи.** Н. Карѣева. Изданіе девятое. Спб. 907. Ц. 50 к.

Девятое изданіе этихъ „Писемъ“, впервые появившихся въ печати лѣтъ десять съ небольшимъ тому назадъ, само по себѣ говоритъ о томъ, что оно отвѣчаетъ иногда существующей въ молодыхъ поколѣніяхъ потребности въ самообразованіи; эта потребность у насъ должна увеличиваться отчасти и тѣмъ, что нормальные пути въ образованіи, благодаря печальному положенію нашихъ университетовъ и многихъ высшихъ школъ просвѣщенія, оказываются непроходимыми путями, и потому самообразованіе остается для многихъ единственнымъ средствомъ восполнить отсутствіе высшей школы. Въ своемъ заключеніи авторъ выражаетъ желаніе, чтобы его „Письма“ возбудили въ молодежи вообще интересъ къ вопросамъ высшаго порядка, „пробудили спящую еще мысль и дремлющую совѣсть и поставили передъ ней во всемъ ихъ величіи значенія вѣчные вопросы міросозерцанія, какъ они понимаются послѣ стольких вѣковъ мучительной человѣческой исторіи“.